This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A 1,014,203

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES · 1817

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
1817

БИБЛІОТЕКА

ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ И КЛАССИЧЕСКИХЪ

ИНОСТРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Kondratowicz, [illegible].

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТЪ НАЧАЛА ЕЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ЮЗЕФА КОНДРАТОВИЧА

(ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ).

ТОМЪ I.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Ф. КУЗЬМИНСКАГО.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 15 дня, 1860 года.

Цензоръ *И. Росковшенко.*

891.559
K522.15
v.1-2

ПРОГРАММА.

Что̀ за цѣль и необходимость появленія новаго сочиненія по части исторіи польской литературы, послѣ трудовъ Бентковскаго, Іохера, Вишневскаго, Войцицкаго, Л. Лукашевича и др.? По какому плану будетъ исполненъ этотъ новый трудъ? — Вотъ тѣ естественные со стороны читателей вопросы, на которые долгомъ своимъ считаемъ отвѣтить.

Исторія литературы у насъ только еще въ недавнее время подверглась разработкѣ ученой. Лучшіе дѣятели на этой нивѣ вступили на поле, оставленное безъ всякаго употребленія, — поле, на которомъ даже перо простаго лѣтописца не собрало фактовъ, не тронуло ни одной борозды пара. Въ то время, когда польская исторія уже гордилась Нарушевичемъ, исторія литературы едва могла еще указать у себя на простыхъ библіографовъ. Отсюда понятно, что труды по части исторіи литературы не имѣли еще времени значительно подвинуться впередъ. Изъ сочиненій, написанныхъ по этому предмету, одни исключительно посвящены описанію книгъ и составленію каталоговъ, какъ необходимаго матеріала для исторіи;

другія единственно занимаются произведеніями, писанными на языкѣ польскомъ, и эрою нашей литературы считаютъ дѣятельность Рея и Кохановскаго; наконецъ третьи, обнимая взоромъ всѣ періоды народной жизни, не могутъ обойтись безъ эрудиціи древнепольской и латинской и этими изслѣдованіями на столько же придаютъ полноты и всесторонности своему содержанію, на сколько удаляются отъ главной своей цѣли—познакомить публику вообще съ ходомъ и успѣхами литературы. При этомъ мнѣ невольно приходитъ на мысль умный и трудолюбивый Вишневскій, который, обнимая однимъ взглядомъ всѣ десять вѣковъ нашей письменности, началъ намъ разсказывать объ ея произведеніяхъ живымъ и одушевленнымъ словомъ. Но недостатокъ матеріаловъ часто заставлялъ его покидать исторію и обращаться къ ихъ разработкѣ и обнародованію, идти путемъ дотолѣ неизвѣстнымъ, искать причинъ и слѣдствій слишкомъ далеко, — все это вмѣстѣ разрушало ту легкость, ту красоту стиля, которыя такъ восхищаютъ насъ на первыхъ страницахъ перваго тома его исторіи литературы. Впрочемъ и самыя силы человѣческія слишкомъ слабы для того, чтобы говорить съ одинаковымъ жаромъ и о темныхъ временахъ Пястовъ, и о скучномъ пятнадцатомъ вѣкѣ, и о полныхъ жизни и движенія временахъ Сигизмундовъ, словомъ — всегда и вездѣ владѣть собою. И Вишневскій, подобно Гомеру, по временамъ какъ будто дремалъ надъ грудою хламу XV столѣтія и, внося матеріалы сырьемъ въ свое сочиненіе, лишилъ его популярности. А жаль!—жаль какъ по причинѣ достоинствъ его труда, такъ еще болѣе по отношенію къ публикѣ, которая могла бы найти у него много прекраснаго и по-

лезнаго. Вишневскій, единственный, быть можетъ, у насъ холодный и безпристрастный историкъ литературы, одинъ съумѣлъ бы объяснить ее съ истинной точки зрѣнія; а потому съ благодарностію мы принимаемъ каждый новый томъ его сочиненія и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ прочихъ. Съ другой стороны, горячее пристрастіе къ временамъ новѣйшимъ и къ извѣстнымъ мнѣніямъ, сужденіе о глубокой древности по понятіямъ современнымъ, а слѣдовательно пренебреженіе и презрѣніе ко всему тому, что̀ не подходитъ подъ эту мѣрку,—вотъ главные недостатки прочихъ писателей. Но за то труды ихъ привлекательнѣе и, не смотря на свою односторонность, имѣютъ гораздо болѣе читателей.

Но не критиковать историковъ нашей литературы, напротивъ я намѣренъ пользоваться ихъ трудами, чтобы легко и общедоступно передать моимъ соотечественникамъ исторію нашей письменности, соединяя въ сочиненіи многосторонній взглядъ Вишневскаго съ тою легкостію, которою дышитъ Войцицкій. Подобно Леславу Лукашевичу, я хочу дать публикѣ сочиненіе небольшое, но полезное и умѣренной цѣны. Пусть достопочтенные мужи, имена которыхъ я здѣсь упоминаю, не считаютъ меня равнымъ себѣ писателемъ — да и невозможно сравниваться солнцу съ зажигательнымъ стекломъ, которое соединяетъ въ своемъ фокусѣ его благотворные лучи. Преимущественно имѣя въ виду большинство читателей, я, ни мало не колеблясь, буду излагать исторію нашей литературы языкомъ современнымъ, для всякаго понятнымъ всегда и вездѣ: придется ли мнѣ говорить о первыхъ латинскихъ вѣкахъ нашей письменности, или представлять самородную, старо-польскую рѣчь шестнадца-

таго вѣка, или въ семнадцатомъ вѣкѣ коснуться макароническаго іезуитскаго стиля, — все равно; только въ заглавіяхъ пѣсней и въ мѣстахъ характеристическихъ я сохраню черты ихъ оригинальности. Словомъ: я буду писать языкомъ польскимъ. Не стану испещрять своего сочиненія ссылками на источники, не потому, конечно, чтобъ я не пользовался ими, но потому, что доказанное трудами моихъ предшественниковъ принимаю за вѣрное. Не стану писать примѣчаній и объясненій, потому что маловажныя подробности пройду молчаніемъ, а все необходимое надѣюсь помѣстить и въ текстѣ. Поддержать интересъ въ изложеніи и соблюсти простоту разсказа— вотъ цѣль, къ которой я буду стремиться.

Изъ этой цѣли прямо вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ о томъ планѣ, которому предполагается слѣдовать при изложеніи нашего предмета. Итакъ остается только указать на его раздѣленіе. Мнѣнія объ этомъ историковъ нашей литературы разногласятъ между собою. Одни, разсматривая всѣ отрасли наукъ, поочередно останавливаются на каждой ихъ вѣтви и пишутъ исторію каждой въ особенности. Другіе дѣлятъ свой разсказъ на эпохи или извѣстные періоды времени; этого послѣдняго плана и мы намѣрены держаться. Но насчетъ эпохъ мы опять встрѣчаемъ разногласіе въ мнѣніяхъ нашихъ писателей: такъ Бентковскій принимаетъ 5 отдѣльныхъ періодовъ въ исторіи нашей письменности, Вишневскій насчитываетъ ихъ до 9, Леславъ Лукашевичъ довольствуется 8, Маіоркевичъ 3 и т. д. Очевидно, что событія, принимаемыя ими за норму подобнаго дѣленія, произвольны; что эпохи сливаются между собою въ своихъ предѣлахъ, хотя предѣлы эти дѣйствительно существуютъ; что какъ

успѣхи, такъ и упадокъ литературы, зависѣли отъ извѣстныхъ причинъ, но послѣдствія и ихъ вліяніе обнаруживались не вдругъ, а исподволь, мало-по-малу. Всѣ эти выводы даютъ смѣлость раздѣлить исторію нашей литературы на тѣ 5 эпохъ, которыя принимаются большинствомъ въ исторіи отечественной; или, что̀ одно и тоже, *не назначая особыхъ эпохъ для литературы, слѣдовать за ея ходомъ въ различныя эпохи развитія народной жизни.* Пять перемѣнъ династій, господствовавшихъ въ Польшѣ, означая собою пять главнѣйшихъ моментовъ въ политической жизни народа, должны были имѣть и дѣйствительно имѣли сильное вліяніе и на его литературу. Реформы въ правительствѣ и его духѣ, времена мира и войны, дни народнаго благоденствія и злополучія должны были отразиться и въ умственныхъ произведеніяхъ современныхъ имъ писателей. И дѣйствительно, у однихъ, которые были органами своего вѣка, это отраженіе очень ясно, у другихъ — болѣе относительное, смѣшанное; но почти всегда эпоха историческая довольно вѣрно соотвѣтствуетъ литературной. Итакъ вотъ наше дѣленіе:

1. *Эпоха дома Пястовъ.* Отъ Мечислава I до вступленія на польскій престолъ Владислава Ягелло, или отъ 969 по 1386, эпоха, обнимающая собою 424 года.

2. *Эпоха дома Ягеллоновъ.* Отъ Владислава Ягелло до смерти Стефана Баторія, или отъ 1386 до 1586—200 лѣтъ.

3. *Эпоха дома Вазы.* Отъ Стефана Баторія до отреченія Яна Казимира, отъ 1586 до 1669 — 83 года.

4. *Эпоха избирательнаго правленія.* Отъ отреченія Яна Казимира до отреченія Станислава Августа и третьяго раздѣла Польши, отъ 1669 до 1795 — 124 года.

5. *Эпоха новѣйшаго состоянія Польши.* Отъ послѣдняго раздѣла Польши до нашихъ временъ.

Конечно, дѣленіе это не есть строго-систематическое, и рѣшительныя перемѣны часто приходятся въ срединѣ эпохъ. Но, съ другой стороны, намъ кажется, что помѣстить ихъ въ срединѣ картины, а не по бокамъ — значитъ придать имъ болѣе полноты, изобразительности и обстановки, такъ что онѣ будутъ дѣйствовать сильнѣе, легче могутъ быть удержаны въ памяти, а что всего важнѣе — упростятъ наше изложеніе и откроютъ взаимную внутреннюю связь между данными моментами литературы и политики. Итакъ:

Въ эпоху Пястовъ, бросивъ бѣглый взглядъ на темные до-христіанскіе вѣка нашего народа, сквозь историческій мракъ, ихъ облегающій, видимъ вдали Римъ во всей силѣ его вліянія на Польшу; видимъ въ ней двѣ власти — духовную и свѣтскую, обѣ самостоятельныя, чаще всего во взаимномъ общеніи подающія другъ другу руку помощи, но часто и противодѣйствующія одна другой, какъ это было при Болеславѣ Храбромъ и Казимирѣ Великомъ; видимъ въ нѣдрахъ зараждающейся общественности еще патріархальный образъ правленія и развитіе началъ феодальныхъ на ряду съ сѣменами республиканскими; видимъ достопамятныя битвы рядомъ съ побѣдами и пораженіями. Религія и образованіе римское, только-что перенесенныя на нашу почву, безъ сомнѣнія, благотворно дѣйствуютъ на нашихъ предковъ; но самовластіе правительства, напоръ Литвы, нападенія Татаръ, домашнія междоусобія,—все это замедляетъ первоначальный ходъ просвѣщенія. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что эти времена такъ скудны литературными

памятниками. Пѣснь Богородицы (Bogarodzica) служитъ памятникомъ принятія новой вѣры; законодательство доказываетъ самоуправство и недостаточность существовавшихъ уставовъ; лѣтописи для общества еще младенчествующаго стараются быть и хартіями законодательными, и памятниками достопамятныхъ дѣяній народа; соборныя постановленія епископовъ, привилегіи, отдѣльныя постановленія князей, кое-гдѣ уцѣлѣвшая пѣсня или преданіе, — вотъ и всѣ памятники тогдашняго времени. Духовенство и князья стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, а о народѣ еще нѣтъ и помину, хотя уже можно подозрѣвать развитіе его силъ. Прекращеніе династіи Пястовъ, слѣдовательно — необходимость избрать короля; призваніе на тронъ Ягелло; неизбѣжное вліяніе вельможъ на власть королевскую; избраніе въ лицѣ Ягелло Литовца, чуждаго образованія и не знающаго своего новаго отечества; необходимость совѣщаній о соединеніи обоихъ государствъ и объ отпорѣ врагамъ; основаніе Академіи въ Краковѣ и, быть можетъ, хотя не совсѣмъ примѣтное вліяніе софизмовъ казуистической философіи — вотъ причины, породившія въ эпоху Ягеллоновъ большую свободу въ народѣ и его литературѣ. Просвѣщеніе разливается повсюду; пытливая мысль, окрыленная свободою, осмѣливается уже подвергать своимъ изслѣдованіямъ даже самую власть. Збигневъ Олесницкій и множество другихъ не разъ уже спорятъ съ Ягелло; уже Краковская Академія разсуждаетъ о важности одного изъ избраній Папъ и дѣло свое переноситъ на судъ Вселенскаго Собора — правленіе соборное, корпоративное кажется ей законнѣе единоличнаго, самодержавнаго. Домогательство неограниченной власти Яна Альбрехта и совѣты Каллимаха,

вмѣсто того, чтобы укротить, только раздражаютъ народъ, который уже начинаетъ сознавать себя самостоятельно. Являются народные депутаты и, участвуя въ правленіи сначала только тамъ, гдѣ идетъ дѣло о сборѣ податей, мало-по-малу пріобрѣтаютъ важное значеніе. Сеймы облекаются грозною силою, и король едва при помощи своихъ бароновъ и сената можетъ поддерживать колеблющееся равновѣсіе въ правленіи. Требованія народныя все болѣе и болѣе стѣсняютъ преимущества короля, который для поддержанія своей власти прибѣгаетъ уже къ окольнымъ путямъ. Старыя, родовыя заслуги, гербы и богатыя староства, на раздачу которыхъ король не скупился для своихъ видовъ, раждаютъ сильную и опасную на будущее время аристократію и дѣлатъ народъ, равный предъ лицемъ закона, на пановъ и шляхту. Магнаты оказываютъ упорное сопротивленіе королю (Глинскіе-Зборовскіе), шляхта день-ото-дня ограждаетъ себя новыми преимуществами. Уже послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда Августа право избранія королей всею землею становится кореннымъ закономъ государства. Между тѣмъ свобода мысли неожиданно получаетъ два новые толчка въ книгопечатаніи и реформаціи Лютера. Оба эти толчка возбуждаютъ новое движеніе, новыя силы въ мірѣ, почти омертвѣвшемъ въ застоѣ среднихъ вѣковъ. Потребность яснаго самосознанія и изслѣдованій самостоятельныхъ все болѣе и болѣе развивается въ Польшѣ. Религіозная реформа принимаетъ въ ней грозные размѣры. Магнаты ободряютъ ее и поддерживаютъ изъ личныхъ, или политическихъ видовъ. Завязывается борьба между католиками и протестантами, борьба письменная. Печатныя брошюры, политическія, религіозныя,

нравоописательныя, являются одна за другою и быстро расходятся по рукамъ, потому что вопросы, которыми онѣ занимаются, до того тѣсно связаны съ жизнію, что не могутъ не возбудить интереса въ народѣ. Народъ долженъ знать, судить объ нихъ и сочувствовать той или другой сторонѣ. Латинскій языкъ, доступный однимъ только ученымъ, дѣлается недостаточнымъ—принимаются за обработку роднаго слова, которое до сихъ поръ въ насмѣшку называлось: sermo vernaculus (языкъ доморощенный). И вотъ каждая сторона высылаетъ своихъ защитниковъ. На литературномъ горизонтѣ Польши являются Кохановскій, Рей, Тршецескій, Будный, Гурницкій и множество другихъ писателей, уже вполнѣ владѣющихъ языкомъ народнымъ. И эта борьба, веденная съ такимъ благороднымъ жаромъ, ежеминутно возбуждая новыя проявленія народной мысли, представляетъ прекрасную картину развитія умственной жизни въ концѣ нашей эпохи въ правленіе Сигизмунда Августа и Стефана Баторія (царствованіе котораго мы нарочно и присоединили къ этой эпохѣ). Нѣтъ почти ни одной отрасли наукъ, въ которой бы не отличился умъ польскій, на языкѣ ли польскомъ, или латинскомъ, — имя Лехитовъ сдѣлалось извѣстнымъ всей Европѣ не по однимъ только побѣдамъ своего оружія. Но увы! споры и пренія религіозныя открываютъ дверь вольномыслію и неприметно ведутъ къ пренебреженію тѣми предметами, предъ которыми должно преклонять колѣна; съ другой же стороны, расширяя до излишества кругъ свободы политической, они бросаютъ въ народъ ядро раздоровъ и несогласія, слѣдствія которыхъ уже мы видимъ въ эпоху Вазовъ. Слишкомъ ревностный приверженецъ католи-

цизма, Сигизмундъ III былъ, къ несчастію, королемъ слабымъ въ другихъ отношеніяхъ. Часъ-отъ-часу терялъ онъ что-нибудь или изъ выгодъ народныхъ, или изъ славы, пріобрѣтенной его предшественниками; часъ-отъ-часу іезуиты становились для него необходимѣе, магнаты часъ-отъ-часу — опаснѣе. Чтобы противодѣйствовать развитію народной свободы и возраставшимъ успѣхамъ свободы мышленія, король задумалъ произвесть реакцію, какъ политическую, такъ и религіозную. Мѣра конечно полезная; но король, вѣроятно, не умѣлъ привесть ее въ исполненіе. Одни изъ его усилій пропали даромъ, другія принесли горестные плоды. Іезуиты, вмѣсто апостольскихъ убѣжденій, стали силою обращать диссидентовъ, вооружили противъ короля бо́льшую часть народа, а бодрствуя надъ чистотою католической вѣры, изъ видовъ корыстныхъ овладѣли конфессіоналами [1], захватили въ свои руки воспитаніе юношества и такимъ образомъ собрали огромныя денежныя средства. Эти-то три пружины для управленія народомъ — увы! были слишкомъ вѣрнымъ (въ рукахъ злонамѣренности) средствомъ, чтобы парализировать его духъ. Дѣйствовали и диссиденты, желая силою оградить свободу вѣроисповѣданія, которую теперь стѣсняли все болѣе и болѣе; дѣйствовали и католики, напрягая всѣ свои силы къ совершенному уничтоженію протестантизма. Но религія въ этой борьбѣ чаще всего служила только предлогомъ для прикрытія другихъ постороннихъ цѣлей. Между тѣмъ войны слѣдовали за войнами, несчастія за несчастіями. Блестящія побѣды чаще всего не приносили никакой пользы; магнаты пріо-

[1] Исповѣдальниками.

брѣтали новую силу, а шляхта мечтательную свободу. Литература должна была клониться къ упадку; однако же эпоха Сигизмунда III и его двухъ сыновей составляетъ только переходъ къ ея упадку. Въ началѣ ея іезуиты, несовершенно еще ослѣпленные своекорыстными видами, дали нѣсколькихъ мужей истинно ученыхъ, которые сильно противодѣйствовали распространенію протестантизма; еще изъ среды ихъ Скарга и Вуйекъ оказали незабвенную услугу польскому языку и обогатили его литературу истинными сокровищами; еще Сарбѣвскій съ блестящимъ успѣхомъ поддерживалъ въ Европѣ нашу народную славу; еще по временамъ и къ этой эпохѣ долетало эхо временъ Ягеллоновыхъ. Но все это уже меркнетъ въ грустный періодъ царствованія Яна Казимира.

Печальна исторія нашей литературы въ эпоху избирательнаго правленія. Просвѣщеніе мельчало подъ кровомъ іезуитовъ, единственныхъ его стражей, и неудивительно: всякій успѣхъ на поприщѣ наукъ противорѣчилъ правиламъ и цѣлямъ этого ордена. Забытъ прекрасный латинскій языкъ Сарбѣвскаго, а прекрасная польская рѣчь Кохановскаго, Гурницкаго и Скарги показалась слишкомъ простою. Стали украшать языкъ или, вѣрнѣе, уродовать, испещряя рѣчь латинскими словами и оборотами. Подражаніе древнимъ классикамъ, которое въ XVI вѣкѣ, ниспровергая схоластицизмъ, принесло вожделѣнные плоды, было у насъ источникомъ самыхъ вычурныхъ цитатъ. Политическія неустройства въ царствованіе Михаила и Яна Собіескаго, а потомъ безпечное правленіе королей Саксонскаго дома отстранили всякую мысль о какихъ-нибудь успѣхахъ. Шляхта, мечтая

о мнимой свободѣ, злоупотребляя ею тамъ, гдѣ дѣло шло о благѣ цѣлаго государства, на самомъ дѣлѣ раболѣпствуетъ магнатамъ, изъ угожденія ихъ волѣ шумитъ на сеймахъ, безчинствуетъ въ судахъ и собраніяхъ. Мѣры, предлагаемыя сеймами, чуждыя зрѣлости, безсильны въ дѣлѣ преобразованія края; да и всякая реформа считалась бы политическою ересью, прямымъ посягательствомъ на права шляхетства. Іезуиты, стоящіе во главѣ религіи и просвѣщенія, злонамѣренно останавливаютъ развитіе умовъ и пресмыкаются предъ вельможами. Ясно, что вся власть, которая по праву принадлежитъ королю и сословіямъ, окольными дорогами перешла въ руки пановъ и іезуитовъ. Эти двѣ мощныя силы крѣпко держались другъ друга. Магнаты дарили іезуитовъ землями и помѣстьями, а іезуиты старались отплатить своимъ благодѣтелямъ блестящими панегириками и тайными интригами. Литература не проявила въ себѣ ни одной самородной мысли. Орденъ, владѣвшій исключительною монополіей пера, издавалъ только книги, писанныя въ пользу католичества, исполненныя чудесъ и чудотвореній, съ одной стороны, и похвалъ въ честь аристократовъ, съ другой, — поэзія снизошла до игры словъ и жалкаго остроумія.

Но подобное положеніе дѣлъ не могло продолжаться предъ лицемъ просвѣщенной Европы. Франція, гдѣ Людовикъ XIV съ такимъ достоинствомъ носилъ вѣнецъ королевскій, гдѣ Людовикъ XV умѣлъ еще удержаться на шаткомъ уже престолѣ Капетинговъ, Франція со временъ Маріи Лудвиги и Маріи Казимиры оказывала уже свое вліяніе на Польшу. Вліяніе это, вначалѣ ограничивавшееся присылкою модъ и распространеніемъ роскоши, мало-по-малу стало дѣйствовать благотворнѣе. Юноше-

ство, воспитанное Лещинскимъ въ Люневилѣ, переноситъ къ намъ монархическія начала; Конарскій, хотя съ большимъ трудомъ, вводитъ новыя преобразованія въ училищахъ, борется съ іезуитами и съ чудовищнымъ liberum veto. На престолъ вступаетъ Станиславъ Августъ, а вслѣдъ за тѣмъ папская булла уничтожаетъ орденъ іезуитовъ. Эти два событія измѣняютъ видъ нашей литературы. Король, воспитанный за границей, непріязненно смотритъ не только на недостатки, но и на все отечественное; онъ поощряетъ изящную литературу и хочетъ образовать ее по французскимъ образцамъ. Дѣятельнымъ помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ становится его родственникъ Адамъ Чарторыжскій. Умственное движеніе пробуждается въ краѣ; но какъ мало похоже оно на то прекрасное движеніе мысли, которое мы видѣли въ царствованіе Сигизмунда Августа, потому что Франція, служившая намъ образцемъ, внесши въ свою литературу блѣдное ложно-классическое направленіе, исказила истинный ея характеръ! Этого еще мало. Литература французская носила въ нѣдрахъ своихъ и другое зло: начало убійственнаго разврата, духъ раціонализма, который въ своихъ послѣднихъ проявленіяхъ отвергъ бытіе Бога и подчинилъ душу человѣческую матеріи. У насъ хотя и не дошло до разрыва съ Богомъ и церковью; но невѣріе глубоко пустило свои корни, особенно въ тѣхъ умахъ, пытливости которыхъ не могла удовлетворять система тогдашняго польскаго воспитанія. Во Франціи вліяніе римской литературы обнаружилось стремленіемъ къ осуществленію идей республиканскихъ, а атеизмъ развязалъ руки простаго народа и произвелъ долгія кровавыя сцены терроризма. Тѣже сѣмена для

Польши принесли иные плоды. Развилось равнодушіе ко всему отечественному, французскія моды и языкъ сдѣлались у насъ почти господствующими, смягчили и разслабили твердость сарматской души. Правда, большинство неоднократно протестовало противъ нововведеній, съ цѣлію удержать старинные обычаи и свою народность; но увы! умственный перевѣсъ былъ на другой сторонѣ. Слѣпая привязанность къ народности, не дозволяя исправить ея дѣйствительныхъ недостатковъ, возставала противъ вѣротерпимости. Правда, иногда наступало время добровольныхъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ — но это отрадное явленіе было только минутнымъ. Жребіи колеблются, раздѣленіе доходитъ у насъ до послѣдняго предѣла, и самостоятельное, болѣзненное существованіе Польши прекращается.

Въ царствованіе Станислава Августа направленіе французское увлекло на ложную дорогу нѣсколько замѣчательныхъ авторскихъ талантовъ. Непостижимо! Въ то время, когда всѣ такъ нагло пренебрегали святостію вѣры и неприкосновенностію правъ народныхъ, никто не смѣлъ возвысить голоса противъ поэтической непогрѣшительности Горація и Буало; энергическіе умы сбрасывали съ себя власть Евангелія, но не имѣли силы освободиться изъ-подъ ига трехъ единствъ. Римская классическая литература, вся жизнь которой какъ бы улетѣла при переводѣ ея на французскій языкъ, по модѣ (хотя уже и запоздалой), перешла отъ Французовъ и къ намъ, поглотила собою все вниманіе нашихъ писателей. Съ непонятнымъ равнодушіемъ воспроизводили они все римское и французское, не обращая вниманія на то, было ли оно того достойно или нѣтъ. Послѣ необработанной рѣчи

и приторно-скучныхъ іезуитскихъ макаронизмовъ, языкъ нашъ оживился, внѣшнія его формы сгладились и облагородились; но за то онъ утратилъ внутреннюю силу и энергію истинно-польскую. Представителями языка были поэты (по тогдашнему «риомачи, риомотворцы»). Одни изъ нихъ, въ своихъ произведеніяхъ, хотя робко, но и сквозь классицизмъ высказывали направленіе родное, отечественное; другіе же тратили свои силы на одни низкія ласкательства предъ сильными, такъ что хотя іезуиты и были изгнаны изъ Польши, но духъ ихъ, увы! еще крѣпко держался въ польской литературѣ. Предметомъ же панегириковъ были теперь не пустые гербы и небывалыя коллигаціи[1], но мнимыя добродѣтели магнатовъ. Низкая лесть высказывалась при всякомъ удобномъ случаѣ. Состояніе литературы въ эту эпоху можно сравнить съ состояніемъ народа, который умираетъ отъ недостатка силъ — послѣ новой реформы; и здѣсь и тамъ исчезли животворныя начала мысли—вѣра и народность!

Но почти одновременно съ упадкомъ Польши, въ началѣ XIX вѣка, является въ Европѣ новый порядокъ вещей. Звѣзда Наполеона заблистала на политическомъ горизонтѣ міра. Его могучій геній, невѣроятные почти успѣхи, обширные планы, казалось, предсказывали нашему отечеству самобытность. Цвѣтъ нашего юношества былъ увлеченъ обаятельною силой великаго человѣка. Кости польскія забѣлѣлись въ Египтѣ и на Сенъ-Доминго, и Полякъ ежедневно раздавалъ приказанія со стѣнъ Капитолія. Эта минута вызвала въ нашей поэзіи такъ-называемую рыцарскую школу. Воины въ краткія минуты

[1] Родственные союзы.

отдохновенія, мѣняя шпагу на перо, въ прекрасныхъ, хотя все еще классическихъ пѣсняхъ, воспѣвали и свои приключенія, и славу бранныхъ подвиговъ, тоску по родинѣ, или грустныя элегіи своихъ тяжелыхъ страданій и смерти. Между тѣмъ ихъ соотечественники, оставшіеся на родинѣ, свободнѣе развиваютъ національные элементы, пользуясь тѣмъ участіемъ, которое новыя правительства высказываютъ къ процвѣтанію наукъ въ Польшѣ. Возраждается Краковскій университетъ, образуется общество наукъ, а потомъ университетъ въ Варшавѣ; Императоръ Александръ поддерживаетъ и снабжаетъ новыми правами Виленскій университетъ Баторія; Чацкій основываетъ Лицей въ Кременцѣ. Просвѣщеніе разливаетъ повсюду новый свѣтъ знанія, науки развѣтвляются, изящная литература, въ особенности поэзія, подобно быстрому потоку, который не можетъ удержаться въ своемъ теченіи, прокладываетъ себѣ новый, прекрасный путь. Наступило время окончательнаго разрыва съ греческимъ, римскимъ и французскимъ классицизмомъ. Бродзинскій, Мицкевичъ, Мальчевскій, Гощинскій, Залѣсскій и другіе вывели ее на прекрасную народную ниву, — ниву, которая въ продолженіе десяти вѣковъ оставалась невоздѣланною и гдѣ ихъ ожидала обильная жатва. Приверженцы стараго классицизма со всею своею гораціевскою эрудиціей возстали противъ нововведеній романтиковъ; Валленродъ, Марія и другія подобнаго рода произведенія были отвѣтомъ имъ. Народъ, хотя мысленно, быть можетъ, и осуждалъ преобразователей, но сердце его было на ихъ сторонѣ — потому что народъ имѣлъ сердце и жилъ сердцемъ. Притупились наконецъ копья защитниковъ старины: одни изъ нихъ окончили

свое поприще, другіе пристали къ новой школѣ. Хотя событія 1830 года разогнали съ поля подвижниковъ классицизма и романтизма; но частные труды не дозволили одичать родному слову: Крашевскій, Грабовскій, Одынецъ, Корженевскій, Кремеръ, Головинскій, Ржевускій, Ходзько, Поль и вся прекрасная плеяда современныхъ намъ писателей, составляютъ, быть можетъ, особенную эпоху, описаніе которой предстоитъ другому болѣе счастливому историку,—мы же коснемся ея только въ общихъ чертахъ.

Вотъ программа, по которой мы намѣрены обработать каждую изъ эпохъ польской литературы. Кромѣ того, каждая изъ нихъ будетъ еще у насъ подраздѣляться на науки положительныя и произведенія изящной словесности. Въ первомъ отдѣлѣ мы будемъ помѣщать законодательство, исторію, науки математическія, естественныя и наконецъ философію; во второмъ—исторію религіи, поэзіи и вообще изящной словесности. Имѣя въ виду то, что исторія литературы по современнымъ понятіямъ должна быть не однимъ только простымъ описаніемъ жизни писателей и оцѣнкою ихъ сочиненій, мы въ предстоящемъ намъ сочиненіи будемъ слѣдить за развитіемъ мысли и народнаго самосознанія. Стараясь вообще, по мѣрѣ возможности, опускать числа, номенклатуру и біографическія подробности, мы намѣрены главнымъ образомъ слѣдить какъ за тѣмъ вліяніемъ, какое каждый изъ нашихъ писателей имѣлъ на литературу, такъ и за ходомъ и успѣхами самой литературы.

Говоря о каждомъ изъ писателей, мы по мѣрѣ необходимости будемъ присоединять къ нашему разсказу и характеристическіе отрывки изъ его сочиненій: польскіе будемъ приводить въ подлинникѣ, латинскіе —

въ переводѣ. Въ заключеніе нашего сочиненія присоединимъ еще алфавитый, по возможности полный списокъ всѣхъ нашихъ писателей, означая подъ каждымъ годъ его рожденія и кончины, вмѣстѣ съ перечисленіемъ всѣхъ его сочиненій.

Намъ предстоитъ совершенно новый трудъ. Горячее желаніе быть полезнымъ обществу, быть можетъ, придастъ намъ нужныя силы, или, по крайней мѣрѣ, смягчитъ строгій о насъ приговоръ нашихъ читателей.

Владиславъ Сырокомля.

ИСТОРІЯ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЭПОХА ПЯСТОВЪ.

I. ВРЕМЕНА ДО-ХРИСТІАНСКІЯ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И НАЗВАНІЕ СЛАВЯНЪ; ИХЪ ХАРАКТЕРЪ, ВѢРА И СТЕПЕНЬ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ. — СВ. КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ. — ОБРАЗОВАНІЕ ПОЛЬШИ. — МЕЧИСЛАВЪ I И ХРИСТІАНСТВО.

Азія есть колыбель человѣческаго рода: такъ учитъ Священное Писаніе, изслѣдованія ученыхъ подтверждаютъ тоже. Изъ остановившагося на горѣ Араратской ковчега вышли родоначальники всѣхъ тѣхъ поколѣній, которыя, впослѣдствіи размножившись, заселили землю. Родопроисхожденіе племени позднѣйшихъ Славянъ нѣкоторые ученые пытались вывести отъ древнихъ Индійцевъ, опираясь на болѣе или менѣе доказанномъ сродствѣ языковъ славянскаго и древне-индійскаго, санскритскаго. Впрочемъ цѣль и объемъ нашего сочиненія не дозволяютъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого мнѣнія; скажемъ только, что какъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предлагаемыхъ гипотезахъ, такъ нѣтъ и ничего вполнѣ неопровержимаго. Могло и такъ быть, могло и не быть. Всѣ народы вышли изъ рукъ Творца, всѣ языки происходятъ отъ

того первобытнаго языка, которымъ говорилъ общій нашъ прародитель. Въ позднѣйшія времена мы видимъ, что Славяне занимаютъ кавказскій уголъ Азіи и ведутъ осѣдлую жизнь на европейскомъ берегу Чернаго моря, откуда жилища ихъ тянутся далеко на сѣверъ къ Бальтійскому морю. Другіе изслѣдователи произвольно считаютъ Славянъ народомъ избраннымъ, гнѣздомъ боговъ и богатырей, — народомъ, который нѣкогда, еще задолго до Троянской войны, оказывалъ сильное вліяніе на древнихъ Грековъ, посылая къ нимъ своихъ героевъ и бахусовъ, которыхъ Греки потомъ боготворили. — Но, предоставивъ эти темныя догадки воображенію поэтовъ, любитель истины найдетъ въ исторіи Геродота, при помощи картъ и комментаріевъ, не одно любопытное извѣстіе о нашихъ предкахъ Славянахъ, племя которыхъ, раздѣленное, какъ и рѣки земель его, на тысячи вѣтвей и побѣговъ, широко и далеко распространялось по землѣ. Эти народы, въ дикомъ или полудикомъ своемъ состояніи, отличались мужествомъ и воинственнымъ духомъ; но никто не записывалъ ихъ дѣяній, никто даже не слѣдилъ за причинами и слѣдствіями тѣхъ переселеній съ мѣста на мѣсто, которыя мы видимъ у этихъ племенъ. Горы, лѣса, воды, холодный климатъ ихъ страны, скудость ея естественныхъ произведеній — ничто не привлекало въ ихъ землю чуждыхъ завоевателей. По временамъ только междоусобныя войны возмущали ихъ спокойствіе; но эти войны, скрытыя въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ, остались неизвѣстными для историческаго міра. Обширная славянская земля удобно помѣщала въ себѣ свое немногочисленное населеніе и безъ труда удовлетворяла необходимымъ потребностямъ его жизни. Никто не посягалъ на владѣнія Славянъ, а ихъ, въ свою очередь, ни мало не привлекала роскошь странъ благорастворенныхъ, болѣе изобильныхъ. Рыбная и звѣриная ловля доставляла имъ пищу и одежду; лѣса ихъ

замѣняли имъ жилища и города. Даже во времена Цезаря и Овидія, даже во времена Тацита и позднѣе, предки наши все еще остаются народомъ дикимъ, воинственнымъ, живущимъ охотою. Ни богатства Римлянъ, ни потокъ народовъ, подобно волнамъ стремившійся на развалины Западной Имперіи, не увлекали Славянъ. Климатъ ихъ страны, рѣдкое населеніе, ихъ географическое положеніе препятствовали сношеніямъ Славянъ съ странами болѣе образованными; а сѣверные льды, однажды навсегда, до того замкнули ихъ бытъ въ извѣстныя формы, что даже и теперь можно видѣть тѣ характеристическія черты, которыя были подмѣчены еще древними Греками, тогда какъ напр. во Франціи мы напрасно бы теперь стали искать Галловъ временъ Цезаря. Не было народа въ древней Европѣ болѣе многочисленнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ мало извѣстнаго какъ Славяне.

Прежде чѣмъ будемъ говорить о тѣхъ племенахъ и народахъ славянскихъ, которые стали извѣстны въ эпоху среднихъ вѣковъ, намъ слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ объ ихъ общемъ названіи *Славяне*. Но здѣсь раскрывается предъ нами обширное поле догадокъ и гипотезъ, разрѣшеніе которыхъ потребовало бы слишкомъ много времени. Скажемъ только, что одни хотятъ произвесть это названіе отъ *слова*, другіе отъ *славы*, иные по просту отъ слова człowiek (человѣкъ), которое у Нѣмцевъ переродилось въ Człowak и Szklawe (рабъ). Пусть будетъ и такъ; не станемъ спорить. Своими дѣлами и доблестями Славяне достаточно защитили себя предъ потомствомъ, чтобы не стыдиться своего рабскаго происхожденія.

Обозначимъ теперь предѣлы земли славянской:

На востокъ. Слѣдуя по линіи, проведенной съ сѣвера на югъ отъ Ладожскаго озера до Чернаго моря, мы видимъ, что Славяне живутъ здѣсь въ сосѣдствѣ съ Финнами. Далѣе на всемъ пространствѣ отъ верховьевъ Днѣпра до нынѣшняго

Кіева живутъ славянскіе Кривичи, Вятичи, Родимичи и Сѣверяне. Далѣе, влѣво отъ Днѣпра, Поляне, граничившіе съ Хозарами, которые владѣютъ уже по обѣимъ сторонамъ Днѣпра внизъ къ Черному морю. Черное море, лѣвый берегъ котораго заселенъ Маджарами, оканчиваетъ восточную границу поселеній славянскихъ.

На югѣ. На предѣлахъ Византійской Имперіи, отъ Чернаго до Адріатическаго моря, мы встрѣчаемъ сперва дунайскихъ и моравскихъ Болгаръ, потомъ Сербовъ, наконецъ запертыхъ между моремъ и горами Далматовъ и Морлаховъ.

На западѣ. Эту границу образуютъ Баварія и Саксонія почти до истоковъ Эльбы. Здѣсь живутъ Каринтійцы, Моравы, Чехи, Винулы и Оботриды.

На сѣверѣ. Славяне живутъ по берегамъ Балтійскаго моря до истоковъ Вислы, далѣе граничатъ съ Пруссами, Ятвягами, потомъ съ Литвою и Эстоніею до самаго Новгорода и предѣловъ Финнскихъ.

Вотъ границы славянскихъ поселеній. Вся внутренность ихъ страны изрѣзана множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, изливающихся въ Черное и Балтійское моря. Эти рѣки служили часто естественными границами между отдѣльными племенами славянскаго народа. Мы не будемъ подробно исчислять ихъ: это дѣло историка. Вспомнимъ только о древнихъ обитателяхъ позднѣйшей Польши и странъ сосѣдственныхъ ей.

Днѣпровскіе Поляне, двинувшись къ сѣверо-западу, сѣли на пространствѣ между рѣками Вислою, Нотеціею и Вартою; здѣсь они граничили къ сѣверу съ Поморьемъ и Пруссами, къ востоку съ единоплеменными имъ народами — Мазовшанами и Ленчицанами, къ югу съ Чехами и Силезіею, къ западу съ Сербами, Лузаціею и эльбскими Винулами. Они-то впослѣдствіи и дали бытіе Польшѣ. Такимъ образомъ въ широкой

славянской землѣ можно было замѣтить слѣдующія части: земли, занятыя Полянами и ихъ позднѣйшими сосѣдями, которые вошли въ составъ Польши — земли Руссовъ, Чеховъ, Венгровъ (смѣшанныхъ съ чуждыми Маджарами), наконецъ земли Винуловъ и Оботритовъ.

Такъ какъ Славяне съ незапамятныхъ временъ занимали одни и тѣ же мѣста поселеній, мало подчиняясь чуждому вліянію, то они, естественно, путемъ преданія должны были выработать себѣ свою вѣру, нравы, обычаи, свой языкъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Вѣра, обычаи и языкъ Славянъ, не смотря на частые переходы съ мѣста на мѣсто, въ каждомъ отдѣльномъ племени сохраняли общія черты ихъ народнаго сходства. При первобытной простотѣ ихъ жизни, ихъ мирномъ характерѣ и общинно-патріархальномъ образѣ правленія, самая наконецъ необходимость должна была вызвать въ нихъ извѣстную степень образованія, съ которымъ такъ отрадно встрѣтиться въ эти темныя времена. Конечно, успѣхи его не могли быть быстры; но во всякомъ случаѣ, чѣмъ болѣе разъясняется ихъ политическій горизонтъ, тѣмъ чаще мы встрѣчаемъ у нихъ извѣстную степень образованія, которое народъ извлекаетъ изъ собственнаго своего лона. Права, хотя еще не письменныя, существовали уже въ памяти народа; они, какъ это извѣстно, опредѣляли ихъ общественныя отношенія и сберегали частную собственность гораздо лучше, чѣмъ наши замки, засовы, цѣпи и уложенія. Событія историческія, какъ-то: битвы, побѣды, пораженія, годины счастія или несчастій, переходили изъ рода въ родъ посредствомъ преданія и народныхъ пѣсень. Поселившись въ странахъ плодородныхъ, но требующихъ усильной обработки, Славяне рано выучились земледѣлію, пчеловодству, варили медъ, разводили ленъ, коноплю, и употребляли полотно вмѣсто монеты. Приморскіе Славяне знакомы были съ мореплаваніемъ и рыбо-

ловствомъ; карпатскимъ Славянамъ не чужды были горные промыслы. Нравственныя правила выражались въ краткихъ, но полныхъ правды и поэзіи, пословицахъ, которыя съ любовію ежедневно были всѣми повторяемы. Славянинъ складывалъ и пѣлъ пѣсни, хотя еще и не зналъ, что эта способность называется даромъ поэзіи и музыки, потому-что поэзія въ народѣ предупреждаетъ его самосознаніе. Складъ этихъ пѣсней полонъ жизни, а напѣвъ не чуждъ музыкальной гармоніи. И нѣтъ ничего удивительнаго, что Славяне, будучи народомъ необразованнымъ, стояли довольно высоко по отношенію къ музыкѣ и поэзіи: душа въ душу жили они съ природою, и чувство подражанія природѣ не было искажено у нихъ блѣднымъ приличіемъ. Необыкновеннымъ, конечно, пѣвцомъ долженъ быть тотъ, кто подражалъ въ пѣніи соловью, кто при немъ осмѣливался пѣть свою пѣсню. Пѣсня его непремѣнно должна была вызвать слезу и возбудить сильное біеніе сердца, — въ противномъ случаѣ зачѣмъ же было ему и пѣть, если никто не требовалъ отъ него поэзіи, никто не платилъ ему за его пѣсни? Человѣкъ дикій, конечно, не дерзнулъ бы своимъ пѣніемъ прерывать гармоническій шумъ лѣсовъ и пѣніе птицъ; но онъ пѣлъ, значитъ ему не чуждо было вдохновеніе, значитъ онъ чувствовалъ потребность излить свою душу въ пѣсни и, слѣдовательно, уже былъ увѣренъ, что пѣніе его будетъ гораздо выше нѣмаго шума лѣсовъ и щебетанья пернатыхъ.

Таковы были первобытныя знанія Славянъ, вызванныя необходимостію или потребностію сердца; но они не чужды были знаній и болѣе искусственныхъ. Сѣверные Славяне знали руническія письмена, а южные имѣли глаголитскую азбуку, которая, какъ утверждаютъ нѣкоторые, названіями буквъ своихъ могла выражать предметы таинственные, священные. Строители простыхъ хижинъ и шалашей мало-по-

малу достигли и бо́льшаго развитія: воздвигали капища для своихъ боговъ и великолѣпные за́мки для князей своихъ. Славяне, жившіе на Эльбѣ, стали еще выше: въ Радегастѣ у нихъ было капище, которое поддерживали украшенныя рѣзьбою рога дикихъ звѣрей; внутри его были ястуканы боговъ и богинь, покрытые надписями. Въ Щецинѣ на Поморьѣ, въ одномъ изъ четырехъ капищъ, стояли истуканы людей, звѣрей и птицъ, изваянные съ такимъ искусствомъ, что они казались живыми. Нѣкоторые упоминаютъ еще объ одномъ прекрасномъ деревянномъ капищѣ, о коняхъ и множествѣ другихъ памятниковъ, которые легко могли бы быть исчислены, если бы мы не предположили себѣ избѣгать въ этомъ сочиненіи такъ-называемыхъ *спорныхъ* пунктовъ.

Отъ капищъ, посвященныхъ божествамъ, перейдемъ къ обожанію самаго божества. Славяне были идолопоклонниками; они чтили многія божества, и всѣ эти божества можно окончательно отнести къ семейству двухъ главныхъ боговъ: Бѣлбога и Чернобога. Первый изъ нихъ былъ богомъ добрымъ, второй—злымъ. Какъ бы то ни было, не приходится однако же мѣнять *новое благовѣствованіе* на старую Зороастрову *Зендъ-Авесту* и въ ней искать началъ вѣрованія, потому именно, что начало добра и зла (дуализмъ) невольно вытекаетъ изъ первоначальныхъ понятій человѣка и составляетъ наиболѣе здравый догматъ изъ всѣхъ догматовъ неоткровенныхъ религій. Борьба добра и зла, которую мы видимъ ежедневно и которая такъ ясна для насъ, благодаря Божественному Откровенію, была основною мыслію во всѣхъ первобытныхъ миѳологіяхъ: египетской, греческой и римской. Изъ этого начала впослѣдствіи каждый народъ вырабатывалъ для себя свою особую религію, которая обусловливалась степенью ясности его самосознанія и живостію воображенія. Разнообразныя явленія природы, добрыя и дурныя наклонности человѣка, воплотились

вслѣдъ за тѣмъ въ свои особенныя формы, изъ которыхъ каждая получила соотвѣтственную себѣ честь и названіе. Мыслящій, художественный и чувственный Грекъ облекъ свои божества въ изящную пластическую форму, возвелъ до идеальности ихъ качества и такимъ образомъ придалъ своей религіи извѣстныя черты *наглядности*, которыя и составляютъ то, что вообще называется *идолопоклонствомъ*. Вѣра мистическаго Египтянина и республиканскаго Квирита, почитая тѣхъ же боговъ, принимала, соотвѣтственно народному характеру, различные оттѣнки и видоизмѣненія; но въ сущности въ каждой изъ этихъ религій, хотя подъ разными видами, мы встрѣчаемъ тѣхъ же бѣлбоговъ и чернобоговъ, тоже обожаніе добра и зла; въ каждой изъ нихъ видимъ поклоненіе солнцу и боязнь перуновъ, служеніе обоимъ этимъ наиболѣе ощутительнымъ явленіямъ добра и зла на землѣ. Эти противоположныя одна другой силы никогда не давались во власть одного и того же бога. Всемогущій *Громовержецъ* распоряжался у древнихъ громомъ и молніею, а солнцемъ управлялъ Аполлонъ, богъ второстепенный. Юпитеръ вовсе не былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ провидѣніемъ; онъ возбуждалъ одинъ только страхъ, и его по справедливости можно назвать чернобогомъ древнихъ; онъ былъ только олицетвореніемъ всемогущества и величія Божія, а дѣла благотворительности роду человѣческому исполнялись другими божествами. У насъ нѣтъ возможности привесть въ совершенную систему религію древнихъ; но мы несомнѣнно знаемъ, что вся ихъ миѳологія, чѣмъ болѣе она украшалась и разнообразилась, тѣмъ болѣе удалялась отъ первобытной религіи, врожденной человѣку, или по крайней мѣрѣ очень близкой его природѣ. Языческія религіи, основывая свои откровенія на психологіи, или просто на одномъ воображеніи, сами чувствовали ихъ недостаточность и никогда не простирали своихъ

притязаній на положительную непогрѣшительность. Этимъ-то и объясняется удивительная вѣротерпимость древнихъ и то странное явленіе, почему иногда не только въ одномъ городѣ, но даже въ одномъ храмѣ, находились божества различныхъ вѣръ и исповѣданій. Александръ приноситъ жертву въ храмѣ іерусалимскомъ, Титъ приказываетъ своимъ воинамъ беречь его святыню. Но христіанство не могло ожидать для себя подобнаго же снисхожденія — и первыхъ христіанъ преслѣдовали, потому-что ихъ вѣра поражала, такъ сказать, самое сердце преданій языческихъ: порицая роскошь и изнѣженность, она требовала отъ людей жизни суровой и трезвой; вмѣсто своекорыстнаго эгоизма, проповѣдывала духъ любви и самоотверженія. Олимпъ задрожалъ предъ Голгоѳою, когда принесенная на ней кровавая жертва обличила лживость боговъ тѣлонаслажденія. Послѣдователи Христа, проповѣдуя духъ братолюбія, не могли снискать себѣ покровительства уже безсильныхъ Цезарей, а слѣпыя орудія воли послѣднихъ не понимали, до какой степени христіанство возвышаетъ человѣка. Жидовскіе фарисеи, александрійскіе ученые, римскіе жрецы и проконсулы, словомъ мудрецы и властители міра, боролись съ христіанствомъ; но люди духа толпами являлись подъ знамя Христово, толпами поселялись въ вертепахъ и пещерахъ, — пока наконецъ... деревянный крестъ не разрушилъ стѣнъ Пантеона.

Но возвратимся къ Славянамъ. Дикія племена славянскія не могли слишкомъ удалиться отъ первобытной религіи человѣка, отъ естественнаго права, отъ обожанія добра и зла. И религія Славянъ сохраняла всю свою чистоту, потому-что чуждый человѣческаго образованія сынъ природы чаще засматривался на небо, откуда изливалось на него добро и зло, и потому гораздо менѣе примѣшивалъ земныхъ признаковъ къ предметамъ своего обожанія. Но дальнѣйшее развитіе

религіозныхъ понятій, которыя независимо отъ другихъ вырабатывало для себя каждое племя, каждое семейство, почти каждый членъ его, конечно было неодинаково. Видоизмѣненія же этихъ понятій, ихъ соединеніе, или раздѣленіе, наконецъ вліяніе чуждыхъ религій, составили систему народныхъ вѣрованій съ ея моралью, догматикою и іерархіею.

Не будемъ слишкомъ долго останавливаться надъ языческою религіею Славянъ, которая не у всѣхъ племенъ была одинакова. Этотъ предметъ нашей исторіи, не смотря на многочисленные труды ученыхъ, еще не вполнѣ обработанъ, такъ что мы не въ состояніи еще, какъ слѣдуетъ, исчислить всѣхъ боговъ нашего отечества и отличить ихъ отъ другихъ славянскихъ боговъ. Имена и значеніе нѣкоторыхъ боговъ конечно уже открыты, но намъ нуженъ еще ключъ для полнаго ихъ уразумѣнія. Намъ кажется, что изученіе характера народовъ и первыхъ условій ихъ быта, при помощи нѣкоторыхъ данныхъ, могло бы пролить ясный свѣтъ на религіозный дохристіанскій взглядъ нашихъ предковъ. Но покамѣстъ исчислимъ нѣсколько лучшихъ отдѣльныхъ личностей славянской миѳологіи. Поляне и Чехи чтили *Ессе*, какъ существо высочайшее, источникъ жизни и главное божество. Какое прекрасное, глубокое, достойное Божества имя! Какъ живо оно напоминаетъ намъ еврейское Іегова! Богиня смерти носила названіе *Нійя*. Какъ противоположно оно первому и вмѣстѣ какъ прямо соотвѣтствуетъ обозначенному имъ предмету! На Руси представителемъ боговъ былъ *Перунъ*. Суровый *Похвистъ*, славянскій Эолъ, былъ также обожаемъ въ холодныхъ странахъ сѣвера. Въ другихъ мѣстахъ покланялись прекрасному и благодѣтельному *Свѣтовиду* — своего рода Аполлону. Но въ сердцахъ Славянъ гораздо сильнѣе была укоренена вѣра въ божества второстепенныя, домашнія божества обыденныхъ житейскихъ занятій,—божества, которыя иногда

являлись благодѣтельными, но чаще всего, зная всѣ мысли людей, служили волѣ мрачнаго Чернобога. Кудесники, а чаще всего женщины-колдуньи были ихъ жрецами и жрицами. Этотъ мистическій, всеобщій у Славянъ образъ почитанія впослѣдствіи былъ усвоенъ одному простому народу и сталъ извѣстенъ вообще подъ именемъ суевѣрій. Здѣсь главную роль играютъ колдовство и чародѣйство, русалки, водяныя нимфы и такъ-называемые домовые. Какъ остатокъ древней религіи, еще и теперь, по преданіямъ, въ нашихъ селахъ существуютъ *знахари*, вѣдьмы и чародѣи обоихъ половъ, которые служатъ Чернобогу, обращаютъ людей въ оборотней (Wilkołakow), дѣлаютъ завитки на ноляхъ въ посѣвахъ, предсказываютъ будущее, вредятъ, или помогаютъ людямъ. Сказки, которыя носятъ на себѣ отпечатокъ иногда чистой, иногда только относительной или поэтической истины, во всякомъ случаѣ довольно вѣрно передаютъ характеръ древнихъ нашихъ авгуровъ и чародѣевъ, каковыми являются наши исконныя вѣдьмы; онѣ-то и заботились о здоровьи бѣднаго человѣка гораздо прежде, чѣмъ стала извѣстна намъ медицина Гиппократа.

Начало вѣдьмъ относится къ временамъ слишкомъ отдаленнымъ. Мы, Славяне, узнали ихъ въ одно время съ Германцами, а можетъ-быть и заимствовали у нихъ. И это понятно, потому-что пространная славянская земля не могла же защитить себя отъ вліянія сосѣднихъ религій. На сѣверѣ это вліяніе могли оказывать вѣрованія скандинавскія и литовскія; съ востока къ намъ доходили преданія азіятскія, съ запада германскія; на югѣ, еще очень рано, мы стали подчиняться вліянію христіанства Греціи и Рима. Не даромъ же гордятся Славяне апостольскими подвигами святаго Андрея Первозваннаго.

Еще въ IV вѣкѣ христіанской эры уроженецъ далматскій Блаженный Іеронимъ прославился какъ писатель церкви ла-

тинскимъ переводомъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и жизнію исполненною подвиговъ христіанской добродѣтели. Есть преданіе, хотя быть можетъ и невѣрное, что Блаженный Іеронимъ изобрѣлъ для своихъ соотечественниковъ азбуку. Припишемъ ли мы это изобрѣтеніе Бл. Іерониму, или отнесемъ его къ временамъ предшествовавшимъ, достовѣрно только то, что уже въ эту эпоху сдѣлалась для насъ ощутительною потребность письма, вызванная главнымъ образомъ христіанскою религіею, которая въ это время принята была изъ Рима юго-западными Славянами. Славянскія поселенія, ближнія къ греческой имперіи, озарились мало-по-малу изъ стѣнъ Византіи свѣтомъ христіанства еще задолго до Великаго Владиміра. Но Восточная Имперія передавала имъ одну только вѣру, не навязывала вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Риму, и богослужебнаго языка. Итакъ Русь могла бы обогащать свое слово вмѣстѣ съ успѣхами вѣры, еслибы внѣшнія обстоятельства не помѣшали этому развитію.

Другое зрѣлище представляютъ намъ письмена славянскія, къ которымъ ученіе Христа шло изъ Рима. Папы, не довѣряя мѣстнымъ народнымъ языкамъ, которыхъ они вовсе не знали, и желая предохранить Священное Писаніе отъ еретическихъ толкованій, постановили за правило не допускать въ богослуженіи употребленія иныхъ языковъ, кромѣ греческаго и латинскаго.

Когда же въ IX вѣкѣ миссіонеры болгарскіе, Кириллъ и Меѳодій, вспомоществуемые Святополкомъ, прибыли въ Моравію для обращенія Славянъ въ христіанскую вѣру и, для бо́льшаго удобства въ обращеніи язычниковъ, рѣшились проповѣдывать имъ Слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ; когда съ этою цѣлію изобрѣли они славянскую азбуку, которая съ тѣхъ поръ стала извѣстна подъ именемъ *Кириллицы*, и, сдѣлавши переводъ четырехъ Евангелистовъ и нѣкоторыхъ посланій Апостола

Павла, около 860 года, стали отправлять христіанское богослуженіе на туземномъ языкѣ: тогда римское духовенство не стерпѣло этого нововведенія. «Слышали мы»—писалъ папа Іоаннъ VII къ Меѳодію, архіепископу паннонскому—«что ты отправляешь «богослуженіе на варварскомъ, т. е. на славянскомъ, языкѣ. «Поэтому въ посланіи нашемъ, которое посылаемъ къ тебѣ «черезъ епископа Павла, повелѣваемъ: чтобы ты пересталъ «отправлять богослуженіе на этомъ языкѣ, а употреблялъ «языкъ греческій, или латинскій, которые обыкновенно упо«требляются въ церкви на всемъ пространствѣ земнаго шара». Ни къ чему не послужило впослѣдствіи и разрѣшеніе, полученное Меѳодіемъ; остались безплодными его прекрасныя усилія; затерялся и самый безцѣнный переводъ Меѳодія, и языкъ латинскій сдѣлался богослужебнымъ для всего западнославянскаго міра. Берега двухъ польскихъ рѣкъ Буга и Сана стали границею двухъ христіанскихъ исповѣданій.

Когда такимъ образомъ Славяне другъ за другомъ озарялись свѣтомъ христіанскаго ученія, Поляне не могли еще слѣдовать примѣру своихъ сосѣдей. Будучи народомъ малочисленнымъ, удаленнымъ отъ сношеній съ другими племенами, занятыя постоянными войнами, Поляне только и могли заботиться что объ отпорѣ врагамъ, или о средствахъ для своего прокормленія.

Но вдругъ, въ этомъ уголкѣ славянскаго міра, произошла неожиданная и важная перемѣна. Жившіе по Эльбѣ Славяне (Лябы, Ляхбы, Ляхи) перешли Вислу и по праву завоеванія, подобно тому, какъ Татары въ Китаѣ, утвердили свое господство надъ туземцами, сдѣлались ихъ князьями и вождями, создали привилегированный классъ народа, до сихъ поръ неизвѣстный въ странѣ, гдѣ всѣ были равны. Они-то и положили начало Лехамъ и Лешкамъ, о которыхъ иногда упоминаютъ наши лѣтописцы. Вскорѣ потомъ они слились съ по-

кореннымъ народомъ, стали распоряжаться въ надвисленскомъ краѣ, строили города и остроги и вели войны съ сосѣдями. Они внесли въ бытъ Полянъ первыя государственныя начала и положили основаніе Польшѣ или Ляхіи; потомъ, видя, какой важный перевѣсъ даетъ Франкамъ и Нѣмцамъ монархическій образъ правленія, учредили такое же правленіе и въ Польшѣ.

Выше мы уже показали границы Польши. «Земля эта» — говоритъ Галлъ — «хотя и покрыта лѣсами, однако же преи-«мущественно предъ другими обилуетъ золотомъ, серебромъ, «хлѣбомъ, мясомъ, рыбами, медомъ; хотя и подвержена частымъ «нападеніямъ со стороны сосѣдственныхъ съ нею христіан-«скихъ и языческихъ народовъ, однако никѣмъ еще не была «покорена. Климатъ ея здоровый, земля плодородна, лѣса изо-«билуютъ медомъ, рѣки рыбами, воины ея отличаются муже-«ствомъ, хлѣбопашцы трудолюбіемъ, лошади тамъ крѣпки, «воды годны для плуга, коровы доставляютъ молоко, а овцы «волну»... Словомъ—благословенная страна, только небо отказало ей въ одномъ дарѣ—въ добрыхъ сосѣдяхъ. И дѣйствительно, это небольшое пространство, богатое всѣми дарами природы, отдѣлялось отъ Балтійскаго моря землями Поморянъ и Пруссовъ, съ юга стѣснено было Чехами, съ запада Нѣмцами, такъ что Польша даже въ X вѣкѣ не могла ни расширить своихъ предѣловъ, ни развить своихъ нравственныхъ силъ, чтобъ поддержать свое бѣдное существованіе среди сильныхъ сосѣдей. Не забудемъ и того, что сосѣди, окружавшіе Польшу, давно уже были просвѣщены святою вѣрою и по образованію равнялись съ прочими народами Европы; что Нѣмцы еще въ VII вѣкѣ приняли христіанство; что они утвердились уже вліяніемъ Франковъ и Рима; что у нихъ была уже столица Карла Великаго; что Чехи также уже приняли крещеніе и что наконецъ Полякъ, не смотря на извѣстныя его мужество и домашнюю распорядительность, оставался еще

въ язычествѣ, во всемъ долженъ былъ уступать своимъ сосѣдямъ, особенно же въ дѣлахъ внѣшней политики: ему не доставало еще святой вѣры, не доставало еще просвѣщенія. Правда, съ востока проникало уже къ намъ греко-восточное исповѣданіе и находило многихъ послѣдователей, потому-что здравый умъ нашихъ предковъ, ихъ доброе сердце и свѣтлый взглядъ охотно слѣдовали внушеніямъ вѣры, которая такъ гармонировала съ ихъ характеромъ; но успѣхи этого исповѣданія не могли быть значительны, потому-что вліяніе папъ въ Европѣ еще не утратило своей силы, а они еще провозглашали Поляковъ язычниками. Польшу, какъ страну *невѣрныхъ*, причисляли къ епархіи моравскаго епископа, а императоръ Генрихъ Aucepe (Птицеловъ) назначилъ на границахъ Польши своихъ маргравовъ, которые должны были крестить Поляковъ мечемъ. Очевидно, какихъ нужно было ожидать слѣдствій отъ такого апостольства.

Таково было состояніе Польши въ то время, когда великимъ княземъ сдѣлался Мечиславъ, сынъ Земомысла. Этотъ добрый государь, побуждаемый судьбою своего отечества, убѣжденіями епископа Іордана, а еще болѣе голосомъ своей супруги Домбровки, чешской княжны, принялъ римскую христіанскую вѣру и крестился со всѣмъ своимъ народомъ. Онъ сокрушилъ и потопилъ славянскихъ боговъ, началъ новую эпоху царствованія. Великая Польша (или собственно Поляне) прежде другихъ странъ приняла святое крещеніе. Примѣру ея послѣдовали: Малая Польша, Силезія и Мазовія. Новопросвѣщенная Польша включена была въ епархію магдебургскаго епископа; а потомъ и въ ней самой была основана епископская каѳедра въ Познани, хотя все еще въ зависимости отъ магдебургской. Теперь, сначала Іорданъ, а потомъ св. Войтехъ, продолжали дѣло обращенія Поляковъ къ вѣрѣ Христовой, но уже не мечемъ, какъ было прежде, а силою убѣжденія;—

народъ, хотя уже и не кланялся кумирамъ, но сердце его сильно еще предано было языческимъ суевѣріямъ, которыя изгладить совершенно могло только одно время.

Такимъ образомъ засіяло и надъ краемъ Лехитовъ свѣтозарное солнце Евангелія, и Польша, вступивъ въ союзъ съ Европою, перестала называться страною дикою и начала развивать въ себѣ условія новой благороднѣйшей жизни. Замѣтимъ однако же мимоходомъ, что ни одна реформа не приносила вдругъ вожделѣнныхъ плодовъ. Такъ было и съ Польшею. Мечиславъ не былъ уже врагомъ императора и папы, но вмѣсто того сдѣлался ихъ вассаломъ, какъ сынъ церкви и подчиненный владѣтель. Императоръ считалъ нашего князя своимъ леннымъ маргафомъ и требовалъ отъ него денежной дани, подарковъ и вспомогательнаго во время своихъ походовъ войска; а потомъ даже до того простеръ свои притязанія, что Мечиславу запрещено было въ шубѣ входить въ дворецъ императора.

Еще не наступило время освобожденія изъ-подъ этого тягостнаго для насъ вліянія.

Мечиславъ I скончался въ 992 году.

II. ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ХРИСТІАНСКУЮ ЭПОХУ ПІАСТОВЪ.

СОБЫТІЯ ВНУТРЕННІЯ. — СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ЕВРОПѢ. — ЧТО ИМѢЛО ВЛІЯНІЕ И КАКОЕ ИМЕННО НА ПРОСВѢЩЕНІЕ ПОЛЬШИ. — ПОБУЖДЕНІЕ И ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ ЕГО УСПѢХАМЪ.

Мы уже сказали, что Мечиславъ I началъ собою новую эпоху политическаго существованія Польши. Но для того, чтобы дѣло его могло окрѣпнуть, нужна была сильная рука, и Провидѣніе ниспослало намъ Храбраго. Никогда и ни въ

одномъ народѣ не являлся болѣе кстати великій монархъ. Слабая еще Польша едва только прозрѣла сквозь слѣпоту язычества, какъ вдругъ окружило ея вліяніе германскихъ императоровъ и римскихъ папъ; но еще одинъ шагъ—и прекрасная земля Леховъ, подобно многимъ другимъ, могла возродиться и составить сильное государство. Нужна была только спасительная и дѣльная реакція, и такую реакцію въ самомъ началѣ христіанской эпохи произвелъ Болеславъ Храбрый. Не видимъ ли мы, что тотъ же императоръ, къ которому Мечиславъ являлся съ челобитною, теперь уже самъ является въ Гнѣзно (1000 г.) почтить генія и славу Болеслава, основываетъ новое епископство, отказывается отъ своихъ верховныхъ притязаній на Польшу и нехотя соглашается на принятіе Болеславомъ королевскаго титула? Вліяніе Польши вдругъ дѣлается значительнымъ и сильнымъ.

Честь и значеніе, которыя часто пріобрѣтаются цѣлыми вѣками, увѣнчали немноголѣтнія усилія Храбраго. На сѣверѣ его могучая рука простирается до Балтійскихъ водъ, на востокѣ богатырскимъ мечемъ разбиваетъ онъ врата Кіева, на югѣ присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ Червонную Русь, на западѣ проникаетъ за предѣлы Карпатскихъ горъ, поражаетъ Хорватовъ и Моравовъ и увѣрждаетъ свои трофеи на Одерѣ и Эльбѣ. Дѣйствуя извнѣ, онъ не упускаетъ изъ виду и внутренняго состоянія государства. Устрояетъ юную еще гражданственность, созидаетъ храмы, созываетъ ученыхъ Бенедиктинцевъ, воздвигаетъ крѣпости, учреждаетъ праздники, вводитъ правосудіе, хотя и не рѣдко грозное, и рядитъ народомъ на основаніи его обычаевъ и собственныхъ, произвольныхъ, но справедливыхъ уставовъ. Частыя сношенія военныя, дипломатическія и торговыя начинаютъ быстро обогащать Польшу и распространять въ ней просвѣщеніе. Если-бы Польша, дѣйствуя на основаніи той силы и значенія, ка-

кія далъ ей Храбрый, могла постоянно подвигаться впередъ въ томъ же направленіи, она вскорѣ не только сравнялась бы, но и превзошла бы своею образованностію всѣ сосѣднія государства. Неискусные наслѣдники Болеслава съумѣли однако разрушить его прекрасное дѣло. Одни изъ нихъ, подобно Рыксѣ или Агнессѣ, супругѣ Владислава II, окружали себя Нѣмцами, раздражали народъ, стараясь утѣснить его и онѣмечить, и своею несправедливостію вызвали грозное сопротивленіе въ угнетенныхъ,—реакцію, которая грозила не только ниспроверженіемъ трона, но даже разрушеніемъ алтарей и новопринятой религіи; — другіе, подобно Владиславу Герману, довѣрялись своимъ любимцамъ, которые производили въ народѣ домашніе раздоры и положили начало губительному духу партій; — иные наконецъ, подобно Болеславамъ Смѣлому и Кривоустому, безъ нужды принимая участіе во многихъ войнахъ, отвлекали тысячи людей отъ плуга и занятій науками, раззоряли и обагряли кровью поля, которыя должны были покрываться нивами и оглашаться веселыми пѣснями пахарей.

Но въ сто кратъ стало хуже положеніе края съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ раздѣленъ между четырьмя сыновьями Кривоустаго. Гибельный раздѣлъ этотъ на двѣсти лѣтъ остановилъ въ нашемъ отечествѣ какъ развитіе его благосостоянія, такъ и успѣхи просвѣщенія. Споры князей обагряли кровью землю; могущество не похожей на своихъ предковъ аристократіи заставляло не разъ проливать слезы другой болѣе многочисленный, но менѣе привилегированный классъ народа. Польша стала называться собирательнымъ именемъ Ляхіи, потому-что собственно польское княжество было весьма мало. — Слабая верховная власть переходитъ изъ одной линіи Пястовъ въ другую, о народѣ даже и не слышно. Страницы исторіи исписаны почти одними междоусобіями господствующаго дома Пястовъ. Стоитъ только взглянуть на то, что дѣлаетъ въ

своемъ удѣлѣ Мстиславъ Старый, чтобы имѣть понятіе о томъ, что должно было происходить и въ прочихъ. Напрасно Лешекъ Бѣлый такъ заботливо старается возстановить политическое значеніе, излѣчить язвы, отереть слезы народа; изъ коварнически убитый Святополкомъ, онъ долженъ былъ оставить Ляхію на пятидесятилѣтнее тиранство своему сыну Болеславу Стыдливому. До сихъ поръ Польша была раздираема только внутренними междоусобіями, а теперь несутся къ ней еще извнѣ грозныя бури. Разбойническія толпы монгольскихъ дикарей хлынули откуда-то изъ глубины Азіи и наводнили полміра. Міръ тогдашній, какъ справедливо замѣчаетъ Вишневскій, раздѣлялся между папою и Монголами. Въ одной его части господствовалъ папа, въ другой свирѣпствовали Монголы. Безчеловѣчные поработители Китая и Россіи, эти незванные гости явились наконецъ и къ намъ на кровавый пиръ въ первый разъ въ 1240 году. Польша и Венгрія трепетали. Сомнительная побѣда нашихъ подъ Лигницомъ только на время отклонила грозу; но вотъ въ 1260 и 1287 она снова разразилась надъ нами, неся огонь и опустошеніе въ самое сердце края. Если къ этому прибавимъ еще набѣги Пруссовъ, Литвы и Ятвяговъ, возбужденные, какъ думаетъ Ярошевичъ, злобою языческихъ польскихъ жрецовъ, которые нашли себѣ убѣжище въ ея непроходимыхъ лѣсахъ; если присоединимъ войны съ Чехами, которые разъ успѣли было даже захватить Краковъ и Сендомиръ; если обратимъ вниманіе на то, что хитрые крестоносцы, на бѣду призванные въ Ливонію, стали грозить Польшѣ новыми бѣдствіями: то мы ясно поймемъ тогдашнее положеніе нашихъ предковъ и не станемъ обвинять ихъ за то, что въ эти кровавыя для отечества времена они не сдѣлали никакихъ успѣховъ въ пользу просвѣщенія. Худой образъ правленія, войны, залогъ земель въ обезпеченіе денежныхъ займовъ у Нѣмцевъ,—все это сокращало пре-

дѣлы Польши. Пріютъ, данный нѣмецкимъ колонистамъ, и магдебургское право внесли къ намъ чуждые обычаи, и очевидно, что въ ту минуту, когда нѣмецкіе императоры жаднымъ окомъ смотрѣли на Польшу, такое положеніе дѣлъ могло увлечь за собою потерю нашей политической самостоятельности.

Локетекъ, равно великій какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, успокоилъ наконецъ свое истерзанное отечество. Послѣ великихъ дѣлъ отца, Казимиру Великому легче было довершить его внутреннее преобразованіе;—этотъ послѣдній расширилъ предѣлы Польши пріобрѣтеніемъ Мазовіи и Галиціи, утвердилъ за своимъ домомъ верховную власть, а благовременнымъ назначеніемъ себѣ преемника, признаннаго единодушною волею народа, предупредилъ на будущее время распаденіе Польши на отдѣльныя части. Такимъ образомъ ошибка Кривоустаго была поправлена. Казиміръ, слѣдуя далѣе по стопамъ отца своего, занялся внутреннимъ устроеніемъ государства, отразивъ напередъ опасности, грозившія ему извнѣ; издалъ основные законы, заботился объ улучшеніи быта поселянъ, основалъ въ Краковѣ академію или, вѣрнѣе, училище правовѣдѣнія, и, умирая (1370), оставилъ Польшу, какъ говорили, каменною, заставъ ее деревянною.

Преемникъ его Лудвигъ Андегавенскій (Andegaweński) мало сдѣлалъ для насъ полезнаго; но цвѣтущая еще Польша, уже и встревоженная, приняла дочь его Ядвигу, отдавшую руку свою Ягелло (въ 1386 г.).

Посмотримъ теперь, откуда Польша заимствовала свое образованіе въ эту эпоху.

Первыя сѣмена занесены были къ намъ изъ Рима вмѣстѣ съ христіанскою отъ Нѣмцевъ и Чеховъ вѣрою; но просвѣщеніе ихъ самихъ было такъ скудно, что мы немногому могли научиться у нихъ. Въ минуту принятія христіанской вѣры

Мечиславомъ I, на престолѣ апостольскомъ сидѣлъ Іоаннъ XIII, не повелѣвающій уже orbi et urbi, но преслѣдуемый графомъ кампанскимъ и префектомъ Рима и заключенный имъ въ темницу, откуда освободился только черезъ посредничество императора Оттона. Духъ партій и вліяніе нѣмецкихъ императоровъ руководили избраніемъ святѣйшаго конклава. Каждая партія избирала своего папу; удача выигрыша, а не избраніе по вдохновенію Святаго Духа, отдавали ключи Петровы въ руки счастливца. X вѣкъ, покрытый глубокою тьмою невѣжества, не имѣетъ даже своего лѣтописца, который бы передалъ временамъ отдаленнымъ его дѣянія. Князья и императоры не умѣли даже подписать свои имена. Тиранія мелкихъ феодальныхъ владѣльцевъ преграждала пути взаимныхъ сношеній между жителями. Дороги были пусты; изрѣдка проходилъ по нимъ пилигримъ, защищенный отъ разбоевъ алладіальныхъ бароновъ только святостію своего званія, или рыцарь, прокладывавшій себѣ путь копьемъ и мечемъ, или купецъ, безпрестанно платившій пошлины на мостахъ, плотинахъ и переправахъ. Бароны и феодалы вели безпрерывныя кровавыя войны; бѣдность и невѣжество были нормальнымъ состояніемъ цѣлыхъ народовъ. Лучшимъ правомъ было превосходство силы, смягчать которую по временамъ могла только религія. Одни монастыри служили убѣжищемъ вѣры, покровомъ для угнетенныхъ, были единственными хранителями скуднаго, преслѣдуемаго просвѣщенія. Но и здѣсь трудно было сохраниться ему; слабые остатки его, скрывавшіеся въ изученіи богослужебной латыни, вмѣстѣ съ этимъ языкомъ, ввѣрены были духовенству и мало-по-малу стали дичать въ пустынныхъ келіяхъ отшельниковъ. «Начинается новый вѣкъ»—пишетъ Бороній (Boroniusz)—«вѣкъ желѣзный, по-«тому-что онъ дикъ и безплоденъ, вѣкъ свинцовый, потому-«что изобилуетъ ядомъ зла, вѣкъ темный, потому-что ску-

«денъ произведеніями ума и искусства». Прибавимъ еще къ тому фанатизмъ, нелѣпые предразсудки, суевѣрное ожиданіе кончины міра вмѣстѣ съ окончаніемъ X вѣка, и мы будемъ имѣть понятіе о тогдашнемъ времени.

Таково было состояніе Авзоніи, Франціи; такъ было и въ странахъ сосѣдственныхъ съ Польшею—въ Богеміи и Германіи. И мало чему могъ научиться Полякъ у сосѣдей, хотя и принялъ отъ нихъ христіанскую вѣру. Посмотримъ теперь на успѣхи христіанства въ Польшѣ.

Послѣ Іордана, наиболѣе содѣйствовалъ у насъ распространенію христіанства, особенно въ Краковѣ, который принадлежалъ еще къ архіепископству прагскому, св. Войцехъ. Этотъ ревностный проповѣдникъ Евангелія, два раза убѣгавшій отъ злобы языческихъ владѣтелей своего отечества, покинувъ землю Чеховъ, отправился съ проповѣдію Евангелія къ другимъ славянскимъ народамъ. Онъ крестилъ жителей Кракова, а по дорогѣ въ Гнѣзно останавливался для проповѣдей въ городахъ и селахъ языческихъ и поучалъ народъ на туземномъ языкѣ. Обласканный Храбрымъ, онъ отправился потомъ въ землю Пруссовъ, и тамъ, на сѣверо-западномъ берегу Самландіи, былъ убитъ прусскими жрецами въ священной дубравѣ Ромовѣ (Romowe) въ 997.

Въ эпоху прибытія Оттона Великаго въ Гнѣзно для поклоненія святымъ мощамъ, всѣ почти земли Болеслава Храбраго были уже крещены и требовали дѣятельнаго духовнаго надзора. Этой цѣли удовлетворяли: архіепископство гнѣзненское, гдѣ первымъ архипастыремъ былъ Радленъ, братъ св. Войцеха, и епископство краковское, которое теперь по волѣ Оттона было освобождено отъ зависимости Праги и получило двѣ новыя епархіи: поморскую и вроцлавскую. Самъ Болеславъ учредилъ епархію люблинскую и уволилъ отъ зависимости магдебургскаго епископа епархію познанскую. Наконецъ сынъ

его Мечиславъ II основалъ епархію кіевскую и т. д. Такъ образовалась іерархія польской церкви подъ верховною властію гнѣзненскаго митрополита. Нѣкоторые епископы при своихъ каѳедрахъ стали заводить училища, гдѣ молодые люди, приготовлявшіеся къ духовному сану, обучались языку латинскому и церковному пѣнію, не исключая конечно и другихъ предметовъ, сообразно потребностямъ вѣка. Слѣды училищъ подобнаго рода мы встрѣчаемъ въ XI и XII вѣкахъ въ Познани, въ Гнѣзнѣ, въ Тынцѣ у Бенедиктинцевъ, въ Смогоржевѣ, въ Краковѣ, гдѣ было знаменитое училище Маріи Богородицы (Marii Panny) и еще нѣсколько другихъ; въ низшихъ заведеніяхъ учили грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ; въ высшихъ преподавали ариѳметику, геометрію, астрономію и музыку. Вліяніе этихъ школъ не могло быть обширно, потому-что средневѣковый предразсудокъ, общій намъ, какъ и всей западной Европѣ, считалъ просвѣщеніе ненужнымъ для людей свѣтскаго званія; упражнялись въ наукахъ исключительно питомцы духовнаго званія. Духовенство, воспитавшееся въ этихъ школахъ, могло гордиться нѣсколькими образованными, по тогдашнимъ понятіямъ знаменитыми мужами, которые вскорѣ сдѣлались украшеніемъ отечества и церкви, каковы: Альбертъ Ястржембецъ, Лаврентій (Laurentius), сынъ простаго поселянина, бывшій въ 1106 году епископомъ познанскимъ, Яковъ изъ Знина, епископъ гнѣзненскій, и другіе. Епископы, вначалѣ иностранцы, а потомъ Поляки, заняли не послѣднее мѣсто въ отечественной администраціи и получили то значеніе, какимъ пользуется человѣкъ образованный среди необразованныхъ. О политическомъ вліяніи духовенства въ Польшѣ мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же не лишнимъ будетъ замѣтить, что первые наши епископы и священнослужители, родомъ Чехи, Французы, или Италіанцы, не зная ни языка народнаго, ни его духа, не были вообще любимы, и

народъ зналъ ихъ по одной только обязанности платить имъ десятину.

Какъ бы то ни было, но въ тѣ времена епископскія каѳедры и монастыри были единственнымъ средоточіемъ наукъ въ Польшѣ. Изъ всѣхъ орденовъ монашескихъ, братство святаго Бенедикта оказало наибольшія услуги нашему отечеству. Законодатель этого ордена внушалъ своимъ братіямъ, что ни одинъ только постъ и молитва открываютъ человѣку путь къ небесамъ, но что и труды рукъ составляютъ не менѣе пріятную для Бога жертву, и потому заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ трудъ наравнѣ съ другими духовными упражненіями. Труды ихъ, подъемлемые по одной чистой любви къ Богу, оказали много незабвенныхъ услугъ той странѣ, въ которой они поселялись. Между ними являлись ревностные апостолы вѣры, презиравшіе тысячи трудовъ и опасностей, чтобы возвратить Христу хотя одну заблудшую овцу; среди пустынь строили они свои монастыри, осушали болота, рубили лѣса и превращали дикія мѣстности въ цвѣтущія усадьбы; притѣсняемый находилъ у нихъ убѣжище, больной помощь, странникъ гостепріимство, бѣднякъ дневное пропитаніе; они переписывали книги священныя и древнія произведенія классической римской литературы. Эта послѣдняя услуга особенно неоцѣненна, потому-что въ то время, когда языкъ латинскій сталъ упадать и искажаться, — они сохранили для насъ псалмы, литургію и древнихъ классиковъ, списываніемъ которыхъ занимался ихъ ordo scriptorius. Безъ нихъ погибли бы и языкъ, и литература римская, бывшая въ то время хранилищемъ тѣхъ фантазій, которымъ впослѣдствіи суждено было развиться и обогатить человѣческую мысль.

Послѣ этого неудивительно, что всѣ хоть сколько-нибудь образованные князья и государи Европы давали у себя убѣ-

ище этому ордену. Римляне первые призвали ихъ къ себѣ и поручили имъ воспитаніе своихъ дѣтей, потому-что каждый монастырь ихъ былъ вмѣстѣ и школою. Добрый обычай этотъ наступилъ со временъ Карла Великаго. Въ нѣмецкой части Италіи явилось особенно много знаменитыхъ бенедиктинскихъ монастырей. Во Франціи также; извѣстнѣйшіе изъ нихъ были въ Парижѣ: Tour de Fleury и славный монастырь Сенклу, откуда, на сколько это возможно было въ тогдашнія времена, науки распространялись по всей Европѣ. Оттуда же и нашъ Храбрый вызвалъ орденъ Бенедиктинцевъ, построивъ для нихъ монастыри на Туньцѣ, въ Сѣцѣховѣ и извѣстный монастырь на Лысой горѣ въ Сендомирѣ. Послѣ языческой реакціи, едва не уничтожившей дѣло Храбраго, Казиміръ Инихъ, возобновляя бенедиктинскіе монастыри, увеличилъ число ихъ построеніемъ новаго въ Любушѣ. Эти монахи привезли съ собою, да и сами списывали для своего употребленія, требники (brewiarze), служебники (mszały) житія святыхъ и другія подобныя этимъ сочиненія, писали, исторію своихъ монастырей и часто связанную съ ней исторію свѣтскую.

Сознаніе пользы, приносимой монашескими орденами, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духъ благочестія вдохнули мысль королямъ и епископамъ вызвать къ себѣ и другіе ордена. Такъ въ XII вѣкѣ появились у насъ Цыстерсы (Cystersi) и поселились въ Брежзницѣ, Лендзѣ, Венгровцѣ, Оливѣ, Сулеіовѣ, Корживницѣ; потомъ явился орденъ доминиканскій, вызванный краковскимъ епископомъ Ивономъ Одровонжемъ, и затѣмъ другіе ордена, разсмотрѣніе которыхъ, какъ существовавшихъ съ цѣлями чисто-религіозными, не касается избраннаго нами предмета.

Мы не будемъ настаивать на томъ, что духовенство сдѣлало у насъ слишкомъ много въ пользу просвѣщенія; ибо

факты говорятъ намъ, что въ Польшѣ временъ Пястовъ весьма немногіе умѣли читать и понимать латинскій языкъ. Что вліяніе духовенства на успѣхи отечественной образованности было незначительно — это правда; трудно однако же согласиться съ тѣми изъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что вѣра латинская и ученость, хранимыя духовенствомъ, имѣли пагубное вліяніе на развитіе родныхъ элементовъ, что они заглушили поэзію и уничтожили въ насъ сознаніе народности. Не будемъ обвинять того, кто вовсе не виноватъ. Не духовенство, но наше собственное невѣжество и презрѣніе ко всему родному, наше нерадѣніе и деспотизмъ Пястовъ, нападенія враговъ, наконецъ вліяніе языка и народности германской, загнѣздившись въ городахъ и при дворѣ польскомъ въ эпоху Пястовъ, составляли зло болѣе опасное, чѣмъ теперь языкъ французскій. Богослужебный и дипломатическій латинизмъ, поддерживаемый духовенствомъ, не могъ заглушить народныхъ элементовъ, потому-что народъ, какъ мы видѣли, еще не выучился латинскому языку. Первые наши проповѣдники Чехи не препятствовали развитію роднаго слова, потому-что языкъ польскій, родственный ихъ языку, облегчалъ имъ сношенія съ народомъ и возбуждалъ въ нихъ воспоминаніе своей родины. Еслибы не стороннія препятствія, мы могли бы имѣть отечественную литературу, подобно Италіянцамъ, которые въ ту же эпоху, подъ вліяніемъ того же латинскаго языка, имѣли Данта, подобно Нѣмцамъ, которые имѣли своихъ Миннезингеровъ. Итакъ не духовенство было причиною упадка нашей отечественной литературы и тѣхъ явленій, которыя въ Польшѣ гораздо печальнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Духовенство принесло къ намъ религію и съ нею непосредственно просвѣщеніе, какое только возможно было въ то время. Духовенство познакомило насъ съ правами рим-

скимъ и католическимъ, и хотя римское право не оказало рѣшительнаго вліянія на наше законодательство, тѣмъ не менѣе оно передало намъ свои формы, мы узнали его важность, узнали то вліяніе, какое оно можетъ имѣть на успѣхи развитія умственнаго и на уясненіе законодательныхъ идей. Съ цѣлію познакомить насъ съ римскимъ законодательствомъ, Казиміръ Великій основалъ въ 1364 году въ селеніи Баволъ учебный юридическій институтъ, который впослѣдствіи, будучи возстановленъ Ядвигою и ея мужемъ, преобразовался въ Краковскую Академію, оказалъ много важныхъ услугъ отечеству и вызвалъ много талантовъ, прославившихъ Польшу.

Юношество духовное, рѣдко свѣтское, посѣщая для своего богословскаго и юридическаго образованія университеты Парижа, Болоньи и Рима, переносило къ намъ и другія знанія, бывшія тамъ въ ходу. Но, къ несчастію, хотя просвѣщеніе и успѣло разогнать мрачную и непроницаемую мглу послѣ темныхъ X и XI вѣковъ, вѣкъ XIII и даже XIV снова затмилъ этотъ свѣтъ; во всю эпоху Пястовъ науки находились у насъ только на самой низшей степени развитія.

Повторяемъ, въ эпоху Пястовъ вліяніе на наше просвѣщеніе имѣли: сперва христіянская вѣра, открывшая намъ путь къ сношеніямъ съ Европою; потомъ, какъ слѣдствіе христіянства, знакомство съ правомъ какъ римскимъ, такъ и каноническимъ; наконецъ духовенство, которое, дѣйствуя исключительно съ религіозною цѣлью, образовало у насъ не мало отдѣльныхъ свѣтскихъ личностей. Препятствіями же къ нашему развитію были: упорное отчужденіе отъ своихъ сосѣдей, войны съ Татарами, Литвою и Россіею, а болѣе всего печальное внутреннее состояніе края, которое мы и не замедлимъ изобразить.

III. ОБРАЗЪ ПРАВЛЕНІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ ВЪ ЭПОХУ ПІАСТОВЪ.

КНЯЗЬЯ. — ВАРОНЫ. — ДУХОВЕНСТВО. — ШЛЯХТА.

Отецъ есть глава и начальникъ семейства. Этотъ святой, патріархальный образъ правленія служитъ основаніемъ всѣхъ прочихъ формъ его. Семейства, соединенныя въ одну общину, должны были вслѣдъ за тѣмъ, согласно своимъ потребностямъ, избирать себѣ своихъ общинныхъ предводителей. Сѣдина, умъ и опытность, иногда интрига или насиліе, были первыми условіями такого избранія. Народы воинственные скоро дошли этимъ путемъ до единодержавія, а пастухи и земледѣльцы долѣе сохранили у себя правленіе патріархальное. Въ ихъ мирныхъ общинахъ, главы семейства, собираясь вмѣстѣ, толковали о предметахъ для нихъ необходимыхъ, о предупредительныхъ средствахъ, о наказаніяхъ преступленій, которыя могли бы своею тѣнью оградить ихъ бытъ и собственность.... Подобныя совѣщанія, отличая простымъ, но вѣрнымъ своимъ взглядомъ добро отъ зла, положили начало гражданскимъ уставамъ и утвердили въ сердцахъ людей то правило, которое изрекъ самъ Богъ въ святыхъ заповѣдяхъ: «Не дѣлай ближнему своему того, что было бы тебѣ непріятно. Дѣлайте ближнимъ своимъ то, чего бы вы сами могли желать отъ нихъ».

Дѣйствія, вредныя обществу, или отдѣльному лицу, какъ его члену, преступны и достойны наказанія. Къ этому заключенію человѣкъ первобытный пришелъ очень вѣрнымъ логическимъ путемъ.

Созданное такимъ образомъ опредѣленіе преступленія и наказанія въ каждомъ народѣ получило свои особенныя характеристическія черты; переходя по преданію изъ устъ въ уста, оно образовало законъ *народныхъ обычаевъ* (prawo zwy-

czajowe), такъ вѣрно отражающій въ себѣ характеръ народа, его образъ мыслей, нравы, условія его жизни и ея успѣхи.

Въ дальнѣйшемъ движеніи общества, когда соотношенія и нужды людей стали удаляться отъ первобытной простоты, сходки отцовъ семействъ уступили мѣсто собраніямъ извѣстныхъ округовъ, которые въ свою очередь должны были совѣщаться съ сосѣдними общинами или лично, или назначая для взаимныхъ совѣщаній время и мѣсто чрезъ выборныхъ. Такимъ образомъ цѣлыя многолюдныя племена сливались въ одно племя, составляли народъ и положили начало общинному образу правленія.

Такъ управлялся цѣлый славянскій народъ; такое же правленіе было и въ Польшѣ, быть можетъ даже до нашествія Ляховъ. Потомъ стали управлять нами единовластители, но по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени въ ихъ совѣщаніяхъ участвовалъ и народъ.

Очевидно, что при такомъ составѣ общества между членами его должно было господствовать совершенное равенство; но мало-по-малу отцы и начальники семействъ стали распоряжаться краемъ. Иные, пріобрѣтая эту власть своими богатствами, воинскими, или умственными дарованіями, потомъ рядомъ привилегій и жребіемъ войны, который обращаетъ плѣнниковъ въ рабовъ, — выродились въ тотъ аристократическій классъ, который сталъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Бароновъ, Владыкъ (Władyków), Супановъ (Supanów) и Комесовъ (Komesów). Польша дѣлилась на 12 округовъ, и каждый изъ нихъ управлялъ свой особенный супанъ; это раздѣленіе, на которое неоднократно намекаютъ наши лѣтописцы, существовало до временъ Болеслава Храбраго. Если можно вообще дѣлать какіе-нибудь выводы изъ древнихъ до-историческихъ сказаній нашихъ лѣтописцевъ, то мы видимъ, что аристократическій классъ намъ давалъ изъ своей

среды предводителей войскъ, народныхъ правителей и вскорѣ потомъ присвоилъ себѣ право управленія и право избранія князей. По ихъ-то выбору, а можетъ-быть и изъ нихъ же самихъ, господствовали у насъ Лешки и Попели (Popielowie), о которыхъ мы не можемъ сообщить ничего болѣе, кромѣ одного названія. Изъ числа ихъ Земовитъ, сынъ Пяста и прадѣдъ Мечислава, воспользовавшись внутренними смутами, свергнулъ съ престола безпечнаго Попеля и занялъ самъ его мѣсто. Крѣпко держалъ онъ въ своихъ рукахъ кормило правленія, покорилъ сосѣдніе округи, освободился отъ вліянія старѣйшинъ (moznowładców) и народа, и потомки его стали управлять Польшею съ властью въ полномъ смыслѣ самодержавною. Суровую власть ихъ смягчалъ сначала народный обычай, котораго еще нужно было держаться, а потомъ вліяніе христіянства; однакожь во всякомъ случаѣ уже Болеславъ Храбрый не слишкомъ любилъ дѣлить свою власть съ народомъ. Онъ правилъ по-просту, строго, но справедливо. Чиня судъ, клалъ онъ иногда предъ собою каноническое право; но можно сомнѣваться какъ въ томъ, читалъ ли онъ его, такъ и вообще была ли у него охота подчинить себя вліянію какихъ бы то ни было законовъ. Часто объѣзжалъ онъ свое государство, производилъ на полѣ судъ и расправу, виновныхъ изъ низшаго сословія сѣкъ публично розгами, а аристократовъ подвергалъ тому же наказанію, только въ банѣ и вообще тайнымъ образомъ. Преемники его имѣли своихъ бароновъ, своихъ мужей государственныхъ; но мы не видимъ, чтобы они дѣлили съ ними свою власть, или позволяли усиливаться ихъ могуществу. Край дѣлился на помѣщиковъ-владѣльцевъ (pandw) и поселянъ (kmiecі). Эти послѣдніе большею частію были военноплѣнные литовскіе, прусскіе и чешскіе, или люди, не могшіе заслужить въ войскѣ привилегій, или наконецъ тѣ, которые отдали себя въ неволю добровольно. Поселенные

на земляхъ, которыя потомъ переходили въ частныя руки, эти рабы образовали у насъ классъ земледѣльцевъ, извѣстный подъ именемъ простаго народа или поселянъ (kmiecі). Но поселянинъ, обработывавшій земли барона, не былъ его крѣпостнымъ, онъ пользовался полною свободою, былъ непосредственнымъ подданнымъ короля, гражданиномъ своего отечества, могъ перемѣнять свое жилище и получать привилегіи посредствомъ заслугъ воинскихъ, столь легкихъ въ бурное время. Изъ такихъ-то привилегированныхъ поселянъ и образовалось вслѣдъ за тѣмъ сословіе рыцарское—шляхта, занимавшая средину между барономъ и поселяниномъ, но равная первому по своимъ преимуществамъ. Поселянинъ же мало-по-малу терялъ свои первоначальныя права свободнаго человѣка, пока, наконецъ, лишившись ихъ совершенно, не сдѣлался рабомъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Владѣльцы (Panowie), духовные и свѣтскіе, стремились къ участію въ правленіи, но князья умѣли отстранять ихъ отъ себя. Такъ Казиміръ, Мнихъ преслѣдовалъ и усмирилъ мятежнаго Маслава; а деспотъ Болеславъ Смѣлый даже умертвилъ краковскаго епископа св. Станислава Щепановскаго, подозрѣвая его въ сношеніяхъ съ Чехами, главнымъ же образомъ за то, что не хотѣлъ покориться власти духовнаго барона. Этотъ государь кажется поддерживалъ народъ. Вельможи (Magnaci) не могли строить укрѣпленныхъ замковъ, потому-что первое позволеніе въ этомъ родѣ дано было Владиславомъ Германомъ Сѣцѣху (Sieciechowi). Словомъ—Пясты до извѣстной поры были государями чисто деспотическими. Правда, были у насъ провинціяльныя собранія (obrady) и народныя вѣча (wieca, colloquia), но только какъ данъ народнымъ обычаямъ; въ сущности же они были далеки отъ представительнаго образа правленія. Единственная польза, которую вѣча эти приносили народу, состояла въ томъ, что

паны, собиравшіеся на вѣча, вытравляли луга поселянъ, жгли ихъ заборы и грабили гумна, что впослѣдствіи даже получило названіе *права земства* (prawa ziemniczego).

Болеславъ Кривоустый, скончавшійся въ 1139 году, кажется, оканчиваетъ собою рядъ самодержцевъ, потому-что преемники его, властвуя каждый въ своемъ удѣлѣ, по необходимости должны были окружать себя различными государственными чинами, число которыхъ во всей собирательной (zbiórowej) Польшѣ возросло наконецъ до чрезвычайности. Такъ какъ папа по тогдашнимъ понятіямъ считался главою всѣхъ государей; то по этому епископы и прелаты заняли первыя мѣста подлѣ государя. Далѣе слѣдовали за ними управители отдѣльныхъ провинцій (воеводы), управители замковъ (кастеланы), предводители войскъ, старосты, народные судьи, канцлеры, секретари (pisarze) и цѣлый штатъ чиновниковъ земскихъ, придворныхъ и военныхъ. Эти чины, происходя большею частію изъ знатныхъ домовъ, или усиливаясь сами собою, получали для себя привилегіи на владѣніе отдѣльными участками (terragja) съ судебною властью надъ принадлежавшимъ къ этимъ участкамъ народомъ, и такимъ образомъ край, недавно еще цѣлый, сосредоточенный, едва раздѣленный между Пястами, вновь раздробился на множество аллодіальныхъ участковъ. Обязанность военной службы, соединенная съ владѣніемъ землею, дала имъ возможность и право укрѣпиться въ своихъ замкахъ, содержать вооруженную силу и такимъ образомъ сдѣлаться грозными сперва для слабыхъ поселянъ, а потомъ и для трона. Бароны духовные, владѣя обширными помѣстьями, неприкосновенность которыхъ была защищена уже и правомъ каноническимъ, для большей безопасности оградили себя отъ насилія своихъ свѣтскихъ товарищей еще уставами Ленчицкаго сейма (1180) и, подобно имъ, сдѣлались сильными панами: строили замки,

чеканили монету, содержали войско и имѣли въ своихъ рукахъ страшное, имъ только исключительно служившее оружіе проклятій и отлученій отъ церкви. Что щадила еще у бѣднаго поселянина алчность князей и магнатовъ, то забирало духовенство въ видѣ десятинъ, святопетрія[1] и другихъ церковныхъ оброковъ. Духовенство удалилось отъ своего назначенія, но за то пріобрѣло огромную силу и богатства. Такъ съ каѳедрою архіепископа гнѣзненскаго, а потомъ и краковскаго, былъ соединенъ княжескій титулъ; настоятель (opat) тынецкаго бенедиктинскаго монастыря звался не иначе, какъ настоятелемъ ста деревень (centum villarum). Всѣ дѣла, случавшіяся въ территоріяхъ епископовъ и настоятелей монастырей, судились или самими епископами, или полномочными управителями (włodarzy). Города, управлявшіеся магдебургскимъ правомъ, и сильнѣйшіе магнаты пріобрѣли себѣ право меча, право вести войну, а такимъ образомъ въ Польшѣ, вмѣсто одного самостоятельнаго государя, явились тысячи мелкихъ тирановъ, которыхъ власть, развѣтвляясь въ различныхъ направленіяхъ, густою сѣтью обняла всю землю Ляховъ. Напрасно сильнѣйшіе изъ Пястовъ старались освободиться отъ вліянія аристократіи: ни Лешекъ Черный, ни Мечиславъ Старый, ни Болеславъ Стыдливый не достигали своей цѣли; ихъ удары падали на слабый и беззащитный народъ. Вельможи дѣлали, что хотѣли; отъ нихъ зависѣло признать власть какого-нибудь изъ Пястовъ, или свергнуть съ престола того, кто имъ не нравился; они короновали князей, участвовали въ ихъ совѣтѣ, стѣсняли ихъ власть, ограничивали права простаго народа — и все это для своихъ личныхъ выгодъ.

---

[1] Подать по денежкѣ съ души, собираемая на содержаніе лампады, горѣвшей въ церкви св. Петра въ Римѣ.

Интересный эпизодъ въ этой части польской исторіи составляетъ реакція Владислава Локетка. Этотъ великій человѣкъ, послѣ упорной борьбы съ врагами и ударами злаго рока, возвратился наконецъ на тронъ для того, чтобы возродить Польшу. Но великіе планы его встрѣчали противодѣйствіе въ личныхъ видахъ аристократовъ, искавшихъ только случая присвоить себѣ возможно-бо̀льшую силу. Потому онъ и стѣснялъ власть ихъ, уничтожалъ привилегіи, несогласныя съ духомъ отечественнаго законодательства; и вотъ самовластные магнаты, видя какъ самъ король, не смотря на свое высокое достоинство, посѣщалъ уѣзды, собиралъ вѣча и творилъ судъ и расправу, должны были покориться его верховному суду, и наконецъ (о ужасъ!), не смотря на свои преимущества, присвоенныя ими во дни грустнаго безначалія, платить одинаковыя съ поселянами подати. Локетекъ положилъ основаніе политическому значенію шляхты, которая съ тѣхъ поръ и стала извѣстна подъ именемъ рыцарскаго сословія. Первый польскій сеймъ, созванный имъ въ Хенцинѣ (1331 г.), былъ открытъ народнымъ представительствомъ и призвалъ шляхту къ участію въ государственномъ законодательствѣ. Однако же магнаты отказались не вдругъ отъ своихъ пріобрѣтенныхъ вѣками правъ. Скоро Викентій Шамотульскій явился въ Польшу съ войскомъ крестоносцевъ, и только мужество короля спасло отечество отъ мести оскорбленнаго магната. А сколько было еще споровъ между королемъ и вельможами при Казимірѣ Великомъ, старавшемся облегчить долю поселянъ и мѣщанства! Сколько еще долженъ былъ уступать имъ Людовикъ венгерскій, котораго они на сеймѣ въ Кошицахъ (1374 г.) принудили сложить $^2/_3$ наложенной на нихъ Локеткомъ дани! Шумѣли магнаты и во время междуцарствія по смерти Людовика; они же навязали въ мужья прекрасной Ядвигѣ Владислава Ягелло; хорошо еще, что этотъ ихъ послѣдній поступокъ не остался безъ пользы.

Оканчивая эпоху Пястовъ относительно образа правленія, повторимъ то, что мы сказали выше: отъ Мечислава I до смерти Болеслава Кривоустаго у насъ господствовалъ деспотизмъ; до временъ Локетка своевольствовали магнаты; а со временъ Хенцинскаго сейма выступаетъ изъ мрака среднее сословіе—шляхта, которая поглощаетъ собою магнатовъ и измѣняетъ названіе Польши въ названіе Рѣчи Посполитой, Шляхетской.

IV. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО.—ПОЛЬСКОЕ ПРАВО.—ПРИВИЛЕГІИ.—МАГДЕБУРГСКОЕ ПРАВО.—СТАТУТЪ ВИСЛИЦКІЙ.

Обратимъ теперь наше вниманіе на право и законодательство Польши, которыя такъ тѣсно соединены съ формою правленія.

Мы сказали, что у всѣхъ славянскихъ племенъ до извѣстной поры было общинное правленіе. «Эти народы—говоритъ Прокопій,—«т. е. Славяне и Анты, управляются не однимъ ка«кимъ-нибудь мужемъ, но по старинному обычаю власть у «нихъ находится въ рукахъ цѣлаго народа, который привыкъ «собираться на сходки и на этихъ сходкахъ разсуждать о «томъ, что полезно, или вредно для общаго блага». Каждое поколѣніе имѣло своего старѣйшину, который у русскихъ Славянъ назывался сударемъ и осударемъ (судьею), а у прочихъ Славянъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ супана, судъпана, зупана, пана, бана и тому подобными именами. Анна Комненъ, дочь греческаго императора Алексѣя, писавшая въ IV вѣкѣ по Р. Х., утверждаетъ, что старцы славянскіе для отличія отъ народа носили особеннаго рода почетное платье

(жупанъ). Въ ихъ рукахъ была судебная власть. Рядили они по старымъ обычаямъ, хотя и нельзя ручаться, чтобы злоупотребленія сильныхъ не извращали иногда этихъ обычаевъ по своему произволу. Судебныя собранія назывались у насъ *вѣчами* (wiece), а у Славянъ русскихъ и винульскихъ носили названіе *мытницъ* (mytnicy) и *конъ* (kony). Въ такомъ состояніи было у насъ законодательство до Мечислава I; живо напечатлѣнное въ памяти каждаго, оно еще не являлось въ письмѣ.

Вмѣстѣ съ христіянствомъ, перешло въ Польшу и право каноническое, обязательное въ дѣлахъ духовныхъ и во взаимныхъ сношеніяхъ свѣтской власти съ духовною; — кромѣ того, духовенство руководствовалось еще правомъ римскимъ. Наши государи вполнѣ сознавали неоцѣненную услугу, принесенную христіянствомъ политическому быту Польши, а потому и покровительствовали духовнымъ, почти не любимымъ народомъ. Такъ мы видимъ, что Мечиславъ I дозволилъ духовенству собирать съ народа десятину, опредѣленную каноническимъ правомъ и постановленіями франкфуртскаго собора; что Болеславъ Храбрый далъ духовенству особыхъ защитниковъ предъ лицомъ права — адвокатовъ, и даже самъ, какъ покровитель духовныхъ, защищалъ церковныя дѣла; преемники его великодушно дарили духовенству новыя права и преимущества. Духовенство французское, италіянское и чешское, переселившись въ Польшу, перенесло къ намъ христіянскія права и обычаи, которые, смѣшавшись съ туземными, были причиною упадка сихъ послѣднихъ.

Посмотримъ теперь на юридическіе обычаи нашего народа въ эпоху Пястовъ, прежде чѣмъ они сдѣлались письменными законами.

Имѣніе оставалось собственностію цѣлаго семейства подъ управленіемъ отца, старшаго сына и кого-нибудь изъ стар-

ихъ родственниковъ. При такомъ образѣ понятій не было еще и мысли о записяхъ или отказѣ имѣнія кому-нибудь чужому, или о завѣщаніяхъ. Сынъ, а потомъ дочь, были наслѣдниками отцовской собственности. Никто не имѣлъ права продавать родовыхъ имѣній безъ согласія короля и наслѣдниковъ. Когда умиралъ владѣтель родоваго имѣнія бездѣтнымъ, то оно называлось *пустизна* (puścizna) и переходило въ государственную казну, хотя бы у покойника и были племянники, или другіе родственники по боковой линіи. Имѣніе не родовое, но благопріобрѣтенное или дарственное, можно было отказать дальнѣйшимъ родственникамъ или кому-нибудь постороннему. Но какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ, сильные освобождались изъ-подъ власти законовъ; даже сами Пясты, блюстители отечественныхъ уставовъ, писали завѣщанія и произвольно кому хотѣли передавали управленіе государствомъ, потому-что, по тогдашнимъ понятіямъ, оно было такъ же наслѣдственно, какъ и каждое имѣніе. По примѣру князей, и магнаты стали отказывать свои имѣнія кому только хотѣли, и право перехода незанятыхъ имѣній (puścizn) къ королю уничтожено уже при Казимірѣ Великомъ. Съ этого времени такія имѣнія были передаваемы дальнѣйшимъ родственникамъ по праву наслѣдства.

Въ то же время мы видимъ обычай усыновленія и сообщенія постороннимъ своего герба съ предварительнымъ обозначеніемъ: соединено-ли таковое усыновленіе съ правами по наслѣдству имѣній, или нѣтъ.

За владѣніе землею какъ шляхта, такъ и паны, обязаны были военною службою, и эта обязанность называлась *правомъ* włodziczem (jus militare). Право это простиралось на всѣхъ землевладѣтелей, на шляхту и не шляхту. Духовенство было свободно отъ этой обязанности, исключая однако же личныхъ владѣній духовныхъ. Магнаты сумѣли и тутъ

защитить себя привилегіями. Мечиславъ II обложилъ ихъ за это оброками и податями; мало-по-малу подати уничтожались, и потомъ хотя и были возобновлены Владиславомъ II, однакожь вообще можно сказать, что привилегированный классъ не всегда и мало несъ общественныя повинности. За то вся ихъ тяжесть лежала на простомъ народѣ: онъ ходилъ на барщину, сражался на войнѣ, платилъ подати и десятину и, кромѣ того, еще множество другихъ, случайныхъ сборовъ. Вотъ рядъ этихъ послѣднихъ, какъ они перечисляются у Вишневскаго: Stróża или ссыпка зерноваго хлѣба на содержаніе войска; Poradlne (поплужное), подать по 12 серебряныхъ грошей съ каждаго лана; Pomocne, вспомогательныя собранія народа для обработки полей; Stan или обязанность содержать короля во время его переѣздовъ чрезъ округъ (въ послѣдствіи эта обязанность стала постоянною податью); Przewod или обязанность содержать лошадей на извѣстныхъ пунктахъ (нынѣшнія почты); Psiarskie, обязанность кормить княжескихъ собакъ. Бѣдный поселянинъ! за все, чѣмъ ни владѣлъ, онъ обязанъ былъ платить дань; онъ не могъ жениться, если не платилъ впередъ Pojemszczyzny и Narazu (подать за дозволеніе жениться); съ него брали пошлины на мостахъ (Mostne) и плотинахъ (Grobelne), въ городахъ торговыя (Targowe); онъ платилъ за самый домъ, за базаръ, за коня, борова и т. д. Кто знаетъ, не означаетъ ли подать, называвшаяся Bobito, значенія которой Вишневскій, нашедши ее въ одномъ актѣ, не могъ себѣ объяснить,—не означаетъ ли платы, которую давалъ поселянинъ десятскимъ за то, что они его сѣкли (bo bito, потому-что били).

Право уголовное, этотъ единственный блюститель порядка общественной безопасности, отличалось у насъ строгостію и жестокостію. Дикія преданія о наказаніяхъ за преступленія остались у насъ, вѣроятно, еще отъ временъ языческихъ.—

Очевидно, что человѣкъ въ естественномъ состоянiи, столь склонный ко злу, можетъ быть удержанъ отъ него только разительными примѣрами строгой справедливости. Не было еще замковъ и ключей, которые берегли бы частную собственность; не было усовершенствованнаго оружiя, которое бы защищало жизнь и честь каждой личности; не было святой вѣры, которая бы проповѣдывала духъ любви къ ближнему: все это долженъ былъ замѣнить законъ и сдѣлаться опорою безопасности. А такой законъ во времена до-христiянскiя по необходимости долженъ быть строгъ. Позднѣе даже, не смотря на принятiе святой вѣры и смягченiе нравовъ, суровые обычаи были смягчены не скоро, потому-что деспотическiе Пясты и ихъ бароны, находя въ строгомъ законодательствѣ лучшее средство удержать народъ въ повиновенiи, выдумывали сами новыя ужасныя наказанiя. И вотъ что намъ осталось изъ этихъ нигдѣ не записанныхъ юридическихъ обычаевъ тогдашняго уголовнаго права.

Воровство, убiйство, прелюбодѣяние наказывалось ужасною смертью разсѣченiя членовъ и другими мученiями. Обиженный или его семейство были вправѣ требовать вознагражденiя за обиду, искать въ свою пользу законнаго удовлетворенiя (pomsty zakonu), настаивать на осужденiе виновнаго на-смерть, требовать отъ него за кровь денежной пени, принуждать къ обрядамъ покаянiя (pokory), а иногда искать удовлетворенiя и самоуправствомъ. Шпiоны, посылаемые князьями и называвшiеся służebnice (такъ назвалъ ихъ Мечиславъ Старый), отыскивали виновныхъ и представляли ихъ въ судъ, нерѣдко съ чудовищными обвиненiями. Поводомъ къ этому служило то, что преступленiя меньшей важности наказывались денежною пенею; а за бо́льшiя преступленiя, кромѣ наказанiя, виновный лишался еще имущества, которое дѣлалось достоянiемъ князя. За убiенiе, или за уводъ заблу-

дившагося животнаго, а равно за поселеніе свободнаго или чужаго человѣка на своемъ полѣ, подвергали наказанію siedmnadziestą: кто не могъ уплатить этой пени, того отсылали въ рудокопни, или заключали въ темницы. За другія преступленія перебивали руки, отрѣзывали уши, выкалывали глаза, морили голодомъ, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, вѣшали на висѣлицахъ; только за смерть раба или поселянина, можно было вносить выкупъ, но и эту плату получало не семейство убитаго, а его господинъ.

Вскорѣ однако вліяніе христіянства и каноническихъ правъ начинаетъ смягчать варварство и деспотизмъ. Въ законодательствѣ исчезаетъ смертная казнь, а возстаютъ наказанія нравственныя (honorowe). Лишеніе честнаго имени (infamia), лишеніе покровительства законовъ и изгнаніе изъ родины (bannitio) дѣлаются уже строжайшими наказаніями за измѣну и разбои. Прекрасный, хотя грубый, обрядъ лаянія изъ-подъ лавки (odszczekiwania) устрашаетъ клеветниковъ и похитителей чужой чести; обрядъ pokory, т. е. испрашиванія у родныхъ прощенія за неумышленное и недобровольное убійство, представляетъ картину христіянскаго покаянія; наконецъ и сама Церковь принимаетъ для укрытія и обезпечиваетъ неприкосновенность преслѣдуемыхъ или неправымъ судомъ, или, что бывало нерѣдко, насиліемъ государя и магнатовъ. Судебные поединки и предопредѣленія божіи рѣшаютъ дѣла сомнительныя и вводится уплата безчестія за побои и увѣчье, нанесенныя какъ шляхтичу, такъ равно и простолюдину. Отъ всего сдѣлалось возможнымъ откупиться могучими гривнами, платимыми особо противнику и особо судьямъ, принимавшимъ плату и законную, и незаконную, и открыто, и тайно. Такой переворотъ въ нашемъ законодательствѣ, если представляетъ, съ одной стороны, утѣшительное вліяніе святой вѣры, то, съ другой, горестно поражаетъ возмож-

ностію нравственнаго растлѣнія народа судомъ злыхъ деспотовъ, главной цѣлью которыхъ было одно любостяженіе— деньги. Смягчались постепенно начала законовъ польскихъ, отмѣнены пытки, введены болѣе однообразный порядокъ и умѣренность въ наказаніяхъ; за то одно уже призваніе къ суду приводило призываемаго въ трепетъ. Въ Польшѣ, раздѣленной между сыновьями Кривоустаго, размножилось число должностей и чиновниковъ, число судовъ, формальностей и безпорядочность. Въ каждой части главнымъ судьей былъ монархъ, но власть суда имѣлъ и воевода, и кастелянъ, и судья, уполномоченный кастеляномъ; далѣе, судилъ прокураторъ, канцлеръ, подканцлеръ, и владѣтельный баронъ, и епископъ, и благочинный, или ихъ довѣренные. Богъ только одинъ знаетъ какова была справедливость; по изображеннымъ въ хроникахъ страшнымъ картинамъ судопроизводства временъ Мечислава Стараго мы не хотимъ дѣлать предположеній о другихъ Пястахъ; но должны снова привести перечень поборовъ судебныхъ, называвшихся встарину kosce.

Суды искони получали съ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ czestne или памятныя, т. е. пошлину, возросшую позднѣе до 13 гривенъ; уплату siedmiudziesiąt или 14 гривенъ, взыскиваемыхъ нѣкогда за оскорбленіе Величества и за святотатство, опредѣляли теперь за легчайшіе проступки; Niestanna opłata взыскивалась съ опаздывающихъ явкою по вызову суда; крестовыя (krzyżowe) платилъ каждый приводимый къ присягѣ. Сверхъ того, существовали еще такъ-называемыя 70, 60, 50, 17, 16, 15 и 6-гривенныя пени, настоящее значеніе которыхъ утрачено. Недовольный рѣшеніемъ кастеляна или судьи краковскаго, или сандомирскаго, долженъ былъ за право аппеляціи представить судьѣ шубу горностаевую, бѣличью, кунью, или лисью, судя по степени значенія и почета, какимъ пользовался судья. Если

рѣшеніе было отмѣнено высшей инстанціей, то шуба возвращалась истцу.

Вотъ по возможности точное изображеніе законоположенія страны, называемаго *земскимъ* (jus terrestre), потому-что было обязательно только для однихъ сельскихъ обывателей;— горожане почти всѣ управлялись по праву магдебургскому. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о возникновеніи сего послѣдняго и о введеніи его въ Польшу.

Распространившееся у сосѣдственныхъ съ нами Нѣмцевъ римское судопроизводство породило выборныхъ чиновниковъ, иныя понятія объ отношеніяхъ власти къ народу и потребность писаныхъ законовъ; но, съ другой стороны, уставы римскіе и каноническіе, будучи уставами императоровъ и папъ, отвергали важность силы обычаевъ, которые срослись съ душой обывателя и, основываясь на выводахъ мудрыхъ комментаторовъ и деспотическихъ судей, не могли быть свойственны народу и дать ему надлежащую защиту, тѣмъ болѣе, что императоры въ борьбѣ съ феодальными баронами старались усилить власть свою насчетъ народа. Отсюда возникла потребность свода законовъ *обычаевыхъ* по примѣру римскому, чтобы противопоставить ихъ кодексамъ и каноническимъ уставамъ, и потому начали собирать и вводить мѣстные уставы, съ которыми пріятно было согласоваться народу. Между тѣмъ Нѣмецъ-промышленникъ, захвативъ землю Венидовъ, достигъ берега Балтійскаго моря и еще обширнѣе развернулъ свою купеческую дѣятельность. А тамъ далѣе, за Польшей, процвѣтала богатая золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными мѣхами, рыбами и иными предметами торговли республика Новгородская; польскіе хлѣба, лошади, рогатый скотъ, цареградскіе шелка и ткани, словомъ—всѣ произведенія природы и рукъ человѣческихъ, всѣ богатства этихъ земель, также привлекали купцовъ со всѣхъ сторонъ. Но затрудненія

для торговли были необычайны: каждый лѣсокъ, каждый пригорокъ, каждая феодальная граница пугали купца пошлиной, захватомъ его товаровъ для барона, или грабежомъ разбойниковъ. Отсюда вооруженные торговые караваны; отсюда ганзейскій союзъ городовъ Гамбурга, Любека, Бремена, Кольна, Брунсвика, Гданска, Нарвы, Калиша, Кракова и Новгорода, соединенныхъ между собою необходимостью взаимной защиты. Они нанимали воиновъ для сопровожденія товаровъ, вооружали станціи и складочныя мѣста, и такимъ образомъ запасы оружія, крѣпости, а затѣмъ и просвѣщеніе отъ притока людей, столкновенія интересовъ и улучшеннаго богатствомъ быта сдѣлались исключительнымъ достояніемъ городовъ; а съ этими средствами уже не трудно имъ было просьбою, или угрозою, или деньгами, присвоить себѣ право выбора чиновниковъ изъ среды своихъ обывателей, право порученія имъ обширной муниципальной власти, опирающейся на собственныя законоположенія. Это было тѣмъ легче, что повсемѣстное тогда знакомство съ римскимъ правомъ утверждало такой порядокъ вещей.—Сначала обыватель города несъ наравнѣ съ поселяниномъ всѣ повинности земства и обработывалъ пашню, и только въ свободныя минуты могъ заниматься ремесломъ, или торговлей; сначала и чиновникъ городскаго управленія былъ не больше какъ простымъ исполнителемъ воли и самовластія правительства края; но позднѣе важные нѣмецкіе города пріобрѣли себѣ привилегіи, обезпечивающія неприкосновенность ихъ самоуправленія. Городская ратуша сдѣлалась средоточіемъ промышленности и суда для цѣлаго города съ округомъ. Въ ней на судейскомъ мѣстѣ засѣдалъ царскій намѣстникъ съ титуломъ графа (comes) или войтъ (advocatus), рядомъ съ нимъ засѣдатели (scabini) и множество совѣтниковъ, избранныхъ изъ обывателей города. — Тутъ не было аристократическаго значенія должно-

стей; купецъ ли, ремесленникъ ли съ грязными, мозолистыми руками, если только онъ обладалъ довѣріемъ своихъ сограждан, имѣлъ ту же самую власть, какъ въ иномъ мѣстѣ баронъ или князь. Справедливость, такъ ясная для нерастлѣннаго сердца, такъ понятная для ума несвихнутаго законодательными теоріями, была единственной руководительницей приговоровъ, обычай принятый отъ дѣдовъ и прадѣдовъ— единственной ихъ подпорой. Мѣстами имѣлись и писаные законы, мѣстами записывались приговоры и рѣшенія и такъ возродились порядки и формы дѣлопроизводства нѣмецкаго (jus theutonicum). По-сердцу былъ народу простой, правый и справедливый способъ судопроизводства, всюду читали его приговоры, всюду заводили его у себя. Такой законодательной мудростію уже въ XII вѣкѣ славились нѣмецкіе города Любекъ, Галле и Магдебургъ. Послѣдній даже, въ XIII вѣкѣ, разрѣшалъ всѣ сомнительныя дѣла, возникавшія въ другихъ городахъ; а въ концѣ этого вѣка составленъ въ немъ сводъ его законоположеній подъ заглавіемъ *Jus municipale Magdeburgense* вмѣстѣ съ законоположеніями силезскими, нѣсколько прежде собранными въ одно цѣлое Эпкомъ редговъ, и эти законы сдѣлались кодексомъ, ковчегомъ справедливости для городовъ германскихъ, голландскихъ, датскихъ, чешскихъ и курляндскихъ. Основами ихъ были: равенство, свобода, покровительство для новоприбывающихъ въ гражданство и готовая на всѣ жертвы любовь своего города.

Посмотримъ теперь какъ права магдебургскія вошли въ Польшу.

Города польскіе получили свое начало собственно при Болеславѣ Храбромъ; но безъ особенныхъ правъ, безъ достаточной обороны и покровительства, они не могли быть ни чѣмъ инымъ, какъ большими деревнями. Владѣтельные князья польскіе чувствовали недостатокъ населенія края, чувство-

вали недостатокъ рукъ для обработки полей, недостатокъ въ людяхъ для войска и сторожевой стражи, и потому не продавали своихъ плѣнныхъ, какъ это было во всеобщемъ обычаѣ, а напротивъ принимали даже преступниковъ и бѣглецовъ-чужестранцевъ, освобождая ихъ на извѣстное число лѣтъ отъ податей и пошлинъ, и привлекали вольноприходящихъ, начавшихъ переселяться въ возраждающійся край еще гораздо ранѣе 1200 года въ видахъ пріобрѣтенія средствъ къ пропитанію и богатствъ. Поляки поняли всю пользу такихъ колонистовъ и, желая удержать ихъ у себя, освободили ихъ отъ всякихъ повинностей земства. Такимъ образомъ города польскіе мало-по-малу стали наполняться народомъ, чуждымъ странѣ по языку, обычаямъ и понятіямъ о законѣ; но польскіе обыватели городовъ, не разъ обращаемыхъ въ пепелъ и развалины Татарами, Литвой, Крестовымъ Орденомъ и Чехами, не могли гнѣваться на то, что прибываютъ къ нимъ промышленныя головы и трудолюбивыя руки, знакомящія край съ избытками странъ западныхъ и ихъ издѣліями; а потому со временемъ нѣмецкое населеніе, составивъ большинство жителей въ польскихъ городахъ, распространило свои магдебургскіе законы, бывшіе прежде руководствомъ только для отдѣльныхъ личностей, на все городское управленіе. Мѣщане-Поляки не колебались принять ихъ, потому-что это значило освободиться отъ тяготы земства; да и частные владѣтели городовъ, желая избавить свои земли отъ этихъ пошлинъ, охотно даровали имъ законоположенія тевтонскія, а поблажавшіе магнатамъ Пясты, не понимая, къ чему можетъ повести это разъединеніе законоположеній, не зная основаній магдебургскаго права и радуясь, что будутъ получать *чинши* (поземельную плату) съ лежавшихъ пустыремъ земель, добродушно утверждали переходъ цѣлыхъ селеній къ принятію правъ нѣмецкихъ. Въ городахъ выбирали войтовъ, въ селеніяхъ солтысовъ (scul-

teti); апелляція на нихъ подавалась владѣтелю или королю, по разрѣшеніе противорѣчій или неясности въ законахъ, получалось изъ Магдебурга, какъ источника законоположеній нѣмецкихъ. Власть королевская надъ городами сдѣлалась ограниченною, и незначительная подать или право казни, оставшееся за королемъ, едва припоминала городамъ о зависимости ихъ отъ трона.

Изслѣдователи исторіи магдебургскаго права въ Польшѣ нашли первое указаніе на него въ привилегіи, данной Казиміромъ Справедливымъ Винриху Сандечь на имѣніе: Освѣцимый Заторъ. Князья силезскіе, пропитанные нѣмецкими обычаями, охотно давали тоже право своимъ городамъ и между прочими городу Srzodzie (въ 1178), откуда и произошло названіе *Сржодскаго права.* Послѣ 1200 года, пріобрѣли это право города: Львовъ, Грызава, Брегъ, Познань, Олесница, Краковъ, Вроцлавъ, Люблинъ и многіе другіе. Въ Вроцлавѣ часть его была переведена на латинскій языкъ, а въ Краковѣ былъ экземпляръ, писанный на половину по-латинѣ, на половину по-нѣмецки.

Быстро шло впередъ дѣло необдуманной коллонизаціи Нѣмцевъ на землѣ польской. Богатѣли города съ ничтожной пользой для края; земскія повинности, на умноженіе которыхъ не скупились князья Пясты, но отъ которыхъ были изъяты сперва имѣнія магнатовъ и князей, а теперь еще и города и множество селеній, падали всей своей тяжестью на остатокъ убогихъ, а слѣдовательно не страшныхъ поселянъ. Обычаи, одежда и языкъ нѣмецкій, принятые при дворѣ Пястовъ и жадно перенимаемые, какъ всегда и вездѣ все заграничное, магнатами, грозили странѣ перерожденіемъ. Силезія нѣмчала; другія части владѣній Пястовъ вслѣдствіе соединенія съ народностью нѣмецкой живѣе сочувствовали императору германскому, чѣмъ Польшѣ. Благодаря только одному

такъ нынѣ поносимому, латинскому языку, благодаря духовенству и нѣкоторымъ историческимъ событіямъ, еще сберегли мы нашу народность.

Итакъ, въ эпоху Пястовъ видимъ четыре рода законовъ, равно обязательныхъ для обывателей:

Право народныхъ обычаевъ, утвержденныхъ указами монарховъ, право страны или чисто-польское — не писанное.

Право каноническое, основанное на неприкосновенности имѣній и личностей духовенства, право ксендзовъ.

Привилегіи или *изъятія отъ закона*, выторгованныя магнатами духовными и свѣтскими, подъ названіемъ права наслѣдственно-владѣльческаго,—привилегіи, по коимъ землевладѣлецъ былъ судья и законодатель на своей землѣ; право это не имѣло ни какой основы, ни какого контроля, а слѣдовательно служило произволу.

Право магдебургское, принадлежащее городамъ, не подробно написанное, а слѣдовательно могущее быть истолкованнымъ также произвольно.

Прибавимъ къ этому права отдѣльныхъ земель и округовъ, привилегіи даваемыя Евреямъ, и — будемъ имѣть понятіе о страшномъ безпорядкѣ въ странѣ, раздѣленной между нѣсколькими монархами. Классы одного народа рѣзко раздѣлились между собою; магнатъ защищался отъ справедливаго суда силой; крючкодѣй пользовался правами не своего сословія; богатый откупался; бѣда — слабымъ и угнѣтеннымъ!

Желая выйти изъ затрудненія, нужно было сперва составить сводъ обычаевъ и правъ, а потомъ уподобразить ихъ. Необходимость этого понималъ Владиславъ Локетекъ и, одолѣвъ множество препятствій, тотчасъ послѣ коронаціи своей въ Краковѣ (1319 г.) принялся за дѣло. Онъ хотѣлъ издать законы однообразные и одинаково обязательные для всѣхъ и каждаго; но гидра привилегій на каждомъ шагу ставила ему преграды.

Началъ поэтому Локетекъ съ того, что рѣшительно отказался отъ выдачъ новыхъ привилегій на владѣніе, отстранилъ всѣ обрядности, носящія на себѣ печать чужеземнаго законодательства, а старыя привилегіи поддерживалъ только тогда, когда онѣ не противорѣчили общимъ законамъ страны. Неразъ разрубалъ онъ мечемъ пергаментъ незаконныхъ привилегій, срывалъ съ нихъ печати, а злоупотребленія судебныя разрушалъ изданіемъ королевскихъ эдиктовъ. Онъ самъ ѣздилъ изъ одной земли въ другую, судилъ, составлялъ судебные приговоры, оставивъ за собой высшую аппеляціонную инстанцію на суды городскіе, и сровнялъ подати.

Безъ этихъ улучшеній, Казиміръ Великій никогда бы не достигъ до изданія Вислицкаго кодекса. Локетекъ освоилъ умы съ понятіемъ объ одинаковыхъ правахъ, усмирилъ бури враждебныхъ страстей и тѣмъ приготовилъ сыну путь къ законодательству.

Великій сынъ великаго отца, Казиміръ, пошелъ по указанному пути. Въ его время сначала Велькополяне на сеймѣ въ Піотрковѣ, а потомъ и Малополяне сдѣлали подробный сводъ своихъ законовъ и обычаевъ; а изъ этихъ двухъ кодексовъ возродился знаменитый Statut Wislicki, пріобрѣтшій Казиміру Великому имя законодателя.

Прекраснъ былъ для Польши день 8 марта 1347 г. Не знаемъ, выражали ли лица собранныхъ епископовъ, воеводъ и кастеляновъ радость, но можно поручиться, что радость сіяла на достойномъ лицѣ Казиміра, что народъ, сбѣжавшійся на неслыханное зрѣлище, съ радостію остановилъ благодарныя очи на добромъ королѣ, съ восторгомъ принялъ объявленіе, что настоящій законъ одинаково обязателенъ для всѣхъ, что и наибѣднѣйшій можетъ равно взывать его на помощь въ бѣдахъ своихъ. По сравненіи принесенныхъ статутовъ Велико польскаго и Мало польскаго, уничтожены противорѣчія и зло-

употребленія, отвергнуты строгіе уставы, служившіе орудіемъ угнетенія для произвольныхъ судей, словомъ—статутъ Вислицкій казался вполнѣ соотвѣтствующимъ нуждамъ страны и желаніямъ сердца Казиміра. Сдѣлано было все, что̀ можно было сдѣлать въ то время и при тогдашнихъ понятіяхъ. Статутъ Малопольскій, какъ болѣе подробный, принятъ за основаніе и дополненъ уставами Великопольскими. Такъ составленный, статутъ Вислицкій не могъ однако же быть безъ недостатковъ противорѣчія; онъ долженъ былъ сохранить въ себѣ слѣды правъ обычаевыхъ, правъ позднѣйшаго происхожденія, правъ провинціальныхъ, римскихъ и каноническихъ. Невѣжество правовѣдовъ, призванныхъ къ составленію статута, привязанность къ обычаямъ, а можетъ-быть и слишкомъ сильныя страсти, не дозволили исполнить въ совершенствѣ желанную реформу.

Да, дѣйствительно, страсти! Неравенство, напримѣръ, сословій вѣроятно слишкомъ уже сильно укоренилось въ Польшѣ, если добрый *король простолюдиновъ* (król chłopków) въ важномъ законодательномъ актѣ, въ актѣ обязательномъ для всѣхъ сословій, не могъ помѣстить опредѣлительнаго закона въ пользу любимаго имъ земледѣльческаго сословія. Крестьянинъ, хотя и защищенный отъ притѣсненій, остался однако по прежнему невольникомъ, ибо могъ только уже въ случаѣ крайняго угнѣтенія оставить землю своего господина, и хотя открыты были двери правосудія для всѣхъ, однако для бѣдныхъ онѣ должны были быть весьма недоступны, если позднѣе самъ Казиміръ *словесно* разрѣшилъ самоуправство съ магнатами.

Приведя кое-какъ въ порядокъ законы страны, подведя привилегіи подъ ихъ формы, Казиміръ — этотъ великій покровитель городовъ, торговли и промышленности—обратилъ вниманіе на неодинаковое и ни на чемъ не основанное Маг-

дебургское право. Съ этой цѣлью чрезъ 9-ть лѣтъ, т. е. въ 1356 году, на сеймѣ шляхты онъ запретилъ относиться въ Магдебургъ, учредилъ въ Краковѣ и Познани для разрѣшенія дѣлъ городскихъ два высшихъ трибунала, состоявшіе изъ двухъ присутствій и изъ совѣщателей-депутатовъ отъ городовъ, управлявшихся по уставамъ магдебургскимъ. Написанный уставъ сохранялся въ Краковѣ съ обязательствомъ судей основываться на немъ, какъ на высочайше утвержденномъ законѣ.

Тотъ же Казиміръ Великій утвердилъ привилегіи, данныя Евреямъ Болеславомъ, княземъ великопольскимъ, въ 1264 г.

Таковы дѣла законодательства Казиміра. Жили они, пока жилъ ихъ творецъ (Казиміръ умеръ въ 1370 году); но вѣроятно не имѣли въ основаніи своемъ достаточной прочности и потому стали разрушаться во времена царствованія Людовика Венгерскаго и Ядвиги. Малая и Великая Польша рады были придерживаться каждая своихъ прежнихъ провинціальныхъ обычаевъ. Мазовія, независимая отъ Польши, составила для себя въ 1377 г. особый кодексъ. Чиновники Людовика, проживавшаго по большей части въ Венгріи, издѣвались надъ страной; вѣча и сеймы почти не собирались; магнаты, долженствовавшіе присоединиться къ сословію шляхты, могущественно возстали и, вторя новымъ своимъ собратіямъ, снова отяготили народъ, унизили силу городовъ и угрожали трону. Какъ преобразовался внутренній складъ нашего быта, увидимъ въ эпохѣ Ягеллоновъ.

V. УСТАНОВЛЕНІЯ И ОБЫЧАИ.

ОЧЕРКЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПОЛЯКОВЪ.

Жизнь Поляковъ, созданныхъ для демократическаго образа правленія, формами котораго они никогда не пренебрегали, дѣлилась на жизнь общественную и частную. Къ явленіямъ первой мы относимъ участіе въ правленіи, присутствіе на вѣчахъ и сеймахъ, прохожденіе должностей, посѣщеніе судовъ обѣими сторонами и наконецъ войну; къ послѣдней—родной кровъ, домашній очагъ и связанные съ ними обычаи. Разсмотримъ въ общихъ чертахъ эту двоякую дѣятельность нашихъ предковъ.

Правленіе въ Польшѣ уже со временъ Болеслава Храбраго сдѣлалось самодержавнымъ и сохраняло этотъ характеръ во все продолженіе эпохи Пястовъ; только съ 1139 года сильнѣе началъ выдѣляться элементъ аристократическій. Но все-таки король еще былъ первымъ на всѣхъ вѣчахъ и собраніяхъ, былъ верховнымъ судьею и главою власти исполнительной. Неоднократно, въ сопровожденіи своихъ бароновъ, короли польскіе объѣзжали страну на счетъ ея обывателей, собирали народъ и, сѣвши гдѣ-нибудь на полѣ, или подъ деревомъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей изрѣкали свой судъ, или объявляли новые уставы. Надворные ихъ судьи, коморники (исполнители) и камергеры призывали лицъ, вручали имъ позывъ и исполняли приговоръ. Канцлеры и вицеканцлеры прикладывали восковую печать королевства. Шумная толпа окружала государя. Свободный Полякъ, казалось, никогда не могъ хранить молчанія среди самыхъ совѣщаній и не умѣлъ обуздывать смѣлаго своего языка. Виновнаго судили въ ямѣ. Слѣдствіе производимо было на языкѣ народномъ, а приговоръ, если онъ записывался, писали

на языкѣ латинскомъ. Договоры касательно земскихъ имуществъ, скрѣпляемые всегда королемъ, или его намѣстникомъ, для вѣчной памяти записывались въ церковные служебники (mszały). Другихъ судебныхъ протоколовъ у насъ вовсе не было, и даже нельзя предполагать, чтобы всегда списывали другой экземпляръ привилегій, выдаваемыхъ баронамъ; понятно поэтому, какъ легко было ихъ искажать. Но вскорѣ потомъ, когда цивилизація стала заступать мѣсто первоначальной простоты, король для участія въ своей законодательной власти учредилъ сенатъ, состоявшій изъ епископовъ, воеводъ и кастелановъ, а власть исполнительную повѣрилъ имъ же на равнѣ съ дальнѣйшими своими намѣстниками, старостами и земскими судьями. Суды размѣщаемы были по городамъ и замкамъ, и заведены судейскія книги. Кромѣ судовъ королевскихъ, явились суды чрезвычайные, суды старостъ (starościnskie), воеводскіе и кастеланскіе. Дѣла уголовныя рѣшались въ grodach (судахъ городскихъ), т. е. судомъ старостъ и кастелановъ; дѣлами гражданскими завѣдывали ziemstwa (суды земскіе), т. е. камергеры и другіе подобные имъ чиновники. Раздѣлъ Польши на удѣлы между потомками Пястовъ и привилегіи, данныя магнатамъ, до безконечности умножили число судовъ. Прежде въ цѣломъ государствѣ былъ у насъ только одинъ воевода, потомъ каждый Пястъ имѣлъ своего воеводу, а наконецъ явилось ихъ столько же, сколько было отдѣльныхъ провинцій. Въ крѣпостяхъ начальствовали кастеланы, подчиненные воеводамъ, исключая краковскаго кастелана, который, по назначенію Болеслава Кривоустаго, навсегда долженъ былъ считаться выше мѣстнаго воеводы и первымъ изъ всѣхъ свѣтскихъ сенаторовъ. Духовенство уже съ 1180 года стало засѣдать въ сенатѣ; первымъ между сенаторами духовными былъ архіепископъ гнѣзенскій. Священнослужители бывали канцлерами и про-

стыми писцами какъ въ городскихъ, такъ и въ уѣздныхъ судахъ. При епископахъ состоялъ свой особенный нотаріусъ.

Мы сказали, что духовные были стражами тогдашняго небогатаго образованія; повторимъ, что при каѳедрахъ и монастыряхъ заведены были школы и библіотеки. Однако же мы съ горестію замѣтили, что духовенство не всегда соотвѣтствовало своему высокому призванію, — особенно же мало въ XIII вѣкѣ. Какъ клирики, такъ и монахи, расточали богатыя имущества на развратъ и роскошь; священники еще были женаты. Не смотря на то, что одежда по уставу была назначена особенная, духовные охотно рядились въ свѣтское, или рыцарское платье, ходили въ красныхъ башмакахъ, носили дорогіе рукава съ отворотами до самаго локтя, стоячіе воротники, богатые перстни на рукахъ, мечи или ножи у пояса. Нѣкоторые до излишества предавались охотѣ, какъ напр. краковскій епископъ Павелъ изъ Пржеманкова, котораго даже во время совершенія имъ литургіи окружали собаки, ожидавшія скоро ли онъ пойдетъ съ ними на охоту. Къ подобнымъ же злоупотребленіямъ духовенства нужно отнести и тѣ діалоги, происходившіе въ церквахъ, на которыхъ священники, діаконы и поддіаконы являлись въ маскахъ, представляя изъ себя арлекиновъ. Но злоупотребленія такого рода не были выраженіемъ общаго направленія всего нашего духовенства; напротивъ, власть духовная преслѣдовала ихъ, и въ нѣдрахъ церкви польской конечно не мало было мужей чистыхъ предъ Богомъ и своимъ назначеніемъ, потому-что въ противномъ случаѣ какъ бы могло развиться въ народѣ то христіянское благочестіе, о которомъ мы читаемъ въ сказаніяхъ нашихъ лѣтописцевъ? Каноническое право въ дѣлахъ вѣры имѣло свое огромное значеніе; громы апостольскаго престола неоднократно доходили до насъ; епископы неоднократно пользовались страшнымъ оружіемъ проклятій и запрещеній; св.

Станиславъ не колебался отлучить отъ церкви самого короля; зрѣлище публичнаго покаянія и исповѣди грѣшниковъ, облеченныхъ въ власяницу, съ главою посыпанною пепломъ, было у насъ нерѣдко. Поляки отличались глубокою набожностію; съ особенною торжественностію праздновались у насъ дни Пресвятой Богородицы и Святыхъ, покровителей Польши. Великій Постъ — Четыредесятница — продолжался у нихъ 70 дней. Рождественскій постъ проходимъ былъ съ особенною строгостію; нѣкоторыя послабленія въ этомъ дѣлѣ допущены впервые уже въ 1224 году. Еженедѣльно строгій постъ соблюдался у насъ еще въ среду, пятокъ и субботу. Скоромныя блюда въ среду появились въ первый разъ въ 1548 году на столѣ Сигизмунда Августа при погребеніи его отца, что, какъ замѣчаетъ Оржеховскій, произвело не малый соблазнъ въ правовѣрныхъ Полякахъ. Псалмы и благочестивыя пѣсни раздавались на поляхъ и въ домахъ; предъ вступленіемъ въ бой съ непріятелемъ, пѣли обыкновенно пѣснь: Bogarodzica.

Эта прекрасная черта въ характерѣ нашихъ предковъ пусть служитъ въ нашемъ разсказѣ переходомъ отъ церкви къ обозамъ и сраженіямъ, которыя были столь часты въ эпоху Пястовъ.

Каждый Полякъ, богатый, или бѣдный, поселянинъ, или шляхтичъ, долженъ былъ являться на поле битвы послѣ троекратнаго объявленія wici или призыва. Въ крайнихъ, неожиданныхъ случаяхъ и одинъ призывъ заступалъ мѣсто трехъ. Шляхта являлась на бой блестяще-вооруженною съ собственнымъ продовольствіемъ, на собственномъ конѣ, въ собственномъ вооруженіи и въ кованыхъ изъ жести доспѣхахъ. Конница состояла изъ латниковъ и лучниковъ (вооруженныхъ луками), пѣхота изъ щитоносцевъ (tarczowników). Простой народъ шелъ на защиту замковъ и остроговъ (cast-

га, castella). Эти замки были деревянные, окружались окопами, или каменнымъ валомъ, часто обнесены были остроконечнымъ заборомъ или тыномъ и занимали огромныя пространства, нерѣдко покрытыя лѣсами и пещерами, потому-что во время войны нужно же было устроить какое-нибудь убѣжище для властей судебныхъ, для беззащитныхъ старцевъ, дѣвъ и дѣтей въ краѣ незащищенномъ и подверженномъ частымъ непріятельскимъ набѣгамъ. По горамъ ставили пикеты и зажигали бочки смолы для сигналовъ. Кастеланъ предводительствовалъ военными силами своего уѣзда. Впослѣдствіи, съ измѣненіемъ стратегическихъ понятій, этотъ порядокъ измѣнился, движенія цѣлыми массами потеряли свою силу, а при Локетѣ является у насъ уже и наемное войско. Въ общее дѣло вступали снерва придворныя хоругви; потомъ дружины землевладѣльцевъ, гербовыя или фамильныя роты—что-то въ родѣ шотландскихъ клановъ; наконецъ простой народъ и слуги, извѣстные подъ именемъ обозной челяди. Роты отличались между собою одеждою и цвѣтомъ хоругвей. Мечъ, лукъ и пика были обычнымъ нашимъ вооруженіемъ. При оборонѣ замковъ, въ непріятелей бросали камнями изъ пращей, пускали деревянныя стрѣлы, напитанныя ядомъ, лили растопленную смолу, жиръ и кипятокъ; въ концѣ эпохи Пястовъ являются у насъ пушки и ручные самопалы.

Нападенія Татаръ густыми сплошными массами выучили насъ исключительно татарской тактикѣ, которая извѣстна была подъ именемъ *гусиной* или татарскаго танца.

Даже скромнымъ дѣвамъ польскимъ не чуждо было военное искусство; мы укажемъ здѣсь на двухъ Полекъ, имена которыхъ не должны бы впрочемъ стоять рядомъ другъ подлѣ друга: на Малгожату изъ Жемботцина и Русиновскую. Первая была достойнымъ уваженія образцемъ героизма и добродѣтели, послѣдняя—отважною разбойницею.

Съ поля битвы, Полякъ, не любившій нѣги, шелъ въ свои дремучіе лѣса на охоту, съ копьемъ на медвѣдя, съ соколомъ и собаками за дичью и птицами. Короли и князья обыкновенно страстно предавались охотѣ; магнаты имъ подражали. Право охоты въ лѣсахъ королевскихъ и частныхъ владѣльцевъ для людей постороннихъ было запрещено. По мѣрѣ усиленія вельможъ, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, монополія охоты часъ-отъ-часу становилась тягостнѣе для народа. Впрочемъ она не вызвала у насъ такого вооруженнаго противодѣйствія, какъ это было въ Англіи; напротивъ, народъ, привыкшій уже смиряться предъ разнаго рода привилегіями, ходилъ на ловы и безропотно платилъ положенную дань владѣльцу земли.

Паны, жили въ укрѣпленныхъ, деревянныхъ, иногда въ половину каменныхъ замкахъ съ башнями, окруженныхъ валомъ и рвомъ; кладовая (scarbiec) и часовня были необходимою принадлежностію замка. Внутри замковъ стѣны комнатъ были увѣшаны богатыми блестящими щитами, луками, мечами, оленьими и зубровыми рогами. Простые дубовые столы и скамьи, глиняныя чаши и роговые бокалы въ богатой серебряной оправѣ уступили позднѣе мѣсто золоту и серебру; являлись богатые ковры, атласъ и бархатъ. Квасы, пива и меды, которыми встарину угощали на столахъ королевскихъ, замѣнены венгерскимъ и мальвазіями даже въ хижинахъ небогатой шляхты. Полякъ любилъ изобильные пиры; великолѣпный пріемъ императора Оттона Болеславомъ Храбрымъ и пиръ, которымъ въ царствованіе Казиміра Великаго краковскій мѣщанинъ Вѣржинекъ угостилъ князей, доказываютъ зажиточность и тщеславіе нашихъ предковъ. Монастыри и замки были окружаемы садами и цвѣтниками; этотъ прекрасный обычай перенесли къ намъ Бенедиктинцы и Цистерцы. Были у насъ и виноградники, какъ напр. въ Завихосьцѣ и Тржебницѣ; но они одичали вслѣдствіе истреб-

ленія лѣсовъ и соединеннаго съ нимъ охлажденія климата.

Скромность, но не убожество, мы видимъ въ хижинѣ шляхтича. Ограниченность обыкновенныхъ потребностей жизни доставляла по временамъ болѣе зажиточному шляхтичу возможность погулять у себя дома; а бѣднѣйшій отправлялся въ такихъ случаяхъ въ гостинницу, гдѣ медъ и вино лились рѣками, заводились танцы; было весело, шумно и чинно. Одежда Поляковъ была длинная, широкая и скромная. Домашній нарядъ мужчины составляли: епанча, кафтанъ, кожаный поясъ и сапоги съ длинными голенищами; женщины носили бѣлую, льняную одежду и покрывала по примѣру монахинь; за то въ праздники старались одѣться какъ можно великолѣпнѣе. Волосы у насъ подстригали, плели въ косы и завивали; бороды намащали благовоніями, по обычаю библейскому. Паны носили одежду зеленую, красную, или сѣраго цвѣта, длинные, бархатные плащи, шитые золотомъ, подбитые драгоцѣнными мѣхами. Златотканныя матеріи, шелковыя и бархатныя ткани, брюссельскія сукна и собольи мѣха сдѣлались необходимою потребностію. Моды часто однакоже измѣнялись: паны одѣвались по-татарски, по-венгерски, или по-нѣмецки, а *пани* Богъ знаетъ уже по-какковски.

Да и можно было въ Польшѣ временъ Пястовъ предаваться подобнаго рода излишествамъ. «Не смотря на плачевное состояніе—говоритъ Лелевель—нельзя сказать, чтобы Польша была страною бѣдною и истощенною; въ ней недоставало только порядка и развитія жизни общественной». Земля, только-что добытая изъ-подъ лѣса, на обработку которой не щадили пота бѣдныхъ хлѣбопашцевъ, въ изобиліи производила хлѣба, которые имѣли выгодный сбытъ; пчеловодство, разводимое съ успѣхомъ, доставляло медъ; бобровые мѣха были

не послѣднимъ источникомъ доходовъ, хотя монополія ихъ исключительно принадлежала казнѣ, по крайней мѣрѣ въ казенныхъ бобровыхъ гнѣздахъ на рѣкахъ Нидѣ и Вартѣ, къ которымъ были приставлены особыя должностныя лица. Поляки сами занимались внутренней торговлей хлѣбомъ, дровами, поташомъ, солью, свиньями и овцами. При недостаткѣ водяныхъ сообщеній, сухопутная торговля изрѣзала всю польскую землю сѣтью купеческихъ дорогъ. Чрезъ Польшу Сѣверъ и Западъ Европы сообщались съ Греціею, Руссью и Азіею. Плаваніе по Вислѣ, которую Казиміръ Великій подарилъ каналомъ отъ Бохши до Кракова, хотя и было при впаденіи ея въ Балтійское-море стѣснено Крестоносцами, тѣмъ не менѣе однакожь обогащало Польшу.

Къ оживленію нашей торговли не мало способствовали Нѣмцы и Евреи. Послѣдніе, изгнанные изъ Германіи вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, нашли у насъ убѣжище и привилегіи. Ихъ многочисленность и оборотливость, казалось, обѣщали Польшѣ многое; но на дѣлѣ, принесши ей одинъ только вредъ, они не оказали намъ даже и той пользы, какую приносили нѣмецкіе колонисты. Овладѣвъ мало-по-малу всей нашей торговлей, они исказили ее до обмана; поселившись въ городахъ, разстроили благосостояніе городскихъ обывателей и лихоимствомъ своимъ сдѣлались истинной язвою новаго для нихъ отечества. Самый меньшій процентъ, взимаемый ими, былъ 24-й или 25-й.

Польша имѣла свои рудники драгоцѣнныхъ металловъ, вѣроятно въ Татрахъ. Болеславъ Храбрый чеканилъ монету въ Вроцлавѣ, а Кривоустый въ Гнѣзнѣ и Краковѣ. При позднѣйшихъ Пястахъ являлось много очень плохой монеты, потому-что они уступали право чеканить ее нѣкоторымъ епископамъ и городамъ. Вацлавъ, король богемскій и польскій, возвысилъ монетную пробу и приказалъ чеканить grube

pieniądze (grossi), деньги малой цѣнности, по образцу прагскихъ грошей. Локетекъ ввелъ однообразную монету; Казиміръ В. чеканилъ новые, тяжелые краковскіе гроши.

Кромѣ того, у насъ были въ ходу szelągi (шиллинги, $^1/_6$ часть копейки), pieniążki (денежки, $^1/_4$ часть копейки), złote (15 коп.), grosze ($^1/_2$ коп.), а впослѣдствіи талеры или Halerze (отъ города Галле). Копа и гривна были монетой воображаемой только для счетовъ. Извѣстны были у насъ и рубли, т. е. отрубленные куски серебра, а также монеты русскія, чешскія и нѣмецкія. Мѣха и полотна представляли тоже монету.

Съ привилегіями городамъ возвысилась внутренняя торговля и промышленность. Рынки и торжища, польскіе wiki, представляли картину движенія, полную жизни. Что производила земля, что вырабатывали руки, чего требовали нужды или роскошь обывателей, все тутъ было, хотя еще наивный торговецъ и не научился устраивать изъ своей лавки привлекательныхъ для глаза залъ. Толпились тутъ кучи людей разнороднѣйшихъ одеждъ, племенъ и нарѣчій; преобладающими однако были разговоры и крики нѣмецкіе, жидовскіе и польскіе.

Поляки въ обыкновенномъ разговорѣ употребляли родной языкъ; позднѣе же вошелъ въ употребленіе языкъ латинскій и чешскій, почти одинаковый съ польскимъ. При дворѣ Пястовъ и знаменитѣйшихъ магнатовъ говорили по-нѣмецки. Что же касается до выговора, то преданіе о немъ потеряно для насъ, такъ какъ письменные памятники той эпохи весьма различно писаны. Соглашаясь съ Снядѣцкимъ, что предки наши выговаривали слова такъ же точно, какъ и мы, что разница заключается единственно въ усовершенствованіи нынѣ правописанія, осмѣливаемся въ слѣдующихъ цитатахъ писать слова по нынѣшнему, не затрудняя вниманія и зрѣнія читателей страннымъ старопольскимъ правописаніемъ.

VI. ПОЭЗІЯ ПОЛЬСКАЯ И ЛАТИНСКАЯ.

ПОЭЗІЯ ДО-ИСТОРИЧЕСКАЯ. — СЛѢДЫ ПЕРВЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЕЙ. — БОГОРОДИЦА. — ПѢСНЬ НА СМЕРТЬ БОЛЕСЛАВА ХРАБРАГО. — НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ЕГО ЖЕ. — ЭПИТАФІЯ СВ. СТАНИСЛАВА. — МЕДАЛІОНЪ БОЛЕСЛАВА КРИВОУСТАГО. — ПѢСНЬ РУССКАЯ О ИГОРѢ. — ПѢСНЬ О АЛЬБЕРТѢ, ВОЙТѢ КРАКОВСКОМЪ. — РЕЛИГІОЗНЫЯ ПѢСНИ. — ДІАЛОГИ. — ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

Прежде чѣмъ исторія пролила свой свѣтъ на государства и народы, вездѣ почти одни только поэтическія произведенія народа возбуждали и сохраняли въ себѣ темныя воспоминанія о временахъ сѣдой древности; они одни въ очаровательномъ видѣ передавали отдаленнымъ потомкамъ память о ихъ праотцахъ и о тѣхъ дѣяніяхъ, которыя нѣкогда потрясали ихъ бытъ. Чѣмъ дышало, чѣмъ жило сердце народа, то и выражалось въ простыхъ, но откровенныхъ пѣсняхъ Баяновъ. Гомеръ облекъ блистательною одеждой до-историческій бытъ Греціи; Оссіанъ поэтически восполнилъ средневѣковый перерывъ въ исторіи Каледоніи; пѣвецъ подвиговъ Игоря на Руси не менѣе поэтически представилъ старыя времена и старыя понятія своей родины; богемскій поэтъ, котораго пѣснямъ мы и до сихъ поръ удивляемся въ кроледворскомъ спискѣ, увѣковѣчилъ ту минуту, когда его родичи сдѣлали окончательный разрывъ съ прежнею вѣрою и крестъ Христовъ возсіялъ на стогнахъ земли Людека; у Скандинавовъ были свои Скальды, у Галловъ Друиды, а потомъ Трубадуры, у Германцевъ Миннезингеры.

Неужели мать поэзія пѣла свои пѣсни и у колюбели нашего народа?

Не смотря на общность противнаго мнѣнія, мы осмѣлимся сказать: да.

Не дошли къ намъ слова этихъ пѣсней, но содержаніе ихъ сохранилось во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Люди чуждаго намъ образа мыслей, записавъ содержаніе поэзіи, мечты и созданія воображенія нашего народа, добродушно выдали ихъ намъ за факты историческіе, испестрили ихъ своею дѣтскою ученостью, подвели подъ Богъ знаетъ какую хронологію, и въ этой-то странной формѣ поэзія наша явилась въ видѣ *лѣтописныхъ басенъ*. И подлинно! Лѣтописцы не выдумали разсказовъ о Кракусѣ, Вандѣ, Пястѣ и Попелѣ—они только передѣлали ихъ по своему. Прежняя критика проходила презрительнымъ молчаніемъ эти начала нашей исторіи, позднѣйшая снисходительно смотрѣла на нихъ, какъ на *преданія* какихъ-то отдаленныхъ, неизвѣстныхъ временъ; но и для этого они кажутся намъ слишкомъ недостаточными. Будемъ смотрѣть на нихъ какъ на чистый вымыселъ, или какъ на правду, опоэтизированную фантазіей народа, словомъ—станемъ смотрѣть на нихъ, какъ на *поэзію*, и они представятся намъ въ новомъ, очаровательномъ видѣ; пусть какой-нибудь геніяльный пѣвецъ проникнется духомъ народнымъ, пусть воспроизведетъ для насъ эти басни, и мы перестанемъ завидовать своимъ соплеменникамъ, имѣющимъ свое поэтическое Слово о полку Игоревѣ. Какое прекрасное явленіе — три брата, которые расходятся въ различныя стороны, въ три пустыни міра, для того, чтобы занять ихъ, населить и устроить! Какое поэтическое выраженіе сродства трехъ славянскихъ народовъ! Какимъ богатыремъ покажется намъ Кракусъ! Какъ прекрасно будетъ сказаніе о Пястѣ, сынѣ *Кошыска*, принимающемъ у себя гостей, сказаніе какъ онъ варитъ медъ, а потомъ по волѣ народа дѣлается его старѣйшиною, королемъ! А Ванда, которая любитъ Рытыгера и однакоже борется съ нимъ и побѣждаетъ его, но, не въ состояніи будучи устоять въ борьбѣ страсти съ обязанностію,

исчезаетъ въ волнахъ Вислы? А Попель, этотъ суровый деспотъ, котораго съѣдаютъ мелкія крысы, возродившіяся изъ труповъ дядей имъ убитыхъ, не ужели онъ не достоинъ поэтическаго пера? Не краснорѣчиво ли онъ напоминаетъ намъ стихъ Виргилія: «Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor?» А это чудовище, опустошавшее страну, а этотъ Скуба, краковскій мѣщанинъ, освободившій отечество отъ змія? Развѣ это не прекрасныя, чисто-поэтическія пѣсни, которыя, хотя и проникнуты преданіями, но отнюдь не основаны на нихъ? Поэтому мы рѣшительно утверждаемъ, что у насъ *были* подобныя рапсодіи въ формѣ пѣсней, но что онѣ исчезли для насъ или вмѣстѣ съ язычествомъ, или, будучи преданы письменно, быть можетъ сгорѣли въ огнѣ богемскихъ, или татарскихъ набѣговъ; что вѣтеръ развѣялъ ихъ въ пустынѣ, куда укрылись ихъ виновники, и что до первыхъ нашихъ лѣтописцевъ онѣ дошли уже въ формѣ преданій, а тѣ окончательно исказили ихъ.

Въ ожиданіи, пока будущій пѣвецъ вознаградитъ насъ за эту потерю, представимъ бѣдные остатки поэзіи нашей въ эпоху Пястовъ; скудны они, потому-что иначе быть не могло. Народъ долженъ былъ скрывать сокровища своей поэзіи, забыть о ней подъ вліяніемъ новой вѣры, среди набѣговъ вражескихъ, среди домашняго порабощенія. Не безъ того, чтобы стѣсненная грудь его не издала ни одного поэтическаго вздоха о старомъ уходящемъ отъ него порядкѣ вещей, не облегчила себя ни одною пѣснію, ни однимъ стенаніемъ подъ тяжестію бѣдствій, хоть чѣмъ-нибудь въ родѣ той пѣсни, которая, какъ пишетъ Кадлубекъ, оплакивала удары, нанесенные Пруссаками Поморянамъ въ царствованіе Болеслава Кудряваго (Kędzierzawego), хоть какимъ-нибудь словомъ о современныхъ, близкихъ сердцу происшествіяхъ, хоть чѣмъ нибудь въ родѣ привѣтствія Казиміру Миху: «O witajże,

witaj miły gospodynie! Но нѣкому было записывать, нѣкому было помнить эти пѣсни? Онѣ раздавались въ деревняхъ до тѣхъ поръ, пока не исчезъ духъ ихъ оживлявшій, пока самъ народъ не забылъ, или не передѣлалъ ихъ. А тѣ пѣсни народныя, которыя дошли до насъ, не представляютъ никакой возможности отнесть ихъ къ той, или другой эпохѣ.

Укажемъ впрочемъ заглавія нѣкоторыхъ пѣсней народныхъ, собранныхъ Войцицкимъ, въ которыхъ онъ подозрѣваетъ слѣды древности эпохи Пястовъ.

Pan starasta. Пѣсня эта какъ будто бы возникла изъ разсказа о невѣрности и строгой казни Лутгарды, супруги Пржемыслава.

Ukradziona (похищенная), содержитъ въ себѣ просьбу той же несчастной княжны, умоляющей своего супруга отослать ее, хотя въ одной рубахѣ, къ матери.

Jazdów (наѣздъ). Пѣсня, которая упоминаетъ о Татарахъ, и, повидимому, относится къ эпохѣ Пястовъ, но предметомъ ея служитъ опустошеніе подъ Варшавою, гдѣ, какъ извѣстно, никогда не бывали Татары.

Безъ сомнѣнія, сюда принадлежатъ пѣсни обрядовыя, остатки язычества и христіянства, какъ Sobotki (Субботы) и утопленіе Мажанны въ пятую недѣлю поста съ припѣвомъ: «Smierć się wije po płotu, szukającу kłopotu» (смерть сидитъ вонъ на заборѣ, ищетъ дѣла на просторѣ), а такъ же пѣсни свадебныя, погребальныя, по окончаніи жатвы и на другія деревенскія празднества.

Между письменными обломками поэзіи, какъ духовной, такъ и свѣтской, которые мы здѣсь исчислимъ, первое мѣсто должна занимать пѣснь Bogarodzica, возникшая въ X вѣкѣ, съ первою зарею христіянства въ Польшѣ, и составленная, по преданію, нашимъ апостоломъ-просвѣтителемъ св. Войцехомъ. Пѣсня эта не чисто польская, потому-что соста-

вителемъ ея былъ Богемецъ; она и не дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, будучи подвержена неоднократной передѣлкѣ. Вотъ ея начало:

(нынѣшнее правописаніе)

Bogarodzica, dziewica Bogiem sławiona — Marya,
U twego Syna gospodyna, Matko zwolona — Marya,
Ziścij nam, spuścij nam, Kyrielejson,
Twego dzieła Chrzciciela zbożny czas,
Usłysz głosy, napełnij mysli człowiecze,
Słysz modlitwę (co) ją wznosimy,
To dać raczy, jegoż prosimy;
Daj na świecie zbożny pobyt,
Po żywocie rajski przebyt. Kyrielejson i t. d.[1]

Другимъ, по времени, памятникомъ нашей поэзіи можетъ служить сохраненная Галломъ пѣсня на смерть Болеслава Храбраго, скончавшагося въ 1025 году. Пѣсня эта начинается словами: «*Omnis etas, omnis sexus, omnis ordo currite*». Галлъ перевелъ ее съ польскаго языка на латинскій, а можетъ-быть и самъ сочинилъ ее на языкѣ латинскомъ. Доказательства, которыя по этому поводу приводитъ Маіоркевичъ (Исторія Лит. и Крит., стр. 82 и 83), согласны съ нашимъ образомъ мыслей. Чувствованія, которыя въ ней выражаются, отнюдь не народны до такой степени, чтобы пѣсню эту могъ пѣть народъ. Какъ бы то ни было, нельзя однакоже сомнѣваться въ томъ, что народъ жалѣлъ Храб-

[1] *Перевод.* «Богородице, Дѣво, Богомъ прославленная — Марія, — Возлюбленная Матерь Твоего Сына и Господа — Марія, — испроси, ниспошли намъ *милость Господню*, — внемли гласу, проникай (собою) мысли людей, — услышь мольбы, къ Тебѣ возносимыя, — благоволи исполнить прошенія наши, — дай намъ благочестно пожить въ вѣцѣ семъ, — а по смерти удостой насъ райскаго житія. Господи помилуй».

раго. Лѣтописи говорятъ, что по смерти Болеслава умолкло пѣніе и музыка, затихли пѣсни народныя.

Латинская *надгробная* надпись Болеславу, сохранившаяся въ познанскомъ каѳедральномъ соборѣ, есть ли она произведеніе тогдашняго времени, какъ доказываетъ Вишневскій, или вѣка XV, какъ кажется Іосифу Лукашевичу, во всякомъ случаѣ достойна нашего вниманія, какъ память, посвященная великому монарху.

ОРИГИНАЛЪ.

Hic jacet in tumba, princeps gloriosa Columba,
Chrabri tu es dictus, sis in aevum benedictus.
Fonte sacro lotus, servus Domini puta totus,
Praecidens comam, septenni tempore Romam,
Tu possedisti velut athleta Christi:
Regnum Sclavorum, Gothorum seu Polonorum.
Caesar praecellens, a te Ducalia pellens
Plurima dona sibi, quae placuere tibi
Huic dedisti, quia divitias habuisti.
Inclite dux, tibi laus, invicissime Boleslae,
Perfido natus patre, sed credula matre
Vincisti quoque terras, faciens bellum guerras,
Ob famam bonam, tibi dedit Otto coronam
Propter tutamen, sit tibi salus.
Amen. [1]

[1] *Переводъ.* «Здѣсь почиваетъ во гробѣ, князь, доблестная Голубица,— ты названъ Храбрымъ, хвала тебѣ во вѣки,'— омытый въ священномъ источникѣ, рабъ Господень, — отсѣкая волосы семилѣтняго времени въ Римѣ.—Ты владѣлъ, какъ воинъ Христовъ,—царствомъ Славянъ, Готовъ или Поляковъ. —Знаменитый императоръ хотѣлъ отнять у тебя достоинство князя, — ты далъ ему богатые дары, какіе самъ хотѣлъ, — потому-что ты обладалъ богатствами. — Доблестный князь, хвала тебѣ, непобѣдимый Болеславъ,—рожденный отъ невѣрнаго отца, но отъ правовѣрной матери. —Ты побѣдилъ страны войною и оружіемъ. — Для доброй славы, Оттонъ далъ тебѣ корону.—Буди спасенъ, чтобы за насъ ходатайствовать. Аминь».

Когда мощи св. Станислава перенесены были изъ церкви св. Михаила въ каѳедральный краковскій соборъ, на ракѣ его золотыми буквами вырѣзали слѣдующую латинскую эпитафію:

ПОДЛИННИКЪ.

Tumba Stanislai cineres tegit ista Beati,
Regis Boleslai, quia non favet impietati,
Martyrio meritas coeli migravit in aedes,
Felix cui Deitas merces, cui sidera sedes.[1]

Не находя болѣе приличнаго мѣста, мы рѣшились привести здѣсь въ переводѣ латинскую *надпись*, бывшую вмѣстѣ съ портретомъ Владислава Германа, на золотомъ медаліонѣ, который носилъ на груди сынъ его Болеславъ Кривоустый; она содержитъ въ себѣ слѣдующія отеческія правила:

Mowa twoja wprzód nim z ust wyjdzie, patrz aby była przyzwoitą i uczciwą; ojciec bowiem ją słyszy.

Uczynki twoje niechaj mają woń sprawiedliwości i prawdy, bo ojciec je widzi.

Niech wszystkie drogi królewskie sprawiedliwością się rządzą.

Cokolwiek myślisz lub czynisz, bądź mądrym szanując obecnego Boga i Rodzica.[2]

---

[1] *Переводъ*. «Гробъ этотъ скрываетъ прахъ блаженнаго Станислава,—который за то, что не благопріятствовалъ нечестію царя Болеслава,—путемъ мученичества переселился въ заслуженныя имъ небесныя обители,—счастливъ тотъ, кому Богъ наградою, а звѣзды сѣдалищемъ».

[2] «Прежде, чѣмъ станешь говорить, смотри, чтобы рѣчь твоя была прилична и благородна; потому-что отецъ на тебя смотритъ».

«Дѣла твои да благоухаютъ волею справедливости и правды, потому-что отецъ ихъ видитъ».

«Всѣми стезями царскими да управляетъ правосудіе».

«Будь мудрымъ во всѣхъ твоихъ словахъ и поступкахъ, благоговѣя въ присутствію Божію и памяти родителя».

Въ честь побѣдъ Болеслава Кривоустаго (говоритъ Галлъ) пѣлись у насъ пѣсни, изъ коихъ двѣ сохранилъ для насъ тотъ же Галлъ, только въ латинскомъ переводѣ. Здѣсь достовѣрность ихъ польскаго происхожденія кажется несомнѣнною. Въ одной изъ нихъ, которая повидимому есть не что иное, какъ собраніе пословицъ, переведенныхъ Галломъ на Леонины, по поводу поморскихъ войнъ, отдавая преимущество новымъ временамъ предъ старыми, сравниваютъ мужество древнихъ Поляковъ съ современными слѣдующимъ образомъ:

«Dawniéj przynoszo o za łup wojenny ryby solone i cuch-
«łe, dzisiaj synowie przynoszą je drgające i swieże. Ojcowie
«nasi brali miasta, dzieci nie lękają się burz i fal morskich;
«ojcowie polowali na jelenie i dziki, synowie polują na po-
«twory morskie i biorą skarby morza». [1].

Не мало однако поэзіи въ этихъ сравненіяхъ.

Когда Збигневъ, братъ Болеслава Кривоустаго, возбудилъ противъ Польши императора Генриха V, Славяне, бывшіе въ его войскѣ, пѣли въ честь Кривоустаго пѣсню, не смотря на запрещеніе императора. Галлъ слышалъ ее отъ стариковъ Поляковъ и сохранилъ для насъ въ своей лѣтописи, только въ переводѣ на латинскій языкъ. Постараемся освободить ее изъ оковъ латинизма.

«Boleslaue! Boleslaue! Dux gloriosissime! [2].
«Bolesławie! Bolesławie! o chwalebny panie!
Jakże bacznie, jak gorliwie bronisz twoją ziemię.

---

[1] *Переводъ.* «Прежде воины получали въ добычу рыбу вяленую и гнилую, а теперь сыны наши приносятъ трепещущую и свѣжую. Отцы наши брали города, а дѣти не страшатся бурь и валовъ разъяреннаго моря; отцы наши охотились на оленей и кабановъ, а дѣти убиваютъ морскихъ чудовищъ и извлекаютъ сокровища моря.»

[2] «Болеславъ! Болеславъ! Государь достохвальный!—Съ какою заботою

Czy to we dnie, czy w nocy, czy to we świtanie,
Twoje oko na nas czuwa i samo nie zdrzemie,
Gdy sądzimy, że cię marnie trupem już położym,
Ty nas dzierżysz jak w więzieniu w twej potężnej sile.
Taki bojak godzien rządzić całym światem Bożym,
Który garstką umie zwalczyć nieprzyjaciół tyle.
Chociaż Cesarz wszystkie wójska na ciebie uzbroi,
Ciebie jednak nie powstrzyma prawica niczyja,
Królowanie i Cesarstwo takiemu przystoi,
Kto zastępy maluczkiemi wielkie siły zbija.
Jako niegdyś z Pomorszczyzną, tak się z nami sprawi,
Naszą dumę upokorzy i zuchwalstwo skarci.
I po wrogach pokonanych swój tryumf odprawi,
I wypędzi nas z ojczyzny — bo jesteśmy warci.
On wojuje z poganami, jako niebios plaga,
A my walczym z Chrześcijany, bo nam za nic wiara,
Stąd mu zawsze do zwycięztwa Pan Bóg dopomaga,
Na nas pomści się za zbrodnię i słusznie pokara.»

Посредственную, какъ выразился Леславъ Лукашевичъ, собственность нашу составляетъ пѣсня, какъ Слово о полку Игоревѣ, написанная на языкѣ бѣлорусскомъ неизвѣстнымъ сочинителемъ въ концѣ XII вѣка. Слово это сдѣлалось на-

---

и самопожертвованіемъ ты защищаешь свою землю! — Днемъ ли то, ночью ли, или на разсвѣтѣ,—глазъ твой не задремлетъ бодрствуя надъ нами;— когда мы думаемъ тебя увидѣть трупомъ бездыханнымъ, — ты какъ въ узахъ держишь насъ въ своей грозной десницѣ.—Подобный тебѣ воинъ, умѣющій побѣждать столькихъ враговъ горстію отважныхъ, — достоинъ владѣть цѣлымъ міромъ Божіимъ.—Хотя бы императоръ вооружилъ и всѣ свои силы,—тебя не удержитъ ни чья десница. — Тому быть королемъ и императоромъ,—кто съ малыми силами побѣждаетъ цѣлыя воинства.— Какъ нѣкогда съ поморянами, такъ онъ управится и съ нами,—унизитъ гордость и нашу дерзость накажетъ. — На трупахъ враговъ отпразднуетъ свою побѣду,—и изгонитъ насъ изъ отечества, потому-что мы того достойны.—Онъ поражаетъ язычниковъ, какъ казнь небесная,—и мы сражаемся съ христіанами, ни во что̀ вмѣняя вѣру;—поэтому ему Богъ даетъ побѣду,—а намъ отмститъ за наши беззаконія мечемъ справедливости.»

шею народною собственностію, благодаря прекрасному переводу его на языкъ отечественный г. Авг. Бѣловскаго. Предметомъ этой поэмы служитъ походъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича въ землю половецкихъ Татаръ въ 1185 году, его побѣды, потомъ его пораженіе и бѣгство изъ плѣна. Силу, искренность и простоту, съ какою неизвѣстный пѣвецъ передалъ намъ свою пѣснь, мы не можемъ выразить иначе, какъ только сравненіемъ этаго произведенія съ чудными пѣснями божественнаго Гомера. Для примѣра приводимъ два отрывка.

1. БОЙ.

(Переводъ Кипріана Годебскаго).

«Swiatło krwawe, dniowego blask okrywa gońca,
Chmury ciągną od morza na Rossyjskie słońca,
Dnia jasność zasępiają okropne pomroki,
Błysk ognisto błękitny krzyżuje obłoki.
Chmura z chmurą się ściera, grom po gromie wali,
Burza pędzi od brzegów Donu i Kojali.
Tam lotnych grad pocisków zasępi powietrze,
Miecz Rossyjski na hełmach Połowców się zetrze,
I nurty błękitnego zarumieni Donu.
Już Rossyjczyk pomijał ziemię *Szelemonu*
Zaszhumiał ród *Stryboga* od morskiego brzegu;
Drży ziemia, i zmęcony strumyk ustał w biegu.

---

[1] *Подлинникъ.* (По объясненіямъ Дубенскаго). «На другой день весьма рано багровая заря свѣтъ предвѣщаетъ; черныя тучи съ моря идутъ, сбираются обложить четыре солнца; а въ нихъ сверкаютъ синіи молніи: быть грому сильному, идти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Тамъ-то копьямъ поломаться, тамъ саблямъ притупиться объ шлемы половецкіе — на рѣкѣ Каялѣ, у Дону широкаго! О Русь, уже ты спустилась подъ гору! Чу! вѣтры, Стрибоговы внуки, дуютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы! Земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль по полямъ стелется; Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ сторонъ окружили

Słupy wznoszą się kurzu, chorągwie szeleszczą,
Po twardych zbrojach włócznie hartowane trzeszczą,
Od morza Donu zewsząd Połowiec zuchwały,
Na lud mężny Igora gradem sypie strzały,
Mężny rycerz na wszystkie postrach niesie strony.
Ale widząc swój obóz na wkół otoczony,
Pomimo zwycięzkiego Połowców okrzyku,
Walecznych Rossyjanów utrzymuje w szyku.
A gdy tym do natarcia siły już niestarczy,
Słonią swój obóz murem z purpurowych tarczy.
O mężny Wsewołodzie! tyś na straży czele,
Twój miecz pohańczą kością brzegi Donu ściele.
Naprożno nieprzyjaciel w hart ufa pancerzy,
Stal pęka, głowy lecą gdzie twa ręka zmierzy.
Nie uważasz na blizny i na wiek twój młody,
Na świetne przeznaczenie ni na blask urody.
Zapominasz o złotym po twym ojcu tronie,
I o czułych piesczotach na Glebowny łonie.

2. Żal Jarosławny małżonki Igora.

(Tłómaczenie Augustyna Bielowskiego).

«Głos Jarosławny słychać — (rankiem w Maju,
Kukułka takiém kukaniem się żali):

полки русскіе. Дѣти бѣсовскія крикомъ поля оградили, а храбрые сыны Руси загородили багряными щитами. Ярый туръ Всеволодъ! ты стоишь впередовыхъ, прыщешь на воиновъ стрѣлами, стучишь по шеломамъ ихъ мечами булатными; гдѣ туръ проскакалъ, своимъ золотымъ шлемомъ сверкая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; раздроблены шлемы Аварскіе твоими закаленными саблями, ярый туръ Всеволодъ! Какой раны побоится тотъ, братцы, кто отказался отъ почести, отъ жизни, отъ города Чернигова, отцовскаго золотаго престола, отъ свычая и обычая своей милой супруги—Глѣбовны.»

2. Плачъ Ярославны.

Слышенъ голосъ Ярославинъ: невидимой кукушкою рано воитъ.

«Polecę—mówi—ku brzegom Dunaju,
«Bobrowy rękaw umoczę w Kojali,
«Otrę krew księciu i rany niedawne
«Na skrzepłém ciele
Słychać Jarosławnę
Z wieżyc Putywla, tak płacze zaraniem:
«O wietrze! wietrze! czemu silném wianiem
«Chanowi w pomoc idą skrzydła twoje?
«Czém miotasz strzały na lube mi woje;
«Małoż ci jeszcze po gór bujać szczycie
«I chwiać korable po morza błękicie?
«Czemuż wesele rozwiałeś mi dawne?
«Z wieżyc Putywla słychać Jarosławnę:
«O Dnieprze sławą ciekący po ziemi!
«Skałyś Połowców przedarł prądy swemi.
«Tyś Swiatosława korablów gromadę
«Niósł na Kobiaka—wróć mi mego Ładę.

---

2. Плачь Ярославны.

Слышенъ голосъ Ярославнинъ: невидимой кукушкою рано вопитъ. «Полечу, говорила она, кукушкою по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю кровавыя его раны на могучемъ его тѣлѣ», Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, приговаривая: «О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ, господинъ, въ лице вѣешь? Зачѣмъ мчишь на своихъ легкихъ крыльяхъ половецкія стрѣлки на воиновъ моего супруга? Развѣ тѣсно тебѣ вѣять вверху подъ облаками? Лелѣя корабли на синемъ морѣ, зачѣмъ, господинъ, мое веселіе по ковылю развѣялъ?» Ярославна рано плачетъ на Путивльской городской оградѣ, причитая: «О Днѣпръ словутичъ! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую; ты невредимо донесъ на себѣ ладьи Святославовы до полку Кобякова: взлелѣй, господинъ, моего супруга ко мнѣ, чтобы я рано не слала къ нему слезъ моихъ на море». Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на оградѣ, приговаривая: «Свѣтлое и тресвѣтлое солнце! Для

Z Putywla wieżyc płacze Jarosławna:

«O słońce trzykroć promienne i ciepłe,
«Ożywiasz martwe, budzisz twory skrzeplе,
«Za cóż z twych szlaków po podniebnym sklepie,
«Na lube woje ciskasz żar nieczuły?

Какъ памятникъ временъ Локетка, дошла до насъ пѣсня: о *Альбрехтѣ, войтѣ краковскомъ,* которая, по всей вѣроятности, вначалѣ была сложена на польскомъ языкѣ, но уже лѣтописцемъ переведена на латинскій. Поводомъ къ ея составленію было слѣдующее обстоятельство: когда Владиславъ Локетекъ по праву наслѣдства занялъ польскій престолъ, жители, благопріятствовавшіе Нѣмцамъ, взбунтовались противъ него сначала въ Познани, а въ 1311 году и въ Краковѣ. Главою возстанія былъ тамошній войтъ родомъ Нѣмецъ, по имени Альбрехтъ, успѣвшій склонить на свою сторону и Мускату, епископа краковскаго. Локетекъ усмирилъ однако возстаніе, а Альбрехта заключилъ въ темницу. Вотъ эта пѣсня въ нашемъ переводѣ на польскій языкъ съ соблюденіемъ размѣра подлинника:

«*In fortunas qui spem ponit*».[1]
«Kto w fortunie ufność kładzie,
Kto nie pomnąc o jej zdradzie,
Wierzył w mary lube,
Ten poznawać rychło zacznie,
Jako płocho i niebacznie,
Oddał się na zgubę.

всѣхъ ты тепло и ясно: зачѣмъ же, господинъ, опалило знойнымъ лучемъ своимъ воиновъ моего супруга? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, натуго у нихъ колчаны замкнуло?»

[1] *Переводъ.* Кто надѣется на счастье, кто, забывъ о его измѣнчивости, вѣритъ въ любимыя мечты, тотъ скоро узнаетъ какъ безразсудно и легкомысленно онъ отдалъ себя погибели.

Dola płocha i zwodnicza,
To odbiéra, to użycza
Jak dziécię swawoli.
Dziś się owi cieszą błogo,
Jutro gorzko płakać mogą
Na niestałość doli.

By wykazać losów zdradę,
Ja mój przykład dla was kładę
Albertem rzeczony,
Miałem skarby, miałem zdrowie,
Byłem wójtem na Krakowie,
Pisałem zakony.

I cześć miałem w każdym razie,
Mnie barony, hrabie, kniazie,
Nazywały bratem.
Jam ich wspierał w każdym względzie,
Jam ich bronił na urzędzie
I przed Majestatem.

Вѣтреная и обманчивая судьба, то даетъ что-нибудь, то отниметъ, какъ капризные дѣти. Сегодня радостно тѣшитъ она, а завтра уже можно горько оплакивать ея непостоянство.

Чтобы показать невѣрность жребія, я приведу вамъ примѣръ Альбрехта. Имѣлъ я богатство, былъ здоровъ, былъ войтомъ въ Краковѣ и предписывалъ законы.

При всякомъ случаѣ меня чествли, бароны, графы и князья называли меня братомъ. И я во всѣхъ случаяхъ поддерживалъ ихъ, охранялъ на судѣ и предъ королемъ.

Król, czy baron, czy wielmoże,
Na méj radzie na wyborze
Polegał zwyczajnie.
I książęta i panowie,
Powierzali mojéj głowie
Najważniejsze tajnie.

Sprawowałem zupy solne,
Miałem miasta, wsi okolne,
Których sam nie zliczę.
Miałem zamki jak książęce,
Piastowałem w mojéj ręce
Władzę namiestniczę.

Lecz gdy rośnie moja siła,
Czarna dola pośpieszyła
Z haniebną zatratą.
A ów człek co tyle znaczy,
Upadł nagle w stan żebraczy,
Czym zasłużył na to?

И король, баронъ ли, вельможа ли, всѣ обыкновенно полагались на мой совѣтъ при выборахъ, и князья и паны довѣряли мнѣ свои важнѣйшія тайны.

Управлявъ я соляными копями, владѣлъ мѣстечками и селами, которымъ и самъ не зналъ счета. Были и замки у меня въ родѣ княжескихъ и держалъ я въ своей рукѣ власть намѣстника.

Но пока росла моя сила, пришла и черная доля, ведя за собой постыдное разореніе. И человѣкъ значившій столько вдругъ очутился въ положеніи нищаго, и чѣмъ заслужилъ я это?

Ja wierzyłem w szczęście zdradne,
Anim sądził że upadnę,
Przeszła moja władza.
Przeszła wielkość znakomita,
Kniaź *Bolesław* w plen mię chwyta,
W Opolu osadza.

Skuty w pęta i łańcuchy,
Ledwie miałem chléb mój suchy
W zimnéj wieży rogu.
Zamiast komnat i alkowy —
Loch wilgotny, i niezdrowy,
I kupa barłogu.

Pięć lat siedząc w téj katuszy,
Od wszelakiéj żywéj duszy
Byłem zapomniany.
Grosz więźniowi przyszedł gwoli,
On wykupił mię z niewoli,
I skruszył kajdany.

Вѣрилъ я въ измѣнчивое счастье и не думалъ, что упаду, что пройдетъ моя власть. Прошло извѣстное величіе, князь Болеславъ взялъ меня въ плѣнъ, осадивъ въ Ополье.

Потомъ въ цѣпяхъ и оковахъ, я едва имѣлъ сухой хлѣбъ въ моей холодной башнѣ. Вмѣсто комнатъ и алькова, — сырая и нездоровая яма, да куча соломенной постилки.

И пять лѣтъ сидя въ этой тюрьмѣ я былъ забытъ всякой живой душей. По счастію помогли узнику деньги, они выкупили меня изъ неволи, и сокрушили оковы.

Lecz tu biédy się nie kończą,
Wyzwolony, biegłém ręczą
Aż do czeskiéj ziemi,
Bo cierpiałem potwarz nową,
Oskarżony przed królową,
Czyny niewdzięcznemi.

W cudzym kraju, w ciężkiéj dobie,
Tam zamierzył mieszkać sobie,
Tu zakończyć życie.
Tu człek dobry los mój słodzi:
Niech mu Pan Bóg wynagrodzi
Darami sowicie.

Ile miałem sławy, cześci, —
Tyle cierpień i boleści —
Bóg zrównał widocznie.
Gdy wyroki przyjdą Boże,
Tutaj głowę mą położę,
Tu na wieki spocznę.

Но этимъ не кончились бѣды, вскорѣ я былъ вынужденъ бѣжать въ землю Чеховъ, потому что обклеветанный предъ королевой неблагодарными чинами я терпѣлъ снова отъ этого злословія.

Въ чужомъ краю, въ тяжкую пору, тамъ задумалъ я и поселиться и умереть. И тамъ же добрый человѣкъ, да наградитъ его Богъ сугубыми дарами, усладилъ мой жребій.

Сколько славы и почестей, столько же очевидно бѣдъ и невзгоды послалъ мнѣ Богъ. Гдѣ укажетъ Божія воля, тамъ и положу мою голову и засну навѣки.

Tak fortuna, wiecznie płocha,
Dzisiaj pieści i ukocha,
Jutro kołem strzaska;
Zamorduje ręką wściekłą,
Jeszcze duszę wtrąci w piekło,
I otoż jej łaska!

Gdybym wiedział co się stanie,
Byłbym wierny niezachwianie
Polskiemu monarsze;
Na cóż wyszła wierność słaba,
Że pragnąłem mieć od *Szwaba*
Urzędy najstarsze?

Ztąd odmiennéj doli dzieła
Ztąd się zguba ma poczęła,
Stałem nad otchłanią;
Bóg naukę prędko zdarza,
Że jest pomsta na zbrodniarza,
Zasłużyłem na nią.

Такова-то измѣнчивая фортуна, сегодня ласкаетъ и любитъ, а завтра совсѣмъ покинетъ; убьетъ неистовою рукою, направитъ еще душу въ адъ,—вотъ и ласка ея!

Если бы я зналъ что случится, я былъ бы непоколебимо вѣренъ Польшѣ. Оттого и была слаба моя вѣрность, что я желалъ получить отъ Шваба наивысшее мѣсто.

Оттого и измѣнилась моя судьба, оттого и подвергнулся бѣдствіямъ я, очутился надъ пропастью; вскорѣ Богъ научилъ меня, что есть кара за преступленіе, и я заслужилъ ее.

W las mię wiodły wilcze chęci—
Niemiec zawżdy gdzie się wnęci,
Droga mu otwarta.—
Chciałby piérwszym zostać zgoła,
A nie dając innym czoła,
K' sobie wszystko zgarta.

Ten obyczaj wszyscy biorą,
Naprzód kłania się z pokorą,
I do łask się wkrada,
I wnet siebie, córki, braci,—
Z możném gniazdem kolligaci,—
Tu już pewna zdrada.

Bo gdy wzrośnie mu potęga,
Daléj patrzy, daléj sięga.
Bierze inną postać;
Idzie z panem w targ zwodniczy,
Tysiąc groszy mu odliczy,
Aby sędzią zostać.

И завели меня въ лѣсъ волчьи желанія,—Нѣмецъ же гдѣ ни привадится найдетъ себѣ дорогу. Я хотѣлъ быть первымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и не давая преимущества другимъ все хотѣлъ забрать для себя.

Таковъ ужь всѣхъ обычай, прежде кланяются низко и вкрадываются въ ласку, за тѣмъ дружатъ дочерей и братьевъ съ знатными родственниками—тутъ и ждетъ вѣрная измѣна.

И какъ скоро усилится власть, стремятся далѣе, домогаются бо́льшаго, и принимаютъ другой видъ; вступаютъ съ паномъ въ обманчивый торгъ, и отсчитываютъ ему тысячи грошей, чтобы остаться судьей.

Na sędziowskiéj siadłszy ławie,
Zbiera skrzętnie a nieprawie,
Grosz łapczywie szczędzi;
I dziedzictwem kupi wioski,
Bierze w miastach sąd wójtowski.
I dziedziców spędzi.

I Czech zginął temi dzieły,
Jego własność pochłonęły,
Chytre Niemca paszcze.
Wnet i wszystko mu zagarnie
Co zostało—pójdzie marnie,
Na ciżmy, i płaszcze».

Разительное противорѣчіе Альбрехта самому себѣ, замѣчаемое въ этой пѣсни, подаетъ намъ поводъ думать, что она составлена изъ двухъ пѣсней, или что окончательныя ея строфы приписаны кѣмъ-нибудь инымъ, потому-что вначалѣ Альбрехтъ во всемъ винитъ судьбу, жалуется на непостоянство слѣпаго счастія (все это показываетъ въ писателѣ знакомство съ понятіями миѳологическими), а далѣе, начиная со словъ: «Еслибъ зналъ я напередъ», слагаетъ вину на свою измѣну, называетъ себя *хитрымъ нѣмцемъ*, сатирически изображаетъ происки тогдашнихъ Нѣмцевъ въ иностранныхъ

А занявши судейскій стулъ алчно и несправедливо собираютъ деньги и жадно берегутъ ихъ; покупаютъ наслѣдственныя села, занимаютъ въ городахъ мѣсто войта и сгоняютъ наслѣдниковъ.

Такимъ образомъ погибли и Чехи, и поглотили ихъ власть хитрыя челюсти Нѣмцевъ. Потомъ и все захватятъ, а что и осталось—пойдетъ даромъ на плащи и полусапожки.

государствахъ, словомъ—характеризуетъ образъ мыслей тогдашняго польскаго общества. Самый составъ рѣчи, исключая размѣра, не имѣетъ здѣсь ничего общаго съ начальными оборотами; а болѣе ясныя черты народности, выказывающіяся въ послѣднихъ строфахъ этой пѣсни, свидѣтельствуютъ объ ея національномъ происхожденіи.

Въ церквахъ тогдашняго времени раздавались пѣсни религіозныя, какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и на отечественномъ; послѣднія въ существѣ своемъ были чешскія, только передѣланныя на языкъ народный. Впослѣдствіи и у насъ стали писать оригинальныя пѣсни въ этомъ родѣ; но преданіе о нихъ ограничивается единственно тѣмъ извѣстіемъ, что Янъ Лодзя да Кампо Опалинскій, еп. познаньскій, написалъ нѣсколько пѣсней религіознаго содержанія, какъ-то: Zawitaj bramo zbawienia, i światło zabłysło na drodze (снизойди къ намъ, дверь спасенія, и свѣтъ на пути открылся), еще о св. Войцехѣ, Петрѣ и Павлѣ, и что Янъ, настоятель витовскій, воспѣвалъ въ пѣсняхъ Страсти Господни.

Одинъ изъ Пястовъ, именно Генрихъ IV, князь силезскій, писалъ въ это время любовные стихи (Minnelieder) на языкѣ нѣмецкомъ. Хотя этотъ фактъ и не относится прямо къ нашей литературѣ, однако онъ заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ Чайковскій, переведшій его сонеты на польскій языкъ, доказалъ, что нѣмецкая поэзія усовершенствованіемъ своимъ обязана генію этого Пяста-поэта. (См. Жур. Лит. Общ. въ Краковѣ т. 9, годъ 1826).

Въ заключеніе этого раздѣла, вспомнимъ еще о діалогѣ, данномъ польскими панами въ 1194 году; по смерти Казиміра Справедливаго. Здѣсь въ видѣ аллегоріи изображаются: *Веселость*, *Печаль*, *Свобода*, *Благоразуміе и Правосудіе*. Въ художественномъ отношеніи этотъ діалогъ не заслуживаетъ вниманія.

Въ отдѣлѣ поэзіи бросимъ хоть бѣглый взглядъ на неразлучныя съ нею изящныя искусства. Архитектура, которая, по словамъ Виктора Гуго, такъ сильно отражаетъ на себѣ мысль человѣческую, создала у насъ нѣсколько безспорно прекрасныхъ произведеній. Вначалѣ въ землѣ Полянъ не было каменныхъ строеній. Высокіе насыпные курганы и огромные камни на горахъ были памятниками, или могилами богатырей славянскихъ. Но съ принятіемъ христіянской вѣры къ намъ перешла и ея возвышенная, вдохновенная архитектура, столь мало похожая на нынѣшнюю, экономическую, расчитанную. Безчисленныя толпы народа съ благоговѣніемъ сносили камни и дерево на постройку церкви; благочестивый основатель ея нерѣдко посвящалъ на это дѣло все свое имущество; священный огонь горѣлъ въ груди зодчаго: поэтому и неудивительно, что камни, сложенные его рукою, слились, такъ-сказать, въ одно выразительное, вдохновенное цѣлое.

Польша стояла на рубежѣ архитектуры готической и византійской. Рѣки Бугъ и Санъ были ихъ границею. Первые наши храмы воздвигаемы были въ греческомъ стилѣ, а позднѣйшіе въ готическомъ. Болеславъ Храбрый построилъ много каменныхъ костеловъ; Владиславъ Германъ основалъ два каѳедральные костела: одинъ въ Краковѣ, другой въ Гнѣзнѣ. Петръ Дунинъ, рыцарь польскій, самъ построилъ до 70 костеловъ въ различныхъ частяхъ нашего отечества. Лучшій изъ храмовъ того времени былъ соборъ во имя Пресвятой Богородицы, основанный въ 1226 году епископомъ краковскимъ Ивономъ Одровонжемъ, оконченный Вѣржинкомъ. Несмотря однакоже на это, мы знаемъ по имени только трехъ архитекторовъ того времени: *Войска,* который, по волѣ Мечислава, ѣздилъ въ Римъ для обученія; *Вольцкера*, который около 1150 года строилъ еще и теперь знаменитый

костелъ св. Стефана въ Вѣнѣ, и наконецъ ксендза *Вацлава изъ Тенчина,* который построилъ замокъ во Владимірѣ-Волынскомъ.

Ваяніе и живопись украшали храмы и замки; но о живописи въ эпоху Пястовъ нѣтъ ясныхъ данныхъ, да и относительно ваянія мы знаемъ только то, что въ каѳедральномъ костелѣ въ Краковѣ были статуи Болеслава Кудряваго, Казиміра Справедливаго, Лешка Бѣлаго, Локетка и Казиміра Великаго; статуи эти, хотя грубой работы, не чужды однакоже были и выразительности. Не нужно умалчивать еще о потерянномъ для насъ искусствѣ среднихъ вѣковъ писать изображенія внутри стекла. Окна съ стеклами, исписанными подобнаго рода изображеніями, представлявшими жизнь Христа Спасителя, служили чуднымъ украшеніемъ храма Пресвятой Богородицы въ Краковѣ.

VII. ПАМЯТНИКИ ПОЛЬСКОЙ ПРОЗЫ.

ПСАЛТИРЬ КОРОЛЕВЫ МАЛГОЖАТЫ.—ВИВЛІЯ КОРОЛЕВЫ ЯДВИГИ.—МОЛИТВЕННИКЪ ЕЯ ЖЕ.

Скудны остатки нашей прозы въ эпоху Пястовъ. Языкъ отечественный не былъ тогда еще письменнымъ: онъ употреблялся только въ молитвахъ при богослуженіи, и то простымъ народомъ, потому-что всѣ болѣе образованныя головы были заняты языкомъ латинскимъ. Были у насъ поученія простому народу на родномъ языкѣ, былъ переводъ Бесѣдъ четырехъ отцевъ церкви, были и жизнеописанія святыхъ; но все это не дошло до насъ, а можетъ-быть составляетъ богатство богемской литературы, потому-что въ то время не было почти никакого различія между языками поль-

скимъ и богемскимъ. Итакъ намъ остается упомянуть здѣсь о трехъ только памятникахъ, на которые мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе Полекъ, какъ на доказательство того, что благочестивыя жены польскія первыя стали дѣлать языкъ нашъ письменнымъ. Первымъ памятникомъ прозы тогдашняго времени есть переводъ Псалмовъ Давидовыхъ, сдѣланный для Малгожаты, княжны моравской и королевы польской и венгерской, первой супруги Лудовика, короля польскаго, или, быть можетъ, для дочери этого государя Маріи, старшей сестры нашей прекрасной Ядвиги. Какъ образецъ тогдашней польской рѣчи, мы приведемъ часть псалма: ***Miserere mei*** (Помилуй мя Боже), слѣдуя, согласно нашему плану, современному правописанію:

«Zmiłuj się nademną Boże, według wielkiego miłosierdzia Twego,

«I podług mnóstwa lutowania Twego, zgładź lichotę moję.

«Szerzéj: omyj od lichoty mojéj, i od grzechu mego oczyścij mię,

«Bo lichotę moją ja poznawam, grzech mój przeciw mnie jest wżdy.

«Tobie samemu zgrzeszył jeśm, i zle przed tobą czynił jeśm, by sprawioń w mołwach twych, i pomścisz gdy sądzić będziesz.

«Bo owa w lichotach począł jeśm się, i w grzechach poczęła mą matka moja.

«Owa wem prawdą miłował — jeś, nie pewne i tajemne mądrości twojéj zjawił—jeś mnie [1].

---

[1] Помилуй мя Боже по великѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Напаче оный мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предъ тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ, и побѣдиши

«Okropisz mię panie yzopem i oczyszczon będę, zmyjesz mię i nad śnieg ubielon będę. — i t. d.

Вторымъ памятникомъ тогдашней письменности служитъ отрывокъ изъ перевода Ветхаго Завѣта, сдѣланнаго для св. Ядвиги, княжны польской, или для Софіи, княжны кіевской, четвертой жены Владислава Ягеллы. Эта библія, вынесенная изъ Польши около 1650 г. Ракоцымъ, перешла къ лютеранской коллегіи Шарошъ Патакъ въ Венгріи. Вотъ начало Пятикнижія Моисеева:

«Poczynają się pierwe kszogi Mojżeszowi Genesis. W po-«cząłce, Bóg stworzył niebo i ziemię, ale ziemia była nieu-«żyteczna a próżna, a cmy byli na twarzy przepaści. I rzekł «Bóg: bądź światło i stworzono światłość, a ujrzał Bóg światłość «iż jest dobra, i rozdzielił światłość ode cmy, i nazwał jest świa-«tłość dniem,a cmy nocą i uczynił wieczor... lepak rzecze «Bóg: bądź stworzenie w pośród wód, a rozdzielił wody od wód «i uczynił Bóg stworzenie i rozdzielił wody te co były pod «stworzeniem, od tych jesz byli nad stworzeniem, i stało się «jest tako... i t. d.

Послѣднимъ, наконецъ, остаткомъ отъ тогдашней польской рѣчи является на память по св. Ядвигѣ, или, быть можетъ,

---

внегда судити тя.... Зане въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя. Се во истину возлюбилъ еси и безвѣстная и тайна премудрости Твоея явилъ ми еси; окропиши мя иссопомъ и очищуся, омеши мя и паче снѣга убѣлюся и т. д.

[1] Начинаются первыя книги Моисеевы Бытія. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Земля же бѣ невидима, и неустроена: и тма верху бездны... И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ яко добро: и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою. И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь. и бысть вечеръ... И рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды: и да будетъ разлучающи посредѣ воды и воды, и бысть тако. И сотвори Богъ твердь: и разлучи Богъ между водою, иже бѣ подъ твердію, и между водою, иже бѣ надъ твердію... и т. д.

по Ядвигѣ, женѣ Ягелло, Молитвенникъ (Liber precarius), сохранившійся въ Познани и изданный въ 1822 году. Выпишемъ здѣсь начало молитвы къ Пресвятой Богородицѣ. (правописаніе нынѣшнее).

«Święta Marjo Boża Porodzicielko, najczystsza dziewico: przez «miłość Syna Twego jedynaczka, Boga naszego Jezusa Chry- «stusa ze wszemi świętemi i wybranemi Bożemi, przyjdzij «na pomoc mnie, a racz prosić za mną grzesznicą. Bo moja «dusza w udręczeniu położona jest, i Ty moj duch miłości- «wa, obejrzysz wołający k' tobie; wysłuchaj mię najmiło- «ściwsza, ciebie błogosławią wszystkie rodowie. Bo tobie «uczynił wielkość, jenże mocen jest i święte Imie jego. Ty «chwalebna królewno Niebieska, Ciebie proszę błogosławio- «na dziewico święta Marjo przez święte Twe narodzenie, wiem «że stworzyciela wszego ludu porodziła-jeś, iżbyś była nę- «dznéj na pomoc w dzień skonania mego ze wszem świę- «tymi; przez święty krzyż, na nim że Syn Twój przybit był, «Ciebie uczniowi swemu Janowi polecił: rzekąc owo mać twoja. «Przez Jego imie miłości, pomoż mnie nędznéj we wszech «rzeczach, w ichże (w których), mię udręczoną poznajesz» i t. d. [1].

Окончить этотъ небольшой отдѣлъ мы не можемъ лучше, какъ призывая нашихъ читательницъ къ тому, чтобы онѣ, оты-

[1] *Переводъ*. «Пресвятая Богородице Маріе, Пречистая Дѣва! Милостію Сына Твоего единороднаго Бога нашего Іисуса Христа со всѣми святыми и избранниками Божіими, пріиди на помощь мнѣ и благоволи просить за меня грѣшную. Ибо душа моя въ сокрушеніи и Ты мою душу, Милостивая, видишь взывающей къ тебѣ; выслушай меня, Милостивѣйшая, Тебя благословляютъ всѣ роды. Тебѣ бо даровалъ великость, иже могущъ и свято Имя его. Ты прославленная Царица Небесная! Тебя прошу, благословенная Дѣва, святая Маріе, святымъ твоимъ рожденіемъ; знаю, что Создателя всѣхъ людей родила еси, чтобы была убогой въ помощь въ день смерти со всѣми святыми святымъ крестомъ, на немъ же Сынъ Твой привожденъ былъ, Тебя ученику своему Іоанну поручилъ, говоря: вотъ мать твоя. Именемъ Его милости, помоги мнѣ убогой во всѣхъ дѣлахъ, въ нихъ же меня сокрушенную познаеши и т. д.

скавъ эту молитву въ 1 томѣ Исторіи Литературы Польской Вишневскаго, на 422 страницѣ, списали ее по-нынѣшнему, т. е. исправивъ нѣкоторыя устарѣвшія выраженія, и пожелали бы по временамъ набожно прочитывать ее. Можетъ-быть, искренно польскій духъ, вѣющій отъ этой простой и сердечной молитвы, охватитъ наши офранцузившіяся сердца и пробудитъ въ нихъ духъ вѣры, домашней добродѣтели ко всему отечественному.

VIII. ЛАТИНСКАЯ ПРОЗА.

ХРОНИКИ: ЛѢТОПИСИ И КАТАЛОГИ. — ХРОНИКИ ВЫДУМАННЫЯ. — ДИТМАРЪ. — НЕСТОРЪ. — МАРТИНЪ ГАЛЛЪ (Gallus). — МАТѢЙ ХОЛЕВА. — КАДЛУБЕКЪ. — ВАШКОНЪ. — ДЗЕРЖОВА-ЯНКО И Т. Д. — ЛИТЕРАТУРА АСКЕТИЧЕСКАЯ. — ПИСАТЕЛИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ. — ЯНЪ ДЕ ПЛЯНО КАРПИНО. — ЗНАНІЯ ЕСТЕСТВЕННЫЯ: ВИТЕЛЛІОНЪ, ЯНЪ ИЗЪ РАДЛИЦЪ.

Остальные памятники нашей литературы въ эпоху Пястовъ всѣ писаны латинскою прозою. Почему они такъ скудны, почему литература наша въ продолженіе пяти вѣковъ произвела едва нѣсколько книгъ, которыя безъ труда можно перечесть по пальцамъ,—спросимъ на то́ отвѣта у корыстолюбивыхъ нашихъ Пястовъ, засѣдавшихъ въ своихъ полу-деревянныхъ, полу-каменныхъ замкахъ, спросимъ у хищныхъ барономъ и непріязненныхъ намъ сосѣдей, огнемъ и мечемъ разорявшихъ родную нашу землю. О! при такихъ условіяхъ общественнаго быта не было пищи для науки, любящей миръ и тишину, и поля, стенавшія подъ гнетомъ домашнихъ притѣсненій и разоренныя набѣгами чуждыхъ пришельцевъ, не могли оглашаться веселыми пѣснями. Развѣ только какой-ни-

будь монахъ, жившій вдали отъ бурнаго міра, защищенный святостію своего сана и стѣнами монастырскими, болѣе другихъ искусный въ письмѣ, осмѣливался записать то, что, какъ онъ слышалъ отъ людей, происходило въ суетномъ мірѣ. Зналъ онъ, что въ Греціи и Римѣ на память отдаленному потомству записывали подвиги богатырей и происшествія отдѣльныхъ странъ, а потому въ простотѣ сердца и самъ брался за перо, описывалъ прежде всего прошедшее по тѣмъ свѣдѣніямъ и понятіямъ, какія имѣлъ, пополнялъ мечтами своего воображенія то, чего не понималъ, подводилъ хронологію и такимъ образомъ, вдругъ очутившись среди современныхъ ему событій, большими буквами писалъ число текущаго года и здѣсь уже излагалъ ходъ происшествій тогдашняго времени такъ, какъ о нихъ слышалъ и какъ самъ понималъ ихъ. Нерѣдко, занимаясь сказаніями лѣтописными по волѣ старшихъ, скромный труженикъ, чуждаясь авторской славы, скрывалъ въ неизвѣстности свое имя; кто-нибудь другой по-своему оканчивалъ его прерванный трудъ; кто-нибудь третій переписывалъ его, искажая разсказъ лѣтописца по незнанію или злонамѣренію; четвертый вырывалъ нѣсколько листовъ изъ рукописи—вотъ какова судьба нашихъ лѣтописей.

Но лѣтописи служатъ вѣрнымъ отраженіемъ духа какъ эпохи Пястовъ, такъ, быть можетъ, и всего продолженія среднихъ вѣковъ; въ нихъ, точно такъ же какъ и въ тогдашнемъ обществѣ, мы встрѣчаемъ латинизмъ, невѣжество, суевѣрія, войны, дѣянія королей, построеніе костеловъ, возмущенія вельможъ. Не исторія была цѣлью нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, но желаніе сохранить въ памяти событія, наиболѣе близкія къ писателю, исторію его обители, преемство епископовъ и ихъ дѣянія; а дѣла общественныя обращали на себя вниманіе лѣтописца на столько, на сколько

они соприкасались съ предметами его занимавшими. Такимъ образомъ, въ XI вѣкѣ, явились у насъ каталоги каѳедральныхъ костеловъ, а въ XII и лѣтописи государственныя, каковы: *Силезская, Краковская, Куявская и Гнѣзненская*, эфемериды (дневники), замѣтки монаховъ, хроники и другія безчисленныя записки, которыя доставляли матеріалъ послѣдующимъ лѣтописцамъ, или цѣликомъ входили въ ихъ сказанія. Писателями ихъ были обыкновенно духовные, приступавшіе къ дѣлу по волѣ высшаго ихъ начальства; значитъ они зависѣли, съ одной стороны, отъ своего начальства, съ другой — отъ обстоятельствъ, вызывавшихъ подобные труды.

И здѣсь вдругъ историческая необходимость стала тяготѣть надъ бѣднымъ лѣтописцемъ: какъ, напримѣръ, раздѣлаться съ истиною, если она велитъ сознаться, что епископъ, при которомъ пишется лѣтопись, будучи рачителемъ или строителемъ церквей, не заслуживаетъ добраго имени въ потомствѣ? если она велитъ почтить добрую, но неблестящую сторону человѣка, къ которому не питается любви по особеннымъ личнымъ отношеніямъ, или по отношеніямъ ордена?

Итакъ стали произвольно искажать истину, потому-что еще не знали того, что̀ инстинктомъ своимъ могъ предугадать одинъ только избранный, того именно, что достовѣрность и безбоязненное вѣщаніе истины составляетъ лучшую черту благородства и необходимую принадлежность историка; что историческое уязвленіе добраго имени есть крайняя степень клеветы; что историческая лесть составляетъ высшую степень подлости. И вотъ они съ особенною заботливостію исчисляютъ своихъ богатырей-героевъ, поносятъ ихъ противниковъ; дѣла лицъ, бывшихъ предметомъ уваженія для писателя, по личному ли въ томъ убѣжденію, или изъ страха, всегда выходятъ у него правыми, святыми, а другія оправдываются на столько, на сколько они согласны съ видами его героя.

Другая черта нашихъ лѣтописей—это ихъ легковѣрность, совершенное отсутствіе критики и та свобода, съ которою они, такъ-сказать, импровизировали исторію, выдумывали не только небывалыя происшествія, но и небывалыя лица, разсказывали ихъ дѣянія, творили родословныя, и чудесное, неразлучное съ разсказами подобнаго рода, выдавали за чистую истину—и это у нихъ называлось исторіею. Лѣтописецъ какъ будто бы стремился къ тому, чтобы изумлять людей менѣе его образованныхъ чудесностію своихъ разсказовъ. По мнѣнію среднихъ вѣковъ, существовалъ гдѣ-то иной очарованный міръ, родина всего сверхъестественнаго и чудеснаго, которое писатель черпалъ Богъ знаетъ изъ какихъ книгъ и преданій, или, быть можетъ, изъ собственнаго своего воображенія.

Эти недостатки лѣтописцевъ были одинаковы какъ у насъ, такъ и во всей западной Европѣ; ими запечатлѣны всѣ тѣ сочиненія, которыя мы сейчасъ исчислимъ, хотя не всѣ изъ нихъ въ одной и той же мѣрѣ отразили въ себѣ недостатки своего времени, хотя нѣкоторые изъ писателей имѣли уже инстинктивное предчувствіе того, что мы теперь называемъ искусствомъ историческимъ. Подобно тому, какъ прежде выдумывали событія до-историческія, такъ у насъ впослѣдствіи стали выдумывать небывалыя лѣтописи. Къ счастію, послѣднія стали появляться уже во времена болѣе здравой критики, а потому безъ труда было дознано, что хроники *Накорша Прокоша, Золява, Горана Бачули* и др. суть произведенія временъ позднѣйшихъ. Перейдемъ теперь къ обзору подлинныхъ лѣтописей.

Еще Польша не чувствовала потребности занисывать свою исторію; еще, кромѣ языческаго, не было у нея инаго прошедшаго, какъ уже *Дитмаръ*, епископъ магдебургскій (род. въ 976, ум. около 1020), второй послѣ Витекинда лѣтописецъ

нѣмецкій, внесъ въ свою Лѣтопись королей нѣмецкихъ, состоявшую изъ 8 книгъ, царствованіе Мечислава I и Болеслава Храбраго, королей польскихъ. Тамъ онъ говоритъ о сношеніяхъ Мечислава съ дворомъ нѣмецкимъ, о его крещеніи, о путешествіи Оттона въ Гнѣзно, о коронаціи Болеслава, о его завоеваніяхъ въ Германіи до рѣки Эльбы, о потерѣ Богеміи и Праги. Онъ лично видѣлъ Болеслава во время его пребыванія въ Германіи, получилъ отъ него богатые дары; но, не смотря на то, разсказы его о Болеславѣ дышатъ все-таки чувствомъ непріязни и ненависти къ сему послѣднему; онъ называетъ его недостойнымъ отца, безбожнымъ сыномъ благочестивой матери. Ненависть его къ Болеславу, который съ такою энергіей высвобождался изъ-подъ вліянія нѣмецкихъ императоровъ, объясняется побужденіями патріотическими. Онъ опорочилъ польскаго короля; но, изображая его характеръ, не пропускаетъ ни одного изъ его добрыхъ качествъ, а потому по тѣмъ даннымъ, которыя онъ приводитъ, мы можемъ составить себѣ самую полную характеристику нашего героя.

Въ иное время Дитмаръ могъ бы сдѣлаться превосходнымъ историкомъ; онъ полонъ остроты, дышитъ смѣлостію и чуждъ пристрастія.

Послѣ Дитмара, для насъ наиболѣе важны сказанія отца славянскихъ лѣтописцевъ *Нестора,* русскаго монаха, жившаго въ Кіевѣ (род. 1050, ум. около 1110 г.); отъ него-то и пошелъ обычай у русскихъ монаховъ писать лѣтописи, а хроника его — Повѣсть древнихъ лѣтъ — есть первый памятникъ письменности славянской и, съ тѣмъ вмѣстѣ, первая въ Европѣ лѣтопись, писанная на языкѣ не латинскомъ. Вслѣдствіе постоянныхъ сношеній Руси съ Византіею, подъ вліяніемъ греческаго образованія, Нестору не чуждо было знакомство съ лѣтописцами византійскими: такъ Зонара, Анна Комненъ, Георгій Синкеллъ и Кедринъ служили

ему образцами, и если не имѣли вліянія на духъ, то по крайней мѣрѣ вліяли на форму его лѣтописи. Такъ, по обычаю византійскому, онъ начинаетъ разсказъ отъ ковчега Ноева, отыскиваетъ происхожденіе своего народа и потомъ по годамъ пишетъ его исторію.

Трудно однако же опредѣлить, на чемъ онъ остановился, потому-что лѣтопись была послѣ него продолжаема черноризцами Печерскаго монастыря и, будучи неоднократно переписываема всякой разъ съ новыми ошибками, повреждена во многомъ. Важна она какъ матеріалъ для исторіи Россіи, тѣмъ болѣе, что объемлетъ собою ея исторію отъ самаго основанія Руси до времени сочинителя; важна въ описаніяхъ поселеній народовъ славянскихъ и чудскихъ, но ошибочна въ сказаніяхъ о прочихъ. Слышалъ Несторъ и о нашемъ Болеславѣ Храбромъ, но неправильно называетъ его великимъ княземъ литовскимъ.

Третій, важный для насъ, лѣтописецъ есть *Мартинъ Галлъ* (французъ), вызванный Болеславомъ Кривоустымъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ изъ Франціи; онъ былъ капелланомъ (духовникомъ) Кривоустаго, путешествовалъ въ Іерусалимъ и тамъ посвященъ въ каноники. Лѣтопись его, писанная по порученію и при содѣйствіи Михаила Ціолка, епископа крушвицкаго, раздѣленная на три части, въ краткомъ очеркѣ изображаетъ до-христіянскія времена Польши, съ любовію останавливается на царствованіи Болеслава Храбраго, вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ началу правленія Болеслава Кривоустаго и оканчивается 1120 годомъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ Галломъ въ его лѣтописи, объ измѣнѣ, состояніи и сношеніяхъ съ Чехами св. Станислава, епископа краковскаго, были причиною того, что лѣтопись долго была скрываема въ монастыряхъ и пополняема вставками съ описаніемъ жизни и мученичества Станиславова. Какъ

человѣкъ знакомый съ науками, Галлъ старается вести свою лѣтопись по образцу историковъ римскихъ. Хроника его уродлива, потому-что писана то прозою, то рифмованными латинскими стихами, полна однакожь жизни и поэзіи. Но если мы упрекнули Дитмара въ томъ, что онъ съ дурнымъ предубѣжденіемъ смотрѣлъ на жизнь и дѣянія Храбраго, за то нельзя не замѣтить, что Галлъ ласкательствовалъ Болеславу Кривоустому и его роду. Будемъ впрочемъ снисходительны къ ошибкамъ простой старины, если многіе и изъ современныхъ намъ историковъ погрѣшаютъ въ томъ же самомъ.

Эти три иноземные лѣтописца описали извѣстныя эпохи нашей исторіи прежде, чѣмъ наши соотечественники обратили на этотъ предметъ свое вниманіе. Первымъ чисто-польскимъ лѣтописцемъ былъ краковскій епископъ *Матвей Холева*, скончавшійся въ 1166 году. Три книги своей лѣтописи онъ написалъ въ видѣ разговоровъ съ Яномъ Свободою, архіепископомъ гнѣзненскимъ, о первоначальной исторіи польскаго народа и дѣяніяхъ князей. Трудъ Матвея, только въ иной формѣ, продолжалъ *Викентій*, сынъ *Кадлубка*, также епископъ краковскій, тотъ самый, которому Казиміръ Справедливый поручилъ заняться описаніемъ современныхъ событій. Въ хроникѣ Кадлубка появились впервые басни объ Александрѣ Великомъ, о Дакахъ и Галлахъ, покоренныхъ Славянами, о войнахъ ихъ съ Римлянами, сказки о Кракусѣ, Вандѣ, Пястѣ, Попелѣ и крысахъ. Не знаемъ, кому принадлежатъ эти басни: Матвею ли, или Кадлубку; но во всякомъ случаѣ, потомство не должно слишкомъ строго судить ихъ за ихъ легковѣріе; скажемъ имъ спасибо за то, что они сохранили для насъ почтенныя, поэтическія преданія о нашихъ предкахъ, въ какой бы то ни было формѣ. Впрочемъ Кадлубекъ, хотя и не отличался правильностію своего латинскаго стиля, выказалъ однакоже въ себѣ замѣчательный историче-

скій талантъ. Вѣрно изобразилъ онъ характеръ Мечислава Стараго, сильныя рѣчи вложилъ въ уста своихъ героевъ, сознавалъ трудное положеніе историка и вышелъ изъ него такъ, какъ съумѣлъ. Хроника его оканчивается царствованіемъ Мечислава Стараго.

Неполнота хроникъ Матѳея и Кадлубка побудила ксендза Гадзислава *Башкона* заняться составленіемъ новой хроники, въ которой онъ, вмѣстѣ съ Богуславомъ III, епископомъ познаньскимъ, то пользуясь сказаніями своихъ предшественниковъ, то пополняя ихъ новыми свѣдѣніями, доводитъ отечественную исторію до 1273 года. Лѣтопись его отличается отъ сказаній его предшественниковъ большею полнотою и достовѣрностію. Трудъ Башкона продолжалъ *Дзѣржва*, безсильный копистъ своихъ предшественниковъ. Можно было бы насчитать здѣсь еще нѣсколько лѣтописцевъ, которые дѣлали извлеченія изъ своихъ предшественниковъ, пополняли ихъ, исправляли, портили, думая снискать себѣ славу историковъ; но закончимъ перечисленіе нашихъ лѣтописцевъ въ эпоху Пястовъ *Янкомъ*, архидіакономъ гнѣзненскимъ, который, будучи любимцемъ Казиміра Великаго, пережилъ своего государя и видѣлъ еще несчастное время правленія Лудовика венгерскаго. Онъ лучше другихъ понималъ назначеніе историка, не распространялся въ односторонникъ похвалахъ, не ограничивался исключительно дѣлами духовными, писалъ отъ сердца, живо и картинно.

Хроники Матѳея Холевы, Кадлубки, Башкона и Янка представляютъ извѣстнаго рода непрерывность событій нашей исторіи отъ Мечислава до Ядвиги; въ другихъ лѣтописяхъ мы видимъ повтореніе одного и того же съ тою только разницею, что компиляторъ иногда распространяетъ сказанія лѣтописца своими мѣстными фактами, какимъ-нибудь преданіемъ, или легендою, исправляетъ хронологію, или дописываетъ ее тамъ,

гдѣ ея вовсе не было. Груда этихъ разнородныхъ лѣтописей можетъ принесть ту только пользу, что историкъ, сравнивая ихъ между собою, въ состояніи съ различныхъ сторонъ присмотрѣться къ описаннымъ въ нихъ дѣяніямъ великихъ мужей. Мы говоримъ: съ различныхъ сторонъ, потому-что страсти, управлявшія писателями, были самыя разнообразныя: то, что одному казалось полезнымъ, другой считалъ вреднымъ; одинъ хвалилъ то, что порицалъ другой. Въ хроникахъ, подвергавшихся частой передѣлкѣ, терялись личные взгляды ихъ первыхъ писателей такъ же точно, какъ терялся ихъ стиль и способъ изложенія. До изобрѣтенія книгопечатанія рукописная книга считалась *литературною собственностію* своего владѣтеля, каждый считалъ себя вправѣ дѣлать съ нею, что ему было угодно, т. е. исправлять ее и передѣлывать; благодаря этимъ поправкамъ, средневѣковыя лѣтописи сошли въ такой хаосъ, что только усильные труды позднѣйшихъ изслѣдователей могли привесть ихъ въ порядокъ.

Въ связи съ исторіею польскою справедливо упомянуть еще о лѣтописяхъ: вопервыхъ, *Генриха Латыша*, который въ своей Исторіи интоляндскихъ епископовъ, начиная съ 1184 до 1226 года, помѣстилъ много фактовъ, касающихся Польши и первобытнаго состоянія Ливоніи; вовторыхъ, *Христіана*, епископа прусскаго, который убѣдилъ Конрада Мазовецкаго призвать къ себѣ Крестоносцевъ, о чемъ впослѣдствіи сильно жалѣлъ, какъ говоритъ объ этомъ Себестіанъ Христофоръ Закревскій, поэтъ XVI вѣка:

«Przyszli na prośbę dobrzy zakonnicy,
«Siedli klasztorem w Chełmińskiéj ziemicy, [1].

[1] *Переводъ.* «Добрые монахи пришли по ихъ просьбѣ — и основались монастыремъ въ Хелминской странѣ; — число отшельниковъ простиралось

«Dwadzieści tysiąc nabożnika było,
«Siedm je przedniejszych wodzów prowadziło,
«A nasi tego rozumieć nie chcieli,
«Że wszyscy miecze pod płaszczami mieli».

Догадываются однакожъ нѣкоторые, что знаменитая хроника Христіана подъ заглавіемъ: ***Liber filiorum Belial et eorum superstitionibus*** (Книга сыновъ Беліала и ихъ суевѣрій—такъ Христіанъ называетъ своихъ прусскихъ прихожанъ), есть только пополненный переводъ русской хроники Ярослава, протоіерея плоцкаго. Наконецъ вспомнимъ еще объ ***Янѣ***, историкѣ силезскомъ, который дышитъ плохо скрываемою ненавистію къ Полякамъ, хотя и пользуется трудами нашихъ лѣтописцевъ; о ***Петрѣ Дуисбургѣ***, священникѣ и панегиристѣ Крестоносцевъ, въ хроникѣ котораго, хотя и пристрастной, Литовцы и Прусаки могутъ найти не мало фактовъ, важныхъ для ихъ исторіи; объ ***Алексѣ Низовцѣ***, который довелъ Дуисбургову лѣтопись до 1433 года, и о крестоносцѣ ***Виландѣ Марбургскомъ***, наиболѣе подробномъ лѣтописцѣ своего ордена, хроника котораго, писанная на языкѣ старо-нѣмецкомъ и потомъ въ XV столѣтіи переведенная на языкъ латинскій, бросаетъ ясный свѣтъ на исторію Литвы и Польши.

По порядку нашего разсказа мы должны упомянуть еще о ***Мартинѣ Полякѣ*** (Martinus Polonus), который, проживая въ Богеміи и Римѣ, написалъ исторію императоровъ и папъ вслѣдъ за исторіей четырехъ монархій древняго міра. Планомъ своего сочиненія и авторскимъ тактомъ Мартинъ далеко опередилъ всѣхъ своихъ современниковъ, потому, конечно, что онъ возвышался надъ своими соотечественниками

до двадцати тысячъ,—семь главныхъ вождей ими предводили, — а наши сознать того не хотѣли,—что всѣ они мечи подъ плащами имѣли.»

многосторонностью своего образованія. Но при всемъ томъ онъ не чуждъ былъ и ошибокъ своего вѣка, по временамъ импровизировалъ исторію, доказательствомъ чему служитъ знаменитая сказка о папѣ-женщинѣ (если только онъ былъ ея изобрѣтателемъ). Какъ бы то ни было, но трудъ Мартина Поляка составляетъ первую, быть можетъ, въ Европѣ *Всеобщую Исторію*, на которую долго ссылались писатели всѣхъ странъ, а потому національная гордость не дозволила намъ умолчать о немъ.

Другую отрасль занятій нашего духовенства составляли литература аскетическая и каноническое право. Еще единство Римской церкви въ Польшѣ не было расторгнуто; еще всѣ Поляки, исключая немногихъ, проникнутыхъ мнѣніями Альбигойцевъ, сохраняли православіе во всей его чистотѣ, и наши ученые мужи и наставники народа сдѣлали самые большіе успѣхи въ этой отрасли знанія. Правда, однообразіе началъ и формъ, за которымъ строго наблюдала *власть* римская, оставляло вовсе необширное поле для ума; но все-таки предѣлы церковной литературы, обнимая собою и образовывавшееся въ то время каноническое право, были гораздо богаче тогда, чѣмъ теперь. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о правѣ каноническомъ.

Святые Апостолы, созидая тѣло христіянскаго общества, сердцемъ котораго была церковь (Ecclesia, собраніе), предписали ему извѣстныя формы, которыя, сохраняясь въ преданіи и впослѣдствіи будучи дополнены постановленіями папъ и соборовъ, были наконецъ записаны и составили *каноническое право*. Не вдругъ однакоже составился полный кодексъ каноническаго права: вначалѣ собирали только постановленія, касавшіяся отдѣльныхъ состояній, какъ-то: королей и подданныхъ, епископовъ и ихъ паствы, духовенства и народа. Въ эпоху, когда еще не пробудился духъ критики, когда

неполнота, неточность источниковъ, а часто и неразлучныя со всѣми дѣлами человѣческими страсти искажали смыслъ этихъ священныхъ уставовъ, родилась необходимость болѣе тщательнаго ихъ собиранія, и въ этомъ отношеніи первыя важныя услуги оказалъ *Граціанъ*, бенедиктинскій монахъ въ Тосканѣ. Его сборникъ, извѣстный подъ именемъ *Декретовъ*, долгое время служилъ руководствомъ для изученія церковнаго права. Послѣ Граціана, явилось четыре сборника каноническаго права, которые въ 1234 году, по повелѣнію папы Григорія IX, были критически разсмотрѣны и соединены въ одинъ доминиканцемъ св. *Раймундомъ de Pennaforte*. Этотъ грегоріанскій сборникъ каноническаго права, извѣстный подъ именемъ *Декреталій*, имѣлъ полную силу, какъ утвержденный авторитетомъ апостольскаго престола. Лѣтъ 65 спустя, папа Бонифацій VIII повелѣлъ приступить къ новому изданію этого сборника, присоединивъ къ нему еще шестую часть, въ которой помѣщены позднѣйшія постановленія церкви. Уставы и буллы бывшихъ послѣ Бонифація папъ и соборовъ пополнили этотъ сборникъ.

Таково было право, которому училась польская молодежь, отправлявшаяся за границу. Изъ числа духовнаго юношества, воспитывавшагося въ университетахъ Парижа, Болоньи, Падуи, вышли необыкновенные въ тѣ времена писатели, теоретики и практики-юристы. Въ числѣ первыхъ мы знаемъ *Николая Поляка*, который, будучи архидіакономъ краковскимъ и ректоромъ падуанскаго университета, написалъ *Сумму декреталій* (Summa decretalium), и *Мартина Поляка*, (о которомъ мы говорили выше какъ о лѣтописцѣ). Его книга: *Нерлъ декретовъ*, пріобрѣла исполинскую славу, въ тысячѣ списковъ распространилась по Европѣ подъ самыми разнообразными названіями, а по изобрѣтеніи книгопечатанія была четыре раза издаваема въ Страсбургѣ

и разъ въ Парижѣ. Итакъ перестанемъ роптать на господство латинизма, потому-что, благодаря его вліянію, умъ польскій могъ нѣкогда руководить даже сыновъ *великаго народа.*

Прежде чѣмъ тридентскій соборъ ввелъ однообразіе въ обычаяхъ католичества, два важные вопроса занимали умы польскаго духовенства: во 1-хъ, доходы и неразлучныя съ ними привилегіи; во 2-хъ, дисциплина и формы церковнаго порядка. Эти вопросы вызвали со стороны духовенства разнообразныя дѣйствія и сочиненія — за и противъ. Сдѣлаемъ же краткій перечень имъ.

Каноническое право заповѣдывало свѣтской власти неприкосновенность церковной собственности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечивало духовенству десятину отъ всѣхъ доходовъ прихода. Оба эти постановленія служили источникомъ постоянныхъ споровъ между духовными и свѣтскими, особенно съ тѣхъ поръ, когда число имуществъ и помѣстій церковныхъ увеличилось и вся тяжесть земскихъ повинностей непомѣрно стала угнѣтать непривилегированные классы народа. Часто сила свѣтскаго меча опустошала церковныя имущества; духовнымъ оставалось одно только средство къ защитѣ —запрещенія и отлученія отъ церкви, которыя часто падали не на однихъ только свѣтскихъ чиновниковъ и бароновъ, но даже и на вѣнценосныя головы Пястовъ. Такъ, въ 1245 году, былъ преданъ проклятію Конрадъ, князь мазовецкій, за опустошеніе имуществъ краковской каѳедры, а въ 1357 году Болеславъ Лысый, князь силезскій, за то, что заключилъ въ темницу вроцлавскаго епископа. Какъ бы то ни было, но право неприкосновенности церковныхъ имуществъ вошло наконецъ въ обычай; духовенство же въ свою очередь неоднократно дѣлало прекрасныя уступки въ своихъ правахъ въ пользу вѣры и отечества или денежными суммами (какъ это было въ правленіе Локетка), или податями съ своихъ земель

въ пользу апостольскаго престола. Такъ, въ 1189 г., епископы дали десятину на крестовый походъ; такъ, на соборѣ вроцлавскомъ (1248 г.), уступили $^1/_6$ часть церковныхъ доходовъ на войну съ Фридрихомъ II, а на соборѣ унеіовскомъ (1375 г.) установили сборъ съ церковныхъ имуществъ на войну съ Турками и т. д.

Право десятины, какъ и всякій неопредѣленный сборъ съ доходовъ, имѣло свои тѣмъ бо́льшія неудобства, что оно извращало истинный характеръ духовенства, дѣлая пастырей шпіонами домашняго быта поселянъ, вѣчно занятыми тѣмъ, чтобы отъ нихъ не была утаена какая-нибудь часть доходовъ бѣднаго земледѣльца. Это останавливало успѣхи св. вѣры, раздражало народъ противъ пастырей и разрушало долженствовавшій существовать между ними неразрывный союзъ любви и довѣрія. Такой порядокъ дѣлъ существовалъ во все продолженіе эпохи Пястовъ, и зло, имъ причиняемое, только отчасти было ограждено договоромъ Казиміра В. съ архіепископомъ Бодзантою, — договоромъ, по которому духовенство не получало десятины съ огородныхъ овощей и вновь разчищенныхъ полей.

Для того, чтобы обезпечить доходы и усилить церковную дисциплину, наши просвѣщенные и ревностные пастыри, или папскіе легаты, неоднократно созывали соборы изъ лицъ высшаго духовенства. Такой соборъ созванъ былъ (1197 г.) Петромъ, легатомъ папы Целестина III, въ Краковѣ. Воля св. отца о безженствѣ духовенства, объявленная на этомъ соборѣ, вызвала сильную оппозицію со стороны вроцлавскаго епископа *Франциска изъ Правдзицъ* и была поводомъ къ появленію его краснорѣчиваго разсужденія: *De clericorum et laicorum matrimonio* (о бракахъ клириковъ и мірянъ). Соборы провинціальные, созываемые различными польскими епископами и въ разныя времена, утверждали правоту вѣры и ея

внѣшніе обряды, опредѣляли отношенія между властями свѣтскою и духовною, исправляли злоупотребленія, обезпечивали церковную собственность и рѣшали вопросы, поднимаемые духомъ вѣка, обстоятельствами времени и мѣста. Особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ соборъ, созванный гнѣзненскимъ архіепископомъ *Яковомъ Свинкою* (въ 1285). На немъ голосомъ всего почти духовенства польскаго было постановлено, чтобы впредь *духовныхъ имуществъ не давать иноземцамъ*, а равно *не дѣлать начальникомъ школы того, кто не знаетъ польскаго языка*. Это прекрасное постановленіе достойно начать собою новую эпоху!

Устроенная такимъ образомъ римско-католическая церковь въ Польшѣ, конечно, должна была имѣть краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ Слова Божія и писателей чисто-аскетическихъ; но свѣдѣнія объ нихъ, дошедшія къ намъ, ограничиваются весьма малымъ числомъ именъ. Прежде мы уже имѣли случай сказать о скудныхъ памятникахъ этого рода на польскомъ языкѣ; латинскіе памятники едва-ли были богаче. Итакъ:

Матвей Вармійскій въ XII вѣкѣ написалъ трактатъ: *О благодати Божіей, объ избраніи и отверженіи* (De divina gratia, de electione et reprobatione); *Викентій Доминиканецъ* описалъ жизнь св. Станислава; *Энгельбертъ Цистертъ* разсказалъ жизнь и чудеса св. Ядвиги, княжны силезской; *Станиславъ* францисканецъ описалъ жизнь св. Саломеи и Кунегунды — покровительницъ Польши. Какъ о писателяхъ проповѣдей и поученій, упоминаютъ о доминиканцахъ *Перегринѣ* и *Мартинѣ Полякѣ* лѣтописцѣ, проповѣди котораго на дни праздничные и различные случаи, писанныя на языкѣ латинскомъ, были по изобрѣтеніи книгопечатанія издаваемы нѣсколько разъ, и наконецъ о *Станиславѣ Стойконѣ* Мѣховотѣ, писавшемъ проповѣди

на весь годъ. *Янъ Ромка*, епископъ вроцлавскій, написалъ *посланіе* ко всему духовенству въ Силезіи; но мы Литовцы всего болѣе должны сожалѣть объ утратившемся посланіи св. Вита къ папѣ Иннокентію IV: *О бѣдственномъ состояніи литовскихъ христіянъ* (De Christianorum in Lithonia conditione deplorabili). *Витъ* (Vitus), польскій доминиканецъ, былъ просвѣтителемъ Литвы, современникомъ крещенія Миндовга и вслѣдъ за симъ епископомъ въ Любечѣ на Нѣмнѣ, до тѣхъ поръ, пока Литва снова не обратилась къ идолопоклонству. Посланіе, въ которомъ св. Витъ, оплакивая бѣдственную участь христіянъ среди язычниковъ, безъ сомнѣнія изображалъ и сихъ послѣднихъ, было бы для насъ столь же любопытно, какъ и лѣтопись Христіана о сынахъ Беліала, или какъ письмо къ тому же папѣ съ описаніемъ путешествія въ Татарію, совершеннаго *Яномъ де Пляно Карпини* и *Бенедиктомъ Полякомъ* францисканцами, о которыхъ сейчасъ скажемъ.

Эти посланные папою въ 1264 г. на востокъ два наши соотечественника отправились къ Татарамъ, «отъ которыхъ церковь Божія находилась въ крайней опасности». Черезъ Богемію, Силезію, Польшу и Кіевъ пролегалъ путь нашимъ апостоламъ, ежеминутно угрожаемымъ Литовцами, грабившими беззащитную Русь. Вступивши во владѣнія Монголовъ съ опасностію собственной жизни, они прибыли наконецъ въ Куремсу, а оттуда къ Волгѣ въ Орду Батыеву. Но, желая совершить посольство свое къ самому великому хану Гаюку, они должны были ѣхать дальше чрезъ Киргизскія степи, по берегамъ озера Байкала, во внутренность Татаріи, и наконецъ достигли цѣли своего путешествія. Тамъ, при дворѣ Гаюка, среди непрерывныхъ пиршествъ и увеселеній, почти забыли о бѣдныхъ христіянскихъ монахахъ, хотя изъ уваженія къ ихъ посольскому характеру и при-

няли ихъ довольно ласково. Смиренные миссіонеры наши были тамъ свидѣтелями того униженія, какое претерпѣвала у ногъ Чингизова потомка бо́льшая половина извѣстнаго тогда міра. Наконецъ, принятые ханомъ и надѣленные письмами къ папѣ, тѣмъ же путемъ возвратились они обратно въ Европу. Въ описаніи своего путешествія, продолжавшаго почти два года, они подробно изображаютъ страны, направленіе рѣкъ, горъ, климатъ, обычаи татарскіе, обряды народовъ, которыхъ они были свидѣтелями, словомъ—это путешествіе нашихъ соотчичей удивляетъ насъ подробностію и полнотою своего описанія. Страны, которыя они проѣзжали, дикія и до сихъ поръ, неохотно посѣщаются путешественниками, даже запасшими всѣмъ тѣмъ, что̀ дѣлаетъ путешествіе легкимъ и пріятнымъ; но отважиться на подобную поѣздку въ страны неизвѣстныя, заселенныя народами варварскими, во времена средневѣковыя,—это было героизмомъ, къ какому способна одна лишь религія христіянская! Въ позднѣйшее время, кажется, они предприняли еще другое подобное путешествіе съ цѣлью апостольскою, и ихъ евангельская проповѣдь Татарамъ и Персамъ была запечатлѣна ихъ собственною кровью: по-крайней мѣрѣ такъ говоритъ преданіе, сохранившееся въ церкви, которая и причислила ихъ къ лику святыхъ. Вишневскій перевелъ описаніе ихъ путешествія на польскій языкъ и помѣстилъ во второмъ томѣ своей Исторіи Литературы. Плано Карпини и Бенедиктъ Полякъ—единственные писатели-путешественники въ эпоху Пястовъ, не смотря на то, что по поводу различныхъ дѣлъ дипломатическихъ, религіозныхъ и ученыхъ, Поляки нерѣдко посѣщали Европу и что многіе изъ нихъ, какъ Галлъ лѣтописецъ, были даже въ Палестинѣ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о естествознаніи въ эпоху Пястовъ. Дѣти природы, языческіе

предки наши, простой народъ, разселенный по уединеннымъ селеніямъ, безъ сомнѣнія, знакомы были съ природою, подслушали, подглядѣли не одну въ ней сокровенную тайну; но, чуждые науки, они не могли, не умѣли ни привести въ систему, ни извлечь для себя какую-нибудь пользу изъ своихъ наблюденій. А современные ученые, суевѣрные хуже простаго народа, не могли благопріятствовать развитію наукъ естественныхъ. Чернь на веревкѣ купала чародѣевъ, а мудрецы сожигали мнимыхъ чернокнижниковъ на инквизиціонныхъ кострахъ, или въ церквахъ, изгоняли изъ нихъ бѣсовъ своими заклинаніями. Физика и химія считались чародѣйствомъ; геометрическія фигуры были девизомъ чародѣевъ, продавшихъ себя діаволу; алхимія и астрологія, терпимыя духомъ вѣка, хотя на нихъ и смотрѣли очень подозрительно, дали ложное направленіе наукѣ естествознанія и въ рукахъ шарлатановъ сдѣлались лучшимъ средствомъ для обольщенія людей простыхъ. Впослѣдствіи перешли и къ намъ эти двѣ псевдо-науки, но у насъ соблазнили онѣ немногихъ. Одна только медицина, долгое время покрытая таинственностью, предоставленная искусству колдуній и лѣкарей, знаній которыхъ никто не повѣрялъ, не скоро явилась у насъ въ формахъ науки. Хотя въ иностранныхъ университетахъ, посѣщаемыхъ Поляками, медицина и получила уже право гражданства; однакоже мы не знаемъ ни одного изъ нашихъ соотечественниковъ, который бы воротился изъ-за границы докторомъ до временъ *Яна Радлицкаго:* выслушавъ въ Монпелье курсъ медицинскихъ наукъ и потомъ вылѣчивъ отъ болѣзни Лудовика, короля польскаго и венгерскаго, онъ сдѣланъ былъ канцлеромъ, каноникомъ и епископомъ краковскимъ. Упоминаются еще *Янъ* и *Николай*, два доктора, первый XIII, второй XIV вѣка. Мы знаемъ, что у насъ умѣли бросать кровь, и останавливать ея теченіе, умѣли дѣлать хирургиче-

скія операціи, знали свойства нѣкоторыхъ растеній, полезныя, или вредныя. Словомъ—медицина была у насъ на той степени, на какой она обыкновенно бываетъ у народа простаго, воинственнаго; но лѣкарей образованныхъ у насъ не было, а тѣмъ менѣе могла быть медицинская литература. Въ такомъ печальномъ состояніи столь драгоцѣнной для человѣчества отрасли знаній одно милосердіе христіянское давало въ монастыряхъ убѣжище больнымъ, а въ 1220 году *Иво Одровонжъ* устроилъ первый госпиталь въ Краковѣ.

Благодаря *Ціолку*, прозванному по-латыни *Vitellio*, мы со славою для нашего отечества можемъ окончить нашъ краткій очеркъ естественныхъ наукъ въ Польшѣ. Ціолкъ родился въ Краковѣ, жилъ въ XIII вѣкѣ, учился въ Падуѣ и Римѣ, а врожденная любовь къ занятіямъ науками физическими и математическими сдѣлала его превосходнымъ, небывалымъ въ то время *оптикомъ*.

Его сочиненіе по части естествознанія, благодаря своему серьёзному, не для всѣхъ доступному содержанію, не подвергалось тѣмъ поправкамъ и искаженіямъ, какія претерпѣвали наши хроники, и потому во всей чистотѣ своей дошло до послѣдующихъ естествоиспытателей, которые удивляются въ немъ знанію геометріи и превозносятъ трудъ нашего Ціолка. Разумно пользуясь знаніями древнихъ и тѣми успѣхами, которые на этомъ пути сдѣлали Арабы, онъ удовлетворительно объясняетъ вліяніе свѣта, изображеніе картинъ посредствомъ отраженія его лучей, описываетъ строеніе глаза и условія органа зрѣнія, объясняетъ явленія перспективы и оптическихъ обмановъ, игру и преломленіе лучей свѣта, оптическія причины нѣкоторыхъ метеорологическихъ явленій, разложеніе свѣта на цвѣты, явленія небесной радуги, и наконецъ объясняетъ явленія свѣта въ его отраженіи отъ поверхности зеркалъ, которыхъ онъ принимаетъ 7 родовъ: плоскія, вы-

пуклыя, цилиндрическія, конусовидныя, вогнутыя, сферическія и выпуклыя съ вогнутою поверхностію. Въ основаніи всѣхъ его выводовъ лежатъ законы природы, основанные на точныхъ вычисленіяхъ, для коихъ онъ изобрѣлъ нѣсколько собственныхъ математическихъ доказательствъ. Онъ не омрачалъ себя напрасными гипотезами, и если доводы его не всегда достаточны, если онъ не отбилъ у Ньютона пальмы его вѣковыхъ открытій, хотя шелъ по одному съ нимъ пути, то видно такова воля Провидѣнія, благоволившаго вложить искру генія въ сердце британскаго мудреца. Справедливо замѣчаетъ Реснеръ въ своемъ предисловіи къ оптикѣ Ціолка: «Если можно назвать творцемъ и художникомъ того, кто далъ искусству жизнь и форму, то Вителліону безспорно можетъ принадлежать слава творца оптики.» И эту славу признала за нимъ вся Европа—какъ его современники, такъ и потомство.

Такова приблизительно болѣе или менѣе вѣрная картина исторіи нашей литературы въ эпоху Пястовъ. Скудна эта картина грустнаго, отдаленнаго времени и покрыта густымъ мракомъ, за которымъ Богъ знаетъ скрывается ли что-нибудь нами еще незамѣченное, или быть можетъ только одна пустота. Хотя увы! все для насъ равно, потому-что это дѣла безвозвратно потерянныя для потомства; однако намъ все-таки пріятно было бы думать, что просвѣщеніе наше въ эту отдаленную эпоху нашей жизни стояло у насъ гораздо выше, нежели какъ показываютъ оставшіеся памятники. Какъ бы то ни было, но сила польскаго генія, стѣсненная въ эпоху Пястовъ вліяніемъ непріязненныхъ обстоятельствъ, воспрянула съ перемѣной ихъ въ эпоху Ягеллоновъ.

ЭПОХА ЯГЕЛЛОНОВЪ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СОБЫТІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ, НА ДУХЪ ВѢКА И ЛИТЕРАТУРУ ВЪ ЭПОХУ ЯГЕЛЛОНОВЪ.

СОЕДИНЕНІЕ ПОЛЬШИ СЪ ЛИТВОЮ.—КРЕСТОНОСЦЫ.—ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВО ВРЕМЕНА ЯГЕЛЛЫ.—КРАКОВСКАЯ АКАДЕМІЯ.—КАЗИМІРЪ ЯГЕЛЛО.—СОСТОЯНІЕ ГОСУДАРСТВА И ПРОСВѢЩЕНІЯ.—КНИГОПЕЧАТАНІЕ.—ГУССИТЫ.—СОВѢТЫ КАЛЛИМАХА.—ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И СВОБОДЫ ВЪ ПОЛЬШѢ.—ЛИТВА.—ДИССИДЕНТЫ.—СИГИЗМУНДЪ АВГУСТЪ И СТЕФАНЪ БАТОРІЙ.

Лудовикъ Андегавскій, король польскій и венгерскій, скончался въ 1382 году. Право избранія королей въ то время еще не было рѣшительно установлено въ Польшѣ; еще воля умирающаго монарха имѣла равную силу съ волею народа: поэтому 14-лѣтній Сигизмундъ, князь люксембургскій, назначенный Лудовикомъ себѣ въ преемники, обрученный съ его дочерью Маріею и поддерживаемый своими опекунами: Бодзантою, архіепископомъ гнѣзненскимъ, и старостами Сендзивоемъ краковскимъ и Домаратомъ познаньскимъ, вступилъ въ Польшу и въ Краковѣ, Гнѣзнѣ и Брестѣ былъ встрѣченъ съ подобающею ему королевскою честію. Но юноша этотъ, вѣроятно, не умѣлъ обращаться съ народомъ, каковымъ были Поляки. Своею суровою гордостію вооружалъ онъ противъ себя несвыкшійся съ этимъ народъ, слѣдовалъ превратнымъ совѣтамъ Домарата и не хотѣлъ удалить его отъ себя по требованію народа. Поэтому Поляки рѣшительно отказались признать его

своимъ королемъ; созванъ былъ сеймъ въ Радомскѣ (1382 г.) для избранія новаго монарха, и вотъ мы видимъ первое *избраніе* (Elekcja) въ полномъ значеніи этого слова. Рѣшеніе народа долго колебалось между Земовитомъ, какъ послѣднею отраслію дома Пястовъ, и дочерями покойнаго короля, однако склонилось окончательно въ пользу Ядвиги, второй дочери Лудовика. Это избраніе было причиною многихъ жестокихъ междоусобій. Бодзанта возвелъ на тронъ и провозгласилъ королемъ Земовита. Домаратъ, Конрадъ, князь олесницкій, Генрихъ, князь глоговскій, и Земовитъ опустошали отечество пламенемъ междоусобной войны. Ягелло, великій князь литовскій, разорилъ Мазовію, овладѣлъ Дрочиномъ и, вѣроятно, простеръ бы свои завоеванія и далѣе, еслибы вѣсть о нападеніи на Троки Крестоносцевъ не принудила его удалиться. Между тѣмъ Елисавета, мать Ядвиги, день-ото-дня откладывала ея пріѣздъ; у насъ помышляли уже объ избраніи новаго короля, когда наконецъ Ядвига съ блестящею свитой прибыла въ польскую землю. Принятая единодушнымъ изъявленіемъ всеобщей радости, она была коронована въ 1384 году (въ половинѣ октября).

Дѣвица-королева польская была необыкновенно привлекательнымъ лицемъ для всѣхъ молодыхъ князей-сосѣдей; народъ или, лучше, магнаты, желая имѣть короля каждый сообразно своему выбору, держали сторону различныхъ искателей ея руки. Такимъ образомъ одни были на сторонѣ Владислава Опольскаго, другіе благопріятствовали Земовиту Мазовецкому; но къ сердцу Ядвиги ближе всѣхъ былъ юный Вильгельмъ, сынъ Леопольда австрійскаго, обрученный съ нею еще въ младенчествѣ. Богъ знаетъ, что̀ было бы съ Польшею, еслибы Ядвига послѣдовала влеченію своего сердца; но премудрый Промыслъ предназначалъ ее для высшихъ цѣлей.

Въ Краковскомъ замкѣ вдругъ являются отъ великаго

князя Литвы, еще язычника, послами два его брата Скиргелло и Борисъ съ виленскимъ старостою Гамилономъ и въ рѣчи своей объявляютъ, что Ягелло выслалъ ихъ къ королевѣ просить для него ея руки, что онъ обѣщаетъ со всѣмъ своимъ народомъ принять христіянскую вѣру, соединить Литву съ Польшею, освободить всѣхъ христіянскихъ плѣнниковъ, томившихся у него въ неволѣ, возвратить Силезію, Померанію и Пруссію, отторгнутыя отъ Польши во время смутъ удѣльныхъ.

Не долго колебалась Ядвига въ выборѣ между влеченіемъ сердечнымъ и сознаніемъ своего долга на пользу вѣры и отечества. Предложенія Ягеллы были приняты; онъ явился въ Краковъ въ 1386 году, 15 февраля принялъ крещеніе съ именемъ Владислава, женился на прелестной Ядвигѣ и сдѣлался королемъ польскимъ. Это прекрасное, необычайное въ лѣтописяхъ міра и по своимъ политическимъ слѣдствіямъ необыкновенно важное явленіе, присоединивъ къ Польшѣ огромную страну, простирающуюся отъ одного моря до другаго, дало ей явный перевѣсъ въ Европѣ, а Литву, познакомивъ ее съ христіянскою вѣрою и просвѣщеніемъ, вознесло на степень державъ образованныхъ. Король и королева, епископы, духовенство польское и богемское, объѣзжали теперь Литву, просвѣщая ее свѣтомъ Христовой вѣры. Люди образованные — по своему убѣжденію, семейство Ягеллы и его вельможи — изъ личныхъ видовъ, народъ — изъ страха и боязни всѣ спѣшили на лоно св. вѣры. Угашенъ религіозный огонь Знича, истреблены священныя рощи и «на стѣнахъ Вильны возсіяло побѣдоносное знамя Креста».

Съ принятіемъ Литвою христіянской вѣры, существованіе Тевтонскаго Ордена оказалось вовсе ненужнымъ въ Европѣ. Рыцари были поселены въ Померанiи съ цѣлью распространенія святой вѣры; но какъ они выполняли свое

назначеніе — это извѣстно Богу, людямъ и исторіи. Въ основаніи ихъ гордой, удѣльной силы лежали бѣдствія несчастной Литвы; теперь Литва начала уже свою блестящую будущность, и надменный Орденъ, увидѣвъ себя на краю погибели, прибѣгалъ ко всѣмъ возможнымъ средствамъ для поддержанія своего бытія, сѣялъ раздоры въ семействѣ дѣтей Ольгерда, велъ интриги въ Римѣ и наконецъ вступилъ въ открытую борьбу съ Ягелломъ, Польшею и Литвою. Этотъ послѣдній шагъ только ускорилъ его погибель на поляхъ Гринвальда и Танненберга въ 1410 г. До сихъ поръ мы не имѣли случая пространнѣе сказать о томъ, чѣмъ были для насъ Крестоносцы; здѣсь же, послѣ гринвальдскаго пораженія, мы находимъ всего удобнѣе вкратцѣ разсказать ихъ исторію, такъ какъ и обыкновенно надъ гробомъ покойника читается его біографія. Итакъ возвратимся къ эпохѣ Пястовъ.

Сынъ Казиміра Справедливаго, Конрадъ (род. 1191+1247), получивъ въ удѣлъ Мазовецкое княжество, наслѣдовалъ и непрерывныя распри его съ сосѣдними прусскими идолопоклонниками, которые, сознавая свою силу, дѣлали частые набѣги на Мазовію, жгли замки и требовали себѣ дани. Слабый Конрадъ, угождавшій и императору, и папѣ, и собственнымъ свѣтскимъ и духовнымъ вельможамъ, не въ силахъ былъ бороться съ Пруссаками, а его сношенія съ Римомъ, неоднократно искупаемыя слабостію и униженіемъ, могли сдѣлать только то, что папа объявилъ крестовый походъ противъ язычниковъ. Но воинская хоругвь, скликая въ Мазовію благочестивыхъ искателей приключеній, открыла князьямъ обширное поле для личныхъ своихъ видовъ, предала страну въ добычу врагамъ и союзникамъ, обагрила ее кровью и засыпала пепломъ, Пруссаки же все были страшны по-прежнему. Необходимо было противопоставить имъ мѣстную,

постоянную силу, и неосторожный Конрадъ, вмѣсто того, чтобы выработать ее у себя дома, опять прибѣгъ къ чужой помощи.

Въ это время въ Европѣ славились различные рыцарскіе ордены, которые, кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ нищеты, цѣломудрія и послушанія, клялись еще воевать съ невѣрными и по мѣрѣ силъ своихъ стараться объ ихъ обращеніи. Мысль объ этомъ высокомъ повидимому учрежденіи, возникшемъ вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, проистекала изъ духа времени; но при этомъ упущены были изъ виду сердце и страсти людей. Какое страшное противорѣчіе: дать въ одну руку мечъ, въ другую Евангеліе! Что могло ручаться въ томъ, что препоясанный мечемъ будетъ обнажать его единственно для защиты путешественниковъ, богомольцевъ, отшельниковъ, или больныхъ? Откуда увѣренность въ томъ, что всѣми дѣйствіями воина-миссіонера будетъ руководить одна чистая любовь къ спасенію души своего ближняго, а не жадное посягательство на его имѣніе? Такой-то рыцарскій орденъ, извѣстный подъ именемъ *Марінскаго или Тевтонскаго Братства,* призванъ былъ Конрадомъ на прусскія границы. Добрынь, Орловъ и земля хелминская отданы были ему въ временное обладаніе (около 1230 г.). Вскорѣ Крестоносцы сбросили личину, ихъ прикрывавшую, объявили данную имъ землю собственностію св. Петра и своимъ удѣльнымъ владѣніемъ: тогда только узнали свою ошибку Конрадъ и его совѣтникъ епископъ Христіанъ, «увидѣвъ въ Крестоносцахъ поборниковъ германизма», имѣющихъ въ виду свои личныя цѣли; но уже было поздно. Папская булла утвердила тамъ пребываніе Крестоносцевъ, а страхъ нападеній язычниковъ не дозволили Конраду уничтожить это ядовитое растеніе прежде его развитія. Между тѣмъ Крестоносцы усиливались, воевали съ

Пруссами, Литвою, Польшею и Русью, искали не язычниковъ, но усиленія собственнаго могущества, перенесли свою столицу въ Маріенбургъ, а своимъ деспотизмомъ въ странахъ покоренныхъ утвердили въ нихъ неизвѣстное дотолѣ понятіе *рабства*. Распространеніе святой вѣры и просвѣщенія сдѣлалось теперь для нихъ цѣлью второстепенною и однимъ только предлогомъ. Народы, имъ подчиненные, какъ утверждаютъ лѣтописцы, не знали ученія Христова, не могли питать уваженія къ вѣрѣ, имъ навязанной, видя, какъ мало вниманія обращали сами Крестоносцы на увѣщанія и проклятія Рима, какъ мало уважали права чужой собственности и своихъ епископовъ. При посредствѣ одной только вѣры и интригъ, для которыхъ Польша, раздѣленная между безсильными Пястами, представляла такое обширное поле, Крестоносцы вооружали насъ на Литву; подкрѣпляемые нашимъ союзомъ, боролись съ Литвою, Пруссами и Ятвягами; принудили Миндовга, великаго князя литовскаго, принять святое крещеніе и, возбудивъ въ немъ отвращеніе отъ вѣры, именемъ которой они производили столько безчеловѣчныхъ жестокостей, были причиною его вѣроотступничества; покорили Пруссовъ, нападали и разоряли Литву, а легкомысленные народы славянскіе: Поляки, Славяне эльбскіе, Силезцы и Богемцы «свирѣпствовали въ странахъ своихъ соплеменниковъ, стараясь передѣлать ихъ въ Нѣмцевъ».

Исчислимъ въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія столкновенія Крестоносцевъ съ сосѣдями со времени ихъ появленія до гринвальдской битвы.

Въ 1292 г., Крестоносцы, заключивъ въ темницу лифляндскаго епископа, присвоили себѣ его земли и преимущества.

Въ 1308 г., коварствомъ и насиліемъ успѣли утвердиться въ Помераніи и Данцигѣ.

Въ 1321 г., не послушались папской буллы, повелѣвавшей имъ возвратить эти земли и вознаградить Поляковъ за убытки, истребовавъ у Яна, короля богемскаго, объявлявшаго свои ни на чемъ не основанныя притязанія на эти страны, дарственную запись.

Въ 1322 г., воспрепятствовали великому князю литовскому Гедимину принять крещеніе и имѣть непосредственныя сношенія съ Римомъ.

Въ 1331 г., опустошили огнемъ и мечемъ Польшу отъ Вислы до Шадекъ, за что дорого поплатились пораженіемъ подъ Пловцами.

Въ 1332 г., заняли Брестъ и Инноврацлавъ, но снова были прогнаны съ урономъ.

Въ 1379 г., вторично оставили безъ вниманія воззваніе папы возвратить Полякамъ земли и замки, занятые ими, и вознаградить ихъ за ихъ безчисленныя потери.

Въ 1349 г., вынудили у Казиміра В. постыдное и несправедливое признаніе своихъ грабежей.

Вслѣдъ за тѣмъ, усиливаясь все болѣе и болѣе, неоднократно опустошали Литву, назвали себя *нѣмецкими господами* (Deutsche Herren), а впослѣдствіи магистръ ордена (Конрадъ Валленродъ) принялъ даже монаршій титулъ: *Божіею милостію*.

Въ 1390 г., послѣ соединенія Литвы съ Польшею, раздражили недовольнаго Витольда и разорили Литву до самаго Вильно.

Въ 1392 г., возобновили прежнее нападеніе и съ тѣхъ поръ дѣлали частые набѣги на землю литовскую, возбуждая противъ Ягелло его братьевъ и на словахъ подкрѣпляя ихъ притязанія на литовскую велико-княжескую корону, обогащались грабежемъ въ несчастномъ краѣ до тѣхъ поръ,

пока грюнвальдская битва не положила конца ихъ набѣгамъ и даже существованію.

Здѣсь мы вообще указали на главнѣйшія только столкновенія Крестоносцевъ съ нашимъ отечествомъ; исторія разскажетъ о нихъ подробнѣе. Правда, топоръ литовскій и мужественная рука Поляковъ неоднократно распространяли ужасъ въ ихъ войскѣ; но, съ другой стороны, и города наши неоднократно дымились отъ пожаровъ, разливаемыхъ ими. Висла и Нѣманъ не мало унесли въ море нашей крови, пролитой ими. Но отвратимъ свой взоръ отъ убійствъ и опустошеній и не дерзнемъ изъ-за этого порицать той вѣры, именемъ которой они совершались. Впослѣдствіи мы еще поговоримъ о Крестоносцахъ; теперь же обратимъ свое вниманіе на Литву и Польшу, гдѣ Ягелло напрягаетъ всѣ свои силы къ сліянію двухъ народовъ и къ устроенію стараго и новаго своего отечества.

Не легко ему было сродннть два народа, чуждые другъ другу по своимъ обычаямъ, языку и преданіямъ историческимъ. Полякъ, старшій сынъ цивилизаціи, раздѣлявшій власть законодательную съ своими государями, не чуждый роскоши и современныхъ европейскихъ понятій, отважный, а, съ другой стороны, Литовецъ, хотя и одаренный природнымъ умомъ, но незнакомый съ образованіемъ книжнымъ, хотя привѣтливый и слѣпопослушный власти, но не смотря на постоянныя, жестокія войны, насилуемый Крестоносцами, воспитанный въ понятіяхъ феодальной системы, — Полякъ и Литовецъ слишкомъ разнились другъ отъ друга для того, чтобы имъ можно было скоро сродниться между собою. Они соединились однимъ лишь союзомъ политическимъ, потому-что Полякъ ясно понималъ всю его пользу, а Литовецъ былъ слѣпо послушенъ своему князю, который изъ-за прекрасныхъ

глазокъ польской королевы приказалъ своему народу принять крещеніе и польскую народность. Ягелло, сдѣлавшись конституціоннымъ королемъ Ляховъ, быть можетъ, и согласился бы уступить кое-что изъ своихъ неограниченныхъ правъ надъ Литвою; но его связывали различныя отношенія и останавливали препятствія, вѣроятно, прежде имъ непредвидѣнныя. Будучи наслѣдственнымъ королемъ Литвы, онъ не могъ для блага общего пожертвовать владѣтельными правами своими и своего рода. Между тѣмъ братья Ягелло, желая сдѣлаться его наслѣдниками въ Литвѣ, на каждомъ шагу ставили ему препятствія къ взаимному сближенію обоихъ народовъ и каждый разъ искали помощи то у Крестоносцевъ, то у нѣмецкаго императора. Какъ одни, такъ и другой, готовы были поддерживать все то, что могло хоть сколько-нибудь ослаблять край, становившійся для нихъ грознымъ и по своимъ матеріальнымъ силамъ, и по необыкновенно быстрому развитію своей политической свободы. Ягелло, хотя и неохотно, долженъ былъ однакожъ уступить престолъ литовскій своимъ братьямъ. Власть надъ Литвою и Польшею, различная по своей природѣ, находясь въ отдѣльныхъ рукахъ, естественно должна была знать, что собственно принадлежитъ Литвѣ, и что Польшѣ: этотъ-то вопросъ и былъ источникомъ споровъ о границахъ, о Волыни и Подоліи; онъ же родилъ и взаимную непріязнь между обоими народами. Паны литовскіе, привыкшіе къ самовластному управленію народомъ и къ исключительному участію въ велико-княжескомъ совѣтѣ, въ свою очередь, также боялись сліянія и неразрывнаго съ нимъ вліянія польскихъ началъ, по которымъ народъ, или по крайней мѣрѣ шляхта, доходили до участія въ правленіи. Король польскій, Литовецъ родомъ, не могъ вполнѣ освободиться отъ прежнихъ понятій своего отечества и народа.

Вотъ характеристика Ягелло, какъ передаютъ ее намъ лѣтописцы: средняго роста, съ сухимъ лицемъ, черными живыми глазами, малой бородою, съ плѣшивою головою и длинною шеей, Ягелло имѣлъ голосъ грубый и говорилъ скоро; бараній тулупъ, а по праздникамъ сѣрый бархатный плащъ составляли весь его нарядъ. Не менѣе простой во всѣхъ своихъ обычаяхъ, онъ любилъ охоту, умную бесѣду и прекрасный полъ. Чтобы самому узнать всѣ потребности края, а еще болѣе по влеченіямъ своей живой природы, онъ часто путешествовалъ по Польшѣ, судилъ по старому обычаю на полѣ, въ лѣсу, или даже въ жидовской лачужкѣ; не былъ воинственъ, хотя Богъ благословлялъ его оружіе; отличался великодушіемъ, набожностію и добротою, увлекался поэтическимъ чувствомъ прекраснаго, доказательствомъ чему служитъ его смерть вслѣдствіе простуды при слушаніи соловья. Чуждый современной цивилизаціи, потому-что не зналъ языка латинскаго, онъ иногда былъ упорнымъ, подозрительнымъ, выказывалъ стремленія деспотическія, а иногда былъ снисходителенъ до слабости. Ягелло не имѣлъ силы и энергіи необходимыхъ для короля тогдашней эпохи, онъ не былъ дипломатомъ, и встрѣчалъ тысячи препятствій всякій разъ, когда хотѣлъ слѣдовать благороднымъ движеніямъ своего добраго сердца, или совѣтамъ дальновидной политики. Онъ понималъ потребности государства, по мѣрѣ силъ своихъ старался удовлетворять имъ, но не могъ ясно видѣть слѣдствій своего упорства, или своей снисходительности къ желаніямъ подданныхъ.

Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, онъ далъ привилегію, которою подтвердилъ всѣ вольности польскаго народа, дарованныя ему его предшественниками, обѣщалъ на будущее время раздавать должности только земцинѣ по выбору шляхты каждаго отдѣльнаго округа и уничтожилъ зва-

nie justicjonarjuszów (особый родъ судей королевскихъ). Ягелло помнилъ, что онъ король только по избранію; онъ видѣлъ изъ примѣровъ своихъ предшественниковъ, что право престолонаслѣдія королевскаго дома часъ-отъ-часу становилось въ Польшѣ слабѣе и слабѣе; потому, желая утвердить престолъ за своимъ домомъ, долженъ былъ дѣлать все большія и большія уступки въ пользу шляхты и сената: часто созывалъ сеймы и съѣзды, и на каждомъ съѣздѣ, подтверждая прежнія права, расширялъ кругъ преимуществъ новыми привилегіями. Присоединенная Литва, имѣя постоянно у себя предъ глазами заманчивую картину польскихъ вольностей, требовала и для себя подобныхъ привилегій; а потому, три года спустя послѣ пораженія Крестоносцевъ, онъ въ Городлѣ созвалъ сеймъ изъ Поляковъ и Литовцевъ. На этомъ сеймѣ литовскіе бояре римско-католическаго исповѣданія получили права шляхетства и гербы польскаго дворянства и во всѣхъ правахъ были сравнены съ Поляками. Права эти необходимы были для юнаго еще народа; но этимъ путемъ удвоялось число лицъ привилегированнаго класса, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрасли его сила и оппозиція власти королей такъ, что дворянство уже въ 1420 году написало въ отсутствіи короля статутъ, возстановлявшій въ прежней силѣ статутъ вислицкій съ перемѣнами, соотвѣтственно духу времени и тогдашнему опыту, и все это съ цѣлью уничтоженія «вредныхъ злоупотребленій, «которыя до сихъ поръ опирались на обычаяхъ». Постановленіями этого статута уничтожена puścizna, т. е. то праву, по которому, въ случаѣ недостатка наслѣдниковъ мужскаго поколѣнія, дочери получали права наслѣдственныя въ отношеніи имуществъ съ полною свободой продать ихъ кому угодно; установлено количество приданаго дѣвушкамъ, сообразно состоянію ихъ родителей; опредѣленъ порядокъ наслѣдованія имуществъ и т. д. Этотъ статутъ, подтвержденный Ягелло въ

Вартѣ и названный поэтому *вартскимъ*, составляетъ второе сряду законодательное уложеніе нашего отечества. Первое изъ нихъ (вислицкое) было дано королемъ; второе составлено уже самимъ народомъ и только подтверждено королевскою властью. Народныя льготы увеличивались все болѣе и болѣе; уже на сеймѣ червинскомъ 1422 г. Ягелло долженъ былъ увѣрить народъ, что онъ возстановляетъ силу вислицкаго статута, что безъ вѣдома сената не станетъ чеканить монету, разграничитъ владѣнія шляхетскія отъ коронныхъ (казенныхъ) и не станетъ ввѣрять одному лицу власти старостъ и земскихъ судей. Правда, бо́льшая часть правъ принадлежала еще сенату, а не шляхтѣ, но не была уже въ рукахъ королей.

Это быстрое расширеніе свободы польскаго народа изумило сосѣднихъ государей. Нѣмецкій императоръ Сигизмундъ въ сильныхъ выраженіяхъ представлялъ Ягелло вредъ отъ подобныхъ уступокъ для власти королевской, утверждая, что народъ и безъ того обязанъ избрать его сына себѣ въ короли. Послушалъ Сигизмунда слабый Ягелло; но когда на ленчицкомъ сеймѣ 1425 года онъ отказался подтвердить новыя льготы, поднялся общій ропотъ негодованія, а сенаторы въ присутствіи самого короля разорвали скрѣпленный печатями вельможъ свѣтскихъ и духовныхъ пергаментъ, въ которомъ паны обязывались признать своимъ королемъ сына Ягеллы. Этотъ поступокъ, вѣроятно, образумилъ Ягеллу; онъ сознался ясно, что лучше ласкать народъ и духовенство, не подвергая себя опасности раздражить ихъ чѣмъ-нибудь. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы онъ обязался не повѣрять защиты замковъ никому изъ иноземцевъ, или изъ королевскаго рода, не заключать преступника въ темницу прежде доказательства его виновности, увеличить имущества духовныхъ отъ королевскихъ *стацій* (обязанность содержать короля во время проѣзда) и обезпечить для нихъ взиманіе десятины.

Здѣсь мы должны остановиться на минуту въ перечисленіи льготъ, пріобрѣтенныхъ народомъ въ эпоху Ягеллоновъ, для того, чтобы по порядку лѣтъ сказать нѣсколько словъ о другомъ важномъ событіи въ дѣлѣ просвѣщенія Польши, именно: о возобновленіи Краковской Академіи по мысли Ягелло и Ядвиги.

Въ эпоху Пястовъ мимоходомъ упомянули мы объ основаніи Краковской Академіи, а здѣсь скажемъ подробнѣе объ этомъ важномъ и вождѣленномъ событіи.

Добрый, умный, столь ясно видѣвшій потребности своего народа, Казиміръ В. для распространенія въ Польшѣ просвѣщенія, которое состояло въ то время въ изученіи римскаго права, богословія и родственной съ нимъ схоластической философіи, хотѣлъ основать высшее учебное заведеніе по образцу тѣхъ, какія были въ Парижѣ, Падуѣ и Болоньи. Тысячи различныхъ случаевъ и соображеній могли побуждать его къ этому: онъ желалъ доставить средства къ образованію мужей способныхъ служить отечеству, равно ученыхъ и добродѣтельныхъ; предотвратить отъѣздъ юношества съ цѣлями учеными за границу, гдѣ въ дорогѣ случались съ ними разнаго рода приключенія и откуда приносили они новыя, чуждыя намъ понятія, наиболѣе вредившія вѣрѣ и нравственности; открыть наконецъ доступъ къ высшему образованію и для бѣднѣйшихъ, быть можетъ, обывателей края. Какъ бы то ни было, только къ Маріинской школѣ, бывшей въ Краковѣ, гдѣ преподавали философію еще въ 1364 году, Казиміръ присоединилъ новую школу въ селеніи Баволъ (нынѣ городъ Казиміръ, предмѣстье Кракова), подъ именемъ университета (Studium generale) для изученія правъ гражданскаго и каноническаго и медицины. Папа Урбанъ V утвердилъ основаніе этой школы, наименовавъ краковскаго епископа ея постояннымъ канцлеромъ; но богословіе исклю-

чилъ изъ числа наукъ, которыя должны были тамъ преподаваться (вѣроятно, не довѣряя королю и польскому народу и опасаясь за чистоту католическаго правовѣрія). Казиміръ В., окруженный государственными сановниками, вмѣстѣ съ знаменитымъ Ярославомъ Богоріемъ Скотницкимъ, епископомъ краковскимъ, именемъ папы, въ приличный для этого день, — въ день сошествія Святаго Духа, подателя премудрости, открылъ школу. Въ привилегіи, данной университету, онъ назначалъ трехъ профессоровъ для науки каноническаго права, пять для преподаванія кодекса юстиніановыхъ законовъ и двухъ для медицины, назначивъ годичнаго жалованья однимъ по 40, другимъ по 20 гривенъ серебромъ, обезпеченныхъ соляными копями города Велички. Онъ построилъ великолѣпныя зданія, далъ важныя преимущества какъ профессорамъ, такъ и студентамъ, словомъ — сдѣлалъ все, что только могло обезпечить долгую будущность этого заведенія и его успѣхи въ наукахъ. Но преемникъ Казиміра В., Лудовикъ не думалъ поддерживать твореніе своего достойнаго дяди; вельможи, мечтавшіе о присвоеніи себѣ власти, недоброжелательно смотрѣли на вліяніе римскаго права, которое благопріятствовало королевской власти; расточаемые доходы Велички не долго доставляли содержаніе профессорамъ, и ученые юристы, будучи не въ силахъ оставаться безъ хлѣба, разошлись изъ стѣнъ Бавола, вскорѣ обратившихся въ развалины. Быть можетъ, въ какой-нибудь еще не развалившейся комнаткѣ и остался какой-нибудь старецъ, по одной привычкѣ читавшій лекціи римскаго и каноническаго права; быть можетъ, нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей и собирались слушать этого наставника, ибо извѣстно, что существовала еще жалкая тѣнь Краковской Академіи; но къ намъ не дошли ни имена ея профессоровъ, ни воспитанниковъ, и мы не знаемъ, какую она при-

несла для отечества пользу, хотя такъ много ожидалъ отъ нея ея основатель. Молодежь наша по-прежнему стала посѣщать Академіи заграничныя, особенно прагскую въ Богеміи. Только въ 1397 году польская королева Ядвига, вдохновенная святою мыслію возобновить дѣло Казиміра В., исходатайствовала у папы Бонифація IX подтвержденіе Краковской Академіи, вмѣстѣ съ дозволеніемъ преподавать въ ней и богословіе, сравнивъ ея преподавателей съ профессорами Парижской Академіи. На суммы, назначенныя королевою для этой цѣли, и пожертвованные ею бриліанты, куплены были дома и обезпечено жалованье профессорамъ. Не нужно было искать иностранныхъ преподавателей, потому-что отечественные наши ученые, большею частію воспитанники той же Академіи временъ Казиміра, разсѣянные по иностраннымъ учебнымъ заведеніямъ, охотно сбѣжались при первой вѣсти объ открытіи университета въ отечествѣ. Итакъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ день св. Магдалины, Ягелло съ соборомъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, при безчисленномъ стеченіи народа, ввелъ какъ профессоровъ, такъ и воспитанниковъ, въ зданіе новаго университета — домъ помѣщика Стефана Панхвица, купленный у него за бриліанты Ядвиги. Нѣсколько дней спустя открыты были лекціи въ присутствіи короля, при чемъ Ягелло далъ новому университету свою привилегію, въ которой сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что основываетъ главную школу всѣхъ свободныхъ знаній, надѣляетъ ее вслѣдъ за тѣмъ важными преимуществами, даетъ приговору ректора голосъ рѣшительный и дозволяетъ ей учреждать новыя низшія училища. Вскорѣ потомъ онъ даруетъ университету гербъ: *орла на щитѣ, который держитъ св. Станиславъ*, а ректору: *два скипетра, увѣнченные короною*. Быстро росли матеріяльныя средства Краковскаго Университета. Профессорамъ назначено доста-

точное содержаніе изъ казны; да кромѣ того король подарилъ университету доходныя канцлерства, настоятельства, каноникаты и прелатуры со всѣми ихъ доходами и имуществами; наконецъ частныя приношенія какъ деньгами, такъ и недвижимою населенною собственностію, обезпечили этому учебному заведенію всѣ средства къ существованію.

Здѣсь мы говоримъ только о матеріяльномъ бытѣ краковской школы, въ слѣдующей же главѣ сдѣлаемъ краткій очеркъ ея успѣховъ на поприщѣ ученомъ. Возвратимся теперь къ нашему разсказу. Мы остановились на обозрѣніи льготъ польскому народу во времена Ягеллы. Эти льготы еще увеличены были его преемниками. Несчастный Владиславъ Варнскій (Warneńczyk), *избранный* въ короли: подтвердилъ всѣ права народныя, обязался не поручать защиты замковъ никому изъ иностранцевъ и не отдѣлять отъ Польши ни одной области, соединенной съ нею какими бы то ни было узами. Въ царствованіе этого государя шляхта открыто явилась какъ законодательное сословіе: въ 1438 — 9 годахъ она составила двѣ *конфедераціи*, на которыхъ постановила поддерживать другъ друга, хотя бы съ опасностью жизни, съ потерею имущества и добраго имени, въ борьбѣ съ вельможами, освобождавшимися изъ-подъ вліянія земскаго права, исправить недостатки въ правленіи и всѣми силами возстать на людей, подозрѣваемыхъ въ какихъ бы то ни было вредныхъ для отечества замыслахъ. Но эпохою рѣшительнаго развитія свободы польскаго народа было 45-лѣтнее правленіе Казиміра Ягелло. Царствованіе этого государя заслуживаетъ подробнаго и многосторонняго изученія.

Свобода, этотъ, безспорно, прекраснѣйшій даръ неба человѣчеству, весьма близка къ своеволію. Казиміръ Ягелло явился въ минуту разгара самыхъ необузданныхъ стремленій, въ

эпоху борьбы самыхъ разрозненныхъ началъ. Съ одной стороны, будучи слишкомъ самовластнымъ для того, чтобы подчиниться этимъ стремленіемъ, а съ другой—еще болѣе безсильнымъ, чтобы бороться съ ними, Казиміръ могъ только раздражить народныя страсти, возбуждать смуты, которыя впослѣдствіи должны были разразиться надъ головами польскаго монарха и народа.

Какъ наслѣдникъ родовыхъ правъ Ягеллоновъ, Казиміръ до 1440 года управлялъ великимъ княжествомъ литовскимъ послѣ свирѣпаго Свидригайлы и Сигизмунда въ то время, когда братъ его Владиславъ царствовалъ въ Польшѣ. Послѣ несчастнаго пораженія подъ Варною и смерти Владислава, Казиміръ, умоляемый Литовцами, опасавшимися тиранiи сына Сигизмундова Михаила, согласился принять польскую корону, которая теперь перешла къ нему болѣе по выбору народному, чѣмъ по правамъ его рода (1445). Но не успѣлъ онъ еще короноваться, какъ уже Поляки стали съ неудовольствіемъ смотрѣть на новаго своего государя, и если бы не поспѣшилъ онъ пріѣхать въ Польшу, они неминуемо избрали бы себѣ въ короли Болеслава Мазовецкаго. Причиною предубѣжденія къ нему народа, вѣроятно, было гордое, самовластное начало его царствованія, когда онъ сталъ присоединять къ Литвѣ казенныя земли и замки, не хотѣлъ подтвердить народныхъ привилегій, пускалъ въ ходъ дурную монету и совершилъ множество другихъ несправедливостей какъ въ судебномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ.

Но не такъ легко было обижать Поляковъ, достигшихъ уже самосознанія нравственнаго, сознавшихъ свою силу посредствомъ частыхъ сношеній съ Европою находившихся не на послѣдней степени просвѣщенія. Стражемъ правъ народныхъ, смѣлымъ и краснорѣчивымъ органомъ Польши былъ въ то время Збигневъ Олесницкій, епископъ краков-

скій и кардиналъ. Будучи простымъ еще рыцаремъ, Збигневъ въ день гринвальдской битвы спасъ Ягеллу отъ смерти; а потомъ, вступивши въ духовное званіе, облеченный въ высокое достоинство краковскаго епископа, сдѣлался другомъ и почти неразлучнымъ собесѣдникомъ Ягеллы. Просвѣщенный, ревностный католикъ, бывшій въ сношеніяхъ со всѣми знаменитостями тогдашней Европы, истинный патріотъ, знакомый хорошо и съ языкомъ латинскимъ, и съ правами народными, словомъ — глава и сердце всѣхъ общественныхъ собраній, Збигневъ не потворствовалъ Ягеллѣ, хотя и любилъ его; смѣло являлся онъ во всѣхъ междоусобіяхъ гусситскихъ, говорилъ горькую истину Витольду и позволилъ раорвать грамозту, утверждавшую престолонаслѣдіе въ родѣ Ягеллоновъ въ то время, когда Ягелло не хотѣлъ подтвердить правъ народныхъ. Олесницкій стоялъ головою за права народныя, хотя и не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть того, къ чему можетъ привести злоупотребленіе этими правами. Очевидно, что подобный ему государственный человѣкъ, по необходимости, долженъ былъ сдѣлаться популярнымъ, хотя могъ и не искать этого.

Съ такимъ-то мужемъ долженъ былъ бороться Казиміръ всякій разъ, когда задумывалъ или стѣснить Польшу, или съ ущербомъ для нея прибавить что-нибудь къ своей наслѣдственной Литвѣ. Литовцы, соединенные съ Поляками одной только вѣрою, имѣли, въ свою очередь, столько же справедливыхъ причинъ къ неудовольствію, которыхъ король не умѣлъ, или не могъ удалить. Правда; Ягелло соединилъ Польшу съ Литвою, съ своимъ наслѣдственнымъ и безропотно повиновавшемся его волѣ государствомъ; но съ тѣхъ поръ прошло уже около вѣка, святая вѣра и сношенія съ Польшею уже просвѣтили Литовцевъ, дали имъ почувствовать ихъ человѣческое и національное достоинство: слѣ-

довательно нечего удивляться, если они, сознавши теперь свое положеніе, вознегодовали за названіе *подчиненныхъ ярму служебному*, и за выраженіе: *присоединяемъ и совокупляемъ* землю литовскую съ королевствомъ польскимъ; если теперь требовали болѣе приличнаго себѣ выраженія *дружества и общенія*; если желали видѣть страну свою свободною отъ подданства Польшѣ, на которое намекали эти выраженія; если хотѣли удержать за собою Волынь, потому-что видѣли ее въ рукахъ Витольда, то требованія свои подкрѣпляли силою оружія и волновались (1449 и 1451 г.). Таковы были два сильные, противоборствующіе другъ другу ураганы общественнаго мнѣнія. Явившись среди нихъ, Казиміръ, какъ монархъ, былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы объявить свой рѣшительный приговоръ: онъ умѣлъ только возбуждать и увеличивать взаимныя неудовольствія между двумя народами вмѣсто того, чтобы отстранять и уничтожать ихъ. Опасаясь Поляковъ, онъ не хотѣлъ перемѣнять выраженій подданства, оскорбительныхъ для Литвы, отдѣлывался отъ ея пословъ одними пустыми обѣщаніями, за что Литва, при помощи Гастольда, едва не лишила его велико-княжескаго достоинства; съ другой стороны, желая удовлетворить требованіямъ Литовцевъ, онъ отдалъ имъ Волынь съ городомъ Луцкомъ, часть Подоліи и округъ дрогичинскій и медлилъ подтвержденіемъ польскихъ привилегій, за что Поляки въ Пётрковѣ (1453 г.) едва не отняли у него престола, разрывая миръ и союзъ съ Литвою. Шляхта волновалась за обременительные налоги, духовенство за нарушеніе неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Оба народа въ борьбѣ съ своимъ государемъ вырабатывали въ себѣ грозныя силы. Шляхта поклялась не щадить своей жизни за права отечества. Вліяніе Олесницкаго еще болѣе ограничило власть королевскую; Казиміръ волею или нево-

лю долженъ былъ подтвердить права польскаго народа, который однако теперь уже не ограничился тѣми правами, которыми владѣлъ прежде. Два года спустя послѣ пётрковскаго съѣзда, въ Нишавѣ король нашелся вынужденнымъ одарить народъ новыми льготами, и въ числѣ ихъ признать то знаменитое обязательство, которое, сдѣлавшись навсегда кореннымъ закономъ Польши, и было источникомъ какъ нашего благоденствія, такъ и несчастій: «*Nulli bona recepi mandabimus, «aut captivari faciemus, nisi prius fuerit jure convic-«tus*», т. е. не станемъ приказывать отнимать у кого-нибудь имущество, или заключать его въ темницу, прежде чѣмъ онъ будетъ осужденъ по законамъ.

Споры между Литовцами и Поляками не прекращались. Обѣ стороны далеки были отъ взаимныхъ уступокъ; какъ та, такъ и другая упорно держалась своихъ требованій; одинъ только король ежеминутно долженъ былъ терять что-нибудь изъ своихъ правъ. Литва по-прежнему владѣла Волынью и Подоліей; Поляки по-прежнему считали Литовцевъ народомъ рабскимъ; король по-прежнему раздражалъ умы. На пётрковскомъ сеймѣ 1459 г., Янъ Рытвянскій (z Rytwian) жестоко упрекалъ короля за безпорядки и разстройство государства, за излишнія подати, выпускъ дурной монеты и очевидное пристрастіе къ Литвѣ. «Плачевную участь и глав-«ныя бѣдствія — говорилъ онъ — ты накликалъ на насъ, го-«сударь, такъ, что еслибъ не Провидѣніе, бодрствующее надъ «нашимъ родомъ, мы погибли бы неминуемо; насъ созвали «на этотъ сеймъ, чтобы принять мѣры къ установленію по-«рядка въ дѣлахъ общественныхъ, разстроенныхъ тобою, «государь, и твоими совѣтниками». Это состояніе взаимнаго раздраженія и недовѣрчивости вызвало новые уставы. Важнѣйшимъ изъ этихъ уставовъ, состоявшихся въ Пётрковѣ (1468 г.), былъ тотъ, по которому земскіе послы, избирае-

мые на провинціяльныхъ сеймахъ, получили право участія въ дѣлѣ обнародованія новыхъ податей и внутренняго законодательства. Городамъ также дозволено высылать на сеймы своихъ депутатовъ. Съ тѣхъ поръ король вмѣстѣ съ сенатомъ и послами земскими могъ установлять новые законы, объявлять войну и заключать миръ, или налагать новыя подати не иначе, какъ только на сеймахъ. Словомъ—вся власть принадлежала теперь сеймамъ. Вотъ тѣ перемѣны, какимъ подвергались формы правленія въ Польшѣ. Будучи вначалѣ демократическимъ, правленіе въ рукахъ первыхъ нашихъ Пястовъ переродилось въ чистый деспотизмъ; потомъ возвысилась аристократія, какъ духовная, такъ и свѣтская; въ правленіе Лудовика тѣ же права и преимущества получила шляхта; при Казимірѣ право изданія новыхъ законовъ и объявленія войны усвоено только сейму; потомъ власть эту раздѣляли земскіе послы, призванные первоначально къ однимъ дѣламъ о податяхъ, и присвоили себѣ затѣмъ почти всѣ права королевской власти. Такимъ образомъ Польша учредила у себя представительный образъ правленія, въ высшей степени запечатлѣнный какъ свойственными ему достоинствами, такъ и недостатками. Впослѣдствіи предки наши снизошли до *анархіи* не потому, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что они были свободны, но по причинѣ тѣхъ недостатковъ, которые незамѣтно вкрались въ организацію нашей конституціи. Почему, не смотря на разительное неравенство между вельможами и шляхтою, предки наши распространили и на магнатовъ права шляхетскаго равенства? Почему они признали права политическія только за однимъ классомъ народа? Почему безсильные короли наши должны были искать опоры въ магнатахъ и обогащать ихъ старостваами? — все это вопросы, чуждые нашему предмету. Возвратимся къ Казиміру Ягелло, законодательную дѣятель-

ность котораго окончили кодексъ нишавскій и разныя постановленія сеймовъ для Польши, а для Литвы *Судебникъ*, данный ей въ 1480 году.

Не смотря на раздоры политическіе, внутреннее благосостояніе Польши мало отъ нихъ страдало, и она занимала довольно важное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ. Правда, Литва утратила свое господство надъ Новгородомъ и Псковомъ у Балтійскаго моря; Крымскіе Татары у Чернаго моря также высвободились изъ-подъ ея власти, и Польша лишилась своихъ черноморскихъ портовъ; но за то она пріобрѣла княжество Сѣверское, Освѣцимъ, Заторъ, Раву и Белжу. Побѣда надъ Крестоносцами, хотя мы и не умѣли пользоваться ея плодами, хотя и заплатили за нее пораженіемъ подъ Хойницами, возвратила однакожь Польшѣ Померанію съ городомъ Данцигомъ, воеводство кульмское и княжество вармійское. Остальныя прусскія земли остались за Крестоносцами, присягнувшими на вѣрность польскому государю; теперь они перестали безпокоить наше плаваніе по Вислѣ, стѣснять нашу торговлю хлѣбомъ и другими произведеніями промышленности. Съ развитіемъ торговли явилось богатство, а свобода породила благоденствіе. Понятіе политическаго равенства, подводя подъ одинъ уровень пановъ и шляхту, уничтожило необходимость уступать богатому, и хотя, къ несчастію, классъ поселянъ стоялъ далеко за чертою этого равенства, однакожь богатство городовъ и селеній доказывало ясно, что свобода, къ которой стремились паны на сеймахъ, была, хотя и посредственно, удѣломъ и поселянъ. Бархаты, шелковыя и атласныя матеріи, золото и соболья шубы пановъ, брилліанты, сіявшіе у нихъ на шапкахъ и запястьяхъ, волосы всегда завитые, прекрасные кони, покрытые богатыми персидскими коврами,—все это краснорѣчиво свидѣтельствовало объ ихъ благосостояніи. При такихъ условіяхъ обществен-

наго быта, благодѣтельное просвѣщеніе должно было выдвинуться изъ того полумрака, въ которомъ оно до сихъ поръ скрывалось. Возвысилась Краковская Академія, ораторы громко заговорили на соборахъ и въ посольствахъ. Геніальный Олесницкій, вдохновенный поэтъ Адамъ Свинка, ученый Длугошъ, разсудительный Григорій Санокскій (z Sanoka) были достойными провозвѣстниками золотыхъ временъ Сигизмундовыхъ. Грамотность распространилась въ народѣ; люди ученые перестали чуждаться польскаго языка; языкъ латинскій сдѣлался доступнымъ даже самому бѣднѣйшему шляхтичу; сношенія съ Турками и Татарами познакомили съ языками восточными нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, каковы были Христофоръ Треслинъ, Михаилъ Галецкій и Клементій Вислицкій (z Wiślicy), переведшій Алкоранъ на латинскій языкъ; представительный образъ правленія, быть можетъ, даже больше, чѣмъ школы, содѣйствовалъ у насъ къ развитію слова и мысли, хотя и теперь ученое, школьное образованіе сдѣлалось болѣе доступнымъ народу. Кромѣ академіи и школы маріинской, въ одномъ Краковѣ насчитывалось уже до пяти уѣздныхъ училищъ, возникшихъ изъ пожертвованій. При каждомъ престолѣ епископскомъ были также училища. Въ Познани было высшее учебное заведеніе, въ которомъ учили латинскому языку по Овидію (выборъ прекрасный, только не для юношества); кромѣ того, преподавали ариѳметику и литургію. Воспитанники этой школы, предназначавшіеся исключительно къ духовному званію, оканчивали курсъ ученія въ Академіи Краковской, или въ заграничныхъ. Даже въ малыхъ городишкахъ были заведены училища, и должно быть они были недурно устроены, если изъ нихъ могли выходить такіе мужи, какъ Длугошъ, или Григорій Санокскій. Мы знаемъ, что были школы въ Корчинѣ, Пултускѣ, Ловичѣ, Варшавѣ, Данцигѣ и Эльбленгѣ; въ Холмѣ

съ 1405 г. существовало высшее учебное заведеніе, состоявшее въ вѣдѣніи Краковской Академіи. Пергаментныя рукописи, обложенныя деревянными досками съ металлическими застежками, часто даже цѣпями прикованныя къ готическимъ шкафамъ, составляли неоцѣненное богатство; плата за одну книгу часто равнялась тому, чего стоила цѣлая деревня (Исторія Ливія стоила 250 талеровъ), а такія библіотеки находились, какъ при монастыряхъ, такъ и въ домахъ Поляковъ. При дворахъ вельможъ и при монастыряхъ были особенные переписчики рукописей и живописцы, украшавшіе ихъ миніатюрами. Хроники, своды отечественныхъ законовъ, книги религіознаго содержанія, словомъ—всѣ произведенія тогдашней письменности въ многочисленныхъ спискахъ распространялись повсюду. Краковская Академія все болѣе и болѣе обогащала свою библіотеку приношеніями профессоровъ, которые, отправляясь въ Италію, или заграницу на соборы, привозили съ собою сочиненія, до сихъ поръ у насъ неизвѣстныя. Мудрецы, посвящавшіе всю свою жизнь собранію и переписыванію рукописей, согласно тогдашней пословицѣ: *Vende pallium, eme libros* (продай плащъ и купи книги), умирая, отказывали свои коллекціи Академіи, а на деньги, остававшіяся отъ удовлетворенія нуждъ ихъ скромной жизни, устроивали великолѣпныя зданія—библіотеки. Сочиненія въ нихъ увеличивались сотнями; въ 1429 году назначены уже два библіотекаря при краковской библіотекѣ, а въ 1497 г. составленъ каталогъ книгъ. Кромѣ того, были еще библіотеки: въ Познани, слагавшаяся изъ книгъ, пожертвованныхъ ей епископомъ Станиславомъ Ціолкомъ (1433); у Бенедиктинцевъ на Люсой Горѣ; въ краковскомъ капитулѣ, у Доминиканцевъ, Павликіанъ и Мѣховитовъ тамъ же. Епископы собирали книги при жизни и, умирая, отказывали въ пользу каѳедральныхъ библіотекъ не малыя и драгоцѣн-

ныя собранія рукописей. Выпишемъ имена этихъ благодѣтелей просвѣщенія: Збигневъ Олесницкій, Сциборъ Гостянчицкій, Эразмъ Ціолкъ, Кржеславъ изъ Курозвенкъ и наконецъ Ѳома Стремпинскій, основатель библіотекъ въ Гнѣзнѣ, Ловичѣ и Унеіовѣ.

Въ это-то именно время великое и важное изобрѣтеніе готово было придти на помощь просвѣщенію и свободѣ и тѣмъ измѣнить видъ тогдашняго міра. Оттиски, производимые при помощи подвижныхъ металлическихъ буквъ, изобрѣтеніе повидимому столь простое, до котораго однакоже умъ человѣческій могъ дойти только въ 15 столѣтій, были дѣломъ майнцскаго мѣщанина Ивана Гуттенберга (или Богемца Куттенберга, т. е. съ Кутной Горы), около 1450 года. Первоначальные его оттиски, дѣлавшіеся при помощи деревянныхъ, или оловянныхъ буквъ, очевидно, были далеко несовершенны; но Гуттенбергъ, или, лучше, его помощники: Иванъ Фаустъ (Fest, твердый, быть можетъ нашъ Твардовскій) и Шефферъ улучшили типы, краску и механизмъ книгопечатанія. Вначалѣ печатныя книги были продаваемы вмѣсто рукописей какъ для прибыли, такъ и для прикрытія новаго изобрѣтенія тайною, потому-что въ тогдашнія невѣжественныя времена оно легко могло быть приписано чародѣйству и силѣ діавольской; но вскорѣ это важное изобрѣтеніе перестало быть тайною. Въ 1455 году скончался Гуттенбергъ, успѣвшій въ продолженіе тринадцати лѣтъ издать нѣсколько книгъ, а сотрудники его Фаустъ и Шефферъ стали печатать латинскія библіи, служебники и кодексы. На Псалтири, изданной ими въ 1457 г., они, опасаясь, вѣроятно, обвиненій въ чернокнижіи, сдѣлали слѣдующую надпись: *книга эта напечатана новымъ искусственнымъ изобрѣтеніемъ безъ всякаго употребленія пера.* Когда, въ 1562 году, Адольфъ Нассаускій овладѣлъ Майн-

цемъ, работники Фауста и Шеффера разбрелись по всей Германіи, разнося съ собою повсюду тайну новаго открытія. Въ Банбергѣ—Полистеръ, въ Кёльнѣ—Ульрихъ Зелль основали свои типографіи, а одинъ изъ челядинцевъ Фауста, Гинтеръ Зайнеръ, прибылъ въ 1465 году къ намъ въ Польшу, куда манила его процвѣтавшая въ то время Краковская Академія. Здѣсь онъ издалъ *Изложеніе Псалтири* (Explanatio in Psalterium), сочиненіе Ивана Туррекремата, потомъ напечаталъ Сочиненія Блаженнаго Августина и вслѣдъ за тѣмъ переселился въ Аугсбургъ. Послѣ Зайнера, поселился въ Краковѣ издатель сочиненій славянскихъ Святополкъ Фіоль, извѣстный обвиненіями въ неправовѣріи и первымъ изданіемъ церковно-русскихъ Осмигласниковъ и Часослова. Въ первыхъ годахъ XVI вѣка появились у насъ постоянныя уже типографіи: Ивана Галлера, Каспара Гохфедера, Іеронима Вѣтора, Матѳея Вѣржбѣнты, Андрея Пѣтрковчика, Флоріана Унглера, Шафенбергеровъ, Зибенейхеровъ и друг.; вслѣдъ за тѣмъ явилось множество и другихъ типографій, согласно требованіямъ просвѣщенія и протестантской религіи. Въ концѣ нашей эпохи, въ послѣдніе годы царствованія Стефана Баторія, были уже постоянныя типографіи въ слѣдующихъ городахъ и городкахъ Польши: въ Краковѣ, Вильнѣ, Пултускѣ, Познани, Брестѣ Литовскомъ, Шамотулахъ, Люблинѣ, Луцлавичахъ, Лашчовѣ, Ловичѣ, Гродзискѣ, Раковѣ, Козьминкѣ, Нѣсвижѣ, Заблудовѣ, Венгровѣ, Львовѣ, Лоскѣ, Варшавѣ, Кнышинѣ, Ковнѣ и Плоцкѣ; церковно-славянскія: въ Краковѣ, Вильнѣ, Нѣсвижѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острогѣ; еврейскія: въ Краковѣ, Люблинѣ и т. д. Послѣ того неудивительно, если такое множество типографій могло оказать свое вліяніе на развитіе науки и свободы мысли. Кромѣ книжныхъ лавокъ, которыя, по всей вѣроятности,

были при каждой типографіи, до насъ дошли еще имена нѣкоторыхъ лицъ, исключительно занимавшихся книжною торговлею, какъ-то имена: Ивана Сончскаго (z Sącza) въ Краковѣ, Петра въ Познани и др. То, что теперь подъ именемъ свободы книгопечатанія сдѣлалось важнымъ государственнымъ вопросомъ, въ старину въ Польшѣ не знало никакого ограниченія; даже книги религіознаго содержанія не всегда нуждались въ скрѣпѣ епископовъ. Различныя мнѣнія, какъ религіозныя, такъ и политическія, особенно въ правленіе Сигизмундовъ, могли свободно распространяться въ Польшѣ. Но прежде чѣмъ это наступило, прежде чѣмъ польскія типографіи могли удовлетворить потребностямъ отечественной письменности, книги, писанныя въ Польшѣ, печатались обыкновенно за границею. Такимъ образомъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ Германіи, изданы были Проповѣди Мартина Поляка, его *Перлъ Декретовъ* и Проповѣди Николая Блонскаго (z Blonia). Мельхіоръ Лоттеръ сдѣлалъ два изданія *Синтагматовъ*, т. е. уставовъ Казиміра Ягелло; Вольфангъ Штеккель въ 1500 году напечаталъ для Галлера Логику Ивана Глоговскаго; Гохфедеръ для того же Галлера печаталъ въ Мецѣ различныя статьи воспитанниковъ Краковской Академіи; Георгій Штуксъ издалъ еще до 1500 года два *Служебника* (Mszały), одобренныя кардиналомъ Фридрихомъ Ягелло. Въ Венеціи, Римѣ, Антверпенѣ, Падуѣ, Прагѣ, Базелѣ и др. городахъ печатались сочиненія, писанныя Поляками, частію по причинѣ ихъ общеизвѣстности, частію по причинамъ политическимъ и религіознымъ.

Книгопечатаніе сдѣлало теперь просвѣщеніе доступнымъ для всѣхъ классовъ народа, сообщило быстрый всеобщій обмѣнъ человѣческой мысли и произвело рѣшительное вліяніе на развитіе народной свободы. Другимъ всесильнымъ

двигателемъ мысли человѣческой было различіе религіозныхъ убѣжденій. Религіозные споры имѣли огромное, всемірное значеніе. Съ одной стороны, они раздражили сердца, долженствовавшія дышать духомъ евангельской любви и братства, обагрили кровью Англію и Германію и въ каждомъ почти государствѣ Европы оставили печальные слѣды; но за то, съ другой стороны, они освободили міръ отъ страшнаго политическаго вліянія папъ и императоровъ. У насъ въ XV вѣкѣ имѣли вліяніе богемскіе Гусситы и послѣдователи восточной церкви. Скажемъ же нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ вѣроисповѣданій.

Во второй половинѣ XIV вѣка, въ Англіи прославился своею ученостью воспитанникъ оксфордскаго университета Іоаннъ Виклефъ, извѣстный подъ именемъ *евангельскаго доктора* (doktor ewangeliczny). Будучи проповѣдникомъ въ графствѣ лейстерскомъ, онъ всею силою своего краснорѣчія вооружился противъ развратной жизни духовенства, въ особенности противъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, и въ тоже время перевелъ на отечественный языкъ четырехъ Евангелистовъ и Посланія Апостольскія. Вначалѣ сочиненія его не выходили изъ круга обыкновенной церковной полемики; но когда Виклефа осудили на лондонскомъ соборѣ 1382 года, и папа Григорій XI объявилъ его еретикомъ, Виклефъ началъ съ большею смѣлостію распространять ученіе христіянское, несогласное съ тѣмъ, которое исповѣдывала тогдашняя Церковь.

Іеронимъ Прагскій, родомъ Богемецъ, вернувшись изъ Англіи въ 1400 году, привезъ съ собою сочиненія Виклефа, и его послѣдователи начали съ тѣхъ поръ жаркіе споры съ католиками о духовной власти папы. Чехи стремились къ тому, чтобы совершать богослуженіе на языкѣ отечественномъ, папы не хотѣли уступить имъ этого права, и нѣ-

мецкіе императоры, какъ защитники святой вѣры, мало-помалу стали захватывать богемскіе города и провинціи. Да и чему удивляться, если католичество, понимаемое такимъ плачевнымъ образомъ, казалось народу еще необразованному тѣмъ же, чѣмъ было рабство. Люди образованные, любившіе свое отечество, благопріятствовали ученію Виклефа, потому-что видѣли въ немъ средство къ разрыву съ Нѣмцами и Римомъ. Іоаннъ Гуссъ, богословъ, и Іоаннъ Рокичанъ, епископъ прагскій, публично проповѣдывали ученіе Виклефа. Гуссъ и Іеронимъ Прагскій, осужденные и преданные сожженію на соборѣ контстанскомъ, вызвали народную месть Богемцевъ. Ужасный Шишка явился во главѣ возстанія; народъ, вооруженный цѣпами, вилами и топорами, съ яростію устремился на панòвъ, Нѣмцевъ и католиковъ. «Кровь—говоритъ Вишневскій—полилась рѣками при широ«комъ заревѣ дымившихся кругомъ селъ и городовъ; гуссит«скіе священники подъ деревомъ или въ корчмѣ причащали «подъ обоими видами народъ, сидѣвшій на кучахъ богатой «добычи, и предвѣщали ему скорое приближеніе царства «справедливости и Господа нашего І. Христа.» Ягелло, или Витольда приглашали они занять богемскій престолъ въ 1420 году; но Ягелло, будучи во всемъ послушенъ духовенству, не осмѣлился дѣйствовать за одно съ еретиками. Тѣмъ не менѣе, однакожь, Сигизмундъ Корыбутовичъ, подкрѣпленный денежною помощію своихъ дядей Витольда и Свидригайло и «если не сочувствіемъ, то покрайней мѣрѣ «снисходительностію Ягелло», съ 7,000 Поляковъ вступилъ въ Богемію на помощь Гусситамъ и, вмѣстѣ съ Таборитами, одерживалъ неоднократныя побѣды надъ войсками императора.

Возстаніе Гусситовъ стало общимъ политическимъ дѣломъ славянской независимости; но папа, императоръ, Кресто-

носцы и даже собственное наше духовенство готовы были считать Ягелло за одно съ еретиками. Ягелло самъ не зналъ на что рѣшиться; какъ новообращенный, онъ хотя и живо принималъ къ сердцу дѣло славянскаго народа, но слишкомъ боялся Олесницкаго, слишкомъ дорого цѣнилъ имя добраго католика для того, чтобы хотя однимъ словомъ, не говоря уже дѣломъ, выразить свое сочувствіе къ бунту и отступничеству Таборитовъ Когда въ 1431 году прибыли въ Краковъ богемскіе послы: самъ Сигизмундъ Корыбутъ и знаменитый Прокопъ, бывшій прежде францисканскимъ монахомъ, чтобы просить помощи у Поляковъ, наше духовенство вызвало Гусситовъ на *диспутъ*, продолжавшійся нѣсколько дней въ присутствіи самого короля; когда же восемь краковскихъ академиковъ и во главѣ ихъ знаменитый Станиславъ Скарбимерскій одержали верхъ надъ противниками, Ягелло отпустилъ ни съ чѣмъ Богемцевъ. Но увы! «умный умѣлъ разсуждать, а глупый побѣждалъ»: хотя папа Мартинъ V и объявилъ крестовый походъ противъ Таборитовъ, хотя его легатъ кардиналъ Юліанъ и далъ крестоносцамъ золотую хоругвь съ крестомъ, а императоръ нѣмецкій охотно взялся за оружіе; однакожь Богемцы подъ Таховымъ на голову разбили ихъ рать. Сомнительно: сожалѣлъ ли Ягелло объ этомъ пораженіи Нѣмцевъ; къ тому же мы видимъ, что въ слѣдующемъ году онъ обласкалъ богемскихъ пословъ, и хотя открыто не согласился на ихъ требованія— принять начальство надъ ними и вести ихъ противъ Нѣмцевъ и крестоносцевъ, тѣмъ не менѣе однакожь назвалъ ихъ союзнымъ и родственнымъ ему народомъ и изъявилъ свое неудовольствіе Олесницкому, когда тотъ въ силу проклятія, тяготѣвшаго надъ Чехами, приказалъ запереть всѣ костелы города. Въ 1433 году Ягелло открыто принялъ сторону Богемцевъ и объявилъ войну крестоносцамъ.

Побѣдоносный Прокопъ, предводитель Таборитовъ, вмѣсто осуществленія политическихъ цѣлей своего отечества, сталъ свирѣпствовать надъ помѣщиками, осуждалъ ихъ на смерть, обременялъ податями, словомъ — окончательно вооружилъ противъ себя своихъ единоземцевъ. Дворянство вооружилось, избрало своимъ предводителямъ Александра Розенберга и поклялось въ конецъ истребить Таборитовъ, что̀ и было исполнено въ битвѣ подъ Бродами въ Богеміи 30 марта 1434 года. Таковъ былъ конецъ Гусситовъ.

Исторія увѣковѣчила войны гусситскія, какъ первое вооруженное возстаніе противъ папской власти, какъ выраженіе равенства и патріотизма (потому-что безбрачные священники считали свое сословіе своимъ семействомъ, а Римъ отечествомъ; потому-что латинскій богослужебный языкъ былъ очевиднѣйшимъ признакомъ космополитизма; потому-что причащеніе подъ обоими видами, дозволенное однимъ только священнослужителямъ, по истинѣ казалось чѣмъ-то въ родѣ религіозной аристократіи); — исторія увѣковѣчила эти войны, какъ первое возстаніе славянскаго міра противъ власти германской, какъ эпоху, которая вызвала въ богемской литературѣ множество сочиненій религіозныхъ, политическихъ и военныхъ, и тѣмъ самымъ содѣйствовала къ образованію богемскаго языка. Сколько прекрасныхъ и мрачныхъ началъ вызвали эти войны!

Въ Польшѣ, вслѣдствіе схоластическихъ мудрствованій, вслѣдствіе частыхъ ея сношеній съ Богемцами, ученіе Виклефа нашло себѣ не мало послѣдователей. Сигизмундъ, императоръ германскій, осуждая на смерть Гусса и Іеронима, призналъ достойными той же казни и множество Поляковъ, «проникнутыхъ ученіемъ этого человѣка»; даже прелатовъ и епископовъ подозрѣвали въ единомысліи съ ними. Андрей Галка Добчинскій (z Dobczyna) открыто созна-

вался въ томъ, что находитъ истину только въ сочиненіяхъ Виклефа, и утверждалъ, что они въ большомъ ходу въ Польшѣ. Напротивъ, ревностные католики, какъ-то: Збигневъ Олесницкій, Станиславъ Скарбимерскій, Андрей Кокоржинскій (z Kokorzyna), словомъ и дѣломъ объявили борьбу Гусситамъ. Это было предвозвѣстіемъ будущихъ споровъ съ диссидентами, не имѣвшимъ однако вначалѣ важнаго значенія.

Обширная и мужественная Литва, захватившая множество русскихъ областей, какъ-то: республику новгородскую и псковскую, Тверь, Смоленскъ, Кіевъ и др., заключала въ нѣдрахъ своихъ множество послѣдователей православной вѣры. При соединеніи Литвы съ Польшею не всѣ изъ нихъ перешли къ католичеству. Поэтому Ягелло, ревностный приверженецъ католицизма, отказался-было распространить и на сихъ послѣднихъ гербы и привилегіи рыцарскаго состоянія; но когда при его преемникѣ, Владиславѣ Варнскомъ, возникла флорентинская унія (1439), во время митрополита Исидора стремившаяся соединить оба эти вѣроисповѣданія подъ властію римскаго престола; когда Владиславъ обнадежилъ уніатовъ своимъ особымъ покровительствомъ, а не принявшіе уніи, какъ князь Константинъ Острожскій, слишкомъ много оказали услугъ своему отечеству для того, чтобы ихъ можно было преслѣдовать: тогда несогласія съ восточнымъ исповѣданіемъ вѣры не могли быть значительны.

Какъ бы то ни было, но XVI вѣкъ засталъ Польшу свободною. Книгопечатаніе, вѣротерпимость, привилегіи, дабытыя у Казиміра, словомъ—все обѣщало ей дальнѣйшее развитіе. У насъ были уже свои права, свое народное представительство и король *свободно-избранный*. Мы говоримъ: свободно-избранный, потому-что Ягеллоны, наслѣдственные князья Литвы, были избираемы въ короли польскіе един-

ственно по необходимости не разрывать союза между двумя народами. Такъ, напримѣръ, въ началѣ XIV вѣка былъ избранъ въ короли Янъ Альбрехтъ, сынъ Казиміра Ягелло, и государь этотъ, не имѣя блестящихъ талантовъ, но желая одинъ бороться съ духомъ вѣка, оставилъ въ исторіи, также какъ и отецъ его, одну только память этой неравной и неловкой борьбы. Изобразивъ выше характеръ защитника правъ отечественныхъ и церкви—Збигнева Олесницкаго, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о противодѣйствовавшемъ ихъ развитію итальянцѣ Каллимахѣ.

Человѣкъ этотъ, родомъ изъ Венеціи, собственно называвшійся Филиппъ Буонакорси, оставивъ Римъ вслѣдствіе заговора противъ папы Павла II, нашелъ убѣжище въ Польшѣ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ милость Казиміра Ягелло и былъ взятъ въ наставники къ королевскимъ дѣтямъ. Пріобрѣтя чрезъ это партію при польскомъ дворѣ, Каллимахъ, съ итальянскою хитростью, оказывалъ вліяніе на государственную дѣятельность Казиміра, и, безъ сомнѣнія, его внушеніямъ и нужно приписать какъ упорство, такъ и деспотическія стремленія этого государя. Будучи посломъ при различныхъ дворахъ европейскихъ, онъ пріобрѣлъ еще болѣе дипломатической опытности и тѣмъ усилилъ свое вліяніе. Когда же Янъ Альбрехтъ вступилъ на польскій престолъ, Каллимахъ сдѣлался душею правленія, такъ что король ни на что не рѣшался безъ его совѣта, никому не давалъ ни чиновъ, ни достоинствъ, не спросившись своего любимца. Да и не много они приносили чести тѣмъ, которые получали ихъ, потому-что Томицкій свидѣтельствуетъ, что Каллимахъ совѣтовалъ королю возводить въ первостепенныя должности *глупцовъ* (dudków), т. е. такихъ людей, которые бы по своему умственному ничтожеству не могли оказать ему никакого сопротивленія. Въ дальнѣйшихъ своихъ внушеніяхъ онъ совѣтовалъ королю управлять

сурово, уничтожить съѣзды, посольства и сеймы, не смотря на ропотъ сената и народа; угрожать всеобщимъ возстаніемъ, въ предотвращеніе котораго шляхта охотно уплатитъ подати; въ чинахъ свѣтскихъ и духовныхъ окружать себя людьми, вышедшими изъ среды простаго народа; повѣрять посольства богатымъ прелатамъ и епископамъ, чтобы тѣмъ довести ихъ до убожества; уничтожить привилегіи, данныя королемъ Людовикомъ; войдти въ тѣсныя сношенія съ королемъ венгерскимъ, чтобы этимъ путемъ утвердить свою верховную власть въ обоихъ государствахъ. Для исполненія столь превратныхъ совѣтовъ нужно было обладать змѣиною хитростію. По всей вѣроятности, Янъ Альбрехтъ не обладалъ ею, хотя строго держался этихъ предписаній. Шляхта ужаснулась, когда къ ней достигла вѣсть *о совѣтахъ Каллимаховыхъ*, и король на сеймѣ піотрковскомъ былъ принужденъ принять уставы, прямо противорѣчившіе духу его политики. Шляхта, опасаясь, чтобы король дѣйствительно не усилилъ своей власти при содѣйствіи народа, приковала къ плугу народъ, до сихъ поръ свободный, хотя и не имѣвшій особыхъ привилегій, воспретивъ ему доступъ къ высшимъ церковнымъ должностямъ, установивъ закономъ, что изъ всего семейства поселянина одинъ только человѣкъ можетъ посвятить себя наукѣ или ремеслу. Вслѣдъ за тѣмъ она отняла у крестьянъ и мѣщанъ право владѣть поземельною собственностію, а впослѣдствіи (при Сигизмундѣ I) и вовсе изгнала мѣщанъ изъ участія въ дѣлахъ сеймовъ. Совѣты Каллимаха разъ на всегда поработили сословіе крестьянъ. На томъ же сеймѣ въ Піотрковѣ обезпечено плаваніе по Вислѣ, опредѣлена цѣнность червонца и наконецъ присоединено къ нишавскому уставу положеніе, по которому король безъ воли сеймовъ и сеймиковъ не можетъ ни объявлять войны, ни налагать податей, словомъ — предпринять что-нибудь рѣшитель-

ное. Вотъ плоды превратной, итальянской политики; власть короля въ конецъ ограничена, народъ лишенъ почти всѣхъ правъ гражданскихъ, вельможи и шляхта достигли крайняго предѣла силы и могущества;

Такимъ образомъ только остатки власти исполнительной сохранялись въ рукахъ короля; но въ правленіе Александра, брата и преемника Яна Альбрехта, народъ проникъ и въ эту область. Статутъ *Радомскій*, составленный на сеймѣ 1505 года, окончательно утвердилъ формы правленія въ Польшѣ, которыя остались въ ней надолго и были источникомъ нашего какъ благоденствія, такъ и злополучія. Такъ король своимъ именемъ и именемъ своихъ наслѣдниковъ долженъ былъ обязаться—не установлять ничего новаго безъ согласія государственныхъ чиновъ и депутатовъ земскихъ и не признавать обязательнымъ ни одного закона прежде его обнародованія. Польскій народъ, достигшій до такой степени свободы, очевидно, хотѣлъ знать обязательные для него уставы судебные и административные; при помощи книгопечатанія, такъ быстро распространившагося въ Польшѣ, онъ хотѣлъ знать, чѣмъ онъ обязанъ обществу и чего онъ можетъ еще отъ него требовать. Старые вислицкіе уставы и послѣдующія за тѣмъ преобразовательныя уложенія были не совсѣмъ точны, извѣстны по преданію едва нѣсколькимъ баронамъ. Поэтому на томъ же радомскомъ сеймѣ поручено было свящ. Яну Ласкому, воспитаннику Кржеслава Куразвенкскаго, возведенному въ достоинство канцлера, пересмотрѣть, пополнить и издать сводъ польскихъ законовъ. Ласкій, взявшись за дѣло, не вполнѣ удовлетворилъ тѣмъ надеждамъ, которыя подавалъ его талантъ. Онъ хотѣлъ изукрасить польскіе уставы, казавшіеся ему слишкомъ простыми, и смѣшалъ законы: внесъ много выраженій двусмысленныхъ, неопредѣленныхъ, и допустилъ перемѣны, сообразно

своему образу мыслей и духу тогдашняго времени. Вмѣсто *права*, которое должно было охранять поселянина, онъ ставилъ: *справедливость*, — слово относительное, допускавшее разнообразныя толкованія. Говоря о земскомъ ополченіи, шедшемъ на войну, онъ позволилъ ему требовать *отчасти корму для лошадей и пищи для людей*, а тѣмъ предоставилъ беззащитный край грабительству солдатъ. Усвоя престолу римскому власть выше власти законовъ, онъ, безъ сомнѣнія, возбудилъ этимъ противъ себя умы, отвыкавшіе уже отъ повиновенія. По причинѣ ошибокъ и противорѣчій, трудъ Ласкаго: *Commune inclyti Poloniae Regni privilegium* (общая привилегія славнаго польскаго царства), сдѣлался сочиненіемъ юридическо-литературнымъ, безъ всякой обязательной силы. Народъ еще не свыкся съ своею обширною властью; король неохотно подчинялся ограниченію а потому не было возможности, даже самому искуснѣйшему юристу, изъ нескладныхъ вотчиновъ древнихъ уложеній составить полный сводъ, который бы вполнѣ удовлетворялъ современнымъ потребностямъ. Какъ бы то ни было, но едва только вышли изъ галлеровой печати первые листы статута Ласкаго, король Александръ скончался въ Вильнѣ (въ 1505 г.) и Сигизмундъ I, подаривъ Литвѣ статутъ, писанный на языкѣ русскомъ (1529 г.), желалъ собрать въ продолженіе своего многолѣтняго царствованія разнообразные и все болѣе и болѣе умножавшіеся законы Польши (доказательствомъ чему служатъ труды Сливницкаго) и подчинить имъ обширную державу, подвластную его скиптру. Но намѣренія его не осуществились по причинѣ войнъ, раздиравшихъ государство, по причинѣ интригъ королевы Боны, льготъ, которыя избаловали Поляковъ, раздоровъ между домами вельможъ и стремленій аристократіи образовать изъ себя особое сословіе. А льготы все

болѣе и болѣе увеличивались, потому-что подъ отеческимъ скипетромъ Сигизмунда просвѣщеніе и благосостояніе возросли въ Польшѣ. Писатели того времени любили сравнивать современное имъ состояніе Польши съ прежнимъ, и въ этихъ сравненіяхъ ясно можно видѣть, что просвѣщеніе сдѣлало большой успѣхъ. Въ товремя, когда во Франціи депутаты парламента съ колѣнопреклоненіемъ обращали свою рѣчьъ королямъ,—у насъ Дембинскій, Ташицкій, Гомолинскій подъ Львовомъ смѣло порицали мелкія злоупотребленія Сигизмунда I. «Полякъ, говоритъ Оржеховскій, веселъ «у себя дома, онъ поетъ и танцуетъ свободно, потому-«что не тяготится ни одною стѣснительною обязанностію.» «Еслибы теперь воскресли наши отцы, воспѣваетъ Яницкій, «то они бы не узнали своихъ сыновъ, потому-что они сбро-«сили уже съ себя дикую наружность, сроднились съ наукою «и смягчили свои нравы». «Въ Польшѣ строятъ и распро-«страняютъ замки, пишетъ Любеницкій, и народъ ходитъ, «ѣздитъ и живетъ такъ, какъ помѣщики въ иныхъ странахъ; «поселянинъ живетъ теперь какъ жилъ прежде значительный «владѣлецъ, владѣлецъ какъ сенаторъ, а сенаторъ какъ самъ «король». Языкъ латинскій вышелъ у насъ изъ оковъ средневѣковаго варварства и сталъ процвѣтать; языкъ польскій сдѣлался языкомъ письменнымъ. Лѣса сдѣлались предметомъ торговли, земля изъ-подъ вырубленныхъ рощъ производила прекрасные хлѣба, народонаселеніе увеличилось, возвысилась цѣнность земли, торговля съ Данцигомъ обогащала Польшу, домашнія ремесла удовлетворяли даже изысканнымъ потребностимъ. Ежедневныя сношенія съ Италіей образовали въ насъ вкусъ къ изящному. Полякъ ѣздилъ въ люлькѣ, завѣшенной на четырехъ цѣпочкахъ, что-то въ родѣ нынѣшнихъ ресоръ; карета его была покрыта коврами. Одежда его, сшита ли она была во вкусѣ татарскомъ, или испанскомъ,

всегда горѣла золотомъ и яркими цвѣтами. Епанча его (delja) была подбита драгоцѣнными соболями; золотыя пуговицы и алмазныя застежки украшали одежду сановника; польскіе столы, ломившіеся подъ тяжестію серебреныхъ сервизовъ и золотыхъ чашъ, изобиловали токайскимъ и мальвазіями. При столѣ гремѣла музыка, велся избранный, оживленный польскій, или латинскій разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, о близкомъ сеймѣ, или новой побѣдѣ, о священныхъ предметахъ вѣры, столь близкихъ сердцу Поляка, столь интересныхъ для тогдашняго времени, тѣмъ болѣе, что въ сосѣдней Германіи была въ полномъ разгарѣ реформація Лютера, а Полякъ, независимый, ученый и разсудительный, не могъ устоять противъ искушеній знанія въ его противодѣйствіи власти. Реформація произвела столь сильное вліяніе на нашу политику и умственность, что мы не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ объ ея появленіи и успѣхахъ.

Изъ костей Гусса, изъ пепла богемскихъ городовъ, сожженныхъ Таборитами, возродился духъ реформаціи. «Гуссъ (гусь) еще очень ручная птица, говорилъ богемскій реформаторъ; но придетъ могучій орелъ, который воспаритъ «выше» — и орломъ этимъ явился Мартинъ Лютеръ.

Соборы вселенскіе потеряли свою силу, папы пріобрѣли власть, которая грозно тяготѣла надъ Европою. Войны съ Турками, какъ гонителями христіянъ, сдѣлавшись любимою, досужною мыслію папъ, и пышность, которою окружали себя послѣдніе, требовали огромныхъ доходовъ. Великая мысль Льва X и Микель-Анджелло построить главный христіянскій храмъ въ Римѣ также требовала не мало денегъ, и вотъ съ цѣлію пополненія папской сокровищницы кто-то подалъ плачевную мысль о продажѣ индульгенцій. Хотя престолъ римскій и не безусловно продавалъ отпущеніе грѣховъ, какъ это утверждали противники на-

шей церкви; хотя купленная индульгенція обязывала купившаго ее къ искреннему покаянію и исповѣданію своихъ грѣховъ; хотя духовные собиратели денегъ за индульгенціи одни имѣли только право разрѣшать грѣхи, предоставленные папѣ (Papae reservata): тѣмъ не менѣе однакожь эти легаты, жадно собиравшіе и безпутно расточавшіе собранное, неоднократно унижали святое дѣло церкви. Выраженіе: «продажа индульгенцій» непріятно поражала слухъ людей образованныхъ, а народъ, *покупая* эти грамоты, думалъ, что получаетъ съ ними право грѣшить и освобождается тѣмъ отъ всякаго покаянія. Такое грустное понятіе объ индульгенціяхъ подслушано было на исповѣди августинскимъ монахомъ Мартиномъ Лютеромъ. Пылкій отъ природы, возмущаемый сомнѣніями собственной совѣсти, Лютеръ, быть можетъ, былъ уже недоволенъ и тѣмъ, что Доминиканцы, а не его орденъ, извлекали пользу изъ этой продажи, и потому возсталъ противъ индульгенцій, не выходя однакоже изъ предѣловъ богословскаго спора, дозволенныхъ церковію. Доминиканцы объявили ему войну на бумагѣ, и споръ, вначалѣ чисто-католическій, вскорѣ пріобрѣлъ значеніе богословской ссоры. Ученый и утонченный Левъ X не обратилъ на нее вниманія, не предвидя конечно, что она не замедлитъ изрѣчь свой рѣшительный приговоръ надъ правами и властью папскаго престола.

Ватиканъ служилъ опорою власти нѣмецкихъ императоровъ. Князья нѣмецкіе, подвластные императорамъ, видя споръ о *божественномъ* авторитетѣ папской и императорской власти, охотно поддерживали Лютера и его приверженцевъ. «Завязалась борьба между литературою и инквизи-«ціей, между Св. Писаніемъ и схоластическимъ богослові-«емъ, между властью духовною и свѣтскою, между Римомъ «и нѣмецкою націей.» А Римъ все еще не понималъ ея зна-

ченія. Лютеръ умолялъ папскаго нунція Ѳому Каетана выслушать и разрѣшить его сомнѣнія; но неосторожный нунцій не хотѣлъ даже и говорить «съ этимъ животнымъ, «имѣющимъ во лбу глубоко-проницающіе глаза и какіе-то «странные замыслы», настаивалъ на удаленіи Лютера изъ Саксоніи и угрожалъ ему участью Гусса. Испуганный Лютеръ требовалъ вселенскаго собора, пренебрегая авторитетомъ папъ и его нунціевъ. Соборъ не состоялся, но въ Лейпцигѣ назначенъ былъ религіозный диспутъ (1518 г.). Живо изображаетъ эти событія нашъ Вишневскій. Въ обширной залѣ засѣдали избранные нотаріусы, подобно тому, какъ это бываетъ при слѣдствіяхъ судебныхъ; на другой сторонѣ, одна противъ другой стояли двѣ каѳедры, покрытыя богатыми коврами. Сторону папы защищалъ краснорѣчивый, блестящій, побѣдоносный Эккъ; противниками его были простые виртембергскіе академики: Карлштадтъ, Меланхтонъ и Лютеръ. Народъ собрался во множествѣ, какъ бы предугадывая всю важность вопроса, о которомъ шелъ споръ. Глубокая начитанность Лютера въ Св. Писаніи, искусство Экка, прикрывавшагося постановленіями папъ, завели споръ слишкомъ далеко. Теперь дѣло шло о томъ: признаетъ ли Лютеръ авторитетъ и непогрѣшительность папъ, признаетъ ли Гусса еретикомъ, какимъ огласила его церковь. «Нѣтъ!» отвѣчалъ Лютеръ, и вдругъ вооружился противъ догмата о чистилищѣ, тайной исповѣди и причищенія подъ однимъ видомъ; этимъ и окончился диспутъ. Угрожаемый духовными и свѣтскими властями, Лютеръ убѣжалъ къ своему покровителю Фридриху, курфирсту саксонскому, и началъ издавать рядъ сочиненій, которыя быстро распространялись по Германіи, желавшей разрыва съ Римомъ, и завлекли самого Лютера очень далеко. Онъ отвергъ священство, сжегъ папскую буллу и каноническое пра-

во и смѣло явился на вормскомъ сеймѣ (1521 г.) предъ императоромъ Карломъ V, доказывая свои религіозныя убѣжденія. Оттуда исхитилъ его Фридрихъ, курфирстъ саксонскій, избавивъ отъ опасности, угрожавшей его жизни, и засадилъ въ Вартбургѣ. Лютеръ писалъ, а его приверженцы выбрасывали изъ церквей конфессіоналы, отвергли свою духовную одежду и, по примѣру своего учителя, стали вступать въ бракъ. Князья, народъ, духовенство, видя въ ученіи Лютера новую вѣру менѣе строгою, чѣмъ старый католицизмъ, наперерывъ другъ передъ другомъ стали принимать его ученіе. Важнымъ и непосредственно касающимся насъ фактомъ новой реформы есть отступничество Прусскихъ Крестоносцевъ.

Мы сказали уже, что по торнскому миру, заключенному съ Казиміромъ Ягелло, они удержали въ своей власти Померанію съ городомъ Данцигомъ, подъ верховною властью Польши; столица ихъ была перенесена изъ Маріенбурга въ Кенигсбергъ, а Великіе Магистры этого ордена, въ точности исполняя условія трактата съ Польшею, съ жадностью ловили всякій случай, чтобы освободиться изъ-подъ ея верховной власти. Случай этотъ представился: между Яномъ Альбрехтомъ и Александромъ Ягеллонами возникли недоразумѣнія (1498 г.). Крестоносцы, желая увеличить свою силу, избрали себѣ въ магистры Фридриха, князя саксонскаго, который отказался платить Польшѣ обѣщанную дань. По смерти Фридриха, магистромъ ордена сдѣланъ былъ Альбрехтъ, князь бранденбургскій, племянникъ нашего Сигизмунда I. Слѣдуя примѣру своего предшественника, онъ уклонялся отъ платежа дани и, не обращая вниманія на кроткія увѣщанія дяди, мечталъ о независимости, мучилъ и заключалъ въ тюрьмы Поляковъ, вторгался въ сосѣднія провинціи и присвоивалъ себѣ наши области. Наконецъ истощилось

терпѣніе короля и польскаго народа: объявленъ былъ походъ, и доблестный нашъ полководецъ Фирлей проникъ въ Пруссію, занялъ города и замки и стѣснилъ Крестоносцевъ у береговъ Балтійскаго моря. Покорный Альбрехтъ ублажалъ папу, присылалъ дань и цаловалъ руки короля; но какъ скоро заслышалъ о идущемъ къ нему подкрѣпленіи, снова поднялъ знамя бунта. Въ такомъ положеніи находились наши дѣла, когда въ Германіи началась реформація Лютера.

Крестъ и священство для ордена были теперь одною только благовидною наружностью. Грабежъ, убійства, пьянство, игра и развратъ были единственнымъ его занятіемъ, гордость и мечты о независимости цѣлью всѣхъ его стремленій; но его духовный характеръ препятствовалъ ему достигнуть этой цѣли. Въ 1522 г., Альбрехтъ обратился за совѣтомъ къ Лютеру; Лютеръ убѣждалъ его сбросить мантію и составить изъ Пруссіи отдѣльное княжество. Совѣтъ понравился высокомѣрію Альбрехта, и онъ исполнилъ его спустя три года: отказался отъ духовнаго званія, отступилъ отъ католицизма, женился на Доротеѣ, дочери короля датскаго, и сдѣлался прусскимъ княземъ. Примѣру своего магистра послѣдовалъ Георгій Полентцъ, епископъ самбійскій, первый изъ епископовъ отступниковъ, а за нимъ священники, бароны, рыцари ордена и весь народъ. Пруссію наводнили лютеранскіе проповѣдники, костелы были разрушаемы, богослужебныя книги преданы сожженію. «Гдѣ теперь, «говоритъ Клягій (Clagius), храмъ св. Магдалины въ Кенигсбергѣ? его ужь нѣтъ, а онъ стоялъ тамъ вблизи замка, «на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь чеканятъ монету; гдѣ храмъ «св. Креста? онъ передѣланъ въ арсеналъ; гдѣ храмъ св. «Духа? теперь бойня и мясной рядъ.» Жадность завладѣ-

ла имуществами католическаго духовенства; монахи были изгнаны изъ монастырей и принуждены вступить въ бракъ; кое-гдѣ оставляли двухъ-трехъ дряхлыхъ стариковъ и одну оловянную чашу для совершенія божественной службы. Народъ, вдохновляемый Павломъ Сператомъ, посланникомъ Лютера, жегъ, разрывалъ и попиралъ ногами изображенія и лики святыхъ. Приходскій священникъ въ Сальфельдѣ, вступая въ бракъ съ одною дѣвушкою, по недостатку помѣщенія для брачнаго пиршества, выгналъ Францисканцевъ изъ ихъ прекраснаго монастыря и пилъ вино изъ церковныхъ сосудовъ. Подобныя сцены происходили во всей Пруссіи, и король польскій тяжело отвѣтитъ предъ Богомъ и исторіей за то, что, будучи католикомъ, не обуздалъ Альбрехта; за то, что, будучи его верховнымъ государемъ, утвердилъ за нимъ на правахъ ленныхъ существованіе свѣтскаго княжества, которое, какъ отторгнутое отъ Польши, должно было и возвратиться къ ней.

Не смотря на свою преданность католицизму, Сигизмундъ не могъ воспрепятствовать распространенію лютерова и кальвинова ученій въ Польшѣ. Строгія постановленія сеймовъ противъ диссидентовъ не въ состояніи были остановить быстрый потокъ. Дѣти шляхты и вельможъ, воспитываясь въ университетахъ Болоньи, Падуи, Гольдберга, Виттенберга, Лейпцига, Ингольштадта, привозили домой заграничныя *новости;* остатки ученія Виклефа отразились въ умахъ, примѣръ Нѣмцевъ ободрялъ насъ, а виды вельможъ, которые, отстаивая свободу совѣсти, пріобрѣтали тѣмъ себѣ партію въ народѣ, поддержали дѣло реформаціи. Постановленія о диссидентахъ преслѣдовали бѣдныхъ мѣщанъ, а вельможи только смѣялись надъ ними. Не смотря на то, что чужеземные титулы были запрещены и всѣмъ

заповѣдано единство вѣры, вельможи, подобно оводамъ, пробивались сквозь паутинную сѣть законовъ. Разновѣрцы были *князьями* въ Острогѣ, Олельковичи въ Слуцкѣ, кальвинистъ Николай Черный Радзивиллъ съ титуломъ князя священнаго римскаго царства (s. Państwa rzymskiego) владѣлъ Олыцею и Нѣсвижемъ; шляхта роптала, но утверждала за ними не только ихъ княжескіе титулы, но и родовую ихъ ординацію. Подъ сильнымъ покровительствомъ вельможъ, какъ русскія церкви, такъ и протестантскія кирки, свободно отправляли свое богослуженіе, хотя Польша, дышавшая духомъ вѣротерпимости, и безъ того никогда не была фанатическою. Теперь костелъ стоялъ рядомъ съ еврейскою синагогою, церковь рядомъ съ татарскою мечетью. Благочестивый Сигизмундъ понималъ духъ своего вѣка и не хотѣлъ религіозными спорами возмущать миръ, который и такъ трудно было сохранить въ Польшѣ. «Позвольте мнѣ, говорилъ онъ Экку, быть пастыремъ овецъ и козлищъ», и терпѣлъ разновѣріе, сѣмена котораго задолго прежде были уже занесены въ Польшу. Уже и прежде мы видѣли отчасти оппозицію Риму: мы видѣли, какъ Правдзицъ, епископъ бреславскій, писалъ противъ безженства священниковъ, какъ Андрей Галка публично распространялъ ученіе Виклефа; а современно съ Лютеромъ, изданы въ Краковѣ сочиненія: ***De vero cultu Dei*** (объ истинномъ почитаніи Бога), ***De matrimonio sacerdotum*** (о бракѣ священниковъ)—сочиненія, которыя прямо противорѣчили духу католицизма. Возвращеніе къ чистому ученію евангельскому и повѣрка, такъ-сказать, власти и іерархіи римской нравились умамъ свободнымъ и привлекали къ себѣ страстныя сердца.

Таково было состояніе умовъ въ Польшѣ въ то время,

когда скончался Сигизмундъ I и на престолъ вступилъ сынъ его Сигизмундъ Августъ, еще при жизни своего родителя утвержденный королемъ польскимъ. Оржеховскій изображаетъ характеръ послѣдняго слѣдующими словами: «Этотъ «король обладалъ двумя прекрасными качествами: невѣро«ятнымъ терпѣніемъ и кротостью, съ которою онъ перено«силъ всѣ причиняемыя ему обиды и оскорбленія; но имѣлъ «и два недостатка: упорство въ однажды принятомъ мнѣ«ніи и неуваженіе къ чужимъ совѣтамъ.» Прибавимъ еще къ тому изнѣженное воспитаніе, итальянскіе пріемы, ученость, любовь къ литературѣ, къ роскоши и прекрасному полу; прибавимъ еще высокое чело, спокойный и пріятный взоръ, длинные усы и бороду, испанскій костюмъ, и мы нарисуемъ въ воображеніи своемъ болѣе или менѣе вѣрный портретъ этого государя. Самый выборъ людей, которыми онъ окружилъ себя, прекрасно говоритъ въ пользу юнаго монарха. Ученый и краснорѣчивый Самуилъ Мацеіовскій, умный и мужественный Янъ Тарновскій, способный и наивный канцлеръ Оцѣскій, искусный дипломатъ Николай Радзивиллъ, просвѣщенный литераторъ Лизманинъ: вотъ были слуги и пріятели Сигизмунда Августа. Его двадцатичетырехлѣтнее царствованіе составляетъ важную эпоху во всѣхъ отношеніяхъ. Политическая свобода волнуется, кипитъ, осуждаетъ бракъ короля, рѣшительно опредѣляетъ число сеймовыхъ депутатовъ, избираетъ посольскихъ маршаловъ, укрѣпляется книгопечатаніемъ; религіозныя распри подаютъ ей надежную помощь. Юношество, выгнанное изъ Кракова, приноситъ съ собою новыя сѣмена протестантизма. Валентій, священникъ хржчоновскій, Станиславъ Оржеховскій, каноникъ перемышльскій, Мартинъ Кровицкій, священникъ вишничскаго прихода, не доходя до совершеннаго разрыва съ

Римомъ, вступаютъ въ бракъ и просятъ, чтобы имъ доказали на основаніи Св. Писанія, что священнослужителямъ нельзя жениться. Францискъ Станкаръ проповѣдуетъ ученіе Кальвина и его поддерживаютъ: вельможа Николай Олесницкій и писатели Рей и Тржыцескіе. Свобода вѣры воспламеняетъ умы; богемскіе братья соединяются съ кальвинистами; Лютеръ посвящаетъ свою библію Сигизмунду Августу; Лелій соципіанецъ переноситъ въ Польшу ученіе аріанское и подъ покровительствомъ Яна Кишки и Радзивилловъ основываетъ собранія и училища. Въ Пинчовѣ, Козьминкѣ, Лешнѣ, Гродзискѣ, Левартовѣ, Раковѣ аріане и кальвинисты заводятъ училища для юношества; въ глуши отдаленныхъ мѣстечекъ размножаются протестантскія типографіи, явно проповѣдуютъ догматы своей вѣры, вооружаются противъ безнравственности духовенства и требуютъ реформы. Будный, Чеховичъ и Паліуръ (Paliurus) переводятъ Св. Писаніе на языкъ отечественный, католическое духовенство разрываетъ союзъ съ Римомъ; епископы мечтаютъ о возможности основать особую польскую церковь, независимо отъ престола апостольскаго; шляхта и паны требуютъ удаленія епископовъ изъ сената; иные, подобно Рафаилу Лещинскому, добровольно слагаютъ съ себя званіе сенаторовъ для того только, чтобы дѣйствовать въ посольской палатѣ въ пользу диссидентовъ; въ Краковѣ образуется дружеское общество диссидентовъ, въ которомъ участвуютъ Лизманинъ, Тржыцескіе, Бернардъ Воеводка, Пржылускій вмѣстѣ съ епископами Зебрыдовскимъ и Уханскимъ. Еще одно мгновеніе—и церковь апостольская, лишенная своей надежнѣйшей опоры, разрушилась бы въ Польшѣ, тѣмъ болѣе, что мѣстное духовенство дѣйствовало очень слабо. «Пастыри наши, пишетъ одинъ со-

«временный католикъ, разсказываютъ намъ басни вмѣсто «слова Божія, изгнали стыдъ изъ домовъ Божіихъ и, «оставивъ пути Господни, пошли за влеченіемъ собственной «воли». Коммендони, нунцій папскій, дѣйствовалъ на мятущіяся страсти и обвинялъ короля; король, съ своей стороны, извинялся тѣмъ, что въ народѣ свободномъ онъ не можетъ никого преслѣдовать за религіозныя убѣжденія, а испуганный папа говорилъ Гозію: «Я такъ люблю ваше королевство, что еслибы не старость и мое разстроенное здоровье, я бы непремѣнно самъ посѣтилъ васъ».

Итакъ польское духовенство безсильно было бороться съ протестантизмомъ. Между тѣмъ ревностный Гозій (Hozjusz) замѣтилъ за границею новообразовавшееся монашеское братство подъ именемъ *Общества Іисуса* (Societatis Jesu), которое въ своемъ служеніи поклялось безусловною покорностью папскому престолу. Такая именно опора и нужна была Риму; такіе апостолы нужны были Польшѣ, поколебавшейся въ вѣрѣ своихъ отцовъ. Гозій ввелъ іезуитовъ въ Познань, а Протасевичъ въ Вильно; остальное довершили сами іезуиты. Быстро возрастали и обогащались ихъ коллегіи. Вельможи, какъ бы предчувствуя въ іезуитахъ будущую для себя опору, стали соединяться съ ними и охладѣли въ своей привязанности къ диссидентамъ. Опуская прочіе примѣры, скажемъ только о томъ, что сынъ ревностнаго кальвиниста Николая Радзивилла подарилъ десять огромныхъ селеній въ пользу іезуитской коллегіи. Чтобы предохранить молодое поколѣніе отъ вліянія еретическихъ мнѣній, разсѣеваемыхъ въ заведеніяхъ какъ заграничныхъ, такъ и отечественныхъ, все воспитаніе юношества поручено было іезуитамъ. И нужно сознаться, что первые успѣхи іезуитовъ были блестящи, ихъ ревность неутомима,

краснорѣчіе въ борьбѣ съ убѣжденіями диссидентовъ непобѣдимо. Поднялись религіозные диспуты: Смиглецкій противосталъ Стоинскому, Поводовскій, Гербестъ и іезуиты познаньскіе вооружились противъ Нѣмоевскаго, Скарга противъ Воляна, Вуекъ противъ Буднаго и Чеховича. Грустное по истинѣ зрѣлище представляютъ намъ эти споры, въ которыхъ предметы священные были попираемы легкомыслі-емъ, въ которыхъ религіозная вражда наполняла ядомъ сердца нашихъ соотечественниковъ; за то польская литература много выиграла въ этой борьбѣ. Нельзя было писать кое-какъ, или отдѣлываться поверхностными взглядами отъ такихъ знатоковъ языка и своего дѣла, какъ Будный, или Скарга: неумолимая, ядовитая насмѣшка противника преслѣдовала бы каждое слабое доказательство, каждый запутанный періодъ, каждое неудачно составленное выраженіе. Цѣлью борьбы было привлечь къ себѣ убѣжденіе народное: значитъ—противники писали на языкѣ польскомъ, а онъ не былъ языкомъ скуднымъ, будучи языкомъ всѣхъ публичныхъ совѣщаній еще при прежнихъ Ягеллонахъ и сдѣлавшись при Сигизмундѣ Августѣ языкомъ правъ и конституціи. Должно быть, Мацеіовскій прекрасно владѣлъ языкомъ польскимъ, если онъ могъ предугадать въ Гурницкомъ даровитаго писателя; Падневскій, должно быть, высоко цѣнилъ родное слово, если такъ привязался къ Кохановскому — князю нашихъ поэтовъ. Не менѣе развитъ былъ у насъ и языкъ латинскій, если въ Римѣ, отчизнѣ Цицерона, удивлялись посланіямъ, выходившимъ изъ канцеляріи Мацеіовскáго. Вельможи наши, сознавая, что прошло уже время господства силы, что въ вѣкъ просвѣщенный только писатели могутъ поддерживать ихъ славу и значеніе, окружали себя, подобно Гамрату, Кмитѣ и Замойскому, цѣлыми сон-

мами знаменитыхъ поэтовъ и ученыхъ. Музы полюбили землю сарматскую; словомъ—Польша въ правленіе Сигизмунда Августа была свободною, образованною, богатою и сильною. Посмотримъ теперь на законодательные труды этого государя.

Среди свободы, все болѣе и болѣе увеличивавшейся, среди волненія страстей необузданныхъ вельможъ и шляхты, естественно должно было вкрасться не одно злоупотребленіе въ администрацію и управленіе краемъ; незаконныя привилегіи, злоумышленное уменьшеніе государственныхъ доходовъ, нарушеніе правъ владѣтельныхъ—таковы были прямыя слѣдствія того порядка вещей, о которомъ мы выше сказали. Долгое время король только пугалъ реформою, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣлъ какихъ-нибудь уступокъ со стороны вельможъ и шляхты. Но съ 1562 г. Сигизмундъ Августъ не шутя взялся за дѣло. Онъ отнималъ и уничтожалъ незаконныя привилегіи, разсматривалъ законы, вводилъ болѣе порядка въ сборѣ государственныхъ доходовъ съ староствъ, опредѣливъ четвертую часть ихъ на содержаніе войска, уничтожалъ частныя пошлины и заставы, стѣснявшія торговлю, разрушалъ мельницы и запруды, преграждавшія свободу судоходства, словомъ—не обращая вниманія на крики раздраженнаго народа, усердно трудился для общаго блага. Хотя сеймы и сеймики служили выраженіемъ народной свободы, однакожь не было правосудія въ судахъ, потому-что не было еще общаго законодательнаго сборника. Сводъ отечественныхъ законовъ, искаженныхъ Ласкимъ и не вполнѣ разработанныхъ Сливницкимъ, требовалъ новаго изданія, а при тогдашнемъ состояніи государства нельзя было и думать о новыхъ трудахъ законодательныхъ. Удовлетворить этой крайней потребности

юристовъ принялъ на себя трудъ, по волѣ короля, Янъ Фульштынскій Гербуртъ Каштъ. Саноцкій между тѣмъ собралъ вкратцѣ *Статуты и привилегіи коронныя* и издалъ ихъ на языкѣ польскомъ въ Краковѣ, въ типографіи Андрея Пѣтрковчика въ 1570 г. Вслѣдъ за нимъ знаменитый Янъ Тарновскій издалъ *Права земскія и обязанности военныхъ чиновъ*. Оба эти сочиненія, хотя и передавали одно только содержаніе уставовъ, не касаясь ихъ подлинныхъ словъ, хотя и не были утверждены ни королемъ, ни сеймами, однако долгое время служили исключительнымъ руководствомъ для польскихъ юристовъ. Легче было Сигизмунду сладить съ Литвою. Онъ исправилъ статутъ, данный Литвѣ его отцомъ (1564 г.), и сталъ трудиться надъ окончательнымъ соединеніемъ обоихъ государствъ. Въ царствованіе Казиміра Ягеллы, мы видѣли, какъ непріязненно были настроены другъ противъ друга Литовцы и Поляки. Оба народа, сознавая пользу взаимнаго соединенія, живо его желали; но Польша колебалась вызваться первой, а Литва опасалась за свою народную независимость. Это лихорадочное состояніе обоихъ народовъ еще болѣе раздражали вельможи какъ польскіе, такъ и литовскіе: первые не хотѣли отказаться отъ своего превосходства, послѣдніе опасались потерять свои княжескіе титулы и феодальныя права надъ народомъ. Не одно препятствіе нужно было преодолѣть

къ 8 л.

Сигизмунду Августу прежде, чѣмъ онъ могъ приготовить умы къ совершенному соединенію; сравнявъ права и преимущества обоихъ народовъ, онъ далъ Литвѣ право участвовать въ народномъ представительствѣ, позволилъ ей выбирать своихъ пословъ на сеймы, а желая собою подать примѣръ братства, отказался отъ своего права господства надъ Литвою, отъ наслѣдственныхъ правъ своего рода на престолъ литовскій, и созвалъ сеймъ въ Люблинѣ (1569). Здѣсь совершилось окончательное соединеніе обоихъ народовъ.

«Łączmy się wieczniel — zawołał sejm cały —
«W tém dwaj rycerze weszli z chorągwiami,
«Na jednéj pogoń, w drugiéj orzeł biały,
«Obiédwie były obwite laurami,
«Litwin z Polakiem nawpół się ujęli,
«Gmach głosem zadrżał: «nic nas nie rozdzieli!».

(Niemcewicz — Śpiewy hist.)

---

[1] *Переводъ.* «Соединимся навѣки!» воскликнулъ цѣлый сеймъ.—Вдругъ вошли два рыцаря съ хоругвями:—на одной была Погоня (гербъ великаго князя литовскаго), на другой изображеніе бѣлаго орла,— и обѣ были увѣнчаны лаврами;—Литвинъ съ Полякомъ обнялись дружно,— и сводъ задрожалъ отъ кликовъ: ничто не раздѣлитъ насъ!!»—

Нѣмцевичъ (Истор. пѣсни).

Въ порывѣ сердечной братской любви, не безъ взаимныхъ съ обѣихъ сторонъ уступокъ, Литва и Польша составили актъ будущаго соединенія. Избирать короля свободно общимъ голосомъ, сенату быть одному изъ представителей обоихъ народовъ, Полѣсью принадлежать къ Польшѣ, Волыни и Украйнѣ состоять за Литвою, Лифляндіею владѣть съ-общà — таковы были условія этого соединенія. Съ тѣхъ поръ одна участь ожидала оба эти государства; когда же послѣдній изъ дома Ягеллоновъ, Сигизмундъ Августъ, скончался въ 1572 году, они, видя себя свободными и безъ главы, единодушно приступили къ избранію короля съ-общà.

Краткое правленіе Генриха Валуа, этотъ неважный эпизодъ нашей исторіи, достоинъ вниманія потому только, что онъ представляетъ первое *избраніе* въ полномъ значеніи этого слова. Народъ дорожилъ своими льготами и правами, пріобрѣтенными путемъ вѣковыхъ трудовъ и усилій; ему не хотѣлось безусловно ввѣрять свое сокровище чьему бы то ни было произволу: потому прежде, чѣмъ приступили къ избранію короля на осиротѣлый престолъ Ягеллоновъ, опредѣлены были извѣстныя отношенія народа и будущаго монарха, назначенъ порядокъ избранія и условія выбора. Архіепископъ гнѣзненскій, примасъ королевства, природный посолъ папскій и первый изъ князей (legatus natus et primus princeps), долженъ былъ объявлять времена междуцарствій, призывать сенаторовъ, собирать временный сеймъ для совѣщаній о благѣ общественномъ, принимать иностранныхъ пословъ и назначать день и мѣсто собранія избирательнаго сейма. Нельзя не отдать справедливости благоразумію нашихъ предковъ, которое внушило имъ поручать въ годину междуцарствія власть вицекороля (interrex) попеченію духовнаго сановника. Такимъ образомъ,

благодаря этой дальновидной мѣрѣ, ни одинъ изъ вицекоролей въ слѣдовавшія затѣмъ десять междуцарствій, не дерзнулъ продолжить это время, или присвоить себѣ бразды правленія. На избирательный сеймъ собирались не только депутаты отъ однихъ воеводствъ, земель и уѣздовъ, но могъ пріѣзжать (установленіе позднѣйшее, внесенное Замойскимъ), и всякій шляхтичъ, если только того пожелаетъ. Выборъ государя изъ числа поименованныхъ кандидатовъ долженъ быть единодушный. Мѣстомъ избранія назначенъ былъ городъ Варшава въ Мазовіи. Тамъ, на обширной равнинѣ, собирался кружокъ сенаторовъ, за нимъ располагались воеводства и уѣзды, каждый вокругъ своей хоругви. Шляхта избирала своего сеймоваго предводителя (marszałka). Сенаторы и вельможи являлись съ блестящею свитой, иноземные послы смиренно предлагали каждый своего кандидата; шумъ, говоръ, споры и стукъ оружія оглашали воздухъ. Въ назначенный день каждый становился на своемъ мѣстѣ; примасъ начиналъ, а весь собравшійся народъ единогласно продолжалъ гимнъ: *Veni Creator*. Потомъ собирали голоса: «кого внушитъ Богъ сердцу каждаго»; крики и бросаніе въ воздухъ шапокъ означали согласіе на выборъ предложеннаго кандидата. Часто происходили здѣсь споры, нерѣдко раздавались выстрѣлы, или завязывалась рукопашная схватка; часто сыпались остроты, шутки и каламбуры до тѣхъ поръ, пока всѣ голоса не сливались въ одинъ гулъ: «Да здравствуетъ!» при произнесеніи имени одного изъ кандидатовъ. Потомъ примасъ еще троекратно спрашивалъ согласія и наконецъ именовалъ избраннаго короля. Земля дрожала отъ восклицаній, городъ отъ колокольнаго звона; съ быстротою молніи распространялась по всему государству вожделѣнная вѣсть, а избиратели толпами стреми-

лись въ городъ воспѣвать Богу торжественное: *Te Deum laudamus* (Тебя Бога хвалимъ). Вотъ картина избранія въ Польшѣ, — картина оживленная и въ высшей степени поэтическая, но она не чужда и своего рода недостатковъ, иногда слишкомъ ощутительныхъ. Неопредѣленное число голосовъ и условіе единогласнаго выбора открыли входъ интригамъ вельможъ и иностранныхъ посланниковъ, тѣмъ болѣе, что и безъ того не представлялось никакой возможности всей этой разнородной массѣ проникнуться одною мыслью въ пользу одного кандидата, который едва ли могъ быть лично всѣмъ извѣстенъ. Поляки, предъ избраніемъ Генриха составили такъ-называемыя *кардинальныя права* (коренные законы), которыя впослѣдствіи должны были быть принимаемы подъ клятвою каждымъ изъ новоизбранныхъ королей; они состояли въ томъ, что короли обязывались безъ согласія сената и народа не вступать въ бракъ, не дозволять диссидентамъ свободы исповѣданія своей вѣры, не высылать посольства, чрезъ каждые два года созывать сеймъ, съ тѣмъ, что въ случаѣ неисполненія кардинальныхъ правъ присяга вѣрности будетъ считаться ничтожною. Равное съ ними значеніе имѣли еще такъ-называемыя условія (pacta conventa), которыя обязывали каждаго изъ королей къ чему-нибудь соотвѣтственно потребностямъ края, какъ напримѣръ вырвать изъ рукъ непріятелей какую-нибудь занятую ими землю, вложить въ казну извѣстную сумму денегъ и т. д.

Съ другой стороны, когда на томъ же сеймѣ въ числѣ кандидатовъ явился и Іоаннъ, князь московскій, когда Эрнстъ австрійскій и Генрихъ французскій пріобрѣли въ свою пользу наибольшее число голосовъ, польскіе протестанты, испуган-

ные такимъ ходомъ дѣла, подъ предводительствомъ Фирлея, составили въ Варшавѣ конфедерацію, въ которой вѣрою и совѣстью клялись сохранять между собою миръ, не смотря на различіе вѣры, не оказывать правительству содѣйствія въ его религіозныхъ гоненіяхъ, не заключать и не изгонять гражданъ несогласныхъ съ ними въ убѣжденіяхъ религіозныхъ, словомъ — взаимно и во всемъ поддерживать другъ друга. Эта конфедерація, первый въ мірѣ закономъ утвержденный памятникъ вѣротерпимости, была впрочемъ дѣломъ излишнимъ, потому-что Генрихъ вскорѣ оставилъ польскую корону, а избранный на его мѣсто Стефанъ Баторій, не смотря на свою покорность Риму и покровительство іезуитамъ, чуждался религіозныхъ споровъ. Вспомнимъ его любимыя слова: «Богъ предоставилъ себѣ троякаго рода дѣятельность: творить изъ «ничего, предвидѣть будущее и владѣть совѣстью людей». Эта благоразумная умѣренность короля произвела то, что борьба католиковъ съ протестантами ограничивалась спорами учеными, вовсе не простираясь далѣе. Нѣкоторые порицаютъ Стефана за его стремленіе къ неограниченному самодержавію и деспотизму; но, по нашему мнѣнію, подобныя обвиненія кажутся неосновательными. Онъ видѣлъ, конечно, недостатки и злоупотребленія нашей свободы, не хотѣлъ быть ни «призракомъ, ни статуею короля», быть можетъ въ глубинѣ души и мечталъ даже о господствѣ своего рода, но отнюдь не посягалъ на свободу народа. Судъ его отличался строгостью и безпристрастіемъ, онъ унизилъ гордость Зборовскихъ и возвысилъ Замойскаго, руководя Польшу къ побѣдамъ на Руси и въ Лифляндіи, далъ ей характеръ воинственный и ввелъ неразрывную съ нимъ дисциплину въ войскѣ, умножилъ военныя силы наемными татарскими и венгерскими охотниками, уничтожилъ въ Полякахъ отвращеніе

отъ службы въ пѣхотѣ, улучшилъ артиллерію и тѣмъ подалъ поводъ къ обвиненіямъ себя въ стремленіи къ самовластію. Но это стремленіе вовсе не доказывается тѣмъ, что онъ сдѣлалъ пожизненнымъ званіе гетмановъ, сенаторовъ, окружалъ себя государственными сановниками и учредилъ трибуналы сначала въ Польшѣ въ 1578, а потомъ и въ Литвѣ 1580 г. Эта послѣдняя мѣра, слагая какъ всю верховную судебную власть, такъ и право апелляцій отъ судовъ земскихъ и подкоморскихъ въ руки народныхъ представителей, была добровольнымъ отреченіемъ отъ всякой судебной власти и предоставляла королю прекрасное право помилованія. Если Стефанъ и питалъ какіе-нибудь тайные замыслы, упорно стремясь къ ихъ осуществленію, если его любимецъ гетманъ и канцлеръ Замойскій и отличался гордостью, далеко простиравшею свои виды и стремившеюся къ ихъ осуществленію путемъ народной любви и привязанности; то по крайней мѣрѣ достовѣрно то, что орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей одинъ изъ нихъ выбралъ благо республики, а другой защиту правъ и преимуществъ народа. Стремились ли они къ порабощенію, или только къ преобразованію Польши,—въ томъ и другомъ случаѣ оба они не достигли своихъ цѣлей, потому что Баторій скончался въ Гроднѣ (1586 г.) прежде, чѣмъ успѣлъ обнаружить свои замыслы, а Замойскій утратилъ свое вліяніе въ правленіе Сигизмунда III. Замыслы ихъ остались для насъ тайною, но выборомъ средствъ къ ихъ осуществленію они заслужили ту славу, которая навсегда будетъ неразлучна съ ихъ именами.

Итакъ бросимъ послѣдній взглядъ на эпоху Ягеллоновъ. Крестовые походы, открытіе Америки, покореніе Татаръ, изобрѣтеніе книгопечатанія оживили и нѣсколько успокоили смятенную Европу. Пробудилась потребность образованія,

увеличились средства къ его распространенію, вслѣдствіе чего духъ реформы и стремленія къ свободѣ сдѣлались задачею тѣхъ двухъ столѣтій, которыя мы разсмотрѣли. Вѣкъ XV начался у насъ религіозными спорами и сеймовыми съѣздами; вслѣдъ за тѣмъ краснорѣчіе и разсудокъ мало-по-малу вступали въ распрю съ *властью*, а власть вмѣсто того, чтобы успокоивать умы, все болѣе и болѣе ихъ раздражала. Сожженіе Гусса, проклятіе Лютера, деспотизмъ Казиміра и совѣты Каллимаха—вотъ причины, ускорившія взрывъ волкана. Человѣчество достигло своихъ цѣлей, свергло съ себя оковы средневѣковаго рабства, но скоро впало въ противоположную крайность: разумность въ дѣлѣ религіи перешла теперь въ ересь, сеймы переродились въ анархію. Польша, которая впереди другихъ государствъ шла за стремленіемъ вѣка, перенесла всю верховную власть изъ рукъ короля въ руки народа. Вельможи, вошедшіе въ составъ шляхты, отстаивали права послѣдней и покровительствовали диссидентамъ, для того, чтобы in turbido piscari (какъ тогда говорили), присвоить себѣ лучшую часть народныхъ преимуществъ. Шляхетское равенство уже перестало быть однимъ пустымъ словомъ, образованность шляхты уравновѣшивала собою богатство вельможъ. Картина XVI вѣка является оживленною, но грозною для будущаго. Изъ глубины ея съ благочестивою улыбкою на устахъ являются іезуиты, какъ преобразователи религіознаго, а можетъ-быть и политическаго быта Польши.

Но прежде чѣмъ мы опять возвратимся къ нимъ въ *эпохѣ Вазовъ*, разсмотримъ поочередно частныя черты нашего образованія и успѣхи литературы при Ягеллонахъ.

II. КРАКОВСКАЯ АКАДЕМІЯ.

УСТАВЫ. — НАУКИ, НАСТАВНИКИ И ИХЪ СОЧИНЕНІЯ. — УЧЕБНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ АКАДЕМІИ.

Быть можетъ, не столько любовь къ наукамъ, сколько желаніе поставить свой край наравнѣ съ сосѣдними какъ въ славѣ, такъ и въ значеніи,—внушило Ягеллу мысль основать въ Краковѣ Академію. Ученая и учащая корпорація эта была дѣтищемъ Рима, слагалась изъ духовныхъ лицъ, брала въ примѣръ для своихъ уставовъ правила подобныхъ же заведеній въ Прагѣ чешской, Болоньи, Парижѣ и другихъ европейскихъ городахъ и согласовалась не съ дѣйствительными потребностями, а съ тѣми воззрѣніями на образованіе, какое повсемѣстно тогда имѣли. Не дѣла страны, но схоластическая философія, верхъ тогдашней мудрости, поглощала ея вниманіе; не гражданъ для государства, а духовныхъ мудрецовъ стремилась она воспитывать; если же и допускала въ стѣнахъ своихъ изученіе наукъ болѣе практичныхъ, каковы физика и медицина, то не далѣе какъ по Аристотелю и Гиппократу, ни мало не заботясь объ успѣхахъ, вытекавшихъ изъ прямыхъ изученій природы. Устройство Академіи служитъ вѣрнѣйшимъ изображеніемъ ея первобытнаго назначенія. Президентомъ Академіи былъ краковскій епископъ, ректоромъ докторъ канонического права и богословія, членами ксендзы, а содержаніемъ ихъ сборы съ прихожанъ приходовъ, приписанныхъ къ Академіи. Раздѣлялась она на четыре факультета, изъ коихъ только на

одномъ преподавались науки свѣтскія; не смотря на это, первоначальный ходъ преподаванія не былъ, къ удивленію, исключительнаго религіознаго направленія. Католицизмъ, религію откровенія, гдѣ безъ разсужденій должно вѣрить въ непогрѣшимость церкви, подвергали разбору академическихъ диспутовъ, дѣлая истины Св. Писанія предметомъ діалектическихъ толкованій, какъ будто не страшась потерять чрезъ то уваженія къ нимъ. Кажется, назначеніемъ подобнаго учрежденія было: развивать умы до извѣстнаго предѣла, но никогда не допускать до возможности идти впередъ безостановочно; учить мыслить, но не дать мысли полнаго полета; учить говорить, но, не оплодотворяя рѣчи содержаніемъ, подготовлять дорогу къ ереси съ тѣмъ, чтобы, благодаря строгимъ законамъ, никогда не дать дойти до нее. Такими кажутся намъ чрезъ пять вѣковъ прежнія Академіи; тѣмъ не менѣе мы съ уваженіемъ смотримъ на это собраніе ученыхъ, обрученныхъ съ наукой, живших единственно наукой и для науки и умиравшихъ въ ея храмѣ со словами науки на устахъ (in cathedra mori). Да и какъ же были въ свое время полны жизни эти диспуты, эти фоліанты, исписанные руками мудрецовъ! Тутъ въ невинной фразѣ Аристотеля воспоминанія и думы мудреца, и ловкость оборотовъ силлогиста, и торжество побѣдителя, и похвала слушателей! Тутъ и докторскій беретъ, и тога, были цѣлью труда до позднихъ лѣтъ жизни, предметомъ надеждъ и вздоховъ, пріятнѣйшей наградой, предметомъ достойнымъ гордости, потому-что давались не за интриги, но за трудъ и заслуги, оцѣненныя обратами. Единственное духовное учрежденіе, гдѣ матеріальные виды не нарушали священной правды, гдѣ расчеты пріобрѣтенія не омрачали заслугъ, не возвышали незаслуженныхъ,—Ака

демія Краковская жила исключительно жизнью науки, не имѣя почти никакихъ связей со свѣтомъ. Епископъ краковскій былъ ея опекуномъ и законодателемъ, а избираемый ректоръ главнымъ надзирателемъ. Студенты, профессоры, педели, библіотекари и академическая прислуга составляли особое, независимое отъ мѣстныхъ властей, цѣлое, управляемое своими начальниками и по своимъ уставамъ. Права и преимущества академика, которыя можно было утратить только дурнымъ поведеніемъ, замѣчательны: они снимали зависимость отъ свѣтской, гражданской власти и давали потомственное шляхетство. Учащаяся молодежь жила въ бурсахъ, основанныхъ различными благотворителями просвѣщенія, почти безплатно пользуясь въ нихъ ученіемъ. Такихъ бурсъ было семь: 1) бурса, основанная Кенеромъ для профессоровъ и студентовъ Литвы и Руси; 2) Іерусалимская—Збигневымъ Олесницкимъ; 3) Бурса богатыхъ (divitum); 4) Гороховая; 5) Венгерская для учениковъ этой націи; 6) Бурса канониковъ, содержимая на капиталъ, пожертвованный историкомъ Длугошемъ; 7) Философская или нѣмецкая. Каждая изъ нихъ имѣла своего правителя, свой уставъ и свою библіотеку; въ каждой изъ нихъ жили ученики, баккалавры и профессоры, и существовали надзоръ и подчиненность болѣе строгіе, чѣмъ въ частныхъ хозяйствахъ, гдѣ жили одни студенты.

Предметы, преподававшіеся первоначально молодежи, дѣлились на науки (scientiae) и искусства (artes). Науками именовались: богословіе, гражданское право, каноническое право и медицина; искусствами: грамматика, риторика, музыка, діалектика, математика и астрономія. Ученикамъ, вступавшимъ въ низшую школу (trivium), преподавали латинскую грамматику, пѣніе и риторику, въ высшемъ же

классѣ (quadrivium) — философію и начала математики. Это былъ курсъ для юношей; далѣе начинались высшія академическія науки, раздѣнныя на четыре факультета: богословскій, философскій (заключавшій въ себѣ искусства), юридическій и медицинскій.

Факультетъ богословскій, состоявшій изъ декана и одинадцати профессоровъ, имѣлъ задачей науки религіозныя. Желавшій изучать богословіе долженъ былъ первоначально пять лѣтъ слушать науки умозрительныя и получить степень магистра; потомъ въ теченіе двухъ лѣтъ онъ слушалъ въ богословскомъ факультетѣ *sententiarum* Петра Ломбарда, посѣщалъ богословскіе диспуты, посвящался въ духовенство, сдавалъ экзаменъ, выполнялъ обрядъ присяги и читалъ пробныя лекція богословія. Степень, даваемая послѣ этого, именовалась: *Baccalaureus cursor.* Для достиженія дальнѣйшихъ ученыхъ степеней, изучавшій посѣщалъ лекціи всѣхъ магистровъ, всѣ богословскіе диспуты и годичнымъ усерднымъ чтеніемъ приготовлялся къ изложенію *sentencji.* Если его признавали достойнымъ этого почета, онъ дѣлался какъ-бы адъюнктомъ и читалъ ученикамъ два года сентенціи и тогда уже носилъ званіе: *Baccalaureus formatus,* отдыхалъ отъ трудовъ, бывалъ на диспутахъ и лекціяхъ, готовясь къ степени *Licencjata.* Эту степень объявлялъ уже самъ канцлеръ торжественно слѣдующими словами: «Властью Всемогущаго Бога и Апостольской Сто«лицы, этому университету дарованною, даю тебѣ право «(licentiam) начать изложеніе богословія, принять въ немъ «степень магистра и исполнять всѣ обязательства, съ ней «связанныя, по исполненіи надлежащихъ обрядовъ. Во Имя «Отца, и Сына, и Святаго Духа.» *Licencjat,* поступавшій въ магистры, выдерживалъ диспутъ и присягалъ на вѣрность

риской церкви и академическимъ уставамъ. Магистръ награждался званіемъ доктора. Богословскій факультетъ, высшій и богаче прочихъ обстановленный, былъ подъ управленіемъ избираемаго чрезъ каждые полгода декана, который въ синей бархатной, бѣлымъ атласомъ подбитой тогѣ, въ бархатномъ мусетѣ (беретѣ) того же цвѣта, занималъ первое мѣсто, предпочтительно предъ всѣми, какъ начальникъ старшаго факультата. Проходя молчаніемъ о тѣхъ диспутахъ, которые, прогремѣвъ въ академическихъ стѣнахъ, умерли вмѣстѣ съ своимъ эхомъ, перечтемъ здѣсь только знаменитыхъ теологовъ, оставившихъ по себѣ память произведеніями, писанными для народа.

Матѳій Найманъ изъ Кракова оставилъ по себѣ сочиненіе: *Expositio Ecclesiastae*, *Cantici Canticorum, et Epistolas ad Romanos* (Изложенія Экклезіаста, Пѣсни Пѣсней и Посланій къ Римлянамъ); Янъ Крузебургъ: Изложеніе *Sentencji Piotra Lombarda*; Михаилъ изъ Вроцлова: комментаріи къ тому же Ломбарду и *Himny kościelne* (церковные гимны). Андрей изъ Кокоржина велъ диспуты съ гусситами и оставилъ въ формѣ письма къ Збигневу Олесницкому Разсужденіе объ обѣдни, опровергая толкованія гусситовъ. Бенедиктъ Гессе писалъ о власти соборовъ надъ папою (De potestate concillii supra Papam). Янъ Эльготъ, знаменитый посолъ на соборѣ базельскомъ, раздѣлявшій съ нимъ тѣже убѣжденія, писалъ противъ гусситовъ и касательно важности субботъ. Николай Чехель, памятный какъ противодѣйствіемъ, которое оказывалъ Казиміру Ягеллону, присвоившему себѣ власть назначенія епископовъ, такъ и пламенной рѣчью, произнесенной въ Бржестѣ, послѣ хойницкаго пораженія, въ упрекъ воинамъ за ихъ поступки и для указанія королю на его обязанности, оставилъ письма къ Длугошу, къ Николаю

изъ Козлова и краковскому епископу Яну изъ Бржезіа: въ нихъ онъ доказываетъ права собора надъ папою, важность неотмѣняемости избранія епископовъ капитуломъ и т. д. Янъ изъ Освѣцима (Sacranus), теологъ Альберта и Александра, королей польскихъ, бывъ жаркимъ бойцомъ въ спорахъ о греческомъ исповѣданіи, написалъ сочиненіе: ***Elucidarius Errorum Ritus Ruthenici*** (обълечитель ошибокъ русскихъ обрядовъ); а впрочемъ, исполненный чувства терпимости, защищалъ права руссиновъ, когда король Александръ, разгнѣвавшись на Глинскаго, хотѣлъ уничтожить всѣхъ Поляковъ-Неунитовъ. Николай изъ Блоня былъ авторомъ *Трактата о Святыхъ Таинствахъ и службѣ Божіей* (***Tractatus sacerdotalis de sacramentis deque divinis officiis)*** и *О главныхъ торжествахъ Богородицы.* (***De praecipuis Deiparae festivitatibus***). Янъ изъ Стобницы составилъ по четыремъ Евангелистамъ жизнь Спасителя (Historia vitae et passionis Dni n. I. Chr.) и т. д. Кромѣ того, славились еще какъ теологи Краковской Академіи: Михаилъ изъ Вроцлава, Францискъ Крейшвицъ, Благословенный Янъ изъ Кентъ (Kanty) и Исаія Бонеръ; непринадлежавшіе къ Академіи: Яковъ и Петръ де Парадизо, Цистерсій, Петръ, Северинъ, Янъ изъ Познани, Яковъ изъ Быдгощи, Доминикане и т. д. Намъ слѣдовало бы выписать и другія имена многихъ епископовъ и ксендзовъ, изъ которыхъ одни ввели порядокъ и чинноположеніе въ церкви, другіе вели диспуты и писали о вѣрѣ къ жидамъ, руссинамъ, гусситамъ, лютеранамъ; но ради объёма нашего сочиненія, мы должны нѣкоторыя имена пропустить вовсе, нѣкотрыя же встрѣтимъ еще въ дальнѣйшемъ разсказѣ нашемъ. Здѣсь же всего приличнѣе сдѣлать одно грустное замѣчаніе, то именно, что факультетъ богословскій, слагавшійся изъ людей просвѣщенныхъ, извѣстныхъ въ Европѣ и на соборахъ, не выступалъ въ XVI вѣкѣ изъ за-

ограды своихъ стѣнъ на поприще жизненной борьбы съ разновѣрцами. Такимъ образомъ, вмѣсто безплодныхъ диспутовъ между вѣрующими, почтенные академики лучше бы исполнили призваніе истинныхъ теологовъ а край не былъ бы принужденъ призывать іезуитовъ, принесшихъ одинъ только вредъ нашему просвѣщенію, и политикѣ.

Но если факультетъ богословскій и занималъ первое мѣсто, за то выраженіемъ Академіи и степени тогдашняго образованія былъ *философскій* факультетъ: тутъ процвѣтала и давала направленіе всѣмъ прочимъ знаніямъ схоластическая философія, сюда входили науки математическія, здѣсь развивалась теорія словесности. Читатели, конечно, простятъ намъ, если мы обширнѣе поговоримъ о факультетѣ философіи или искусствъ (artium). Этотъ отдѣлъ Академіи увеличивался постепенно числомъ ученыхъ мужей и бѣднѣлъ доходами; уже въ XV вѣкѣ считалось въ немъ 14 профессоровъ, каѳедры которыхъ, будучи основаны на частные вклады, носили имена основателей. Деканъ факультета одѣвался въ пурпуровую съ золотыми галунами тогу и круглый изъ чернаго атласа мусетъ, обложенный серебрянымъ галуномъ, а профессоры въ черныя тоги съ широкими рукавами, подбитыми алой матеріей. Молодые баккалавры и лиценціаты, еще не выдержавшіе четырехъ диспутовъ, носили тоги барахановыя съ узкими рукавами. Ученыя степени получались здѣсь такимъ же, какъ и въ богословскомъ факультетѣ, порядкомъ; а предметомъ всѣхъ изученій были исключительно творенія Аристотеля и его толкователей. Вообще философіей Аристотеля въ средніе вѣка мечтали объяснять все, даже догматы вѣры; его правила эстетики дали начало и схоластической логикѣ, и риторикѣ; его знанія природы должны были создать физику; — такимъ образомъ основанная на его сочиненіяхъ наука схо-

ластическая, полная всякаго рода разнорѣчій и тонкостей, вооруженная рогатымъ силлогизмомъ, была лишена основательности, а потому давала неизчерпаемое море предметовъ для диспутовъ. Такое направленіе науки занимало въ средніе вѣка умы по истинѣ знаменитые: стоитъ только вспомнить о славномъ Альбертѣ, епископѣ ратисбоньскомъ, о св. Ѳомѣ Аквинскомъ, о Скоттѣ и Абелардѣ. Прибавимъ къ этому, что Аристотель, долженствовавшій служить неизчерпаемымъ источникомъ для разсужденій, извѣстенъ былъ только въ дурныхъ и невѣрныхъ переводахъ на варварскую латинь, что схоластическое мудрствованіе отжило тогда уже свой вѣкъ въ Европѣ, гдѣ реформація, какъ религіозная, такъ и политическая, вывела умы на настоящую дорогу, гдѣ вмѣсто комментарій начали уже съ большею осмотрительностью обращаться къ оригиналу Св. Писанія. Вотъ когда разцвѣла въ Краковѣ схоластическая философія, какъ запоздалое растеніе. Но не будемъ поносить сѣдыя головы нашего ученаго разсадника; лучше взглянемъ на нихъ, хоть мимоходомъ, очами современниковъ и разскажемъ не то, чтобы слѣдовало быть, а что было. Мы уже сказали, что центромъ тогдашнихъ наукъ было богословіе; всѣ иныя отрасли знаній, прямо, или косвенно, служили его діалектическимъ цѣлямъ; пересмотримъ же эти науки, и прежде всего взглянемъ, по какимъ грамматикамъ учили у насъ латинскому языку. Еще въ XIII вѣкѣ извѣстна была грамматика Доната, далеко неудовлетворительная и, вѣроятно, не улучшенная нашимъ Яномъ изъ Глогова, объяснявшимъ схоластическими мудрствованіями восемь частей рѣчи. Вмѣстѣ съ этой грамматикой, была въ употребленіи и другая—Александра Галля, въ которой грамматическія правила, для удобнѣйшаго будто бы заучиванія, изложены стихами въ видѣ сентенцій и формулъ. Этотъ учеб-

никъ просвѣщенный Григорій изъ Санока сравнивалъ съ лабиринтомъ, «въ которомъ, кружась по множеству тайниковъ и утрачивая собственные слѣды свои, можно состариться прежде, чѣмъ отъищешь выходъ»; а это была только грамматика, т. е. ключъ къ наукамъ, а не самая наука. Сверхъ того, какъ риторическія упражненія, образцами хорошаго письма для учащихся латыни служили издаваемыя учеными книжки подъ заглавіемъ: ***Modus epistolandi*** (Способъ писать письма); ибо письмо, какъ разговоръ съ отсутствующимъ, было общеупотребительною формой для изложенія диспутовъ. Не по такимъ, конечно, образцамъ приготовлялись одаренные самобытными талантами мужи, какъ напр. Олесницкій, Длугошъ, Ласоцкій; учебники такого рода только портили вкусъ большинства молодежи. Подъ заглавіемъ: ***Modus Epistolandi***, выходили часто изъ типографіи Галлера и Унглера труды академиковъ: Яна Урсины, Яна изъ Освѣцина, Яна Сомерфельда, Корвина изъ Новоторжка, Агриколы младшаго и другихъ. ***Письма*** были переходомъ отъ грамматики къ діалектикѣ, откуда молодежь почерпала знаніе какъ латинскаго языка такъ и тѣхъ предметовъ, о которыхъ ученые вели свои диспуты. Чтобы показать, до какой степени портило вкусъ схоластическое направленіе, приведемъ въ примѣръ отрывокъ изъ любовнаго письма Яна Урсины, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ членовъ Краковской Академіи. Общедоступный предметъ этого письма даетъ намъ понятіе о сухой эрудиціи, долженствовавшей еще болѣе господствовать въ произведеніяхъ по ученой части. Вотъ вѣрнѣйшій переводъ латинскаго подлинника:

«Янъ Урсинъ Бланкѣ, наипрекраснѣйшей дѣвицѣ, поздравленіе посылаетъ. Еслибы меня, Бланка, однѣ только Музы молокомъ своимъ питали, еслибы я обладалъ талантомъ Марона, или Марка Цицерона краснорѣчіемъ, едвали

«бы я надѣялся достойно восхвалить твои отличныя каче-
«ства ума. По истинѣ на то, чтобы создать тебя, цѣлое собра-
«ніе боговъ и благосклонное теченіе всѣхъ планетъ вліяли.
«Ибо ты, изъ свѣтлаго происходя рода, въ томъ мѣстѣ какъ
«заря утренняя сіяешь, и къ уразумѣнію себя привле-
«каешь очи всѣхъ. Ты не нашего свѣта дѣвица; но, Вене-
«ра и Діана по прелестямъ, Паллада по разуму, ты всѣхъ
«женщинъ, которымъ удивлялись древніе, превосходишь
«почтенностью и добродѣтелью. Но чтобы долѣе въ похва-
«лахъ не изливаться, въ краткихъ словахъ желаніе мое
«изложу. Жаждалъ бы я, прекрасная Бланка, какъ можно
«чаще съ тобою говорить, но случай къ тому никогда мнѣ
«не представляется. Если же не могу изустно, желаю осу-
«ществить это письменно.... Пусть тебѣ придетъ на память
«еракійская Θилиса, которая разбитаго Демофонта благо-
«склонно приняла въ гости; припомни Гипермнестры благо-
«родный поступокъ, что̀ Линуса ради не колебалась подвер-
«гнуться страшной смерти. Прѣзри, умоляю тебя, твер-
«дость сердца, чтобы съ тобою (чего не желаю) не слу-
«чилось того, что̀ съ Дафной, пренебрегавшей Аполлона
«и т. д.»

Письмописаніе, какъ мы сказали, было переходомъ отъ грамматики къ діалектикѣ и логикѣ. Эта послѣдняя дѣлилась на старую (ars vetus) и новую (ars nova) не потому, чтобы эти два отдѣла означали въ самомъ дѣлѣ науки старую и новую, но потому, что логика старая занималась объясненіемъ частей умозаключенія, а новая его цѣлымъ. На этомъ поприщѣ, какъ толкователи Аристотеля и его комментаторовъ, прославились: Михаилъ изъ Быстржикова (Parisiensis), скоттистъ, изощренный въ діалектикѣ, выдержавшій трехъ-дневный диспутъ съ 30-ю магистрами при полученіи степени магистра, авторъ объясненій къ сочиненію Петра

Гишпана подъ заглавіемъ: *Parva logica*, и комментаторъ Аналитики Аристотеля; Янъ изъ Глоговы, излагавшій всѣ отрасли схоластичной философіи: опъ объяснялъ Аристотеля, Яна Версора, Идзы, архіепископа римскаго, и славился какъ предшественникъ Лафатера, написавъ довольно удачно *Физіономику* (изд. въ Краковѣ, у Вѣтора, 1518 г.), въ которой впрочемъ болѣе заимствованнаго изъ сочиненій Константина Афра, чѣмъ собственныхъ наблюденій; Иванъ изъ Стобницы, скоттистъ, преслѣдованный сторонниками ученія св. Ѳомы Аквинскаго; Михаилъ изъ Вроцлава, сократившій Физику и трактатъ о душѣ Аристотеля; Яковъ изъ Гостыня, который объяснилъ или, вѣрнѣе, затемнилъ и безъ того темную философію Альберта Великаго; Николай изъ Гелчева, сократившій текстъ діалектики Марсиліуса; Сендзивой Чехель, авторъ комментарій къ Ѳикѣ Аристотеля; Янъ изъ Добчина, написавшій брошюрку *de Arte memorativa* (о памяти); Ѳома Мюрнеръ, изобрѣтатель игры въ логическія карты (*Chartiludium logicae*). чѣмъ съ помощью символическихъ изображеній и знаковъ облегчилъ для памяти трудное и сухое изученіе, и многіе другіе ученые. Вотъ въ какомъ узкомъ кружкѣ аристотелевскихъ идей вращалась Академія по отдѣлу умозрительныхъ наукъ; но не лучше шло и въ отдѣлѣ наукъ-естественныхъ, принадлежавшихъ также къ философскому факультету. Хотя Аристотель, этотъ кумиръ средневѣковыхъ академій, не былъ чуждъ духа наблюдательности и изслѣдованія, хотя въ его твореніяхъ слились всѣ древнегреческія знанія о природѣ, ибо онъ зналъ и давленіе воздуха, и проводники тепла, умѣлъ съ точностью объяснить и шарообразность земли, и затмѣнія солнца и луны, а также и нѣкоторые законы метеорологіи; — тѣмъ не менѣе ученіе его, искаженное заблужденіями средневѣковыхъ ученыхъ,

сдѣлалось въ Академіи Краковской разсадникомъ истинно дикой *Натуральной Философіи,* которая, подчинивъ науку наблюденій философскимъ формуламъ, старалась все объяснить разсудочными выводами. Не обращая вниманія на дѣла рукъ Божіихъ, оппонента убѣждали на диспутѣ не открытіями, не наблюденіями, а просто силлогизмами. Аристотель и Альбертъ Великій и тутъ, какъ вездѣ, были неопровержимыми авторитетами. Этимъ духомъ проникнуты всѣ сочиненія Михаила изъ Вроцлава, Яна изъ Стобницы, Григорія изъ Ставичина, а также и перепечатанныя заграничныя книги Якова Стапулензисъ и Петра де Эліако: О причинахъ небесныхъ явленій. Всѣ они показываютъ только то, что авторы ихъ читали Аристотеля. Средневѣковый ученый міръ, замѣняя діалектикой познанія природы, внося въ область послѣдней поэтическіе вымыслы о небывалыхъ чудесахъ и, что̀ еще нелѣпѣе, вѣря въ существованіе грифовъ, огненныхъ зміевъ, философскаго камня и въ предсказанія по звѣздамъ, если и замѣчалъ что-нибудь изъ числа истинныхъ чудесъ природы, то не иначе, какъ изучая гдѣ-нибудь въ уединеніи проклятую Натуральную Магію, или трудясь надъ искусствомъ приготовленія золота. Нашъ Твардовскій за свое знаніе оптики и химіи прослылъ чернокнижникомъ, а Викентій Кофскій, доминиканецъ (умеръ въ 1488 г.), замуровилъ свой трактатъ: *De prima materia veterum lapidis philosophorum* (о первой матеріи камня древнихъ философовъ) въ каменную стѣну.

Въ составъ наукъ философскаго факультета входили, сверхъ того, математика, астрономія и гаданіе по звѣздамъ — астрологія. Математика, какъ наука точныхъ вычисленій, была не по душѣ тогдашнимъ ученымъ, привыкшимъ носиться въ сферѣ философскихъ догадокъ; но любопытство узнать судьбы человѣческія изъ явленій и свѣтилъ небесныхъ, чего

безъ математики достичь было невозможно, сдѣлалось причиной того, что подъ конецъ XV вѣка стали изучать выкладки и фигуры. Янъ изъ Ланцута, профессоръ Краковской Академіи, написалъ Начальную Ариѳметику (*Algorithmus linealis*), которая и была издана четыре раза. Въ предисловіи къ этой книгѣ находятся характеризующія и тогдашній вѣкъ и тогдашнія понятія слѣдующія слова: «никто не можетъ достичь познанія дѣлъ божескихъ и человѣческихъ прежде, чѣмъ изучитъ хорошо науку вычисленій.» Кромѣ того, мы знаемъ, что Конрадъ Юнгингенъ, великій магистръ Тевтонскаго Ордена (около 1407 г.), приказалъ написать Геометрію Хелмскую; знаемъ также и то, что въ Краковской Академіи преподавались Солидометрія Евклида, Теорія планетъ и Таблицы Альфонса. Все это служило приготовленіемъ къ астрономіи, цѣль которой впрочемъ не была строго-научная. Великая и важная наука эта, приносящая, быть можетъ, болѣе всѣхъ прочихъ честь уму человѣческому, служила только для составленія календарей и почиталась преддверіемъ къ дикой астрологіи! Элементарнымъ сочиненіемъ по части астрономіи была тогда въ цѣлой Европѣ одна только книга Ивана де Сакробусто: *о Сферѣ* (пис. въ XIII вѣкѣ), которую въ Краковской Академіи объяснялъ Янъ изъ Глоговы; по сочиненіямъ сего послѣдняго и Михаила изъ Вроцлава мы можемъ судить о степени тогдашнихъ знаній въ астрономіи. Земля, по толкованію Яна изъ Глогова, неподвижна, потому-что имѣетъ тяжесть; всѣ тяжести стремятся къ центру, который находится въ пространствѣ небосклона, ибо поэтъ Овидій говоритъ, что «Атласъ поддерживаетъ своими плечами падающую землю», ибо теологи утверждаютъ, что «вначалѣ земля была покрыта водою, и Богъ отдѣлилъ ее», а при движеніи земли невозможно было бы отдѣленной водѣ удер-

жаться. Михаилъ изъ Вроцлава въ своемъ *Руководствѣ къ Астрономіи (Introductorium Astronomiae* — у Галлера. 1506 г.) толковалъ о подраздѣленіи зодіака, о планетахъ, объ ихъ натурѣ и вліяніи на землю и судьбы человѣческія, о небесныхъ явленіяхъ, о роковыхъ дняхъ и т. д. Сколько же пустыхъ, но твердо укоренившихся предразсудковъ долженъ былъ побороть Коперникъ! Ученикомъ Яна изъ Глогова былъ Войцехъ изъ Брудзева, въ одно и тоже время богословъ и астрономъ, авторъ руководства и таблицъ астрономическихъ, а также сочиненія объ устройствѣ астрелябіи; а его учениками были: Яковъ изъ Кобылина, Матѳей изъ Шамотуль, Конрадъ Цельтесъ, Бернардъ Ваперскій и наконецъ, честь земли нашей, Николай Коперникъ. Посвѣщая этому великому мужу особую главу, поговоримъ въ ней подробнѣе и объ астрономіи; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о гадателяхъ, астрологахъ Краковской Академіи.

Искусство гаданія по звѣздамъ восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ древности: въ Египтѣ оно признавалось священнодѣйствіемъ, въ Римѣ также являлись шарлатаны подъ именемъ халдеевъ и астрологовъ. «Это люди, говоритъ Тацитъ, невѣрные для своихъ кліентовъ, обманчивые для возлагающихъ на нихъ надежды.» Но въ средніе вѣка астрологи играли важную роль. При каждомъ дворѣ, въ каждомъ городѣ былъ свой астрологъ, короли суевѣрно вѣрили въ чудеса ихъ науки, духовные терпѣли ихъ, а простой народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на что-то священное. Гороскопъ, составленный ими въ минуту рожденія человѣка, почитался непогрѣшимымъ указателемъ судьбы его на всю жизнь. Даже просвѣщеннѣйшіе люди XV столѣтія не осмѣливались отказаться отъ вѣры въ предсказанія астрологовъ: вѣрилъ въ нихъ и Матѳей Корвинъ, король венгерскій, вѣрилъ и Людовикъ XI, и нашъ Сигизмундъ I, и

Длугошъ, и Збигневъ Олесницкій и другіе. Генрихъ Богемусъ, астрологъ при дворѣ Ягеллы, безстыдно, смѣло предсказывалъ судьбы сыновей короля. *Удачныя* его предсказанія породили вѣру и уваженіе къ чудесной наукѣ, и Матвѣй изъ Пржемысля (1450 г.), а потомъ Матвѣй изъ Мѣхова (1522 г.) основали въ Краковской Академіи каѳедры астрологіи, гдѣ съ соизволенія папы преподавали ученіе Птолемея, Албуманазара, Араба и другихъ. Профессоръ астрологіи обязанъ былъ представлять университету свои наблюденія по части гаданій и составлять календари съ предсказаніями о погодѣ, о несчастныхъ дняхъ, о судьбахъ городовъ и людей. Но когда эти мудрецы, вмѣсто удачныхъ предсказаній, «стали разсказывать басни, достойныя только простыхъ бабъ и невѣжественныхъ нянекъ, а тѣмъ самымъ помрачать славу академіи», сдѣлано было въ университетѣ постановленіе, чтобъ выбирать профессора астрологіи осмотрительно и притомъ не иначе, какъ изъ среды своей, или уже такого посторонняго, который былъ бы знатокомъ своего дѣла. Чтеніе въ трехъ лѣтнихъ курсахъ *Libros judiciorum astrorum*, ежегодное составленіе *Judicium majus* (пространныхъ календарей) для университета и *Judicium minus* (сокращенныхъ альманаховъ) для всеобщаго употребленія — было главнымъ занятіемъ краковскаго астролога. Въ этихъ календаряхъ точные выводы науки помѣщались рядомъ съ гадательными бреднями, безъ всякаго разбора и критики, при чемъ предсказатель хотя и самъ вѣрилъ въ непогрѣшимость своего ученія, однакожь въ своихъ пророчествахъ всегда придерживался двусмысленности, былъ остороженъ и послѣ каждаго важнаго прорицанія прибавлялъ, *„если Богъ не устроитъ иначе»*. Первый, напечатанный въ Польшѣ календарь составленъ Михайломъ изъ Вроцлава въ 1494.

году. Въ немъ, кромѣ таблицы праздниковъ, есть пророчество о Господнемъ для планеты нашей годѣ (de Domini anno), предсказанія о болѣзняхъ, войнахъ, легкости и тяжести хлѣбовъ и т. д. Такимъ образомъ, въ тоже время, какъ календари и альманахи были загромождаемы бездоказательными бреднями, существенная часть ихъ, т. е. долгота года и время переходныхъ праздниковъ, вычислялись съ точностью. Въ то время придерживались исчисленія Юліанскаго, которое невѣрно почти на цѣлый часъ въ солнечномъ году, и эта неисправленная ошибка привела къ тому, что во времена папы Льва X всѣ праздничные дни приходились 10 днями раньше. Желая сколь возможно скорѣе поправить эту невѣрность, Левъ X разослалъ *breve* во всѣ академіи, въ томъ числѣ и въ Краковскую, призывая астрономовъ поспѣшнѣе сдѣлать соображенія объ исправленіи календаря. Изъ числа краковскихъ ученыхъ, ученикъ Альберта изъ Брудзева и сотоварищъ Коперника Мартинъ изъ Илькуша написалъ разсужденіе: *de reparatione calendarii*, которое однакоже по случаю наступившей вскорѣ затѣмъ скорой смерти Льва X не было строго разсмотрѣно. Въ дѣлѣ о календарѣ прославился позднѣе и другой нашъ соотечественникъ, Янъ Латосъ, о трудахъ котораго мы вспомнимъ, говоря о Копернике.

Третій, по порядку, *факультетъ юридическій* имѣлъ не очень богатыя средства и четырехъ только профессоровъ, изъ числа тѣхъ, которые не могли получить каѳедры въ болѣе богатыхъ и почетныхъ факультетахъ богословскомъ и философскомъ, но были призываемы по выбору всего университета. Предметомъ изученій факультета было право римское и преимущественно каноническое, изъ чего легко догадаться, что въ эпоху религіозныхъ споровъ факультетъ, ратующій за власть нѣмецкихъ императоровъ и папъ надъ всѣмъ христіянскимъ міромъ, не могъ пользоваться распо-

ложеніемъ общества, начинавшаго смотрѣть на дѣло иначе. Говоря объ эпохѣ Пястовъ, мы уже разсказали о возрожденіи каноническаго права, а потому назовемъ здѣсь только нѣкоторыхъ академиковъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ. Знаменитый Станиславъ изъ Скарбимержа, первый ректоръ университета, составилъ комментаріи къ 5-ти книгамъ Декреталій и посвятилъ свое сочиненіе королевѣ польской Ядвигѣ. Павелъ Владиміри писалъ о Власти папы и императора (de potestate Papae et Imperatoris), имѣя политическую цѣль доказать константскому собору, что Крестоносцы, по обращеніи Литвы въ христіянство, ни на что не нужны болѣе въ Европѣ. Михаилъ изъ Блоня оставилъ по себѣ сочиненіе о догматическомъ богословіи, пользовавшееся въ Европѣ славой и многократно издаваемое. Кромѣ того, краковскіе канонисты вступали въ борьбу на бумагѣ всякій разъ, когда правительство, или шляхта, хотѣли стѣснить преимущества духовныхъ, являлись на соборы съ сочиненіями о догматахъ вѣры и т. д.; а вышедшіе изъ лона академіи епископы прославились составленіемъ особыхъ синодовъ, гдѣ составлялись уставы для народа и духовенства; нѣкоторые же изъ академиковъ, какъ напр. Яковъ изъ Дзержанова и Яковъ изъ Быдгощи — были инквизиторами.

Послѣднее, наконецъ, отдѣленіе Академіи—*факультетъ медицинскій* — вполнѣ соотвѣтствовало безсильному положенію медицины въ Европѣ и въ Польшѣ. Мы говоримъ о практическомъ приложеніи этой науки и о способѣ ея изложенія, потому-что сочиненія Гиппократа, Галена, Авиценны, Разеса, словомъ—труды Грековъ и Арабовъ, повсемѣстно извѣстные, могли бы какъ источники послужить весьма хорошими руководствами въ медицинѣ, если бы схоластическая метода не стѣсняла преподаванія. Учащіеся медицинѣ должны были въ

теченіе одного или одного съ половиною года пройдти три курса теоретическихъ и три практическихъ и, сверхъ того, посѣщать диспуты, которые и тутъ играли главнѣйшую роль; по истеченіи первыхъ двухъ лѣтъ можно было держать экзаменъ на баккалавра, а по прошествіи еще двухъ лѣтъ на лиценціата медицины. При этомъ получающій степень давалъ присягу въ томъ, что «желаетъ во всемъ согласоваться съ правилами Академіи и будетъ всегда учить, учиться и думать только такъ, какъ учитъ и думаетъ Академія.» Испытываемый лиценціатъ давалъ отвѣты на возраженія экзаменаторовъ, потомъ обязывался совѣстливо исполнять лѣкарскую должность и затѣмъ получалъ уже право заниматься практикой. Студенты же и баккалавры могли посѣщать больныхъ не иначе, какъ съ докторомъ факультета. Кромѣ воспитанниковъ университета, въ Краковѣ и его округѣ дозволялось заниматься лѣченіемъ, даже учить медицинѣ, и постороннимъ медикамъ, не не иначе, какъ по представленіи въ медицинскій факультетъ своего свидѣтельства, по выдержаніи тамъ диспута и полученіи отъ факультета дозволенія. Не исполнившій этого платилъ гривну серебра въ пользу университета. Исключительное по медицинскому факультету постановленіе 1433 года заключалось еще въ томъ, что каждый учащійся медицинѣ долженъ имѣть способность легко объясняться, имѣть хорошее зрѣніе, обоняніе и пр., обладать добрыми качествами и быть чуждымъ дурныхъ привычекъ и наклонностей къ бранчивости, самохвальству и вспыльчивости; что докторъ прежде, чѣмъ приступитъ къ лѣченію больнаго, обязанъ склонять его къ исповѣди и принятію св. Тайнъ и, напротивъ, не дозволять послѣдняго женщинамъ предъ родами; что онъ обязанъ сохранять тайну тѣхъ позорныхъ страстей, которыя больные, особенно *паны*, привыкли довѣрять своимъ лѣкарямъ, и что, наконецъ, не увлекаясь ни пріязнію, ни ненави-

стью, будетъ умѣть свято исполнять уставы своего званія. При всемъ томъ Краковская Академія начала давать докторскія степени не ранѣе 1526 года; до того же времени соотечественники наши обыкновенно получали званіе доктора въ Болоньи и потомъ брали въ Краковѣ только дозволеніе лѣчить.

Не смотря, однакоже, на такіе уставы, не смотря на титулы *лиценціатовъ и докторовъ*, медики, и краковскіе, и прибывшіе изъ чужыхъ странъ, не могли оказывать большихъ услугъ страждущему человѣчеству. Они знали Галена и Арабовъ, но не могли избѣжать ихъ ошибокъ; они умѣли опредѣлять и отличать болѣзни, но слишкомъ мало имѣли наблюдательности, чтобъ ихъ изслѣдовать и прекращать; ботаника, анатомія и другія вспомогательныя науки были почти неизвѣстны; хирургическія операціи исполнялись костоправами и цирюльниками, а потомъ перешли въ руки заграничныхъ шарлатановъ. Гащекъ, баньщикъ въ Шамотулахъ, былъ, какъ свидѣтельствуютъ современники, отлично искусенъ въ производствѣ операцій. Аптекари занимались преимущественно продажей винъ и кореньевъ, фармація же была только дополненіемъ къ ихъ профессіи, въ которой никто не испытывалъ ихъ научныхъ познаній, никто не повѣрялъ лѣкарствъ, ими составляемыхъ. А между тѣмъ при замѣнѣ рыцарскихъ обычаевъ болѣе изнѣженнымъ и роскошнымъ образомъ жизни, размножились въ Польшѣ такія болѣзни, о которыхъ предки не имѣли и понятія. Пришли бичи божіи, *повѣтрія* на людей и *падежи* на скотъ, неоднократно нанося странѣ страшныя опустошенія, а лѣкаря-схоластики, вмѣсто того, чтобъ уничтожать заразу, съ важностью объявляли, что все это происходитъ отъ стеченія извѣстныхъ созвѣздій на небѣ. Таково было состояніе медицины въ Польшѣ. Еще Янъ Урсинусъ, лѣкарь и академикъ

краковскій, въ диссертаціи своей на степень доктора разбиралъ: кто изобрѣлъ медицину—Аполлонъ, или Эскулапъ, или два сына послѣдняго Полидарій и Махаонъ; еще Андрей Глаберъ изъ Кобылина почиталъ проблеммы Аристотеля сокровищемъ анатоміи; еще вѣрили въ производящую обмираніе воду, въ силу талисмановъ, чаръ, въ силу глаза; еще астрологія входила въ составъ медицинскихъ наукъ. Но умный лѣкарь-практикъ, разставшись съ методой схоластичной, ни въ чемъ его не удовлетворявшей, невольно обращался иногда къ наблюденію, невольно изучалъ природу, и если въ стѣнахъ Академіи медицина оставалась неподвижною, то, безъ сомнѣнія, не такъ было въ дѣйствительной жизни. Уже въ началѣ XV вѣка домовый врачъ Пилецкихъ, имя котораго не дошло до насъ, составилъ ручную книжку общеупотребительныхъ медицинскихъ и ветеринарныхъ средствъ; а иные, какъ напр. Петръ изъ Хаткова, списывали различные лѣкарскіе секреты изъ заграничныхъ сочиненій, составляли описанія и сборники травъ, указывали мѣста для кладбищъ вдали отъ жилья, чтобъ испаренія отъ гніющихъ тѣлъ не заражали воздуха. Въ одно время съ шарлатанами, какъ Балинскій, ускорившій смерть короля Александра усиленными потами и горячими напитками, были и медики совѣстливые, трудолюбивые, которые глубже вглядывались въ природу, изучали ея неизчерпаемыя тайны, какъ напр. Станько, лѣкарь Длугоша, Степанъ Фалимержъ Русинъ и въ особенности Іосифъ Струсь, докторъ Сигизмунда I и его дочери Изабеллы венгерской, просвѣщенный стражъ здравія и авторъ многихъ медицинскихъ сочиненій. Когда же европейское просвѣщеніе начало мало-по-малу прививаться и въ Польшѣ, когда въ самой Академіи Краковской переходъ къ древней классической латыни сталъ заглушать ученіе схоластической философіи, тогда и у насъ были уже ме-

дики и ихъ произведенія, доказывающія хорошее знакомство съ наблюденіями надъ природой. Преимущественно ботаникой занимались съ особенной любовью. Мартинъ Сенникъ составилъ Описаніе мѣстной флоры (Краковъ, 1568 г.); Мартинъ изъ Уржендова, Іеронимъ Спицинскій, Войцехъ Осько—извѣстны подобными же трудами и сочиненіями, писанными на польскомъ языкѣ. Петръ изъ Кобылина, также по-польски, писалъ: o ratowaniu położnic (о помощи родильницамъ) — (Краковъ, 1541 г.). Петръ Умястовскій изучалъ причины *morowego powietrza* (моровой язвы) — (4 книжки. Крак. 1591 г.). Андрей Глаберъ изъ Кобылина писалъ о кровопусканіи (Traktat o puszczaniu krwi. Крак. 1542 г.); Валентинъ изъ Люблина о различныхъ болѣзняхъ и ихъ лѣченіи (1592 г.) и т. д.

Но не Академія приготовила этихъ полезныхъ людей; для общества въ ея лонѣ вырабатывали теорію наукъ, умерщвляли въ безплодныхъ дифиниціяхъ способности и умственныя силы, раціонализировали взглядъ на религіозные предметы и, совлекая обаяніе съ великихъ тайнъ Откровенія, открывали доступъ къ разновѣрію; безпрестанные споры о религіозныхъ чисто-научныхъ предметахъ наполняли при этомъ сердца философовъ желчью, озлобленіемъ и не разъ переходили въ личности. Конечно, эти пороки не были принадлежностью одного Кракова; нѣтъ: здѣсь повторялось только то, что дѣлалось и въ другихъ академіяхъ. Эразмъ Роттердамскій, знаменитый авторъ ироническої Похвалы Глупости, обрисовываетъ магистровъ теологіи въ Академіи парижской слѣдующимъ образомъ: «Если бы «ты взглянулъ на Эразма, сидящаго посреди этихъ святыхъ «скоттистовъ во время превыспренныхъ объясненій Гри«лярда; если бы ты увидѣлъ его сморщенное чело, недо«умѣвающій взглядъ и встревоженное лицо, ты сказалъ бы,

«что это совсѣмъ иной человѣкъ. И подлинно не ошибся бы «ни мало. Вовсе не хотѣлъ бы я насмѣхаться надъ профес- «сорами богословія, которое, какъ ты знаешь, я привыкъ ува- «жать, но надъ нынѣшними теологистами простительно по- «смѣяться: нѣтъ ничего гнилѣе ихъ мозга, ничего столь дикаго «какъ ихъ языкъ, ничего болѣе тернистаго какъ ихъ ученіе; «нѣтъ ничего хуже ихъ нравственности, ничего столь лжи- «ваго какъ ихъ жизнь, столь ядовитаго какъ ихъ рѣчи и «столь грязнаго какъ ихъ сердце». Также было и въ Польшѣ въ XV вѣкѣ; такое же настроеніе выносила молодежь изъ учебныхъ заведеній; подобные же были и наставники. Отъ педантскихъ ихъ физіономій рѣзко отличались лица практичныхъ и самобытныхъ мыслителей. Однимъ изъ числа послѣднихъ былъ Григорій изъ Санока, рѣдкое явленіе и честь умовъ польскихъ. Необычайный человѣкъ этотъ (умершій въ 1477 году) хорошо понималъ всю несостоятельность тогдашняго воззрѣнія на ученость,—воззрѣнія, почитавшаго богословіе единственной цѣлью, а диспутъ—единственнымъ средствомъ науки. «Онъ, говоритъ его біографъ «Каллимахъ, рѣдко посѣщалъ споры діалектиковъ, утверж- «дая, что эти люди, преданные наукѣ вымышленной, а не дѣй- «ствительной, только забавляются мечтаніями на-яву.»— «Никто не вѣритъ себѣ такъ мало, говаривалъ Григорій, какъ «тѣ, которые, не изобрѣтая ничего собственнаго, трудятся «надъ разыслѣдованіями мнѣній другихъ и въ особенности «Аристотеля, о которомъ уже написано столько томовъ, что «нужно дивиться, какъ до сихъ поръ не поняли всей шаткости «зданія, требующаго такого множества подпорокъ. Истин- «ное по натурѣ устанавливается само собою и утверждается «ближайшимъ нашимъ распознаваніемъ сильнѣе, чѣмъ все- «возможными аргументами». Онъ совѣтовалъ, вмѣсто без- полезныхъ и убивающихъ время и трудъ толкованій, дѣй

ствовать на молодые умы поэзіей, для чего и указать имъ на тѣ сокровища, которыя завѣщали древніе. Онъ первый усиливался склонить Академію къ изученію древней литературы и началъ читать въ Академіи Георгики Виргилія. Краковъ пришелъ въ недоумѣніе отъ этого неслыханнаго явленія, ибо, не смотря на то, что молодежь ужъ изучала Теренція, Овидія, Плаута и Цицерона, а Галлеръ издавалъ римскихъ классиковъ, древне-римская литература показалась мудрецамъ слишкомъ деревенской, слишкомъ языческой. Но оживленное изложеніе произведеній великаго поэта Григоріемъ изъ Санока, вѣроятно, открыло глаза учащимся; они не могли оторваться отъ пѣсней мантуанскаго поэта и съ тѣхъ поръ искренно полюбили классиковъ: начались многочисленныя изданія Цицерона, Плинія младшаго и Саллюстія, и доброе это обращеніе умовъ прекрасно оживилъ еще прибывшій въ Краковъ въ 1482 году латинскій поэтъ Конрадъ Цельтесъ. Но не долго поддерживалось такое направленіе; схоластическій педантизмъ снова началъ заглушать римскую литературу, профессоры послѣдней разсѣялись, оставивъ поле битвы за діалектиками. Уваженіе къ геніальнымъ римскимъ писателямъ утрачивалось; одинъ изъ профессоровъ Краковской Академіи, Рудольфъ Агриколла, написалъ на нихъ слѣдующую латинскую эпиграмму:

ПЕРЕВОДЪ.

«Nie wszystkie życia człowieczego chwile,
«Bawić lekkiemi bredniami i żarty,
«Porzuć Cypryjskie bronne krotofile,
«Swawolnych wieszczów niestateczne karty. [1].

---

[1] *Переводъ.* «Не всѣ же минуты человѣческой жизни забавлять легкими бреднями и шутками;— брось кипрійскія хваленыя забавы, шаловливыхъ

«Kiedy ci zmarszczek na czole osiędzie,
«Gdy męzka broda twe lice przypruszy,
«Rodyjski śpiewak bawić cię nie będzie,
«Ani Askrejczyk przemawiać do duszy.
«Miéj za nic miękkie Katullowe pieśni,
«Pieśń Kallimacha i pieśń Battjada,
«Niechaj tém młodzież zabawia się wcześnie,
«Lecz niech w zabawie celów nie zakłada.
«Gdzie liczne księgi świętego pisania,
«Gdzie życiodawcza księga Chrystusowa,
«Tam cię niech umysł poważny nakłania,
«Zważ świętych ojców nauki i słowa,
«Niech boża mądrość zajmię duszę młodą
«Niech celem nauk, niech będzie nagrodą».

И вотъ Академія снова погрузилась въ свой ученый мракъ, а между тѣмъ въ Европѣ начинали уже предчувствовать религіозную бурю, и умы, обращенные къ живымъ задачамъ Св. Писанія, покинули сухую и сварливую академическую діалектику. Когда споры религіозные достигли и до нашей страны, Краковскій Университетъ, изъ нѣдръ котораго вышелъ отъявленный гусситъ Андрей изъ Добчина Галка и который въ спорахъ съ папою Николаемъ V смѣло доказывалъ важность базельскаго собора, не пользовался доброй славой приверженца католицизма, хотя и не впалъ въ рас-

---

повтовъ несбыточныя строки.—Когда морщина появится на твоемъ челѣ,—когда мужская борода опушитъ твое лицо,—Родосскій пѣвецъ не будетъ забавлять тебя;—Аскрейецъ будетъ ужь не по-душѣ. — Считай за ничто нѣжныя пѣсни Катулла,—пѣснь Каллимаха и пѣснь Баттіада;—пусть этимъ забавляется молодежь въ раннихъ лѣтахъ,—но пусть забавляется ими безъ цѣли.—Гдѣ многія книги священнаго писанія,—гдѣ книга жизнедателя Христа,—туда пусть направляется серьозный умъ.—Усвой ученія и слова святыхъ,—да мудрость божія займетъ молодую душу,—сдѣлается цѣлью науки, будетъ наградой.»

колъ. Диссиденты, въ свою очередь, гнушались ученой корпораціей, слагавшейся изъ католическихъ ксендзовъ. Прекратились сношенія съ заграничными университетами, перестали пріѣзжать въ католическій Краковъ иначе мыслящіе профессоры и ученики изъ-за границы, и потому Краковъ остался за чертой того вихря, который волновалъ умы всей Европы и Польши, — и вотъ въ эти-то самыя минуты, когда въ странѣ велась уже ожесточеннѣйшая полемика о власти папы, о догматѣ Святой Троицы, о бракѣ священниковъ, Академія Краковская, медленно освобождаясь отъ своихъ діалектическихъ заблужденій, принималась снова за изученіе древней латинской литературы, но и тутъ увлеклась болѣе мертвой буквой, чѣмъ духомъ произведеній: Гербестъ спорилъ съ Горскимъ о періодахъ Цицерона. Такимъ образомъ Академія, равнодушная зрительница животрепещущихъ религіозныхъ распаденій, а потому и лишенная всякаго сочувствія той или другой партіи, осталась одна съ своими исключительно-учеными интересами. Одни изъ молодыхъ людей шли учиться въ школы протестантскія, мѣстныя, или заграничныя; другіе къ іезуитамъ, грознымъ противникамъ разновѣрія. Образовался монашескій орденъ великаго значенія, имѣющій цѣлью возстановить церковь, орденъ могучій, жаждущій вліянія, ласкаемый и Римомъ, и королями, хитрый и богатый средствами. Не могъ же состязаться съ нимъ Университетъ Краковскій: ему соперницей явилась Академія Виленская, заложенная Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 г. для іезуитовъ, а эти, продолжая идти впередъ, начали учреждать свои Школы во всей странѣ и даже въ самомъ Краковѣ. Говоря объ эпохѣ Вазовъ, мы передадимъ тяжбы іезуитовъ съ Краковской Академіею, которая хотя и вышла изъ борьбы съ сохраненіемъ своихъ привилегій, однако не пріобрѣла себѣ сочувствія народнаго, вслѣдствіе чего бѣднѣла средствами, утрачивала

свое ученое значеніе. Уважали ее только какъ памятникъ старины, но не какъ заведеніе полезное для страны.

Академія пережила сама себя.

III. ДАЛЬНѢЙШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЛІЯНІИ КРАКОВСКОЙ АКАДЕМІИ.—ШКОЛЫ, КЪ ЙЙ ПОДЧИНЕННЫЯ.—ШКОЛЫ ЕПИСКОПСКІЯ (КАѲЕДРАЛЬНЫЯ).—ІЕЗУИТЫ.—ШКОЛЫ ПРОТЕСТАНТСКІЯ.—О ЗАГРАНИЧНОМЪ ВОСПИТАНІИ.—ДОМАШНІЕ НАСТАВНИКИ.—ВОСПИТАНІЕ ЖЕНЩИНЪ.—СТЕПЕНЬ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ НАРОДѢ.—

Но, съ другой стороны, мы не знаемъ: можно ли порицать Краковскую Академію за то, что она не шла за духомъ своего времени, что она полюбила науку и жила только для науки, пожертвовавъ и своимъ громкимъ именемъ, и надеждою на улучшеніе своего матеріальнаго быта. Неужели наука и литература должны слѣпо подчиняться мимолетнымъ убѣжденіямъ вѣка?—вопросъ важный, особенно во времена крутыхъ общественныхъ переворотовъ, когда страстная мысль кипитъ въ лонѣ человѣчества и съ излишнею самоувѣренностью считаетъ только свои пути безошибочными, свой образъ мыслей—безусловнымъ движеніемъ впередъ. Конечно, есть и въ немъ прогрессъ, потому-что, какъ говоритъ царь пророкъ, «*день дни отрыгаетъ глаголъ*», но онъ не такъ великъ, какъ это намъ кажется потому только, что мы напередъ вывели результаты, которые, по нашимъ разсчетамъ, непремѣнно должны послѣдовать. Но кто поручится за ихъ безошибочность? Кто скажетъ намъ, что человѣческая ограниченность, которая такъ часто заблуждается даже въ простомъ размышленіи, безошибочна въ созданномъ ею направленіи вѣка? Вѣковыя стремленія

всегда почти справедливы и чисты; но въ выборѣ средствъ къ ихъ достиженію человѣчество не рѣдко страшно погрѣшаетъ. Такъ напр. въ XVI вѣкѣ дѣло шло объ ограниченіи вліянія папъ на политику міра—желаніе конечно справедливое, но безсильный человѣкъ не могъ достигнуть этого иначе, какъ только путемъ религіознаго раскола; въ XVIII вѣкѣ Франція хотѣла свергнуть съ себя иго привилегій, а средствомъ для этого выбрала невѣріе, безбожіе и кровавую революцію. Каждый вѣкъ имѣетъ свою задачу, проникнуть своимъ духомъ; народы должны жить духомъ своего вѣка; поэты, беллетристы, журналисты должны быть передовыми людьми своего времени, слѣдовать за общимъ движеніемъ умовъ; но прилично ли серьёзной наукѣ раздѣлять это всеобщее поползновеніе, или настроивать свое достойное лице согласно прихотливымъ измѣненіямъ духа времени? Когда въ XVI вѣкѣ іезуиты и протестанты на перерывъ другъ передъ другомъ старались руководить религіозными убѣжденіями и образованіемъ страны, когда каждая изъ этихъ партій нерѣдко болѣе заботилась о своихъ земныхъ выгодахъ, нежели о святости и чистотѣ того дѣла, котораго онѣ были защитницами,—Краковская Академія, величественная и непоколебимая, какъ и церковь, которую она исповѣдывала, вѣруя въ ея непреложное существованіе до скончанія міра, не обращала вниманія на мятущіяся вокругъ нея страсти и вѣрно выполняла свое ученое призваніе. Она пережила и времена протестантовъ, и торжество іезуитовъ, и опять возродилась, потому-что въ ежедневныхъ битвахъ не утратила началъ, ее оживляющихъ. Были въ ней и своего рода недостатки; среди бушевавшихъ бурь она по неволѣ должна была иногда склониться то на лѣво, то на право, но при всемъ томъ устояла. Своимъ благочестіемъ, трудомъ, привязанностью къ роднымъ уставамъ, чистою любовью къ

наукѣ и безпристрастіемъ она насаждала духъ вѣры, домашнихъ добродѣтелей и патріотизма. Переводами и объясненіемъ римскихъ классиковъ она научила народъ языку Цицерона, которымъ мы скоро стали извѣстны Европѣ; ея диспуты содѣйствовали развитію въ насъ краснорѣчія, которое такъ необходимо и важно при представительномъ образѣ правленія. За равнодушіе къ ней и слабое покровительство, она отплатила отечеству такими людьми (упомянемъ только о болѣе достопамятныхъ изъ нашей эпохи), какими были Томицкій, Гербуртъ, Оцѣскій, Гозій, Решка, Остророгъ, Ваповскій, Гурницкій, Скарга, Кромеръ, Бѣльскій и множествомъ другихъ мужей, истинныхъ свѣтилъ нашего отечества. Вліяніе ея не было громкимъ, но за то было постояннымъ и необыкновенно важнымъ, а потому мы обязаны простить Академіи то ошибочное направленіе, какое она дала своимъ наукамъ. Одни изъ ея воспитанниковъ заняли кресла сенаторскія, другіе каѳедры епископскія; иные отличались въ приказахъ посольскихъ, иные на поприщѣ литературномъ, или на полѣ браней, иные наконецъ въ менѣе блестящихъ, но тѣмъ болѣе важныхъ должностяхъ пастырей церкви и сельскихъ наставниковъ и всѣ оказали своему отечеству неоцѣненныя услуги. А если же они уносили въ свѣтъ и недостатки своего заведенія, то тѣмъ не менѣе полученное въ Академіи образованіе сдѣлало ихъ способными къ успѣхамъ на пути жизни.

Здѣсь намъ кажется наиболѣе умѣстнымъ показать вліяніе Краковской Академіи и на развитіе школьнаго образованія въ Польшѣ. Въ числѣ школъ, подчиненныхъ ей, первое мѣсто занимаютъ краковскія бурсы, которыя исчислены нами выше. Бурса была приготовительною къ университету школою, въ которой богатый получалъ образованіе, а бѣдный, вмѣстѣ съ образованіемъ, кусокъ хлѣба и одежду.

Кромѣ того, въ ней жили наставники и воспитанники Академіи, которые своимъ надзоромъ и добрымъ примѣромъ сильно вліяли на юныхъ своихъ собратій. Скажемъ еще разъ, въ нашей эпохѣ такихъ бурсъ было семь:

а) Первою по времени своего основанія была *contubernia pauperum* (бурса для бѣдныхъ). Она основана въ 1409 г. магистромъ Яномъ Иснеромъ для бѣдныхъ Литовцевъ и обитателей Руси, получавшихъ образованіе въ Академіи по богословскому и философскому факультетамъ. Тотъ же Иснеръ положилъ начало и другой бурсѣ подъ названіемъ: b) *divitum* (богатыхъ). Лѣтъ сорокъ пять спустя, знаменитый нашъ Збигневъ Олесницкій, не видя возможности исполнить свой обѣтъ — совершить путешествіе въ Палестину, исходатайствовалъ себѣ у папы позволеніе замѣнить его другимъ добрымъ поступкомъ; вслѣдствіе этого на сумму двухъ тысячъ гривенъ (13,500 р. сер.) онъ построилъ бурсу и назвалъ ее: c) *Іерусалимскою*. Она состояла изъ пятидесяти комнатъ, въ которыхъ обитало до ста воспитанниковъ и академистовъ различнаго происхожденія и состоянія, платно и безплатно, пользуясь науками и не малою библіотекою Збигнева. На ежегодное ея содержаніе отпускалась сумма во сто гривенъ (675 руб. сер.), обезпеченная соляными копями города Бохніи. Въ 1491 г., профессоръ (Mistrz) Краковской Академіи Михаилъ де Вардино, родомъ Венгръ, основалъ бурсу для своихъ единоземцевъ, которые толпами приходили въ Краковъ искать образованія. Эта d) *Венгерская бурса*, не вполнѣ снабженная средствами для существованія, держалась не болѣе вѣка; а Венгры, въ ней проживавшіе, привлекаемые религіозными *новостями* Германіи, мало-по-малу стали переходить въ тамошніе университеты. Стѣны бурсы все болѣе и болѣе пустѣли и обрушались такъ, что послѣднія

ея обитатели распродали всю свою движимость и, благословляя память Николая изъ Садка, Венедикта изъ Козьминка, Альбрехта Новикампіана и проклиная «несчастнаго Цицерона» (Якова Горскаго), навсегда оставили Краковъ. Пятая по опрядку бурса, извѣстная подъ названіемъ: e) *Канонистовъ*, обязана своимъ бытіемъ знаменитому нашему историку Яну Длугошу, который въ 1471 году назначилъ сумму на домъ и бурсу для учениковъ и преподавателей каноническаго права. Шестая называлась f) *Новою*, философскою или нѣмецкою и была основана Яномъ изъ Глоговы. Седьмая назывались g) *Гороховою* (Pisarum).

Каждая изъ этихъ бурсъ имѣла своего сеньора изъ академиковъ, свой уставъ и большія или меньшія преимущества. Чтобы дать понятіе о внутреннемъ порядкѣ бурсъ, приведемъ здѣсь нѣсколько статей изъ устава бурсы Длугоша, потому-что уставы другихъ бурсъ затеряны.

«Никто не могъ быть принятъ въ бурсу до тѣхъ поръ, пока не будетъ вписанъ въ академическую метрику, не уплатитъ сеньору двухъ злотыхъ (30 коп.), не обяжется клятвою исполнять всѣ внутренніе уставы бурсы въ духѣ безусловнаго послушанія сеньору и не открывать никому постороннему секретовъ своего дома. Въ дни праздничные обѣдали послѣ совершенія литургіи въ каѳедральномъ костелѣ, ужинали послѣ вечерни (nieszpory) и по окончаніи обыкновеннаго диспута баккалавровъ; въ будни обѣдали послѣ ранняго ученія послѣ лекціи декретовъ и послѣ возвращенія тѣхъ магистровъ, которые преподавали лекціи въ другихъ заведеніяхъ. По субботамъ обѣдали послѣ обыкновеннаго диспутама магистровъ. За столомъ сидѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: первое мѣсто занимали магистры по старшинству; потомъ въ такомъ же порядкѣ садились баккалавры богословія, далѣе занимали мѣста баккалавры фи-

лософіи, а наконецъ воспитанники, смотря по времени своего поступленія въ школу, или въ другомъ порядкѣ, по благоусмотрѣнію сеньора. Сеньоръ всегда занималъ первое мѣсто, хотя бы и былъ не изъ числа духовныхъ. За столомъ полагалось соблюдать тишину для того, чтобъ не прерывать чтенія, что возлагалось на учениковъ, *по-очереди* (praeposítus), подъ опасеніемъ денежнаго штрафа въ полгроша (полушка). Всякое непослушаніе сеньору, обида товарищу, всякій шумъ во время обѣда, ударъ, или даже одно желаніе обнажить саблю, наказывалось денежною пенею, извиненіями предъ обиженнымъ, или наконецъ удаленіемъ изъ бурсы».

Мы сказали уже, что система первоначальнаго ученія дѣлилась на два класса. Въ первомъ низшемъ (trivium) учили латинской грамматикѣ, риторикѣ и церковному пѣнію. Въ руководство приняты были грамматики: Доната, Александра, Петра Ильи, Вавржинца Корвина изъ Новогоржка, Яна изъ Стобницы, Гоптена, Яна Тухольчика, Николая Перрота, Дистихи Катона и т. д.; риторикѣ учили: по различнымъ *Modus Epistolandi*, о которыхъ говорено выше, а иногда, и то уже позднѣе, по рѣчамъ Цицерона, или сочиненіямъ другихъ римскихъ классиковъ; церковному пѣнію и музыкѣ по *Opusculum* Севастіана, священника фельштынскаго, по *Началамъ музыки* (Musicae elementa) Мартина, по руководству Георгія Либана (1450 г.) и наконецъ по *Modus accentuandi*, изданному Вѣторомъ 1525 г.). Въ высшемъ классѣ (quadrivium) преподавали философію и логику по системамъ Яна Парвуса, Петра изъ Вишпаля, Яна изъ Глоговы, по системѣ Аристотеля и его толкователей; математику по алгориѳмамъ Пейербаха, Яна де Сакробусто, Генриха Шрейбера, Венедикта Гербита, Штромена, Ѳомы Клоса и другихъ. Несчастная метода дис-

путовъ входила въ систему преподаванія самыхъ даже пер-
воначальныхъ знаній.

Кромѣ бурсъ, Краковской Академіи были еще подчинены
приходскія училища. Первымъ изъ нихъ была школа Марьин
ская, о которой мы упоминали прежде; низшіе этого рода
школы были при костелахъ: Всѣхъ Святыхъ, св. Духа, св
Николая, св. Щепана, св. Анны, св. Флора; всѣ онѣ состо
яли въ вѣдѣніи Академіи и были подчинены мѣстному свя
щеннику, которымъ по большей части бывалъ одинъ изъ
академиковъ.

Въ провинціяхъ были у насъ школы и гимназіи, числ
которыхъ, какъ утверждаетъ Снядецкій, простиралось до
сорока. Укажемъ здѣсь на двѣ славнѣйшія академическія
колоніи.

а) Въ 1516 г., Янъ, епископъ любранскій, основалъ въ
Познани знаменитую коллегію, въ которой читали лек
ціи семь профессоровъ Краковской Академіи изъ философска
го факультета. Одинъ изъ членовъ Академіи былъ вмѣстѣ
префектомъ духовной семинаріи; иные въ высшемъ клас
сѣ преподавали математику и философію, другіе въ низ
шемъ обучали первоначальнымъ предметамъ знанія. Любран
ская Коллегія воспитала нѣсколькихъ мужей, прославив
шихъ наше отечество; вспомнимъ здѣсь только о Янѣ изъ
Стобницы, профессорѣ коллегіи, астрономѣ и составителѣ
таблицъ: *Долготы извѣстнѣйшихъ городовъ и коро
левствъ*, и о Клементѣ Яницкомъ, который въ Падуѣ такъ
прославился талантомъ необыкновеннаго элегическаго по
эта. b) Конрадъ Цёльнеръ (Zölner) исходатайствовалъ у
папы Урбана VI буллу на основаніе академіи въ городѣ *Кулъ
мѣ* (Chelmnie) въ 1387 г., прося сравнить ее въ правахъ
и преимуществахъ со всѣми другими академіями. Но когда
войны съ Литвою и Польшею не дозволили ему исполнить

свое намѣреніе и когда вслѣдъ затѣмъ торнскій миръ, успокоивъ Ливонію, подчинилъ ее власти Польши, тогда и Кульмская Академія, долженствовавшая существовать на счетъ городоваго магистрата, была обращена въ академическую колонію. Членъ Краковской Академіи былъ ея ректоромъ, а трое другихъ академиковъ преподавателями наукъ. Это заведеніе, вслѣдствіе споровъ лютеранъ съ епископами, отдѣлилось отъ нашей Академіи и сдѣлалось школою протестантскою. c) Въ *Бялой*, городкѣ, принадлежавшемъ князьямъ Радзивилламъ на Полѣсьи, Христофоръ Вильскій Циборовичъ основалъ высшее училище вѣжливѣе называвшееся Академіею). Тамъ былъ ректоръ и три профессора изъ числа краковскихъ академиковъ, и хотя школа эта не принадлежитъ къ нашей эпохѣ (1628 г.), однако, исчисляя главнѣйшія колоніи нашей Академіи, мы по необходимости должны были здѣсь упомянуть о ней.

Кромѣ этихъ школъ, d) въ Пинчовѣ, e) въ Тарновѣ, f) въ Кориннѣ, g) въ Видавѣ, h) въ Гнѣзнѣ, i) въ Варшавѣ, j) въ Клодавѣ, k) въ Плоцкѣ, l) въ Пултускѣ, m) въ Пржемыслѣ, n) въ Львовѣ и другихъ городахъ нашего отечества были и еще низшія и высшія учебныя заведенія, подчиненныя тоже Краковской Академіи и державшіяся порядка, ею начертаннаго. Итакъ внѣшнимъ своимъ вліяніемъ Краковская Академія, быть можетъ, оказала больше услугъ своему отечеству, нежели тою аристотелевскою мудростью, которою гремѣли ея аудиторіи, вліяніе же это было не незначительно При каждой почти каѳедрѣ епископской была своя школа, въ которой ходомъ юношескаго образованія управлялъ питомецъ Краковской Академіи, облеченный властью духовною и ученою. Здѣсь духовные получали свои богословскія степени, здѣсь образовывались знаменитѣйшіе пастыри церкви, каноники, архидіаконы. Вліяніе Краковской Академіи распространя-

лось даже на тѣ заведенія, которыя не принадлежали къ краковскому округу. Монашескіе искусы (nowicyaty) и свѣтскія семинаріи, школы духовныя и приходскія, подчинялись ея вліянію. Академики поступали въ монашество, монахи спѣшили на лоно Академіи.

Такъ было у насъ до половины шестнадцатаго вѣка, когда горизонтъ вѣры и просвѣщенія затмили громовыя религіозныя тучи. Въ однѣ двери вошли въ Польшу протестанты, въ другія ихъ противники іезуиты. Еще недавно возникшій, но уже сильный особеннымъ покровительствомъ папскаго престола, своимъ противодѣйствіемъ диссидентамъ и воспитаніемъ юношества, орденъ іезуитовъ обратилъ на себя вниманіе кардинала Станислава Гозія, епископа варминскаго, бывшаго на тридентскомъ соборѣ и въ посольствѣ у императора Фердинанда. Знаменитый кардиналъ сознавалъ ясно, что подобный орденъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ оказать важныя услуги его отечеству, а потому, ни мало не колеблясь, призвалъ іезуитовъ (1564 или 6 г.) въ предѣлы варминскаго княжества, сильно зараженнаго ученіемъ Лютера по своему близкому сосѣдству съ Германіей. Іезуиты поселились въ Брунстбергѣ. Долго жители города подозрительнымъ окомъ смотрѣли на черныя шапки, черные плащи и скромную, благочестивую наружность новыхъ пришельцевъ; долго колебались они повѣрять имъ воспитаніе дѣтей своихъ, хотя тѣ и не требовали за это никакой платы; но терпѣніе и происки іезуитовъ увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Ихъ покровитель Гозій на собственный счетъ посылалъ учениковъ въ брунстбергскую школу, основанную въ 1569 г., школу, которая вскорѣ стала процвѣтать и пріобрѣла своему ордену громкую популярность въ Польшѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ можно было упрекнуть орденъ, который такъ безкарыстно несъ на пользу общую

и свое усердіе къ вѣрѣ, и рѣдкую образованность? Католическая церковь требовала сильной защиты: духовенство слишкомъ слабо противодѣйствовало протестантамъ, Краковская Академія, какъ общество ученое, не могла исключительно посвятить себя спорамъ полемическимъ. Кто же по этому могъ упрекать новыхъ пришельцевъ въ томъ, что они рѣшились взять на себя обязанность мѣстнаго духовенства—защиту св. вѣры? Іезуиты вступили въ борьбу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ одолѣть и извлечь всевозможную пользу изъ своей побѣды. Громоносно ударили они на диссидентовъ, стали привлекать къ себѣ пановъ и католическую шляхту, пріобрѣли сочувствіе народа, распространили убѣжденіе о важности своего посланничества, снискали довѣріе къ своему ученію и захватили въ свои руки и деньги, и вліяніе. Ученые, магнаты, духовные и свѣтскіе, словомъ—всѣ сильнѣйшіе классы той эпохи, о которой теперь рѣчь, очарованные ученіемъ и благочестивою ревностью іезуитовъ, спѣшили къ нимъ не съ одними пустыми доказательствами своей привязанности. Епископы католическіе: плоцкій Носковскій, виленскій Протасевичъ, перемышльскій Гербуртъ, познанскій Конарскій, другъ передъ другомъ, призываютъ къ себѣ іезуитовъ, — первый въ Пултускъ (1565 г.), второй въ Вильно (1569 г.), третій въ Перемышль (1571 г.) и четвертый въ Познань (1571 г.). Краковская Академія, всегда приверженная къ римской церкви, радостно привѣтствуетъ подвижниковъ Христовыхъ, добродушно и охотно уступаетъ имъ свои колоніальныя школы и даже приходъ св. Варвары въ Краковѣ. Юные академики, какъ Варшевицкій, Скарга, Гербестъ, Гродзицкій, спѣшатъ подъ знамя новаго ордена въ полной отрадной надеждѣ содѣйствовать по мѣрѣ силъ интересамъ церкви и поддержать колеблющійся папскій престолъ. Стефанъ Баторій дѣлаетъ ихъ своими духовника-

ми и, отправляясь въ походъ на Полоцкъ, «даетъ обѣтъ об-«ратить во славу Божію имена всѣхъ христіянскихъ церквей, «захваченныхъ войною» (Скарга), побѣждаетъ враговъ и основываетъ іезуитскія коллегіи въ Полоцкѣ (1580) и Ригѣ (1582 г.). Примѣру монарха слѣдуютъ его духовные и свѣтскіе вельможи; основывать іезуитскія коллегіи, избирать въ духовники іезуитовъ сдѣлалось модою и потребностью совѣсти, и вотъ воздвигаются стѣны іезуитскаго братства въ Люблинѣ (1582), въ Несвижѣ (1582), въ Дерптѣ (1583), въ Данцигѣ (1584), въ Калишѣ (1584), въ Львовѣ (1585), и вотъ, въ концѣ нашей эпохи, іезуиты, владѣя уже тринадцатью коллегіями, пріобрѣли вліяніе на народъ и славу побѣдителей ереси.

Ихъ миссія въ этомъ послѣднемъ отношеніи наиболѣе необходима была въ Вильнѣ. Въ правленіе снисходительнаго для протестантовъ Сигизмунда Августа, въ Вильнѣ, подъ мощнымъ покровительствомъ Николая Чернаго Радзивилла, появились протестантскія кирки, типографіи и училища. Испуганные этими успѣхами епископъ Валеріанъ Протасевичъ Сушковскій и войтъ города Вильно, извѣстный Ротундусъ Мѣлевскій, умоляли Гозія прислать къ нимъ іезуитовъ. Тамъ, въ эту именно пору, долженствовала открыться въ домѣ Гаштольда новая кальвинская школа, угрожавшая заразить разновѣріемъ умы юношей самыхъ знаменитыхъ фамилій. Нужно было какъ можно скорѣе открыть католическую школу. «Ваше преподобіе, писалъ Ротундусъ къ Гозію въ «началѣ 1568 года, постарайтесь убѣдить провинціала орде-«на іезуитовъ, чтобъ онъ немедленно ввелъ свое братство «въ Вильно прежде, чѣмъ прибудутъ къ намъ ученые ере-«тики, призванные Бландратомъ, потому-что они, по всей «вѣроятности, привлекутъ къ себѣ все литовское юноше-«ство... если же іезуиты предупредятъ ихъ, то юношество

«къ нимъ обратится». Іезуиты явились, и одинъ изъ нихъ писалъ къ Кромеру (1570 г.): «Мы спѣшили въ Вильно, на «призывъ тамошняго епископа, который желалъ ввести «насъ, дѣлателей, въ свой виноградникъ съ цѣлью какъ мож«но скорѣе открыть тамъ новую коллегію. Мы приходимъ «сюда, какъ давно желанные гости (какъ говорятъ); если «бы только намъ удалось оправдать ихъ надежды!»

И въ ту же минуту они начали борьбу съ протестантизмомъ и принялись за воспитаніе юношества. Чтобы имъ дѣйствовать сильнѣе въ этомъ послѣднемъ отношеніи, епископъ Протасевичъ и виленскій намѣстникъ Георгій Радзивиллъ умоляли Стефана Баторія возвести іезуитскую коллегію на степень Академіи. Григорій XIII подтвердилъ это распоряженіе; такимъ образомъ появилась сотрудница Краковской Академіи, очевидно сравненная съ нею во всѣхъ правахъ и привилегіяхъ, исключая только факультетовъ юридическаго и медицинскаго, о которыхъ впрочемъ мало заботились іезуиты. Факультеты философскій (artium) и богословскій представляли имъ слишкомъ широкое поле для развитія своихъ стремленій; право возводить въ ученыя степени баккалавровъ и магистровъ дало ей важное значеніе въ ученомъ мірѣ. Программа Виленской Академіи обнимала собою грамматику, риторику, поэзію, логику и философію, богословіе во всемъ его объемѣ, физику, математику и языки латинскій, греческій, итальянскій, французскій, англійскій и еврейскій. Очевидно, что при такой программѣ Краковская Академія должна была показаться въ очень блѣдномъ свѣтѣ. Іезуиты начали осуществлять свои великолѣпныя обѣщанія; но всѣ эти науки вскорѣ получили у нихъ чисто-аскетическое направленіе, такъ что если Краковская Академія связывала умы своими диспутами, то Виленская еще болѣе ихъ обезсиливала, навязывая имъ непомѣрное уваженіе къ чужому авторитету.

Посмотримъ на раздѣленіе ихъ учебнаго курса. Весь учебный курсъ дѣлился у нихъ на пять классовъ низшихъ: инфиму (первоначальный классъ въ училищѣ), грамматику, синтаксисъ, поэзію и риторику, и два класса высшіе: философію и богословіе. Изученіе латинскаго языка, которое въ Краковской Академіи служило только средствомъ къ усвоенію себѣ другихъ наукъ, здѣсь сдѣлалось единственною и исключительною наукою. Въ этомъ раздѣленіи курса, при такомъ кропотливомъ, тщательномъ изученіи мертваго языка, ученики знакомились съ его духомъ и истинными красотами, но, съ другой стороны, рабски привязывались къ изрѣченіямъ и фразамъ римскихъ классиковъ. Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Сенека, безспорно, были извѣстны ученикамъ; но кто изъ нихъ могъ постигнуть, уразумѣть духъ великаго писателя? Память была забросана, обременена одними только фразами, ложное просвѣщеніе приняло одежду истинной мудрости, а этимъ путемъ сталъ искажаться и прекрасный языкъ польскій, и рѣчь латинская начала мельчать и теряться, началъ портиться и упадать самый вкусъ къ изящному и прекрасному. Панегирики и похвальныя рѣчи въ честь магнатовъ и сильнѣйшей шляхты считались въ школѣ верхомъ мудрости и совершенства и, назначаемыя юношеству въ видѣ классныхъ упражненій, имѣли гибельное вліяніе на тѣхъ и другихъ: они разслабляли могучій духъ Поляковъ; панегиристы пріучались къ низкой расчетливой лести, а тѣ, которыхъ хвалили, научались гордиться своими гербами, богатствомъ и происхожденіемъ. Неопытное дитя въ іезуитскихъ коллегіяхъ скоро привыкало дѣлать различіе между вельможею и шляхтичемъ—различіе, котораго не знало отечественное законодательство.

Источникомъ протестантизма была гордость человѣческаго ума, возставшаго противъ Откровенія; для противодѣй-

ствія этой гордости въ умахъ молодаго поколѣнія, іезуиты напоили ихъ не духомъ, а самою буквою католицизма, и до того возбуждали въ нихъ фанатизмъ религіозный, что даже самъ златоустый Скарга, дышавшій въ иныхъ случаяхъ неподдѣльнымъ патріотизмомъ, такъ писалъ о протестантахъ: «Они грозятъ закрыть сеймъ!... что же теперь «остается дѣлать истинно любящему Бога и Его церковь, «доброму стражу отечества и своей собственной совѣсти: «или оскорбить Бога злобнымъ признаніемъ такого вреднаго «права (свободы исповѣданія), или не удовлетворить потреб«ностямъ отечества? Вопросъ очень удоборѣшимый. Болѣе «слушать Бога, нежели людей; прежде идти на зовъ церкви «и спасенія души человѣческой, чѣмъ на зовъ отечества; «прежде искать вѣчнаго отечества, нежели временнаго.» Словомъ—лучше видѣть гибель отечества, чѣмъ согласиться на построеніе лютеранской кирки!

Такимъ духомъ напоялось юношество въ знаменитыхъ іезуитскихъ школахъ; а чтобы приманка новизны и прелесть раціонализма не овладѣли юными умами, іезуиты воспламеняли ихъ воображеніе мистическимъ благочестіемъ, чтеніемъ безъ всякой критики книгъ, наполненныхъ чудесами, великолѣпіемъ богослуженія, религіозныхъ обрядовъ и діалоговъ; дѣйствовали на юное воображеніе напыщенными рѣчами въ дни ангеловъ-покровителей, въ дни именинъ и прочія домашнія торжества магнатовъ, и открывали юнымъ преблескамъ краснорѣчія обширное риторическое поле. Юноши забавлялись игрушками, а старики съ сердечнымъ умиленіемъ смотрѣли на это благочестивое изгнаніе духа изъ сердецъ своихъ дѣтей.

Но такое вліяніе іезуитовъ относится уже къ дальнѣйшимъ эпохамъ. Въ настоящую эпоху еще нельзя было видѣть ничего сквозь маску іезуетизма, еще не разоблачились

пружины и цѣли ихъ стремленій. Усердная и благородная борьба ихъ съ разновѣріемъ дѣлала ихъ истинными воинами Христа, а вліяніе сыновъ Лойолы на политику, религію и нравственность Польши было еще самымъ прекраснымъ и спасительнымъ. Въ эпоху Вазовъ они возрасли и усились, и только въ эпоху избирательнаго образа правленія вполнѣ созрѣли для отечества ихъ гибельные плоды. Тамъ мы скажемъ обширнѣе о школахъ іезуитовъ въ Польшѣ; теперь же перейдемъ къ ихъ противникамъ—протестантамъ.

Не-католическія исповѣданія въ Польшѣ были: лютеранское, кальвинское, моравскихъ братьевъ, социніанское и греко-восточное.

1. *Исповѣданіе лютеранское.* Когда Альбрехтъ, магистръ Ордена Крестоносцевъ, принялъ ученіе Лютера вмѣстѣ со всѣмъ своимъ орденомъ, когда примѣру Нѣмцевъ послѣдовали ближайшія провинціи польскія и литовскія, богатые прибалтійскіе города стали заводить у себя школы своего вѣроисповѣданія. Знаменитѣйшими изъ нихъ въ нашу эпоху были: а) *Кульмская*, о которой мы упоминали выше; b) *Торнская*, содержавшаяся на счетъ тамошняго магистрата и въ 1564 г. возведенная на стенень гимназіи. Она дѣлилась на школу высшую и низшую; въ низшей учили польскому языку по Кохановскому, Гурницкому и другимъ руководствамъ; латинскому по книгамъ римскихъ классиковъ; греческому по грамматикѣ Кленарда и переводамъ Изократа; еврейскому по Библіи. Изъ наукъ въ ней преподавали богословіе, діалектику и риторику по Меланхтону, физику, математику и пѣніе псалмовъ. Число профессоровъ восходило до десяти; школа состояла изъ одиннадцати классовъ, первый былъ высшимъ (suprema). Торнская гимназія въ преподаваніи наукъ держалась гораздо лучшаго метода, чѣмъ всѣ

современныя школы въ Польшѣ, и, не смотря на свое германское начало, оказывала сильное вліяніе на образованіе польскаго юношества лютеранскаго исповѣданія. c) ***Данцигская***, открытая въ 1558 году, дѣлилась на гимназію и школу приготовительную; первая состояла изъ двухъ, а послѣдняя изъ трехъ классовъ. Здѣсь учили началамъ латинскаго языка по Донату, а потомъ по классикамъ; греческому языку по грамматикѣ Велера; кромѣ того, читали Плутарха, Гомера, Гезіода, Новый Завѣтъ на греческомъ языкѣ; также преподавали еще логику, риторику и богословіе. d) ***Лицкая***, основанная въ 1587 г. маргграфомъ Георгіемъ Фридрихомъ для Поляковъ; въ ней науки были преподаваемы не по-латыни, или по-нѣмецки, а по-польски. Начальныя школы, гдѣ учили чтенію, пѣнію и первымъ основаніямъ наукъ, находились во многихъ городахъ и городкахъ великопольскихъ; здѣсь получало свое образованіе лютеранское юношество. Замѣтимъ важнѣйшія степени іерархіи: протосхолярхъ, схолярхъ, ректоръ, визитаторъ. Въ низшихъ училищахъ преподаватели были пасторы.

2. ***Исповѣданіе Кальвина*** и, соединенное съ нимъ, исповѣданіе ***моравскихъ братьевъ***. Первое было разсѣяно во многихъ округахъ Литвы и Польши; послѣднее имѣло свои школы въ Великой Польшѣ и Пруссіи. О существованіи другихъ школъ перваго исповѣданія, кромѣ виленской, мы незнаемъ въ нашей эпохѣ. Первое же мѣсто между многочисленными школами моравскихъ братьевъ занимали учебныя заведенія Лешка и Козьминка. Лешчинская школа, какъ основанная позже, не принадлежитъ къ нашей эпохѣ; о школѣ же Козьминской мы знаемъ только то, что она заложена въ 1553 г. Острогами; что великопольская шляхта дѣлала добровольные въ ея пользу сборы; что ректоромъ въ ней былъ знаменитый Станиславъ Гржебскій. Управле-

ніе моравскихъ школъ находилось въ рукахъ ихъ духовенства. Единодушный выборъ именовалъ схоларховъ.

3. *Исповѣданіе социніанское* (Аріане) имѣло главное свое училище въ Пинчовѣ. Послѣ ея упадка, Николай Казимерскій, владѣтель Левартова, основалъ тамъ высшее училище для Аріанъ. Сюда стекалось такое множество юношей, что, какъ свидѣтельствуетъ ректоръ этой школы, Альбрехтъ Калискій, она въ стѣнахъ своихъ не могла вмѣщать всѣхъ учениковъ, въ нее собиравшихся; но гоненія, моровыя язвы, нападенія Татаръ на Подолію разогнали ея воспитанниковъ. Вскорѣ Казимерскій, основатель и попечитель этой школы, умеръ, возвратившись на лоно католической церкви: это нанесло послѣдній рѣшительный ударъ существованію левартовской школы. Она состояла изъ пяти классовъ; каждый классъ имѣлъ своего наставника. Въ нихъ преподавали языки, богословіе, философію, риторику и церковное пѣніе, т. е. пѣніе псалмовъ Давидовыхъ, въ переводѣ Кохановскаго, подъ музыку Николая Гомолки.

4. *Греческое вѣроисповѣданіе.* Хотя въ Литвѣ, Руси, Украйнѣ, Волыни и Подоліи оно имѣло свои церкви и множество послѣдователей, хотя языкъ русскій въ Литвѣ былъ оффиціальнымъ; однакожь мы не видимъ, чтобы здѣсь много заботились о воспитаніи своего юношества, чтобы языкъ русскій былъ возведенъ на степень науки, или облеченъ грамматическими правилами. Какое имѣла вліяніе на образованность Руси Польша, мы ненамѣрены здѣсь указывать. Говоря собственно объ успѣхахъ школьнаго образованія въ русскихъ, подвластныхъ польскому скипетру, провинціяхъ, мы, къ сожалѣнію, должны сознаться, что ихъ вовсе не было. Брестскій соборъ, основаніе братской школы въ Кіевѣ, школа острожская и дальнѣйшіе факты этого рода не относятся къ нашей эпохѣ. Теперь мы мо-

жемъ упомянуть только о львовской школѣ, основанной для воспитанія юношества греко-восточнаго исповѣданія Арсеніемъ, епископомъ элассонскимъ, въ 1585 году. При каждой впрочемъ церкви было приходское училище, въ которомъ, по свидѣтельству современнаго сказанія, обыкновенно «тридцатилѣтній юноша училъ дѣтей первоначальнымъ знаніямъ». «Не учатъ тамъ, продолжаетъ тоже сказаніе, катихизиса, но изучаютъ только молитвы къ Пресвятой Богородицѣ, св. Николаю, символъ вѣры и пѣніе псалмовъ. Назначеніе этихъ школъ не въ томъ состоитъ, чтобъ распространять въ краѣ просвѣщеніе, но въ томъ единственно, чтобы практически приготовить приходскихъ священниковъ и дьячковъвъ». Не было, конечно, недостатка въ мужахъ просвѣщенныхъ, ревнующихъ о благочестіи, и въ нѣдрахъ церкви восточной, и мы скажемъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Мы прошли всю исторію школьнаго образованія въ эпоху Ягеллоновъ. Несравненно богаче и обширнѣе явится оно намъ въ слѣдующей эпохѣ; но это зрѣлище будетъ для насъ не столь уже отрадно и утѣшительно, потому что просвѣщеніе дѣлается теперь средствомъ для достиженія посторонних цѣлей, острымъ оружіемъ въ рукахъ религіознаго фанатизма. Какъ скоро религіозная борьба съ поприща литературнаго перешла на поле практики, система просвѣщенія оказала гибельное вліяніе на ея судьбу. Уличныя драки молодежи различныхъ вѣроисповѣданій, на которыя училищное начальство смотрѣло сквозь пальцы, а чаще всего само возбуждало ихъ, разнуздывали страсти молодаго поколѣнія, сѣяли раздоры въ сердца молодыхъ соотечественниковъ, которымъ впослѣдствіи, быть можетъ, суждено было неразъ встрѣтиться на пути политической жизни. Краковскіе академисты нападали на протестантскія кирки, про-

тестанты на католиковъ, воспитанники іезуитскіе на академистовъ и протестантовъ, ученики всѣхъ вообще исповѣданій, воспламененные религіозною ревностью, били Евреевъ. Эти священническія и школьныя междоусобія, среди которыхъ возрасталъ юноша, могли ли служить добрымъ для него примѣромъ тогда, когда онъ, вернувшись домой, выступалъ какъ гражданинъ на сеймы и сеймики, гдѣ такъ необходима была взаимная другъ другу помощь и содѣйствіе со стороны добрыхъ сыновъ отечества? Дитя, еще въ школѣ привыкшее къ духу партій, не могло воображать себѣ иначе и жизни общественной; пріученное буянить въ толпѣ, оно стало искать себѣ справедливости и удовлетворенія самоуправствомъ, чему не малое число примѣровъ представляетъ домашняя исторія нашей шляхты. Подобно тому, какъ въ школахъ одни отстаивали дѣло Академіи, другіе дѣло іезуитовъ, третьи дѣло диссидентовъ, точно такъ и въ жизни общественной одни держали сторону однихъ вельможъ, другіе другихъ, и вотъ, по нашему мнѣнію, сѣмя тѣхъ партій, которыя вслѣдъ за тѣмъ стали раздирать Польшу. Не были онѣ произведеніемъ права и преимуществъ народныхъ, но увы! онѣ нашли себѣ пищу въ прекрасной свободѣ гражданъ. Но во всякомъ случаѣ наши школы въ эпоху Ягеллоновъ были только родниками чистаго образованія народнаго, хотя не одинъ, быть можетъ, сердечный вздохъ вырвался изъ груди истиннаго и безпристрастнаго любителя отечества при видѣ того зрѣлища, какъ на три части распадалась наука, которая вслѣдствіе этого раздѣленія неминуемо должна была исказиться и унизиться.

Въ минуту смерти Стефана Баторія (1586 г.) и въ концѣ нашей эпохи мы видимъ существованіе трехъ партій, трехъ ученыхъ лагерей, готовыхъ вступить между собою въ борьбу за обладаніе мнѣніями своихъ соотечественниковъ:

1. *Краковская Академія* съ своими колоніями, одаренная привилегіями папъ и королей, мать-кормилица (alma mater) нашего образованія. Корпорація чисто-ученая. Ея вліянію обязаны своимъ бытіемъ каѳедральныя школы.

2. *Іезуиты* съ своими коллегіями, защищенные могучимъ титуломъ поборниковъ католичества, владѣющіе огромными имуществами, необыкновенными людьми и вліяніемъ на королей и аристократію.

3. *Протестанты* различныхъ исповѣданій, дышавшіе новостью, гордящіеся именемъ чистыхъ евангеликовъ, преобразователей дряхлой старины, освободителей духа изъ оковъ *папизма*.

Прежде чѣмъ раскроемъ судьбу этой борьбы, бросимъ взоръ на дѣйствія соперниковъ. Справедливость требуетъ сознаться, что дѣйствія Краковской Академіи являются въ самомъ благородномъ свѣтѣ. Іезуиты убиваютъ духъ; протестанты освобождаютъ его отъ всѣхъ конечныхъ узъ; Академія озаряетъ его факеломъ вѣдѣнія, согрѣваютъ теплотою вѣры, неопороченной посторонними цѣлями. Іезуиты корпятъ надъ діалогами, протестанты надъ свободою сужденія въ дѣлахъ вѣры, академики надъ учеными диспутами. Іезуиты, изъ личныхъ видовъ, пресмыкаются предъ алтарями *власти*; протестанты съ тою же цѣлью ласкательствуютъ *уму*; академики, среди угнѣтеній нужды, трудятся надъ философіей Аристотеля, не для всѣхъ доступною, ни мало не заботясь о громкой славѣ и улучшеніи своего быта. Іезуиты разсѣваютъ вселенскія начала Рима; протестанты распространяютъ чуждыя намъ понятія германскія; Академія является чисто-польскою съ своимъ избирательнымъ образомъ управленія, съ своими диспутами, — чистымъ подобіемъ сеймовъ. Академія держалась средины въ вихрѣ современныхъ ей вопросовъ; а мы знаемъ, что въ эпоху важныхъ

переворотовъ общественности и ея убѣжденій, державшіеся средины никогда не пользовались силою и важнымъ вліяніемъ. Но возвратимся къ нашему предмету.

При такомъ множествѣ академическихъ колоній и школъ каѳедральныхъ, іезуитскихъ и протестантскихъ, нельзя не согласиться, что просвѣщеніе находилось въ самомъ оживленномъ состояніи. Кто не довольствовался преподаваніемъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, кто хотѣлъ подняться на степень общеевропейскаго образованія, или, по крайней мѣрѣ, похвастать имъ предъ своими соотечественниками, тотъ уѣзжалъ учиться за границу. Къ чести нашихъ вельможъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, надобно сказать, что они часто въ этомъ случаѣ служили опорою для бѣдной шляхты. Въ Италіи прдцвѣтали слѣдующіе университеты: *въ Римѣ*, гдѣ между прочими воспитывались Коперникъ, Шимоновичъ, Шмиглецкій; *въ Падуѣ*, гдѣ ректоромъ былъ Замойскій, гдѣ образовались Самуилъ Мацеіовскій, Янъ Кохановскій, Гурницкій, Яницкій, Струсь, Нидецкій, Маринцкій и множество другихъ. Протестанты, или склонные къ протестантизму, отправлялись въ германскіе университеты. *Въ Виттенбергѣ* учились: Оржеховскій, Фричъ Модржевскій, Варшевицкій, Сарницкій, Гурки; *въ Лейпцигѣ*: Томицкій, Секлюціанъ, Стрыйковскій; *въ Базелѣ*: Янъ Лавскій, Иловскій и т. д. Эти путешествія, если, съ одной стороны, и открывали обширное поле любознанію юношей, стремившихся къ познанію міра, за то, съ другой стороны, открыли входъ въ наше отечество злымъ обычаямъ и нравамъ, высокомѣрію и революціоннымъ, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ, замысламъ. Сигизмундъ I ясно сознавалъ это, и въ 1534 году запретилъ было эти ученые выѣзды; но, лѣтъ девять спустя, долженъ былъ уступить настойчивымъ требованіямъ вельможъ и измѣнить свое постанов-

леніе. Варшевицкій пишетъ, что знаменитый Самуилъ Мацеіовскій такъ жалавался на обычай высылать юношество за границу: «Дѣти нашей шляхты, высылаемыя за границу прежде достиженія ими юношескаго возраста, привозятъ домой тернія вмѣсто розъ, или, лучше, распутные нравы и обычаи вмѣсто плодовъ истиннаго образованія. Вернувшись домой, они предполагаютъ себѣ двѣ цѣли: или службу по духовному вѣдомству, или по гражданскому. Обманутые надеждою въ напрасномъ ожиданіи богатствъ, они посягаютъ на чужую собственность. Привыкши къ германской расточительности, или итальянскому изяществу, они по прибытіи домой измѣняютъ образъ своей жизни. И вотъ одни ходятъ въ сандаліяхъ; другіе обвѣшиваются кинжалами и разнаго рода оружіемъ и самопалами; пьяные, подобно арлекинамъ, бродятъ они по улицамъ днемъ и ночью, и не только у себя дома, но и въ городѣ, являютъ собою примѣръ вѣтреннаго легкомыслія». И подлинно! если эта картина вполнѣ вѣрна, то ее легче можно примѣнить къ молодымъ баричамъ, чѣмъ къ шляхтѣ, потому-что бѣдная шляхта, отправлявшаяся за границу на чужой счетъ, возвращалась домой съ богатымъ запасомъ различныхъ свѣдѣній и достойно служила своему отечеству.

Короли и знатнѣйшіе вельможи воспитывали дома своихъ дѣтей подъ руководствомъ добродѣтельныхъ и образованныхъ наставниковъ. При дѣтяхъ Владислава Ягеллы былъ Викентій Котъ, архіепископъ гнѣзненскій; сыновей Казиміра Ягеллы воспитывали знаменитый Длугошъ и Каллимахъ (несогласіе между ними возникло, быть можетъ, отъ того, что честный Полякъ вооружился противъ превратныхъ совѣтовъ хитраго Итальянца). Григорій изъ Санока былъ учителемъ Тарновскихъ, Евстафій Трепка былъ воспитателемъ Гурковъ, Варѳоломей Гродзицкій—Бонаровъ,

Скарга—Тенчинскихъ. Примѣру вельможъ слѣдовала и мелкая шляхта; но недостатокъ добрыхъ и дешевыхъ наставниковъ былъ причиною того, что образованіе шляхетскаго класса не могло достигнуть высокой степени. Воинственная простота нашей шляхты сознавала потребность ученія, но не могла еще обнять всей его важности. Эразмъ Гличкеръ, писавшій въ концѣ XVI вѣка, такъ вооружается противъ домашняго воспитанія у шляхты: «Есть теперь «обычай въ Польшѣ у поземельныхъ владѣльцевъ и мѣ«щанъ держать у себя баккалавра, который дома, въ тихо«молку, учитъ и занимается съ дѣтьми; но я не знаю: мо«жетъ ли быть къ чему-нибудь доброму способенъ молодой «человѣкъ при такомъ образѣ ученія? Привыкши дома вся«кій разъ прятаться въ уголъ, онъ все-таки будетъ убѣ«гать людей просвѣщенныхъ и благородныхъ, все-таки чаще «будетъ оглядываться на печь, чѣмъ смотрѣть прямо людямъ «въ глаза. Если ему случится быть въ кругу людей честныхъ, «не увѣренный въ себѣ самомъ, онъ будетъ вертѣться, какъ «на иглахъ; пусть же они его обсядутъ кругомъ, онъ станетъ «краснѣть и конфузиться, думая какъ бы скорѣе убраться «вонъ, что за дѣло, если и назовутъ его за то доморощеннымъ «или, пожалуй, ничтожнымъ мальчишкой. Тѣ, которые вос«питаны въ обществѣ студентовъ, рѣзко отличаются отъ «тѣхъ, которые учились у себя дома, подобно пустыннымъ «отшельникамъ, или монастырскимъ затворникамъ. Гораздо «полезнѣе послать сына учиться въ большой свѣтъ, въ «Краковъ ли то, въ Италію или Германію, нежели держать «его въ маломъ городишкѣ при баккалаврѣ, гдѣ онъ пріу«чается только къ поединкамъ и буянству. Мы, Поляки, не «любимъ платить денегъ, и иной скорѣе позволитъ распять «себя за грошъ или копѣйку, чѣмъ согласится выдать его «на воспитаніе сына, и этого обычая держатся не только

«люди болѣе или менѣе зажиточные, но даже сами господа, «равно какъ и шляхта, у которой не только въ деньгахъ «нѣтъ недостатка, но еще и гумна набиты и завалены цѣ«лыми скирдами хлѣба. Но у такого отца деньги предназна«чены на что-нибудь другое, на пиво, или наряды, ему «жалко денегъ для наставника. Ему не хочется увеличить «своихъ третныхъ расходовъ, и онъ радъ отдѣлаться дву«мя или тремя грошами, держась общепринятаго обычая: «introitales dwa pieniądze, remissionales szeleg, a pre«cium kwártalne dwa grocze... (дохода у него два пенязя, «расхода шиллингъ, а третная плата два гроша), Иной опять «не умѣетъ цѣнить того человѣка, которому повѣряетъ вос«питаніе своего дитяти. Наставникъ—это у него игрушка; «ему пріятнѣе ласкать собакъ и ходить за лошадьми; зажи«гатель или сторожъ пользуется у него бо́льшимъ поче«томъ, нежели человѣкъ ученый, наставляющій его сына «на правый путь жизни.»

И домашніе наставники преподавали науки, каждый по крайнему своему разумѣнію, ни мало не завися отъ ученаго начальства. Правда, въ 1542 г., епископъ Гамратъ приказалъ архидіаконамъ и инквизиторамъ слѣдить за домашними учителями у помѣщиковъ и шляхты; но этотъ надзоръ былъ направленъ единственно къ тому, чтобы они «не чи«тали дѣтямъ подозрительныхъ книгъ и не уничтожали бы «въ сердцахъ ихъ сѣмянъ святой вѣры.» Испытывать же степень образованія этихъ наставниковъ и систему ихъ преподаванія, никому не было нужды.

Въ школахъ домашнихъ, приходскихъ и уѣздныхъ, дѣвушки получали образованіе вмѣстѣ съ мальчиками. Потомъ дочери болѣе состоятельной шляхты отправляемы были въ женскіе монастыри цистерсокъ, бенедиктинокъ и францисканокъ, гдѣ онѣ учились чтенію, письму, рукодѣльямъ и даже латин-

скому языку. Это скромное воспитаніе по монастырямъ имѣло не малое вліяніе на ту тихую, уединенную жизнь, которая была удѣломъ женъ нашихъ предковъ. Любопытныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи передаетъ намъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ: *о Проблеммахъ Аристотеля*, Андрей изъ Кобылина, посвятившій ее Ядвигѣ изъ Косцѣльца. «Мужья, гово«ритъ онъ, наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы жены ихъ *не учились «грамотѣ* и не читали книгъ, дѣйствующихъ на развитіе «и образованіе ума. Хотя у нихъ и есть на это свои причины; «но, какъ мнѣ кажется, они такъ поступаютъ по какой-то «странной зависти» и т. д. Можно ли похвалить этотъ ученый *деспотизмъ* польскихъ мужей? Недостатокъ образованія нашихъ женъ развѣ не имѣлъ вліянія на судьбу нашей политики, или, по крайней мѣрѣ, на успѣхи литературы? Читатели, безъ сомнѣнія, позволятъ мнѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ.

Свидѣтельство Андрея изъ Кобылина относится къ 1535 году, къ той именно эпохѣ, когда разновѣріе путемъ распространенія книгъ, дѣйствующихъ на убѣжденія умственныя, стремилось поколебать преданія древней католической церкви. Если эти книги имѣли такое сильное вліяніе на умы мужчинъ, что доводили ихъ до перемѣны ихъ религіозныхъ убѣжденій, то спрашивается: какое бы онѣ могли произвести дѣйствіе на умы болѣе слабые — на умы женщинъ? Умствованія и стремленіе къ самостоятельнымъ воззрѣніямъ могли бы произвесть гибельное вліяніе на спокойствіе домашняго крова, на обязанности женъ и матерей, которыя наши Польки исполняли съ такою любовью и преданностью. Но, съ другой стороны, болѣе рѣшительное вліяніе женщинъ на образованіе края развѣ не могло бы смягчить грубыхъ, воинственныхъ нравовъ нашихъ предковъ, или положить предѣлъ тѣмъ попойкамъ и буянству.

которыя, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчаются въ нашей домашней исторіи? Развѣ женщины, при своей природной нѣжности и болѣе развитомъ чувствѣ прекраснаго, позволили бы нашей литературѣ снизойти до приторныхъ іезуитскихъ макаронизмовъ, если бы онѣ читали книги, еслибы въ откровенной бесѣдѣ излагали о нихъ свое сужденіе? Развѣ поэзія подъ ихъ кровомъ унизилась бы до одного пошлаго риѳмотворства? И нѣжная любовь, о которой Поляки не имѣли даже и понятія, развѣ не вскормила бы для насъ въ своемъ лонѣ болѣе поэтовъ похожихъ на Тасса, или Петрарку? Все это быть могло, но не при тогдашнемъ политическомъ состояніи Польши; наша (такъ-сказать) хозяйственная любовь не могла воспитать поэтовъ, не могла оказывать вліянія и на развитіе вкуса. Полякъ не могъ, подобно Петраркѣ, посылать своихъ вздоховъ чужой женѣ; не могъ, подобно Тассу, изображать любви героической, которой онъ не умѣлъ понимать. Наша любовь была тихою и скромною. Юный и нѣжный Яницкій одними лишь намеками говоритъ о предметѣ своихъ чувствъ; если же Кохановскій, будучи въ Парижѣ, своими латинскими элегіями и заплатилъ дань своей молодости и убѣжденіямъ чужеземнымъ, за то, вернувшись на родину, подъ вліяніемъ ея духа, онъ часто смѣялся и надъ самимъ собою, и надъ женщинами, и надъ ихъ поклонниками. Предки наши слишкомъ заняты были дѣлами жизни общественной для того, чтобы могли питать въ своемъ сердцѣ нѣжныя, любовныя чувствованія. Въ мужской, католической республикѣ, какою была Польша, названіе: *женоподобный* (niewieściucha), было крайне обиднымъ; народъ сознавалъ, что вліяніе женщинъ можетъ его изнѣжить, поколебать, разслабить, что̀ и дѣйствительно исполнилось въ послѣднее время существованія Польши. Мы не можемъ не пожалѣть о судьбѣ нашихъ женщинъ, о томъ, что кругъ

ихъ дѣятельности былъ слишкомъ ограниченъ, что онѣ не жили жизнью умственною; но эта жертва необходима была для блага отечества. Впрочемъ, и современная польская литература, исключая сочиненій чисто-религіозныхъ, была вовсе не для женщинъ. Что онѣ могли читать? Схоластиковъ? но это слишкомъ скучно; сочиненія полемико-религіозныя? но это было не безопасно; или поэтовъ подобныхъ Рею изъ Нагловицъ? Даже у нашего великаго Кохановскаго, на ряду съ прекрасными пѣснями и псалмами, попадались такія вещи, какъ напр. *Добрымъ Пріятеляхъ*, которыхъ мы ни за что не согласились бы отдать въ руки женщинъ, даже и тогда, еслибы за это мы могли навлечь на себя упреки въ домашнемъ деспотизмѣ.

Но мы уклонились отъ предмета. Обратимъ теперь наше вниманіе на состояніе просвѣщенія въ народѣ. Оно не могло находиться на высокой степени. Но хотя древняя шляхта и не слишкомъ ласково обращалась съ бѣднымъ поселяниномъ, хотя она презирала состояніе мѣщанъ и, жадная къ увеличенію своихъ преимуществъ, не охотно надѣляла ими другіе классы, при всемъ томъ, она еще пристыдила бы насъ своею заботливостью объ образованіи народа. Не было тогда извѣстно общепринятое у насъ мнѣніе, что будто просвѣщеніе гибельно для народа, что образованіе выше своего состоянія вредно благоденствію общества. Напротивъ, въ каждомъ приходѣ, въ каждомъ городкѣ и мѣстечкѣ, были народныя училища, въ которыхъ преподаваніемъ уроковъ занимался иногда какой-нибудь наставникъ изъ Краковской Академіи, называвшійся тогда ректоромъ, иногда самъ приходскій священникъ, иногда пѣвецъ костельный—kantor (Klecha), а иногда какой-нибудь благочестивый старецъ, бывшій на содержаніи мѣстной церкви. Конечно, преподаваніе здѣсь зависѣло отъ степени

знанія самого наставника; въ иныхъ учили одному только чтенію и письму, но въ другихъ, какъ напр. въ Мленскѣ (1603 г.), преподавали діалектику, переводили Виргиліеву Энеиду и письма Цицерона. Каждое изъ этихъ училищъ, содержавшееся на счетъ десятинъ отъ извѣстныхъ селеній, или платы приходскихъ священниковъ, на счетъ колокольнаго (podzwonne) и кружечаго сбора (oferta kościelne), имѣло свой домъ, крѣпко сплоченный (firmiter constructa) и хорошо покрытый (bene tecta). Въ такихъ-то убогихъ, безвѣстныхъ городишкахъ получали начальное образованіе многіе знаменитые мужи; въ Корчинѣ воспитывался Длугошъ, въ Бржезинахъ Стрыйковскій, въ Груднѣ мазовецкомъ Скарга, въ Клодавѣ Григорій изъ Самбока, въ Перемышлѣ Оржеховскій, въ Скальмержу Рей и т. д. Въ народныхъ училищахъ дѣти поселянъ учились читать, писать, закону божію, который каждому былъ вполнѣ извѣстенъ, и наконецъ языку латинскому, которымъ свободно владѣла не только шляхта, но нерѣдко и поселянинъ могъ на немъ объясняться. Это подтверждаютъ всѣ путешественники, посѣщавшіе Польшу, а Варшавицкій разсказываетъ по этому случаю слѣдующій анекдотъ:

«Я не могу забыть того обстоятельства, которое случилось съ Яномъ Пржырембскимъ, архіепископомъ гнѣзненскимъ, мужемъ знаменитымъ, который однакоже ни сколько не расположенъ былъ льстить своимъ соотечественникамъ. Онъ находился въ Вѣнѣ, въ посольствѣ польскаго короля Сигизмунда къ императору Фердинанду. Однажды его люди съ огромною телѣгою, запряженною восемью лошадьми, отправились за городъ за дровами. Или они не знали, гдѣ находились лѣса, предназначавшіеся для рубки, или имъ не хотѣлось туда ѣхать, дѣло въ томъ, что они забрались въ ближайшую къ городу рощу, которая служила мѣстомъ им-

«ператорскихъ прогулокъ. Когда нагруженный такимъ обра«зомъ возъ прибылъ въ городъ, Фердинандъ воспылалъ гнѣ«вомъ, приказалъ позвать къ себѣ кучеровъ и самъ спрашивалъ «ихъ, что они были за люди. Одинъ изъ возницъ въ нѣсколь«кихъ словахъ объяснилъ императору по-латыни, что они «дворовые люди гнѣзненскаго архіепископа, природнаго ле«гата (legatus natus) и королевскаго посланника къ Его «Императорскому Величеству. Всѣ отъ души смѣялись тому, *«что въ Польшѣ и возницы говорятъ по-латыни;* импера«торъ весело разговаривалъ съ ними и приказалъ безнаказан«но отпустить ихъ вмѣстѣ съ дровами».

Ученый Іосифъ Лукашевичъ, сочиненіе котораго (Исторія училищъ въ Польшѣ и в. к. литов. т. I, 1849 г.) доставило намъ нѣсколько подробныхъ свѣдѣній для этого раздѣла, такое принимаетъ число первоначальныхъ училищъ, бывшихъ въ Польшѣ.

Городовъ и мѣстечекъ въ Польшѣ было до 900; въ каждомъ изъ нихъ было свое училище, а въ нѣкоторыхъ по нѣскольку; число училищъ поэтому равняется . . 900

Приходовъ въ Литвѣ и Польшѣ было до 600; число училищъ 600

Итого училищъ 1500

Учениковъ въ каждомъ изъ нихъ, принимая среднимъ числомъ, было по 20

Итого учащихся 30,000

Итакъ 30,000 человѣкъ народа ежегодно получали свое образованіе въ первоначальныхъ училищахъ, не включая въ это число высшихъ заведеній. Нужно еще прибавить, что до 1496 г. никакой законъ не запрещалъ народу доступа къ образованію; что какъ ни незавидно было вообще его внѣшнее состояніе, но при всемъ томъ онъ могъ учиться, могъ возвы-

ситься, прославиться; что примасъ Войтехъ Ястржембецъ, Кромеръ, Гозій, Дантышекъ, Коперникъ происходили изъ среды простаго народа и при всемъ томъ сдѣлались первыми свѣтилами нашего отечества.

Но съ 1496 года участь нашихъ поселянъ измѣнилась, такъ какъ на пѣтрковскомъ сеймѣ было установлено, что ни мѣщанинъ, ни земледѣлецъ не могутъ оставлять своихъ полей и пріобрѣтать земскую собственность, что при всемъ своемъ образованіи и добродѣтели не могутъ добиваться высшихъ степеней церковныхъ, что изъ всего рода поселянъ одинъ только человѣкъ можетъ посвятить себя ремеслу, или наукамъ. Въ царствованіе Александра еще болѣе стѣснили бѣдныхъ посе́лянъ закономъ 1503 года, по которому поселянинъ могъ заниматься наукою, или ремесломъ, только до 12-ти лѣтняго возраста, и то съ позволенія своего владѣльца. Ограниченіе капитулами числа канониковъ не-дворянъ довершило несправедливость.

Въ негодованіи на эти безчеловѣчные законы, Себестіанъ Петрицкій восклицаетъ: «Прежде того, когда каноникомъ «можно было быть только доктору (богословія), шляхта учи«лась и дома, и въ постороннихъ академіяхъ. Теперь никто «не думаетъ объ образованіи, потому-что и безъ науки мож«но сдѣлаться каноникомъ. Одинъ изъ епископовъ, встрѣчав«шій наиболѣе себѣ затрудненій со стороны канониковъ, въ «особенности же *a plebeis*, просилъ верховнаго епископа о «томъ, чтобы въ Польшѣ запрещено было учиться всѣмъ «не-шляхетскаго происхожденія; но такъ какъ было бы «тиранствомъ, еслибы заградить доступъ къ образованію лю«дямъ простымъ, то просьба его не была исполнена. Тѣмъ не «менѣе онъ достигъ того, что число такихъ каѳедральныхъ ка«нониковъ было ограничено пятью. Итакъ онъ причинилъ «то зло, что уничтожилъ соревнованіе, т. е. желаніе опере-

«дить другъ друга въ успѣхахъ, между народомъ и шляхтою, «потому-что шляхта, не желая уступить первенства не-шляхтичамъ, училась такъ, чтобы имѣть надъ ними верхъ, а не-«шляхтичи въ свою очередь учились такъ, чтобы занять »мѣсто между шляхтою. Другое же причиненное имъ зло «состоитъ въ томъ, что науки находятся теперь у всѣхъ въ «пренебреженіи въ Польшѣ, потому-что *plebeius*, какъ бы «ни былъ образованъ, хотя бы сосчиталъ всѣ звѣзды не-«бесныя, все-таки есть и будетъ *plebeius*».

И онъ навсегда остался плебеемъ, на вѣки прикованнымъ къ плугу, и его бытъ домашній часъ-отъ-часу становился хуже и плачевнѣе!

IV. РѢЧЬ ПРОСТАЯ И ВЫСШАЯ.

ЛАТИНСКІЙ ЯЗЫКЪ. — ПОЛИРОВКА И ОПИСЬМЕНЕНІЕ ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА. — ВЫСШАЯ ОБРАБОТКА ОБОИХЪ ЯЗЫКОВЪ. — ЯЗЫКЪ ГРЕЧЕСКІЙ.

Бросивъ бѣглый взглядъ на внутреннія событія, мы показали состояніе просвѣщенія въ Польшѣ и тѣ учрежденія, которыя сохраняли науку во времена Ягеллоновъ. Но прежде чѣмъ приступимъ собственно къ исторіи литературы, мы должны сказать нѣсколько словъ о формѣ, въ которую облекалась польская мысль, о языкахъ польскомъ и латинскомъ, которые были во всеобщемъ употребленіи.

Мы видѣли, что во времена Пястовъ всѣ почти памятники тогдашней словесности писаны на языкѣ латинскомъ. Языкъ отечественный былъ въ употребленіи только у простаго народа; языкъ латинскій, какъ книжный, былъ языкомъ поли-

тическихъ сношеній съ Европою, языкомъ литургіи, высшихъ обществъ и торжественныхъ обрядовъ. Это было естественнымъ требованіемъ духа времени, символомъ покорности западной Европы Риму, власть котораго, основываясь на совѣсти каждаго, оказывала сильное вліяніе на тогдашнюю политику. Римъ и латинскій языкъ первенствовали въ цѣлой Европѣ, и Полякъ, находясь съ нею въ сношеніяхъ политическихъ и литературныхъ, не могъ обойтись безъ языка латинскаго не только за границею, но и у себя дома. Польша, хотя и имѣла свое собственное законодательство, однако, облекая его въ форму римскихъ законовъ, должна была ввести латинскій языкъ въ своихъ судахъ и кодексахъ; принимая изъ Италіи религію и ученость, она должна была употреблять латинскій языкъ при богослуженіи, въ богословскихъ и философскихъ наукахъ, въ которыхъ заключалась вся тогдашняя мудрость; имѣя законы и постановленія писанныя полатыни, она и сеймы должна была отправлять также на языкѣ латинскомъ. Въ училищахъ вездѣ звучалъ одинъ языкъ латинскій; юноша, желающій путешествовать за границу, служить государству чиновникомъ, или поступить въ духовное званіе, которое доставляло почетное и самое высокое значеніе, долженъ былъ удовлетворительно знать латинскій языкъ. Вмѣстѣ съ питомцами изъ богатыхъ людей и шляхтою образовывались въ училищахъ и дѣти простаго народа. Такимъ образомъ латинскій языкъ, распространенный между всѣми классами народа, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, сдѣлался другимъ отечественнымъ языкомъ, извѣстнымъ и простымъ извощикамъ, и по своему богатству любимымъ языкомъ ученыхъ. Съ начала нашей эпохи и далѣе въ продолженіе всего XV в. польскій языкъ былъ только языкомъ женщинъ и простаго народа.

Какъ во всей Европѣ, такъ и въ Польшѣ, латинскій языкъ

въ продолженіе XV в. былъ языкомъ варварскимъ, богословскимъ, схоластическимъ, проистекавшимъ изъ Рима, гдѣ не читали римскихъ классиковъ, и потому искажавшемся въ каждой странѣ отъ примѣси элементовъ мѣстнаго языка. Не изящныя, по языку, сочиненія тогдашнихъ богослововъ и философовъ также оказали вліяніе на его варварскій строй. Съ такимъ знаніемъ латинскаго языка юноша оканчивалъ курсъ въ Краковской Академіи, и если не усовершалъ его чтеніемъ классиковъ, или путешествіемъ по Италіи, гдѣ могъ еще познакомиться съ языкомъ болѣе чистымъ, то окончательно искажалъ его въ жизни практической. Къ классическимъ писателямъ—единственнымъ источникамъ при изученіи латинскаго языка—питали презрѣніе научное и религіозное, естественное во времена высокой набожности и преимущественнаго занятія философіей Аристотеля. Польскій языкъ былъ недостаточенъ для того, чтобы замѣнить латинскій, по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ обывателей, въ записяхъ, актахъ и судебныхъ постановленіяхъ. Народъ судился и молился по-польски, священники по-польски говорили къ нему проповѣди; но судебныя постановленія и тѣ же проповѣди писались на языкѣ латинскомъ. Польскій языкъ былъ языкомъ неписьменнымъ, простымъ, сильнымъ, неспособнымъ къ затѣйливому выраженію мысли, въ украшеніяхъ своихъ не похожимъ на языкъ латинскій, на какомъ обучались грамотѣи.

Не смотря на то, религія и законодательство, необходимыя условія духовной жизни народа, вызвали необходимость употребленія отечественнаго языка въ письмѣ. Мы видѣли въ эпоху Пястовъ, что набожныя королевы жаждали имѣть переводы Св. Писанія; мы видѣли, что въ это время существовали набожныя пѣсни, которыя теперь потеряны; не менѣе бѣдна памятниками польскаго языка, и эпоха Ягеллоновъ до XVI в., да и

тѣ относятся къ религіи, или законодательству. Въ *Agendzie* архіепископа гнѣзненскаго Николая Трубы (Trąby) (1410 г.) находились уже молитвы, писанныя на польскомъ языкѣ, а въ канціоналѣ Пржеворщика (1435 г.) набожныя пѣсни. До сихъ поръ сохранились польскія проповѣди Станислава изъ Скарбимѣржа, перваго ректора Краковской Академіи; сохранилось преданіе также о трогательныхъ проповѣдяхъ Самуила Мацѣевскаго и Олесницкаго младшаго, о рѣчахъ Павла изъ Заторжа и т. д. Законодательство также долженствовало распространяться между народомъ, для котораго было написано; по этому скоро начали переводить важнѣйшіе кодексы государства. Въ 1449 г. Святославъ изъ Войцѣшина перевелъ статутъ вислицкій и уставы Ягеллоновъ, въ слѣдующемъ 1450 г. Матеѣй изъ Рожана перевелъ статутъ мазовецкій. Въ то же время переведены были Постановленія права магдебургскаго, и это первые памятники нашей словесности, которые могутъ быть сюда отнесены. Къ нимъ нужно прибавить еще *Пѣснь о Виклефѣ*, вѣроятно, переведенную съ чешскаго Андреемъ изъ Добчина Галкою около 1450 г., и Пѣснь о убіеніи Андрея Тенчинскаго гражданами Кракова въ 1461 г. Представимъ примѣръ этихъ старыхъ памятниковъ, сохраняя тогдашнее правописаніе, потому-что и на этотъ предметъ мы вскорѣ обратимъ вниманіе читателей.

1. Благовѣствіе ангела изъ Агенды 1400.

Zdrowa marja miłostij pełna bog ztobą błogosławionasthy mijedzij niewijastamij ij błogosławijon owocz żijwotha twego ihus xpus. Amen.[1]

---

[1] *Переводъ.* «Радуйся Марія, исполненная милости, Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего Іисусъ Христъ. Аминь.»

2. ПѢСНЬ Salve Regina ИЗЪ КАНЦІОНАЛА ПРЖЕВОРЖЩИКА.

Zdrowa Gospodze miłosty,
Zywota słodkosty.
I nadyegie nassye,
Zdrowa k' tobie wołamy,
Wipowiedny synowe ewy,
Ktobe wzdychamy.
Lkagicze a płaczicze,
Wto to lzijm wądole,
Ay p. to Rzeczycze,
Przĭwolana nassye.
Thwe mylosrdc oczy k' nam obracz,
A Gezysse pozehnaneho plod ziwotha twego,[1]
Nam poto tu puszczy w kaz,
O dobra o mylo o slodka marye.
Ament.[1]

3. ДОПИСКА КЪ ПЕРЕВОДУ СТАТУТА ВИСЛИЦКАГО, СДѢЛАННОМУ СВЯТОСЛАВОМЪ ИЗЪ ВОЙЦѢШИНА.

«Christe tobye phala yvsz prawa Polska szą dokonana, yasz «wykladana przes mystrza i doctora Swenthoslawa Swocze-«shyna custoscha koszczoła Warszewckiego swyąthego Jana, «i t. d.[2]

---

[1] «Радуйся, Госпожа милости, сладость жизни и надежда наша, радуйся! Къ тебѣ взываемъ, повинные сыны Евы, къ тебѣ воздыхаемъ. Рыдайте и плачьте, въ этой-то плачевной юдоли. Ай, Госпоже Владычице, призванная наша! Твои милосердныя очи обрати къ намъ, а Іисуса желаннаго (pozehnanego), плодъ чрева твоего, отпусти къ намъ въ юдоль, о добрая, о милая, о сладкая Маріи. Аминь.»

[2] «Слава тебѣ, Христе, что законы польскіе суть окончены и уже объяснены учителемъ и докторомъ Святославомъ изъ Войцѣшина, стражемъ Варшавскаго костёла св. Іоанна и т. д.

4. ИЗЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПРАВА МАГДЕБУРГСКАГО [1].

«*Capitulum primum*. Przyaczelsky poklon, naprzód myly przyaczelye pythalyszcze nasz o prawo thakymy slowy. Mąsczysna poymye żona, a swey zenye wyanyye na swem gydaczym gymyeniu stho grzywyen mnyey albo wyączey procz sądu, a then tho mąsz umrze y zostawy po sobye dlugy i dzathky, czo lyat nyemayą y bratha albo szyestrzyne mąsze, albo gyne przyrodzone, albo opyekadlnyka, a thego umarłego żona poymye gynego mąsza a then mąsz od swey żony wezmye prawo od thego opyekadlnyka gegy wyano co yey wyanował umarły mąsz y został yey wynowath, a opyekadlnyk mówy, wyem o they zony wyanu y o tem tho dludze y tho wyznawam przed prawem y gdzye ma, ale ya nyewyem maly tho miecz sprawa dacz yey tho wyano sgymyenya thych tho dzeczy, gdysz yey nyewyanowano przed prawem, i then thesz dzeczy they ortel mayą y że blysstchty są kthemu przyjcz, przyssyągą yedną ranką yze ych oczecz nycz wya-

---

[1] «*Глава первая*. Пріятельскій поклонъ; прежде всего, милые пріятели, вы спрашивали насъ о законѣ такими словами. Мужчина беретъ жену, и своей женѣ назначаетъ изъ своего собственнаго имѣнія сто гривенъ болѣе или менѣе кромѣ суда; а этотъ-то мужъ умретъ и оставитъ послѣ себя долги и дѣтей, которыя не имѣютъ совершеннолѣтія, ни брата, или мужа сестры, или другихъ родныхъ, или опекуна; а жена этого умершаго выходитъ за мужъ за другаго, а этотъ мужъ возметъ отъ жены право (требовать) отъ опекуна выдачи вѣна, которое ей назначилъ умершій мужъ и остался виноватъ; а опекунъ говоритъ: знаю о вѣнѣ этой жены и объ этомъ долгѣ, и объявлю предъ судомъ и гдѣ имѣетъ (нужно), но я не знаю: будетъ ли это по закону (maly tho miecz sprawa) дать ей это вѣно съ имѣнія этихъ дѣтей, потому-что ей это не назначено предъ судомъ, и эти дѣти документъ имѣютъ, что они суть ближайшіе къ принятію этого, присягнутъ одною рукою, что ихъ отецъ ничего не назначилъ ихъ начихъ, и эти дѣти не имѣютъ совершеннолѣтія представитъ дѣло ихъ отца или не представлять, а этотъ опекунъ долженъ отдать вѣно этихъ дѣтей безъ права» и т. д.

nował gych maczerzy, y thesz dzeczy lyat nyemayą gych otcza dzało wysnawacz, albo nyewysnawacz acz yusz then opyekadlnyk ma mocz y muszy od tych dzeczy wyano dacz exsprawa i t. d.

5. ИЗЪ ПѢСНИ О ВИКЛЕФѢ. [1].

I.

Lachowie niemczowie,
fscticzy jazykowie,
watpiczeli w mowie,
y fschego pisma slowie,
Wikleph prawda powie.

II.

Gemuzz nie równego,
mistrza poganyskiego
y krzeszczianskiego,
ani badze wiaczszego,
asz do dnia sadnego.

III.

Kto ćhce tego dowyeścz,
ta gt o niem powieszcz,
kto k niemu przystapi,
y w gego droga wstapi,
nigdy z niéj niestapi.

---

[1] *Переводъ.* «I. Ляхи, Нѣмцы, всѣ народы, скептики въ рѣчи и въ словахъ всего написаннаго, Виклефъ правду скажетъ.

II. «Ему равнаго учителя, языческаго и христіанскаго, ни болѣе вящшаго, (не было) и до суднаго дня.»

III. «Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, такой о немъ разсказъ (существуетъ), кто къ нему приступитъ и послѣдуетъ за нимъ, никогда не сойдетъ изъ этой дороги.»

IV.

Od boskich rozumów,
asz do lyuczkich umów,
rzeczy pospolite,
wyele madrczom zacrite,
uczynił odcrite i t. d.[1]

6. ИЗЪ ПѢСНИ О УБІЕНІИ АНДРЕЯ ТЕНЧИНСКАГО.[1]

A yaczy tho sly ludze,
myesczanye Cracoviane,
żeby pana swego
Wyelkiego chorągyewnego,
zabylyszcze chlopy,
Andrzeja Thenczynskiego, i t. d.

Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что польскій языкъ XV в. въ борьбѣ съ необходимостью устроить свое правописаніе, хотя и не имѣлъ словъ въ изобиліи, тѣмъ не менѣе представлялъ уже готовый къ обработкѣ матеріялъ, и не имѣлъ нужды заимствовать оныя изъ языка чужаго, по крайней мѣрѣ—иноплеменнаго, каковъ былъ латинскій. Первоначальная польская рѣчь, развиваясь рядомъ съ латинскою, не слишкомъ пропиталась латинизмомъ; языкъ чешскій прежде гусситскихъ войнъ и послѣ оныхъ оказывалъ, впрочемъ, сильнѣйшее вліяніе на строй и обороты польскаго языка. Дѣйствительно, были у насъ отдѣльныя слова не только

IV. «Отъ божескихъ разумовъ и до умовъ человѣческихъ обыкновенные предметы, не разгаданные мудрецами, онъ сдѣлалъ открытыми» и т. д.

[1] *Переводъ* «А нѣкіе же злые люди, горожане Кракова, чтобы господина своего великаго хорунжаго, холопы, убивать Андрея Тенчинскаго» и т. д.

латинскія, но и нѣмецкія, татарскія, греческія и другія. Какой же языкъ можетъ обойтись безъ подобнаго заимствованія? какой языкъ могъ укрыться отъ вліянія посторонняго? Но нашъ языкъ въ концѣ XV в., чистый, гибкій, способный принимать изящныя украшенія, дождался наконецъ того времени, когда общая необходимость настоятельно стала требовать большей его обработки и письменнаго усовершенствованія. Сыновья Казиміра Ягеллона, изъ дѣтства употребляя отечественный языкъ, ввели оный и при дворѣ на мѣсто языка латинскаго и нѣмецкаго. Знаменитые умы государства, Остророгъ, Оржеховскій, Фрычъ Модржевскій, Андрей изъ Кобылина, ставили въ укоръ Полякамъ то, что они изгоняютъ отечественный языкъ изъ богослуженія и судебныхъ мѣстъ; Флоръ Унглеръ, извѣстный типографщикъ, такъ говоритъ къ Полякамъ: «Вамъ извѣстно, что «языкъ вашъ, столь славный, столь древній, столь богатый, «пришелъ въ пренебреженіе и, вѣроятно, чрезъ вліяніе «чужаго народа почти въ упадокъ у своихъ людей, и только «въ настоящее время и по волѣ Божіей приближается къ «первоначальной славѣ и достоинству». Тотъ же Унглеръ началъ печатать польскія книги; Гербуртъ перевелъ статуты на польскій языкъ; Сигизмундъ I дозволилъ употреблять его въ судебныхъ опредѣленіяхъ; Сигизмундъ Августъ сдѣлалъ его исключительнымъ языкомъ оффиціальнымъ; Рей, Кохановскій, Трепка, Бѣлскій, Любенчикъ, католическіе и протестантскіе богословы начали описьменять его и усовершенствовать.

Но латинскій алфавитъ, искони принятый для написанія польскихъ словъ представлялъ много трудностей въ выраженіи на бумагѣ звуковъ свойственныхъ языку польскому, которыхъ не доставало въ языкѣ латинскомъ. Какъ напр. выразить на бумагѣ носовыя звуки: ą (он), ę (ен)? Какъ

выразить звуки твердаго c и мягкое ć? Какъ написать звуки: cz (ч), sz (ш), szcz (щ)? Нужно ли, и въ какомъ мѣстѣ, употреблять c вмѣсто k по образцу латинскому? принять ли звукъ k во всѣхъ польскихъ словахъ? вездѣ ли по образцу латинскому и греческому возлѣ буквы t (т) писать h (ѳ)? гдѣ употреблять i вмѣсто j или y? что нужно для того, чтобы звукъ гласный сдѣлать твердымъ, мягкимъ, сжатымъ, или открытымъ? и т. д. Такія-то встрѣчались сомнѣнія въ XVI и даже въ XVII в., сомнѣнія которыхъ ученые никакъ не могли разрѣшить.

Изъ сейчасъ приведенныхъ нами примѣровъ польскаго правописанія XV в., мы видимъ, что въ неусовершенствованномъ польскомъ правописаніи тѣ буквы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, были употребляемы различнымъ образомъ. Чтобы читатели, менѣе знакомые съ старопольскимъ языкомъ, не дѣлали ложныхъ предположеній о тогдашнемъ произношепіи словъ, мы считаемъ нужнымъ сказать, что произношеніе въ польскомъ языкѣ всегда почти было одно и тоже, исключая удареній на словахъ и нѣсколькихъ словъ, заимствованныхъ изъ чешскаго языка, такъ что если писали oglądacz вмѣсто oglądać, то послѣдняя буква z показывала только смягченіе предыдущей, что теперь показываетъ точка надъ буквою или ь употребляемый въ русскомъ языкѣ. Въ XV и XVI в. буква z послѣ согласной никогда не выговаривалась, а только показывала смягченіе предыдущей; писали: goszcz, całoszcz, а произносили: gość, całość и т. д. Буква i у нѣкоторыхъ не была въ употребленіи; слова: imie, mieszczanin, inny, писали: gymye, myeszczanyn, gyny и т. д.; чтобы получить звукъ sz писали ss, напр. prossę (proszę), nass (nasz); или по нѣмецки sch, напр. usłyschawschi (usłyszawszy). Вмѣсто носоваго ę писали ań или даже гласную по образцу греческ. ǫ; вмѣ-

ста ą о перечеркнутое. Привыкнувъ къ нынѣшнему правописанію простому и дѣльному, мы едва можемъ вѣрить, что нужно было учиться произношенію звуковъ, что не такъ читали, какъ писали.

Разсмотримъ цѣлый рядъ польскихъ грамматиковъ и обратимъ вниманіе на правописаніе, данное каждымъ изъ нихъ.

Первымъ грамматикомъ по времени въ Польшѣ былъ краковскій академикъ *Яковъ Паркошъ изъ Журавицы*, который въ своемъ сочиненіи: О правописаніи Поляковъ (de orthographia polonica), изданномъ въ половинѣ XV в., изложилъ свои правила. Сочиненіе Паркоша и заключающіяся тамъ правила служатъ доказательствомъ того, на сколько тогдашній польскій языкъ былъ пропитанъ чешскимъ и нѣмецкимъ. Правописаніе Паркоша соотвѣтствуетъ тѣмъ примѣрамъ, которые мы изложили выше. Особенность Паркоша состоитъ въ писаніи гласныхъ буквъ отдѣльно и вдвойнѣ (sowito); слова: Adam, uczynił, kamień, kur онъ пишетъ: Adaam, uczijnijł, kameen, kuur и т. д. Это заставляетъ насъ предполагать, что удареніе на словахъ могло быть иное въ тогдашнемъ языкѣ и подходило, быть можетъ, ближе къ чешскому.

Послѣ Паркоша, *Станиславъ Заборовскій*, бывшій сначала воиномъ, потомъ священникомъ, юристомъ и наконецъ казначеемъ Сигизмунда I, къ книгѣ, вышедшей въ 1519 г. въ Краковѣ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Начала грамматики* (Gramatices Rudimenta), присовокупилъ правописаніе или способъ правильно читать и писать по-польски (Orthographia seu modus recte scribendi et legendi polonicum idioma). Это сочиненіе предлагаетъ самыя простыя и соотвѣтственныя правила польскаго правописанія, и было въ употребленіи въ свое время, что̀ доказываютъ шесть изданій его книги до 1564 г.

Въ правописаніи Заборовскаго особенно обращаютъ на себя вниманіе точки и черточки, которыя онъ ставитъ надъ буквами. Двѣ точки, поставленныя надъ буквою, означаютъ мягкое ея произношеніе, ń значитъ ni, d′ означаетъ dź, c, r, s съ точками выражаютъ звуки cz, rz, sz.

Послѣ него, *Іоанна Секлуціяна* лютеранинъ, о которомъ въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ пространнѣе, въ Новомъ Завѣтѣ, имъ переведенномъ, употребилъ правописаніе, въ которомъ онъ ставитъ черточки надъ гласными буквами. Правописаніе Секлуціяна несравнено проще другихъ образцовъ, представленныхъ нами выше; но какъ произведеніе протестанта, будучи заключено въ *еретическомъ* переводѣ Св. Писанія, оно не могло войти во всеобщее употребленіе. Послѣ Секлуціяна, вышло еще два изданія книги Заборовскаго, которая въ свою очередь должна была уступить мѣсто сочиненію *Петра Статорія Стоенскаго,* которое было издано въ 1568 г. Матѳеемъ Вѣржбѣнтою.

Эта книга подъ заглавіемъ: *Начертаніе польской грамматики* (Polonicae grammaticae institutio), удивляетъ насъ во 1-хъ тѣмъ, что она первая грамматика, основательно представляющая духъ языка, а во 2-хъ тѣмъ, что аріанинъ Статорій былъ Французъ изъ Міонвилля, ученикъ Теодора Беха, прибывшій уже на старости въ Польшу, гдѣ онъ и былъ сдѣланъ ректоромъ аріанскаго училища въ Пинчовѣ.

Въ то время, когда правописаніе Заборовскаго, Секлуціяна и грамматика Статорія систематизировали польскій языкъ, когда Іоаннъ Кохановскій, Гурницкій, Іоаннъ Андрысовичъ, Янушовскій, а также типографіи Унглера, Вѣтора, Шарфенбергеровъ начали установлять правописаніе польскаго языка, знаменитый Станиславъ Оржеховскій нашелъ его недостаточнымъ и смѣло совѣтовалъ въ своемъ письмѣ къ Янушевскому измѣнить его. Онъ ставилъ въ примѣръ

буквы славянскія (болгорскія) ц, ш, щ, и не совѣтовалъ въ польскихъ звукахъ ставить z возлѣ c, потому-что стеченіе этихъ звуковъ представлялось ему не согласнымъ съ ихъ природою. Самъ Оржеховскій для звука sz и ż употреблялъ sch изъ нѣмецкаго — по-прежнему. Не болѣе удачное, но всегда колеблющееся въ употребленіи гласныхъ правописаніе Кохановскаго; Рей не ясно отличалъ носовые звуки ą и ę; другіе писатели встрѣчали другія сомнѣнія и иначе ихъ разрѣшали. Бо́льшая или меньшая музыкальность слуха, большее или меньшее развитіе вкуса, привычка, предразсудки, наконецъ ничѣмъ необъяснимое фантазированіе имѣли вліяніе на разнообразіе нашей письменной рѣчи.

Кромѣ упомянутыхъ выше ученыхъ, надъ польскимъ языкомъ трудились: Мартинъ Квятковскій, авторъ книги: *О обширномъ употребленіи и великой пользѣ славянскаго языка* (De latissimo usu, et maxima utilitate linguae slavonicae. Regiomonti 1569); Іоаннъ Янушовскій, сынъ Лазаря Андрысовича типографа, котораго брошюра: *Новый почеркъ польскій* (Nowy charakter polski), имѣла великое вліяніе на усовершенствованіе правописанія; Іоаннъ Тухольчикъ, Іоаннъ Мончинскій, составитель латинско-польскаго словаря (1564 г.); Амвросій Калепинъ, составитель словаря одиннадцати языковъ, между которыми былъ и польскій (въ Базелѣ); Петръ Лодореккеръ, Чехъ, авторъ словаря семи языковъ, похожаго на первый, и мн. друг. Но особенно замѣчательны труды Саломона Рысиньскаго и Григорія Кнапскаго, о которыхъ будетъ упомянуто въ слѣдующей эпохѣ, такъ какъ они туда относятся.

Рядомъ съ польскимъ языкомъ, развивались и увеличивались познанія въ языкѣ латинскомъ, который, какъ мы уже сказали, былъ почти варварскимъ въ XV в. не только у насъ, но и вездѣ съ Евромѣ, не смотря на то, что на равнѣ

съ мѣстнымъ языкомъ имѣлъ право гражданства. Умы, занятые богословіемъ и схоластическою философіей, не только равнодушно глядѣли на истинные источники чистаго латинскаго языка, но даже вошло въ обычай у философовъ намѣренно пренебрегать изящнымъ изложеніемъ классиковъ, а съ другой стороны приверженцы римской литературы гнушались философіей. Но наконецъ время господства философіи Аристотеля стало проходить, современныя задачи начали ближе сливаться съ жизнью, религіозные вопросы въ Германіи заступили мѣсто академическихъ споровъ, въ Италіи припомнили ученую славу древняго Рима и стали отряхивать пыль, покрывавшую забытыхъ языческихъ писателей. Тамъ, во Флоренціи, древняя литература, поддерживаемая мощнымъ покровительствомъ Медичисовъ, стала развиваться въ школѣ Хризолюра; въ Римѣ, папа Николай V (род. 1339 † 1455), преданный наукѣ и не чуждый всѣхъ ея отраслей, первый началъ вводить сочиненія классиковъ во всеобщее употребленіе и приказалъ перевести всѣхъ греческихъ писателей на языкъ латинскій; въ Венеціи, три поколѣнія изъ рода Альдо Мануціо въ богатыхъ изданіяхъ печатали всѣ сочиненія древнихъ классиковъ. Да и кому же по истинѣ, какъ не прекрасной землѣ Авзоніи прилично было подать первый примѣръ улучшенія вкуса, который вслѣдъ затѣмъ началъ усовершаться и во всей Европѣ, имѣя въ литературѣ древнихъ прекрасный образецъ изящнаго? Латинскій языкъ Цицерона и Горація заступилъ мѣсто средне-вѣковаго языка, который, будучи измѣненъ въ своемъ построеніи, въ стѣнахъ Академій и въ устахъ народа исказился до невѣроятія.

При постоянныхъ сношеніяхъ Поляковъ съ Италіею, какъ религіозныхъ, такъ научныхъ и политическихъ, наконецъ и къ намъ перешли сочиненія классиковъ греческихъ

и римскихъ. Уже въ первой половинѣ XV в., Длугошъ, Дубровка, Яковъ изъ Сѣнны и другіе стали привозить въ Краковъ сочиненія классиковъ и мало-по-малу преподавать ихъ въ Академіи. Григорій изъ Санока пріобрѣлъ великую славу объясненіемъ Буколикъ Виргилія. Много образованныхъ иностранцевъ, какъ-то: Каллимахъ, Конрадъ Цельтъ, знатоки латинскаго языка и писатели въ эпоху его процвѣтанія, собирались въ Краковѣ, увлеченные славою и значеніемъ Польши, и давали новое направленіе наукамъ. Рудольфъ Агрикола горько жаловался на школьный латинскій языкъ, такъ отличный отъ чистаго римскаго. Сигизмундъ и Баторій благопріятствовали классической литературѣ; ее поддерживали Кржицкій, Шидловѣцкій, Томицкій; славились въ ней Самуилъ Мацѣевскій, Тарновскій, Замойскій. Академія Краковская оставалась еще при своей схоластической мудрости, но конецъ ея уже наступалъ. Венедиктъ изъ Козьмина такъ выразился о сочиненіяхъ схоластиковъ: «Пусть они спятъ сномъ вѣчнымъ.» Яковъ Горскій въ 1579 г., исполнявшій должность канцлера Академіи, рѣшительно ввелъ классиковъ, греческихъ и римскихъ, на мѣсто Аристотеля и вызвалъ къ нимъ всеобщую любовь. Цицеронъ особенно сдѣлался предметомъ изслѣдованія ревностныхъ ученыхъ: Горскій, Гербертъ, Нидецкій, Марицкій, Уяздовскій, Гомеръ изъ Стенжицы писали комментаріи на его сочиненія, объясняли на каѳедрахъ, переводили на польскій языкъ. Другіе исправляли старыя грамматики на языкъ болѣе чистый, переводили съ греческаго риторики или теоретическія правила краснорѣчія. Францъ Мимеръ, съ 1530 по 1543 г., выпустилъ три изданія Плавта; Галлеръ и Вѣторъ печатали Горація, Антоній Мела—Овидія въ 1529 г., Венедиктъ изъ Козьмина—Фарсалію Лукана въ 1533 г., Шарфенбергеръ—Клаудіана и т. д., словомъ ска-

зать—наступила эпоха возрожденія ученыхъ понятій. Хотя литература древнихъ не составляла еще всѣхъ условій прогресса, однако одна уже любовь къ классикамъ, заступившая мѣсто схоластической темноты послѣ многихъ вѣковъ, свидѣтельствовала объ успѣхѣ, тѣмъ болѣе, что добрыми примѣрами безспорно образовывала вкусъ Поляковъ. Впрочемъ, не столько грамматики, риторики и всѣ произведенія классиковъ оказали вліяніе на усовершенствованіе польскаго и латинскаго языковъ, сколько условія политическаго быта Польши. Судебныя, религіозныя и домашнія потребности вызвали къ письменности польскій языкъ, который показалъ все свое изящество подъ перомъ Реевъ, Кохановскихъ, Гурницкихъ, Скарговъ. Заграничныя посольства, соборы базельскій, констанскій, тридентскій, на которыхъ такъ прославились наши соотечественники, корреспонденціи, выходившія за границу изъ канцелярій Сигизмундовъ и Баторія, совѣщанія съ иностранными послами,—все это усовершенствовало языкъ латинскій въ устахъ Мацѣевскихъ, Паднѣвскихъ, Гозіевъ, Кромеровъ, подъ перомъ Оржеховскихъ, Дантышковъ, Яницкихъ, Варшевицкихъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что латинскій языкъ оказалъ вредное вліяніе на литературу, заглушилъ языкъ отечественный, должны основательнѣе прослѣдить исторію латинскаго языка въ Польшѣ. Возраженіе ихъ, справедливое въ отношеніи къ латинской литературѣ эпохи іезуитовъ, представляется смѣшнымъ, когда навязываютъ оное латинской литературѣ эпохи Ягеллоновъ, въ которую не корпѣли надъ мертвымъ языкомъ по-школьнически, но, здравымъ смысломъ прослѣдивши духъ латинскаго языка, употребляли его въ высшихъ европейскихъ сношеніяхъ. Вмѣсто блѣднаго и приторнаго подражанія, создали домашнюю польско-латинскую литературу,—это необходимое продолженіе литературы отече-

ственной, эту истинную дочь отечественной мысли, облеченной въ европейскую одежду. Въ училищахъ ученые разрабатывали древніе языки; быть можетъ, въ ихъ разработкѣ и было нѣсколько педантической напыщенности, но употребляя литинскій языкъ въ политикѣ, религіи и литературѣ, польскіе мужи имѣли въ виду болѣе, чѣмъ одинъ языкъ латинскій. Философія, религіозная полемика и общественная жизнь Поляковъ научили ихъ размышлять, а мыслящему народу недостаточно было одной игры латинскими словами, которая несравненно позже, именно въ эпоху высшаго іезуитизма, пришла въ болѣе плачевное состояніе дикости, чѣмъ во времена варварства среднихъ вѣковъ. Оржеховскій не писалъ комментаріевъ на сочиненія Цицерона и Демосѳена, но самъ, по мнѣнію современниковъ, былъ Цицерономъ польскимъ и латинскимъ Демосѳеномъ. Яницкій прославился не сѣтованіемъ надъ элегіями Назона или Тибулла, но собственными въ этомъ родѣ произведеніями, которыя могли соперничать не съ однимъ древнимъ образцемъ. Повторимъ вкратцѣ: польско-латинская литература въ нашу эпоху была выраженіемъ высшихъ мыслей, писанныхъ по большой части для всей Европы; литература польская была истолковательницей мыслей, назначенныхъ для домашняго круга; та и другая въ нашу эпоху начали усовершенствоваться и ясно выражать успѣхъ народнаго благосостоянія, просвѣщенія, могущества и славы.

Если латинскій языкъ, слившійся съ домашнею жизнью Поляковъ, сдѣлался для нихъ какъ бы другимъ языкомъ отечественнымъ, то, съ другой стороны, и языкъ греческій, разрабатываемый въ предметахъ научныхъ и религіозныхъ, имѣлъ въ Польшѣ не мало любителей. Знаніе его, не столь распространенное какъ знаніе языка латинскаго въ первой половинѣ XVI вѣка, вошло въ курсъ училищнаго препода-

ванія сначала въ протестантскихъ училищахъ, а потомъ и въ католическихъ. Изъ языка греческаго усвоены лучшія правила краснорѣчія; съ помощью греческаго языка повѣряли тексты библіи; греческій языкъ имѣлъ вліяніе на усовершенствованіе нашихъ поэтовъ и придалъ ихъ произведеніямъ свѣжесть, энергію, которой особенно недоставало въ подражательной литературѣ древне-римской. Прежде, однакожь, чѣмъ можно было непосредственно пользоваться одною изъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ и самодѣятельною литературою греческою, предразсудки всей Европы препятствовали знакомиться съ нею. Когда не-католическія начала стали распространяться и повѣрять могущество и знакомство Рима съ Св. Писаніемъ, духовенство, опасаясь, чтобъ знаніе языковъ, на которыхъ писано было Св. Писаніе, не ослабило вѣры въ Вульгату (библію, переведенную на латинскій языкъ бл. Іеронимомъ для всеобщаго употребленія католиковъ), начало препятствовать изученію языковъ греческаго и еврейскаго. Въ 1530 г., правовѣрный Парижскій университетъ призвалъ въ парламентъ профессора упомянутыхъ языковъ за объясненіе Св. Писанія. Въ тоже время одинъ нѣмецкій монахъ сказалъ: «появился теперь «*новый*(?) языкъ, который называютъ греческимъ; онъ про«изводитъ всѣ ереси. Я примѣчаю въ рукахъ многихъ лицъ «книгу, писанную на этомъ языкѣ; говорятъ: это Новый За«вѣтъ. Это—книга, наполненная терніемъ и ядомъ. Что же «касается еврейскаго языка, то тѣ, которые изучаютъ его, «вскорѣ сдѣлаются Евреями». Въ Италіи и даже въ столицѣ католицизма — Римѣ не придерживались однакожь этихъ мнѣній, истинно варварскихъ, такъ какъ мы уже сказали, что папы, Медичи, Альды и Академіи много содѣйствовали къ изученію древнихъ литературъ. Польша, находясь въ сношеніяхъ съ католическимъ Римомъ и протестантскою Германіею,

была съ этихъ двухъ сторонъ побуждаема къ изученію греческаго языка. Однакожь, и у насъ духовенство съ неудовольствіемъ смотрѣло на распространявшееся изученіе этого языка. Въ первые годы XVI в. возвратился изъ Кёльна въ Краковъ членъ Академіи *Георгій Либанъ изъ Лигница* и началъ преподавать греческую литературу. Товарищи его академики-фанатики, о которыхъ самъ Либанъ говоритъ, что они прокляли бы того, кто сталъ бы читать часы (odmawiać godzinki) на греческомъ языкѣ, обвинили его въ ереси предъ судомъ краковскаго епископа, которымъ въ то время былъ знаменитый Петръ Томицкій, ревностный разпространитель древней литературы въ Краковѣ. Напрасно Томицкій и его тогдашній секретарь Станиславъ Гозій, а также сильные Бонары защищали почтеннаго эллениста: несчастный Либанъ, этотъ мученикъ фанатизма въ дѣлѣ науки, сознавая, что неблагоразумно бороться съ духомъ своего времени (non est sapientis cum suo saeculo pugnare), изключенный изъ числа академиковъ, едва могъ получить прежнее мѣсто въ училищѣ Пресвятой Богородицы. Но вскорѣ наступила перемѣна во мнѣніяхъ касательно древнихъ языковъ: католическое духовенство почувствовало, что для успѣшной борьбы съ протестантами ему необходимо знать языки греческій и еврейскій, потому-что протестанты, основательно зная эти языки, постоянно ссылались на подлинникъ Св. Писанія. Прежняя честь знатоковъ греческаго языка была возстановлена; а Либанъ, опять получивши прежнюю каѳедру въ Академіи, открылъ въ 1528 г. свои лекціи объясненіемъ *Картины Цебеса Ѳиванскаго* (Cebetis Thebani tabula). Чтобъ облегчить слушателямъ изученіе греческаго языка, онъ издалъ: *Пророчество Сивиллы Эритрейской объ І. Христѣ* (въ 1528 г. типогр. Флора Унглера) съ присовокупленіемъ при всякомъ стихѣ соотвѣтственнаго мѣ-

ста изъ библейскихъ пророчествъ. Такой выборъ, кажется намъ, былъ сдѣланъ нарочно для того, чтобы показать на дѣлѣ, сколь безвредна греческая литература въ религіозномъ отношеніи. Какъ бы то ни было, только сочиненіе Либана, перво-печатное въ Краковѣ на греческомъ языкѣ, послужило сигналомъ къ усердному занятію языкомъ греческимъ. Академисты,-ученики Либана, протестанты, молодые воспитанники изъ заграничныхъ университетовъ, духовенство, книгопродавцы—всѣ начали писать по-гречески, стали издавать, объяснять, переводить на языки польскій и латинскій произведенія греческихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ и отцевъ Греческой церкви. По смерти Либана, Петръ Illicinus, Василій Голинскій, Іоаннъ Cavacius Грекъ съ острова Хіоса, отечества Гомера, поочередно занимали каѳедру греческой литературы въ Краковѣ, а образованное юношество, занимаясь языкомъ греческимъ, пріобрѣло извѣстность не только въ отечествѣ, но и въ Европѣ. Міръ обязанъ Полякамъ переводомъ съ греческаго языка на латинскій множества произведеній; отечество обязано усвоеніемъ польскому языку многихъ прекрасныхъ сочиненій. Объ этихъ трудахъ мы скажемъ въ послѣдствіи, говоря о польской литературѣ; здѣсь же довольно обстоятельно исчислимъ греческія сочиненія, которыя были переведены на языкъ латинскій трудами нашихъ соотечественниковъ.

Яковъ Пржилускій перевелъ на латинскій языкъ *Иліаду и Одиссею* Гомера, какъ утверждаютъ современники; *Батрахоміомахію*, комическую поэму Гомера,—(война мышей и лягушекъ)—на латинскомъ языкѣ издалъ *Іоахимъ Vadianus* (1522 г. типог. Вѣтора); Николай de Valle переводилъ поэмы *Гезіода* (типог. Гохфедера 1505 г.); Мартинъ Кромеръ въ молодости занимался переводомъ на латинскій языкъ

такъ-называемыхъ *Золотыхъ стиховъ* Пиѳагора (типог. Шарфенбергера 1536 г.), также поэмъ Фокилида и пословицъ Ѳеогнида (типог. Вѣтора того же года); *Станиславъ Варшевицкій* перевелъ *Эѳіопику* или Любовь Ѳеогена и Хариклеи — романъ Иліодора (въ Базелѣ, типог. Опорины 1552 г.); знаменитый астрономъ Николай *Коперникъ*, тогда еще ученикъ Академіи Краковской, издалъ у Галлера (1504) письма *Ѳеофилакта* Схоластика, переведенныя имъ съ греческаго языка на латинскій; Іоаннъ Кохановскій извѣстенъ переводомъ на латинскій языкъ поэмы Арата: *Феномены* (типог. Пѣтрковчика 1579 г.). Это сочиненіе въ древности перевелъ съ греческаго языка на латинскій Цицеронъ, царь римскихъ ораторовъ. *Іосифъ Струсь* занимался переводомъ сочиненій поэтовъ и астрономовъ греческихъ; въ числѣ прочихъ онъ переводилъ и комментировалъ Лукіана.

Не только мнѣнія философовъ, но и пѣсни греческихъ поэтовъ были переводимы въ Польшѣ на языкъ латинскій; рядомъ съ ними знаменитые ораторы и историки Эллады, не чуждые народу республиканскому, ознаменованному подвигами достойными описанія, также имѣли у насъ своихъ переводчиковъ. Рѣчи Демосѳена: *о Мирѣ* и *за свободу Родосцевъ*, перевелъ на латинскій языкъ и издалъ, первую въ типог. Унглера 1546 г., вторую въ типог. Шарфенбергера 1547 г., *Симеонъ Марицкій*, правовѣдъ и профессоръ Краковской Академіи. Прежде него, и еще лучше, были переведены эти же рѣчи на латинскій языкъ *Антоніемъ Мелою*, эмигрантомъ нѣмецкимъ. Четыре *Филиппики* и нѣсколько другихъ рѣчей Демосѳена были переведены Кржиштофомъ Гагендорфиномъ, уроженцемъ лейпцигскимъ, который былъ профессоромъ училища любранскаго въ Познани. Обвиняемый въ лютеранизмѣ и приверженности къ греческому языку Григоріемъ изъ Шамотуля, Кржиштофъ принужденъ былъ возвратиться въ Лейп-

цигъ. Кромѣ того, Гагендорфинъ перевелъ: *Ареопагиту*, сочиненійце оратора *Исократа*. Францъ *Мимеръ*, вмѣстѣ съ своимъ переводомъ *Dicteria Laconica*, издалъ Плутарха (типог. Вѣтора 1542 г.); *Францъ Масловскій* прекрасно перевелъ сочиненія Димитрія Фалерійскаго — *о Выраженіи* (de elocutione), которое, по незнанію, было переведено во второй разъ на языкъ латинскій пріятелемъ Масловскаго молодымъ Станиславомъ Иловскимъ (1554 г.), переводчикомъ на латинскій языкъ произведеній Діонисія Галикарнасскаго, изданныхъ въ Парижѣ. Тотъ же Иловскій, проводя большую часть своей жизни за границею въ Парижѣ, Падуѣ, Болоньи, переводилъ на римскій языкъ творенія св. отцевъ греческой церкви, такъ-то: *Слово Синезея*, епископа III в. по Р. Х. произнесенное императору Аркадію, *о Добромъ управленіи государствомъ* (Венеція 1523 г.); *Слова Василія В.* IV т. (Венеція 1545 г.). Въ собраніи переводовъ Иловскаго замѣтили, что въ сочиненіяхъ Димитрія Фалерійскаго и Діонисія Галикарнасскаго онъ позволялъ себѣ добровольныя пропуски и отступленія и что не вездѣ хорошо понималъ мысль сочинителя; переводы св. отцевъ, хотя и болѣе вѣрные, но не ясные.

Позднѣйшихъ отцевъ греческой церкви переводили съ греческаго языка на латинскій: Іоаннъ Гродецкій, каноникъ варминскій, перевелъ *Катихизисъ Кирилла Іерусалимскаго*, пользуясь древнимъ переводомъ болгаро-славянскимъ (въ Вѣнѣ 1540 г.); Станиславъ Гозій — *Слово св. Іоанна Златоустаго о добромъ законникѣ*; Кромеръ — Слова: *о богатствѣ и бѣдности* (1541), *о чести храму Божію и Таинствамъ* (1541), *объ обвяденіи и пьянствѣ* (1541), *о смиреніи духа, о супружествѣ* (1545) и два другихъ — его же: *Наставленія и правила жизни* св. Григорія Назіанзина переводилъ *Іоаннъ Новицкій* (1578); двѣ поэмы ре-

лигіозные его же переведены Станиславомъ *Гржебскимъ* и т. д.

Съ другой стороны, академикъ Николай Журавскій перевелъ съ латинскаго языка на греческій рѣчи Цицерона и самъ писалъ рѣчи на греческомъ языкѣ; Кромеръ, Кохановскій, Андрей Тржецѣвскій, Пржилускій и многіе другіе писали греческіе стихи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать отчета нашимъ читателямъ объ этихъ трудахъ соотечественниковъ, такъ какъ мы не свѣдущи въ греческомъ языкѣ.

Изъ этого краткаго очерка видимъ, что языки и литературы древнія, прекрасно обработываемыя въ Польшѣ въ царствованіе Ягеллоновъ и Баторія, болѣе способствовали, чѣмъ вредили нашей литературѣ. Языкъ нашъ, не опасаясь перерожденія отъ вліянія древнихъ языковъ, постоянно усовершался по образцамъ Гомера, Демосѳена, Цицерона и Виргилія. Изъ римской литературы мы выучились изящно выражаться, изъ греческой мы заимствовали силу и энергію слова. Гибкая, всемощная польская рѣчь сдѣлалась пріятною и сильною (укажемъ только на Кохановскаго и Скаргу) отъ вліянія языковъ латинскаго и греческаго. Нужны были іезуитскій вкусъ и темнота послѣдующихъ эпохъ для того, чтобы неослабное соревнованіе польской литературы съ древнею перемѣнить на глупое подражаніе.

V. ПОЭЗІЯ ПОЛЬСКАЯ И ЛАТИНСКАЯ.

ВЗГЛЯДЪ АВТОРА НА СВОЙ ПРЕДМЕТЪ. — ПОЭТЫ ЛАТИНСКІЕ И ПОЛЬСКІЕ. — ПРОИЗВЕДЕНІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ. — ПОЛЬСКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ. — ОБЩІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Мы посвятили всю предыдущую главу исторіи образованія языковъ польскаго и латинскаго съ тою именно цѣлью, чтобы теперь намъ свободнѣе можно было слѣдить за развитіемъ польской мысли, независимо отъ латинской и польской формы, въ которой она проявлялась. Мы доказали потребность и необходимость у насъ языка латинскаго для того, чтобы оправдать Поляковъ, писавшихъ по-латини, чтобы показать, что ихъ сочиненія безспорно составляютъ собственность нашей литературы, служатъ ея продолженіемъ, котораго никакъ нельзя исключить изъ исторіи нашей литературы.

Въ слѣдъ затѣмъ, приступая къ исторіи польской поэзіи, мы долгомъ своимъ считаемъ объяснить нашъ взглядъ на этотъ предметъ. По-очередно обращая вниманіе читателя на всѣ важнѣйшія произведенія отечественной поэзіи какъ польской, такъ и латинской, мы вовсе не намѣрены дѣлать какое-нибудь различіе между обоими языками, потому-что поэзія польская и польско-латинская — это двѣ родныя сестры, это не есть что-либо разнородное, напротивъ обѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, точно такъ, какъ двѣ стороны составляютъ одну и ту же медаль. Изящный и обработанный языкъ латинскій въ польской поэзіи этого рода представлялъ свободный просторъ самой возвышенной мысли; въ поэзіи польской наряду съ развитіемъ мысли мы съ удовольствіемъ замѣчаемъ утѣшительное образованіе роднаго нашего слова. Въ латинской мы болѣе взыскательны: не

довольствуясь красотою мысли, мы требуемъ еще изящества въ языкѣ; въ польской сужденіе наше по необходимости становится снисходительнѣе, при взвѣшаніи тѣхъ трудностей въ языкѣ, съ которыми долженъ былъ бороться творческій духъ поэта.

Итакъ мы будемъ перечислять польскихъ и латинскихъ поэтовъ нашихъ, останавливаясь надъ мыслью и душею ихъ произведеній, независимо отъ ихъ языка.

Но для того, чтобы не унижать священнаго имени поэзіи перечисленіемъ тѣхъ произведеній, которыя не всегда заслуживаютъ этого имени, а также для того, чтобы снять проклятіе, которое такъ несправедливо тяготѣетъ надъ латинско-польскими поэтами, прибавимъ еще нѣсколько словъ.

Въ тѣ времена, о которыхъ мы теперь говоримъ, при той многотрудной жизни и дѣятельномъ участіи Поляковъ въ дѣлахъ администраціи и отечественной политики, при тѣхъ религіозныхъ спорахъ, которые поглощали собою все вниманіе умовъ высшихъ, подъ вліяніемъ то Аристотелевой философіи, то холоднаго, расчитаннаго іезуитизма, сердце съ трудомъ могло подняться въ священную область поэзіи, его чувствованія не находили для себя могучаго простора, и мы видимъ, что великіе поэты являются у насъ рѣдко, не смотря на благопріятное движеніе и развитіе умовъ. Къ тому же и латинскіе поэты наши нерѣдко заботились только о соблюденіи размѣра, о классическихъ картинахъ и миѳологическихъ сравненіяхъ, тогда какъ польскіе обращали все свое вниманіе на число слоговъ и риѳму. Древне-греческое и римское образованіе сдѣлались необходимымъ условіемъ поэзіи. Въ XV вѣкѣ правила Аристотеля, а въ XVI *піитика* Горація были поэтическимъ уложеніемъ, предписаній котораго никто не смѣлъ нарушить. Это было что-то въ родѣ литературнаго правовѣрія,—правовѣрія, выгоднаго для умовъ посредствен-

ныхъ, для которыхъ образованіе нѣкоторымъ образомъ замѣняло поэтическій талантъ. Болѣе сильные умы рѣдко и съ трудомъ могли выпутываться изъ этой классической сѣти; а блѣдная посредственность охотно въ ней погрязала, мечтая о лавровыхъ вѣнкахъ Геликона. При такихъ условіяхъ поэзія очевидно не могла быть самостоятельною; но упрекъ въ слѣпо-подражательномъ классицизмѣ простирается на произведенія польской и латинской поэзіи вмѣстѣ: таковъ уже былъ духъ вѣка. Даже лучшіе изъ нашихъ поэтовъ, какъ Шимоновичъ и Кохановскій, даже геніальные Тассъ и Комоэнсъ были напитаны классицизмомъ и добровольно подчинили его игу свои безсмертныя дарованія. Однакоже упреки были направляемы исключительно только на латинско-польскую поэзію; названіе *наборщиковъ* (klejonek) давались только симъ послѣднимъ поэтамъ. Будемъ же снисходительными къ нашимъ предкамъ XV и XVI вѣковъ, если уже въ XIX-мъ ученый Снядецкій, забывая о томъ, что источникъ поэзіи находится въ чувствованіяхъ сердца, утверждалъ съ полною силою, что только то можно назвать чисто-поэтическимъ, что согласно съ правилами поэзіи, «которыя для Французовъ предписалъ «Буало, для Поляковъ Дмуховскій, а для всѣхъ образован«ныхъ народовъ Горацій».

Итакъ, не осуждая прежнихъ, не вполнѣ удачныхъ понятій объ искусствѣ, не придавая именъ поэтовъ такимъ только геніямъ, какими были Дантъ, Шекспиръ, или Тассъ, мы должны отдать справедливость каждому, кто заслужилъ это имя или возвышенностью мысли, или изяществомъ своего слова, не обращая большаго вниманія на то, что наши поэты заимствовали, или что могли заимствовать, у древняго отжившаго міра. Такая снисходительность наша къ понятіямъ того времени ни сколько не помѣшаетъ намъ воздать достодолжное и слабой посредственности, и истинному таланту.

Впрочемъ подражательность нашихъ поэтовъ ограничивалась единственно формою; народъ, живущій умомъ и сердцемъ, не можетъ имѣть поэзіи мертвой, подражательной, заученной. Потому дальнѣйшій разсказъ нашъ дастъ намъ возможность съ національною гордостью указать не на одного истинно вдохновеннаго поэта, не на одно безсмертное произведеніе искусства, какъ на польскомъ, такъ и на латинскомъ языкахъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, за которыя да извинятъ насъ наши читатели, бросимъ взоръ на поэзію въ вѣка Ягеллоновъ, исчислимъ знаменитѣйшихъ писателей того времени и ихъ произведенія. Въ эпоху Пястовъ мы остановились на пѣсни объ Альбрехтѣ, краковскомъ войтѣ, на гимнахъ Лодзя и Витовскаго, такъ какъ все остальное истреблено временемъ, пожарами и самою древностью.

Мы и не знаемъ ни какихъ произведеній польской поэзіи до конца самого XIV вѣка. Царствованіе Владислава Ягеллы и его побѣда подъ Гринвальдомъ въ 1410 г. снова пробудили народную поэзію. Польскую объ этомъ пѣснь подъ заглавіемъ: Pieśn o porasce proskiei kthora szię sstała za Krolia Jagiełła Władizława (Пѣснь о пораженіи Пруссовъ въ царствованіе Ягеллы Владислава), происхожденіе которой безспорно принадлежитъ къ XVI вѣку, открылъ Гр. Ржычевскій, а П. Войцицкій внесъ ее въ свою Исторію Литературы (т. I. стр. 78). Вотъ нѣкоторые изъ нея отрывки:

(правописаніе современное). [1]

«We wtorków dzień Apostolski,
Rzekł marszałek królów Polski,

---

[1] *Переводъ.* «Во вторникъ день апостольскій —маршалъ войскъ польскихъ сказалъ:—«надъ нами тяготѣетъ великій народъ,—нужно молиться,

«Wielki to jest lud nad nami,
«Trzeba by był Pan Bóg z nami».
Król widząc iż blisko było,
Aby nię to dokończyło,
Acz się Niemcy hardziéj brali,
Niż polskiéj mocy doznali.
Chorągiéw wnet kazał podać,
Chcąc swym serca więcéj dodać,
A iż ją podnosi sprawnie,
Temi słowy dał znać jawnie:
«Boże mój ty wiesz bez chyby,
«Co pomyśli człowiek żywy,
«Przed tobą się nikt nie skryje,
«Kto źle albo dobrze żyje.
«Ty wiesz zawsze żem uchodził,
«Abym nikomu nieszkodził,
«I wojna ta zamym żalem,
«Świadczę Tobą Bogiem samém.
. . . . . .
«Ale iżeś mię wysadził,
«Abym o twym ludu radził,
«Z krwawych je rąk wyrwać trzeba,
«Na pomoc im zstąb z Nieba.
. . . . . .

да поможетъ намъ Богъ».—Король, видя, что уже приблизилось время исполнить это, и что Нѣмцы, не испытавъ польской силы, становились все надменнѣе, и надменнѣе,—приказалъ подать знамя и, чтобы одушевить своихъ, быстро поднявъ его вверхъ, произнесъ слѣдующія слова:—«Боже мой, «Ты безошибочно знаешь всѣ, что ни подумаетъ человѣкъ;—отъ взора «Твоего не укроется, кто поступаетъ хорошо, а кто—худо.—Знаешь Ты, «что я всегда заботился, чтобъ не вредить никому,—и въ томъ, что не «охотно приступаю къ этой войнѣ;—Ты Самъ, Всемогущій Боже, будь мнѣ «свидѣтелемъ... Но какъ Ты мнѣ вручилъ попеченіе о Твоемъ народѣ, «я долженъ исхитить его изъ рукъ кровожадныхъ; пошли же намъ свою «небесную помощь... Услышь вопли и моленія тѣхъ, которые надутъ

«Iz ci którzy tu polegną,
«Płaczem swym ciebie dosięgną,
«Prosząc by nie żył godzine,
«Kto téj wojnie dał przyczynę.»
. . . . . .
Potém płaczu zaniechali,
Bogarodzicę śpiewali,
Tusząc jutro każdy sobie,
Wesołym być o téj dobie.
Potém do króla przysłano,
O bliskiém wojsku znać dano;
A król się modlitwą bawił,
Nic nie czynił aż to sprawił.
Witold a Maskowski dbali,
By wtenczas lud szykowali, —
Król po skończeniu modlitwy
Na swym koniu czekał bitwy.
Polski lud wziął lewą stronę,
Litewski prawą obronę,
Dziewięćdziesiąt wszystkich mieli,
Chorągwi które widzieli—
Na czele lud co wybrańszy,
A co daléj to są tańszy,
Ku bitwie lud nieprzystojny,
Król w obóz odesłał z wojny.

«здѣсь; да не проживетъ единаго часа подавшій поводъ къ этой войнѣ»... Послѣ этого не было плача, всѣ стали пѣть: *Богородица* — и каждый въ ожиданіи утра оставался веселымъ.—Потомъ прислали королю вѣсть о близости непріятеля; но король оставался на молитвѣ, ибо не предпринималъ ничего безъ этого.—Витольдъ и Мазковскій заботились о разстановкѣ войска — король, покончивъ молитву, ожидалъ битвы верхомъ на лошади.—Народъ польскій стоялъ на лѣвомъ крылѣ, Литовцы обороняли правое; всего же было девяносто знаменъ. — Впереди поставлены были отборные бойцы, а въ заднихъ рядахъ тѣ, которые послабѣе. Людей же неспособныхъ къ битвѣ король отослалъ въ обозъ.—Когда уже раздался трубный призывъ и каждый искалъ непріятеля по силамъ, пришедшіе по-

A gdy poczęto trąb słuchać,
Już każdy jął swego szukać —
W tém posłowie przysłani
Byli od króla słuchani:
«Mistrz pruskl dał ci powiedzieć:
«Iż mu to tak dano wiedzieć,
«Iż ci serca niedostawa,
«Dla tegoć dwa miecze dawa.
«Abyś i te miał na pomoc,
«Wszak poznasz co jest niemiecka moc,
«A rozdziel się niemi z bratem,
«A potykać się każ za tém.
«A jeślić pola niedostawa,
«Do szyku — otoż je dawa,
«Abyś nie miał żadnéj obmowy —
«Otóż już masz plac gotowy».
Wtém się ich wojsko cofnęło,
Nasze się dobrze poezęło,
Boć to był znak by wiedzieli,
Iz tam na rzeź biegnąć mieli.
Król przyjął miecz z pokorą,
I dał im odpowiedź skorą,
Która za proroctwo stała
Bo się im pycha znać dała.

слы были введены къ королю. — «Прусскій Магистръ приказалъ сказать «тебѣ, что ты, какъ ему говорили, не имѣешь отваги, а потому онъ при- «слалъ тебѣ два меча, — чтобы они были тебѣ въ помощь; но ты скоро «узнаешь нѣмецкую силу; подѣлись же ими съ братомъ, и приказывай «начинать битву. — Если же тебѣ мало поля для битвы, онъ уступаетъ «тебѣ, чтобы не имѣлъ ты ни какихъ отговорокъ — поле для битвы». — И войско ихъ двинулось назадъ, наше расположѣлось удобнѣе, а это для того, чтобы знали, что должны идти туда на смерть. — Король съ покорностью принялъ мечи и далъ посламъ отвѣтъ, который былъ пророчествомъ за ихъ надменную гордость. — «Хотя въ моемъ войскѣ и не мало «оружія, что̀ узнаетъ тотъ, на кого ударитъ мое войско, но я благодарю «и за это, и надѣюсь выиграть побѣду». —

«W mém wójsku aćs dosyć broni
«Pozna ten kogo mój zgoni,
«A wszakże i za tę dziękuję,
«Wygrać sobie otrzymuję».

За тѣмъ слѣдуетъ описаніе битвы довольно оживленное. Счастіе колеблется. Крестоносцы берутъ верхъ надъ Литовцами. Вроцимовскій теряетъ знамя и снова отбиваетъ его. Нѣмцы приходятъ въ замѣшательство. Поляки начинаютъ одерживать верхъ:

Chełmińskie wojsko zostało,
Chorągwi szesnaście miało,
Wtém Mistrz z krzyżowniki jął stronić
Chcąc Polaków w sak zagonić.[1]

Тутъ одинъ рыцарь съ копьемъ нападаетъ на короля. Олесницкій выбиваетъ его изъ сѣдла:

Hełm mu dobył — został gołe,
A król go ugodził w czoło,
Ci co króla pilni byli
Tam go do końca dobili.[2].

Рѣшительное пораженіе Крестоносцевъ; пятьдесятъ тысячъ Нѣмцевъ пало на полѣ битвы, сорокъ тысячъ взято въ плѣнъ. Пѣсня оканчивается слѣдующими страфами:

Mistrz z Komtury wszyscy zbici,[3].
Miecze co przynieśli i ci,

---

[1] *Переводъ.* «Хельминское войско имѣло шестьнадцать знаменъ; вдругъ Магистръ Крестоносцевъ началъ отступать, желая Поляковъ увлечь въ засаду.»

[2] «Сбросилъ ему шлемъ — тотъ остался обнаженнымъ, между тѣмъ король поразилъ его въ голову, а окружавшіе короля убили его на мѣстѣ.»

[3] «Магистръ и рыцари побиты, даже и тѣ, что принесли мечи; смиреніе одержало верхъ, потому-что оно было угодно Богу.—Обозъ, пушки—все

Pokora sama wygrała,
Bo u Boga miejsce miała.
Obóz, działa, wszystko wzięto,
Tak Niemcom pychę odjęto,
Łańcuchy co zgotowali
Tymi je nasi wiązali.
Po téj bitwie stał się koniec,
Wtém do Polski posłan goniec,
Iż król wygrał, a Mistrz stracił
I gardłem tego przypłacił.
Takci Pan Bóg hardość karci,
A pokorę hojnie płaci,
Sprawiedliwość w bitwie zmoże
Daj tak zawżdy wygrać Boże.

Эта простая, но не безискуственная, пѣсня, не смотря на нашу любовь къ родному слову, заставляетъ насъ сожалѣть о томъ, что она не была написана на языкѣ латинскомъ. Составитель ея не былъ бы въ необходимости бороться съ нашею необразованною рѣчью и составилъ бы цѣлую поэму изъ блестящей побѣды подъ Гринвальдомъ. Этотъ прекрасный, славный эпизодъ польской исторіи вызвалъ еще нѣсколько другихъ поэтическихъ произведеній, какъ современныхъ, такъ и позднѣйшихъ. Побѣдоносный, торжествующій Ягелло въ ту же минуту отправилъ въ Краковскую Академію гонца съ вѣстью о побѣдѣ. Оды нашихъ академиковъ, писанныя по этому случаю, не дошли до насъ; осталось одно только латинское стихотвореніе, начинающееся словами: «*Anno mil-*

было взято; такъ унижена гордость Нѣмцевъ; цѣпями, которыя они намъ готовили, наши ихъ самихъ вязали.—Тѣмъ и кончилась война; въ Польшу отправленъ былъ гонецъ съ вѣстью, что король побѣдилъ, а Магистръ проигралъ и заплатилъ за свою гордость жизнію.—Такъ Господь Богъ унижаетъ гордыню, а возвышаетъ смиреніе; правда побѣдитъ и въ битвѣ, благослови насъ и всегда такъ, Боже!» —

leno quadringesimo deno», которое съ большею простотою и меньшимъ искусствомъ описываетъ знаменитое событіе. Это стихотвореніе первый разъ издано Вишневскимъ въ III т. его Исторіи Литературы; пополнено оно со списковъ, бывшихъ въ королевскомъ архивѣ, и переведено на польскій языкъ литовскимъ историкомъ Теодоромъ Нарбуттомъ (въ Атенеѣ).

Изъ дальнѣйшихъ остатковъ современной польской поэзіи приводятъ еще пѣсню о Виклефѣ, которая можетъ быть драгоцѣнна для насъ только какъ памятникъ языка, потому-что того яда, которымъ она дышитъ противъ католическаго духовенства и который составляетъ все содержаніе этого стихотворенія мы никакъ не можемъ считать вдохновеніемъ поэзіи. Кромѣ того, къ намъ дошли еще обломки различныхъ польскихъ пѣсней въ честь знаменитѣйшихъ мужей и событій того времени, пѣсни военныя и пословицы, которыя, безъ сомнѣнія, суть извлеченія изъ пѣсней и т. д. О Витольдѣ напр. пѣли:

«Witold idzie po ulicy
«Za nim niosą dwie szablcy.»

(Витольдъ идетъ по улицѣ, за нимъ несутъ двѣ сабли).

О Бернардѣ Претвицѣ, знаменитомъ побѣдителѣ:

«Za czasów Pana Pretfica,
«Spała od Tatar granica».

(Во времена славнаго Претвица спокойна была турецкая граница).

О Литвѣ, спасенной Поляками:

«Hej Polanie, z Bogiem na nie,
«Już nam Litwy niedostanie».

(Ура, Поляне! съ Богомъ на нихъ! не то отнимутъ у насъ Литву).

Были еще пѣсни и думы о Николаѣ Мацеіовскомъ, о Феликсѣ и Георгіѣ Струсяхъ, погибшихъ въ Валахіи, пѣсни религіозныя, воинскія, романсы, разгульныя, сатирическія; всѣ онѣ, составленныя на скорò, умолкли въ устахъ народа вмѣстѣ съ событіями, послужившими поводомъ къ ихъ сочиненію. Разсмотримъ болѣе прочные памятники нашей письменности.

Древнѣйшими изъ нихъ можно считать двѣ эпитафіи королевѣ Ядвигѣ, сохраненныя для насъ Длугошемъ; онѣ относятся къ послѣднему году XV вѣка. Переведемъ одну изъ этихъ эпитафій:

«Tutaj królowa Jadwiga spoczywa, [1].
Niegdyś cnéj Polski gwiazda i otucha.
Jej dom są Węgry — ziemia nieszczęśliwa,
Która dziś prawa Cesarskiego słucha.
Księżniczka świetne plemię Ludwikowe,
Co rządził razem Lachy i Pannony,
Wniosła Jagielle za wiano godowe,
Wieniec monarszéj Sarmackiéj korony.
Dziewa została na podziw sąsiadów,
Arką przymierza Korony i Litwy,
Czcicieli lasów, ogniska, i gadów,
Boże! przywiodła przed Twój dom modlitwy.
Lecz wielkim wzorem znakomitych męży
Włożyła na się karności ogniwo,
Gdy kogo przykra nędza uciemięży,
Chętnie otwarła rękę szczodrobliwą.

[1] *Переводъ.* «Здѣсь почиваетъ тѣло королевы Ядвиги,—дѣвицы и надежды польскаго царства. — Родина ея — Венгрія — несчастная земля, подвластная нынѣ императорамъ.—Княжна, знаменитая отрасль Людовика, правившаго Ляхами и Паннонами; — принесла Ягеллѣ въ приданное королевскую сарматскую корону.—Она, къ удивленію сосѣдей, была причиной соединенія Польши съ Литвою.—Она ввела чтителей лѣса, огня и

Za nic i głody, i pragnienia znojne,
Byle świątynie wznosić uroczyste.
I przyozdabiać, i posażyć hojnie —
Wzniosła nie jeden Twój Kościoł o Chryste!
Cnotliwym gwoli bywała jak matka,
Możnym nie była dokuczna jéj władza,
Szczęsny kto pychę zdławił do ostatka,
I gdzie należy ostrość ułagadza.
Ona wśród blasku i monarszéj cześci,
Łaskawie wspiera i w upadku dźwiga,
Dodaj pobożność, wielki duch niewieści,
Którym dostojnie słynęła Jadwiga.
W akademickiéj szanownéj budowie
Zostaną wiecznie jéj starunku znaki,
Uczonych mężów z cudzych krain zowie,
I miatrzów biegłych w mądrości wszelakiéj.
Tkliwie się troska o następnych losach,
Mędrca, co przybył w niepłonnéj otusze.
Boga co błyska i grzmi po niebiosach,
Najwyższe dobro, czciła z całéj dusze,
Z wiarą przenosząc szczęście i nieszczęście,
Szukała dobra co nigdy nie minie,
Z dostojnym mężem złączona w zamęźcie
Już dała życie królewskiéj dziecinie.

зней въ молитвенный домъ твой, о Боже!—и, слѣдуя примѣру великихъ мужей, склонила выю подъ иго смиренья;—кого угнетала горькая нужда—она одѣляла тѣхъ щедрой рукою.—Ей были ни-почемъ и лишенія, и заботы,—лишь бы богатые строить святые храмы,—украшать и снабжать ихъ дарами—не одну церковь воздвигла тебѣ, Господи!—Для добродѣтельныхъ она была матерью;—ея кроткая власть не стѣсняла сильныхъ;—счастливъ, кто побѣдилъ въ себѣ высокомѣрье и умѣетъ обуздать строгость.—Она среди блеска королевской чести — была всѣмъ подпорой, стражемъ отъ упадка;—прибавь благочестіе, величіе женственной души,—которыми достойно славилась Ядвига.—Въ почтенныхъ стѣнахъ Академіи вѣчно останутся слѣды ея стараній;—со всѣхъ сторонъ

I przyszła chwila że się płód wyzwoli,
W sercu nadzieja ozwała się słodka,
Radosna matko! nieprzeczułaś doli
Jaka za chwilę twe niemowlę spotka.
Śmierć w dwoje ofiar jednym ciosem mierzy,
Matka i dziécię padły pod żelazem,
Drobna dziéweczka śpi obok macierzy
Jeden dzień zabrał dwie istoty razem,
Zabrał, i naród pogrążył w żałobie.
W grobową otchlań płynie jęk boleści —
Ileż łez gorzkich wylano po tobie,
Westchnień i łkania co w piersiach się zmieści.
Czerwone słońce paliło upałem,
I z naszych lasów zniknął maj uroczy,
Kiedy królowa z niemowlęciem małém,
Śmiertelną drzémką obciążyła oczy.
Znikła nadzieja, i zbawienna tęcza
Ojczyzny, ludu, i ojców senatu,
Zapłaczcie biédni—których los udręcza
Wasza nadzieja odebrana światu!
Gwiazda królewska jasna, szczérozłota,
Na widnokręgu już się nie ukaże,
Niestety! nitka ludzkiego żywota,
Przędzie się, pęka, jako los rozkaże,

она сзываетъ ученыхъ и мудрыхъ наставниковъ; — заботливо устрояетъ будущую судьбу младенцовъ, прибывшихъ съ сладкою надеждой.—Она чтила всей душой высочайшее существо Бога, посылающаго съ небесъ громъ и молнію, и, полная вѣры и въ счастьи, и въ недолѣ, искала блага непроходящаго. — Связанная узами брака съ достойнымъ мужемъ,—даровала жизнь ребенку.—Пришла минута рожденія и въ сердцѣ матери пробудилась надежда.—Ликующая мать! ты не предчувствовала судьбы, какая постигнетъ твоего младенца черезъ минуту. — Смерть однимъ ударомъ поражаетъ двѣ жертвы: — мать и ребенокъ умерли разомъ; — бѣдная дѣвочка покоится подлѣ матери; — въ одинъ день погибли два существа, и народъ одѣлся въ трауръ. — Стонамъ страданій хладный гробъ не внемлетъ; — сколько

Wierzę, że wszedłszy na wieczności łono
Już nieśmiertelne posięgła roskosze,
Wy, którym jeszcze pożyć dozwolono
Swojemi modły wspomożcie ją proszę.
Nadziejo nasza! Zbawicielu Chryste!
Racz ją w królestwo przyjąć wiekuiste».

При всемъ панегирико-классическомъ направленіи этой элегіи, видно неподдѣльное чувство, ее оживляющее.

Рядомъ съ этимъ произведеніемъ латинской поэзіи, мы можемъ еще указать на одинъ прекрасный памятникъ нашей чисто-отечественной музы: это очень древняя легенда о св. Христофорѣ, перепечатанная въ XVI вѣкѣ. Мы относимъ ее къ временамъ древнѣйшихъ религіозныхъ пѣсней нашихъ какъ по языку, такъ и по ея содержанію простому, наивному, дышащему поэзіей, возможною только во времена глубокой, живой вѣры въ Откровеніе. Въ ученый XVI вѣкъ не только протестанты, но и сами католики, не могли уже похвастать дѣтскою религіозною преданностью и простотою. Легенда начинается слѣдующими стихами:

«O nieskończona boska dobroci!
«Toć na świecie rozliczne kroci,

горячихъ слезъ по тебѣ пролито! вздохи и рыданья потрясали грудь всѣхъ! — Блестящее солнце жгло своими лучами; — ароматный май покинулъ наши лѣса, когда королева съ малюткой-младенцемъ уснула непробуднымъ сномъ. — Погибла надежда, свѣтлая денница народа, края и старѣйшинъ сената; — плачьте бѣдные, угнѣтенные судьбою! — ваша надежда исчезла изъ міра!—ясная златая царская денница ужь не взойдетъ больше на нашемъ горизонтѣ!—Увы! нить человѣческой жизни свивается и рвется по волѣ судьбы.—Я вѣрую, что она, вступивъ въ предѣлы вѣчности, — наслаждается тамъ безсмертною радостью.—Вы же, находящіеся въ живыхъ, не забывайте ее въ молитвахъ вашихъ. — Христе Спасителю! Упованіе наше! — Упокой ее во царствіи Твоемъ!»

«Na czém wszyscy łaskę znamy,
«Czego sami przed się nie mamy,
«Snadnie przez święte jednamy».[1]

Вотъ вкратцѣ содержаніе этой поэтической легенды:

«Святый Христофоръ, происходившій отъ племени исполиновъ, обладая нравственною и физическою силою, спрашивалъ, кто сильнѣе его на свѣтѣ. Ему отвѣчали, что императоръ. И пошелъ Христофоръ ко двору императорскому; когда же замѣтилъ, что имя сатаны, произнесенное мальчикомъ, не пугало императора, исполинъ догадался, что онъ его сильнѣе, потому-что сатана былъ для него не страшенъ.

«Итакъ онъ отправился къ сатанѣ, нашелъ его и видѣлъ все его могущество. Когда онъ показалъ сатанѣ знамя св. Креста, испугался сынъ погибели и обратился въ бѣгство. Христофоръ почувствовалъ, что онъ сильнѣе сатаны, потому-что не боится крестнаго знамени.

«Затѣмъ онъ отправился далѣе искать болѣе сильнаго владыки, по дорогѣ зашелъ въ хижину отшельника, который посвятилъ его въ таинства вѣры, и, желая сдѣлать исполинскую силу Христофора полезною для человѣчества, обязалъ его прославлять Бога, перенося людей, которымъ нужно было переправляться чрезъ быструю рѣку. Случилось такъ, что на берегъ рѣки пришелъ однажды младенецъ; Христофоръ взялъ его на плечи и вдругъ почувствовалъ смятеніе въ сердцѣ и тяжесть на плечахъ и невольно сознался, что ребенокъ сильнѣе его. Ребенокъ былъ Христосъ».

Трудно найти сказаніе болѣе поэтическое; но подобныя произведенія не могли имѣть цѣны въ очахъ вѣка, сердце

[1] *Переводъ.* «О безконечная благость Божія! — Твои благодѣянія міру «безчисленны; — все, чѣмъ мы пользуемся,—къ чему сами дойдти не мо«жемъ,—все это получаемъ чрезъ святыхъ».

котораго было охлаждено для чувства прекраснаго правилами Аристотелевой мудрости и подражаніемъ древнимъ,—вѣка, который заглушилъ въ душѣ своей поэтическія, плодотворныя начала вѣры ожесточенными религіозными спорами и борьбою партій.

Обратимся теперь къ поэтамъ, которыхъ произведенія, писанныя по правиламъ современной эстетики, находились не въ рукахъ вѣрующаго народа, но были достояніемъ ученаго міра. Въ XV и даже въ началѣ XVI вѣка никто еще не дерзалъ употреблять польскаго языка въ сочиненіяхъ чисто-литературныхъ; всѣ считали его слишкомъ еще бѣднымъ для выраженія предметовъ сверхчувственныхъ. Итакъ сочиненія, о которыхъ здѣсь будетъ рѣчь, всѣ писаны на языкѣ латинскомъ — до извѣстнаго времени.

Въ первой половинѣ XV вѣка славился своими латинскими стихами *Станиславъ Цѣлекъ*, епископъ познаньскій. Потеря его сочиненій тѣмъ чувствительнѣе для нашей литературы, что онъ — какъ увѣряютъ — «умѣлъ возобновлять «и какъ бы возсоздавать не только древнія стихотворенія, «воспѣвавшія мужество, благоразуміе и бранную славу древ«нихъ Поляковъ, но и былъ извѣстенъ самостоятельными «трудами». Послѣ Цѣлка дошли къ намъ элегіи краковскаго каноника *Адама Свинки: Стихотвореніе* (Epithaphium) *на смерть Ядвиги, польской принцессы*, дочери Владислава Ягеллы, и другое подобное этому на смерть Завиши Чернаго. Приведемъ здѣсь оба эти произведенія въ нашемъ переводѣ.

Эпитафія на смерть ядвиги.

«O virginum jubar, o inclyti gloria Regni
«Aquila quod niveis lustrat in purpura pennis».

«Krasna ozdobo dziewic! chlubo sławnéj ziemi,
Gdzie się orzeł promieni pióry śnieżystemi,—

Niegdyś w radośnym rymie składałem ci pienie,
Kiedyś strojna w brylanty, i drogie kamienie,
Uwięńczona kwiatami, i złotem bogata,
Jawiłaś się jak bóstwo dla podziwu świata.
Dziś inną pieśń zanuca Pieryda tkliwa,
Jakimś bolesnym dźwiękiem lutnia się odzywa,
Ty zmarłaś — smutek osiadł na radośne lice,
Łza gorzka, łza gorąca nabiegła źrzenicę.
Wiozą trumnę przez miasto — a pełen boleści,
Twój ojciec bohatérski zimne zwłoki pieści, —
I szarpiąc siwe włosy na dostojnéj głowie,
Stare lica łzą zlewa, i o litość zowie,
Złorzeczy poźnym latom, targa pańską odzież;
Płaczą w murach zamkowych, i starcy i młodzież,
Jęczy lud i starszyna, matrona i dziewa,
Każdy nieobłudnemi łzami się zalewa.
Dziewice ostępując twoję postać bladą,
Mogilny pocałunek na czoło ci kładą.
O chlubo! o pociecho! siwéj ojca głowy
Źwierciadło obyczajów! kwiecie liliowy![1].

---

[1] *Переводъ.* «О ты, украшеніе дѣвъ! честь славной страны, гдѣ орелъ сіяетъ бѣлоснѣжными перьями! — нѣкогда я слагалъ тебѣ радостныя пѣсни, когда ты вся въ брильянтахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, увѣнчанная цвѣтами, блестящая златомъ, какъ божество, явилась изумленному міру. Теперь иную пѣснь напѣваетъ нѣжная Піерида; звукъ скорби издаетъ арфа; ты умерла — печаль омрачила веселыя лица, и горькая, горячая слеза дрожитъ на рѣсницѣ. По городу движется погребальное шествіе — горемъ убитый, доблестный отецъ твой обнимаетъ бездыханный трупъ, рветъ сѣдые волосы на почтенной головѣ, обливаетъ горькими слезами лицо; взывая о помилованіи, ропщетъ на свои долгія лѣта, терзая одежды; и юный, и старый оглашаютъ дворецъ воплями; народъ и старѣйшины, матери и дѣвы, — всѣ проливаютъ потоки горючихъ слезъ; безмолвный ликъ твой окружаютъ дѣвы, слагаютъ на немъ послѣдній поцѣлуй. О слава! О утѣшеніе сѣдинъ стараго отца! Зерцало благонравія! лилія добродѣтельная! фіалка, безвременно вырванная изъ цвѣтника, роза! куда дѣвалась юная красота твоя? куда скрылся живой и веселый румянецъ твой? гдѣ

Fijolku nadto rychło skoszony z ogroda.
Różo! gdzie twoja krasa podziała się młoda?
Gdzie w licu gra rumieńca żywa i wesoła?
Gdzie białość co odbija ze śnieżnego czoła?
Zamiast ponuréj stypy przy żałobnym chlebie,
Ojciec twój inną ucztę gotował dla ciebie —
Śpiéwano pieśń — marzono o weselnéj porze —
Z tobą przyszły małżonek chował się we dworze —
Fryderyk zacne książe — i rod jego stary —
Myśmy go poczytali szczęśliwym bez miary,
Że będzie twym małżonkiem — przyszła śmierć wybladł
Tyś bezsilna jak trawka pod jéj ciosem padła.
Gdy świetną dla cię wróżbą karmiliśmy łona,
Padła w kwitnących leciech krasna narzeczona.
W tysiącznym cztérysetnym trzydziestym i pierwszym,
Kiedy po całym świecie w hołdzie co najszczérszym
Uwielbiają dziewicę bez zmazy poczętą,
Poszłaś w Kościół wybranych obchodzić jéj święto,
Tam gdzie wiosna jaśnieje w nieśmiertelnym kwiecie,
Gdzie nieznane są deszcze, i śnieżne zamiecie,

бѣлизна, отражавшаяся отъ твоего чела? Не обѣдъ похоронный по н
ламъ съ слезами — иное пиршество готовилъ тебѣ отецъ — и пѣсни гр
мѣли — мечтали о свадьбѣ — и будущій другъ твой, князь Фридрихъ, вм
стѣ съ тобою воспитывался при дворѣ; родъ его древній — мы поч
тали его счастливѣйшимъ, думая, что онъ будетъ твоимъ мужемъ; но пр
шла ужасная смерть, и какъ нѣжная трава ты пала подъ ея косо
Ко гда мы мечтали о твоей свѣтлой будущности, ты, прекрасная невѣст
погибла въ тысяча четыреста тридцать первомъ году; между тѣмъ ка
весь міръ съ неподдѣльнымъ чувствомъ приносилъ тебѣ уваженіе, ты н
шла въ храмъ избранныхъ торжествовать его праздникъ, тамъ, гдѣ н
сна сіяетъ цвѣтами безсмертія, гдѣ невѣдомы дожди и снѣжныя мятел
гдѣ зефиръ обаятельно шелеститъ. — Иди въ небеса, скажи тамъ — с
принцесса; я дочь Владислава, поколенье Анны, дочери Казиміра, кня
силійской земли. Не смотря на любовь отца и родъ мой высокій, я умер
ла и погребена въ матернемъ гробѣ, на лонѣ родительницы пріютя
ла главу, земля соединила въ себѣ мать съ ребенкомъ. На что мнѣ те

Gdzie się zefir kołysze z uroczym szelestem,
Idź, rozpowiedz w niebiosach — «ja królewna jestem;
Jam córą Władysława, jam jest Anny plemię,
Któréj ojcem Kazimierz, kniaź Cylijskiéj ziemie.
Mimo ojca pieszczoty, mimo ród wysoki,
Zmarłam — a w grobie matki złożono me zwłoki,
Na łonie rodzicielki spoczęła ma głowa,
Matkę z dzieckiem — złączyła zgnilizna grobowa.
Na co dzisiaj zaszczyty co mi piersi gniotą?
Na co ród? na co wdzięki? klejnoty i złoto?
Nic nie biorę z dostatków co miałem w gromadzie,
Nic — okróm białéj szaty którą cnota kładzie.
Módlcie się! niech mię blaskiem swéj chwały okryje
Duchem świętym poczęty — wielki Syn Marye».
Te ci kwiaty, dziewico składam z pełnéj duszy,
Których zima nie zwarzy, a skwar nie zasuszy,
Ani czas — choćby łożył starania stuletnie,
Swemi zęby niezgryzie, żelazem nie zetnie».

Не смотря на общія мѣста и обыкновенныя фразы, которыя такъ часто встрѣчаются намъ въ поэзіи XV вѣка, сильное чувство придаетъ не малое достоинство этому произведенію. Второе стихотвореніе Адама Свинки — это эпитафія Завишѣ Черному. Переведемъ ея начало:

«Arma tua fulgent, sed non hic ossa quiescunt
«Divae memoriae miles o Zawisza niger».

Tutaj błyszczy twa zbroja, indziéj leżą kości:
Wiekopomny rycerzu o Zawisza czarny!

перь почести, которыя стѣсняютъ грудь? На что знаменитость рода, красота, брилльянты, золото? Изъ этой кучи богатствъ не беру я ничего, кромѣ бѣлой ризы добродѣтели. — Молитесь! да покроетъ меня свѣтомъ своей славы зачавшійся отъ Духа Святаго—Великій Сынъ Маріи!«—Кладу тебѣ, дѣвица, эти цвѣты отъ сердца, котораго не заморозитъ зима, не высушитъ жаръ, и даже само время, хотя бы оно употребило къ этому всѣ силы, не прорѣжетъ зубомъ, не скоситъ косою.»

Wielkiego byłeś rodu, lecz większéj zacności,
Bo cnotami ojczyźnie dałeś wzór niemarny.
Niemasz równego tobie w bojach i na sejmie,
Niemasz ktoby był godzien opisać twe dzieła,
Mała kartka dzielności, i czci nieobejmie,
Która po całym świecie głośno zasłynęła.
Ale przyszedł twój koniec — od śmiertelnej rány
Rozstałeś się z żywotem...»[1].

Здѣсь, по порядку, нужно упомянуть намъ объ одномъ важномъ памятникѣ древняго польскаго языка: это *Канціоналъ*, или собраніе благочестивыхъ пѣсней *Яна изъ Пржеворска*, изданное въ 1434 году. Приведемъ здѣсь для образца нѣсколько отрывковъ изъ Канціонала Яна Пржеворскаго и другихъ, относящихся къ тому времени.

ПАСХАЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

Pieśń o Zmartwychwstaniu Pańskiém.

«Z śmierci wstał ninie Chrystus Pan,
On pocieszyciel sam.
Hallelujach!
Gdyby nie był umarł,
Świat-by wiecznie cierpieć miał,
Hallelujach![2].

---

[1] *Переводъ.* «Здѣсь блеститъ твое оружіе, но въ иномъ мѣстѣ лежатъ твои кости, доблестный рыцарь, Завиша Черный! Знатенъ былъ твой родъ, но ты превышалъ его доблестью, добродѣтелями далъ отечеству образецъ истиннаго величія. — Нѣтъ тебѣ равнаго въ битвахъ и на сеймѣ; — нѣтъ и человѣка, который бы достойно прославилъ дѣла твои,—а въ краткомъ разсказѣ нельзя обнять той доблести и славы, которую заслужилъ ты по суду цѣлаго міра — но пробилъ твой часъ — смертельная рана исторгла тебя изъ среды живыхъ...»

[2] Изъ мертвыхъ возсталъ нынѣ Христосъ Господь, онъ утѣшилъ (насъ) самъ, Аллилуіа!

«Niewiasty do grobu szły,
Chrysta miłego szukały,
Hallelujach!
Wy bojaźliwe mężyce,
Do Galilei idźcie,
Hallelujach!
Powiedźcie uczniom radośnie,
Że Chrystus wstał potężnie,
Hallelujach! i t. d.

ИЗЪ ПѢСНИ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Z pieśni o Narodzeniu Bożém.

«Chrystus się nam narodził,
Jenż dawno powieszczon był,
W Betlejem żydowskiém mieście,
Z Panny Maryi czyście,
Hallelujach!
Gdy pasterze w nocy paśli,
Stanął przy nich Anioł spaśny,
Którzy widząc jasność Boską,
Bali się bojaźnią ciężką;
Hallelujach!
Rzekł im Anioł niebójcie się,
Ale owszem weselcie się,
Narodził się Zbawiciel wam,
Który rzeczon Chrystus Pan
Hallelujach![2].

Еслибы онъ не умеръ, міръ страдалъ бы вѣчно, Аллилуіа!
Невѣсты шли ко гробу, искали Христа многоцѣннаго, Аллилуіа!
Вы, робкія дѣвы, идите въ Галилею, Аллилуіа!
Радостно ученикамъ скажите, что Христосъ возсталъ яко сильный, Аллилуіа!

[2] «Родился Христосъ, о которомъ давно было предсказано, въ Виѳлеемѣ, городѣ Еврейскомъ, отъ Дѣвы Маріи непорочной. Аллилуіа!

ИЗЪ ПѢСНИ ВЪ НЕДѢЛЮ ЦВѢТОНОСНУЮ.

Z pieśni na Kwietną Niedzielę.

Cwałá, sława, wieczna cześć,
Bądź tobie o Królu gospodynie!
Któremu dziecinny głos pieje,
Pozdrowienie bądź twoje,
Izraelski jeś królewicz,
Dawidów syn i też rodzic,
Tego świata prawy dziedzic i t. d. [1].

Отдавая полную справедливость этимъ остаткамъ польской поэзіи и благочестія XV вѣка, мы должны здѣсь обратить вниманіе нашихъ читателей на тѣ трудности и то обширное поле, которое предлежало нашимъ поэтамъ въ дѣлѣ возведенія на степень искусства польской поэзіи, находившейся еще въ колыбели. Стоитъ только сравнить эти памятники съ псалмами Кохановскаго, или съ элегіею Мясковскаго, чтобы видѣть все могущество геніевъ, которые сдѣлали такіе огромные успѣхи въ образованіи роднаго слова единственно при помощи тѣхъ сокровищъ, которыя скрывались въ его нѣдрахъ!

Григорій изъ Санока, этотъ мудрецъ, который такъ ясно прозрѣвалъ въ сущность многихъ современныхъ вопросовъ,

---

Когда пастыри пасли ночью, явился имъ Ангелъ, покровитель пастбищъ; они, видя свѣтъ божественный, убоялись страхомъ великимъ. Аллилуіа!

Ангелъ сказалъ имъ: не ужасайтесь, но напротивъ ликуйте, родился Спаситель, который нарицается Христомъ Господь. Аллилуіа!»

[1] *Переводъ.* «Хвала, слава, вѣчная честь тебѣ, Господи Царю! которому воспѣваютъ уста младенцевъ свое привѣтствіе; ты царь Израилевъ, сынъ Давидовъ и его же родитель, истинный Начальникъ этого міра» и т. д.

торый такъ понималъ ничтожество и вредную сторону Аристотелевской философіи, который положилъ начало изученію древней литературы, Григорій такъ выражался о поэзіи: «Чтеніе поэтовъ столь же для юношества необходимо, какъ пища: одно питаетъ тѣло, а другое душу. Тѣ, которые, оставивъ въ сторонѣ поэзію, стараются усовершенствовать себя въ другихъ наукахъ, подобны человѣку, который, видя предъ собою открытыми ворота города, вздумалъ бы лѣзть чрезъ стѣну; такъ легче при помощи поэзіи понять другія науки, нѣмъ поэзію при помощи иныхъ наукъ.» Это мнѣніе дѣлаетъ честь скромному таланту Григорія и доказываетъ, что въ душѣ онъ былъ истиннымъ поэтомъ, хотя не всегда былъ счастливъ въ выборѣ внѣшней формы для своихъ поэтическихъ произведеній. Не совсѣмъ удачно и стихомъ латинскимъ писалъ онъ эпитафіи Владиславу Ягеллѣ и королевѣ Софіи, *отвѣты* на сатиры Венгерца Гавріила, епископа загребскаго, *эпиграммы* и т. д. Ему, по всей вѣроятности, принадлежитъ и латинская *эпитафія* королевѣ Софіи, списанная Вишневскимъ (на послѣд. стран. III т. Истор. Лит.), которую мы здѣсь приведемъ въ переводѣ прозою:

«Происходя отъ благородной крови русскихъ князей, я еще болѣе прославилась собственнымъ достоинствомъ. Соединенная священнымъ союзомъ съ польскимъ королемъ, я произвела на свѣтъ двухъ сыновъ, двухъ громовержцевъ Ирани; ибо они сіяли вѣрою и правдою. Одинъ изъ нихъ, препоясанный оружіемъ Христовымъ, прославился не на одномъ блестящемъ турнирѣ, и еслибы судьбы продолжили его жизнь, онъ, безъ сомнѣнія, обуздалъ бы ярость турецкую своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ. Другой, защищая границы родной земли отъ вражескихъ вторженій, покрываетъ себя славою воинской доблести. Я же, лишившись нѣжнаго супруга и не вступая, подобно кукушкѣ, въ какой-нибудь

«другой союзъ, угнетенная горестью, оставила этотъ міръ «въ день святаго Матѳея въ 1461 году.»

Въ то же время извѣстенъ былъ своими стихотвореніями *Вавржинецъ новоторжскій* (Nowoforensis), краковскій академикъ, который воспѣвалъ смерть короля Александра, свадьбу Сигизмунда I съ Боною, Польшу, Силезію и Краковъ. Приведемъ здѣсь посвященіе его сочиненія: *Hortulus elegantiarum* (1502 г.).

(ПЕРЕВОДЪ).

«Mistrzynio moja Krakowie uczony!
Szlę ci te kartki z oddalonéj strony,
Z miasta Wrocławia — co potężną wieżą,
Sięga pod niebo i w chmurach się znaczy.
Tyś wykarmiła mój umysł prostaczy,
Tobie pierwiastki mych prac przynleżą.
Myśl moja słońcem nieogrzana dosyć,
Niedosyć deszczem wiosny otryśnięta,
Lecz gdy mię zrosi łaska Feba święta,
Gdy poczną kwiaty rodzajniéj przynosić,
Gdy przyjdzie jesień, to może, ach może!
Kłos i winograd méj myśli ci złożę». [1].

Скоро поэтъ исполнилъ свое обѣщаніе, потому-что въ слѣдующемъ же году написалъ *Сафическую оду о Польшѣ*

---

[1]. *Переводъ*. «Наставникъ мой, Краковъ ученый!—Изъ страны далекой я шлю тебѣ эти страницы, изъ г. Бреславля — который башней своею достигаетъ небесъ и теряется въ облакахъ. Ты воспиталъ мой умъ простой, тебѣ принадлежитъ начало моихъ трудовъ. Еще моя мысль не довольно согрѣта лучами плодотворнаго солнца, не окроплена росою весенняго дождя. Когда же и для меня придетъ зрѣлость, когда я буду приносить обильные цвѣты, тогда о! можетъ-быть, принесу тебѣ колосъ и виноградъ моей мысли».

и ея столицѣ Краковѣ (De Polonia et ejus metropoli Cracov). Въ этой одѣ Аполлонъ вмѣстѣ съ Музами воспѣваетъ Польшу и Краковъ со стороны урожаевъ, наукъ: философіи, астрономіи, поэзіи, непорочности польскихъ дѣвъ и т. д. А говоря правду, зачѣмъ здѣсь Аполлонъ и Музы? Развѣ съ сердцемъ свѣжимъ, приверженнымъ ко всему отечественному, нельзя было достойно прославить красоту материземли и безъ помощи Геликона?

Изъ этихъ примѣровъ читатели легко могутъ убѣдиться, какъ трудно было XV вѣку, изсушенному философіей Аристотеля, создать что-нибудь истинно вдохновенное, поэтическое. Обыкновенная мысль, чаще всего льстивая, иногда согрѣтая живымъ чувствомъ, подведенная подъ латинскій гекзаметръ или пентаметръ — вотъ что тогда называлось поэзіею. Одно и тоже мы встрѣчаемъ въ поэзіи Яна изъ Освѣнцима (Sacranius), Николая Котвица и въ другихъ сочиненіяхъ, которыхъ не станемъ здѣсь приводить, чтобы не истощить тѣмъ терпѣнія читателей. Гораздо болѣе восторга, покрайнѣй мѣрѣ болѣе чувства, составляющаго истинное достоинство поэзіи, мы замѣчаемъ въ произведеніяхъ *Конрада Цельтеса*, который хотя и былъ Нѣмецъ родомъ и недолгій гость въ Польшѣ, однакоже заслужилъ того, чтобы и ему удѣлить уголокъ въ исторіи нашей литературы.

Этотъ молодой и образованный Австріецъ (род. 1459 † 1508), первый изъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ получившій лавровый вѣнокъ за свои успѣхи въ поэзіи, посѣщая съ ученою цѣлью Римъ, Венецію, Иллирію и Панноніо, прибылъ въ Краковъ учиться астрономіи, которую здѣсь съ такою славою преподавалъ Альбертъ изъ Брудзева, учитель нашего знаменитаго Коперника. Юный Цельтесъ гостилъ у насъ 1489 и 1490 годы, посвящая свои досуги изученію астрономіи, чтенію классиковъ, сочиненію латинскихъ сти-

ховъ, своей любви къ краковянкѣ Гасилинѣ, веселому дружеству съ воспитанниками Академіи, каковы были молодой Коперникъ, Войтехъ Корвинъ, Андрей Пегасусъ, Бернардъ Вилискъ Русскій, — воспитанниками, въ которыхъ онъ развилъ любовь къ древней классической литературѣ. Предметомъ стихотвореній Цельтеса, писанныхъ въ Краковѣ, по большей части служила Польша. То онъ описываетъ въ нихъ свой пріѣздъ въ Краковъ:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Czas był pochmurny, i dżdżysto i rośno,
Marzec po zimie przychodził nieśmiało,
Świat nową postać przyoblekał wiosną,
I łono ziemi życiem ocieplało.
Ja pielgrzym — krajów rozpoznania gwoli,
Pod złemi wróżby przybyłem do ziemi,
Gdzie oracz polski na niepłodnéj roli,
Żywie po wioskach chałupy lichemi.
Gdzie szumna Wisła swą rogatą głowę
I mętne wiry w Niemiecczyznę toczy —
Wszedłem na wzgórek — stąd mury zamkowe,
I pyszny Kraków stawił się przed oczy». [1]

То отдаетъ честь ученымъ польскимъ, какъ то: Войтеху изъ Брудзева, доктору Урсу; приведемъ изъ оды, писанной къ сему послѣднему:

---

[1] *Переводъ.* «Время было мрачное, дождливое и мокрое; мартъ съ робостію наступалъ послѣ зимы, лицо земли обновлялось съ началомъ весны, и ея лоно согрѣвалось дыханіемъ жизни. И я, странникъ, проходящій земли, при дурныхъ предзнаменованіяхъ, вступилъ въ Польшу, гдѣ бѣдный пахарь живетъ въ убогой хижинѣ на почвѣ безплодной, гдѣ быстрая Висла несетъ свою рогатую голову и мутныя воды въ даръ землѣ нѣмецкой. Я вхожу на холмы, и вдругъ стѣны замковъ и величественный Краковъ предсталъ изумленному взору».

(ПЕРЕВОДЪ).

Ursie! obrazie znakomitych męży,
Co żyjesz w mróźnéj, lodowatéj stronie,
Gdzie wiatr wiośniany ciepła nienatęży,
Lodów niezwionie.
Gdzie wicher bije od brzegu do brzegu,
Zamraża wody, ogołaca drzewa,
I białém runem rzęsistego śniegu
Pola zawiewa —
Ależ się godzi na strónach cytary,
Ulżyć duchowi znękanemu troską,
I pieśń nagiąwszy do uczonéj miary,
Zanócić bosko.
Ty lubisz myślą ogarnąć głęboką,
Tajników świata niedostępne dzieło,
Twą pierś, twe usta, twoje jasne oko
Niebo natchnęło.
Lekko się wznosząc nad chmurną oponą,
W jasnym błękicie twa myśl prawdy szuka,
Gdzie gwiazdy krążą, tam żyje twe łono,
Tam twa nauka. [1]

---

[1] *Переводъ* «Урсъ! образецъ знаменитыхъ мужей, живущій въ хладной, ледистой странѣ, гдѣ вѣтеръ весенній тепла не приноситъ и льдовъ не уноситъ;—гдѣ вихри бушуютъ съ ужасною силой, покрывая воды льдами, срывая съ деревъ ихъ одежды и савановъ бѣлымъ пушистаго снѣга поля завѣвая.—Но духъ нашъ, печалью смятенный, пора облегчить; намъ; подъ звуки арфы начать пѣснь вдохновенную, заключивъ ея въ ранки ученаго размѣра.—Своею мыслью глубокой ты любишь обнимать дѣла недоступныя таинствъ природы; и небо вдохновило твою грудь и уста и взоръ проницательный.—И мысль, легко возвышаясь надъ мрачнымъ покровомъ, преслѣдуетъ истину въ свѣтломъ небѣ лазури; гдѣ звѣзды кружатся, тамъ духъ твой витаетъ, тамъ твоя наука.—А на землѣ—искусствомъ Меланпа врачуешь ты язвы онертвѣвшаго тѣла, горячку смиряешь и осѣвшейся крови новую жизнь возвращаешь.—Печаль и страданіе бѣгутъ отъ тебя, ослабленнымъ возвращаешь бодрость, напаяя ихъ жизнедательною влагою тво-

A tu na ziemi — sztuką Mełampową
Wyleczasz z chorób wpół-zamarłe ciało,
Śmierzysz gorączkę, zamieniasz na zdrową,
Krew odrętwiałą.
Od ciebie tęskność i boleści biegą,
Powraca rzezwość za pomocą twoją,
Gdy leki pełne pierwiastku zbawczego
Chorych napoją.
W królewskiém mieście twoja cześć pamiętna,
W mieście warowném, gdzie pobyt uroczy—
Którędy Wisła wirowa i mętna
Kręgiem się toczy.
Ciebie tu wielbią cni obywatele,
Polskiego pana wielbią cię dworacy,
Tu wlewasz życie, tu wspomnień tak wiele,
Lekarskiéj pracy.
Niech dawna rzezwość twe czoło otoczy,
Zaniechaj trosków w wesołéj godzinie,
Bystry zdrój szczęścia, czerpaj go ochoczy,
Bo prędko minie..., i t. d.

Или же воспѣваетъ прелести юной краковянки и такъ говоритъ къ Бернарду Вилиску: «Часто ты былъ переводчикомъ у моей Гасилины, когда она презирала мой германскій «языкъ. Для нея я выучился произносить дикіе звуки сла«вянскаго слова». (Правду сказать любовь, объяснявшаяся чрезъ переводчика, вполнѣ была достойна польской рѣчи Цельтеса).

его лѣкарства.—Въ королевскомъ городѣ твоя честь долгопамятна, въ городѣ крѣпкомъ, гдѣ жить такъ роскошно — гдѣ мутная, быстрая Висла кругомъ обтекаетъ.—Тебя здѣсь граждане честные превозносятъ, тебя польскаго пана чтутъ лица придворныя; жизнь ты вливаешь; здѣсь такъ много памятниковъ твоего врачебнаго искусства.—Пусть прежняя бодрость чело твое увѣнчаетъ, забудь всѣ крушенія въ веселую пору; быстръ потокъ счастія: черпай изъ него живо, онъ скоро минуетъ и т. д.».

То онъ описываетъ теченіе Вислы, соляныя копи Велички и тѣ подземныя пещеры, въ которыя онъ спускался съ такимъ ужасомъ. Вообще же можно сказать, что честь, которую Цельтесъ отдавалъ нашему отечеству, была невольною данью его сердца нашей наукѣ, природѣ и ея красотамъ, потому-что на самомъ дѣлѣ Цельтесъ не очень любилъ Польшу. Языкъ нашъ онъ называетъ *варварскимъ*, землю *безплодною*, небо *мрачнымъ*, народъ *необразованнымъ*. Онъ сожалѣетъ объ участи Данцига и Помераніи, которые «serviunt Sarmatico malefido tyranno», словомъ — онъ не любилъ Польши, но долженъ былъ отдать ей справедливость. Такое значеніе имѣла Польша въ царствованіе Сигизмундовъ и для всѣхъ другихъ иностранцевъ болѣе достойныхъ, чѣмъ нашъ Конрадъ Цельтесъ.

Но возвратимся къ поэзіи.

Благодаря вліянію Цельтеса, который вдохнулъ нашему юношеству любовь къ классической литературѣ, благодаря тому направленію, которое дали наукамъ просвѣщеннѣйшіе мужи между духовенствомъ, средневѣковый идолъ мало-помалу началъ уступать нервенство классикамъ и въ Краковской Академіи, гдѣ въ началѣ XVI вѣка была уже открыта каѳедра латинской поэзіи при философскомъ факультетѣ. *Павелъ изъ* Кросна первый занялъ эту каѳедру. Этотъ знаменитый человѣкъ, который не только въ своемъ отечествѣ, но и въ Венгріи, куда онъ укрылся отъ моровой язвы, снискалъ лавры и покровительство своей музѣ, писалъ прекрасныя элегіи, остроумныя эпиграммы и серьёзныя пѣсни. Извѣстны намъ его сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ (нынѣ библіографическая рѣдкость): *Панегирикъ* въ честь св. Владислава, короля венгерскаго, и Станислава епископа покровителя Польши; два *брачныя* стихотворенія (Epithalamia) Сигизмунду I, одно на бракосо-

четаніе его съ Варварою Запольскою (1512), а другое съ Боною Медіоланскою. Не менѣе важна и та заслуга Павла, что онъ образовалъ намъ нѣсколько знаменитыхъ латинскихъ поэтовъ, какъ-то: Яна изъ Вислицы, Яна Дантышка (Гданщанинъ, житель г. Данцига), Агриколу и др. Скажемъ по нѣскольку словъ о каждомъ изъ этихъ учениковъ Павла.

Яну изъ Вислицы принадлежитъ поэма *о прусской войнѣ* (Bellum Pruthenum. Cracov. 1516.). Вотъ еще одинъ изъ пѣвцовъ Гринвальдской побѣды, и уже не простой разскащикъ, подобный тому, о которомъ мы говорили выше, но смѣлый подражатель Виргиліевой Энеиды. Въ его поэмѣ уже имѣетъ мѣсто такъ называвшаяся нѣкогда *этическая машина*, гдѣ боги Олимпа судятъ о дѣлахъ человѣческихъ, а люди подобно слѣпымъ орудіямъ дѣйствуютъ согласно указаніямъ этой верховной воли. Напрасно мы стали бы искать той живой вѣры въ Бога, которая такъ характеристически отличаетъ богатырское лицо Ягеллы. Здѣсь портретъ его скопированъ съ героевъ троянскихъ, его судьбою распоряжаются миѳологическія божества, къ которымъ поэтъ взываетъ рядомъ съ обращеніемъ къ Пресвятой Богородицѣ и св. Станиславу. Но это общіе недостатки вѣка; къ чести же Яна можно сказать то, что онъ свободно владѣетъ латинскимъ языкомъ, и многіе изъ его разсказовъ не чужды истинно-поэтическаго достоинства. Возьмемъ слѣдующій отрывокъ изъ второй пѣсни:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Przez smętne serce mistrza i wodzów gromady,
Dreszcz przebieżał niemarny, i strach osiadł blady,
Piersi sparły się chłodem, pot z czoła się sączy,
Stanęła myśl ucieczki jako port ochrończy—

Niemiec chce unieść głowę przed potyczką srogą,
Chce bieżeć i rumaka zakrwawia ostrogą,
Ale próżne zabiegi — trzeba podać czoło,
Hufce Polski i Litwy sparły się w około,
Trwożny jeździec tu ówdzie, miota się i baczy
Kędy umknąć bez ładu, rzezi i rospaczy; —
Jak w dolinie Epiru między gęste drzewa
Jeleń od psów ścigany umknąć się spodziéwa,
Skacze na wyższe wzgórki, na doliny wzlata,
Kędy lasy bezdrożne, kędy tarń kolczata,
Nakoniec ocalenie puszcza na traf ślepy,
Tak się falanga Niemców miota na oszczepy». [1].

Янъ изъ Вислицы пользовался славою знаменитаго поэта. Его наставникъ Павелъ изъ Кросна такъ обращается къ нему въ одной изъ своихъ элегій: «Я благословляю генія, «который при помощи моей согрѣлъ твое пламенное серд- «це... Дѣвственныя руки кастальскихъ богинь увѣнчали «тебя лаврами... Всѣ земныя горести пусть останутся без- «сильными въ своемъ дѣйствіи на тебя, чтобы ты не укло- «нился отъ того пути, который ты предызбралъ себѣ. Пер- «вые шаги всегда кажутся намъ трудными, но жизнь обо-

[1] *Переводъ.* «Въ сердцахъ сиятенныхъ предводителя и вождей громады невольная дрожь пробѣжала, и блѣдный страхъ въ нихъ вселился, грудь хладомъ стѣснило, потъ съ чела катится, какъ пристань спасительная мысль о бѣгствѣ явилась — унесть свою голову отъ стычки суровой Нѣ- мецъ помышляетъ, бросается въ бѣгство, и острыя шпоры въ бокъ коня вонзаетъ. Напрасны уловки: чело подать нужно, Литовскія и Польскія ко- лонны стѣснились кругомъ; робкій наѣздникъ бросается туда и сюда, на- блюдая, куда бы убраться въ безпорядкѣ отъ рѣзни и отчаянья. Какъ въ долинѣ Эпира межь густыхъ деревьевъ, олень гонимый псами дума- етъ укрыться, на высшіе холмы взбѣгаетъ, скачетъ по долинамъ, гдѣ лѣсъ непроходимый, терновникъ колючій, а наконецъ самъ свое спа- сенье слѣпой судьбѣ повѣряетъ: такъ фаланга Нѣмцевъ бросается на конья».

«гатитъ тебя опытомъ и уничтожитъ всѣ трудности. Такъ «черное желѣзо расплавляется и блескомъ своимъ затмѣ- «ваетъ серебро; такъ малая искра зажигаетъ легко воспла- «меняющіеся матеріалы; такъ черная сажа каптитъ стѣны «огромнаго дома. Пускай глаза твои не утомляются отъ «свѣта, не удаляйся съ литературнаго поприща.»

Гораздо выше Яна изъ Вислицы стоитъ его товарищъ по Академіи и также ученикъ Павла изъ Кросна *Янъ Флахсбиндеръ* Гданщанинъ, называемый обыкновенно *Дантышкомъ*. Этотъ первокласный геній Польши замѣчателенъ въ трехъ отношеніяхъ: какъ знаменитый поэтъ, какъ искусный царедворецъ и дипломатъ и какъ неутомимый путешественникъ. Жизнь его чрезвычайно многостороння и полна странныхъ приключеній. Онъ объѣхалъ Грецію, Аравію и Палестину, былъ посломъ въ Римѣ, Венеціи и Германіи. Вмѣстѣ съ Карломъ V, очень любившемъ его, онъ былъ въ Испаніи и Бельгіи, путешествовалъ по Франціи, Даніи и Англіи, словомъ — объѣхалъ всю Европу и половину Азіи. Императоръ Максиміліанъ возложилъ на него лавровый вѣнокъ и возвелъ его въ шляхетское достоинство. Томицкій рукоположилъ его въ епископы, папа и Сигизмундъ I утвердили его сперва на хелминскомъ, а потомъ на ворминскомъ епископскомъ престолѣ. Какъ искусный царедворецъ, онъ умѣлъ пріобрѣсть себѣ милость монарховъ, значеніе въ обществѣ, богатство, дружбу и славу. Равно пользовался онъ дружбою и Георгія Сабина, открытаго протестанта, и довѣренностью подозрительнаго Эразма Роттердамскаго, и любовью Гозія, ревностнаго католика. Мы не знаемъ какъ сообразить все это съ призваніемъ поэта; но достовѣрно только то, что царедворецъ въ Дантышкѣ бралъ верхъ надъ поэтомъ и по своему произволу настроивалъ его лиру. Будучи духовнымъ и епископомъ, онъ писалъ: *Церковные Гимны въ подражаніе*

Прудентію (Liber hymnorum, ad imitationem Prudentii, Crac. 1548) и *Стихотвореніе* (Carmen) къ Константину Аллопагу, въ которомъ жалуется на нововведенія въ дѣлѣ вѣры и убѣдительно внушаетъ молодымъ умамъ смиреніе въ истинахъ вѣры; но при всемъ томъ самъ колебался въ вѣрѣ отцовъ своихъ, и если не оставлялъ ея, то потому единственно, что опасался потерять свой духовный санъ; писалъ любовные стихи (Elegia amatoria 1518), а въ Испаніи имѣлъ непозволительныя связи съ Изабеллою дель-Гада. Онъ написалъ громкіе и прекрасные стихи на бракосочетаніе Сигизмунда I (1512 г), умолялъ короля, чтобы онъ благосклонно принялъ первые опыты юнаго таланта (Primitias scribae suscipe quaeso tui), а между тѣмъ сочинилъ на того же Сигизмунда, своего благодѣтеля, на его супругу Бону и сына Сигизмундова Августа слѣдующую колкую эпиграмму:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Kto dziecku, kto starcowi, kto niewieście służy,
Rzadko kiedy nagrodę dla siebie wywróży,
Nie służ dziecku, bo w rannéj wypieszczone wiośnie,
Zapomni twoich zasług gdy w lata urośnie;
Zasię starca wiek krótki, we chciwości więdnie,
Tylko próżne nadzieje dawa nieoszczędnie;
A potężna niewiasta za gorliwe chęci,
Lada czém rozdrażniona, ma zemstę w pamięci;
Nie idź w starca, niewiasty, i dziecka rozkazy,
A jeśliś niezależny, szczęśliwy sto razy».[1]

[1] *Переводъ.* «Кто старцу, дитяти, женѣ угождаетъ, тотъ рѣдко награду для себя получитъ; не служи дитяти: въ ранней веснѣ жизни дитя избалованное забудетъ услуги твои, возросши лѣтами; вѣкъ старца короткій, увядаетъ въ алчности, не скупится онъ только на пустыя надежды; могучая дѣва, за любовь усердную, чѣмъ-нибудь раздосадованная, держитъ месть на памяти; не слушай старца, дитяти, женщины повелѣній; если-жъ ты независимъ, во сто разъ ты счастливѣе».

Чтобъ угодить Полякамъ, онъ поражалъ проклятіями Данцигъ, свой отечественный городъ, за его гордость, богатство, роскошь и раскольничество, тѣ именно недостатки, которые ему самому были общи съ его соотечественниками. Возведенный въ шляхетское достоинство, одѣтый епископскою мантіею, онъ говоритъ своимъ землякамъ—жителямъ Данцига, «что для нихъ мѣщанъ хороша и шерстяная одежда». Словомъ—мы должны отдать справедливость таланту, но не сердцу Дантышка. Мы не читали всѣхъ его произведеній; но судя по тѣмъ, которыя дошли до насъ, мы можетъ-быть и ошибочно говоримъ, что сатиры его замѣчательны большею силою и большимъ поэтическимъ талантомъ, чѣмъ панегирики. Для доказательства вотъ его стихотвореніе: *Пророкъ Іона о разрушеніи города Данцига* (Jonas Propheta de interitu civitatis Gedanensis (1530), написанное энергически, сильно:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Urbs nova, dives opum, Dantiscum sive Gedanum,
«Accipe divina quae tibi mente loquor».

«Nowe bogate miasto co cię zowią Gdańskiem!
Przyjm słowa, któreć niosę w rozkazaniu Pańskiém:
Krótki czas—jeśli grzechów oie przestaniesz daléj,
Twoja cię własna zbrodnia z posady obali.
Prędko wzrosłeś, lecz przebóg i zguba twa chyża,
Twój dzień, miasto niewdzięczne! rychło się przybliża. [1]

[1] *Переводъ.* «Городъ новый, богатый, который зовутъ Гданскомъ! Прими тѣ слова, что я тебѣ внушаю по велѣнію Божію. Время бѣжитъ: если и далѣе отъ грѣховъ не престанешь, то само твое преступленіе падетъ на твою голову. Ты скоро возросъ; но увы! и конецъ твой уже близокъ, и быстро день твой, городъ неблагодарный! быстро приближается. На лонѣ своемъ возрастилъ ты безбожіе, роскошь и гордость, три чудовища, которыя готовятъ гибель неминуемую. Распутный, надутый своимъ преступленіемъ черными, ты думаешь, Данцигъ, что все про-

Bezbożność, pycha, roskosz, zawładły twe łono,
Trzy potwory, gotując zgubę nieminioną.
Wyuzdany, nadęty twją zbrodnią czarną,
Mniémasz Gdańsku! że wszystko uchodzi bezkarno.
Twój senat trzema grzechy głośno znany światu,
Twój lud, zabójczy przykład bierze od senatu,
Bezbożność, pycha, niewstyd, gdzie zasiądą z władzą,
Ludy, miasta, królestwa ze szczętem zagładzą.
Wszechmocny, znieść tych zbrodni daléj już nie może,
Popraw się, bo nad tobą ukaranie Boże.
Pan w gniéwie sprawiedliwym z posady cię wzruszy,
Jeśli słowa mojego nie przyjmiesz do duszy.
Naprzód poślub odwieczną wiarę twych pradziadów,
Zwróć na drogę zbawienia od bezbożnych śladów;
Wierz jak twoi ojcowie, a czyniąc pokutę
Zaniechaj złe nowości, bo jadem zatrute.
Potém, złóż brzydką pychę, bogactwa i cześci,
Któréj ogrom zaledwie w twém sercu się zmieści. —
Niechaj szczérota serca, będzie stróż twój główny,
Strój się raczéj w uczciwość niż w kszartałt powierzchowny.

ходить безнаказанно. Сенатъ твой гласно тренія грѣхами всему извѣстенъ міру; народъ твой, убійствомъ оскверненный, беретъ примѣръ съ сената; гдѣ безбожіе, гордость, безстыдство властію утвердятся, тамъ въ конецъ уничтожатъ они города, королевства и народы. Всеногущій не можетъ сносить долѣе этихъ преступленій; исправься, потому-что надъ тобою тяготѣетъ казнь небесная. Господь въ праведномъ гнѣвѣ изгонитъ тебя изъ земли твоей, если моихъ словъ не примешь ты къ сердцу. Прежде всего обратись къ древней вѣрѣ твоихъ праотцевъ, вернись къ благочестію отъ путей безбожныхъ; вѣруй такъ какъ твои отцы, и въ духѣ покаянья оставь злыя новости, потому-что онѣ отравлены ядомъ. Потомъ отбрось скверную гордость хвалы и богатства, которую едва можетъ вмѣстить твое сердце. — Пусть искренность сердечная будетъ твоимъ главнымъ стражемъ; лучше облекайся честностью, чѣмъ внѣшнимъ убранствомъ. Дѣва, которая нынѣ ходитъ съ обнаженнымъ лономъ, пусть свою грудь и плечи покроетъ покровомъ; пускай юная невѣста на шеѣ безстыдной не вьетъ чужихъ волосъ въ искусныя кольца. Отбросьте

Dziewica co dziś nosi otworzyste łono,
Niechaj piersi i ramie ogarnie zasłoną;
Niechaj młoda niewiasta na bezwstydnéj szyje,
Cuzdych włosów na pukle misternie niewije.
Zrzućcie perły, łańcuchy, i atłas bogaty,
Dosyć na waszą godność, i wełnianéj szaty —
Tak chadzały twe przodki — pokolenie świéże?
Precz się wstydzisz ubierać w skromniejsze odzieże?
Wiarę waszemu Panu dochowajcie wszędzie,
W łagodnych jego rządach, bespieczno nam będzie —
Nie dmij się, że ci morze swe skarby przysyła,
Kto siła zarobkuje, ten utraca siła.
Czyń przed Bogiem pokutę i wyznaj twe zbrodnie,
Twą skruchę, i poprawę okaż mu dowodnie.
Przestań sektarskich schadzek; i rozpustnéj mowy,
Grzechów co znasz się winnym w obliczu Jehowy.
Wszelkie zelżywe gwałty, rozpustne wieczerze,
We łzach twojego serca wyspowiadaj szczérze,
Potém zwyciężaj żądzę cielesnéj słodyczy,
Niech wszeteczność przywdzieje worek pokutniczy,

перлы, цѣпи золотыя и атласъ богатый: для вашего достоинства довольно и шерстяной одежды. — Такъ одѣвались твои предки — свѣжее поколѣніе! Напрасно стыдишься ты носить болѣе скромныя одежды? Во всемъ сохраните вѣрность вашему господину, а власть его прочная дастъ вамъ полную безопасность — не гордись тѣмъ, что море шлетъ тебѣ свои сокровища: кто силою зарабатываетъ, тотъ теряетъ много. Покайся предъ Богомъ, сознай свои вины, покажи Ему осязательно твое покаяніе и исправленіе. Закрой еретическія сходки и рѣчи развратныя; отстань отъ грѣховъ, въ которыхъ предъ лицемъ Іеговы сознаешь себя виновнымъ. Въ искреннихъ слезахъ умиленія исповѣдайся предъ Нимъ въ позорномъ насиліи и пиршествахъ разврата; потомъ побѣждай похоть плотскую сладострастія, пусть блудодѣяніе облечется въ ризу покаянія, дайте бѣднымъ милостыню, — пусть будетъ сугубо вознаграждена собственность обманутой братьи, исхищенная торговлею: велика сила бѣдняковъ презрѣнныхъ и уничиженныхъ, нищій испроситъ тебѣ вѣчное благословеніе; такъ поступайте и съ прочими грѣхами (и я надѣюсь) что смягчится надъ

Biédnym dajcie jałmużnę — niech się hojnie spłaci
Własność handlem wydarta oszukanéj braci,
Wiele znaczą nędzarze wzgardzeni i podli,
Żebrak błogosławieństwo wieczysteć wymodli,
Tak czyńcie z reszty grzechów (mam dobrą nadzieję)
Potężna pomsta Boża dla was złagodnieje.
Mieliście już trzy klęski, srogość ich przestrasza,
Niechże czwarta nie przyjdzie bo to zguba wasza:
Szło mórowe powietrze, szła pożarów siła,
Pomnisz Gdańsku jak woda twe miasto podmyła?
Już karę trzech żywiołów mając przed oczyma,
Ślepi! mniemacie może iż kar więcéj niéma;
Cóż jeśli zadrga ziemia? i klęska natury
Zagarnie i pochłonie nieprawości mury?
Cóż gdy handlowe sprawy zniszczą boje cudze?
Gdy się zboże zatrzyma w Wiślanéj żegludze?
Albo Bóg zagniewany któremu tak łatwo
Zeszle żwierze drapieżne pastwić się nad dziatwą.
Przyjdą wilki, tygrysy, lamparty, niedźwiedzie,
I lwica Afrykańska swój orszak przywiedzie,

вами грозное мщеніе Божіе. Вы испытали уже троякаго рода бѣдствія: ихъ быстрота ужасна; не дай Богъ вамъ подвергнуться и четвертому, въ немъ погибель ваша; шла моровая язва, шла сила пожаровъ; помнишь ли, Гданскъ, какъ вода подмыла твой городъ? Итакъ, имѣя предъ глазами казнь трехъ стихій, слѣпцы! вы думаете, что уже нѣтъ болѣе казней. Что, если земля поколеблется? и казнь природы обниметъ и поглотитъ стѣны беззаконія? Что, если успѣхи торговли уничтожитъ мечъ иноземный? Если подвозъ хлѣба остановится въ своемъ плаваніи по Вислѣ? Или Богъ во гнѣвѣ, которому все такъ легко, пошлетъ хищнаго звѣря, который будетъ терзать вашихъ дѣтей, придутъ волки, тигры, леопарды, медвѣди, и Африканская львица придетъ съ своей свитой, змѣй окружитъ твои стѣны — хотя бы ты и возвышалъ свои башни, но можетъ ли человѣкъ безъ помощи Божіей защитить себя отъ погибели? Падутъ твои башни, какъ домъ изъ картъ; Гданскъ! ты громко возстонешь, лишившись своихъ богатствъ, силы тебя оставитъ, и тѣ наслажденія и дары, которыми ты теперь безпутно пользуешься, не зная умѣрен-

Smok oblęże twe mury — choćbyś wzmacniał wieże,
Kiedyż człowiek bez Boga zguby się ustrzeże?
Złamią się twoje baszty jako domy z karty,
Gdańsku! jękniesz boleśnie z twych bogactw odarty,
Opuszczą ciebie siły, roskosze; i dary,
Których dzisiaj bezecnie używasz bez miary.
W sadach nocnéj rozpusty, i w domach od złota
Rozpaczliwie zamieszka łkanie i zgryzota,
Pychę, zbytek, nieczystość, co psuły wam łono
Przepaściste czeluści wraz z wami pochłoną.
Wołałem Niniwitom: powstańcie ze zbrodni!
Powstali — wołam do was Gdańszczanie niegodni,
Długa cierpliwość Boża — mierząc cios ku głowie,
Pan czeka na zbrodniarzy i do skruchy zowie.
Lecz gdzie zbrodnia nad miarę urasta widocznie,
Oddali miłosierdzie, a chłostę rozpocznie».

Вотъ два другіе образца стихотвореній Дантышка:

НАЧАЛО ОДЫ НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ СИГИЗМУНДА I СЪ ВАРВАРОЮ ЗАПОЛЬСКОЮ.

(Переводъ).

«Arctoas strepuit felix Hymeneus ad oras...

«Zagrzmiał szczęśliwy Hymen w północnéj krainie.
Wre powietrze odgłosem, trąba się rozlega,

ности. Въ садахъ ночнаго разврата, въ домахъ блестящихъ золотомъ поселятся плачъ и печаль отчаянія; гордость, блудъ и распутство, которые развращали ваше лоно, вмѣстѣ съ вами будутъ поглощены зіяющей бездной. Я взывалъ къ Ниневитянамъ: оставьте пороки! И они оставили;—къ вамъ взываю, недостойные жители Данцига! безконечное долготерпѣніе готовитъ ударъ на ваши головы; Господь ожидаетъ отъ преступниковъ и зоветъ къ покаянію; но гдѣ преступленіе очевидно превосходитъ всѣ мѣры, оттуда Онъ удалитъ милосердіе и начнетъ Свои казни».

Głos fletni rozigranych aż pod gwiazdy płynie,
A surma grzmoce taktem od brzega do brzega.
Liry i harfy grają pieśń miłéj ochoty,
Idzie senat, rycerstwo i pancerne roty,
I proszą cię Zygmuncie o chwalebny panie!
Z jasnem czołem wyjdźć spotkać coć niebo przysyła.
Idzie z węgierskiéj ziemi narzeczona miła,
Niech wesołe a szczęsne będzie powitanie.
Niech będzie uczęstniczką twéj królewskiéj dole,
Niech pańska dyadema błyszczy na jéj czole;
Bo zaiste dostojna monarchicznéj cześci.
Być małżonką i matką królów w majestacie,
Jednę podobną wydał cały ród niewieści,
I tę jednę wyroki przysądziły dla cię».[1]

Еще при жизни онъ написалъ себѣ слѣдующую *эпитафію*:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Jam sexaginta coeunt et tres simul anni».

«Już lat sześćdziesiąt i trzy nastało,
Jakem na ziemię przysłany w gości, —
Fatalną chwilę czuje me ciało,
Co bywa wielu kresem wieczności.

---

[1] *Переводъ.* «Загремѣлъ счастливый Гименей въ сѣверной странѣ, эхо потрясаетъ воздухъ, труба раздается, голосъ флейты звучащей восходитъ до звѣздъ, сурна гудитъ тактами отъ одного берега до другаго. Лиры и арфы играютъ пѣсни милаго веселья, идетъ сенатъ и рыцари и роты латниковъ, и просятъ тебя, Сигизмундъ, государь достохвальный: выдь съ лицемъ свѣтлымъ на встрѣчу тому, что тебѣ посылаетъ небо. Идетъ изъ венгерской земли милая тебѣ невѣста; пусть веселою и счастливою будетъ ваша встрѣча, пусть она раздѣлитъ твою судьбу королевскую, пускай діадима чело ея украситъ, потому-что воистину она достойна королевской чести; цѣлый женскій родъ создалъ одну только, чтобы быть ей супругою и матерью королей въ ихъ величіи, и эту одну судьбы тебѣ присудили».

Gdy i mnie Niebo powołać może,
Niech się w tych słowach mój wiek ogarnie:
Długom się bawił na królów dworze,
Byłem pastérzem dwójga owczarnie,
Dziś leżą w ziemi me kości stare,
Niech dusza w niebie szczęścia nie traci—
Życz mi, przechodniu, a w takąż miarę
Twoja potomność tobie wypłaci». [1]

Дантышекъ жилъ въ тѣсной дружбѣ со многими современными знаменитостями, какъ отечественными, такъ и заграничными. О славномъ Фердинандѣ Кортесѣ онъ пишетъ: «Этотъ «великій Кортесъ, который прибавилъ столько новыхъ странъ «къ извѣстному уже міру, который повелѣваетъ за экватo-«ромъ и подъ звѣздами Козерога, всегда помнитъ обо мнѣ, хо-«тя насъ и раздѣляетъ такое огромное пространство.» Онъ писалъ въ похвалу безсмертному сочиненію Коперника: *О движеніи небесныхъ тѣлъ,* на что великій астрономъ отвѣчалъ ему: «Я получилъ твое дружественное письмо, при которомъ ты «присылаешь стихи—обращеніе къ читателямъ моей книги; «я сознаюсь, что достоинство этого произведенія превышаетъ «мои скромныя заслуги, что оно есть слѣдствіе того снисхо-«дительнаго сочувствія, которымъ ты удостоиваешь всѣхъ, «занимающихся науками. Я помѣщу ихъ въ началѣ моего «труда, если онъ окажется достойнымъ этой чести, въ чемъ «однако сомнѣваются мужи болѣе меня ученые, мнѣніе ко-«торыхъ не можетъ не быть для меня обязательно». Данты-

[1] *Переводъ.* «Уже проходитъ шестьдесятъ третій годъ съ тѣхъ поръ, какъ я присланъ гостить на землѣ, — мое тѣло чувствуетъ ту роковую минуту, которая для многихъ бываетъ предѣломъ вѣчности; если небу угодно будетъ призвать и меня, пусть моя жизнь взобразится въ слѣдующихъ словахъ: долго я веселился при дворѣ королей, и былъ я пастыремъ двухъ стадъ; теперь въ землѣ лежатъ мои старыя кости, но пусть душа не утратитъ въ небесахъ блаженства,—пожелай мнѣ этого, прохожій, а потомство такимъ же образомъ и тебѣ отплатитъ».

шекъ скончался около 1548 года на рукахъ Евстахія Кнобельсдорфа Аллопага, который былъ подъ его опекою. Скажемъ нѣсколько словъ о *Кнобельсдорфѣ*, какъ извѣстномъ латинскомъ поэтѣ.

Этотъ доровитый каноникъ варминскій, пользуясь дружбою епископовъ Дантышка, Тидемана Гозія и потомъ Станислава Гозія, писалъ въ честь ихъ панегирики, которые, отнюдь не будучи низкою лестью, были выраженіемъ дани, вполнѣ заслуженной мужами истинно великими. Онъ велъ поэтическую переписку съ Дантышкомъ. Первое его стихотвореніе: *Carmen paraeneticum* въ честь Дантышка (1539), пріобрѣло ему благосклонность этого епископа и прекрасный отвѣтъ латинскими же стихами. Кнобельсдорфъ, проживая въ Лованіумѣ и Парижѣ, составилъ описаніе этихъ городовъ, одного для Дантышка (1542), а другаго для Гозія Тидемана. Онъ оплакивалъ смерть Сигизмунда I, взывалъ къ Сигизмунду Августу о бѣдствіяхъ католической церкви (Ecclesia Catholica afflicta 1557.) и т. д. Изъ отрывковъ его элегіи на смерть Тидемана, которые мы находимъ у Юшинскаго, видно, что Кнобельсдорфъ былъ истиннымъ поэтомъ, а не холоднымъ риѳмотворцемъ. Вмѣсто общихъ мѣстъ, которыя обыкновенно встрѣчаются въ стихахъ подобнаго рода, Кнобельсдорфъ такъ говоритъ умершему Тидеману:

«Къ чему было торопиться тебѣ въ эту вѣчность?.... вѣдь «ты и такъ будешь жить въ ней и вмѣстѣ съ нею. О Тиде«манъ! Зачѣмъ я увидѣлъ въ тебѣ безсмертнаго Дантышка, «не для того ли, чтобы снова оплакивать мнѣ его смерть въ «твоей? Но Провидѣніе вручило скипетръ великому королю «для того, чтобы онъ возводилъ на престолъ варминскій однѣ «только заслуги и высокіе таланты. Такъ теперь вступилъ «Гозій, и осиротѣлая печаль каѳедры снова засіяла новы«ми лучами...»

Третьимъ по порядку ученикомъ-поэтомъ Яна изъ Кросна былъ *Рудольфъ Агрикола изъ Вассербурга*. Родомъ Нѣмецъ, онъ воспитывался въ Краковской Академіи, потомъ былъ домашнимъ учителемъ Конарскихъ и наконецъ сдѣланъ былъ профессоромъ Академіи. Болѣе философъ, чѣмъ поэтъ, онъ написалъ элегію, гимнъ о св. Станиславѣ, о страданіяхъ Господнихъ и сафическую оду въ честь Сигизмунда Герберштейна и т. д. Но чаще всего Агрикола писалъ предисловія, объясненія и похвальные отзывы на книги, издаваемыя какъ имъ самимъ, такъ и другими, и такихъ его трудовъ насчитываютъ до 20. Обычай помѣщать чужую похвалу во главѣ сочиненія, бывшій въ духѣ вѣка, въ эпоху іезуитизма дошелъ до неслыханнаго злоупотребленія; но въ ту пору, о которой мы теперь говоримъ, съ личнымъ достоинствомъ хвалившаго и хвалимаго умѣли соединять очень тонкую похвалу въ честь самого сочиненія. Приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ похвалъ, писанныхъ Рудольфомъ Агриколою, чтобы дать понятіе и о нашемъ поэтѣ, и о томъ родѣ поэзіи, о которой теперь рѣчь.

Въ предисловіи къ своему изданію писемъ Кратеса Оиванца (1518.) Агрикола помѣстилъ стихотвореніе, состоящее изъ восьми стиховъ, которые мы здѣсь приведемъ прозою. «Юноша! прими эти правила почтенной школы Циниковъ. «которыя здѣсь еще умножены важными сентенціями. Пус«кай не пугаетъ тебя угрюмый Катонъ и суровые ценсоры, «которые, нѣкогда жестоко порицая нравы и смотря на все «окомъ подозрѣнія, носили имя Циниковъ. Здѣсь есть Ци«никъ, который обогатитъ тебя началами правой жизни — «спѣши, если хочешь быть мудрымъ.»

При томъ же сочиненіи помѣщено стихотвореніе Агриколы: *О бѣдственности человѣческой жизни* (de miseria vitae humanae).

Книгу Аристотеля: *О душѣ* (de anima 1512.), онъ подарилъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Если ты хочешь проникнуть въ таинства природы, из-
«вѣданныя нѣкогда старыми философами, то обращайся къ
«знаменитымъ сочиненіямъ великаго Аристотеля, котораго
«мало кто въ мірѣ превышалъ мудростью. И если онъ пре-
«жде былъ не вѣренъ, шероховатъ и сбивчивъ, за то теперь
«свѣтлѣе солнечныхъ лучей. Читай его въ двойномъ изло-
«женіи, совершенномъ тамъ, гдѣ Краковъ возвышается до
«самаго неба.»

При изданіи нѣсколькихъ посланій св. Евсевія и Іеронима Стридонскаго, объясненныхъ и пополненныхъ Эразмомъ Роттердамскимъ (1519), Агрикола помѣстилъ слѣдующее обращеніе *къ читателю*:

«Письма Іеронима, которымъ возвратилъ ихъ прежнюю
«святость Эразмъ Роттердамскій, умнѣе которого между его
«современниками еще не видѣло солнце, напечаталъ сво-
«имъ прекраснымъ шрифтомъ добрый Вѣторъ, въ Краковѣ,
«знаменитомъ городѣ Польши, желая дать тебѣ возможность
«научиться у этого мудреца, какъ лучше понимать Христа,
«говорить со Христомъ и сообразно съ Его волею располагать
«свою жизнь.»

Ученикомъ Агриколы въ краснорѣчіи и поэзіи былъ *Валентій Эцкій*, который вмѣстѣ съ своимъ учителемъ принадлежитъ къ нашей литературѣ, но не къ нашему роду. Онъ происходилъ изъ Лейпцига. Два раза жилъ онъ въ Краковѣ: однажды, когда былъ ученикомъ, и въ другой разъ, когда преподавалъ литературу, какъ профессоръ Академіи. Его латинскія стихотворенія всѣ почти напечатаны въ Краковѣ; перечислимъ тѣ изъ нихъ, которыя предметомъ своимъ имѣютъ Польшу.

Стихи въ честь Рудольфа Агриколы (1512), Гимнъ Кра-

кову (1514), Объ искусствѣ стихосложенія (1515), Расторопны-ли мужчины брать себѣ женъ (1518), Стихи о невниманіи къ вѣрѣ (1518) и т. д. Эцкій, человѣкъ, имѣющій значеніе въ наукѣ, вообще для Польши и научныхъ похвалъ ей, какъ поэтъ не занимаетъ высокаго положенія. Переведемъ отрывокъ изъ его письма къ Фердинанду, королю чешскому и венгерскому, изъ котораго видно, что Эцкій до 1530 года служилъ въ войскѣ.

(переводъ).

«Aońskie Pierydy ustąpcie mi z głowy!
«Obóz mię wzywa Marsowy—
«Niedosyć doma czuwać co się w kraju zdarzy,
«Pisać prawa dla dobrych, a karcić zbrodniarzy;
«Dziś mi w szyku wojennym służyć rozkazali,
«Dźwigać oręż w prawicy niezwykłéj do stali.
«Biorę pawęż; i szyszak przymierzam do głowy,
«Zdala muzy od zbrojnéj czeladzi Marsowéj!»

Сказавши нѣсколько словъ о Цельтесѣ, Агриколѣ, Эцкіѣ,—иностранцахъ, писавшихъ въ Польшѣ, о Польшѣ и для Польши, мы должны однакоже замѣтить, что намъ нѣтъ возможности перечислить всѣхъ поэтовъ и прозаиковъ этого рода. Просвѣщенная страна Ляхитовъ тѣсно была связана съ Европою, во многомъ заслуживала ея вниманія, и Европа вполнѣ воздавала ей эту честь въ лицѣ своихъ представителей. Эней Сильвій (потомъ папа Пій II), Эразмъ Роттердамскій, Юстъ Липсій, Маркъ Антоній Муретъ, кардиналъ Бембо, Медичи

---

[1]) *Переводъ.* «Аонискія Піериды, оставьте меня! теперь меня взываетъ бранный кликъ Марса—недовольно дома слѣдить за тѣмъ, что случается въ отечествѣ, писать законы для добрыхъ и карать преступныхъ; нынѣ мнѣ приказали служить въ воинскомъ строю, носить оружіе въ десницѣ, непривыкшей къ желѣзу; беру шлемъ и шишакомъ голову покрываю. Музы, подальше отъ вооруженной дружины Марса!»

и множество другихъ знаменитостей Европы дружились съ Поляками, посвящали имъ свои сочиненія и отдавали имъ справедливость въ своихъ прозаическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ. Исчислить всѣ эти сношенія не всегда для насъ возможно при краткомъ объемѣ нашей книги; но, упоминая о важнѣйшихъ изъ нихъ, мы не считаемъ себя вправѣ пройти молчаніемъ два поэтическія произведенія, написанныя въ честь Коперника знаменитымъ датскимъ астрономомъ *Тихо-Браге*. Извѣстно, что Тихо-Браге своею астрономическою системой опровергалъ теорію Коперника о движеніи земли и неподвижности солнца; не смотря однакожь на это, ученый Датчанинъ не могъ не преклониться предъ геніемъ Поляка — своего товарища. Одно изъ этихъ произведеній есть чистѣйшая импровизація: *О деревянной параллактической машинѣ*, изобрѣтенія и работы Коперника, которую Тихо-Браге получилъ въ подарокъ отъ Яна Ганновія.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Is qualem non terra per saecula multa
Procreat...
Is ille qui caelo genitus, caelestia terris
Progenuit...».

«Takiego męża, ziemia przez wiekowe chwile
Wydać nie w sile...
Niebo go urodziło uczyć rod człowieczy
Niebieskich rzeczy... [1]

---

[1]) *Переводъ*. «Такого мужа въ теченіе вѣковъ земля произвести не въ состояніи; его родило небо учить родъ человѣческій знанію небесныхъ вещей... Онъ поколебалъ цѣлое небо законами предвѣчными, удержалъ солнце и землѣ велѣлъ двигаться, лунѣ указалъ, гдѣ ей быть надлежитъ, преобразовалъ лице небесъ. Коперникъ не колеблется высту-

On zachwiał całe niebo prawami wiecznemi,
Słońce zdołał zatrzymać, i kazał biedz ziemi,
Księżycowi ukazał gdzie mu być potrzeba,
Przekształcił oblicze nieba.
Kopernik na to dzieło iść się nie zachwiewa.
Z laską tylko kunsztownie ustruganą drzewa,
Pisze prawa niebiosom jego mądra władża,
Pod wymiar lichéj trzaski gwiazdy podprowadza,
Zatrzymywa ich biegi, z niebem spaja duszę.
Nikt jeszcze ze śmiertelnych od początku świata
Nie był tak wszechmogącym — cóż nad geniusze?
Niegdyz olbrzym, gdy w niebo wysokie kołata—
Składa góry na górach, głaz na głazy wali,
Ossę, *Pelion*, *Etnę*, zgromadza na stosy,
Przecięż silni na ciele, ale duchem mali,
Nie zdołały olbrzymy wdarć się na niebiósy.
A ten, ten wielki mędrzec schylony nad księgą,
Wątły ciałem, lecz silny umysłu potęgą;
Nie wsparty żadną mocą, z małą trzaską drzewa
Wszcdł na szezyt firmamentu s kąd słońce dogrzewa
O! to pamiątka mędrca — ze wszystkiemi blaski,
Złoto jeszcze niegodne okupic téj trzaski».

пить на это дѣло съ одною только искусственно обдѣланною деревянною палкою. Пишетъ небесамъ законы его мудрая десница, подводитъ звѣзды подъ измѣренія чуднаго жезла, останавливаетъ ихъ теченіе, съ небомъ душу сливаетъ. Никто еще изъ смертныхъ отъ начала міра не былъ такъ всемогущъ? — что̀ выше генія? Въ старину когда исполинъ, поднимался къ небу высокому, клалъ горы на горы, валялъ камни на камни, *Оссу*, *Пеліонъ*, *Этну* взгромождалъ въ кучу, и однакожь, сильные тѣломъ, но слабые духомъ, исполины не могли взобраться на небо. А этотъ, этотъ великій мудрецъ, согбенный надъ книгою, слабый тѣломъ, но умственной силой могучій, не подкрѣпленный постороннею помощью, съ малымъ жезломъ деревяннымъ взошелъ на верхъ горизонта, откуда солнце теплоту проливаетъ. О! это память мудреца, — всемъ своимъ блескомъ золото еще не можетъ выкупить одной этой щепки».

Не много мы имѣемъ современныхъ памятниковъ равно поэтическихъ и славныхъ. Тихо-Браге написалъ это стихотвореніе мгновенно, пораженный мыслью о величіи Коперника. Другое его произведеніе—это стихи: *Къ портрету* того же *Коперника.*

(ПЕРЕВОДЪ).

«Aethere sublimi terram comitante Diana
«Carrere, ne Phaebus post modo pellat equos».

«Bież w powietrzu księżycu towarzyszu ziemi!
Niechaj słoneczny Febus zatrzyma swe konie,
I w środku firmamentu na spokojnym tronie,
Jak monarcha kieruje planety chyżemi.
A przedsię świat zostanie w jednostajnym względzie,
Rok, dzień, i noc zarówno przemieniać się będzie,
Wygodniéj wszelka gwiazda swoje biegi zacznie,
Gdy się olbrzym niebieski na miejscu ostoi,
Co się cofa, co idzie szybko lub nieznacznie—
A ziemia się poruszy na posadzie swojéj.
Kopernik co te wielkie pozakreślał plany,
Takie niegdyś miał oblicze:
Pytasz czemu w obrazie duch niezmalowany?
Część jego ducha wzięło niebo tajemnicze,
Część ducha wzięła ziemia—bo ten duch tak świéży
I niebiosom i ziemi równo przynależy. [1]

---

[1]) *Переводъ.* «Обтекай даль безвоздушную, луна, земной спутникъ! Пусть огненный Фебъ остановитъ свою колесницу, и среди небесъ, на неподвижномъ тронѣ, пусть какъ монархъ править теченіемъ быстрыхъ планетъ. А міръ вѣдь пробудетъ въ томъ же состояніи; годъ, день и ночь равно будутъ преемственно занимать другъ друга; каждая планета съ бо́льшимъ удобствомъ будетъ совершать свое теченіе тогда, когда исполинъ небесный не двинется съ мѣста, который отступаетъ, идетъ скоро или медленно — а земля подвинется на своемъ основаніи. Коперникъ,

Cóż ciało na obrazie co się wkrótce zetrze?
To połowa pamiątki — lecz i dusza żyje.
O! mędrzec który ziemię dźwignął na powietrze,
Nie wszystek z ziemi zegnije.

. . . . . .

Krzepki był ród olbrzymów co w zuchwałéj pysze,
Piętrząc góry na góry, i skały na skały,
Pragnął zdobywać świéte Olimpu zacisze,
Lecz go niebieskie gromy w pół drogi strzaskały.
Jeden tylko Kopernik do niebios się wznosi:
Szczęśliwszy czy silniejszy?—mądrość go natchnęła,
Wzruszył ziemię z górami, i gwiazdy z ich osi,
A żaden piorun nie śmiał przerywać mu dzieła.
Gniéwną chmurą zabiegło Jowiszowe oko,
Gdy się wzniosła olbrzymów buntownicza szyja,
Przyszedł mędrzec łagodny, i z myślą głęboką
Znurtował, zdobył niebo — sam Jowisz mu sprzyja.»

Отъ этихъ истинно-поэтическихъ, оживленныхъ неложнымъ огнемъ поэзіи, отъ этихъ невольныхъ пѣсней, кото-

---

который начертилъ столь великіе планы, имѣлъ нѣкогда такую физіономію. Ты спрашиваешь: почему на картинѣ духъ не изображенъ? Часть его духа взяло таинственное небо, часть взяла земля, — потому-что этотъ духъ, столь свѣжій, равно принадлежитъ и небу и землѣ. Къ чему это тѣло на картинѣ, которое скоро сотрется? Это только половина памятника — но живетъ и духъ. О! мудрецъ, который землю двигалъ въ воздухѣ, не можетъ всецѣло сгнить въ землѣ. . . . . Крѣпокъ былъ родъ исполиновъ, что въ гордости надменной, воздвигая горы на горы и скалы на скалы, хотѣлъ овладѣть священною сѣнью Олимпа, но громы небесные остановили его на половинѣ пути. Одинъ только Коперникъ восходитъ на небо: тамъ онъ счастливѣе или сильнѣе? Мудрость его вдохновила, онъ двинулъ землю вмѣстѣ съ горами, сдвинулъ звѣзды съ ихъ осей, и громъ недерзнулъ прервать его дѣла; тучами гнѣва омрачилось лице Юпитера, когда поднялся мятежный родъ исполиновъ, пришелъ скромный мудрецъ и мыслію глубокой проникъ, побѣдилъ небо — и Юпитеръ ему благопріятствуетъ.

рыя воспѣты генію Поляна датскимъ его сотрудникомъ, мы неохотно обращаемся къ расчитаннымъ похваламъ, хотя и направленнымъ въ честь великихъ монарховъ, но по побужденіямъ придворнаго этикета и ласкательства. Похвалы общепринятыя, полныя фразъ и выраженій, освященныхъ обычаемъ времени, и ядовитая сатира составляютъ главный характеръ поэта, на котораго мы по порядку должны обратить наше вниманіе: мужа равно знаменитаго на поприщѣ церкви, политики и литературы, обладавшаго рѣдкою ученостью и вліяніемъ. Мы говоримъ объ *Андреѣ Кржыцкомъ*.

Кржыцкій, подобно Дантышку, возвысился и въ церкви и въ сенатѣ, благодаря своимъ талантамъ, покровительству сильныхъ и умѣнью заискать себѣ благосклонность двора. Будучи племянникомъ епископа томицкаго, онъ одолженъ связямъ съ этимъ знаменитымъ министромъ какъ заграничнымъ своимъ воспитаніемъ въ Парижѣ и Болоньи, такъ и въ послѣдствіи своимъ значеніемъ на поприщѣ церковномъ и политическомъ. Возвратясь на родину, онъ сдѣланъ былъ священникомъ, и какъ схоластикъ познаньскій, тѣсно связанный съ личностью Яна, епископа любранскаго, служа ему своими богатыми познаніями въ языкѣ латинскомъ, въ свитѣ его совершилъ путешествіе въ Венгрію для сопровожденія оттуда Варвары Запольской (z Zapolya), невѣсты Сигизмунда I. Кржыцкій умѣлъ извлечь для себя пользу изъ этого обстоятельства: онъ вошелъ въ связь со многими венгерскими панами, а своимъ стихотвореніемъ въ честь новобрачной королевской четы (In Augustissimum Sigismundi Regis Pol. et Reg. Barbarae connubium Andr. Critii Carmen. 1512) обратилъ вниманіе па свои таланты и приверженность къ престолу, тѣмъ самимъ проложивъ себѣ путь къ милостямъ и высшимъ должностямъ въ государствѣ. Это

стихотвореніе Кржыцкаго заслуживаетъ занять мѣсто въ нашемъ разсказѣ.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Phoebe decus vatum pulcherrime Phoebe deorum».

Febie ozdobo wieszczów, piękny, nieśmiertelny,[1]
Promienny, wdzięczny lirą, i w postrzale celny —
Znijdź o dawco natchnienia ku téj niskiéj ziemi
I orzeźwij me piersi zdrojmi Aońskiemi —
Patrzaj jako nasz Kraków świetnieje w téj porze?
Jaki blask, jaki przepych na królewskim dworze,
Niechże wstąpi mi w usta święte wieszcza słowo,
Bym opiéwał tę wielką świetność narodową —
Niechaj mię moja pieśnia nad Homerów dźwignie,
Niech mię Kwirycki śpiéwak lotem niedościgne,
Co syt Kastalskiéj wody — piał Trojańskich synów
Znakomitą wędrówkę do ziemi Latynów.
Lecz cóż widzę? co słyszę? co za wielkie wieście
Jakież drogi gotują? zkąd ten gwar po mieście?
Zkąd ta chętka na sercu wykrzyknąć w téj porze?
Czemu tak świetne gwiazdy i ziemia i morze?
Siła mężów dmie w surmy, bije taktów krocie,
Pacholęta i giermki błyskają we złocie, —

[1] *Переводъ.* «Фебъ, украшеніе поэтовъ, прекрасный, безсмертный, лучезарный, добростунный, мѣткій въ стрѣльбѣ — податель вдохновенія! Снизойди въ эту низкую юдоль и оживотвори грудь мою струями аонскими! — Смотри какъ блистаетъ нашъ Краковъ въ эту пору! Сколько великолѣпія и убранства на дворѣ королевскомъ! Пусть же вступитъ въ мои уста священное слово поэтовъ, чтобы воспѣть мнѣ это великое торжество народное; пускай моя пѣснь возвыситъ меня надъ самимъ Гомеромъ; пусть полетомъ мысли меня не обгонитъ пѣвецъ Квиритовъ, который, струями кастальской воды напоенный, пѣлъ знаменитое плаваніе сыновъ троянскихъ въ землю Латинянъ. Но что я вижу? что слышу? какія вѣсти великія? кому путь готовятъ? что за шумъ въ городѣ? Откуда въ сердцѣ желаніе радостно воскликнуть? Отчего такъ блестящи и звѣзды, и земля,

Jedzie konno rycerstwo, co tu blasku wszędy!
Kapią złotem halsbanty, łancuchy i rzędy;—
Otoczony młodzieżą, jak obwity w kwiecie
Jedzie Łukasz na dzielnym spienionym dzianecie.
Ledwo młodzian, już dzieli obrady książęce—
I rylec prawodawczy piastuje w swéj ręce.
Łącząc um znakomity i bogactwo razem,
Jest wzorem obyczajów i cnoty obrazem.
Idzie piastun Chrystusów — złoty krzyż u łona
Zdobi piersi poważne jak piersi Katona.
To jest Nestor na wiecy, Lukullus w biesiadach,
To jest wierny Achates w senatorskich radach,
On dworu królewskiego podtrzymuje wieże,
Starych godeł monarszych i korony strzeże.
On w środku jako słońce, dzierżąc cugiel czerstwo
Na spienionym rumaku prowadzi rycerstwo.
Wzór pastérzów i chluba senatorskiéj ławy,
Jego oko ogniste, a wyraz łaskawy,
Jego czoło mądrością natchnęła Pallada,
Jego Juno bogactwy obdarzyła rada,

и море? Сила мужей сурны надуваетъ, бьетъ тактовъ безчисленное множество; отроки и пажи всѣ горятъ въ золотѣ; — ѣдетъ кавалерія; сколько здѣсь великолѣпія! золото течетъ съ эксельбантовъ, цѣпей и конской сбруи; — окруженный молодежью, какъ будто цвѣтами, ѣдетъ Лука на конѣ прекрасномъ, пѣною покрытомъ. Юноша уже участвуетъ въ княжескомъ совѣтѣ и жезлъ законодательный держитъ въ своей рукѣ; соединяя съ богатствомъ умъ знаменитый, онъ образецъ нравовъ и добродѣтели. Идетъ пѣстунъ Христовъ — золотой крестъ наперсный украшаетъ грудь сановитую, какъ перси Катона. Это Несторъ на вѣчахъ, Лукуллъ на пирахъ, вѣрный Ахатесъ въ совѣтѣ сенаторовъ; онъ поддерживаетъ башни двора королевскаго, бережетъ корону и древнія королевскія регаліи. Онъ какъ солнце; крѣпко держа знамя, на конѣ пѣною покрытомъ онъ предводительствуетъ рыцарями. Образецъ пастырей, украшеніе стула сенаторскаго, его взоръ пылаетъ, его лице кротко, его чело мудростью вдохновила Паллада, Юнона богатствами охотно его одарила, даже самъ Юпитеръ по любви къ нему далъ ему доблесть, далъ

Jemu nawet sam Jowisz przychylen nie mało
Dał dzielność, dał rostropność, starą i dojrzałą —
Gdyby wielu podobnych w senatorskiém gronie,
Królby polski spokojnie zas piał na tronie,
Ojczyznaby przywdziała wieniec szczéro-złoty,
On dobroczyńca mądrych, on przyjaciel cnoty;
Co mam — tom jemu winien z najszczérszego łona
Dank mu czuły przyznawam winny dla Patrona.
Póki głosu w mych piersiach, póki strón mi stanie,
Jego chwale poświęcam wszystko na śpiéwanie —
O nim dzielny Iberczyk, kudłaci Medowie,
I czarny Garamanta z méj pieśni się dowie.
Już Pieris natchnieniem rozjaśnia me lice,
Śpiéwam więc wielkich bogów, wielkie tajemnice.
Jest na Węgrzech Tenczyński zamek znakomity,
Aż po zorze sięgają jego wieżyc szczyty.
To zacny dóm Stefanów, sławien z dawnych czasów,
Bogatszy niż pałace, Krezów i Midasów,
Niżli Persy niż Indy bogatszy bez końca,
W nim wzrosła jako róża dziewa czarująca.

опытность зрѣлую и старую — еслибы по болѣе было подобныхъ въ кругу сенаторовъ, то король польскій спокойно спалъ бы на тронѣ, отечество украсилось бы вѣнцомъ золотымъ; всѣмъ, что имѣю, я ему обязанъ; отъ искренняго сердца я приношу ему чувство благодарности, какъ своему покровителю. Пока голосъ въ груди моей не прервется, пока струнъ достанетъ, все посвящу воспѣванію его славы — о немъ доблестный Иберіецъ, о немъ Мидянинъ длинноволосый и черный Гарамантъ изъ моей пѣсни узнаетъ. Уже Піерида вдохновеніемъ мое лице проясняетъ: я пою великое таинство великихъ боговъ. Есть въ Венгріи знаменитый Тренчинскій замокъ; его башни вершинами касаются небесъ. Тамъ домъ Стефана, славный съ древнихъ временъ, богатствомъ превосходящій палаты Крезовъ и Мидасовъ, безконечно богаче и Персовъ и Индѣйцевъ. Въ немъ возрасла дѣва, очаровательная какъ роза, прекрасная румянцемъ стыдливости на ангельскомъ лицѣ, дѣва происходящая по матери отъ древняго рода сарматскихъ властелиновъ — ее въ настоящую пору Сигизмундъ, король польскій, избралъ себѣ въ супруги, чтобы, соединившись

Krasna rumieńcem wstydu na anielskiéj twarzy,
Dziewa z gniazda starego Sarmackich mocarzy.
Po matce rod wiodąca — te w dzisiejszym czasie.
Wybrał Zygmunt król polski za małżonkę dla się.
Aby się błogim węzłem zobopólnie wsparłszy
Podzielić z nią swą przyszłość i swój tron monarszy,
Niemarne się niebiosom wydały korzyście,
Gdyby ród ten królował Polsce wiekuiście —
Na tém szczęściu ojczyzny trzy węgielne cegły,
Twardą ręką miłości ukute poległy.
I przychylne nam losy z godowemi godły
Młodzieńcowi żądaną dziewicę przywiodły.
Oto skąd rozruch w mieście, skąd ta świetność płynie,
O domie znakomity! skalisty Trenczynie!
Któż cię zdoła opisać opowiedzieć słowy,
Kto zliczy promieniste gwiazdy twojéj głowy.
O dziewico szczęśliwa z tak pięknego stadła,
Wejdziesz w gród Krakusowy, byś nasz tron zasiadła.
Tu roskosz niezrównana, tu przepych uajżywszy,
Tu Wenus zamieszkała swój Cypr opuściwszy,

съ ней вмѣстѣ союзомъ счастливымъ, раздѣлить съ нею свою будущность и свой тронъ монаршій. И небу польза показалась не малою отъ того, если родъ этотъ вѣчно будетъ царствовать въ Польшѣ, — на этомъ счастіи, связанные крѣпкимъ союзомъ любви, легли нерушимо три краеугольные камни отечества. И судьба, намъ благопріятная, съ предсказаніями брачными привела юношѣ вожделѣнную невѣсту. Вотъ откуда движеніе въ городѣ, откуда льется весь этотъ блескъ. О домъ знаменитый, утесистый Тренчикъ! Кто въ состояніи описать тебя, разсказать словами, кто исчислить всѣ лучезарныя звѣзды, украшающія твою голову?

О дѣва, осчастливленная такою прекрасною партіею! Ты вступишь въ градъ Кракуса, чтобы возсѣсть на нашемъ престолѣ. Здѣсь отрада ни съ чѣмъ несравненная, здѣсь великолѣпіе неслыханное тебя ожидаетъ; здѣсь поселилась Венера, оставивъ свой Кипръ; сюда изъ Аѳинъ Минерва перенесла свое жилище. Здѣсь дворецъ на удивленіе — всюду картинъ, вездѣ горитъ злато.—Дѣвица! только обрати свой взоръ, и тебя кругомъ обниметъ пышность истинно царская. Здѣсь галлереи,

Tu z Aten swe Minerwa przeniosła mieszkanie.
Tutaj dworzec napodziw — wszędy malowanie,
Wszędy złoto — dziewico! jeno obróć oczy,
Oto przepych królewski w koło cię otoczy.
Tu przysionki na słupach granitowych wsparte,
Tu obrazy cudnemi barwami natarte,
Tu misterne sklepienia, tutaj rzymskie sale,
O! i król Assyryjski nie żył tak wspaniale,
Tu wszystko czarujące do koła się ściska,
Tutaj z całego świata ujrzysz dziwowiska,
Tu muzyka cię zajmię, tu świetne widziadła,
O dziewico szczęśliwa z tak pięknego stadła!
Daléj ujrzysz sąsiednie krainy i miasta,
Gdzie rodzi się żelazo, gdzie złoto urasta,
Jednak i na nie Polska swój zakon nakładła,
O dziewico szczęśliwa z tak pięknego stadła!
Daléj ujrzysz w pośrodku tysiącznego grona
Męża, któremu śnieżna twa ręka sądzona.
Znaczny on w piękném gronie starszyzny ojczystéj
Jako w lesie zielonym jasion rozłożysty,

поддерживаемыя гранитными колоннами; здѣсь картины писанныя чудными красками; здѣсь искусственные своды, здѣсь римскіе залы;—о! самъ царь ассирійскій не жилъ съ такимъ блескомъ. Здѣсь собраны вокругъ тебя всѣ очарованія міра; здѣсь ты увидишь всѣ дивы, какія только есть въ мірѣ; тебя займутъ здѣсь музыка, блестящія видѣнія. О дѣва, осчастливленная такою прекрасною партіею! Дальше увидишь ты сосѣднія области и города, гдѣ родится желѣзо, гдѣ растетъ золото; однакожъ и на нихъ Польша распространила свой законъ. О дѣва, осчастливленная такою блестящею партіею!

Далѣе, увидишь, среди безчисленнаго собранія, мужа, которому предназначена твоя бѣлоснѣжная рука. Примѣтенъ онъ въ блестящемъ кругу старѣйшинъ отечества, какъ въ лѣсу зеленомъ ясень вѣтвистый, который надъ вершинами деревъ простираетъ свои мелколиственныя вѣтви,— примѣтенъ онъ какъ тотъ прекрасный Парисъ троянскій, который, похитивъ юную прекрасную Гречанку, былъ причиною разрушенія пергамскаго града. Но супругъ твой иначе поступаетъ, потому-что онъ доблес-

Co nad drzewy rozwiesił kudłate gałązki —
Znaczny on jak ów piękny Parys Ilioński,
Co nadobną Greczynkę uwiozłszy za młodu,
Był przyczyną zagłady Pergamskiego grodu.
Lecz mąż twój inak czyni, bo dzielność wziął w podział
On rdzawe berło polskie w piękny lustr przyodział.
Nawet i nieprzyjaciel, nawet i oszczerca,
Spójrzawszy nań wyrzuci nienawiść z pod serca.
Tę mowę tak łagodną, tę postać tak piękną,
Uczczą nieprzyjaciele i przed nim poklękną.
O dziewico szczęśliwa z tak pięknego stadła!
Jeśli ród jego badać żądza ci przypadła,
Wiedź że nie masz na ziemi króla jak ten młodzian,
Żaden książe w tak wielką chwałę nie przyodzian —
Z matki krewien Cesarza, sam królewskie dziécie,
Bracia jego i krewni są królami po świecie.
Tyle książąt i wodzów, o zaręczam śmiało,
Że i w radzie Priama tylu nie bywało.
O dziewico szczęśliwa z tak pięknego stadła!
Um jego uposażon samaś to odgadła,

тенъ, онъ озаритъ новымъ блескомъ скипетръ польскій, ржавчиною покрытый. Даже врагъ и злоумышленникъ, и тѣ, увидѣвши его, перестаютъ отъ своей ненависти сердечной. Его рѣчь столь кроткую, его величественную осанку оцѣнятъ и враги и падутъ предъ нимъ ницъ.

О дѣва, осчастливленная такою блестящею партіею! Если явится у тебя желаніе родъ его разсматривать, знай, что нѣтъ на землѣ монарха, подобнаго этому юношѣ; ни одинъ князь не можетъ равняться съ нимъ славою.—По матери отрасль императоровъ, самъ сынъ королевскій, его братья и родные королями въ другихъ странахъ міра; о! столько князей и вождей, я смѣло увѣряю тебя, никогда не бывало даже и въ родѣ Пріамовомъ.

О дѣва, осчастливленная такою блестящею партіею! Умъ его обогащенъ—сама ты угадала; прославить мудрость его не имѣю никакой надежды; самъ Аполлонъ даже не въ силахъ воспѣть ее достойно. Какое сердце царское! какая нѣжная душа! какое постоянство въ рѣчахъ и мыслихъ! какъ она печется о царствѣ! какъ уважаетъ правду! какъ уху

Wyśpiewać jego mądrość nié mam i nadzieje —
Nawet i sam Apollo dosyć nie wypieje.
Jakie serce królewskie, jaka dusza tkliwa,
Jaka w uściech i w myśli stateczność przebywa,
Jako czuwa nad państwem, jako słuszność waży,
Jak ma ucho powolne ku prożbom nędzarzy.
A też nad wojskiem jego zwycięzkie znamiona?
Sąsiady już nieśmiałe, Moskwa przepłoszona,
I niedawno odparta, — wyśpiewać niesnadno —
Że zamilczę Wołoszę potężną i zdradną,
Co tylą krwie niewinnéj zapluskawszy łany,
Pierzchły przed nim zelżywie okrutne tyrany.
Zwalczeni przez Zygmunta, ich ziemia w pożarze,
Ugięli przecież karków, nakłonili twarze;
Oto ojciec ojczyzny, zbawca staréj sławy,
On wskrzesił sprawę polską ciosem swéj buławy!
O dziewico szczęśliwa z tak pięknego stadła,
Ochoczo przyjmuj dolę co na cię przypadła!
O szczęśliwa dziewico dzisiaj poślubiona,
Królu! miłą małżonkę przyciśnij do łona.
Bogdajby w krótkim czasie dozwoliły dole,
By na zamku królewskim igrało pacholę,

его доступны просьбы несчастныхъ! А его побѣдныя знамена надъ врагами? Сосѣди уже оробѣли, Москва перепугана, отражена недавно,— трудно и воспѣть! — и я умолчу о сильной Валахіи коварной, которая обагрила поля такими потоками невинной крови; въ поносное бѣгство предъ нимъ обратились безчеловѣчные тираны. Они разбиты Сигизмундомъ, ихъ земли пылаютъ, наконецъ преклонили выи, лица наклонили; вотъ отецъ отечества, возстановитель древней славы! онъ воскресилъ дѣло Польши ударомъ своей булавы. О дѣвица, осчастливленная такою блестящею партіею! Съ любовью покорись судьбѣ, которая тебѣ выпала на долю!

О дѣва, счастливая браномъ уже совершившимся!.. Царь! прижми дорогую супругу къ своей груди. О еслибъ вскорѣ судьба позволила, чтобы въ королевскомъ замкѣ дитя заиграло!.. Сигизмундъ, надежда царства! Пусть эта малютка сердцемъ и лицомъ напоминаетъ намъ отца; пусть

Zygmunt nadzieja państwa, niechaj ta dziecina
Nam obliczem i sercem ojca przypomina,
Niech idzie jasną ścieżką kędy chodzą męże,
Niechaj świat zwyciężony w swój zakon zaprzęże.

Оцѣненный всѣми талантъ Кржыцкаго пріобрѣлъ ему по ходатайству Томицкаго санъ канцлера королевы, въ которомъ онъ и оставался вплоть до ея смерти въ 1515 г. Изъ этой эпохи жизни Кржыцкаго намъ извѣстны четыре важнѣйшія поэтическія его произведенія, а именно: *Похвала* (Encomium) *Сигизмунду* послѣ пораженія Татаръ подъ Виснёвцомъ на Волыни; *Письмо* къ нему же послѣ побѣды надъ Москвою 1514 года, писанное отъ имени супруги; *Пѣснь* (Cantilena) о той же побѣдѣ, и наконецъ *Сѣтованіе* (Żale) о преждевременной кончинѣ королевы (Deploratio immaturae mortis etc.) 1515 г. Приведемъ эти произведенія:

ПИСЬМО КЪ ЕГО ВЕЛИЧ. ГОСУДАРЮ СИГИЗМУНДУ, КОРОЛЮ ПОЛЬС. И В. К. ЛИТ., ВОЖДЮ НИКОГДА НЕПОБѢДИМОМУ, ОТЪ ИМЕНИ ПОЧТЕННОЙ КОРОЛЕВЫ И СУПРУГИ ВАРВАРЫ ПОСЛѢ ПОБѢДЫ, ОДЕРЖАННОЙ НАДЪ МОСКВОЮ 1514, СОЧ. АНДРЕЯ КРЖИЦКАГО, КАНЦЛЕРА КОРОЛЕВЫ.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Qua solet in densa turtur miserabilis ulmo
«Voce queri, charum dum vocat orba marem.

«Jak w gęstym wiązie turkawka jękliwa,[1]
Wdowiem gruchaniem małżonka przyzywa,

идетъ тѣмъ свѣтлымъ путемъ, по которому ходятъ мужи, пусть міръ побѣдитъ и все покоритъ своему закону.»

[1] *Переводъ.* «Какъ печальная горлица на вязѣ густомъ сирою пѣснію супруга вызываетъ, такіе же стоны во всѣ дни и ночи вырываются изъ моей груди овдовѣлой; когда Марсъ воззвалъ тебя куда-то въ дальнюю Ев-

*

Takiemi jęki we dnie, i w noce,
Ja smutna wdowa narzekam, gruchocę;
Gdy Mars cię wezwał w daleką gdzieś stronę,
Straciłam roskosz, straciłam obronę,
Królu przemożny, gdym była w obawie
Czy dobra dola poszczęści twéj sprawie?
Twe listy z wojny jak dobra otucha,
I łzy otarły, i wzwogły mi ducha;
Zmogłeś zastępy i wróg twój znękany,
Liczne pojmałeś książęta, hetmany,
Wziąłeś tryumfy mądrością i siłą,
Jakich aż dotąd pod słońcem nie było.
O dzień szczęśliwy! o fortuna cisza!
Chwila radości małżonce Jowisza!
Która przetrwawszy gromy i zamiecie,
Dni przyjaźniejszych doczekała przecię.
Ninie to ninie złożę troski moje,
Ninie zbolałe serce uspokoję,
I wzniosę Bogu ofiarnicze wota,
Za ulgę płaczów, za szczęście żywota.
Cóż ja modlitew, co ja zniosłam marnie
Dziennéj goryczy, i nocnéj męczarnie;

ропу, я лишилась отрады, лишилась защиты. Государь державный! когда я томилась въ страхѣ, не зная, успѣшно ли окончится твое дѣло, твои письма съ браннаго поля, какъ добрая надежда, и слезы мои осушили, и духъ укрѣпили; ты побѣдилъ воинство, и врагъ твой смиренъ: ты плѣнилъ князей и гетмановъ, мудростью полной одержалъ побѣды, какихъ еще не было подъ солнцемъ. О день незабвенный! о миръ счастливый! радостная минута супругѣ Юпитера, которая, выждавъ бури и мятели, дождалась наконецъ дней болѣе благопріятныхъ! Теперь-то, теперь печаль отложу я, сердце утомленное нынѣ успокою, и вознесу къ Богу жертвенные обѣты за слезъ прекращеніе, за счастіе жизни. Сколько молитвъ, дневныхъ горестей и ночныхъ мученій я перенесла все напрасну; а сколько случаевъ могло быть въ мірѣ, столько же опасеній гнететъ мою душу! То безчисленное множество войскъ и полковъ, то крѣпости, то чуждая вѣра, тревожное безпокойство и сомнѣнія духа воз-

A ile przygod bywało na świecie,
Tyle obawy moję duszę gniecie,
Już to zastępów i wójsk co niemiara,
Już to warownie, to obca wiara,
Trwożny niepokój i zwątpienie ducha,
Rozjątrza boleść i obawę dmucha,
I cześć, i wdzięki, i szkarłatna toga,
Obmierzły sercu jak gorycz złowroga.
Czarna zawiązka, to ubior méj głowy
Zrzuciłam z szyje naszyjnik perłowy,
Harfa i śpiewy rażą ucho moje,
Przykre mi uczty, pokarmy, napoje,
Nietyle tęskni Penelope wdowa.
Nie tak się dręczy Tyryjska królowa,
Nieszczęsna Dydo, gdy na czele młodzi
Trojański książe pod żagiel wychodzi.
Jako ją tęsknie, jak się żalem miota,
Po królu swoim ojczyzna-sierota.
O! jak mię Polska pociesza pobożna
Mniema że w płaczu utulić mie można!
«Hamuj się, mówi, bądź mężna i śmiała,
Królewskim piersiom odwaga przystała,

нущаютъ и увеличиваютъ мои страданія и опасенія; и красота и почести и пурпурная тога опротивѣли сердцу, какъ горечь зловѣщая. Черная перевязь—вотъ уборъ моей головы! я сбросила съ шеи жемчужное ожерелье; пѣсни и арфа болѣзненно слухъ мой теперь поражаютъ. Противны мнѣ стали балы, яства и напитки; не столько грустила Пенелопа, оставшись вдовою; не столько терзалась тирская королева несчастная Дидона, когда парусъ уносилъ троянскаго князя на челѣ его дружины, сколько я грущу, сколько терзается скорбью осиротѣлое отечество по своемъ королѣ. О! какъ утѣшительно для меня благочестіе Польши; она думаетъ, что плачъ мой можно умирить! «Крѣпись, говоритъ она, будь смѣлою и мужественною! Груди королевской прилична отвага; монархъ возвратится съ громкою славою, трофеями побѣды украситъ святыни; усильно, видно, онъ борется съ вражескими полчищами, да и гдѣ же богатырю слава безъ трудовъ? Народъ, которому благопріятствуетъ благость про-

Od godów naszych (już przyznać ci muszę)
Początek wojny był w dobréj otusze.
Gdy nowożeniec biegąc od ołtarza,
Tysiące mężów w bitwie upokarza.
Gdy się we wroga Pilceńskiego wrazi,
I bierze jassyr ze Scytyjskich kniazi.
Już swą miłością dobre wróżby radzi
Szlachetna młodzież, kwiat sarmackiéj młodzi,
Młodzieńcy z Litwy niepośledniéj śpieszą
I hufcem konnym i falangą pieszą,
Cały ten orszak (jak głoszą z daleka)
Drżał niecierpliwie że bitwa się zwleka,
Cóż gdy posłany ku bojowéj sprawie,
Szczupłémi siły, po trudnéj przeprawie,
Stoczył z nim bitwę (o! zawołam śmiało)
Większego męztwa w dziejach nie bywało!
Bo nieprzyjaciel pod swemi rozkazy,
Lepsze miał pole, i sił dziesięć razy,
Drużyna skwapna na bojowe dzieła,
Orężno bystrą rzekę przepłynęła,
A nim się wojsko szykowało nasze
Skruszono włocznie, trzaskano w pałasze,

беретъ добычу отъ скиескихъ князей. Своею любовью подаетъ уже блазія предзнаменованія юношество благородное, цвѣтъ сарматскаго народа, и воины литовскіе спѣшатъ, не отставая, съ конными полками и пѣшею фалангой. Весь этотъ сонмъ (какъ носятся слухи) дрожалъ уже отъ нетерпѣнія, ожидая битвы; что же, когда посланъ былъ въ битву? — съ небольшою силой, послѣ труднаго дѣла, завязалъ съ нимъ бой: (о! смѣло воскликну) исторія не видѣла бо́льшаго мужества! Врагъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ болѣе выгодную позицію и силу въ десять разъ бо́льшую; его дружина, жадная къ дѣлу воинскому, во всемъ вооруженіи переплыла быструю рѣчку, и покаместъ войско устроялось наше, ломались копья, звенѣли мечи, и вотъ малая горсть войска, ими презрѣннаго, теперь наслаждается плодами своей побѣды. Уже побѣдныя пѣсни славы крылатой напередъ донесли имъ весь ходъ сраженія: какъ бьются Константинъ и Янушъ, какъ Запольскій получилъ имя богатыря, какъ по-

Wróci Monarcha, i chwałą zasłynie,
Godłem zwycięztwa ozdobi świątynię;
Snadź pracowicie z hufcami się ściera,
Lecz gdzież bez prace cześć dla bohatéra?
Lud co mu sprzyja opatrzności oko,
Trudami jeno wzbije się wysoko! »
Dobra ojczyzna! i ludzie tak czuli!
Czemuż pociecha serca nieutuli,
Bo łacno mądrze pocieszać w niedoli.
Rozum pocieszysz ale serce boli!
Słowo jak lekarz czujący uprzejmie,
Choć sam boleje, bolów nie odejmie.
Lecz teraz, teraz kiedy boża władza,
Sercu radością za łzy wynagradza,
Miło mi słuchać świegotliwéj rzeszy,
Wszelazi trefniś snadniéj mię rozśmieszy,
Miło mi słuchać jak o tobie gwarzą,
Z jakimeś sercem, z jak dostojną twarzą
Szedł przeciw wroga co nadzieje kładzie,
Tylko na liczbie, fortelu i zdradzie.
Rozkoszno słuchać, kiedy sławić poczną
Twe bohaterstwo, i mądrość widoczną;

видѣнія, только подвигами можетъ возвыситься!» Доброе отечество! о люди полные чувства! Зачѣмъ же утѣшеніе не проникнетъ къ сердцу? вѣдь легко въ несчастіи подавать умныя утѣшенія; утѣшишь разумъ, но не утѣшишь страданій сердца! Слово подобно лѣкарю, сочувствующему больному: хоть онъ самъ сострадетъ, но тѣмъ не можетъ прекратить страданій. Но теперь, теперь, когда сила Божія награждаетъ сердце радостью за его слезы, люблю я слушать шумный говоръ теперь; каждый шутъ скорѣй разсмѣшитъ меня; люблю я слушать, какъ говорятъ о тебѣ, съ какимъ ты сердцемъ и лицемъ достойнымъ шелъ на врага, который всю свою надежду полагаетъ въ измѣнѣ и коварствѣ. Пріятно мнѣ слушать, когда прославлять начинаютъ твое богатырство и явную мудрость. Отъ брака нашего (я должна сознаться) успѣхъ битвы былъ въ доброй надеждѣ, если новобрачный отъ алтаря прямо покоряетъ въ битвахъ тысячи мужей, если онъ врѣзывается въ средину пильценскаго врага, и

Od godów naszych (już przyznać ci muszę)
Początek wojny był w dobréj otusze.
Gdy nowożeniec biegąc od ołtarza,
Tysiące mężów w bitwie upokarza.
Gdy się we wroga Pilceńskiego wrazi,
I bierze jassyr ze Scytyjskich kniazi.
Już swą miłością dobre wróżby radzi
Szlachetna młodzież, kwiat sarmackiéj młodzi,
Młodzieńcy z Litwy niepośledniéj śpieszą
I hufcem konnym i falangą pieszą,
Cały ten orszak (jak głoszą z daleka)
Drżał niecierpliwie że bitwa się zwleka,
Cóż gdy posłany ku bojowéj sprawie,
Szczupłémi siły, po trudnéj przeprawie,
Stoczył z nim bitwę (o! zawołam śmiało)
Większego męztwa w dziejach nie bywało!
Bo nieprzyjaciel pod swemi rozkazy,
Lepsze miał pole, i sił dziesięć razy,
Drużyna skwapna na bojowe dzieła,
Orężno bystrą rzekę przepłynęła,
A nim się wojsko szykowało nasze
Skruszono włocznie, trzaskano w pałasze,

беретъ добычу отъ синескихъ князей. Своею любовью подаетъ уже блаrія предзнаменованія юношество благородное, цвѣтъ сарматскаго народа, и воины литовскіе спѣшатъ, не отставая, съ конными полками и пѣшею фалангой. Весь этотъ сонмъ (какъ носятся слухи) дрожалъ уже отъ нетерпѣнія, ожидая битвы; что же, когда посланъ былъ въ битву? — съ небольшою силой, послѣ труднаго дѣла, завязалъ съ нимъ бой: (о! смѣло воскликну) исторіа не видѣла бо́льшаго мужества! Врагъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ болѣе выгодную позицію и силу въ десять разъ бо́льшую; его дружина, жадная къ дѣлу воинскому, во всемъ вооруженіи переплыла быструю рѣчку, и покаѣстъ войско устроялось наше, ломались копья, звенѣли мечи, и вотъ малая горсть войска, ими презрѣннаго, теперь наслаждается плодами своей побѣды. Уже побѣдныя пѣсни славы крылатой напередъ донесли мнѣ весь ходъ сраженія: какъ бьются Константинъ и Янушъ, какъ Запольскій получилъ имя богатыря, какъ но-

I mała garstka pogardzonéj rzeszy,
Dostojnym plonem zwycięztwa się cieszy.
Już lotnéj sławy tryumfalne piéśnie,
Całą mi bitwę doniosły zawcześnie,
Jak się Konstantyn, jak się Janusz ściera?
Jak wziął Zapolczyk imie bohatera?
Jak wszystka młodzież uwięnczyła głowy?
Tratując hufce końskiemi podkowy.
Gdzie stali piesi? gdzie królewska świta?
Gdzie zaś Wołyńcy, gdzie Geta, i Scyta?
Jak zbito wroga, jak wielkie książęta,
I wielkich wodzów zakowano w pęta?
Wiemy już, wiemy ileś rozsiał grozy,
Jakieś proporce, jakie wziął obozy,
Jak kędy stała moc nieprzyjacielska,
Gdzie w lasach, w polach walają się cielska,
Kto z nich utonął, kogo miecze gniotą,
Gdzie grunt skrwawiony rozgrzęznął na błoto.
Już o tém wszystkiém lud po miastach prawi.
Już za zwycięztwa nieḅu błogosławi,
A mnie zaiste, mnie com tyle rada,
Z jakiemiż dzięki modlić się wypada

лодежъ чело свое увѣнчала, потоптавъ полки конскими копытами. Гдѣ стояла пѣхота? Гдѣ королевская свита? Гдѣ Волынцы? Гдѣ Геты и Скиѳы? Какъ врагъ побѣжденъ? Какъ князей великихъ и вождей сильныхъ въ цѣпи заковали? Знаемъ мы, ужь знаемъ, какую грозу ты разсѣялъ; сколько знаменъ, сколько взялъ обозовъ; какъ и гдѣ располагалась вражеская сила; гдѣ по лѣсамъ и полямъ лежатъ трупы убитыхъ; кто утонулъ изъ нихъ, кто раненъ опасно, и гдѣ земля обагренная превратилась въ болото: уже обо всемъ объ этомъ народъ толкуетъ по городу, уже за побѣду небо благословляетъ; а мнѣ поистинѣ, мнѣ, которая столько обрадована, съ какимъ чувствомъ мнѣ нужно молиться небу неприступному за то, что я наконецъ опять обрѣтаю великаго мужа, которому нѣтъ подобнаго въ мірѣ? что этотъ мужъ знаменитый славою побѣдъ богатырскихъ есть мой супругъ? — тутъ въ двадцати битвахъ Скиѳъ побѣжденъ; здѣсь лежатъ земли покоренной Валахіи; тамъ край сосѣдній сво-

Wielkim niebiosom? że odzyskam przecie
Męża wielkiego jak niémàsz na świecie.
Że ów słynący władzą i podbojem,
Mąż bohaterski jest małżonkiem moim,
Tu Scyta w bitwach dwudziestu się płoszy,
Tu leżą ziemie pobitéj Wołoszy,
Owo sąsiedny kraj upokorzony,
Kraj co się pozbył swéj całéj obrony.
Wróg nasz fałszywy niedaremno blednie,
Chciał odrzeć z mężów krainy sąsiednie,
Sam przed się umknął i w kornéj postaci,
Zuchwalec karę przeniewierstwa płaci.
Powróć zwycięzco, i pofolguj trocha!
Téj która ciebie nad swe życie kocha!
Niech się pocieszy Nadwiślańska niwa,
Co się modłami i pieśnią przyzywa.
Niech grod Krakowski i poddanych rzesze,
Niech ja się z męża i króla pocieszę.

СѢТОВАНІЕ О ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ КОНЧИНѢ КОРОЛЕВЫ ПОЛЬСКОЙ ВАРВАРЫ, СУПРУГИ СИГИЗМУНДА I, КНЯЖНЫ ТРАНСИЛЬВАНСКОЙ, 1515 г.

«O mea quae festos cecinisti musa triumphos,
«Connubiumque sacrum, totque almi Principis acta
«Felici plectro felicia pectora mulcens,
«Nunc pullata veni.»

«Lutni moja! co grzmiałaś tryumfów pociechą,[1]
Świetne gody i dzieła szlachetne książęce,

ва усмиренъ, край, потерявшій всю свою оборону. Недаромъ блѣднѣетъ нашъ врагъ коварный: хотѣлъ уменьшить число мужей онъ въ странахъ сосѣднихъ, а вотъ и самъ побѣжалъ, и съ видомъ смиреннымъ, дерзкій, несетъ теперь достойную казнь своему коварству. Возвратись, побѣдитель! отдохни немного на груди той, которая тебя любитъ болѣе своей жизни! Пусть тобой полюбуется и Надвислянская нива, которая мольбой и пѣснію тебя призываетъ, и городъ Краковъ, и подданныхъ сонмы! пусть я королемъ и мужемъ утѣшусь!»

[1] *Переводъ.* Арфа! гремѣвшая торжествомъ тріумфовъ, воспѣвавшая бле-

Która w piersiach szczęśliwych miałaś głośne echo
Chodź do mnie, niech i w smutku wezmę cię na ręce,
Zagraj płaczliwą pieśnię, oto dzień tęsknoty,
Małżonka Zygmuntowa największego z króli,
Barbara żywy obraz powabów i cnoty,
Którą naród niedawno uwielbiał najczuléj,
Małżonka bohatéra, plemię uroczyste,
Którą wyżéj nad gwiazdy umieściły dole,
Jasna rodem i cnotą, a przecięż zaiste
Niewidziano korony na łaskawszem czole —
Oto legła Barbara na śmiertelne łoże. —
Zbiegła iskra z jéj oka a rumieniec z twarzy,
Nic jéj siły, nic modły, nic wiek niepomoże,
Nic małżonka rozpacze, nic sztuka lekarzy,
Nadaremnie wołanie niebiosa przebija,
Nadaremnie łzy płyną i boleść na duszy,
Niczyje narzekanie, i modła niczyja,
Praw bożych nie przełamie, wyroków nie skruszy.
O doli nieszczęśliwa! o znikoma chwało!
Gdzież stałość rzeczy ludzkich wolna od zawodu,

стящіе пиры и благородныя дѣянія князей, въ груди счастливой вызывавшая громкое эхо, приди, возьму я тебя въ руки и въ скорбный часъ сыграю плачевную пѣснь. Вотъ день печали! Супруга Сигизмунда, величайшаго изъ королей, Варвара, живой образъ красоты и добродѣтели, та, которую сейчасъ еще народъ чтилъ съ такою любовью, супруга богатыря, отрасль знаменитая, которую судьбы вознесли превыше звѣздъ, славная добродѣтелью и родомъ — и однако же корона никогда не украшала болѣе кроткаго чела — эта Варвара лежитъ теперь на смертномъ одрѣ. — Огонь потухъ въ глазахъ, поблекли румяныя щеки; не помогутъ нисколько ей силы, молитвы, ни вѣкъ не поможетъ, ни отчаянье супруга, ни врачей искусство; напрасно вопли до небесъ восходятъ, напрасно льются слезы и душа стенаетъ: безполезенъ ропотъ, безполезны моленья; уставовъ божественныхъ ничто не преклонитъ, судебъ не измѣнитъ. О рокъ несчастный! суетная минута! Гдѣ постоянство вещей человѣческихъ, свободное отъ измѣны? О смерть вѣроломная! зачѣмъ ты восхотѣла разбить такое олицетвореніе красоты, пролить столько слезъ народа? Подъ остріемъ твоей

O śmierci wiarołomna, precz ci się zechciało,
Pokruszyć tyle wdzięków, wylać łzy narodu.
Pod ostrzem twego sierzpa nic się nieostoi,
Za nic berło, pobożność, za nic wdzięków kraska,
Za nic łzy, które leją i cudzy i swoi,
Ani rospacz królewska twych praw nie ugłaska.
Smutek jak wróg uderzył w nasze miejskie wrota,
Nie słychać grania luteń, ani piesień słowa,
Ulice i świątynie zaległa głuchota,
Na zamku miasto zabaw ponurość grobowa.
Głos jeno bolejący w nasze piersi płynie,
Echo się przeraźliwie roztrąca o ściany;
Zwolna tłum pogrzebowy przechodzi świątynie,
Płonie ofiara śmierci, to dym kadzidlany.
Wszyscy łzami skropieni, okryci czamarą,
Napróżno wyrzekają na losy zawzięte,
Sam nawet nasz Monarcha, mimo dzielność starą,
Mimo serce żadnemi ciosy nie dotknięte,
On co oglądał trumny rodziców i braci,
Choć mu się serce ściska, choć mu dusza boli,

косы ничто не устоитъ: ни скипетръ, ни благочестіе, ни юная красота; тебя не трогаютъ слезы, проливаемыя своими и чужими, ни скорбь царя безутѣшнаго не смиритъ твоихъ законовъ. Печаль подобно врагу окружила врата городскіе; умолкли звуки лютней и пѣсней переливы; мертвое молчаніе повисло въ храмахъ и улицахъ; въ замкѣ прачность угрюмая вмѣсто пиршествъ и кликовъ. Для одного только страданія наша грудь открыта; эхо пронзительно отъ стѣнъ отражается; погребальное шествіе медленно проходитъ по храму; жертва смерти пылаетъ: это дымъ кадильный. И всѣ окропленные слезами, покрытые трауромъ, напрасно ропщутъ на рокъ неизмѣнный. Даже самъ монархъ нашъ, не смотря на старую доблесть, на сердце непобѣдимое никакими ударами, даже онъ видѣвшій гробы родителей и братьевъ, хоть сердце сжималось и душа разрывалась, хранившій однакожь достоинство на лицѣ монаршемъ, даже онъ, въ дни битвъ счастливыхъ, въ дни счастливой доли сносившій все спокойно, какъ прилично мужу,—теперь при видѣ гроба залился слезами, отдался грусти; страданіе его одолѣло, и что утѣшитъ его послѣ та-

A przecięż dostojności z oblicza nie traci,
Jak w dni bitew szczęśliwych, w dni pomyślnéj doli,
Wszystko znosił spokojnie jak słuszna dla męża,
Lecz dzisiaj widząc trumnę, łza mu trysła wreszcie,
Puścił wodze żalowi, boleść go zwycięża,
Bo czémże się pocieszy po takiéj niewieście?
Po takiéj towarzyszce słuszne są rozpacze.
Gdy ginie połowica tak sercu potrzebna,
Jako niegdyś Achilles Bryzeidy płacze,
Choć mu nie była żoną, a jeno służebną;
Próżno nadzieje ludzkie! niema niema poco
Na stałości skojarzeń zasadzać rachuby!
Królowo! my po tobie bolejem sieroco,
Boleje cała Polska i małżonek luby,
Gdy lecisz w lepsze światy od naszéj półkuli,
Gorzko naszemu światu wspomnieć twe zasługi,
Płacze ciebie ubóstwo, któż mu płacz utuli,
Płaczą wierni dworzanie, i sieroce sługi,
Ojczyzna uszczerbiona w najdroższéj ozdobie,
Cóż za dziw że narzeka na wyroki Boże,
Bo próżne pocieszenie, gdy pociecha w grobie
Lecz płakać... dość już płakać gdy łza nie pomoże.

кой потери? Отчаяніе извинительно при такой потерѣ, когда гибнетъ половина такъ необходимая сердцу, какъ нѣкогда Ахиллъ плакалъ о смерти Бризеиды, хотя та не была ему женою, а только рабыней. Тщетны надежды людскія; нѣтъ, ахъ! нѣтъ возможности разсчитывать на прочность связей человѣческихъ. Царица! о тебѣ мы сокрушаемся. Въ сиротствѣ соболезнуетъ цѣлая Польша и милый супругъ; тогда какъ ты уходишь въ лучшій міръ отъ нашего полушарія, больно намъ питаться воспоминаніемъ твоихъ заслугъ. Тебя оплакиваетъ бѣдность, кто осушитъ ея слезы? оплакиваютъ вѣрные царедворцы и оспротѣлые слуги; отечество лишилось своего драгоцѣннѣйшаго украшенія, и что удивительнаго, если она ропщетъ на судьбы Божія, потому-что не найти тому утѣшенія, кто похоронилъ его во гробѣ? Но плакать... довольно ужъ плача, если слезы не помогутъ, не намъ пробудить сонъ могильный. И слезы иссякли,

Nie nam, nie nam rozbudzić trumienne zacisze,
Już nam i łzy wyciekły, i zabrakło słowa,
Raczéj stroskany sługa niech ci wiersz napisze
Niech zna poźny przechodzień, jak wielka królowa:

Nadgrobek.

Jak jest dola kłamliwa, jak zmienia się skoro,[1]
Niech męże i niewiasty ze mnie przykład biorą.
Barbara, zacna rodem, me przódki wspaniałe,
Ale ród mój odemnie najpiérwszą wziął chwałę,
Byłam żoną Zygmunta, znamiona książęce,
I cne berło Polaków piastowałam w ręce;
Widziałam jak zwycięzko mój mąż znakomity,
Zbijał wojska Moskiewskie, i zastępy Scyty.
Lecz mię losy, zazdroszcząc pierworodne dziecko,
W rannéj chwili żywota zabiło zdradziecko.
Kiedy dwadzieścia wiosen zaledwie przemija,
Gdy me wdzięki rozkwitły jak ranna lilia,
Nikt przeto nie zawierzaj młodości i zdrowiu,
Dzika śmierć ostrą kosę dzierży w pogotowiu.

и словъ намъ не стало; пусть лучше слуга твой, печалью объятый, стихи тебѣ напишетъ, чтобы и каждый прохожій зналъ какъ велика была королева:

Надгробіе.

[1] *Переводъ.* «Сколь судьба обманчива, сколь она измѣнчива, пусть мужи и дѣвы научаются этому изъ моего примѣра. Я—Варвара, знаменитая родомъ; мои предки славны, но первую честь я сама принесла моему роду. Я была женою Сигизмунда, княжеское знамя и скипетръ державный Поляковъ держала въ рукахъ, и видѣла я, какъ знаменитый мужъ мой побѣдно поражалъ московскіе полки и воинства Скиѳовъ. Но судьба, завидуя участи моего первороднаго младенца, измѣнически убила меня въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ, когда двадцатую весну едва я доживала, когда моя красота разцвѣла, какъ майская лилія. Итакъ никто не полагайся на молодость и здоровье: лютая смерть всегда держитъ наготовѣ острую косу.»

Czterowiersz do tejże Barbary.

Barbaro! cóż nad ciebie utworzyły nieba?[1]
Tyle wdzięków, i cnoty minęło jak we śnie,
Przebóg! czyż zmiennéj doli zawierzać potrzeba?
O jak nam giniesz zawcześnie!

Смерть королевы Варвары Запольской такъ глубоко тронула нашего поэта, что онъ хотѣлъ-было оставить дворъ; вотъ по этому случаю его слова въ письмѣ къ Томицкому въ самый день ея смерти: «Мы не можемъ иначе объяснить ея «смерти, какъ только тѣмъ, что духъ отлетѣлъ отъ нея: такъ «было это внезапно; я самъ съ прискорбіемъ и въ изнеможеніи «поддерживалъ ее моими собственными руками. Что̀ касается «писемъ, то я не знаю какъ тутъ быть: печаль безмѣрно гнететъ мои силы. Хорошо было бы, если бы они были писаны «кѣмъ-нибудь другимъ, потому-что теперь я самъ не могу «за себя ручаться».

Но нѣтъ вѣчнаго страданія, какъ нѣтъ и постояннаго счастія: Сигизмундъ I послѣ смерти прекрасной и нѣжной Славянки утѣшился новымъ союзомъ съ италіянкою Боною Медіоланскою, а Кржыцкій, прославившійся на пресбургскомъ конгрессѣ своимъ краснорѣчіемъ и дипломатическимъ искусствомъ, вмѣсто того, чтобъ оставить дворъ, снова выступилъ съ своимъ стихотвореніемъ въ честь новобрачной четы. Это стихотвореніе, запечатлѣнное его поэтическимъ талантомъ, изображающее яркими и живыми красками побѣды Сигизмунда, лестное для *дѣвы латинскаго рода*, ко-

---

Четверостишіе той же Варварѣ.

[1] *Переводъ.* «Варвара! что̀ подобное тебѣ сотворило небо? столько красоты и добродѣтели исчезло какъ сонъ; о! можно ли полагаться на измѣнническую судьбу? о! какъ скоро ты уходишь отъ насъ»!

торая пришла къ намъ для того, чтобы сдѣлаться польскою королевою, открыло поэту дальнѣйшую блестящую будущность. Кржыцкій остался повѣреннымъ въ дѣлахъ Боны, въ дѣлахъ, которыя не всегда и не-вездѣ были благородны. А жаль, что онъ для достиженія богатствъ и достоинствъ прибѣгалъ къ участію въ итальянскихъ интригахъ, что онъ долженъ былъ злоумышлять въ тайнѣ и неоднократно напитывать желчью свое даровитое перо, жаль потому, что слава безспорно великаго авторскаго и дипломатическаго таланта сочинителя *Посланія о дѣлѣ прусскомъ* и безъ того пріобрѣла ему первыя мѣста въ церкви и сенатѣ. Какъ бы то ни было, но благосклонность Сигизмунда и покровительство Боны, у которой, по словамъ Зебржыдовскаго, все можно было купить, возвышали его все болѣе и болѣе. Мнимый ученикъ умѣренности и спокойствія (in parvis quies), жалуясь на то, что дипломатика и обязанности церковныя отнимаютъ у него время, которое онъ радъ бы посвятить литературѣ, Кржыцкій поочереди переходилъ званія: королевскаго секретаря, каноника познаньскаго, настоятеля и благочиннаго св. Флоріана въ Краковѣ, епископа пржемысльскаго, посланника въ Венгрію, епископа плоцкаго, и наконецъ сдѣланъ былъ архіепископомъ гнѣзненскимъ и примасомъ королевства. Два года носилъ Кржыцкій это самое высшее достоинство въ государствѣ и скончался въ 1537 году. Кржыцкій умѣлъ и любилъ писать панегирики, умѣлъ остро и ядовито поражать въ своихъ сатирахъ, при чемъ не всегда платилъ дань правдѣ, но часто слѣдовалъ и вдохновеніямъ Боны. При всемъ своемъ значеніи, богатствѣ и талантахъ, онъ былъ чуждъ гордости, любилъ науки и ученыхъ и жизнь веселую, и даже, будучи уже важнымъ каноникомъ и епископомъ, писалъ иногда латинскіе стишки въ честь любви и Бахуса. Кромѣ выше исчисленныхъ стихотвореній Кржыцкаго, из-

вѣстны еще его стихи *религіозные: На гробъ св. Казимѣра* (Ad sepulchrum Divi Kazimiri); *благочестивыя пѣсни*, писанные стихомъ сафическимъ (Cantica sacra 1535.); *похвальныя:* Похвала (Encomium) Петру Томицкому; *Къ Сигизмунду I* во время его пребыванія въ Данцигѣ; *Надгробіе* венгерскому королю Лудовику, погибшему подъ Могачемъ; *Надгробіе* Николаю Фирлею; *Къ Яну Тарновскому* гетману 1535 г.; *Печальное стихотвореніе* (Epitaphium) Петру Томицкому 1535 г. и т. д; *сатирическія: Сатира* на вспомогательное войско нѣмецкихъ князей, присланное въ помощь курфирсту бранденбургскому Альбрехту въ войнѣ его съ Сигизмундомъ I (Satyra in exercitum auxiliarem etc. 1520 г.); *Жалобы* (Żale) религіи и республики польской (religionis et reipub. polon. quaerimonia 1524 г.); *О любовныхъ похожденіяхъ* Сигизмунда Августа короля младшаго (de Sigismundi Aug. regis junioris amoribus), гдѣ онъ обвиняетъ Бону въ дурномъ примѣрѣ и снисходительности. Кржыцкій писалъ ядовитые стихи на Эразма Ціолка, епископа плоцкаго, своего предмѣстника на этой каѳедрѣ; на Яна Лятальскаго, который у Боны перекупилъ у него познаньское епископство; на Петра Горыньскаго, придворнаго Боны (Diaeta Asiana) и другихъ своихъ противниковъ. Онъ поражалъ духовенство, которое не любило его за его вмѣшательство въ придворныя интриги, удалилъ духовника, который его обличалъ. Кромѣ латинскихъ стихотвореній, Кржыцкій оставилъ намъ два чисто польскихъ памятника:— въ разговорѣ часто удачно онъ произносилъ слѣдующіе два польскіе стиха, въ родѣ поговорки—

«Fortuna bogini, z ludzi jako z bydła
«Z jednych garść, z drugich szczyptę, przecie chce kadzidła.

Для нѣкоторыхъ сочиненій, выходившихъ въ его время, онъ писалъ на польскомъ языкѣ свои похвальные отзывы

въ родѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчали у Агриколы. Въ заглавіи книги: *Страсть* (Passya) или *Слово о страданіяхъ Господнихъ* Авреліи Липпіи (Aureliusza Lippiusza), онъ помѣстилъ четверостишіе, которое мы здѣсь приводимъ:

Andrzej Krzycki czytelnikowi.

«Chcesz-li po śmierci z Anioły mieszkawać,[1]
«Trzeba pilnie te tu rzecz spisaną czytywać,
«A bądź jako chcesz zakamałym; wierz mi puścisz
«A tak się z niecnot w cnoty Chrysta Pana przekrzcisz.

Эти стихи, чуждые всякаго достоинства, суть предвѣстники утренней зори чисто польской поэзіи, которая была уже близка, и вдругъ возсіяла съ Реемъ и Кохановскимъ.

При Эпитафіи Фирлея находится Эпиграмма Кржицкаго подъ заглавіемъ: *Epitaphium Reipublicae*, которую переведемъ здѣсь:

ЭПИТАФІЯ РЕСПУБЛИКѢ.

«Publica res jacet hic morbis extincta duobus...

Tu kraj co z dwojga chorób przyszedł do zaguby,[2]
Z poswarek między bracią, i niezgód w starszyźnie
Skąd nań przyszły niemoce? ze brzydkiéj rachuby,
Ze swobod i z wygnania zakonu w ojczyznie.

Андрей Кржыцкій къ читателю.

[1] *Переводъ.* «Хочешь ли по смерти жить вмѣстѣ съ Ангелами, читай прилежно все, что тутъ написано, а какъ бы ты ни былъ закоренѣлымъ, повѣрь мнѣ,—размягчишься, и изъ пороковъ облечешься въ святость Господа Іисуса.»

[2] «Здѣсь лежитъ край, который погибъ отъ двухъ болѣзней: отъ ссоры между братьями и отъ несогласія старѣйшинъ. Откуда пришли на него немощи? отъ низкихъ расчетовъ, отъ свободы и изгнанія изъ отечества

Czyż snadź na te choroby lekarstwa nie było?
Były jednie wiara i królewska cnota,
Te jeno kraj trzymały z niepomierną siłą,
Tych ręce uwiązano i kraj bez żywota.
Płaczcie oslepe ludy! płacz ojców senacie
Wszystkie wasze pociechy zniknęły w téj stracie.

Поэзію Кржыцкаго, письма и другія сочиненія, касающіяся тайной исторіи Сигизмунда 1 (quae ad Sigismundi 1 regis Poloniae historiam arcanam faciunt) собралъ, частью уже издалъ, частью приготовилъ къ печати знаменитый академикъ Станиславъ Горскій; но кромѣ того попадаются еще въ различныхъ сочиненіяхъ произведенія Кржыцкаго, не вошедшія въ составъ этого собранія и неизвѣстныя Горскому. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь занялся полнымъ его изданіемъ; памятники по Кржыцкомъ, хоть бы даже и поэтическіе, безъ сомнѣнія, болѣе драгоцѣнны для насъ въ отношеніи историческомъ, нежели поэтическомъ. Мы сами занялись бы переводомъ ихъ, въ одной изъ слѣдующихъ тетрадей нашихъ *переводовъ польско-латинскихъ поэтовъ*.

Высокій престолъ примасовскій, богатства и милость двора, изливаемая на Кржыцкаго, послѣ смерти вскорѣ нашли себѣ преемниковъ; но лучшее по немъ наслѣдство — лиру поэта, и мѣсто въ исторіи искусства получилъ воспитанникъ Кржыцкаго малопольскій поселянинъ — Яницкій.

Клементій Яницкій, родившійся въ 1515 г., скончался въ цвѣтѣ лѣтъ въ 1545 г. Онъ писалъ не много, но пѣсни его

правилъ законовъ. Неужели не было лѣкарства противъ этихъ болѣзней? Были, а именно вѣра и доблести царскія; это только поддерживало край въ его исполинской силѣ; связали имъ руки и край теперь безъ жизни. Восплачь же, народъ ослѣпленный! плачьте, отцы сената! всѣ ваши радости погибли съ этою потерею.»

были такъ сладки, такъ трогательны, такъ безинтересны, что онъ, кажется намъ, стоитъ выше всѣхъ латинскихъ поэтовъ, которыхъ мы до сихъ поръ приводили. Двѣ книги *элегій*, *жизни* польскихъ *королей* и гнѣзненскихъ *архіепископовъ*, книга *эпиграммъ*, *брачное* стихотвореніе на бракосочетаніе Сигизмунда Августа съ Елисаветою Австрійскою, — вотъ и все наслѣдство послѣ Яницкаго; но эти произведенія дали ему мѣсто на ряду съ первыми писателями отечественными. Въ пѣсняхъ Яницкаго отразились всѣ моменты его жизни. Приведемъ эти характеристическія мѣста, чтобы доставить возможность однимъ разомъ узнать и обстоятельства жизни, и талантъ поэта. Вотъ что говоритъ онъ о своемъ отрочествѣ:

(ПЕРЕВОДЪ).

Za Znińskiém bagnem jest wieś przejezdna,[1]
Co się Janusza imieniem zowie,
Tamtędy niegdyś polscy królowie,
Jeździli w pruską ziemię od Gnieźna.
I tam mój ojciec mieszkaniec wioski,
Orał poczciwie grunt pradziadowski.

. . . . . .

Dla mnie czwartego dnia listopada,
Błysnęło światło jasności dniowéj,
Wtym samym roku kiedy śmierć blada,
Przerwała życie polskiéj królowéj,
Onéj Zapolskiéj dobréj Barbary,
Którą opłakał lud cały społem.

[1] *Переводъ*. «За Зниньскимъ болотомъ есть село на дорогѣ, которое зовется именемъ Януша; туда нѣкогда короли Польши ѣзжали въ Пруссію со стороны Гнѣзна. И тамъ отецъ мой, житель деревенскій, честно обрабатывалъ землю — наслѣдіе дѣдовъ своихъ... Четвертаго ноября для меня блеснулъ лучъ свѣта дневнаго, въ томъ же году, когда блѣдная смерть польской королевы жизнь прекратила — этой Запольской, доброй

Zaledwie piąte lato zacząłem,
Gdym już naukom dawał ofiary.
Bo ojciec czujny o dni dziecięce,
Nie chciał mię trudom poświęcać wcale,
Nie dał mi sochy w niewprawne ręce,
Ani pozwolił schnąć na upale.
Potém o dzięki dobroci pańskiéj!
Umysł od miejskich mistrzów przetarty,
Wniosłem do szkoły którą Lubrański
Świeżo założył na brzegach Warty...
Tamem usłyszał imie Wirgila,
I Nazonowe imie mistrzowskie,
Tamem poetów wielbił do tyla,
Żem dla nich cześci oddawał boskie.
Ilem tam pracy ze łzami spolił,
Ilem wzniosł modłów do Apollina,
Aby mię przyjął za swego syna
I w swoim chorze śpiewać pozwolił!
Skinął, przyzwolił i lirę wziąłem,
On sam mą ręką w stróny kołace,

Варвары, которую весь народъ оплакивалъ слезами. Едва началъ я пятое лѣто, какъ уже сталъ приносить жертву наукамъ, потому-что отецъ, заботливый о своемъ дитяти, не хотѣлъ посвящать меня всецѣло своему труду, не далъ онъ сохи мнѣ въ неискусныя руки и не позволилъ горѣть на солнцѣ. Потомъ, благодареніе благости Божіей, съ умомъ, возбужденнымъ наставниками города, вступилъ ужь я въ школу, которую Любраньскій вновь основалъ на берегу Варты... Тамъ я услышалъ имя Виргилія и знаменитое имя Назона; тамъ я поэтовъ чтилъ до того, что воздавалъ имъ честь божескую. Сколько трудовъ тамъ я слилъ со слезами! сколько моленій вознесъ къ Аполлону, чтобъ принялъ онъ меня къ себѣ за сына, и въ своемъ хорѣ мнѣ пѣть бы дозволилъ! Онъ помануль мнѣ, позволилъ, и вотъ я взялъ лиру; онъ самъ моею рукою по струнамъ ударяетъ. О! помню я, помню, съ какою мольбою и дни и ночи труду посвятилъ я, и трудъ ни почемъ мнѣ; да и что же онъ значитъ въ сравненіи съ моимъ юношескимъ жаромъ? Помню, какъ первый трудъ мой читалъ я въ залѣ экзаменской, въ присутствіи слушателей. Въ честь

O pomnę, pomnę z jakim mozołem
I dni i noce dałem na prace,
Za nic mi praca, cóż ona znaczy
Przed młodocianym moim zapałem?
Pomnę gdy piérwszy trud mój czytałem,
W sali popisów, w gronie słuchaczy
W cześć Lubrańskiego złożyłem pieśnię,
Bom mu był winien pierwszą ofiarę...
. . . . . .

Его воспитаніе въ школѣ Любраньскаго окончилось около 1535 г.

Ubogi ojciec swoje ostatki[1]
Wywlókł już dla mnie z rolniczéj chatki,
Ślubować muzom nie było zaczem,
Miałem je żegnać wolą niewolą.
Gdy wielki Krzycki tknięty mym płaczem
Czule pomyślał nad moją dolą
Dóm swój otworzył...

Первое свое пребываніе въ школѣ, первое свиданіе съ Кржицкимъ такъ онъ описываетъ въ иной уже элегіи:

Dni w mojém życiu szczęśliwszych nie liczę,[2]
Nad dzień dzisiejszy co błysł niespodzianie,
W którym raz piérwszy najwyższy kapłanie
Widziałem twoje dostojne oblicze.

Любраньскаго я пѣсню составилъ, потому-что ему былъ обязанъ первою жертвой...

[1] *Переводъ.* «Бѣдный отецъ послѣднія крохи извлекъ ужь изъ своей избушки; служить болѣе музамъ я средствъ не имѣлъ и съ ними проститься я долей неволею былъ принужденъ, когда Кржицкій великій, тронутый моими слезами, позаботился о моей судьбѣ и домъ свой открылъ мнѣ.»

[2] «Дней въ моей жизни болѣе счастливыхъ, чѣмъ день настоящій, который блеснулъ такъ нежданно, я не считаю,—день, когда въ первый разъ

Widziałem z bliska to szanowne czoło,
Co blaskiem mitry promieniście słynie,
Uczciłem męża wielbionego w koło,
Co zacnéj polskiéj przodkuje krainie.

Въ день рожденія Кржицкаго онъ такъ поздравляетъ его съ достоинствомъ примаса:

(ПЕРЕВОДЪ).

Święto Krzyckiego! rocznica wesoła![1]
Dzień ten Polacy uświęćcie dostojnie,
Pięknemi wieńcy zakwiećcie swe czoła,
I w świetną odzież przybierzcie się strojnie!
Złote łańcuchy przez piersi przewieście,
Ozdobcie ręce w bogate pierścienie,
We wszystkie skarby ustrojcie się wreszcie,
Co je Indyjskie dawa przyrodzenie,
I wszystkie gniewy umorzcie w swém łonie,
I wejdźcie wszyscy pod spokoju skrzydło,
Zapalcie potém arabijskie wonie,
Rzućcie na ogień sabejskie kadzidło!
Dzień to szczęśliwy, święćmyż uroczysto,
W tym dniu troskliwy Bóg o naszéj doli,
Zrodził Krzyckiego na chlubę ojczystą,
Na korzyść kraju, memu szczęściu gwoli!

я увидѣлъ твое достойное лицо, пастырь высокій. Вблизи я видѣлъ то чело почтенное, которое блескомъ тіары лучезарно сіяетъ; я почтилъ мужа, прославленнаго всѣми, который первенствуетъ въ почтенной польской странѣ.»

[1] *Переводъ.* «Торжество Кржицкаго! веселая годовщина! Поляки, достойно почтите этотъ день, зелеными вѣнками чело увѣнчайте, нарядно одѣнътесь въ блестящія одежды! Цѣпь золотую на груди повѣсьте, руки украсьте богатыми перстнями, наконецъ надѣньте всѣ тѣ богатства, которыми даритъ индѣйская природа, и всякій гнѣвъ умирите въ своемъ серд-

Na wzór pobożnym, na pochodnię w świecie,
I na ozdobę pasterskiéj tyarze...
Zrodził się Krzycki aż oto z nim razem
Stare nam czasy, stare szczęście idzie,
Miękczy się w złoto wiek kuty żelazem,
Wraca się dawna powaga Temidzie;
Biegun niebieski oś swoję przekręca,
I zmienia porę na cześć jego święta,
Zima co srogo w téj porze się znęca,
Dzisiaj łagodna jak nikt nie pamięta,
A luto w porę piszemy grudniową,
Jednak od zimna ręka nam nie skrzepła,
Gwiazdy północne iskrzą się nad głową,
Jednakże śniegi nie zwiewają ciepła,
Liście różane z pod swych pączków rwie się,
Murawa swojéj świeżości nie zmienia,
W polu jak lato, a w cienistym lesie,
Drzewo się nowém liściem zazielenia.

цѣ, всѣ соберитесь подъ крыльями мира, потомъ воскурите аравійскія благовонія, бросьте въ огонь ѳиміамъ сабейскій! Это день счастья: отпразднуемъ же его свѣтло! Въ этотъ день Богъ, отецъ попечительный, вызвалъ на свѣтъ Кржицкаго для славы и пользы отечества и для моего счастія. Въ образецъ благочестивымъ, быть свѣтильникомъ міру, для украшенія пастырской тіары... родился Кржицкій, и вотъ вмѣстѣ съ нимъ къ намъ возвращается старое время и счастіе старое; сиягчается на подобіе золота вѣкъ кованный желѣзомъ; возвращается древняя сила Ѳемидѣ; полюсъ небесный свою ось превращаетъ и измѣняетъ время года въ честь его торжества. Зима, которая обыкновенно жестоко свирѣпствуетъ въ это время, теперь кротка, какъ никто не запомнитъ, и хотя мы пишемъ въ декабрьскую пору, однако рука наша отъ холода не слабѣетъ; полночныя звѣзды надъ главой искрятся, и снѣга однакожъ тепла не унесутъ, розовые листья рвутся изъ почекъ, и зелень свѣжести своей не теряетъ; въ поляхъ будто лѣто, а въ лѣсу тѣнистомъ деревья новыми листьями зеленѣютъ, въ зернышкѣ хлѣбномъ живой зародышъ уже шевелится, травы колосьями едва не вѣнчаются, пастухъ своихъ козъ выгоняетъ на сжатое поле и лѣтней водой изъ рѣки ихъ напаляетъ, которая прошлой зимою, окованная насиліемъ, была послушна ледянымъ око-

I ruń zbożowa rzeźwym kiełkiem tryska,
Ledwo że kłosem nie wieńczy się trawa,
Pasterz swe kozy wiedzie na ścierniska;
I letnią wodą w rzece je napawa,
Co przeszłéj zimy zakuta przemocą,
Była posłuszna lodowym kąjdanom.
Patrzcie Polacy! wszak już niema poco
Łagodnéj pory zazdrościć Rzymianom.
Z dawna tych cudów w Polsce nie widano,
Zdumiewa starców rzadkie dziwowisko,
Dobra to wróżba dziś kiedy oddano,
Gnieźnieńską trzodę Krzyckiemu w pastwisko i t. d.

Но не такова была слѣдующая осень (1537 г.). Кржицкій заболѣлъ смертельно. Яницкій по этому поводу высказываетъ свою печаль и спрашиваетъ:

Czyż wielcy ludzie te ziemskie półbogi[1]
Naszym cierpieniom podlegli w złéj dobie?
. . . . . .
Oto nasz Krzycki co mu tyle życzę
Drży zimnem febry rzucon na wezgłowie,
Wyschło mu, zżółkło, zbielało oblicze,
Uciekł rumieniec gdy uciekło zdrowie,
Pierś wycieńczona, bezsilna i drżąca,
Członki osłabłe, wytężone pluca,
Sarce by lawa zalała gorąca,
Kipi gwałtownie i w piersiach się rzuca...

вамъ. Смотрите, Поляки! зачѣмъ намъ завидовать Римлянамъ и климату страны ихъ благодатному? Давно уже чудесъ подобныхъ не видѣла Польша, старики изумляются рѣдкому зрѣлищу: доброе это предзнаменованіе теперь, когда паству гнѣзненскую отдали въ управленіе Кржицкому и т. д.»

[1] *Переводъ.* «Неужели люди великіе, эти полубоги земли, подвержены вашимъ страданіямъ въ порудурную?... Вотъ нашъ Кржицкій, которому я столько благъ желаю, дрожитъ, брошенный холодомъ лихорадки на свое изго-

Gorzkie są żale stroskanego dziecka,
Gdy drogi rodzic ciężko zaniemoże,
Ale smutniejsza zacna młodź szlachecka
Patrząc na swego dobroczyńcy łoże,
O losy srogie! za cóż to dręczycie?
Męża po którym cała Polska woła?
Mnie raczéj losy nie folgujcie zgoła,
Dam życie moje za Krzyckiego życie.
Kiedy to mówię na licach pastérza,
Znaczno gorączkę, członki mu się pocą,
O niebezpiecznie choroba uderza.
Żegrowski! śpieszaj z lekarską pomocą!
Śpieszaj, gdy zyska albo straci życie,
I Polska życie odzyska lub straci,
Ratuj, lekarzu!...

Кржицкій умеръ, именно по нерадѣнію своего врача Зегравія (Zegrowiusza), и знаменитый Петръ Кмита, маршалъ коронный, пріютилъ Яницкаго. Въ домѣ Кмиты нашъ поэтъ снова встрѣчается со смертью: умираетъ Станиславъ Кмита, бѣлзскій воевода, братъ Петра. Яницкій, воспѣвая его кончину, говоритъ такъ:

ловье; лице его высохло, пожелтѣло, блѣдностью покрылось; исчезъ румянецъ съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ здравіе исчезло; грудь изнуренная, безсильная, дрожащая; ослабли члены, лёгкія въ напряженіи; сердце залилось будто лавою горячею, она кипитъ ужасно и къ груди поднимается... Безутѣшна печаль добраго дитяти, видящаго опасную болѣзнь дорогаго родителя; но еще съ большею печалью молодежь шляхетская смотритъ на ложе своего благодѣтеля. О судьба жестокая! за что ты мучишь человѣка, по которомъ вся Польша взываетъ? Судьбы, лучше меня вы не щадите, я отдамъ жизнь мою взамѣнъ жизни Кржицкаго!

Когда такъ говорю я, видны слѣды горячки на лицѣ пастыря, члены покрываются потомъ. Опасный припадокъ болѣзни! Жегровскій! неси ему помощь врачебную! Спѣши, потому-что отъ возвращенія его жизни или отъ ея потери зависитъ гибель или жизнь Польши. Спасай, докторъ!»...

O! czyż w tym roku żalami zatruty[1]
Mam tylko śpiewać pogrzebowe pieśnie
Głosem przywykłym do weselszéj nóty
Nad mogiłami zawodzić boleśnie?!
Dla czego los mój nieprzychylny ku mnie
Temi przedmioty tak często obarcza?
Jam się nie spłakał na Krzyckiego trumnie,
Po którym płakać życia nie wystarcza;
Jeszcze dawniejsza gorycz niespożyta,
Krew nie zastygła na dawniejszéj ranie,
Znów boli serce, oto młodszy Kmita,
Zmarł tak zawcześnie tak niespodziewanie.

Кажется, что при дворѣ гордаго аристократа, какимъ былъ Кмита, поэтъ нашъ встрѣчалъ болѣе огорченій, чѣмъ у веселаго поэта Кржицкаго. Должно быть, тамъ вѣрили придворнымъ наушникамъ; должно быть, давали понять поэту, что за хлѣбъ онъ долженъ платить похвалою дому и добродѣтелямъ хлѣбодавца (chlebo-dawcy). Въ одной изъ элегій Яницкій помѣстилъ просьбу, чтобы его выслали продолжать образованіе.

I bohatery Wiśnickie opieje,[2]
I będę głosić twoje Kmito przodki,
. . . . . .

[1] *Переводъ.* «О! неужели мнѣ съ сердцемъ, окровавленнымъ печалью, въ теченіе этого года суждено пѣть одну только пѣснь погребальную, а голосомъ, привыкшимъ къ звукамъ радости, пѣть надъ могилами одну лишь пѣснь страданія? Зачѣмъ судьба моя, мнѣ непріязненная, такъ часто обременяетъ меня этими явленіями? Еще я не вполнѣ наплакался надъ гробомъ Кржицкаго, для оплакиванія котораго мало мнѣ жизни, меня не покинула еще прежняя горечь, еще кровь не застыла на прежней ранѣ, а тутъ опять болитъ сердце: вотъ младшій Кмита умеръ такъ рано и такъ неожиданно».

[2] *Переводъ.* «И богатырей Висьницкихъ я воспою и буду славить твоихъ предковъ, Кмита... Но рука, непривыкшая извлекать сладостные звуки, не ловко какъ-то бряцаетъ по струнамъ лиры. Добрый Кмита! въ твоей это

Lecz dłoń niewprawna do słodkiego dźwięku
Niezręcznie jeszcze w lirne stróny brzęczy.
O dobry Kmito! wszakto w twojém ręku,
Nadać mi wprawę i zapał młodzieńczy,
Ty mię ukształcisz po niedługiém lecie,
Z chrapliwéj gęsi uczynisz łabędziem,
Jak wosk miękciuchny, giętki pod narzędziem,
Z którego kunsztmistrz co zechce wygniecie.

Кмита понялъ просьбу и выслалъ Яницкаго въ Падую; но здѣсь едва онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе, какъ его стала снѣдать болѣзнь. Въ 1539 г. онъ писалъ къ Спровскому, донося ему о современныхъ событіяхъ, и, восхищенный небомъ Италіи, восклицаетъ:

Chcesz może nowin z łacińskiéj ziemicy?[1]
Twoje żądanie spełnię uroczyście,
I mnóstwo rzeczy bez żadnéj różnicy,
Chciałoby w jędnym pomieścić ci liście.
Co tu nowości! dla mnie wszystko nowe!
. . . . . .
Ja wzrok i słuch mój upajam zachwytem
Na téj łacińskiéj starożytnéj stronie,
Patrzę na niebo, o pod tym błękitem,
Powietrze czasów Saturnowych wionie.
Niebo pod jasném lazuru ubraniem,
A żadna chmurka nie błąka zię na niém,

власти—придать мнѣ искусство и юношескій жаръ; ты меня образуешь въ немного лѣтъ; изъ гуся осмлаго сдѣлаешь лебедемъ, подобно тому, какъ изъ мягкаго воска художникъ при помощи орудій сдѣлаетъ все, что ему угодно.»

[1] *Переводъ.* «Ты ждешь быть можетъ новостей изъ земли латинской? Торжественно исполню я твое желаніе, и множество вещей безъ всякаго различія хотѣлось бы мнѣ помѣстить въ одномъ къ тебѣ письмѣ. Сколько тутъ новостей! для меня все ново!... Слухъ мой и зрѣніе теряются въ восхищеніи въ этой древней, латинской странѣ. Я смотрю на небо, а подъ

Żaden mróz tęgi, ani wiatr wydęty,
Ni żadne grady ni żadne zamiecie,
Nie wiedzą ludzie o zimowéj porze,
Kąpie a oczy jakiś wietrzyk święty,
W koło zieloność i nadobne kwiecie,
Cały rok pytasz: wiosnaż to na dworze?

Онъ изображаетъ далѣе въ лестныхъ чертахъ характеръ Итальянцевъ. Ученые труды, пріятный климатъ, любовь и дружба профессора Лазаря Бонамика, наконецъ лавровый вѣнокъ, которымъ увѣнчалъ его Антоній Контаренусъ, венеціанскій патрицій, имѣвшій на то полномочіе отъ нѣмецкаго императора,—все это придавало очарованіе его пребыванію въ Падуѣ; но болѣзнь принудила его вернуться на родину, чтобы тамъ искать отъ нея исцѣленія подъ вліяніемъ отечественнаго климата. Осенью 1540 г., онъ изъ Кракова писалъ къ Бонамику элегію, полную благодарныхъ чувствъ. Мы приведемъ изъ нея отрывокъ:

Że jeszcze żyję, że widzę nareszcie,[1]
Ojczyste dymy, twoja to mi łaska,
Miłoż mi wspomnieć kiedym w waszém mieście,
Leżał zbolały, i wyschły jak trzaska.
Kiedy mię febra i zbrzęklizna goni,
Kiedy mię gwałtem do mogiły gniotą,
Gdy wrzód jątrzliwy usiadłszy na skroni,
Słuch mi zagwoździł boleśną głuchotą.

этой твердью еще вѣетъ воздухомъ временъ сатурновыхъ. Небо въ свѣтлой лазоревой одеждѣ, и ни одна тучка на немъ не блуждаетъ, ни морозъ сильный, ни вѣтеръ напряженный, ни градъ, ни метель: люди тамъ не знаютъ зимняго времени. Глаза твои лелѣетъ какой-то зефиръ священный, и зелень кругомъ, и цвѣты прекрасные; цѣлый годъ спрашиваешь: неужели все это весна на дворѣ?»

[1] *Переводъ.* «Что я живу еще, что наконецъ вижу кровъ мой отечественный, ты тому виною; любо вспоминать теперь, когда въ вашемъ

Gdy stary Charon czekając na łodzi
Żądał już swego za przewóz szeląga,
Wtedy z pomocą zacny mąż przychodzi,
Podaje rękę i z trumny wyciąga,
Ty Bonamiku dałeś mi lekarzy,
Tyś mi skwapliwie każdą chęć uprzedzał,
Ojcowską czułość czytałem na twarzy,
Gdyś codzień łoże zbolałe odwiedzał,
A gdy o tyle do zdrowia przychodzę,
Żem zdołał koniem kierować na drodze,
Gdy mi lekarskim przykazano listem,
Poszukać zdrowia pod słońcem ojczystém.
Nie mogłem jechać bez grosza w podróży,
Musiałbym w Padwie doczekiwać schyłku,
Lecz tyś mi cierpieć nie pozwolił dłużéj,
Tyś mi na drogę udzielił zasiłku...
Nimem odjechał, za twoim starunkiem,
Dano mi tytuł szanowny przed rzeszą,
Jak koń wychudły, którego zawieszą
Swietnym czaprakiem i złotym rynsztukiem...

городѣ я лежалъ больной, изсушенный какъ щепка. Когда меня гонитъ лихорадка и опухоль, когда онѣ насильно гнетутъ меня къ могилѣ, когда вередъ гнойный, на виски мнѣ сѣвшій, загвоздилъ слухъ глухотою болѣзненной, когда старикъ Харонъ, сидя въ своей лодкѣ, ожидалъ отъ меня за перевозъ обола: тогда мужъ почтенный на помощь приходитъ, подаетъ мнѣ руку, извлекаетъ изъ гроба. Ты, Бонамикъ, далъ мнѣ врачей, ты предупреждалъ всѣ мои желанья; въ лицѣ твоемъ читалъ я любовь отеческую, когда каждый день посѣщалъ ты ложе больнаго; когда же на столько я былъ ужь здоровъ, что могъ и конемъ править въ пути, когда мнѣ приказали въ письмѣ врачебномъ искать себѣ здравія подъ солнцемъ отечества, не могъ я пуститься въ путь безъ денегъ, я долженъ былъ въ Падуѣ ждать своего конца; но ты не позволилъ мнѣ долѣе страдать, ты вспомоществованіе далъ мнѣ на дорогу... Прежде чѣмъ я уѣхалъ, по твоимъ стараніямъ, дали мнѣ титулъ почтенный публично, какъ коню исхудалому, котораго украшаютъ чепракомъ блестящимъ и золотымъ вооруженіемъ.....»

Послѣдніе три года своей жизни Яницкій, неразлучный съ болѣзнью, провелъ въ обществѣ врачей, поэзіи и дорогихъ сердцу пріятелей. Онъ живо принималъ къ сердцу современныя ему политическія событія, сильно и пламенно оплакивалъ состояніе Венгріи, истерзанной войною. Друзьями его были Ротундусъ Милецкій, Кромеръ, Янъ Антонинъ Венгерецъ, Госій, Самуилъ Мацеіовскій и другіе, къ которымъ писалъ онъ свои безсмертныя элегіи. Онъ любилъ какую-то Елисавету краковіанку, но не писалъ къ ней пламенныхъ эротиковъ, и только оставилъ о ней въ своихъ пѣсняхъ лишь нѣсколько сладкихъ, скромныхъ и невинныхъ намековъ. Въ 1543, онъ написалъ брачное стихотвореніе на обрученіе Сигизмунда Августа съ Елисаветою Австрійскою и, въ конецъ обезсиленный этимъ прекраснымъ произведеніемъ, скончался въ томъ же году.

За дальнѣйшими свѣдѣніями о жизни и сочиненіяхъ Яницкаго мы отсылаемъ читателя къ нашему собранію всѣхъ его произведеній, переведенныхъ нами. (Переводы поэтовъ польск.-лат. Тетр. I Вильно, у Іосифа Завадзкаго 1848 г.)

Въ брачномъ стихотвореніи Сигизмунду Августу нѣтъ общихъ наивныхъ мѣстъ, потому-что Яницкій (рѣдкое явленіе въ тогдашней поэзіи!) не писалъ расчитанныхъ ласкательствъ, не протягивалъ руки къ подаркамъ, а только мило благодарилъ за скромную помощь, а еще милѣе—за пріязнь сердечную. Онъ славитъ великія дѣянія Сигизмунда стараго, а юному Сигизмунду Августу смѣло подаетъ свои доброжелательные совѣты какъ управлять царствомъ. Онъ такъ говоритъ къ Сигизмунду старому:

«Oglądałeś już syna jako dzielny młodzian[1]
Został w imie królewskie, i godność przyodzian,

[1] *Переводъ* «Ты видѣлъ сына; какъ доблестный юноша, онъ былъ удостоенъ королевскаго имени и чести, и съ сердечнымъ благодареніемъ

I przy rzewnéj za boską opiekę podzięce,
W obliczu wszystkich berło oddałeś mu w ręce.
Ciesz się pobożny panie! chwila nie daleka
Kiedy święta twa starość wnuków się doczeka,
Oto od pięknéj strony gdzie się Dunaj błąka,
Jak gwiazda Awgustowi przybywa małżonka» i т. d.

Не исполнило небо этого предсказанія: Елисавета Австрійская скончалась бездѣтною въ 1545 г., и смерть ея воспѣвалъ погребальнымъ стихотвореніемъ (Funebre carmen) Прежылускій, который былъ долговѣчнѣе Яницкаго.

Яковъ, по прозванію Ежъ (Iessovius) *Пржылускій*, секретарь Кмиты, ученый и искусный въ языкознаніи, извѣстенъ уже намъ какъ переводчикъ Гомера на латинскій языкъ; кромѣ того, читающей публикѣ онъ извѣстенъ сочиненіемъ книгъ: *De provinciis Poloniae*, *Statuta regni Poloniae* и своею приверженностью къ протестантизму. Будучи приближеннымъ Кмиты и приходскимъ священникомъ въ Мосьцискахъ, онъ соблазнился примѣромъ Оржеховскаго, женился, не смотря на свой духовный санъ, и въ слѣдъ за тѣмъ принялъ лютеранское исповѣданіе. Поддерживаемый сильными протестантами, онъ исполнялъ впослѣдствіи различныя гражданскія должности. Оржеховскій, приписывая ему сочиненіе: *Diatriba contra columniam* etc., даетъ такое свидѣтельство объ его талантахъ и образованіи. «Ты обра«батываешь науки съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что, «хотя ты и ни разу не выѣзжалъ изъ Польши, превосходишь «однакоже многихъ изъ тѣхъ, которые во имя наукъ путе-

за Божіе покровительство, ты въ присутствіи всѣхъ отдалъ скипетръ ему въ руки. Радуйся, государь благочестивый! Недалека уже минута, когда сѣдина твоя почтенная внуковъ дождется. Изъ страны прекрасной, гдѣ Дунай блуждаетъ, приходитъ супруга Августа, какъ звѣзда прекрасная.»

«шествуютъ за границею; тѣмъ болѣе по этому жаль, что ты «такъ мало имѣешь свободнаго времени для занятія науками, «для которыхъ ты созданъ. Пусть утѣшаетъ тебя общая «судьба Поляковъ, потому-что у насъ по преимуществу предъ «всѣми другими народами кто можетъ трудиться для науки, «тотъ не хочетъ, а кто хочетъ, тотъ не можетъ. Такъ однимъ «изъ насъ не достаетъ воли, другимъ возможности; но никто «не можетъ жаловаться на недостатокъ силъ и способностей.»

Современники упрекали Пржылускаго въ вѣроотступничествѣ и въ оскорбленіи чести католическаго духовенства, котораго нѣкогда онъ самъ былъ членомъ. Грѣхъ великій, но онъ оправдывается духомъ тогдашняго времени. Быть можетъ, въ честь искренности характера Пржылускаго можно сказать и то, что онъ не хотѣлъ придавать своему отступничеству видъ мнимаго православія, не измѣнялъ своихъ убѣжденій подобно Оржеховскому, хотя самъ ученый каноникъ Пржемысльскій убѣждалъ его возвратиться въ нѣдра церкви и указывалъ ему на свой собственный примѣръ, хотя даже самъ Пржылускій въ латинскихъ стихахъ, изданныхъ имъ въ 1547 году, призывалъ Лютера къ соединенію съ римскою церковію. Писалъ Пржылускій и польскіе стихи, которые, вѣроятно, составили бы теперь любопытный памятникъ въ отношеніи къ языку. Одно изъ подобныхъ произведеній (Сатира на епископовъ) должно быть отличалось крайнею колкостью и неприличіемъ, если самъ Юшиньскій, любитель литературныхъ памятниковъ, удивляется тому, что Залускій не сжегъ ея. Самъ же Залускій даже и *Статуты коронные* Пржылускаго совѣтуетъ читать съ осторожностью (caute legendus), потому-что они суть произведеніе пера еретическаго. Иные называли его великимъ мужемъ, котораго погубила гордость. Пржылускій скончался въ 1554 году.

Здѣсь мы приводимъ отрывокъ изъ стихотворенія Пржылускаго на смерть Елисаветы Австрійской, первой супруги Сигизмунда Августа. Кромѣ общаго выраженія грусти, обращаетъ въ немъ наше на себя вниманіе описаніе похоронъ, болѣе картинное и изобразительное, чѣмъ всѣ современныя произведенія этого рода.

ПОГРЕБАЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ НА СМЕРТЬ ЕЯ ВЕЛИЧ. КНЯЖНЫ ГОСУДАРЫНИ ГОСУДАРЫНИ ЕЛИСАВЕТЫ, ЕГО ВЕЛИЧ. РИМСКАГО, ВЕНГЕРСКАГО, ЧЕШСКАГО КОРОЛЯ ДОЧЕРИ, СИЛЬНАГО, НЕПОБѢДИМАГО КНЯЗЯ И ГОСУДАРЯ СИГИЗМУНДА АВГУСТА, БОЖ. МИЛ. КОРОЛЯ ПОЛЬСК., В. К. ЛИТ. РУС. ПРУСС. МАЗОВ. СУПРУГИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ, 29 ІЮНЯ ВЪ ВИЛЬНѢ СКОНЧАВШЕЙСЯ, И ПРОЧ.

«Nuntius ut dixit: Reges, Regina Poloni
«Occidit.»

(ПЕРЕВОДЪ).

Monarchowie! rzekł goniec nieszczęśliwéj chwile,[1]
Oto polska królowa spoczęła w mogile,
Królowie nagłą wieścią strapieni najszczerzéj
Zbledli i oniemieli, kiedy grom uderzy.
Z królmi panowie radni już łzami zalani,
Wspólną jedną boleścią wszelki duch strapiony,
Po małżonce Augusta, po łaskawéj Pani,
Po kochanéj synowéj Zygmunta i Bony,
I nie sama starszyzna, wszystek lud podziela
Żałość gorzkiéj nowiny...

[1] *Переводъ*. «Монархи! сказалъ гонецъ въ несчастную минуту, Польская королева низошла въ могилу!» Короли, сильно огорченные вѣстью неожиданною, поблѣднѣли и онѣмѣли, какъ громомъ пораженные. Съ королями вѣстѣ мужи совѣта залились слезами, общею печалью всѣ поражены совокупно, по супругѣ Августа, доброй государынѣ, по любезной невѣсткѣ Сигизмунда и Боны, и не одни только старѣйшины, весь народъ раздѣляетъ скорбь горестнаго извѣстія...

I czarny obraz śmierci stawił się u miasta,
Płaczą starcy i młodzież, i mąż i niewiasta,
Tych przestrach, innych smutek pociąga oblicze,
Żałośném kołataniem ozwały się dzwony,
I sprawdzają się wieści, zrązu tajemnicze!
Wszelki przepych zakryły kirowe opony,
Wszelki płaszcz purpurowy z ramion pańskich zdjęty,
Nigdzie złota i blasku królewskiego niéma,
Zdjęte z palców pierścienie strojne w dyamenty,
Z piersi złote łancuchy, z głowy dyadema.
Rzadkie miganie złota i blask koszenili
Nie razi smutnych oczu w uroczystéj chwili.
Umilkły trąby, flety, i wesołe lutnie,
Głuchy smutek zamieszkał nad wieżami grodu,
Gdzieniegdzie postać w czerni przesunie się smutnie,
Orszak mnichów, lub garstka tęsknego narodu.
Wprzód idzie dom królewski, daléj radne pany,
Dwór w żałobnéj odzieży, i lud smutny stoi,
W kościołach z malowideł obnażono ściany,
Wieje pustka grobowa z rozwartych podwoi,
Wojsko w czarnych kaftanach snuje się przed niemi,
Czarna barwa u książąt czarna u posługi,

И черный образъ смерти приближался къ городу, плачутъ старцы и дѣти, мужи и невѣсты. На лицахъ всѣхъ изображается испугъ и печаль, раздался жалобный звонъ колокольный, и вѣсти исполняются, вдругъ казавшіяся таинственными! Все великолѣпіе покрылось траурнымъ крепомъ, всѣ пурпурные плащи сняты съ плечъ господскихъ, нигдѣ нѣтъ золота и блеска королевскаго, сняты съ пальцевъ перстни, украшенные алмазами, съ груди золотыя цѣпи, съ главы діадемы. Рѣдкое мелькание золота и блескъ кошенили не поражаютъ печальнаго глаза въ торжественную минуту; умолкли трубы, флейты и веселыя лютни; нѣмая печаль повисла надъ башнями города; кое-гдѣ лишь пройдетъ медленно черная тѣнь, сонмъ монаховъ, или горсть печальнаго народа. Впереди идетъ домъ королевскій, далѣе мужи совѣта. Дворъ въ траурной одеждѣ, и народъ поникъ въ печали; въ церквахъ обнажены стѣны отъ украшеній, могильной пустотою вѣетъ сквозь дверь растворенную; войско въ

Rumaki w czarnych kapach z herby srebrzystemi
Stoją przy karawanie żałobnemi cugi.
Czarne chmury nad miastem uroczyście drzemią,
A w mieście wszędy czarno jak gdyby pod ziemią.
Niegdyś senat witając narzeczoną młodą,
Ubiegał się z rycerstwem o przepychu miarę,
Dziś senat i rycerstwo smutniejszy spór wiodą.
Kto się czarniéj ubierze w grobową czamarę.
August wierną źrzenicę podniosłszy ku niebu
Tam ulżenia dla duszy bolejącéj wzywa,
Śpieszy oddać małżonce posługę pogrzebu,
Bo czuł, że głośne łkanie pierś mu porozrywa.
Więc niosą martwe zwłoki zakowane w ołów,
Gdzie posągi i śmierci i łez stoją w parze.
I tysiączne bogactwa dano w sto kościołów,
I szeroko kadzidłem dymią się ołtarze;
Słońce oświeca kirem obite zacisze.
I lampy krwawe światło rzucają po ścianie,
Zwolna się pieśń grobowa w sklepieniach kołysze,
I ofiary błagalne trwają nieprzerwanie.
Orszak świętych kapłanów pieje u ołtarzy,
Chór żałośnie wyciąga, ówdzie senat starszy

черныхъ одеждахъ толпится предъ нею; трауръ на одеждахъ княжескихъ, трауръ на прислугѣ; кони, покрытые черными попонами съ серебряными гербами, печальными рядами стоятъ возлѣ каравановъ. Надъ городомъ черныя тучи торжественно дремлютъ, а въ городѣ все мрачно, какъ будто подъ землею. Нѣкогда сенатъ, привѣтствуя юную невѣсту, соперничествовалъ съ рыцарствомъ въ великолѣпіи одеждъ; теперь сенатъ и рыцарство ведутъ болѣе печальный споръ, кто одѣнется траурнѣе. Августъ, поднявъ къ небу вѣрныя зѣницы, оттуда взываетъ себѣ для души облегченья, спѣшитъ воздать супругѣ послѣдній долгъ, потому-что онъ чувствовалъ, что громкія стенанія разорвутъ его грудь. Итакъ несутъ мертвое тѣло, закованное въ олово, туда, гдѣ рука объ руку стоятъ статуи слезъ и смерти. Тысячи богатствъ роздали во сто церквей, и широко развѣвается у алтарей дымъ кадильный, солнце освѣщаетъ убѣжище безмолвія, покрытое трауромъ. И лампы кровавый свѣтъ бросаютъ на стѣны; нед-

Ze znakomitych rodów, znaczno na ich twarzy
Że dzielą i pobożność i smutek monarszy i t. d.
. . . . . .

Эта выписка доказываетъ, что Пржылускій, не смотря на выборъ слишкомъ общаго предмета, безспорно поэтъ: онъ умѣетъ схватить и изобразить трогательную и живописную сторону предмета, входитъ въ положеніе лицъ имъ изображаемыхъ, раздѣляетъ ихъ чувства, или, лучше, проникается ими. на сколько это для него возможно съ его точки зрѣнія. Онъ изображалъ чувствованія такими, какими они должны были быть, а не такъ, какъ были, потому-что напр. печаль Сигизмунда по смерти Елисаветы принадлежитъ къ поэтическому вымыслу: исторія совершенно иначе говоритъ объ этомъ дѣлѣ. Сигизмундъ Августъ не любилъ княженъ изъ знаменитаго рода императоровъ, хотя обѣ его супруги происходили изъ этого рода, и въ минуту смерти Елисаветы онъ уже подчинился сладостному очарованію Варвары изъ дома Радзивилловъ Гаштольдъ, на которой въ слѣдъ за тѣмъ женился и которую любилъ до самой своей смерти. Эта Варвара составляетъ важный эпизодъ въ исторіи его царствованія, имѣвшій такой трагическій исходъ.

Другое произведеніе пера Пржылускаго есть надгробіе (Epithaphium) польскому королю Сигизмунду, къ которому присоединена и надгробная рѣчь тому же монарху, говоренная Оржеховскимъ въ 1548 г.

Дошедши такимъ образомъ въ продолженіи нашего разсказа до смерти Сигизмунда стараго, остановимся здѣсь и, хо-

---

ленно пѣснь погребальная замираетъ въ сводахъ, и жертвы умилостивительныя безпрестанно продолжаются безъ перерыва Сонмъ святыхъ пастырей поетъ у алтарей, хоръ уныло вторитъ имъ; тамъ сенатъ старѣйшій изъ родовъ знаменитыхъ—видно по ихъ лицамъ, что благочестіе и печаль монарха они раздѣляютъ»... и т. д.

тя бы по внушенію одного любопытства, бросимъ взоръ впередъ и назадъ, подобно тому, какъ путешественникъ съ высоты холма въ послѣдній разъ обозрѣваетъ направленіе пути, имъ совершеннаго, и съ любопытствомъ разсматриваетъ мѣста, которыя предлежатъ ему далѣе.

Дѣйствительно, смерть стараго Ягеллона составляетъ эпоху въ исторіи нашей поэзіи. До сихъ поръ поэзія въ Польшѣ, латинская, правовѣрная, строго подчиненная правиламъ древнихъ эстетиковъ, слабо связанная съ жизнью общественною, безъ большаго въ ней значенія, покрытая мхомъ тяжелаго педантизма, не живетъ собою и для себя самой, но болѣе служитъ еще цѣлямъ постороннимъ,—то возводитъ своихъ питомцевъ на каѳедры епископскія и академическія, то открываетъ имъ доступъ ко двору, то къ участію въ почетныхъ посольствахъ. Запертая въ тѣсномъ еще кругу, разсыпается ли она въ похвалахъ въ своихъ брачныхъ и надгробныхъ пѣсняхъ, или порицаетъ въ острой сатирѣ, во всякомъ случаѣ служитъ она еще орудіемъ личныхъ цѣлей писателя, иногда органомъ духа партій, но никогда не имѣетъ въ виду общаго блага. Изъ всѣхъ исчисленныхъ нами поэтовъ одинъ, быть можетъ, только Янъ изъ Вислицы, да Яницкій занимались искусствомъ для самого же искусства. Если иногда и воспѣвали какую-нибудь побѣду, то это дѣлалось не для утвержденія ея въ памяти народа, но въ похвалу побѣдителя. Самое обыкновенное событіе, какъ бракосочетаніе короля, или смерть его супруги, сейчасъ же вызываетъ латинскую элегію, панегирикъ, эпиталаму, эпитафію, стихи погребальные. Сигизмундъ вступаетъ въ бракъ съ Варварою Запольскою, или съ Боною Сфорца, и вдругъ являются съ брачными пѣснями и Павелъ изъ Кросна, и Янъ Дантышекъ, и Андрей Кржицкій, и множество другихъ. Неужели все это предметъ до такой степени поэтичный? Со-

всѣмъ нѣтъ; но недостаточное развитіе идей эстетическихъ, подчиненіе правиламъ и авторитету замыкали даже высшіе умы въ тѣсномъ кругу ласкательства. Въ народѣ уже вырабатывалась независимость и самостоятельность мысли; но ихъ еще не было на каѳедрахъ академическихъ, не было и среди ученой толпы придворныхъ, окружавшихъ отечественную іерархію. Умственныя силы народа, этотъ потокъ могущій подрыть высочайшія башни, оплодотворить поле, привести въ движеніе полезную машину, еще спали въ сладкой дремотѣ подъ вліяніемъ авторитета и покрылись плесенью. Но наступало время могущее возбудить цѣлые народы: въ Европѣ кипѣла религіозная буря, эхо ея отразилось и въ Польшѣ, гдѣ и безъ того уже сильно развилось начало народной свободы. Здѣсь народъ выступилъ на сцену, какъ дѣятельный воинъ. Новое поколѣніе, любопытное, пытливое, раздражительное въ дѣлѣ защищенія своихъ правъ, съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе расположенное вѣрить кому-нибудь на слово, жаждущее науки, снабженное всѣми ея средствами, поспѣшное въ разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ человѣчества, дѣятельно разрыло источникъ, указало ему направленіе, и заплеснѣвшій потокъ зашумѣлъ снова. Вмѣстѣ съ Сигизмундомъ старымъ, кажется, отошелъ въ могилу и старый порядокъ вещей, и старые люди, и старыя понятія; зоря новой эпохи горѣла уже ясными лучами. Литература изъ ученой аристократки мало-по-малу переродилась въ популярную наставницу народа: она угадываетъ его чувства, управляетъ имъ и въ церкви, и въ Посольской Палатѣ (w Izbie poselskiéj). Въ 1548 не было уже въ живыхъ Дантышка, Кржицкаго, Яницкаго, свѣтилъ сигизмундова царствованія, представителей старой придворной музы. Второстепенные поэты пристали къ новой, животворной эпохѣ; а между тѣмъ Николай Рей изъ Нагловицъ переводилъ уже

псалмы Давидовы и религіозныя пѣсни для протестантовъ на польскій языкъ, въ томъ намѣреніи, чтобы сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ народа; а между тѣмъ Кохановскій уже образовывался въ Парижѣ, откуда онъ присылалъ намъ опыты своего таланта, такъ много обѣщавшіе въ будущемъ, гдѣ онъ писалъ нѣжныя латинскія элегіи къ Лидіи, потому-что незадолго предъ тѣмъ суровый Полякъ уже готовъ былъ пламенно проникнуться чувствованіями сердца, расширить кругъ своего умствованія и не однимъ только мужествомъ удивить Европу. Бросимъ еще разъ бѣглый взглядъ на Европу и на тѣ понятія, которыя шли оттуда въ Польшу, практически осуществившую уже у себя то, что тамъ едва начинало еще проявляться и то лишь въ идеальныхъ представленіяхъ, или въ посредственномъ нападеніи на католицизмъ. Германія, Швейцарія, Англія, часть Франціи явно отложились отъ Рима; во Франціи, сражавшейся остроуміемъ Marot, Etienne, Rabelais, какъ будто въ шутку разсѣваютъ сѣмена сомнѣнія и кальвинизма; въ Италіи безчисленныя страсти то народа, то князей удѣльныхъ, вели безпрерывную брань съ императоромъ и папою. Папскія анаѳемы, инквизиціонный мечъ въ рукахъ Франциска I, суровость Карла V старались принудить умы къ послушанію, но бичъ власти казался народу анахронизмомъ. Народы, призванные духомъ вѣка къ самостоятельному размышленію, начали сознавать всю важность просвѣщенія и неутомимо образовывать себя, мертвый латинизмъ съ каждымъ днемъ терялъ своихъ приверженцевъ, языки отечественные вошли во всеобщее употребленіе. Теперь углублялись не въ букву, но въ самый духъ древности. Сбросили почтенную средневѣковую пыль и съ Гомера, и съ Библіи, и съ Виргилія. Никакая святость авторитета не могла спасти сочиненія отъ строгаго разбора. Таково было умственное состояніе тогдашней Европы.

Тотъ судитъ ошибочно, кто думаетъ, что въ Польшѣ народная литература, соперница чуженароднаго латинизма, явилась въ слѣдъ за тѣмъ, какъ описьменилось слово. Напротивъ, наша литература, хотя и переодѣтая въ другую одежду, все-таки оставалась еще классическою, а писатели наши все еще были подражателями греческихъ образцовъ; но это подражаніе дышало уже жизнью нашею и безспорно могло назваться нашимъ собственнымъ пріобрѣтеніемъ. Кохановскій, Шимоновичъ, Оржеховскій, относительно формы, были классическими Римлянами и въ своей польской рѣчи, относительно же духа, при всемъ своемъ латинизмѣ, были истинными народными Поляками. Въ духѣ ихъ были родныя чувствованія, въ ихъ убѣжденіяхъ современныя имъ политическія или религіозныя мнѣнія, въ устахъ рѣчь польская, (или латинская, но употреблявшаяся, вовсе независимо отъ духа потому только, что она была болѣе понятна для Европы); но форма ихъ произведеній всегда была древне классическою, потому-что въ ней только одной сосредоточивалась идея прекраснаго. Одинъ писалъ Ѳеокритовы идилліи, театромъ которыхъ были польскія нивы; другой передѣлывалъ греческія антологіи на польскія бездѣлицы и каламбуры; иной писалъ Турцики, побуждавшія къ войнѣ съ Турками по образцу Филиппиковъ Демосѳена. Иначе и быть не могло.

Войдемъ въ положеніе даровитаго Поляка, который перомъ хочетъ служить своему отечеству. Положимъ даже, что первое свое воспитаніе онъ получилъ въ Краковѣ, гдѣ Яковъ Горскій научилъ его понимать и любить классиковъ; положимъ, что онъ уѣхалъ въ Италію, такъ оживленную во времена Льва, гдѣ какой-нибудь Бонамикусъ или Сигоніусъ открылъ ему таинство римскаго міра, указывая на Капитолій, училъ его исторіи на берегахъ Тибра, читалъ съ нимъ Горація Ѳеокрита и Виргилія на зеленомъ лугу подъ небомъ

Италіи. При такой методѣ изученія древней литературы мечтательный юноша любилъ ее гораздо болѣе, чѣмъ мы, которымъ при одномъ только воспоминаніи о латинскомъ языкѣ является въ мысли скучный іезуитъ и темная, школьная изба. Молодой питомецъ авзонскихъ музъ возвращается въ Польшу, гдѣ обстоятельства или потребности его духа даютъ ему въ руки авторское перо. Непреложное требованіе вѣка, котораго онъ служитъ истиннымъ сыномъ, велитъ ему писать языкомъ отечественнымъ. Привыкшій къ изящной и прекрасной рѣчи, онъ съ ужасомъ смотритъ на языкъ отечественный, едва способный къ выраженію простыхъ вещей первой потребности, необработанный въ оборотахъ, непристойный въ шуткахъ, грубый даже въ молитвѣ, языкъ въ родѣ тѣхъ образцовъ, которые мы приводили изъ Канціонала Пржеворщика. Писатель чувствуетъ потребность и необходимость возвысить родное слово на ту степень, на которой стоятъ древніе языки, произведеніями которыхъ онъ до того обогатилъ свой разумъ. Что же ему дѣлать? Онъ выводитъ на сцену народные типы; полный патріотическаго жара, онъ станетъ обрабатывать родное слово въ мѣру совершенства классическаго языка, станетъ сближать отечественную литературу съ древнею, усвояя ей древніе образы, въ уста и сердца выведенныхъ имъ лицъ вложитъ слова и чувствованія, существующія только въ древнемъ мірѣ. И онъ рѣшительно погрѣшитъ, но подобная погрѣшность неизбѣжна въ тогдашнемъ положеніи польскихъ писателей. Элементъ народный и сила языка отечественнаго еще не въ состояніи удовлетворить потребностямъ ихъ мысли. Духъ классицизма по необходимости еще долженъ былъ поддерживать элементы польскаго стихотворства, служить ей мѣрою совершенства: безъ него ни Шимоновичъ, ни Кохановскій, которыхъ обыкновенно называютъ народными поэ-

тами, никогда бы не достигли той высоты, на которую они взошли. Удалось конечно Клёновичу создать польскаго *Флиса* и латинскую *Роксоланту* совершенно народными; но это было уже въ ту пору, когда отечественная поэзія стояла уже на непомѣрной высотѣ. Но въ эпоху, о которой мы теперь говоримъ, *чисто отечественная* поэзія не въ состояніи была создать ни одного произведенія, достойнаго удивленія. Для того, чтобы кому-нибудь изъ читателей не показалось это несвоевременнымъ педанствомъ, мы объяснимъ дѣло примѣромъ. Попорядку будемъ говорить теперь *о Николаѣ Реѣ изъ Нагловицъ*.

То былъ талантъ замѣчательный обширными способностями, съ благими намѣреніями, съ правымъ чисто-польскимъ сердцемъ, остроумный и плодовитый. Но онъ не получилъ первоначальнаго образованія, такъ и какъ латинизмъ и вся классическая литература были для него совершенно чуждыми, какъ такъ онъ не позаботился образовать и утончить свой вкусъ на образцахъ изящнаго, то потому его поэзія, при всемъ обиліи въ ней прекрасныхъ творческихъ (samodzielnych) мыслей, была такъ отвратительна по своей формѣ, стихи такъ были уродливы, шутки до того неприличны, обороты рѣчи до того пошлы, что намъ нужно бы было сожалѣть о польской народности XVI вѣка, если бы пришлось считать Рея ея представителемъ. Сколько потерялъ этотъ талантъ именно потому, что ему не доставало образованія, начитанности въ классикахъ, которые въ состояніи были бы вдохновить его природное дарованіе, ограничить и облагородить! Нѣкоторые ставятъ Рея наравнѣ съ Кохановскимъ, и мы сдѣлаемъ между ними сравненіе, когда будемъ говорить о семъ послѣднемъ; но поэтъ изъ Нагловицъ не можетъ спорить о пальмѣ первенства съ Яномъ изъ Чернолѣсья. Если бы Рей обладалъ тѣмъ образованіемъ,

которое имѣлъ Кохановскій, то намъ кажется, что слава отца нашихъ поэтовъ померкла бы предъ славою Рея. Мы не отнимаемъ у него чести образователя нашего слова; но это вовсе не благотворное слѣдствіе его незнанія иностранныхъ языковъ, какъ утверждали нѣкоторые, потому что Янъ и Петръ Кохановскіе, при всей своей образованности, оказали равно незабвенныя услуги нашему слову.

Хотя біографіи писателей не входятъ въ предѣлы нашего труда, хотя жизнь Рея такъ много разъ была уже у насъ описана, тѣмъ не менѣе однакожъ мы не можемъ не привести здѣсь нѣкоторыхъ отрывковъ изъ жизнеописанія Рея,— жизнеописанія, съ такою искренностью и простотой составленаго дружескою рукою Андрея Тржецескаго. Мы увѣрены, что жизнь этого необыкновеннаго человѣка прольетъ на его литературный характеръ болѣе ясный свѣтъ, чѣмъ всѣ наши ученые взгляды.

«Этотъ-то Николай Рей, говоритъ Тржецескій, происходилъ «изъ стариннаго честнаго дома, который всегда назывался «Реями, всегда писался изъ-Нагловицъ, деревни, лежащей «въ краковской области, ксенжскомъ уѣздѣ, не подалеку «отъ рѣки Ниды, а эти Реи издавна принадлежали къ гербу «Окши. Этотъ-то Николай Рей имѣлъ отцемъ Станислава, «который потомъ жилъ на Руси; тамъ же въ мѣстечкѣ Жу«равнѣ, которымъ онъ владѣлъ надъ Днѣстромъ близъ Жи«дачова, родился у него отъ Гербуртовны и сынъ этотъ Ни«колай, во вторникъ на Сырной недѣлѣ въ лѣто 1515 (соб«ственно Рей родился въ 1505 г.); тамъ же, въ Жидачовѣ, «умеръ и этотъ Станиславъ Рей.

«А такъ какъ онъ былъ человѣкъ благочестивый, честный, «спокойный и не мѣшался ни въ какія мірскія дѣла, а также «мало заботился и о воспитаніи своего сына, который былъ

«у него одинъ, то онъ и держалъ его при себѣ до немало-
«лѣтняго возраста, такъ что въ послѣдствіи насилу уговори-
«ли его отдать сына въ Скальмержъ, въ училище... Тамъ
«(Николай Рей) былъ два года, ничему не выучившись; взялъ
«его (отецъ) къ себѣ домой и потомъ отослалъ его во Львовъ,
«но и тамъ онъ ничему не научился, проводя время вмѣстѣ
«съ пріятелями, потому-что не былъ уже мальчикомъ, былъ же
«тамъ всего два года. Потомъ (отецъ) отдалъ его въ ученье въ
«Краковъ; онъ пробылъ годъ въ Іерусалимской бурсѣ, но и это
«мало или вовсе не принесло ему пользы, потому-что онъ
«уже понималъ, что̀ значитъ хорошее общество; отцу каза-
«лось, что онъ уже былъ умнымъ человѣкомъ, а тотъ по-
«прежнему ничего не зналъ. Затѣмъ отецъ взялъ его къ себѣ
«домой въ Журавно. Тамъ, съ ружьемъ и удою, бѣгая около
«Днѣстра, онъ проводилъ время до 18-ти лѣтъ, занимаясь пу-
«стяками. Когда же онъ приносилъ полную пазуху платвы,
«лѣсныхъ и водяныхъ орѣховъ, а утку, голубя или бѣлку за
«поясомъ, и они, развязавши его конопную рубаху, потря-
«сали ее, а въ ней всего довольно,—то-то любили его, приго-
«варивая: «ничего, нашъ Николай; ничего! ба! да онъ не дастъ
«на старость залежаться грушамъ въ золѣ.» И правду го-
«ворили они, потому-что въ немъ не видно было ничего пут-
«наго. Потомъ послали его въ Тополи къ дядѣ, чтобы тотъ
«отправилъ его куда-нибудь на службу, и купили ему предъ
«отъѣздомъ китайки на платье; онъ же принялся ловить во-
«ронъ на скирдахъ, и прежде чѣмъ успѣли сшить ему платье,
«изрѣзалъ всю китайку для нихъ на флюгеры, и, приго-
«товляя потомъ древка, съ этими флюгерами привязывалъ
«ихъ воронамъ къ шеѣ и хвосту подъ крыльями и пускалъ
«ихъ живыми, такъ что они, летая съ этими флюгерами,
«выгнали всѣхъ воронъ и галокъ вонъ и не дѣлали уже

«вреда въ гумнахъ. А этотъ годъ долженъ былъ жить при «одномъ чиновникѣ для полученія платья, пока отецъ не «сшилъ ему новаго, а нашъ юноша все упражнялся въ лов- «лѣ воронъ на скирдахъ. А потомъ въ 20 уже лѣтъ отдалъ «его господину Андрею Тенчинскому, тогдашнему воево- «дѣ сендомирскому, а тотъ былъ умный и благородный чело- «вѣкъ, хотя небольшаго роста, но имѣлъ великую голову.

«Тамъ панъ началъ его (Рея) пріучать къ польской гра- «мотѣ, потому-что латинскій языкъ онъ зналъ очень мало, «или же вовсе его не зналъ; тамъ же въ послѣдствіи изъ письма, «изъ разговоровъ между писарями, а еще больше по природѣ «сталъ понимать кое-что, читалъ латинскія книги, а чего «не понималъ — о томъ спрашивалъ, такъ что въ послѣдствіи, «слѣдуя этому обычаю, могъ разумѣть то, что̀ читалъ, а Богъ «и природа довершили остальное, такъ что онъ дошелъ уже «*ad judicium* и всегда различалъ, что̀ было чернымъ и что̀ «бѣлымъ. Одно, что̀ ему много мѣшало, было то, что онъ «всегда забавлялся въ обществахъ и музыкою, такъ по при- «родѣ, рѣдко не зналъ онъ какой (пѣсни), и рѣчи странныя, «и стихи различные; такъ онъ все дѣлалъ безъ разсужденія, «а былъ очень любопытенъ въ молодыхъ лѣтахъ, никогда «не могъ долго усидѣть на одномъ мѣстѣ, а страсть къ охотѣ «также не мало ему мѣшала.

«Потомъ опять, отставши отъ этого пана, былъ на Руси «между пріятелями, хотя нигдѣ не служилъ, но однакоже все- «гда держался близко гетмана, которымъ былъ тогда чело- «вѣкъ почтенный Николай Сѣнявскій, воевода белзскій, а по- «томъ русскій; онъ очень хотѣлъ видѣть то, что̀ дѣлаютъ «важные люди, но это ему никакъ не удавалось; былъ ли «онъ такъ счастливъ, или несчастливъ, но онъ сознавал- «ся, что во всю свою жизнь никогда не былъ принуж-

«денъ обнажить свой мечъ, развѣ при разводѣ (ссорившихся), а это отчасти потому, что онъ былъ весьма осторожень и вѣжливъ, и никогда самъ не подавалъ никому причины къ соблазну: такъ въ этомъ онъ наблюдалъ за собою. «Потомъ онъ женился на какой-то по имени Расновнѣ изъ «Шендзишова, изъ краковской области, племянницѣ архіепископа Рожего, который для своихъ родственниковъ накупилъ не мало помѣстій, такъ что и ему досталось въ «Хелмской области Кобыльское-Имя и Сѣнница; тамъ-то въ «этомъ имѣніи, болѣе еще въ немъ утвердившись, жилъ онъ «по прозванію Реіовецъ; но однакоже отсюдали природа всегда «очень манила его въ краковскую землю, ко двору, потому «что онъ не могъ жить безъ этого. И ни одного сейма, «съѣзда, ни одного государственнаго дѣла онъ не пропускалъ. «А старый король былъ къ нему очень милостивъ, также и «королева Бона, и далъ ему жалованье и станцію Скарміерскую и село также; паны всѣ очень рады были его видѣть «и много ему давали. Въ послѣдствіи также держалъ онъ на «откупѣ Куржелевъ и Бискупице отъ архіепископа Гамрата, а должностей земскихъ никогда не хотѣлъ занимать, «утверждая, что на службѣ всегда должны быть обременены «два драгоцѣннѣйшіе камня: свобода и совѣсть, которые, «говоритъ онъ, никогда не могутъ быть въ безопасности «при занятой жизни. Однакожь, когда видѣлъ, что это было «необходимо, бывалъ онъ посломъ, и радъ былъ служить рес«публикѣ, потому-что по опыту понималъ онъ дѣла госу«дарственныя и право общественное, но исключительно не хо«тѣлъ заняться ни однимъ дѣломъ, предпочитая свободу и спо«койствіе; а также во всю свою жизнь ни разу не выѣзжалъ изъ Польши за-границу, бывалъ только развѣ въ княжествѣ «Литовскомъ и то ненадолго. Потомъ находился при королѣ,

«знаменитомъ Августѣ, который былъ для него очень мило-«стивъ и далъ ему оброки съ Хелмскаго мыта... Потомъ, «когда проникла въ Польшу святая истина Евангелія, кото-«рая была у насъ и прежде, но въ слишкомъ запутанномъ «видѣ (такъ протестантъ Тржецескій отзывается о люте-«ранствѣ и католицизмѣ), писалъ онъ поучительныя бесѣды «(postylę) на польскомъ языкѣ, потому-что хотя онъ и не «былъ ученымъ, однакожь опытъ и начитанность облегчили ему «этотъ трудъ. (Здѣсь онъ исчисляетъ сочиненія Рея)... Тѣ «былъ человѣкъ въ молодости очень любопытный и безпеч-«ный, и очень любилъ міръ, но потомъ уже былъ скром-«нымъ, трезвенымъ, спокойнымъ; неизмѣнно только лю-«билъ онъ жизнь свободную, а однакоже всегда служилъ и «республикѣ и въ дружеской услугѣ никогда не отказывалъ... «и т. д..... Рей скончался въ 1569 г.»

Перечислимъ здѣсь, помѣщая нѣкоторые отрывки, всѣ стихотворныя (мы не осмѣливаемся сказать — поэтическія) произведенія Рея, тѣ именно, которыя дошли до насъ, потому-что половина его сочиненій для насъ потеряна.

Первымъ его трудомъ былъ переводъ на польскій языкъ отдѣльныхъ псалмовъ Давидовыхъ 113 и 85; первый изъ нихъ изданъ Шарфенбергеромъ въ 1535 году, а второй, положенный на музыку Вацлавомъ Шамотульскимъ, напечатанъ Лазаремъ Андрысовичемъ. Приведемъ здѣсь начало того и другаго:

ПСАЛОМЪ 113.

Gdy szli przodkowie nasi z Egiptu,[1]
Naród Jakubów z ludu pogańskiego,

[1] *Переводъ.* «Во исходѣ Израилевѣ отъ Египта, дому Іаковля изъ людей вар-

Stał się lud wierny, poświęconym Pana swego,
A prawie umocnionym jest od niego,
Woda w morzu wnet się im rozstąpiła,
A w rzece Jordanie wspak się obróciła,
Góry się rozradowały jako owieczki,
A jako jagnięta inne pagórki,
Coć się stało, morze, iż tak uciekasz?
Albo ty Jordanie, precz się wspak obracasz?» i t. d.

ПСАЛОМЪ 85.

«Nakłoń panie ku mnie ucho twoje,[1]
Wysłuchaj żałośne prożby moje,
Albowiem nędzny i utrapiony,
Jestem prawie zewsząd opuszczony.
Racz być stróżem duszy mojéj!
Wszakem ja w opiece twojéj,
A wyswobodź sługę swego,
Boże mój w Tobie ufającego.
Racz mi być mój panie miłościwy,
K' tobie wołam zawżdy pókim żywy.» i t. d...

Кажется, весь псалтирь, переведенный стихами Рея, былъ входу при жизни автора (изданъ въ 1555 г.), но въ слѣдъ за тѣмъ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе удач-

варъ, бысть Іудея святыня его, Исраиль область его. Море видѣ и побѣже, Іорданъ возвратися вспять: горы взыграшася, яко овни, и холми яко агницы овчіи. Что ти есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять» и т. д.

[1] *Переводъ.* «Приклони, Господи, ко мнѣ ухо Твое, и услыши вопли молитвы моей, потому-что я нищъ и убогъ и почти оставленъ всѣми. Буди стражемъ души моей! Такъ какъ я подъ Твоимъ покровомъ, спаси раба Твоего, Боже мой, на Тебя уповающаго. Помилуй меня, Господи! Я взываю къ Тебѣ, пока живу и т. д.»

ному переводу Кохановскаго. Этотъ почтенный памятникъ затерянъ въ наше время. Не смотря на свидѣтельства современниковъ, Вишневскій сомнѣвается, могъ ли Рей перевести всѣ Псалмы Давидовы, не будучи искусенъ въ латинскомъ языкѣ.

Далѣе за тѣмъ слѣдуютъ благочестивыя пѣсни Рея, писанныя для лютеранскихъ Канціоналовъ въ Польшѣ, какъ-то: *Пѣснь* (Pyeśń) объ истинномъ божествѣ Сына Божія, Heynał разсвѣтаетъ утренній свѣтъ (świta na ranė powstanie), *Подобіе* жизни человѣка-христіянина (Podobyeństwo żywota człowieka krześciyańskiego), *Аллилуіа* (Alliluya), *Христе дню нашв и свѣте* (Kryste dnyu nassey świyatłości, Chryste qui lux es et dies), частію переводныя съ латинскаго языка, частію оригинальныя. Приведемъ здѣсь Heynał, лучшую изъ пѣсней Рея, которая какъ утренняя молитва къ Богу по своимъ чувствованіямъ достойна занять мѣсто наряду съ прекрасною пѣснію Карпинскаго: «Kiedy ranne wstają zorze» (когда поднимается утренняя зоря).

Этотъ гимнъ написанъ акростихомъ, въ которомъ (начиная со второй строфы) изъ начальныхъ буквъ слагаются имя и фамилія автора.

(современное правописаніе).

Hejnał świta, już dzień biały,[1]
Każdy człowiek wierze stały,
Powstań do pańskiéj chwały.

[1] *Переводъ.* «Зоря (heinal) свѣтаетъ, день бѣлѣетъ; каждый человѣкъ, преданный вѣрѣ своей, пусть встанетъ для прославленія Господа.—Всесиль-

Możny Boże wszéj radości!
Rozmnożycielu światłości!
Oświeć nasze ciemności.
Jużci ona noc minęła,
Co po wszem świecie słynęła,
Już z twéj łaski zginęła.
Którąś był w raju ustawił,
Co był piérwszy człowiek sprawił,
By każdy w ciemnościach był.
Otoż przyszedł Syn twój miły,
I przejednał nam te winy,
Abyśmy tam nie byli.
Łazkawieś nas k' sobie przyjął,
Z tych ciemności wiecznych wyjął,
Aby żadny nie zginął.
A jemuś nas w opiekę dał,
Aby czart nami nie władał,
Gdyż już moc jego poznał.
Jedno nam tę noc zostawił,
Coć nędznemu człeku sprawił
Aby swéj prace ulżył.
Raczysz nas i z téj przegnać,
I przyszły dzień szczęśliwy dać,
Gdyż nam czas ze snu powstać.

ный Боже, радость наша, источникъ свѣта, осіяй нашу тьму.—Уже миновала оная ночь, которая прошла во всемъ мірѣ, прогнанная по Твоей благодати,—которую Ты въ раю уставилъ, чему виною былъ первый человѣкъ, чтобы всѣ во тмѣ пребывали.—Вотъ пришелъ Твой Сынъ возлюбленный и искупилъ наши вины, чтобы мы тамъ не были.—Любвеобильно Ты принялъ насъ къ себѣ, извлекъ насъ изъ этого мрака, чтобы никто изъ насъ не погибъ тамъ.—А Ему отдалъ Ты насъ во власть, чтобъ діаволъ не возобладалъ нами, такъ какъ онъ позналъ Его силу.—Только ночь Ты намъ оставилъ, которую установилъ для бѣднаго человѣка, чтобы онъ отдохнулъ отъ своихъ трудовъ.—Благоволи и отъ нея освобо-

Ej nasza wierna świałłości!
Już oświeć nasze ciemności,
I przyjmij k' sobie w radości.
I daj nam szczęsne powstanie,
A z twéj łaski przeżegnanie,
Na twéj chwały wyznanie.

Слѣдующее затѣмъ сочиненіе Рея есть *Звѣринецъ*, въ которомъ *описаны различные виды, происшествія и нравы людей различныхъ состояній, звѣрей и птицъ*. Это цѣлый рядъ осьмистишныхъ басень и сказокъ, гдѣ говорится о монархахъ и знаменитыхъ людяхъ Польши, о обязанностяхъ различныхъ сословій и т. д. «Сочиненіе это, говоритъ Войцицкій, важно для польской старины, такъ какъ въ немъ характеристически изображаетъ онъ знаменитѣйшіе тогдашніе роды, начиная отъ королевы Боны». Къ этому сочиненію присоединены еще *Проказы* (Figliki) *или различныя сцены придворной жизни*, подъ псевдонимомъ: *Adrianus Brandebergensis;* тутъ собраны анекдоты, насмѣшки (dykteryjki) и грубыя шутки надъ священниками, литовцами и людьми придворными, — шутки, въ которыхъ отражается непристойное остроуміе Рея изъ Нагловицъ. Звѣринецъ и Проказы напечатаны первый разъ въ Краковѣ у Матѳея Вѣржбенты 1562 г. и подверглись участи всѣхъ почти изданій этого неутомимаго типографа-протестанта, т. е. большею частію были сожжены католиками. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ каждаго изъ этихъ сочиненій Рея.

дить насъ и даровать день счастливый, такъ какъ намъ пора уже возстать отъ сна.—Ей, вѣрная свѣтлость наша! освѣти нашу тьму, и прими къ себѣ въ радости.—И дай намъ счастливо возстать, дай благословеніе Твоей благодати, для прославленія Твоего величія.»

ИЗЪ ЗВѢРИНЦА.

I. *Къ часамъ.*

«Tłuczże miły zegarze, by w każdéj godzinie,[1]
Miałby się każdy baczyć, jako mu czas płynie,
Ale by tłukł najbardziéj, przecię chwała Bogu,
Nie odstąpimy zadość zwykłego nałogu;
Niepomnąc, iż nam prawie z wodą czasy płyną,
A wnet gorsze nastaną, skoro dobre miną.
Bujać też sobie w lesie jelonek ubogi,
Ale się nie obaczy, gdy mu stracą rogi.

II.

Widzę między wszystkiemi ludzkiemi narody[1]
Rozliczne prypadłości, rozliczne przygody,
Widzę stroje i kształty i dziwne ubiory,
Burdy, sprawy, porządki, rozmaite dwory,
A roztrząsnąwszy wszystko, do swéj Polski zajdę,
To wszystko co u inszych, jeszcze więcéj znajdę;
A stąd cokolwiek poczniesz, gdzie co indziéj słychasz,
Tego się snadnie doma w swéj Polsce dopytasz.

---

[1] *Переводъ.* I. «Ударяйте, добрые часы, чтобы съ каждымъ часомъ каждый могъ видѣть, какъ время для него летитъ непримѣтно; но какъ бы вы ни ударяли, однакожь, слава Богу, мы не отступимъ отъ удовлетворенія привычнымъ страстямъ, забывая о томъ, что время течетъ какъ потокъ, и что, по мановеніи добрыхъ временъ, часы же наступятъ плохіе. Такъ по лѣсу мчится олень убогій, и самъ не замѣтитъ, какъ рога потеряетъ».

[1] *Переводъ.* II. «Между всѣми человѣческими племенами я вижу различные случаи, различныя приключенія, вижу формы, уборы и странные наряды, споры, дѣла, порядки и дворы различные, а разсмотрѣвши все, зайду я въ свою Польшу, и тутъ нахожу все, что̀ есть у другихъ и даже еще болѣе; а потому, что̀ ни станешь дѣлать, гдѣ что̀ ни услышишь, все тоже узнаешь и дома, въ Польшѣ».

III.

Chłopu dziécię wąż zjadłszy uciekał ksykając,[1]
A chłop mu ogón uciął; poszedł wąż stękając,
Więc się dziécię zgoiło, ogon też wężowi,
Chłop rzekł: «pojednajmyż się, kiedyśmy już zdrowi»
Rzekł wąż: «Jać się pojednam, lecz gdy ujrzę ogon,
«A ty dziécię wspominiesz, będzie znowu *gomon*».
Zawżdy gdy obrażona, przyjaźń bywa nazbyt,
Na wieczne tam przymierze trudno bywa o kwit.

IV. *Оплошность приключенія.*

«Pchła w zimie między pszczoły, do ula polazła,[2]
Aby tam pożywienie wżdy sobie znalazła,
I rzekła starszéj pszczole by ją przechowała,
A będę twoje dziatki skakać nauczała».
Ta rzekła: «już tam sięgnij i z swojemi skoki,
Wolę iż moje becząc lecą pod obłoki,
A nanoszą czémby się w zimie dobrze mieli,
Bo widzę bardzo jakoś skoczkowie pomgleli».

---

[1] *Переводъ* III. «Змѣя ужалила ребенка поселянина и, шипя, уходила, а поселянинъ отрѣзалъ ей хвостъ и змѣя пошла, стеная; дитя выздоровѣло, и хвостъ зажилъ у змѣи; поселянинъ сказалъ: «Теперь примиримся, когда здоровы оба». Змѣя отвѣчала: «Я готова, но коль скоро увижу хвостъ, а ты своего ребенка, снова будетъ между нами *гомонъ* (gomon)». Такъ и всегда, гдѣ дружбѣ случится слишкомъ разрознишься, тамъ уже невозможно бываетъ вѣчное примиреніе».

[2] *Переводъ* IV. «Зимою блоха забралась въ улей къ пчеламъ, чтобы тамъ найти себѣ прокормленіе, и просила старшую пчелу, чтобы она ее прокормила: «А я буду учить за это прыгать твоихъ дѣтей». Та сказала: «Убирайся ты съ своими прыжками; я лучше хочу, чтобы мои дѣти, жужжа, поднимались къ облакамъ и приносили то, что̀ обезпечивало бы ихъ на зиму, потому-что попрыгуньи, какъ вижу, теперь ослабѣли».

V. *Внѣшность безъ содержанія.*

«Malarz jechał do miasta przedawać obrazy,[1]
Upuścił rytą głowę między złemi razy;
I nalazła ją liszka: by świéża mniemała,
Iż się miała pożywić tak się nadziewała,
Gdy ją jęła przewracać, potém narzekała:
«Szkodać téj pięknéj główki iż mozgu nie miała!».
Siłaż tych pięknych główek co mozgu nie mają,
A że je upstrzono przedsię się kochają».

ИЗЪ ПРОКАЗЪ.

I. *Къ тому, кто читаетъ.*

Rozumiem temu jednak, że cię co ruszyło,[2]
Bo co zeszło na statku, śmiéchem się zakryło—
Odpuść bracie, swoją rzecz, cośby się nie zdało,
Gdyż się i to i owo społu pomieszało!

A niechaj narodowie wżdy postronni znają,[3]
Iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają,
Wszak widzimy u sławnych chociaż nie Polacy,
Pisali też leda co chudzi nieboracy—

---

[1] *Переводъ.* «Живописецъ ѣхалъ въ городъ продавать картины; случайно потерялъ онъ изваянную голову, и нашла ее лиса, сочла за свѣжею, и рада была этой поживѣ; стала ее ворочать, и потомъ роптала: «Какъ жаль, что въ этой прекрасной головкѣ нѣтъ мозга!» Сила этихъ прекрасныхъ головокъ, которыя мозговъ не имѣютъ, въ томъ состоитъ, что они любятъ все то, что заберутъ себѣ въ голову».

[2] *Переводъ.* «Я вижу однакоже, что тебя что-то тронуло, потому-что то, чему недоставало постоянства, покрылось смѣхомъ. Прости, братъ, свое дѣло, чтобы тебѣ не казалось, что тутъ вмѣстѣ смѣшалось и то и другое.

[3] *Переводъ.* «Пусть другіе народы знаютъ навсегда, что Поляки не гуси, что

A o Polakach sobie ledwo tam bajali,
Iż też są jako ludzie, którzy je widali.

Jeślibyś też z niełaski na lewo szacował,[1]
Masz papier, napisz lepiéj, ja będę dziękował,
Boby ta własna sztuka szermierza każdego,
Miała być, okazać co na szkole nowego.
Gdyż to jest z przyrodzenia cudze sprawy ganić,
Jakobyś rzekł: umiałbym ja to lepiéj sprawić!
Ale ją ośmiu wierszów trudno masz wyprawić,
Skosztujże miły bracie, wszak papiér niedrogo,
A jeśli że nie umiesz nie szacuj nikogo.

II. *Невѣрное примиреніе.*

Powiadali na kura, iż wleciał na gruszkę,[2]
Widząc w polu biegając liszkę panią duszkę,
Przyszedł lis: «panie kurze! nie wiesz co się stało?
«Wszystko się pojednało, co się ciebie bało».

и у нихъ есть свое слово; видимъ мы и у знаменитыхъ (народовъ), хотя они и не Поляки, а писали плохо,—одни жалкія бездѣлицы, а о Полякахъ насилу тамъ слыхали отъ тѣхъ, которые ихъ видѣли, что и они также люди».

[1] *Переводъ.* «Еслибы ты по нелюбви сталъ охуждать, то вотъ бумага, напиши лучше, а я поблагодарю; а въ томъ бы и состояло йскусство каждаго изъ спорящихъ, чтобы указать въ школѣ что-нибудь новое. А то у нихъ отъ природы есть охота порицать чужія дѣла; они какъ бы говорятъ: съумѣлъ бы я сдѣлать это лучше. Но трудно доказать это въ осьми стихахъ. Попробуй же, братъ любезный! бумага недорого стоитъ; если же не съумѣешь, не охуждай другаго».

[2] *Переводъ.* «Говорили о пѣтухѣ, что онъ взлетѣлъ на грушу, завидѣвъ бѣжавшую на полѣ кумушку лису. Пришла лиса: «пѣтухъ! знаешь ли что случилось? все уже то примирилось, что боялось тебя». Пѣтухъ взлетѣлъ на воздухъ и говоритъ, что бѣжитъ борзая собака; лиса бросилась

Kur się wspina ku górze, mówiąc iż chart bieży,
A lis skoczy do lasu, szerść się na nim jeży,
Kur zawołał: «poczekaj wszak mamy jednanie!»
Lis rzekł: «nie wiem czy chart wie o tém miły panie».

III. *О томъ, который при помощи сына ушелъ изъ погреба.*

Jeden pijąc w piwnicy był dłużen niemało,[1]
Widząc iż mu rozumu w mieszku niedostało:
Jął figle ukazować, i wziął wiązań siana:
Patrzcie panowie bracia wnet będzie odmiana,
Namówił wiązań dzierżeć z tego cechu pana,
A sam ku górze idąc kręcił powróz z siana,
A wyszedłszy z piwnice, przez ulicę sunął,
A ten siano ze wstydem porzuciwszy, plunął.

Еще болѣе важно, по отношенію къ обычаямъ тогдашняго времени, стихотворное произведеніе Рея подъ заглавіемъ: *Истинное изображеніе жизни честнаго человѣка, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, каждый можетъ видѣть свои собственныя дѣла.* Напечатано оно у Вѣржбенты въ 1560 г. Это нравственно-дидактическое произведеніе, заключающее въ себѣ правила добродѣтельной жизни. Раздѣляется

въ лѣсъ, шерсть на ней ежится; пѣтухъ кричитъ въ слѣдъ: «обожди, вѣдь у насъ съ тобой будетъ мировая!» Лиса отвѣчала: «но я не знаю, «знаетъ ли объ этомъ борзая собака.»

[1] *Переводъ.* «Одинъ изъ посѣтителей погреба задолжалъ немало; видя наконецъ недостатокъ въ своемъ кошелькѣ, пустился на хитрости, взялъ связку сѣна: «смотрите, господа, сейчасъ будетъ штука!» уговорилъ одного изъ посѣтителей держать связку сѣна, а самъ, идя наверхъ, вилъ веревку изъ сѣна; вышедши изъ погреба, улизнулъ чрезъ улицу, а державшій бросилъ сѣно и плюнулъ».

оно на двѣнадцать книгъ. Юноша идетъ въ міръ искать того, что̀ есть въ немъ лучшаго, обходитъ греческихъ философовъ, ветхозавѣтныхъ пророковъ, попадаетъ въ небо и адъ и вездѣ получаетъ общія нравственно-богословскія наставленія въ благочестивой жизни. Рей все изображаетъ по своимъ личнымъ взглядамъ, постоянно забываетъ о различіи эпохъ, не хочетъ обратить вниманія на то, что греческіе философы не могли имѣть понятія о временахъ и мнѣніяхъ, отдѣленныхъ отъ нихъ нѣсколькими вѣками. Наивно и простодушно влагаетъ онъ въ уста своихъ лицъ наставленія, нравоученія или насмѣшки, о которыхъ они даже и знать не могли. Зороастръ у него разсуждаетъ о діаволахъ, подобно какому-нибудь католическому заклинателю; Діогенъ вооружается противъ шляхетскихъ пирушекъ; Солонъ сатирически, подобно польскому протестанту, изображаетъ нравы духовенства. Быть можетъ, безусловные цѣнители Рея и видятъ въ этомъ именно его *народность*; но мы, обращая вниманіе на отрывки изъ его сочиненій, написанные не безъ достоинствъ, сильно сожалѣемъ о томъ, что авторъ не расположилъ ихъ болѣе логически, что онъ былъ мало образованъ, мало знакомъ съ классицизмомъ: вліяніе греческой и римской литературы вѣрнѣе указало бы ему образецъ того совершенства, къ какому можетъ и долженъ стремиться писатель, а истинно-польское сердце, здравый разсудокъ, любовь ко всему родному, полнота жизни и мысли, какую мы съ пріятностію замѣчаемъ въ Реѣ, предохранили бы его конечно отъ упущенія чертъ народности. Напротивъ, при большей начитанности Рей былъ бы истинно-народнымъ поэтомъ, тогда какъ безъ этого онъ остался только грубымъ, хотя и даровитымъ, составителемъ безобразныхъ стиховъ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его *Изображенія,*

въ которыхъ нѣтъ недостатка ни въ картинности, ни въ вѣрномъ изображеніи обычаевъ, ни въ глубокомъ знаніи духа.

ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.

«Gdy już było k' wieczoru słońce zachadzało,[1]
Jasne po-zad promienie po górach puszczało,
Ciemność od wschodu słońca ziemię pokrywała,
A mgła szara po górach się też podnaszała.
Obaczywszy młodzieniec iż już noc przychodzi,
A iż każde źwierzątko już na pokój godzi,
Przyszedł nad piękną rzekę cichuczko płynącą,
Wodę w sobie by kryształ nadobną mającą.
Rybki się po niéj miecąc przy brzegach igrają,
Ziółka, trawki, robaczki biegając chwytają,
Oliwne drzewka wszędy przy brzegach zielone,
Stoją pięknym porządkiem jako rozsadzone,
Zabawił się dziwując aż go ciemność zaszła,
I ona zorza śliczna już mu była zgasła—
Układł się pod oliwą, tamże został na noc,
Poruczywszy się Bogu i w opiekę i w moc.
Rano gdy piękne słońce promienie ku ziemi,
Poczęło jaśne puszczać, a ciemność się mieni,

---

[1] *Переводъ.* «Когда уже былъ вечеръ, солнце садилось, послѣдними лучами горы озаряя, мракъ съ востока землю покрывалъ и бѣлый туманъ поднимался надъ горами. Юноша, увидѣвъ, что ночь наступаетъ и каждое животное на покой собирается, пришелъ къ рѣкѣ прекрасной, которая волны, подобныя хрусталю, тихо катила. Въ ней рыбки у берега весело играли, хватая былинки, травку и червячковъ; на берегу повсюду зеленыя масличныя деревья стояли въ чудномъ порядкѣ, какъ будто разсаженныя; съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ, пока мракъ не застигъ его, и не погасла прекрасная зоря — легъ онъ подъ маслиною, и такъ на ночь остался, поручивъ себя силѣ и покровительству Божію. Утромъ, когда солнце прекрасное стало лучи бросать на землю и мракъ раз-

Gdy ją pędzi za górę jasna zorza ona,
Bo przed światłem uciekać rzecz jéj przyrodzona.

O mnichach.

Ano im wiszą brzuchy z onemi podbrodki,
Co je tam wytuczyli, snadź waszemi snopki;
Każdy w różnym ubiorze, a w dziwnym birecie,
W koszach, w komżach, płaszczykach jako je tąm wiecie.
A u pasa im wiszą jakieś wijatyki,
Ano snadź było lepiéj pilnować motyki...
Tłuką dzwony, śpiéwają, kropidły machają,
Kurzą, piszczą w organy, nisko się kłaniają,
Zgołą świécą i świecące, chodzą po koledzie,
Z wodą świętą, i z solą też biegają wszędzie—
Ognie palą i chodzą pięknie z processyą—
Na Judasza fukają, a Jezusa biją,—
A czasem go w szklenicy ludziom powiedają,
Bębnią, piszczą, i trąbią, pięknie się kłaniają.
Ona nadobnie patrzeć, jesliże to miło
Panu Bogu, mnieby się nigdy nie zprzykrzyło,
Więc téż i przywileje tam nie wiém skąd mają,
Że sobie społu grzechy wzajem odpuszczają:
Iż komu chcą, tu wolne niebo otwierają.
A czegoż nam mój Panie więcéj już potrzeba,
Bychmy wolne wjechanie tam mieli do nieba?

O zakonnicach.

Takiéż i owe czajki co na głowie płatek,
Noszą z harazu — wrzkomo opuściwszy światek,

гонять, и онъ за горы былъ прогнанъ ясною зорею, потому-что въ природѣ его уходить отъ солнечнаго свѣта».

Ano bodaj tak zdrowa, by powoli było,
Jakoby się i z płatkiem w tanku nie skoczyło.
O szaleni rodzice! którzy tak działają,
Iż poczciwe dziéweczki do téj klozy dają, —
Zaś nie lepiéj chytrego szatana zdradzić,
Wydać za mąż panienkę i przyjaciół nabyć?
Lepiéj niźli proboszcza, albo mnicha w szarzy,
Gdyż się dawno świat plecie co się komu zdarzy, —
Albo jeśliby która panieński stan wiodła,
Zaczby tego i doma uczynić nie mogła?
A daleko foremniéj przy matce poczciwéj,
Niźli przy owéj ksieni jako gęś krzykliwéj,
Bo acz co się nie godzi to tam czasem pchają —
Co albo garb na szyje, albo guzy mają,
Bo co się nam nie godzi to dajmy do Boga!
Ano Bóg wié, i tego jednak prsed się szkoda,
Bo Pan Bóg poniewolnéj żadnéj służby nie chce —
Gdy tam nie wié, co sama jako kaczka klekce.»

Итакъ мы привели выше два приличные, хотя и ядовитой желчи исполненные отрывка изъ сочиненій Рея только какъ образцы его стиля, вовсе не раздѣляя его сарказмовъ. Привычная грубость и протестантское исповѣданіе вѣры Рея объясняютъ его сатиру противъ монашескихъ орденовъ.

Вотъ еще двѣ пробы изъ его *Изображенія*.

ПИРЪ.

Bo jeśli kto roskoszą ma to przezwać właśnie,[1]
Gdy grzmi bęben za uchem, a kozi róg wrzaśnie,
Pomorty a puzany co wszystko zagłuszą,
Albo skakać od kąta do kąta z Maruszą —

[1] *Переводъ*. Можетъ ли кто удовольствіемъ назвать то, когда барабанъ гудитъ на ухо и козій рогъ трубитъ, помортъ (толстый басъ въ органахъ) и

Już który kąt zastąpisz, już siedź jako drewno,
Bo jako się podniesiesz odepchną cię pewno,
Już jako głuch na drugie musisz palcem kiwać,
Bo już tam trudno słusznéj rozmowy używać,
Albowiem już tam każdy chociaż ledwie ziewa,
Wrzeszczy, sapi, markoce, a mniema że śpiéwa.
Szklanice w kąt latają, na stole b[illegible] w łaźni,
Tak więc Bachus, ów rycerz swe kochanki błaźni...
Azasz to nie piękniejsza bywa krotochwila—
Sieść sobie z kilkiem osób kiedy wolna chwila.
I mieć sobie nie wrzeszcząc poczciwe rozmowy—
Gdzie wżdy skąd, co, przypadnie, gdzie wżdy k rozumowi,
Albo przeczyść (przeczytać) kilka kart onych dziejów dawnych,
Nasłuchać się zwyczajów zacnych ludzi sławnych,
Którzy tu światem dziwnie rozumem władali,
I swym poczciwym stanom wieczną sławę dali—
Tam znajdziesz Achillesa, Priama, Hektora,
I jego wszystkie sprawy byś z nim siedział wczora,
Tam ów sławny Cycero rozmówi się z tobą,
Najdziesz w poczciwych sprawach co masz czynić z sobą,

трубы (puzany), которыя все заглушаютъ, и подъ эту музыку прыгать изъ угла въ уголъ съ Марусею?—тамъ ужь если прижмешься въ уголъ, то сиди смирно, а если поднимешься, то вѣрно тебя оттолкнутъ; подобно глухому, ты уже долженъ другому давать знакъ рукою, потому-что тамъ невозможно вести умной бесѣды—и каждый тамъ, хотя едва дышитъ, однако кричитъ, сопитъ, ворчитъ—и думаетъ, что онъ поетъ. Стаканы летятъ въ уголъ, на столѣ какъ въ банѣ—такъ Бахусъ дурачитъ своихъ поклонниковъ.... А развѣ это не гораздо пріятнѣе будетъ забава, въ свободный часъ сѣсть себѣ за столъ съ нѣсколькими лицами, безъ криковъ вести умную бесѣду, гдѣ, какъ и что случится, лишь бы что-нибудь умное, или прочитать нѣсколько страницъ изъ древней исторіи, узнать обычаи древнихъ мужей знаменитыхъ, которые умомъ своимъ управляли міромъ и прославили свои благородныя занятія. — Тамъ найдешь Ахиллеса, Гектора, Пріама; тамъ разговорится съ тобою Цицеронъ

Tam Kurcyusz, Seneka, Homerus, tam Plato,
Żeby on próżnujący mógł wiele dać za to —
By z tymi towarzyszmi miał z tobą rozmowę,
Miałby snadź wielką myśl i wolniejszą głowę.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

O nędzny nasz żywocie, marna bańka szklana,[1]
Co się tu zawżdy błyszczysz jako malowana —
Która maluczkim wiatrem zachwiawszy się spada,
A potém w marném śmieciu już na wieki siada.
Piękna farba na wierzchu, wewnątrz gorżkość przykra,
Tak to na nas zakryta samołówka chytra —
Równie gdy jako kwiatek zakwitnie w południe,
Więc tu nadobnie pachnie i patrzeć nań cudnie,
Ale ujrzysz co chwili uschnąwszy się jeży,
A z marnemi śmieciami pomłóczony leży —
Takżeć i my nędznicy pięknie się świécimy,
Jako kwiatki na polu gdy się ubierzemy.

ВСЕМОГУЩЕСТВО БОЖІЕ.

Széroki świat i słońce, gwiazdy, miesiąc, niebo,[2]
Wszystko to drży straszliwie przed możnością jego,

славный, найдешь въ ихъ дѣяніяхъ то, какъ тебѣ самому поступать; тамъ Курцій, Сенека, Гомеръ, тамъ Платонъ, который празднолюбцамъ многое могъ бы дать за то, что они съ нимъ вели разговоръ — каждый изъ нихъ имѣлъ бы великую мысль и свѣтлую голову».

[1] *Переводъ.* «Бѣдная жизнь наша, хрупкая какъ стеклянная посуда, которая блеститъ всегда, будто разукрашенная, но, поколебавшись отъ малѣйшаго вѣтерка, упадаетъ и потомъ навсегда уже остается въ грязномъ навозѣ; снаружи на ней привлекательная краска, внутри же горечь несносная: такъ поставлена на насъ хитрая самоловка!—Такъ точно цвѣтокъ, распустившійся въ полдень, цвѣтетъ пріятно и любо на него смотрѣть, а чрезъ минуту увидишь его лежащаго сухимъ, разбитымъ и вмѣстѣ съ всякаго рода соромъ—такъ и мы бѣдные блистимъ прекрасно, какъ полевые цвѣтки, когда надѣнемъ пышные наряды».

[2] *Переводъ.* «Безпредѣльный міръ, солнце, звѣзды, луна, сводъ неба—все

Piekielne i niebieskie i ziemskie mocarze,
Wszystko to on jako chce w oczemgnieniu skarze—
Wszystkiém on tém, jak wicher małém zdźbełkiem kręci,
A drżą przed nim i święci, lecz bardziéj przeklęci, i t. d.

Изъ такихъ-то возвышенныхъ, образныхъ сатирическихъ и забавныхъ отрывковъ слагается вся его поэма. Содержаніе ея составляютъ общія правила нравственности; но части, изъ которыхъ состоитъ оно, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, придаютъ этому произведенію достоинство, котораго ему не можетъ дать общая его мысль. Въ частности мы совѣтуемъ читать *Изображеніе* Рея каждому, кто захочетъ познакомиться съ обычаями польской шляхты XVI вѣка. То была сфера, которую лучше другихъ могъ изображать панъ изъ-Нагловицъ. Зналъ онъ наглядно домашнюю жизнь Поляковъ и самъ лично былъ вѣрнѣйшимъ представителемъ достоинствъ и недостатковъ своего народа. Вотъ еще одна сатирическая поэма Рея, изображающая шляхетскую жизнь Поляковъ,—поэма, написанная просто и естественно, безъ всякихъ притязаній на ученость, — и притомъ довольно гладкими силлабическими стихами.

Краткое объясненіе между тремя лицами: Панома, Войтома и приходскимъ Ксендзомъ (подъ псевдонимомъ Амвросія Рожка. Напеч. Матвеемъ Шарфенбергеромъ въ 1543 г.).

Разскажемъ здѣсь вкратцѣ содержаніе этого любопытного разговора.

трепещетъ въ страхѣ предъ Его всемогуществомъ; адскихъ, небесныхъ и земныхъ владыкъ—всѣхъ, какъ восхощетъ, накажетъ Онъ въ мгновеніе ока; всѣмъ Онъ управляетъ какъ вихрь малой былинкой; дрожатъ предъ Нимъ святые, а еще болѣе проклятые» и т. д.

Любезный войтъ, говоритъ панъ, ксендзъ издѣвается надъ нами, мало поетъ, но за то ужь слишкомъ много звонитъ. Обѣдня и вечерня теперь у него короче, чѣмъ было когда-нибудь прежде; о заутрени нѣтъ и помину; иногда и то развѣ только филинъ отпѣваетъ ее на верху церковной крыши. Ксендзъ пренебрегаетъ исполненіемъ церковныхъ требъ, и все-таки пугаетъ насъ тѣмъ, что на страшномъ судѣ только онъ одинъ станетъ одесную, а мы всѣ ошуюю — Бога.

Мы люди глупые, отвѣчаетъ войтъ, откуда намъ знать это? развѣ только изъ проповѣди, въ которой намъ говорятъ, что если мы отдаемъ десятину и богатые подарки въ Рождество Христово, то ужь непремѣнно попадемъ въ рай. Бѣда, далѣе говоритъ панъ, если ксендзъ, вооруженный двойными преимуществами, перенесется въ село; трудно будетъ познать его предъ судъ земскаго права. Чего добраго, наложитъ клятву или запрещеніе, станетъ бить въ колокола и тушить свѣчи, а тамъ пожалуй посадитъ еще и на башню. Ей! видно предки наши не всѣ имѣли разумъ, если дозволили ксендзамъ поработить себя до такой степени. (Нужно знать, что протестантская шляхта наша смѣялась надъ ксендзами и пренебрегала ими, ведя постоянные съ ними споры о десятинѣ, довольно впрочемъ тягостной. Ксендзы, съ своей стороны, предавали проклятію своихъ прихожанъ за ересь, а часто даже и за десятину. Нашъ Рей самъ имѣлъ подобнаго рода споры съ духовною властью).

Какъ? возражаетъ приходскій ксендзъ, неужели вина можетъ падать на всѣхъ, если погрѣшаетъ одинъ кто-нибудь изъ духовныхъ! А вы, свѣтскіе паны? Какіе у васъ суды, сборщики, мытники, старосты? Вездѣ продажность! А сеймы?

Wierzę snadź z sejmu naszego[1]
Nie słychamy nic dobrego,
Już to kilka niedziel bają,
A wniczem się nie zgadzają,
Podobno jako i łoni,
Każdy na swe skrzydło goni,
Pewnie pospolitéj rzeczy,
Żaden tam niéma na pieczy.
Boć i oni z pustą głową
Co je rzkomo posły zową,
Więcéj też sobie folgują,
A to co im trzeba kują.

Панъ боится проклятія, возвышаетъ свой голосъ войтъ и вѣруетъ, ксендзъ боится епископовъ, епископы боятся Рима, а мы поселяне всего должны бояться: въ церквахъ предаютъ насъ проклятію, на дворѣ пана забиваютъ въ колодки. Приходитъ осень: это сборное время для ксендзовъ; онъ является на гумнѣ, вверхъ дномъ перебрасываетъ скирды хлѣба, отыскивая себѣ лучшую копну сноповъ. Вотъ-тѣ совсѣмъ ненужный чиновникъ, который во имя Божіе забираетъ у тебя лучшій полевой сборъ, «хотя неизвѣстно, вѣдаетъ ли объ этомъ Богъ.» (Эти слова нужно принимать не въ смыслѣ протестантской выходки Рея, а въ смыслѣ выраженія народной нелюбви къ духовенству за взиманіе десятины.)

А намъ шляхтѣ, далѣе говоритъ панъ, мало ли хлопотъ и издержекъ представляетъ судъ? ябедникъ найдетъ при-

[1] *Переводъ.* «Вѣрно о сеймѣ нашемъ мы не услышимъ ничего добраго; вотъ ужь нѣсколько недѣль балагурятъ и ни въ чемъ не соглашаются, подобно тому, какъ и въ прошедшемъ году; каждый думаетъ только о своихъ выгодахъ, а о республикѣ никто и не заботится, потому-что и они съ пустыми головами—всѣ эти такъ называемые послы, думаютъ только о себѣ самихъ и о своихъ замыслахъ».

чину къ тяжбѣ; не постарайся и проиграешь свое правое дѣло, не пожалѣй денегъ—и выиграешь; развѣ ябедникъ опять, подобно лисѣ, не найдетъ въ сѣткѣ дырочку, чрезъ которую онъ успѣетъ улизнуть. Плати каждую минуту на запись памятныя, штрафныя деньги; торгуйся, какъ будто въ лавкѣ—вотъ уже разложили предъ тобою товары дѣловыхъ бумагъ. Кошелекъ на половину уменьшится у тебя въ судебной избѣ, но за то выйдешь чистымъ.

Woźny woła, sędzia wzdawa,[1]
Drugi wwiązanie zeznawa,
Trzeci się z boku przytyka,
Sąsiad się k' wiosce przymyka.

А жизнь общественная? гдѣ у насъ однодушіе и счастіе?

A tako my, gdyśmy różno,[2]
Snadź zorzemy piasek próżno,
Choć nas wielu w pługu chodzi.
Przedsię nic się nie urodzi.
I każda rzecz kiedy różna,
I słabsza czasem i próżna,
I koła się snadniéj toczą,
Kiedy wszyscy czteréj skoczą,
Już mu droga nie tak spora,
Kłusuj miłę do wieczora,

---

[1] *Переводъ.* «Возный призываетъ, судья полагаетъ пеню за неявку, иной признаетъ отдачу имѣнія, третій со стороны подходитъ, а сосѣдъ къ деревнѣ уже приближается.»

[2] *Переводъ.* «А такимъ образомъ когда мы порознь, то вѣроятно безъ пользы обработываемъ песокъ, и хотя много насъ ходитъ за плугомъ, однако плодовъ мы невидимъ никакихъ. Да и каждое дѣло порознь и слабѣе и безплоднѣе; колеса и тѣ бѣгутъ скорѣе, если идутъ всѣ четыре вмѣстѣ, уже изъ

A my snadź prawie na suszy,
Uwięzneliśmy po uszy.
A co daléj więcéj lgniemy,
Jeśli społu nie dźwigniemy.

А дома какія излишества у женщинъ! Имъ непремѣнно нужны воротнички, украшенные золотомъ, перламутромъ и венгерскимъ шитьемъ. Бѣдный супругъ тратитъ послѣднее для удовлетворенія этихъ потребностей.

Więc się na jarmark oboje,[1]
Wloką na te miłe stroje,
A tego snadź zobaczyli,
Iż niewiele naliczyli.
Ano to nie cudny wzorek,
Kiedy w skrzyni próżny worek,
Ale co wadzi skosztować,
Owo nam będą borgować,
Więc się włóczą między kramy,
Poszargają stare bramy,
A niémasz zacz kupić nowych,
Bo więc trudno bez gotowych,
A kramarki co je znają,
Więc im bryże wywieszają.
A jeśli co na borg dadzą,
Przedsię na tém się nie zdradzą.

дорога не такъ идетъ успѣшно, ѣзди мимо хоть до самаго вечера, а мы даже на сушѣ увязли по уши. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше будемъ погрязать, если не соединимъ своихъ силъ.»

[1] *Переводъ.* «Итакъ оба на ярмарку ѣдутъ за этими нарядами, а о томъ и забыли, что не много денегъ взяли. Хотя то и непріятное дѣло, если въ сундукѣ пустой лежитъ мѣшокъ, но что мѣшаетъ попробовать, не удастся ли взять въ долгъ? Такъ они таскаются по лавкамъ, издерутъ старыя кайны, а новыхъ купить не на что, да и невозможно безъ наличныхъ. А лавочницы, зная это, показываютъ имъ брыжи. А если и даютъ что въ займы, то не обманутся, потому-что отдадутъ въ половину дороже, а пани платитъ телкою или сѣменами вмѣстѣ съ другими продуктами, и однако съ

Bo da drożéj połowicą,
Pani płaci jałowicą,
Albo siemieniem z nabiałem,
A przedsię z nierównym działem,
A gdy się domek wyniszczy,
Tedy ty panie w garść piszczyj.
A tak panie ta utrata,
Zniszczyła świat po te lata,
Wiele zacnych domów zeszło
I drugim więc bywa teszno.

Любопытна также картина охоты, потомъ характеристика щеголей и тогдашняго этикета, пировъ, увеселеній во время масляницы (kuligón), попоекъ и ихъ послѣдствій.

Już wyprzęgają naręcznego,[1]
By najpilniéj trzeba tego,
Bo owo gniady leniwy,
A siwy bardzo sadniwy.
Trąb co rychléj a psy zwieraj,
Zwołaj czeladź, konie siodłaj,
Bo teraz dobra pogoda,
Iście jéj zamieszkać szkoda.
Więc gniją na polu kopy,
A pan w lesie wrzeszczy z chłopy,
Ze psy się po polu goni
Żyto owies wszystko łomi.
. . . . . .

явною прибылью. А когда домъ обѣднѣетъ, тогда свисти себѣ въ кулакъ. Такимъ-то образомъ подобная трата истощила міръ въ эти годы, много зажиточныхъ домовъ разорилось — да и всѣмъ нелегко.»

[1] *Переводъ.* «Отпрягай пристяжную, потому-что скоро нужно; да гнѣдко лѣнивъ, а сивка очень измученъ. Труби скорѣе, собакъ созывай, собирай людей, сѣдлай коней, потому-что ясная теперь погода и жаль ее пропустить. Итакъ копны гніютъ въ полѣ, а панъ съ охотниками кричитъ въ лѣсу, съ собаками гоняется по полямъ, топчетъ рожь, овесъ и все остальное... Итакъ въ каждомъ (платьи) нужно иначе вести себя, иная

Więc do każdéj (sukni) insza sprawa,
Inakszy krok i postawa,
Bo w szerokiéj też szerzéj krocz,
Strząsaj głową, czasem poskocz
W węższéj nie trzeba przygarbić,
Drobniéj stąpać, kuczmę skrzywić,
Nie wysoko wznosić nogi,
Aby brząkały ostrogi
Wąs pomuskać a czołem bić,
A to wszystko stoi za nic,
Więc tu ze wsi do wsi jadą,
I przezwali to biesiadą.
Anoby lepiéj zwać nędzą,
Bo sobie szkapy wywędzą,
A zaś ich więc mała rota,
Stoi całą noc u płota.
Rano pan woła gorzałki,
W stajni nie słychać opałki,
Wywiedź konie! czas nam jechnać!
Ale wżdy źle nie pożegnrać,
Więc się rzkomo porywasją,
A no ich nic nie wciągaūją,
Chodząc się pó izbie kłóeci,
Trzykroć się odedrzwi wróeci,

походка и осанка: въ широкомъ ходи шире, потрясай головою подпрыгивая, въ узкомъ ненужно нагибаться, шаги дѣлать уже, шапку надѣть набекрень, не поднимать высоко носъ, стучать шпорами, гладить усы, кланяться; но все это ни къ чему. Такъ вотъ ѣдутъ изъ села въ село и это прозвали пирушкой (biesiada), а лучше звать это бѣдою, потому-что они только лошадей себѣ загоняютъ, и вся ихъ толпа всю ночь стоитъ у забора. Утромъ панъ кричитъ: подать водки! въ конюшнѣ не слышно вѣялъ (opałki). Подавай лошадей! пора намъ въ путь! Но не хорошо (ѣхать) не простившись: вотъ они такъ сказать схватываются, и никто ихъ не удерживаетъ. Онъ по комнатѣ ходитъ и ссорится, раза три вернется отъ дверей, а другой тутъ же захвораетъ: «что съ тобою, бѣдняга? Тебѣ бы нужно розовой водки, чтобы выгнать кошекъ изъ головы». Итакъ про-

A drugi się rozniemoże,
Cóż ci się stało niebożе?
Trzebaby rożannéj wódki,
Wypędzić mu ze łba kotki,
Więc się chodząc za bok chwyta,
Jestli co późno jadł pyta,
Anoby jedno co dano
Jadłby przedsię chocia rano.
Więc pod rękę upatruję,
Jeśli go panna żałuje,
Ale snadź by mi przyboleć,
Przed się za jéj zdrowie wypić.
To się czasem na czczo spiją,
Łby sobie piwem pomyją,
Kapustem się popłuskają,
A ostatek podrapają.
Czeladź woła: już czas siadać
Bo nam nic nie dają śniadać!
Koń stoi, podgina nogi
Choć mu na łbie z pierza rogi,
A na szyi wisi dzwonek,
W tyle czerwony ogonek.
Więc wsiadłszy nań chce by skakał,
On by umiał snadźby płakał,
Bo to już nie jadł drugą noc,
Zginęły mu skoki i moc.

хаживались, онъ упирается въ бока, спрашиваетъ: не поѣлъ ли онъ чего поздно, а тотъ бы поѣлъ пожалуй и рано, еслибы только что-нибудь подали. Итакъ онъ присматриваетъ, не сожалѣетъ ли о немъ дѣвушка, и, чтобы уколоть его, пьетъ прежде всего ея здоровье, такъ что иногда напьются на тощакъ, нивомъ вымоютъ другъ другу лбы, капустою испачкаются и наконецъ исцарапаются. Прислуга кричитъ: пора уже садиться! намъ не даютъ завтракать! Лошадь едва держится на ногахъ, хотя на лбу и есть у ней рога изъ перьевъ, а къ шеѣ привѣшенъ колокольчикъ и сзади красный хвостъ; хотятъ, чтобъ она прыгала, а ей хотьбы плакать, еслибы только умѣла, такъ какъ она не ѣла вторую уже ночь, исчезла ея прыть

Więc się tak włócząc nie służą,
A gdzie się mogą to dłużą.

Трудно не признать за этими стихами легкости, вѣрности размѣра, приличія выраженій и картинности. Предметъ ихъ взятъ именно изъ той сферы, которая такъ близка была Рею изъ-Нагловицъ. Но беллетрическая литература, изображавшая современные обычаи въ его время, не имѣла еще того универсальнаго значенія, какое мы придаемъ ей теперь (и кто знаетъ, справедливо ли?). Крупные современные вопросы тяготѣли надъ писателемъ, ему самому предоставлено было создать всѣ почти роды поэзіи. Рей не могъ остановиться на одной картинѣ, сатирѣ или эпиграммѣ, онъ написалъ драму изъ библіи, переводы, объясненія которой были въ духѣ вѣка, занятаго религіозными спорами,—изъ библіи, которую такъ нламенно желалъ распространить нашъ поэтъ между необразованнымъ народомъ.

«Bo snadź z tego rozum się urości,
Gdy czytają historję prości».

Предметъ выбранъ имъ изъ священнаго писанія, — предметъ неидущій для драмы, но полный дѣйствія, легко допускающій характеристику лицъ, а болѣе всего поразительный нравственною мыслью, въ немъ заключенною, той именно, что *для добродѣтели нужно пренебрегать всѣми приманками роскоши, что для нея нужно полное съ нашей стороны самопожертвованіе, что добродѣтель вознаградитъ за всѣ понесенныя для нея жертвы.* Этою мыслью проникнуты всѣ произведенія автора Изображенія честнаго человѣка, а его драматическое сочиненіе: *Жизнь Іосифа изъ рода еврейскаго, сына Іаковлева, раздѣленная на разговоры*

и сила. Таскаясь такимъ образомъ, они нигдѣ не служатъ, а гдѣ могутъ, тамъ дѣлаютъ долги.»

лицъ, напеч. Еленою Унлерг въ 1545 г. (Żywot Józefa, z pokolenia żydowskiego, syna Jakóbowego, rozdzielony w rozmowach person, u Heleny Unglerowé, 1545) должно считать вѣнцемъ всѣхъ его произведеній. Въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ онъ выводилъ на сцену добродѣтель, соблюсти которую довольно легко въ мирномъ шляхетскомъ кругу; здѣсь же добродѣтель, искушаемая соблазномъ, закованная въ цѣпи, является непобѣдимою. Мысль вполнѣ прекрасная; но намъ опять приходится сожалѣть о томъ, что Рей такъ мало былъ классикомъ, что онъ не былъ знакомъ съ греческими драмами, которыя своими живыми формами могли бы возвысить его мысль, выбранную такъ удачно. Одною только силою своего генія онъ умѣлъ поставить своего Іосифа выше современныхъ діалоговъ; что же было бы, еслибы онъ читалъ Еврипида или Софокла, людей подобно ему геніальныхъ и простыхъ, но простыхъ въ вѣка простоты, а не въ вѣкъ просвѣщенія, какое находилось въ Польшѣ во времена Рея,—людей, равнявшихся ученостью съ цѣлою массой общества, но возвышавшихся надъ нимъ своимъ талантомъ? Рей по своему образованію стоялъ ниже своего общества, въ своемъ Іосифѣ онъ допустилъ нѣсколько анахронизмовъ, которые не могли не казаться странными просвѣщеннымъ Полякамъ.

Братья Іосифа Рувимъ и Іуда продаютъ его исмаильтянскому каравану (Korobonowi Jzmaelicie), который отвозитъ его въ Египетъ и продаетъ Пентефрію. Зефира, жена Пентефрія, воспламеняется къ нему огнемъ преступной страсти, которую онъ цѣломудренно отвергаетъ; обвиненный и посаженный въ темницу, пророческимъ истолкованіемъ сна онъ возвращаетъ себѣ свободу и дѣлается царскимъ намѣстникомъ, вызываетъ своего отца и братьевъ, которымъ царь уступаетъ во владѣніе землю Рамасесъ. Словомъ —

все такъ какъ и въ библіи, нѣтъ только ни движенія, ни завязки драматической, въ продолженіе цѣлыхъ XII дѣйствій передвигается передъ глазами зрителя растянутое, скучное цѣлое. Кромѣ лицъ главныхъ, въ домѣ Пентефрія есть еще *Гаускнехтъ* (слуга домашній — названіе нѣмецкое, вѣроятно, современное ему въ Польшѣ), довольно пустой и брюзгливый, и Ахиза, горничная, повѣренная Зефиры, охотница говорить и ѣсть, какъ и прилично субреткѣ. Простой и добродушный Рей не зналъ всѣхъ оттѣнковъ души человѣческой, или, быть можетъ, не хотѣлъ проникать въ ея глубину. Любовь, страсть и забвеніе своихъ обязанностей изображены у него слишкомъ грубо. Іосифъ въ сѣтяхъ сладострастія болѣе похожъ на неучтиваго моралиста, чѣмъ на юношу, который борется съ самимъ собою за добродѣтель и выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Какое различіе между имъ и классическимъ Ипполитомъ! Египетскіе богатыри древняго міра говорятъ здѣсь о литургіи, о колоколахъ, объ органахъ (organach). Рей опять забылъ, что все это принадлежности христіянскаго богослуженія. Приведемъ здѣсь трогательную библейскую картину стараго Іакова, которою начинается драма.

ІАКОВЪ.

Ach wszechmocny panie[1]
Dziwnie wszystko sprawujesz,
A rozlicznie swojemi
Dobrodziejstwy szafujesz,
Jako i mnie dziś raczysz,
Chować w méj starości,

[1] *Переводъ.* «Господи Вседержителю! Дивны дѣла Твои и разнообразно множество Твоихъ благодѣяній! Такъ и меня теперь благоволилъ Ты сохранить въ моей старости, а чѣмъ заслужилъ я у Тебя святой любви? Увидѣвъ

I gdzież ja to zasłużę
Twéj świętéj miłości?
Upatrzywszy już moc i stan
W niemałéj zacności,
Dałeś dosyć wszystkiego
W wielkiéj obfitości.
Dałeś dziatki poczciwe
Ku mojéj radości,
Wywodząc mię wielekroć
Z rozlicznych trudności.
Niechże tobie ze wszego
Cześć i chwała będzie!
Bo ją muszę wysławiać,
Na wszystek świat wszędzie.
Bo snadź dusza coś mi dał
I to moje ciało,
Za twoje dobrodziejstwa
Nigdyby nie stało.
Ktore hojnie każdemu
Z łaski swéj szafujesz,
A dziwne miłosierdzie
Wszystkim okazujesz.
Boś rozliczne hojności,
Rozliczne wszém sprawił.
A sobieś jedną chwałę
Od wszystkich zostawił.

силу и состояніе нашей немалой вѣрности, Ты далъ всего вдоволь, въ великомъ изобиліи, далъ дѣтей добрыхъ мнѣ на радость, избавляя меня многократно отъ различныхъ трудностей. Да будетъ же Тебѣ хвала и честь за все, потому-что я долженъ прославлять Тебя во всемъ мірѣ, повсюду. А душу, которую Ты мнѣ далъ, и этого тѣла моего было бы недостаточно принесть Тебѣ въ жертву за Твои благодѣянія, которыя по благодати обильно подаешь каждому, показываешь всѣмъ дивное милосердіе, потому различными безчисленными милостями Ты всѣхъ одарилъ, а Себѣ предоставилъ одну хвалу отъ всѣхъ.»

РАХИЛЬ.

A z kłopotów rozmaitych,[1]
Dosyć radości obfitych,
Kiedy patrzę na twe dziatki,
One stoją jako kwiatki.
Już więc wszystkiego przepomnim
Co się pierwiéj działo o mnie,
Zwłaszcza Józef dziécię twoje.
Dziwnie cieszy serce moje.
Bo ta szlachetna uroda
Prawie stworzona do Boga,
Prawie książe między temi,
Naszemi dziećmi drugiemi.
Raczysz nas w nim cieszyć Panie
Gdyż to jest nasze kochanie!

Во время этой нѣжной бесѣды родителей приходятъ дѣти Іакова, но нѣтъ среди ихъ Іосифа; поэтически изобразилъ Рей предчувствіе отеческаго сердца. Іаковъ говоритъ:

Oczy mi czemuś płaczą,[2]
A drży wszystko ciało,
Serce w jakiéjś żałości,
Już prawie struchlało.

Лживый Рувимъ отвѣчаетъ, что Іосифа растерзалъ звѣрь, и показываетъ его окровавленную одежду; здѣсь отчаяніе родителя Рей списалъ съ народныхъ обычаевъ: ропотъ Іако-

[1] *Переводъ.* «А за всѣ мои труды обильно вознаграждаетъ меня радость, когда я смотрю на дѣтей твоихъ, которыя стоятъ какъ цвѣтки. Забудемъ теперь все, что прежде случалось со мною; особенно Іосифъ, дитя твое, радуетъ мое сердце, потому-что его благородная природа создана самимъ Богомъ; это почти князь между нами, другими моими дѣтьми. Благоволи насъ, Господи, радоваться имъ, потому-что онъ наша любовь!»

[2] *Переводъ.* «Изъ глазъ моихъ текутъ слезы, я дрожу всѣмъ тѣломъ, сердце изнемогаетъ отъ какого-то томленія.»

ва и Рахили напоминаетъ намъ голоса простонародныхъ плакальщицъ. Іаковъ вываетъ:

Ach mój Boże toć jeś mię[1]
Pokarał nędznego!
Że snadź w płaczu dokonam
Żywota swojego.
Snadź już łzami wypłyną
Smutne moje oczy;
Serce się strachem trzęsie
Ledwie nie wyskoczy.

РАХИЛЬ.

Już nie czuję mam li duszę,[2]
Wszak ledwie się sama ruszę?
Ach moje smutne odzienie,
Gdzież jest moje ucieszenie?
Jedno widzę kęs krwi jego,
Marnieś straciła samego!
Ach mój Boże panie miły,
Jeśliżeś jest sprawiedliwy!
Weź mię matkę gdyś wziął syna,
Wszak tego słuszna przyczyna.
Sam to miły Panie obacz,
Lepiéj niżli przyjdę w rospacz,
Bo mię to iście nie minie,
Iż sobie co źle uczynię.

[1] *Переводъ.* «Ахъ, мой Боже! Ты наказалъ меня несчастнаго такъ, что быть можетъ въ слезахъ окончу дни мои, вымлачу слезами мои печальныя очи, сердце дрожитъ отъ страха и едва не выскочитъ.»

[2] *Переводъ.* «Я не чувствую, есть ли у меня душа, насилу сама двинусь. Ахъ! печальна моя одежда; гдѣ мое утѣшеніе?! Вижу только капли его крови; такъ, я навсегда потеряла его! Господи, Боже Благій! Если Ты справедливъ, возьми и мать, какъ взялъ сына; я имѣю достаточную къ тому причину. Видишь самъ это, благій Господи, прежде чѣмъ приду въ отчаяніе, потому-что меня не минуетъ то, чтобы я не сдѣлала себѣ чего-нибудь злаго.»

Мысль о самоубійствѣ, которая такъ обыкновенна у нашего народа въ минуту отчаянія, несообразна съ характеромъ Рахили; мы предполагаемъ въ ней болѣе покорности волѣ Промысла какъ у патріарховъ избраннаго народа въ минуту, когда Богъ посѣщалъ ихъ какою-нибудь скорбію.

Мы должны были нѣсколько долѣе остановиться на Николаѣ Реѣ, какъ на первомъ польскомъ писателѣ, исключительно писавшемъ на родномъ языкѣ. Нѣтъ у насъ времени и мѣста заниматься другими его стихотворными произведеніями, которыя впрочемъ менѣе заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія. Не безъ лести для самихъ себя мы полагаемъ, что здѣсь вполнѣ изображенъ нами характеръ и достоинства поэзіи Рея; а теперь разсмотримъ какъ его недостатки, такъ и литературныя заслуги, потому-что, встрѣтившись съ нимъ еще разъ въ ряду польскихъ прозаиковъ, мы не будемъ имѣть для этого времени. По причинѣ небольшой начитанности, онъ имѣлъ ограниченныя понятія объ искусствѣ, вкусъ совсѣмъ необразованный, что наиболѣе доказываютъ: причудливый составъ *Изображенія*, анахронизмы въ *Іосифѣ*, желаніе остаться при осьми стихахъ въ *Звѣринцѣ* и *Проказахъ* и вообще языкъ, хотя чистый и не смѣшанный съ латинизмами, но грубый и простонародный, выраженія неблагородныя, стихосложеніе нищенское. Рей виноватъ еще и въ томъ, что своимъ примѣромъ уполномочилъ и другихъ писать нерадиво, своими пошлыми выходками противъ духовенства развилъ и въ другихъ страсть къ насмѣшкамъ и пасквилямъ, которые никакъ не извиняются религіозною борьбою, потому-что ее можно вести прилично, дѣйствуя на одно убѣжденіе. Но, съ другой стороны, не малочисленны и заслуги Рея. Онъ засталъ языкъ польскій еще необразовавшимся, неспособнымъ къ употребленію письменному, и оставилъ его такимъ, что Кохановскій безъ боль-

шаго труда могъ черпать изъ него богатыя его сокровища. Бросимъ взоръ на первые труды Рея — на переводъ *псалмовъ* и потомъ на его Разговоръ *пана съ Войтомъ:* какое огромное различіе! какой успѣхъ въ языкѣ у одного и того-же писателя! Неменѣе содѣйствовалъ Рей и утвержденію добродѣтели, вѣры и образованія въ народѣ, по мѣрѣ силъ своихъ дѣлая для всѣхъ доступными богатства латинской литературы; онъ открылъ для поэзіи богатую сокровищницу мысли и образности въ священ. писаніи, хотя самъ пользовался ими и не совсѣмъ счастливо. Стиль Рея — это золотая руда, въ которой еще много песку, недокисей и грязи, но немало попадается и частицъ драгоцѣннаго металла. Выпишемъ здѣсь нѣсколько прекрасныхъ, картинныхъ, смѣлыхъ поэтическихъ его выраженій, которыя сохранились въ нашей памяти при чтеніи его произведеній.

[1] Ciężki sen, myśl serdeczna, wpasła się iskra w serca nasze, racz nas przeżegnać z ominionéj nocy (do Boga) święci przodkowie, sławna prawda, z wodą czasy płyną, zegar tłucze (zamiast bije), słońce poczęło puszczać jasne promie, tłusta kopa zboża (zamiast plenna) sadniwy koń, obfity żywot, oczy łzami ledwie nie wypłyną, konika osieść, marmur twardo żelazem skowany, darmobyt (próżniak), a straszny huf każdemu nieprzyjacielowi bywa, gdzie Polak swe jasne a nie zakryte czoło okaże, skępiec jest jako jagody na skale, hojny jako groch przy drodze, w przyjaźni serca na poły przy-

[1] *Переводъ.* «Тяжелый сонъ; сердечная мысль; искра проникла въ наше сердце; благослови насъ знаменіемъ крестнымъ по окончаніи ночнаго мрака (къ Богу); святые предки; славная правда; подобно водѣ течетъ время; часы стучатъ (или бьютъ); солнце стало пускать свѣтлые лучи; тучная копна (скирдъ) хлѣба (вм. умолотная); изувѣченный конь; обильная жизнь; глаза едва не выплывутъ отъ слезъ; влѣсть на коня; мраморъ накрѣпко окованный желѣзомъ; празднолюбецъ; страшное уѳъ! бываетъ каждому изъ непріятелей тамъ, гдѣ только Полякъ покажетъ свое свѣтлое открытое лицо; скупецъ подобенъ ягодѣ на скалѣ растущей;

będzie, uczynność a zalecenie jest to do przyjaźni jako sałata do wieprzowéj pieczeni (prawdziwie Rejowskie porównanie). И множество другихъ выраженій, которыя теперь вошлотились въ польскую рѣчь, но которыхъ не было до Рея.

Съ именемъ Рея неразлучно связано въ лѣтописяхъ искусства имя его друга, товарища веселыхъ пировъ, единовѣрца его и біографа—*Андрея Тржецескаго,* котораго искреннюю, чисто-Вуйковскую польскую прозу мы уже имѣли случай видѣть въ его жизнеописаніи Рея. Тржецескій подъ надзоромъ своего отца получилъ основательныя начала въ языкахъ латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Поступивъ въ Краковскую Академію во времена Иллицына, Станкара, Оржеховскаго, Пржылускаго и Роизъюша, онъ довершилъ въ ней свое образованіе. Потомъ онъ объѣхалъ всю Европу и по возвращеніи на родину занялъ первое мѣсто въ обществѣ польскихъ протестантовъ, которымъ посвятилъ свое перо. Пользуясь дружбою знаменитыхъ нововѣрцевъ, каковы: Николай Радзивиллъ, Фирлей, Ласкій, также католиковъ, каковъ — Димитръ Соликовскій, и людей извѣстныхъ своими талантами—Рея и Кохановскаго, Тржецескій скончался въ одно время съ этимъ послѣднимъ въ 1584 году.

При обширномъ образованіи и полномъ знакомствѣ со всѣми европейскими языками, Тржецескій принесъ свои способности въ жертву протестантизму; на польскомъ языкѣ онъ писалъ глаже, чѣмъ Рей, но не имѣлъ его поэтическаго таланта. Исчислимъ стихотворныя произведенія Тржецескаго. Онъ писалъ по-латыни: *Млеко духовное* (Lac spirituale), сочиненіе религіозное въ стихахъ, по которому

онъ щедръ какъ горохъ при дорогѣ; въ дружбѣ увеличивается чувствительность сердца; услужливость и уваженіе для дружбы тоже, что салатъ къ жаркому изъ вепря (сравненіе чисто во вкусѣ Рея).

долженъ былъ учиться Николай Радзивиллъ; *Объ успѣхахъ св. вѣры въ Польшѣ* и т. д. (De Sacrosancti Evangelii progressu ect), изд. въ Кенигсбергѣ у Даубмана — колкое стихотвореніе противъ нунція Алоиза Липпомана; второе изданіе этой книги (въ типогр. Вѣржбенты) было истреблено католиками, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Владавита, цензоръ краковской епархіи: «три только экземпляра издалъ Вѣржбента, слуга сатаны (Assecla), потому-что всѣ остальные (не хвалясь скажу) были истреблены по моему старанію»; наконецъ *Епиграммы* и похвальныя рѣчи въ честь Фирлея, Кржиштопорскаго, Соликовскаго, королей Сигизмунда Августа, Генриха Валуа, Стефана Баторія, отъ 1560 до 1582 г. На польскій языкъ онъ переводилъ отдѣльные псалмы Давида 1 и 14, повседневныя пѣсни съ латинскихъ гимновъ: *О захожденіи солнца, О полуночи, Когда дѣти встаютъ рано, Когда восходитъ солнце, Молитва предъ обѣдомъ* (Przeźegnanie stolu), *На сонъ грядущимъ* и т. д. Онъ писалъ также и оригинальныя польскія пѣсни религіознаго содержанія. Выпишемъ одно изъ произведеній этого послѣдняго рода, чтобы дать понятіе о перѣ Тржецескаго:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ИСПОВѢДЬ.

(Въ акростихѣ имя и фамилія автора).

Ach! mój niebieski Panie [1]
Boże wszechmogący,
W jedności Trójce świętéj
Wiecznie królujący!

[1] *Переводъ.* «Ахъ! Господи на небеси, Боже Всемогущій, вѣчно царствующій во единой Святой Троицѣ! Невозможно мнѣ упавшему, исполненному злобы, всегда прибѣгать къ Тебѣ, моему Господу и Богу. Въ писаніи чрезъ Пророка Ты мнѣ подалъ ту надежду, что Ты не пожелаешь смерти грѣшнаго человѣка. Лучше желаешь, чтобы онъ по-

Nie łza mnie upadłemu
A złości pełnemu,
Jedno k' tobie się uciekać,
Panu Bogu memu.
Dałeś mi tę otuchę
W pismie przez Proroka:
Że ty śmierci nie pożądasz
Grzesznego człowieka.
Raczéj widzisz by powstał,
A przyszedł ku sobie,
A żył zawsze w pobożności
Ku téj panie dobie,
Znając dobroć takową
Któżby zię nie cieszył?
Ku panu tak łaskawemu,
Któżby się nie śpieszył?
Ej nuż każdy żałując,
Ze mną, swoich złości
Podnieś serce k' Majestatu
Jego Wielmożności!
I żądaj o przyczynę
Syna jedynego,
Między nami a swym Ojcem
Jednacza prawego.
Ty wszechmocny Boże
Stworzenia wszelkiego!
Wejrzyj okiem Miłosierdzia
Na mnie upadłego!

нилъ и пришелъ въ себя и жилъ благочестно отъ этой минуты. Зная такую благость, кто не возрадовался бы, кто бы не поспѣшилъ къ Господу, столь милосердому? Пусть же каждый вмѣстѣ со мною, сожалѣя о своей злобѣ, вознесетъ свое сердце къ престолу Его Всемогущества и проситъ ходатайства Сына единороднаго, праваго посредника между нами и Отцемъ Своимъ. Ты, Боже Вседержителю всего въ мірѣ созданнаго, призри оконъ милосердія на меня грѣшнаго! Будь ко мнѣ милосердынъ, вѣдь

Raczysz mi być miłościwym,
Wszak syna Twojego
Najdroższa śmierć nagrodziła
Winę mnie grzesznego.
Zgładzisz wszystkie, okrutne
Moje nieprawości,
A racz stworzyć serce czyste,
Od złych namiętności.
I racz już we mnie ducha
Odnowić prawego,
Abym chodził w niewinności,
Żywota świętego.
Cieszysz w nadziei świętéj
Duszę mą troskliwą,
I ugruntuj duchem swoim
Wiarę we mnie żywą,
I daj możność zwyciężyć
Ciężkie bojowniki,
Ciało, z światem i szatanem,
Nasze przeciwniki.
Ej nigdy nieprzebrana
Studnico miłości!
Racz posilać łaską swoją,
Me wszelkie krewkości
Spomoż pielgrzyma swego,
A nie daj zabłądzić,
Od królewstwa któreś raczył
Swoim wiernym zrządzić.

смерть безцѣнная Сына Твоего искупила вину грѣховъ моихъ. Ты загладишь всѣ нечистыя неправоты мои; о! дай мнѣ сердце чистое отъ всѣхъ злыхъ страстей. И благоволи возродить во мнѣ духъ правоты, чтобы я ходилъ въ невинности святой жизни. Утѣшай святой надеждою мой духъ унылый, и утверди Своимъ духомъ живую во мнѣ вѣру, и дай силу побѣдить упорныхъ враговъ—тѣло вмѣстѣ съ міромъ и діаволомъ—нашихъ противниковъ. Неисчерпаемый кладязь любви! Укрѣпи Своею благо-

Kryste Zbawicielu nasz
U Ojca wiecznego!
Swą przyczyną, na wszelki czas
Ratuj sługę Twegą.
Jać się tobie w moc dawam
I z duszą i z ciałem,
Boć ty sam jest Pan nad Pany
Na wiek wieków Amen.

Вотъ еще два образчика изъ Тржецескаго:

ПѢСНЬ ПО ПОЛУНОЧИ.

(Съ латинскаго: «Nocte surgentes vigilemus omnes»).

W nocy powstawszy bądźmy wszyscy czujni,[1]
Swéj powinności ze wszech sił pilnujmy,
Wesołe pieśni panu zaśpiewajmy
Chwałę wzdawajmy.
Byśmy przy króla swego świętéj chwale
Aż do skończenia trwając zawsze stale,
Z jego świętymi, mieli w niebie wieczny
Żywot społeczny.
O wieczne bóstwo domieśćże nas tego,
Ojca, i Syna, i Ducha świętego,
Którego sława po wszém świecie słynie
Nigdy nie minie.

латію всѣ составы мои. Подай помощь бѣдному страннику, чтобы онъ не удалился отъ царствія, которое благоволилъ Ты устроить вѣрнымъ Тебѣ. Христе нашъ Спасителю! У Отца вѣчнаго Твоимъ вседневнымъ заступленіемъ спасай Твоего слугу. Я отдаюсь во власть Тебѣ съ тѣломъ и душею, ибо самъ Ты Господь Господей во вѣки вѣковъ. Аминь.»

[1] *Переводъ.* «Вставая ночью, будемъ всѣ бодрствовать, всѣми силами держася своихъ обязанностей, воспоемъ радостную пѣснь своему Господу — воздадимъ Ему хвалу. Пусть мы, до скончанія міра постоянно возсылая святую хвалу своему Царю, вмѣстѣ со святыми Его, получимъ вѣчную жизнь въ небесахъ. Вѣчный Боже! Даруй намъ это со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ, котораго слава идетъ по всему міру и никогда не кончится.»

ПСАЛОМЪ 14.

«Domine quis habitabit in tabernaculo tuo».

«I któż będzie przemieszkiwał w twym przybytku panie?[1]
A na górze odpoczywał twéj świętéj Syonie?
Zali nie ten co bez zmazy chodzi w niewinności,
I dzierży się w każdéj sprawie swéj sprawiedliwości?
Mówiąc zawsze szczerą prawdę z serca uprzejmego
Nie oszuka swym językiem człowieka żadnego.
Nie czyni swemu bliźniemu nigdy żadnéj złości,
Ani słowem uszczypliwém żalu i przykrości,
Przed jego jest obliczności a każdy człek brzydliwy
A zaś we czci bogobojnéj człek i sprawiedliwy.
Przysięga swemu bliźniemu a nie oszukawa,
Pieniędzy swych na lichwę nikomu nie dawa,
Darów przeciw niewinnemu nigdy nie przyjmuje,
Nie będzie wzruszon na wieki kto się tak sprawuje».

Упомянувши здѣсь объ отдѣльныхъ псалмахъ въ переводѣ Тржецескаго и Рея, мы должны замѣтить, что прежде чѣмъ весь псалтирь переложенъ былъ въ стихи Яномъ Кохановскимъ,—въ Краковѣ, въ типографіи Лазаря Андрусовича, Іеронима Вѣтора, а потомъ его вдовы, печатались обыкновенно пѣснопѣнія и канціоналы, въ которыхъ и помѣщались по одному или по нѣскольку вмѣстѣ псалмы и гимны духовные въ

[1] *Переводъ.* «Господи! Кто обитаетъ въ жилищѣ Твоемъ, или кто вселится на святой горѣ Твоей Сіонѣ, если не тотъ, кто безъ грѣха ходитъ въ невинности и держится правды во всѣхъ дѣлахъ своихъ? Говоритъ всегда правду отъ искренняго сердца, который не льститъ языкомъ никому изъ людей и искреннему своему не дѣлаетъ зла, ни колкимъ словомъ не причиняетъ сожалѣнія и непріятности. Уничиженъ предъ лицемъ его каждый человѣкъ лукавый, а славитъ онъ людей справедливыхъ, боящихся Господа. Клянется искреннему своему и не отметается, а сребра своего не даетъ въ ростъ, даровъ на неповинныхъ никогда не пріемлетъ. Во вѣкъ не подвигнется, кто такъ творитъ.»

переводѣ на польскій языкъ съ гравюрами, комментаріями и вокальною музыкою Вацлава Шамотульскаго. Все это вызывалось требованіями польскихъ лютеранъ и кальвинистовъ, которые, не довольствуясь буквальнымъ переводомъ псалмовъ прозою, хотѣли имѣть ихъ и въ стихахъ, чтобы пѣть въ своихъ собраніяхъ. Такъ выходили псалмы и пѣсни Тржецескаго, Рея, Якова Любельскаго и другихъ безименныхъ писателей, не отличающіеся высокимъ достоинствомъ. Такъ какъ главная цѣль нашей книги указать все прекрасное въ отечественной литературѣ, то мы, оставляя въ сторонѣ эти псалмы, какъ относящіяся единственно къ библіографическимъ рѣдкостямъ, остановимъ наше вниманіе на прекрасномъ переводѣ или, лучше, перифразѣ псалма 45: «*Deus noster refugium*», которымъ, какъ говоритъ самое заглавіе, «святая церковь исполняла благую мысль». Она и теперь исполняетъ ее, потому-что и нынѣ псаломъ: «Богъ намъ прибѣжище» въ переводѣ Вуйка еженедѣльно поражаетъ слухъ нашъ. Переводъ, о которомъ мы говоримъ (обозначенный буквами $\frac{A}{p.}$ быть можетъ начальными буквами переводчика), вышелъ изъ типографіи Андрусовича въ 1556 г., слѣдовательно 22 годами раньше Псалтири Кохановскаго. Выпишемъ этотъ переводъ отъ слова до слова:

Pan Bóg ucieczką ratunkiem,[1]
Pan Bóg obroną naszą,
Już przygody i z frasunkiem
Najmniéj nas nie ustraszą,
Choć ziemia z miéjsca stąpi,
Morze góry zatopi,
Pan Bóg obroną naszą.

[1] *Переводъ.* «Богъ намъ прибѣжище и сила, Богъ наша защита, скорби и бѣды не устрашатъ уже насъ, хотя бы земля сдвинулась съ мѣста, и море стало на горахъ — Богъ защита наша!

Niech się morze jak chce sroży,
Niech piasek na brzeg toczy,
Niech srogością góry trwoży.
Miasta powodzią moczy.
Jednak gdy przyjdzie ciężka,
Tam Pan swym nieomieszka,
Pan Bóg obroną naszą.

Niech się świat burzy, niech miesza
Wszystko przepełznie snadnie,
Niech się ziemia chwieje, wiesza,
Niech trzaśnie, i przepadnie.
Nie bojmy się, Bóg z nami!
Wszakeśmy już nie sami,
Pan Bóg obroną naszą.

Patrzcie, patrzcie, co to za Pan!
Wy! coście jego właśni,
Ten opatrzy wasz wszystek stan,
Już się nie bojcie waśni,
Miécz, ogień, nie zawadzi,
Wszystko Pan precz odsadzi,
Pan Bóg obroną naszą.

Dajcież pokój, nie troszczcie się,
Bogiem go tylko znajcie,

Пусть море мятется съ яростію, пусть берега пескомъ засыпаетъ, крѣпостію возмущаетъ горы, водой города заливаетъ, но когда придетъ ихъ тяжесть, Господь поспѣшитъ на помощь своимъ — Богъ защита наша!

Пусть мятутся, волнуются языки, все пусть уклонится, пусть земля дрожитъ, колеблется, пусть треснетъ и провалится, не убоимся: Господь съ нами, вотъ уже мы не одни — Богъ защита наша!

Пріидите, видите дѣла Божія, вы—ему подвластные, Онъ оградитъ весь станъ вашъ, не убойтесь браней, мечъ, огонь не коснется васъ, все отразитъ Господь — Богъ защита наша!

Успокойтесь, не огорчайтесь! Только Богомъ Его признавайте, и Онъ

Pewnie nas z tych burd wyniesie,
Już na nie nic nie dbajcie.
A ujrzy świat złośliwy,
Iż to Pan Bóg a żywy,
Pan Bóg obroną naszą!

Переводъ невѣрный, но какая поэтическая сила, какая гармонія стиха и свѣжесть въ языкѣ! Съ трудомъ можно повѣрить, что эти польскіе стихи написаны лѣтъ триста тому назадъ. Съ радостью слѣдя за этими успѣхами, которыми поэзія ознаменовала развитіе роднаго слова, мы чуть-было не забыли еще о двухъ поэтахъ, писавшихъ по-латыни. Возвратимся къ нимъ.

Григорій Вишлантій изъ Самборжа, извѣстный въ свое время ученостью и стихотворствомъ, профессоръ Краковской Академіи, человѣкъ, считавшій тотъ день потеряннымъ, въ который онъ не написалъ какихъ-нибудь стиховъ, при всемъ своемъ талантѣ занимаетъ однакоже второе мѣсто въ ряду нашихъ поэтовъ. Излишняя подражательность древнимъ римскимъ классикамъ привела его къ страшному смѣшенію понятій чисто-языческихъ съ современными убѣжденіями Польши. Современники не соблазнялись этимъ: они хотя и чтили талантъ Григорія, однако равнодушіе, съ какимъ большинство принимало его сочиненія, ихъ рѣдкость и непопулярность имени автора — все служитъ доказательствомъ тому, что чувство прекраснаго не основано на правилахъ школы, что ученая критика можетъ и воздать похвалу сочиненію, а все-таки сердце останется къ нему равнодушнымъ и не будетъ побуждать насъ къ частому его прочитыванію. Латинскія идилліи Григорія Самборскаго, каковы: *Amyn-*

избавитъ васъ отъ этихъ сплетеній, будьте только покойны. И уразумѣетъ міръ коварный, яко живъ Господь Богъ — Богъ защита наша!»

tas (1560 г.), *Ecloga* (1501 г.), *Alexis* (1566 г.) суть классическія соболѣзнованія или поздравленія львовскимъ епископамъ Лигензѣ, Тарлу, Сломовскому; въ нихъ Кастор и Поллуксъ, Аполлонъ и Музы лично являются оплакивать смерть благодѣтелей поэта, или поздравить съ полученіемъ епископской каѳедры. Въ трехъ своихъ произведеніяхъ, изданныхъ имъ подъ заглавіями: *Theoresis prima* (1561 г.), *Theoresis secunda* (1569 г.) и *Theoresis tertia* (1571 г.), онъ воспѣваетъ пребываніе Музъ, ихъ качества, дѣятельность и пѣсни, прославляетъ высокія добродѣтели своихъ бѣдныхъ родителей, въ уста Аполлона влагаетъ похвалу краковскимъ наставникамъ Альбрехту (Войтеху) Новикампіану, Венедикту изъ Козьмина, Сыльвіолѣ, Якову изъ Клепаржа, Петру изъ Самборжа. Въ элегическихъ стихотвореніяхъ воспѣваетъ онъ пораженіе Москвы, славу Петра Барзы, Іеронима Бужиньскаго и смерть Филиппа Падневскаго, епископа краковскаго (1572 г.). Онъ описалъ жизнь ученика своего св. Станислава Костки (Divi Stanislavi Costuli Poloni vita 1570). Здѣсь въ уста Станислава онъ влагаетъ слѣдующій отвѣтъ отцу, убѣждавшему сына оставить монашество.

(переводъ).

«Cóż mi ojcze powiadasz? co namowy brata?[1]
Chceż aby krynica wytrysła ze skały?
Już ja nie dla was żyję, umarłem dla świata,
W Bogu żyję, dla Boga oddałem się cały,
Już złożyłem trzy śluby ojcu najświętszemu.
Winieniem dochowywać święte śluby Boże,

[1] *Переводъ.* «Что говоришь мнѣ, отче? что мнѣ убѣжденія братнія? Хочешь ли, чтобъ изъ скалы истекалъ источникъ? Я не для васъ живу, я умеръ для міра. Въ Богѣ живу я, Богу я весь отдался; три обѣта далъ я отцу святѣйшему: я долженъ исполнить святые обѣты Божіи. Почто же

Czemu zachmurzasz czoło i zagrażasz czemu?
Zadna ojcze twa groźba zachwiać mię nie może.
Nie przebić djamentu toporem ze stali,
Chcesz głową zwalić mury, daremna igraszka!
Lew nie da się zatrwożyć jak robacy mali,
Nie schwytasz lecącego pod niebiosy ptaszka».

Въ поэмѣ: *Ченстохово* (Censtochovia 1568) онъ описалъ исторію Ченстоховскаго Образа, какъ онъ былъ ограбленъ Гусситами, торжество Богородицы и ея чудеса. Почему Григорій изъ Самборжа не жилъ во времена Кордецкаго? какимъ великимъ событіемъ онъ обогатилъ бы и возвысилъ свою поэму? Быть можетъ, святость предмета не дала бы въ ней мѣста ни Аполлону, ни Музамъ. Но еще важнѣе трудъ Григорія: *Sacra biblia vinculis metricis comprehensa*, переводъ библіи латинскими стихами. Окончивъ его въ 1563 г., Григорій написалъ стихи, въ которыхъ Муза *Полимнія* обходитъ съ просьбою всѣхъ друзей христіянства, прося у нихъ содѣйствія для напечатанія библіи. Полимнія такъ говоритъ объ авторѣ:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Od rannéj chwili wsłuchał sięzgłęboko,[1]
Jako wieszcz pański swoje psalmy dzwoni,
Ciągle na książkę wlepione miał oko,
Co ledwo większa od malutkiéj dłoni.

лицо свое омрачаешь? почто угрожаешь? Ни одна угроза твоя, отче, не можетъ поколебать меня, стальной топоръ не разрубитъ алмаза; головою хочешь разрушить стѣны—напрасно! Льва не такъ легко испугать, какъ червячка какого; птицу, носящуюся подъ облаками, поймать трудно.»

[1] *Переводъ*. «Съ ранняго утра вслушивался онъ внимательно, какъ стихъ божественный звучитъ въ своихъ пѣснях, глаза безотрывно устремлены въ книгу, которая едва больше маленькой ладони. Какъ ребенокъ, держа книгу, вперялъ онъ страстный взоръ въ таинственныя страницы, въ

Dzieckiem, oburącz dzierżąc się za księgę,
W urocze karty wpajał wzrok namiętny,
W państwo biblijne w niebieską potęgę,
W ogrody raju przenosił się chętny.
A tam jak pszczołka Hyblejska, co leci
Zwiedzać na wiosnę łąki, i ogrody,
Szukał kielicha co najświeższych kwieci,
Brał co najsłodsze, najwonniejsze miody;
Napoił piersi wonią i słodyczą,
Głos mu przejęło namaszczenie święte,
I śpiewał niebios drogę tajemniczą.
Kędy pobożnym gościńce wytknięte.
Po długich latach pracy jednakowéj,
Wykształcił pismo poczęte tak rano,
Opiewał cuda i dzieła Jehowy,
Jak w piśmie Bożém wiernie zapisano».

Но въ минуту, кипѣвшую протестантизмомъ, когда священное писаніе переводили на польскій языкъ въ стихахъ и прозѣ, латинскій переводъ библіи уже не могъ имѣть успѣха. Полинія, этотъ странный собиратель подписчиковъ, мало или даже вовсе не принесла помощи Григорію изъ Самборжа отъ людей благочестивыхъ, потому въ маѣ 1566 г. онъ едва могъ издать часть своего труда о сотвореніи неба и земли: *Bibliados Feria prima*, а все остальное затерялось въ рукописи. Переведемъ здѣсь прозою отрывокъ изъ элегіи Гри-

---

царство библейское, въ небесную силу, въ райскіе сады жадно переносился. А тамъ, подобно пчелѣ гиблейской, которая весной летитъ на лугъ и сады, искалъ онъ чашечекъ самыхъ свѣжихъ цвѣтовъ, собиралъ самый сладкій и благовонный медъ; грудь напоилъ онъ сладостью и благовоніемъ, голосъ его проникло святое вдохновеніе, и воспѣвалъ онъ таинственный путь къ небесамъ, путь гладкій и пространный для душъ благочестивыхъ. Послѣ долголѣтнихъ трудовъ усильныхъ окончилъ онъ сочиненіе, начатое такъ рано, воспѣвалъ чудныя дѣла Іеговы, какъ они вѣрно описаны въ священномъ писаніи.»

горія къ Андрею Баргелю, единоземцу Самборщика, гдѣ Григорій такъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи и лѣтахъ своей юности:

Me puerum quondam Lenticia terra caepit
Dulcis alumna mihi parva Clodarva fuit.

«Меня еще ребенкомъ приняла къ себѣ нѣкогда земля Ленчицкая, малая Клодава была моею доброю наставницей. Петръ Высцельскій нѣкогда вызвалъ меня изъ отечества туда, гдѣ полный радушія Францискъ Орловскій былъ пастыремъ стада Августиновъ. Затѣмъ его мѣсто занялъ другъ его Янъ Cathnaeus, этотъ твердый столпъ своего ордена. Пріютившись потомъ въ Куявѣ, я терпѣлъ бѣдность во градѣ Владислава, гдѣ Матѳей Высцельскій съ такой славою занимается врачебнымъ искусствомъ для блага страждущаго человѣчества. Для наукъ я переселился потомъ въ Мазовію, гдѣ настоятель черской школы Серафинъ открылъ мнѣ свой домъ и призвалъ къ столу... Я бѣдный прибылъ къ отцу въ великолѣпной, обитой коврами коляскѣ, и нашелъ его здоровымъ, хотя ко мнѣ доходили ложныя вѣсти о его смерти. Небо еще разъ дозволило мнѣ увидѣть пожилую мать и престарѣлаго отца. О сколько было радости и для меня и для нихъ! Съ веселымъ лицемъ мы сѣли за столъ, весело ѣли и пили. Георгій Гуннусъ, настоятель церкви св. Іоанна Крестителя, радъ былъ меня у себя видѣть и пожилый духовный Альбертъ изъ Кросна, и Матѳей Клешинскій, человѣкъ привѣтливый, и Ѳома, мужъ древнихъ добродѣтелей, и много другихъ помѣщиковъ, пріятныхъ въ бесѣдѣ, разумныхъ въ совѣтѣ. Въ другое время я ихъ всѣхъ перечислю, а теперь возвращаюсь къ разсказу. Не могу умолчать о Чарволинѣ и другихъ привѣтливыхъ мужахъ, которые другъ передъ другомъ готовили мнѣ у себя радуш-

ный пріемъ. Янушъ, настоятель плоцкой церкви пресв. Богородицы, осыпалъ меня дарами и благодѣяніями, Матѳей и Янъ Ленчинскіе попеременно давали въ честь мою пиры, Янъ Грыжовскій щедро снабжалъ меня деньгами. Потомъ я возвратился въ Краковъ, гдѣ, благодаря судьбѣ пріязненной, былъ въ первый разъ увѣнчанъ (prima laurea); видя во мнѣ зрѣлаго уже юношу, дали мнѣ въ управленіе школу въ русскомъ Перемышлѣ, которую Севестіанъ изъ Фульштина (Гербуртъ) въ послѣдствіи обновилъ и пополнилъ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ. Здѣсь Дзіадускій былъ первымъ пастыремъ Христова стада, а теперь Гербуртъ исполняетъ эту должность. Вызванный письмомъ изъ Перемышля во Львовъ, я былъ учителемъ тамошней гимназіи, гдѣ часто угощали меня Янъ Арундинусъ и Станиславъ Конотусъ (Conothus). Наконецъ я опять вернулся къ тебѣ, земля малопольская, и тамъ въ городѣ Ягеллона, пересѣкаемомъ Вислою, былъ вторично увѣнчанъ и сдѣланъ младшимъ товарищемъ. Съ тобою, Венедиктъ (это говоритъ онъ къ Гербесту), мы отправились въ Познань, гдѣ я привѣтствовалъ ѳому Пржедзѣцкаго, моего товарища, съ которымъ не видался отъ лѣтъ моего младенчества; онъ часто угощалъ меня и снабжалъ своими деньгами... Я возвратился младшимъ товарищемъ, а чрезъ два мѣсяца получилъ и степень старшаго, въ святилищѣ наукъ, на скамьѣ, на которой теперь уже поэтомъ пишу эту мою исторію.» Самборщикъ скончался въ 1573 г.

Потомство не присудило Григорію изъ Самборжа вѣнка поэтовъ, тѣмъ не менѣе при немъ остается честь публичнаго наставника, а наиболѣе то, что подъ его руководствомъ образовался *Янъ Димитрій Соликовскій*, богословъ, юристъ, дипломатъ, историкъ, епископъ ревностный и снисходительный, поэтъ, мужъ, бывшій въ санѣ

архіепископа львовскаго славою царствованія Стефана Баторія. Хотя поэтическія заслуги Соликовскаго, меньшія изъ всѣхъ заслугъ его, и не доставили ему виднаго мѣста въ числѣ поэтовъ нашихъ, тѣмъ не менѣе стоитъ вспомнить объ его произведеніяхъ. По-латыни имъ написаны: *Поэма о Рождествѣ Христовѣ*, *о трехъ Волхвахъ*, о *Страстяхъ Господнихъ и Воскресеніи* (Poem. de Natali Jesu Christi, de tribus Magis, Meditatio Passionis et Resurectionis Dominicae. 1562); *Уранія* — стихи на избраніе Генриха Валуа (1574); *Пруссія къ королю величайшему и лучшему* (Prussia Regi Opt. Max. 1566)—благодарность за освобожденіе отъ враговъ; эпиграммы, двустишія и т. д. Попольски въ юности своей Соликовскій написалъ поэму подъ заглавіемъ: *Лукреція римская и христіянская.* Лукреція римская — это извѣстный эпизодъ изъ исторіи Рима, а Лукреція христіянская — стихи въ честь той дѣвушки, которая бросилась съ балкона при первоначальномъ основаніи Кенигсберга. Выпишемъ заключительные стихи изъ Лукреціи, гдѣ поэтъ вооружается противъ развращенія нравовъ и любовныхъ стихотвореній:

«Ach mili poetkowie cóż tedy piszecie?[1]
Czemu świat wżdy wiérszami swojemi psujecie,
Już się nie tylko młodzi z was uczą miłować,
Lecz i starzy zaś znowu uczą się tańcować.
Już nie tylko dworzanie z nich ćwiczenie mają,
Lecz i panny już miasto modlitew czytają,
Nie trzebaż uczycielów do złego nikomu—
Umié to drugi siedząc za piecem i w domu,

[1] *Переводъ.* «Ахъ, любезные поэты! что вы это пишете? зачѣмъ развращаете міръ своими стихами? Ужь не только молодые между вами учатся любить, но и старики снова начинаютъ учиться танцовать. Въ нихъ упражняются теперь не только придворные, но и дѣвушки читаютъ

Pisaćby co lepszego poetowie mieli,
Czémby się ludzie stanów wszelakich lepszeli,
Niżli te bałamuctwa, niżli te próżności,
Które jeszcze każdego przywodzą ku złości.
Owidyusza z Rzymu dla tego wygnano,
Jabych was z świata wygnał, by mi tę moc dano.
I wy drudzy malacze, malarze co także
Czynicie niewstydliwe sztuki i wszelakie,
Marności Jowiszowe, Marsy z Wenerami,
Dobrzeby ję zaprawdę popalić i z wami,
Co wy dziś ludziom wszystkim zgorszenie czynicie,
Głupi ludzie co drogo ich prace płacicie.
A żonom i córkom waszym jako pomagacie?
Prawie sporo oleju w ogień przylewacie,
Nie patrzajcie wy na to co się w Rzymie dzieje,
Z tamtych się obyczajów każdy dobry śmieje,
Jakoż już u nas w Polsce już wszystko zwłoszało,
Bo pełno wszeteczeństwa, wstydu bardzo mało.

Здѣсь въ числѣ латинскихъ поэтовъ нужно упомянуть еще и о *Янѣ Дершнякѣ изъ Рокитницы*, прославившемся при дворѣ *Сигизмунда Августа* какъ поэтъ и ловкій придворный. Рѣдки и неизвѣстны намъ произведенія Дерш-

ихъ вмѣсто молитвъ. На злое никто не требуетъ себѣ учителя, иной знаетъ все это, сидя за печкою и дома. Но поэтамъ прилично было бы писать что-нибудь лучшее, болѣе полезное для людей всѣхъ состояній, чѣмъ эта суета и мелочи, которыя каждаго лишь къ злу приводятъ. Затѣмъ-то и Овидія изгнали изъ Рима, а я бы согналъ и васъ съ лица земли, если бы мнѣ дали на это власть. А вы, лжецы другаго рода, живописцы, воспроизводящіе всѣ безстыдныя дѣла и похожденія Юпитеровъ, Марсовъ съ Венерами — стоило бы ихъ сжечь вмѣстѣ съ вами, которые соблазняете народъ. Глупы тѣ, которые такъ дорого платятъ за эти ваши произведенія. А какъ вы поступаете съ вашими женами и дочерьми? Огонь заливаете обильно масломъ. Не обращайте вниманія на то, что происходитъ въ Римѣ. Надъ тамошними нравами смѣются всѣ добрые люди. У насъ въ Польшѣ все какъ-то устроилось по образцу итальянскому, вездѣ царство блуда — а стыда мало.»

няка, и всѣ о немъ свѣдѣнія ограничиваются нѣсколькими словами Гурницкаго, приведенными Юшинскимъ въ I. т. его Словаря Польскихъ Поэтовъ: «Вскорѣ послѣ г. Бояновскаго, «говоритъ Гурницкій, сложилъ голову и г. Дершнякъ, до «стойный человѣкъ въ Польшѣ, поэтъ, другъ друзей сво«ихъ, серьёзный въ дѣлахъ важныхъ, острый собесѣдникъ «на пирахъ, искусный въ дѣлахъ, добрый совѣтникъ, сло«вомъ — такой, какимъ похитила его у насъ безчестная «смерть.» Получивъ отъ знаменитаго переводчика Хроники Ваповскаго произведеніе Дершняка подъ заглавіемъ: *Надгробіе Петру Кмитѣ* (Epitaphium III. et Mag. D. Petri Kmithae 1553. Crac. Laz. Andreae), написанное прекраснымъ латинскимъ стихомъ. Выпишемъ его для образца:

(переводъ).

«Sic placitum divis, fatorum arcana voluntas
«Haec est, amissam tandem lugete parentem».

«Tak się niebu i tajnym wyrokom podoba,[1]
Słuszna po stracie ojca dziecinna żałoba —
Ludu! szérokim płaczem podziel płacz mój bratni,
Kmita cztérnasty z rodu, bohatér ostatni,
Chluba domu Wiśnicza, i Sarmackiéj ziemi,
Oto leży zakowan więzy śmiertelnemi.
Jedyne nasze słońce wśród burzliwéj chmury,
Zagasiła koścista dłoń śmierci ponuréj —
Oto jeno plac walki nad smutną mogiłą,
Stało się, co od wieków przeznaczoném było.

[1] *Переводъ.* «Такъ угодно Богу и тайнымъ велѣніямъ судьбы! законна печаль дѣтей по смерти отца. — Народъ! плачемъ всеобщимъ раздѣляй со мною братнюю грусть: Кмита, четырнадцатый изъ рода, богатырь послѣдній, украшеніе дома Вишнічскаго земли Сарматской, лежитъ скованный узами смерти. Единственное наше солнце среди бурной тучи помрачила костлявая рука мрачной смерти. — Вотъ поле борьбы надъ гробомъ печальнымъ! Свершилось то, что отъ начала вѣковъ было предназначено. Хотя Кмита богатырски велъ единоборство, суровыя Парки

Choć Kmita bohatérsko w zapasach się trzyma,
Przemogły srogie parki krzepkiego olbrzyma.
Piérwsza z nich więźnia we krwi zbroczonego bierze:
«Przestań, rzecze, nierównéj walki bohatérze,
«Jużci nie być w ojczyźnie, daremnie się kusisz,
«Śmiercią nieśmiertelności dosłużyć się musisz;
«Idź na szczęśliwe pole Elizejskich cieni,
«Gdzie się wiosna wieczysta radośnie zieleni!»
Rzekła, uprzędła nitkę przeznaczenia człeka,
Lachesis targa przędzę, i pasmo rozwleka,
Atropos zaś rozkrawa cały splot rozwity,
Cerber zawył w podziemí; i oto trup Kmity.
Widzi Polska zgon męża, — narodu gromada
Widzi jak on pod mieczem przeznaczenia pada —
Cóż począć? czy rozpaczać? albo niebios prosić,
Aby snadź gdy wyrokom stało się zadosyć?
Gwoli szczęścia i sławy rzeczypospolitéj
Dano drugiego męża z wielkim duchem Kmity?
Cody Piotra zastąpił i w słowach i w czynie,
Zgoił gorzkie wspomnienie Lechowéj drużynie.
Gdy nas dręczy obawa co się z krajem zdarzy —
I kiedy łzy rzęsiste płyną nam po twarzy,

пересилили крѣпкаго исполина. И первая изъ нихъ беретъ къ себѣ узника, обагреннаго кровію. «Перестань, говоритъ, богатырь, вести борь«бу неравную! Не быть тебѣ въ отечествѣ; напрасны усилія; смер«тію ты долженъ заслужить безсмертіе — иди на счастливое поле елисей«скихъ тѣней, гдѣ радостно зеленѣетъ весна нескончаемая». Сказала, покончила нить назначенія человѣка; Лахезисъ рветъ прядь и нить развлекаетъ, Атропосъ разрѣзываетъ цѣлую прядь развитую, Церберъ завылъ въ подземельи, и вотъ трупъ Кмиты. Польша видитъ кончину мужа — толпа видитъ какъ падаетъ онъ подъ мечемъ предопредѣленія. — Что дѣлать? отчаиваться? или молить небо? такъ видно волѣ судьбы было угодно. Но для счастія и славы Рѣчи Посполитой ниспосланъ другой мужъ съ великимъ духомъ Кмиты, который бы замѣнилъ Петра и словомъ и дѣломъ и оживилъ горестное воспоминаніе Леховой дружины.

Когда насъ мучитъ опасеніе, что будетъ съ отчизною, когда обильныя слезы нашъ лицо орошаютъ, смотрите, какая грозная туча кругомъ со-

Patrzcie, jak groźna burza zbiéra się do koła,
Słuchajcie, jak ojczyzna o ratunek woła;
Jęcząc i opłakując niepowrótną stratę,
Chciałaby z grobu wskrzesić wiernego Achatę,
«Biada mi! oto klęskę przewiduję z dali,
«Oto łuna pożarna w obłokach się pali,
«Trudno się ciebie Kmito odżałować dosyć,
«Z tobą i gorzką dolę lżéj było przenosić!
«Kmito! tyś przedmiot żalu, ty byłeś wesele,
«Czemu pragniesz spoczynku kiedy prac tak wiele?
«Żegnaj Piotrze!» ojczyzna już się żegna z tobą,
Idź na łono niebiosów o nasza ozdobo!
Przechodniu! westchnij żywem uczuciem przejęty,
Niechaj będzie sen jego spokojny i święty,
Niech między święte męże téj chwili doczeka,
Gdy niebiosa zabłysną tryumfem człowieka,
Gdy przyjdzie Bóg z niebiosów i do siebie zgarnie,
Prawowierne owieczki z Chrystowéj owczarnie».

ДРУГАЯ ЭПИТАФІЯ.

«Wiara Kmitów złączona z wysokiemi dzieły,[1]
«O Pietrze! żyły w tobie i z тобą spoczęły».

бирается; слушайте, какъ отечество зоветъ о спасеніи, стеня и оплакивая невозвратную потерю—она хотѣла бы воскресить изъ гроба вѣрнаго Ахатеса. «Увы мнѣ! вотъ издали я предвижу новую бурю! вотъ зарево «пожара горитъ въ облакахъ! трудно мнѣ выразить свое сожалѣніе по «тебѣ, Кмита! съ тобою легче мнѣ было сносить и горькую долю. Кмита! «ты предметъ сожалѣній! ты былъ моей радостью! Зачѣмъ идешь на покой, «когда трудовъ такъ много? Прощай, Петръ!» Отечество прощается съ тобою; иди въ обитель небесную, ты украшеніе наше! Прохожій! вздохни, проникнутый живымъ чувствомъ, да будетъ сонъ его миренъ и покоенъ; пусть между святыми дождется онъ той минуты, когда небо засіяетъ побѣдой человѣка, когда Богъ сойдетъ съ неба и возметъ къ Себѣ вѣрныя овцы стада Христова».

[1] *Переводъ.* «Вѣра Кмитовъ, соединенная съ высокими дѣлами, о «Петръ! жили въ тебѣ и умерли съ тобою».

Приведемъ еще начало *Элегіи* того же Дершняка на смерть Киниты къ плачущему народу и супругѣ Варварѣ (ad Turbam flentem et Barbaram conjugem).

(ПЕРЕВОДЪ).

«Non jacet hic Kmithae (nam vos male creditis) antro,
«Spiritus, ethereas incolit ille domos».

Tu nie leży duch Kmity jako nam się zdawa — [1]
On ninie w nadpowietrznéj dziedzinie zostawa,
Błogosławiony, święty, buja nad obłokiem,
I widzi sprawy świata nieśmiertelnem okiem.
Cóż jeśli piérwsze śmierci zarody przypomnę?
Siłę wielkiego męża, i serce niezłomne,
Żyjąc wyglądał śmierci: bo zaufał szczérze,
W nieśmiertelnym żywocie — i umarł w téj wierze.
Już przebył swoje klęski, a z życia odmianą,
Do krótkich chwil żywota wieki mu dodano,
Uszedł gromów któremi dola w nas wystrzela,
Starzec wielkiego serca poszedł w kraj wesela.
Zgon za którym płaczemy lepszy dlań zaiste,
Bo go przeniósł od ziemi w niebo wiekuiste.
Gminu! daremnie płaczesz ob umarłych kości,
Nie płacz po szczęsnym mężu — ty nie znasz przyszłości.

---

[1] *Переводъ*. «Не здѣсь лежитъ духъ Киниты, какъ это намъ кажется, нынѣ онъ пребываетъ въ горнемъ отечествѣ; благословенный, святый, онъ носится надъ облаками и видитъ дѣла міра окомъ безсмертнымъ. Что̀ если припомню первыя начала смерти? силу великаго мужа и сердце непоколебимое? Онъ жилъ и ожидалъ смерти, потому-что вѣрилъ искренно въ безсмертіе жизни и умеръ съ этою вѣрой. Онъ прошелъ бѣды свои, а съ перемѣною жизни присоединены вѣка къ краткимъ минутамъ жизни; онъ избѣжалъ тѣхъ ударовъ, которыми судьба насъ поражаетъ; старецъ съ сердцемъ великимъ, онъ перешелъ въ отчизну радости. Смерть, которую мы оплакиваемъ, поистинѣ для него пріятна, потому-что она перенесла его отъ земли въ обитель неба. Чернь! напрасно ты плачешь надъ прахомъ

Gdyby mężom po ludzku umrzeć nie sądzono,
Bóg-by corocznem życiem odmładzał mu łono.
Poco, gminu, te żale? dla czego? dla czego?
Drżące wzruszeniem słowa z twoich piersi biegą?
Przebóg! jest czego płakać — coć zostało w zysku?
Kto cię będzie od wilków bronił na pastwisku?
Tak chciała twoja dola o ludu ubogi!
Snadź cię na gorsze losy przeznaczyły bogi —
Żałować cię lub cieszyć przejętego trwogą,
Próżna praca — bo słowa nie wiele pomogą.
Co cieszyć? gdy na smutek zbiera się nanowo,
Tyle klęsk, tyle cierpień nad człowieka głową.
Nas trwożą niebo, gwiazdy, zła planeta nasza,
Nawet i słaba pszczółka człowieka przestrasza.
Opłakujesz twą stratę, i twéj szyje pęto,
Żeś we wszystko ubogi, żeć wszystko odjęto,
Że tak będzie do końca, aż z niebieskiéj woli
Kiedyś z kajdan cielesnych dusza się wyzwoli.
Że tak sądzone życia doczesnego lata,
To krótkiego żywota jedyna zapłata, —
Lecz patrzcie — to proch Kmity w pośród naszéj rzeszy,
A owa dusza jego w niebiosach się cieszy.

умершихъ; не плачь по мужѣ счастливомъ — ты не знаешь будущаго. Еслибы имъ суждено было умирать по-человѣчески, Богъ ежегодно новою жизнію возраждалъ бы ихъ лоно. Къ чему эта скорбь, народъ? зачѣмъ, зачѣмъ трепетно-трогательныя слова текутъ изъ груди твоей? Предъ Богомъ! о чемъ плакать—какая отъ того тебѣ прибыль? Кто на пастбищахъ будетъ защищать тебя отъ волковъ? Такъ угодно было твоей судьбѣ, бѣдный народъ! Видно боги предназначили тебѣ худшую участь.— Сожалѣть о тебѣ, или утѣшать тебя снятеннаго опасеніемъ—трудъ напрасный, слова не помогутъ. Къ чему утѣшать, если на зло человѣку вновь собираются тучи страданій и бѣдствій надъ его головою! Пугаютъ васъ небо, звѣзды, наша планета злая, даже слабая пчела и та насъ ужасаетъ. Оплакиваешь свою потерю и горе твоей вы, плачешь о томъ, что ты бѣденъ, что у тебя все отнято, что такъ будетъ до конца, пока по волѣ небесной душа не освободится отъ узъ тѣлесныхъ. Чтожь если

O! Kmita chwały niebios godzien niepomiernie,
I on w blasku swéj chwały miał bole i ciernie.
Przestań płakać o gminu! rozpędź chmurę z czoła,
Już go Pan do żywota więcéj nie powoła,
Nie patrz w trumnę a raczéj ku niebiesnéj stronie,
Tam duch Kmity spoczywa na przedwieczném łonie i t. d.

Знаменитый *Янъ Замойскій* оставилъ намъ нѣсколько образцовъ латинской поэзіи, драгоцѣнныхъ для насъ какъ память о великомъ мужѣ. Онъ написалъ брошюрку о своемъ родѣ; она начинается такъ: ***Stemmata quid numerem gentis nunc Kozłorogum;*** эпитафію Георгію Фаренсбаху въ лагерѣ подъ Феллиномъ; особенно же онъ отличался краткими, но полными мысли, латинскими изрѣченіями, изъ которыхъ мы приведемъ два.

Когда Бартошъ Папроцкій, первый нашъ геральдикъ, человѣкъ, о характерѣ котораго говорили очень двусмысленно, поносилъ доброе имя Замойскаго, великій гетманъ отдѣлался отъ него слѣдующимъ презрительнымъ латинскимъ двустишіемъ:

«Paprocium vatem, Bavi Maevique sodalem
Sol ungat quaeso, Jupiter ipse lavet.»

«Папроцкаго, поэта и товарища риѳмоплетовъ Мевія и «Бавія, да намаститъ Аполлонъ и омоетъ Юпитеръ.»

Любившій окружать себя людьми способными, во время похода въ Валахію онъ имѣлъ при себѣ Матѳея Пискоржѐв-

---

такъ установлены лѣта настоящей жизни, если такова награда за жизнь кратковременную? Посмотрите—межъ нами только прахъ Кмиты, а душа его уже радуется въ небесахъ. О! Кмита достоинъ безсмѣртно славы небесной—при всемъ блескѣ его славы ему не чужды были терпія страданій. Народъ, перестань плакать! прогони тучи съ чела своего. Уже Господь къ жизни не воззоветъ его болѣе; не въ гробъ, лучше смотри въ страну небесъ: тамъ почиваетъ духъ Кмиты на предвѣчномъ лонѣ и т. д.»

скаго, каноника виленскаго. Въ благодарность Пискоржевскому за то, что онъ раздѣлялъ съ нимъ труды лагерной жизни, Замойскій, осматривая вмѣстѣ съ нимъ одно болото, въ окрестностяхъ котораго по преданію жилъ Овидій во время своего изгнанія, произнесъ слѣдующіе латинскіе стихи:

«Naso et Pescoraeus Getas venere Tomosque,
«Paenae illum, hunc traxit nexus Amicitiae.»

«Овидій и Пискоржевскій посѣтили страны Гетовъ и Томовъ, одинъ въ наказаніе, другой для удовлетворенія связямъ дружбы.»

А сколько подобныхъ искръ благороднаго остроумія долженъ былъ разсыпать Замойскій въ своихъ разговорахъ съ Баторіемъ, Шимоновичемъ, Бурскимъ, Ржешкою и Кохановскимъ!

Пора уже намъ наконецъ привѣтствовать имя поэта изъ Черноліесья, князя польскихъ поэтовъ, какъ его обыкновенно и справедливо называли. *Янъ Кохановскій*, котораго Провидѣніе ниспослало для того, чтобы облагородить, придать гибкость польскому слову, поставить его на степень совершенства, до сихъ поръ ему неизвѣстную, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать, чѣмъ можетъ сдѣлаться польскій языкъ подъ перомъ искуснымъ, — Кохановскій авторскимъ образованіемъ обязанъ вліянію хорошо понятой имъ литературы древнихъ. Онъ умѣлъ схватить и воплотить въ себя животворную сторону поэтовъ греческихъ и римскихъ, инстинктивно полюбить ихъ красоты, усвоить себѣ ихъ духъ и излить его изъ себя въ полныхъ очарованія и жизни произведеніяхъ польскихъ и латинскихъ. Кохановскій, хотя и былъ въ сущности классикомъ, сдѣлался однакожъ первымъ и любимымъ народнымъ поэтомъ, по-

тому-что былъ Полякъ и сынъ своего вѣка. Благородный, чувствительный и ученый, быть можетъ слишкомъ нѣжный, сердечно привязанный къ вѣрѣ и отечеству, Кохановскій явился въ счастливую эпоху Польши, въ то время, когда съ царствованіемъ Сигизмунда-Августа стали уважать и цѣнить отечественные таланты, когда стали совершенствовать языкъ и дѣлать его болѣе сладкимъ. Онъ явился въ счастливую пору и самъ сдѣлался достойнымъ представителемъ своей золотой эпохи. Родившись въ 1532 году и получивъ первое образованіе въ отечествѣ, Кохановскій въ слѣдъ затѣмъ (около 1550 г.) уѣхалъ въ Италію, гдѣ уже образовались здравыя понятія о классической литературѣ. Манудзи въ Венеціи, а Робертелли въ Падуѣ были его наставниками. Тамъ въ числѣ сотоварищей Кохановскій нашелъ много польскихъ юношей, имена которыхъ въ послѣдствіи покрылись такою въ отечествѣ славою. На одной школьной скамьѣ съ Кохановскимъ сидѣли юный Янъ Замойскій, Лука Гурницкій, Патрицій Нидецкій. Пребываніе въ Италіи образовало его вкусъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ ослабило и крѣпость сарматской души Кохановскаго. Объ этомъ говорятъ его тогдашнія латинскія произведенія. Чтеніе Анакреона, Горація и общество итальянское выработали въ немъ ту мягкость духа, которою запечатлѣны всѣ его произведенія. Вотъ образецъ его элегій, писанныхъ за границею.

«Патрицій!—взываетъ онъ къ своему товарищу Нидецкому — война приближается. Неужели и мы пойдемъ въ ея «сонмахъ? Неужели и мы позволимъ увлечь себя въ трудную военную службу? Пускай на брань идутъ тѣ, которыхъ «снѣдаетъ жажда драгоцѣнныхъ камней и золота, а мнѣ, «привыкшему довольствоваться малымъ, вдали отъ шума и «войны, мнѣ да позволено будетъ возвратиться подъ кровъ «отечества, гдѣ горитъ огонь въ каминѣ, гдѣ щедрая Церера

«богатою жатвой награждаетъ трудъ земледѣльца. Тамъ «среди яблонь и виноградника найдетъ меня воинъ одича«лый и за полною чашей вина разскажетъ о своихъ кро«вавыхъ бранях.»

«Мелецкій! — взываетъ онъ въ другой латинской элегіи — «освободи голову отъ шишака, брось щитъ и копье, отвяжи «мечъ отъ пояса. Желѣзо не должно утопать въ крови по«вражески, зарево не должно угрожать воздѣланнымъ нивамъ, «пусть жестокіе звуки трубы военной не прерываютъ сладкой «дремоты.»

Изъ Италіи Кохановскій переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ изнѣженный ученикъ Горація и Анакреона, въ сѣтяхъ жеманной Лидіи, въ концѣ потерялъ крѣпость души сарматской. Честный, чувствительный и поэтическій Полякъ тратилъ богатства своихъ чувствъ для вѣтренной Парижанки, которая ему измѣнила. Въ примѣръ того, какъ онъ умѣлъ писать и чувствовать, приведемъ здѣсь въ нашемъ слабомъ переводѣ одну изъ его любовныхъ латинскихъ элегій.

«Quid causae esse putem nullum quod lumina somnum
«Admittunt...

«Czemuż niestety nad memi oczyma[1]
Bezsenność cięży — nocy niespożyte
We dnie i w nocy wypoczynku niéma,
Ciało znękane i serce rozbite. —
Toć nie jest febra ni insze niezdrowie,
Toć się nie dzieje ni skwarem, ni chłodem,
Cierpienie moje miłością się zowie.
«Tyś krasawico mych cierpień powodem.

[1] *Переводъ.* «Увы! зачѣмъ безсонница тяготитъ мои очи? Безконечныя ночи! Ни днемъ, ни ночью нѣтъ мнѣ отдохновенія, тѣло утомлено и сердце разбито. — Это не лихорадка, и не другая болѣзнь; это не есть слѣдствіе

O tobie mówię ujęty tęsknotą,
O tobie marzę, dla ciebię to znoszę,
Lecz przebacz, przebacz, zaklinam cię oto
Przez łuk Kupidów, przez serca roskosze, —
Żal się ademną, a osłodź gorycze.
Nie daj mię w pastwę dla marnych kłopotów,
Może jak Orfej łacniéj leśną dziczę,
Niż twoje serce przygłaskać bym gotów. —
Pieśń co kamienie i dęby sprowadza,
Nie wzrusza ciebie boś twardsza jak skała,
I święta muzy Helikońskiéj władza,
Wszędy tak dzielna przy tobie stępiała. —
Święty głos lutni zaniemiał jak sądzę,
Tyś go zdeptała w marnéj poniewierce,
Głos co rozrywał spiżowe wrzeciądze,
I ułagadzał psów zajadłych serce. —
U twoich progów, o biada mi biada
Nic mi nie służy i lira parnaska,
Stróż mię nie wpuszcza, pies wściekle ujada,
Lęcz pies i strażnik pieniem się ugłaska, —

ни жара, ни холода: страданія мои называются любовію. Ты, красавица, виною моихъ страданій. Проникнутый грустію, о тебѣ говорю я, о тебѣ мечтаю, для тебя сношу все! Но прости, прости, я заклинаю тебя лукомъ купидоновымъ, отрадою сердца; сжалься надо мною и услади мои горести. Не предавай меня въ жертву суетнымъ заботамъ! Быть можетъ, подобно Орфею, мнѣ легче удалось бы привлечь къ себѣ лѣсную дичь, чѣмъ твое сердце. Пѣснь, которая размягчаетъ камни и дубы, тебя лишь не трогаетъ—ты тверже скалы, и священная власть музы геликонской, вездѣ такъ сильная, притупилась лишь при тебѣ одной. Священный голосъ лютни онѣмѣлъ, какъ мнѣ кажется, ты его поправа суетнымъ презрѣніемъ, голосъ, который разрывалъ желѣзныя цѣпи и смягчалъ сердце псовъ разъяренныхъ.—У пороговъ твоихъ, увы мнѣ! увы! ничто мнѣ не помогаетъ—ни лира парнасская, и стражъ меня не впускаетъ и песъ лаетъ злобно, но сторожъ и песъ пѣснію смягчаются.—Стыдно будетъ, если, отправивъ теперь съ презрѣніемъ плѣнника, ты сама потомъ руки протягивать станешь; невольникъ явится тогда съ

Hańba gdy jeńców odprawisz z pogardą,
A potém sama wyciągniesz ramiona,
Niewolnik wtedy postawi się hardo
I słusznie czyni boś drogo kupiona,—
Dziś kiedy przyniósł upominek złoty
Odchodzi wzgardzon — ale jutro może
Próżno go wzywać na lube pieszczoty,
Gdy wiek zmarszczkami twe lice poorze,
I sama będziesz uskarżać się nieraz,
I narzekania wymkną się boleśne,
«Czemum nie miała rozwagi jak teraz,
«Czemu minęły wdzięki owoczesne?»
Los twój dziewicom za przykład posłuży
Że późno mądry, kto mądry po szkodzie... i t. d.

Въ Парижѣ общество молодыхъ литераторовъ, особенно Ронсара, съ которымъ Кохановскій былъ въ дружбѣ, имѣло сильное вліяніе на направленіе мыслей нашего поэта. Въ XVI вѣкѣ, послѣ варварскихъ временъ Аристотелевой философіи, послѣ монашескихъ легендъ и рыцарскаго романса, любовью къ древней литературѣ проникнулись не только ученые по призванію, но и писатели, занимавшіеся легкою, изящною литературою. Находя языки отечественные еще слишкомъ бѣдными, они старались возвысить ихъ до степени совершенства художественныхъ произведеній древности, литературу отечественную по духу и ея формѣ приблизить къ литературамъ латинской и греческой. Marot,

---

гордою осанкой и будетъ правъ, потому-что ты куплена дорогой цѣною;—теперь, когда онъ принесъ золотой подарокъ, уходитъ презрѣнный—но завтра быть можетъ напрасно звать станешь его нѣжною лаской; когда время взборозднтъ тебѣ чело морщинами, тогда не разъ сама будешь жаловаться, (изъ устъ) исторгнется ропотъ раскаянія: «Зачѣмъ я тогда не имѣла нынѣшней разсудительности? зачѣмъ миновалась красота тогдашняя? Судьба твоя останется для дѣвъ примѣромъ того, что поздно уменъ тотъ, кто уменъ послѣ утраты»... и т. д.

Dubelloy и Ronsard во Франціи были представителями этихъ стремленій. Не слѣпое подражаніе литературамъ древнихъ руководило ими, а желаніе создать у себя литературу, подобно тѣмъ богатую: то были стремленія чистаго патріотизма. Ронсáръ писалъ: «Цѣните французскій языкъ! «Своимъ завѣщаніемъ я передаю вамъ старые французскіе «обороты, которые хотятъ замѣнить словами, заимствован«ными изъ языка латинскаго.» Кохановскій геніяльно понялъ мысль своего друга: онъ началъ писать по-польски, сталъ воскрешать выраженія старыя, извлеченныя изъ нѣдръ отечественнаго слова, сталъ образовывать польскій стихъ, вводить его въ различные размѣры, которыхъ онъ самъ столько создалъ. Свое назначеніе онъ началъ съ Богомъ и отъ Бога, потому-что первое его польское произведеніе, писанное въ Парижѣ, есть превосходная молитва къ Богу. Приведемъ ее вполнѣ:

«Czego chcesz od nas Panie za twe hojne dary?[1]
Czego za dobrodziejstwa którym niemasz miary?
Kościół cię nieogarnie, wszędy pełno Ciebie,
I w otchłaniach i w morzu, na ziemi, na niebie.
Złota też wiém nie pragniesz bo to wszystko twoje,
Cokolwiek na tym świecie człowiek mieni swoje.
Wdzięczném Cię tedy sercem Panie wyznawamy,
Bo nad Cię przystojniejszéj ofiary nie znamy.
Tyś Pan wszystkiego świata, tyś niebo zbudował,
I złotemi gwiazdami ślicznieś uhaftował,

---

[1] *Переводъ.* «Чего отъ насъ требуешь, Господи, за Твои богатые дары? за Твои безмѣрныя къ намъ благодѣянія? Церковь тебя не объемлетъ, все Ты наполняешь, и бездны, и море, и землю, и небо. Золота также не пріемлешь—я знаю, потому-что все это Твое, что человѣкъ называетъ своимъ въ этомъ мірѣ. Благодарнымъ сердцемъ мы исповѣдуемъ Тебя, Господи, потому-что не знаемъ болѣе достойной для Тебя жертвы. Ты Господь всего міра; Ты воздвигъ небо и чудно усѣялъ его золотыми

Tyś fundament założył nieobeszłéj ziemi,
I przykryłeś jéj nagość zioły rozlicznemi.
Za Twojém rozkazaniem w brzegach morze stoi,
I zamierzonych granic przekroczyć się boi,
Rzeki wód nieprzebranych wszelką hojność mają,
Biały dzień a noc ciemna swoje czasy znają.
Tobie gwoli rozliczne kwiatki wiosna rodzi,
Tobie gwoli w kłosianym wieńcu lato chodzi,
Wino jesień i jabłka rozmaite dawa,
Potém do gotowego gnuśna ziemia wstawa. —
Z twéj łaski nocna rosa na mdłe zioła padnie,
I zagorzałe zboża deszcz ożywia snadnie,
Z twoich rąk wszelkie źwierze patrzy swéj żywności,
A Ty każdego żywisz z twéj szczodrobliwości.
Bądź na wieki pochwalon nieśmiertelny Panie,
Twoja łaska, Twa dobroć nigdy nieustanie,
Chowaj nas póki raczysz na téj niskiéj ziemi,
Jedno niech zawsze będziem pod skrzydłami Twemi. »

Какое блестящее начало въ вопросѣ сердца, исполненнаго благодарности! Какая картина величія Бога, который желаетъ сердца, а не золота! Какіе счастливые картинные эпитеты: *niebo uhaftowane gwiazdami* (небо усѣянное звѣз-

---

звѣздами. Ты положилъ основаніе землѣ необъятной, и наготу ея прикрылъ разнообразными растеніями. Твоимъ повелѣніемъ море заключено въ берега, и боится преступить предѣлъ ему назначенный; рѣки водъ неисчерпаемыхъ богаты всѣми дарами; бѣлый день и прачная ночь знаютъ времена свои. По Твоей волѣ весна раждаетъ разнообразные цвѣты, лѣто ходитъ въ вѣнкѣ колосистомъ, осень приноситъ виноградъ и яблоки, потомъ земля возвращается къ лѣни привольной.—По Твоей милости ночная роса падаетъ на цвѣты истощенные, и пожженные хлѣба оживляетъ дождь. Изъ Твоихъ рукъ чаетъ себѣ пищи каждое животное, и Ты всѣхъ живишь по Твоему благоутробію. Во вѣки буди препрославленъ, безсмертный Боже! Твоя милость и благость никогда не изсякнутъ. Блюди насъ до коихъ поръ Тебѣ угодно на этой низкой землѣ! Одно только— не удаляй насъ изъ-подъ крылъ Твоей благости!»

дами), ziemia nieobeszła (земля необъятная), kłosiany wieniec (вѣнокъ колосистый)! Одинъ уже этотъ примѣръ юнаго дарованія доказалъ ясно, чѣмъ можетъ быть польскій языкъ и что ожидаетъ творца этой прекрасной поэзіи. Рей изъ-Нагловицъ, также писавшій стихи, преклонилъ чело предъ Кохановскимъ и призналъ за нимъ пальму первенства. Это происходило въ одномъ шляхетскомъ домѣ Сендомирской области, гдѣ въ числѣ гостей находились юный Замойскій и старый Рей изъ-Нагловицъ; кто-то, быть можетъ самъ Замойскій, прочиталъ приведенную нами выше оду, присланную Кохановскимъ изъ Парижа,—Рей поднялся съ своего мѣста и, осыпавъ приличными похвалами прекрасное произведеніе, закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ стихомъ:

«Temu w nauce dank przed sobą dawam
«I pieśń Bogini Słowieńskiéj oddawam.»

(Тому я отдаю первенство надъ собою въ наукахъ и вручаю ему пѣснь (лиру) богини словянской.)

По возвращеніи въ отечество, съ 1560 по 1575 годъ, Кохановскій, любимый Сигизмундомъ Августомъ, проходилъ различныя степени общественной службы подъ руководствомъ государственныхъ канцлеровъ, сперва Филиппа Поднѣвскаго, а потомъ Петра Мышковскаго, благодѣтелей и друзей нашего поэта. Прекрасныя способности, такъ высоко цѣнимыя въ это время, вознесли бы его и на первыя ступени государства, еслибы не та любовь къ уединенію, которою постоянно дышалъ поэтъ, такъ хорошо понимавшій достоинство своего призванія и святую независимость. Не принялъ онъ званія сенатора, опасаясь, «чтобы роскошный Кастел-«ланъ не унизилъ въ немъ того, что можетъ произвесть Ко-«хановскій»; не хотѣлъ вступить и въ званіе духовное, хотя и сулили ему богатые доходы (prebendi), и выбралъ неза-

видное, но такъ близко гармонирующее съ поэтическимъ настроеніемъ духа состояніе деревенской жизни. Эту борьбу съ самимъ собою онъ весело изобразилъ въ макароническомъ стихотвореніи, которое, подвергшись несправедливымъ обвиненіямъ въ *неправовѣріи*, было дѣйствительно картиною чувствованій поэта въ дѣлѣ его выбора состояній. Истинная любовь къ наукѣ и скромная умѣренность выражаются во многихъ его прекрасныхъ произведеніяхъ. Вотъ какою латинскою одою онъ упрекалъ своего друга Нидецкаго, мечтавшаго о должностяхъ придворныхъ.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Quae Siren adeo blanda, canoave ita
Dulcis...

«Czy głos Syreny zwodnicy[1]
Tak czule złechtał twe nerwy,
Że cię zwiódł z drogi Patrycy
Gdyś szedł w świątynię Minerwy,
Chcesz księgi rzucić pod ławę,
Ukryć Speuzippa w zaciszy
I Platonową rozprawę
Oddać na pastwę dla myszy.
Chcesz już zamieszkać pałace,
W fortuny wpisać się bractwo,
I twoje lata i prace
Puścić na marne dworactwo.

---

[1] *Переводъ.* «Необманчивый ли голосъ Сирены такъ сильно изнѣжилъ твои нервы, что тебя, Патрицій, успѣлъ удалить съ пути, по которому шелъ ты въ святилище Минервы? Ты хочешь книги бросить подъ лавку, въ неизвѣстности сокрыть Смеузиппа и разсужденія Платона оставить въ добычу мышамъ. Хочешь жить въ дворцахъ, вписаться въ братство Фортуны и свои труды и лѣта посвятить суетѣ придворной. А небо тогда

Może aż wtedy ci nieba
Dadzą bogactwa w ogromie,
Gdy jeno będzie potrzeba
Grosza przy śmierci na promie.
Daj...»

Зналъ онъ—повторяемъ—свое достоинство, какъ поэта; онъ говоритъ:

«Kamień z laty upada, a czas nieprzetrwały[1]
Marmur łamie i spycha niebotyczne skały,
Ale szlachetne rymy taką moc miewają
Że zazdrościwe lata ich nie pokonają».

Вотъ его прекрасное посвященіе музамъ:

«Sobie śpiéwam, a Muzom: bo kto jest na ziemi[2]
Coby serce ucieszyć chciał pieśniami memi,
Kto nie woli tymczasem zysku mieć na pieczy,
Łapając grosza zewsząd, a podobno k' rzeczy.
Bo z rymów co za korzyść krom próżnego dźwięku?
Ale kto ma pieniądze ten ma wszystko w ręku,
Jego władza, jego są prawa i urzędy,
On gładki, on wymówny, on ma przodek wszędy,

быть можетъ надѣлитъ тебя огромными богатствами, когда тебѣ при смерти нуженъ будетъ одинъ только грошъ на перевозъ. Дай...»

[1] *Переводъ.* «Съ лѣтами камень рушится, а время непрожданное дробитъ мраморъ и сдвигаетъ съ мѣста заоблачныя скалы; благородная же рѣчь такою обладаетъ силой, что не побѣдитъ ее всесокрушающее время.»

[2] *Переводъ.* «Я пою себѣ и музамъ, потому-что кто на землѣ захочетъ порадовать свое сердце моими пѣснями и кто между тѣмъ не захотѣлъ бы поискать себѣ прибыли, ловя деньгу отовсюду, и все это къ дѣлу. Да и то сказать, какая польза отъ рѣчей, кромѣ пустаго звука? А у кого есть деньги, тотъ имѣетъ въ рукахъ все, и власть, и права, и чины, онъ и образованъ и краснорѣчивъ, и во всемъ онъ первый; потому неудивительно, если люди такъ гоняются за золотомъ, а поэтъ, лишенный слушателей, играетъ за заборомъ, соперничая съ кузнечиками, которые по лугамъ привѣтству-

Niedziw tedy że ludzie cisną się za złotem,
A poeta słuchaczów próżen, gra za płotem,
Przeciwiając się świerszczom które nad łąkami
Ciepłe lato witają głośnemi pieśniami. —
Jednak mam tę nadzieję, że przed się za laty,
Nie będą moje czułe nocy bez zapłaty;
A co mi za żywota ujmie czas dzisiejszy,
To po śmierci nagrodzi z lichwo wiek późniejszy.
I opatrzył to dawno syn pięknéj Latony.
Że moich kości popiół nie będzie wzgardzony. —
Przeto jako was kolwiek prosty gmin szanuje
Pannom, którym lotnego konia zdrój smakuje,
Ja jeden niech wam służe, a za cześć poczytam,
Sobie że się dróg innych niż pospólstwo chwytam,
Wy mię z ziemie wzwodzicie, wy mię wywłaczacie,
Z liczby nieznacznéj, i nad obłoki wsadzacie. —
Zkąd próżne troski ludzkie i nie męzką trwogę,
Zkąd omylną nadzieję i błąd widzieć mogę,
Za wami idąc ani o bogate złoto,
Ani o perły drogiéj ceny dbam, jako to
O rzeczy, które wedle swego zabaczenia
Raz mnie szczęście, raz temu da krom uważenia.

ютъ теплое лѣто громкими пѣснями. Надѣюсь однакожь, что хотя подъ старость, но и мои ночи не останутся безъ награды; а что при жизни отниметъ у меня вѣкъ настоящій, за то съ лихвою вознаградитъ меня по смерти позднѣйшее время. И сынъ прекрасной Латоны давно уже о томъ позаботился, чтобы прахъ костей моихъ не остался въ превратіи. Поэтому, какъ бы ни смотрѣлъ на васъ простой народъ, Дѣвы, которымъ потокъ служитъ быстрымъ конемъ, я одинъ себя вамъ посвящаю и горжусь тѣмъ, что избираю путь отличный ото всѣхъ. Вы меня съ земли поднимаете, вы извлекаете меня изъ числа людей неизвѣстныхъ, превозносите выше облаковъ. — Оттуда суетныя скитанія людей, и робкое безпокойство, надежду и заблужденіе я могу видѣть. Идя въ слѣдъ за вами, я не забочусь ни о золотѣ богатомъ, ни о жемчугѣ многоцѣнномъ, какъ о такихъ вещахъ, которыя по своей ничтожности, то имъ дадутъ счастіе, то другому, кромѣ уваженія. Но вотъ мой трудъ! Зависть безчестная, провались сквозь

Ale to moja praca: bezecna zazdrości.
Przepadnij ziemia, abym i w téj śmiertelności,
I potém był u ludzi w powieści uczciwéj,
A nie podlegał wszystek śmierci zazdrościwéj.—
Do tego mi pomożcie o Boginie święte,
Szczęściąc przyjaźnią swoją prace me zaczęte,
Wam wolno dać i niemym rybom głos łabędzi
O Panny o Jowiszów, o pięknéj pamięci.
Cny narodzie!.. i t. d.

Бросимъ взглядъ на важнѣйшія произведенія Кохановскаго въ эпоху его придворной жизни. Первое мѣсто занимаютъ здѣсь его поэтическія произведенія, посвященныя Сигизмунду Августу, какъ-то: Satyr albo Mąż dziki (Сатиръ или дикій мужъ), Proporzec albo Hołd Pruski (Знамя или дань прусская), и стихотворенія: Zgoda (Примиреніе—мировая), Marszałek (Маршалъ) и нѣсколько Fraszec (Бездѣлицы). Чтобы дать понятіе о цѣлости лучшихъ произведеній Кохановскаго изъ этой эпохи, для показанія на видъ лучшихъ выраженій, которыми онъ обогатилъ наше слово, вмѣсто выписки цѣлыхъ тирадъ, разскажемъ ихъ содержаніе, прерывая по мѣстамъ нашъ разсказъ вставками самыхъ стиховъ.

Сатира начинается слѣдующимъ предисловіемъ къ королю:

«Panie mój! (to największy tytuł u swobodnych),[1]
Nie mogę mieć na ten czas darów tobie godnych,

землю, чтобы и въ этой смертности, и послѣ, я пользовался доброю у людей честію, и весь не подвергся завистливой смерти. — Пособите мнѣ въ этомъ, о святыя богини! Дружбой своей осчастливьте начало трудовъ моихъ! Вы властны и рыбамъ нѣмымъ дать голосъ лебединый. О Дѣвы Юпитера, памяти прекрасной! Народъ честный!...» и т. д.

[1] *Переводъ.* «Государь! (это самый высшій титулъ у людей свободныхъ),

Ale jako niezawżdy wołem złotorogim,
Czasem Boga błagamy kadzidłem ubogim.
Tym przykładem racz i Ty moję tę kwapioną
Pracę za wdzięczne przyjąć, a swą przyrodzoną
Ludzkość okazać przeciw téj leśnéj potworze,
Która się tu śmié stawić na twym Pańskim dworze.
Płocha twarz baczę to sam i śmiészna postawa,
Więc nie wiém jaka przytém będzie i rozprawa.
Nie podobają mu się nasze obyczaje,
Gani rząd i postępki, jedno iż nie łaje,
Przypomina wiek dawny, a jeśli nieplecie,
Starszego jako żywo nie było na świecie.
Ale już mię sam rogiem po grzbiecie zajmuje,
Tęskno go że swéj rzeczy dawno nie sprawuje.

Послѣ предисловія Сатиръ продолжаетъ такъ:

«Хоть я съ рогами и безобразенъ, однако прежде почитали меня богомъ, а домомъ моимъ были самые глухіе лѣса; но теперь въ Польшѣ Сатиръ, изгнанный изъ лѣсовъ, долженъ искать себѣ другаго пристанища. Куда ни взгляни, вездѣ рубятъ деревья, букъ идетъ на заводы, сосна на смолу, дубъ на корабли. О жалкія деньги! изъ-за васъ-то у насъ вскорѣ недостанетъ и топлива. Теперь въ Польшѣ одни

Въ эту пору я не могу поднесть даровъ тебя достойныхъ; но такъ какъ не всегда быкомъ златорогимъ, а часто и скуднымъ омніаномъ Бога умоляемъ, то по этому примѣру благоволи и ты принять потѣшный трудъ мой какъ успѣшный, и свою врожденную кротость явить и этому лѣсному чудовищу, которое оспѣливается предстать предъ твоимъ царскимъ дворомъ. Лице его глупое—я самъ это вижу, осанка смѣшная; не знаю по этому, какою покажется и его рѣчь. Ему не нравятся наши обычаи, онъ порицаетъ наши поступки и правительство, воспоминаетъ прежнія времена, и если не лжетъ, то лучшей поры не было въ мірѣ. Но вотъ уже онъ немя рогомъ задѣваетъ—ему скучно, что самъ онъ не можетъ выступить съ своею рѣчью.»

только *купцы* и *поселяне*; довольно знать только, какъ свезти дерево или золу на берегъ, а тамъ сплавить ихъ по рѣкѣ въ Данцигъ. Въ Подоліи однако же болѣе сохранился духъ рыцарства, потому-что между Татарами сабля цѣнится дороже, чѣмъ товары.

«Время все измѣняетъ. Помню я, когда въ Польшѣ не было людей богатыхъ, земледѣлецъ только ходилъ за плугомъ, шляхта дралась мужественно: ей было ни почемъ цѣлыя семь лѣтъ бороться, переносить холодъ, жажду и голодъ, потому-что тогда заботились о славѣ, а не о золотыхъ цѣпяхъ. А хотя мы наслаждались и миромъ, никогда однако же не бросали коней и оружія, не распускали ратниковъ, юношество наше никогда не переставало упражняться въ воинскомъ искусствѣ. И республика раздвинула свои границы «между двухъ морей», и ваши права и свобода, Поляки, огласили весь міръ. Но королевства можно пріобрѣтать и терять («ostradać» вмѣсто postradać). Теперь у васъ все наоборотъ. Какъ далеко удалились вы отъ примѣра своихъ предковъ! Отцовскія гранаты вы расковали на лемехи или «куханные рожны»; въ шишакахъ сидятъ теперь насѣдки, или мѣряютъ ими овесъ. Ломовыя («Kotcze») лошади и рабочіе быки—вотъ вашъ бранный конвой; «ротмистръ—это бичъ на поселянъ», а его прежнее оружіе—острая дубинка. Но вы говорите: хозяйство обогатило Польшу; — правда, предки ваши не имѣли и не искали золота, и однако брали обширныя государства и писали законы великимъ князьямъ. Быть можетъ, не вѣрите вы, что древній Кіевъ имѣлъ семь миль въ окружности, на церквахъ золотыя крыши и стѣны изъ бѣлаго алебастра, и однако же десница вашихъ предковъ не однократно побѣждала этотъ могущественный городъ. Что и говорить вамъ о Пруссіи, гдѣ вы ежегодно бываете, плавая на плотахъ въ Данцигъ. Вѣдь

правда то, что тамъ часто попадаются города и замки, что хороши тамъ мосты и дороги, «должно-быть жили тамъ хорошіе хозяева», и однако же Поляки овладѣли прусскою землею, а они богачи «не могли отбиться отъ худыхъ (тощихъ)». Что важнаго сдѣлали вы изъ вашихъ денегъ? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Татары пять разъ водили васъ продавать Туркамъ, деспотъ валахскій два раза повторялъ свои набѣги, Шведы «достаютъ васъ изъ-за моря», завоевывая Лифляндію, только Висла защищаетъ васъ отъ Нѣмцевъ. О! по истинѣ это только начало; нужно ожидать еще худшихъ послѣдствій. Скинутъ съ васъ маску и узнаютъ, что лица Поляковъ нисколько не похожи на лица ихъ предковъ. Не полагайтесь на то, что Турки сидятъ праздно: если море на минуту и утихаетъ, то за то тѣмъ болѣе надѣлаетъ оно зла въ послѣдствіи. Не знаю, какая тамъ у васъ дружба съ Нѣмцами; то только вѣрно, что они крѣпко стерегутъ васъ «и съ каждымъ годомъ все ближе и ближе къ вамъ подвигаются». «Копайте кустарники, ройте пруды, отстроивайтесь, свозите изъ лѣсовъ строевой лѣсъ (budnice) къ Вислѣ, истребляйте лѣса на золу и *драницы* (wańczosy)»—вѣдь Полякъ названъ такъ отъ полей; но спрашиваю васъ, гдѣ вы укроетесь отъ враговъ, потому-что безъ лошадей, безъ оружія и знанія воинскаго дѣла вы не въ состояніи защищаться. Мечемъ добыты всѣ ваши права и преимущества; вѣдь это еще ничего умѣть хорошо говорить и писать, если границы не будутъ охранены вѣрнымъ воинствомъ». Золотомъ можно только привлечь, а не отразить врага; но спрашиваю васъ: гдѣ у васъ то золото, которымъ гордитесь? Добрые хозяева, и однако же вы бѣдны! Роскошь сосѣдей, роскошь васъ губитъ! вы расточаете отцовскія села и «столовое серебро оставляете у жидовъ». Роскошь поглотитъ годичные доходы, роскошь поглотитъ и

поля вмѣстѣ съ крестьянами и помѣщика. Кто-нибудь выставитъ пятьдесятъ блюдъ, а мы втрое столько выставимъ; кто-нибудь упоитъ гостя, а мы упоимъ и возницу; кто-нибудь надѣнетъ рысью шубу, а мы соболью. Станемъ носить широкіе *obercuchy* (верхнее платье), а *kabaty* (нижняя одежда) во сто злотыхъ (15 рублей серебромъ). Что же если еще мы «разрядимся по-гусарски» мѣхъ на воротникѣ? Тутъ не назови лишь Mościwym Janem (милостивымъ государемъ), тотчасъ готовы намеки. Дворъ нашъ составляютъ льстецы; въ совѣтѣ измѣнники, а кредиторы вмѣсто камердинеровъ (odźwierny) караулятъ наши двери. О! нѣтъ теперь древняго польскаго богатства. Кто теперь подумаетъ объ основаніи монастыря или замка? Кто подаритъ королю село? Мы готовы теперь ограбить и короля и священника, не обращая вниманія на то, что только пастырю свойственно брать волну со своего стада.

«Ого! — вы скажете—сейчасъ видно, что папистъ. Право нѣтъ—я Сатиръ, я не мѣшаюсь въ дѣла вѣры; хотите спорить, такъ поѣзжайте въ Тридентъ, а по моему тотъ добрый христіянинъ, кто живетъ согласно съ волею Божіею. Скажи мнѣ, какимъ образомъ дѣйствовали мечемъ старые Поляки, послушные Евангелію? Не спорили тогда о вѣрѣ, но исполняли ее на дѣлѣ. Не бывалъ я въ Лейпцигѣ, Падуѣ или Женевѣ, не знаю какъ тамъ говорятъ на проповѣдяхъ... Знаю только то, что когда лѣтъ нѣсколько тому назадъ я посѣтилъ эти страны, я нашелъ въ нихъ одно истинное благочестіе: не было тамъ алчности, и какъ теперь пользы, такъ прежде искали тамъ славы, но славы, пріобрѣтаемой не напитками или пышными обѣдами, а услугами отечеству. Не статуты, а добродѣтель управляла людьми, «добродѣтель и приличіе не прятались въ уголъ», какъ это бываетъ теперь, когда страсть

къ деньгамъ овладѣла всѣми. Прежде съ человѣкомъ подозрительной нравственности никто не садился за столъ, «предъ нимъ рѣзали скатерть, тарелку кололи ножами, и онъ поневолѣ долженъ былъ уступить, еслибы даже не хотѣлъ». Теперь можно убивать, красть, измѣнять, и преступникъ вездѣ найдетъ себѣ помощника (forytarza). Поистинѣ жены наши гораздо добродѣтельнѣе, потому-что ни одна изъ нихъ не сядетъ рядомъ съ женщиною позорнаго поведенія. Матери заповѣдали это своимъ дочерямъ, но сыновья не послушались материнихъ совѣтовъ.

«Удалились вы отъ древнихъ обычаевъ и хотите сохранить еще древнія формы суда; хотите, чтобы самъ король былъ разбирателемъ вашихъ дѣлъ. Это еще сносно было королю въ тѣ времена, когда умѣли цѣнить миръ и согласіе. Теперь, когда столько «превратныхъ» людей умножаютъ клевету и ябедничество, когда о всякой мелочи разсуждаютъ на сеймахъ, нужно имѣть желѣзную голову и терпѣніе, чтобы тутъ доискиваться правды. Или возвратитесь къ прежнимъ нравамъ, или составьте новое уложеніе, болѣе сообразное съ духомъ настоящаго времени.

«Я заговорился уже слишкомъ; но и вы нисколько не лучше меня; на вашихъ сеймахъ вы не можетъ найти конца вашимъ рѣчамъ. Прежде сеймы продолжались недѣлю, а теперь полгода; потому-то вы и потеряли Полоцкъ, что вмѣсто того, чтобы идти на битву, тратили время въ совѣщаніяхъ. Не стану подражать тѣмъ недостаткамъ, которые самъ порицаю: сейчасъ я окончу мою рѣчь; спрошу васъ только, почему, имѣя дома столько учебныхъ заведеній, вы лучше желаете отправлять своихъ дѣтей для обученія въ Германію или Италію? вѣдь стекались же къ намъ нѣкогда иноземцы. Наставниковъ своихъ вы почитаете простаками, и вправду они довольно имѣютъ ума за плату «въ десять

гривенъ». Постарайтесь о приличномъ содержаніи вашихъ наставниковъ, а они сравняются ученостью съ этою знаменитою Сорбоною; пожертвуйте на отечественныя заведенія столько же, сколько вамъ стоятъ заграничныя путешествія, и Падуя къ вамъ, а не вы въ Падую, пойдете учиться. Посылаете дѣтей за границу для изученія обычаевъ? но между добрыми есть тамъ и дурные обычаи, я не знаю, какіе изъ нихъ болѣе нравятся молодому человѣку. А мнѣ такъ кажется, что иностранное-то воспитаніе и испортило нравственность въ Польшѣ. Каждая республика живетъ своимъ духомъ, къ которому и нужно пріучать дѣтей; а коль скоро полюбятъ они что-нибудь новое, то навѣрное станутъ передѣлывать весь міръ по своему.

«О! не въ лѣсу ли ты привыкъ ко всему этому?»—спрашиваетъ кто-то у Сатира. Ба! такъ въ лѣсу.

Jedno już nie wszystkiego moja pamięć niesie,[1]
Com słyszał od Chyrona mieszkańca dziwnego,
Kiedy miał w swéj opiece Achilla młodego.
Ten w niewidnéj jaskini mieszkał między bory,
Lecz rozumiem porównał z wielkiemi doktory.
A chcecieli mię słuchać poradzę się głowy,
Mogęli co przypomnieć jego słodkiéj mowy.
Synu mój (tak ucznia zwał) pókiś w domu moim,
Nie usłyszysz nic uchem, ani okiem twoim
Ujrzysz— czémbyś się zgorszyć mógł, lecz przyjdą czasy,
Że ty i mnie pożegnasz i te piękne lasy.

---

[1] *Переводъ.* «Но память моя не удерживаетъ всего, что я слышалъ отъ Хирона, удивительнаго человѣка, въ то время, когда онъ воспитывалъ молодаго Ахилла. Онъ среди лѣсовъ обиталъ въ мрачной пещерѣ, но умомъ равнялся съ великими докторами. А коли хотите слушать меня, я посовѣтуюсь съ своей головою, не могу ли припомнить что-нибудь изъ его сладкихъ рѣчей. Сынъ мой! (такъ онъ называлъ ученика), пока въ моемъ ты домѣ, ни ухомъ своимъ не услышишь, ни глазомъ не увидишь того, что могло бы соблазнить тебя; но придетъ время, когда и меня ты оставишь, и

A jako śmiałe orle sam się z gniazda spuścisz,
A ojca już z opieki i prace wypuścisz.
Tam ci się trzeba będzie mieć na dobréj pieczy,
Abyś się nie dał uwieść jakiéj sprosnéj rzeczy!

(Затѣмъ слѣдуютъ совѣты, данные Ахиллу центавромъ Хирономъ, и потомъ Сатиръ оканчиваетъ такъ:)

«Takie przysmaki, starzec on ku cnocie dawał[1]
Wnukowi, a jam ucha nakładając stawał,
Lada gdzie przy jaskini mało myśląc o tém,
Żeby mi się to kiedy miało przydać potém.
Ale co mój za rozum? wy mię motykami
Płoszycie, a ja każę o cnocie przed wami, i t. d.

Въ стихотвореніи: *Zgoda* (примиреніе) онъ опять вооружается противъ недостатковъ народныхъ, въ *Marszałku* объясняетъ, почему онъ полюбилъ святую умѣренность, «при которой доходовъ менѣе, но зато мысль безопаснѣе и сердце свободнѣе»,—это одна изъ тѣхъ картинъ святаго поэтическаго досуга, которую нашъ поэтъ предпочиталъ «великолѣпію и титуламъ», епископскимъ митрамъ и придворной «лести за столомъ» хлѣбодавца.

Прекрасное его стихотвореніе: *Знамя или Дань прусская* начинается такъ:

Oto w zacnym ubiorze i w złotéj koronie,[2]
Siadł pomazaniec Boży na swym pańskim tronie.

эти прекрасныя рощи. Какъ смѣлый орленокъ, самъ вылетишь изъ гнѣзда и уволишь отца отъ трудовъ и опеки. Тамъ тебѣ нужно будетъ очень беречься, чтобы не увлечься какимъ-нибудь распутнымъ дѣломъ!»

[1] *Переводъ.* «Такими приманками старикъ внушалъ добродѣтель внуку; а я, напрягая слухъ, останавливался гдѣ-нибудь возлѣ пещеры, мало заботясь о томъ, пригодится ли это мнѣ когда-нибудь въ послѣдствіи. Но что за умъ у меня? вы гоняете меня мотыками, а я проповѣдую вамъ о добродѣтели...» и т. д.

[2] «Вотъ въ пышной одеждѣ и въ золотой коронѣ возсѣлъ пома-

Jabłko złote i złotą laskę w ręce mając,
A zakon najwyższego na łonie trzymając,
Miecz przed nim srogi, ale złemu tylko srogi,
Niewinnemu na sercu nie uczyni trwogi.—
Z obu stron zacny senat koronny, a w koło
Sprawiony zastęp stoi i rycerstwa czoło...

Вслѣдъ за этой блестящей картиной, поэтъ разсказываетъ причину такого торжественнаго зрѣлища. Вотъ земли пруссія, принадлежащія Польшѣ, начали наслаждаться миромъ, расковали мечи на лемехи, сабли на косы, возстановлены городскія стѣны и торговые пути. Люди, которые «въ бранномъ наводненіи погрязли съ головою», Крестоносцы, отступники церкви, на дѣла которыхъ поэтъ намекаетъ только мимоходомъ, враги Польши,—вотъ они покорены и, удостоенные помилованія, воздаютъ данническую честь. Альбертъ, сынъ княжескій, преклонивъ предъ королемъ колѣно, клянется ему въ вѣрности и въ замѣнъ получаетъ знамя. Какъ Гомеръ описываетъ щитъ Ахиллеса, такъ и Кохановскій передаетъ намъ различныя изображенія, бывшія на знамени. Лишь только распустили знамя на вѣтеръ, тотчасъ явились на немъ различные народы, короли, войска, гетманы, города и рѣки. Тамъ Пруссы воюютъ съ Мазовшанами, Конрадъ призываетъ Крестоносцевъ; тутъ Крестоносцы вмѣстѣ съ Поляками овладѣваютъ Данцигомъ, изгоняютъ Поляковъ и сами утверждаются въ городѣ; тамъ изображенія другихъ событій исторіи: сношенія съ Чехами, измѣнникъ Шамотуль-

---

занникъ Божій на своемъ царскомъ тронѣ. Держа въ рукахъ золотый скипетръ и золотую державу, въ сердцѣ напечатлѣлъ онъ законъ Высочайшаго; предъ нимъ мечъ строгости, но для однихъ только злыхъ онъ опасенъ и не можетъ потревожить сердца невинности. По обѣимъ сторонамъ почтенный сенатъ государственный, а вокругъ стоитъ грозное воинство и цвѣтъ рыцарства...»

скій, богатырь Флоріанъ Сѣрый, судъ папы надъ Крестоносцами; а тамъ на тронѣ польскій король (Людовикъ) съ разсѣянною мыслію, потому-что онъ озирался назадъ и не видѣлъ того, что происходило у ногъ его. Далѣе Ягелло соединяетъ Литву съ Польшею, огнемъ пылаютъ города и села, сожженные Крестоносцами, тамъ король ратуетъ съ Нѣмцами, тамъ Витольдъ обуздываетъ Татаръ. Дѣло подъ Короновомъ, въ которомъ оба войска отдыхаютъ среди битвы, подъ Голубемъ, гдѣ Нѣмцы, «стѣснившись въ воротахъ города, падаютъ внизъ съ моста» и другія случаи сношеній съ Крестоносцами до самой минуты наложенія на нахъ дани исчисляетъ поэтъ, какъ изображенныя на знамени. По срединѣ картины протекаетъ серебристая рѣка: это Висла. Истинно поэтически олицетворяетъ ее Кохановскій:

. . . . leżąc pod skałą przy powiewnéj trzcinie,[1]
Rozciągła Wisła leje krużem marmurowym,
Głowę mając odzianą wieńcem rokitowym. —
A do morza przychodząc drze się na trzy części...».

На берегахъ Вислы художникъ изобразилъ начатки и древнюю исторію Славянъ. Тамъ на обоихъ берегахъ Дона поселенія сарматскія, отсюда и раздѣленіе Сарматіи на европейскую и азіятскую. Нѣтъ тамъ ни замка, ни города, нѣтъ ни полевыхъ посѣвовъ, ни воловъ при плугѣ; мужи и жены отправляются на ловлю съ лукомъ, саблею, или насутъ стада «мохнатыхъ, огромныхъ быковъ.» Сарматія простирается отъ вершины горъ Прометея (Кавказскихъ) до Ледовитаго моря, а сыны ея знаютъ путь къ Риму, пролегающій чрезъ широкій Дунай мимо пограничныхъ орловъ. Племена сла-

[1] *Переводъ.* «Ложась подъ скалою при тростникѣ колеблющемся, широкая Висла изливается изъ мраморной урны, голова ея увѣнчена вѣникомъ ракитовымъ; приближаясь къ морю, она раздирается на три части».

вянскія: Венеты, Россаны (Руссы), Ляксы (Ляхи), Цехи (Чехи), Болгары, Анты, мужественно сражаясь съ цезарями, дошли до «великаго Адріанскаго (Адріатическаго) берега.» Здѣсь уже Славяне становятся народомъ осѣдлымъ: съ оружіемъ въ одной рукѣ и съ лопаткою каменщичьею въ другой, основывая остроги, защищаются они отъ наѣздовъ непріятельскихъ. Другіе изъ нихъ проникли къ «глубокой и холодной рѣкѣ Лябѣ (Эльбѣ)», такъ что границы трехъ морей стали границами славянскаго племени. По этому широкому пространству Борей несетъ Отырію, по пути его валятся дубы и сосны, рѣки застилаются ледяными мостами. Этотъ вымыселъ долженъ былъ означать то, что югъ не устоитъ въ борьбѣ съ народомъ Сѣвера. Таковы были изображенія на знамени. Альбрехтъ принялъ его, загремѣли трубы, барабаны и пушки. Здѣсь очень вѣрно передана картина шума и крика, огласившаго воздухъ.

Jako więc piorun trzaska w niepogodne czasy,[1]
A niebo chmurne huczy, i wzruszone lasy,
Łyskawice z obłoku czarnych wynikają,
A śmiertelne narody gromu się lękają.
Taki huk wstał natenczas... ».

Тогда какъ въ нынѣшней, напыщенной поэзіи громъ обыкновенно самымъ неудачнымъ образомъ *ryczy* (*реветъ*), какъ живо представляетъ нашему взору приближающуюся бурю слѣдующій простой стихъ Кохановскаго: niebo chmurne huczy i wzruszone lasy а небо мрачное гудитъ и лѣсъ закалыхался.

---

[1] *Переводъ*. «Точно какъ громъ раздается во время непогоды, а небо мрачное гудитъ и лѣсъ закалыхался, молніи возникаютъ изъ черныхъ облаковъ, и смертные народы трепещутъ громовъ: такой шумъ поднялся въ то время»...

Король поднялся съ трона, а за нимъ тронулись и всѣ съ своихъ мѣстъ, — тутъ опять прекрасное сравненіе:

. . . . tak jako więc ranny[1]
Zefir na cichém morzu podnosi bałwany
Na piérwszym słońca wschodzie, które póki czują,
Łaskawy wiatr, leniwo naprzód postępują.
Potém za duższym duchem coraz gęstsze wstają,
A płynąc przeciw słońcu daleko błyskają.
Tym kształtem ludzie wtenczas z miejsca się ruszyli...

Цѣлый день продолжаются пиры и танцы; но король не предается пиршеству: онъ думаетъ, какъ бы соединить Литву и Польшу. Здѣсь поэтъ останавливается надъ огромнымъ политическимъ значеніемъ братскаго союза между двумя народами: «До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, покамѣстъ Литва и «Польша терзали себя взаимно, Нѣмецъ усиливался на «счетъ обоихъ народовъ, а теперь, братски соединившись «между собою, мы отомстили ему за себя». Сила заключается единственно въ союзѣ и мирѣ; стремленіе къ соединенію въ общества врождено человѣку; въ соединеніи съ другими легче ему было покорять хищныхъ звѣрей, обносить города стѣнами, ограждать себя законами и творить благоустроенныя государства (Rzeczpospolite). Поэма заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ Сигизмунду Августу:

Królu zacny ludzkiego szukaj pomnożenia.[2]
A ludzi jednéj wiary i pana jednego,
Przywiedź do związku węzła nieroztargnionego.

[1] *Переводъ.* «. . . Такъ какъ утренній зефиръ на морѣ спокойномъ поднимаетъ волны при первыхъ лучахъ солнца, и онѣ, пока чувствуютъ тихое дуновеніе вѣтра, лѣниво впередъ подвигаются, потомъ при болѣе сильномъ вѣяніи поднимаются гуще, и, идя противъ солнца, далеко отражаются: такъ и люди тогда поднялись съ своихъ мѣстъ. . .»

[2] «Великій государь! ищи умноженія людей, а людей единовѣр-

Tym nieprzyjaciołowi serce masz zepsować,
A Rzeczypospolitéj pokój ugruntować.
I bezpieczeństwo całe — swemu imieniowi,
Zjednasz cześć niepodległą żadnemu końcowi.

Исполнились предсказанія поэта. — Сигизмундъ Августъ обезпечилъ союзъ двухъ народовъ, утвердилъ спокойствіе Польши и пріобрѣлъ славу своему имени. Кохановскій при дворѣ дождался исполненія своихъ предсказаній и смерти короля въ 1572 г. Когда избранный послѣ Сигизмунда Августа Генрихъ Валуа медлилъ своимъ пріѣздомъ въ Польшу, Кохановскій написалъ ему латинскую оду, потому-что со смертію Сигизмунда Августа онъ чаще сталъ писать по-латыни, чтобы быть понятымъ послѣдующими королями — не-Поляками. И въ Польшѣ языкъ латинскій снова сталъ входить въ болѣе обширное употребленіе. Вотъ начало этой оды:

(ПЕРЕВОДЪ).

Czy cię los trzyma? czy Bóg iść zabrania?[1]
Wielki Henryku — czyć droga daleka,
Tyś od nas wybran gwoli królowania,
Kiedyż Cię Polska doczeka?
Tu słychać niewiast i pacholąt krzyki,
Tu senat Polski, tu pany i starsze,
Tu śpieszy naród śpieszą urzędniki,
Ujrzeć oblicze monarsze.

ныхъ и одной власти подчиненныхъ приведи къ союзу нерасторжимаго узла. Тѣмъ ты ослабишь бодрость враговъ и утвердишь спокойствіе республики и безопасность, а своему имени пріобрѣтешь нескончаемую славу».

[1] *Переводъ.* «Судьба ль тебя удерживаетъ? Богъ ли воспрещаетъ? Генрихъ Великій — или путь тебѣ далекъ? Ты нами избранъ въ короли, когда же дождется тебя Польша?

«Здѣсь слышны крики женъ и младенцевъ; сюда сенатъ польскій, паны и старѣйшины, сюда спѣшитъ народъ, спѣшатъ и чиновники узрѣть лице царское.

Pośpiesz się Królu, choć ci żal zapewne
Rzuć na zawsze ojczystą krainę,
Rzucić pański dworzec, pożegnaj twe krewne,
Znieś męzko płacze siostrzyne.
Jasna korona oprawna w klejnoty,
Tęskliwie czeka póki Król ją włoży,
I nasze berło kunsztownéj roboty,
Czeka — Pomazańcze Boży!
«Berło któremu każdy po kolei,
Polak i Litwin ukorzyć się gotów,
I wszystka ziemia od Hyperborei,
Aż do sadziby Meotów.
«Samo twe imie sam widok twéj twarzy,
Zlęknie Pogana na wojennėm polu,
A ciężkie wrogi, drapieżni Tatarzy,
Przestaną harców w Podolu.
«Zepnij rumaka srèbrnemi ostrogi,
A idź hetmanić nad rycerstwem naszem,
Ogień jak lawę rzuć bystro na wrogi,
Druzgocz ich szyje pałaszem.
«Bogdajbym dożył widzieć cię w tymczasie,
Gdy po zwycięztwach na czele orszaków,

«Поспѣшай, король, хоть и жаль тебѣ, конечно, навсегда разстаться съ родною землею? Оставь дворецъ царскій; прощаясь съ родными, мужественно переноси вопли сестеръ.

«Свѣтлый вѣнецъ, убранный каменьями, грустно ждетъ минуты, когда монархъ ее надѣнетъ, и наша держава, художественной работы, ждетъ тебя—Помазанникъ Божій!

«Держава, передъ которой каждый поочередно и Полякъ и Литовецъ готовъ преклониться, и цѣлая страна отъ Гиперборейскаго моря до селеній Меотовъ.

«Одно твое имя, самый видъ лица испугаетъ язычника на бранномъ полѣ, а опасные враги, хищные Татары, прекратятъ набѣги на Подолію.

«Сожми коня серебряными шпорами, и иди какъ гетманъ во главѣ нашего рыцарства; огонь, какъ лаву, быстро брось на враговъ; ихъ выю поражай мечемъ.

«О! еслибы я дожилъ до того, чтобъ видѣть тебя въ то время, когда

Z wiankiem laurowym zajedziesz w kolasie,
Jak tryumfator na Kraków.
«Gdy za rydwanem iść będą xiążęta,
I wodze wrogów zakowane społem,
Gdy godła zwycięztw i chorągiew święta
Staną przed Pańskim kościołem...».

Невоинственный Генрихъ, котораго Французы, изкажая королевскій его титулъ, называли: «Henry par la Grâce de sa «mère, inutile Roy de France, Imaginaire de Pologne, Concierge «de Louvre, Ganderonneur des Collets de sa Femme, Friseur de «ses cheveux etc.» *Генрихъ милостію своей матери безполезный король Франціи, воображаемый король Польши, Камердинеръ Луврскій, Великій Стражъ воротничковъ своей жены, Парикмахеръ своихъ любовницъ*,—Генрихъ, говорю я, не осуществилъ благихъ предсказаній поэта, подобно Сигизмунду Августу. Онъ бѣжалъ изъ Польши, а Французы, его приближенные, очернили нашъ край въ своихъ сочиненіяхъ. Здѣсь по поводу Кохановскаго мы должны привести стихи французскаго поэта Деспорта, который за гостепріимство Польши отблагодарилъ ей слѣдующими стихами:

Adieu, Pologne, adieu, plaines désertes,
Toujours de neige et de glace couvertes;
Adieu, pays d'un éternel adieu; etc.

«Прощай, Польша! прощайте, пустынныя равнины, вѣчно «покрытыя льдами и снѣгомъ! прощай страна на вѣчную «разлуку! Твой климатъ и твои нравы до того мнѣ не понра-

---

послѣ побѣдъ на челѣ дружины, съ лавровымъ вѣнкомъ, ты вступишь въ колесницѣ въ Краковъ, какъ побѣдитель;

«Когда за рыдваномъ будутъ идти князья и вожди враговъ, скованные вмѣстѣ, когда трофеи побѣдъ и хоругвь священная остановятся предъ храмомъ Божіимъ...».

«вились, что развѣ судьба проклянетъ меня, если я возвра-«щусь къ тебѣ когда-нибудь. Прощай, домъ странной архи-«тектуры; прощайте, хижины, гдѣ толпятся тысячи живот-«ныхъ, дѣвушки и парни, быки и телемки все вмѣстѣ. Это «смѣшеніе представляетъ картину золотаго вѣка, о кото-«ромъ такъ сожалѣли. Что ни говорили мнѣ о вашихъ ди-«кихъ нравахъ, нарядахъ, скверныхъ городахъ и легкомы-«сліи, Сарматы! я не хотѣлъ вѣрить и не могъ допустить, «чтобы вы такъ сильно пьянствовали. Да и трудно было бы «повѣрить, еслибы я самъ не былъ у васъ. Народъ варвар-«скій и непостоянный, болтливый и самохвальный, день и «ночь запертый въ своихъ хижинахъ, всю свою забаву по-«лагающій въ стаканѣ, облокоченный на столахъ, или дрем-«лющій на землѣ! По этимъ не ужасающимъ чертамъ можно «судить и о вашемъ мужествѣ. Одно только убожество васъ «защищаетъ...» и т. д.

Кохановскій латинскимъ стихотвореніемъ подъ заглавіемъ: *Gallo crocitanti* (кудахтающему пѣтуху) побѣдоносно отвѣтилъ на эти непристойные стихи Француза.

Послѣ бѣгства Генриха, Кохановскій въ свитѣ канцлера былъ на сеймѣ Стенжицкомъ, гдѣ написалъ слѣдующую латинскую оду:

(ПЕРЕВОДЪ).

Gdzie się Wieprza kręte fale wiodą,[1]
Płynąc w Wisłę — gdzie wygnańcza strzecha,
Poderwana i podmyta wodą,
Stérczy stara sadziba Sieciecha. —
Tam oszukan lud Polskiéj krainy,
Przez ucieczkę Walezego zdradną,

[1] *Переводъ.* «Куда ведутъ крутыя волны Вѣпря, бѣгущія въ Вислу — гдѣ крыша изгнанника, подорванная и водой подмытая, тамъ торчитъ

Na płaszczyźnie szerokiéj równiny,
Zbiegł się wszystek na wiecę obradną.—
Jako trzoda któréj pastérz zginie,
Nie chce przyjąć ni wody ni paszy,
Chodzi błędna po trawnéj równinie,
Noc ją trwoży, wilk i niedźwiedź straszy.—
Czyż zostaniem bez nadziei zgoła,
Że Król przyjdzie, że nas zabezpieczy?
Kraj go wzywa, obywatel woła,
I nieszczęścia pospolitéj rzeczy.
Czyż pozwolisz wielki Boże na to,
By Król Franków przybył k' nam na nowo,
I panował nad mężnym Sarmatą,
Z uwieńczoną wawrzynami głową?
Lecz mu pono w dwoistéj koronie,
Trudno rządzić wśród tylu odmętów,
Trudno siedzieć na dwoistym tronie,
I sprawować rudel dwóch okrętów. —
Gdy nam niebo taki los przyniosło,
Niech się Polsce do praw wrócić godzi,
I rzucone przez Henryka wiosło,
Dać innemu by kierował w łodzi.

старая хижина Сѣцѣха. Тамъ народъ польской страны, обманутый измѣнническимъ бѣгствомъ Валуа, на плоскости равнины широкой сбѣжался весь на совѣтъ избирательный. — Такъ стадо, когда лишится пастыря, не хочетъ принять ни воды ни корма, блуждаетъ по тучной равнинѣ, и ночь его не безпокоитъ, и волкъ и медвѣдь не устрашаютъ. Неужели потерять намъ всякую надежду въ томъ, что придетъ король нашъ, что насъ онъ обезпечитъ? къ нему взываетъ отечество, и граждане, и несчастія республики. Великій Боже! неужели Ты дозволишь, чтобы король Франковъ снова къ намъ явился и господствовалъ надъ мужественнымъ Сарматомъ съ головою, увѣнчанною лаврами? Но ему, быть-можетъ, трудно управлять въ двойной коронѣ среди такихъ пропастей, трудно сидѣть на двойномъ престолѣ и править рулемъ двухъ кораблей? — Если небо такую участь намъ опредѣлило, да позволено будетъ Польшѣ снова возвратиться къ законному порядку, и весло, брошенное Генрихомъ, вручить

Lecz Polacy gdy wiece zebrana,
Radźcież dobrze do obrad zasiadszy,
Tego sobie wybierzcie na Pana,
Kto cnotliwszy nie zaś kto bogatszy» i t. d.

На собирательномъ сеймѣ въ Варшавѣ Кохановскій настаивалъ на избраніе кого-нибудь изъ царствующихъ домовъ. — «Я опасаюсь, говорилъ онъ, если мы будемъ держаться Пяста, чтобы не сказали, что тогда какъ одинъ король оставилъ Польшу, мы, не въ состояніи будучи нигдѣ найти себѣ короля, выбираемъ его изъ среды своей. Кто изъ Поляковъ будетъ такъ самонадѣянъ, что станетъ надмѣваться подобными надеждами?»

— А если — возразилъ подкоморій Хелмскій — найдется соотечественникъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный этой чести?

— Во всякомъ случаѣ я думалъ бы, отвѣчалъ Кохановскій, что безопаснѣе выбрать или младшаго сына императора, или сына в. князя московскаго: юный король легче могъ бы пріучиться къ нашимъ законамъ, языку и обычаямъ.

Ропотъ всеобщаго неудовольствія доказалъ поэту то, что онъ выступилъ съ мнѣніемъ, противнымъ общему желанію; онъ вышелъ изъ избирательнаго круга, и, соглашаясь съ мнѣніемъ общественнымъ, съ покорностью предоставилъ выборъ монарха волѣ Провидѣнія, написавъ латинскую оду, которая начинается такъ:

(ПЕРЕВОДЪ).

Jam kapłan muzy i nic mię nie troska,[1]
Czy cesarz zajmie stolice xiążęce,

другому, чтобы правилъ ладьею. Но, Поляки, когда вѣче уже собрано, ведите хорошо совѣты, сѣвши въ кругу совѣщательномъ, и того изберите себѣ въ государи, кто добродѣтельнѣе, а не кто богаче» и т. д.

[1] *Переводъ* «Я жрецъ музы, и меня нисколько не тревожитъ, ли-

Czyli opatrzność niezmierzona Boska,
Da nasze berło w Batorego ręce, —
Lecz proszę Boga, niech Króla stanowi,
A Sam niech pełni nad nami swą straże,
I niechaj z nieba nowemu królowi,
By nas szczęśliwił, surowo przykaże...

Въ то же время, подъ вліяніемъ тѣхъ же чувствъ, онъ написалъ польскую пѣсню къ Николаю (быть-можетъ Фирлею):

Nie frasuj sobie Mikołaju głowy,[1]
Kto ma być królem — już dekret gotowy,
Przed Bogiem leży nie piórem pisany,
Lecz w dyamencie twardym wykowany. —
. . . . . .
Precz krasomówcy! wywody na stronę!
A my gdzie w polu na słupie koronę,
Zawieśmy złotą jeśli nie mędrszemu,
Niech ją da szczęście przynajmniéj prędszemu.

Стефанъ Баторій, избранный въ короли польскіе, скоро полюбилъ нашего поэта, и самъ пришелся ему по сердцу, потому-что Кохановскій, зная лучше другихъ, какой король былъ нуженъ Польшѣ, видѣлъ въ Баторіи исполненіе своей политической молитвы. Но при польскомъ дворѣ было

нераторъ ли займетъ княжескую столицу, или благое провидѣніе божественное отдастъ нашъ скиптръ въ руки Баторія; — но я умолю Бога, да поставитъ Онъ короля и самъ будетъ нашимъ стражемъ, и да дастъ Онъ съ неба строгое поученіе новому монарху, чтобы онъ составилъ наше счастіе...».

[1] *Переводъ.* «Не безпокойся умомъ, Николай, отъ того, кто будетъ королемъ — приговоръ уже готовъ! предъ Богомъ лежитъ онъ писанный не перомъ, но совершенный на твердомъ алмазѣ... Прочь, ораторы! выгодыъ сторону! а мы гдѣ-нибудь на полѣ на столбѣ повѣсимъ корону, если не мудрѣйшему, то пусть судьба вручитъ ее по крайней мѣрѣ болѣе счастливому».

слишкомъ шумно для поэта, любившаго спокойствіе. Итакъ въ 1575 г., отказавшись отъ предложеннаго ему королемъ ежегоднаго жалованья (180 рубл. сер.) и отъ сѣцѣховскаго аббатства, шутками отдѣлавшись отъ Замойскаго, бравшагося исходатайствовать ему полоцкое кастелланство, Кохановскій поселился въ своемъ родовомъ селеніи Черноліьси, гдѣ и посвятилъ себя пріятнымъ трудамъ литературнымъ и честнымъ сельскимъ занятіямъ. Полюбивъ Анну Подлодовскую, онъ женился на ней, и вотъ какъ невинны были его мечты о своемъ будущемъ (Пѣсней книга 2. II):

Nie dbam aby ziemne skały,[1]
Po mém graniu tańcowały,
Niech mię wilcy nie słuchają,
Lasy za mną nie biegają—
Hanno tobie gwoli śpiéwam!
Ztąd jeśli twą łaskę miewam,
Przeszedłem już Amfiona,
I lutnistę Ariona...
Ja chcę podobać się w mowie,
Nauczonéj białéj głowie,
Ty mię pochwal moja pani,
Nie dbam choć kto inszy gani...
A jeśli me niskie progi,
Będą godne twojéj nogi,
Nogi pięknéj: nie potrzeba,
Dosięgnę już głową nieba.

[1] *Переводъ.* «Не нужно мнѣ, чтобы земные утесы плясали подъ звуки моей пѣсни; пускай и волки меня не слушаютъ, лѣса не бѣгутъ во слѣдъ за мной—Анна! я тебѣ пою; потому, если ты любишь меня, то я превзошелъ уже и Амфіона и доброструнаго Аріона... Въ своихъ рѣчахъ я не хочу понравиться ученой женщинѣ; лишь ты хвали меня, моя госпожа! для меня не важны чужія порицанія... А если мои низкіе пороги будутъ достойны того, чтобы черезъ нихъ переступила твоя нога, нога прекрасная: мнѣ болѣе ничего нужно, головою тогда я достану

Same cię ściany wołają,
I z dobrą myślą czekają,
Lipa stojąc w pośród dworu,
Wygląda cię coraz z boru. —
Każ bystre konie zakładać,
A sama cię gotuj wsiadać,
Teraz najweselsze czasy,
Zielenią się piękne lasy... i t d.

Нѣтъ ничего прелестнѣе тѣхъ картиноѣ деревенской жизни, которыя мы встрѣчаемъ у Кохановскаго. На домѣ его сочивала молитва:

„Panie! to moja praca, a zdarzenie twoje,[1]
Raczysz błogosławieństwo dać do końca swoje,
Inszy niechaj pałace marmurowe mają,
I szczérém złotogłowem ściany obijają. —
Ja Panie niechaj mieszkam w tém gnieździe ojczystém,
A ty mię zdrowiem opatrz i sumieniem czystém,
Pożywieniem uczciwém, ludzką życzliwością,
Obyczajmi znośnemi, nieprzykrą starością —

Подлѣ дома, «посреди двора», стояла тѣнистая липа, липа, которой онъ наказывалъ высматривать изъ-за лѣса, не идетъ ли его милая Анна, липа, подъ которою онъ любилъ сидѣть и писать и которую до того изнѣжилъ своими поэтическими

небесъ. Самыя стѣны зовутъ тебя и ожидаютъ съ веселіемъ; липа, стоящая посреди двора, постоянно высматриваетъ тебя изъ-за лѣса. —Прикажи запрягать коней быстроногихъ, сама готовься садиться въ коляску: теперь время самое веселое, зеленѣютъ прекрасные лѣса...» и т. д.

[1] *Переводъ.* «Господи! вотъ мой трудъ, а Твое благоусмотрѣніе! Благослови меня до конца Твоимъ благословеніемъ, и пусть другіе владѣютъ каменными замками и золотой парчею обиваютъ стѣны.—Я, Господи, хочу жить въ этомъ родовомъ уголкѣ; надѣли жь меня здравіемъ и чистою совѣстью, честнымъ пропитаніемъ, людскимъ доброжелательствомъ, сносными обычаями, нескучною старостію».

пѣснями, что когда однажды пріѣхалъ къ нему какой-то плохой стихотворецъ и сталъ читать свои произведенія, всѣ листья съ липы опали, какъ будто отъ мороза (Бездѣл. XIII). Липа, о которой онъ писалъ:

Uczony gościu jeśli sprawą mego cienia,[1]
Uchodzisz gorącego letnich dni promienia,
Jeślić lutnia na łonie i dzban w zimnéj wodzie,
Tém wdzięczniejszy, że siedzisz i sam przy nim w chłodzie,
Ani mię za to winem, ani poj oliwą,
Bujne drzewa najlepiéj dżdżem niebieskim żywą,
Ale mię raczéj daruj rymem pochwalonym,
Coby zazdrość uczynić mógł — nie tylko płonnym,
Ale i płodnym drzewom — a nie mów: co lipie
Do wierszów? skaczą lasy gdy Orfeusz skrzypie.

Намъ пріятно представлять себѣ Кохановскаго любующимся изъ-подъ этой липы оживленною природой весны (Пѣсней книга I, пѣснь II):

Serce rośnie patrząc na te czasy,[2]
Mało przed tém gołe były lasy,
Śnieg na ziemi wyżéj łokcia leżał,
A po rzekach wóz najcięższy zbieżał.
Teraz drzewa liście na się wzięły,
Polne łąki pięknie zakwitnęły,

[1] *Переводъ.* «Гость ученый! если моя тѣнь защищаетъ тебя отъ знойныхъ лучей лѣтняго дня, если моя лютня и кувшинъ воды холодной тѣмъ пріятнѣе для тебя, что и ты въ холодкѣ сидишь при нихъ,—не называй меня за это ни виномъ, ни масломъ: высокія деревья лучше всего оживляются дождемъ небеснымъ! Лучше ты подари меня риѳмой прекрасной, которая родила бы зависть не только въ безплодныхъ, но и въ плодовитыхъ деревьяхъ—а не говори мнѣ: на что липѣ стихи? лѣса плящутъ, когда Орфей играетъ!»

[2] «Сердце радуется, глядя на это время. Еще такъ недавно лѣса были наги, снѣгъ выше аршина покрывалъ землю, по рѣкамъ

Lody zeszły — a po czystéj wodzie
Idą statki i ciosane łodzie.
Teraz prawie świat się wszystek śmieje,
Zboża wstały, wiatr zachodni wieje,
Ptacy sobie gniazda omyślają,
A przededniem śpiéwać poczynają. —
Ale to grunt wesela prawego,
Kiedy człowiek sumienia całego... i t. d.

Тамъ онъ молилъ Бога о низпосланіи дождя нужнаго для плодородія земли (Бездѣлицы книга III):

Wszego dobrego dawco i szafarzu wieczny![1]
Tobie ziemia palona przez ogień słoneczny,
Modli się dżdżu i smętne zioła pochylone,
I nadzieja oraczów zboża upragnione,
Ściśnij wilgotne chmury świętą ręką swoją!
A one suchą ziemię i drzewa napoją,
Ogniem zjęte.....

Тамъ принималъ онъ достойныхъ гостей, каковъ Николай Фирлей, съ которымъ жилъ въ тѣсной дружбѣ, не смотря на то, что былъ магнатомъ. (Лирическія пѣсни латинскія. Ода V).

проходили самыя тяжелыя телеги. Теперь деревья листьями одѣлись, прекрасно разцвѣли полевыя нивы, льды исчезли — а по водамъ чистымъ ходятъ корабли и строганныя лодки. Теперь улыбается почти вся природа, всходятъ посѣвы, дунулъ вѣтеръ съ запада, птицы мѣста для гнѣздъ себѣ избираютъ и начинаютъ пѣть еще до разсвѣта. Но основаніе чистой радости, если человѣкъ непорочевъ совѣстію...» и т. д.

[1] *Переводъ.* «Вѣчный податель, всѣхъ благъ раздаятель! Тебѣ молится о низпосланіи дождя земля палимая солнечнымъ жаромъ травы умыло согбенныя и, надежда пахарей, жаждущая нива. Сожми влажныя тучи святой рукою Твоей, и онѣ напоятъ сухую землю и деревья огнемъ объятыя...»

(ПЕРЕВОДЪ).

Firleju! już słońce ogniste, lipcowe,[1]
Gorącym płomieniem naciska nam głowę,
A szparkich i bystrych wód fale,
Zmęczyły się płynąc w upale. —
I cicho, i głucho i pola i knieje,
Stanęły jak martwe wiatr po nich nie wieje,
Zaledwo gdzieś w cieniu na rosie,
Strzekocą koniki w przekosie. —
Gdzie jawór széroko rozwiesił swe cienie,
Tam znajdziem zielone a chłodne schronienie,
Nie będziem się troszczyć skwarami,
Ggy dach gęstoliści nad nami. —
Namaścim czupryny ku większéj ozdobie,
I w chłodku na trawie położym się sobie,
Przy różach szkarłatnych, dójrzałych, —
Przy liliach wonnych i białych. —
Pachołcy! hej wina niepróżno wam gwarzę,
Odbijcie gwoździ stary w smolonym ankarze,
I léjcie do szklenic do czarek, —
Dymiący niebieski nektarek...».

Сюда призывалъ онъ и своего бывшаго покровителя Мышковскаго, но уже не на гораціеву бесѣду, а готовя ему пріемъ вполнѣ достойный почтеннаго епископа (Латинскія элегіи).

[1] *Переводъ.* «Фирлей! уже огненное, іюньское солнце раскаленнымъ лучемъ гнететъ намъ головы, и даже волны водъ быстро текущихъ устали при зноѣ палящемъ. И тихо и глухо стоятъ кусты и поля какъ мертвые, вѣтеръ по нихъ не вѣетъ, и лишь въ тѣни на росѣ стрекочетъ кузнечикъ. Гдѣ яворъ широко-развѣсилъ свои листья, тамъ мы найдемъ себѣ зеленый, прохладный пріютъ, и зной не станетъ утомлять насъ, когда будетъ надъ нами кровъ густолиственный. Для большаго украшенія намастимъ себѣ голову и ляжемъ въ тѣни на травѣ, подлѣ розъ зрѣлыхъ, багряныхъ и лилій благоухающихъ и бѣлыхъ. Эй, слуги! вина! не напрасно говорю я вамъ! сорвите-гвоздь старый съ бутылки осмоленой и нектаромъ дышащимся, небеснымъ, наполните стаканы, бокалы...».

(ПЕРЕВОДЪ БРОДЗИНСКАГО).

Tu gdy Cię miejska wrzawa już cieszyć niezdoła,[1]
Zawróć Myszkowski wartkie twéj kolebki koła,
Progiem lichego domku nie wzgardzisz bogaty,
Bo mają lasy swoje i ubogie chaty;
Indziéj niechaj przysionek zadziwi cię złoty,
I Paryjskiego skopa kunsztownéj roboty,
Tu masz pokój nadobny bez musu zabawy,
Owoc prosto z gałązek, i lekkie potrawy,
Ranne ptaków przetwory, i powietrze czyste,
Zwierciadlane jeziora i gaje cieniste, —
A wdzięczna Hanna moja co przez lato zbierze,
Tak miłemu gościowi poznosi w ofierze,
Przy stole na skinienie twoje będzie czuwać,
I z winem nadpoczęte kielichy posuwać,
Skromnie poprosi byś chciał ubóstwu przebaczyć,
I gdyby mogła, rada nektarem cię raczyć».

Не можетъ не нравится намъ этотъ языкъ довѣренности и дружбы, которымъ поэтъ говоритъ съ вельможами. Съ такою же рѣчью онъ обращался и къ бѣднѣйшимъ своимъ друзьямъ и къ простымъ товарищамъ пира. Онъ любилъ польское равенство, истинное украшеніе пира. Пѣсн. кн. 2, пѣснь 20.

[1] *Переводъ.* «Когда шумъ городской уже не въ состояніи будетъ занимать тебя, Мышковскій, поворотн сюда быстрѣе колеса твоей коляски. Богатый, ты не презришь пороговъ убогаго домика, потому-что и убогія хаты имѣютъ лѣса; пусть въ другомъ мѣстѣ изумляютъ тебя богатые передніе и изваянія изъ мрамора паросскаго; здѣсь тебя ожидаютъ пріятное отдохновеніе безъ принужденія къ забавѣ, плоды прямо съ вѣтвей снятые и легкія блюда, утреннія пѣсни пернатыхъ, и воздухъ чистый, зеркальныя озера, тѣнистыя рощи, — а милая Анна моя все, что̀ соберетъ въ лѣто, принесетъ въ жертву гостю столь дорогому; за столомъ она будетъ ожидать твоего мановенія и подавать надпочатые бокалы съ виномъ, скромно попроситъ у тебя извинить насъ въ бѣдности, прибавивъ, что еслибы могла, она готова была бы угостить тебя и нектаромъ.»

Niech się tu nickt z państwem nie odzywa,[1]
Ani z nami powagi używa,
Przywileje powieśmy na kołku,
A tu wedle Pana siądź pachołku.

Чуждый всякой лести, любившій друзей, а не покровителей, онъ откровенно говорилъ Николаю Мѣлецкому, что любитъ его не за его гербы. (Бездѣлицы кн. 2).

Na swe złe mnieś upoił mój dobry Starosta,[2]
Bo czegoś snadź nie wiedział toć opowiem z prosta,
Mniemasz ty, że ja tobie kłaniam się dla tego,
Iżeś syn wojewody nie wiém tam jakiego,
Albo że się masz dobrze, a złota na tobie,
I na tych dosyć widzę których masz przy sobie;
Fraszka u mnie twe herby i wsi pełne kmieci,
Hańba (mówią Grekowie) bohatérskie dzieci!
A pieniądze takie są, że i źli je mają,
I co wiedzieć jako ich drudzy używają. —
Ale wiesz co mię trzyma i garnie ku tobie,
To, iż przodków twych zostać masz za lekkość sobie,
A coć Bóg dał z łaski swéj tém szafujesz bacznie,
Służąc Bogu i Rzeczypospolitéj zacnie. —

---

[1] *Переводъ.* «Здѣсь пускай никто не вызывается съ своимъ панствомъ и не начинаетъ съ нами важничать, оставимъ привилегіи на заборѣ, и ты малый садись рядомъ съ паномъ.»

[2] «Себѣ на зло ты напоилъ меня, добрый староста! Съпроста я выскажу тебѣ то, чего не зналъ ты быть-можетъ. Ты думаешь, что я тебѣ кланяюсь за то, что сынъ ты какого-то не знаю воеводы, или потому, что богатъ ты и вижу я много золота на тебѣ и на тѣхъ, которые тебя окружаютъ. Пустое для меня твои гербы и села, полные крѣпостныхъ. Позоръ (говорятъ Греки) дѣти богатырскіе! А деньги такого свойства, что и злые ихъ имѣютъ; да и къ чему знать мнѣ, какъ другіе распоряжаются ими? — Но знаешь ли, что̀ меня держитъ и привлекаетъ къ тебѣ?—это то, что ты съ такою легкостію равняешься съ своими предками, и то, что тѣмъ, что̀ далъ тебѣ Богъ по своей милости, ты распоряжаешься осторожно, вѣрно служа Богу и Республикѣ. Не презираешь ты бѣд-

Chudemi nie brakujesz, ale kto cnotliwy,
W jakimkolwiek bądź pierzu, temuś ty chętliwy,
To jest grunt — inszo rzeczy których się chwytają,
Ludzie prości jako dym wiatry roznaszają. —

Душа веселыхъ и просвѣщенныхъ собраній, будучи разъ слишкомъ надолго завлеченъ въ гости къ Машковскому, онъ такъ отпрашивался у него домой (Пѣсней книга 2, пѣснь 20):

Jaką rozumiesz zazdrość zjednałeś sobie,[1]
Zacny Biskupie w mojéj małej osobie,
Żeś mię z domu wyciągnął w te dalsze strony,
Od małych dziatek i od tęskliwéj żony.
Nie myślić ona o tém że ja przy tobie,
Głowy nie ufrasuję bynajmniéj sobie,
Że w twym pałacu mieszkam, że przy twym boku,
Siadam — koń mój, sługa mój na twym obroku,
Rychléj niesposobnego będąc świadoma,
Zdrowia mego frasuje swe serce doma,
Żebych jakiéj choroby nagłéj nie użył,
Nie mając ktoby mi w tém jéj sercem służył...
Któż wie, jeśli i tego przed się niebierze,
(Acz wątpić nie potrzeba o mojéj wierze),

выхъ; но кто добродѣтеленъ, въ какихъ бы онъ ни былъ перьяхъ, тотъ для тебя и дорогъ. Вотъ основаніе, а все прочее, за что хватаются люди простые, все это, какъ дымъ, вѣтеръ развѣваетъ.»

[1] *Переводъ.* «Какую, скажи, почтенный Епископъ, какую возбудилъ ты въ себѣ ревность въ моей малой особѣ, что такъ увлекъ меня изъ дому въ эту дальнюю сторону, отъ дѣтей малыхъ и грустной жены? Не думаетъ она конечно о томъ, что у тебя я ничѣмъ не утомлю головы своей, что живу въ твоихъ палатахъ, сажусь подлѣ тебя — а конь мой и слуга на твоемъ кормѣ; скорѣе, находясь въ неизвѣстности, она дома терзаетъ свое сердце о моемъ здоровьи, о томъ, чтобъ и я вдругъ не подвергся какой-нибудь болѣзни, не имѣя тутъ никого, кто бы замѣнилъ мнѣ ея сердце... Кто знаетъ? не приходитъ ли ей и то въ голову (хотя и не слѣдуетъ сомнѣ-

Że na świecie rodzą się takowe zioła,
Których smak pamięć domu wygładza zgoła...
A ty nie bądź przyczyną Biskupie drogi,
Niczyjéj lubo słusznéj, lubo płonnéj trwogi,
Ale złącz jakoś rozwiódł, bo acz oboje,
Twój urząd niesie, wszakże wyroki twoje
Na ludzkiéj chęci wiszą: i ja i ona
Nie pragniemy do śmierci być rozdzielona.

Мы сказали, что не съ одними только панами любилъ входить въ дружбу нашъ поэтъ съ-Черноліься. Въ его *Бездѣлицахъ*, польскихъ и латинскихъ, остались живыя изображенія лицъ и обстоятельствъ не одного дружескаго пира, какіе раздѣлялъ онъ съ болѣе мелкою и можетъ-быть слишкомъ нахальною шляхтою. Эти стихотворенія, набросанныя на бумагу въ минуты веселости, точнѣе выражаютъ духъ поэта, нежели всѣ другія его сочиненія. Тутъ есть и молитва, и нѣжное объясненіе въ дружбѣ (какъ напр. съ Андреемъ Нидецкимъ), и философскія размышленія, и горькая иронія, и сатира, и опять невинная шутка надъ собесѣдниками. Въ Бездѣлицахъ мы видимъ вѣрную, потому-что современную, картину польскаго общества, гдѣ шляхтичъ сидѣлъ «какъ будто въ корчмѣ», гдѣ частые тосты: за здоровье! дѣйствительно не разъ отнимали здоровье у пьющихъ. За столомъ поэта, гдѣ были «сыръ и ветчина», музыка и поэзія, и хмѣльное пиво и медъ, слетались гости какъ пчелы. Тутъ былъ и Конрадъ, такъ мало говорившій и такъ много ѣвшій, тотъ

ваться въ моей вѣрности), что родятся въ мірѣ и такія травы, силы которыхъ совершенно изглаживаютъ воспоминаніе о домѣ... А ты, любезный епископъ, не будь причиною ни чьего безпокойства, справедливаго, или пустаго; но какъ раздѣлилъ, такъ и соедини ты насъ, потому-что хотя и въ твоей обязанности и то и другое, но вѣдь опредѣленія твои основываются на людскомъ желаніи, а она и я не желаемъ быть раздѣленными до самой смерти.»

гость, который любилъ дѣлать долги и надъ которымъ такъ часто острилъ Кохановскій, хотя и любилъ его; тутъ былъ степенный Валекъ, которому не нравились Бездѣлицы Кохановскаго за ихъ тонъ легкій и свободный; малый Павлуша, которому поэтъ не совѣтовалъ осенью выходить на дворъ изъ опасенія, чтобы его не заклевали журавли, принявъ за пигмея, и приземистый усатый Матѳей, который скорѣе принадлежалъ къ своимъ усамъ, а не усы къ нему; тутъ былъ рыцарь въ эпанчѣ съ исполинскимъ воротникомъ, и тотъ докторъ Испанецъ, который ложился всегда трезвымъ, а вставалъ пьянымъ; и Туча, нелюбившій поэзіи, «питаемый воронами», мокрый, потому-что попалъ гдѣ-то въ ровъ; и Слива съ длиннымъ носомъ, который служилъ ему вмѣсто компаса; и панъ Козелъ, дѣлавшій штуки съ вьюномъ, тотъ самый, который, будучи пьянъ, не могъ найти своего дому и получилъ совѣтъ, что ему, какъ козлу, не помѣшаетъ отправиться ночевать въ стойло; тутъ были и Петръ и Войтекъ, оба несносные, одинъ своими пошлыми шутками, а другой своимъ неотвязнымъ дружествомъ; и музыканты Мартинъ и Бекваркъ; и Андрей Тржецескій, который въ скорбную минуту грусти поэта напоилъ его и тѣмъ доставилъ ему облегченіе; и тотъ рыжеватый съ красно-желтою бородой, который когда пилъ, то казалось, что онъ лисьимъ мѣхомъ обрамлялъ чашу; и Станиславъ Ваповскій, съ которымъ поэтъ балагурилъ о древнихъ заздравныхъ кубкахъ; и Гуска, дурачившійся всю свою жизнь и умершій на восемьдесятъпятомъ году жизни, не сказавши ничего путнаго; и охотникъ до путешествій мѣчникъ Николай Вольскій (скон. 1630 г. великимъ маршаломъ коронным); и Ибикусъ, который крещенымъ (chrzczoném) виномъ угощалъ поэтовъ, имѣя обыкновеніе зазывать къ себѣ приглашенныхъ уже гостей; и Аулусъ, изъ-за угощенія хвалившій стихи поэта, и

кокетливая Кахна въ траурѣ и съ ложнымъ румянцемъ на лицѣ, и Петръ Ройзій, и Лука Горницкій — всѣ, всѣ они толпятся предъ очами читателя свободно и непринужденно. Подъ-часъ они смѣшатъ, подъ-часъ возбуждаютъ и сожалѣніе.

Не всегда однакожь свѣтлая радость и сладкій поэтическій досугъ были удѣломъ души Кохановскаго: нѣжный отецъ лишился любимой дочери Урсулы.—Печаль свою, равно какъ и радость, повѣрилъ онъ перу и бумагѣ. Смерть любимаго дитяти, облившая кровью сердце поэта, обогатила польскую литературу девятнадцатью плачевными пѣснями (Treni). Ничего подобнаго этимъ прекраснымъ пѣснямъ, излившимся изъ сердца плачущаго отца надъ гробомъ дочери, не представляла до сихъ поръ польская литература, да и въ послѣдствіи немного представила подобнаго. Пройдемъ ихъ вкратцѣ.

То онъ призываетъ всѣ горести Симонида, всѣ слезы гераклитовы, чтобы онѣ пособили ему оплакать потерю умершей; то упрекаетъ самъ себя въ томъ, что не качалъ колыбели младенца и не слагалъ невинныхъ пѣсней мамкамъ, а это было бы ему гораздо пріятнѣе, чѣмъ теперь надъ гробомъ дочери воспѣвать плачевные трены. «Не хотѣлъ я пѣть живымъ, говоритъ онъ, такъ вотъ теперь принужденъ пѣть умершимъ.» «Ты презрѣла меня, взываетъ онъ къ дочери — госпожа моя! мое утѣшеніе! и уже не вернешься ко мнѣ, развѣ мнѣ самому пойдти въ слѣдъ тебѣ.» Онъ ропщетъ на смерть, которая отняла у него дочь «какъ юную маслину въ высокомъ саду», которая, будучи подрѣзана ножемъ неосторожнаго садовника, вдругъ изнемогаетъ и падаетъ у ногъ матери. (Тренъ VI).

Ucieszna moja śpiewaczko! Safo słowiańska![1]
Na którą nie tylko moja cząstka ziemiańska,

[1] *Переводъ.* «Утѣшительная моя пѣвица! Сафо славянская! ты, къ которой не только мое помѣстье, но и лютня по праву владѣтельному должна была

Ale i lutnia dziedzicznym prawem spaść miała,
Też nadzieję już po sobie okazywała —
Nowe piosnki sobie tworząc, nie zamykając
Ustek nigdy, ale cały dzień przyśpiewając,
Jako więc lichy słowiczek w krzaku zielonym
Całą noc prześpiéwa gardłkiem swym ucieszonym,
Prędkoś mi nazbyt umilkła!...

Потомъ обращается къ оставшимся одеждамъ ребенка, въ которыя не одѣть уже ему малютки, объятой сномъ *непробудимымъ* (nieprzespany). Къ чему теперь и узорчатое лѣтнее платье, и подарки матери, и вѣнчики и пояски позлащенные? О! не такое приданое готовила тебѣ мать; уже на мертвое тѣло мать надѣла одну лишь рубашенку и убогую ткань, а я отецъ далъ тебѣ глыбу земли въ изголовье.

«Дома мертвая тишина...» съ однимъ маленькимъ созданіемъ потеряно такъ много! Бывало ты, малютка, не позволяла ни матери предаваться заботамъ, ни отцу ломать себѣ голову излишнимъ размышленіемъ: твой лепетъ и ласки радовали родителей; теперь все это умолкло.

Поэтъ, утомленный горемъ, хочетъ быть мудрымъ и положить конецъ своей кручинѣ. «Купить бы мнѣ тебя, мудрость, дорогою цѣною,» восклицаетъ онъ — однако не можетъ быть мудрымъ, не можетъ не предаваться отчаянію... Гдѣ ты, дочь моя!? (Тренъ X).

Czy ty nad wszystkie nieba wysoko wzniesiona,[1]
I tam w liczbę Aniołków małych policzona,

перейдти въ наслѣдство! Ты собой подавала уже эти надежды, слогая себѣ новыя пѣсни, цѣлые дни не смыкая устъ, но постоянно распѣвая такъ, какъ бѣдный соловей въ зеленомъ кустарникѣ цѣлую ночь поетъ своимъ пріятнымъ голосомъ, — слишкомъ рано ты умолкла!»

[1] *Переводъ.* «Вознеслась ли ты превыше всѣхъ небесъ и тамъ причислена къ сонму маленькихъ Ангеловъ? взята ли въ рай, или уведена на острова блаженные? или Харонъ везетъ тебя чрезъ озера сон-

Czyliś do raju wzięta? czyliś na szczęśliwe
Wyspy zaprowadzona? czy cię przez tęskliwe,
Charon jeziora wiezie — i napawa zdrojem
Niepomnym, że ty nie wiesz nic o płaczu moim?
Czy człowieka zrzuciwszy i myśli dziewicze,
Wzięłaś na się postawę i piórka słowicze?...
Gdzieśkolwiek jest, jeśli jest, lituj méj żałości —
A nie możesz li w onéj dawnéj swéj całości,
Pociesz mię jako możesz, a staw się przedemną,
Albo sném, albo cieniem, lub marą nikczemną.

Ни тѣнь, ни сонъ не явились горестному отцу. Отчаяніе доводитъ его до богохульства (Тренъ XI.).

Fraszka cnota, powiedział Brutus zwyciężony,[1]
Fraszka kto się przypatrzy, fraszka z każdéj strony,
Kogo kiedy pobożność jego ratowała?
Kogo dobroć przypadku złego uchowała?
Nieznajomy wróg jakiś miesza ludzkie rzeczy,
Nie mając ani dobrych, ani złych na pieczy,
Kędy jego duch wionie żaden nie ulęże,
Praw li? krzyw li? bez braku każdego dosięże.

Онъ возобновляетъ въ памяти всѣ мелкія забавы и прекрасныя качества малютки (Тренъ XII.).

Ochędożne, posłuszne, karne nie pieszczone,[2]
Śpiewać, mówić, rymować jako co uczone,

ливыя — и напоялъ ключемъ забвенія, такъ что ты ничего не знаешь о моихъ воплях? или, быть можетъ, сбросивши съ себя человѣчество и дѣвственные помыслы, ты приняла видъ и перья соловьиныя?... Гдѣ бы ни была ты, сжалься надо мною—не можешь ли въ прежнемъ своемъ видѣ явиться мнѣ и утѣшить или сномъ, или тѣнью, или пустымъ призракомъ?»

[1] *Переводъ.* «Пустая добродѣтель!» сказалъ Брутъ побѣжденный, «пустая кто къ ней присмотрится, пустая со всѣхъ сторонъ. Когда и кого спасало благочестіе? Кого доброта защитила отъ страшныхъ злоключеній? Какой-то врагъ неизвѣстный разстроиваетъ дѣла людскія, не щадя ни добрыхъ, ни злыхъ; куда ни проникнетъ его дуновеніе, никто не устоитъ: правъ ли, виноватъ ли — онъ постигаетъ всѣхъ безъ разбора.»

[2] «Опрятное, послушное, покорное, неизнѣженное, умѣвшее

Każdego ukłon trafić, wyrazić postawę,
Obyczaje panieńskie umieć i zabawę...
Tak wielu cnót jéj młodość i takiéj dzielności,
Nie mogła znieść aż od swéj upadła bujności,
Żniwa niedoczekawszy. Kłosie mój jedyny!
Jeszcześ mi się był niestał, a ja twéj godziny
Nieczekając, znowu cię w smutną ziemię sieję...

Въ XIII тренѣ взываетъ:

Moja wdzięczna Urszulo! bodaj ty mnie była[1]
Albo nie umierała lub się nie rodziła!

«Гдѣ тѣ ворота, восклицаетъ онъ въ слѣдующемъ тренѣ, чрезъ которыя Орфей, ищущій жены своей, проникъ въ преисподнюю? — И я пойду туда! слезами и пѣсней мы умолимъ Плутона. Пусть уйдетъ отъ него добыча смерти; пусть онъ позволитъ только созрѣть незрѣлой еще ягодѣ, а потомъ пусть опять беретъ ее себѣ. Но нельзя идти въ страну вѣчности съ душею сокрушенной, нужно остаться здѣсь на землѣ».

«Не я одинъ страдаю: здѣсь вотъ мать, оплакивающая потерю семи сыновей и столькихъ же дочерей, стенаетъ надъ четырнадцатью могилами... О кто болѣзнуетъ такъ надъ умершимъ, тотъ и самъ становится камнемъ, самъ себѣ дѣлается гробомъ!»

Терзаемый печалію, поэтъ умоляетъ время, чтобъ оно исцѣлило горькія раны его сердца. Наконецъ, въ утомленіи, онъ

пѣть, говорить, складывать рѣчи, перенять поклонъ каждаго, выразить осанку, знавшее нравы дѣвичьи и забавы... столь многихъ качествъ и такого совершенства не могла снести ея молодость, и она пала отъ избытка своихъ силъ, не дождавшись жатвы. О единственный мой колосъ! Еще не окрѣпъ ты, а я, не дождавшись твоей поры, уже снова сѣю тебя въ печальную землю.»

[1] *Переводъ.* «Милая моя Уршула! лучше было тебѣ не умирать, или не родиться вовсе.»

напояетъ душу священнымъ бальсамомъ покорности волѣ Провидѣнія (Тренъ XVII).

Pańska ręka mię dotknęła,[1]
Wszystką mi radość odjęła,
Ledwie w sobie czuję duszę,
I tę podobno dać muszę...
Wiedłem swój żywot tak skromnie,
Że ledwo kto wiedział o mnie,
A zazdrość i złe przygody
Nie miały mi w co dać szkody.
Lecz Pan, który gdzie tknąć widzi,
A z przestrogi ludzkiéj szydzi,
Zadał mi raz tém zacniejszy,
Czymem już był bezpieczniejszy. —

И опять молится и кается во грѣхахъ, за которые Богъ наказалъ его (Тренъ XVIII).

My nieposłuszne Panie dzieci Twoje,[2]
W szczęśliwe czasy swoje,
Rzadko cię wspominamy,
Tylko roskoszy zwykłych używamy...
Wielkie przed Tobą są występki moje!
Lecz miłosierdzie Twoje
Przewyższa wszystkie złości;
Użyj nademną Panie Twéj litości.

---

[1] *Переводъ.* «Меня коснулась рука Господня, отняла всю у меня радость, едва чувствую въ себѣ душу, и ту вѣрно скоро отдамъ... Я такъ сиротою велъ жизнь свою, что едва кто-нибудь зналъ обо мнѣ, а зависть и злая судьба сами не знали въ чемъ нанести мнѣ вредъ. Но Господь, который видитъ гдѣ кого коснуться и насмѣхается надъ людскою безопасностію, поразилъ меня ударомъ тѣмъ ужаснѣйшимъ, чѣмъ въ большей я почиталъ себя безопасности.»

[2] *Переводъ.* «Мы непослушныя Твои дѣти, Господи! Во времена счастливыя рѣдко воспоминаемъ Тебя, а чаще пользуемся привычными удовольствіями.... Велики мои беззаконія предъ Тобою! но Твое благоутробіе превосходитъ всю мою злобу; удостой меня, Господи! Твоей милости.»

Наконецъ откровеніе, или игра воображенія, взволнованнаго воспоминаніемъ и сильнымъ чувствомъ, утѣшаетъ поэта (Тренъ XIX). «Ночью долго не можетъ онъ успокоить усталаго тѣла, едва на часъ сонъ лѣнивый разпростеръ надъ нимъ темныя крылья». Поэтъ уснулъ и видитъ: Вотъ его мать съ Уршулею на рукахъ... малютка идетъ къ отцу, какъ ходила она обыкновенно на утреннюю молитву; на ней бѣлая рубашечка (giezdeczko), кудрявые волосы, «лицо ея румяно, глаза готовы улыбнуться». Мать зоветъ поэта. «Ты спишь, Янъ! ты страждешь!»—я вздохнулъ, а она продолжала: «Твоя неутѣшная печаль привела меня къ вамъ; я принесла твою малютку, чтобъ еще разъ ты взглянулъ на нее. Неужели насъ умершихъ считаете вы навсегда погибшими? О нѣтъ! мы живемъ жизнію болѣе важною, насколько душа благороднѣе тѣла. Персть возвратится въ землю, а духъ возвратится къ Богу, отъ котораго онъ исходитъ. Твоя Уршуля живетъ среди ангеловъ, какъ свѣтлая заря утра, и молится за своихъ родителей, счастливая тѣмъ, что не испытала еще вашихъ суетныхъ радостей, за свое приданное не купила еще себѣ властелина, не испытала страданій, подобно своей матери, не дознала на опытѣ, что горестнѣе для матери: раждать, или погребать свое чадо? не знала болѣзней, старости и смерти, питающейся слезами. Таковы всѣ ваши радости! Счастлива дочь ваша, потому-что она предупредила несчастія, которыя могли ее встрѣтить; не была сиротою, не имѣла злаго мужа; татаринъ не увлекъ ея въ орду, гдѣ текутъ слезы горькаго рабства; она не осквернила грѣхами своей души. Загради печали входъ къ твоему сердцу, ищи утѣшенія въ вѣрѣ, потому-что тѣ книги, надъ которыми провелъ ты всю жизнь свою, тебя не спасутъ теперь въ смятеніи твоего духа, не укрѣпятъ истомленнаго сердца. Художникъ! врачуй самъ себя! Время

исцѣляетъ язвы сердечныя; но тебѣ неприлично полагаться на такое позднее лѣкарство, покамѣстъ новыя огорченія не искоренятъ изъ памяти прежнихъ ударовъ судьбы. Врачуй себя умомъ, будь готовымъ къ принятію счастія и несчастій! Одинъ Богъ равно есть раздаятель и горестей, и награды.»

Tu zniknęła — Jam się ocknął — Aczém prawie
Niepewien, jeślim przez sen słuchał, czy na jawie».

«Она исчезла.—Я проснулся. И самъ почти недоумѣвалъ, во снѣ ли все это я видѣлъ, или на яву.»

Такъ чувствовалъ, такъ вѣровалъ, такъ воспѣвалъ свои чувства Кохановскій въ своихъ Тренахъ! Печаль поочередно ударяетъ по всѣмъ струнамъ сердца поэта, трогаетъ всѣ страсти, воспламеняетъ воображеніе. Подобную полноту чувства мы находимъ только у Шекспира, или въ устахъ народа, когда ими говоритъ сердце. Здѣсь не Горацій, не Анакреонъ были образцами для поэта—здѣсь изливалось только то, что было въ собственномъ его сердцѣ, или, быть-можетъ, вслушался онъ въ плачевные стоны какой-нибудь деревенской матери, оплакивавшей горькую потерю любимаго дитяти.

Въ своемъ уединеніи Кохановскій перевелъ всѣ псалмы Давидовы и издалъ ихъ въ 1578 г. у Лазаря Андрусовича, въ Краковѣ, съ музыкою Николая Гомулки. Это новая струна души поэта. До сихъ поръ мы удивлялись въ немъ ограниченности желаній, непринужденной дружеской веселости, трогательной грусти отца; теперь увидимъ въ немъ поэта-христіянина, который, проникнувшись религіознымъ духомъ, усвоилъ себѣ пѣсни царя-пророка и передалъ ихъ на польскомъ языкѣ. Псалтырь Кохановскаго вѣрнѣе можно назвать перифразомъ, чѣмъ переводомъ подлинника; но чѣмъ менѣе переводъ его вѣренъ, тѣмъ онъ болѣе свободенъ, твердъ и свой-

ственъ польской рѣчи. Мелочной вѣрности нельзя даже и требовать отъ перевода псалтиря стихами, потому-что переводъ прозою, совершенный католиками и протестантами съ религіознымъ благоговѣніемъ, достаточно познакомилъ христіянство съ буквою псалмовъ Давида. Дѣло Кохановскаго состояло въ томъ, чтобы воспѣть псалмы, какъ молитву Давида—и его переводъ блестящимъ образомъ достигъ этой цѣли: если онъ и не поднялся до того высокаго паренія, не перенялъ живыхъ красокъ востока, зато его полетъ и краски именно на столько понижены и омрачены, на сколько требовалъ этого духъ языка и польскихъ понятій, менѣе живыхъ, менѣе страстныхъ. Для примѣра приведемъ здѣсь два псалма Кохановскаго, какіе попались намъ подъ руку.

ПСАЛОМЪ 104.

Duszo! śpiéwaj Panu pieśń: o nieogarniony[1]
Nieba i ziemie sprawco wielceś uwielbiony!
Ciebie obeszła w koło cześć i świetna chwała,
Ciebie jasność jako płaszcz ozdobny odziała,
Tyś niebo jako namiot rozbił ręką swoją,
Nad nim wody za Twojém rozporządzeniem stoją;
Chmury Twój wóz — Twe konie wiatry nieścignione,
Duchy posłańcy, — słudzy gromu zapalone,
Twym rozumem tak pięknie ziemia usadzona,
Że na wieki nie będzie nigdy poruszona,
Na téj jako powłoka przepaści leżały,

[1] *Переводъ.* «Душа, воспой пѣснь Господу! Безпредѣльный создатель неба и земли, Ты очень возвеличился! Кругомъ обошла Тебя честь и велелѣпіе (великая слава); Тебя одѣялъ свѣтъ, какъ риза украшенная; Ты простеръ небо какъ шатеръ рукою Своею, надъ нимъ стоятъ воды по Твоему распоряженію; облака—Твоя колесница, кони Твои—вѣтры быстрокрылые, духи посланники—слуги огнемъ горящіе. Мудростью Твоею такъ прекрасно земля утверждена, что во вѣки вѣковъ останется неподвижною. На ней бездны лежали какъ риза, а воды покрывали неизмѣримую

A góry niezmierzone wody zakrywały;—
Ale skoroś rzekł słowo, a niebo zagrzmiało,
Wody spadły, a morze na dół uciekało,
Skały ku górze poszły, pola rozciągnione
Opanowały miéjsca przez Cię naznaczone;
Zamierzyłeś kres pewny morzu, że wiecznemi
Czasy wezbrać nie może ani szkodzić ziemi,
Ty w skale ukazujesz drogę zdrojom nowym,
Które posyłek niosą rzekom kryształowym,
Tu się wszelki zwierz chłodzi, który w polu żyje,
Tu łoś mieszkaniec leśny upragniony pije,
Tamże ptacy mieszkają, a w krzakach zielonych
Nie przestają powtarzać pieśni ulubionych,
Ty z pałaców swych świętych Ojcze uwielbiony,
Spuszczasz na niską ziemię deszcz nieprzepłacony,
A ona nieprzebranéj łaski Twojéj syta,
Wszystkiego wszystkim starczy—stąd trawa obfita—
Bydłu ku pożywieniu, stąd zioła ogrodne
I wszelki rodzaj zboża, stąd wina łagodne
Dobréj myśli naczynie, stąd chleb, który snadnie
Siłę twierdzi, stąd oléj po którym twarz gładnie,
Taż wilgotność i lasy żywi niezmierzone,

высоту горъ; — но Ты изрекъ слово: небо возгремѣло, воды упали, море ушло внизъ, скалы поднялись вверхъ, и поля пространныя исходятъ въ мѣсто, которое Ты имъ предназначилъ. Морю Ты положилъ извѣстный предѣлъ, котораго на вѣки прейдти оно не можетъ и не повредитъ землѣ. Въ скалахъ указываешь Ты путь новымъ источникамъ, которые несутъ дань рѣкамъ хрустальнымъ; здѣсь прохлаждается всякій звѣрь, который живетъ въ полѣ; здѣсь утоляетъ жажду лось, лѣсной житель; тамъ живутъ птицы, въ кустахъ зеленыхъ не перестаютъ онѣ повторять любимыя свои пѣсни. Изъ святыхъ жилищъ Твоихъ, Отче великій, Ты низпосылаешь на низкую землю дождь неоцѣненный, и она насыщается Твоею неизсякаемою благостію: всѣмъ всего довольно. Отселѣ трава тучная, необходимая скоту для пропитанія; отселѣ овощи огородные, и всѣ роды хлѣба, вино пріятное, орудіе доброй мысли; отселѣ хлѣбъ, который скоро силу подкрѣпляетъ, елей, который лицо умягчаетъ; та же влага питаетъ лѣса без-

I cedry na Libanie Twą ręką szczepione,
Tam wróble gniazda noszą, jodła bocianowi,
Sarnom góra mieszkanie, skała królikowi. —
Tyś na znak czasów, sprawił błędną twarz miesięczną,
Tyś niepościgniongo słońca lampę wdzięczną
Prowadzisz do zachodu, w tym nocne ćmy wstają,
Wten czas leśne bestye wszystkie się ruszają,
Lwięta ryczą, pokarmu żądając od Ciebie,
Skoro zaś jasna zorza zakwitnie na niebie,
Zwierz do jaskiń uchodzi, ludzie na stępują
Do roboty — gdzie także do mroku pracują.
Zacne są Twoje sprawy i wielkiéj mądrości!
Pełna jest wszystka ziemia Twéj szczodrobliwości,
Pełne Panie i wody — kto wyliczyć może
Wszystkie rybie rodzaje, które żywi morze?
Tam żaglem rozpuszczonym okręty biegają,
Tam swe igrzysko srodzy wieloryby mają;
Wszystko to co jest w morzu, wszystko co na ziemi,
I co siecze powietrze pióry pierzchliwemi,
Oczy ku Tobie wznosi, który siedzisz w niebie,
I oczekiwa zwykłéj żywności od Ciebie. —
Kiedy rękę otworzysz wszyscy nasyceni,

мѣрные и кедры ливанскіе, рукою Твоей насажденные; тамъ птицы вьютъ гнѣзда, ель аисту, горы жилище оленямъ, пашни зайцамъ. Для означенія временъ Ты создалъ блуждающее лицо луны; Ты солнца недосягаемаго прекрасное свѣтило ведешь къ западу,—и является ночная тьма. Тогда поднимаются всѣ звѣри дубравные, рыкаютъ львы, взыскуя отъ Тебя пищи: но коль скоро свѣтлая заря разцвѣтетъ среди небесъ, звѣрь кроется въ пещеру; выходятъ люди на дѣло—и трудятся до вечера. Велики дѣла Твои и премудры! вся земля наполнена Твоею щедродательностію; полны и воды: кто можетъ исчислить всѣ роды рыбъ, которые питаетъ море? Тамъ съ распущенными парусами корабли преплываютъ, тамъ играютъ суровые киты; все то, что въ морѣ, и на землѣ, и что на воздухѣ держится робкими крыльями,—очи обращаетъ къ Тебѣ, Который возсидишь въ небесахъ, и ожидаетъ отъ Тебя насущнаго пропитанія. — Ты руку открываешь, все уже насыщено; лице отвратишь, всѣ возмятутся; отни-

A kiedy twarz odwrócisz wszyscy zasmuceni,
Jeśli im ducha wezmiesz, w proch się wnet obrócą,
Jeśli im ducha natchniesz na świat się zaś wrócą.
Wieczna jest pańska chwała, a on z tak mądrego
Nie przestanie się kochać nigdy czynu swego,
Pan który kiedy spójrzy ziemia drży, Pan który
Kiedy ręką gór dotknie, dymem pójdą góry... i t. d.

ПСАЛОМЪ 137.

Siedząc na niskich brzegach Babilońskiéj wody,[1]
A na piękne Syońskie wspominając grody,
Co nam inszego czynić — jeno płakać smutnie,
Powieszawszy na wierzbach niepotrzebne lutnie.
Lecz poganin niebaczny w téj naszéj żałobie,
Przed się piosnkę Syońską każe śpiéwać sobie.
Przebóg! jako ma to być, aby pieśni Pańskich[1]
Głos kiedy miał być słyszan w krainach pogańskich
Jeślibym cię zapomniał o kraina święta,
Niech moja swéj nauki ręka nie pamięta,
Niechaj mi język uschnie kiedy cię przepomnę,
Kiedy cię na początku wesela nie wspomnę. —
Pomnij wszechmocny Panie co nam wyrządzali
Edomczycy: jako w nasz ciężki dzień wołali:

мешь духъ ихъ—вдругъ они обратятся въ прахъ; вдохнешь имъ духъ—они возвратятся опять къ жизни. Слава Господня во вѣки! А Онъ никогда не перестанетъ любить столь мудрыхъ дѣяній своихъ, Господь, Который, если взглянетъ на землю, она дрожитъ; Господь, Который, если рукой къ горамъ прикоснется, онѣ дымятся.»

[1] *Переводъ.* «Сидя на низкихъ берегахъ водъ вавилонскихъ и воспоминая о сіонскихъ городахъ прекрасныхъ, что̀ намъ больше дѣлать, какъ только плакать уныло, повѣсивши на ивахъ ненужныя уже лютни? Но язычникъ, не зная этого унынія нашего, пѣть намъ повелѣваетъ пѣсни сіонскія. О предъ Богомъ! возможно ли, чтобы голосъ пѣсней Господнихъ былъ когда-нибудь слышанъ въ странахъ языческихъ! Еслибъ я забылъ тебя, о страна священная! пусть рука моя забудетъ ремесло свое; языкъ пусть

«Zagubcie ten zły naród — ogniem miasto spalcie,
A ich mury do gruntu samego rozwalcie!»
Ale i ty Babilon, strzeż dobrze swéj głowy,
Bo już wisi upadek nad tobą gotowy,
Szczęśliwy, któryć na nas odmierzy swe winy,
A o skałę roztrąci twe nieszczęsne syny.

Кромѣ красотъ очаровательной библейской поэзіи, которыя относятся къ подлиннику, переводчикъ выраженіями: dészcz nieprzepłacony (дождь неоцѣненный), chléb siłę utwierdza (хлѣбъ подкрѣпляетъ силы), błędna twarz miesięczna (блуждающее лицо луны), jasna zorza zakwitnie na niebie (свѣтлая зоря разцвѣтаетъ въ небесахъ), ptak siecze powietrze pióry pierzchliwemi (птица разсѣкаетъ воздухъ робкими перьями) и т. д., безспорно обогатилъ польское слово.

Въ 1583 г., на бракосочетаніе Яна Замойскаго съ Гризельдою-Баторій, Кохановскій написалъ, или, лучше, поспѣшно изготовилъ польскую драму: «*Отправленіе греческихъ пословъ*» (о которой мы скажемъ обширнѣе въ отдѣлѣ о драматической поэзіи) и брачное стихотвореніе на латинскомъ языкѣ. Драма была разыграна въ Уяздовѣ, а брачное стихотвореніе подъ звуки лютни пѣлъ королевскій пѣвецъ Христоферъ Клабонусъ.

Въ слѣдъ за тѣмъ торжество Стефана Баторія надъ Москвою было воспѣваемо Кохановскимъ. Война, начавшаяся завоеваніемъ Полоцка (1579) и окончившаяся трактатомъ въ Хи-

---

прильпнетъ къ гортани моей, если забуду тебя, если не вспомню я тебѣ—въ началѣ веселія. Вспомни, Боже всемогущій, что сдѣлали намъ сыны Эдома? Въ тяжелый для насъ день взывали они: «Истребите этотъ злой народъ, огню городъ предайте, и стѣны ихъ разрушьте до основанія!» Но и ты, Вавилонъ, береги свою голову, потому-что готово уже твое паденіе. Блаженъ, кто воздастъ за наши вины и о скалу разобьетъ твоихъ несчастныхъ младенцевъ!»

веровой-Горкѣ (1582) г, вызвала латинскую оду: *На взятіе Полоцка*, потомъ польскую: *Вторженіе въ Московское Государство* (do Moskwy) *Христофора Радзивилла*, и наконецъ латинское: *Epinicion*, въ честь Баторія. До взятія Полоцка Кохановскій ничего не писалъ въ честь Баторія, потому-что онъ не принадлежалъ къ разряду поэтовъ-нахлѣбниковъ (chlebo-żądnych), для которыхъ не только коронація или сватьба, но и день рожденія монарха служитъ прекраснымъ предметомъ для пѣсни. Кохановскій не прежде ударилъ въ струны своей лютни, покамѣстъ не убѣдился, что герой его есть истинный герой. Такой характеръ, такія дѣянія, какъ Баторіевы, непремѣнно требовали пѣсни. Здѣсь не дань лести, но взаимное сближеніе двухъ великихъ геніевъ вдохновило поэта; не изъ ласкательства, но единственно отдавая дань справедливости, признанной всѣмъ народомъ, онъ написалъ о Баторіѣ слѣдующее въ латинской одѣ:

(ПЕРЕВОДЪ).

O! Tego króla na szczęśliwe lata,[1]
Dały nam nieba łaskawe bez miary,
By po dawnemu był sławien Sarmata,
I swe odzyskał sztandary.

Nie z taką myślą odpierał napaści,
Że się wczasować będzie w dyademie,
I assyryjskim balsamem namaści,
I na węzgłowiu zadrzemie.-

---

[1] *Переводъ.* «О! этого короля для нашего счастія дало намъ безмѣрно милосердое небо, чтобы по-прежнему былъ славенъ Сарматъ и возвратилъ свои знамена.

«Не съ тою мыслію отражалъ онъ нападенія, чтобы потомъ отдыхать въ порфирѣ, намащаться ассирійскимъ бальзамомъ и отдыхать на изголовьи. —

Lub że pyjając nektar z winogronu,
Co gzieś w zamorskim urodził się świecie,
Będzie oparty na poręczy tronu,
Zbytkować w ciągłym bankiecie.

Nad wszelką roskosz, nad powab nietrwały,
Nad marny połysk klejnotów i złota,
On waży chwałę, pragnie nabyć chwały,
Choćby okupem żywota.

Въ *Эпиникіонѣ*, исчисливъ добродѣтели и крѣпость души Баторія, онъ разсказываетъ, какъ Баторій, избранный Поляками, побѣдивъ усилія императора и простившись съ родной землею, торжественно вступилъ въ Польшу, какъ примирилъ онъ и успокоилъ разрозненные умы. Потомъ поэтъ, вновь призывая музъ, повѣствуетъ, какъ Русскіе заняли Полоцкъ, какъ Стефанъ поразилъ ихъ подъ Венденомъ, получивъ богатую добычу, какъ взялъ Полоцкъ кроткимъ обращеніемъ съ его обитателями, овладѣлъ Сузою, Вѣлижемъ, Усвятомъ, Псковомъ, Торопцемъ, Невелемъ, Озерищемъ, какъ Москва уступила Польшѣ обѣ стороны Двины. Стефанъ, подвигаясь далѣе, овладѣваетъ Псковомъ, борясь не столько съ непріятелемъ, сколько съ ужасною стужей; но тутъ вмѣшательство папы положило конецъ его подвигамъ. Поэтъ оканчиваетъ выраженіемъ восторга къ доблестямъ Стефана и пожеланіями ему всѣхъ благъ.

«Или съ тѣмъ, чтобы, испивая нектаръ виноградный, который родился гдѣ-то въ странахъ заморскихъ, опершись о спинку трона, роскошествовать на пирахъ безпрерывныхъ.

«Выше всякой роскоши, выше непостоянныхъ приманокъ, суетнаго блеска золота и камней драгоцѣнныхъ, онъ ставитъ славу, желаетъ пріобрѣсть ее, хотябы цѣною жизни.»

(ПЕРЕВОДЪ).

Niech jeno parka przysporzy ci wieku,[1]
Niech młodość z liców rycerskich nie schodzi,
Ojczysta ziemi! ach po takim człeku,
Czegoż się tobie spodziéwać nie godzi?
Może się cofniesz przed Szwedzkiemi wrogi,
Coby nas doma odwiedzić ochoczy?
Lub może Scyta przez Dnieprzańskie progi,
Na twoją ziemię choćby nogą wkroczy?—
Pont jak zadawna granicą nam stanie,
Pustoszne niwy odrodzą się z chleba,
Winna latorosl da sute zebranie,
I mury grodów wzniosą się do nieba.

Во *Вторженіи въ Москву* Христофора Радзивилла, полеваго гетмана в. к. лит., поэтъ воздаетъ честь Радзивиллу, который, пріучившись къ битвамъ еще подъ Улою подъ руководствомъ отца (Николая), теперь подъ Псковомъ «возобновляетъ заросшій путь Витольдовъ». Не желая долѣе сидѣть въ Витебскѣ, полевый гетманъ поспѣшаетъ въ Вѣлижъ, переплываетъ Двину, летитъ впередъ съ своимъ отрядомъ и коней своихъ поитъ въ Торошнѣ. Въ Дрогочовси отдыхаетъ; тамъ на помощь къ нему приходятъ Филонъ Кмита и Гарабурда. Тамъ протекаетъ рѣка Мёза, не подалеку церкви Покрова Богородицы; къ гетману является гонецъ и сообщаетъ вѣсть о непріятелѣ; гетманъ обращается къ вои-

[1] *Переводъ.* «Пусть только парка вѣкъ твой продолжитъ, пусть юность не сходитъ съ рыцарскихъ ланитъ,—земля отечественная, чего не можешь ожидать ты отъ такого человѣка? Ужели ты отступишь предъ шведскими врагами, которые бы рады были дома посѣтить насъ? или Скиѳъ, быть можетъ, чрезъ пороги днѣпровскіе осмѣлится поставить ногу на твою землю? Понтъ будетъ для насъ границею, для другихъ непроходимою; опустошенныя нивы хлѣбами покроются, винная лѣторасль дастъ плодъ изобильный и стѣны градовъ до небесъ возносятся».

намъ, напоминаетъ имъ слабость силъ непріятельскихъ, ударяетъ на враговъ и побѣждаетъ. Войско выступило изъ лѣсовъ и чрезъ Ржевскій уѣздъ продолжало свои преслѣдованія. Въ Борисовѣ козаки берутъ въ плѣнъ стрѣльцовъ, а въ Ржевѣ Татары — дѣтей боярскихъ. Далѣе, переправившись чрезъ Волгу—«сильную княгиню сѣверныхъ водъ», Поляки ударили на Старицу, гдѣ стоялъ встревоженный князь съ войскомъ и любезными сыновьями. При вѣсти о приближеніи Поляковъ, князь выслалъ жену и сына Ѳеодора въ Москву, а Даніилъ Мурза, царедворецъ князя, перешелъ на сторону Поляковъ. Тогда-то сожгли Феховъ «застроенный» и нѣсколько сотъ окружныхъ деревень. Потомъ гетманъ двинулся къ Холму, гдѣ едва видно было солнце на небѣ отъ густаго дыма. Послѣ кровавыхъ битвъ и разоренія непріятельскихъ городовъ, Поляки вернулись къ Ржевскому рубежу. Тамъ, на берегахъ Двины, подъ церковью св. Николая, въ разстояніи трехъ миль отъ истоковъ Двины и Волги, впадающей въ Хвалынское (Каспійское) море, гетманъ отдохнулъ нѣсколько дней, разсылая шпіоновъ, и отсюда отправился въ Дубно. Татары и козаки съ сынами торопецкими завязали кровавое дѣло; на берегу быстрой Двины стоитъ церковь, памятникъ рукъ Витольда, и «бьетъ сильный ключъ», названный ключемъ Витольдовымъ: отсюда, разославъ соглядатаевъ, самъ гетманъ пошелъ на Заборье и Либраце къ Торопцу и Пскову, гдѣ король и сенатъ радостно его привѣтствуютъ.

«*Вторженіе въ Москву*» есть подробный стихотворный журналъ о походѣ гетмана; здѣсь упоминаются всѣ города, села, церкви и рѣки — но, исключая рѣчи Радзивилла къ войску, въ немъ вовсе нѣтъ поэзіи. Неужели побѣды отечественнаго оружія не могли вдохновить Кохановскаго? или, быть-можетъ, это сухое исчисленіе мѣстъ и пунктовъ

военныхъ было дѣломъ расчитаннаго такта? Честь цѣлаго похода и слава побѣдъ, конечно, принадлежали королю, подчиненный гетманъ былъ только исполнителемъ его плановъ: потому поэтъ и ограничился простымъ описаніемъ гетманскаго пути, оставляя поэтическій восторгъ и честь побѣдителя для латинскаго «*Эпиниціона*» королю. Какъ бы то ни было, но «*Вторженіе въ Москву*», произведеніе слабое въ отношеніи къ искусству, имѣетъ достоинство историческое.

Въ честь королевской охоты въ Замехѣ онъ написалъ двѣ латинскія поэмы: *Дріада Замехская* (Dryas Zamechska) и *Панъ Замехскій*, въ которыхъ лѣсные боги привѣтствуютъ короля. Дріаду Замехскую самъ же онъ переложилъ на польскіе стихи. Все, что онъ писалъ для Стефана, писалъ онъ на языкѣ латинскомъ, потому-что король, родомъ Седмиградецъ, нехорошо зналъ польскій языкъ.

Дальнѣйшія произведенія Кохановскаго, о которыхъ съ гордостію мы можемъ упомянуть, суть: *О смерти Яна Тарновскаго, На память Яну Тенчинскому, Эпиталамія* на бракосочетаніе Христофора Радзивилла съ Екатериною Острожскою, *Сусанна* изъ Свящ. Писанія, *Сватъ* (Dziewosłąb), латинская поэма: *Орфей Сарматскій*, гдѣ онъ порицаетъ политическіе и домашніе пороки Поляковъ. Онъ намѣренъ былъ писать поэму о битвѣ польскаго короля Владислава съ Амуратомъ подъ Варною; отрывокъ даетъ намъ чувствовать всю потерю, которую понесла польская литература отъ того, что это произведеніе не было имъ окончено. Здѣсь находятся слѣдующіе два знаменитые стиха о Варнскомъ:

«Gróbˇ jegoˇ Europa, słup śnieżne Bałchany,
«Napis — wieczna pamiątka między chrześcijany».

«Гробомъ ему — Европа, памятникомъ — снѣжные Балканы, а надписью — вѣчное воспоминаніе между христіянами.»

Кохановскій намѣревался также перевесть Иліаду Гомера, чему доказательствомъ служитъ отрывокъ подъ заглавіемъ: *Единоборство Париса съ Менелаемъ*. И здѣсь мы опять должны сожалѣть о томъ, что трудъ его не былъ оконченъ. Кохановскій умѣлъ проникнуть въ таинства простаго, но сильнаго духа греческой поэзіи, онъ бы перевелъ для насъ и цѣлаго Гомера на древній языкъ польскій, который одинъ быть-можетъ только и способенъ передать Иліаду.

Къ слабѣйшимъ произведеніямъ Кохановскаго относятся: переводъ знаменитой, но не поэтической поэмы Арата: *Феномены*; переводъ поэмы Виды: *Шахи*, и собственное его сатирическое произведеніе: *Борода*. Самыми лучшими, безспорно, остаются его польскія *Пѣсни*, *Оды* латинскія, *Псалтырь*, *Трены* и *Бездѣлицы*, какъ польскія, такъ и латинскія (Foricaenia).

Смерть Кохановскаго достойна жизни человѣка, умѣвшаго быть другомъ, патріотомъ и поэтомъ. Турки измѣнически умертвили Григорія Подлодовскаго, пріятеля Яна съ-Чернолѣсья. Кохановскій самъ отправился къ королю Стефану, проживавшему въ Люблинѣ, чтобы во имя народнаго права склонить его къ вооруженному мщенію Туркамъ за кровь невинно пролитую. Мы знаемъ, что Стефанъ Баторій хотѣлъ воевать съ Турками и уже велъ объ этомъ совѣщанія съ папою, но народъ не раздѣлялъ ихъ желаній. По всему видно, какъ пріятно было для короля прибытіе Кохановскаго, такъ какъ оно благопріятствовало его намѣреніямъ. Чтобы поэтъ и гражданинъ столь любимый своими соотечественниками громко и нублично взывалъ о необходимости войны съ Турками, король назначилъ Кохановскому публичную аудіенцію 22 августа 1584. Кохановскій вступилъ въ покои Баторія, гдѣ его встрѣтили общимъ уваженіемъ, какъ вдругъ сильное чувство быстрымъ потокомъ крови ударило

ему въ голову, и онъ упалъ, пораженный апоплектическимъ ударомъ.

Не всѣ сочиненія Кохановскаго вышли изъ печати при его жизни. Изъ польскихъ были изданы слѣдующія: Псалтырь, Вторженіе въ Москву (1581), Трены (1583) и Бездѣлицы (1584). Остальныя изданы послѣ его смерти Андреемъ Петрковчикомъ въ 1585 г.; — латинскія всѣ выходили при его жизни отдѣльно и по нѣскольку разъ, а вмѣстѣ всѣ были собраны и изданы тѣмъ же Петрковчикомъ въ 1612 г. Изъ латинскихъ пьесъ Кохановскаго Бродзинскій переложилъ нѣсколько элегій, Ксаверій Зубовскій нѣсколько лирическихъ пѣсней, а мы остальныя его произведенія стихами. (См. Переводы Польско-Латинскихъ Поэтовъ, тетрадь II. Вильно, у Завадскаго).

Читатели простятъ намъ за то, что мы такъ надолго остановились надъ Кохановскимъ. Двойныя заслуги его въ нашей литературѣ, и какъ усовершенствователя роднаго слова и какъ необыкновеннаго лирическаго поэта, требовали болѣе пространнаго разсмотрѣнія. Заключимъ нашъ судъ о немъ. Кохановскій имѣлъ образованіе, чувство прекраснаго, сердце истинно поэтическое, душу чувствительную, характеръ пріятный. Немного создалъ онъ собственныхъ идей; но, ища вокругъ себя прекрасное, вездѣ, гдѣ находилъ его, въ Горацiѣ ли, въ Анакреонѣ, или Давидѣ, усвоивалъ его себѣ и передавалъ съ тою полнотою чувства, съ тѣмъ участіемъ собственной души своей, при которыхъ чужыя идеи становились какъ бы его собственными. На искренности старопольской души, на вѣрѣ и добродѣтели основывая свои пѣсни, онъ смѣло безъ посторонникъ указаній создалъ, можно сказать, всѣ роды, всѣ размѣры и самый языкъ польской поэзіи. Онъ не былъ односторонникъ, плаксивымъ или комическимъ поэтомъ, польское сердце его было доступно всѣмъ родамъ чувствъ. Въ его со-

чиненіяхъ, какъ и въ душѣ человѣческой, нѣтъ ничего постояннаго: то глаза зальются слезами; то вдругъ улыбка мелькнетъ на устахъ; то сердце забьется къ Богу или землѣ, нашей матери; то въ головѣ зародится важная, серьёзная мысль; то вдругъ опять какая-нибудь рѣзвая дума прервetъ холодное настроеніе духа. Кохановскій, что бы ни заимствовалъ изъ книгъ ли, или изъ міра, все воспѣвалъ отъ глубины души, и потому не удивительно, если онъ такъ сильно дѣйствовалъ на душу. Не былъ онъ, подобно позднѣйшимъ іезуитамъ, ученымъ копіистомъ греческихъ и латинскихъ мыслей, красоты ихъ онъ умѣлъ привить къ сердцу своихъ пѣсней, такъ что они становились его неотъемлемою собственностію. Онъ былъ народнымъ поэтомъ, на сколько это возможно было въ его время; въ немъ играла мысль своего вѣка и народа такъ же хорошо, какъ и въ современныхъ намъ поэтахъ при нашемъ исключительно-національномъ направленіи.—Его вѣра, какъ вѣра Поляковъ шестьнадцатаго вѣка, была искреннею, но не чуждою умствованій (откуда и упрекъ въ неправовѣріи). Онъ былъ чувствительнымъ и нѣжнымъ, какъ и всѣ ученые люди временъ Сигизмундовыхъ, когда процвѣли науки, а сабли, повѣшенныя на гвоздяхъ, стали покрываться ржавчиною; былъ скромнымъ съ сознаніемъ своего достоинства, веселымъ, какъ и весь классъ поселянъ трудолюбивыхъ и свободныхъ; былъ практикомъ въ жизни, потому-что и нація, къ которой онъ принадлежалъ, не знала мечтательности, хотя и чувствовала красоты поэзіи. Перстъ Божій, благословящій дождемъ хлѣбо-подательнымъ, прекрасное утро, пчельникъ, бряцаніе сабли, трудъ, шопотъ молитвы, дѣти, домашній очагъ, свободное отдохновеніе за кружкою пива — вотъ что любилъ Полякъ, вотъ что составляло поэзію народа, и это было скромною темою его пѣсней,

которую онъ умѣлъ возвысить до идеальности: Поляки не обладали пламеннымъ воображеніемъ дѣтей юга, и въ Кохаскомъ чувство беретъ перевѣсъ надъ фантазіей. Подобно всѣмъ лучшимъ умамъ того времени, Кохановскій, подъ вліяніемъ классической литературы, путешествій по Италіи и религіозной реформы, сбросилъ съ себя покровъ домашней дикости, пріобрѣлъ нѣсколько лоска, но, держась святой средины, не оскверненный цинизмомъ, остался правдивымъ Сарматомъ. Кохановскій—это представитель народа своего времени съ его свѣтлой, торжественной стороны, подобно тому, какъ Рей былъ органомъ повседневной жизни своихъ единоземцевъ. Потому-то и имя Кохановскаго было популярнымъ, а вліяніе его на польскій языкъ и поэзію—огромнымъ. Правда, въ настоящей и послѣдующихъ за тѣмъ эпохахъ не было поэта выше Кохановскаго; но Поляки поняли однакоже, что поэзія заключается не въ однихъ только риѳмахъ, что языкомъ польскимъ нельзя писать на-авось. Кохановскій принялъ языкъ отъ Рея и проложилъ путь Шимоновичу, Вуйку и Скаргѣ, и еслибы не гибельное вліяніе іезуитскаго латинизма, который вскорѣ увлекъ лучшихъ изъ писателей, еслибы польскій языкъ подвигался впередъ въ той же мѣрѣ совершенства, не было бы и до сихъ поръ слова выше нашего слова.

Рядомъ съ Яномъ въ исторіи искусства скромное, но прекрасное мѣсто занимаетъ братъ его *Николай Кохановскій*, авторъ Rotul, или наставленій своимъ дѣтямъ, напечатанныхъ у Петрковчика вмѣстѣ съ поэзіею Яна женою его Екатериною изъ-Ясеньца. Нѣтъ здѣсь высокаго паренія Яна, нѣтъ изумляющихъ силою и меткостію оборотовъ рѣчи; но и здѣсь видна та же сладкая простота добродѣтели, тотъ же духъ независимости, то же сельское простодушіе, на которыя мы сейчасъ указывали, говоря о сочиненіяхъ Яна.

Янъ Кохановскій глядѣлъ на міръ взоромъ поэта, Николай — сердцемъ простаго, честнаго человѣка. Мысли Николая по большей части мѣста общія, но видно, что онъ вѣруетъ въ ихъ святость, и то, что̀ слышалъ отъ предковъ, чему научилъ его собственный опытъ, онъ записалъ какъ святыню въ наставленіе своимъ дѣтямъ. Rotuły дѣлятся на пять частей: *Добродѣтель*, *Страхъ Божій*, *Духъ Божій*, *Слово Божіе* и *Вѣчную Жизнь*. За тѣмъ слѣдуютъ *Наставленія* — всѣхъ ихъ двѣнадцать. Выпишемъ здѣсь какое-нибудь на удачу:

«Dziatki moje idźcież tędy,[1]
A mijajcie świeckie błędy,
Chodźcie drogą ojca swego,
Potka was wiele dobrego.

«Takci też wasz ojciec chodził,
A też mu Bóg dobra rodził,
Żył w dostatku i pokoju,
Nie znał trwogi ani boju.

«Nie uczył złego na świecie,
Był znaczny w swoim powiecie,
Użył lat swoich w radości,
Służąc Bogu w pobożności».

Онъ заповѣдуетъ святую умѣренность, а счастливое состояніе селянина, которое онъ изображаетъ, напоминаетъ намъ поэтически-очаровательныя мечты Яна Кохановскаго.

---

[1] *Переводъ.* «Дѣти мои! идите своей стезею, удаляясь отъ заблужденій міра, идите путемъ вашего отца, и много добраго вы встрѣтите.

«Такъ ходилъ отецъ вашъ, и Богъ однакоже низпосылалъ ему блага, жилъ онъ въ довольствѣ и спокойствіи, не зналъ смуты и треволненій.

«Не училъ злому въ мірѣ, имѣлъ значеніе въ своемъ уѣздѣ, въ радости провелъ дни свои, служилъ Богу благочестіемъ.»

«Niech mi brożek do nowego [1]
Wedle staniku mojego,
Doda zboża i żywności,
Dla czeladzi i dla gości.
«Niech mi ogień wielki gore,
I xiąg mam pełną komorę,
Niechaj skrzynka mnie samemu,
Pożycza, a nie innemu. —
«Jeden, dwa, a trzéj nie wiele,
Niechaj będą przyjaciele,
Ostatka w przyszłym żywocie
Czekam w radośnéj ochocie».

Юношеству однакожъ не совѣтуетъ привязываться къ дому, но идти въ большой свѣтъ, гдѣ легче найдти и супругу съ приданымъ, и доброе платье, и честь у людей; совѣтуетъ просвѣщать умъ, въ сердцѣ насаждать добродѣтель и не заботиться о богатствахъ; о себѣ онъ говоритъ:

«Mogłem być znaczny na świecie,[2]
I bogatszy w swym powiecie,
Dostałoby się też było,
By się było tym bawiło.
«Albo urzędu jakiego,
Albo chleba kapłańskiego,

---

[1] *Переводъ.* «Пускай къ новому прибавитъ еще одинъ скирдъ хлѣба и припасовъ, соразмѣрно моему состоянію, для челяди и гостей.

«Пускай большой огонь пылаетъ, цѣлый уголъ будетъ книгами наполненъ, пускай ларчикъ мнѣ даетъ въ долгъ, а не кому-нибудь другому.

«Одинъ, два, но не болѣе трехъ пусть будетъ друзей; конца въ будущей жизни я ожидаю съ великой радостію».

[2] «Большое я могъ бы имѣть значеніе въ мірѣ и быть богаче всѣхъ

Albo wioski od klasztoru,
Albo urzędu od dworu.
«Ale cel mego żywota,
Nie był zbiérać siła złota,
Ani panom zastępować,
Ani uboższe hołdować;
«Ale służyć Bogu stale,
I przestawać na swém male,
A woléj pańskiéj pilnować,
I na on świat się gotować.

Раздавъ сыновьямъ эти наставленія, онъ прощается съ міромъ и семейство свое поручаетъ Богу:

«Bóg jest opiekun prawdziwy,[1]
Bóg obrońca nie fałszywy,
Na którym się nie omylę,
I z dziatkami we złą chwilę;
«Jemu w opiekę i obronę,
Oddawam dziatki i żonę,
A sam z radością do niego,
Idę z świata obłudnego. —

Рядомъ съ Кохановскимъ, достоинъ занять мѣсто рано скончавшійся поэтъ *Николай Сенно Шаржинскій*, окон-

---

въ нашемъ уѣздѣ, и все бы это было, еслибы могло довольствовать меня,— или какая-нибудь должность, или хлѣбъ священническій, или село монастырское, или должность придворная; но цѣль моей жизни не въ томъ состояла, чтобы насильно собирать золото, или служить господамъ, или честить бѣднѣйшихъ; но служить постоянно Богу, довольствоваться своимъ малымъ и лучше беречь чужое господское добро и приготовляться къ отходу въ иной міръ.»

[1] *Переводъ.* «Богъ истинный покровитель, Богъ защитникъ неложный; въ Немъ не ошибусь я и съ дѣтьми моими въ злую годину; Его покро-

чившій жизнь свою въ 1581 г. двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду. Его произведенія, въ свое время сравниваемыя съ твореніями Кохановскаго, печатанныя спустя нѣсколько лѣтъ по смерти автора и въ слѣдъ за тѣмъ забытыя, теперь опять обратили на себя вниманіе оригинальностію мысли и чистымъ языкомъ польскимъ. Сенпъ первый ввелъ въ польскую поэзію стихотворный размѣръ итальянскихъ сонетовъ. Приведемъ нѣсколько образцевъ изъ небольшаго собранія его стихотвореній.

СОНЕТЪ.

О непостоянствѣ любви міра сего.

I nie miłować ciężko i miłować,[1]
Nędzna pociecha gdy żądzą zwiedzione:
Myśli cukrują nazbyt rzeczy one,
Które i mienić i muszą się psować.
Komu tak będzie dostatkiem smakować
Złoto, sceptr, sława, roskosz i stworzone,
Piękne oblicze: by tym nasycone,
I mógł mieć serce i trwóg się warować?
Miłość jest własny bieg życia naszego,
Ale z żywiołów utworzone ciało,
To chwaląc co zna początku równego,
Zawodzi duszę któréj wszystko mało:
Gdy ciebie wiecznéj i prawéj piękności,
Saméj nie widzi, celu swéj miłości.

вительству предаю я дѣтей и жену, а самъ радостно отхожу къ Нему изъ этого обманчиваго міра.»

[1] *Переводъ.* «И не любить тяжело, и любить, когда управляютъ нами и до избытка услаждаютъ мысль тѣ обманчивыя вещи, которыя должны измѣняться и портиться. Кто до того полюбитъ достатокъ, золото, скипетръ, славу и созданное лицо прекрасное, чтобы насытить этимъ и

ПЕРИФРАЗЪ ПСАЛМА 130 «De profundis clamavi ad te Domine.»

«W grzechach srogich ponurzony,[2]
Ze wnętrzności serca omeg,
Wołam: Boże niezmierzony
Mego głosu rzewliwego
Racz słyszeć prośby płaczliwe!
A z miłosierdzia Twojego
Nakłoń ucho litościwe.
Będziesz li chciał nasze złości
Ważyć Ojcze dobrotliwy
Wagą twéj sprawiedliwości?
I ktoż będzie tak szczęśliwy,
Kto tak w cnotach utwierdzony,
Gdy przyjdzie na sąd prawdziwy,
By nie miał być potępiony?
Ale Ty sędzia łaskawy,
Nie według szczéréj srogości,
Karzesz nasze błędne sprawy,
Zakon twój pełen litości
I wierne twe słowa Panie!
Że mię wyrwiesz z téj ciężkości,

свое сердце и предохранить себя отъ безпокойствъ? Любовь есть собственное теченіе нашей жизни; но тѣло, созданное изъ стихій, восхищаясь тѣмъ, что̀ знаетъ оно равнымъ началу, обманываетъ душу, для которой всего этого мало, когда не видитъ тебя, вѣчной, истинной красоты, цѣли своей любви».

[2] *Переводъ.* «Въ грѣхи тяжелые погруженный, изъ глубины моего сердца я взываю: Боже безмѣрный! услышь плачевныя просьбы моего молящагося голоса! по милосердію Твоему приклони ухо сострадательное. Захочешь ли беззаконія наши взвѣшивать, Отче Благій, на вѣсахъ Твоего правосудія,—кто будетъ столько счастливъ, до того утвержденъ въ до-

Czynią mi pewne ufanie. —
Przeto choć zorza różana,
Promienne słońce przywodzi,
Choć mgłą-ciemną przyodziana,
Noc ciemnościami przechadza,
Narodowi wybranemu.
Niech wątpienie nie przeszkadza,
Śmiele ufać Panu swemu.
Bowiem skarb jest nieprzebrany,
Ważne miłosierdzie jego,
On potrafi zgoić rany,
I podźwignąć upadłego. —
On prócz wszelkiego wątpienia,
Nie zapomni ludu swego,
Przywiedzie go do zbawienia.

Разскажемъ здѣсь содержаніе исторической пѣсни Сенна Шаржинскаго: «*О Фридрихѣ* (Fridruszu Herburcie), *который подъ Сокалемъ убитъ Татарами въ 1519 году.*»

«Когда Гербуртъ съ остатками войска, доведеннаго до от-«чаянія, укрылся въ Сокалѣ, то, стыдятъ своего несвое-«временнаго бѣгства и открывая свое неробкое сердце, онъ «воззвалъ: «Видѣлъ я, какъ воды Буга алѣли отъ нашей кро-

---

бродѣтели, что не будетъ осужденъ, когда явится на судъ Твой праведный. Но Ты, милостивый судія, не по строгой справедливости наказываешь наши заблужденія; законъ Твой дышетъ милосердіемъ и вѣрны слова Твои, Господи, что Ты уволишь меня отъ этого бремени: они-то и подаютъ мнѣ твердую надежду.—Поэтому, хотя багряная заря приводитъ лучезарное солнце, хотя, одѣтая мракомъ, ночь во тьмѣ ходитъ, но избранному народу пускай сомнѣніе не мѣшаетъ смѣло надѣяться на своего Господа, потому-что какъ неисчерпаемое сокровище—богато Его милосердіе, Онъ съумѣетъ исцѣлить раны и воздвигнуть падшаго. Онъ безъ всякихъ сомнѣній не забудетъ своего народа, приведетъ его къ спасенію.»

«ви и поля покрылись *честными трупами*; зачѣмъ я живу «еще? Я думалъ, что не позволительно умирать, если жизнь «еще можетъ быть полезна отечеству; кровью, тѣломъ и «оружіемъ я долженъ пріобрѣсть славу. Отворите ворота! «Мнѣ стыдно укрываться за стѣнами, пусть поплатится нашъ «непріятель за то, что онъ видѣлъ мое бѣгство». Сказавъ это,

. . . jako z działa śmiertelnego,[1]
Kamień płomienia gwałtem siarczystego,
Z hukiem wyparty, — jako przez wiatr rzadki
Leci przez ciała dając im upadki:
Tak mężny Fridrusz gniewy szlachetnemi
Zapalon, z zamku krzyki rycerskiemi
Wypadł — i przeszedł zastęp niezliczony,
Swą i tatarską prawie krwią zjuszony. —

И какъ тигръ, защищающій своихъ дѣтенышей, онъ бросается на тысячи стрѣлъ и погибаетъ. Стихотвореніе оканчивается такъ:

«O cny rycerzu! nie tylko szczęśliwie[1]
Duch twój z wielkiemi bohatéry żywie,
I tu dokąd Bug cichy wody swoje,

---

[1] *Переводъ.* «Какъ изъ смертоноснаго орудія камень, силою сѣрнаго пламени съ шумомъ извергнутый—какъ будто сквозь вѣтеръ легкій летитъ онъ черезъ тѣла, всѣхъ ихъ поражая: такъ гнѣвный Фридрихъ, воспламененный гнѣвомъ благороднымъ, бросился изъ замка съ рыцарскимъ крикомъ — и прошелъ толпу безчисленную, обагренный своею и татарскою кровію.»

[1] *Переводъ.* «О доблестный рыцарь! не только счастливо духъ твой живетъ съ великими богатырями, но и здѣсь, пока Богъ тихій будетъ въ Вислу нести свои воды, — до тѣхъ поръ твое имя станетъ жить въ устахъ богатыр-

Niesie do Wisły — dotąd imie twoje
Trwać będzie w ustach ludu rycerskiego,
I rzecze człowiek serca wspaniałego:
«Z lepszém ojczyzny szczęściem, wieczny panie
«Racz mi naznaczyć tak prędkie skonanie!»

Послѣ Сенпа Шаржинскаго, заслуживаетъ нашего вниманія молодой поэтъ *Товія Вишнёвскій*, аріанскаго вѣроисповѣданія, котораго мы знаемъ одно только произведеніе: *Трены по его матери Розѣ Вишнёвской* (Краковъ, въ тип. Матвея Гарвольчика 1583 г.). Мы не скажемъ конечно, что это подражаніе тренамъ Кохановскаго, потому-что, назвавъ печаль подражаніемъ, мы оскорбили бы тѣмъ сыновнее чувство поэта; тѣмъ не менѣе Вишнёвскій перенялъ форму, въ которой Кохановскій воспѣлъ свою печаль. Треновъ Вишнёвскаго (ихъ XXI, послѣдній Сонъ, какъ и у Кохановскаго) нельзя сравнивать съ плачемъ по Уршули. Поэтъ не углубился здѣсь до такой степени въ душу человѣческую, не прислушался къ біенію растерзаннаго сердца. Впрочемъ есть различіе даже въ самомъ предметѣ: горестная потеря юной дочери представила Кохановскому предметъ болѣе поэтическій, потому-что предъ нимъ подъ косою смерти упалъ юный, полный надеждъ цвѣтокъ. Вишнёвскій оплакиваетъ смерть матери, которая должна же была заплатить долгъ природѣ — событіе печальное, но непремѣнное, неминуемое и потому лишенное интереса. Но что Вишнёвскій умѣлъ чувствовать и выражать свои чувства языкомъ чистымъ, звучнымъ, это докажутъ два образчика, которые мы здѣсь приводимъ.

скаго народа, и человѣкъ съ сердцемъ великимъ скажетъ: «при лучшемъ «счастіи отечества, вѣчный Боже! дай и мнѣ такую же скорую кончину!»

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ «КЪ КНИГАМЪ».

«Idźcie xiążki do ludzi krom żadnéj ozdoby,[1]
Nie spuszczając służącéj czasowi żałoby,
Niech na tytule piękne farby niepostoją,
Bo tak szczęśliwe xiążki rade się więc stroją;
Potrzeba wam pamiętać na złe szczęście moje,
Które mnie sfrasowało wziąwszy w kluby swoje—
A łaskawy czytelnik gdy ten czas obaczy
W któryście poszły, wadę znalazłszy wybaczy,
Bo snadnie wiérsz przychodzi nie frasownéj myśli,
Lecz są dziś chmurne czasy na któreśmy przyśli...
Najdziecie kto nad wami pilno się zabawi,
Westchnie albo *zapłaknie*, miękko się postawi... i t. d.»

ТРЕНЪ IV.

«Czułem będąc daleko, gdy srogi trzask w domu,[2].
Burzliwa śmierć broiła napełniając gromu.
Czułem gdy w marną trumnę poprzątnęła ciało,
Które przedtém niewinnie na świecie mieszkało.

---

[1] *Переводъ.* «Книги, идите въ міръ безъ всякаго украшенія, не сняя съ себя траура, приличнаго настоящему времени; пусть на заглавіи вашемъ не будетъ цвѣтовъ прекрасныхъ, потому-что только счастливыя книги охотно украшаются; нужно помнить вамъ о моей горькой долѣ, которая постигла меня, взявши въ свои когти. А снисходительный читатель, когда замѣтитъ то время, въ которое вы вышли, нашедши недостатки, проститъ имъ, потому-что стихъ дается легко не сжатенной мысли, для насъ же теперь мрачные часы, до которыхъ мы дожили... Найдется кто-нибудь, кто усердно займется вами, вздохнетъ или заплачетъ, и придетъ въ чувство...» и т. д.

[2] *Переводъ.* «Будучи далеко, я чувствовалъ страшное потрясеніе въ домѣ, которое причиняла бурная смерть, наполняя его шумомъ; я чувствовалъ, какъ въ убогій гробъ схоронили тѣло, которое до сихъ поръ обитало невинно въ мірѣ. Я чувствовалъ, какъ въ сторонѣ она отирала

Czułem że już na stronie kosę ocierała,
Ujuszoną krwią świętą uczciwego ciała,
Serce zaraz upadło, źle sobie tuszyło,
Strachem zjęte nadzieją próżno się cieszyło.
Czuło że ta pociecha głęboko tonęła...» i t. d.

ТРЕНЪ VIII.

«Pospolicie na świecie — gdy z jakiego domu[1].
Wszyscy goście wyjadą a jako się komu,
Tam będąc przez czas wszystek oni zachowali,
Tak ich będą wspominać co doma zostali. —
Po nich jakoby z nowa wszystka uprzątają,
Okna pootwierają, w gmachach umiatają;
Tak mnie w nieszczęsnym domu dzisiaj się przydało,
Właśnie się samą rzeczą podobieństwo stało. —
Bo moja droga matko! skoroś ty zniknęła,
Ma roskoszna uciecha o ziemię brzęknęła.
Jakoś się zachowała obcy by zeznali,
I ubodzy co z ciebie ratunek miewali;

косу, обагренную священною кровію честнаго тѣла. Вдругъ замерло сердце, предчувствуя что-то недоброе, объятое страхомъ Напрасно утѣшая себя надеждою, оно чувствовало, какъ исчезало у ней это утѣшеніе» и т. д.

[1] Есть обыкновеніе въ мірѣ — когда изъ какого-нибудь дома всѣ гости уѣдутъ, то какъ они вели себя во все время своего пребыванія тамъ, такъ и будутъ вспоминать объ нихъ тѣ, которые остались дома. Послѣ нихъ какъ-будто съизнова все убираютъ, откроются окна, метутъ хоромы, такъ и мнѣ показалось все въ этомъ несчастномъ домѣ, потому-что въ самомъ дѣлѣ тутъ много сходства. — Потому-что, милая мать моя, едва не стало тебя, разбились о землю всѣ мои роскошныя утѣшенія. Будь ты, узнали бы это уже чужіе бѣдные, находившіе у тебя помощь. Похитила тебя блѣдная смерть, не станешь теперь живо еще спорить съ ней, и вдругъ все рушилось, домъ совершенно опустѣлъ, не кому уже такъ смѣло открыть своихъ нуждъ, а хотя насъ и довольно, какъ будто ничего не бывало, но многаго лишились мы съ одною благород-

Sprzątnęła cię śmierć blada, wadzić jéj nie będziesz,
Wszystko zaraz upadło, szczére pustki w domu,
Nie masz śmiele *potrzebek* oznajmić nikomu,
A choć nas prawie dosyć jakby nic nie było,
Jedną szlachetną duszą tak wiele ubyło —
Wszystko z tobą ucichło — nie słychać śpiéwania,
Już nie słychać ważnego z każdym rozmawiania,
Ani w statucie Bożym pilnego czytania,
Aże i patrzeć przykro co wszystko zamilkło,
Takiéj nosić tęskności serce nie nawykło:
Z każdego kąta smutek i żałość ujmuje,
A próżno przeszłych pociech człowiek upatruje.
O me wielkie pociechy! żem rozłączon z wami,
Wspomniawszy — muszę zawżdy zalewać się łzami!

Мельхіоръ Пудловскій, родомъ изъ Сѣрадзкаго, въ Краковской Академіи ученикъ Якова Гурскаго и товарищъ Гурницкаго въ Краковской канцеляріи, ревностный католикъ, въ поэзіи своей проявлялъ болѣе чувствованія гражданина, нежели полетъ поэта. Онъ писалъ на латинскомъ языкѣ: *Элегію на смерть Яна Тарновскаго* (Elegia ob mortem Illustris olim. Magnif. Comitis Joannis de Tarnow Cast. Cracov. — Lasarus Andrae excud. 1561), на польскомъ: *Плачъ и увѣщаніе польской республикѣ* (въ тип. Лазаря

ною душою. Все замерло съ тобою — не слышно пѣсней, не слышно важныхъ разговоровъ съ каждымъ изъ насъ, ни прилежнаго чтенія Божественнаго закона, такъ что грустно смотрѣть, какъ все это умолкло, сердце не привыкло сносить такой печали. Въ каждомъ углу человѣкъ находитъ одну только печаль и сожалѣніе, а напрасно ищетъ прошедшихъ радостей. О мои великія радости! какъ скоро вспомню, что я разлученъ съ вами, долженъ всегда я заливаться горькими слезами!»

Андрусовича 1561 г.); одну книгу *Бездѣлушекъ* (тамъ же 1568 г.), *Дидона къ Энею*. — Выпишемъ здѣсь двѣ его Бездѣлицы:

ПРИЛИЧНАЯ ШУТКА.

«Prawdę mówiąc, nadobny jest wieniec różany[1]
«Lecz wdzięczniéjszy fijołkmi kiedy przeplatany,
«Nadobnie gdy się człowiek statecznie sprawuje,
«Lecz i to pięknie żartem gdy statek farbuje,
«Jako róży fijołek na wieńcu nie szkodzi,
«Tak żart statkowi, gdy go kto k' rzeczy przywodzi».

ГРУСТЬ.

«I szumi las od wiatru, i grom trzaska z nieba,[2]
«I leje dészcz by cebrem, więcéj niż potrzeba,
«Noc ziemię zasłoniła ciemnemi skrzydłami,
«Niebo się przyodziało szpetnemi chmurami.
«A ja przed się miłością by pętem spętany,
«Muszę trwać u drzwi miłéj podparłszy się ściany,
«A choć się to okrutna niepogoda wszczęła,
«Przed się większą w mém sercu miłość władzę wzięła».

Имя *Севестіана Клёновича* (Acerna) равно принадле-

---

[1] *Переводъ*. «Сказать правду, прекраснъ и розовый вѣнокъ, но онъ еще лучше, если переплетенъ фіалками. Прекрасно, если человѣкъ велетъ себя твердо, но и то хорошо, если твердость свою украшаетъ шуткою. Какъ въ вѣнкѣ розъ не мѣшаетъ фіалка, такъ и шутка не вредитъ твердости, если кто кстати употребляетъ ее».

[2] «И лѣсъ шумитъ отъ вѣтра, и громъ раздается въ небѣ, и дождь льетъ словно изъ ведра, болѣе чѣмъ нужно, ночь покрыла землю темными крылами, небо одѣлось некрасивыми тучами, а я, скованный любовію, будто цѣпями, долженъ стоять у дверей милой, прижавшись

жить и настоящей и слѣдующей эпохѣ, потому-что равно при смерти Баторія талантъ Кленовича былъ уже въ полной силѣ, и *въ эпоху Вазова* ознаменовалъ себя достопамятными произведеніями. Скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Клёновичъ родился въ 1551 году, въ мѣстечкѣ Сульмержицахъ, учился въ Краковѣ, былъ судьею по дѣламъ жидовскимъ въ Люблинѣ, гдѣ онъ и жилъ постоянно; въ 1567 г. былъ въ Венгріи, въ 1570 въ Богеміи, написалъ Позывъ противъ іезуитовъ actio prima, за что тѣ преслѣдовали его до конца его жизни. Развратная и расточительная жена, трудная обязанность, которую онъ исполнялъ безпорочно, довели его до убожества, а потомъ до Люблинскаго госпиталя, гдѣ онъ и скончался въ 1608 году. Вотъ и цѣлая біографія человѣка-поэта въ нуждѣ, съ свѣтлымъ умомъ, съ чистымъ, благочестивымъ и чувствительнымъ сердцемъ.

Сердце по преимуществу и сдѣлало его поэтомъ, потому-что Клёновичъ почти не имѣлъ воображенія—необходимаго дара поэта. Умѣлъ онъ только плавно писать прекраснымъ польскимъ и недурнымъ языкомъ латинскимъ, умѣлъ чувствовать, любить и ненавидѣть: любить Бога, добродѣтель и отечество, ненавидѣть преступленіе. Первые труды его, быть-можетъ, памятникъ счастливѣйшей поры его жизни, дышатъ единственно любовію къ Богу и родинѣ. Онъ перевелъ на языкъ польскій одинъ изъ псалмовъ Давида, написалъ латинскую поэму подъ заглавіемъ: *Русскія земли* (Roxolania), по-польски: *Матроса*, или отправленіе кораблей въ Данцигъ, и Сожалѣніе о смерти Яна Кохановскаго. Потомъ прекрасный талантъ его, охлажденный ударами

къ стѣнѣ; и хотя поднялась страшная непогода, но еще бо́льшую власть взяла любовь надъ моимъ сердцемъ».

судьбы, сталъ ослабѣвать и тратить свою силу (*Памятникъ польскихъ королей*); наконецъ, раздражаемый судьбою и людскими неправдами, Клёновичъ ожилъ снова, но уже какъ обличитель недостатковъ и уклоненій своихъ единоземцевъ, возсталъ съ перомъ, обмокнутымъ въ желчь, съ полною горечью истины, которую несчастный долженъ былъ прикрывать еще личными отношеніями. Его поэмы, относящіяся къ этой эпохѣ, польская: *Ковчежецъ Іудинъ* (Worek Judaszowski), и латинская: *Побѣда боговъ* (Victoria Deorum), какъ прекрасно замѣтилъ Крашевскій, — это сторукія сатиры, горькіе упреки, сарказмы правдиваго сердца, принужденнаго видѣть неправду людей, бороться съ нею и падать жертвою борьбы.

Къ нашей *эпохѣ Ягеллоновъ* принадлежатъ тѣ только произведенія Клёновича, которыя были писаны имъ съ любовію въ сердцѣ, пока перо его еще не пропиталось желчію и уксусомъ горькаго юмора; именно латинское: *Русскія земли* (Roxolania) (изданное 1584 г.), польское: *Матросъ* (Flis), писанное около 1570 г., а изданное въ 1595 г. и *Сожалѣніе* о смерти Кохановскаго. Другія его произведенія, какъ позднѣйшія, займутъ насъ въ *эпоху Вазовъ*. Вотъ ключъ къ уразумѣнію первыхъ.

Клёновичъ любилъ Польшу, гордился ею и правдивымъ сердцемъ патріота вѣрилъ, «что милая Польша на плодородной грядѣ сѣла такъ, какъ у Христа за пазушкою», что польская земля, богатая всѣмъ, ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, что при ея благодатныхъ дарахъ можно и не знать о болѣе богатыхъ произведеніяхъ другихъ странъ. Онъ любилъ сельскихъ жителей, сожалѣлъ объ ихъ угнѣтеніи, умѣлъ подсмотрѣть и начертать ихъ нравы, и, оставляя привилегированные классы народа, выбралъ предметомъ своихъ изо-

браженій поселянина на полѣ отечественной земли. Такими чувствами дышетъ его *Матросъ*, а также, *хотя и написанная по-латини, однакожъ народная поэма Роксоланіи*. Разберемъ оба эти произведенія.

Въ *Земляхъ русскихъ* (Roxolania) поэтъ предположилъ себѣ описать Русь Галицкую во всѣхъ отношеніяхъ. Отвѣчая на возраженія иностранцевъ, «что будто бы цѣпенѣющія отъ холода страны сарматскія по богатствамъ своимъ не могутъ равняться съ другими странами,» онъ беретъ въ образецъ свою отечественную землю—Русь червонную и предполагаетъ себѣ описать ея богатства, нравы, города и обычаи. Пишетъ болѣе для иностранцевъ, чѣмъ для своихъ, пишетъ языкомъ латинскимъ поэму, заключающую около 10 печатныхъ листовъ, которая безъ всякихъ наружныхъ раздѣленій очевидно дѣлится на три части: на описаніе даровъ природы, городовъ и обычаевъ народа. Призвавъ Геликонскихъ музъ,—обрядъ непремѣнный въ тогдашней поэзіи,—онъ помѣщаетъ ихъ на Львовской горѣ, а самъ идетъ разсматривать природные дары своей земли. Эта часть поэмы самая лучшая, потому-что поэтъ, вмѣсто холоднаго разсказа о природѣ и ея дарахъ, вездѣ выставляетъ человѣка-Руссина, какъ онъ пользуется ея дарами, и такимъ образомъ съ самаго начала разсказываетъ уже обычаи народа. Галиція во времена Клёновича была обильна лѣсами, и такъ онъ заходитъ въ лѣса, и здѣсь, какъ въ панорамѣ, показываетъ намъ картины. Пѣснь соловья, дерево годное къ удовлетворенію хозяйственныхъ потребностей, способъ приготовленія орудій, соха, нѣсколько словъ о земледѣліи, молочныя стада, которыя на зиму только возвращаются въ домы: все это передано просто, живо, изобразительно. Вотъ два отрывка:

(ПЕРЕВОДЪ).

Лѣса — плуги — хлѣбопашество.

«Tu piękna knieja, tu puszcza bezdenna,[1]
«Przynosi liczne korzyści i plony,
«Tu dąb stóletni, sosna sturamienna,
«Tutaj modrzewie, jawory, jasiony;
«Na mokrych mszarach widnokrąg zasłania,
«Wierzba, olszyna i świerki olbrzymie,
«I klon cienisty łatwy do zrąbania,
«(Z którego moje wyprowadzam imie). —
«Wysmukła topol, jeżownik i tarnie,
«Twarde derenie, leszczyna powiewna,
«Buki i lipy — oko nieogarnie,
«Rozlicznéj barwy wszelakiego drewna.
«Tu biała brzoza z czerwonemi smugi,
«Owdzie z jasionem splata się wiąz młody;
«Z nich wieśniak drzewa wyrabia na pługi,
«Z nich do swych kolas wygina obody,
«Z nich to skrzypiące telegi i maże,
«Z nich lekkie wozy klecą Halicanie; —

---

[1] *Переводъ.* «Здѣсь кустарникъ прекрасный, здѣсь боръ безконечный, приноситъ безчисленную пользу и плоды, здѣсь дубъ столѣтній, сосна стоплечая, здѣсь лиственницы, яворы и ясени; на мокрыхъ тундрахъ горизонтъ закрываетъ верба, ольшина и пихта исполинская и кленъ тѣнистый, который срубить легко (отъ котораго я вывожу и мое имя), возвышенный тополь, кустистый орѣшникъ, буки и липы — глазъ не обниметъ цвѣтовъ различныхъ деревьевъ всякаго рода. Здѣсь бѣлая береза съ красными полосами, такъ съ ясенью переплетается вязъ молодой; изъ нихъ выдѣлываютъ плуги, изъ нихъ для своихъ колымагъ выгибаютъ ободья, изъ нихъ же скрипучія телѣги и деготь, изъ нихъ же и легкіе возы сколачиваютъ Галичане; — рѣдко здѣсь покажется кованная бричка, потому-что твердое дерево замѣняетъ желѣзо, — нигдѣ не звучитъ

«Tu kuta bryka rzadko się ukaże,
«Bo twarde drzewo za okucie stanie,—
«Nigdzie przy wozach żelazo nie brzęczy,
«Drewniane gwozdzie trzymają dotrwaléj,
«Nie masz kowanych osi ni obręczy,
«Tu hartowniejsze polano od stali».

. . . . . .

«Patrz jako rolnik pocznie nie leniwo,
«Ciosać swą sochę co ma orać łany,
«Z łękiem garbatym rękojeścią krzywą,
«Z wielkiemi zęby jak potwór drewniany—
«Patrz jako wierci,. rozszérza i węży
«Drewno pługowe—jak osadza pięknie
«Jarzmo i lemiesz ciężki dla uprzęży—
«Pod którym kiedyś żwir i gléj zastęknie.
«I wóły stękną gdy w ugor lub rżysko,
«Oracz zatopi swój narog-sękaty,
«Do dna rozkopie ciemne kretowisko,

оно у повозокъ: деревянные гвозди служатъ прочнѣе; нѣтъ тамъ кованыхъ осей, ни обручей: такъ полѣно здѣсь гораздо крѣпче стали... Смотри, какъ не лѣниво начнетъ земледѣлецъ тесать соху свою, которою онъ станетъ воздѣлывать ланы. Съ дугою горбатой, съ кривой рукояткою, съ зубами огромными, какъ деревянное чудовище — смотри какъ вертитъ онъ, расширяетъ и съуживаетъ плуговой стволъ, какъ прекрасно онъ оправляетъ ярмо и тяжелый лемехъ для упряжи, подъ которымъ когда-нибудь застонетъ и хрящъ, и глина, и застонутъ волы, когда въ угорѣ или въ сжатомъ полѣ пахарь утопитъ свой крѣпкій сошникъ, до дна раскопаетъ темную нору крота и дѣтей жаворонка растерзаетъ въ куски.— Плугъ загоняетъ глубже подземную громаду вредныхъ червей, что опустошаютъ нивы; за плугомъ летятъ птицы зерноипитающіяся, потому-что онѣ предвидятъ посѣвъ несомнѣнный. Не зналъ плуга дикій народъ, а теперь вездѣ соха изъ стали и желѣза; воздѣлывали землю деревянными кирками, и Богъ давалъ имъ счастіе, потому-что они не знали металловъ. И поле Русиновъ, воздѣланное деревомъ, при бѣдныхъ серпахъ давало до-

«Dziatwę skowronka rozedrze na szmaty.—
«Pług pędzi w nory podziemną gromadę,
«Szkodliwych czerwi co pustoszą niwy,
«Za pługiem leci ptastwo ziarnojade,
«Bo przewiduje zasiew niewątpliwy.
«Nieświadom pługa bywał naród dziki,
«Dziś wszędzie socha z żelaza i stali,
«Sprawiano ziemię drewnemi motyki,
«A Bóg im szczęścił że kruszcu nie znali.
«I ruskie drewnem urabiane pole,
«Przy błahych sierzpach miało dobre żniwa,
«Owo sąsiednie rodzajne Podole,
«Do swoich pługów jawory używa.
«Tam z dymnych dębów nie wielka posługa,
«Tam praca rolna choć wdzięczna lecz krwawa,
«Dwanaście byków wjarzmionych do pługa,
«Gleistą bryłę zaledwo rozkrawa.
«Wół ledwie dycha zaziajanym pyskiem,
«Zaledwie stąpa choć na siły bierze,
«Za nim poganiacz uzbrojon biczyskiem,
«Złorzecząc smaga pracowite źwierze.
«A socha pędzi — aż z ostatniéj siły
«Wół się wypręża póki krok uczyni; —
«Od Podolanów wzór sochy pochyłéj
«I maż skrzypiących przyjęli Rusini».

брую жатву, а эта сосѣдняя плодовитая Подолія употребляетъ яворъ на свои плуги. Тамъ пользы не много отъ гордыхъ дубовъ, тамъ трудъ земледѣльца хотя благодарный, но кровавый: двѣнадцать быковъ запряженныхъ въ плугъ едва разрываютъ глинистую глыбу. Волъ едва дышетъ запыхавшеюся грудью, насилу идетъ, хотя беретъ сильно; за нимъ погонщикъ, вооруженный кнутомъ, проклиная, сѣчетъ имъ трудолюбивое животное. А соха идетъ, послѣднія силы волъ напрягаетъ, пока шагъ одинъ ступитъ. — Образецъ сохи искривленной и скрипучаго дегтя заимствовали Русины у Подолянъ.

Повтъ то понижаетъ, то возвышаетъ тонъ своего разсказа. Корова, которую сосетъ ужъ, пляшущій медвѣдь, медвѣдь, который спасъ Русина, завязшаго въ меду, пастухъ, который ловитъ дроздовъ—суть картины всегда вѣрныя, иногда возвышенныя, а иногда тривіальныя. Посреди самаго прозаическаго разсказа о томъ, какъ образуется сыръ въ козьей кожѣ, онъ вставляетъ нѣсколько стиховъ горькой иронiи на клеветниковъ отечества, и вдругъ переходитъ къ ироническoй идиллiи о благодатной, какъ говорятъ, а на самомъ дѣлѣ плачевной участи хлѣбопашца.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Tu małe dziécię nie wié co to szkoła,[1]
«Błąka się w lesie i trzody zapędza.
«Żyjąc z bydlęty staje się jak źwierze,
«W służebnéj nędzy rodzi się i roście,—
«A zresztą wierzaj że nasi pasterze,
«Mają po lasach mnogie przyjemnoście.

---

[1] *Переводъ.* «Здѣсь малое дитя не знаетъ, что̀ такое школа; блуждаетъ оно по лѣсу и стада гоняетъ; живя со стадами, само дѣлается животнымъ, въ рабской нуждѣ раждается и растетъ,—а впрочемъ вѣрь, что наши пастухи имѣютъ въ лѣсахъ не мало удовольствій. На берегахъ рѣкъ растутъ старыя ивы; есть очеретъ, есть травы болотистыя, есть изъ чего вырѣзать пастушескую свирѣль, есть изъ чего извлекать жалобныя трели. Такъ въ долгіе часы скуки лѣсные пастухи, засѣвши подъ деревомъ, много толкуютъ о древнихъ преданіяхъ, или поютъ пѣсни любовныя, прерывая тоску веселымъ напѣвомъ. Видѣлъ я бѣдныхъ дѣтей пастушескихъ, какъ они прыгаютъ, рѣзвятся на зрѣлищахъ, какъ въ танцѣ правая рука вытянута съ ножемъ, и какъ въ рѣзвомъ кружкѣ блистаетъ желѣзо. Не разъ рѣзвая молодежь межъ собой побранится, и среди танца кровь брызжетъ изъподъ ножа; если же вѣрить старобытной сказкѣ, когда Икаръ, взнесенный крѣпостію перьевъ безсильныхъ, летя надъ моремъ широкимъ, упалъ

«Na rzecznych brzegach rosną wierzby stare,
«Są oczerety, i bagniste ziele,
«Jest z czego strugać pastérską fujarę,
«Jest na czém śpiewać żałościwe trele.
«Tak w długich nudach pastuszkowie leśni
«Przeciągle gwarzą zasiadłszy pod drzewem,
«To stare baje, to miłośne pieśni,
«Żal przeplatając weselszym napiewem.
«Widziałem płoche pastérskie chłopięta,
«Jak wyprawiają skoki a igrzyska,
«W tanku prawica z nożem wyciągnięta,
«W swawolnym wirze żelazo połyska.—
«Nieraz swawolna młodzież się powaśni,
«I pośród tańca krew bryzga pod nożem,—
«Jeżeli wierzyć starożytnéj baśni,
«Jak Ikar lecąc nad szerokiém morzem,
«Wzniesiony stérem niedołężnych piórek
«Spadł i utonął w zdradzieckim żywiole,
«Tak obyczajem swawolnych wiewiórek,
«Z dębów na dęby czepia się pacholę,
«I nieraz spada...

Говоритъ о хмѣлѣ и пивѣ, о водкѣ и страсти къ пьянству у народа. Здѣсь выпишемъ цѣлую его рѣчь.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Nie wiém zaiste kto w piérwszéj osnowie[1]
«Ognisty napój wymyślił z gorzelnie!

и утонулъ въ изнѣнической стихіи, такъ и здѣсь по примѣру рѣзвыхъ бѣлокъ съ дуба на дубъ цѣпляется мальчикъ и часто падаетъ...»

[1] *Переводъ.* «Не знаю по правдѣ, кто первый выдумалъ добывать изъ винокурни огненный напитокъ! Кто этотъ преступникъ? и какъ онъ зовется, чтобы отдать его вѣчному проклятію? Увы! не изъ Руси вышла эта за-

«Kto jest ów zbłodniarz? i jako się zowie?
«By go przekleństwu oddać nieśmiertelnie.
«Przebóg! nie z Rusi ta zaraza roście,
«Nie znano w wioskach takowéj niedoli,
«Chyba bogaty, w chorobie lub poście,
«Zażył kropelkę orzezwieniu gwoli.
«Ktoś nieprzyjazny, szatan mu na imie,
«Styxowym jadem chcąc zatruć nam zmysły,
«Wynalazł napój wywarzony w dymie,
«I z czarnéj sadzy gorzelnéj wytrysły. —
«Skażone usta brzydkiego pjanicy
«Zabójczy oddech wyziewają zdala,
«Ktoś bierze dochód, a wieśniacy dzicy,
«Piją choć ciérpią, choć pierś się przepala;
«Pijąc przeklina truciznę paloną,
«A traci na nią wszystko do szeląga, —
«A choć gorączka przejada mu łono,
«Na nowo rękę do czary wyciąga.
«Gdy czadna para w mózgu się zakręci,
«Trucizna członki ogarnia co chwila,
«Wtedy pjanica pragnie tém goręcéj,

раза, въ селахъ не знали такого несчастія, развѣ богатый, въ болѣзни или въ постъ, употреблялъ каплю, для своего подкрѣпленія. Какой-то врагъ, сатана ему имя, желая отравить наши способности стиксовымъ ядомъ, изобрѣлъ напитокъ, вываренный въ дыму, брызнувшій изъ черной винокуренной сажи. Растлѣнные уста отвратительнаго пьянницы издали дышатъ убійственнымъ запахомъ, кто-нибудь получаетъ доходъ, а дикіе поселяне пьютъ, хотя страдаютъ, хотя разжигается грудь ихъ пьютъ, проклиная горючій ядъ, и тратятъ на него все до копейки, — и хотя горячка снѣдаетъ имъ грудь, они вновь все протягиваютъ къ чарѣ руки. И когда одуряющій паръ проникнетъ до мозга, ядъ поминутно проникаетъ члены его, тогда пьяница тѣмъ сильнѣе желаетъ и тѣмъ охотнѣе осушаетъ кружку. И вдругъ теряетъ умъ, въ очахъ его двоится ложный румянецъ разцвѣтаетъ на лицѣ, кричитъ, безумно бѣснуется сумогубецъ, безстыдство явно садится на челѣ его, — крикъ вмѣсто словъ

«I pożądliwiéj kielichy wychyla. —
«Wnet się zawściekla, w oczach mu się dwoi,
«Kłamliwa kraska na twarzy zakwitnie,
«Wola, samopas, bezrozumnie broi,
«Na czole bezwstyd osiada dobitnie. —
«Krzyk zamiast mowy i przekleństwa krocie,
«Gniew zamiast słowa i pochop do wojny,
«Zamiast wesołych gwarów przy ochocie,
«Żart obelżywy, lub śmiech nieprzystojny. —
«Cieszy się szatan że zdołał bezwładnie,
«Rozum zakować i zawikłać w pęta,
«Jeniec upada, na ziemi się kładnie,
«Istoty ludzkie leżą jak bydlęta...

Эти слова, раздирающія душу, вызываютъ невольное замѣчаніе: «Вѣдь это писано въ 1583 году? — Почему эта картина, списанная съ нравовъ тогдашняго народа, такъ вѣрна «въ приложеніи къ его современнымъ обычаямъ? Неужели «три вѣка движенія впередъ не произвели никакого благодѣтельнаго вліянія на нравственность народа? Неужели «тоже будетъ и еще за три вѣка?».

Во второй части авторъ вкратцѣ пробѣгаетъ города Червонной Руси: Люблинъ, Львовъ, Кіевъ, Бускъ, Сокаль, Бѣлжу, Перемышль, Хелмъ,—это бѣглый обзоръ, кое-гдѣ оживленный только искрами поэзіи; такъ напр. о Каменцѣ:

тысячи проклятій, ярость вмѣсто рѣчи, и пьяность къ битвѣ вмѣсто веселыхъ шутокъ на свободѣ, шутки безчестныя, или смѣхъ непристойный, — и сатана радуется, что успѣлъ безвластно умъ заковать въ сѣти, плѣнникъ падаетъ, валится на землю и груды людей лежатъ будто животныя...»

(ПЕРЕВОДЪ).

A tyż Kamieńcu sławny znakomicie,[1]
Kto godnie twoją wyśpiéwa pochwałę?
Kto cię osadził na twardym granicie,
Człowiek nie zdołał wrzucić cię na skałę.
Nie z ręki ludzkiéj, nie z uczonéj karty,
Lecz na skinienie wszechmocnego oka,
Na jednéj skale cały gród oparty,
A całe miasto to jedna epoka.
Bóg, nie zaś człowiek wykował cię z głazu,
Bóg nie zaś człowiek zdobędzie cię siłą,
Człek jest zrodzony, tyś stworzon do razu,
A stworzon piérwiéj nim człeka nie było. —
Gdy przyjdzie skonać zestarzałéj ziemi,
Ty musisz skonać jéj urodzin świadku. —
Lecz jakoś stanął przed miasty innemi,
Tak i upadniesz chyba na ostatku;
Nie bój się człeka bo cię niebo trzyma,
Lecz gdy powstaniesz na ojca co w niebie,
Znajdzie się mściciel na miasto olbrzyma,
Ten co cię stworzył i w prochu zagrzebie...

---

[1] *Переводъ.* «А ты, Каменецъ извѣстный великою славой, кто достойно воспоетъ хвалу тебѣ? Кто посадилъ тебя на твердомъ гранитѣ? Человѣкъ былъ не въ силахъ бросить тебя на скалу. Не людской рукою, не ученой картою, но мановеніемъ всесильнаго ока, основанъ на одной скалѣ цѣлый градъ, и цѣлый городъ—это одна каменная гора. Богъ—а не человѣкъ исковалъ тебя изъ камня, человѣкъ рожденъ, ты созданъ вдругъ, и созданъ прежде, когда не было еще человѣка. Когда придется умереть состарѣвшейся землѣ и ты умрешь, свидѣтель ея рожденія; но какъ ты явился прежде другихъ городовъ, такъ и погибнешь развѣ напослѣдокъ. Не бойся людей, тебя поддерживаетъ небо; но когда ты возстанешь на того Отца, который на небѣ, явится мститель на градъ исполина, тотъ кто создалъ тебя и въ прахъ тебя закопаетъ...»

Говоря о Львовѣ, онъ мѣтко характеризуетъ жидовъ, наводнившихъ польскіе города; говоря о Красномъ-прудѣ, утверждаетъ, что каждому можно ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, потому-что ихъ никто не искапывалъ. Слово справедливое, но слишкомъ смѣлое въ эпоху шляхетскихъ монополій, которыя всѣ дары земли раздѣлили между привилегированнымъ классомъ.

Въ третьей части, собственно посвященной изображенію народныхъ обычаевъ, — крещеніе Русскаго младенца, его плачъ на груди исхудалой матери, первыя игрушки, посты, строго соблюдаемые по восточному обычаю, братство, утверждаемое церковною клятвою, гаданія, разсказъ о колдуньѣ, которая заклала любовника опечаленной дѣвушки, похороны земледѣльца, стоны наемной плакальщицы, грамота, которую въ восточной церкви обыкновенно кладутъ въ руку умершаго, — все это черты изъ народной жизни, вѣрно подмѣченныя, и хотя описаны латинскимъ языкомъ, но мы чувствуемъ, что эта поэма бьетъ ключемъ народной жизни. Очарованіе ея тѣмъ полнѣе, что поэтъ для выраженія предметовъ русскихъ не ищетъ латинскихъ выраженій, но передаетъ ихъ подъ мѣстными названіями; вотъ примѣры:

«Auditur procul adveniens crepitare *Colassa*»[1]
(Słychać zdaleka skrzypiącą *kolasę*)

«Haec alimenta vocant patrio cognomine *Brinzam*»
(Ten pokarm nazywaja krajowém imieniem *Bryndzy*)

«Raro divertet qui *Pobratimus* erit»
(Rzadko się rozłączy kto jest *Pobratymcem*).

---

[1] *Переводъ.* «Издали слышенъ скрыпъ *колымаги*».

«Эта пища по названію мѣстному извѣстна подъ именемъ *Брындза* (овечій сыръ)».

«Рѣдко разлучится тотъ, кто *побратимцемъ*».

«Vir bonus atque colens prisca pietate *Cerequam*»
(Mąż pobożny, i starym obyczajem szanujący *Cerkiew*).

Полный переводъ нашъ поэмы Клёповича: *Роксоланія*, печатается теперь въ тип. Завадзкихъ въ Вильнѣ, въ III тетради *Переводовъ польско-латинскихъ поэтовъ*.

Польская поэма: *Матросъ* имѣетъ большее значеніе, нежели какое хотѣлъ придать ей сочинитель, потому-что онъ хотѣлъ научить только безопасному плаванію и прибыльной торговлѣ по Вислѣ, а создалъ поэму пріятную для сердца, важную въ отношеніи къ языку, драгоцѣнную, нравоописательную картину вислянскаго матроса, памятникъ мѣстностей, которыя возсозданы поэтомъ съ тѣмъ очарованіемъ, какое онѣ производили въ его свободной душѣ. Въ мирномъ плаваніи душа поэта конечно была свободнѣе, чѣмъ на сушѣ, потому-что въ произведеніи его мы замѣчаемъ высшую свободу мысли, больше красотъ въ языкѣ, взглядъ болѣе поэтическій на все то, что попадается ему на глаза. Выпишемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ Матроса; поэма начинается прекрасною, классическою картиною сотворенія міра.

Bóg na początku gdy niebo i ziemię,[1]
Stworzył — i morze i żywych dusz plemię,
Rozdzielił chaos na cztéry osady,
Z swéj Boskiéj rady.

«Мужъ добрый, по старому обычаю почитающій *Церковь*».

[1] *Переводъ*. «Когда Богъ вначалѣ создалъ небо и землю, и море, и родъ живыхъ существъ, онъ раздѣлилъ хаосъ по своему божественному совѣту на четыре части».

Niebem otoczył wszystko swoje dzieło,
Które podejrzeć ze wszystkich stron miło,
Tam wieczne ognie swoje miejsce mają,
I tam pałają.
Puste powietrze i wiatr nieosiadły,
Poniżéj zawisł — Na ziemi zaś padły,
Morza i rzeki, tamże mają zdroje
Poniki swoje.
Ziemia z górami zasiadła na dole.
Tu jéj grunt i dno, tu jéj plac i pole,
Każdy ma żywioł nie bawiąc się wiele,
Obywatele.

И здѣсь впрочемъ, какъ и въ Роксоланіи, основная мысль поэта та, что Полякъ сынъ прекрасной и плодородной земли, можетъ ни въ чемъ не завидовать своимъ сосѣдямъ, а довольствоваться собою.

«Każdy w granicy ojczyzny swéj — chleba,[1]
Może dostawać ile mu potrzeba,
Może zaniechać morskiéj nawalności,
Gwoli żywności, —

«Небомъ окружилъ Онъ все свое твореніе небомъ, на которое мило глядѣть со всѣхъ сторонъ, тамъ вѣчные огни имѣютъ свое пребываніе и тамъ горятъ они.

«Пустой воздухъ и вѣтеръ не осѣдающій повисли ниже, а на землю упали моря и рѣки, на ней и источники имѣютъ свои родники.

«Земля вмѣстѣ съ горами осѣла внизу, здѣсь ея основаніе и дно, здѣсь ея поле и мѣсто, и каждая стихія имѣетъ своихъ гражданъ.

[1] *Переводъ.* «Каждый въ предѣлахъ своего отечества можетъ достать хлѣба сколько ему нужно, и въ дѣлѣ пропитанія можетъ не нуждаться въ провозѣ моремъ.

Lecz miła Polska na żyżnym zagonie,
Zasiadła jako u Boga na łonie,
Może nie wiedzieć Polak co to morze,
Gdy pilnie orze.

Tu gumna w szczérych polach stoją hojne,
Tu wzór bogaty, tu żniwa spokojne,
Tu chłopek wesół, bo pewnie ma wszystko,
Kiedy ma żytko.—

Tu świerza dosyć, tu bydło rogate,
Tu woły tuczne i owce kosmate,
Pasą się w łąkach jałowice tłuste,
I kozy puste.

Stąd ma gospodarz i sprzężę do pługa,
Stąd ma odzieżę Pan i dobry sługa,
Stąd mięso świeże nabiału dostatek,
W mieszek ostatek.

Gęsi moc wielka w łęgu szczebiotliwych,
Kaczek łakomych, łabędzi krzykliwych,
W domu obfitość, sadowi się wszędzie,
Kurów po grzędzie.

Lub też do domu nielada potrawy,
I gołębiniec rodzi nam dziurawy,
Połcie też w domu z niemałą pociechą,
Wiszą pod strzechą.

«Милая Польша сѣла на плодоносной грядѣ, какъ у Христа за пазушкою. Полякъ можетъ не знать, что такое море, если онъ усердно пашетъ землю».

Здѣсь богатыя житницы стоятъ на поляхъ благодарныхъ, здѣсь всюду признакъ богатства, здѣсь мирная жатва, здѣсь селянинъ веселъ, потому-что ежели у него есть хлѣбъ, то навѣрное онъ имѣетъ всё.

Здѣсь звѣрей довольно, здѣсь скотъ рогатый, здѣсь волы тучны, здѣсь овцы доброрунны, на лугахъ пасутся жирныя телки и пустыя (тощія) козы.

Leśne bogactwa nieoszacowane,
Hojnym Polakom od nieba są dane,
A kto je sobie chce dobrze uwarzyć,
Może ich zażyć.

Po ziemi łanie i sarneczki żartkie,
Po drzewie ptastwo igra sobie wartkie,
Do barci niosą pracowite roje,
Zdobycze swoje.

Ryb też dostatek prawie dobréj wody,
Rodzą jeziora, stawy, rzeki, brody,
Owo Polakom na niczém nieschodzi,
Wszystko się rodzi.

Przetoż już nie wiém czemuś wżdy tak chciwy,
Polaku bracie! mając takie niwy,
Czego wżdy szukasz w dalekim powiecie,
Na nowym świecie.

Отсюда хозяинъ имѣетъ упряжь для плуга, отсюда получаютъ одежду и панъ и добрый слуга, отсюда свѣжее мясо, достатокъ молока и остатокъ въ мѣшокъ.

Въ гнѣздахъ множество гусей шепетливыхъ, лакомыхъ утокъ, лебедей крикливыхъ; дома изобилie куръ, вездѣ садятся онѣ по грядамъ.

За то и дома блюда на выборъ, водится у насъ и голубь дирявый, и полоти къ немалому удовольствію висятъ подъ крышей.

Лѣсныя неоцѣненныя богатства небо подарило щедрымъ Полякамъ, а кто захотѣлъ бы ихъ себѣ хорошо приготивить, тотъ могъ бы и пользоваться ими.

По землѣ олени и быстрыя козули, на деревьяхъ играетъ рѣзвый родъ пернатыхъ, трудолюбивыя пчелы сносятъ въ ульи свою добычу.

Рыбъ почти такъ же много, какъ и доброй воды: родятъ ихъ озера, пруды, рѣки, броды, и вотъ такимъ образомъ у Поляковъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка — все у нихъ родится.

Nie wiém skąd ci to przyszło żeś tak śmiały,
Iż opuściwszy na lądzie grunt cały,
Jąłeś się pływać po Wandzinéj wodzie,
Często ku szkodzie.

Więc się podnosim w głupią pychę zatém—
Co Polska rodzi nie przestajem na tém,
I już nam kramne i zamorskie rzeczy
Zawsze na pieczy.

Komięgi-ć to nam i szkuty sprawiły
I w nas tak marne utraty wprawiły
Tak nam dodały do złego ponęty,
Morskie okręty.

Bez zbytku Polak bez gwałtownych zysków,
Może się obejść i bez tych półmisków,
Dosyć mu dobrą lichwę ziemia daje,
Gumna i gaje».

Прекрасно изображаетъ онъ любовь матроса и шкипера къ ихъ занятію:

Потому я уже и не знаю, съ чего ты вѣчно такъ алченъ, братъ Полякъ! Имѣя такія нивы, чего ты еще ищешь постоянно въ дальнихъ уѣздахъ, въ новомъ мірѣ?

Не знаю, гдѣ ты набрался на столько смѣлости, что, оставивъ на сушѣ всѣ свои поля, вздумалъ плавать по водамъ Ванды, часто ко вреду самому себѣ.

По этому-то мы и пускаемся въ то глуппое чванство — не довольствуясь тѣмъ, что̀ приноситъ Польша, и лавочные, заморскіе товары стали намъ необходимы.

А все это надѣлали намъ коломенки и шкуты; онѣ-то и причиняютъ намъ столько суетныхъ издержекъ; морскіе корабли такъ приманили насъ ко злу.

Безъ роскоши, безъ насильственной прибыли и безъ этихъ блюдъ, могъ бы обойтись Полакъ, и земля, и гумна, и рощи приносятъ ему добрую прибыль.»

«A kiedy już Flis zasmakuje komu,[1].
Już się na wiosnę nie zastoi w domu,
Już ciecze ze krą do Gdańska w komiędze,
Boi się nędze.
Choćbyś mu stawił najlepszą zwierzynę,
Przecię on woli flisowską jarzynę,
Kiedy już tam raz albo ze trzy,
Grochu zawietrzy.
Choćby mu złote Merkurius słowa,
Lał krasomówny — wszystko myśl flisowa
Na Wiśle pływa za swoim Rotmanem,
Jak za Hetmanem.
U szypra także póty głowa szumna,
Póki nie zmłóci stobrożnego gumna,
Póki nie zwiezie żyta do szpiklerza,
Do *Kazimierza*.
Jedź gdzieś umyślił, jedź w Bożą godzinę!
Cnotliwy ziomku, a obcą rodzinę
Karm chlebem swoim: gdyż tam z łaski Bożéj,
Przedasz go drożéj.

---

[1] *Перевод.* «А ужь если кому полюбилось занятіе матроса, тотъ весной не усидитъ дома, онъ плыветъ вмѣстѣ съ льдинами въ Данцигъ въ коломенкѣ — онъ нужды боится.

Хоть предлагай ему самую лучшую дичь, онъ предпочтетъ ей матросскую зелень, если только раза два или три попробовалъ гороху.

Хотя бы Меркурій краснорѣчивый изливалъ предъ нимъ золотыя рѣчи — матросъ мысленно все уже плаваетъ по Вислѣ за своимъ ратманомъ, какъ за гетманомъ.

Да и у самаго шкипера до тѣхъ поръ не перестанетъ шумѣть въ головѣ, пока онъ не смолотитъ всего стоскирднаго гумна, пока не свезетъ хлѣба въ анбаръ въ *Казиміръ*.

Поѣзжай, куда ты задумалъ! поѣзжай въ добрый часъ, честный соотечественникъ! и питай своимъ хлѣбомъ чужое отечество: тамъ по милости Божіей ты продашь его дороже.»

Насмѣхается надъ запальчивыми спекуляторами, надъ торговою недобросовѣстностію, но коль скоро представится его глазамъ прекрасный горизонтъ, Клёновичъ забываетъ о своей сатирѣ и, какъ поэтъ, съ любовію къ своему предмету, съ сознаніемъ его красотъ, воспѣваетъ:

«A tu trzy ziemie zeszły się klinami,[1]
Dobrzyńska włość i Mazowsz z Kujawami,
Tu kiedy krzykniesz słyszą trzy powiaty,
Flisie gębaty!

Témże téż ujściem ujrzysz, ano góry
Haniebne z garnców niosą wodne fury,
Które prowadzą z Bydgoszczy zdunowie —
Jak olbrzymowie.

Gdy całkiem nieśli z gruntu wywarzone,
Skały Tessalskie — które ułożone,
Jedna nad drugą do niebieskich progów,
Sięgały Bogów.

Олицетворяетъ польскія рѣки: Нѣманъ, Бугъ, Наревъ и Вислу.

«Dwaj bracia z siostrą w drogę się wybrali,[1]
Z Litwy Niemen, Bug z Wołynia zuchwali,

---

[1] *Переводъ.* «А здѣсь клиномъ сошлись три страны—волость Добрынская, Мазовская съ Куявами; здѣсь крикъ твой слышатъ три уѣзда, пятрось голосистый!

Въ этомъ же устьи увидишь ты, какія огромныя горы горшковъ несутъ водныя фуры, которыя ведутъ горшечники изъ Быдгощи, исполинамъ подобно,

Когда они несли цѣликомъ оторванныя отъ земли Фессалійскія горы—горы, которыя, будучи взвалены одна на другую, касались небесныхъ пороговъ боговъ.

[1] *Переводъ.* «Два брата: изъ Литвы Нѣманъ, изъ Волыни Бугъ, дерз-

I Narew bystra jako siostra starsza,
Przyszła z Podlasza.
Wziąwszy przymierze bez gniewu i trwogi,
Zażyła sobie przyjacielskiéj drogi,
W małym orszaku co więc nie nowina,
Zgodna rodzina.

Potém lepszego bytu chcieli użyć,
Zachciało się im u królowéj służyć,
Co do niéj płyną ze wszech stron poprzeki,
Sarmackie rzeki.

Przystali tedy do *Nowego-Dworu*,
Narew i z bracią puściwszy się toru,
I tak służyli Wandzie Krakusowéj,
Jako królowej».

Увлекаемый воображеніемъ, онъ поэтически выводитъ происхожденіе слова: *Гнѣвъ*. Рѣка Наревъ, красотою цѣня себя не ниже Вислы, вздумала спорить съ нею о первенствѣ; малый потокъ, выбранный въ судьи, не можетъ рѣшить, за кѣмъ признать первенство, потому-что обѣ рѣки чудно-хороши:

кіе, выбрались въ путь съ сестрою, а быстрая Наревъ, какъ старшая сестра, пришла изъ Подлѣсья.

Вступивъ въ союзъ съ ними, безъ гнѣва и безпокойства, она снарядилась въ дружескій путь, съ небольшой свитой, что уже не новость — согласная родня.

Потомъ захотѣлось имъ искать лучшаго быта, служить королевѣ, къ которой со всѣхъ сторонъ бѣгутъ притоки — Сарматскія рѣки.

Онѣ пристали къ *Новому Двору*, Наревъ съ братьями пустились въ путь и вотъ стали служить Вандѣ Кракуса, какъ королевѣ».

«Szła para panien, każda z nich z osobna,[1]
Gwiaździe podobna».

Наконецъ судья отдалъ преимущество Вислѣ.

«Narew i z bracią wnet się rozgniewała,[2]
A inszą drogą płynąć się wezbrała,
A miejsce sądu na brzegu, na lewém,
Nazwano Gniewem».

Матросъ, какъ нравоописательный памятникъ, драгоцѣненъ еще собраніемъ *матросскихъ словъ*, т. е. техническихъ выраженій, какими называютъ различныя части корабля, берега, воды и т. д. Надвислянскимъ литераторамъ слѣдовало бы сравнить *Матроса* Клёновича съ современными намъ матросскими обычаями.

Вообще можно сказать, что въ разсматриваемой нами эпохѣ нѣтъ поэмы, которая бы такъ вѣрно отражала въ себѣ отечественныя черты и колоритъ, такъ хорошо соединяла бы отдѣльные эпизоды съ главною мыслію. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ, надѣемся, читатели уже составили себѣ понятіе о легкомъ плавномъ стилѣ Клёновича, и замѣтили прекрасныя его выраженія: Wiatry nie osiadły (*вѣтры не осѣли*,) Gumna stobrogowe (*гумна стоскирдныя*). Въ эпоху Вазовъ мы изучимъ и остальныя его сочиненія.

Въ минуту, о которой теперь рѣчь, жили уже знаменитые поэты: Шимоновичъ, Гроховскій, Чахровскій, Міас-

---

[1] *Переводъ*. «Шли двѣ красавицы, каждая изъ нихъ въ отдѣльности походила на звѣзду.»

[2] «Наревъ съ братьями за то разсердилась, проложила себѣ другое русло, а мѣсто, гдѣ происходилъ судъ, на лѣвомъ берегу названо Гнѣвомъ.»

ковскій, но произведенія ихъ принадлежатъ собственно къ эпохѣ Вазовъ. Здѣсь намъ остается вспомнить еще нѣсколько именъ писателей, заслужившихъ безсмертіе своими исключительно историческими трудами, но тѣмъ не менѣе достойныхъ нашего вниманія и какъ поэты. Во главѣ ихъ стоялъ *Мартинъ Ошостовичъ Стрыйковскій* (род. въ 1547, скончъ. послѣ 1580 г.), неутомимый путешественникъ, изъѣздившій почти всю Европу и Малую Азію, воинъ, а потомъ духовный и канонникъ, авторъ *Хроники* польской, литовской и жмудской, о которой мы скажемъ обширнѣе въ отдѣлѣ трудовъ историческихъ. Сюда принадлежатъ его стихотворныя произведенія: *О свободѣ польскаго государства,* и *о строгомъ рабствѣ впрныхъ подъ игомъ турецкимъ* (O wolności Korony Polskiéj, a srogiém zniewoleniu wiernych pod jarzmem Tureckiém. Краковъ, въ тип. Шарфенберга 1575 г.).

Вѣстникъ добродѣтели (Goniec cnoty), стихотвореніе менѣе предыдущаго плавное (Краковъ 1574 г.), «въ которомъ — какъ самъ говоритъ авторъ — собраны качества истинныхъ шляхтичей», содержитъ въ себѣ общія замѣчанія о шляхетствѣ и благородствѣ. *Зеркало хроники литовской* (Zwierciadło kroniki Litewskiéj, въ Любечѣ 1577 г.), риѳмованныя генеалогія князей литовскихъ, доведенная до временъ автора и положенная въ стихи исторія преимуществъ царствующаго дома, произведеніе, въ которомъ на первомъ планѣ у автора была достовѣрность историческая, а потомъ уже требованія поэтическаго искусства. Свою хронику польскую и жмудскую Стрыйковскій неоднократно перелистаетъ стихами; въ одномъ мѣстѣ онъ такъ извиняется въ этомъ: «Я сдѣлалъ это не съ инымъ намѣреніемъ, какъ съ тѣмъ, чтобы «единственно сильнѣе выразить битвы и подлинность собы-

«тія, какъ оно происходило, не щадя ни той, ни другой стороны, «но просто передавая разсказъ историческій, чему приводилъ я «несомнѣнныя доказательства на поляхъ латинскихъ лѣтопи«сцевъ. Такимъ образомъ, послѣ долгой и усильной работы, пи«савъ простою рѣчью, я, за неимѣніемъ чего-нибудь другаго, «утѣшалъ себя *poesi* innata, собственно и правдиво описы«вая стихами дѣянія почтенныхъ мужей, не изукрашая сво«его предмета вымыслами Гомеровыми, Виргиліевыми, или «Овидіевыми, но прямымъ путемъ ведя достовѣрную исторію».

При такихъ тѣсныхъ понятіяхъ о поэзіи Стрыйковскій, кромѣ истины исторической, казалось бы, не могъ подарить насъ тѣмъ удовольствіемъ, которое мы ощущаемъ при чтеніи поэзіи, между тѣмъ выходитъ противное. Чистота польской рѣчи, звучность размѣра, умѣнье уловить истину въ ея торжественную минуту—все это придаетъ стихотворному разсказу Стрыйковскаго почти поэтическое очарованіе. Для примѣра приведемъ его реляцію: *О преславномъ въѣздѣ въ Краковъ и памяти достойной коронаціи Генриха, князя изъ Анделавы, короля польскаго* (Краковъ, въ тип. Вѣржбенты 1574 года).

«Nazajutrz ośmnasty dzień który był lutego,[1]
Każdy chętliwie widzieć króla chciał nowego,
Wszystkie pola i wszystkie drogi pełne były,
Drzewa, wsi i pagorki ludem opłynęły:

---

[1] *Переводъ.* «На другой день, который былъ 18-ое февраля, каждый съ нетерпѣніемъ хотѣлъ видѣть новаго короля, всѣ поля и всѣ дороги были наполнены, деревья, села и холмы полны были народомъ; отъ Кракова до Балицъ, куда не взгляни, вездѣ, каждый ведетъ свои роты въ блестяще-торжественныхъ рядахъ; гусары несутся отовсюду, какъ лѣсъ, съ знаменами; Французы влекутся на мулахъ, въ дрогахъ; двое на лоша-

Od Krakowa do Balic gdzie pojrzysz tam wszędzie,
Każdy swe hufy wiedzie w świetno-hucznym rzędzie,
Ussarze zewsząd płyną jak las z proporcami,
Francuzowie się wloką z mułami, z karami,
Dwa na koniu — drudzy też wiodą swe toboły,
A Febus swe promienie rozłożył wesoły.
Arcybiskup Gnieźnieński dwieście jezdnych strojnie,
Po ussarsku wiódł naprzód przybranych tak hojnie,
Że aksamity, srebro, złoto zakrywało,
Od proporców się różnych słońce odmieniało. —
Sam z Płockim i Poznańskim biskupy — za tymi
W kolebce świetnéj jechał — krzyż niosą przed nimi;
Arcybiskup też Lwowski jechał z poczty swemi,
I biskup Kamieniecki z dworzany strojnemi:
A z Krakowskim biskupem podkanclerzy potém,
Dwieście pocztu po włosku, świetno, strojem złotym.
Na każdym był axamit podbity kunami,
Haftowany kosztownie srebrnemi sznurami;
Tuż Kujawski i Chełmski biskup ichże wzorem,
A pan Krakowski potém z świetnym wielkim dworem,
Za tym wojewodowie z pysznemi hufami,
Krakowski Firlej z bratem trzysta wiedli sami,
Sandomirski tak wiele też z bratem Miecznikiem,

дяхъ — другіе также ведутъ свои суны (tobolv), а Фебъ веселый разсыпалъ свои лучи. Впреди всѣхъ архіепископъ гнѣзненскій велъ двѣсти всадниковъ одѣтыхъ по-гусарски и съ такимъ богатствомъ, что бархатъ, серебро и золото покрывали, отъ разноцвѣтныхъ знаменъ солнце мѣнялось. — Самъ же онъ съ епископами плоцкимъ и познаньскимъ ѣхалъ за ними въ блестящей люлькѣ — предъ ними несутъ крестъ; архіепископъ львовскій ѣхалъ такъ же съ своею свитою, епископъ каменецкій съ своими дворянами, а съ епископомъ краковскимъ подканцлеры, потомъ двѣсти ч. свиты, одѣтыхъ по-итальянски въ золотыя блестящія одежды; на каждомъ былъ бархатъ подбитый куницами, богато ушитый серебряными позументами. Тутъ же епископъ куявскій и хелмскій по ихъ примѣру, а потомъ панъ краков-

Jechali lsniący złotem zewsząd hucznym szykiem.
Trzysta mężnych ussarzów wielmożnie przybranych,
Blask z tarczy i proporców złotem malowanych i t. d.

Сюда же относятся не важныя по поэтическимъ достоинствамъ произведенія Стрыйковскаго, частью до насъ дошедшія, частью потерянныя: *Трены на смерть Сигизмунда Августа*, стихотвореніе противъ *Новокрещенцевъ*, *О здравомъ совѣтѣ*, *Буколики* и т. д.

Бартошъ изъ Глоголя Папроцкій не оказалъ никакихъ услугъ искусству, не смотря на то, что нашъ заслуженный геральдикъ готовъ былъ писать риѳмами и исторію и гербы, и стратегику и о предметахъ религіи, похвалы и сатиры. Родившись въ Мазовіи въ 1550 и скончавшись въ 1614 году, онъ не умѣлъ сознать достоинства человѣка, трудящагося на поприщѣ науки. Для золота онъ готовъ былъ пожертвовать правдою и перемѣнить отечество, сегодня писать поносныя пасквили, а завтра униженно пресмыкаться у ногъ. Несчастный въ жизни съ своей супругою Ядвигою изъ дома Коссобудскихъ, кастеланшей сѣрпскою, преслѣдуемый тѣми, коихъ онъ несправедливо оскорблялъ, за пасквили, которыми онъ поражалъ Замойскаго, получая хорошую за то плату отъ Зборовскихъ, принужденный наконецъ искать убѣжища въ Богеміи,—Папроцкій пропитался тѣмъ большею желчію, тѣмъ ядовитѣйшею горечью дышало его перо. Его великими заслугами, какъ геральдика, мы займемся въ дру-

---

скій съ блестящимъ, великимъ дворомъ, за нимъ воеводы съ великолѣпными свитами, Фирлей краковскій съ братомъ одни вели триста, Сандомирскій столь же много, онъ съ братомъ мечникомъ ѣхалъ, блистая золотомъ съ богатою свитою. Триста человѣкъ гусаръ великолѣпно убранныхъ; блескъ съ щитовъ и знаменъ, разукрашенныхъ золотомъ...» и т. д.

гомъ мѣстѣ; здѣсь же исчислимъ удачнѣйшіе изъ его чисто-стихотворческихъ трудовъ, не отличающихся впрочемъ ни языкомъ, ни стилемъ, ни высотою мысли. Сюда принадлежитъ *Торжество лѣсныхъ сатировъ, водяныхъ сиренъ, небесныхъ планетъ о счастливомъ возвращеніи короля Стефана изъ похода на Москву* (Краковъ, въ тип. Матвея Гарвольчика 1582 г.), стихотвореніе, приписанное Филону Кмитѣ. Это, быть можетъ, одно изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Папроцкаго; но какъ далеко оно отъ того живаго одушевленія, которымъ вдохновили Кохановскаго доблестные подвиги короля Стефана! Сатиръ, испуганный громомъ пушекъ, выбѣгаетъ изъ лѣсу, чтобы взглянуть на дѣла богатырскія; за Сатиромъ выходитъ цѣлый сонмъ олимпійскихъ божествъ, вооруженныхъ стрѣлами, въ лавровыхъ вѣнкахъ, каждое съ своими аттрибутами. Каждый изъ боговъ поетъ что-нибудь въ честь торжествующаго Стефана. — Для примѣра приведемъ одну изъ этихъ пѣсней:

«Dokąd jasnemi obłoki,[1]
«Okrywa się świat szeroki,
«Twoje imie możny królu znacznie sławnąć będzie,—
«Głośnych strun, hucznych trąb, dźwięki rozniosą cię wszędzie.
«Hektor on królewic mężny,
«Achilles Greczyn potężny,
«Wszyscy w tym wieku niszczeją z onéj mężnéj sprawy,
«Na cię oko swe obrócił sam Jowisz łaskawy».

[1] *Переводъ.* «Почто свѣтлыми облаками покрывается широкій міръ? имя твое, король великій, очень прославится; громкихъ струнъ, шумныхъ трубъ звуки разнесутъ вѣсть о тебѣ повсюду. Самъ Гекторъ царевичъ мужественный, Ахиллесъ сильный Грекъ—всѣ въ этотъ вѣкъ умаляются отъ этого мужественнаго дѣла; самъ Юпитеръ обратилъ на тебя свои благосклонные взоры».

Десять заповѣдей мужа (Dziesięcioro przykazań mężowo. Краковъ, въ тип. Вѣржбенты 1575). Здѣсь Папроцкій излилъ весь свой ядъ противъ женщинъ. Г. Бартошъ имѣлъ такъ мало уваженія къ прекрасному, что слѣдующіе напр. два его стиха не могутъ еще назваться самыми колкими:

«Najsroższego źwierzęcia zrozumiesz naturę, [1]
«U téj—jeden czart w sercu, drugi wlazł za skórę.

Рыцарскій кружокъ, въ которомъ различныя животныя ведутъ свои разговоры (Краковъ, въ тип. Петрковчика 1576 г.): это—басни, переведенныя или, лучше, передѣланныя съ богемскаго, къ которымъ Папроцкій добавляетъ примѣры изъ отечественной исторіи. — *Паноша*, т. е. *изображеніе господъ и господчиковъ земель Русской и Подольской* (Panosza tho jest wystawienie panów i paniąt ziem Ruskich i Podolskich, у Вѣржбенты 1575 г.): въ несвойственной формѣ, произведеніе это тѣмъ не менѣе представляетъ вѣрную характеристику польскихъ провинцій и шляхетскихъ домовъ. Онъ хвалитъ таланты и заслуги лицъ, но не забываетъ о ихъ слабостяхъ и комизмѣ. Вотъ на примѣръ характеристика *Яна Витовскаго*:

«Nie bój się, nie zawiedzie ja ręczę za niego, [2]
«Byś chciał całym Achtelem możesz pić do niego,
«Wierzę, i że go Bachus przysłał w ten kraj w dary,

[1] «Самаго хищнаго животнаго ты узнаешь природу, у ней—одинъ чортъ сидитъ въ сердцѣ, а другой подъ кожею.»

[2] *Переводъ*. «Не опасайся—не обманетъ онъ, я за него ручаюсь; если хочешь, можешь пить у него цѣлымъ ахтелемъ; вѣрю, что Бахусъ прислалъ его въ даръ этой странѣ, потому-что онъ любитъ напитки и почти

«Bo widzę lubi trunek, a prawie bez miary.
«A odłożywszy kufla nie dawaj statuta,
«Prędko on z swojéj głowy z ciebie bałamuta
«Uczyni — Sulpiciusz trudnoby mu sprostał,
«Nasz Witoś w każdém prawie wnetby go wychłostał».

Онъ говоритъ о Гербуртѣ, что онъ любитъ сидѣть дома и считать деньги, но сыну своему даетъ прекрасное воспитаніе; о Бирултахъ — что они не позволяютъ обманывать себя своимъ женамъ, охотники до драки, хотя и велятъ себѣ дорого платить за раны, полученныя въ дракѣ; о Калиновскихъ — что они извѣстны если не умомъ, то карманомъ; о Паскѣ — что его не слѣдуетъ трогать, «потому-что онъ сейчасъ и опояшетъ саблею пасху» и т. д.

Прочія менѣе важныя сочиненія Папроцкаго суть: *Каталогъ* гнѣзненскихъ архіепископовъ, *Объ обращеніи* св. Магдалины, *Разговоръ* съ священникомъ и нѣсколько сочиненій на богемскомъ языкѣ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Почтенный нашъ историкъ *Мартинъ Бѣльскій*, по прозванію *Вольскій* (род. 1490, ум. 1575 г.), авторъ Всемірной Хроники, любилъ иногда переплетать стихами свои любопытные разсказы о нашихъ предкахъ. Хотя Бѣльскій образцемъ для себя избралъ Николая Рея изъ-Нагловицъ, и искуственно подражалъ его естественной простотѣ, во всякомъ случаѣ однакожь у него мы замѣчаемъ большую гибкость языка и перо болѣе свободное. Какъ поэтъ, Мартинъ

безмѣрно. А оставивъ въ сторонѣ кубокъ, не давай ему статута: не то онъ какъ разъ тебя одурачитъ, — Сульпицій съ трудомъ могъ бы съ нимъ равняться; нашъ Витось вдругъ надулъ бы его во всѣхъ отношеніяхъ».

Бѣльскій принадлежитъ къ разряду сатириковъ. Особенно извѣстны слѣдующія его сочиненія: *Женскій сеймъ* (Sejm niewieści), ропотъ женъ противъ мужей, и Сеймъ, на которомъ тогдашнія эманципатки совѣщаются о судьбахъ Республики. Собственно говоря, сочиненіе это имѣетъ цѣлію не осмѣяніе женщинъ, но указаніе недостатковъ польскаго правительства. *Майскій сонъ одного пустынника въ зеленой рощѣ*, гдѣ поэтъ, соболѣзнуя о бѣдствіяхъ Венгріи, предсказываетъ печальную участь Польшѣ.

Разговоръ двухъ новыхъ пророковъ, двухъ барановъ съ одной головою (Крак. 1587 года). Здѣсь есть стихи:

«Lepsze więc bywa w polu rycerskie ćwiczenie,[1]
«Kiedy mąż na się włoży żelazne noszenie,
«Drzewo niesie, proporzec dobry wiatr podawa,
«Tarcz cudna na lewicy na ramie przystawa».

Послѣ Бѣльскаго осталось въ рукописи около 20 листовъ сатирической поэмы: *Война Кокоша.*

Іоахимъ, сынъ Мартина Бѣльскаго, издатель и продолжатель сочиненій своего отца, былъ замѣчательнымъ историкомъ и латинскимъ поэтомъ, но сочиненія его принадлежатъ уже къ эпохѣ Вазовъ.

Николай Христопоржскій издалъ въ 1572 году у Вѣржбенты поэму: *Описаніе города Ниневіи* (Niniwe miasto wykonterfektowane), въ которой онъ, по примѣру Іоны, упрекая своихъ соотечественниковъ въ ихъ порокахъ, сластолюбіи и пьянствѣ, призываетъ ихъ къ исправленію и

[1] *Переводъ.* «Рыцарское упражненіе въ полѣ бываетъ гораздо лучше, когда мужъ надѣнетъ на себя желѣзные доспѣхи, держитъ древко, когда вѣтеръ развѣваетъ знамя, чудный щитъ въ лѣвой рукѣ пристаетъ къ плечу».

покаянію. Произведеніе это ниже латинскаго Іоны Дантышка, котораго мы выше приводили въ переводѣ.

Намъ остается вспомнить еще нѣсколько знаменитѣйшихъ именъ иностранцевъ, которыхъ поэтическія произведенія, вдохновенныя въ Польшѣ, имѣли своимъ предметомъ наше отечество. Однимъ изъ такихъ поэтовъ былъ *Франциск Гуніадъ*, изъ сочиненій котораго мы укажемъ здѣсь на двѣ поэмы. Первая изъ нихъ: Ephemeron seu itinerarium Andreae Bathorei (Дневникъ путешествія Андрея Баторія кардинала. Краковъ, въ тип. Лазаря Андрысовича 1556 г). Здѣсь онъ такъ описываетъ его пріѣздъ въ Польшу.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Tunc vastos aperit silvosa Polonia tractus».

«Széroko leśna Polska swój widok odkrywa,[1]
Gdzie chodzą liczne stada — ale srogie chłody
Pozazdrościły polom bogatszego żniwa,
Pozazdrościły wzgórkom winnicznéj jagody.
Ani kamiennym brukiem ich droga pobita,
Ani w dójrzałym kłosie widnieje plon złoty,
W chłodnych promieniach słońca i myśl nie rozkwita,
A mieszkańcy powolni i pełni prostoty.
Jakżeś mało, o! mało podobna kraino
Do szczęsnéj Węgierszczyzny gdzie dójrzewa wino!

[1] *Переводъ*. «Широко раскрываетъ свой горизонтъ лѣсистая Польша, гдѣ ходятъ стада многочисленныя — но сильные морозы позавидовали полямъ въ ихъ болѣе богатой жатвѣ, позавидовали холмамъ въ ихъ виноградныхъ гроздахъ; дороги ихъ не покрыты каменной мостовою, не видно золотыхъ плодовъ въ колосѣ созрѣломъ, въ холодныхъ лучахъ солнца мысль не разцвѣтаетъ, а жители оной лѣнивы и исполнены простоты. О! какъ же мало, мало ты, страна, похожа на счастливую Венгрію, гдѣ вино созрѣваетъ! Мы, путешественники, минувши рубежъ Хесмарка, поворотили къ древнему Чорстыну, который съ вер-

My podróżni minąwszy Chesmarku rubieże,
Na starożytny Czorsztyn zwróciliśmy drogę,
Co ze skały, ojczystych pograniczów strzeże,
Wiarołomnym najezdcom przyprawia o trwogę. —
Owo trzecia jutrzenka błysnęła na niebie
Gdyśmy do Nowotargu, zatęsknieni srodze
Przybyli — o mieścino czekaliśmy ciebie
Jako pielgrzym słodkiego wywczasu na drodze!
Owo mury Wieliczki kędy w łonie ziemi
Ciągnie się pasmo jaskiń ze skarby solnemi;
A owo stary Kraków — u małego brzega
Wielki grod się wydźwignął — Sarmatów kolebka —
We trzy razy pod miastem twardy mur obiega,
A na skromnym pagórku błyszczy twierdza krzepka. —
W prawo idzie płaszczyzna — lecz dzięki wyszynie,
Wściekły wicher nie zewsząd do miasta się wciska,
A owo matka — Wisła uroczyście płynie —
Igra z wichrem, i pianę po brzegach rozpryska.

Второе произведеніе Гуніада — это: Плачъ о смерти Стефана Баторія (Piis manibus D. Stephani Bathorei Reg. Pol. въ Краковѣ, въ тип. Лазаря Андрысовича 1588 г.).

Другой иностранецъ *Адамъ Шретеръ*, Нѣмецъ, родомъ изъ Силезіи, написалъ латинскую поэму: *О соляныхъ копяхъ*

шины скалы бережетъ границы отечества и поселяетъ опасенія въ вѣроломныхъ наѣзднивахъ. Третья уже заря возсіяла на небѣ, когда мы, соскучившись не на шутку, прибыли наконецъ въ Новый-Торгъ — о городъ! мы тебя ожидали, какъ странникъ желаннаго на пути покоя! Вотъ стѣны Велички, гдѣ въ нѣдрахъ земли тянется рядъ пещеръ съ соляными сокровищами А вотъ и старый Краковъ — у малаго берега явился городъ великій — колыбель Сарматовъ — городъ три раза обходитъ крѣпкая стѣна, а на скромномъ холмѣ сіяетъ грозная твердыня. — Вправо идетъ равнина — но, благодаря возвышенности, вихорь порывистый не со всѣхъ сторонъ проникаетъ въ городъ. Но вотъ и ты — мать-Висла — течешь торжественно — съ вѣтрами играешь и пѣною берега убѣляешь —

Велички (Iter salinarium Sarmatycum). Восхваляя благотворное дѣйствіе соли, онъ утверждаетъ, что недостатокъ ея бываетъ причиною многихъ болѣзней. Онъ приводитъ слова евангельскія, въ которыхъ І. Христосъ для выраженія высокаго призванія Апостоловъ назвалъ ихъ солью міра (sal estis mundi). Далѣе исчисляетъ онъ соляныя копи. Для примѣра приведемъ здѣсь отрывокъ:

(ПЕРЕВОДЪ).

«Gdym solne lochy rozpatrywał chciwie,[1]
«Dobry Koszyński (Coschivius) mając mię na pieczy
«Rzekł mi: «Adamie! dowiész się o dziwie,
«Trzeba mu wierzyć jak doznanéj rzeczy. —
«Kiedy z gór naszych woda się zakradnie,
«Zaleje lochy, i wsięknie do jamy,
«Od wody proszek wyrabia się snadnie,
«Co my saletrą w Polsce nazywamy. —
«Wtenczas się zdarza że idąc kopacze,
«Lampą na ciemnéj przyświecają drodze,
«Płomień od lampy aż na ściany skacze,
«Jaskinia buchnie, zadymi w pożodze, —
«A wzdęty płomień przelatuje wszędzie,
«I nie wprzód zgaśnie aż saletrę wyje,
«A biada temu kto w ognisku będzie!
«Płomień go spali, a wyziew zabije.

[1] *Переводъ.* «Когда я съ любопытствомъ осматривалъ соляныя пещеры, добрый Кошинскій, наблюдавшій за ними, сказалъ мнѣ: «Адамъ, ты услышишь чудо; ему нужно вѣрить, какъ дѣлу извѣданному на опытѣ. Коль скоро хлынетъ вода съ горъ нашихъ, зальетъ пещеры, проникнетъ въ ямы, отъ воды образуется порошокъ, который мы въ Польшѣ называемъ селитрою. Тогда случается, что копатели, идучи, лампою освѣщаютъ себѣ темный путь, пламя изъ лампы бросается на стѣны, пещера вспыхнетъ и задымится пожаромъ, — огонь же поднявшійся всюду летаетъ и тухнетъ не прежде, пока не истребитъ селитры; и горе тому, кто будетъ въ этомъ планеніи! Пламя сожжетъ его, а испаренія убьютъ. Но бывалыхъ опытъ научаетъ. Копатель поспѣшно ложится на землю,

«Ale bywałych doświadczenie uczy,
«Kopacz z pośpiechem na ziemię się kładnie,
«A ogień wierzchem przelatuje, huczy,
«Spala saletrę, i zgasa bezwładnie».

О польскихъ соляныхъ копяхъ писали еще *Конрадъ Цельтесъ*, о которомъ мы говорили выше, *Іоахимъ Вадіанусъ* Швейцарецъ (при Сигизмундѣ I), *Loechius* Шотландецъ, принявшій подданство въ Польшѣ, и другіе. Впрочемъ нѣтъ возможности исчислить всѣ ихъ труды и имена, тѣмъ болѣе, что одни изъ нихъ не принадлежали къ этой эпохѣ, другіе не исчерпали того богатаго предмета, какой представляютъ нѣкогда наши, поэтическія соляныя копи.

Такъ какъ цѣль нашей книги состоитъ наиболѣе въ томъ, чтобы ознакомить *публику* съ духомъ литературы, а не съ ея библіографіей, то мы увольняемъ себя отъ труда исчислять таланты посредственные, не характеризующіе духа нашей эпохи. Да и какая нужда знать публикѣ, что какой-нибудь *Чарадзскій* писалъ стихи на бракосочетаніе Николая Комаровскаго, что Касперъ *Мадалинскій* написалъ дюжинную поэму о медицинѣ подъ заглавіемъ: *Ятротеологономикомахія* (Jatrotheologonomicomachia), что Георгій изъ *Тычина* писалъ стихотвореніе на бракосочетаніе Сигизмунда Августа, желая обратить на себя королевское вниманіе, что кто-нибудь писалъ стихи въ честь Гамрата, что тотъ привѣтствовалъ Мацеіовскаго со вступленіемъ на епископскій престолъ, а этотъ бѣдными риѳмами оплакивалъ смерть великаго Тарновскаго, что жалобные вопли одного печатались у Ветора, другаго у Шарфенбергеровъ, — если эти поэзіи ни сердца не тронутъ, и ни чему не научатъ

огонь вверху летаетъ, гремитъ, сожигаетъ селитру и угасаетъ безсильный».

касателено нашего отечества. Итакъ, проходя молчаніемъ эти слабые польскія и латинскія произведенія, закончимъ нашъ взглядъ на эпоху Ягеллоновъ разборомъ нѣсколькихъ болѣе важныхъ сатиръ, сочинители которыхъ остались намъ неизвѣстными.

Сатира на Лютеранъ подъ заглавіемъ: *Разколъ секты Лютера* (Różnica Sekty Luterowéj), писанная 8-сложными силлабическими стихами и состоящая изъ 84 строфъ, представляетъ образецъ того, какъ смотрѣли тогда на не католическія исповѣданія, и съ какимъ взаимнымъ ожесточеніемъ преслѣдовали другъ друга послѣдователи разныхъ, но дѣти одного отечества. Выпишемъ нѣсколько строфъ изъ этой сатиры:

Bóg rzekł prosto témi słowy:[1]
Dawam wam ten mandat nowy,
Przykazał niż wstał od stołu,
Miłujcie się wszyscy społu.

Po tém ci lud poznać Boży,
Gdzie się miłość z łaską mnoży,
Próżnać nadzieja zbawienia,
Tam gdzie nie masz miłowania.

Boć to czartowskie nastroje,
Walki, zwody, niepokoje,
A ten błąd co dziś jest w wierze,
Też od czarta pochod bierze. —

[1] *Переводъ.* «Богъ просто изрекъ такія слова: «вотъ я даю вамъ новую заповѣдь», приказалъ имъ прежде, чѣмъ всталъ изъ-за стола «любите взаимно другъ друга!»

Поэтому и узнать (можно) Божій народъ, гдѣ любовь умножается съ благодатію; напрасна надежда спасенія тамъ, гдѣ нѣтъ единенія любви.

Потому-что дѣло сатаны — борьба, обманы, безпокойства; да и это заблужденіе, которое явилось теперь, также происходитъ отъ дьявола

Богъ хочетъ видѣть въ насъ одно стадо, чтобъ мы жили въ единеніи и покорности — самъ онъ назначилъ эти границы, но дьяволъ хочетъ видѣть различіе».

Chceć nas Pan mieć w jednym zborze,
W łasce, w jedności, w pokorze,
Sam wymierzył te granice,
Ale czart chce mieć różnice.—

Przezeń ci Luter zwiedziony,
Zwaśnił Chrześcijańskie strony,
Prawie im zaślepił oczy,
Jako chce tak nimi toczy.

Nakoniec rożkiem zasadził,
Mniema iżby Boga zdradził,
Ożenił się błazen żoną,
Też jakąś mniszką szaloną i t. d.

Въ подобномъ же духѣ, только еще язвительнѣе, выходили сатиры на кальвинистовъ и лютеранъ, какъ-то: *Анатомія Мартина Лютера* (1546 г.), Martyrologium dubieckie (1563), всего же болѣе подобныхъ сочиненій издавалось въ эпоху Вазовъ. Къ чему, спрашивается, могли служить подобныя язвительныя стихотворенія? развѣ къ большему только ожесточенію умовъ, а ужь отнюдь не къ убѣжденію разновѣрцевъ.

Протестанты, съ своей стороны, не пропускали даромъ подобныхъ пошлостей и, платя за стихи стихами, не щадили ни епископовъ, ни папы. Впрочемъ справедливость требуетъ сознаться, что въ нападеніяхъ своихъ протестанты были гораздо умѣреннѣе католиковъ, особенно іезуитовъ, которыхъ грубыя, бранныя насмѣшки превосходили всѣ правила приличія. Набросимъ же покровъ на этотъ предметъ.

Лютеръ, обманутый имъ, разъединилъ христіянскіе народы, почти ослѣпилъ имъ глаза, какъ хочетъ, такъ и правитъ ими.

Наконецъ рогомъ задѣлъ, и думаетъ, что обманулъ Бога, — шутъ вступилъ въ бракъ съ какою-то съумасшедшею монашенькой» и т. д.

Кромѣ того, по рукамъ ходили еще печатные пасквили и сатиры, какъ-то: на Пшонку архипресвитера, на Яна Замойскаго—сочиненіе Самуила Зборовскаго, или кого-нибудь изъ его приверженцевъ (быть-можетъ, Папроцкаго). Эти стихи начинались такъ:

«Okrucieństwo Nerona, pycha Adryana,[1]
«Od rzymskich historyków światu opisana,
«Mnie nie zemsta lecz prawda opisać przymusza,
«Niecne życie, tyrana Polski Szaryusza.

Были еще сатиры на королеву Бону, на Сигизмунда Августа, на женщинъ вообще; но отвратимъ взоръ отъ этихъ произведеній жесткихъ, ни сколько неостроумныхъ, дышащихъ личностію, для того, чтобы съ удовольствіемъ взглянуть на забавное, невинное, нравоучительное установленіе, въ которомъ свободно развивался народный юморъ, а его выходки, переносясь изъ устъ въ уста, были предметомъ веселыхъ бесѣдъ въ цѣломъ краѣ. Читатели угадываютъ, что мы намѣрены говорить о *Республикѣ Бабинской*. Изобразимъ ея первоначальную исторію по тогдашней стихотворной реляціи Ахацего Кмита. Пшонка и Кашовскій, оба старики, убѣленные сѣдинами, въ веселомъ кругу возымѣли мысль учредить Республику, въ которой, съ цѣлію исправленія людскихъ слабостей, было бы положено раздавать должности, совершенно противныя характеру лицъ. Республику по имени одной деревни Пшонки назвали Бабинскою; въ ней были свои засѣданія, суды, акты и патенты. Сеймы Бабинскіе назывались Giełdą (биржей). Первѣйшія лица государства охотно записывались въ члены веселаго общества. Тамъ занимали должности Замойскій, Рей, Кохановскій, Па-

[1] *Переводъ.* «Жестокость Нерона, гордость Адріана, описанная міру римскими историками, заставляетъ меня описать не мщеніе, но правду, жизнь безчестную тирана Польши — *Szaryusza*».

процкій, Шаржинскій, Соцыгнёвскій; тамъ вѣроятно и Рей выступилъ не съ одной *Проказой*, Кохановскій не съ одною *Вездѣлицею*, Папроцкій не съ одной насмѣшкою надъ женщинами. Мы знаемъ о нѣсколькихъ должностяхъ Бабинскихъ, кому и какимъ путемъ онѣ достались. Кто-то говорилъ, что онъ видѣлъ колоколъ слѣпленный изъ Илжецкой глины; если станутъ звонить въ него въ Краковѣ, то звонъ чрезъ восемь недѣль доходитъ до Рима: разскащикъ сдѣланъ былъ историкомъ Бабинскимъ. Кто-то другой хвасталъ, что когда однажды онъ ударилъ быка, то рука его прошла ему сквозь шею и вышла на другую сторону: его сдѣлали гетманомъ. Ловчій Бабинскій обязанъ былъ своею должностію охотническому приключенію: видя однажды, какъ старый слѣпой кабанъ, держась за хвостъ молодаго, шелъ на лугъ, онъ выстрѣлилъ молодому въ хвостъ такъ, что часть его осталась въ зубахъ лѣснаго ветерана, и потомъ, взявъ за этотъ небольшой кусокъ хвостъ, привелъ стараго кабана къ себѣ домой за двѣ мили. Тамъ, когда онъ былъ убитъ, найдено въ немъ шесть копій, двѣнадцать пуль и клыки огромные какъ серпы. Другой разсказывалъ о соколѣ, который облетѣлъ всѣхъ европейскихъ монарховъ, наконецъ достался Баторію и ловилъ на воздухѣ пули. За такую повѣсть разскащикъ былъ сдѣланъ Бабинскимъ посломъ отъ нѣмецкой націи. Кмита за то, что не умѣлъ или не хотѣлъ разсказать о своемъ посольствѣ въ Турцію, сдѣланъ былъ турецкимъ переводчикомъ. Гартышъ, обманутый въ надеждахъ получить богатое староство, сдѣланъ былъ главнокомандующимъ Бабинскимъ. Менжикъ, бривщій бороду, былъ женскимъ гофмейстеромъ; пьяницу воеводу именовали кравчимъ, молчаливый Бончальскій исполнялъ должность вѣстовщика и т. д.

— Кто у васъ королемъ въ Бабинѣ — спросилъ однажды Кашовскаго Сигизмундъ Августъ.

— «Боже сохрани насъ — отвѣчалъ тотъ — отъ избранія другаго короля при жизни в. к. величества.

Добрый Сигизмундъ Августъ не разсердился за эту нѣсколько грубоватую шутку.

Мы не уклонились отъ своего предмета, помѣщая Пшонку и Кашовскаго, вмѣстѣ съ ихъ республикою, въ разрядѣ поэтовъ. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть поэтичнѣе этихъ двухъ «благословенныхъ старцевъ», бывшихъ душею обществъ и увеселеній, любившихъ говорить правду, и ихъ остроумнаго, нравоисправительнаго учрежденія? Отъ этой устной и животворной поэзіи, возвратимся снова къ письменной, и, по окончаніи нашего обзора оригинальныхъ писателей, исчислимъ по-очереди лучшихъ изъ переводчиковъ поэтическихъ произведеній.

Здѣсь прежде всего заслуживаютъ нашего вниманія переводы отдѣльныхъ псалмовъ и набожныхъ пѣсней, дѣланные христіянами, католиками и протестантами: памятники важные по языку, драгоцѣнные какъ молитва, но, разсматриваемые со стороны искусства, не имѣющіе высокаго достоинства. Къ тому, что̀ мы сказали выше о переводѣ псалмовъ и пѣсней, прибавимъ еще слѣдующее.

Отдѣльные псалмы Давида переводили: Тржицѣскій, Рей, Клоновичъ, Бернардъ Ваповскій, Яковъ Любельчикъ. Сюда же принадлежитъ и Псалтырь Кохановскаго, хотя мы болѣе готовы смотрѣть на нее, какъ на оригинальное произведеніе, потому что Кохановскій, какъ мы сказали, не столько переводчикъ псалмовъ Давида, сколько творецъ польской псалтыри, по образцу Давидовой.

Кальвинисты и лютеране для употребленія народнаго переводили различныя пѣсни съ латинскаго и немецкаго языковъ. Въ этомъ участвовали: Секюціанъ, Яковъ Силій, Петръ Кшесихлѣбъ (Artomius), Христофоръ Краинскій,

Янъ Гембицкій, Турновскій. Собранія благочестивыхъ пѣсней у католиковъ назывались *Кантычками*, а у протестантовъ—*Канціоналами*. Изберемъ лучшій изъ этихъ трудовъ, т. е. переводы Гембицкаго. Вотъ для примѣра гимнъ пророка Іереміи:

«Tak, tak! pysznych osiadłości[1]
«Starte będą bez litości!
«A człeka podłego noga,
«Po nich ukaże gdzie droga;
«Boże nasz! wszak my do ciebie
«W każdéj biegali potrzebie,
«Wtenczas gdyśmy ledwie żyli,
«Kiedyśmy jarzmo włóczyli.
«A w sroższém byli ściśnieniu,
«Niż niewiasta przy rodzeniu. —
«Cóż ty na to mówisz Panie?
«Trup wasz — mój trup jest — i wstanie.
«Teraz równiście trupowi,
«Wnet was zrównam człowiekowi,
«A kiedy groby otworzę,
«Was wskrzeszę, żywych pomorzę.»

Послѣ религіозныхъ пѣсней, переводы древнихъ классиковъ, также занимали Поляковъ. Впрочемъ число этихъ переводовъ довольно ограниченно, потому-что Поляки хотя и образовали свой вкусъ по образцамъ древнихъ, однако у себя самихъ имѣли еще слишкомъ много жизни и содержанія для

[1] *Переводъ.* «Такъ, такъ! пышныя владѣнія будутъ уничтожены безъ состраданія и нога подлаго человѣка проложитъ по нимъ дорогу. Боже! вѣдь мы къ Тебѣ прибѣгали въ каждой нашей нуждѣ, когда мы едва жили, когда мы влачили иго и еще въ большемъ стѣсненіи, нежели въ какомъ бываетъ жена раждающая. — Что ты скажешь на это, Господи? Вашъ трупъ—это мой трупъ—и онъ возстанетъ. Теперь вы подобны трупу. Я сравняю васъ съ человѣкомъ, а когда гробы открою, я воскрешу васъ и живыхъ истреблю.»

того, чтобы изъ какого либо другаго источника заимствовать ихъ въ свою юную еще литературу. Исчислимъ небольшое число нашихъ переводчиковъ въ эпоху Ягеллоновъ.

Мельхіоръ изъ Курželёва перевелъ двѣ книги Овидія, *Противъ пламенной любви* (przeciw płomienistéj miłości ksiąg dwoje); Андрей Дембовскій перевелъ *Судъ объ оружіи Ахиллеса*, того же Овидія: переводъ вѣренъ, но слабъ. Вотъ примѣръ— Аяксъ говоритъ:

«Lecz niech mi to pomocne ku rzeczy nie będzie,[1]
«Jeśli nie mam z Achillem społeczności wszędzie.
«Brat mi był—brackiego chcę. Cóż za krewny jemu
«Jesteś synu Syzyfów? któryś ojcu swemu
«W zdradzie, także w złodziejskiéj kradzieży podobny;
«Mieszać się w Eacydów dom nie jesteś godny. —
«Podobno żem był piérwszym we zbroi do Troi,
«Będziecie mi bronili teraz brackiéj zbroi!
«A ten który szaleństwem zmyślném zbywał wojny,
«Ma być z sławnéj puścizny po bracie mym zbrojny.
«Teraz ten co wziąść nie chciał na się żadnéj zbroje.
«Niech weźmie co zacniejszą—własne spadki moje!»

Мельхіоръ Пудловскій перевелъ, или, лучше, пародировалъ героиду Овидія: *Дидона къ Энею*. *Лука Гурницкій*, авторъ Дворянина, перевелъ *Троянокъ* (Troas), трагедію Се-

[1] *Переводъ.* «Но пускай это не будетъ мнѣ помощію въ дѣлѣ, если я не вездѣ друженъ съ Ахилломъ. Онъ былъ мнѣ братомъ—я хочу братняго. Въ какомъ же родствѣ ты съ нимъ, сынъ Сизифовъ? ты; который похожъ на отца своего измѣной и воровскимъ хищничествомъ; ты не достоинъ войти въ домъ. Аяксовъ. Кажется, я былъ первымъ въ вооруженіи противъ Трои; теперь вы будете защищать отъ меня братнюю броню! А тотъ, который по сумазбродству уклонялся отъ войны, кажется теперь силенъ знаменитымъ наслѣдствомъ послѣ моего брата; теперь тотъ, кто не хотѣлъ надѣть на себя брони, пусть возметъ то, что составляетъ лучшее мое наслѣдство!»

неки. Сознавая всю важность присвоенія польскому языку прекрасныхъ произведеній древности, Гурницкій надѣялся, что «если не похвалятъ самого перевода, то покрайней мѣрѣ не «будутъ охуждать направленія его труда». Вотъ отрывокъ изъ 3-го акта:

АНДРОМАХА.

«Biédne moje Trojanki! przecz targacie włosy?[1]
«Z biciem piersi płaczliwe podnosicie głosy?
«Czemu tak bardzo lica łzami przyodziane,
«I kosy niegdyś śliczne teraz poszarpane?
«Gdy się dobrze przypatrzym snadź ciérpimy mało,
«Gdy tego tylko płaczem co łzy wyciskało.
«Wam dopiéro, mnie dawno Troja wywrócona,
«Gdy mężny Hektor zabit, Trojańska obrona,
«Wtenczas i jam zginęła. — Gdy okrutnik srogi
«Zabiwszy, rzucił na wòz on mój żywot drogi,
«Gdy pod wielkim ciężarem skrzypiąc oś się tarła,
«Ja bez myśli, bez czucia jużem była zmarła. —
«Tam moja myśl ta była: niż się karmić łzami
«Greków zbyć, a iść na śmierć za cnemi stopami.
«By nie to biédne dziecię które mi zostało,
«To mnie samo na świecie jeszcze zadzierżało.

---

[1] *Переводъ.* «Бѣдныя мои Троянки! что̀ напрасно терзаете волосы, испуская жалобные вопли, въ грудь себя ударяя? Зачѣмъ ваши лица такъ оночены слезами и косы, когда-то столь прекрасныя, теперь растерзаны? Если хорошо всмотрѣться, видно, что мы еще мало страдаемъ, если плачемъ о томъ только, что̀ теперь извлекло у насъ слезы. Для васъ теперь, для меня давно уже разрушена Троя; когда убитъ былъ мужественный Гекторъ, оборона Трои, тогда и я погибла. — Когда онъ, безчеловѣчный, убивши, бросилъ его на возъ, его ною жизнь дорогую, когда, скрыпя подъ огромной тяжестію, терлась ось, я безъ мысли и чувства была уже мертвою. Такъ мнѣ пришла мысль такая: чѣмъ мнѣ питаться удалить Грековъ слезами, не лучше ли идти на смерть за честными стопами. Если бы не это бѣдное дитя, которое мнѣ осталось.... оно одно еще удерживало меня въ жизни. Оноже, когда мое сердце склоняетъ меня

«To gdy się w samobójstwo serce moje kłoni,
«Łzami rękę hamuje, a umrzéć mi broni—
«Już szczęścia nié ma u nas w domu, ni gospody,
«A nieszczęściu i bez wrót wszędy wolne wchody».

Катоновы: *Нравственныя двустишія* (Distichia moralia) на языкъ польскій и нѣмецкій перевелъ *Францискъ Мымеръ* (въ тип. Вѣтора 1544. г.). Приведемъ примѣръ. Два стиха Катона: —

«Si Deus est animus, nobis ut carmina dicunt,
«Hic tibi praecipue est pura mente colendus».

Мымеръ перевелъ такъ:

«Gdyżci jest Bóg najwyższy duch,[1]
«Jako w pismie jest o tém słuch;
«Patrzże abyś go naprzód czcił,
«I czystym umysłem chwalił».

Въ концѣ переводовъ находится слѣдующее *заключеніе:*

«To w sobie niesie ten Kato,[2]
«Aby każdy pomniał na to,
«Co naprzód Bogu powinien,
«By mu w czém nie został winien.
«Potém też i rodzicom swym,
«Także i innym przyrodnym;
«Owa wszystkim pospolicie,
«Uczy on tu znamienicie,

къ самоубійству, слезами останавливаетъ мою руку, не позволяетъ мнѣ умертвить себя. Нѣтъ уже у насъ ни счастія дома, ни пристанища. А несчастіе и безъ воротъ проникаетъ всѣми путями».

[1] *Переводъ*. «Если Богъ есть духъ высочайшій, какъ говоритъ объ этомъ писаніе, смотри, чтобы прежде всего ты почиталъ его и воздавалъ ему честь чистымъ духомъ».

[2] «Катонъ несетъ съ собою ту мысль, что каждый долженъ помнить о томъ, чѣмъ онъ обязанъ Богу, потомъ родителямъ, также и другимъ родствен-

«Jako się zachować mamy;—
«Jeśli że mu miejsce damy
«Bo aczkolwiek był poganin,
«Wszakże każdy chrześcijanin,
«Mógłby się iście tak rządzić,
«Chciałliby też w czém pobłądzić.
«Gdy wiedzie ku prawéj cnocie,
«Każdego tu w tym żywocie.

Переводъ польскими стихами тѣхъ же двустишій Катона знаменитаго *Себестіана Клоковича* (въ тип. Стернацкаго 1588 года) нисколько не лучше перевода Мымера.

Янъ Кохановскій перевелъ нѣсколько пѣсней Горація и Анакреона; но этихъ двухъ поэтовъ чуждыя мысли такъ проникнулись, такъ слились съ духомъ польской поэзіи Кохановскаго, что мы не обинуятъ готовы считать ихъ скорѣе оригинальною собственностію польской литературы, чѣмъ переводомъ. Непосредственно сюда принадлежащія сочиненія Яна изъ Чернолѣсья суть: *Феномены* Арата, переводъ съ греч., *Шахи*, переводъ поэмы Марка Виды, наконецъ переводъ III-ей книги Иліады: *Единоборство Париса съ Менелаемъ*. Снова выражая наше сожалѣніе о томъ, что у насъ нѣтъ цѣлой Иліады въ переводѣ Кохановскаго, выпишемъ здѣсь для примѣра краткій отрывокъ изъ этого труда. Вотъ характеристика греческихъ царей Улисса и Менелая въ устахъ Пріама:

«Kiedy pospołu byli z pany Trojańskiemi,[1]
«Jeśli przyszło stać — zawzdy ramiony wielkiemi

никамъ, или всему народу, иславно учить здѣсь онъ всѣхъ какъ вести себя, если мы дадимъ ему у себя мѣсто, потому-что хотя онъ и былъ язычникомъ, однако каждый христіянинъ воистину можетъ такъ вести себя; да и захотѣлъ ли бы онъ въ чемъ обманывать, если каждаго ведетъ къ истинной добродѣтели въ этой жизни».

[1] *Переводъ.* «Когда они были вмѣстѣ съ Троянскими мужами, прихо-

«Porównał Menelaus, a gdy zaś siadali,
«Poważniejszym Ulissa zawzdy mianowali.
«Ale gdy przyszło mówić, więc obiema w radzie,
«Menelaus okrągło swoje słowo kładzie,
«Mało, lecz różnie mówiąc, bo niewielomówny,
«Ni od rzeczy choć młódszy i w leciech nierówny;
«Ale kiedy zaś mówił Ulisses ćwiczony,
«Powstawszy, ku ziemi wzrok trzyma nakłoniony,
«Laski ani wprzód, ani wzad nie nachylając,
«Ale ją w jednéj mierze ustawicznie mając,
«Podobien prostakowi — drugi by rozumiał,
«Żeby się miał zapomnieć albo nic nieumiał.
«Ale kiedy otworzył swe usta osobne,
«I słowa puścił śniegu nagłemu podobne,
«Już natenczas Ulissa żaden nie celował,
«Anim się ja tak jego urodzie dziwował».

На полный переводъ Энеиды Виргилія братомъ Яна Андреемъ Кохановскимъ мы здѣсь только намекаемъ, частью потому, что переводъ этотъ вышелъ изъ печати по окончаніи уже нашей эпохи (1590 г.), частію же потому, что Андрей Кохановскій слишкомъ слабо перевелъ Энеиду.

Павелъ Заборовскій переводилъ стихами *Батрыхоміомахію* (Войну лягушекъ съ мышами) Гомера. Приведемъ нѣсколь козаключительныхъ стиховъ. Въ войнѣ съ мышами ля-

---

лось ли стоять, своими плечами высокими, Менелай равнялся, а когда садились, Улисса всѣ называли болѣе важнымъ. Но когда пришлось говорить имъ обоимъ въ совѣтѣ, Менелай плавно излагалъ свое слово, говоря мало, но разнообразно, потому-что онъ не многорѣчивъ; но когда говорилъ, поднявшись, опытный Улиссъ, опустивъ взоръ къ землѣ наклоненный, трости не склоняя ни взадъ ни впередъ, но постоянно держа ее въ одной мѣрѣ, тогда онъ подобенъ былъ простому человѣку — и всякій понялъ бы его, кто бы забылся, или ничего не зналъ. Когда же онъ открывалъ уста особенно, и изрекалъ слова подобныя внезапному снѣгу, тогда уже никто не равнялся съ Улиссомъ. И какъ я удивлялся его природѣ».

гушки готовы уже были погибнуть, какъ вдругъ по повелѣнію Юпитера приходятъ имъ на помощь новые союзники—раки.

. . . Pomocniki stałe[1]

«Dość dobrze opatrzone na wylotną strzałę,
«Czerniawe, nakowalne grzbiety okrywały,
«Kopystka za się krzywo w zad zastępowały,
«Plecu szerokich, głowy swe łatwie kurczyły,
«Skorupami pokryte, te ściągały żyły.—
«U każdego dwie głowy, nóg osiem dość wiele,
«Z gęby im wychodziły kończyste ostrzele,
«Z piérsi ciemnych pochmurno na wszech poglądali,
«Więc niektórzy — rycerstwo to rakami zwali. —
«Kto bądź ten bądź — dość myszom dziwnè na wejrzeniu,
«A skoro ich doznały na swojém ramieniu,
«Sroższe a niż dziwniejsze, zeznać to musiały,
«I téj napaści daléj plec dzierzeć nie chciały. —
«Obróciwszy się hurmem rozpuściły nogi,
«A w jamki wpadłszy z wojny wytchnęły i z drogi,
«Wojna się dokończyła...

Въ 1578 году Шарфенбергеромъ издана *Жизнь Эзопа Фригійца греческаго мудреца вм. съ его притчами*. Безыменный переводчикъ неблагозвучнымъ польскимъ стихомъ довольно вѣрно передалъ басни Эзоповы. Для примѣра вотъ одна изъ лучшихъ:

[1] *Переводъ.* «... вѣрные помощники — довольно хорошо защищенные отъ стрѣлы перелетной; черноватые наковальные хребты покрывали ихъ, лопатки криво были загнуты назадъ, на плеча широкія, головы свои они легко наклоняли; покрытые чешуями, они стягивали жилы. — У каждаго по двѣ головы, ногъ восемь—довольно много; изъ губъ выходили у нихъ острые усики; изъ темной груди они угрюмо посматривали; на всѣхъ повтому иные — воинство это называли раками. — Но кто бы они ни были — довольно того, что странные мышамъ на взглядъ, коль скоро эти испытали силу ихъ рукъ, должны были сознаться, что они болѣе страшны, чѣмъ странны, и не хотѣли болѣе подставлять чело противъ этой бѣды. Обернувшись, они толпою пустились въ бѣгство, надѣясь на скорость своихъ ногъ, и, упавши въ ямы, отдохнули тамъ и отъ войны и дороги. Война кончилась».

ПРАВЛЕНІЕ ЖЕНЩИНЪ.

«Mąż jeden pośredniéj miary,[1]
«Ani młody ani stary,
«Mieszkając sobie pieszczenie,
«Więc potém pojął dwie żenie.
«Ale nie pod równą zgodą,
«Jedną starą, drugą młodą.
«Więc stara męża błagając,
«I k' swéj miłości przywodząc,
«Kiedy mu głowę iskała,
«Czarne włosy wyrywała.
«A młoda te rzeczy widząc,
«Siwe rwała męża iszcząc.
«A tako go podskubały,
«Iż go łysym udziałały. —
«Kto się niewiastom da rządzić,
«Ten ci nie może mądrym być,
«I będzie miał gołą głowę,
«Wieczną o sobie obmowę».

Якубовскій Валентій перевелъ поэму Музея: *Геро и Леандръ* (въ тип. Шарфенберг. 1572), типографщикъ *Матвей Вържбекта* издалъ свой переводъ стихами *Картины Цебеса* (1582 г.) и т. д.

---

[1] *Переводъ*. «Одинъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, ни молодой, ни старый, живя изнѣженно, въ послѣдствіи взялъ двухъ женъ, но не равнаго возраста — одну старую, другую молодую. По этому старая, умоляя мужа и склоняя его къ своей любви, когда искала у него въ головѣ, вырывала черные волосы, а молодая, видя это, обыскивая голову мужу, рвала сѣдые, и онѣ такъ ощипали, его что сдѣлали плѣшивымъ. Кто позволитъ женщинамъ руководить собою, тотъ не можетъ быть мудрымъ и будетъ имѣть голую голову и вѣчныя о себѣ сплетни».

Обозрѣвши цѣлый рядъ нашихъ поэтовъ, какъ оригинальныхъ, такъ и переводчиковъ, прежде чѣмъ приступимъ къ общему сужденію о духѣ и направленіи поэзіи въ Польшѣ, скажемъ нѣсколько словъ *о драматической* или театральной *поэзіи* во времена Ягеллоновъ. Она находилось еще въ колыбели. Почему же не вышла она изъ предѣловъ посредственности? Почему не только въ описываемую нами эпоху, но и въ цѣлой литературѣ польской такъ мало насчитываемъ драматическихъ произведеній дѣйствительно заслуживающихъ вниманія? Отвѣчать не трудно: потому, что у насъ потребность зрѣлищъ не вытекала изъ потребностей народнаго духа, драматическое же искусство, перенесенное къ намъ извнѣ, какъ чуждое для насъ растеніе, могло произвесть только бѣдные, безжизненные плоды. Сравнимъ условія быта Польши съ условіями жизни древнихъ государствъ, гдѣ развилось драматическое искусство.

Въ другихъ странахъ народъ, живущій подъ вліяніемъ жаркаго климата, съ пламеннымъ воображеніемъ, не довольствовался поэзіею, воспѣваемою подъ звукъ лиры, недовольствовался разсказами любопытной повѣсти: ему нужно было видѣть самое дѣйствіе, какъ бы совершающимся предъ его глазами. Авторы, надѣленные живой фонтазіей, не хотѣли быть одними только переводчиками дѣйствій, мыслей и чувствованій своихъ героевъ: они ставили ихъ лицемъ къ лицу съ зрителемъ, жаждавшимъ сильныхъ потрасеній. Полякъ, болѣе умѣренный въ страстяхъ, не искалъ сильныхъ движеній духа; поэзія его имѣла цѣлію не распалять, но услаждать его сердце. Не въ характерѣ польскомъ были авторы и читатели съ буйнымъ воображеніемъ; довольствуясь трогательнымъ лиризмомъ, мы не чувствовали крайней необходимости разработывать даже эпопею, а что же сказать послѣ того о драмѣ, этой высшей степени игры воображенія?

Театръ—порожденіе города. Въ другихъ странахъ (Греціи и Римѣ) народъ, не менѣе вѣрующій, столько же республиканскій, и геройскій какъ и Поляки, жилъ въ городахъ, посѣщалъ форумъ и тамъ полюбилъ торжества и представленія всякаго рода. Зрѣлища сдѣлались для него такою же потребностью какъ и пища. «Хлѣба и зрѣлищъ въ циркѣ! (Panem et circenses!)» восклицалъ народъ римскій. Тамъ, гдѣ изображенія богатырей и память ихъ дѣяній были олицетворены въ статуяхъ на каждой улицѣ и въ храмахъ, посвященныхъ богамъ, тамъ народъ сроднившійся съ исторіею величія своего прошедшаго, очень естественно хотѣлъ видѣть все это наглядно въ театрѣ. А наши ревностные граждане (publicyści), жили по деревнямъ; памятники богатырскихъ предковъ не на улицахъ и распутіяхъ, но были разсѣяны по отдаленнымъ замкамъ. Ихъ портреты, доспѣхи, трофеи отнятые у враговъ, не висѣли въ костелахъ, какъ было въ Римѣ, но на стѣнахъ готическихъ комнатъ, удаленные на огромное пространство одни отъ другихъ. Исторія людей и домовъ не гремѣла громко въ городахъ, но хранилась въ письменныхъ гербовникахъ, или въ разсказахъ сельскаго уединенія. Словомъ, — наши историческіе памятники, нигдѣ не совокупленные вмѣстѣ, не поражали собою глаза и воображенія народа, толпящагося въ городахъ. Наши города не были выраженіемъ народнаго духа, въ нихъ обитало населеніе торговое, промышленное, чаще всего иноземное; толпа рада была зрѣлищамъ всякаго рода, но сердце ея оставалось холоднымъ, голова необразованною. Римлянинъ и Аѳинянинъ постоянно жили въ городахъ, а Полякъ *пріѣзжалъ* только въ городъ на сеймъ и выборы. Вотъ причина почему *дѣянія* Поляковъ облеклись въ форму повѣствованія прежде, чѣмъ въ драму.

Въ другихъ странахъ религія основанная не на *откро-*

вѣніи, а на мнѣніяхъ философовъ и причудливой фантазіи поэтовъ, не внушавшая большаго уваженія къ божествамъ, но тѣмъ не менѣе сильно внѣдренная въ сердце народа, представляла прекрасное поле для поэзіи и драмы. Здѣсь она была непремѣннымъ необходимымъ условіемъ, а не пустымъ украшеніемъ. Прометей, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршунами, за то, что хотѣлъ похитить искру съ неба для просвѣщенія земли, представляетъ великій образъ мученника снѣдаемаго упреками совѣсти за дерзкое вторженіе въ небеса. Ифигенія принесенная въ жертву, смерть Ипполита, Эдипъ, Геркулесъ, Агамемнонъ, ихъ не посредственныя сношенія съ богами,—какія все великія, какія торжественно-драматическія лица. Вѣра въ судьбу (fatum) столь искренняя въ древности и прямо противоположная догматамъ христіянства, — какъ обильна она происшествіями драматическими, какая это великая пружина положеній ужасающихъ, трогательныхъ, торжественныхъ, словомъ въ высшей степени занимательныхъ! А наша святая, откровенная религія, которую нельзя профанировать на театральной сценѣ, къ которой фантазія поэта не можетъ прибавить или измѣнить ни одной іоты или черты, съ догматами свободной воли и Божественнаго милосердія, не представляетъ никакихъ драматическихъ предметовъ. Правда, что и средніе вѣка, подобно древности, началомъ своей драмы обязаны святой вѣрѣ; но эти *мистеріи*. moralité, dialogi, при всемъ величайшемъ своемъ успѣхѣ, могли только наставить благочестиваго зрителя, а не растрогать его сердца; заимствуемыя изъ библіи, или житій святыхъ, и, не смотря на то, все-таки испещренныя греческою миѳологіей, или, что̀ всего хуже, аллегоріями, онѣ въ отношеніи къ искусству по необходимости должны были быть слабыми и посредственными, а по отношенію къ вѣрѣ — святотатствомъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о христіянской драмѣ вообще. Помимо не благопріятныхъ условій художественныхъ, о которыхъ мы уже сказали, она родилась еще въ средневѣковомъ мракѣ, во времена испорченнаго вкуса, грубыхъ понятій и безпорядочной борьбы преданій древности съ святою вѣрою и мѣстными обычаями въ каждомъ народѣ. Литература этихъ вѣковъ есть именно смѣсь этихъ трехъ началъ, отразившихся и въ драматическомъ искусствѣ. Религіозныя драмы возникли можетъ быть изъ средневѣковыхъ рапсодій пилигримовъ, которые, вернувшись изъ св. земли, часто попеременно и съ сильными тѣлодвиженіями воспѣвали свои труды и страданія, примѣшивая къ своимъ пѣснямъ мѣста изъ Евангелія и житія святыхъ. Подражая истиннымъ, пилигримы притворные, для сбора денегъ и увеселенія зрителей, вдвоемъ или втроемъ разыгрывали какую-нибудь благочестивую или забавную уличную сцену. Изъ этихъ-то фарсовъ, изъ этихъ святочныхъ яслей, обносимыхъ въ день Рождества Христова по домамъ, молодежью, которая иногда въ фигурахъ, а иногда и лично разыгрывала сцены поклоненія волхвовъ, избіенія младенцевъ и смерти Ирода, возникла болѣе или менѣе правильная драма. За тѣмъ діалоги для представленія стали уже *писать* на языкахъ отечественныхъ или латинскомъ, заимствуя ихъ содержаніе изъ Свящ. Писанія, или легендъ, и они разыгрываемы были священниками или діаконами въ церквахъ въ видѣ какихъ-нибудь священныхъ обрядовъ. Знаменитая во Франціи драма, составленная по *Дѣяніямъ Апостольскимъ Арнольдомъ Гребанъ*, состояла изъ 80,000 стиховъ, представленіе ея продолжалось 40 дней; мистеріи изъ Апокалипсиса, изъ Ветхаго Завѣта были торжественно представляемы въ церквяхъ италіянскихъ, испанскихъ, нѣмецкихъ, откуда перешли и въ Польшу. Со временемъ, когда

народъ пристрастился къ зрѣлищамъ, а высшее духовенство запретило разыгривать ихъ въ церквахъ, театръ перешелъ на улицу, гдѣ въ шалашѣ, сколоченномъ изъ досокъ, за кулисами изъ соломенныхъ щитовъ или рогожъ, городская чернь, а иногда школьные шалуны, или арлекины и паяцы по призванію, при звукахъ шумной, нестройной музыки, служившей для приманки зрителей, представляли составленные по образцу духовныхъ свѣтскіе діалоги, имѣвшіе цѣлію разсмѣшить невзыскательную публику, наставить ее какимъ-нибудь нравственнымъ примѣненіямъ, или поразить происшествіемъ фантастическимъ, необыкновеннымъ, ужаснымъ. Вотъ зародышь будущихъ комедій и трагедій, которыя вслѣдъ за тѣмъ, образовавшись по правиламъ Аристотеля, по театральнымъ образцамъ греческимъ и римскимъ, въ иныхъ странахъ возвысились на степень художественныхъ произведеній драматическихъ. Что́ касается до насъ, то обстоятельства сложились, такъ неблагопріятно что даже въ эпоху болѣе здравыхъ понятій о сценѣ, мы идя тѣмъ же путемъ, какъ и другіе народы, на минуту перестали заниматься искусствомъ драматическимъ, и театръ, не будучи у насъ тѣмъ, чѣмъ былъ у Французовъ, т. е. народною потребностію, не вызвалъ какого-нибудь Шекспира или Кальдерона, который бы заставилъ насъ полюбить возвышенныя красоты этого рода. Прошла благопріятная для развитія минута, и драматическое искусство, снизойдя на степень нравственныхъ діалоговъ, перешло въ руки іезуитовъ, которые, пользуясь имъ какъ орудіемъ своихъ личныхъ видовъ, сдѣлали изъ него простую игрушку для увеселенія старикова и малыхъ ребятъ, чтобы они, сохрани Боже, не занялись чѣмъ-нибудь болѣе животворнымъ.

И такъ, раздѣливъ польскую драму эпохи Ягеллоновъ на духовную и свѣтскую, скажемъ о каждой изъ нихъ по нѣсколько словъ.

а. религіозный діалогъ.

Онъ, безъ сомнѣнія, древнѣе свѣтскаго, но какъ предметъ кратко-временнаго обряда, рѣдко записываемый, не дошелъ до насъ въ своихъ первоначальныхъ памятникахъ, которые, будучи писаны на языкѣ латинскомъ, могли даже и не быть дѣломъ отечественнымъ, но изчужа заимствованнымъ на сцену. Отъ временъ позднѣйшихъ мы можемъ наименовать едва нѣсколько подобныхъ произведеній. Самымъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ былъ *Діалогъ Доминиканскій о Страстяхъ Господнихъ*, представленный богато и пышно въ 1535 году въ Краковѣ; діалогъ подобнаго же содержанія, написанный Валентіемъ изъ Кентъ, отличается не дурными польскими стихами. До извѣстной поры религіозные діалоги у насъ имѣли своимъ предметомъ исключительно Страсти Господни и были представляемы только на Страстной Недѣлѣ. Позднѣйшіе: *Іоакимъ и Анна*, *Торжественный ходъ въ недѣлю цвѣтоносную, объ Аврааме*, полны непристойности и притязаній на разнообразіе драматическаго дѣйствія, но заслуживаютъ иногда вниманія по своему народному колориту. Говоря о Реѣ, мы упоминали о его драмѣ: *Жизнь Іосифа*; а смѣсь несоотвѣтственныхъ предметовъ, анахронизмы, на которые мы тамъ указывали, составляютъ отличительную черту всѣхъ тогдашнихъ діалоговъ, потому-что составители ихъ, люди простые, незнакомые съ литературою древнихъ, смотрѣли на все сквозь призму народныхъ понятій. Какъ бы то ни было, но еслибы съ той точки, на которую Рей поставилъ религіозную драму, она пошла далѣе по пути прогресса, то скоро бы мы и у себя имѣли какую-нибудь вѣковую *Гоголію* Расина, потому-что вообще Ветхій Завѣтъ и картины изъ поэтической жизни народа Божія могли бы доставить не мало драматическихъ предметовъ. Но этого,

какъ мы сказали, не могло случиться: свѣтскіе даровитые писатели не любили этой, мало-народной формы драмы, а выступаютъ тутъ іезуиты съ своими латинскими діалогами, которые могли только обезсилить всякое движеніе искусства впередъ. Ихъ діалоги изъ этой эпохи *Ахаавъ*, Hiaeus, *Осада Самаріи*, Chrystolaus и т. д. по истинѣ въ состояніи были убить всякое чувство изящнаго, и возбудить отвращеніе къ себѣ въ сердцахъ даровитыхъ свѣтскихъ писателей. Въ доказательство разскажемъ здѣсь содержаніе *Діалога* подъ заглавіемъ: *Человѣка, колеблющійся въ выборѣ состоянія.* (Пултускъ, въ тип. іезуитовъ 1579 года.)

Юноша размышляетъ о выборѣ состоянія. Къ нему приходятъ съ своими совѣтами люди различныхъ состояній и боги, предлагая ему различные законные и противузаконные совѣты. Одни хвалятъ состояніе нищаго, другіе состояніе купца, третьи жизнь придворную. Божокъ Марсъ хочетъ видѣть его воиномъ, Минерва и Аполлонъ ученымъ, а черти въ одеждѣ канониковъ выставляютъ трудности наукъ; вдругъ входитъ Аполлонъ, языческій богъ, срываетъ съ дьяволовъ одежды канониковъ и приказываетъ ихъ повѣсить, а юноша, узнавши адскую злобу, воздаетъ честь Аполлону и вступаетъ въ училище (послѣ чего очень естественно дѣлается іезуитомъ).

Діалогъ о *Каинѣ* и *Авелѣ*, полный иносказаній, темный и безъ вкуса, украшенный лицами языческихъ боговъ и христіянскихъ патроновъ, достоинствомъ своимъ равняется предыдущему.

Нѣсколько выше стоятъ: Діалогъ *о Святѣйшемъ Таинствѣ Причащенія* 1571 и другой подобный ему по содержанію 1580 г.; здѣсь святость предмета обуздывала причудливую фантазію поэтовъ; въ нихъ можно даже встрѣчать прекрасные стихи, подобные слѣдующимъ:

«Wszystkie krainy, wszystek okrąg ziemie,[1]
«Ludzie wespółek i bydlęce plemię,
«Gdzie słońce wstaje i gdzie w szumne morze
«Padają zorze.
«Głosy wspólnemi, wesoło śpiéwajcie,
«Bogu naszemu cześć i chwałę dajcie,
«Niech jego imie wysławione wszędzie,
«Po świecie będzie.
«Że mocą pobił zastępy ogromne,
«Że ludzkie siły potwierdził ułomne,
«Groźne żołniérze w ręce sług swych podał,
«I męztwa dodał.

Гораздо важнѣе этихъ діалоговъ библейская трагедія: *Іефѳай*, переведенная съ латинскаго оригинала шотландца Буханана *Яномъ Завицкимъ* (1587). Авторъ (Бухананъ) заимствовалъ содержаніе изъ библіи, а за образецъ принялъ трагедію Еврипида: *Ифигенія въ Авлидѣ*. Содержаніемъ Іефѳая послужилъ слѣдующій библейскій разсказъ: «Іефѳай, убійца, избранный въ вожди Израиля, даетъ обѣтъ Богу, что если побѣдитъ Аммонитянъ, то принесетъ въ жертву Богу перваго живаго человѣка, который выйдетъ ему на встрѣчу изъ дому. Онъ разбилъ враговъ, возвращается домой, и его встрѣчаетъ ликующая единородная дочь, которую отецъ умерщвляетъ спустя четыре мѣсяца».

Не смотря на недостатки, на которые можно было бы указать въ этой трагедіи, не смотря на подражаніе греческимъ образцамъ, съ которыми она далеко не равняется,

---

[1] *Переводъ*. «Всѣ страны, весь шаръ земной, люди и племя скотовъ, гдѣ восходитъ солнце и гдѣ въ бурное море падаютъ звѣзды — голосомъ соединеннымъ весело воспойте, Богу нашему воздайте честь и хвалу, да прославится имя Его во всемъ мірѣ за то, что мощью своей истребилъ онъ великія полчища, подкрѣпилъ бѣдныя силы людей, грозныя воинства предалъ въ руки своихъ слугъ, и придалъ имъ мужества».

Іефѳай доказываетъ, что авторъ его сознавалъ красоты поэзіи, умѣлъ подглядѣть трагическое положеніе отца, принужденнаго убить свою дочь; хотя Богъ благости и не требуетъ, подобно богамъ языческимъ, такихъ раздирающихъ сердце жертвъ отеческой нѣжности, тѣмъ не менѣе однакожь этотъ библейскій фанатизмъ былъ въ духѣ Израиля и не грѣшитъ противъ вѣроятія, хотя бы исторически и не былъ записанъ въ Библіи.

Нашъ Завицкій, хотя онъ не болѣе какъ только переводчикъ, заслуживаетъ однако похвалу удачнымъ выборомъ оригинала, переводъ его хорошъ и плавенъ — вотъ два образца: хоръ соболѣзнуетъ о горестномъ положеніи отца и дочери. —

«Nie wiém czego mam wprzód się frasować[1]
«Czy ubogiego ojca żałować,
«Któremu srogi błąd swe okowy
«Na nogi włożył. A rozum zdrowy
«Odjąwszy radzi, aby niezbożne,
«Uczynki swoje udał za zdrożne?
«Czy mam żałować wieku młodego
«Nieszczęsnéj córy — prawie którego
«Jest wychowana do spraw uczciwych,
«Nieprzyjacielskich uszła rąk chciwych,
«Uszła zarazy, powietrza złego,
«A od własnego życia swojego,
«Ma być na miéjscu bydlęcém dana,
«I jéj krew ciepła ma być wylana?

[1] *Переводъ.* «Не знаю, что прежде должно меня безпокоить: сожалѣть ли мнѣ о бѣдномъ отцѣ, которому страшное заблужденіе цѣпи свои возложило на ноги; а здравый разсудокъ, снявъ ихъ, совѣтуетъ, чтобы онъ свои безбожные поступки призналъ неразумными? Сожалѣть ли мнѣ о юномъ возрастѣ несчастной дочери — по праву котораго она воспитана на дѣло благое, ушла отъ хищныхъ рукъ непріятельскихъ, ушла отъ заразы, моровой

«Będziesz żelazo członki jéj miało,
«Których tyrańskie oko nie znało?
«Krórych ni srogie źwierzęce zęby
«Dostać nie mogły...».

Вотъ отрывокъ изъ гимна къ Богу.—

«Miejcie woniejące ziele,[1]
«Pan ztąd ma cześć i wesele,
«K' temu zagrajcie w cymbały,
«Panu wszelkiéj czci i chwały.
«Niech bez przestanku śpiéwają
«Panu—i na lutniach grają,
«I w trąby miedziane srogie,
«Chwalcie Pańskie imie drogie.
«Tańce piękne, tańce wdzięczne,
«Niebiosa, gwiazdy miesięczne,
«I słoneczne złote koła,
«To wszystko chwal Pana zgoła» i t. d.

б. ДІАЛОГЪ СВѢТСКІЙ.

Возникнувъ изъ діалога религіознаго, первоначально начертанный еще неопытной рукой по образцу греческой драмы, но безъ всякаго вдохновенія не отмѣченный печатью таланта, онъ представилъ нѣсколько образцовъ, подавав-

---

язвы, и теперь живая должна быть принесена въ жертву вмѣсто животнаго, и ея теплая кровь прольется. Желѣзо пронзитъ ея члены, которыми не обладалъ взоръ тирана? которыхъ острые зубы звѣрей достать не могли...».

[1] *Переводъ*. «Собирайте травы благовонныя для славы и чести Господней, заиграйте въ кимвалы Господу всякой чести и славы. Пусть все безпрестанно воспѣваетъ пѣснь Господу—и на лютняхъ играютъ, и въ мѣдныя трубы прославляйте великое имя Господне. Хороводы танцы прекрасные, хороводы веселые, небеса, луна, звѣзды и золотые круги солнечные—все да прославитъ имя Господне!» и т. д.

шихъ большія надежды, но вслѣдъ за тѣмъ замеръ подо льдомъ іезуитской эстетики, и уже никогда не поднялся до того значенія, какое придали драмѣ въ остальной Европѣ. Какъ бы то ни было, цѣлію свѣтскаго діалога вначалѣ было исправленіе нравовъ, а потомъ увеселеніе слушателей. Наши драматурги, одни съ важностію предлагаютъ нравственныя правила, другіе комически осмѣиваютъ заблужденія. Но сочиняя для зрителей, которые большею частію съ необразованнымъ вкусомъ, съ уличными понятіями объ искусствѣ собирались въ театральный шалашъ для того, чтобы вдоволь наглядѣться и насмѣяться, наши писатели драмъ должны были по преимуществу заботиться о томъ, чтобы піэса ихъ была исполнена разнообразія, перемѣнъ декорацій, обиловала лицами и костюмами, основана была на чудесности, словомъ—была запечатлѣна всѣмъ тѣмъ, что скорѣе можетъ поражать взоры, чѣмъ сердце. Изящный вкусъ не былъ здѣсь необходимымъ условіемъ — и діалоги наши сдѣлались аллегорическими, напыщенными, полными миѳологіи, предметъ ихъ простонароднымъ, лица тривіальными, юморъ непристойнымъ и грубымъ. Черты эти иногда для насъ драгоцѣнны, какъ типы народные, но въ отношеніи къ искусству, онѣ стоятъ очень низко. Діалогъ свѣтскій въ Польшѣ мы раздѣляемъ: на драму подражательную по образцамъ греческимъ и римскимъ, на діалогъ важный и комическій.

Драма въ подражаніе древнимъ нахолила себѣ радушный пріемъ при дворѣ нашихъ ученыхъ королей. Латинское произведеніе этого рода подъ заглавіемъ: *Судъ Парисса* (Iudicium Paridis), въ четырехъ актахъ, написанное гдѣ-то въ Германіи, было разыграно въ 1516 г. въ Краковскомъ замкѣ въ присутствіи короля Сигизмунда I и его первой супруги Варвары Запольской. Издатель драмы Станиславъ изъ

Ловича, превознося ея достоинства, говоритъ: «Пускай шут-«ки Плавта, его Менехмы и Давусы, Теренцій съ своими «евнухами, останутся для простонародія». Но народъ польскій не имѣлъ еще комедій, достойныхъ Теренція и Плавта. Иліада Гомера доставляла обыкновенную нить искусству подобнаго рода.

Подобный примѣръ гомерическаго содержанія, но несравненно высшій по своимъ достоинствамъ, представляетъ намъ драма Яна Кохановскаго подъ заглавіемъ: *Отправленіе греческихъ пословъ*, написанная польскими, нерiемованными стихами, по желанію Яна Замойскаго, и разыгранная въ присутствіи короля Стефана Баторія и его супруги королевы Анны. Гибкій умъ Кохановскаго, освоенный съ духомъ греческой поэзіи, создалъ простое, но милое произведеніе, безъ узла драматическаго,—произведеніе, которое не стоило бы еще называть истинною драмою, но которое было бы прекраснымъ предвѣстникомъ будущихъ успѣховъ нашего театра, если бы съ этой точки драматическое искусство постоянно подвигалось впередъ. Предметомъ драмы служитъ прибытіе въ Трою греческихъ пословъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ возвратить назадъ прекрасную Елену, похищенную Париссомъ, совѣтъ троянскихъ старѣйшинъ, какъ имъ поступить въ этомъ случаѣ, вслѣдъ за тѣмъ отправленіе греческихъ пословъ безъ удовлетворенія, ихъ угрозы дышащія мщеніемъ, и отдаленный раскатъ грома, который скоро долженствовалъ разрушить стѣны Трои. Читая *Отправленіе греческихъ пословъ*, мы раздѣлили вѣрное сужденіе нашего Вишневскаго, который такъ говоритъ объ этомъ произведеніи:

«Не смотря на греческую одежду, греческія названія, предметъ, заимствованный изъ Иліады и хоры, драма эта задумана «на основѣ отечественной. Дѣло объ Еленѣ напоминаетъ

«намъ тотъ сеймъ, на которомъ Бона и Кмита стараются от-«нять у Августа Варвару; Кохановскій видѣлъ это собы-«тіе, видѣлъ столкновеніе частныхъ интересовъ, безпорядки и «оплошность въ дѣлѣ обороны края, и выразилъ все это «въ живыхъ чертахъ. Пріамъ своимъ добродушіемъ и лѣнью «напоминаетъ намъ Сигизмунда I подъ конецъ его попри-«ща, Парисъ — Сигизмунда Августа, предпочитающаго жену «вѣнцу королевскому. Государственныхъ совѣтниковъ, подоб-«ныхъ Икатеону, было уже не мало, но не было еще такихъ «гражданъ, которые, не ослабѣвая отъ того, что совѣты «ихъ мало цѣнятся, обдумали бы средства къ спасенію того, «что еще можно было спасти. Подобнаго рода характеръ «Кохановскій прекрасно изобразилъ въ лицѣ автора».

Янъ Замойскій ученикамъ своей Академіи предлагалъ историческую тему изъ римской исторіи, для которой они должны были придумать драматическую завязку разговоры и дѣйствіе. Лука Гурницкій перевелъ трагедію Сенеки: *Троянки*,. о которой мы упоминали выше, — вотъ и все, что можно сказать въ нашу эпоху о драмѣ подражательной древнимъ.

Изъ первоначальныхъ религіозныхъ и домашнихъ элементовъ другіе народы, болѣе насъ сознававшіе потребность въ зрѣлищахъ, создали для себя собственную трагедію и вообще замѣчательную драму. Французы при посредствѣ излишней быть можетъ полировки, чрезъ сближеніе съ трагедіей римскою, чрезъ точное соблюденіе такъ-называемыхъ *трехъ единствъ* и уничтоженіе хора, передѣлали простую, энергическую трагедію древнихъ, по свойственному имъ изнѣженному образцу, которому Jodelet далъ окончательную форму, а Корнель и Расинъ обогатили важными произведеніями. Въ Испаніи изъ образцовъ греческихъ, изъ исторіи и сказаній мѣстныхъ, родилась важная историческая

комедія, полная лицъ и движенія, основанная на чувствованіяхъ и происшествіяхъ,—драматическая повѣсть, въ которой отличались Лопъ де Вега и Кальдеронъ; Англичане на основѣ народной, тоже по образцамъ греческимъ, обезсмертили свою драму произведеніями Шекспира; Италіанцы, возвысивъ греческій хоръ на степень значенія музыкальнаго, отнявъ у него силу и придавъ болѣе гармоніи, получили оперу, которую народъ слушалъ съ полнымъ удовольствіемъ. У насъ не было ничего подобнаго: Полякъ, мало цѣнившій театръ и форму драматическую, охотнѣе воплощалъ свое прошедшее и дѣянія славы въ исторію, или поэму повѣствовательную. Хотя въ молодости Сарматъ бывалъ въ Италіи, дома однако онъ не любилъ изнѣженной музыки, потому-что испортилъ свой слухъ громомъ военнаго барабана и охотничьей трубы. Не могъ онъ, подобно Испанцу, восхищаться драмою, посвященною чести и прекрасному полу, вмѣсто этого чувства сарацинской *чести* (honoru), имъ управляло простое шляхетское праводушіе и католическая совѣсть; а эти добродѣтели такъ были обыкновенны у нашихъ предковъ, что никто имъ и не удивлялся; — каждый исполнялъ ихъ какъ первую обязанность, а кто отступалъ отъ нихъ, того попросту называли infamisem (безчестнымъ). Трудолюбивый сынъ суроваго климата, Полякъ холодно, религіозно и важно понималъ любовь свою къ женщинѣ, эту превосходную пружину интереса драматическихъ произведеній; привыкшій къ дѣйствительнымъ смятеніямъ жизни, занятый постоянно трудною борьбою и врагами отечества, онъ, не садился на коня подобно рыцарямъ западной Европы, для того, чтобы искать приключеній и борьбы во имя своей любовницы, потому его и не могли забавлять представленія на театрѣ любовныхъ похожденій; на изнѣженную любовь онъ смотрѣлъ съ улыб-

кою, едва ли не съ презрѣніемъ. Скука не гнала насъ, подобно Французамъ, на зрѣлища сценическія, а короли наши не могли, подобно Людовику XIV, забавлять театромъ народъ для того, чтобы онъ не вмѣшивался въ дѣла государственныя; словомъ—всѣ условія политическаго быта Польши не благопріятствовали развитію у насъ драматическаго искусства; театръ безъ общаго участія, безъ сочувствія, не имѣлъ основы для своего существованія. А если у насъ и рѣшились непремѣнно по образцу иноземному писать и представлять произведенія драматическія,—то и выходили они неуклюжими, подражательными, аллегорическими, словомъ,—холодными, основанными на одномъ только умѣ, нисколько не дѣйствовавшими на сердце; а гдѣ при недостаткѣ вдохновенія мы принуждены бываемъ холоднымъ умомъ пополнять произведенія поэзіи, тамъ не будетъ ни ума, ни одушевленія: выйдетъ произведеніе холодное, сухое, безпорядочное; и таковыми были драмы или *важные д алоги* (poważne dyalogi) въ Польшѣ.

Какъ образецъ характеристическій въ своемъ родѣ, мы приведемъ здѣсь латинскій діалогъ: Academia Cracoviensis seu de illius felicissima creatione (Краковская Академія или о ея счастливомъ основаніи 1537 г.), раздѣлявшійся на три части, каждая изъ шести до восьми актовъ, діалогъ аллегорическій, длинный, нескладный какъ сонныя видѣнія, наполненный лицами и перемѣною декорацій. Своимъ разнообразіемъ онъ долженъ былъ нравиться любопытной толпѣ, хотя можно ручаться въ томъ, что и половина зрителей не понимала цѣлости его содержанія. Вотъ содержаніе этой чудовищной піэсы: сначала варварство и идолослуженіе господствуютъ въ Польшѣ; Мечиславъ принимаетъ христіянскую вѣру, Ягелло основываетъ Краковскую Академію, и здѣсь діалогъ представляетъ похвальные

отзывы въ честь своего основателя. Далѣе Краковская Академія процвѣтаетъ; варварство, желая снова воротиться въ Польшу, вездѣ ищетъ себѣ приверженцевъ; но Академія, сильная любовью Поляковъ и покровительствомъ королей, торжественно разливаетъ свой свѣтъ на всѣ сѣверныя страны. Такова главная мысль піесы; но нѣтъ возможности исчислить всѣ ея лица и всѣхъ ея дѣятелей. Варварство является въ видѣ человѣческомъ, діаволъ въ своемъ оригиналѣ; тутъ есть жиды, Grubianus, Frycu Sowizdrzal (олицетвореніе дикости, глупости и неопытности). Тутъ польскіе короли, а рядомъ съ ними Богъ знаетъ зачѣмъ древнія лица: Агафоклъ съ орудіями горшечника, Поликратъ съ перстнемъ, Ликусъ, Омфала, Ѳезей, вокругъ же Ягелло и Ядвиги,—христіянскіе ангелы, греческій Аполлонъ, Марианна словянская: все это безъ всякаго порядка толпится на театральной сценѣ. Поляки въ Стиксѣ (!) топятъ своихъ древнихъ боговъ. Эта чудовищная піэса дала бы плачевное понятіе о вкусѣ Поляковъ, будь она выраженіемъ народнаго образованія Польши.

Немного менѣе странна по своему составу и причудлива по изобрѣтенію польская трагедія въ стихахъ *Себстіана изъ Лѣнчицы* подъ заглавіемъ: *Софрона*. Памфилъ на играхъ полюбилъ прекрасную Филиду; онъ совѣщается съ рабами, какъ бы ему овладѣть предметомъ его любви. Парменіонъ совѣтуетъ похитить силою, Строфилъ привлечь дарами, а Гета обратиться къ колдуньѣ. Этотъ послѣдней совѣтъ оказался наиболѣе дѣйствительнымъ: колдунья приводитъ Филиду. Отецъ Филиды Антифонъ за поруганіе своей дочери вырываетъ сердце у Памфила, а дочь свою обрекаетъ на съѣдѣніе льву. Филида убиваетъ льва и сама умираетъ.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о *комическомъ діалогѣ* въ Польшѣ въ эпоху Ягеллоновъ; изъ котораго мы намѣре-

ны привести нѣсколько образчиковъ. Хотя Поляки, мало знакомые съ искусствомъ драматическимъ, каждое сценическое представленіе называли комедіей, а каждаго драматическаго артиста, какъ и каждаго фокусника, — комикомъ (komediantem); однако слово комедія мы принимаемъ здѣсь въ значеніи европейскомъ, разумѣя подъ этимъ именемъ драму веселую, сатирическую, нравственную.

Еслибы другія условія въ Польшѣ болѣе благопріятствовали представленіямъ сценическимъ, то, безъ сомнѣнія, комедія, какъ болѣе гармонирующая съ народнымъ характеромъ, могла бы скорѣе развиться, чѣмъ всѣ другіе роды драмы. Полякъ не былъ тонкимъ наблюдателемъ, или язвительнымъ насмѣшникомъ, но у него не было недостатка въ остроуміи; — онъ любилъ и умѣлъ пошутить, охотно и искусно пользовался сатирою въ своихъ спорахъ религіозныхъ и политическихъ. Повторяемъ: въ Польшѣ все не благопріятствовало сценѣ; однако не смотря на то, комедія насчитываетъ у себя нѣсколько характеристическихъ, нравственныхъ, безобразныхъ правда, однако полныхъ жизни произведеній. И въ эпоху Ягеллоновъ мы можемъ вспомнить о двухъ изъ нихъ.

Первоначальная комедія въ христіянскомъ мірѣ родилась изъ промежутковъ между актами духовныхъ діалоговъ; изгнанная потомъ на улицу, она была фарсомъ толпы, грубымъ, каррикатурнымъ. Юморъ Плавта и Теренція не могъ придтись по нраву толпѣ въ средніе вѣка; потому каждый народъ по-своему образовывалъ родъ простонародной забавы, въ которой фокусники въ дни торжественные, за нѣсколько грошей, смѣшили городскую толпу образцами, которые они заимствовали изъ ней же самой и импровизировали вдругъ. Родъ этихъ уличныхъ шутовъ, полишинелей, паяцовъ сохранился для толпы и по сію пору, а высшій ко-

низъ, изъ шатровъ фокусническихъ, пошелъ впередъ по пути прогресса. Импровизированный діалогъ по обычаю заключили въ извѣстныя формы, начали его записывать, выводя на сцену популярныя лица и типы, любимые народомъ. Содержаніе комедіи было различное, но лица и ихъ характеры повторялись по преданію. Форму заимствовали у древняго театра; въ каждую комедію входилъ добродушный отецъ въ родѣ Mitio Теренція. Въ Италіи таковымъ лицемъ бывалъ обыкновенно венеціанскій купецъ или болонскій юристъ, во Франціи — мѣщанинъ парижскій; далѣе выходилъ сынъ мотъ и его слуга, хитрый острякъ, коварный подобно римскому Давусу или Гетѣ; во французской комедіи обыкновенно звали его Фронтиномъ, или Скопиномъ. Потомъ прибавили еще любовницу и ея горничную, и вотъ канва, на которой Мольеръ основалъ свои остроумныя идеи, и которая вслѣдъ за тѣмъ была усвоена и цѣлою Европою.

Въ первоначальныхъ комедіяхъ смѣхотворы и шуты играли главную роль. Они разсказывали содеужаніе пьэсы, они же среди представленія громкимъ смѣхомъ и грубыми шутками надъ актерами и зрителями забавляли публику. Театральныя названія ихъ были: во Франціи *Jean Farine*, въ Германіи *Гансвурстъ*, въ Италіи *Bradella* и *Arlekino*, въ Польшѣ *Панкрацы* и *Чехачекъ*. Иногда эти шутовскія лица выступали на сцену въ роли хитрыхъ слугъ, а иногда сами по себѣ; только во всякомъ случаѣ комедія не могла никогда обойтись безъ нихъ: они придавали движеніе пьэсѣ и доброе расположеніе духа зрителямъ.

У насъ въ Польшѣ, число привилегированныхъ лицъ въ комедіи было несравненно больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, поэтому можно было бы заключать объ ея болѣе широкомъ развитіи. Поляки, слишкомъ серьезные для того, чтобы глупымъ смѣхомъ толпы смѣяться надъ грубыми шутками арлекина, вдругъ

уличному фарсу придали значеніе сатирическое, нравоучительное и такимъ образомъ инстинктивно угадали цѣль пьэсы. Фигуры, выступавшія на сцену, не были заимствованы отъ Рима; но выводимы были лица свои, популярныя, народныя: *Пѣвецъ* костельный (Kantor) былъ обыкновенно простакомъ, *Дьякъ* (Klecha) хитрымъ; *Альбертусъ*, извѣстный слуга священника, парень не дуракъ, хвасталъ своими воинскими подвигами; *Солтысъ* былъ выраженіемъ простой, здравой деревенской разсудительности; *Понтникъ* (Pątnik) или пильгримъ разсказывалъ чудеса о тѣхъ странахъ, которыя были имъ пройдены. Такимъ образомъ мы обладали богатствомъ сценическихъ характеровъ, но въ комедіи нашей не было узла драматическаго, интереса и движенія, — не было дѣйствія. Чаще всего, если удавалось вѣрно охарактеризовать какую-нибудь личность, остроумно изобразить какое-нибудь происшествіе, тѣмъ дѣло и оканчивалось. И то хорошо, если вспомнимъ, что образованнѣйшая часть народа вовсе не интересовалась этими пустяками, и охотнѣе шла или въ церковь слушать духовные діалоги, или во дворецъ королевскій слушать драму по образцу греческихъ, или въ іезуитскую трабезу зѣвать за важною, длинною, скучною аллегоріею. Комедію предоставляли простонародію.

Особенно важнымъ по своему мѣстному характеру представляется намъ необдѣланный, не имѣющій даже никакихъ притязаній на высшій драматизмъ, комическій діалогъ *Вита Корчевскаго* подъ заглавіемъ: *Разговоры польскіе, латинскимъ языкомъ испещряемые* (sic!), *составленные изъ осьми силлабическихъ стиховъ* (Rozmowy Polskie, łacińskim językiem przeplatane (sic) rytmy ośmiorzecznemi złożone. 1553 г.). Онъ слагается изъ двухъ отдѣльныхъ частей, изъ коихъ каждая имѣетъ въ виду защитить народ-

ность (polskość) и католицизмъ отъ вліянія новой вѣры и обычаевъ. Дѣйствіе перваго діалога происходитъ въ городѣ. Въ немъ принимаютъ участіе хлѣбопашецъ Янъ, сынъ его Кміанъ, лейпцигскій студентъ, новоприбывшій изъ Германіи, и приходскій священникъ. Добрый поселянинъ съ горестью замѣчаетъ, что онѣмечившійся сынъ не хочетъ поститься, не ходитъ въ церковь и ни во что вмѣняетъ святую вѣру. Въ испугѣ онъ увѣщеваетъ лейпцигскаго мудреца, но получаетъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Co mi dobrego da kościoł,[1]
«Albo ten święcony popioł?
«Wolał ci bych ja śniadanie,
«Niż to tam popiołowanie...,
«W Niemczech post, piątek, wilija,
«Daleko stroną omija,
«Nic tam o poście nie wiedzą,
«Na każdy dzień mięso jedzą.

Дальше, сынъ коварно проситъ у отца объясненія нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ. Онъ повторяетъ устарѣлыя возраженія, которыя перенялъ у Лютера: Для чего нуженъ постъ? или освященная персть (popioł)? зачѣмъ благовѣстятъ по умершемъ? что такое чистилище? Отецъ въ замѣшательствѣ, потому-что умѣлъ только вѣровать, а не диспутовать, призываетъ къ себѣ на помощь пастыря церкви, который объясняетъ нововѣрцу таинства и обряды католической религіи.

Вотъ содержаніе втораго разговора, полнаго современнаго мѣткаго характера.

---

[1] *Переводъ.* «Что мнѣ добраго дастъ костелъ, или тотъ чтимый пепелъ? лучше бы мнѣ дать завтракъ, чѣмъ это посыпаніе главы пепломъ... Въ Германіи постъ, пятницу, канунъ Р. Х. обходятъ надали; тамъ не знаютъ постовъ и ежедневно ядятъ мясо.»

Клеха (церковнослужитель) за то, что не получилъ десятины, предалъ проклятію цѣлое село—примѣры подобнаго злоупотребленія повторялись тогда нерѣдко, поселяне въ негодованіи отплачивали Клехѣ побоями. Священникъ подаетъ жалобу пану; но помѣщикъ, только-что прибывшій изъ Маріенбурга, вмѣстѣ съ кенигсберскимъ наставникомъ для обученія сына, мало расположенный къ католическимъ обычаямъ, негодуетъ на десятину.

«Bo to jest wielka niewola,[1]
«Nasze żyto, nasza rola,
«A wżdy księża liczą kopy.

Онъ приказываетъ позвать своего нѣмецкаго наставника и оба они вызываютъ священника на диспутъ о важности проклятія и десятинъ. Священникъ не промахъ, вооруженъ библейскими доказательствами; хотя на него нападаютъ двое соперниковъ, хотя деревенская баба также старается разсорить помѣщика и священника, онъ побѣдоносно выходитъ изъ диспута съ мудрецами и колдуньею и въ досадѣ дѣлаетъ двусмысленные намеки на шляхетскія привилегіи:

«Gdy Jadam rąbał drwa[2]
«I Jewa zaś kądziel przędła,
«I gdzież tam byli szlachcicy?

Помѣщикъ, доведенный до убѣжденія, воздаетъ священнику справедливость въ отношеніи къ виновнымъ. Въ примѣръ того, съ какою легкостью стиля Корчевскій ведетъ свой діалогъ, выпишемъ здѣсь начало сцены между Витрикусомъ (звонаремъ) и Клехою.

---

[1] *Перевод.* «Это страшное притѣсненіе! наши посѣвы и поле, а ксендзы считаютъ копны».

[2] «Когда Адамъ рубилъ дрова, а Эва пряла пряжу, гдѣ тамъ была шляхта?»

ВИТРИКУСЪ.

Gdzieś to był kmotrze Jannasie?[1]

КЛЕХА.

Byłem na końcu wsi w karczmie.

ВИТРИКУСЪ.

Znać iż w karczmie nie kościele,
Boś się zlał piwem na czele;
Nie woda to z kropielnicy,
Ale piwo ze szklenicy,
I włosy się najeżyły,
Podobno w robocie były. —

КЛЕХА.

Dobrze iż który włos został,
A zaś mię tam jeden czesał,
Było tam chłopów na kopę,
A wszyscy mieli robotę.
Jedni rwali, drudzy lali,
A trzeci nademną stali;
Mówiąc: «nuż go bracia jeszcze,
«Niechaj dobrych ludzi nie klnie».

Сюда же принадлежитъ и сочиненіе Рея изъ-Нагловицъ: *Расправа пана съ войтомъ и священникомъ*. Направленіе ея прямо противоположное убѣжденіямъ Корчевскаго, такъ какъ цѣль ея состоитъ не въ томъ, чтобы поддержать, но

[1] *Переводъ.* «*В.* Гдѣ ты былъ, кумъ Яннасъ?

Кл. Въ корчмѣ на концѣ села.

В. И видно что въ корчмѣ, а не въ церкви, потому-что лобъ твой облитъ пивомъ; это не вода изъ священнаго сосуда, но пиво изъ стакана; да и волосы твои всклокочены, кажется и они оставались не безъ дѣла.

Кл. Добро бы, если бы еще остался хбть волосъ! Тамъ чесалъ меня не одинъ, было тамъ мужиковъ до шестидесяти, и каждому была работа. Одни рвали, другіе лили, а третьи стояли надомною, приговаривая: «Еще, братцы, еще! пускай не клянетъ онъ добрыхъ людей».

подорвать католическій обычай клятвъ и десятинъ. Объ этой *Расправѣ* мы уже говорили, когда дѣло шло о Рей.

Читатели вспомнятъ конечно здѣсь о *Сеймѣ женскомъ* Мартина Бѣльскаго, о которомъ мы упоминали уже прежде. Это лучшая изъ польскихъ комедій: содержаніе ея заимствовано у Аристофана; она осмѣиваетъ тогдашнихъ польскихъ эманципатокъ, или, лучше, правленіе Польши, слабо поддерживаемое мужами. Справедливо говоритъ одна изъ женщинъ, желающихъ освобожденія.

«To ich rady na sejmach: chłopka ze wsi złupić[1],
«A na swych kolacyach każdy dzień się upić,
«Króla Pana swojego mało sobie ważą,
«Gdzie mu prawdy potrzeba tam się nieokażą,
«Tylko własnych pożytków z pilnością szukają,
«A o pospolitą-rzecz, o tę nic niedbają».

И такимъ образомъ дошло до того, что нужно отнять у мужчинъ кормило правленія, измѣнить отношенія общественныя и доказать міру, что отжила доблестная Сарматская Ванда. Съ тѣхъ поръ жены будутъ натягивать луки, ѣздить верхомъ, носить доспѣхи и препоясываться рыцарскимъ мечемъ. Мужчины пусть ходятъ въ простыхъ, тканныхъ одеждахъ и стряпаютъ на кухнѣ. Напрасно одна изъ нихъ возражаетъ о невозможности имъ воевать съ Татарами: доблестныя Амазонки исключаютъ ее изъ своего круга и, получивши позволеніе у Польши (которая является здѣсь въ видѣ княжны), пишутъ новые законы, сообразно будущему порядку вещей.

---

[1] *Переводъ*. «Вотъ ихъ совѣщанія на сеймахъ: ободрютъ поселянина въ деревнѣ, напиваются до-пьяна на своихъ вечеринкахъ; короля своего государя мало уважаютъ; гдѣ ему нужна правда, тамъ ему не помогаютъ; только собственной корысти усильно ищутъ, а о республикѣ нисколько не заботятся».

Сеймъ женщинъ подвергся неслыханно безсовѣстному литературному похищенію. Владиславъ Ежовскій въ 1639 г. измѣнилъ его заглавіе на *Совѣтъ женъ польскихъ* (Konsultacyę niewiast koronnych), и издалъ подъ своимъ именемъ «какъ частицу своего убогаго труда». Воровство было открыто.

Бѣльскимъ мы заканчиваемъ исторію польскаго театра въ въ эпоху Ягеллоновъ. Діалоги духовные, важные, мясопустные, комедіи Дьяковъ (Rybałtowskie), забавные сваты (Dwiewosłęby), имена драматическихъ писателей Горчина, Петра Барыки и др. относятся къ эпохѣ Вазовъ.

Оканчивая нашъ длинный отдѣлъ о поэзіи, соберемъ во едино все то, что сказано нами въ отдѣльности о каждомъ произведеніи. Эпоха наша началась въ концѣ четырнадцатаго столѣтія съ прибытіемъ Ягеллы, кончилась послѣдниміго дами шестнадцатаго вѣка, ровно со смертію Стефана Баторія—сталобыть, обнимаетъ собою двѣсти лѣтъ. Сначала мы встрѣчаемся съ блѣдными стихами латинскими и скудными польскими—набожными пѣснями. Въ слѣдъ за тѣмъ мы вступаемъ въ число народовъ европейскихъ, занимаемъ тамъ видное мѣсто, образовываемъ себя по образцамъ древнихъ и, почти не зная эпохи младенчества, вдругъ становися возмужалыми, совершенными, потому-что такова уже поэзія Дантышка, Кржыцкаго, Яницкаго. Направленіе ея вообще католическое, склонное къ похваламъ, готовое иногда высказать и полновѣсное словцо, ибо Польша все еще находится подъ обширнымъ вліяніемъ Ватикана и собственныхъ монарховъ. Но это состояніе вещей начинаетъ наскучать, и вотъ мы замѣчаемъ проявленіе сатирическаго начала,—языкъ поэзіи все еще исключительно латинскій. Съ Сигиз-

мундомъ Августомъ, съ реформаціею, народъ выступаетъ на поприще политическое, и вотъ замираетъ папскій европейскій латинизмъ, а поэзія языкомъ народнымъ воспѣваетъ псалмы, составляетъ пѣсни, безъискуственные гимны объ удовольствіяхъ деревенской жизни, молитвы трудолюбиваго народа, воспоминанія побѣдъ и торжествъ, или мелкіе остроумные бездѣлицы — доказательство жизни и веселости. Поэзія тогдашняя была достойнымъ отголоскомъ счастливаго благоденствія. При Баторіѣ все еще мы встрѣчаемъ тоже самое, быть можетъ еще шумнѣе, но перемѣна невидимо совершается. Король не знаетъ языка польскаго, громче начинаетъ раздаваться замершая латинская пѣснь; но она такъ прекрасна, что смѣло можетъ соперничать съ пѣснію Горація. Баторій придаетъ государству болѣе рыцарское направленіе, являются іезуиты — съ цѣлію служить не благу отечества, но своимъ личнымъ видамъ, эти всемірные граждане, для которыхъ чужда всякая народность, которые языкомъ всемірнымъ, подобно имъ самимъ, исправляютъ отечественное слово. Гибкую польскую рѣчь они испещряютъ словами и оборотами латинскими, но ихъ латинизмъ не похожъ на латинизмъ Яницкаго: это какая-то церковная рѣчь. Они любятъ древнюю поэзію Грековъ и Римлянъ, но любятъ по-своему, холодно; не проникаются ея духомъ, но наряжаются безжизненнымъ остовомъ ея формъ. Поэзія почти непримѣтно теряетъ свою красоту, изъ нея улетаетъ лиризмъ и чувство, и беретъ верхъ умствованіе и сатирическая брюзгливость,— потому, говорятъ, что народная свобода приняла исполинскіе размѣры. Нѣтъ еще недостатка во вкусѣ, въ произведеніяхъ поэзіи, но образцы театральныхъ діалоговъ и аллегорій предвѣщаютъ что-то грустное; все еще кипитъ жизнію, но здѣсь и тамъ видны уже болѣзненные припадки; здѣсь и тамъ арфа, издававшая до сихъ поръ столь гармоническіе

звуки, начинаетъ отзываться уже ложными тонами. — Но одно мгновеніе...

Но на этомъ мгновеніи мы прерываемъ исторію поэзіи въ Польшѣ, потому-что мы прошли уже пространство двухъ-вѣковой эпохи Ягеллоновъ. Разсмотримъ дальнѣйшія части въ картинѣ этой эпохи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

БИБЛІОТЕКА

ОБЩЕПОЛЕЗНЫХЪ И КЛАССИЧЕСКИХЪ

ИНОСТРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ИСТОРІЯ

ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТЪ НАЧАЛА ЕЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ЛЮДВИГА КОНДРАТОВИЧА

(ВЛАДИСЛАВА СЫРОКОМЛИ).

ТОМЪ II.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

Ф. КУЗЬМИНСКАГО.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Грачева и Комп.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 2 дня, 1861 года.

Цензоръ *И. Росковшенко.*

VI. ЛЕГКАЯ ПРОЗА.

Сатирическіе листки. — Повѣсть и романъ. — Сочиненія нравственныя и нравоописательныя. — Путешествія Поляковъ въ другія страны и чужеземцевъ въ Польшу.

Переходъ отъ поэзіи къ точнымъ наукамъ составляетъ легкая проза, не имѣющая чисто-ученаго значенія, предназначенная для чтенія популярнаго съ цѣлію соединить пользу съ удовольствіемъ, образовать нравы, или дѣйствовать на общество въ извѣстномъ данномъ направленіи. Въ эпоху Ягеллоновъ намъ остается исчислить нѣсколько книгъ, какъ польскихъ, такъ и латинскихъ (потому-что большинство у насъ читало по-латыни).

Сюда прежде всего принадлежатъ критическіе листки, пасквили, писанные прозою, и вся такъ-называемая брошюрная литература, которая въ нашей эпохѣ еще довольно бѣдна, но въ эпоху Вазовъ возрасла до огромнаго числа книгъ и сдѣлалась почти тѣмъ, чѣмъ теперь стали наши газеты. Партіи религіозныя и политическія пользовались этимъ оружіемъ для поддержанія своихъ началъ и низложенія своихъ враговъ. До сихъ поръ нѣтъ еще собранія этой богатой отрасли нашей письменности, проливающей столько свѣта на исторію и обычаи Польши.

Здѣсь мы должны вспомнить о знаменитомъ пасквилѣ доминиканца Яна Фалькемберга на Ягелло и Поляковъ; въ немъ монахъ обѣщаетъ царство небесное тому, кто рѣшится истребить Поляковъ и ихъ короля. Этотъ пасквиль на Констанскомъ соборѣ въ 1418 надѣлалъ много шума; папа Мартинъ V, нерасположенный къ Полякамъ, безнаказанно пропустилъ это дѣло и приказалъ молчать польскимъ посламъ, которые протестовали противъ него; но отцы собора, какъ свидѣтельствуетъ Длугошъ, соболѣзновали о томъ неумѣренномъ тонѣ, въ которомъ одинъ монахъ позволилъ себѣ отзываться о лучшемъ королѣ, приверженцѣ христіанской религіи.

Какой-то безименный авторъ на латинскомъ же языкѣ въ родѣ басни написалъ преострую сатиру на четвертый бракъ Ягелло съ Пилецкою.

Андрей Кржыцкій написалъ колкія *Diaeta asiana* на Петрковскій сеймъ 1535 года, бывшій въ присутствіи короля. Между прочимъ онъ тамъ осмѣиваетъ Петра Горынскаго, царедворца Боны.

Кленовичъ писалъ противъ іезуитовъ, Папроцкій чернилъ Яна Замойскаго и т. д.

Польскій *романъ и повѣсть*, предназначавшіеся у насъ для общенароднаго чтенія людей, не знавшихъ языка латинскаго, обязаны своимъ происхожденіемъ не народнымъ потребностямъ, а простой спекуляціи книгопродавцевъ. Въ одно время съ распространеніемъ книгопечатанія пытались-было ввести у насъ средневѣковый рыцарскій романъ, но какъ онъ не соотвѣтствовалъ духу народа, то могло появиться едва лишь нѣсколько образцевъ.

Вѣнскій типографъ Гіеронимъ Вѣторъ, привлеченный славою Академіи и умственнымъ движеніемъ въ Польшѣ, перенесъ въ Краковъ свою типографію и, изготовивъ поль-

скій шрифтъ, сталъ заботиться о томъ, чтобы выдать что-нибудь «забавное» (krotofilnego), болѣе интересное для народа. Для этой цѣли онъ употребилъ бакалавра *Яна изъ Кошичекъ*, который съ латинскаго переводилъ для него легкія сочиненія, бывшія въ ходу за границей. Первымъ трудомъ этого рода былъ переводъ очень древней легенды о Соломонѣ и Мархолтѣ подъ заглавіемъ: *Разговоры, которые велъ царь Соломонъ мудрый съ грубымъ Мархолтомъ* (1521 г.). Это первая печатная книга на польскомъ языкѣ; она украшена гравюрами. Цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что разумъ скрывается часто и подъ грубою наружностью и что, поэтому, презираемое всѣми дитя народа очень часто принуждено бываетъ для личной своей безопасности прикрывать свое природное остроуміе грубымъ покровомъ дикости.

Мудрый Соломонъ, возсѣдавшій на престолѣ Давидовомъ, увидалъ человѣка съ Востока, по имени Мархолта, и его жену. Наружность Мархолта была отвратительно-грязная; но когда царь израильскій хотѣлъ узнать отъ него: кто онъ таковъ, и когда простякъ сталъ говорить съ нимъ простонародными пословицами и поговорками, мудрый Соломонъ, не смотря на то, что не затруднялся въ отвѣтахъ и не щадилъ затѣйливыхъ иносказаній, чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Стиль, языкъ и остроты этой книги грубы и чрезвычайно наивны. Притчи Соломона, которыя авторъ влагаетъ ему въ уста, заимствованы изъ книгъ Соломона, а поговорки Мархолта взяты изъ устъ простаго народа. Нѣкоторыя изъ нихъ очень удачны; напримѣръ. —

Ten piérwiéj rad poczyna, który źle spiéwa [1].

[1] *Переводъ.* «Тотъ охотно начинаетъ первый, кто дурно поетъ.»

Który człowiek plewami sieje swoją rolę,
Taki nędzę będzie żął i swoją niewolę [1].

Z tym kot rad mieszka we zgodzie,
Kto mu da lizać po brodzie.

Niejednako spiéwa syty z tym, któremu się jeść chce.

Второе сочиненіе, переведенное Кошычкомъ и изданное иждивеніемъ Вѣтора, есть: *Прекрасное и забавное сказаніе о Понціанѣ, римскомъ императорѣ, какъ онъ отдалъ сына своего Діоклетіана на обученіе семи мудрецамъ.* Быть-можетъ, тому же автору и издателю принадлежитъ: *Различіе между счастіемъ и добродѣтелью въ исторіи объ одномъ юношѣ* (1524).

Но Вѣторъ, вѣроятно, замѣтилъ, что въ Польшѣ, волнуемой религіозными спорами, повѣсть не дѣлаетъ большихъ успѣховъ, а потому бросилъ ее и принялся издавать сочиненія аскетическія.

Были у насъ и романы (но всегда только въ переводѣ), какъ-то: *Знаменитая исторія о Гризелдѣ Сылюрской*, заимствованная изъ Боккаччіо, въ которой Вальтеръ, маркграфъ салуццкій, подвергаетъ ужаснымъ, неслыханнымъ испытаніямъ свою жену, чтобъ удостовѣриться въ ея любви. Были также: *Исторія о Мавеллонѣ и Фортунатѣ*; *Исторія о безобразной Вдовѣ*, *о Баресолѣ*; *Забавная исторія о Купцѣ, который съ другимъ бился объ закладъ за вѣрность своей жены.* Но всѣ эти романтическія и забавныя (какъ утверждали сочинители) *исторіи*, не переходя въ просвѣщенные слои общества, приводили въ слезы, или смѣшили, однихъ только добродушныхъ мѣщанокъ, или мелкопомѣстныхъ шляхтянокъ.

---

[1] *Переводъ.* «Кто плевелами засѣваетъ свою пашню, тотъ пожнетъ нужду и горе.»

«Съ тѣмъ кошка живетъ въ мирѣ, кто позволитъ ей лизать свою бороду.»

«Не въ одинъ томъ поетъ сытый съ тѣмъ, кому хочется ѣсть.»

Высшимъ значеніемъ литературнымъ и большею извѣстностію пользовались *нравственныя сочиненія* этой эпохи; а для насъ отдаленныхъ потомковъ того времени важнѣе другихъ *правоописательныя сочиненія*. Разсмотримъ нѣсколько книгъ, написанныхъ въ обоихъ этихъ родахъ.

Патріархъ польскихъ писателей Николай Рей изъ Нагловицъ написалъ: *Зерцало или изображеніе, въ которомъ всѣ состоянія могутъ легко увидѣть свои дѣла, какъ въ зеркалѣ* (1567). Эта драгоцѣнная книга представляетъ жизнь честнаго человѣка, при чемъ авторъ въ трехъ книгахъ, подраздѣляющихся на особыя главы, изображаетъ три періода человѣческой жизни и каждому возрасту даетъ соотвѣственныя ему наставленія. Въ отношеніи къ языку это сочиненіе очень замѣчательно: въ немъ мы слѣдимъ за образованіемъ польской рѣчи; по отношенію къ тогдашнимъ нравамъ, авторъ переноситъ насъ на сцену шестнадцатаго вѣка: мы видимъ домашнюю жизнь нашихъ предковъ такъ наглядно, какъ будто бы все это движеніе происходило тутъ же предъ нашими глазами. Юношеству совѣтуетъ онъ предаваться труду, чтенію и упражненіямъ въ рыцарскихъ играхъ, копьемъ попадать въ шапку, или перстень, а потомъ въ избранныхъ обществахъ пріучаться къ разговорамъ и приличнымъ шуткамъ; даже танецъ и лютню онъ рекомендуетъ юношѣ, какъ необходимое развлеченіе. Во всемъ совѣтуетъ держаться умѣренности. Вотъ прекрасная картина нравовъ нашихъ предковъ: «Святые предки наши мало знали алебастровъ, мраморовъ, золота, серебра и пестрыхъ обоевъ. Цвѣтки и благовонныя травы были у нихъ обоями; шатеръ, или шалашъ изъ хворосту — вотъ ихъ мраморъ и алебастры; хлѣбъ, испеченный на огнѣ, кусокъ жареной баранины — вотъ ихъ блюда; вѣрная любовь, доброжелательная услужливость, справедливость, богобоязненность, умѣрен-

ность—вотъ всѣ ихъ украшенія и всѣ драгоцѣнности». Поэтически говоритъ онъ объ истинѣ, утверждая, что она для всѣхъ добродѣтелей тоже, что майскій дождь для возникающей растительности. Говоря о дружбѣ, онъ употребляетъ особенный родъ сравненія: «Предупредительность и услужливость въ дружбѣ тоже, что салатъ къ жаркому изъ вепря». Рисуетъ образъ друга: «Боже упаси отъ всякаго несчастія, но въ случаѣ нападенія на одного, другой уже стоитъ съ оружіемъ (szarszunem). Случится ли какая-нибудь болѣзнь, другой бѣжитъ уже за докторомъ и, гдѣ можетъ, ищетъ помощи. А если услышитъ одинъ, что другаго зовутъ куда-нибудь въ судъ, хотя бы его тамъ и не было, онъ сейчасъ подастъ апелляцію и будетъ просить отсрочки. Случится ли какое-нибудь безпокойство, или опасность, ты имѣешь какъ будто бы три руки: и добро и зло все пополамъ».

Удачно изображаетъ также добрую и дурную сторону Поляковъ. «Смотри: гдѣ есть королевство, подобное нашему въ славѣ и знаменитости, или есть ли хоть одно изъ окрестныхъ королевствъ, которое бы не потребовало отъ него или какой-нибудь помощи, или какого-нибудь изъ естественныхъ произведеній?.. А все потому, что хотя въ другихъ странахъ и болѣе золота, серебра, пряностей, шелковыхъ тканей и другихъ предметовъ, но вѣдь все же это чуть не даромъ переходитъ къ намъ. Но такихъ людей, такихъ добродѣтелей, такихъ обычаевъ, такого мужества—какой народъ во всемъ этомъ можетъ сравниться съ нашимъ народомъ?... Счастливымъ называютъ то войско, въ которомъ видали Поляковъ...

«Если же, обернувши картину, взглянешь и на другую сторону: есть ли гдѣ-нибудь царство болѣе слабое, безсильное и болѣе равнодушное къ своимъ дѣламъ и нуждамъ, чѣмъ это славное и знаменитое королевство наше? Есть ли у насъ хоть

какое-нибудь опредѣленное постановленіе, кромѣ суетныхъ и пустыхъ призывовъ (wici) на случай, если бы на насъ внезапно напалъ непріятель, чтобы мы что-нибудь съ нимъ дѣлали?.. Взгляни на эти людскіе наряды, уборы, обычаи, наружности; бродятъ толпы молодыхъ людей, которые, кажется, какъ львы, могли бы, по словамъ древней поговорки, и *съ чертомъ бороться*; а если встрѣтится какое-нибудь неважное замѣшательство, они бѣгутъ, ищутъ и не находятъ себѣ убѣжища. Тѣ же, которымъ это и было бы прилично, выглядываютъ изъ-за стѣнъ и за милю спрашиваютъ другъ у друга новостей. Стоятъ замки... стоятъ опустѣлыя стѣны; въ нихъ водятся волки и кабаны, и мы бережемъ ихъ, кажется, единственно для охраненія бастіоновъ отъ нашихъ враговъ».

Прекрасны картины сельскаго домохозяйства и внутренняго убранства домовъ честныхъ шляхтичей, «гдѣ приготовлены вкусныя яства», а вокругъ столовъ «блажатъ ребятишки (błazenkowie kuglują)» и т. д.

Рядомъ съ Реемъ мы привыкли всегда встрѣчать имя Яна Кохановскаго. Прозаическое сочиненіе послѣдняго: *Изложеніе добродѣтели*, заключаетъ въ себѣ много прекрасныхъ и удачныхъ сужденій. Выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Слово: добродѣтель, заключаетъ въ себѣ очень многое. Прежде всего мудрость, которая научаетъ насъ чего искать и чего беречься; потомъ справедливость, которая повелѣваетъ воздавать каждому должное; въ-третьихъ величіе духа, которое основывается на презрѣніи земныхъ благъ; въ-четвертыхъ скромность какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ. А отъ этихъ четырехъ добродѣтелей, какъ отъ четырехъ источниковъ, проистекаетъ много другихъ добродѣтелей, исправляющихъ нравы человѣчества».

«Двѣ вещи облагораживаютъ человѣка: нравъ и разумъ. Но если ты долженъ выбрать что-нибудь одно изъ двухъ, то бери лучше добродѣтель, чѣмъ ученость, потому-что ученость безъ добродѣтели—это мечъ въ рукахъ безумца: она вредитъ и себѣ, и другимъ.

«Если случится что-нибудь съ пріятелемъ, помни, что это лучшій случай доказать, другъ ты ему, или нѣтъ... тогда прилично тебѣ на зло фортунѣ, которая такъ непостоянна, твердо держаться твоего друга» и т. д.

Эразмъ Гличнеръ, евангелическій пасторъ въ Гродзискѣ и Бродницахъ, издалъ въ 1558 г. *Книги о воспитаніи дѣтей* (Ksyąźki o wychowanyu dzyeci). Это полный трактатъ о воспитаніи дитяти съ минуты его рожденія до вступленія въ свѣтъ. По мнѣнію автора, ребенка, вскормленнаго молокомъ матери, а не наемной кормилицы, не должно слишкомъ баловать, не наряжать «пышно и нарядно, но сшить ему шальвары и казакинчикъ», потомъ отдавать на обученіе, но подъ строгій надзоръ, чтобъ оно «не было похоже на тѣхъ, которые, живя въ школахъ, или коллегіяхъ, мало занимаются науками, а больше ходятъ по корчмамъ, обозрѣвая домъ за домомъ, гдѣ лучше вино, или пиво». Юноша, отданный въ школу, долженъ имѣть добраго гувернера; по окончаніи курса ученія не нужно принуждать его къ выбору состоянія, но предоставить это собственному влеченію юноши. Во времена автора, званіе духовное открывало путь къ первостепеннымъ достоинствамъ. Гличнеръ порицаетъ тѣхъ родителей, которые изъ своихъ расчетовъ облекаютъ сына въ священническую одежду. «Ты ведешь его къ священству, хотя сынъ твой не чувствуетъ въ себѣ ни малѣйшаго призванія къ этому сану. Пускай лучше сынъ твой, батюшка, возьметъ плугъ и косу и, женившись, работаетъ дома, откармливая быковъ, и лучше пусть будетъ добрымъ

хлѣбопашцемъ, нежели злымъ, какъ говорятъ Поляки, помъ.» Совѣтуетъ женить сына около тридцати лѣтъ, а сыну при выборѣ жены болѣе смотрѣть на добродѣтель и доброту сердца, чѣмъ на красоту, или богатство... Сочиненіе Гличнера, забытое и пречебрегаемое, быть-можетъ, потому, что протестантскаго автора, достойно занять мѣсто на ряду съ первыми произведеніями польской прозы.

Къ книгамъ нравоописательнымъ моральнаго содержанія принадлежитъ знаменитый *Царедворецъ* Луки Горницкаго (въ тип. Вѣржбенты, Крак. 1566). Вотъ содержаніе этой книги. У Грековъ была поговорка: «живи такъ, чтобы никто и не зналъ того, что ты живешь въ мірѣ». Горницкій, не раздѣляя этого мнѣнія, напротивъ убѣжденъ въ томъ, что мудрецу «не прилично подобно глупцамъ быть мертвымъ при жизни»; поэтому онъ рѣшается написать сочиненіе, которое бы оставило по немъ воспоминаніе, «а польскому народу оказало услугу». «Я рѣшился, говоритъ онъ, создать польскаго царедворца, заимствовавъ его изъ книгъ *графа Бальчера Кастильона*».

Самуилъ Мацеіовскій приказалъ построить надъ рѣкою Прондникомъ, въ окрестностяхъ Кракова, домъ въ италіянскомъ вкусѣ, главнымъ образомъ «для того, чтобы въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ, каковы окрестности Кракова, имѣть уголокъ, гдѣ бы можно было угощать людей посторонннихъ и посланниковъ великихъ королей... Такимъ образомъ онъ, подобно второму Сократу, окружалъ себя почтенными учеными и избранными людьми, не жалѣя издержекъ и стараній, привлекая таковыхъ къ себѣ и сзывая богатыми денежными ссудами, такъ, что дворъ его былъ нѣкоторымъ образомъ рыцарскою школою людей, съ которыми онъ жилъ не какъ господинъ съ своими слугами, а какъ отецъ съ дѣтьми... А такъ какъ онъ постоянно жилъ при дворѣ, то

и приставали къ нему всѣ лучшіе изъ царедворцевъ; тамъ всегда было чего послушать и каждому человѣку представлялось открытое поле показать то, что онъ узналъ въ обществѣ тѣхъ избранныхъ людей, которыхъ тамъ было всегда много...» Эти-то разговоры тогдашняго высшаго общества въ Польшѣ и рѣшился передать авторъ. На сколько онъ буквально переводилъ Валтассара Кастильона, на сколько измѣнилъ его и приноровилъ къ нравамъ своего отечества—вотъ вопросъ, заслуживающій сравненія съ оригиналомъ и достойный того, чтобы кто-нибудь имъ занялся. Мы же, съ своей стороны, приведемъ здѣсь нѣсколько мыслей изъ Царедворца, въ которыхъ, какъ намъ кажется, авторъ имѣлъ въ виду не столько дворъ, окружающій магната, сколько министровъ королевскаго двора.

....«Я понимаю это такъ: музыка, пиры, танцы, игра и другія увеселенія — все это какъ бы цвѣтъ; одно только расположеніе государя къ добру и уклоненіе отъ зла составляютъ истинный плодъ общества придворныхъ... И придворный можетъ спасти своего господина и не допустить до того, чтобы счастіе могло запятнять его. Ибо изъ множества заблужденій, которыя мы видимъ въ господахъ намъ современныхъ, самыя важнѣйшія: невѣжество и непомѣрная самоувѣренность, а корень этихъ двухъ золъ не что иное, какъ только обманъ тѣхъ людей, которые вводятъ господъ въ такое о себѣ мнѣніе.

...«У господъ всего менѣе такихъ людей, которые бы говорили имъ правду и напоминали о добрыхъ дѣлахъ. Это потому, что никого изъ враговъ любовь не можетъ расположить принять на себя этотъ трудъ; напротивъ, каждый радуется тому, если господинъ живетъ какъ можно постыднѣе; для нихъ лучше, если онъ даже никогда не исправится. Если бы кто-нибудь изъ друзей и желалъ прямо замѣтить что-нибудь гос-

подину и похулить его поступки, то онъ воздерживается, зная, что за это онъ можетъ быть скоро наказанъ... Льстецъ, желая изъ всего извлекать пользу, и дѣлаетъ, и говоритъ то, чѣмъ бы онъ могъ понравиться господину; всего же обыкновеннѣе говоритъ ложь, которая доводитъ господина до того, что онъ не только дѣяній своихъ родоначальниковъ, но и самъ себя перестаетъ знать... Вскруживъ себѣ голову довольствомъ, плавая и почти утопая въ роскоши, они очень обманываются тѣмъ... что непомѣрно надмѣваются отъ этихъ пустяковъ и впадаютъ въ самообольщеніе, почему не хотятъ слушать ни совѣта, ни чьего въ мірѣ мнѣнія. А къ этому подобно прибавить еще и то, что царствовать они почитаютъ дѣломъ очень легкимъ, что для этого не нужно никакой другой науки, или упражненій, кромѣ власти и силы. Поэтому-то они и обращаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы вполнѣ сохранить это могущество... Потому, утвердивши все это въ своемъ умѣ и прельщаясь великою самоувѣренностію, они возносятся до удивительной гордости и стараются поддержать ее своимъ надутымъ видомъ, строгостію, великолѣпіемъ, одеждою, золотомъ, драгоцѣнными камнями; къ тому же все время скрываются въ своихъ покояхъ, думая, что этимъ они пріобрѣтаютъ какое-то уваженіе и славу у людей, дабы они принимали ихъ чуть-чуть не за Бога. Но, по моему мнѣнію, эти властелины въ сказанномъ отношеніи суть просто гробы, помѣщенные въ стѣнѣ, потому-что снаружи ничего не можетъ быть прекраснѣе ихъ: вездѣ чистый мраморъ, или мѣдь, форма, работа, цѣлость человѣческихъ членовъ, отдѣланныхъ чуть ли не лучше, нежели какъ они были при жизни; а если бы кто заглянулъ внутрь ихъ, то нѣтъ тамъ ничего кромѣ смрада, земли, праха и гнилыхъ костей. Я скажу еще и то, что эти господа находятся въ большей опасности, нежели гробы, потому-

что гробы всегда такъ хорошо вдѣланы въ стѣну, на такомъ прочномъ основаніи, изнутри такъ прикрѣплены желѣзомъ, что выпасть и разбиться не могутъ; господа же, не имѣя ни основанія подъ собою, ни укрѣпленія внутри себя, по причинѣ той тяжести и вѣса, которые они на себѣ носятъ, непремѣнно должны обрушиться и пасть...» и т. д.

Въ этомъ отдѣлѣ мы должны еще упомянуть и о латинскихъ сочиненіяхъ—Шимона Марицкаго: *Объ училищахъ* (de Scholis etc. Краковъ, въ тип. Шарффенберга), Яна изъ Заблоця Рамулта: *Нѣчто о воспитаніи шляхетскаго юношества* (Compendiaria instituendorum nobilium liberorum ratio, 1576), и о польскихъ: Рейнгарда Лорыхія (Lorychiusza): *О добромъ нравленіи и воспитаніи*, переведенное Станиславомъ Кошуцкимъ (1555); *О друзьяхъ*, соч. Андрея Машуцкаго (въ Добромилѣ между 1530 и 1540 годомъ); Яна Грушинскаго: *Объ обязанностяхъ хорошаго общества* (1581).

«Царедворецъ» Горницкаго составляетъ переходъ отъ сочиненій чисто нравственныхъ къ *разсужденіямъ политическимъ*. Въ Польшѣ, гдѣ весь народъ участвовалъ въ дѣлѣ правленія, много было политическихъ разсужденій, писанныхъ для всѣхъ доступно, энергически и сильно. Первое между ними мѣсто занимаетъ сочиненіе знаменитаго протестанта *Андрея Фрыча Модржевскаго*: «*De republica emendata*» (1551); спустя 26 лѣтъ послѣ своего появленія оно переведено на польскій языкъ *Кипріяномъ Базиликомъ* подъ заглавіемъ: *Объ исправленіи республики* (1577.) Приведемъ содержаніе этой замѣчательной книги, сокращая только выраженія автора, его же собственными словами, для того, чтобы показать, какъ ясно понималъ Модржевскій недостатки своего правительства и потребности народа.

Въ вступленіи авторъ опредѣляетъ республику. «Это—говоритъ онъ—союзъ людей, хорошо сложенный, состоящій изъ различныхъ сословій, направленный къ доброй счастливой жизни. Республика—это какъ бы тѣло, въ которомъ ни одинъ членъ не служитъ самъ себѣ, но глаза и руки и ноги и всѣ другіе члены какъ будто бы вмѣстѣ о себѣ пекутся и власть свою употребляютъ такъ, чтобы въ добромъ состояніи было и все тѣло; а когда оно благоденствуетъ, то и члены не знаютъ никакой обиды... а какъ членъ, оторванный отъ тѣла, не живетъ уже и недостоинъ того, чтобы называть его собственнымъ его именемъ, такъ и ни одинъ гражданинъ не можетъ и не долженъ жить внѣ республики..»

Обозрѣвши различныя формы правленія, онъ говоритъ: «Но самою лучшею считаютъ такую республику, которая сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ три способа, гдѣ власть королей всѣмъ управляетъ, лицамъ сановитымъ раздаютъ важнѣйшія должности, а всѣмъ равно можно стремиться къ славѣ, надъ всѣми законъ имѣетъ одинаковую власть.»

Авторъ дѣлитъ свой трудъ на пять книгъ: первая предметомъ своимъ имѣетъ *обычаи*, вторая *законодательство*, третья разсуждаетъ *о войнѣ*, четвертая (эту часть Кипріянъ Базилинъ пропустилъ какъ щекотливую) *о вѣроисповѣданіи и богослуженіи*, послѣдняя объ *училищахъ*. Книга о нравахъ начинается воспитаніемъ дѣтей.

«Пускай родители въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей берутъ въ примѣръ тотъ поступокъ Христа, когда Онъ сказалъ: Не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ!... и цѣлуя возлагалъ на нихъ руки и благословлялъ. Пускай же родители постараются обучить дѣтей своихъ тѣмъ наукамъ, изъ которыхъ бы они вдругъ еще въ младенчествѣ могли познавать добро и зло... а болѣе всего, чтобы воздерживали ихъ

отъ роскоши, потому-что гдѣ она господствуетъ, тамъ не можетъ утвердиться добродѣтель. Нужно также, чтобы пріучали ихъ къ умѣренности въ пищѣ, которая не должна быть изысканна и воспалять внутренностей, потому-что этотъ возрастъ и безъ того горитъ врожденнымъ ему жаромъ: не нужно поэтому огня прикладывать къ огню. Также пускай пріучаютъ ихъ къ перенесенію холода и жара и къ жесткому ложу... чтобы мальчики и дѣвушки не проводили юныхъ лѣтъ своихъ въ праздности, но чтобы отбирали отъ нихъ заданные имъ уроки рукодѣлія... Могутъ они также не возбранять дѣтямъ ѣздить верхомъ и заниматься другими пѣшеходными забавами, т. е. прогулками, или какимъ-нибудь прыганьемъ, или бросаніемъ камней, или игрою въ мячъ и другими подобными играми, только бы они все это дѣлали съ умѣренностію. Также нужно учить мальчиковъ тому, какъ они должны держать себя въ отношеніе къ другимъ, чѣмъ они обязаны родителямъ, сосѣдямъ, республикѣ.. Нужно также дѣтямъ указывать Христа... водить ихъ въ храмъ на проповѣди, чтобы познавали они обряды богослуженія. Родители, замѣтивъ и оцѣнивъ разумъ ихъ и юное остроуміе, пускай упражняютъ его въ такихъ наукахъ, или ремеслахъ, къ которымъ влекла бы ихъ сама природа... Вошло въ обычай, что родители, желая видѣть дѣтей своихъ чѣмъ-нибудь прославленными, отсылаютъ ихъ ко двору; но не всегда это бываетъ полезно юношѣ... Теперь придворные убиваютъ время въ игрѣ въ кости, въ волокитствѣ, пирахъ и попойкахъ; не только ручная работа теперь у нихъ въ презрѣніи, но знать даже свободныя науки кажется имъ дѣломъ слишкомъ деревенскимъ.»

Съ X-ой главы (1 кн.) предметъ пріобрѣтаетъ болѣе занимательности: авторъ переходитъ къ образу отечественнаго правленія... «У Поляковъ великое имѣетъ значеніе сосло-

віе шляхетское, высылающее изъ каждаго уѣзда на сеймъ своихъ депутатовъ, безъ согласія которыхъ никакіе уставы не могутъ имѣть силы; они тщательно должны наблюдать за тѣмъ, чтобы республика не потерпѣла какого-нибудь ущерба: я самъ видѣлъ, какъ это дѣлали, и дай Боже чтобы продолжалось такъ и во вѣки. Но случается иногда замѣтить, что они излишне любятъ свое сословіе, защищаютъ болѣе свои права, чѣмъ республику... Много также зависитъ и отъ того, чтобы стулъ сенаторскій былъ устроенъ, какъ можно лучше. Кромѣ сената, который собирается только для дѣлъ большей важности, королю прилично имѣть еще подлѣ себя нѣсколько лицъ, съ которыми бы онъ обо всемъ совѣщался; таковые должны быть вѣрными и украшаться молчаніемъ... Мужи совѣта должны быть внимательны и осторожны; ни одинъ изъ нихъ да не ищетъ корысти, да не увлекается любовію, или ненавистію. Ибо сердце, пылающее любовію, или ненавистію, не способно познавать правду. Вѣрному сенатору подобаетъ внимать правдивымъ совѣтамъ другихъ и по ненависти, которую бы онъ питалъ къ нимъ, не отвергать ихъ совѣтовъ; а есть и такіе, которые отвергаютъ чужой голосъ потому только, что стыдятся повторять тоже самое, что по истинѣ смѣшно и низко». Авторъ переходитъ къ власти исполнительной.

«Безотлагательная обязанность старостъ состоитъ въ томъ, чтобы дома хранить миръ между людьми, давать отпоръ внезапному вторженію непріятелей, исполнять приказы и опредѣленія королей и судей. Но самъ я видѣлъ, какое неправосудіе царствуетъ въ городахъ и замкахъ, подобно тому какъ въ лѣсу, гдѣ нѣтъ начальника. О по истинѣ, милостивые, почтенные, высокородные господа! вы слишкомъ нерадивы ко вреду отечества, а потому и достойны вы наказанія... Мнѣ кажется, что въ республикѣ не-

обходимо установленіе, которое бы наблюдало за нравственностію. У Римлянъ и Грековъ были таковыя. У нихъ государственный мужъ и шляхтичъ, жены и весь народъ, должны были исполнять свои обязанности: иначе они подвергались наказанію. Супружества также имѣли своихъ стражей. Хорошо было бы также, чтобы надзиратели на рынкахъ и ярмаркахъ внимательно слѣдили за тѣмъ, что продаютъ, какъ и по какой цѣнѣ, чтобы цѣны на все назначались по цѣнѣ на хлѣбъ; также слѣдуетъ уничтожить тотъ обычай по которому одинъ скупаетъ во всемъ государствѣ извѣстнаго рода товаръ для того, чтобы потомъ самому продавать его, потому-что на этихъ розахъ одинъ богатѣетъ, а многіе доходятъ до убожества. Общественныя зданія и домы также должны имѣть своихъ надсмотрщиковъ, которые берегли бы ихъ отъ огня и разрушенія. Въ благоустроенной республикѣ долженъ также быть чиновникъ, который бы строго наказывалъ пьяницъ и праздношлобцевъ, запрещалъ бы расточительность, развратъ, пиры и азартныя игры и никому не позволялъ бы оставаться праздными... Есть люди истинно бѣдные, которымъ не достаетъ силъ и пропитанія: таковые должны быть призриваемы; но тѣ, которые нищенствуютъ по улицамъ, сочиняя себѣ какую-нибудь немочь или болѣзнь, если они туземцы и могутъ трудиться, пускай принуждаютъ ихъ къ работѣ; если же пришельцы, то пускай отсылаютъ ихъ въ свои города... Пусть будетъ установлено учрежденіе, которое бы призирало бѣдныхъ и добросовѣстно распоряжалось бы тѣмъ, что будетъ назначено на ихъ нужды... Истинная благотворительность и состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро тому, кто ничѣмъ не можетъ вознаградить за оное.

«Пускай войдетъ въ обычай, чтобы при раздачѣ должностей обращалось самое большее вниманіе на добродѣтель. Ко-

роль пускай не вдается въ обманъ этимъ, дыму подобнымъ гербомъ древнихъ предковъ, или фамилій; пускай напередъ испытаетъ онъ разумъ и природу того, кого хочетъ возвысить; пускай послушаетъ его рѣчей въ совѣтѣ, или въ судахъ; пусть испытаетъ его совѣты, узнаетъ его дѣла на полѣ ратномъ, или дома... Многіе думаютъ, что при раздачѣ должностей прежде всего нужно смотрѣть на благородство и честь дома, а не на достоинство; нужно поправить эту ошибку... Есть нѣкоторыя достоинства, въ которыхъ сословія прямо наслѣдуютъ отъ своихъ отцевъ, какъ-то: распоряжаются тѣми людьми, которые были закрѣплены за ихъ родителями, и это постановленіе у насъ чрезвычайно жестоко, потому-что поселянину запрещено жаловаться на своего помѣщика, если бы онъ даже получилъ самую великую обиду... И то нужно было бы завесть, чтобы надзиратели производили слѣдствія о помѣщикахъ и жестокихъ наказывали... Законъ Магометовъ запрещаетъ почитать рабомъ кого-нибудь той же вѣры. А мы, христіане, которые исповѣдуемъ истинную вѣру въ Бога, не стыдимся имѣть у себя христіанъ рабами... Помѣщики отнимаютъ у своихъ поселянъ землю, собственность, а въ иныхъ уѣздахъ продаютъ ихъ, какъ скотъ... Каждый сердится, если мы, обращаясь къ нему, говоримъ какъ къ нему одному; мы уже почти потеряли употребленіе этого слова: *мы*; обращаясь къ кому-нибудь одному, нужно рѣчь свою располагать такъ, какъ будто бы говорилось о многихъ. Другіе не довольствуются отмѣною числа, если ты не измѣнишь лица. Отсюда-то и вытекаетъ множество этихъ: wielmożności (высокородіе), jasności (свѣтлость), miłości (милость), miłościwania (тоже), wielebności (преподобіе), swiętobliwości (преосвященства). Смѣшонъ по истинѣ этотъ обычай; къ этому присоединилось еще обыкновеніе набивать всю нашу

рѣчь raczeniem (благоизволеніемъ), или waszmościami (сударь), каждому поручать себя и свои услуги».

Во второй книгѣ: *О Законахъ* (o Prawach), Модржевскій высказалъ не мало прекрасныхъ мыслей; приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Всѣ законы должны быть справедливы и направлены къ общему благу, ибо кто радъ такому врачевству, которое исцѣляетъ одну часть тѣла, а другой вредитъ? Такъ въ нашей республикѣ есть законъ, по которому если бы человѣкъ простаго сословія убилъ шляхтича, или жестоко его ранилъ, то подвергается смерти, а шляхтичъ (за убіеніе поселянина) можетъ выкупиться деньгами... Каждое важное насиліе, а въ особенности человѣкоубійство, должно быть наказано смертію. Какое безчеловѣчіе такъ мало цѣнить жизнь поселянъ, безъ услугъ которыхъ мы вовсе не можемъ обойтись!.. Но насъ не трогаютъ несчастія обыкновенныхъ людей, не трогаетъ насъ кровь людей невинно избиваемыхъ... нужно бояться кары небесной, какой-нибудь ужасной бури, которая бы съ корнемъ не уничтожила всѣхъ насъ, и дома, и народы, и наконецъ самое имя Польши».

Подаетъ проектъ новаго судопроизводства.

«И то нужно установить, чтобы не всѣ дѣла принадлежали королю и сейму, но чтобъ были и другія главныя судилища, ибо мы видимъ, что король никоимъ образомъ не можетъ управиться съ такимъ множествомъ подсудимыхъ; сеймъ сзывается только на одинъ разъ, а между тѣмъ люди терпятъ столь разнообразныя притѣсненія отъ своихъ враговъ. Пускай бы въ главнѣйшихъ городахъ былъ судъ, состоящій *напримѣръ* изъ девяти юристовъ: трехъ изъ духовнаго званія, трехъ изъ дворянства и трехъ изъ городскихъ обывателей; пускай бы по числу лицъ онъ на-

зывался Судомъ или Палатою Девяти; пускай бы они постоянно засѣдали въ судѣ, кромѣ праздниковъ, поры жатвы и сейма. Срокъ разбирательства и рѣшенія каждаго дѣла, пускай бы былъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Пускай бы они имѣли право окончательно рѣшать всѣ дѣла безъ дальнѣйшихъ аппелляцій. Пускай бы никто не дерзалъ прекословить ихъ приговору, развѣ въ случаѣ какого-нибудь новаго, неслыханнаго дѣла. Тогда бы только судьи допускали аппелляціи къ королю и сейму, а рѣшеніе короля было бы уже для нихъ закономъ на будущее время. Пускай бы республика обдумала всѣ ихъ потребности; а городъ удобный для учрежденія подобныхъ судовъ, былъ бы Краковъ, или Петриковъ, потому именно, что оба они лежатъ на равномъ разстояніи отъ всѣхъ почти уѣздовъ...»

Читатели да позволятъ намъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Мысль Фрыча Модржевскаго *о Палатѣ Девяти*, высказанную имъ въ 1551 году, развилъ и привелъ въ исполненіе Стефанъ Баторій, учреждая въ 1578, т. е. 27 лѣтъ спустя, *Государственный Трибуналъ* (Tribunal koronny). Намъ такъ и кажется, что Замойскій, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ первая мысль о Трибуналѣ, почерпнулъ ее изъ книги Фрыча Модржевскаго. Для доказательства сличимъ проектъ Фрыча съ уставомъ Трибунала.

Модржевскій не говоритъ, должна ли *Палата Девяти* судить по назначенію короля, или отъ народа; Баторій сдѣлалъ прекрасную уступку отъ правъ королевскихъ, дозволивъ гражданамъ самимъ и изъ собственной среды своей избирать трибунальныхъ чиновниковъ.

Модржевскій хочетъ, чтобы *Палата Девяти* слагалась изъ депутатовъ отъ духовенства, шляхты и мѣщанъ; Баторій установляетъ, чтобы трибунальные депутаты избирались по одному или по два изъ шляхты каждаго воеводства, а

духовенство изъ каждой каѳедры епископской высылало опредѣленное число депутатовъ. Мѣщане не были состояніемъ въ конституціонномъ смыслѣ этого слова, а потому имъ и не было даровано это право.

Модржевскій предполагаетъ мѣстомъ засѣданій Трибунала назначить Петрковъ, или Краковъ; Стефанъ Баторій, чтобы удовлетворить великопольскимъ и малопольскимъ провинціямъ, назначаетъ города Петрковъ и Люблинъ, въ которыхъ должны судить трибунальные чиновники по полугодію ежегодно въ каждомъ городѣ.

Модржевскій желаетъ, чтобы на Палату Девяти не было аппелляцій, развѣ къ одному королю, и то въ чрезвычайныхъ только случаяхъ: этотъ проектъ исполненъ во всей своей силѣ. Баторій въ Уставѣ Трибунала говоритъ: «Если обѣ стороны будутъ имѣть равное число голосовъ, то дѣло переносится къ намъ, къ королю... Также, если бы въ дѣлахъ человѣческихъ явилось что-нибудь новое, на что въ статутѣ не было бы и намека, тогда такое дѣло отлагается до сейма для исправленія».

На тѣхъ же основаніяхъ въ 1581 году учрежденъ Литовскій Трибуналъ.

Возвратимся къ дальнѣйшему обзору сочиненія Модржевскаго: *Объ исправленіи республики*. Третья книга трактуетъ *о войнѣ*.

«У насъ какъ скоро появятся малѣйшіе слухи о войнѣ, какое своеволіе съ тѣмъ вмѣстѣ возникаетъ между шляхтою, которая отправляется на эту войну! Еще прежде чѣмъ непріятель вступитъ въ отечественную землю, она уже успѣетъ надѣлать людямъ множество обидъ, и уѣзжаетъ, унося съ собою плачъ и общее нарѣканіе. О! здѣсь необходимо было бы другое установленіе; часто я о немъ думаю... Было бы хорошо, если бы вовсе не настояла необходимость

вести войну; потому лучше бы всего поддерживать миръ со всѣми прочими государствами, миръ постоянный и неизмѣнный безъ коварствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда быть въ готовности къ войнѣ и отпору. Пускай границы наши будутъ опоясаны солдатами и другими средствами къ оборонѣ: это испугаетъ Татаръ, которые, слыша, что воины наши стоятъ на границахъ, не стали бы воевать нашихъ земель. Пускай пограничные замки будутъ крѣпко построены и снабжены припасами; пускай дѣти закаленные будутъ искусны въ дѣлахъ рыцарства; пускай были бы заведены для этого и особаго рода училища; пускай бы на всякій случай назначено было время, къ которому все рыцарство съѣзжалось бы въ опредѣленныя мѣста, съ оружіемъ и лошадьми, со всѣми снарядами, словно на войну. Пускай также заботятся они объ обученіи своихъ лошадей, ибо отъ этого не мало зависитъ... Солдатамъ нужно вести такую жизнь, которая бы обнаруживала въ нихъ страхъ Божій и любовь къ честности, потому-что кто осмѣлится стать въ строю воинскомъ, если его будетъ терзать его совѣсть? не только врагъ, но и шумъ древесныхъ листьевъ будетъ его безпокоить. Когда войско соберется въ лагерь, очень вредно оставлять воиновъ въ праздности; пускай вожди занимаютъ ихъ играми, маневрами, рыцарскими упражненіями, чтобы они не коснѣли въ лѣности... Для другихъ потребностей, какъ во время мира, такъ и войны, пускай бы основанъ былъ общественный банкъ. Всѣ богатые на первый годъ пусть бы сложили половину своихъ годичныхъ расходовъ, а въ остальные годы пускай бы каждый давалъ двадцатую часть своихъ доходовъ. Кто вступаетъ въ какую-нибудь должность, духовную, или свѣтскую, или получаетъ помѣстья въ вѣчную собственность отъ короля и республики, тотъ цѣлый годовой доходъ долженъ внести въ казну; а поселяне, имѣ ка-

жется, должны быть уволены отъ всѣхъ податей, потому что они и безъ того платятъ помѣщикамъ ежегодные оброки и трудятся на нихъ каждый день. Основана была бы такимъ образомъ общественная казна; пѣни, взимаемыя за преступленія, также обогащали бы ее; пусть бы она хранилась въ Краковскомъ, или Петрковскомъ замкѣ, пускай были бы три мужа, которые бы берегли ее: одинъ отъ Великой Польши, другой отъ Малой, третій отъ короля. О! какая польза проистекла бы отъ этого казнѣ: была бы одна грудь, одна тетива на каждаго непріятеля республики; она могла бы удовлетворять изъ этой казны и другимъ своимъ потребностямъ; а если бы она не нуждалась въ этихъ деньгахъ, тогда граждане свои, могли бы брать изъ нея себѣ въ долгъ столько, на сколько кто можетъ представить залога и поручительства. А тотъ, кто одолжаетъ, пускай бы обязывался давать пять или четыре злотыхъ отъ ста, каковыми деньгами умножалась бы казна; но слѣдовало бы дѣлать хорошія условія для каждой суммы, отпускаемой въ долгъ».

Въ четвертой книгѣ: *Объ училищъ*, въ особенности обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли:

«Школьное состояніе, какъ самое лучшее для и людей наиболѣе полезное, всѣми мѣрами должно быть охраняемо отъ превратности сужденій и разврата нѣкоторыхъ людей нашего вѣка, которые, желая одного только богатства и блеска, предоставляютъ науки и весь этотъ механизмъ ученія дюжиннымъ людямъ...»

«Духовные должны платить и обезпечивать школьныя потребности, такъ какъ самыя имена ихъ должностей и санъ ими занимаемый, показываютъ, что они предназначены упражняться въ наукахъ и распространять ихъ, а имущества ихъ служить дѣлу благотворительности и т. д.»

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о политическихъ сочиненіяхъ *Станислава Оржеховскаго*, того священника, который вступилъ въ бракъ, того знаменитаго оратора, котораго современники называли латинскимъ Демосѳеномъ и польскимъ Цицерономъ. На поприщѣ религіозныхъ споровъ онъ состязался нѣкогда съ Фрычемъ Модржевскимъ: потому намъ невольно приходитъ желаніе сравнить характеры этихъ двухъ великихъ писателей польскихъ.

Оба они были глубоко учеными людьми своего времени, оба люди мыслящіе и начитанные; но Модржевскій по преимуществу былъ уменъ, Оржеховскій по преимуществу страстенъ. Модржевскій, смотря окомъ мудреца на предметы вѣры и отечества, холодно, логически требуетъ исправленія; Оржеховскій быстрымъ движеніемъ ока обнимаетъ предметъ, все остальное угадываетъ какъ бы поэтическимъ инстинктомъ и вдругъ, молніеносно бросаясь въ борьбу, горько высказываетъ то, что, по его мнѣнію, требуетъ исправленія. Модржевскій спокойно излагаетъ свои мысли, ожидая покамѣстъ стеченіе обстоятельствъ, размышленіе и опытъ соотечественниковъ не приведетъ ихъ въ исполненіе; Оржеховскій досадуетъ, терзается, онъ хотѣлъ бы видѣть мысль свою вдругъ исполненною, и прежде совершаетъ дѣйствіе, а потомъ уже умствуетъ для оправданія своего поступка. Модржевскій, хотя и протестантъ, однакожь полонъ духа примиренія, пишетъ *Sylvae* для соединенія различныхъ сектъ христіанскихъ и ѣдетъ къ папѣ Павлу IV, чтобы исходатайствовать у него пять пунктовъ уступокъ церкви Польской; Оржеховскій, священникъ и католикъ, нарушаетъ основной законъ римскаго духовенства, женится и гордо препирается съ Юліемъ III. Модржевскій исповѣдуетъ вѣру протестантскую, такъ какъ она согласуется съ его совѣстію и болѣе гармонируетъ съ холодною суровo-

стію ума, привыкшаго помышлять объ исправленіи всего того, что ему кажется несообразнымъ; Оржеховскій, слишкомъ пылкій для того, чтобы вздыхать объ узахъ семейныхъ, вступаетъ въ бракъ для того только, чтобы поставить на своемъ, не перестаетъ быть священникомъ и католикомъ потому только, что стычки протестанта съ католиками кажутся ему дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ, для него нужна сфера особенная, положеніе исключительное, нужны животворные предметы для спора. Проникнутый убѣжденіями католическими, онъ ратуетъ противъ протестантовъ, какъ ревностный приверженецъ Рима, но борется и съ польскими епископами, какъ защитникъ реформы. Дзіадускій, Кромеръ, Станкаръ, Стадницкій или Модржевскій, всѣхъ ихъ онъ считалъ годными для себя противниками, лишь бы ему видѣть себя ратоборцемъ; потому что, чувствуя въ себѣ потребность борьбы, онъ долженъ былъ все жечь какъ огонь—иначе онъ не могъ существовать. Модржевскій свято исповѣдуетъ тѣ истины, которыя онъ принялъ, Оржеховскій судорожно бросается то на право, то на лѣво, измѣняетъ убѣжденія, ему тѣсно въ кругу принятыхъ понятій. Безпокойному духу вездѣ дурно, онъ сегодня съ жаромъ нападаетъ на то, предъ чѣмъ вчера преклонялъ колѣна.

Разсмотримъ вкратцѣ жизнь и политическія сочиненія Оржеховскаго.

Родившись въ 1513 г. въ окрестностяхъ Перемышля на Руси (въ нынѣшней Галиціи), онъ на четырнадцатомъ году былъ въ Вѣнѣ и изучалъ древніе языки. Изъ Вѣны отправился въ Виттенбергъ — колыбель протестантизма, и тамъ въ обществѣ первѣйшихъ умовъ религіозной реформы, Лютера, Меланхтона, Цвингли и Карлштадта, въ немъ началъ ослабѣвать духъ католическаго правовѣрія. Потомъ онъ уѣхалъ въ Падую и Римъ, гдѣ, занимаясь науками до

1541 г., былъ посвященъ въ священника. Папа, видя огромныя способности Оржеховскаго, желая съ молодыхъ лѣтъ возвесть его на первѣйшія церковныя степени, и сдѣлать столбомъ поколебавшагося польскаго католицизма, именовалъ его архидіакономъ и каѳедральнымъ деканомъ Перемышля, кромѣ того онъ имѣлъ приходъ въ Побѣднинѣ, выхлопотанный для него отцомъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ.

Въ Римѣ, гдѣ онъ видѣлъ католицизмъ во всемъ его величіи, гдѣ былъ въ обществѣ съ первѣйшими іерархами вѣры, Оржеховскій впалъ въ другую крайность—фанатизмъ. Но его неестественный жаръ остылъ, когда онъ сошелся съ кардиналомъ Контарини, который, будучи ревностнымъ католикомъ, требовалъ однако отъ римской церкви извѣстнаго рода уступокъ и преобразованій. Эти разнородныя впечатлѣнія, встрѣчи съ людьми разнородныхъ убѣжденій, начали колебать молодой, гибкій, огненный характеръ Оржеховскаго, начали дѣйствовать на его умъ, любопытный, и жаждавшій новаго. Не отдавая себѣ точнаго отчета во всѣхъ своихъ чувствованіяхъ и впечатлѣніяхъ, захваченныхъ имъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ тогдашнихъ мнѣній, онъ хотѣлъ примирить одни съ другими, не какъ холодный мыслитель, но какъ юный безумецъ. Религіознымъ его ученіемъ (говоря по настоящему) остался *католицизмъ, примѣненный къ духу вѣка.*

Въ такомъ расположеніи духа онъ возвратился въ Польшу, гдѣ въ эту пору настала минута великаго умственнаго движенія относительно вѣры, гдѣ политическая свобода выработала себѣ свободу слова и книгопечатанія. Оржеховскій, побуждаемый чувствомъ юношескаго сердца, или (что правдоподобнѣе) желая вызвать щекотливый споръ, написалъ латинскую рѣчь *противъ безбрачія священниковъ* (Oratio

contra coelibatum). Колеблющееся въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, русско-латинское вѣроисповѣданіе, разрѣшавшее вступленіе въ бракъ священнослужителямъ, показался наиболѣе вѣрнымъ, среднимъ пунктомъ, между протестантскою свободою и правовѣріемъ римскимъ. Не переходя открыто къ этому исповѣданію, онъ былъ его приверженцемъ, и разрѣшая сомнѣнія своей совѣсти, онъ жилъ въ непозволительной связи съ Анною Запарцянкою, и дѣтей своихъ отъ этой связи, крестилъ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Для него было особенно важно сдѣлать гласнымъ принятое имъ правило, *что католическій священникъ можетъ не быть безбрачнымъ*. У Оржеховскаго дѣйствіемъ подтверждалась мысль. Здѣсь началась борьба между нимъ и перемышльскимъ епископомъ, то за догматъ безбрачія, то за мѣста и приходы, которые онъ безпрестанно перемѣнялъ. Церковная каѳедра и полемическія письма образовали въ немъ то краснорѣчіе, которымъ онъ владѣлъ во всю свою жизнь. Подвижной мысли Оржеховскаго слишкомъ тѣсно было въ границахъ религіозныхъ споровъ, и въ 1543 году онъ выступаетъ на поприще политическаго писателя съ латинскою рѣчью: *Oratio qua Polanos equites hortatur ad bellum contra Turcas*, которую Янушовскій перевелъ подъ заглавіемъ: *О движеніи польской земли противъ Турокъ;* но дѣла религіозныя снова отвлекли его перо на поприще религіозной полемики.

Въ эту эпоху жизни, Оржеховскій, увлеченный правилами русскаго исповѣданія, издалъ на латинскомъ языкѣ разсужденіе *О крѣщеніи русскихъ* (Baptizma Ruthenorum 1544 г.), нападалъ на лютеранъ, и какъ ревностнѣйшій католикъ издалъ *Защищеніе Христовой церкви* (Ecclesiae Christi contra M. Luterum defensio 1546 г.).

Въ слѣдующемъ, 1547 году, Оржеховскій, призванный передъ судъ епископовъ за развратную жизнь, приверженность къ русскому исповѣданію и сочиненіе о безбрачіи священниковъ, смиренно, торжественно отрекся отъ своихъ заблужденій, а о книгѣ утверждалъ, что она издана помимо его воли.

«То — говоритъ онъ — что я писалъ, послано было мною изъ Руси въ Краковъ, къ Мартину Кромеру въ руки друга моего Якова Пржылускаго, съ просьбою, чтобы Кромеръ, посовѣтовавшись съ умными людьми, въ которыхъ нѣтъ недостатка въ Краковѣ, пересмотрѣлъ эту рѣчь, сдѣлалъ о ней свое заключеніе, и не иначе издалъ, какъ съ моего согласія. Но вышло иначе: черезъ нѣсколько дней по присылкѣ въ Краковъ, рѣчь эта съ такою быстротою разошлась по рукамъ, что вскорѣ читали ее не только въ Краковѣ, но во всей Польшѣ, Пруссіи и цѣлой Руси, гдѣ она была принята съ неслыханнымъ энтузіазмомъ».

Буря утихла на время; Оржеховскій, примирившись съ епископомъ, сдѣланъ былъ каѳедральнымъ офиціаломъ и написалъ *Разсужденіе противъ клеветы* (Diatriba contra calumniam 1548 г.), гдѣ онъ нападаетъ на епископа Тарлу, который предалъ было его проклятію и преслѣдовалъ вооруженною силою, и превозноситъ Павла Дзіадусскаго.—Это продолжалось недолго.

Въ томъ же (1548) году, онъ произнесъ прекрасную латинскую рѣчь на смерть Сигизмунда I.

Юнаго Сигизмунда Августа, онъ привѣтствовалъ не слишкомъ лестнымъ латинскимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: *Вѣрный подданный о королевскомъ постановленіи и заботливости о добромъ управленіи подданными* (Fidelis subditus de institutione regia, et cura probe regendi subditos 1549).

Оржеховскій энергически изображаетъ поступки добраго короля, живыми красками характеризуетъ придворныхъ льстецовъ, изнѣженность двора выставляетъ какъ бѣдствіе отечества, и потому совѣтуетъ королю менѣе проживать въ Краковѣ и Вильнѣ, этихъ притокахъ праздной роскоши, а по примѣру прежнихъ монарховъ чаще посѣщать свое государство. «Лихоимца, говоритъ Оржеховскій, тянетъ въ городъ, «юриста къ трибуналу, земледѣлецъ предпочитаетъ село, а ты «король долженъ выбрать себѣ жилище по своему призванію».

Кажется, къ этой же эпохѣ относится, сочиненіе Оржеховскаго *Idea apocalipłyca*, которое переведено Влынскимъ подъ заглавіемъ: *Сонъ на яву, или видѣніе въ которомъ наружностію смятенной и угнетенной республики, тутъ же является способъ къ ея исправленію.* (Sen na jawie, albo widowiskow którém postawą zamieszaniéj i uciemiężonéj Rzeczypospolity, tudziez naprawienia jej sposób okazuje się) Это примѣчаніе о состояніи государства и горькія, но вѣрныя предсказанія о его будущности.

Іосифъ Максимиліанъ Оссолинскій, извѣстный своими изслѣдованіями о нѣкоторыхъ польскихъ писателяхъ, слѣдуя мнѣнію и доказаннымъ имъ догадкамъ Авраама Петцеля, приписываетъ это послѣднее сочиненіе, извѣстное вообще подъ именемъ Оржеховскаго, Яну Деветрію Соликовскому; догадки эти подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что сочиненіе это отдано въ печать не самимъ Оржеховскимъ, но его наслѣдниками, менѣе быть-можетъ знавшими дѣло. Кромѣ того въ рукописяхъ Краковской библіотеки найденъ экземпляръ упомянутой *Идеи* съ подписью Соликовскаго и посвященное Сигизмунду Августу, которое дышетъ юношескою скромностію, совершенно отличною отъ того могучаго стиля, по которому такъ легко узнаются сочиненія Оржеховскаго.

Въ 1550 году Оржеховскій снова накликалъ на себя бурю; преслѣдуемый епископами за неправовѣрныя убѣжденія, онъ сбросилъ съ себя церковный санъ, обвинилъ епископовъ на сеймѣ, и въ слѣдующемъ году женился на Магдалинѣ Сиборовной Хелмской, не оставляя однакоже католицизма и духовнаго званія. Павелъ Дзіадускій, епископъ перемышльскій, предалъ его проклятію и присудилъ къ лишенію чести и имущества; но, благодаря покровительству польскихъ вельможъ, исповѣдавшихъ протестанство, Оржеховскій нашелъ себѣ безопасное убѣжище. Не имѣя возможности исходатайствовать у мѣстнаго духовенства законное подтвержденіе своего союза, онъ писалъ просьбу къ Юлію III, чтобъ онъ утвердилъ его силою своей апостольской власти (Suplicatio Stan: Okrzyc Orichowii ad Julium III, P. M. de approbando matrimonio a seinito, 1551 г.). Можно было подумать, что Оржеховскій униженно проситъ престолъ св. Петра о подтвержденіи его брака какъ милости, или въ видѣ исключенія. Нѣтъ, нисколько! Для Оржеховскаго нужно было то правило, что священникъ можетъ жениться, нужнѣе быть можетъ чѣмъ самая жена. Онъ доказываетъ законность своего поступка, осмѣиваетъ и издѣвается надъ правиломъ безбрачія, чернитъ безбрачное духовенство, пренебрегаетъ апостольскимъ престоломъ. Можно также думать, что это былъ разрывъ съ католичествомъ,—совсѣмъ нѣтъ! На Петрковскомъ соборѣ Оржеховскій приноситъ торжественное покаяніе, читаетъ исповѣданіе вѣры, получаетъ разрѣшеніе, возвращается къ духовнымъ обязанностямъ, но не оставляетъ жены.

Въ эту эпоху онъ писалъ *Польскія лѣтописи* (Annales Poloniae) и двѣ рѣчи противъ Турокъ (Orationes il de bello contra Turcas 1551.). О первомъ изъ этихъ сочиненій, переведенномъ Вынскимъ мы скажемъ въ ряду ис-

ториковъ, другія переведены Яномъ Якушовскимъ, подъ заглавіемъ: *Сѣкира на Турокъ* (Oksza na Turki), здѣсь онъ убѣждаетъ короля и рыцарство въ необходимости воевать съ Турками.

Около 1560 года Оржеховскій является въ новомъ свѣтѣ. Женатый католическій священникъ, черпающій свои идеи изъ началъ протестантизма, онъ вступаетъ въ упорную борьбу съ протестантами. Къ этому времени относятся его сочиненія: *Разсказъ о будущемъ паденіи Польши, по причинѣ Лютеровой ереси* (Opowiadanie upadku przyszlego polskiego, dla kacerstwa sacramentarskiego 1560), *Chymera seu de punesta Francisci Stancari Regno Poloniae secta* (Химера или о пагубной для Польскаго королевства сектѣ Франциска Станкара 1563 г.); *Fricius de Majestate sedis Apostolicae* (Споръ съ Фрычемъ объ авторитетѣ Апостольскаго престола); *De dignitate Sacerdotali* (Рѣчь на Варшавскомъ сеймѣ 1561 г.); письмо къ Николаю Радзивиллу и т. д. Устно спорилъ онъ съ Станкаромъ и Модржевскимъ въ Перемышлѣ, Вольборжѣ, Варшавѣ, Журовицахъ.

Соскучивъ религіозными спорами, Оржеховскій берется за сочиненія политическія, въ которыхъ мы замѣчаемъ вѣрный взглядъ на вещи, рѣзкость въ выраженіяхъ, горячность заглушающую разумъ, и смѣлость въ изреченіи правды, которую удалось ему замѣтить. Перечислимъ эти сочиненія:

Quincunx, то есть образецъ польской короны (Quincunx, to jest wzór koronu polskiej, 1564 г.). Это польскій разговоръ, въ которомъ авторъ выводитъ на сцену паписта, евангелиста и себя самого. Выставивъ самыя странныя начала, онъ логическиподдерживаетъ ихъ, говоритъ о польскихъ сеймахъ, о королевской власти, о подданныхъ.

Превознося до небесъ польское духовенство, съ которымъ онъ имѣлъ столько кровавыхъ схватокъ, онъ утверждаетъ, что званіе это такъ высоко, что безъ него непремѣнно должны были бы упасть и свѣтское званіе и политическая свобода; впрочемъ хвалитъ самъ себя, оправдывается какъ можетъ, и остается, по своимъ словамъ, всегда вѣренъ своему духовному призванію.

Передъ Петриковскимъ сеймомъ 1562 года, также въ формѣ разговора паписта съ евангелистомъ онъ написалъ *Разговоръ объ исполненіи польской короны* (Dialog około Exequicyey polskiej korony, по-польски), въ которомъ въ семи главахъ онъ доказываетъ, что сеймъ не можетъ состояться, что надъ нимъ тяготѣетъ проклятіе Божіе, объясняетъ пути истиннаго политическаго исправленія, что оно должно начаться отъ духовенства, говоритъ о защитѣ государства, о власти королей и судовъ. Иногда смѣло вооружается противъ недостатковъ своего отечества, *напр.*: когда говоритъ о раздѣленіи общественныхъ классовъ въ одномъ и томъ же государствѣ, но всегда слишкомъ страстно привязанный къ своимъ убѣжденіямъ, Оржеховскій подобно тому, какъ прежде раздражалъ духовенство, такъ теперь вооружалъ противъ себя шляхту; повсюду преслѣдовали его горькіе упреки и неумолимые сарказмы. Возражали ему (и довольно основательно), что «онъ заблуждается въ своихъ политическихъ предположеніяхъ, что заключенія его поэтому ложны». Его перу принадлежитъ: *Политика польской республики* (Polityka Rzeczy pospolitéj Polskiej), ему приписываютъ также *Отвѣтъ русскаго рыцарства, на уѣздномъ вишненскомъ сеймѣ* (Odpowiedź rycerstwa ryskiego na sejmiku powiatowym wiszniеńskim 1566 г.).

Между нимъ и Гозіемъ шла переписка о власти папы. Послѣднее письмо Гозія: *de loco et authoritate Romani Pontificis etc.* (О мѣстѣ и власти римскаго первосвященника въ церкви Христовой и на соборахъ), не было уже получено имъ, потому что Оржеховскій въ 1566 году потерявъ супругу, въ концѣ того же года окончилъ свою бурную и тернистую жизнь.

Справедливо сказалъ о немъ Крашевскій (Studja): «Оржеховскій въ жизни и сочиненіяхъ былъ страннымъ явленіемъ религіознымъ и политическимъ; онъ держится средины, но такъ, что вооружаетъ противъ себя обѣ стороны, между которыми онъ занимаетъ средину». И дѣйствительно на поприщѣ религіозномъ онъ вооружилъ противъ себя католиковъ и протестантовъ, на поприщѣ политическомъ—магнатовъ и шляхту. Его рыцарская отвага на поприщѣ литературномъ, его блестящій даръ слова, его битвы оставили одно только воспоминаніе. Но выросли ль хоть какіе-нибудь плоды для отечества изъ сѣмянъ той мысли, которую онъ бросалъ такъ настойчиво?! Жаль великаго генія!

Къ сочиненіямъ популярно-историческимъ принадлежатъ три брюшюры *Бартоша Папроцкаго*, составляющія одно цѣлое, а именно:

1) *Король* (Koról, Krakow въ тип. Мат. Гарвольчина 1578, посвященное Андрею Тенчинскому), переводъ съ латинскаго сочиненія какого то Испанца; это будто бы «изображеніе добраго короля.»

2) *Гетманъ* (Краковъ въ тип. Зибенейхера 1578, посвященъ Самуилу Зборовскому). Это коллекція извлеченій, изъ книгъ стратегическаго содержанія, какія удавались читать Папроцкому, о войнѣ, объ аванпостахъ, о перенесеніи театра войны въ землю непріятельскую, о собираніи продовольствія. Въ ней говорится, какъ избѣжать засадъ не-

пріятеля, какъ узнать о состояніи войска по расположенію лагеря, дозволяется въ случаѣ нужды умерщвлять военнопленныхъ и т. д. Напроцкій, самъ не будучи воиномъ, и вовсе неспособный къ посту верховнаго предводителя, черпаетъ свой предметъ изъ Осціандра.

3) *Сенаторъ* (Краковъ въ тип. Гарвольчика 1579, посвященное фамиліи Зборовскихъ), есть сочиненіе Испанца Церіоля, переведенное на латинскій языкъ Варшевицкимъ. Напроцкій перевелъ его на польскій. Здѣсь онъ изображаетъ качества сенатора, требуетъ отъ него многосторонняго образованія, и знанія всѣхъ почти европейскихъ языковъ. Возрастъ, соотвѣтственный его сану, назначаетъ отъ 40 до 80 лѣтъ.

Выше стоитъ по своимъ достоинствамъ сочиненіе *Варжинца Гослицкаго* въ томъ же родѣ. *De optimo Senatore* (О лучшемъ сенаторѣ 1568 года, въ Венеціи). Гослицкій былъ человѣкъ съ прекрасными дарованіями, по дѣламъ государства онъ ѣздилъ въ другія страны и по смерти Стефана Баторія писалъ условія конвента для Сигизмунда III.

Янъ Кохановскій въ своихъ *предсказаніяхъ*, выступаетъ, какъ писатель углубляющійся въ формы отечественнаго правленія; хотя мы должны сознаться, что этихъ предсказаній и предсказателей объ угрожающей будущности государства, котораго политическая свобода постоянно увеличивалась, въ Польшѣ было слишкомъ много, и не всѣ они доказываютъ, чтобы предсказатели были хорошо знакомы съ состояніемъ государства.

Андрей Цѣсльскій писалъ: *О защитѣ государства и о воздаваніи справедливости* (O obronie królewstwa i wymiarze sprawiedliwości — De defensione regni et administratione justitiae 1572 года.). Знаменитый реформаторъ *Андрей Волянъ — О политической свободѣ* (de li-

bertate politica seu civili 1582 г.). Августинъ Ротундусъ Мѣлецкій: *О достоинствѣ Польскаго духовенства* (De dignitate ordinis Ecclesiastici R. P. 1583 года) и т. д.

Наконецъ къ роду легкой прозы принадлежатъ еще *Путешествія* какъ *Поляковъ по иностраннымъ государствамъ и отечеству*, такъ и *иностранцевъ по Польшѣ*. Въ эпоху Пястовъ мы остановились на путешествіи Венедикта Поляка и Яна де Плано Карпино въ Татарію.

Въ вѣкахъ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ и шестнадцатомъ Поляки путешествовали по цѣлой Европѣ и Азіи. Путешествіе въ Германію и Италію было необходимымъ продолженіемъ старательнаго воспитанія тогдашняго юношества; путешествія польскаго духовенства въ Римъ были необходимымъ слѣдствіемъ католическихъ сношеній съ папою, путешествія молодыхъ рыцарей имѣющія цѣль пріучить ихъ къ битвамъ южной и западной Европы, уводили ихъ, какъ, напр., Генчинскаго или Тарновскаго даже въ Испанію; благочестивыя путешествія въ Святую землю, посольскія отправленія въ различныя государства, торговыя путешествія, и путешествія безъ цѣли для одного только удовольствія хорошо знакомили Поляковъ съ чужими краями, но описаній этихъ путешествій, чрезвычайно мало въ сравненіи съ числомъ путешественниковъ. Иностранцы опять съ цѣлями политическими, учеными и торговыми часто посѣщали нашу цвѣтущую республику, и быть можетъ лучше чѣмъ теперь знали славянскую народность, но и чужихъ реляцій о нашемъ отечествѣ тоже очень не много.

Исчислимъ теперь эти путешествія сначала польскія, а потомъ иностранныя.

Пропуская тѣ намеки, которые иногда попадаются о путешествіяхъ Выша епископа Краков. 1409 г., Якова изъ Рокицъ 1474 г., Якова изъ Выганова 1453 г., Михаила изъ

Вѣлюня, скончав. 1487 года на островѣ Родосѣ, Дантышка и другихъ, совершенныя въ Святую землю, вспомнимъ здѣсь прежде всего о путешествіи нашего *историка Яна Длугоша*, которое онъ совершилъ въ Палестину до 1471 года. Отправляясь въ путь, онъ далъ обѣщаніе Збигневу Олесницкому присылать ему съ дороги описаніе своего путешествія. Или онъ не исполнилъ своего обѣщанія, или его письма не дошли до насъ, но мы имѣемъ только одно изъ нихъ, писанное имъ при самомъ отъѣздѣ изъ Рима, которое и приводимъ здѣсь въ польскомъ переводѣ.

«Пишу къ тебѣ просвѣщенный мужъ въ минуту отъѣзда въ Іерусалимъ.—Хотя я въ настоящее время очень занятъ приготовленіями къ путешествію, но не могу однакоже не писать къ тебѣ, который всегда былъ помощникомъ и посредникомъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что я не знаю, угодно ли будетъ судьбѣ возвратить меня къ вамъ, или навсегда раздѣлить съ вами. — Никакое дѣло или занятіе не въ состояніи оторвать отъ тебя моей вѣрной мысли и пера, тебѣ посвященнаго. Исполняя мое обѣщаніе, данное при прощаніи Вашему Преподобію, я писалъ уже то съ дороги, то изъ здѣшняго города, отдавая отчетъ о нашемъ путешествіи и его приключеніяхъ. Не зная дошли ли мои письма, я повторялъ то, что писалъ прежде, чтобы такимъ образомъ исполнить свое обѣщаніе. Постоянно встрѣчались намъ только благопріятныя приключенія: мы не испытали никакого безпокойства, непріятности или страданія. — Ласково принятые епископами— Стригоньскимъ и Явреньскимъ, въ добромъ здоровьи мы прибыли въ *Новый городъ*, въ Австріи (Нейштадтъ). Здѣсь жилъ императоръ въ дни мясопустной недѣли, но преданный пиршествамъ и увеселеніямъ, онъ пропустилъ день, который былъ намъ назначенъ. Ему донесли о насъ, что

изъ Польши прибыли знаменитые мужи, славные въ своемъ отечествѣ своими трудами и благоразумiемъ. Нашъ Маркъ Бононiлiй былъ виновникомъ этого дѣла, потому что онъ разсѣвалъ повсюду, что между нами находится посредникъ мира, недавно заключеннаго между Искрою и правителями Венгрiи; насъ позвали къ императору, приказывая явиться какъ можно скорѣе. Всѣ были объяты страхомъ. Всѣми силами я старался уничтожить ихъ опасенiя, убѣждая ихъ быть спокойными; нѣкоторые не хотѣли даже идти къ монарху, поэтому я долженъ былъ принять на себя эту обязанность, и оказался отважнѣе двухъ докторовъ богословiя, и одного канонического права. Окончивъ наши совѣщанiя, мы явились къ императору, и были приняты имъ очень ласково. Предполагая, что онъ не довольно хорошо знаетъ латинскiй языкъ, я сталъ говорить съ нимъ на нашемъ обыкновенномъ языкѣ. Но спохватившись вскорѣ, я началъ говорить по-латынѣ, вкратцѣ отдавая честь его добродѣтелямъ и роду, который по матери онъ ведетъ изъ Польши, благодарилъ его за милость, которую онъ оказалъ удостоившее насъ своего пріема и просилъ его обезпечить безопасность нашего путешествiя; въ отвѣтѣ своемъ, императоръ привѣтствовалъ каждаго изъ насъ, и не довольствуясь однимъ отвѣтомъ, заговаривалъ по нѣскольку разъ, почему я долженъ былъ объясняться съ нимъ также нѣсколько разъ, потомъ представилъ намъ сына своего Альбрехта, будущаго короля римскаго, юношу умнаго и прекраснаго лицемъ, обѣщалъ также представить намъ и брата, если онъ выйдетъ. При этомъ свиданiи былъ мужъ великаго ума и благоразумiя, Терчестенскiй епископъ Эней (Сильвiй, сдѣлавшiйся потомъ папою Пiемъ II), одинъ изъ первѣйшихъ писателей настоящаго вѣка, прославившiй дворъ императора блестящимъ латинскимъ краснорѣчiемъ, вслѣдствiе чего онъ

пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ. Я отправился къ нему вмѣстѣ съ моими товарищами, не за какимъ-нибудь дѣломъ, но потому что у меня было къ нему письмо отъ моего начальника, Краковскаго кардинала, и нѣкоторые подарки. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе, но онъ не столько быть можетъ обрадовался богатому и благородному подарку, сколько письму, потому что носилъ его въ императорскую канцелярію, и въ совѣтъ государя, и читая тамъ письмо нашего кардинала, удивлялся тому, что изъ нашей дикой страны получаетъ столь краснорѣчивыя рѣчи. Онъ говорилъ Нѣмцамъ: смотрите, господа Нѣмцы, обладающіе теперь Римскою Имперіею, какое высокое и прекрасное письмо я получилъ; не знаю даже, въ состояніи ли буду достойно отвѣчать на него. Потомъ онъ прибавилъ: что въ Польшѣ есть прекрасные умы для слова и дѣйствія, а здѣсь въ цѣлой Германіи не найти ни одного человѣка, который бы такъ прекрасно владѣлъ перомъ. Говоря такимъ образомъ, онъ льстилъ гордости одного народа, и унижалъ другой. Кѣмъ всего приличнѣе гордиться нашъ, какъ не тобою, который болѣе заботится о славѣ отечества, чѣмъ о своей собственной, который одинъ служитъ украшеніемъ отечества.»

«Въ Римѣ я ничего не дѣлалъ, кромѣ того, что въ продолженіе цѣлыхъ 18 дней, въ которые слѣдовало бы мнѣ приготовляться къ торжеству юбилея, я уговаривалъ Ласоцкаго, чтобы онъ не плылъ противъ теченія, и не искалъ себѣ Куявскаго епископства, такъ какъ это можетъ не нравиться королю. Однако я не подѣйствовалъ на его убѣжденіе;—онъ смѣялся надъ моими доказательствами, утверждая, что мѣсто это прямо принадлежитъ ему и по его образованію и по праву. Надѣюсь, что королевскіе послы, которыхъ я повстрѣчалъ въ Падуѣ, своею властію и благоразумiемъ приведутъ къ окончанію это дѣло. Я исполнилъ то,

что обѣщалъ,—меня безпокоитъ неудачный оборотъ дѣла, которое Ваше Преподобіе мнѣ поручили, и тѣмъ только утѣшаю себя, что неудачи преслѣдуютъ великихъ мужей. Святъ тотъ, кто нигдѣ не можетъ укрыться, кто вездѣ свѣтитъ и сіяетъ.

«Венгріи разрѣшенъ юбилей,—безъ сомнѣнія дозволятъ совершить его и въ нашемъ отечествѣ, если позаботится объ этомъ, мой начальникъ, достопочтенный кардиналъ. Товарищи моего путешествія, схоластикъ Плоцкій, и Петръ Цѣсля, П. Гржымала, магистръ Павелъ и другіе уже удалились отсюда. Прощаніе съ ними растрогало меня до слезъ. Я съ цѣлію исполнить пламенное мое желаніе—видѣть землю освященную страданіями Спасителя и другими священными событіями, отплываю тотчасъ же, какъ запасусь всѣми необходимыми для этого предметами; и если Богъ позволитъ, возвращусь назадъ къ половинѣ сентября. Мои товарищи, съ которыми я отправляюсь въ море: ревностный поклонникъ твой: Янъ Эльготъ докторъ права (dekretow), Скотъ изъ Кракова, мой землякъ, и Бидно, краковскіе викаріи, сердечно привѣтствуютъ Ваше Преподобіе. До сихъ поръ я не нахожу никого болѣе изъ соотечественниковъ, желающихъ пуститься въ море, иностранцевъ же множество находится на кораблѣ. Благоволи удостоить отеческаго покровительства тѣ дѣла, которыя сообщитъ тебѣ мой братъ... и т. д.»

Далѣе къ важнымъ для насъ описаніямъ путешествій относится письмо къ папѣ о Татарахъ того Филиппа Каллимаха, который подавалъ Яну Альбрехту совѣты, пагубные для польской свободы.

Будучи отправляемъ Казиміромъ Ягелло и Яномъ Альбрехтомъ посломъ въ различныя страны, Каллимахъ между прочимъ въ 1475 и 1499 годахъ былъ въ Турціи и Кон-

стантинополѣ. Быстрымъ взглядомъ обнимая страны, имъ проходимыя, онъ составилъ для папы Иннокентія VIII мемуары о Туркахъ, подъ заглавіемъ: *De bello inferendo Turcis Oratio* (Рѣчь о необходимости войны съ Турками).

Здѣсь прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на то, что православная Польша имѣетъ возможность и желаніе вести войну съ магометанами. Съ Татарами труднѣе управиться по причинѣ ихъ варварской тактики, но Турокъ Поляки всего легче могутъ сокрушить. Турецкія владѣнія соприкасаются польской границѣ,—торговый и богатый Адріанополь, а тамъ удободоступный Царьградъ.

Чрезъ десять дней пути отъ границы польской можно быть въ Босфорѣ Оракійскомъ, а чрезъ восемь, идя на югъ—въ Адріанополѣ. Предпринять ли плаваніе по Днѣстру или Серету, все равно; обѣ рѣки принадлежатъ Польшѣ, обѣ обилуютъ достаткомъ дерева на мосты и лодки. Дорога вездѣ удобна; нѣтъ болотъ и трясинъ мѣстъ; чрезъ Балканы ведутъ двѣ дороги, обѣ доступныя и удобныя, а тамъ простирается прекрасная Ѳессалія.

Народонаселеніе Турціи, говоритъ Каллимахъ, очень небольшое. Я прошелъ не малую часть ихъ страны, потому что въ Царьградъ я ѣхалъ берегомъ нижней Ѳракіи и Мизіи, и возвращался среднею Ѳракіею до самой Македоніи; и однакоже нигдѣ не встрѣчалъ укрѣпленнаго города, вездѣ пустота и развалины. Людей такъ мало, что при видѣ человѣка они смотрятъ на него, какъ на какую-нибудь рѣдкость. Глядя на нихъ, я удивлялся малочисленности, а еще болѣе бѣдности этого народа, который кажется живетъ въ темницахъ, а не въ домахъ. Они такъ унылы, блѣдны и тощи, что кажется скорѣе заслуживаютъ состраданія, нежели войны. Едва ли лучше и въ Константинополѣ, тамъ больше народа, но и тотъ покрытъ грязнымъ рубищемъ и

очень бѣденъ. Турецкая Имперія держится не многочисленностію вооруженной силы, но преувеличеннымъ понятіемъ христіанскихъ державъ о ея могуществѣ.

Другое подобное сочиненіе Каллимаха, это *Книга о проэктѣ союза Венеціанъ съ Персами и Татарами противъ Турокъ* (Libellus de his, quae a Venetis tentata sunt, Persis ac Tataris contra Turcos movendis). Это сочиненіе, написанное подъ вліяніемъ совѣтовъ польскихъ пановъ, доказываетъ невозможность такого союза. Какъ житель Польши, имѣющій поэтому болѣе свѣдѣній о Татарахъ, Каллимахъ объясняетъ Венеціанамъ, что общее названіе Татаръ принадлежитъ огромному монгольскому племени, которое занимаетъ Азію и Европу, и что еще неизвѣстно отъ кого нужно ожидать помощи. Азіатцы не бываютъ въ Европѣ, но борются сами съ собою; Крымцы только изрѣдка появляются въ морѣ, а средніе между ними блуждаютъ здѣсь и тамъ. Каллимахъ описываетъ образъ веденія войны и жизни всѣхъ этихъ трехъ племенъ. Однакоже во всякомъ случаѣ отъ среднихъ и европейскихъ Татаръ скорѣе можно ожидать помощи; первыхъ, сейчасъ же совѣтуетъ подговаривать, другіе не иначе могутъ проникнуть въ Турцію, какъ только чрезъ Польшу, но цѣлость христіанской державы, не дозволяетъ намъ пропускать вооруженную толпу чрезъ польскія земли. Каллимахъ представляетъ Венеціанцамъ не выгоды и опасность вступленія въ союзъ съ Татарами, совѣтуетъ имъ лучше помирить Нѣмцевъ съ Венграми, и убѣждать обѣ стороны идти на Турокъ. Поляки безъ сомнѣнія пристанутъ къ этой лигѣ.

Анзельмъ Полякъ, монахъ бернардинскаго ордена посѣщалъ Палестину въ 1507 и 1508 годахъ, и былъ пенитенціаріемъ и въ Іерусалимѣ при храмѣ гроба Господня. Латинское описаніе путешествія Анзельма, составленное имъ са-

нимъ, запечатлѣно благочестивою простотою, и ясно говоритъ о томъ, что оно сочиненіе Поляка, который вездѣ видитъ свое отечество, его рѣки, города и храмы. О рѣкѣ Іорданѣ, онъ говоритъ, что «шириною похожа она на Варту.» О городѣ Эбронъ — «что это древнѣйшій городъ Филистимлянъ и такой же пространный, какъ городъ Сондечъ; пространство считаетъ на польскія и русскія мили. Онъ вѣритъ не только въ библейскія чудеса, но и въ благочестивыя, хотя не всегда достойныя вѣры, сказанія. Путешествіе Анзельма переведено кѣмъ-то на польскій языкъ въ 1595 году, подъ заглавіемъ: *Истинное описаніе путешествія по св. земли* (Peregrynacya prawdziwego opisania ziemi s. i t. d.).

Также довольно любопытно *Путешествіе Николая Христофора Радзивилла въ 1582 г.*, состоящее изъ четырехъ писемъ. Николай Христофоръ сынъ ревностнаго кальвиниста Николая Чернаго, основатель ординаціи Нѣсвижской и іезуитовъ былъ воспитанъ въ вѣрѣ своего отца, которую отецъ умирая заповѣдалъ хранить ему со всевозможнымъ тщаніемъ, но по смерти родителя, увлеченный доказательствами іезуитовъ, онъ перешелъ на лоно католицизма, и излечившись отъ тяжелой раны въ голову, полученной имъ изъ ружья подъ Псковомъ, далъ обѣтъ Богу совершить святое путешествіе, въ которое онъ отправился въ 1582, а возвратился 1584 года.

Это описаніе путешествія, раздѣленное какъ мы сказали, на четыре части, старательно и подробно составленное, не можетъ однакоже назваться важнымъ въ отношеніи къ наукѣ. Радзивиллъ разсказываетъ свои приключенія на святыхъ мѣстахъ, описываетъ предметы, которые не только теперь, но и тогда не могли быть для Поляковъ новы-

ми; если же гдѣ нибудь встрѣтится ему что-нибудь научное, то онъ отсылаетъ къ философамъ и физикамъ, словомъ, это путешествующій вельможа. Сторона христіанская въ этомъ описаніи болѣе насъ привлекаетъ, хотя и здѣсь виденъ человѣкъ, на котораго іезуиты имѣли вліяніе. Въ первомъ его письмѣ описывается путешествіе его до острова Кипра, во второмъ отъ Кипра до Іерусалима, въ третьемъ наиболѣе любопытномъ, говоритъ о Египтѣ, въ послѣднемъ описывается возвращеніе назадъ. Какъ бы то ни было, наша литература имѣетъ два только подобныя описанія путешествія въ Іерусалимъ: *Путешествіе* Радзивилла и современное намъ *путешествіе* (Pielgrzymka) Св. Головинскаго; польскіе писатели должны бы сдѣлать между ними сравненіе. Радзивиллъ писалъ свои письма по-польски, Ѳома Третеръ перевелъ ихъ 1602 году на языкъ латинскій, а Андрей Варгоцкій, переводя Третера, снова перевелъ на польскій языкъ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этого перевода:

Изъ 2 письма. Прибытіе въ Іерусалимъ и храмъ гроба Господня.

.... «За полтора часа до захожденія солнца пришли мы въ Іерусалимъ, и по обычаю остановились apud portam Piscium, или у Рыбныхъ воротъ; нѣкоторые изъ нашихъ янычаръ, вошедши Дамасскими воротами, дали знать о нашемъ прибытіи, и мы также послали перваго янычара сказать о себѣ. Услышавши это, къ намъ пришли отцы бернардинцы, отецъ Христофоръ изъ Тридента, родомъ викарій (потому что отецъ Angelus stella, отправился было въ Константинополь по дѣламъ церковнымъ, и возвращаясь домой, скончался въ армянской землѣ) и отецъ Янъ Флорентинецъ, которые, поздоровавшись съ нами, ожидали покамѣстъ прибудутъ Турки и осмотрятъ наши чемоданы изъ опа-

сенія, чтобы мы не ввезли съ собою какихъ-нибудь товаровъ. Взявъ наше оружіе (которое позволяется носить только въ дорогѣ), тѣже Турки проводили насъ до воротъ монастыря Jancti Salvatoris. Вошедши въ храмъ, и преклонивъ колѣна мы вмѣстѣ съ монахами пѣли *Te Deum laudamus*, благодаря Бога за столь великое благодѣяніе, что онъ благоволилъ здравыми и невредимыми довести насъ до этихъ мѣстъ, гдѣ стояли его Святѣйшія ноги, когда онъ совершалъ дѣло нашего спасенія. Потомъ по обычаю назначили конюшню (келію) каждому изъ путешественниковъ и принесли ужинъ.»

«Рано по обычаю мы слушали литургію, а послѣ обѣда отправились въ домъ кадія, гдѣ писецъ записывалъ имена наши и нашихъ отцовъ. Сдѣлавши это, выше упомянутые монахи отъ каждаго изъ насъ отсчитали по одиннадцати чекиновъ (составитъ это 22 злотыхъ польскихъ 2 руб. 30 коп. сер.) по два чекина за входъ въ городъ и по девяти чекиновъ за свободный доступъ къ гробу Господню. Червонцы золотые вѣсили, а простую монету, если кто не имѣлъ золота, брали не взвѣшивая, такъ какъ она уже знакома (зовутъ ее саинъ). Повара моего здѣсь приняли за монаха, и взяли съ него только пять чекиновъ, такъ какъ сами монахи никогда не платятъ, развѣ кто-нибудь изъ мирянъ за нихъ уплатитъ; то моему человѣку, такъ какъ онъ былъ въ рясѣ, велѣно было поклясться, что онъ дѣйствительно монахъ, но онъ не осмѣливаясь этого исполнить, вмѣсто того поднялъ руку къ небу, говоря, нѣтъ, что Турки приняли за знакъ утвержденія и истинной присяги, и оставили его въ покоѣ; почему обманувъ ихъ, пять другихъ чекиновъ, которые онъ былъ обязанъ дать имъ, оставилъ себѣ. Со мною было двое переводчиковъ: одинъ старый Яковъ, котораго я взялъ изъ кипрскихъ соляныхъ

мѣстъ, вызвавъ изъ Фамагусты, а другой, молодой Сиріанинъ изъ Триполя, обоихъ по обычаю впустили безъ всякой подати. Возвращаясь изъ дому кадія, и проходя не подалеку отъ храма, мы остановились предъ его воротами и благодарили Бога, потомъ вошедши въ церковь, и взявъ то, что намъ было нужно на ночь, отправились къ вечернѣ. Въ самыхъ дверяхъ храма, тѣмъ, которые ихъ отпираютъ, мы опять должны были дать по нѣсколько майдыновъ, каждый изъ нихъ равняется нашему грошу. Вступивши въ храмъ, мы направились прямо къ часовнѣ гроба Господня, и скоро отправивъ богослуженіе, перешли въ часовню *Apparitionis*, или Явленія (потому что Христосъ на этомъ мѣстѣ прежде всего благоволилъ явиться своей матери, возставъ отъ мертвыхъ). Здѣсь монахи служили вечерню (ихъ было пять священниковъ, и восемь другихъ), а потомъ былъ крестный ходъ съ хоругвями, на которомъ мы, странники, шли попарно, съ горящими свѣчами въ рукахъ. Первая стація была у малаго олтаря, гдѣ находится часть столба (каменный пурпурнаго цвѣта, часть его я привезъ въ Нѣсвижскій храмъ), при которомъ предавали истязаніямъ нашего Господа. Первый гимнъ собственно приличный этому мѣсту, пѣли вмѣстѣ съ антифонами. За тѣмъ слѣдовало поученіе, въ которомъ проповѣдникъ исчислялъ всѣ благодѣянія, явленныя на этомъ мѣстѣ; настойчиво и сильно побуждалъ къ благодарности за нихъ. Тотъ же обрядъ соблюдался потомъ и на всѣхъ стаціяхъ; отецъ Янъ Флорентинскій, человѣкъ ученый и краснорѣчивый говорилъ тоже поучительныя слова. О томъ, что каждая нація въ этомъ храмѣ имѣетъ свою часовню или молельню, сказано будетъ ниже; Apparitionis или часовня Явленія принадлежитъ католикамъ, имѣетъ полное отпущеніе грѣховъ, какъ и престолъ ея, гдѣ находится этотъ выше упомянутый столпъ. Отселѣ процессія шла въ придѣлъ заключе-

нія, въ которомъ били Господа, и держали до тѣхъ поръ, пока не былъ приготовленъ крестъ. Это не большое, тѣсное, темное пространство, ниоткуда не получающее свѣта, изсѣчено въ скалѣ. По видимому здѣсь заключались преступники, такъ какъ ихъ казнили на Голгоѳѣ, или было жилище садовника или сторожа сада, находящагося неподалеку отсюда и принадлежащій Іосифу Аримаѳейскому, какъ гласитъ Евангеліе. Эта молельня или придѣлъ принадлежитъ Грекамъ, имѣетъ семь лѣтъ отпущенія грѣховъ, и столько же *quadragenas*. За нею слѣдуетъ престолъ св. Лонгина, который копьемъ ударилъ въ бокъ Іисуса, но у него не останавливаются, потому что онъ не принадлежитъ никакой націи. Потомъ мы пошли къ престолу, на мѣстѣ котораго воины бросали жребій объ одеждѣ Господней, и тамъ была стація; онъ принадлежитъ Армянамъ, имѣетъ на семь лѣтъ отпущеніе грѣховъ, и столько же *quadragenas*. Потомъ процессія направилась къ часовнѣ, находящейся на томъ мѣстѣ, гдѣ равноапостольная Елена обрѣла животворящій крестъ. Мы спускались туда болѣе чѣмъ на тридцать ступеней, на половинѣ, по лѣвую руку находится молельня или придѣлъ св. Елены. Въ этой часовнѣ, обрѣтенія честнаго креста, находится великій престолъ католиковъ, имѣющій полное отпущеніе, влѣво отъ него находится другой, меньшій, принадлежащій Грекамъ; возвращаясь по правой сторонѣ, мы вступили въ придѣлъ св. Елены, который пользуется большимъ уваженіемъ въ храмѣ іерусалимскомъ; бываетъ крестный ходъ въ эту часовню, и дается совершенное отпущеніе. По истинѣ, всякій кто былъ въ Святой землѣ, признаетъ великое благочестіе этой Царицы, и честь ей принадлежащую, потому что въ одной только Палестинѣ она воздвигла до тридцати храмовъ, часть которыхъ лежитъ теперь въ развалинахъ и только стѣны показы-

ваютъ съ какимъ великолѣпіемъ они были построены, а часть существуетъ до сихъ поръ, и очень щедро и богато убрана. Когда она, уже по обрѣтеніи животворящаго креста, возвращалась домой, и изъ одного города не видно было другаго, то на мѣстахъ возвышенныхъ и на гробахъ идущихъ въ морѣ, повелѣла ставить высокія башни и жечь на нихъ огни радости и веселія; такихъ башень очень много въ финикійской Сиріи. Столь великою радостію проникнута была эта дивно святая Царица отъ обрѣтенія честнаго древа животворящаго креста, на которомъ Господь благоволилъ совершить наше спасеніе и искупленіе. Молельня ея находится въ рукахъ Армянъ. Подвигаясь далѣе, когда мы вступили въ храмъ, процессія остановилась предъ олтаремъ, подъ которымъ находится колонна Іпргогегіі, столпъ позора и поруганія (изъ сѣраго мрамора, кубическій, низкій), на которомъ сидѣлъ Господь предъ судилищемъ Пилатовымъ, тамъ его короновали и ругались надъ нимъ, св. Елена перенесла этотъ столбъ сюда, онъ имѣетъ семь лѣтъ отпущенія грѣховъ, и столько же quadrigenas. Часовню эту держатъ Абиссинцы или Копты, которые считаютъ своимъ королемъ Якова пресвитера или Попіана, и которымъ здѣсь подаютъ милостыню ради крайней ихъ нищеты. Ходятъ они, въ простыхъ льняныхъ одеждахъ, удивительно изнуряютъ свою плоть, молятся всегда на колѣнахъ, читаютъ св. Писаніе (для большей пристойности). Мяса они никогда не ѣдятъ, рыбу рѣдко, потому что ея здѣсь нѣтъ, а если случается, то употребляютъ ее въ воскресенье, вторникъ и четвергъ и то когда не бываетъ поста. По обычаю своему ходятъ безъ шапокъ, волосы носятъ длинные, распущенные по плечамъ. Росту они высокаго, худощавы, головы не больше дѣтскихъ, лице ихъ изображаетъ простоту и добросердечіе.

«Отсюда поднимаясь на нѣсколько ступеней на самую вершину Голгоѳы, обходимъ то мѣсто, гдѣ былъ водруженъ крестъ Господень, и спѣшимъ туда, гдѣ былъ распятъ нашъ Спаситель. На этомъ мѣстѣ находятся два престола (съ совершеннымъ отпущеніемъ) большой и на лѣво меньшій, оба принадлежатъ католикамъ; между ними находится мраморная доска различныхъ цвѣтовъ, указывающая мѣсто распятія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда Спаситель былъ распятъ, крестъ былъ водруженъ въ скалѣ, мѣсто это возвышается на полтора аршина, отверстіе изсѣченное въ скалѣ имѣетъ аршинъ въ глубину и полторы пядени въ ширину, края его обложены листами желтой мѣди съ греческою надписью, неудобною для чтенія по своей древности. По обѣимъ сторонамъ этого отверстія находятся два другія, въ которыхъ стояли кресты разбойниковъ; они меньше и не такъ глубоки, теперь въ нихъ вставлены простыя деревца. Распятые разбойники, висѣли на своихъ крестахъ на разстояніи четырехъ локтей отъ креста Спасителя, теперь же мѣсто одного изъ разбойниковъ удалено на пять локтей, потому что во время землетрясенія и распаденія камней (какъ свидѣтельствуетъ Евангеліе) оно отодвинулось далѣе на одинъ локоть. Глубины разсѣлины этого камня, нельзя видѣть, въ ширину она имѣетъ три четверти локтя. Георгіане, живущіе у Чернаго моря, владѣютъ этимъ священнымъ мѣстомъ, отправляютъ здѣсь свое богослуженіе, и имѣютъ совершенное отпущеніе. Нѣкоторые говорятъ, что они суть Петыгорцы (Pietyhorcy), но я не буду утверждать этого, не зная историковъ.

«На стѣнѣ висятъ какіе-то полотняные обои древней работы, на которыхъ вышито распятіе. За крестомъ находится церковная стѣна, еще далѣе за нею часовня Абиссинцевъ, имѣющая семь лѣтъ отпущенія и столько же quadra-

gen; гдѣ какъ разсказываютъ, Авраамъ хотѣлъ принесть въ жертву сына своего Исаака; гдѣ Исаакъ преклонилъ колѣна, тамъ положена разноцвѣтная мраморная плита, въ полтора аршина квадратныхъ; это мѣсто не считается inter Sanctuaria. Здѣсь живутъ Абиссинцы постоянно въ продолженіи трехъ лѣтъ, а потомъ на ихъ мѣсто присылаютъ другихъ: это случается тогда, когда они (впрочемъ очень рѣдко) въ мирѣ съ Турками. Процессія не ходитъ въ эту часовню, мы посѣтили ее третьяго дня.»

Радзивиллом и оканчиваются описанія путешествій Поляками нашей эпохи. Просмотримъ теперь рядъ путешествій по нашему отечеству, и описанія Польши Поляками.

Прежде всего мы должны привести здѣсь отрывокъ, принявшаго наше подданство *Филиппа Каллимаха*, который въ выше упомянутомъ нами письмѣ къ папѣ Иннокентію VIII, такъ говоритъ о Польшѣ:

«Польша на взглядъ кажется страною богатою, населенною и сильною, и наружность эта согласна съ дѣйствительностію. Это обширная, почти безконечная равнина, простирается между Днѣпромъ, Днѣстромъ, Одеромъ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, и имѣетъ границы не только этого королевства, но и всей человѣческой природы; потому именно, что тутъ собраны народы со всѣхъ концовъ міра.

«Въ ней есть столько лошадей и оружія, что Поляки могутъ дать отпоръ несмѣтному множеству Татаръ и останется еще довольно войска для войны съ Венграми и Чехами. Почти невозможно подробно описать ея богатства, потому что въ иныхъ краяхъ съ трудомъ добываютъ немного золота и серебра изъ самихъ внутренностей земли, но сюда привозятъ его Англичане, Шотландцы, Датчане, Шведы, Фризы и всѣ народы живущіе близь океана, отъ Гибралтара до Зунда,

потому что какъ вамъ конечно не безъизвѣстно, нѣкоторыя изъ этихъ странъ, какъ Голландія и Фландрія имѣютъ сукна и полотна, Испанія вино и масло, Англія и Шотландія изобилуютъ рогатымъ скотомъ и овцами, такъ что множество его выходитъ въ другія страны; но въ пшеницѣ и другихъ хлѣбахъ они нуждаются, потому что ее недостаетъ для всѣхъ жителей. Такъ какъ всѣ другія страны вывозятъ изъ Польши не только хлѣбъ, но дерево и смолу, необходимые для построенія кораблей, на которыхъ сплавляется этотъ хлѣбъ, кошениль, медъ и воскъ, которыми обилуетъ сѣверъ, разноцвѣтные и разнородные мѣха такъ для украшенія, какъ и для защищенія отъ холода, то нельзя сомнѣваться, что въ Польшу, доставляющую столько предметовъ для прокормленія и удобствъ множества другихъ государствъ, по необходимости должно входить и оставаться очень много денегъ.»

Географическое описаніе Польши, сдѣланное историкомъ *Длугошемъ*, и помѣщенное въ началѣ его хроники подъ заглавіемъ *Chorographia regni Poloniae*, очень вѣрно знакомитъ Поляковъ съ ихъ страною. Еще лучше подобное же описаніе *Матвея Меховита Tractatus de duobus Sarmatis* (1521 г.), а самое лучшее есть описаніе *Кромера*: *Polonia sive de situ Populis, Moribus*. Драгоцѣнны также въ этомъ отношеніи и достойны вниманія труды Красиньскаго *Polonia*, Стрыйковскаго *Sarmatia Europa* и Сарницкаго *Descriptio reteris et novae Poloniae*.

Михаило Литовецъ, одинъ изъ комиссаровъ, высланныхъ сеймомъ въ 1544 г. для описанія замковъ на Литвѣ и Украйнѣ, кромѣ того человѣкъ бывалый, оставилъ намъ сочиненіе о нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвичей *(De Moribus Tartarorum Lithuanorum et Moschorum)*, которое дошло до насъ въ десяти отрывкахъ. Свѣдѣнія, сообщае-

ныя имъ о чужихъ государствахъ, менѣе любопытны; о Литвѣ же очень важны. Онъ сравниваетъ своихъ соотечественниковъ съ Татарами и Москвичами, и въ каждомъ такомъ сравненіи находитъ недостатки, отъ которыхъ совѣтуетъ своимъ землякамъ исправиться. Въ этомъ именно описаніи недостатковъ и заключается характеристика края. Потомковъ храбрыхъ Литовцевъ онъ упрекаетъ въ страсти къ пьянству, въ несправедливости ихъ судей, грабящихъ народъ за *пересуды*, въ порабощеніи народа, въ изнѣженности нравовъ, упрекаетъ женщинъ въ незаботливости о домашнемъ хозяйствѣ.

Янъ Ласицкій написалъ разсужденіе *О Жмудскихъ богахъ* (O Bogach Zmudzinow), которое въ 1823 году переведено Львомъ Рогальскимъ; оно написано въ послѣднихъ годахъ нашей эпохи. Бросимъ на него взглядъ.

Жмудь имѣетъ видъ треугольника между Нѣманомъ и Лифляндскою рѣкою Гелингсгау. Обращенная къ сѣверу, она лѣтомъ имѣетъ ночь короткую, за то днемъ четыре часа такихъ жаровъ, что земледѣльцы не могутъ заниматься полевыми работами. Поля Жмуди плодородны, но народъ лѣнивъ; пашутъ землю деревянными сохами. Жмудь обилуетъ бѣлымъ медомъ, молокомъ, масломъ, жители употребляетъ въ питье пиво изъ ячменя, зажиточные пьютъ его изъ роговъ тура въ богатой оправѣ. Это поколѣніе людей рослыхъ, смѣлыхъ, воинственныхъ и долговѣчныхъ.

Приняли святое крещеніе въ 1387 г.; здѣсь авторъ разсказываетъ извѣстную намъ исторію обращенія Жмуди.

Мужчины занимаются скотоводствомъ, которое идетъ у нихъ очень успѣшно, а женщины выдѣлываютъ ленъ, который поступаетъ въ Ригу, Кенигсбергъ и оттуда въ Голландію.

На Жмуди нѣтъ укрѣпленныхъ замковъ, мало городовъ и селеній, люди разсѣяны по лѣсамъ и полямъ. Хижины ихъ тѣсны и грязны, въ нихъ обыкновенно помѣщаются лю-

ди и домашнія животныя вмѣстѣ. Мясо они солятъ въ боченкахъ и продаютъ мореплавателямъ. Телѣги у нихъ деревянныя, не кованныя, скрипучія.

Дѣвушка не прежде выходитъ замужъ пока не выдѣлаетъ себѣ нѣсколько корзинъ бѣлья на свадебные подарки; это занятіе продолжается до 25 и 30 лѣтъ; красота и приданое, вещи у нихъ второстепенныя; возрастъ и здоровье занимаютъ первое мѣсто у всѣхъ, ищущихъ себѣ супруги. Дѣвушки у пояса носятъ колокольчики, а ночью не выходятъ иначе, какъ съ фонаремъ. Вообще же обычаи ихъ сносны. Къ начальнику крестьянскаго міра, который называется цивуномъ, Жмудинъ приходитъ не иначе, какъ съ подарками.

Въ дѣлѣ образованія Жмуди, оказалъ важныя услуги въ царствованіе Сигизмунда Августа Яковъ Ласковскій, который и сообщалъ автору свѣдѣнія объ этой землѣ. Онъ измѣрилъ до 40,000 полей, назначая каждому хлѣбопашцу по три уволоки земли (90 десятинъ), приказалъ истреблять лѣса къ великому неудовольствію туземцевъ, которые думали, что въ лѣсахъ живутъ боги, и однакоже охотно обрывали кору съ деревьевъ, думая, что за нею скрываются духи, непріязненные для пѣтуховъ и гусей. Эта черта послужила автору переходомъ къ жмудской миѳологіи. Исчислимъ здѣсь рядъ боговъ: *Перкунъ* охранялъ растительность, *Окопирз* былъ богомъ неба и земли, *Атримпз* богъ моря, *Гардетенъ* (Gardoeten) богъ мореплавателей, *Потримпз* —рѣкъ и озеръ, *Пильвитз* богъ богатства, *Перкунъ* богъ весны, *Парга*—грома, *Поклюсъ*—ада, *Аускута* богиня здравія, *Маркополь* покровительствовалъ аристократіи. Естественно, что авторъ, нисколько не возвышающійся надъ понятіями своего времени, боговъ жмудскихъ считаетъ діаволами. Онъ описываетъ жертву въ честь Перкуна, прино-

синую жрецомъ, который назывался *Вуршайтенъ* (Wurschaiten), жертвы предъ началомъ и послѣ окончанія жертвы, говоритъ о домашнихъ духахъ, о суевѣріяхъ и жертвоприношеніяхъ богамъ второстепеннымъ. Все это намъ извѣстно.

Онъ оканчиваетъ свое сочиненіе описаніемъ свадьбы и погребенія на Жмуди, и обычая ставить на гробахъ умершихъ пищу и питіе, будто бы для ихъ душъ. Авторъ естественно считаетъ это какимъ-то діавольскимъ дѣломъ, и приводитъ цитаты изъ блаж. Августина, возстававшаго противъ этого обычая. Поэтому замѣтимъ, что такъ какъ бл. Августинъ видѣлъ подобный же обычай на югѣ, то онъ не есть чисто-литовскій или жмудскій.

Таково было состояніе Жмуди въ управленіе Баторія.

Бернардъ Ваповскій описалъ Лиоляндію, а Мартинъ Броневскій землю перекопскихъ Татаръ Молдавію (Multany) и Валахію (Wołoszczyznę).

Въ эпоху, когда цѣлые города и округи измѣняли свои религіозныя убѣжденія, послѣдователи различныхъ вѣръ разсылали своихъ ревизоровъ, чтобы увѣриться въ томъ, какъ стоитъ въ православіи тотъ или другой округъ. Въ этомъ родѣ у насъ есть путешествіе кальвиниста *Феофила Турловскаго* по Литвѣ и воеводствѣ Сендомирскомъ, и католическаго свящ. Венедикта Гербеста по землямъ Галицкой Руси. Пройдемъ это послѣднее путешествіе вмѣстѣ съ авторомъ, по его письму къ Львовскому кастеллану Станиславу Гербурту.

Авторъ прежде всего пріѣзжаетъ въ Калишъ, но товарища своего будущаго путешествія находитъ больнымъ, вскорѣ однакоже лихорадка, или какъ ее называютъ у насъ на Руси *тётка* (ciotka), оставляетъ больнаго, съ которымъ Гербестъ отправляется въ Краковъ. Тамъ ему попадается

въ руки письмо Виленскихъ кальвинистовъ, скорбящихъ о томъ, что аріанское ученіе начинаетъ распространяться между швейцарскими братіями; авторъ исчисляетъ еретическія обряды аріанъ. Выпишемъ тѣ изъ нихъ, которые должны были причинить умноженіе или паденіе этой секты. Увеличеніе, потому что они заключили въ себѣ идею христіанскаго равенства, упадокъ, потому что подобныя начала не могли еще привиться ни въ Польшѣ, ни во времена шестнадцатаго вѣка. «Подданные, пишетъ Гербестъ съ негодова-«ніемъ, адресуясь къ господамъ и правительству, употре-«бляютъ титулъ братства, направляютъ свои старанія къ «уравненію состояній и къ униженію чиновъ, за столомъ «крестьянинъ сидитъ на одномъ стулѣ вмѣстѣ съ своимъ «господиномъ. Въ Вильнѣ говорили даже о томъ, допускать «ли къ святому причастію тѣхъ, которые не освобождаютъ «своихъ рабовъ».

Изъ Кракова они уѣхали въ Бржозово, помѣстье Перемышльскаго епископа Гербурта, а отсюда въ Перемышль, гдѣ нашли Оржеховскаго занятаго книгою св. Іеронима; то былъ уже угасающій воинъ оканчивающій свою бурную жизнь. Изъ Перемышля чрезъ Саль и Самборжъ, авторъ переѣхалъ въ Львовъ, гдѣ съ радостію замѣтилъ, что городскіе жители обратились къ католицизму. Посѣщалъ армянскую церковь, и при этомъ выписываетъ исторію армянскаго исповѣданія, и его догматы ни въ чемъ не отличные отъ догматовъ католическихъ. Потомъ былъ въ русской церкви, разговаривалъ съ священникомъ, убѣждая его къ покорности папѣ; но священникъ искусно увернулся отъ щекотливаго предложенія, отвѣчая съ смиреніемъ, что дѣло это зависитъ отъ его начальства, отъ отца владыки и Константинопольскаго патріарха. На обратномъ пути изъ Львова, путешественники посѣтили *Лысую Гору*. Въ Калишѣ нашли сия-

теніе евреевъ, возникшее отъ того, что Еврей ударилъ католическаго проповѣдника. Говоритъ о необходимости обращать Евреевъ. Прекрасна христіанская мысль Гербеста объ этомъ предметѣ. «Мы лучше бы желали пріобрѣсть ихъ душу, чѣмъ «брать отъ нихъ червонное золото, корицу и перецъ. Я го«ворю это по любви, не съ злымъ умысломъ, потому что «какъ не люблю я грѣха въ себѣ самомъ, такъ и въ ближ«нихъ моихъ.»

Изъ Калиша авторъ вернулся въ Познань, откуда и писалъ свое письмо.

Путешествія иностранцевъ по Польшѣ были очень многочисленны; въ нашу эпоху мы знаемъ нѣсколько описаній такихъ путешествій. Приступая къ правильному ихъ исчисленію, мы должны вспомнишь о путешествіи Француза *Жильберта de Lannoy,* на которое пролилъ новый свѣтъ знаменитый авторъ *двухъ библіографическихъ книгъ*. Г. Lannoy, кавалеръ золотаго руна (Messire Guillebert de Lannoy chevalier de la Toison d'or) авантюристъ, послѣ битвъ и приключеній въ Англіи, Св. землѣ, Испаніи и Франціи въ 1413 году прибылъ въ Пруссію, чтобы защищать дѣло крестоносцевъ противъ невѣрныхъ, т. е. Литвы. Онъ явился къ гросмейстеру Генриху де Плауенъ въ Маріенбургѣ, но такъ какъ время войны еще не наступило, то пользуясь свободнымъ временемъ, онъ посѣтилъ короля датскаго. Послѣ своего возвращенія гостепріимно принятый в. магистромъ, вмѣстѣ съ нимъ онъ посѣтилъ прусскіе города; но такъ какъ Г. Плауенъ вскорѣ лишился своей должности, то нашъ блуждающій рыцарь направилъ путь въ Ливонію. Великій магистръ ордена меченосцевъ, котораго онъ нашелъ въ Римѣ, не зная видно, что ему дѣлать съ этимъ любителемъ приключеній, убѣдилъ его отправиться въ Великій Новгородъ. Рыцарь послушался совѣта, и про-

ѣхавъ чрезъ Венденъ, Вольдемаръ и Виттенштейнъ, гдѣ были укрѣпленные командорскіе замки, переправился чрезъ Нарву, граничившей между Ливоніей и Новгородской республикой, а тамъ сѣвши въ сани, внезапно очутился въ Новгородѣ.

О Новгородѣ онъ пишетъ, что это прекрасный и обширный городъ, окруженный лѣсами и болотами, при рѣкѣ Волховѣ (Volosco), въ немъ есть каменныя башни и валы, плетенные изъ хворосту и осыпанные землею. Тамъ нашелъ онъ правленіе республиканское (seigneurie de commune), бывшее въ рукахъ епископа и богатѣйшихъ гражданъ. Въ Новгородѣ вмѣсто монеты употребляютъ серебряные полоски, куньи и бѣличьи головки. Въ городѣ есть рынокъ, гдѣ продаютъ и покупаютъ женъ. Мужчины носятъ по одной плетеной косѣ, а женщины по двѣ такихъ же. De Lannoy прожилъ въ Новгородѣ десять дней, епископъ угощалъ его хлѣбомъ, мясомъ, рыбами, масломъ, пивомъ и медомъ; но не смотря на такое богатство кухни, рыцарь нашъ испугался сѣвернаго холода и изъ Новгорода уѣхалъ въ Псковъ, но и здѣсь оставался не долго и переѣхавъ на саняхъ рукавъ озера Пейпусъ, возвратился чрезъ Дерптъ въ Вольдемаръ и Венденъ. Тамъ вѣроятно онъ раздумалъ, что вмѣсто того, чтобы воевать съ невѣрными Литовцами, гораздо будетъ выгоднѣе познакомиться съ Литовскимъ богатыремъ Витольдомъ, и такъ онъ отправился къ нему на саняхъ по льду озера въ королевскій дворецъ, гдѣ обыкновенно пребывалъ Витольдъ; но въ эту пору Витольдъ былъ въ Вильнѣ, и нашъ рыцарь направилъ туда свой путь.

Въ Вильнѣ онъ видѣлъ замокъ, расположенный на высокой песчаной горѣ, окруженный камнями, землею и валомъ, а внутри построенный изъ дерева; у подошвы горы протекаетъ рѣка Вилія. Въ городѣ немного каменныхъ зданій,

нѣкоторые только костелы построены изъ кирпича. Добродушный Французъ вѣрилъ, что крестоносцы обратили Литву въ христіанство. Литовцы въ эту эпоху (1413) носили волосы, распущенные по плечамъ, а Литвинки одѣвались какъ женщины Пикардіи.

Но и здѣсь онъ не нашелъ Витольда, поэтому, сдѣлавъ визиты двумъ сестрамъ его супруги, возвратился въ Пруссію. Въ Трокахъ онъ видѣлъ убогое мѣстечко и два укрѣпленные замка. Витольдъ находился въ Позурахъ (?) на охотѣ. Не долго гостилъ здѣсь, de Lannoy, и чрезъ Ковно возвратился въ Пруссію, откуда послалъ просить Ягелло дать ему охранную грамоту, для прибытія къ нему. Ягелло не отказалъ; Французъ нашелъ его въ Калишѣ, и здѣсь при польскомъ дворѣ провелъ праздникъ пасхи.

Подъ конвоемъ какой назначилъ ему Ягелло, de Lannoy изъ Калиша, чрезъ Бреславъ и Свидницу прибылъ въ Богемію въ Прагу; но по причинѣ гусситскихъ войнъ не хотѣлъ углубляться во внутренность страны.

De Lannoy былъ потомъ въ заключеніи въ Англіи, раненъ въ битвѣ подъ Азенкуромъ, въ 1419 году былъ посланъ въ Англію, а въ слѣдующемъ году былъ при осадѣ Morleau и Melun.

Въ 1421 году онъ снова явился въ нашихъ странахъ, но уже какъ рыцарь, отправляющійся въ Іерусалимъ, и облеченный посольскою властію отъ королей Франціи и Англіи. Цѣлію его путешествія было военное обозрѣніе Палестины, родъ почетнаго шпіонства, потому что король англійскій Генрихъ V хотѣлъ предпринять походъ для возвращенія гроба Господня. De Lannoy вѣрющія грамоты и подарки отъ королей вручилъ прусскому магистру, и оставивши тамъ своего сопутника Agregy-de-Hem, при великомъ магистрѣ, самъ отправился къ польскому королю, который въ то

время охотился на Руси, въ мѣстности называвшейся Озиминны. Король съ любовію принялъ посла, приносившаго ему миръ отъ Англіи и Франціи (хотя Англія и Франція очень мало его интересовали), приказалъ устроить для него жилище изъ зеленыхъ вѣтвей и листьевъ, и просилъ его участвовать въ охотѣ на медвѣдей. При отъѣздѣ, богато одаривъ его лошадьми, мѣхами и деньгами, король далъ ему рекомендательное письмо къ султану. Великолѣпно принятый въ Львовѣ и Белзи, въ Кременцѣ онъ представлялся Витольду. Мы сказали, что Ягелло косвеннымъ образомъ поддерживалъ гусситовъ, а въ ту пору Витольдъ договаривался съ гусситами. De Lannoy, желая дать почувствовать Витольду, какъ неприлично ему вести эти переговоры, не хотѣлъ взять отъ великаго князя денежныхъ даровъ, но не отказался однакоже припять мѣха и собольи шубы, сбрую, татарское оружіе и золотыя цѣпи, какъ отъ князя, такъ и отъ шляхетства. Чрезъ Каменецъ-Подольскъ, находящійся въ прекрасномъ мѣстоположеніи (merveilleusement assise), de Lannoy переѣхалъ въ Молдавію и Валлахію, гдѣ отъ князя Александра узнаетъ о смерти султана и о волненіяхъ по поводу войнъ Грековъ съ Турками. Послѣ различныхъ приключеній, ограбленный разбойниками въ Монкастрѣ, онъ направился въ Крымъ, сѣлъ тамъ на венеціанскій корабль и прибылъ въ Константинополь.

Не станемъ далѣе описывать этого путешествія, какъ уже не интереснаго для нашего отечества.

Эней Сильвій (папа Пій II, скончъ. 1465 г.) описывалъ Литву и Польшу, по разсказамъ Іеронима Прагскаго; это описаніе, вовсе не похожее на наше отечество, находится въ его космографіи. *Амвросій Контарини* венеціанскій посолъ въ Персію, проѣзжалъ туда чрезъ Польшу въ 1474, а возвращался въ 1477 году. Контарини нашелъ въ Тро-

кахъ Казиміра Ягелло, потомъ гостилъ у того же короля въ Люблинѣ, гдѣ онъ видѣлъ четырехъ польскихъ королевичей и имѣлъ случай познакомиться съ ихъ наставникомъ, Яномъ Длугошемъ. Путешествія Контарини переведены Нѣмцевичемъ и помѣщены въ собраніи достопамятностей древней Польши.

Сигизмундъ Герберштейнъ, будучи въ 1517 году посломъ нѣмецкаго императора въ Москвѣ и Польшѣ, въ сочиненіи: *Записки Московскихъ событій* (Commentarii rerum Moscoviticarum), описалъ Литву такъ, какъ онъ ее видѣлъ. Онъ говоритъ о князѣ Михаилѣ Глинскомъ, о животныхъ, зубрѣ и лосѣ и т. д.

Захарій Феррери, апостольскій нунцій при Сигизмундѣ I, описалъ свое путешествіе въ Вильно, которое онъ предпринялъ какъ для примиренія Сигизмунда съ его племянникомъ Альбрехтомъ Прусскимъ, такъ и для поклоненія гробу св. Казиміра, чтобы на мѣстѣ узнать о его жизни и чудесахъ. Выпишемъ здѣсь то, что онъ говоритъ о Вильнѣ и Литвѣ.

«Вильно,—это городъ лежащій въ глубинѣ сѣверной Сарматіи, отъ прусскаго города Торна, гдѣ мы были въ то время, онъ отстоитъ на пространствѣ пятидесяти миль, страна суровая, холодная и ужасная, въ которой рѣдко бываетъ лѣто. На всѣ стороны тянутся равнины, лѣса, болота и озера; народъ однакоже красивъ, продовольствія достаточно; различные товары привозятся сюда изъ германскаго океана, Сарматскаго и Чернаго моря, изъ Арменіи и Татаріи (особенно изъ Таврическаго Херсонеса), кромѣ того изъ Ѳракіи и почти всей Греціи и Мизіи. Поля здѣсь пространны, вина не извѣстны, плодовъ очень мало; но за то много сильныхъ лошадей, и тѣхъ мелкихъ животныхъ, которыя доставляютъ драгоцѣнные мѣха для украшенія

платья и защищенія себя отъ холода, соболей и другихъ бѣлыхъ мѣховъ, которые привозятъ Армяне; много также зубровъ, лосей, оленей, медвѣдей и кабановъ».

Другой папскій нунцій кардиналъ *Франциск Коммендони* въ письмахъ къ св. Карлу Баромею (Baromeusza) сообщаетъ много любопытныхъ извѣстій о дворѣ Сигизмунда Августа, о различномъ расположеніи умовъ въ отношеніи религіозномъ и политическомъ. Граціани, спутникъ и біографъ Коммендони, описывалъ тѣ мѣстности, чрезъ которыя проѣзжалъ кардиналъ. Прежде всего онъ разсказываетъ о пребываніи нунція при дворѣ прусскаго князя Альбрехта въ Кенигсбергѣ, гдѣ они видѣли богатый звѣринецъ, потомъ берега Балтійскаго моря и собираніе янтаря, за тѣмъ русскія земли, гдѣ сообразно характеру и назначенію лицъ, обращаетъ особенное вниманіе на православіе и религіозные обряды Армянъ и Русскихъ. Любопытны его описанія земель подольскихъ и украинскихъ. Есть здѣсь и правда и сказки, но то и другое тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе, что собрано на мѣстѣ. Видѣли они какъ соль кристаллизуется на днѣ озеръ, какъ пчелы складываютъ въ землю медъ и воскъ, какъ сваленныя сосны цѣлыми массами каменѣютъ (pertifunują), какъ ласточки зимуютъ въ водѣ. Коммендони совѣтовалъ Сигизмунду Августу основать укрѣпленный городъ при устьѣ Днѣстра, и по Днѣпру, сплавлять къ морю различныя произведенія Польши, теперь уже безполезныя. Венеціане, земляки Коммендони, моремъ заходили бы въ эту пристань, и земли польскія пріобрѣтали бы огромныя выгоды, и денежныя и умственныя, чрезъ свои сношенія съ образованными народами. Эта мысль, принятая Сигизмундомъ Августомъ, не встрѣтила сопротивленія со стороны Турокъ, къ которымъ обращались съ

просьбою, но разбилась о скалы и сѣла на мѣляхъ, которыя нашелъ на Днѣстрѣ русскій воевода.

Потеряны *Реляціи о Польшѣ* (Relazione di Polonia) другаго нунція Липпомана отъ 1575 г. и *Яна Гуарини*, знаменитаго итальянскаго поэта; *Посольство въ Польшу* (Legatio Polonica), которымъ облеченъ былъ поэтъ въ 1576 г. княземъ Феррарскимъ къ Стефану Баторію.

Французы по поводу избранія Генриха Валуа на польскій престолъ, лучше знакомые съ нашимъ краемъ описывали подобно d'Amboise, Польшу въ отношеніи географическаго положенія, связей съ сосѣдями, нравъ и обычаевъ. *(La description du Royaume de Pologne et des pays adjacens avec ses statuts, constitutions moeurs etc.* 1573 г.).

Не всѣ изъ этихъ описаній были въ пользу нашего отечества, потому что не всѣ путешественники умѣли смотрѣть на эту страну съ надлежащей точки зрѣнія. Мы говорили уже о спорѣ Деспорта съ Кохановскимъ; скажемъ еще, что тотъ Испанецъ Ройзій (Rojzyusz), который такъ долго питался въ Польшѣ нашимъ хлѣбомъ и нашею мыслію. Богъ знаетъ что говоритъ о Литвѣ, съ досады на то, что въ гостинницахъ, въ которыхъ ему приходилось останавливаться, онъ долженъ былъ спать на твердой скамьѣ, на соломенномъ ложѣ и въ черной избѣ.

Съ такой только точки зрѣнія смотрѣли иностранцы на наше отечество. Не болѣе справедливо и негодованіе Конрада Цельтеса, о которомъ мы упоминали выше.

Впрочемъ Нѣмцы, лучше знакомые съ Польшею, были болѣе справедливы къ намъ. Многіе изъ нихъ пріѣзжали подивиться нашему Кракову, и нашимъ соляными копямъ Велички. Такъ: *Виллихъ Прусакъ* въ 1543 году написалъ *Наблюденіе надъ соляными копями Кракова* (de Salinis

Krakovianis observatio). *Іоахимъ Вадіанъ* Швейцарецъ, комментируя Помпонія Мелу, описалъ Польшу, а вмѣстѣ съ тѣмъ соляныя копи Велички и Бохніи. *Яковъ Фалькенбургъ*, *Адамъ Шретеръ*, *Ваврживецъ Корвинъ*, *Гунніадъ* Венгерецъ, и другіе, латинскими стихами описывали Польшу въ выраженіяхъ болѣе или менѣе лестныхъ для нашего отечества. Англичанинъ Антоній Іонкинсонъ, говоря о Татарахъ и Россіи, вспомнилъ и о Польшѣ, и т. д.

VII. ЦЕРКОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

КАТОЛИЦИЗМЪ ВЪ ПОЛЬШѢ, ДИССИДЕНТЫ И ИХЪ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ, ЦЕРКОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ: КАТОЛИЧЕСКОМЪ, КАЛЬВИНСКОМЪ, ЛЮТЕРАНСКОМЪ, БОГЕМСКИХЪ БРАТЬЕВЪ И ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ. РЕЛИГІОЗНЫЕ СПОРЫ.

Католическая вѣра, введенная въ Польшу Мечиславомъ I, а въ Литву Владиславомъ Ягелло, такъ сильно привилась къ Полякамъ, такъ хорошо соотвѣтствовала духу ихъ общественныхъ потребностей, что вдругъ сдѣлалась стражемъ правъ и обычаевъ, какъ благодѣтельная посредница между народомъ и властію. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе мудрованій Запада, утверждающихъ, что церковь католическая, основанная на авторитетѣ и подчиненная ему, освящаетъ всякаго рода іерархію, основанную на правѣ сильнаго; что она, требуя слѣпой и покорной вѣры, не благопріятствуетъ всякаго рода успѣхамъ; что начала свои она стѣснила желѣзною буквою, изъ-за которой нѣтъ возможности проникнуть въ духъ христіанства. Но это мнѣніе преувеличено, — лучшимъ тому доказательствомъ служитъ Польша, гдѣ безъ со-

мнѣнія, сильно билось сердце политической жизни народа, и католицизмъ не только не стѣснялъ этого біенія, но напротивъ приносилъ еще благодѣтельные плоды, полные спасительныхъ послѣдствій. Вѣра католическая принесла намъ латинское образованіе (polor), а съ нимъ вмѣстѣ и древне-римскія понятія объ отношеніяхъ власти къ обществу, соединила Литву съ Польшею, обуздала неумѣренные порывы народной свободы, могущей иногда нарушать общественный порядокъ; одна только вѣра могла умѣрить и удержать въ неприкосновенности совсѣмъ неопредѣленныя отношенія между шляхтичемъ и престоломъ, шляхтичемъ и крестьяниномъ; на вѣрѣ основывалась добродѣтель нашихъ женъ и наша рыцарская честность; вѣра наконецъ блюла святость клятвеннаго договора избраннаго короля съ народомъ (pacta conventa,) совѣсть какъ государственныхъ совѣтниковъ, такъ и земскихъ пословъ.

Съ другой стороны, духъ польскаго законодательства и обычаевъ, въ свою очередь неоднократно смягчалъ излишнюю строгость церковныхъ постановленій; такъ, напр., въ началахъ католицизма не было духа снисхожденія къ свободѣ совѣсти, но онъ существовалъ въ коренныхъ законахъ государства, по которымъ каждому можно было дѣлать то, что гармонировало съ его совѣстію, не принося вреда обществу. Въ католическихъ правилахъ было проклятіе и исключеніе изъ общества еретиковъ, но по законамъ ихъ нельзя было исключать изъ сената, изъ посольской избы, изъ круга лицъ служащихъ, потому что каждый прежде всего былъ гражданиномъ своего отечества. Такимъ образомъ католицизмъ умѣряемый мѣстными обычаями, и съ своей стороны оказывающій благодѣтельное вліяніе на домашнее и политическое бытіе Польши, въ Польшѣ сдѣлался религіею отечественною, народною.

Исповѣданія некатолическія, перешедшія къ намъ изъ Германіи и Швейцаріи, не могли ни приносить такихъ плодовъ, ни пользоваться такими привиллегіями, ни разсчитывать на такое сочувствіе общества, потому что они рѣдко входили къ намъ путемъ убѣжденія, а чаще всего были модою вѣка, или выгоднымъ орудіемъ личныхъ цѣлей. То какой-нибудь профессоръ получалъ сочиненія Виклефа, то жадное до новизны юношество, украдкой привозило какую-нибудь религіозную новость изъ Виттенберга, то какому-нибудь вельможѣ приходилось «услышать какъ проповѣдуютъ въ Женевѣ у фары» (въ приходской церкви), то какой-нибудь бѣглый наставникъ, ищущій убѣжища въ вѣротерпимой Польшѣ, приносилъ къ намъ сѣмена аріанства. Одному новость пришлась по сердцу, подѣйствовала на умъ другаго, третьему показалась выгодною, тому польстила въ его самолюбіи, другому облегчила иго страсти,—и вотъ приверженцы и корифеи разновѣрія. Толпа по обыкновенію слѣдовала внушеніямъ сильнѣйшихъ умовъ, и въ Польшѣ явились лютеране, кальвинисты и социніане. Ревностные католики борются и преслѣдуютъ иновѣрцевъ, общественное мнѣніе по обыкновенію принимаетъ сторону угнетенныхъ, и вотъ почему диссиденты такъ умножились въ Польшѣ, почему пріобрѣли они себѣ столько сочувствія. Но не смотря на все это, исповѣданія ихъ не пріобрѣли у насъ права гражданства, и хотя по существу своихъ догматовъ, они болѣе благопріятствовали *успѣхамъ*, но тѣмъ не менѣе иновѣрцы имѣли мало вліянія на улучшеніе края, потому что не имѣя правъ господствующаго вѣроисповѣданія, для снисканія себѣ покровительства принуждены были то разжигать бурныя страсти, то пресмыкаться предъ королемъ и вельможами; но никогда они не были въ состояніи отстаивать свои религіозныя убѣжденія и тѣмъ внушить къ себѣ то

уваженіе, которое во имя Божіе ведетъ къ лучшему цѣлые государства и народы.

Въ общемъ взглядѣ на эпоху Ягеллоновъ, мы сказали нѣсколько словъ о настроеніи умовъ въ пользу разновѣрія. Альбрехтъ магистръ крестоносцевъ въ 1525 году принялъ лютеранское вѣроисповѣданіе, примѣру крестоносцевъ послѣдовали и ливонскіе меченосцы. Лютеранизмъ, проникшій въ Польшу путемъ торговыхъ и родовыхъ отношеній, распространился въ Великой Польшѣ. Магнаты и польское юношество, пріѣзжающее изъ-за границы, привозили съ собою лютеранскія убѣжденія изъ Виттенберга и Лейпцига, кальвинскія и цвингліанскія изъ Женевы. Напрасно Сигизмундъ I угрожалъ лишеніемъ шляхетства всякаго, кто измѣнитъ вѣрѣ; потому что, принуждаемый обстоятельствами, онъ поневолѣ долженъ былъ заставлять молчать народныя узаконенія, но юный королевичъ Сигизмундъ Августъ давалъ у себя убѣжище и покровительство нововводителямъ. Николай Черный Радзивиллъ, братъ Варвары, мужъ обширнаго ума и другъ Сигизмунда Августа, Фирлей любимецъ Боны, все люди богатые и ученые, держась швейцарскаго ученія, въ своихъ боярскихъ дворахъ давали убѣжище и покровительствовали нововѣрцамъ, строили имъ соборы и школы, заводили типографіи. Радзивиллъ даже, будучи Виленскимъ воеводою, сдѣлалъ швейцарское исповѣданіе чуть ли не господствующимъ въ столицѣ Литвы, и распространялъ его въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ литовскихъ, при помощи просвѣщенныхъ пасторовъ, каковыми были Шимонъ и Боній (Beniasz), братья Будные, Кржишковскій и другіе. Вельможи имѣли на это свои виды: привлечь къ себѣ большинство шляхты, стать во главѣ ея, а такимъ образомъ, поддерживая свободу совѣсти, имѣть у себя на готовѣ сотни равныхъ себѣ гражданъ, и при ихъ содѣйствіи

управлять кормилом правленія соотвѣтственно своимъ цѣлямъ. Эти примѣры не остались безъ подражанія въ первыхъ домахъ польскихъ. Въ Польшѣ: Гурки, Лесчинскіе, Олесницкіе, Зборовскіе, Сѣнявскіе; въ Литвѣ: Ходкѣвичи, Сапѣги, Служки, Висьневецкіе принимали протестантство и покровительствовали своимъ единовѣрцамъ. Между тѣмъ около 1558 г. началъ распространяться аріанизмъ, перенесенное отъ Лелія и Фауста Социновъ, и потому извѣстное у насъ подъ именемъ соціанизма. Въ Польшѣ его принялъ Николай Олесницкій, владѣтель Пинчова, въ Литвѣ Янъ Кмита. Аріанизмъ былъ отраслью кальвинизма, отличаясь отъ него догматомъ о св. Троицѣ и о крещеніи младенцевъ.

Еще болѣе чѣмъ покровительство магнатовъ содѣйствовала успѣхамъ разновѣрія свобода совѣсти и обезпеченная въ 1539 г. свобода книгопечатанія. Явились обширныя типографіи въ Краковѣ, Вильнѣ, Раковѣ, Любечѣ, Нѣсвижѣ, которыя распространяли въ Польшѣ сочиненія и образъ мыслей диссидентовъ.

Католическое духовенство неоднократно вооружалось каноническими правами и гражданскими постановленіями, стараясь удалить некатоликовъ изъ сената и посольской избы; но что могло значить это противодѣйствіе, если изъ среды самого же духовенства Оржеховскій вступилъ въ бракъ, епископы Пацъ и Вигандъ приняли лютеранство, а Зебржидовскій и Уханскій держались правовѣрія изъ однихъ только личныхъ видовъ. Въ 1553 году, на Петрковскомъ сеймѣ, состоявшемъ исключительно изъ однихъ почти протестантовъ, земскіе послы явно требовали прекращенія всякихъ сношеній съ Римомъ и учрежденія мѣстной духовной власти. Эта мысль въ самомъ дѣлѣ кругу епископовъ не вызвала такого сопротивленія, какого бы можно было ожидать.

Тяготѣли еще надъ протестантами уставы Ягелло противъ приверженцевъ Гусса, и свѣжія еще постановленія Сигизмунда I; но вотъ въ 1564 году Сигизмундъ Августъ отклонилъ и эти законы, и разновѣрцамъ, не тревожимымъ Августомъ, оставалось бороться только съ мелкими, посторонними стычками, и съ несогласіемъ, которое зараждалось въ ихъ собственномъ лонѣ. Аріане, подъ маскою кальвинизма, начали вводить въ ученіе швейцарскихъ кальвинистовъ собственные догматы о крещеніи и св. Троицѣ и привлекать къ себѣ сильнѣйшіе умы: Станкара Буднаго, Чеховича, Кржишковскаго и другихъ. Многіе, частію для того, чтобы переговорить между собою, и потомъ обезпечить себя отъ аріанъ, собирали многочисленные съѣзды, имѣли диспуты и соборы польскихъ диссидентовъ, изъ которыхъ мы исчислимъ только болѣе важные, въ Бржезинахъ (1564), въ Венгровѣ (1565), въ Краковѣ (1577 г.) и въ Сендомирѣ въ томъ же году.

По смерти Сигизмунда Августа, органъ тогдашняго протестантизма, Янъ Фирлей, не допускалъ Уханскаго къ примасовскому достоинству, называя его только архіепископомъ. Этотъ поступокъ доказываетъ, какъ свободно и громко могъ отзываться протестантизмъ въ Польшѣ. Въ туже эпоху польскіе диссиденты составили между собою конфедерацію, какъ для охраненія своего внутренняго мира, такъ и для защиты противъ католиковъ.

Стефанъ Баторій, занятый войною и политическою реформою края, не могъ заниматься религіозными спорами. Правда, нововведенные іезуиты тревожили диссидентовъ и своими сочиненіями и явнымъ преслѣдованіемъ; но это еще необъясняетъ намъ, почему протестантизмъ терялъ силу почему богатѣйшіе вельможи и лучшіе по образованію умы возвращались къ католицизму. При Сигизмундѣ

Ш это обращеніе было еще чаще, такъ что только нѣкоторые роды оставались протестантами, но никто не приставалъ уже къ новому ученію.

Достойно замѣчанія и то явленіе, что отъ кальвинизма и лютеранизма толпами переходили въ секту аріанскую, еще менѣе согласную съ католицизмомъ, еще болѣе смѣлую въ своихъ догматахъ, а потомъ также толпами возвращались въ нѣдра римской церкви. Видно, уму человѣческому, освобожденному изъ суровыхъ оковъ, хотѣлось полетать въ самой послѣдней сферѣ, извѣдать до конца запрещенный плодъ знанія, прежде чѣмъ снова возвратиться къ прежнему исповѣданію.

Изобразивъ такимъ образомъ общее движеніе протестантизма въ Польшѣ, перейдемъ теперь поочередно всѣ религіозныя вѣроисповѣданія, пересмотримъ церковную литературу каждаго изъ нихъ, богословіе нравственное и догматическое, ораторское краснорѣчіе, молитвенники, переводы Св. Писанія и религіозные споры съ другими исповѣданіями. Начнемъ съ господствующаго вѣроисповѣданія.

Римско-католическая церковь.

Говоря о богословахъ Краковской Академіи, мы исчислили лучшія ихъ произведенія, а говоря о переводахъ съ греческаго на латинскій, указали переводы отцовъ Церкви, составленные Поляками. Такъ какъ намъ недостаетъ ни смѣлости, ни мѣста распространяться надъ догматическимъ богословіемъ въ католической церкви, то мы перейдемъ къ ораторамъ этой церкви въ нашу эпоху.

Эта почтенная отрасль литературы заслуживаетъ благоговѣйное вниманіе по двумъ причинамъ: по святости своего предмета и потому, что прежде другихъ она подверглась обработкѣ на языкѣ польскомъ, доступномъ для на-

рода, хотя проповѣди были писаны и на латинскомъ языкѣ.

Въ эпохѣ Пястовъ мы упоминали о проповѣдяхъ Стойкона и Мартина Полака. Въ первые годы царствованія Ягелла можемъ указать у себя на нѣсколькихъ проповѣдниковъ, слова которыхъ, произносимыя на языкѣ польскомъ, одни переданы были письменно на языкѣ латинскомъ, а другія совсѣмъ не дошли до насъ. Архіепископъ *Бодзанта* и *Іеронимъ Пражскій*, поучали Литовцевъ, которыхъ они обращали къ вѣрѣ, а самъ король объяснялъ это народу на языкѣ литовскомъ. *Яковъ* епископъ Плоцкій предъ грунвальдскою битвою говорилъ польскую рѣчь къ воинамъ; *Збигневъ Олесницкій младшій* оставилъ намъ одинъ томъ Рѣчей, которыя онъ произносилъ попольски. Проповѣди *Николая изъ Блонія* каѳедральнаго проповѣдника въ Познаніи, носятъ на себѣ важный отпечатокъ духа того вѣка, въ которомъ онъ писалъ. Такъ, напримѣръ, утверждая въ одномъ изъ своихъ словъ, что великолѣпіе и роскошь не только не нравится Богу, но и самому сатанѣ, приводятъ слѣдующій анекдотъ: когда одинъ чернокнижникъ заклинаніями вызывалъ діавола, тотъ не спѣшилъ съ появленіемъ, спрошенный наконецъ о причинѣ медленности, отвѣчалъ: «изысканныя благовонія, которыми отъ тебя пахнетъ, не позволятъ мнѣ приблизиться къ тебѣ.» Въ XV вѣкѣ насъ не соблазняли подобныя легенды, напротивъ онѣ были намъ драгоцѣнны, какъ древнія свидѣтельства простодушной вѣры нашихъ отцовъ; но грустно думать, что три вѣка спустя, при другихъ уже условіяхъ быта и просвѣщенія, подобныя же басни повторялись іезуитами въ печати и съ каѳедры церковной, а народъ, опутанный ими, вѣрилъ и назидался подобными поученіями.

Схоластическая метода диспутовъ, принятая въ XV вѣкѣ, имѣла вліяніе и на форму проповѣдей, которыя такимъ образомъ могли бы дѣйствовать болѣе на умъ, нежели на сердце слушателей, если бы народъ, посвященный въ таинства діалектики, умѣлъ проходить вмѣстѣ съ ораторомъ невѣрные пути софистическихъ умствованій. Но, чтобъ одушевить эту ледяную массу доводовъ, ораторы должны были прибѣгать къ громогласности произношенія и оживленнымъ жестамъ. Часто проповѣдникъ, не умѣя иначе обличить преступленія, принужденъ былъ по именамъ называть преступниковъ. Епископы Войтехъ Ястржембецъ и Николай Тромба, преподавали прекрасныя наставленія для проповѣдниковъ.

При Владиславѣ Ягелло превосходилъ другихъ высотою ораторскаго дара *Станислава изъ Скарбимежа*, знаменитый богословъ и первый ректоръ академіи. Онъ оставилъ намъ латинскія рѣчи противъ тогдашнихъ иновѣрцевъ, по поводу торжествъ церковныхъ и академическихъ, и слова надгробныя. Выпишемъ здѣсь нѣсколько мыслей изъ его латинской рѣчи на погребеніе королевы Ядвиги 1399 г.

«Человѣку негдѣ отдохнуть, негдѣ упокоиться, но всегда есть гдѣ страдать, бѣдствовать и погибать. Въ себѣ самомъ и вокругъ себя у него война, борьба стихій тепла и холода, сырости и жара, борьба продолжающаяся до тѣхъ поръ, пока не разрушится единство его тѣла; что имѣя въ виду и сказалъ пророкъ: «есть ли человѣкъ, который бы жилъ и не узрѣлъ смерти»... Поймите то, что Богъ не поступилъ несправедливо, отнявши у насъ Ядвигу, нашу польскую королеву, потому что Богъ правосуденъ и святъ; все что Онъ дѣлаетъ, это добро, чего желаетъ, свято, Онъ ей не сдѣлалъ обиды, потому что каждый для того явился въ этотъ міръ, чтобъ и выйдти изъ него. Сознаюсь однакоже, что мы

плакали и молились, и голоса наши возносились до небесъ, прося Господа Бога, чтобы онъ сохранилъ ее намъ, для украшенія Польскаго королевства, для его умиротворенія, какъ лучшее наше сокровище, прибѣжище вдовъ, утѣшеніе сирыхъ, защиту угнетенныхъ; чтобы было кому уважать епископовъ, вспомоществовать духовныхъ, поддерживать страждущихъ, беречь и сохранять право Божественное; однакоже мы не могли испросить себѣ этого у Бога... Пускай ваше королевское величество не предается неумѣренной скорби, но лучше радуется тому, что имѣлъ такую жену, теперь святую того міра и ходатайницу своего королевства и народа... Если бы кто молча подумалъ себѣ: вѣдь мы слезы проливали, приносили обѣты въ честь Твою Боже! почему же Ты не выслушалъ нашихъ пламенныхъ молитвъ?... Богъ не выслушалъ насъ быть можетъ потому, что королева наша такъ была угодна Богу, что была достойнѣе жить среди вѣчной славы, нежели въ этой юдоли плача; или быть можетъ Богъ воззвалъ ее, чтобы злоба не измѣнила ея жизни; потому что она была выше многихъ, и могла сказать: желаю разстаться съ жизнью и быть со Христомъ. Или, быть можетъ, мы недостойны были обладать такимъ сокровищемъ, быть можетъ одни увлеклись гордостію, другихъ унизила неправота, иные предались любостяжанію, на иныхъ ропщутъ вдовы, плачутъ младенцы, воздыхаютъ церкви; иные до того забылись, что о себѣ только заботятся, о себѣ говорятъ, иныхъ одержатъ другія разнообразныя беззаконія. Каждый въ домѣ своемъ имѣетъ своихъ идоловъ, своихъ истукановъ, за которые гнѣвается Богъ. Или, быть можетъ, это несчастіе (смерть королевы), потому насъ постигло, чтобы мы дали образецъ своей вѣры, чтобы востокъ и западъ, и другія страны свѣта увидѣли и познали нашу вѣру, наши клятвы, или для того, чтобъ испытать тер-

пѣніе нашего короля; потому что самъ онъ уже перенесъ тяжкіе удары: то смерть матери и братьевъ, то войны и другія обстоятельства, а теперь вновь лишился безцѣнной своей супруги; быть можетъ, чтобы добродѣтель его явилась тѣмъ въ большей славѣ, чѣмъ терпѣливѣе переноситъ онъ ниспосланныя ему отъ Бога бѣдствія. Да утѣшитъ же его Господь, да сохранитъ намъ на радость, а его супругу увѣнчаетъ небеснымъ вѣнцемъ».

Григорій изъ Санока, тотъ дивный мудрецъ, который на свой вѣкъ умѣлъ смотрѣть взоромъ свободнымъ отъ заблужденій своего времени, успѣшно боролся съ недостатками тогдашняго проповѣдничества, называя безстыдствомъ въ высшей степени, схватить двѣ-три мысли изъ древнихъ богослововъ, и не умѣя разъяснить ихъ, являться на каѳедрѣ предъ народомъ. Ораторъ, по его мнѣнію, долженъ дѣйствовать на сердце, а онъ не достигнетъ этого, если не будетъ знать великихъ поэтовъ; проповѣди тогдашнихъ богослововъ, онъ называлъ вялыми и постными (languidi et jejuni), въ сравненіи съ великими ораторами, отцами церкви, каковы Іеронимъ и Августинъ. Тѣ, хорошо вникнувъ въ дѣла человѣческія, принимались за священное писаніе; а эти безъ предварительнаго приготовленія, прямо берутся за дѣла божественныя. Что же удивительнаго, если они не совладѣютъ съ величіемъ предмета, не найдутъ словъ для своей мысли, причиной тому то, что они не знаютъ свѣтскихъ наукъ, которыя располагаютъ къ вѣроятію.

Съ такимъ убѣжденіемъ объ искусствѣ проповѣдническомъ, Григорій могущественно располагалъ сердцами и дѣйствовалъ на убѣжденія слушателей, сколько разъ ни появлялся на проповѣднической каѳедрѣ. Въ особенности ему очень выгодно удавалось дѣйствовать на мужеубійцъ (mężobojców), когда тѣ, по обычаю, существовавшему въ

Польшѣ, предъ дверями храма должны были умолять о прощеніи Бога и родственниковъ убитаго. Въ ряду церковныхъ ораторовъ этой эпохи вспомнимъ еще о Бернардѣ изъ Нисы, Янѣ Исперѣ, Янѣ Эльготѣ, Бенедиктѣ Гессе, о св. Янѣ Кантѣ, Янѣ Добрувкѣ, Павлѣ изъ Заторжа, Николаѣ изъ Козлова, Шимонѣ изъ Липницы, Матеѣ изъ Кракова и наконецъ о томъ отважномъ Чехелѣ, который, явившись предъ рыцарствомъ, возвращавшимся изъ Хойницкаго сраженія, одѣтый власяницею, въ Брестѣ осуждалъ своеволіе рыцарей и заблужденія королей.

На погребеніи Сигизмунда I, Оржеховскій произнесъ блестящую латинскую рѣчь, а Самуилъ Мацеіовскій — польскую; съ этихъ поръ обыкновеніе говорить рѣчи по польски, должно было взять явный перевѣсъ, не смотря на то, что проповѣдь Мацеіовскаго была еще списана и полатынѣ.

Религіозные споры дали новый толчекъ проповѣдническої ревности; явились проповѣдники, которые по польски говорили съ народомъ. Замѣчательны слова Скарги: «Языкъ латинскій уже старъ, и созрѣлъ отъ многихъ вѣковъ: нашъ еще молодъ и нуждается въ обработкѣ». Впрочемъ я Поляк, и только для Поляковъ живу, думаю и пишу».

Въ царствованіе Сигизмунда Августа, какъ сеймовой проповѣдникъ прославился *доминиканецъ Мельхіоръ Мосцицкій*. Оржеховскій такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него проповѣдью Мосцицкаго.

«Вотъ онъ взошелъ на каѳедру: глаза потупляетъ въ землю, ни на кого не смотритъ, никого не имѣетъ въ виду, одно только слово Божіе. Его голосъ, вначалѣ тихій, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы, блѣдное лицо оживляется, взоръ бросаетъ молніи въ зрителей: сокрушаетъ сердца закоснѣлыя во грѣхахъ, побуждаетъ къ сокрушенію и покаянію, невѣрныхъ обращаетъ».

«Мосцицкій проповѣдывалъ о послѣднемъ судѣ; будучи по обыкновенію блѣденъ, на щекахъ его вдругъ вспыхнулъ румянецъ, онъ казался весь объятый пламенемъ; а когда онъ вспоминалъ о примѣрѣ Даѳана и Авирона, когда рукою указалъ на землю, какъ будто разверзшуюся для поглощенія безбожниковъ, всѣ онѣмѣли и задрожали отъ страха».

Изъ того же ордена славился въ XVI вѣкѣ своимъ проповѣдническимъ даромъ *Лука Львовчикъ*, на проповѣди котораго собирались краковскіе академики, чтобы выучиться у него правильному употребленію жестовъ, а стоны и вопли собраннаго народа заглушали голосъ самого оратора. Когда однажды въ Пржеворской церкви онъ говорилъ о грядущихъ бѣдствіяхъ Польши, слушатели задрожали, какъ будто бы надъ главами ихъ раздался голосъ суда Господня.

Доминиканецъ также, и въ томъ же Пржеворскѣ славился Клеменсъ Рамультъ, мужъ исполненный пророческаго духа, о которомъ тотъ же Оржеховскій оставилъ слѣдующее сужденіе:

«Его рѣчь была подобна пѣсни соловья, въ энтузіазмѣ онъ самъ не всегда сознавалъ то, что говорилъ, въ энтузіазмѣ предсказывалъ будущія событія, и слова его исполнялись. Три года тому назадъ (въ 1561) поля Пржеворска выжгла страшная засуха: на проповѣди онъ обличалъ своеволіе и роскошь народа, и наконецъ прибавилъ:

«*Если не покаешься Пржеворскъ, то сгоришь чрезъ двѣ недѣли*».

«Такъ и случилось, въ день имъ назначенный сгорѣлъ цѣлый Пржеворскъ, на мѣстѣ его не осталось ничего, кромѣ приходской церкви и монастыря».

Когда съ распространеніемъ протестантизма родилась необходимость внимательнѣе смотрѣть за проповѣданіемъ

слова божія, *Проповѣди* или собранія словъ, (Postylle) знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ отечества, подтверждались духовнымъ начальствомъ для примѣра и образца другимъ. Исчислимъ болѣе удачныя изъ этихъ собраній.

Большое собраніе католическихъ проповѣдей 1575 г. и меньшее 1582 г., составленное Яковомъ изъ Венгровца Вуйкомъ, тѣмъ переводчикомъ св. писанія, который доказалъ могущество нашего слова въ прекрасномъ переводѣ священныхъ древнееврейскихъ книгъ. Въ проповѣдяхъ онъ еще лучше, быть можетъ, чѣмъ въ переводѣ Библіи, владѣетъ польскимъ языкомъ, а мысль его проповѣдей, почерпнутая въ источникѣ слова Божія, поставила бы его высоко между защитниками католицизма, если бы языкъ польскій былъ читаемъ въ Европѣ.

Для примѣра приведемъ здѣсь отрывокъ изъ слова Вуйка о послѣднемъ судѣ:

«Итакъ будемъ бояться теперь, пока у насъ еще есть время, чтобы въ то время намъ нечего было бояться; не удивляйся тому, что люди того времени, будутъ сохнуть отъ страха, потому что силы небесныя подвигнутся, придутъ въ смятеніе и поколеблятся какъ море. Если же воинства небесныя, которыя отъ крѣпости и силы имѣютъ названіе, испугаются и возмутятся какъ море волнуемое, если основанія небесныя подвигнутся: что же будетъ съ нами, оплаканными грѣшниками, которые полны грѣховъ, которые беззаконія пьемъ какъ море? Потому что, есть ли кто, кто бы могъ сказать: непорочно сердце мое, я чистъ отъ грѣха? Кто можетъ похвастать тѣмъ, что сердце его правдиво и нескверно? Звѣзды не чисты предъ лицемъ его: а во сколько еще болѣе тѣ, которые живутъ на землѣ? Если праведный только будетъ спасенъ, гдѣ станутъ и какъ явятся безбожные и грѣшные. Потому что какъ Адамъ въ земномъ раѣ, ког-

да Господь Богъ звалъ, чтобъ исцѣлить его, не могъ снести гласа Господня, и долженъ былъ укрыться, такъ сдѣлаетъ беззаконный человѣкъ, когда Господь призоветъ его для суда и проклятія. Что это будетъ за сердце, когда червь совѣсти его постоянно будетъ вопіять противъ него, напоминая ему слова: «видишь, несчастный, гдѣ ты теперь? а гдѣ ты былъ? откуда ниспалъ? Видишь до чего ты дошелъ?

«Итакъ, куда обратятся люди, когда на небеси явится крестъ, знаменіе сына человѣческаго, зная, что они все время жизни служили тѣлу и его желаніямъ, и всегда были врагами креста и умерщвленія плоти? Испугаетъ ихъ святой крестъ, какъ заблудшихъ, которые бѣгали отъ него въ этомъ мірѣ!...»

Рядомъ съ Вуйкомъ, какъ проповѣдникъ, достоинъ занять мѣсто *Мартинъ Бялобржескій*, котораго *православныя проповѣди* или объясненіе св. Евангелія (Postylla orthodoxa, to jest wykład S. Ewangelii 1518), если не могутъ равняться съ проповѣдями Вуйка, по отношенію поэтической высоты мысли, то по крайней мѣрѣ не уступятъ имъ въ мягкости, чистотѣ языка, и точности выраженій.

Полный духа ревности *Іеронимъ Поводовскій* (родился 1547, скон. 1617), названный также, какъ въ послѣдствіи Скарга, *молотомъ на еретиковъ*, найдетъ для себя мѣсто тамъ, гдѣ мы будемъ говорить о религіозныхъ спорахъ. Сюда относятся его проповѣди: *Объ истиномъ словѣ Божіемъ* (1578) и *на погребеніе короля Стефана* (1586). Ораторъ сознавалъ важность этой потери для отечества, и хотя отдавалъ справедливость мужеству Поляковъ, но долженъ былъ однако сознаться, что только вождь, подобный Стефану могъ вести къ побѣдамъ эту горсть храбрыхъ. «Великое войско, говоритъ Поводовскій, безъ ве-

* *
*

ликаго гетмана, подобно великому пороку... несравненно лучше воинство козъ, когда надъ нимъ начальствуетъ левъ, нежели воинство львовъ, когда имъ управляетъ коза».

Хотя сочиненія знаменитаго *Станислава Гозія* не всѣ принадлежатъ къ разряду трудовъ проповѣдническихъ, но такъ какъ объемъ нашей книги не дозволилъ намъ въ особенности заняться католическими богословами, то мы выпишемъ здѣсь хотя одни только заглавія произведеній Гозія, который, какъ отецъ церкви, на соборѣ Тридентскомъ прославилъ польское имя и оказалъ большія услуги католичеству; въ нашемъ исчисленіи мы будемъ держаться изданія Парижскаго 1562 г., Антверпенскаго 1566 г. и Кельнскаго (Kolońskiej) 1584 года. Вотъ перечень сочиненій Гозія:

Исповѣданіе католико-христіанской вѣры (Confessio fidei Catholicae Christiana), писанное на провинціальномъ соборѣ, составленномъ Дзѣржговскимъ въ Петрковѣ 1551 года. Эту книгу Гозія католическій міръ принялъ съ неописаннымъ восторгомъ. Въ продолженіи 15-ти лѣтъ она имѣла 18 изданій и была переведена на языки: нѣмецкій, французскій, итальянскій и голландскій. *Оборона истиннаго христіанскаго ученія* (Propugnatio verae, Christiane, Catholicae doctrinae), сочиненіе, направленное противъ Яна Брента. *О ясномъ словѣ Божіемъ* (de expresso Dei verbo), *Разговоръ* (Dialogus) о томъ, прилично ли допускать къ чашѣ лицъ свѣтскаго званія и женъ священнослужительскихъ, и прилично ли отправлять богослуженіе на языкахъ отечественныхъ. *Письмо* (List—Epistola) къ Генриху князю Брауншвейгскому; *Судъ и замѣчанія* (Judicium et censura), о распространившемся въ Польшѣ заблужденіи, касательно догмата св. Троицы; *О мѣстѣ и важности апостольскаго престола* (de loco et autho-

ritate Romani Pontificis), это корреспонденція Гозія съ Оржеховскимъ 1563 года и т. д. По смерти Гозія намъ еще остались собранія писемъ, борьба съ конфедераціею разновѣрцевъ, надгробныя рѣчи Сигизмунду I и Сигизмунду Августу; рѣчи въ пользу Лазаря Бонамика и рѣчи къ Сигизмунду Августу послѣ возвращенія изъ итальянской поѣздки, къ Петру Гамрату и т. д.

Не прилично было бы намъ не упомянуть здѣсь о нѣсколькихъ важнѣйшихъ религіозныхъ сочиненіяхъ и о латинскихъ проповѣдяхъ знаменитаго *Станислава Соколовскаго*, который будучи въ продолженіи шести лѣтъ богословомъ и проповѣдникомъ Стефана Баторія, пріобрѣлъ такую любовь и уваженіе монарха, что сочиненія Соколовскаго, Баторій подносилъ къ устамъ и съ гордостію пересылалъ ихъ Гозію. Превосходнѣйшія изъ его сочиненій суть: *О причинѣ паденія Іерусалима* (do excydio Hierosolymitano 1580 г.); *О пріумноженіи церкви Божіей и о наслѣдіи Христовомъ* (Pro dote Ecclesiae Dei et hereditaié Chrysti 1581); три книги *О различіи церкви истинной отъ ложной* (de verae et falsae Ecclesiae discrimine 1583); *О посвященіи въ епископы* (de conscerationе Episcopi); *О достопоклоняемости святѣйшаго таинства Евхаристіи* (pro adoratione Eucharistiae); *Раздѣленія церковныя* (partitiones Ecclesiasticae 1589; *Іосифъ праведный, или слово о смерти Господней* (Justus Joseph sive in J. C. Domini nostri mortem 1588 г.); это послѣднее произведеніе было переведено на польскій языкъ Яномъ Янушовскимъ и Богуславскимъ. Приведемъ нѣсколько мыслей изъ этого послѣдняго перевода

«Престолъ твой Боже во вѣки вѣковъ, жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего. Но онъ говоритъ, что не изъ этого міра, т. е. не отъ міра, не отъ мірскихъ силъ дано ему цар-

ство, но самимъ Отцемъ небеснымъ, который далъ ему престолъ Давидовъ, чтобы онъ царствовалъ въ дому Давидовомъ во вѣки. И оно пріобрѣтено не путями этого міра: потому что въ мірѣ царствуютъ побѣдители, а онъ прежде всего былъ побѣжденъ, пригвожденъ ко кресту и получилъ царство. Но оно растетъ и распространяется не силами этого міра, оно тогда побѣждаетъ, говоритъ Иларій, когда ему наносятъ обиды; тогда разумѣетъ, когда его поносятъ; тогда получаетъ, когда его оставляютъ; когда его преслѣдуютъ—процвѣтаетъ, когда гнетутъ—умножается. Тогда стоитъ, когда кажется разрушающимся, умножается скорбями, возрастаетъ кровію мучениковъ, воздвигается горестями, веселится угнетеніемъ, укрѣпляется постами».

Къ славнѣйшимъ памятникамъ церковнаго ораторскаго краснорѣчія принадлежатъ еще: три латинскія проповѣди знаменитаго іезуита *Станислава Варшевицкаго* во время сейма 1583 года, *за вѣру Христову престолъ Петра* (pro Christi fide et Petri sede), сочиненіе *Мартина Кромера* подъ заглавіемъ *Оржеховскій или о супружествѣ и безбрачіи священниковъ* (Orichovius sive de conjugio et coelibatu sacerdotum 1564 г.), того же Кромера, проповѣди *О достоинствѣ священническомъ* (O godności kapłańskiej) двѣ синодальныя, двѣ о Воскресеніи Христовомъ, и одна о молитвѣ Господней; *Іосифа Верещинскаго*, воскресныя проповѣди протоіерея Сенѣховскаго, и т. д.

За тѣмъ по очереди слѣдуетъ нашъ златоустый *Петръ Скарга Павензскій*, но только начало его проповѣднической дѣятельности принадлежитъ къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Эпохѣ Вазовъ суждено было для славы своей владѣть этимъ мужемъ, который вмѣстѣ съ Вуйкомъ прославилъ на время польскую рѣчь, которая со временъ

Баторія начинала уже портиться, и вслѣдъ за тѣмъ была чудовищно искажена іезуитами. Скажемъ нѣсколько словъ о жизни Скарги и его сочиненіяхъ до конца нашей эпохи.

Петръ Скарга, рожденный въ 1536 г., въ окрестностяхъ Мазовецкаго Грудка, по окончаніи курса въ Краковской академіи, откуда онъ вышелъ со степенью доктора философіи, отправился ко двору Тенчинскихъ, откуда въ качествѣ домашняго наставника Яна Тенчинскаго, вмѣстѣ съ нимъ совершилъ путешествіе въ Вѣну. По возвращеніи вступилъ въ духовное званіе и сейчасъ же получилъ Львовскій каноникатъ, вмѣстѣ съ приходомъ въ Рогатынѣ, но его манилъ къ себѣ новосозидающійся орденъ іезуитовъ своею задачею борьбы съ еретиками, обѣщая открыть обширное поле дѣятельности его великимъ ораторскимъ талантамъ и христіанской ревности. Скарга поѣхалъ въ Римъ, откуда въ 1570 году возвратился іезуитомъ. Съ этой поры до 1588 года онъ пребывалъ въ Краковѣ и Вильнѣ, а по вступленіи на престолъ Сигизмунда III, именованный сеймовымъ и королевскимъ проповѣдникомъ, скончался въ этой должности въ 1612 году.

Скарга былъ іезуитомъ, но въ простотѣ сердца видѣлъ одну только прекрасную сторону этого ордена. Слишкомъ набожный для того, чтобы вѣрить въ возможность существованія благочестивой интриги, Скарга быть можетъ даже и не подозрѣвалъ того, что онъ былъ орудіемъ іезуитовъ, подлѣ Сигизмунда III. Управляя совѣстію монарха въ теченіе 24-хъ лѣтъ, вмѣсто всѣхъ придворныхъ интригъ, онъ испросилъ только даровой кусокъ хлѣба старому возницѣ, который возилъ его въ замокъ, и ни разу не опрокинулъ. *Защита іезуитовъ* Скарги доказываетъ, что защитникъ человѣкъ добрый, простодушный и невинный какъ дитя, но она не опровергаетъ тѣхъ возраженій, съ которыми

выступилъ съѣздъ Сендомірскій 1606 года о томъ, что іезуиты вмѣшиваются въ дѣла свѣтскія при дворѣ королевскомъ, что они на проповѣдяхъ проповѣдуютъ «absolutum dominium», причиняютъ смуты и волненія, что этотъ орденъ въ Польшѣ слагается изъ множества иноземцевъ, которые распространяютъ чуждыя начала, что онъ наконецъ ко вреду государства и Краковской академіи собралъ огромныя богатства. Но всѣ эти событія и защищеніе іезуитовъ Скаргою относятся къ слѣдующей эпохѣ, здѣсь мы должны упомянуть только о переводѣ Скаргою сочиненія съ латинскаго подъ заглавіемъ: *Десять доводовъ, по которымъ Эдмундъ Кампіанусъ С. І. вызвалъ изъ Лондона на диспутъ всѣхъ ученѣйшихъ еретиковъ Англіи* (Dziesięć wywodów, dla których Edmundus Campianus S. J. z Londynu wszystkie heretyki, co najuczeńsze w Anglii na dysputacyę wyzwał въ Вильнѣ, въ тип. Ник. Христофора Радзивилла 1584 г.) и *Уставъ* (Ustawy), который былъ имъ начертанъ для основаннаго имъ *въ Краковѣ братства милосердія у св. Варвары* (Bractwa miłosierdzia w Krakowie u Ś. Barbary 1584 г.). Такъ какъ это прекрасное установленіе доказываетъ и умъ и христіанское сердце Скарги, то читатели извинятъ насъ, если мы вкратцѣ приведемъ его содержаніе.

Во главѣ Устава помѣщены три проповѣди Скарги *о милосердіи*; нельзя устоять противъ искушенія выписать изъ нихъ нѣсколько словъ:

«Безъ милосердія, католическая вѣра — это древо безъ плода, надежда — это наемникъ безъ платы, любовь — это мать безъ дѣтей, молитва — это птица безъ крыльевъ, постъ—это блюдо безъ соли... Посѣщай и найдешь сиротъ, найдешь птенцовъ, которыхъ враны, т. е. родители улетѣли со смертію... кто ихъ защититъ отъ голода?... Ты смо-

тришь на дѣвъ возрастающихъ, а они безъ одежды, безъ стража ихъ непорочности, безъ наставленія, безъ приданаго, безъ упражненія въ рукодѣліи, остаются среди голода и лишенія. Кто снабдитъ? Ты любвеобильный создателю ихъ... А чрезъ кого Господь Богъ ниспошлетъ имъ помощь? Чрезъ того, который на себѣ носитъ образъ Божій, т. е. его милосердіе... Человѣкъ странный достоинъ великаго милосердія и первѣйшей заботливости, послѣ вдовъ и сиротъ... Если отъ разбойниковъ, болѣзни, чрезъ какое-нибудь обстоятельство потерялъ онъ свое состояніе, или лежитъ пораженный тяжкимъ недугомъ, и нѣтъ для него справедливости, нѣтъ друга, нѣтъ знакомаго, а языка онъ не знаетъ, гдѣ и у кого найдетъ онъ убѣжище... Найдешь и такой домъ, хозяинъ котораго больной, вотъ нѣсколько уже лѣтъ не сходитъ съ одра болѣзни, жена расточила все его состояніе, дѣти уже въ возрастѣ, а у тебя нѣтъ чѣмъ одарить ихъ, сосѣдъ его или не знаетъ, или знать не хочетъ, или же и самъ не имѣетъ, посмотри, какая тамъ нищета, какое убожество. Найдешь и такой домъ, въ которомъ хозяинъ питалъ всѣхъ своихъ домочадцевъ трудами рукъ своихъ, заболѣлъ, лежитъ безъ работы, и все семейство его подвергается недостатку и крайней нуждѣ. Неужели тамъ не горестнѣе, чѣмъ въ богадѣльнѣ... Найдешь убогаго поселянина и подданнаго, часть его скота погибла, другую забралъ воинъ, остатокъ захватилъ помѣщикъ или разобрали за долги. Король требуетъ подати, помѣщикъ оброка, нужно работать, а нечѣмъ добыть насущный кусокъ хлѣба, о несказанное нищенство!... Вышелъ домохозяинъ работать на пашню, и съ женою и съ дѣтьми, и съ домочадцами, приходитъ, а все, что онъ имѣлъ, сожжено; остался одинъ только прахъ... Сколько есть убогихъ, доведенныхъ до такой нужды, что не сравняется съ нею никакое нищенство, ника-

кое убожество. Найдешь великаго хлѣбодара (jałmużnika), который питалъ убогихъ, а теперь самъ захворалъ, потерялъ зрѣніе и слухъ, обѣднялъ, жена упрекаетъ его за подаяніе милостыни, за невѣрность надежды, какую онъ полагалъ въ Богѣ, совѣтуетъ воровство, или другое что-нибудь противузаконное. Какая богадѣльня болѣе заслуживаетъ сердобольнаго подаянія. Посѣщай узниковъ, найдешь тамъ невинно заключенныхъ подобно Іосифу, а онъ оклеветанный сидитъ въ темницѣ и взываетъ: скажи начальству, что я невиненъ, пускай судятъ меня, начальство забыло о немъ, и Іосифъ страдаетъ въ нуждѣ... Убогіе и нуждающіе не имѣютъ гдѣ временно занять денегъ, а если и дастъ кто-нибудь въ долгъ, то даромъ и безъ большой лихвы, онъ этого не сдѣлаетъ.»

Какое любящее сердце! какое знаніе общественныхъ потребностей, какой языкъ! Чтобы помочь общественнымъ нуждамъ, Скарга основываетъ братство милосердія и вотъ какъ изображаетъ онъ пользу подобныхъ обществъ: «Рѣдко можно найти такого человѣка, котораго бы не сокрушала нужда ближняго, рѣдко кто не хотѣлъ бы подать ему руку помощи, но одни сами ничего не имѣютъ, другіе имѣютъ мало, но не знаютъ кому подать прежде, другіе недоумѣваютъ, что станется съ ихъ подаяніемъ, и не увѣренные въ его пользѣ, скупятся и удерживаютъ свою милостыню. Но если ихъ соберется много, и силы свои направятъ къ одной цѣли, найдется все, и при помощи Божіей, будетъ возможность всему удовлетворить. Тотъ, у кого нѣтъ денегъ, предложитъ свои услуги, молитву, совѣтъ: кто имѣетъ мало, сложится съ другими и возрастетъ много».

Вслѣдъ за тѣмъ проникнутый Божественнымъ духомъ, авторъ начертываетъ обязанности братства. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы подавать помощь *домашнимъ гостя-*

шалямъ (szpitalam domowym), т. е. вдовамъ, сиротамъ, странным, ремесленникамъ, словомъ, разнаго рода нищимъ, которые стыдятся или не могутъ просить милостыни, а «нужды ихъ гораздо больше тѣхъ, которые въ богадѣльняхъ, или живутъ подаяніемъ милостыни на улицахъ». Члены братства должны молиться за убогихъ, въ каждое второе воскресеніе мѣсяца служится братская литургія, во время которой каждый изъ членовъ братства даетъ въ братскую кружку «по произволу и благочестію» (co wola i nabożeństwo). Во вторую недѣлю послѣ перваго февраля и 1 іюля всѣ братья и сестры исповѣдаются и вмѣстѣ принимаютъ святое причастіе. Каждый изъ членовъ даетъ и вписываетъ въ книгу такую милостыню, какую можетъ, и сколько разъ въ чемъ-нибудь испытаетъ онъ удачу, столько разъ обязанъ подать милостыню. Еженедѣльно бываютъ братскія сходки, еженедѣльно двое изъ братьевъ идутъ посѣщать госпитали и темницы, другіе у дверей церковныхъ и по домамъ отправляются за сборомъ милостыни. Въ великую пятницу и въ день праздника Божественнаго Тѣла (Bożegociała) всѣ должны присутствовать на крестномъ ходѣ.

Братство имѣетъ своего протектора и духовнаго отца по назначенію іезуитскаго старшины, за нимъ слѣдуетъ старшій членъ, далѣе капелланъ братства, три совѣтника, писарь, расходчикъ, (szafarz), и визитаторы, которымъ вмѣняется въ обязанность собирать свѣдѣнія о нищихъ, больныхъ и нуждающихся. Далѣе слѣдуютъ статьи о сходкахъ, мѣсячинѣ (ordynariach), кружкѣ, сборѣ (kwescie), принятіи новыхъ братьевъ, и о погребеніи. Статья о доходахъ чиновниковъ, читается такъ: «Ежедневно каждый братъ и сестра, обязывается прочитать одну молитву за чиновниковъ братства, чѣмъ они охотно и должны довольствоваться». При братствѣ находилось учрежденіе подъ названіемъ *Ком-*

ната нуждающихся (Komora potrzebnych) или *Mons pietatis*, касса, дававшая бѣднымъ деньги въ займы подъ залоги безъ всякой лихвы, и *кружка св. Николая* (Skrzynka sw. Mikołaja) или выдача приданаго (wyposażenie) бѣднымъ дѣвицамъ.

Сходки братства при храмѣ св. Варвары имѣли цѣлію располагать умы къ благотворительности; для этой цѣли Скарга написалъ: *Чтенія братства* въ каждое воскресеніе: здѣсь прежде всего слѣдуетъ Евангеліе дневное, потомъ приличное извлеченіе изъ отцовъ церкви, наконецъ примѣры изъ житій святыхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній дышатъ простотою, искренностію, наивностію, а другія не могутъ устоять предъ судомъ критики.

Прошедши цѣлый рядъ нашихъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ, которыхъ слова назидали нашихъ предковъ въ церквахъ; посмотримъ по порядку какія книги были въ употребленіи для молитвы и благочестивыхъ домашнихъ упражненій католиковъ въ эпоху Ягеллоновъ.

Древнѣйшею по времени была латинская книга *Объ искусствѣ умирать* (Ars moriendi), ксилографированная Костеромъ еще до усовершенствованія книгопечатанія; написаніе ея приписываютъ Матеею изъ Кракова. Въ Польшѣ, гдѣ языкъ латинскій сдѣлался другимъ отечественнымъ, гдѣ одни только жены молились попольски, а мужеское поколѣніе все читало полатынѣ, было множество латинскихъ книгъ для молитвы, писанныхъ какъ въ Польшѣ, такъ и перепечатанныхъ изъ заграничныхъ сочиненій. Къ разряду перепечатанныхъ книгъ принадлежатъ *О приготовленіи къ смерти* Эразма Роттердамскаго (De praeparatione ad mortem, въ тип. Шарфенбергера, 1534 года). *Духовныя упражненія* Игнатія Лойолы (Exercitia spiritualia. Въ Вильнѣ 1583 г.); польскій переводъ того же сочи-

ленія, сдѣланный іезуитомъ Шимономъ Высоцкимъ (Вильно, въ тип. Карцана, 1588 г.). Яна Полтана *О славѣ Божіей* (de laudibus divinis, 1520 г.); и наконецъ проникнутая духомъ благочестія книга, которую прежде приписывали Яну Герсону, а потомъ согласились называть ее сочиненіемъ Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Христу* (De Imitatione Christi). Это сочиненіе, прежде чѣмъ въ оригиналѣ было перепечатано въ Вильнѣ 1585 г., имѣло три перевода на польскій языкъ до смерти Стефана Баторія; первый, составленъ былъ монахомъ францискаискаго ордена Адріаномъ, въ тип. Флоріана Унглера, 1545 г., второй, исправленный, изданъ былъ Зибенейхеромъ 1586 г. и въ третій разъ вновь переведенъ въ 1551 году.

Сигизмундъ I, король польскій молился по латинской книгѣ *Clypeus spiritualis* (Щитъ духовный), которая переведена на польскій языкъ уже въ 1533 г., по сочиненію: *Soliloquium* (Внутреннея бесѣда, или благочестивая молитва къ Богу Отцу, соединенная съ исповѣданіемъ грѣховъ), изданномъ въ 1535 году; въ ней находятся гербы королевы Боны. Для этой быть можетъ государыни, которая, какъ извѣстно, хорошо знала латинскій языкъ, и написана была эта книга Вроцлавскимъ каноникомъ Яномъ Генкелемъ. Почему же Бона, слѣдуя указаніямъ своей набожной книги, такъ рѣдко разоблачала предъ собою глубину своей совѣсти! У мужчинъ свѣтскаго званія были въ употребленіи: латинскія *молитвы* (Precationes aliquot, въ тип Шарфенбергера, 1547 года), также *Молитвы утреннія и вечернія для школьнаго юношества* (Precationes haud inelegantes, quibus et mane et vesperi juvenes sua studia Deo commendare poterunt 1541 г.), составленная Яномъ Мыліушемъ. Читали также: *Сочиненіе Великопостное* (Opusculum quadragesimale, изд. въ Лейпцигѣ, 1534 г.) Ва-

лентія изъ Познани; *Откровенія св. Бригиды* (Libellus s. Brigittae revelationum, въ тип. Унглера, 1522 г.); *О видѣніяхъ и откровеніяхъ естественныхъ и божественныхъ* O widzeniach i objawieniach naturalnych i boskich, въ тип. Вѣтора, 1545 года) и т. д.

Что касается польскихъ благочестивыхъ книгъ, то число ихъ еще превышаетъ число латинскихъ. И неудивительно. Поляки хотя и отличались благочестіемъ, но вѣчно занятые войною, сеймами (obradami), обширною охотою, немного имѣли времени и расположенія къ молитвѣ; но Польки, запертыя дома, нуждаясь въ благословеніи небесъ и для себя, и для дѣтей, и для мужей, сражавшихся гдѣ-то въ странѣ далекой, должны были молиться чаще и усерднѣе. Исчислимъ здѣсь книги древняго, простаго, правовѣрнаго благочестія по которымъ молились наши Польки шестнадцатаго вѣка.

Молитва Господня, раздѣленная на семь частей и примѣненная къ семи днямъ недѣли (Modlitwa Pańska, rozdzielona na siedm części według siedmiu dni w tygodniu), переводъ изъ Эразма Роттердамскаго (Краковъ, въ тип. Унглера, 1533 г.); *Привѣтствованіе всѣхъ членовъ христовыхъ* (Pozdrowienie wszystkich członkow P. Jezusowych, 1533 г.). *Изображенія и молитвы о страданіи Господа нашего Іисуса Христа* (Figury i modlitwy o umęczeniu Pana naszego Jezu Krysta, 1539 г.). *Заповѣдь Божія* (Przykazanie Boże, въ тип. Вѣтора, 1543 г.); *Повседневная молитва ко святой Троицѣ* (Modlitwa powszednya do Trójce świętej, 1549 года); *Малые часы о крестѣ Христа Господа* (Godzinki małe o Pana Krystusowym krzyżu, въ тип. Яна Пагуса въ Познани, 1567 г.); *О презрѣніи міра* (O wzgardzie świata), сочиненіе папы Иннокентія III, переведенное, кажется, Станиславомъ Львовчикомъ (1571); *Часы и ноч-*

ныя утрени на великую седмицу (Godzinki i ciemne jutrznie na W. tydzień, Краковъ 1582 г.); *Размышленіе объ истинномъ пути ко спасенію* (Dubitantius, o prawdziwej drodze do zbawienia), переводъ Андрея Збышевскаго (Вильно, 1583 г.); *Бдительный христіанинъ* (Pamiętny chrześcianin, Познань въ тип. Вольбара 1585 г.), переводъ съ итальянскаго Войцеха изъ Вонгровца, и т. д.

Молитва Różańca, хотя безъ сомнѣнія введена была въ Польшу еще доминиканцами въ началѣ тринадцатаго вѣка, но польскія жены должны были только на четкахъ отсчитывать свои молитвы, потому что не былъ еще извѣстенъ въ переводѣ на языкъ отечественный порядокъ этихъ молитвословій. Надъ этою услугою благочестивымъ женамъ трудился уже знаменитый поэтъ нашъ, скончавшійся въ цвѣтѣ лѣтъ, Николай Сенпъ Шаржинскій, но по скромности онъ не обнародовалъ своего труда, чтобы не отнять славы у свящ. Пѣховскаго, который также трудился надъ переводомъ Różańca. Но между тѣмъ, какъ обѣ эти рукописи и не выходили изъ печати, а духъ благочестія съ каждымъ днемъ яснѣе и громче высказывалъ эту потребность, знаменитый Мельхіоръ Мосцицкій, будучи провинціаломъ доминиканскаго ордена, поручилъ заняться переводомъ священнику Антонію изъ Перемышля. *Ружанецъ* въ переводѣ священника Антонія по сочиненію Лудовика изъ Гренады, изданъ былъ 1583 году Андрысовичемъ, и посвященъ Екатеринѣ Тенчинской.

Сюда же относятся, Житіе Христа и святыхъ Божіихъ, бывшія предметомъ благочестиваго чтенія. Древнѣйшимъ описаніемъ жизни Іисуса Христа есть польское сочиненіе краковскаго академика *Валтассара Опеція* (въ Краковѣ, въ тип. Вѣтора, 1522 г.); современна ему латинская: *Исторія цѣлой жизни и страданій Господа* (Historia to-

tius vitae et passionis Domini nostri J. C., въ тип. Галлера 1522 г.), составленная бернардинцемъ Яномъ изъ Стобницы. Христофоръ Варшевицкій, раздѣляя вмѣстѣ съ Баторіемъ воинскіе труды при осадѣ Пскова, писалъ *О дѣяніяхъ и словахъ Іисуса Христа* (De factis et dictis Jesu Christi, 1583 г., въ тип. Лазаря Андрысовича); въ 1517 году издано было Галлеромъ латинское *Сказаніе* о св. Войцехѣ, Станиславѣ и Флоріанѣ (Legenda Sanctorum Adalberti, Stanislai Floriani). Жизнь св. Анны описалъ на языкѣ польскомъ свящ. Николай изъ Вильковѣцка Паулинъ (Краковъ, въ тип. Шарфенбергера, 1577 г.). Житія святыхъ, Скарги, относится къ эпохѣ Вазовъ.

Теперь намъ остается указать на отрывочные и цѣлые переводы Библіи на польскій языкъ, у католиковъ въ эпоху Ягеллоновъ.

При Пястахъ и далѣе, до тѣхъ поръ пока образованіе не сдѣлало польское общество способнымъ къ пониманію святыхъ таинъ, ученіе католическаго вѣроисповѣданія заключало свои истины въ языкѣ латинскомъ, какъ въ ковчегѣ недоступномъ для непосвященныхъ. Но наступило наконецъ время, когда Полякъ образовался, когда языкъ его сдѣлался достойнымъ того, чтобъ выразить собою высокіе догматы вѣры, когда и неученые и жены горѣли желаніемъ изучить святую вѣру въ ея источникѣ, т. е. священномъ писаніи, когда протестантизмъ, стараясь какъ можно общѣе распространять свои начала, пускалъ въ ходъ свои польскіе переводы Библіи, съ объясненіями не такими, какихъ держится наша церковь, тогда ученое духовенство и предпріимчивые книгопродавцы стали заботиться о католическомъ переводѣ сперва частей, а потомъ и всего священнаго писанія. *Псалтирь Давидовъ*, эта высшая степень поэтическаго вдохновенія, эта возвышеннѣйшая молитва смущен-

ной души, прежде всего сдѣлался предметомъ переводовъ. Говоря о Тржецѣскомъ, Кохановскомъ, Шаржинскомъ, мы приводили отдѣльные псалмы, переводимые стихами, а здѣсь займемся переводами псалмовъ прозою.

Первый переводъ псалмовъ вышелъ изъ типографіи Іеронима Вѣтора 1532 году, подъ заглавіемъ: *Псалтирь, или церковныя пѣсни царя Давида* (Psałterz, albo kościelne śpiewanie króla Dawida); изданіе было раскуплено, но такъ какъ польскій языкъ того времени быстро стремился къ своему усовершенствованію, то чрезъ нѣсколько времени Псалтирь этотъ показался устарѣлымъ, и Валентій Врубель проповѣдникъ познаньскій, составилъ второй, превосходный по языку, переводъ псалмовъ подъ заглавіемъ: *Псалтирь Давида, изложенный по польски* (Psałterz Dawidow na rzecz polskę wyłożony), изданіе котораго было поручено Краковскою академіей Андрею Гляѣру изъ Кобылина. Первое изданіе вышло изъ типографіи Флоріана Унглера 1539 г., и вѣроятно тотчасъ же было раскуплено, потому что Матѳей Шарфенбергеръ въ томъ же году сдѣлалъ второе изданіе, а въ слѣдующемъ 1540 Іеронимъ Вѣторъ издалъ третье изданіе Врубелева Псалтиря. Вслѣдъ за тѣмъ издатели соперничали между собою въ изданіи этого произведенія; послѣ изданія Вѣтора еще два раза оно было издано Матѳеемъ (1543 и 1547 г.) и разъ Николаемъ (1567) Шарфенбергерами и Флоріаномъ Унглеромъ (1551). Что Псалтирь Врубля достоинъ былъ своей славы, что онъ прекрасно содѣйствовалъ изобразованію польскаго слова, въ доказательство приведемъ здѣсь переводъ втораго псалма:

«*Quare tremuerunt gentes?*» [1]

[1] *Переводъ* «Всякую востала языцы? и людіе поучишася тщетнымъ.

«I czemu się tak przykro rozgniewali pogani?

«A lud zydowski próżne rzeczy poczynał.

«Powstali królowie ziemscy, a książęta zeszli się społem w jedność na przeciw Panu, i przeciwko Chrystusowi Jego.

«Rozerwijmy to ich więzienie, a zrzućmy z siebie ich jarzmo.

«Ale który mieszka w niebie naśmieje się z nich Pan Bóg, sam je będzie najgrawae.

«Potém więc k'nim będzie mówił w gniewie swoim a srogością swoją zasmuci je.

«Wszakoż ja ustanowionem od niego na Syon gorze świętej jego przepowiadając przykazanie jego.

«Rzekł do mnie Pan Bóg: tyś jest mój miły syn, jam dzisiaj ciebie urodził.

«Żądaj odemnie, a ja dam tobie za dziedzictwo lud pogański, i wszystkie granice ziemie dam ci na dzierżawę twoja.

«Będziesz je rządził miotłą żelazną, a jako harniec gliniany złamiesz je.

«Przeto już ninie wy królowie temu rozumiejcie, o uczcie się wy, którzy sądzicie ten świat.

«Przeto służcie Panu Bogu w bojaźni, a radujcie się jemu ze drżeniem.

«Scierpcie karanie by snadź się Pan nie rozgniewał na was, abyście nie zginęli z drogi sprawiedliwéj.

«Kiedy się jego gniew rozpali, ato będzie w rychle, błogosławieni wszyscy, którzy w nim dufanie pokładają».

Предсташа царіе земстіи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа его.

Расторгнемъ узы ихъ и сбросимъ съ себя иго ихъ.

Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ, и яростію своею смятетъ я.

Азъ поставленъ есмь царь отъ него надъ Сіономъ горою святою его.

Возвѣщая повелѣніе Господне, Господь рече ко мнѣ: сынъ мой еси ты, азъ днесь родихъ тя.

Послѣ *Псалтири* Вробля слѣдуетъ *Псалтирь Давидовъ, который есть основаніе всего христіанскаго писанія* (Psałterz Dawidow, który jest fundament prawy wszystkiego pisma chrześciańskiego). Неизвѣстны переводчикъ этой Псалтири, годъ и мѣсто изданія, и только посвященіе Сигизмунду I, заставляетъ насъ догадываться, что онъ вышелъ изъ печати не позже 1548 г. Какъ бы то ни было, но ни вѣрностію, ни чистотою польскаго языка, онъ не можетъ равняться съ произведеніемъ Вробля. Ученый библіографъ Л. Соболевскій догадывается, что это переводъ Рея изъ Нагловицъ, который кромѣ того стихами переводилъ псалмы и Откровеніе св. Іоанна, съ латинскаго перевода Генриха Буллингера. Прежде чѣмъ дошло у насъ до перевода всѣхъ книгъ св. писанія, ежегодно почти была переведена одна какая-нибудь изъ его частей. Въ 1539 году у Шарффенбергера вышелъ безъименный переводъ книгъ Товіи; Петръ изъ Познани перевелъ и издалъ въ тип. Вѣтора книги Экклезіаста, но необходимѣе всего для христіанъ-католиковъ былъ польскій переводъ евангелистовъ, тѣмъ болѣе, что у разновѣрцевъ былъ уже переводъ Секліціана, о которомъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Предпріимчивый книгопродавецъ Николай Шарффенбергеръ удовлетворилъ этой потребности католиковъ, и въ 1556 году издалъ: *Новый Завѣтъ, на польскомъ языкѣ* (Nowy testament polskim językiem wyłożony).

Проси отъ Мене и дамъ ти языки достояніе твое и одержаніе твое концы земли.

Упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи сокрушиши я.

И нынѣ царіе разумѣйте, накажитеся вси судящіи земли.

Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ.

Пріимите наказаніе, да некогда прогнѣвится Господь, погибните отъ пути праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость его, блажени вси надѣющіися нань».

До сихъ поръ не рѣшенъ еще споръ, кто былъ переводчикомъ Новаго Завѣта, самъ ли Шарффенбергеръ или по его просьбѣ доминиканецъ Леонардъ. Какъ бы то ни было, но этотъ тщательный переводъ, украшенный изображеніями святыхъ вырѣзанныхъ изъ дерева, вошелъ въ составъ полнаго перевода св. писанія, который лѣтъ пять спустя изданъ былъ Николаемъ и Станиславомъ Шарффенбергерами. Этотъ переводъ св. писанія, извѣстный подъ названіемъ: *Biblii Leopolity*, заслуживаетъ того, чтобы обратить на немъ наше вниманіе.

Полное заглавіе этой важной книги читается такъ: *Библія, то есть Ветхій и Новый Завѣты, старательно вновь переведенная на польскій языкъ съ латинской Библіи, принятой вселенскою христіанскою церковью.* Cum Gratia et privilegio S. K. M., въ Краковѣ, въ типографіи Шарффенбергеровъ, 1561 г. (Biblia, to jest Księgi Starego y Nowego Zakonu, na Polski język z pilnością według łacińskiej Bibliey od Kościoła Krześcijańskiego powssechnego przyjętei nowo wyłożona Cum Gratia et privilegio S. K. M. w Krakowie w drukarni Scharffenbergerów, 1561). Она украшена именемъ Сигизмунда Августа, которому издатель ее посвятилъ.

Кто былъ переводчикомъ этой Библіи? Книгопродавецъ-издатель покрылъ молчаніемъ это обстоятельство, утверждая, что переводчикъ по христіанскому смиренію имени своего не поставилъ при Библіи, что поэтому оно должно быть сокрыто; сознается только въ томъ, что онъ представлялъ ее на разсмотрѣніе и исправленіе знаменитому своею ученостію и ревностію, священнику Яну Леополиту (Львовчику). Позднѣйшіе изслѣдователи, одни приписываютъ этотъ трудъ самому Львовчику, другіе думаютъ, что

книгопродавецъ за границею пріобрѣлъ рукопись Секлюціана лютеранской Библіи, которую нѣкогда хотѣлъ издавать прусскій принцъ Альбрехтъ въ Виттембергѣ, другіе, на томъ основаніи, что какой-то доминиканецъ, именемъ Леонардъ, переводилъ священное писаніе, и Библію Шарффенбергера приписываютъ тому же Леонарду, и переходя отъ гипотезы къ гипотезѣ, утверждаютъ, что тотъ же (или другой) Леонардъ, священникъ сначала ревностный католикъ и проповѣдникъ королевскій, вслѣдъ за тѣмъ, измѣнилъ вѣрѣ, и уходя за границу, унесъ съ собою и рукопись своего перевода, которая въ послѣдствіи досталась книгопродавцу Шарффенбергеру. Ученый Іохеръ, соединяя въ одно всѣ эти противоположныя мнѣнія, съ нѣкоторою вѣроятностію допускаетъ: что священникъ Леонардъ, перемѣнивъ вѣру могъ, бѣжать въ Пруссію, гдѣ его переводъ Библіи, будучи исправленъ Секлюціаномъ и Богемскими братьями, былъ приготовленъ къ печати въ Виттенбергѣ, на иждивеніи Альберхта прусскаго принца, но такъ какъ этотъ планъ не осуществился, то Шарффенбергеръ пріобрѣлъ рукопись отъ тамошняго книгопродавца Яна Люффта, и чтобы придать печать правовѣрія этой иновѣрной работы, упросилъ католическаго священника Яна Леополита, пересмотрѣть ее, исправить въ духѣ католическомъ, и авторитетомъ своего имени успокоить робкіе умы католиковъ. Хотя эти предположенія никогда не могутъ быть разрѣшены положительнымъ образомъ, однако кажется несомнѣннымъ, что рукопись этой библіи, содержащая въ себѣ сѣмена лютеранизма, получена Шарффенбергеромъ изъ Виттенберга отъ Люффта вмѣстѣ съ досками тѣхъ изображеній, которыми украшено это изданіе, потому что нѣмецкая Библія, изданная Люффтомъ около того же времени, украшена точно такими же изображеніями. Остальныя изображенія Шарффенбергеръ заказалъ въ Краковѣ,

но другіе книгопродавцы—его завистники, сдѣлали то, что эти изображенія обманули его надежды, какъ съ одной стороны посредственностію исполненія, такъ и неодинаковостію формата, за что издатель и проситъ извиненія у христіанскихъ читателей.

Библія Леополита не цѣликомъ была переведена съ еврейскаго подлинника. Переводчикъ говоритъ, что вполнѣ довѣряя латинскому переводу Іеронима, извѣстному подъ именемъ *Вульгаты*, онъ съ него окончилъ свой переводъ, справляясь иногда съ греческимъ текстомъ и ученіемъ отцевъ церкви. Языкъ ея не отличается чистотою, онъ переполненъ славянскими выраженіями, чешскими оборотами рѣчи и мѣстами попадаются слѣды вѣрованій некатолическихъ. Протестанты не признали ея своею; не большимъ значеніемъ пользовалась она и въ католической церкви; но видно была раскупаема, потому что въ 1574 г. Шарффенбергеръ издалъ ее во второй разъ, посвящая ее Генриху Валуа, и въ третій разъ въ 1577 году, посвящая Стефану Баторію, и каждый разъ внося въ нее новыя поправки. Не смотря на это, церковь римская все-таки требовала не подозрительнаго перевода Библіи; и трудъ этотъ спустя 38 лѣтъ послѣ изданія Библіи Леополиты, блестящимъ образомъ совершенъ Яковомъ Вуйкомъ изъ Вонгровца, о чемъ мы подробнѣе скажемъ въ эпоху Вазовъ.

Вотъ и все, что намъ необходимо было сказать о церковной литературѣ католиковъ въ эпоху Ягеллоновъ, теперь перейдемъ къ церковной литературѣ иновѣрцевъ.

b) Аугсбургское и лютеранское исповѣданіе.

При общемъ взглядѣ на нашу эпоху, мы начертали происхожденіе религіозной реформы въ Европѣ, и ея начало

въ Польшѣ. Лютеръ подалъ къ ней первый сигналъ, но его ученіе было принято одними лишь германскими націями, а другіе реформаторы, Кальвинъ, Цвингли, Социнъ овладѣли всѣми склонными къ нововведеніямъ умами въ другихъ государствахъ. Въ Польшѣ, не смотря на стремленіе къ иновѣрію, не скоро было однако принято ученіе Лютера. Кальвинизмъ съ своими оттѣнками, ученіемъ Богемскихъ братьевъ и аріанствомъ, нашелъ у насъ сильнѣйшее покровительство и скорѣе былъ принятъ. Мы сказали, что крестоносцы съ своимъ прусскимъ принцемъ Альбрехтомъ въ 1522 г. оффиціально приняли лютеранскую вѣру; примѣру ихъ послѣдовали ливонскіе меченосцы (1539 г.), далѣе города Помераніи, какъ крестоносцевъ, такъ и польской, вслѣдъ за тѣмъ по частямъ Познань съ Великою Польшею, старая Пруссія, Жмудь и Литва, потому что Альбрехтъ всячески старался распространять не католическую вѣру въ сосѣднихъ провинціяхъ, подчиненныхъ польскому скипетру для того, чтобы связать ихъ съ собою узломъ политическимъ, узломъ религіознаго единства. Нельзя сказать, чтобы это нисколько ему не удалось, во всякомъ случаѣ, лютеранизмъ слишкомъ уже нѣмецкій, очень мало народный, не смотря на учрежденіе приходовъ въ городахъ великопольскихъ, въ деревняхъ жмудскихъ и прусскихъ, ограничивался не многими приверженцами. Не имѣя времени слѣдить за тѣмъ, какъ образовался онъ въ органическое религіозное тѣло, бросимъ взглядъ на съѣзды іерарховъ этого исповѣданія, для взаимнаго совѣщанія о потребностяхъ своей церкви.

Въ первые годы шестнадцатаго столѣтія, за нѣсколько времени до собранія вселенскаго собора въ Тридентѣ, нѣмецкіе христіане, принявшіе ученіе Лютера 15 іюня 1530 года, написали свое исповѣданіе вѣры въ Аугсбургѣ, кото-

рое, будучи представлено императору Карлу V, сдѣлалось основою лютеранизма и получило имя *Аугсбургско-реформатскаго вѣроисповѣданія*.

Въ Польшѣ въ нашу эпоху это исповѣданіе имѣло шесть важнѣйшихъ религіозныхъ съѣздовъ или синодовъ, а именно:

Въ 1564 г. 15 іюня былъ великій синодъ въ Гостынѣ, гдѣ установлены были соотвѣтственныя религіозныя правила о предметахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ назначены два церковные сеньора въ Польшѣ. Слѣдующій за тѣмъ синодъ Сендомірскій, собранный 14 апрѣля 1570 г. и бывшій передъ нимъ синодъ Виленскій, имѣлъ цѣлію примирить различныя некатолическія исповѣданія, и соединить въ одно ихъ силы, для совокупнаго противодѣйствія власти господствующей религіи. На немъ присутствовали велико-польскіе кальвинисты, Богемскіе братья изъ Познани, кальвинисты литовскіе, лютеране и послѣ долгихъ споровъ о таинствахъ, приступили наконецъ къ подписанію акта долженствовавшаго вообще обезпечить свободу вѣроисповѣданія. Этотъ синодъ имѣлъ въ виду не столько церковныя правила, сколько уставы политическіе, и на немъ вѣроятно болѣе дѣйствовали магнаты, чѣмъ духовные. Изъ подобнаго же синода, который въ 1573 году собранъ былъ въ Краковѣ, исключены аріане. Далѣе были синоды въ Петрковѣ 1578 г., въ Владиславѣ 1583 году, списанные уставы каждаго изъ нихъ были подносимы королю и государственнымъ чинамъ (stanom).

При всемъ томъ, когда робкіе, привыкшіе къ авторитету умы, требовали, чтобы раціональнымъ догматамъ Лютера дать хоть какую-нибудь печать откровенія, когда не было возможности и думать о согласіи съ Риномъ, доктора Виттембергскаго университета отнеслись къ константинопольскому патріарху Іереміи съ просьбою, утвердить своею

властію членовъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія, но патріархъ рѣшительно отвергъ ихъ желанія (1576 г.). Чтобы это обстоятельство употребить во вредъ лютеранамъ въ Польшѣ, какъ доказательство того, что сами собою они не могутъ держаться, Станиславъ Соколовскій, проповѣдникъ Стефана Баторія, перевелъ всю эту переписку на языкъ латинскій съ прибавленіемъ собственныхъ замѣчаній (1584 г.); а Яковъ Гурскій, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ *Cruciius*, защищалъ своего питомца Соколовскаго противъ иновѣрческихъ нападеній.

Какъ бы то ни было, но ученіе Лютера, хотя и неподдержанное никакимъ авторитетомъ, при однихъ своихъ силахъ, смѣло и правильно устроивалось, и разросталось въ Польшѣ, но еще въ самомъ началѣ своего выступленія, встрѣтило сильное противодѣйствіе въ іезуитахъ, которыхъ коллегіи, стражи правовѣрія, заводились какъ бы на пограничныхъ пунктахъ Лютерова ученія, въ Познани, Вильнѣ — и даже въ самомъ источникѣ реформы, въ нѣмецкихъ городахъ Брауншвейгѣ, Ригѣ и Дерптѣ. Въ началѣ постановленія о иновѣрцахъ имѣли свою силу; Авраама Кульву, который осмѣлился въ виленскомъ храмѣ св. Анны, на непонятномъ для народа нѣмецкомъ языкѣ разсѣвать начала лютеранизма, преслѣдовали мечемъ; но потомъ, при вѣротерпимости Сигизмунда Августа, при благоразуміи Баторія, при духѣ протестантизма, какой высказывался даже на стульяхъ сенаторскихъ и въ посольской палатѣ, притупилось орудіе силы, а борьба слова и дѣйствія замѣнилась борьбою письменною. На сторонѣ католиковъ были такія головы какъ Гозій, Кромеръ, Поссевинъ, Варшевицкій, Поводовскій и Скарга, лютеране съ своей стороны гордились такими людьми, какъ Глячнеръ, Секлюціанъ, имѣли такихъ союзниковъ, какъ Рей, Волянъ и Нѣмоев-

скій. Ревностные прозелиты съ обѣихъ сторонъ, словомъ и дѣломъ пріобрѣтали себѣ цѣлыя толпы умовъ. Обозримъ рядъ лучшихъ соперниковъ въ борьбѣ лютеранизма съ римскою церковью.

Сначала исчислимъ лучшихъ мужей польской церкви, которые отстаивали дѣло православія. *Захарій Феррери*, нунцій апостольскій, пламенною латинскою рѣчью, произнесенною имъ въ 1521 году предъ Сигизмундомъ I въ Торнѣ, исходатайствовалъ судебное опредѣленіе на литовскихъ и прусскихъ людей, которые приставали къ новой вѣрѣ. Другой нунцій Алоизій Липпоманъ, на сеймѣ 1556 года встрѣченный оскорбительными ругательствами земскихъ пословъ, напитанныхъ протестантизмомъ: *Здравствуй отродіе эхидны* (Salve progenies viperarum), собравъ въ Ловичѣ 37 польскихъ епископовъ, подъ клятвою приказалъ имъ принять и подписать статьи, противъ ученія Лютера, и велъ неутомимую переписку по дѣламъ вѣры съ Николаемъ Радзивилломъ, главою литовскихъ кальвинистовъ. Высшее мѣстное духовенство въ ревности своей не уступало чужимъ. Знаменитый епископъ краковскій Петръ Томицкій убѣдилъ *Мартина Добрагоста* писать проповѣди противъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія (Dobrogosti orationes VI contra Mart. Luterum Crac. 1C25 г.), племянникъ Томицкаго, извѣстный нашъ поэтъ Андрей Кржыцкій писалъ *Посланіе и эдиктъ польскаго короля противъ Лютера* (Epistola et edictum Regis Pol. in M. Lutherum Romae, 1524 г.); историкъ *Мартинъ Кромеръ*, епископъ варминскій, обязанный по мѣсту своему, къ борьбѣ съ лютеранизмомъ, который распространялся въ его епархіи и сосѣднихъ областяхъ прусскихъ, письменно предстательствовалъ за вѣру предъ королемъ, сенатомъ и шляхетствомъ въ Польшѣ (Epistola ad regem, proceres, equitesque polonos), и

съ тѣмъ вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ: *Разговоры придворнаго съ монахомъ*, написалъ четыре полемическихъ разговора, т. е. 1) *О вѣрѣ и ученіи Лютера* (O wierze i nauce Luterskiej 1551 г.); 2) *Чего христіанинъ долженъ держаться* (Czegosię krześcianski clowięk dzyerzeć ma 1552); 3) *О церкви Божіей* (O kosćyele Bożym 1553) и наконецъ, 4) *Объ ученіи святой церкви* (O nauce Kościoła swiętego). *Станиславъ Гозій*, доблестный воинъ Рима и преемникъ Кромера на каѳедрѣ Варминской, велъ письменные споры съ лютеранами; здѣсь укажемъ только на его религіозную борьбу съ Яномъ Брентомъ, который, опровергая католическую книгу Петра Сота, въ 1557 году, написалъ латинское разсужденіе: *Объ обязанностяхъ свѣтскихъ князей въ церкви Сына Божія, о важности св. писанія, о преданіяхъ, о церкви Божіей* (O obowiązkach książąt swieckich w Kościele Syna Bożego, o powadze pisma s., podaniach, o kościele Pańskim). Лютеране назвали это сочиненіе золотою книгою (aureus liber) а Петръ Вергерій, принялъ на себя защиту этой книги и посвятилъ ее Сигизмунду Августу. Станиславъ Гозій, побѣдоносно опровергъ Брента и Вергера (Confutatio prologomenon Brentii 1558 г.); но Вергеръ не уступилъ поля битвы, и въ слѣдующемъ году написалъ четыре разговора, въ которыхъ критически разбираетъ *Опроверженіе* Гозія. Въ помощь Вергерію выступилъ Яковъ Андрей богословъ изъ Геппингы, и принялся опровергать (какъ онъ говорилъ) «чудовищное» и «ложное» сочиненіе Гозія (1560 г.), но прежде чѣмъ онъ выступилъ, Гозій уже успѣлъ отвѣтить Вергеру сочиненіемъ *Апологія истиннаго христіанскаго католическаго ученія* (Verae, christiane catholicae doctrinae propugnatio). *Іоаннъ Энкъ* и *Георгій Шамотульскій* также прославились на поприщѣ полемики: пер-

* *
*

вый изъ св. писанія выбралъ мѣста, опровергающія ученіе Мартина Лютера (1525 г.), второй опровергалъ *прогимнасмата* (Progymnasmata) Христофора Гегендорфина, и отвѣчалъ на его дальнѣйшія возраженія. *Станиславъ Соколовскій* во многихъ изъ своихъ проповѣдей вооружался противъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія, *Антоній Поссевинъ* іезуитъ, во многихъ сочиненіяхъ опровергалъ ихъ ученіе. Кромѣ того были еще въ употребленіи болѣе или менѣе основательныя, написанныя въ тонѣ болѣе или менѣе приличномъ слѣдующія безъименныя латинскія и польскія сочиненія; какъ, напримѣръ, *Родословная и преемники Мартина Лютера* (Genealogia et successio M. Lutri, 1561 г.). *Изображеніе зыбкаго духа и ученія, и писанія всѣхъ, начавши съ Лютера евангеликовъ* (Wizerunek falecznego i ducha i nauki i pisma tuch te od Lutra poczawszy Ewangelików, 1560 г.). *Зерцало еретиковъ* (Speculum haereticorum, 1546 г.) *Различныя Евангелія нашего вѣка* (Roye ewangeliey naszego wieku, 1566 г.). *Философія Лютеранъ* (Philosophia Lutheranorum) и т. д.

Это о лютеранизмѣ вообще, что же касается частныхъ догматовъ—пунктовъ различія аугсбургскаго вѣроисповѣданія отъ католическаго, то и здѣсь споры были не менѣе жарки. *Ерасмъ Гличнеръ* человѣкъ просвѣщенный, и благонамѣренный въ дѣлѣ воспитанія, выступалъ какъ богословъ, наступая на догматъ кальвинистовъ о св. Троицѣ; въ сочиненіи *О Пресвятой Троицѣ* (de Sacrosanctisiuma Trinitte 1565). опровергалъ богослова Яна Капера; тотъ же Гличнеръ отвѣчалъ виленскимъ іезуитамъ на книгу ихъ *Assertiones Teologicae*, письмомъ *О церкви и чистилищѣ* (1579), и посвятилъ свое сочиненіе сильнымъ магнатамъ Петру Зборовскому, Станиславу Гуркѣ, и Николаю Радзивиллу;

двѣ другія книги Гличнера: *О таинствахъ престола* (O sacramencie ołtarza), болѣе направлены противъ аріанъ и кальвинистовъ, чѣмъ противъ католиковъ. О присутствіи (obecności) Тѣла и Крови Господней, въ опроверженіе лютеранамъ, писали Янъ Кохлеусъ Kochleus (1546), Артюръ Ваврынецъ Фантеусъ (1586) и другіе; когда вѣрованія лютеранъ сошлись здѣсь съ убѣжденіями кальвинистовъ, доблестные подвижники швейцарскаго исповѣданія, поддержали послѣдователей аугсбургскаго. Къ этому времени относится споръ Андрея Волана со Скаргою, споръ, начавшійся среди дружеской бесѣды, въ которой ревнующій и златоустый Скарга, хотѣлъ пріобрѣсть церкви такую рѣдкую голову, какъ Волянъ. Волянъ первый выступилъ съ печатнымъ сочиненіемъ: *Истинное и правовѣрное мнѣніе древней церкви* (Vera et orthodoxa veteris Ecclesiae sententia 1574 г.). Скарга отвѣчалъ ему латинскимъ сочиненіемъ въ двухъ частяхъ: *О святѣйшей Евхаристіи* (Pro sacratissima Eucharistia, 1575 г.). Волянъ защищался сочиненіемъ: *Защищеніе Вечери Господней* (Obrona Wieczerzy Pańskiej), но вызвалъ этимъ новыхъ ратоборцевъ на помощь Скаргѣ; къ нему присоединились іезуиты: Францискъ Туріани, и Эммануилъ Вега, вмѣстѣ съ Андреемъ Юргевичемъ, виленскимъ каноникомъ; Скарга издалъ ипольски и полатынѣ: *Семь столповъ, поддерживающихъ католическое ученіе о Таинствахъ престола* (Septem columnae quibus fundatur Ecclesia catholica, seu de sacramento Altaris, 1582 г.). Фр. Туріани *Трактатъ о Таинствахъ* (De sacratissima Eucharistia, 1576 г.), Вега, *Богословскій диспутъ* (Disputatio theologica, 1585 г.). Юргевичъ написалъ язвительное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Лживость и свары евангелическія Андрея Воляна Львовчика, секретаря, если такъ богамъ угодно, великаго княжества Литов-*

скаю (Mendatia et convietia etc., 1588 г). Волянъ самъ отвѣчалъ на всѣ эти сочиненія (разъ только ему на помощь пришелъ Янъ Ласицкій); споръ продолжался пятнадцать лѣтъ, наконецъ каждый остался при своемъ; въ результатѣ вышло одно только поруганіе священныхъ предметовъ, и раздраженіе сердецъ гражданъ одного государства. Извлекало ли какую-нибудь пользу изъ этихъ споровъ общество? мы не знаемъ, то только несомнѣнно, что общество держалось вѣрованій той и другой стороны по причинамъ совершенно постороннимъ. Въ защиту святыхъ таинствъ писали еще: Соколовскій, Поводовскій, Карковскій, Гродзицкій, Біалобржескій, противъ таинствъ: Вестфали, Моргенстернъ, Нѣмоевскій, Станкаръ, Шлихтингъ (Schlichting); но мы преклоняя голову предъ святостію предмета, не дерзаемъ исчерпать его до конца.

Познанскіе іезуиты словесно и письменно боролись съ Андреемъ Прасмовіемъ (Prasmoviuszem) о безбрачіи священниковъ и непогрѣшительности церкви; Севастіанъ Грабовецкій въ сочиненіи *Мартинъ Лютеръ и его легкомысліе* (M. Lauter eiusque levitas, 1585 г.), особенно нападалъ на догматы аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Былинскій защищалъ дѣло католической церкви, Оржеховскій опровергалъ сочиненіе Лютера противъ власти папъ и т. д.

Изъ проповѣдниковъ лютеранской церкви, прославились: Іеронимъ Малецкій, переведшій на польскій языкъ проповѣди Роберта и Лютера (1574) и самъ писалъ проповѣди (postylli) (1569). Генрихъ Курцбахъ, который перевелъ на нѣмецкій языкъ проповѣди Григорія изъ Жарновца, Петръ Кржесихлѣбъ (Artomius), о которомъ мы скажемъ подробнѣе въ эпохѣ Вазовъ, Янъ Секлюціанъ, Эразмъ Гличнеръ. Этотъ послѣдній кромѣ того написалъ исторію синодовъ своей церкви, и знаменитое *Житіе Господа Іисуса* (Chronicon doctrinae et operum Jesu Christi, 1579 г.).

Для молитвы въ Зборахъ употреблялись сочиненія Яна Ласкаго: *Обряды церковной службы* (Forma acratiotota Ecclesiastici ministerii 1550) и церемоніалъ польскій, переведенный Іеронимомъ Малецкимъ съ нѣмецкаго подъ заглавіемъ: *Уставъ или порядокъ церковный* (1571 г.). Эти книги служили духовенству; а міряне имѣли для себя: *Способъ и порядокъ правильной молитвы* (Spósob a porządec słusznego modlenia się), Мартина Сѣнника, и *кансуоналы*, т. е. собранія благочестивыхъ пѣсней, какъ то: *Канціоналъ* Яна Секлюціана *съ напѣвомъ и нотами* (z melodyami i nótami, 1552 г.), Валентія изъ Бржозова *Канціоналъ или книги хвалы Божіей, то есть пѣсни духовныя* и т. д. (Cantional albo księgi chwał Bożych, to jest pieśni duchowne) и канціоналъ Яна Кржесихлѣба или Артемія, названный *Торунскимъ*.

Для домашняго чтенія, равно какъ и для общественнаго богослуженія, потребность перевода св. писанія, сперва по частямъ, а потомъ и полнаго была сознаваема все яснѣе и сильнѣе; но, быть можетъ потому, что послѣдователями лютеранизма были большею частію Нѣмцы, и въ оригиналѣ могли читать нѣмецкую Библію въ переводѣ Лютера, польскіе лютеране въ нашей эпохѣ не имѣли полнаго перевода Библіи на польскій языкъ. Переводъ Паліура, изданный въ 1632 году, принадлежитъ къ эпохѣ Вазовъ. Откладывая до позднѣйшаго времени полный переводъ св. писанія, принялись за переводъ Псалтиря и Евангелистовъ. Кажется лютеранамъ принадлежитъ, изданный въ 1558 г., *Псалтирь Давида, святаго и вѣчной памяти достойнаго короля и пророка, теперь вновь въ пѣсняхъ переведенная на польскій языкъ* (Psałterz Dawida, onego swiętego a wiecznej pamięci godnego królai proroka teraz nowo na piosneczki po polsku przełożony), переводчикомъ ея

былъ Яковъ Любельчикъ, который неграмотно подписался на своемъ посвященіи Лукѣ изъ Гурки, такъ: sŁUżeBniczek (слуга); а впрочемъ лютеране пѣли Псалтирь понѣмецки или въ переводѣ Кохановскаго.

Новый Завѣтъ, какъ болѣе необходимый для христіанскаго употребленія, былъ переведенъ Яномъ Секлюціаномъ, имя котораго останется всегда памятнымъ въ исторіи польскаго языка. Онъ первый перевелъ на польскій языкъ Новый Завѣтъ, сначала по частямъ (*Nowego Zakonu część pierwsza, cztery Ewangelisty*, 1551 г.), а потомъ и во всемъ объемѣ (*Nowego Zakonu, część wtora i ostatnia*, 1552 г.), и написалъ грамматику или лучше, польское правописаніе, о которомъ мы упоминали выше. *Георгій Маіоръ* профессоръ Виттембергскаго университета, посвятилъ Зборовскому свое толкованіе на два посланія св. Апостола Павла къ Филиппійцамъ (1561 г.). *Эразмъ Глячнеръ* толковалъ посланіе того же Апостола къ Филемону, 1572 г.

Оканчивая нашъ отчетъ о церковной литературѣ польскихъ лютеранъ, скажемъ нѣсколько словъ о стараніяхъ прусскихъ князей, распространить свой образъ вѣрованія въ Литвѣ и Жмуди, чтобы этимъ путемъ имѣть вліяніе на польскія провинціи. По ихъ убѣжденію *Мартинъ Мосвидъ* пасторъ церкви въ Рагнецѣ, сперва на древнепрусскомъ (1545), а потомъ и на литовскомъ языкахъ (1547) издалъ катихизисъ и библейскую исторію; *Янъ Брета* перевелъ на литовскій языкъ сперва новый (1579), а потомъ и ветхій (1590) завѣтъ. Наконецъ, уже за предѣлами нашей эпохи, *Самуилъ Хилинскій* вновь перевелъ и издалъ въ Лондонѣ (1660) литовскую библію по догматамъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія.

6.) Вѣроисповѣданіе Кальвина или евангелико-реформатское и Богемскихъ братьевъ.

При быстромъ обзорѣ трудно намъ изобразить исторію швейцарскаго исповѣданія, потому что оно было у насъ переходомъ къ вовсе некатолическому ученію сциніанъ, и потому что участь его опредѣлилась въ Польшѣ въ эпоху Вазовъ. По этому, оставляя до слѣдующей эпохи изображеніе дальнѣйшихъ подробностей церковной литературы швейцарскаго исповѣданія, ограничимся здѣсь одними только важнѣйшими событіями.

Кальвинизмъ распространился въ Польшѣ, занимая провинціи въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ Малой Польшѣ, вліяніемъ столицы, примѣромъ магнатовъ, стремленіями такихъ людей, какъ Станкаръ Оржеховскій, Кровицкій, Григорій изъ Жарловца распространилось швейцарское ученіе, и отсюда овладѣвши умами магнатовъ и шляхты, свободно перешло въ Литву.

Въ Литвѣ Николай Чорный Радзивилъ, Кишковы, Хлѣбовичи покровительствовали иновѣрцамъ. Въ Вильнѣ кальвинизмъ не смотря на ревностное сопротивленіе епископовъ и іезуитовъ остался почти господствующимъ.

Въ Великой Польшѣ распространились Богемскіе братья, которыхъ догматы и вѣрованія не многимъ отличаясь отъ кальвинскихъ, дали имъ возможность слиться съ кальвинистами и соединиться въ одно могущественное тѣло.

Вотъ нѣсколько важнѣйшихъ съѣздовъ послѣдователей швейцарскаго ученія.

Въ 1555 году Богемскіе братья и Малопольскіе кальвинисты собрались въ Козминкѣ съ цѣлію взаимнаго соединенія и привлеченія къ себѣ литовскихъ кальвинистовъ. Блиндратъ, посланный ими въ Вильно, былъ ласково при-

нять тамъ Николаемъ Радзивиломъ, и получилъ отъ него болѣе или менѣе искреннія увѣренія въ союзѣ. Въ томъ же году были съѣзды въ Олуховѣ, Кренцицахъ, Сецининѣ и мѣстечкѣ Шаорановъ. Было о чемъ совѣщаться: здѣсь предстояла борьба съ свѣтскою властью, тамъ религіозные споры съ іезуитами, тутъ несогласія въ собственномъ лонѣ, тамъ ереси, распространяемыя въ Зборахъ, Блиндратомъ, Станкаромъ, Кровицкимъ, Чеховичемъ и Будныимъ, принявшими аріанское ученіе.

Литовскіе кальвинисты съ своей стороны составили знаменитый съѣздъ въ 1557 году въ Вильнѣ и прислали своихъ депутатовъ изъ Богемскихъ братьевъ и Малопольскихъ кальвиновъ на синодъ, составленный въ городѣ Ксіонжѣ. Мы пропускаемъ другіе менѣе важные съѣзды, потому что и то, что уже сказано, даетъ достаточное понятіе о силѣ и внутренней организаціи швейцарскаго исповѣданія. Католическое духовенство съ ужасомъ смотрѣло какъ усиливалась чуждая католицизму религія. Словомъ и дѣломъ оно принялось защищать формы католической вѣры, вызывало иновѣрцевъ на религіозные диспуты. Вспомнимъ здѣсь о диспутѣ, бывшемъ въ Вильнѣ, 1570 г. Андрей Волянъ и и Андрей Тржыцѣскій оба ревностные послѣдователи кальвинизма, окруженные толпою своихъ единовѣрцевъ, сдѣлали нашествіе на іезуитскую коллегію, требуя богословской преміи. Іезуиты подъ начальствомъ Станислава Варшевицкого, приняли вызовъ. Три дня продолжался диспутъ, на которомъ, по свидѣтельству самихъ же іезуитовъ, кальвинисты были совершенно опровергнуты, но не убѣждены.

Но не столько быть можетъ диспуты устные и письменные, сколько излишняя горячность съ обоихъ сторонъ, и неумѣнье въ самомъ началѣ погасить грозную искру, имѣли вліяніе на распространеніе новыхъ началъ. Извѣстныя намъ

несогласія Оржеховскаго съ Перемышльскимъ епископомъ, не менѣе плачевный споръ Кровицкаго съ Краковскимъ епископомъ Зебржыдовскимъ, вооружили противъ Римской церкви упорнаго противника. Мартинъ Кровицкій, протоіерей Вызненскій увлеченный примѣромъ Оржеховскаго началъ возставать противъ злоупотребленій клира, Дзіадускій вызвавъ и посадивъ его въ темницу такимъ образомъ вооружилъ его противъ церкви. Кровицкій освобожденный изъ темницы, едва нашедшій себѣ убѣжище въ Пинчовѣ у Олесницкаго, сбросилъ съ себя духовную одежду, женился и въ энергическомъ сочиненіи убѣждалъ короля и народъ Польскій принять кальвинское исповѣданіе. Это сочиненіе изданное въ 1554 г. подъ заглавіемъ: *Христіанское умоляющее увѣщаніе* (Chrześcisankye a żabobliwe napomynanye) возбудило негодованіе въ Краковскомъ епископѣ Зебржыдовскомъ, который коварствомъ заманивъ къ себѣ Кровицкаго, едва не лишилъ его жизни. Спасенный Кровицкій съ изступленіемъ возсталъ на католицизмъ. И дѣйствительно, онъ въ правѣ былъ говорить, что Краковскій епископъ Андрей насиліемъ, а не сочиненіями защищаетъ римское ученіе. Полемическія сочиненія Кровицкаго *Образъ и истинное пододіе антихриста* (Obras a kontrefet własny Antykrystów) такъ онъ честилъ Папу и *Апологія*, (Apologia większa) желчны и ядовиты, но отчасти справедливы.

Мы вспомнили о многолѣтнемъ спорѣ Воляна съ Скаргою о таинствахъ церкви; тотъ же Волянъ выдержалъ извѣстное нападеніе Оржеховскаго, потомъ боролся съ Аріанами о крещеніи дѣтей и таинствѣ Троицы, потомъ издалъ *Опроверженіе идолопоклонства Виленскихъ Лойолистовъ* (Idolatriae Lojalitarum Vilnensium oppugnatio), и, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, которыхъ онъ издалъ до трид-

цати, Волянъ излилъ столько желчи, что надобно ему удивляться, особенно зная, что съ другихъ сторонъ онъ былъ человѣкомъ умѣреннымъ и скромнымъ. Его литературное поприще началось книгою *О политической свободѣ* (De libertate politica), гдѣ онъ разсматриваетъ народные недостатки и предлагаетъ средства къ реформѣ. Отчего же такой человѣкъ долженъ былъ потерять свой прекрасный талантъ въ пустыхъ, язвительныхъ и святотатственныхъ спорахъ о дѣлахъ вѣры? Также Янъ Ласицкій, авторъ исторіи: *О побѣдѣ надъ Гданскимъ*, (O zwycięztwie nad Gdańskiem 1577 г. и вмѣстѣ *о пораженіи Валаховъ подъ начальствомъ Мѣлецкаго* (OPorażce Wołoszy pod dowództvem Mieleckiego) авторъ указанной нами выше книги *о Богахъ Жмудскихъ*; для чего онъ также пренебрегъ своими любимыми, столь важными учеными и педагогическими трудами, чтобы вмѣшаться въ боевые ряды, вмѣстѣ съ Посевиномъ для защиты Воляна, и подвергаться преслѣдованіямъ и угаснуть? За что мудрый нашъ политикъ Андрей, Фрычъ Модржевскій, авторъ сочиненія *объ исправленіи Республики*, принужденъ былъ углубляться въ таинства Святой Троицы, первороднаго грѣха и другихъ чисто богословскихъ догматовъ, и выдержать горячій споръ съ Оржеховскимъ, споръ, который такъ мало согласовался съ серьезнымъ характеромъ Модржевскаго. Отъ такихъ людей отечество въ правѣ было ожидать чего-нибудь больше, чѣмъ однихъ безплодныхъ споровъ о предметахъ, которые приличнѣе было бы почтить вѣрою и молчаніемъ.

Оканчивая очеркъ этихъ колкихъ и скучныхъ споровъ церкви католической съ кальвинической въ Польшѣ, приведемъ еще двѣ полемики: Яковъ Нѣмоевскій издалъ какое-то богословское сочиненіе, священникъ Бенедиктъ Гербестъ написалъ на него критику подъ заглавіемъ: *Prodromus*;

Нѣмоевскій отвѣчалъ ему сочиненіемъ *Epidromus*. Когда познаньскіе іезуиты вмѣшались въ этотъ споръ, Нѣмоевскій принужденъ былъ спорить съ Франциномъ Толеттимъ на Варшавскомъ сеймѣ 1572 г., отвѣчать на проповѣдь Іеронима Поводовскаго 1578 г., и согласиться на *дружескую бесѣду* съ познаньскими іезуитами, на которой не слишкомъ-то дружескимъ образомъ отзывались объ обоихъ соперничествующихъ сторонахъ въ дѣлѣ церкви. Этого еще мало, іезуиты издали *Dialysis, то есть разрѣшеніе разсужденія Нѣмоевскаго* (to jest, rozssiązanie Assercii Niemojewskiego) на которое Нѣмоевскій не отвѣчалъ; словомъ лѣтъ девять спорили о такихъ вещахъ, которыя вначалѣ приняты были за аксіому каждою изъ непріязненныхъ сторонъ. Другой примѣръ: Богемскіе братья поднесли Сигизмунду Августу свое *исповѣданіе вѣры*, Бенедиктъ Гербестъ выступилъ съ опроверженіемъ на это исповѣданіе, Яковъ Нѣмоевскій съ отвѣтомъ на книгу Гербеста, и какъ будто-бы ему еще малымъ казался домашній соблазнъ, опроверженіе свое онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ. Во всѣхъ этихъ спорахъ особенное благоразуміе высказалось въ поступкахъ Сигизмунда Августа. Противники нападаютъ другъ на друга, и посвящаютъ королю свои сочиненія. Король съ благодарною улыбкою принимаетъ посвященія съ обоихъ сторонъ, потому что онъ не желаетъ показаться ревностнымъ католикомъ, и вмѣстѣ съ чѣмъ хочетъ пріобрѣсть славу защитника политической свободы совѣсти. Не въ состояніи будучи исчислить всѣхъ проповѣдниковъ швейцарскаго исповѣданія, укажемъ только лучшихъ, какъ то: Судровій, Волянъ, Лизманинъ, Хржастовскій, который былъ до того краснорѣчивъ, что подобнаго ему не находилось даже во всемъ обществѣ его единовѣрцевъ. На каѳедрѣ онъ никогда не заикнулся, никогда два раза не повторилъ одного и того же слова. Приведемъ

здѣсь обращикъ его слога: «Смотря на столь великое и «почтенное собраніе, любезные христіане, видя почтен- «ные лица изъ различныхъ странъ королевства Польска- «го и великаго княжества Литовскаго, между которыми «хотя и не вижу я тѣхъ которыхъ ожидалъ, но такъ какъ «знаю, что посредствомъ писемъ и пословъ они выразили «намъ свое сочувствіе, то намъ нельзя иначе поступить «какъ только благодарить Высочайшаго Господа за Его бла- «гость и безконечное милосердіе: что въ ту пору, когда «противники наши различнымъ образомъ стараются, чтобы «мы не имѣли Синодальныхъ съѣздовъ, онъ собираетъ насъ «какъ овецъ своихъ къ одной овчарнѣ».

Григорій изъ Жарновца оставилъ намъ *проповѣди или объясненіе Евангелія* (1580), которыя считаются важнѣй- шимъ памятникомъ польскаго языка; выпишемъ изъ нея образецъ:

«Богъ не для другаго чего нибудь посылаетъ слугъ сво- «ихъ, истинныхъ наставниковъ, открываетъ небесную исти- «ну и доводитъ ее до нашего слуха, какъ только для того, «чтобы получивъ это въ насъ, сдѣлать насъ участниками «своего царствія и вѣчной жизни вкупѣ съ Сыномъ своимъ, «Апостолами и всѣми избранниками неба. Но, съ другой сто- «роны, увы! міръ всегда похожъ на себя, и по испорченно- «сти своей природы, ничего другаго не знаетъ, кромѣ самого «себя, не можетъ ни видѣть дѣлъ любвеобильнаго Господа, «ни принимать подаваемой ему благодати, и противится Богу. «Въ слѣпотѣ своей пребывать неисцѣлимымъ, безпечно пре- «зирать всякаго рода Его увѣщаніе и посѣщеніе, предпочи- «тая темноту свѣту, гнѣвъ божій предпочитать его благости, «грѣхъ—праведности, ложь—истинѣ, адъ—небу, смерть— «жизни: таковы слѣдствія ослѣпленія и неблагодарности. «Примѣры гнѣва Божія мы можемъ видѣть въ Св. Писаніи

«и у Пророковъ. И не столько прежде, какъ теперь, въ «послѣднія времена мы видимъ эти, сожалѣнія достой- «ные примѣры; нечестіе все увеличивается, оно беретъ «верхъ надъ всѣмъ. Но гдѣ же тѣ, которые бы думали «о исправленіи жизни, пока еще есть время? которые бы «изъ устъ истинныхъ наставниковъ, слышали самого Бога, «взывающаго къ покаянію? которые дали бы у себѣ мѣсто «увѣщанію и наказанію, которые бы, наконецъ какимъ ни- «будь признакомъ, явили въ себѣ плодъ покаянія и испра- «вленія? Увы! нѣтъ (какъ взываетъ пророкъ), нѣтъ ни од- «ного, кто бы уразумѣлъ, какъ со всѣхъ сторонъ ясные и «явные признаки пришествія Господня, на небѣ и на землѣ, «и въ церкви Его Св. поражаютъ наши взоры, и чѣмъ далѣе, «тѣмъ болѣе и значительнѣе. Гдѣ же тѣ, которые бы про- «снулись, головы свои вознесли горѣ, и приготовились бы къ «тому, чтобы явиться готовыми предъ Сыномъ человѣчес- «кимъ, предъ судомъ и престоломъ Его».

Къ церковной исторіи также принадлежитъ сочиненіе Яна Ласицкаго *Исторія о происхожденіи и дѣяніяхъ Богемскихъ братьевъ* (Historia de origine et rebus gestis fratrum Bohemicorum). Къ книгамъ для церковной молитвы относится сочиненіе Станислава Судровія: *Объясненіе молитвы Господней, называемой обыкновенной молитвою* (Wyklad na modlitwę Pańskej, ktora pospolicie pacierzem zowią). Изъ Канціоналовъ [1]) сюда принадлежатъ труды въ этомъ родѣ Николая Рея изъ Нагловицъ, канціоналъ Богемскихъ Братьевъ, безъимянно изданный въ 1569 году, такой же Христофора Краинскаго *и Пастырство духовное сѣснями о Божествѣ Сына Божія* (Pasterstwo domowe z piesniami o bóztwie Chrystusa), Станислава Судро-

[1] Книга духовныхъ пѣсней.

вія, о которомъ сей часъ мы упоминали. Эти два послѣдніе сочиненія относятся уже къ эпохѣ Вазовъ.

Теперь намъ остается еще указать на одинъ важный памятникъ, которымъ Николай Черный Радзивилъ обогатилъ польскую литературу. Здѣсь мы разумѣемъ Брестскую или Радзивиловскую библію.

Удовлетворяя требованіямъ своихъ единоземцевъ, желавшихъ имѣть полный переводъ Свящ. Писанія, Николай Радзивилъ и Николай Олесницкій собрали въ Пинчовѣ ученѣйшихъ богослововъ своего вѣроисповѣданія, какъ соотечественниковъ, такъ и иностранцевъ, хорошо знающихъ языки еврейскій, греческій, латинскій, польскій, и поручили имъ перевести Свящ. Писаніе по мѣрѣ силъ съ греческихъ и еврейскихъ подлинниковъ, сколько возможно сличая между собою различные переводы библій, по тому что некатолическія исповѣданія, упрекали латинскую Вулгату св. Іеронима, что она не довольно вѣрна и что текстъ ея мѣстами носитъ отпечатокъ католическаго вѣрованія. Эти переводчики должны были на польскомъ языкѣ написать текстъ чистой библіи, создать произведеніе вѣковое. Если бы трудомъ человѣческимъ, или цѣною золота можно было усовершить дѣло Духа Святаго, то поистинѣ достигли бы этого Брестскіе переводчики, потому что трудъ ихъ былъ великимъ ручательствомъ за успѣхъ, какъ по выбору ученыхъ и просвѣщенныхъ умовъ, такъ богатствомъ матеріаловъ и обиліемъ средствъ. Вотъ имена Брестскихъ переводчиковъ: Янъ Ласкій, Францискъ Станкаръ, Петръ Статорій, Андрей Тржецѣскій, Яковъ Любельчикъ, Францискъ Лизманинъ, Георгій Бляндрата, Мартинъ Кровицкій, Георгій Паули, Шимонъ Зациншъ Гутеновитъ Hutenovites Павелъ Альціата, Георгій Оржацій (Orzaciusz), Текардъ Витрелинъ, Георгій Шоманъ, Брелій. Какой-то португальскій еврей наблюдалъ за вѣрнымъ пониманіемъ языка ев-

рейскаго. Тржецѣскій, Кровицкій, Любельчикъ старались о чистотѣ языка польскаго, а всѣ вообще были необыкновенно искусны въ богословіи и языкахъ греческомъ и латинскомъ. Въ Брестѣ для этой цѣли основана была особенная типографія, въ которую прибылъ, нарочно вызванный изъ Кракова, ученый типографъ Бернардъ Воеводка; цѣлое изданіе стоило Радзивиллу болѣе трехъ тысячъ червонцевъ. Наконецъ вышла *Брестская* или *Радзивиловская библія* подъ заглавіемъ:

Святая библія, то есть книги Ветхаго и Новаго Завѣта съ еврейскаго, греческаго и латинскаго вновь на польскій языкъ тщательно и вѣрно переведенныя... печатана въ Брестѣ Литовскомъ по повелѣнію и иждивеніемъ Свѣтлѣйшаго, Господина Николая Радзивила въ 1563 г. (Biblia swięta Tho jest księgi starego i nowego zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacinskiego nowo na polski jezyk z pilnością i wiernie wyłożone... drukowano w Brześciu litewskim z rozkazania i nak—ladem Oświeconego Pana, Pana Mikolaja Radziwiłła r. 1563).

Во время ея изданія была извѣстна одна только библія Леополита, поэтому труды Брестскихъ переводчиковъ, предпринятые съ такими стараніями и издержками, ожидаемые съ такимъ нетерпѣніемъ, подавали самыя прекраснѣйшія надежды. Надо признаться, что какая-то зловѣщая звѣзда свѣтила рожденію Брестской библіи. Предпринятая по повелѣнію ревностнаго кальвиниста, Николая Чернаго, издаваемая мужами просвѣщенными, она не укрылась однакоже отъ прибавленій и изъясненій, доказывающихъ аріанскій образъ мыслей, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ редакторовъ, это ввело ее въ подозрѣніе у чистыхъ кальвинистовъ. Аріане съ своей стороны не находили въ

ней довольно того, что у нихъ было принято основнымъ пунктомъ вѣры; Будный черезъ нѣсколько лѣтъ выступилъ противъ нея съ горькими упреками католики естественно смотря на Брестскую библію, какъ на плодъ и разсадникъ ереси, по мѣрѣ силъ своихъ ее истребляли, а Николай Христофоръ Радзивилъ, сынъ Николая Чернаго, возвратившись на лоно католической церкви, за 5,000 червонцевъ скупилъ экземпляры этого изданія, и сжегъ ихъ на Виленскомъ рынкѣ. Какъ бы то ни было, но въ Радзивиловскомъ архивѣ въ Нѣсвѣжѣ, мы видѣли этотъ драгоцѣнный памятникъ, сохранившійся отъ общаго истребленія, или пріобрѣтенный въ послѣдствіи.

Изъ Брестской библіи извлеченъ Новый Завѣтъ и перепечатанъ въ Нѣсвѣжѣ 1580, и въ Торунѣ 1585, а отрывки изъ него вскорѣ послѣ изданія Библіи въ Брестѣ печаталъ Ѳома Фальконій подъ заглавіемъ: *Дѣла и слова Іисуса Христа Сына Божія* (Sprawy, i słowa Jezusa Krysta Syna Bożeqo).

Съ изданіемъ Брестской библіи явно возсталъ социніанизмъ въ Польшѣ. Поэтому Брестская Библія служитъ для насъ переходомъ къ краткой исторіи этого вѣроисповѣданія.

d) Послѣдователи Фауста Социна или социніане.

Въ началѣ втораго вѣка христіанской эры, Арій ученый пресвитеръ, претендовавшій на Александрійское епископство, изъявилъ сомнѣнія въ католическихъ догматахъ о Святой Троицѣ, о Божествѣ Іисуса Христа и о крещеніи младенцевъ. Въ первый разъ онъ выступилъ въ 315 году по Рождествѣ Христовѣ. Испуганная Церковь божія созвала въ Никеѣ Вселенскій Соборъ, на которомъ Арій отказался отъ своихъ убѣжденій, осужденныхъ церковію, но въ 327 году

снова къ нимъ воротился. По смерти его, Евсевій епископъ Никомидійскій, распространялъ ученіе Арія и успѣлъ снискать для него ласковый пріемъ при дворѣ императора Констанція. При императорахъ Юліанѣ богоотступникѣ и Валентинѣ, ересь Аріанская достигла высшей степени своей силы, при Ѳеодосіѣ пришла въ упадокъ, благодаря твердости императора и исполненной христіанской любви дѣятельности Григорія Назіанзскаго. Съ тѣхъ поръ умолкло Аріанство на цѣлыхъ тринадцать вѣковъ. Но вотъ въ началѣ XVI вѣка, когда реформы Лютера и Кальвина дали стремленіе къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ Евангелія, Испанецъ Михаилъ Серветъ и Италіянецъ Валентій Гентилисъ воскресили ученіе Арія. Позванныя къ суду духовно-кальвинскихъ трибуналовъ въ Швейцаріи, оба они были сожжены на кострѣ, но сѣмена, брошенныя ими, въ дурную минуту религіозныхъ споровъ принесли свои плоды. Учениками Сервета считаются: Георгій Бляндрата и Лелій Социнъ, а учениками Гентилиса были: Франциск Лизманинъ, Фаустъ Социнъ, и Петръ Смоіенскій. Въ Польшу Аріанизмъ перешелъ изъ Седмиградскаго княжества.

Въ 1551 году прибыли къ намъ Фаустъ и Лелій Социны, и подъ видомъ ревностнаго распространенія кальвинизма, начали разсѣвать сѣмена Аріанства, которые отъ имени ихъ и получали у насъ названіе *соцініанизма*. Польша была уже приготовлена къ принятію самыхъ нелѣпыхъ религіозныхъ мнѣній. Католиковъ еще пугалъ бы не-христіанскій результатъ соціанизма, но польскіе кальвинисты, которые для чужихъ софизмовъ, разъ уже дерзнули отступиться отъ вѣры своихъ отцовъ, были способны къ принятію ученія Социновъ. Обстоятельства имъ благопріятствовали: Георгій Бляндрата, ихъ приверженецъ, былъ любимцемъ Николая Радзивила и оказывалъ сильное вліяніе

на кальвино-литовское духовенство; Францискъ Лизманинъ, мнимый католикъ, но въ сущности дѣятельный Аріанистъ, былъ духовникомъ королевы Боны и распространялъ свои убѣжденія при польскомъ дворѣ. Францискъ Станкаръ, Италіянецъ вызванный изъ Мантуи для занятія каѳедры еврейскаго языка при Краковской академіи, дышалъ Аріанизмомъ. Мартинъ Кровицкій, разъ отступившій отъ католицизма, не могъ уже болѣе держаться посредствующаго ученія Лютера, и остановился у послѣдняго предѣла отверженія всякаго откровенія. Петръ изъ Гоніонзда, Вавржынецъ Кржышовскій, министръ (Minister) знаменитаго собора въ Нѣсвѣжѣ, Шимонъ Будный тоже министръ въ Клецинѣ, Чеховичъ въ Вильнѣ, мало по малу, отступая отъ своего исповѣданія, приставали къ Аріанамъ. До самаго изданія Брестской библіи, Аріане не имѣли своего органа. Здѣсь, призванные къ участію въ редакціи перевода, чувствуя свою силу, они успѣли внести пункты своего ученія, искажая тексты, сообразно мысли своего исповѣданія. Но однако до смерти Николая Чернаго Радзивила они не снимали явно съ себя маски и все еще считались приверженцами кальвинизма. Но когда скончался Радзивилъ (1567 г.), а Олесницкіе, Кишковичи и др. магнаты обѣщали имъ свое покровительство, Аріане открыто объявили разрывъ, и цѣлые кальвиническія соборы приняли ихъ ученіе. Въ Пинчовѣ, Раковѣ и др. мѣстностяхъ Польши основаны были типографіи, которыя далеко разносили новые догматы. Аріанамъ въ Польшѣ давали различныя наименованія: социніанъ, Новокрещенцевъ (Anabaptistae), антитринитаріевъ, унитаріевъ и т. д. представимъ очеркъ ихъ религіозныхъ съѣздовъ, и богословскихъ споровъ, какіе ведены были съ католиками и швейцарскимъ исповѣданіемъ.

Два года спустя послѣ изданія Брестской Библіи, еще при жизни Николая Чернаго, аріане составили свой Синодъ въ Венгровѣ, чтобы путемъ убѣжденія и диспута привлечь къ себѣ послѣдователей кальвинизма. Здѣсь выступили съ догматами противъ Св. Троицы, Божества Сына Божія и крещенія младенцевъ. Умы, державшіеся чистаго ученія Кальвина, были поражены этимъ, и съ тѣхъ поръ окончательно начали разрывать мнимое единство, существовавшее между послѣдователями швейцарскими и ученіемъ социновъ. Но это ученіе день отъ дня усиливалось, умы, которые разъ уже разломали желѣзную цѣпь католицизма, слишкомъ увлеклись для того, чтобы можно было удержать ихъ на скользкомъ пути религіозныхъ споровъ. Правду говорили кальвинисты, что переходя отъ свободы къ свободѣ вѣрованія, можно наконецъ остановиться у предѣла вовсе не христіанской религіи, потому что дѣйствительно, если бы не препятствія стороннія, если бы не противодѣйствіе Сигизмунда III и іезуитовъ, Аріане Богъ знаетъ до чего еще дошли бы въ своихъ убѣжденіяхъ, тѣмъ болѣе, что они гнушались именемъ Аріанъ, не принимали никакого названія, или извѣстной опредѣленной формы вѣрованія, а подъ однимъ только именемъ чистыхъ христіанъ, созидая все новые и новые софизмы, даже и сами были между собою не согласны.

Намѣреваясь представить очеркъ религіозныхъ споровъ, мы предупреждаемъ читателя, что мы вовсе не расположены разсматривать содержаніе и входить въ подробности этихъ споровъ, которые не возбуждаетъ въ насъ то благоговѣніе, которое мы питаемъ къ предметамъ священнымъ, благоговѣніе какимъ исполнены и наши читатели.

Душею и содержаніемъ польскаго аріанизма были сочиненія Фауста Социна; къ нимъ относятся: *Указаніе* и

опроверженіе всѣхъ ересей, выдуманныхъ различными людьми о Богѣ и Его Сынѣ. Далѣе: *Антитринитарій* (1568), потомъ: *Краткіе доводы, которыми опровергается крещеніе младенцевъ, вымышленное людьми противными Богу;* наконецъ, *отдѣленіе Ветхаго Завѣта отъ Новаго* (1568). *Объясненіе первой главы Евангелія Св. Іоанна.* Эти сочиненія, переведенныя съ языка латинскаго Григоріемъ Паули (1568) ходили подъ именемъ Фауста Социна. Тотъ же Социнъ толковалъ, сообразно своему образу мыслей, *Посланіе Св. Павла къ Римлянамъ Евангеліе отъ Матвея*, и другія мѣста изъ Ветхаго и Новаго завѣта; спорилъ о крещеніи водою, но въ этомъ послѣднемъ пунктѣ не согласовались между собою мнѣнія не однихъ только кальвинистовъ, но и самихъ даже социніанъ. Кромѣ католическихъ богослововъ, святое крещеніе защищалъ изъ кальвинистовъ Андрей Хржонстоскій, а изъ социніанъ Петръ изъ Гоніондза.

Другимъ, послѣ Социна, столпомъ аріанства былъ Мантуанецъ Францискъ Станкаръ; его сочиненія *о троичности и единствѣ Божіемъ и о воплощеніи и посредничествѣ Христа* (De Trinitate et unitate Dei deque Incarnatione et meditatione Domini nostri Jesu Christi 1567) *и Апологія о мирѣ съ Сарницкимъ* (1568), именно доказываютъ то несогласіе, которое существовало въ нѣдрахъ самаго аріанства; потому что какъ Станкаръ, такъ и Григорій Паули, такъ равно Сарницкій и Павелъ изъ Гоніондза всѣ принадлежали къ одному исповѣданію, только въ Станкарѣ было болѣе чистаго деизма, въ Григоріи Паули нѣсколько началъ чисто кальвинскихъ, а въ Сарницкомъ сохранилось еще нѣкотораго рода уваженіе къ формамъ католической Церкви. Тотъ же Станкаръ начерталъ для своего вѣроисповѣданія въ Польшѣ: *Уставы реформаціи* (Canones

reformationis ecclesiarum polonicarum 1552 г.), писалъ противъ почитанія святыхъ, письменно боролся съ Филиппомъ Генрихомъ Булингеремъ, Симлеромъ Тигурини и Станиславомъ Оржеховскимъ.

Вавржинецъ Кржишковскій, сначала министръ швейцарскаго собора въ Нѣсвѣжѣ, потомъ упорный аріанинъ, не малую оказалъ услугу своему вѣроисповѣданію переводомъ *разговора святаго Юстина философа и мученика съ Евреемъ Трифономъ* (1564). Въ томъ же сочиненіи онъ старается доказать, что ученіе древнихъ отцовъ, къ разряду которыхъ относитъ и Юстина, совершенно согласуется съ ученіемъ Аріанъ, и должно пользоваться большимъ уваженіемъ, чѣмъ догматы позднѣйшихъ отцевъ церкви: Іеронима, Августина, Амвросія и Викентія Лириненскаго. Въ доказательство того, до какой степени пренебрегали таинствами вѣры, приведемъ слова Кржишковскаго изъ предисловія къ упомянутому переводу.

«Это несогласіе такъ велико и опасно, что больше и «опаснѣе его быть не можетъ. Потому что здѣсь дѣло идетъ «не о водѣ; если только она можетъ очищать грѣхи: ни «о колокольномъ звонѣ; разгоняетъ ли онъ тучи: ни о грамотахъ (glejty) папскихъ, имѣютъ ли они силу въ аду, и «въ вымышленномъ чистилищѣ: ниже о святыхъ, въ Богѣ «почивающихъ ходатайствуютъ ли они за насъ: ни о таинствахъ, присутствуетъ ли въ нихъ Господь Іисусъ. Все «это давно поражено и изсѣчено обоюдо-острымъ мечемъ. «Но здѣсь дѣло идетъ о самомъ Богѣ, предъ которымъ трепещетъ всякая тварь, дѣло идетъ также о Сынѣ того же «Бога, которому Богъ далъ все, что только имѣлъ и имѣетъ, «которому также даровалъ такое имя, что предъ этимъ именемъ преклоняется всякое колѣно, небесное, земное и преисподнее».

Бросимъ взглядъ на дальнѣйшіе споры: Каноникъ Познаньскій, Іеронимъ Поводовскій издалъ: *Узда противъ святотатственныхъ заблужденій, и богохульства новыхъ ріанъ* (Wędzidl nasprośni błędy a bluźnierstwa nowych aryanów 1582) Нѣмоевскій отвѣчалъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: *Защита* (1583). Мартинъ Чеховичъ поддержалъ Нѣмоевскаго польскимъ сочиненіемъ: *Epistomium*. Андрей Волянъ спорилъ съ тѣмъ же Нѣмоевскимъ и съ Фаустомъ Социномъ. Григорій Паули велъ диспутъ съ Гиловскимъ и Сарницкимъ, какъ о божествѣ Сына Божія, такъ и о догматахъ вообще, *Шимонъ* Будный имѣлъ подобный же споръ съ Яномъ Вигандомъ, Гиловскій съ Чеховичемъ. Аріанъ упрекали въ томъ, что по ихъ ученію считалось грѣхомъ носить оружіе, являться на полѣ брани, и занимать общественныя должности; нѣкоторые безумцы дѣйствительно отговаривались этимъ отъ служенія обществу и препоясывали чресла свои деревянными мечами. Но, желая пріобрѣсть себѣ право гражданства въ Польшѣ, аріанизмъ не могъ отстаивать этихъ противународныхъ началъ, и Шимонъ Будный съ Мартиномъ Кровицкимъ, писали, одинъ: *о должности, употребляющей мечъ* (O urzędzie mieczu używającym 1583 г.), а другой *Посланіе о должностяхъ къ Станиславу Будзынскому* (1575, г. List o Urzędzie do Stanislawa Budzynskiego) и доказывали въ нихъ, что вѣрнымъ не грѣшно сражаться за отечество и исполнять общественные должности.

Вообще, въ нашу эпоху, церковь католическая еще почти чужда была борьбы кальвинистовъ съ Аріанами, только архіепископъ Уханскій боролся съ Станкаромъ, да Николай Пацъ, Кіевскій епископъ, слѣдуя вдохновенію Ходкѣвича написалъ: *Исповѣданіе католической вѣры* (Orthodoxa fidei confessio 1566) противъ аріанъ, но вскорѣ и самъ

онъ сбросилъ съ себя духовный санъ, женился и перешелъ въ протестанство.

Продолженіе религіозныхъ споровъ аріанъ ожидаетъ насъ въ эпохѣ Вазовъ, теперь будемъ говорить о другихъ религіозныхъ книгахъ этого исповѣданія.

Шимонъ Будный составилъ аріанскій *катехизисъ*, Станкаръ начерталъ исповѣданіе вѣры (Summa confessionis fidei 1570), Григорій Паули написалъ простонародный катехизисъ на латинскомъ языкѣ (1574).

Важнѣйшую отрасль Аріанской литературы составляютъ переводы Св. Писанія, о нихъ мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько пространнѣе.

По примѣру Николая Чернаго Радзивила, который поддерживалъ кальвинизмъ и нещадилъ издержекъ для изданія Брестской Библіи, его слуга Матеей Кавѣчинскій, староста Нѣсвѣжскій, послѣдователь аріанизма, вмѣстѣ съ братьями своими Гекторомъ и Альбрехтомъ, основалъ бумажную фабрику, поддержалъ типографію Даніила Ленчицанина, и вызвалъ пасторовъ Клецкаго и Нѣсвѣжскаго заняться переводомъ Библіи, сообразно аріанскому образу мыслей, потому что Брестское ея изданіе считалось не вполнѣ соотвѣтствующимъ цѣли. Пасторомъ Нѣсвѣжскимъ былъ Ваврживецъ Кржишковскій, а Клецкимъ Шимонъ Будный, нѣкогда священникъ русскаго исповѣданія, потомъ кальвинскій пасторъ и наконецъ Аріанинъ, до того противный всякаго рода откровенію, на столько приближавшійся къ современнымъ чистымъ деистамъ нѣмецкимъ, что сами же Аріане, хотѣли исключить его изъ своего круга за излишнюю свободу въ дѣлахъ вѣры. Такъ какъ Будный усерднѣе другихъ трудился надъ переводомъ, по этому и Библія, о которой мы теперь говоримъ, печатанная въ Нѣсвѣжѣ 1570 г. носитъ на себѣ названіе *Библіи Нѣсвѣжской* или *Будной* вотъ ея титулъ:

Библія, то есть книги Ветхаго и Новаго Завѣта, вновь переведенныя на польскій языкъ съ еврейскаго, греческаго и латинскаго напечатана въ типографіи и иждивеніемъ г. Матѳея Кавечинскаго, старосты Нѣсвѣжскаго и Даніила типографа изъ Ленчицы 1572 г. (Biblia to jest Księgi starego i nowego przymierza znowu z języka ebrajskiego, greckiego i lacinskiego na polski przełożone, drukowano w drukarni i nakładem Pana Macieja Kaweczyńskiego, Starasty Nieswieżskiego, przez Daniela Drukarza z Łęnzyce 1572 r.)

Въ предисловіи, Будный объясняется, что переводъ этотъ онъ предпринялъ потому, что форматъ Брестской Библіи, ея высокая цѣна, и ошибки въ переводѣ, сдѣлали ее недоступною и небезопасною для всеобщаго употребленія. Далѣе критически обозрѣваетъ прежніе переводы Библіи, и находитъ, что Леополитъ переводитъ съ латинской Вульгаты, переводчики Брестскіе, рѣдко справляясь съ еврейскими и греческими подлинниками, болѣе придерживались латинскихъ и французскихъ переводовъ. Будный съ точностію придерживаясь подлинниковъ, старается передавать мысль слово въ слово съ тою аккуратностію, что если гдѣ-нибудь, по свойствамъ языка еврейскаго, долженъ былъ переводить свободнѣе, тамъ на поляхъ вездѣ прибавляетъ буквальный переводъ. Отвергнувъ многія выраженія, употребленныя своими предшественниками, онъ долженъ былъ употреблять новыя, которыя удивительно, какъ хорошо ему удавались. Будныимъ созданы слѣдующія выраженія: *ofiarnik* (жрецъ) *całopalenie* (всесожженіе), *nausznica* (серьги), *rozdział* (раздѣлъ), выраженія, которыя теперь приняты всѣми. Онъ старался избѣгать провинціализмовъ, но писалъ такъ, чтобы его удобно могли понимать обитатели всѣхъ областей польскихъ.

«Найдешь здѣсь, говоритъ онъ: слова велико-поль-«скія, слова краковскія, мазовецкія, подлясскія, сендомір-«скія и не мало русскихъ. Глупо языкъ одной страны пре-«зирать, а языкъ другой превозносить до небесъ». Впрочемъ еврейскія имена Будный передавалъ такъ, какъ они были произносимы у Израильтянъ.

Но при всемъ томъ переводъ *Новаго Завѣта въ этой Библіи* не весь составленъ рукою Шимона Буднаго, потому что онъ жалуется на то, что друзья его надѣлали въ немъ измѣненій, отъ которыхъ онъ долженъ отказаться. Свой безошибочный переводъ издалъ онъ въ 1574 г. подъ заглавіемъ:

Новый Завѣтъ вновь переведенный, во многихъ мѣстахъ на извѣстныхъ основаніяхъ очищенъ отъ преувеличеній Симономъ Буднымъ, и объясненъ краткими приписками на поляхъ (Nowy Testament znowu przełożony, a na wielu miejscach za pewnemi dowodami od przysad, przez Simona Rudnego oczyściony, i krótkiemi przypiskami po krajach objaśniony).

Поднося свое произведеніе Яну Кишцѣ, не безъ весла говоритъ онъ пустился я въ море перевода. Окруженный текстами Библій еврейской, греческой, латинской и славянской, искусный въ языкѣ польскомъ, Будный критически, точно и строго пересматриваетъ своихъ предшественниковъ, и выказываетъ при этомъ столько такта, столько знанія дѣла, что ему можно бы повѣрить. Но не такое было время, чтобы можно было довѣриться чьему-нибудь авторитету; охота критиковать и рыться въ Священныхъ книгахъ была слишкомъ привлекательна для того, чтобы можно было вдругъ ее оставить. *Мартинъ Чеховичъ*, ревностный социніанецъ, который въ образѣ вѣрованій сходился съ Нѣмоевскимъ, человѣкъ способный, но слишкомъ страстный для того,

* * *

чтобы ему можно было холодно углубляться въ предметъ, написалъ критику на прежнихъ переводчиковъ и составилъ собственный переводъ Новаго Завѣта.

Новый Завѣтъ, то есть: всѣ писанія Новаго Завѣта вѣрно и добросовѣстно переведенныя на польскій языкъ (Nowy Testament, to jest wszystkie pisma nowego przymierza z Greckiego języka na rzecz Polska wiernie i szczerze przełożone), печаталъ Алексѣй Радецкій 1577 (въ Раковѣ); что касается буквальной передачи мысли, то переводъ этотъ менѣе аккуратенъ; это объясняется различіемъ другъ отъ друга языковъ латинскаго, греческаго и еврейскаго. Впрочемъ передѣлывая нѣкоторыя слова для примѣненія ихъ къ догматамъ своего исповѣданія, Чеховичъ слово *Ecclesia* замѣняетъ словомъ *зборъ, крещеніе* словомъ *погруженіе*, *Іоанна крестителя* называетъ *погрузителемъ*. Въ наше время это послѣднее выраженіе, какъ удачно составленное, могло бы употребляться въ польскомъ языкѣ, но такъ какъ въ то время оно заключало въ себѣ догматъ Аріанъ, которые отвергали крещеніе младенцевъ, совѣтуя, по примѣру І. Христа, погружать въ воду крещенія людей уже взрослыхъ, — въ ту эпоху мы говорили католики насмѣхались надъ словомъ *погруженіе*, и Аріанъ стали называть nurkami (родъ утокъ.)

Оканчивая исторію церковной литературы католиковъ и протестантовъ исчислимъ переводы Библіи, о которыхъ мы упомянули въ нашемъ отчетѣ.

I. Католическіе.

1) Новый завѣтъ польскій Шарффенбергера 1556.
2) Библія Леополита 1561.

II. Лютеранскіе.

3) Новый Завѣтъ Секіюціана 1551 г.

III. Кальвинскія.

4) Брестская или Радзивиловская Библія 1563 г.

5) Новый Завѣтъ, изданный въ Нѣсвѣжѣ, какъ перепечатокъ Брестской Библіи.

IV. Ріанскія.

6) Библіа Нѣсвѣжская или Шимона Буднаго 1572 года.

7) Новый Завѣтъ того же Буднаго 1574 года.

8) Новый Завѣтъ Чеховича 1577.

Въ эпоху Вазовъ мы дополнимъ этотъ перечень Библіями Вуйка и Смалція (Smalciusza).

е) Восточное исповѣданіе.

Объемъ настоящей книги не дозволяетъ намъ много распространяться о произведеніяхъ Восточной Церкви, которая имѣла много послѣдователей въ Литвѣ, Волыни и Украйнѣ. Въ эпохѣ Вазовъ, говоря о Брестскомъ Соборѣ мы будемъ обязаны обширнѣе разсказать исторію этого вѣроисповѣданія, а здѣсь ограничимся однимъ исчисленіемъ важнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ нашей эпохи. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ отрывочные и полные переводы Св. Писанія: *С. Франциска Скорина,* Полочанинъ, первый перевелъ у насъ всю Библію на русскій языкъ и издалъ ее въ Прагѣ Богемской въ 1517—1519, подъ заглавіемъ: *Русская Библія написанная докторомъ медицины Францискомъ, сыномъ Скорининымъ, изъ славнаго града Полоцка, во хвалу Бога и людямъ въ поученіе.* Этотъ древній и драгоцѣнный памятникъ уцѣлѣлъ едва въ нѣсколькихъ отрывкахъ. Еще древнѣйшимъ церковно-русскимъ памятникомъ служитъ Псалтирь, первое изъ славянскихъ изданій, напечатанное въ Краковѣ (1491), въ типографіи знаменитаго

Святополка Фіола, который долженъ былъ оправдываться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ въ неправовѣріи; второе изданіе Псалтири вышло тамъ же 1517. Иное опять и въ другомъ переводѣ по старанію Зиновія Зарецкаго вышло въ Вильнѣ изъ типографіи Луки и Кузьмы Мумоничей 1575. (Псалтирь вновь напечатана). Нѣкто діаконъ Иванъ Ѳедоровъ, преслѣдуемый въ Москвѣ бѣжалъ въ Польшу подъ защиту Григорія Ходкѣвича, и основалъ въ Львовѣ типографію гдѣ и изданы были имъ въ 1574, *Дѣяніе Апостолово*. Потомъ вмѣстѣ съ своею типографіею онъ перенесся въ имѣніе Ходкѣвичей, Заблудово, гдѣ въ 1568 году издалъ славянское Евангеліе на дни воскресные и праздничные *(книга называемая Евангеліемъ поучительнымъ, отъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ собранное)*. Въ 1580 году мы видимъ Ивана Ѳедорова при дворѣ князя Константина Васильевича Острогскаго, Кіевскаго воеводы, въ качествѣ начальника вновь устроенной въ Острогѣ типографіи, гдѣ онъ издаетъ *Новый Завѣтъ*. Вѣнцемъ церковно-русской литературы въ эпоху Ягеллоновъ служитъ полная *Библія*, извѣстная подъ именемъ *Острогской*, переведенная по повелѣнію Кіевскаго воеводы князя Константина Васильевича Острогскаго (1581), который съ трудомъ получивъ древне греческій списокъ библіи отъ патріарха Іереміи, и созвавъ переводчиковъ, искусныхъ въ языкахъ греческомъ и славянскомъ, далъ имъ для перевода все Св. Писаніе. Этотъ переводъ былъ изданъ въ Острогской Типографіи подъ заглавіемъ: *Библія, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта на языкъ словянскомъ, отъ еврейска въ эллинскій языкъ, седми десятъ и двумя много мудрыми предводчиками переведенная 1581.*

Для изученія вѣры служилъ *катехизисъ* Буднаго, изданный въ Нѣсвѣжѣ 1662, и другой, изданный въ Вильнѣ въ 1585 году.

На то, что мы сказали о церковной литературѣ исповѣданій лютеранскаго, швейцарскаго, аріанскаго и Церкви Восточной, должно смотрѣть болѣе, какъ на вступленіе къ той великой религіозной драмы, которая была разыграна при Сигизмундѣ III. Въ минуту, когда мы оканчиваемъ нашъ разсказъ для того, чтобы пополнить другія подробности картины, религіозные споры остаются въ Польшѣ въ самомъ разгарѣ, между собою борются отдѣльные умы, цѣлыя общества и провинціи. Все грозитъ взрывомъ, одни только Іезуиты, увѣренные въ самихъ себя, громко стоятъ за православіе римское, и въ тайнѣ кладутъ основанія своему будущему величію.

VIII. ЛИТЕРАТУРА ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

Сеймовое и судебное краснорѣчіе,—Законовѣдѣніе.—Военное искусство. — Географическія карты. — Геральдика.— Жизнеописанія отдѣльныхъ историческихъ лицъ.

Картину политической литературы въ Польшѣ мы должны открыть указаніемъ нѣсколькихъ ораторовъ дипломатическихъ, сеймовыхъ и судебныхъ; потому что при народопредставительномъ образѣ правленія древней Польши, сила слова, полная огромнаго значенія, имѣла предметомъ своимъ не пустыя декламаціи, ея задачею было трогать, убѣждать, словомъ дѣйствовать на народъ. Только въ Аѳинахъ, только въ Римѣ, только въ Польшѣ, только тамъ гдѣ есть народъ и форумъ могли явиться такіе ораторы, какъ Цицеронъ, Демосѳенъ, Олесницкій или Замойскій; краснорѣчіе, непочерпающее своихъ силъ изъ религіи, лишенное значенія политическаго, это ничего болѣе, какъ игра въ рето-

рическія фигуры. Въ эпохѣ Пястовъ мы не говорили о краснорѣчіи потому что не очемъ было и говорить, тогда у насъ не было еще краснорѣчія, не было животворныхъ началъ, которые бы его оживляли, не было споровъ, которые бы вызвали необходимость краснорѣчіемъ убѣждать умъ и дѣйствовать на сердцѣ. Полякамъ, жившимъ подъ властію Пястовъ и Апостольскаго престола не о чемъ было разсуждать какъ въ дѣлахъ политики, такъ и въ дѣлахъ вѣры. Реформація вызвала у насъ церковныхъ ораторовъ, а представительный образъ правленія—ораторовъ политическихъ. Въ концѣ четырнадцатаго и въ началѣ пятнадцатаго вѣка, все у насъ стало предвѣщать оживленіе умовъ; отношенія внутреннія и внѣшнія, образуя латинскую рѣчь въ устахъ Поляковъ, образовали и латинское краснорѣчіе. Не въ стѣнахъ Академіи, не по образцамъ Аристотеля выработали силу слова, знаменитѣйшіе изъ нашихъ ораторовъ. Въ словахъ ихъ, чувство преобладаетъ надъ реторикою, что вытекаетъ изъ убѣжденія, что все, гнетущее сердце, истекающее изъ духа отечественныхъ потребностей, выразится въ словѣ краснорѣчивомъ безъ всякихъ правилъ, и выйдетъ рѣчь простая, не умѣющая дѣйствовать на страсти, но полная энергіи и силы.

Пройдемъ рядъ знаменитѣйшихъ нашихъ политическихъ ораторовъ: архіепископы Бодзанта и Войчехъ Ястржембецъ, или непреклонный Збигневъ Олесницкій, должны были прекрасно и сильно дѣйствовать на Ягеллу и Витольда. Андрей Ласкаръ изъ Гославицъ, посолъ Ягеллы на соборахъ, безстрашно и пламенно обращалъ свою рѣчь, къ папѣ, къ отцамъ собора, или даже къ императору. Двѣ извѣстныя его рѣчи, одна говоренная императору Сигизмунду, въ 1415 г., а другая Іоанну XXIII, въ которой онъ убѣждаетъ его отречься отъ папскаго престола, даютъ высокое понятіе о при-

родныхъ дарованіяхъ Ласкара. Можно ли искуснѣе выдти изъ щекотливаго положенія, въ которомъ онъ находился совѣтуя папѣ оставить престолъ, какъ не выразившись такъ.... «Ты ли «святой отче, тотъ, который примѣромъ высокаго смиренія «долженъ побороть ересь? Или намъ ожидать еще другаго?»

Николай Лассоцкій, бывшій нѣсколько разъ посломъ къ папѣ, любимый Ягеллою и венгерскими вельможами и наименованный папою Николаемъ V Владиславскимъ епископомъ, прославился сильною, одушевленною рѣчью, говоренною тому же папѣ Николаю V, въ которой онъ отъ имени Венгріи убѣждаетъ папу подать сигналъ къ войнѣ съ Турками, войнѣ, которая освободитъ древнюю Грецію.

«Смотри, говоритъ онъ, св. отче! вотъ у ногъ твоихъ пре«клоняется столько благородныхъ народовъ, которыхъ не«счастіе сдѣлало рабами; смотри, какъ умоляютъ они, что«бы ты положилъ конецъ ихъ мученію, голоду, жаждѣ и «утомленію. Неужели ты позволишь имъ отойти отъ тебя «въ безнадежномъ отчаяніи?»

Викентій Кота архіепископъ Гнѣзненскій, взывая Казиміра Ягелло на престолъ Польши, не боится напомнить ему тѣ благодѣянія, которыя Поляки оказали дому Ягеллоновъ; не проситъ милости для народа, но требуетъ, чтобы онъ былъ признателенъ народу.

Матвей изъ Кракова, котораго король хотѣлъ видѣть Владиславскимъ епископомъ, а папа предназначалъ эту должность Лассоцкому, въ рѣчи своей къ папѣ въ 1470 году проситъ его не замѣщать епископскихъ каѳедръ Польши людьми неугодными королю и рыцарству, потому что при занятіи ими мѣстъ въ государственномъ совѣтѣ, сколько возникнетъ несогласій, бѣдъ для отечества, соблазновъ для народа, и радости для враговъ христіанства.

И вообще жадное къ присвоеніямъ, правленіе Казиміра Ягелло вызвало оппозицію со стороны нѣкоторыхъ отважныхъ ораторовъ, между которыми отличались: *Збигневъ Олесницкій* и *Янъ Рытвіанъ Ястржембецъ*. Первый нѣсколько разъ являлся защитникомъ привиллегій народа. Длугошъ, пересказавъ одну изъ рѣчей Олесницкаго, произнесенную имъ въ Корчинѣ въ 1461 году, прибавляетъ, что Казиміръ выслушавъ ее, сказалъ: «Никогда не надѣялся услышать отъ тебя столь полную рѣчь». Вообще же слогъ Олесницкаго рѣзокъ и поразителенъ. Разъ только, и то по просьбѣ короля, Олесницкій кротко говорилъ литовскимъ посламъ. Длугошъ пишетъ: «Отвѣтъ кардинала Збигнева «не былъ по обыкновенію острымъ, но напротивъ скромный, «тихій и мирный. Король просилъ его, чтобы онъ измѣнилъ «на этотъ разъ обычную суровость своего слога».

Янъ изъ Рытвинъ будучи краковскимъ посломъ на Петрковскомъ сеймѣ, грозно увѣщевалъ Казиміра Ягелло, и не боялся сказать въ глаза королю, что онъ виною всѣхъ бѣдствій Польши. Король долженъ былъ терпѣливо выслушать упреки, но въ послѣдствіи онъ приласкалъ своего грознаго противника, сдѣлавъ его краковскимъ кастелланомъ.

Въ правленіе Яна Альбрехта славились своимъ краснорѣчіемъ *Збигневъ Олесницкій* (младшій) коронный подканцлеръ, и Николай Розенбергеръ посолъ Сигизмунда стараго къ императору Максимиліану. Въ эпоху достопамятнаго похода въ Валлахію, называемаго *Войною Кокоша*, своею оппозиціею трону прославились Дембинскій, Ташицкій и Гомолинскій, а Петръ Конита успокоеніемъ взволнованныхъ умовъ. Дантышекъ, Кржыцкій, Томицкій, Андрей Тенчинскій, Андрей Горка прославили своими ораторскими талантами царствованіе стараго Ягеллона. О канцлерѣ Янѣ Осѣцкомъ Оржеховскій такъ говоритъ:

«Что мы скажемъ здѣсь о коронномъ канцлерѣ Янѣ Осѣц-«комъ? развѣ по своему росту, жестамъ и языку, онъ не «рожденъ къ тому великому краснорѣчію, которое такъ «превозноситъ Гомеръ въ своемъ Улиссѣ, который когда «начинаетъ говорить съ королемъ, сначала стоитъ какъ «вкопанный и смотритъ въ землю, потомъ поднимаетъ «взоръ, не подаваясь ни направо ни налѣво, не забавляет-«ся ни рукою ни ногою и бороды не потягиваетъ. Когда же «начнетъ говорить, слова текутъ изъ его устъ подобно тому «неудержимому потоку, который поднимается весною и низ-«вергаетъ заборы, скотъ, колоды, дома и валежникъ, все «что ни попадается онъ несетъ съ собою въ море; я не-«хочу вѣрить тому, чтобы какой-нибудь король во всемъ «христіанскомъ мірѣ имѣлъ канцлера умнѣе и краснорѣчи-«вѣе нашего».

Оржеховскій, который оставилъ намъ эти извѣстія объ Осѣцскомъ самъ занимаетъ прекрасное мѣсто въ ряду нашихъ ораторовъ. Его громоносныя рѣчи противъ Туровъ сравниваютъ съ филиппиками Демосѳена.

Царствованіе Сигизмунда Августа обиловало великими ораторами. Кто не помнитъ краснорѣчивыхъ рѣчей Киты и Петра Боратынскаго, въ памятную эпоху раздоровъ сената съ королемъ за Варвару Радзивилъ. Боратынскій выставляетъ юному королю примѣръ его отца, проситъ, чтобы въ поступкахъ своихъ онъ подражалъ добродѣтелямъ предковъ спрашиваетъ его, чтобы сказалъ старикъ отецъ, видя бракъ королевскаго сына съ подданною, напоминаетъ королевскія клятвы, не заключать супружескихъ связей безъ воли Се-ната, и умоляетъ, чтобы король не начиналъ своего царст-вованія пренебреженіемъ народныхъ правъ. Боратынскій преклонилъ предъ королемъ колѣна и заклиналъ: «чтобы «онъ не называлъ бракомъ того, что не есть бракъ, что на-

«чато было безъ Бога (?) безъ вѣдома Сената, что было «основано не на камнѣ, но на пескѣ и слабости. Отвѣты трон чрезъ Яна Тарловскаго и Самуила Мацесовскаго искусны и исполнены достоинства. Самъ Сигизмундъ Августъ, отстаивая святость брака изрекъ прекрасныя, убѣдительныя слова:

«Что случилось, того перемѣнить уже невозможно: а вамъ «приличнѣе просить меня не о томъ, чтобы я нарушилъ «клятву данную моей женѣ, но о томъ, чтобы я хранилъ «жену каждаго человѣка въ мірѣ. Я клялся моей женѣ, и «не оставлю ея, пока Богу угодно будетъ сохранить меня въ «живыхъ: а мое слово мнѣ дороже всѣхъ царствъ міра.»

Лука Горницкій написалъ для насъ любопытную тяжбу двухъ польскихъ юристовъ по гласному дѣлу Беаты княжны Острогской и ея почери Гальшки съ Дмитріемъ Сангушкою о на ѣздѣ его на Острогскій замокъ, и насильственномъ похищенію княжны.

Въ Кнышинѣ, въ королевскомъ замкѣ, дѣло было представлено Сигизмунду Августу. Отъ имени Беаты и Гальшки Острогскихъ говорилъ *Станиславъ Чарнковскій*.

Ораторъ прежде всего оправдываетъ себя въ томъ, что приходитъ жаловаться на сильнаго Димитрія; но такъ какъ насиліе, причиненное польской гражданкѣ есть оскорбленіе права, верховной власти короля и цѣлаго народа, поэтому совѣсть вмѣняетъ оратору въ обязанность выступить съ обвиненіемъ. Онъ лучше желалъ бы защищать угнетенныхъ, нежели нападать на виновника, и въ настоящемъ дѣлѣ онъ почитаетъ себя не обвинителемъ, но защитникомъ отечественныхъ законовъ, невинности и чести женъ. Чарнковскій сомнѣвается, найдется ли какой-нибудь добродѣтельный человѣкъ, который бы взялся защищать дѣло Сангушки; скромнымъ молчаніемъ проходитъ преступленія Димитрія, не относящіяся къ дѣлу, и воспоминаетъ свѣжія еще въ

памяти заслуги отечеству отца Гальшки Иліи Острогскаго, который своей единородной дочери далъ воспитаніе достойное княжескаго рода, а умирая говорилъ ей: «Любезная дочь, «вмѣсто меня роднаго твоего отца Богомъ даннаго, ты будешь имѣть отцемъ Е. К. Величество.» Княгиня Беата Острогская изъ рода Косьцѣльскихъ, мать осиротѣвшей Гальшки, не спѣшила отдавать дочь свою замужъ, въ полной надеждѣ, что король отечески подумаетъ о ея будущности. Такимъ образомъ, напомнивъ Сигизмунду Августу, что онъ опекунъ той, дѣло которой предлежитъ его рѣшенію, ораторъ разсказываетъ, какъ Димитрій Сангушко добивался руки Гальшки, но принятой равнодушно, онъ навязался гостемъ въ Острогъ, и снискавъ къ себѣ дружбу дяди Гальшки, Василія Острогскаго, съ войскомъ напалъ на замокъ, разграбилъ его, и повторилъ свое объясненіе испуганной княжнѣ. Доблестная дѣвица отвергла его, но слова не пособили дѣлу, призванный священникъ, насильно былъ принужденъ совершить обрядъ вѣнчанія съ безчувственною Гальшкою.

Одушевившись, ораторъ обращается къ Василію Острогскому, осуждая его за противоестественное согласіе на похищеніе дочери своего роднаго брата съ тѣмъ, чтобы овладѣть ея имуществомъ. Но такъ какъ дѣло съ дядею не здѣсь должно быть разсмотрѣно, то ораторъ снова обращается къ главному виновнику Сангушѣ и спрашиваетъ, «для того ли Димитрій бралъ жалованье и былъ мнимымъ защитникомъ пограничныхъ жителей, чтобы самому совершить безчеловѣчіе, хуже всякаго язычника надъ тѣми, кого бы онъ долженъ былъ защищать?» Далѣе онъ говоритъ: «неужели города и замки Волыни служатъ недостаточною «защитою противъ своеволія Димитрія, неужели ему можно «собирать войска, овладѣвать замками, тиранить людей, обезчещивать дѣвъ и присвоивать себѣ чужія помѣстья,

забывая что въ Польшѣ есть король и право? или это позволено ему ради его воинскихъ заслугъ? Но неужели онъ выше Константина Острогскаго, Остафія Свѣрчова и Претвица? Храбръ онъ *въ Луцкѣ и Кременцѣ*, гдѣ съ своими козаками свирѣпствуетъ надъ беззащитнымъ народомъ, но когда дѣло доходитъ до похода противъ Татаръ, то онъ такъ долго приготовляется къ нему, до тѣхъ поръ мѣшкаетъ, пока они не уйдутъ съ добычею. Тогда уже онъ гонится въ слѣдъ за ними, покупаетъ Татарскую добычу у низовыхъ козаковъ и хвастаетъ ею». Тутъ ораторъ обращается къ присутствующей шляхтѣ: «Кто изъ васъ господа, имѣетъ брата, сына «или племянниковъ? отдай его на обученіе князю Димитрію, «и вскорѣ онъ будетъ знать все то, что знаетъ самъ князь». Далѣе заклинаетъ короля безопасностію домашняго крова явить свое правосудіе на Димитріѣ, и оканчиваетъ смѣлымъ, но справедливымъ замѣчаніемъ королю, что ему такъ надлежитъ разсудить это беззаконіе, чтобы и настоящіе и будущіе вѣка не могли дурно судить о судѣ королевскомъ.

Но преступникъ, если онъ богатъ вездѣ найдетъ себѣ защитника. Послѣ рѣчи Чарниковскаго выступилъ *Одаховскій*, родомъ Литовецъ, съ защитительною рѣчью въ пользу Сангушки. Тотъ прежде всего упрекнулъ своего товарища въ томъ, что онъ вмѣсто простаго разсказа дѣла, старался составить декламацію, что для униженія благоразумія судьи, учитъ короля его обязанностямъ и однако отдаетъ справедливость талантамъ Чарниковскаго. Если бы судья былъ менѣе уменъ, то дѣло Сангушки непремѣнно было бы проиграно. Но ораторъ не сомнѣвается, что Сигизмундъ Августъ замѣтилъ уже слабую сторону въ обвиненіяхъ княжны, потому что защитникъ ея даже не предполагая, чтобы кто нибудь взялся защищать Димитрія Сангушку, заблаговременно осудивши его на позоръ и смерть, по пирает его доб-

лестныя дѣянія, несомнѣнныя и извѣстныя всему народу. Доказываетъ упрямство княгини Острогской, по причинѣ которой князь Димитрій не осмѣлился лично предстать на судъ, потому что вооруженныя партіи княгини ожидаютъ его на пути. Князю Димитрію не дорога жизнь, но онъ не хочетъ умирать до тѣхъ поръ, пока честь его будетъ обременена позорнымъ обвиненіемъ; но ораторъ надѣется доказать, что «князь Димитрій не могъ сдѣлать насилія, что онъ «его не сдѣлалъ, что въ Острогѣ не было ни битвы, ни гра«бежа. Если говоритъ онъ — кто хочетъ сдѣлать другому «насиліе, нужно чтобы онъ былъ сильнѣе того, кому хо«тятъ причинить насиліе. Димитрій ѣхалъ къ княгинѣ Ос«трогской только съ тридцатью лошадьми, безъ пушекъ, ру«жей, мушкетовъ и копій; ѣхалъ такъ, какъ гость, какъ сосѣдъ, какъ пріятель.» Съ нимъ вмѣстѣ ѣхалъ и Василій Острогскій съ пятьдесятью лошадьми только, хотя въ Острогѣ кромѣ княжескаго двора, всегда есть гарнизонъ состоящій болѣе, чѣмъ изъ тысячи человѣкъ. И такъ не могло быть насилія, припревосходныхъ силахъ непріятеля. Князь Димитрій не сдѣлалъ насилія, потому что жену отдали ему священникъ и дяди, при ея добровольномъ согласіи. Такъ какъ ораторъ доказалъ два положенія, что Сангушко не сдѣлалъ насилія и немогъ сдѣлать—ему остается еще доказать, что въ Острогѣ не было ни убійства ни грабительства. Князь Димитрій на свое искательство руки Гальшки письменно получилъ благосклонный отвѣтъ, но когда узналъ, что княгиня Беата хочетъ измѣнить своему обѣщанію, отправился съ княземъ Василіемъ просить княгиню быть вѣрною своему слову. Прибывшій гость замѣтилъ ея нерасположеніе, и хотѣлъ уже отстать отъ своего намѣренія, но князь Василій, побуждаемый заботливостію о судьбѣ своей племянницы и желаніемъ сдержать слово, сталъ доказывать княгинѣ необхо-

димость ея согласія на союзъ дочери съ Димитріемъ. Убѣжденія не помогли, и князь Василій будучи принужденъ прибѣгнуть къ правамъ дяди, приказалъ совершить бракъ, который какъ заключенный законно, долженъ остаться во всей своей силѣ. Если княгиня Беата хлопочетъ о городахъ, селахъ и хуторахъ, то пускай она ихъ оставитъ себѣ, а Димитрію оставитъ жену. Или союзъ этотъ кажется ей унизительнымъ для роду Острогскихъ? кто выше Димитрія происхожденіемъ, и доблестями? Кто чаще громилъ Татаръ? Не въ Луцкѣ, не въ Бреславлѣ Димитрій поймалъ Татарина Булкулая, — не на пиру онъ отбилъ у Татаръ двадцать семействъ шляхетскихъ. Одаховскій распространяется въ исчисленіи прекрасныхъ качествъ Сангушки, показываетъ королю, что губить можно только при очевидныхъ доказательствахъ, и проситъ, чтобы его не разлучали съ супругою. Наконецъ призываетъ короля въ посредники и проситъ чтобы онъ примирилъ Димитрія съ княгинею Беатою, какъ матерью. Ораторъ признаетъ всю небезопасность своего положенія,— противъ него плачущая мать и ученый юристъ, но за нимъ доброта, мудрость и королевское правосудіе. Одаховскій еще разъ напоминаетъ воинскія заслуги Димитрія, проситъ короля о рѣшеніи для него благопріятномъ, обѣщаетъ вѣрную службу Димитрія, королю и отечеству.

Но правда восторжествовала, Димитрій былъ приговоренъ къ потерѣ чести и своей плѣнницы (pojmania).

Горницкій, который записалъ эти рѣчи, должно быть ихъ слышалъ, и записалъ по своему. Но какъ бы то ни было, рѣчь Чарнковскаго, какъ мы читаемъ ее въ исторіи Горницкаго, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ памятникамъ краснорѣчія.

Юридическая литература и законовѣдѣніе въ Польшѣ, въ продолженіи нашего сочиненія три уже раза было предме-

томъ нашего вниманія: разъ во вступленіи, гдѣ мы изображали исторію развитія польской свсбоды; во второй разъ, когда мы говорили о канонистахъ Краковской Академіи, и въ третій разъ сейчасъ недавно, когда мы говорили о писателяхъ легкихъ, общенародныхъ сочиненій. Что касается канонистовъ, авторовъ легкихъ политическихъ произведеній, то о нихъ намъ нечего прибавлять. Что же касается тѣхъ писателей, которыхъ труды чисто-юридическіе прямо или косвенно имѣли вліяніе на движеніе и физіономію Польши, то о нихъ повторимъ то, что уже сказано нами выше и дополнимъ эти свѣдѣнія.

Станиславъ изъ Войцешина, объяснилъ *Вислицкій Статутъ* и *Уставы* Ягелло (1449 и 1450 г.). *Статутъ Мазовецкій* нашелъ себѣ истолкователя въ *Матвѣѣ изъ Рожана*. Около того же времени *Янъ Остророгъ*, мужъ ума просвѣщеннаго, написалъ *Замѣчанія о главныхъ сеймахъ королевства* (Monumentum pro comitiis generalibus 1459 г.). Остророгъ, современникъ борьбы Казиміра Ягелло съ привиллегіями народа, смотрѣвшій на ихъ перевѣсъ, видѣлъ источникъ и причину зла. Подавая вѣрныя замѣчанія о томъ, какъ избѣжать его, жалуясь на множество и разнообразіе уставовъ Польши, Остророгъ совѣтуетъ собрать ихъ, и привесть къ единству, не творить суда по благоусмотрѣнію одного лица, но по точному смыслу закона. Впрочемъ Остророгъ былъ приверженцемъ Римскаго права. *Янъ Ласкій*, названный на Радомскомъ сеймѣ (1505 года) редакторомъ и составителемъ законовъ писанныхъ и неписанныхъ; неискуснымъ исполненіемъ своего труда лишился права на санкцію сейма. Власть папъ и императоровъ нѣмецкихъ онъ ставилъ выше закона, настаивалъ на исключеніе изъ общества лицъ, находящихся подъ клятвою, воинамъ, отправляющимся въ походъ позволяетъ силою

брать кормъ для скота и продовольствія; все это не могло пріобрѣсть ему популярности у народа, выходившаго уже изъ оковъ власти. *Станиславъ Заборовскій, писавшій о природѣ права,* (de natura jurium) главнымъ образомъ настаиваетъ на необходимость отнять казенныя имущества у лицъ, получившихъ ихъ отъ неосмотрительной щедрости короля Александра.

Сигизмундъ I задумалъ о законѣ общемъ для всѣхъ классовъ и народовъ, подчиненныхъ его скипетру. Поэтъ Яницкій, знавшій эту мысль короля, приготовлялъ умы къ принятію этого закона, и поэтому въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ такъ говоритъ королю:

«Prawa nasze—któremiś uświetnił tę strone,
«Bógdajby wiecznie kwitły nigdy niegwałcone,
«Bogdajby długo służyły naszej potrzebie,
«I długo z tobą, kwitły, jak kwitną przez cicbie
«Jak wyrastają przez cię by zbawienne ziarno,
«Niech prędko całą Polske gałęźmi ogarną,
«Rusinow, ziemie Pruską, Mazowieckich ludzi,
«Niech krzewią się w twej Litwie i na twojej Żmudzi
«Tyle rozlicznych będą posiadasz w twej mocy,
«Aż po ostatnie krańc zaskrzepłéj pólnocy;
«Niech wszystkie bęndą obce sprzeczkom, razterce.
«I niech dobrym twym prawom chętnie dadzą serce [1].

---

[1] Пусть наши законы, которыми ты украсилъ эту страну, никогда не измѣнятся, не будутъ нарушаемы и всегда останутся полезными для насъ. Пусть они процвѣтаютъ при тебѣ и все болѣе и болѣе разростаясь, принесутъ спасительное сѣмя, которое разсѣется по всей Польшѣ и у Русиновъ и въ землѣ Прусской и Мазовецкой—въ твоей Литвѣ и Жмуди. Владѣнія твои доходятъ даже до послѣднихъ предѣловъ льдистаго сѣвера, и всѣ подвластные тебѣ народы, руководствуясь твоими мудрыми законами, будутъ чужды всякихъ ссоръ и несогласій.

Съ этою цѣлію Сигизмундъ I собравъ ученыхъ законовѣдовъ Николая Ташицкаго, Бернарда Мацеіовскаго, Георгія Мышковскаго, Бенедикта Избѣнскаго, Войцеха Поличчу, Николая Качановскаго предложилъ имъ составить законодательный сборникъ, подъ заглавіемъ: *Statuta inclyti Regni Poloniae* (1532 г.). Книга эта раздѣляется на пять главъ; изъ нихъ первая говоритъ о законахъ и обычаяхъ королевства, вторая о судебномъ дѣлопроизводствѣ, третья о правахъ лицъ и имуществѣ, четвертая содержитъ уголовное право, пятая формуляры [1] судебныхъ и должностныхъ дѣйствій. Или этотъ трудъ былъ неудовлетворительно выполненъ, или польскіе магнаты, привыкшіе къ самоуправству, не желали видѣть прочности и однообразія въ постановленіяхъ отечества, неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что сеймъ 1534 года отвергъ этотъ Статутъ, а Петръ Кмита скупалъ и уничтожалъ экземпляры, вошедшіе уже въ употребленіе.

Еще и прежде въ 1527 году Матвей Сливницкій по повелѣнію и подъ руководствомъ Сигизмунда, приготовилъ хорошо составленную книгу городскаго права, въ которой онъ старается соединить уставы магдебургскіе съ мѣстными постановленіями, но и это не понравилось народу, напротивъ шляхетская гордость даже во все исключила мѣщанъ изъ народнаго представительства. Словомъ, въ царствованіе Сигизмунда страсти еще были слишкомъ сильны, а юная еще вырабатывавшаяся свобода народа не позволяла описать себя благоустроенному законодательству.

Въ слѣдующее царствованіе *Яковъ Пржылусскій* рѣшился списать отечественные уставы, что и было имъ исполнено подъ заглавіемъ *Leges seu statuta ac privilegia Regni*

[1] Формуляръ, книга содержащая обряды и порядки.

Poloniae. Сигизмундъ Августъ позволилъ ему издать это произведеніе и оно было напечатано въ тип. вдовы Іеронима Вѣтора 1553 г. Авторъ при составленіи своего свода придерживаясь системы римскихъ законовъ, обѣщалъ примирить часто противорѣчащіе другъ другу постановленія письменныя и неписьменныя, но какъ ревностный дисидентъ, по собственному произволу, онъ внесъ сюда законы въ пользу свободы совѣсти, и къ униженію духовенства, стоявшаго у кормила правленія Польши. Сеймъ неутвердилъ сборника Пржылусскаго, а власть духовная приказала забрать и уничтожить большую часть экземпляровъ. Послѣ Пржылусскаго *Янъ Гербуртъ изъ Фулштына*, слѣдуя внушенію канцлера Яна Оцѣскаго, расположилъ отечественные законы въ ихъ алфавитномъ порядкѣ на языкѣ латинскомъ, а потомъ издалъ ихъ и по-польски, потому что въ 1550 году велѣно всѣ законы писать на языкѣ народномъ. Сочиненіе Гербурта также не было утверждено сеймомъ, но за недостаткомъ другихъ руководствъ оно по необходимости было принято польскими юристами, которые неоднократно на него ссылались.

Варѳоломей Гроицкій трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ и объясненіемъ городоваго права. Шесть сочиненій, которые онъ оставилъ поэтому предмету доказываютъ ясно, что оно изучилъ Магдебургское право и отличалъ постановленія нѣмецкія отъ отечественныхъ. *Павелъ Щербицъ*, начерталъ Магдебургское право подъ заглавіемъ *Speculum Saxonum* (1581 г.). Этотъ переводъ права изъ Нѣмоевскаго, сдѣланъ искусно и удачно примѣненъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Книга Щербица пріобрѣла юридическое значеніе. Между прочимъ мы припоминаемъ то, что читано нами въ привилегіяхъ города Нѣсвѣжа, гдѣ Стефанъ Баторій, утверждая за нимъ нѣмецкое право, ясно

указываетъ на сочиненіе Щербица, какъ на перечень Магдебургскаго права. *Николай Яскеръ* также собиралъ муниципальныя постановленія (1535 г.)

Вотъ и все о законахъ и юристахъ Польши. Что касается Литвы, то Казиміръ Ягелло около 1480 года даровалъ ей *Судебникъ*, который удовлетворилъ главнѣйшимъ юридическимъ потребностямъ края. Вообще, по дѣлу составленія Литовскаго Статута менѣе было хлопотъ, чѣмъ съ законодательствомъ Польши. Литовецъ, новопризванный къ республиканскимъ формамъ правленія, съ благодарностію принималъ все, что ни начертывало самовластіе короля и феодализмъ вельможъ.

Янъ Гаштольдъ канцлеръ Литовскій, по волѣ Сигизмунда I составилъ порусски для Литвы законодательный сборникъ, названный *Статутомъ* (1529 г.) Чрезъ нѣсколько лѣтъ, т. е. 1564 г. сочиненіе это было пополнено, а въ 1588 году уже за предѣлами нашей эпохи оно было окончательно приведено въ порядокъ, переложено на польскій языкъ, и данное Литвѣ голосомъ сейма, сохранилъ свою силу до нашихъ временъ.

Петръ Горынскій составилъ Мазовецкій Статутъ (1541 г.), Станиславъ Карнковскій собралъ провинціальные законы земель и городовъ прусскихъ. (*De jure provinciali terrarum majorumque civitatum Prussiae Cracov* 1574 г.). Христофоръ Нишыцкій списалъ простонародное (bartne) право 1539 и т. д.

Сдѣлаемъ здѣсь намекъ на нѣсколько сочиненій, предметомъ которыхъ было военное искусство. Предки наши знали немного стратегическихъ правилъ. Благочестивый, мужественный, одѣтый желѣзною бронею, не всегда вѣрившій въ строгость военной дисциплины, привыкшій къ трудамъ, неразлучный съ неустрашимымъ подобно ему конемъ,

Полкъ во имя Божіе, безъ большихъ познаній воинскихъ одерживалъ побѣды, подобные Гринвальдской или Обертынской, совершалъ походы подобные Баторіевскимъ на Москву и Лифляндію, укрѣплялъ замки такъ, какъ научала его простая потребность, и не имѣлъ недостатка въ плѣнникахъ татарскихъ для насыпки высокихъ валовъ, для переноски камней на стѣны.

Альбрехтъ, принцъ Прусскій, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ просвѣщенною Европою, лучше быть можетъ знакомый съ военною теоріей, чѣмъ практикой, написалъ на нѣмецкомъ языкѣ: *О порядкѣ войны или искусство вести войну* (von der Kriegs Ordnung oder der Kunst Krieg zu führen 1555) и поднесъ свое сочиненіе Сигизмунду Августу. Книга эта была переведена Матвеемъ Струбичемъ.

Янъ Тарновскій, побѣдитель Валаховъ подъ Обертыномъ, написалъ: *Уставы земскаго права съ прибавленіемъ о защитѣ королевства, о дѣлахъ и обязанностяхъ военныхъ чиновъ* (Ustawy prawa ziemskiego z przydatkiem o obronie koronnéj, o sprawie i powinnosci urzędnikow wojennyeh 1579).

Сборникъ этотъ важный по отношенію къ воинскимъ уставамъ, дышетъ дисциплиною, какую великій гетманъ хотѣлъ завести въ войскѣ. *Станиславъ Сарницкій* написалъ *Гетманскія книги*, до сихъ поръ еще неизданныя. Мы упоминали уже о трехъ брошюрахъ Папроцкаго: *Король, Сенаторъ и Гетманъ*, но они не имѣютъ большихъ достоинствъ по отношенію къ стратегикѣ. *Яковъ Цылецкій* перевелъ четыре книги Юлія Фронтына: *О военной хитрости* и т. д. (O fortelach wojennych).

За войскомъ, которое находилось подъ начальствомъ Баторія и Замойскаго, слѣдовали лагерныя типографіи; одна

изъ нихъ извѣстна подъ фирмою Валентія Лапчинскаго. «Изъ этихъ типографій, пишетъ Юшинскій, выходили реляціи подъ заглавіемъ *Эдикты*; у меня есть такой эдиктъ на польскомъ языкѣ, писанный подъ замкомъ Великими Луками 6 сентября 1580 г., а другой изъ Полоцкаго замка 1579 г. на латинскомъ языкѣ. Это прекрасные памятники событій отечественной исторіи. Почти можно сказать, что это образцы нынѣшнихъ военныхъ предписаній и донесеній. Они обнародываютъ всѣ военныя движенія, ходъ дѣла, добычу, потери, славу отличающихся, донесенія о побѣдахъ и всегда оканчиваются повелѣніемъ пѣть *Te Deum*».

Въ отдѣленіи о легкой литературѣ мы исчислили описанія Польши въ отношеніи географическомъ. Для пополненія того, что уже сказано нами, исчислимъ еще *географическіе чертежи и карты въ Польшѣ*. Въ доказательство того, что географическія карты еще въ 1488 году были извѣстны въ Краковѣ, приводятъ слѣдующія слова Яна Урсина. «Космографы могутъ помѣстить широкую и обитаемую землю на малыхъ табличкахъ.» Урсинъ должно быть видѣлъ одну изъ картъ европейской Сармаціи, которыя дѣлались за границею по описанію Птоломея. Въ этомъ отношеніи извѣстны намъ труды Марка Беневентано, Бернарда Сильвано, Герарда Меркатора и т. д. Чисто польскую карту Флоріанъ Унглеръ издалъ первый въ 1528 г.; другимъ трудомъ въ этомъ родѣ считается атласъ *Вацлава Гродецкаго* 1558 г., изданный въ Базилѣ у Яна Опорина и посвященный Сигизмунду Августу. Карта Гродецкаго пользовалась громкою извѣстностію и была нѣсколько разъ перерисована. *Андрей Поворѣльскій* 1563 г. составилъ карту княжествъ Освѣцимскаго и Заторскаго, а въ 1569 и всей Польши. *Ѳома Маковскій* по порученію Николая Христофора Радзивила выгравировалъ въ Нѣсвѣжѣ карту Литвы съ прило-

меніемъ теченія рѣки Днѣпра; такую же карту издалъ *Матѳей Струбичъ*, переводчикъ книги Албрехта о военной службѣ. Янъ Синицкій начерталъ три украинскіе пути: Кучманскій, Черный и Валахскій, которыми обыкновенно Татары вторгались въ Польшу; въ другой своей картѣ подъ заглавіемъ: *Tabula chorografica Sarmatiarum* (1588) онъ съ точностію обозначилъ важнѣйшія урочища, направленіе рѣкъ, положеніе портовыхъ городовъ, дорогъ и границъ. Свящ. *Касперъ Ганнебергеръ* по старанію и иждивенію князя Албрехта Фридриха, издалъ карту королевской Пруссіи, а въ 1576, издалъ такую же карту но съ меньшими подробностями *Генрихъ А. М.* При Сигизмундѣ Августѣ былъ снятъ планъ любимаго королемъ города Вильны.

Стефанъ Баторій, нуждаясь въ географическихъ картахъ для своихъ походовъ, призывалъ географовъ для начертанія ихъ; такъ: *Станиславъ Пололовицкій*, извѣстный каллиграфъ, который умѣлъ писать на тридцать ладовъ, въ 1579 году чертилъ планъ Полоцка съ замкомъ и округомъ, и быть можетъ за этотъ трудъ получилъ шляхетство въ 1581 г. *Маркъ Бенвентано* и Янъ Ротта составили первую карту Ливоніи; читая *вторженіе въ Москву*—стихотвореніе Кохановскаго, мы должны сознаться, что поэтъ имѣлъ подъ рукою вѣрно составленный планъ военныхъ дѣйствій; такъ точно, съ такою подробностію исчисляетъ онъ каждую деревушку, рѣку, потокъ, церковь, словомъ все то, что встрѣчалось на побѣдномъ пути воинства Радзивиллова.

Къ политической литературѣ нужно также причислить геральдику и гербовники. Въ Польшѣ гдѣ шляхетскій элементъ развился такъ сильно, гдѣ путемъ воинскихъ заслугъ со дня на день увеличивалось число дворянъ, не было еще оффиціальныхъ шляхетскихъ гербовниковъ, потому что они должны были бы подвергаться ежедневнымъ измѣненi-

имъ. Впрочемъ, кромѣ дѣйствительно выслуженнаго дворянства, шляхетство въ Польшѣ было дѣломъ слишкомъ привлекательнымъ для того, чтобы тотъ, кто не имѣлъ его, не покусился при случаѣ присвоить себѣ гербъ и сочинить родословную. Литва, взявшая себѣ въ примѣръ Польшу, начала стыдиться того, что она помнитъ только времена своего Гедимина и Ольгерда, тогда какъ о Полякахъ писалъ Кандлубекъ, что они воевали съ Александромъ, что они происходятъ отъ Попела, а Попелъ отъ Нумы Помпилія. Поэтому и Литовцы создали у себя какихъ-то римскихъ эмигрантовъ Доминпруновъ и Колюминовъ, создали имъ гербы, и серьозно признали ихъ своими прародителями. Если такъ поступали цѣлыя страны, то нѣтъ ничего удивительнаго, что частные роды выдумывали себѣ небывалыхъ праотцевъ, и потомъ сердились на геральдика, если онъ не помѣщалъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Трудно было поэтому призваніе геральдика. Трудиться безъ всякой помощи надъ открытіемъ правды, для прославленія истинныхъ заслугъ, неудовлетворить глупой шляхетской гордости, опустить что-нибудь изъ подробностей по прямой причинѣ,—недостаткѣ матеріаловъ, подвергать себя упрекамъ негодованія, а свое сочиненіе вырыванію карточекъ, на которыхъ они оскорбили какой нибудь домъ, предавать его въ жертву новыхъ дополненій не всегда дѣльныхъ, вотъ какова была ихъ участь! Историческую истину они не разъ должны были измѣнять на подлую лесть, но и это не всегда ихъ защищало отъ преслѣдованій.

Первымъ геральдическимъ сочиненіемъ было произведеніе Длугоша: *О родахъ Польской шляхты* (de familiis nobilitatis Polonicae); о немъ упоминаетъ еще Мѣховита, но Нѣсецкій нигдѣ уже не могъ достать его; значитъ оно было истреблено по тѣмъ именно причинамъ, о которыхъ мы го-

ворили. Другое его сочиненіе: *Описаніе всѣхъ гербовъ или драгоцѣнныхъ камней Польской шляхты* (Omnium armorum sive clenodium Polonicae gentis descriptio), вновь отыскано во Львовѣ. *Янъ Пистори́й* (Pistoryusz) писалъ генеалогію тринадцати перемѣнъ и фамилій, которые господствовали въ Польшѣ (Tredecim Regni Poloniae mutationes et familiarum quae regnum tenuerunt, genealogica explicationes) и вмѣстѣ съ тѣмъ родословную князей Силезскихъ, Мазовецкихъ и Литовскихъ. *Іоахимъ Посселій* (Posseliusz) писалъ о гербахъ Прусскаго дворянства (Insignia familiarum vel origine vel indigenatu Prussicarum), но знаменитѣйшимъ дѣятелемъ на полѣ геральдики былъ *Бартошъ изъ Глоговы Папроцкій* (род. 1540—1613), который съ неутомимою ревностію ѣздилъ изъ одного дома въ другой, по монастырямъ и приходамъ, почерпалъ свѣдѣнія изъ Длугоша, изъ церковныхъ и дѣловыхъ метрикъ, изъ надписей и привиллегій; плодомъ этихъ трудовъ была его польская книга: *Гнѣздо доблести, откуда происходятъ гербы рыцарства славнаго Польскаго королевства* и т. д. (Gniazdo Cnoty, skądherby rycerstwa sławnego Królewstwa Polskiego и т. д. въ Краковѣ въ тип. Андрея Петрковчика 1550 г.). Чрезъ тридцать четыре года, авторъ еще пополнилъ свое сочиненіе и издалъ его подъ заглавіемъ: *Гербы Польскаго рыцарства* (Herby rycerstwa Polsuiego въ тип. Гарвольчика 1584 г.).

Къ несчастію трудолюбивый и способный Папроцкій необладалъ безукоризненною добродѣтелью, писалъ за деньги, однихъ безъ причины прославлялъ, другихъ чернилъ несправедливо, а потому служеніемъ своимъ золоту отнялъ вѣроятіе у своей книги и унизилъ собою священное призваніе историка. Между прочимъ знаемъ, что онъ взялъ деньги съ Кромера за то, что помѣстилъ его между шлях-

тою, какъ будто такой человѣкъ, какъ Кромеръ могъ стыдиться своего мѣщанскаго происхожденія. Въ примѣръ тѣхъ печальныхъ понятій о своихъ геральдикахъ, какіе утвердились между Поляками по милости Папроцкаго, приведемъ здѣсь позднѣйшую жалобу Залускаго на то, что Окольскій мало сказалъ о его родѣ: Симонъ Окольскій Доминиканецъ «издалъ Orbem Polonum, страшный хаосъ: его можно на«звать: fiat lux. Смѣшалъ горохъ съ капустою, обидѣлъ «множество фамилій, равно какъ и мою: видно предки мои «не подкупили его (kuku w ruku); а за то тамъ, гдѣ отнялъ «какое нибудь преимущество, не поскупился на похвалы.

Возвратимся къ Папроцкому. Хотя на немъ лежатъ непростительныя вины, но книга его много терпѣла и совсѣмъ безвинно. Не милосердно вырывали листки всякой разъ, когда-какой нибудь родъ дворянскій находилъ. свое имя на листѣ бурмистровъ, или его гербъ былъ неточно изображенъ или въ ней неповторялась его нелѣпая родословная. Напротивъ рѣшались даже перепечатывать и вставлять цѣлые листы въ его сочиненіе (такихъ вставокъ и поправокъ насчитываютъ до 150), такъ что почти не было никакой возможности найти два сходные экземпляра: *Гербовъ Польскаго рыцарства*. Третье сочиненіе Папроцкаго по части геральдики, это *Панонша* (Panosza), *то есть исчисленіе пановъ и князей земель русскихъ и подольскихъ* (1575).

Хотя Папроцкій пережилъ окончаніе нашей эпохи, доскажемъ однакоже остальныя событія его жизни. Не однимъ только гербовникомъ онъ досадилъ Полякамъ. Одержимый страстію ремотворства, наскучивъ своими ядовитыми колкостями королю Баторію, Замойскому и епископу Розражевскому, и опасаясь ихъ мщенія, онъ два раза убѣгалъ въ Богемію, гдѣ въ числѣ различныхъ брошюръ писанныхъ имъ почешски, онъ издалъ гербовникъ: *Зерцало славнаго маркграфства*

ства Моравскаго (Zwierciadł sławnego Margrabstwy Morawskeho 1593 г.) *Діадохосъ*, или преемство королей и князей чешскихъ 1602 г. *Гербовникъ Силезскій* (Stambuch Sleskij 1609). Но такъ какъ въ Богеміи не смотря на его лесть королю, ему жилось не лучше чѣмъ въ отечествѣ, то въ 1612 г. онъ рѣшился возвратиться на родину, а въ слѣдующемъ году окончилъ свою жизнь.

Такъ какъ исторія, какъ ее теперь понимаютъ, изображаетъ только событія великаго значенія политическаго, то гербовникъ Папроцкаго, какъ памятникъ родовъ, какъ исторія, развитая въ своихъ мелкихъ подробностяхъ имѣетъ великое значеніе мѣстное и нравоописательное.

Къ трудамъ по части польской геральдики, нужно еще причислить *Генеалогію Замойскихъ*, которую начерталъ Янъ Замойскій для своего сына; древній памятникъ *Arma regni Poloniae* безъ текста, содержащій въ себѣ изображенія 145 гербовъ на 76 таблицахъ, и труды Барановскаго и Квіатковскаго.

Наконецъ въ числѣ предметовъ вспомогательныхъ для исторіи, намъ нужно указать еще на частныя жизнеописанія лицъ историческихъ; въ нашей эпохѣ мы имѣемъ ихъ нѣсколько.

Филиппъ Каллимахъ полатынѣ описалъ жизнь кардинала: *Збынева Олесницкаго* и Львовскаго архіепископа *Григорія изъ Санока*. Послѣдняя біографія, списанная съ разсказовъ самого Григорія, съ которымъ Каллимахъ былъ друженъ, имѣетъ прекрасный современный колоритъ. Кажется мы видимъ сановитую фигуру этого дѣятельнаго человѣка, какъ онъ уходитъ изъ дому отца, приходитъ въ Краковъ, потомъ отправляется въ Германію, чтобы изучить тамошній языкъ, столь необходимый въ Краковѣ, тамъ находясь въ обществѣ школьнаго юношества, однихъ

научаетъ, у другихъ учится самъ. Ему нравится наука, но надоѣдаетъ схоластическое направленіе тогдашнихъ наукъ, юноша предпочитаетъ музыку и поэзію; вотъ прекрасный голосъ его раздается подъ сводами храма Пресвятой Богородицы, вотъ юный наставникъ собирается публично читать сладкія идилліи Виргилія. Поэзія проникаетъ въ сердца юношей, а старые академики, предугадывая дарованія Григорія даютъ ему ученую степень, не смотря на то, что онъ не знаетъ схоластической философіи. Вотъ онъ какъ наставникъ Тарновскихъ знакомится съ королевичами, ѣдетъ въ Италію, возвращается облеченный саномъ духовнымъ; будучи Величскимъ священникомъ, онъ сопровождаетъ въ походѣ Варненьчикова (Владислава короля) и начинаетъ богословскій споръ съ кардиналомъ Юліаномъ. Потомъ отстаиваетъ святость договора, заключеннаго съ Турками, и громко возвышаетъ голосъ противъ нарушенія крестнаго цѣлованія, которое разрѣшилъ престолъ Апостольскій, но за которое Богъ жестоко наказалъ пораженіемъ подъ Варною. Григорій отправляется въ Венгрію занимается воспитаніемъ сыновей Гуніада, гоститъ въ домѣ Гары, епископа Варадынскаго, вскорѣ потомъ возвращается въ Краковъ въ качествѣ Венгерскаго посланника, и неожиданно получаетъ мѣсто Львовскаго епископа.—Въ ту именно пору смотрѣлъ на Григорія Каллимахъ и вѣрно начерталъ для насъ его изображеніе. Вотъ передъ нами рослый старикъ съ длинною бородою, высоко-поднятыми бровями, яснымъ и живымъ взоромъ; какъ сепаторъ онъ смѣло говоритъ и пишетъ Казиміру Ягелло, открыто поражаетъ шляхту за присвоеніе королевскихъ имуществъ, то какъ епископъ произноситъ вдохновенныя и цвѣтистыя рѣчи передъ народомъ, примиряетъ съ Богомъ мужеубійцъ, строитъ церковь, скупаетъ села, проводитъ каналъ; то какъ

Поликъ, не смотря на свой преклонный возрастъ и санъ священства строитъ укрѣпленный замокъ для отраженія татарскихъ набѣговъ, и во время нашествія раздаетъ жителямъ оружіе, и личнымъ воодушевленіемъ вливаетъ мужество въ сердца воиновъ; то, наконецъ, какъ хозяинъ мирнаго крова самъ варитъ себѣ медъ, самъ лечится простыми травами, и заботясь о сбереженіи здоровья, ежели нужно заглядываетъ въ книгу *de viribus herbarum* (о свойствахъ травъ). Въ дружеской бесѣдѣ развиваетъ свои вѣрные, возвышающіеся надъ его вѣкомъ, помыслы, осмѣиваетъ *видѣнія на яву* тогдашнихъ философовъ, требуетъ, чтобы при воспитаніи юношества болѣе дѣйствовали на сердце, чѣмъ утомляли умъ сухими умствованіями, говоритъ, что богословіе нужно учить, а не разсуждать о немъ, что для сохраненія отечества болѣе силы сокрыто въ умѣ, чѣмъ въ тѣлѣ. Иногда въ добромъ расположеніи духа, онъ позволялъ себѣ остроумныя шутки,—людей просвѣщенныхъ безъ краснорѣчія сравнивалъ съ лютнею безъ струнъ, когда кто-нибудь хвалилъ красоту своей жены, онъ говорилъ: «не хвали, потому что тебѣ повѣрятъ». Пьяницѣ, который потерялъ свое имущество онъ говорилъ: «еслибы «ты могъ носить воду, то бы ты не сталъ разливаться». — Не много есть біографій, даже въ позднѣйшія времена, которыя были бы написаны такъ характеристически, какъ *Жизнь Григорія изъ Санока*, составленная Каллимахомъ. (De vita et moribus Gregorii Sanocensis Archiep. Leopol).

Историкъ *Янъ Длугошъ* написалъ *жизнь Св. Станислава* (Vita beatissimi Stanislai Cracov. Episc. 1511) по убѣдительной просьбѣ Збигнева Олесницкаго. Если вникнуть въ это строго, то Олесницкій настаивалъ не безъ причины. Подобно тому, какъ св. Станиславъ боролся съ

Болеславомъ за вѣру, такъ Олесницкій боролся съ Казиміромъ Ягелло за народную свободу. Збигневъ, замѣтивъ такое сходство отношеній, быть можетъ хотѣлъ дать почувствовать Казиміру, что онъ готовъ отстаивать свое дѣло хотя бы то до смерти, или представить монарха въ очахъ народа способнымъ до послѣдней крайности преслѣдовать защитника народной свободы. Жизнь самаго Длугоша описалъ какой-то безыменный писатель, хорошо знавшій подробности его жизни и нечуждый понятій объ историческомъ искусствѣ. Длугошъ писалъ біографіи различныхъ польскихъ епископовъ и даже исторію цѣлыхъ каѳедръ. Такъ извѣстны намъ его жизнеописанія архіепископовъ Гнѣзненскихъ, епископовъ Познанскихъ, Плоцкихъ, Вроцлавскихъ.

Изъ позднѣйшихъ, жизнь Кмиты описалъ Оржеховскій, Третеръ жизнь Николая Христоѳора Радзивила, Оржеховскій же жизнь Яна Тарновскаго, Тржецѣскій жизнь Рея. Окончимъ этотъ отдѣлъ нѣсколькими прекрасными чертами, въ которыхъ Оржеховской въ своей польской біографіи, изобразилъ жизнь и богатырскія дѣянія Яна Тарновскаго.

«Тарновскій обладалъ четырьмя качествами, безъ которыхъ невозможно быть добрымъ гетманомъ: трезвостью, дѣятельностью, строгостью (grozę) и распорядительностью. «Подчиненные говорятъ, что никто не запомнитъ, чтобы кто-либо въ Польшѣ соединялъ въ себѣ всѣ эти гетманскія добродѣтели, подобно Тарновскому. Его умѣренность въ питіи была велика, набожность чрезвычайная, въ войскѣ онъ былъ всѣмъ. Какъ конницѣ, такъ и пѣхотѣ не приказывалъ ничего, чего бы самъ не дѣлалъ, но какъ добрый хозяинъ дома, такъ онъ на войнѣ былъ примѣромъ для войска во всѣхъ его обязанностяхъ. Какова была распорядительность этого гетмана, пусть скажутъ о томъ

«его подчиненные. Но я слышалъ отъ вѣрныхъ очевид-
«цевъ, что распорядительность его была велика во всемъ
«войскѣ. Управленіе его ни въ чемъ такъ хорошо не
«обнаруживается, какъ въ военномъ хозяйствѣ, которое
«важнѣе каждаго домашняго хозяйства: и тотъ не можетъ
«быть хорошимъ гетманомъ, кто не можетъ назваться доб-
«рымъ хозяиномъ... Г. Тарновскій былъ строгимъ гетма-
«номъ; не столько хотѣлъ онъ быть грознымъ, сколько
«долженъ былъ быть: потому что по природѣ онъ былъ че-
«ловѣкомъ кроткимъ... Онъ говаривалъ, что польская нату-
«ра такова, что если въ свое время предупредить ее въ
«чемъ-нибудь, то она этого уже не сдѣлаетъ больше, но
«если предоставить ей свободу, то потомъ ея не обузда-
«ешь, до того, что ему хоть колъ на головѣ теши и го-
«вори правду: чего Полякъ сначала не сдѣлаетъ съ ши-
«момъ, того въ послѣдствіи дѣлать никогда не станетъ...
«Слыхалъ я отъ счастливаго Сѣнницкаго, опытнаго и зна-
«менитаго мужа, который скончался во Львовѣ вслѣдъ за
«своимъ гетманомъ и господиномъ, что въ войскѣ Тарнов-
«скаго, послѣ даннаго сигнала глубокое молчаніе было не-
«прерывнѣе, чѣмъ теперь въ храмѣ при совершеніи литур-
«гіи. Природа его была способна къ изъявленію милости и
«гнѣва. Когда онъ былъ въ гнѣвѣ, ты видѣлъ явныя искры
«въ его очахъ, лице его горѣло, спина воздымалась какъ
«у льва, волосы поднимались дыбомъ. Когда же онъ былъ
«милостивъ, тебѣ казалось, что видишь предъ собою ангела
«съ неба, а не человѣка изъ Тарнова.

IX. Наша политическая литература.

Лѣтописи и исторія.

Краткимъ обозрѣніемъ наукъ вспомогательныхъ для исторіи, намъ нужно было предупредить исчисленіе самихъ историковъ. Вспомнимъ, что въ эпоху Пястовъ, мы остановились на Гнѣзненскомъ архидіаконѣ Янкѣ, который описывалъ царствованіе Казиміра Великаго.

Времена Ягелла имѣли своихъ историковъ, которыхъ имена не всѣ извѣстны намъ. Мы имѣемъ *Польскую хронику времень Владислава Ягеллы* (Chronicum Polonorum de temporibus Wladislai Jagiellonis, Regis Poloniae M. D. Lith), и другую о смерти того же монарха, иную о Прусской войнѣ отъ 1455 до 1466 г. (Debello Prutenico); были еще исторіи писанныя Збигневымъ Олесницкимъ, Яномъ изъ Опатовицъ, Бенедиктомъ изъ Познани. Видъ всѣхъ, этого рода исторій, тотъ же, что и хроникъ Пястовыхъ.—Тотъ же односторонній взглядъ, благоговѣніе къ своему богатырю-герою и тѣ же клеветы на его враговъ. Какъ въ эпоху Пястовъ, такъ и теперь перо историческое все еще находилось въ рукахъ монаховъ, которые описывая исторію своего монастыря, обнимали съ тѣмъ вмѣстѣ и современныя событія. Мы знаемъ многія *Лѣтописи* этого рода: *Лѣтописи* Сандомірскія (1430), Вроцлавскія (отъ 1237 до 1470), Трежемешинскія (до 1522 г.) и т. д. Трудъ одного, продолжалъ послѣ него другой монахъ, призванный къ этому, и аккуратный въ однихъ только числахъ, на событіяхъ смотрѣлъ сквозь призму своихъ понятій, или ихъ выдумывалъ безъ всякаго обсужденія и критики. Но въ началѣ XV в. стали вырабатываться болѣе здравыя понятія историческія. Народное представитель-

ство, сдѣлавшееся формою правленія, упадокъ самовластнаго насилія бароновъ, ободрили историковъ въ записываніи истины, которую теперь можно было говорить и громче и открытѣе. Чтеніе историковъ древнихъ, выработало историческій фактъ и имѣло вліяніе на образованіе понятій историческихъ у самихъ писателей. Здѣсь мы можемъ привести два прекрасные тому примѣра. Григорій изъ Санока, о которомъ мы только что говорили, авторъ книги, потерянной въ рукописи: *О призваніи короля Владислава на престолъ Венгерскій и его походъ противъ Турокъ* (de evocatione Vladislai Regis ad Regnum Ungariae), когда его спросили мнѣнія о родословной Поляковъ, помѣщенной у Кадлубка, отвѣчалъ, что думаетъ, что Поляки происходятъ отъ Винидовъ славянскихъ, и въ доказательство того приводилъ удачныя сравненія обычаевъ, недостатковъ, и качествъ обоихъ народовъ. Кадлубекъ нашелъ себя просвѣщеннаго критика *въ Петрѣ изъ Бинна*, который укорялъ его въ легкомыслія, пристрастіи къ мелочамъ, за удивленіе вещамъ обыкновеннымъ, за домашній взглядъ на дѣла политическія и неосвоенность съ жизнію общественною,—словомъ упрекалъ Кадлубка въ томъ, что въ хроникѣ своей онъ доказалъ свой собственный умъ, а не величіе своихъ историческихъ предковъ.

Третьимъ критикомъ Кадлубка былъ Краковскій академикъ Янъ Домбровка. Схоластическая точка зрѣнія, съ какой почтенный профессоръ смотрѣлъ на труды стараго лѣтописца, не много придала достоинствъ его изслѣдованіямъ. Свой комментарій онъ вдохновилъ не духомъ здраваго разсудка, но ученымъ современнымъ образованіемъ. Возвратимся къ историкамъ.

Ѳома изъ Стрэмпина по латынѣ составилъ: *Памятники своихъ временъ* (скон. 1460 г.). Томе сдѣлалъ Доминикъ

канецъ Германъ Корнеръ, Петръ Эшенлогеръ написавшій исторію города Бреславля и наконецъ Павелъ Владимири, мужъ политическій, многократно бывшій посланникомъ у папы и нѣмецкаго императора. Его сочиненія противъ крестоносцевъ, въ особенности же описаніе войнъ послѣднихъ съ невѣрными, могутъ служить важными матеріалами для исторіи.

Всѣ эти исчисленные нами историческіе труды, послужили Яну Длугошу источниками при составленіи его незабвенной латинской хроники, къ которой онъ приступилъ съ должнымъ приготовленіемъ. Опытный дипломатъ, наставникъ польскихъ королевичей, очевидецъ дѣяній Казиміра Ягелло, другъ и нерѣдко органъ великаго министра Збигнева Олесницкаго, онъ могъ приступить къ составленію исторіи, а его правдивость, благочестіе и любовь къ отечеству, служили вѣрнымъ ручательствомъ, что онъ совершитъ свой трудъ добросовѣстно.

Збигневъ Олесницкій убѣдилъ его взять на себя этотъ трудъ, но онъ и самъ сознавалъ потребность составленія нова гонсторическаго сборника. О временахъ прошедшихъ онъ говоритъ на основаніи свидѣтельствъ своихъ предшественниковъ, современная событія чаще всего изображаетъ по собственнымъ убѣжденіямъ очевидца.

Въ первой части, т. е. именно тамъ, гдѣ онъ пользовался чужими свидѣтельствами, онъ сбивчивъ и неясенъ. Мы видѣли, какъ не основательно и фантастически писали о происхожденіи народовъ лѣтописцы эпохи Пястовъ. Длугошъ довѣряясь имъ разсказываетъ множество басней, которые должны разсѣяться предъ голосомъ критики, какъ мгла предъ свѣтомъ. Трудъ носитъ на себѣ отпечатокъ слiянія въ одно различныхъ, не всегда между собою согласныхъ источниковъ. Трудъ свой ведетъ онъ по годамъ, при-

мѣшиваетъ къ нимъ событія отъ себя, и изъ хроникъ польскихъ, богемскихъ, русскихъ; прибавляетъ простодушныя и наивныя легенды о святыхъ, обозначаетъ основанія храмовъ, дѣянія епископовъ, а иногда разсказъ какого-нибудь старца, который помнилъ эти времена.

Съ прибытія въ Польшу Владислава Ягелло, хроника Длугоша, пріобрѣтаетъ болѣе занимательности. Лучшія источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свѣдѣнія, источники, вышедшіе изъ рукъ такихъ людей, какъ Олесницкій или Владимири, богатство фактовъ, а наконецъ и собственное воспоминаніе того, чему онъ былъ свидѣтелемъ, какъ посолъ, какъ домочадецъ и другъ короля, и его перваго министра— сдѣлали книгу Длугроша по истинѣ достойною имени исторіи. Въ послѣднихъ книгахъ онъ снова теряетъ интересъ, дѣлается болтливымъ и одностороннимъ, потому что время о которомъ онъ говоритъ, еще слишкомъ свѣжо для того, чтобы быть предметомъ исторіи.

Цѣлость книги Длугоша имѣетъ видъ нѣсколько уродливый — но богатство фактовъ, и вѣрность съ которою описаны событія, составляютъ ея достоинства — языкъ Длугоша не лучше своей эпохи.

Длугошъ сознавалъ потребность исторіи для отечества. Въ концѣ двѣнадцатой книги, онъ заклинаетъ своихъ преемниковъ продолжать его трудъ, внѣнить комунибудь изъ членовъ Краковской академіи, въ обязанность замѣчать текущія событія исторіи и записывать ихъ для потомства.

Совѣта этого не послушались, но съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія событія исторіи не могли потеряться; исторія дождалась мужей, которые обработывая ее по частямъ, описали всѣ происшествія. Хроника Длугоша оканчивается 1480 годомъ. Въ наши времена Длугошъ дождался прекраснаго переводчика въ Густавѣ Борнеманѣ.

Достойнымъ преемникомъ Длугоша былъ Краковскій академикъ *Матвей изъ Мѣхова*, обыкновенно называемый *Мѣховитою*. Въ своей латинской лѣтописи, онъ вкратцѣ передаетъ сочиненіе Длугоша, во вступленіи описываетъ его смерть и погребеніе, а съ 1480 разсказываетъ исторію своего времени. Продолжая повѣствованіе о царствованіи польскихъ королей Яна Альбрехта и Александра, онъ остановился на 1516 г. Два года спустя по написаніи хроники Мѣховиты польскіе вельможи обязали его выбросить нѣкоторыя мѣста, другіе измѣнить, потому что тогда движеніе политическихъ мнѣній было еще живо, и не перелилось въ постоянную, однообразную форму; плохое правленіе королей, усиленіе средняго шляхетскаго класса, упадокъ важнаго значенія магнатовъ, таковы были начала изъ которыхъ должна была выработаться будущая форма правленія въ Польшѣ, и которыхъ дѣе писателю нужно было только коснуться слегка, непринѣтно.

Возвращаясь къ Мѣховитѣ скажемъ, что онъ поступилъ легкомысленно. Въ началѣ онъ слѣпо принялъ все то, что вычиталъ у Длугоша; а Длугошъ черпалъ изъ Кадлубка, Дзѣржвы, Нестора и Виганда; далѣе Мѣховита, будучи астрологомъ академіи, не можетъ не взглянуть на звѣзды всякой разъ, когда случилось что-нибудь на землѣ. Прибытіе ли посла, съѣздъ ли князей, сеймъ или война, все это находитъ у него какое-то предсказаніе о себѣ въ созвѣздіяхъ.

Историческое перо Мѣховита преемственно перешло къ *Юсту Децію* (Deciuszowi) который прибылъ въ Польшу изъ Виссенбурга еще въ молодости, былъ при дворѣ Сигизмунда I, потомъ вмѣстѣ съ Яномъ Ласкимъ посломъ въ Венеціи, наконецъ исполнялъ другіе меньшія должности.

Подобно тому, какъ Мѣховита сокращалъ Длугоша, такъ онъ сокращая Мѣховиту довелъ свой разсказъ до 1516 г.

Сочиненіе Деція отличается простотою; онъ вообще напоминаетъ намъ древнихъ лѣтописцевъ, но при всемъ томъ менѣе легковѣренъ, не вѣритъ чародѣйствамъ, напротивъ проходитъ событія историческія съ нѣкотораго рода критикою. Книга Деція была напечатана въ 1518 г. Другое его произведеніе *о Фамиліи Ягеллоновъ* (o Familii Jagiellonskiej) въ отношеніи историческомъ имѣетъ тѣ же достоинства.

Есть извѣстія, что послѣ Деція *Янъ Тарновскій*, описывалъ благополучное царствованіе Сигизмунда I, но сочиненіе его потеряно, а какъ на дополненіе къ нему указываютъ на хронику *Бернарда изъ Рахматовицъ Ваповскаго*, которая продолжается до 1535 года. Сочиненіе это было потеряно до нашихъ временъ, и только отрывокъ, которымъ Плаза пополнилъ сказанія Кромера, далъ намъ чувствовать всю важность потери, понесенной нашею литературою. Но недавно отысканная, переведенная и обогащенная драгоцѣнными пополненіями Николая Малиновскаго, хроника Бернарда Ваповскаго можетъ дополнить собою рядъ историковъ польскихъ. Она обнимаетъ исторію нашего народа съ начала ее, иногда идетъ въ слѣдъ за Длугошемъ, иногда руководствуется другими, часто пробуетъ даже свои силы, но изслѣдованія этого рода не болѣе счастливы, чѣмъ изслѣдованія его предшественниковъ. Дошедши наконецъ до царствованія Казиміра Ягелло, онъ ведетъ дѣло точно, критически, и по чувству не чуждый призванія историка, онъ подробно зналъ происшествія не своего только отечества, но и событія другихъ земель, какъ-то, турецкія, венгерскія, и крестоносцевъ, такъ что ученому его переводчику, въ не многихъ мѣстахъ только стоило поправить неточность или ошибочность сказаній Ваповскаго.

Мартинъ Кромеръ человѣкъ ученый, неоднократно бывшій посломъ, епископъ Вармейскій служившій важною опо-

рою церкви, мужъ, который изъ мѣщанскаго сословія умѣлъ подняться до первыхъ ступеней церковнаго и министерскаго управленія, задумалъ оказать услугу своимъ соотечественникамъ, и составить исторію болѣе точную и удобную для чтенія, чѣмъ труды всѣхъ его предшественниковъ. Ему не трудно было сдѣлать это, потому что онъ обладалъ великими способностями, плавностію слога, и для руководства имѣлъ тысячи средствъ, и такое богатство матеріаловъ, какое составляли исторіи Длугоша, Деція, Ваповскаго. Коснувшись происхожденія Польши, прекрасно и съ разныхъ сторонъ онъ изображаетъ эпоху Пястовъ, великолѣпно рисуетъ фигуры Локстка и Казиміра В., разсказываетъ дѣянія Ягеллы и Ягеллоновъ; здѣсь ни мало не заботясь о томъ, что оскорбленныя страсти могутъ обрушиться на голову историка, что онъ задѣнетъ гордость магнатовъ, самолюбіе короля и предразсудки шляхты, онъ смѣло изображаетъ истину такъ, какъ онъ ее видитъ и понимаетъ.

Но дошедши до своихъ временъ, до временъ, когда онъ разыгривалъ столь блистательную роль, Кромеръ упалъ духомъ и неотважился описывать царствованіе Сигизмунда I. Пять лѣтъ онъ трудился надъ своимъ сочиненіемъ, пополнялъ и исправлялъ его, будучи посланникомъ у императора Фердинанда, на дипломатическомъ сеймѣ во Франкфуртѣ. Онъ дождался перевода своего сочиненія на языки нѣмецкій и отечественный, видѣлъ четыре его изданія какъ въ Польшѣ, такъ и заграницею. Сеймъ 1550 года торжественно благодарилъ его за составленіе исторіи.

Если первые годы царствованія Сигизмунда I нашли себѣ историка въ Ваповскомъ, то послѣднія, его дѣянія, въ особенности же *Война Кокоша подъ Львовомъ*, вызвали Станислава Оржеховскаго къ составленію польскихъ лѣтописей (Annales Poloniae). Лѣтописи его продолжаются до 1552

рода и обнимаютъ собою первые годы царствованія Сигизмунда Августа. Это времена достопамятныя, видныя въ исторіи. Сеймовая буря, среди которой Боратынскій преклонялъ колѣна, а Кмита стучалъ маршальскимъ жезломъ, требуя у короля расторженія брака съ Варварою-Радзивилъ, интриги Боны, твердость монарха, все это Оржеховскій передалъ живо, наглядно: Но въ слѣдъ затѣмъ, когда пришла очередь говорить ему о Павлѣ Дзіадускомъ и о своихъ съ нимъ спорахъ, Оржеховскій забылся что пишетъ отечественную исторію, и сталъ изображать смутную исторію собственной жизни. Характеристическую черту Оржеховскаго составляетъ смѣлость, доходящая иногда до неуваженія къ королю.

Затѣмъ слѣдуютъ одинаковыя по своему объему, но гораздо низшаго достоинства: *Дѣянія королевства Польскаго съ приложеніемъ нѣкоторыхъ посторонкихъ вещей отъ 1538 до 1572 года, Луки Горницкаго*, автора *царедворца* (Dzieje w Koronie Polskiej z przyłożeniem niektórych postronnych rzeczy, od roku 1538 do 1572 przez Łukasza Gornieckiego.) Дѣло княжны Гальшки Острогской занимаетъ здѣсь большую половину сочиненія, о другихъ происшествіяхъ упоминается только слегка. Впрочемъ Горницкій чрезчуръ уже былъ придворнымъ для того, чтобы ему можно было безпристрастно писать исторію. Междуцарствіе по смерти Сигизмунда Августа, правленіе Валуа и Стефана Баторія имѣло двухъ историковъ; первымъ былъ Христоворъ Варшевицкій, вторымъ былъ Янъ Димитрій Соликовскій. Варшевицкій, проникнутый ревностію о православіи, смотрѣлъ на вещи съ іезуитской точки зрѣнія; впрочемъ событія изображаетъ просто, какъ лѣтописецъ.

Въ памятникъ польскихъ событій Суликовскаго (Commentarius Rerum Polonicarum), разсказывается про-

красивымъ цвѣтистымъ слогомъ много новыхъ вещей, потому что Сулликовскій, будучи придворнымъ Сигизмунда Августа, посломъ къ Генриху Валуа, и Львовскимъ архіепископомъ при Баторіѣ многое видѣлъ, и на многое имѣлъ вліяніе. Но сочиненіе его болѣе похоже на частный мемуаръ, чѣмъ на общественную исторію. Сужденія его, довольно впрочемъ вѣрныя и критическія были высказаны подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ личныхъ побужденій.

Къ историкамъ Стефана Баторія относятся еще Станиславъ Сарницкій, Венеціанецъ Михаилъ Брутто, и отецъ и сынъ Гейденштейны.

Сарницкій въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: *Лѣтописи, или о происхожденіи и дѣяніяхъ Поляковъ и Литовцевъ* (Roczniki, czyli o początku i dziełach Polakow i Litwinow—Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum ac Lithuanorum libri VIII 1587 г.) снова принялся за разработку сказаній о происхожденіи польскаго народа, о которомъ уже столько было написано. Разсказы его полны басней и натяжекъ, полны противорѣчій и догадокъ, полны анахронизмовъ. Допустивъ нѣсколько ошибокъ во временахъ болѣе къ нему приближенныхъ онъ не смѣетъ повѣствовать о правленіи Стефана Баторія.

Этотъ монархъ достойный быть героемъ исторіи, ясно сознавалъ важную потребность — имѣть исторію своего времени. Слѣдуя его внушенію, Сарницкій взялся было за перо, но видно трудъ его неудовлетворилъ ожиданіямъ монарха, потому что Стефанъ избралъ себѣ въ исторіографы Михаила Брутто, назначивъ ему ежегодную плату, и удобное помѣщеніе въ Краковскомъ замкѣ. Исполняя свое призваніе, Брутто описалъ дѣянія Стефана во время войны съ Москвою (De rebus gestis Stephani Regis Pol. contra M. Moschorum Ducem narratio Romae 1582). Другое

сочиненіе Брутта обнимаетъ собою весь періодъ правленія Стефана Баторія и дальнѣйшую судьбу Польши до пораженія эрцъ-герцога Максимиліана подъ Бучиномъ.

Рейнольдъ Гейденштейнъ описывалъ побѣды надъ Москвою, его исторію еще въ рукописи пересматривалъ и поправлялъ самъ Стефанъ Баторій.

Трудъ Гейденштейна не вездѣ носитъ на себѣ печать одинаковаго совершенства, но онъ углубляется и вѣрно описываетъ природу государствъ, положеніе городовъ русскихъ, климатъ, духъ трактатовъ, и пружины сеймовъ. Здѣсь были затронуты нѣкоторыя личности, почему сочиненіе Гейденштейна старались истребить.

Трудъ Рейнольда Гейденштейна пополнилъ сынъ его Яковъ описаніемъ событій отъ смерти Сигизмунда Августа до избранія Стефана Баторія; но онъ далеко уступаетъ талантамъ своего отца. Его занимаютъ мелочи, онъ не изслѣдуетъ важнѣйшихъ причинъ, не объясняетъ характеровъ.

Наконецъ намъ остается еще указать на два великіе историческія имени: Мартина Бѣльскаго и Матвея Стрыйковскаго.

Мартинъ Бѣльскій въ 1554 году издалъ *Всемірную хронику* (Kronike swiata) — изображеніе всеобщей исторіи отъ сотворенія міра до Сигизмунда Сочиненіе это носитъ на себѣ отпечатокъ упорнаго постоянства въ трудѣ и образованія, какое только возможно было во время предразсудковъ и легковѣрія, но непревышающаго понятія своего вѣка. Сочиненіе это начинается космографіею, то есть измѣреніемъ земли по градусамъ географическимъ, затѣмъ слѣдуетъ избранная изъ древнихъ лѣтописей и сказаній исторія первыхъ государствъ міра, въ слѣдъ затѣмъ сокращенная исторія Греціи и Рима, и наконецъ Бѣльскій говоритъ о дѣяніяхъ собственнаго отечества, но эта послѣдняя часть,

есть извлеченіе изъ хроники Ваповскаго, которая была очень рѣдкою въ то время и почти потерянною. Съ перваго взгляда видна здѣсь разпообразная наборка матеріаловъ, нѣтъ нити, которая бы связывала въ одно цѣлое эти различные и разсѣянные источники.

Осьмую часть всемірной хроники пополнилъ и издалъ подъ заглавіемъ: *Польская хроника*, сынъ Мартина, Іоахимъ Бѣльскій. Здѣсь съ большимъ уже стараніемъ собраны факты изъ царствованія Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, но все еще нѣтъ исторической критики, нѣтъ пружинъ, которыя были причиною дѣйствія, потому что дѣянія, о которыхъ тамъ говорилось были еще свѣжи въ памяти, а Бѣльскіе были слишкомъ осторожны для того, чтобы самимъ вызывать бурю, которая и безъ того висѣла надъ ихъ головами; обоихъ ихъ подозрѣвали въ приверженности къ неправовѣрнымъ религіознымъ началамъ. Правда они не принадлежали къ протестантамъ, но быть можетъ были заражены какими-нибудь некатолическими догматами или быть можетъ очень просто, личная непріязнь воспользовалась этимъ оружіемъ, чтобы очернить сочиненія Бѣльскихъ, щекотливыя какъ и всякая новая исторія. Въ одномъ мѣстѣ всемірной хроники Мартинъ Бѣльскій бросилъ легкую тѣнь на чистоту намѣреній св. Станислава, въ другомъ повторилъ сказку о папѣ женщинѣ, что и было поводомъ, по которому Бѣльскихъ провозгласили еретиками, а ихъ сочиненія небезопасными.

Въ числѣ поэтовъ мы уже упоминали *Матвея Ошостовича Стрыйковскаго*, здѣсь скажемъ о немъ, какъ объ историкѣ, написавшемъ чрезвычайно важную хронику подъ заглавіемъ: *Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси, какой никогда еще не видалъ свѣтъ* (Którą przed tym nigdy swiatła nie widziała, Kronika Pol-

ska, Litewska, Zmódzka y wszystkiey Rusi etc. въ Кролевцѣ 1582 г.). Бросимъ взглядъ на это сочиненіе.

Въ монастыряхъ Литвы и Руси существовалъ между чернецами обычай записывать происшествія своего времени. Хроники эти непечатанныя, имѣвшія значеніе однихъ мѣстныхъ памятниковъ, писанныя на языкѣ русскомъ, выказывающія большее или меньшее образованіе тѣхъ, которые ихъ писали, большими или меньшими ошибками переписчиковъ, скрывались въ стѣнахъ монастырскихъ, какъ *напр. Лѣтописи Воскресенскія*, *Волынскія*, *Литовскія*. Стрыйковскій собравъ до пятнадцати такихъ хроникъ составилъ изъ нихъ свою книгу. Лично, какъ воинъ, зная Москву, Русь, Ливонію, житель Швеціи и Жмуди, вездѣ куда ни заносила его судьба онъ списывалъ, замѣчалъ, чертилъ матеріалы для своего сочиненія и посѣтилъ Турцію и древнюю Грецію. Онъ по частямъ издавалъ свой трудъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ во всемъ объемѣ не издалъ его подъ тѣмъ заглавіемъ, которое уже намъ извѣстно. Стрыйковскій историкъ Литвы, по преимуществу съ этой точки зрѣнія мы и будемъ смотрѣть на его трудъ.

Современныя понятія сильнѣе всего отразились въ его сочиненіи. Такъ какъ въ Польшѣ главнымъ образомъ заботились о заслугахъ, длинной и славной генеалогіи предковъ, Стрыйковскій думалъ, что облагородитъ Литву тѣмъ, что Богъ знаетъ кому повѣривши, или по собственному изобрѣтенію, произведетъ Литовцевъ отъ римскихъ эмигрантовъ и дастъ имъ въ родоначальники Палемона. Передѣлывая названіе литовское на римское, онъ непремѣнно хотѣлъ отыскать родоначальниковъ Литвы гдѣ-нибудь далеко, во мракѣ вѣковъ, надъ Тибромъ, потому что земля латинская столь славная, и древняя, по понятіямъ современниковъ считалась благороднѣйшею изъ всѣхъ странъ свѣта.

Составляя хронику во времена народнаго представительства, Стрыйковскій пропустилъ деспотизмъ древно-литовскихъ князей; онъ вѣритъ въ избраніе, въ политическое значеніе народа и литовскихъ бояръ. Польскія понятія XVI в. исказили взглядъ Стрыйковскаго на исторію иныхъ эпохъ, народовъ и обычаевъ.

Схоластическій методъ, которымъ напитала Стрыйковскаго Краковская академія, методъ не разбиравшій источниковъ, легко довѣрявшій каждому свидѣтельству, не малое также имѣлъ вліяніе на его сочиненіе; онъ думалъ, что исторію можно писать также, какъ и поэму, только по божественному призванію, и поэтому прибѣгалъ къ вымысламъ всякій разъ, когда серьозныя изслѣдованія не могли довести его къ цѣли. Сочиненіе его представляетъ безобразную смѣсь истины и сказокъ, любопытныхъ извѣстій, и ложныхъ догадокъ, прозы и стиховъ иногда прекрасныхъ, а иногда только сносныхъ. Таковы недостатки Стрыйковскаго: но Литва и потомство обязаны ему благодарностію за сохраненіе памятниковъ древней вѣры и древнихъ до христіанскихъ обычаевъ, за внесеніе въ свою книгу хроникъ, которые готовы были уже потеряться, словомъ, за всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ, и которыя безъ него должны были пропасть, оставивъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи о своихъ предкахъ.

X. ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЯГО КРУГА.

Сельское хозяйство.—Народная медицина.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о предметахъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ домашней жизни Поляковъ, о предметахъ, которыхъ невозможно было включить ни въ одинъ изъ отдѣловъ нашего разсказа, скажемъ нѣсколько словъ о книгахъ, къ которымъ обращался Полякъ въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ и въ своихъ физическихъ страданіяхъ. Хозяйство Польши, которое богатою жатвою награждало труды земледѣльца, и весною ежегодно посылало по двумъ морямъ корабли нагруженныя хлѣбомъ, это хозяйство еще не поднялось на степень агрономической науки, но было однимъ собраніемъ практическихъ наблюденій и трудъ для хозяевъ замѣнялъ всѣ знанія. Но польскіе хозяева чувствовали иногда потребность записывать свои наблюденія, и сообщать другимъ тѣ знанія, которыми пользовались они сами. Приступая къ обозрѣнію подобнаго рода сочиненій, не неумѣстно было бы во главѣ ихъ помѣстить, новообнародованные *Уставы*, начертанные Сигизмундомъ Августомъ для владѣльцевъ и старостъ королевскихъ имуществъ. Изъ этихъ уставовъ мы можемъ изучить и способъ хозяйственной распорядительности древнихъ Поляковъ, и ту хозяйственную экономію, какою обладалъ одинъ изъ величайшихъ нашихъ королей. Что же касается книжно-хозяйственной литературы, то въ эпоху Ягеллоновъ она была еще слишкомъ бѣдна, и едва можетъ дать понятіе о томъ, что страна наша была нѣкогда хозяйственною и богатою. Мы повторяемъ, что польское хозяйство, управляемое однимъ только навыкомъ, уже въ половинѣ XVI в. плохо от-

странялась отъ того землевоздѣлыванія, и выгоднаго устроенія дорогъ, мостовъ, рѣкъ и каналовъ, какимъ гордились тогдашніе Нѣмцы. Польскіе и литовскіе лѣса лишались драгоцѣнныхъ матеріяловъ, большая часть земель оставалась безъ употребленія. Сатира Кохановскаго именно представляетъ картину Польскаго хозяйства, еще не зрѣлаго, истреблявшаго лѣса, и вмѣстѣ съ тѣмъ изображаетъ то стремленіе и любовь къ плугу, какое почувствовали Поляки, любившіе роскошь и излишества.

Древнѣйшимъ изъ польскихъ сочиненій о хозяйствѣ считается переводъ книгъ *Кресцентика*, сдѣланный Андреемъ Тржецѣскимъ (1549 г.). Къ тому же времени и роду относятся: безименная книга, написанная стихами подъ заглавіемъ: *Хозяйство для молодыхъ и неопытныхъ хозяевъ* (Gospodarstwo dla młodych i nowotnych gospodarzów), въ которой авторъ перебираетъ всѣ отрасли домашняго управленія, и если не хозяйству, то, по крайней мѣрѣ, можетъ научить насъ древнимъ домашнимъ обычаямъ Польши. Много драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи оттѣнковъ можно найдти въ *Изображеніи честнаго человѣка* Рея. — *Альбрехтъ Струженскій* написалъ недошедшее до насъ сочиненіе *О землепашествѣ* (O rolnictwie),—и книгу которая извѣстна у насъ подъ заглавіемъ: *О дѣланіи, сыпаніи, измѣреніи и разведеніи рыбъ въ прудахъ; также о перекопахъ, считаніи и проведеніи воды* (O sprawie wymierzaniu, sypaniu i rybieniu stawow; także o przekopach i nażeniu i prowadzeniu wody, Краковъ 1573 г.); дошло до насъ также *Хозяйство* Гостомскаго отъ 1586 г., *О рыбникахъ и рыбахъ* Януша Дубровскаго (o rybnikach i rybach) и наконецъ Матвѣя Цыганскаго *о Птичьей охотѣ* (1584 г.).

Поочереди слѣдуетъ народная медицина. При печальномъ состояніи врачебнаго искусства, какое мы видѣли, говоря о медицинскомъ факультетѣ Краковской академіи, по истинѣ нужно благословлять тѣхъ людей практическихъ, которые для здравія страждущаго человѣчества, оставили намъ нѣсколько книгъ народной медицины. Однимъ изъ лучшихъ сочиненій въ этомъ родѣ есть народная медицина, писанная домашнимъ докторомъ Пилецкихъ, а въ слѣдъ за тѣмъ изданная *Мартиномъ Сѣнникомъ* въ 1564 году. Умно и заботливо научаетъ онъ, какъ хранить умѣренность въ пищѣ и питіи, какъ содержать жилище, какъ пользоваться сномъ, какъ примѣнять пищу и питіе къ состоянію здоровья. *Іеронимъ Спичинскій* писалъ *О здѣшнихъ и заморскихъ травахъ* (O ziolach tutejszych i zamorskiech) 1842 года, а Сѣнникъ, выше упомянутый нами, пополнилъ и издалъ это сочиненіе въ 1568 г.—Собраніемъ, быть можетъ всѣхъ тогдашнихъ врачебныхъ понятій, служитъ книга *Стефана Фалимержа*, печатанная въ 1534 году въ типогр. Угнлера, гдѣ онъ говоритъ не объ однихъ только травахъ, но и о различныхъ другихъ предметахъ, имѣющихъ врачебное свойство. Сочиненіе это наполнено ошибками и носитъ слѣды вѣрованій того времени; Фалимержъ, не возвышавшійся надъ духомъ того вѣка, въ которомъ писалъ, вѣритъ вліянію звѣздъ и созвѣздій на состояніе человѣческаго здоровья.

Благородныя побужденія вдохнули Сендомирскому канонику, *Мартину изъ Ужендова* мысль составить лекарскій травникъ, что и было имъ исполнено подъ заглавіемъ: *Польскій травникъ, то-есть о свойствѣ травъ и различныхъ деревъ* (Herbarz polski to jest o przyrodzeniu ziol i drzew rozmaitych). Разсматривая все то, что было сдѣлано до сихъ поръ, почтенный Мартинъ съ сожалѣніемъ

видѣлъ, что одни изъ книгъ писаны полатынѣ и уже потому самому недоступны для страждущаго народа; другія подобно книгѣ Фалимежа, хотя изданы и по польски, но наполнены ошибками, которые могутъ имѣть на здоровье человѣческое одни лишь плачевныя послѣдствія. Видя, какъ онъ говоритъ, что ни одинъ врачъ не сострадаетъ печальному состоянію человѣчества, онъ рѣшился по польски объяснить названія травъ, и описать ихъ цѣлительныя свойства. Сочиненіе Мартина изъ Урженцова, сдѣлавшееся на долго подручною книгою польскихъ хозяевъ и хозяекъ, принадлежитъ къ прекраснымъ памятникамъ прошедшаго. На томъ же поприщѣ трудился *Симонъ Сыреній*, котораго *Травникъ, называемый на языкѣ латинскомъ, гербаріемъ* вышелъ чрезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи нашей эпохи, подъ покровительствомъ шведской королевы Анны, сестры Сигизмунда III. Знатокъ своего дѣла, знаменитый въ послѣднее время ботаникъ, нашъ священникъ Станиславъ Юндзиллъ, въ своемъ *Описаніи растеній*, такъ говоритъ о важности труда Сыренія: «въ немъ старательно собраны «всѣ изобрѣтенія, въ немъ описаны всѣ почти отечествен- «ныя травы, употребляющіяся въ медицинѣ, въ немъ до на- «шихъ временъ сохранились древне-польскія наименованія «растеній, и указано ихъ употребленіе врачебное, эконо- «мическое, ремесленное.»

Мы упоминали уже (на стр. 155 этого сочиненія) о произведеніяхъ Петра изъ Кобылина, Петра Умястовскаго, Андрея Глябра изъ Кобылина и Валентія изъ Люблина, прибавимъ еще, что Войцехъ Очко, родомъ Чехъ, придворный врачъ Стефана Баторія, оставилъ сочиненіе на польскомъ языкѣ *о Банях* (o Cieplicach) 1578 и описалъ: *Качество или придворную болѣзнь* (Przymiot czyli Dworską chorobę, 1571 года).

Имя Войцеха Очки воскрешаетъ въ нашей памяти прекрасныя слова, сказанныя ему почтеннымъ старикомъ Яномъ Длугошемъ Соликовскимъ, когда въ послѣднюю его болѣзнь Янъ Замойскій прислалъ къ нему этого знаменитаго врача. Соликовскій кротко сказалъ ему: «Ваше совершенство мо«жетъ уменьшить мои страданія, но оно не удалитъ неизлечимыхъ болѣзней—каковы трудъ и возрастъ. Мой любез«ный Очко! я уже слышу какъ время точитъ свою косу на «этотъ созрѣвшій колосъ. Оставьте въ покоѣ старика, ко«торый послѣ тяжелаго странствованія, желаетъ отдохнуть. «Ни въ чемъ онъ не можетъ быть для васъ полезнымъ, «потому что и слабыхъ рукъ своихъ онъ уже не можетъ «воздавать къ Богу, Господу силъ, за спасеніе Рѣчи Пос«политой. Спасайте Замойскаго и Карла Ходкѣвича, пусть «они приводятъ враговъ и злыхъ людей къ Богу и Господу «своему, пускай Богъ укрѣпляетъ слабыя силы. Милый Очко «благодарю, привѣтствую и благословляю васъ, а себѣ го«ворю: Богъ мое лекарство (est medicina Deus).

XI. НАУКИ МАТЕМАТИЧЕСКІЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЯ.

Ариѳметика.—Землемѣріе.—Астрономія.—Состояніе этой науки до временъ Коперника въ Европѣ и Польшѣ. — Николай Коперникъ—его жизнь и дѣянія.—Мѣсяцословы въ Польшѣ. — Исправленіе мѣсяцослова.

Приступая къ разсмотрѣнію состоянія физико-математическихъ наукъ въ Польшѣ, мы невольно должны спросить себя, почему, если у насъ было столько искусныхъ математиковъ и опытныхъ изслѣдователей природы, почему, говорю, физико-математическія науки не достигли высшей точки

своего развитія? почему они не были обработываемы съ большимъ жаромъ?—Отвѣтъ на это скрывается кажется въ глубинѣ народнаго характера. А что были у насъ опытные въ своемъ дѣлѣ физики и математики, это доказываетъ, что умъ польскій не чуждъ точности и логичности, что глазъ Поляка былъ меткъ, что мысль его могла углубляться въ сокровеннѣйшія таинства точныхъ наукъ. А что у насъ мало занимались знаніями математическими и физическими, это доказываетъ, что науки эти слишкомъ холодны, слишкомъ отвлеченны для польскаго ума, болѣе пламеннаго, болѣе склоннаго къ поэзіи. Тотъ, который съ малою горстью воиновъ бросался на войска въ десятеро сильнѣйшія, видно не любилъ холодныхъ разсчетовъ, и вѣрилъ что духомъ, а не числомъ можно творить чудеса. Полякъ съ любовію смотрѣлъ на природу, любилъ свои нивы, лѣса и холмы, но эту любовь къ природѣ онъ скорѣе выражалъ въ поэтическихъ идиліяхъ, каковы, *напр.*, пѣсни Кохановскаго, нежели въ ученоматематическихъ изслѣдованіяхъ. Для него сладокъ былъ дымъ, сладокъ былъ воздухъ его отечества, но онъ лучше желалъ проливать за нихъ кровь въ битвахъ, нежели свой дымъ и воздухъ разлагать химически. Жизнь практическая, военная, сеймовая и религіозная могла создать у насъ поэзію, могла возвысить краснорѣчіе, могла вдохнуть любовь къ исторіи, могла изощрить умы въ разрѣшеніи богословскихъ запутанностей, но не могла развить стороны холодныхъ исчисленій, не могла расположить къ наукамъ точнымъ, требующимъ спокойствія и свободной мысли. Словомъ мы были слишкомъ дѣятельны для того, чтобы могли къ намъ привиться предметы глубокаго размышленія и точныхъ исчисленій.

Но въ доказательство того, что Богъ не отнялъ однакоже у насъ способности къ наукамъ точнымъ и отвлеченнымъ,

* *
*

указать на немногочисленные, но много выражающіе примѣры.

Въ Краковской Академіи прежде всего обработывали науки исчисленій. Первымъ сочиненіемъ въ этомъ родѣ, о которыми мы знаемъ, есть Ариѳметика (Algorithmus linealis 1524) Яна изъ Ланцута. Тамъ онъ предлагаетъ способы разрѣшенія задачъ, и излагаетъ тройныя правила, какъ съ цѣлыми числами, такъ и съ дробями. Рядомъ съ этою ариѳметикою извѣстны были еще два другія сочиненія: одно изъ нихъ, носившее также титулъ *Algorithmus linealis* (1524) разсуждало о первоначальныхъ дѣйствіяхъ сложенія, вычитанія, дѣленія и умноженія, о прогрессіяхъ и о тройномъ правилѣ, другое подъ заглавіемъ *Algorithmus novus* (1526 г.) излагало исчисленія по италіянскому способу. Изъ другихъ ариѳметическихъ сочиненій, но уже на польскомъ языкѣ, есть: *Algorithmus то есть наука о числахъ, изданная на польскомъ языкѣ* (Algorithmus to jest nauka liczby polską rzeczą wydana) *Священникомъ Вомою Клосомъ* (1537) Изъ высшей математики изучали у насъ Эвклида о перспективѣ, Солидометрію, теоріи планетъ и таблицы Альфонса.

Геометрія на столько была извѣстна, на сколько можно изучить ее изъ сочиненій Аристотеля и Пиѳагора; болѣе обширное развитіе этой науки служило только для землемѣрнаго искусства. Здѣсь мы видимъ, что В. Магистръ крестоносцевъ, Конрадъ Юнгингенъ приказалъ составить Хелмскую межевую геометрію (1407), употребленный въ ней способъ дѣленія на хелмскіе морги на долго оставался обыкновеною мѣрою земли въ Польшѣ. Но хозяйственное землемѣріе скоро превратилось въ ремесло, которое было поручено людямъ простымъ, не свѣдущимъ въ математическихъ исчисленіяхъ. Что же удивительнаго въ томъ, если труды ихъ

были наполнены погрѣшностями и ошибками? Чтобы этимъ ремесленникамъ, дать какую-нибудь путеводительную нить, знаменитый филологъ *Станиславъ Гребскій* написалъ для нихъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Геометрія, то есть землемѣрская наука вкратцѣ написанная по польски изъ греческихъ и латинскихъ книгъ* (Geometrya to jest miernicka nauka po polsku krótko napisana z Greckich, Lacinskich Księgi. Краковъ 1566 г.).

Переходомъ отъ наукъ чисто математическихъ къ наукамъ естественнымъ служитъ прекрасная и возвышенная астрономія. Въ Польшѣ великій геній далъ этой наукѣ высокое развитіе, приготовилъ въ ней реформу, и успѣхъ неоцѣненный на вѣки. Когда такимъ образомъ съ чувствомъ народной чести и гордости мы приступаемъ къ разсказу о Коперникѣ, бросимъ предварительно взглядъ на состояніе астрономіи у древнихъ, потомъ на состояніе этой науки въ Польшѣ, а наконецъ на великое астрономическое открытіе Николая Коперника.

Трудно, чтобы человѣкъ ежедневно поднимающій взоръ свой къ небу, ежедневно имѣвшій предъ глазами зрѣлище тѣлъ небесныхъ, ненаправилъ къ нимъ своего пытливаго ума, не пожелалъ прослѣдить теченіе и движеніе звѣздъ, солнца и луны, поэтому то астрономія въ древнѣйшую эпоху міра имѣла уже своихъ приверженцевъ. Звѣзды указывали путь мореходцамъ, звѣзды, Богъ знаетъ какимъ путемъ, изъ отдаленнаго востока привели мудрецовъ къ колыбели Христа, наблюденіе звѣздъ было предметомъ науки у Финикіянъ, Халдеевъ, Индѣйцевъ, Египтянъ. Тамъ подъ прекраснымъ небомъ имѣла свое развитіе наука астрономіи, тамъ взоръ человѣка былъ подкрѣпленъ вспомогательнымъ стекломъ, а умъ его исчисленіями. Греки: Эвклидъ, Гераклидъ, Ницетасъ, Архимедъ Гиппархъ изъ Бу-

тынін съ успѣхомъ занимались астрономіею, дали названія звѣздамъ, опредѣлили болѣе или менѣе точно ихъ величину, и разстояніе отъ солнца и земли.

Разсѣянныя наблюденія собралъ въ одно и привелъ въ порядочное цѣлое, Александрійскій астрономъ Клавдій Птоломей, но избравши землю среднимъ пунктомъ своихъ наблюденій, онъ принялъ ее за неподвижной центръ всего планетнаго міра. Во второй сферѣ, по Птоломею, движется луна, какъ особенная планета, далѣе идутъ—Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ, а тамъ простирается небо звѣздъ, недоступныя для наблюденій науки. Система Птоломея была принята всею Европою, какъ неопровержимое начало, земля была неподвижною, а цѣлый планетный міръ кружился вокругъ нея, какъ своего центра.

Какая сила, какой знакъ природы могъ приказать этимъ массамъ въ тысячу разъ большимъ земли кружится вокругъ малой планеты? Какая сила можетъ двинуть солнечное свѣтило къ дневному обращенію вокругъ земли, которая въ сравненіи съ солнцемъ едва можетъ назваться малымъ тѣломъ? Легко было сдѣлать эти возраженія, но разрѣшить ихъ, узнать истинный порядокъ въ мудромъ устройствѣ міра было не легко; только избранный могъ это предвидѣть, обнять сердцемъ, расчитать умомъ. Провидѣніе воззвало нашего соотечественника, чтобы сдѣлать его избраннымъ.

Въ 1475 г. 19 февраля въ Торнѣ знаменитомъ прусско-польскомъ городѣ, родился сынъ простаго мѣщанина, внукъ булочника *Николай Коперникъ*. Звѣзда избранныхъ освѣщала его чело. Въ 10 лѣтъ дитя лишилось отца, на 18 году по окончаніи первоначальнаго ученія въ Торнѣ, дядя его Лука Вассельроде епископъ Варминскій отправилъ его въ Краковъ для дальнѣйшаго образованія въ наукахъ. Въ ту

пору, т. е въ 1493 году, ректоромъ Краковской Академіи былъ Матвей изъ Кобылина, а астрономію преподавалъ Войчехъ изъ Брадзѣва,—авторъ общеупотребительной въ тогдашней Европѣ книги, *о теоріи планетъ*. (Commentarium ulissimum in teoris planctorum). Разскажемъ чѣмъ была эта наука въ минуту прибытія Коперника въ Краковъ.

Профессоръ Янъ изъ Глоговы трудился надъ объясненіемъ книги о сферѣ Яна де Санробулко, Михаилъ изъ Бреславля ломалъ голову надъ тѣмъ, какая планета имѣетъ наиболѣе благодѣтельное вліяніе на здоровье людей? Когда по предзнаменованію звѣздъ лучше всего принимать лѣкарство, сѣять хлѣбъ? когда избѣгать злосчастныхъ дней? словомъ трудились надъ баснями, которые дали бы слабое понятіе объ умѣ человѣческомъ. Мартинъ изъ Ольнуша, Матвей изъ Мѣхова основывали каѳедры для астрологовъ, которые серьозно, въ печати, по звѣздамъ предсказывали моръ, пожары, болѣзни, словомъ счастіе и несчастіе. Священная наука низошла на степень низкаго ѳокусничества которое тѣмъ грустнѣе говоритъ объ ослабленіи человѣческаго ума, что сами даже ѳокусники вѣрили своимъ предсказаніямъ. Для примѣра выпишемъ нѣсколько словъ изъ предсказанія Михаила изъ Бреславля, которое ученый профессоръ обнародовывалъ серьёзно и въ печати въ 1494 г. т. е. черезъ годъ по прибытіи въ Краковъ юнаго Коперника. «Въ Римѣ этотъ годъ будетъ не безопасенъ для души «или тѣла. Краковіане будутъ совершать путешествія, и «разсуждать о многихъ предметахъ вѣры и богослуженія. «Городъ будетъ колебаться отъ несогласій. Нужно беречься «поврежденій отъ огня. Въ Краковѣ будетъ господствовать «подозрительныя слабости и болѣзни, но нечего бояться за- «разы и мора, о которомъ часто предсказывали. Однакоже «другія смертныя болѣзни будутъ свирѣпствовать у насъ».

Не много возвышавшійся надъ своимъ вѣкомъ, одинъ незапятнанный астрологіею, Войцехъ изъ Брудзева усердно трудился надъ математическими исчисленіями, углублялся въ древніе астрономическія системы, писалъ о составѣ астролябіи, и чистую науку преподавалъ любознательнымъ своимъ ученикамъ, какъ то: Якову изъ Кобылина, Бернарду изъ Рахматовицъ Ваповскому, Матвею изъ Шамотулъ и Николаю Копернику. Этотъ послѣдній подъ руководствомъ Брудзевскаго изучалъ математику, медицину и живопись или лучше искусство рисованія, которое долженствовало быть столь необходимымъ для него на его великомъ поприщѣ.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Краковѣ, Коперникъ для дальнѣйшаго своего образованія уѣхалъ за границу. Въ Падуѣ онъ получилъ два вѣнка ученой награды за медицину и философію въ Болоніи изучая астрономію подъ руководствомъ Доминика изъ Феррары вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ дѣлалъ наблюденія. Въ Римѣ, призванный къ занятію профессорской каѳедры, обратилъ на себя вниманіе и привлекъ всеобщую любовь. А то была минута, когда открытіе Америки Колумбомъ и астрономическіе труды Реометаля, могли воспламенить молодой умъ, ободрить его къ великимъ открытіямъ и возжечь желаніе достойной славы. Преподаваніе Коперника неограничивалось только изслѣдованіями древнихъ астрономовъ, со взоромъ вперенным въ небо, молодой Коперникъ изучалъ природу, повѣрялъ открытія своихъ предшественниковъ, думалъ объ ихъ неточности и колебался изрѣчь ли ему то великое слово правды, которое вдохнулъ ему Духъ Святый.

Въ 1502 году Коперникъ воротился въ Краковъ. Не занялся онъ врачебною практикою, не занялъ и оспротѣвшей послѣ Войцеха изъ Брудзева астрономической каѳедры, но

избралъ мирное духовное званіе, чтобы свободнѣе можно было ему совершить дѣло преобразованія въ наукѣ, дѣло, которое много лѣтъ уже было его постоянною мыслію. Въ 1510 г. онъ былъ сдѣланъ Варминскимъ каноникомъ и приходскимъ священникомъ Фрауенбурга. Но неблагопріятныя обстоятельства возмутили въ началѣ мирные дни нашего мудреца. Крестоносцы, дышавшіе грабежемъ и набѣгами, устремили жадный свой взоръ на польскую провинцію. Городъ и деревни сосѣдніе къ границѣ крестоносцевъ чувствовали иго ихъ тиранскаго господства. Они не пощадили Фрауенбурга, въ которомъ польскій астрономъ устроилъ свое мирное жилище; напрасно Коперникъ обращался съ жалобами, ему отвѣчали злословіемъ и насмѣшками надъ его безвѣстнымъ лицемъ. Насмѣшки уличныхъ фокусниковъ, оскорбительныя письма, и наконецъ жалоба на Коперника, поданная Познаньскому сейму, таковы были плоды его сосѣдства съ крестоносцами.

Какъ бы то ни было, но мысль Коперника объ астрономической реформѣ, зародышъ которой былъ у него уже въ Римѣ, которая развилась между 1502 и 1507 годомъ, здѣсь ожила въ немъ со всею силою, здѣсь совершенъ былъ важный переворотъ великой науки.

Гармонія и единство—таковы были качества ума Коперника. Видя гармонію и простоту во всѣхъ подробностяхъ мірозданія, мудрецъ дивился, почему онъ не замѣчаетъ этой гармоніи въ общемъ составѣ мірозданія? Почему земля должна быть исключеніемъ въ системѣ міра? почему она только одна долженствуетъ остаться неподвижною, тогда, какъ всѣ другія планеты проходятъ извѣстныя пространства? Почему не будучи ни большимъ, ни блистательнѣйшимъ тѣломъ она должна занимать центръ всего мірозданія? Земля, планета ничѣмъ не отличающая отъ всѣхъ другихъ планетъ, непре-

мѣнію должна быть подведена подъ общіе законы планетъ. А что же будетъ срединнымъ центромъ всего міра; Коперникъ мысль свою перенесъ и утвердилъ на солнцѣ, и не колебался признать его срединнымъ центромъ всего міра? какъ тѣло самое большее и великолѣпнѣйшее. Такова была его мысль брошенная вдругъ въ видѣ поэтической гипотезы, мысль, которую въ слѣдъ за тѣмъ онъ доказалъ точными математическими исчисленіями.

Вотъ очеркъ системы Коперника.

Солнце занимаетъ средину планетнаго міра, это тѣло неподвижно, и около 140,000 разъ большее земли. Годовое движеніе, какое, по нашему мнѣнію, солнце совершаетъ вокругъ земли, есть слѣдствіемъ годоваго движенія земли. Вокругъ солнца движутся слѣдующія подвижныя планеты:

1. *Меркурій*, планета малая и приближенная къ солнцу, свое годовое теченіе совершаетъ въ 87 дней и 23 часа.

2. *Венера*, планета ясная, которая появляется сейчасъ предъ восхожденіемъ и сейчасъ послѣ захожденія солнца, обращается вокругъ своей оси, въ 23 часа и 22 минуты. Годовое обращеніе вокругъ солнца совершаетъ въ 224 дня и 17 часовъ.

3. *Земля*, планета круглая, совершающая свой путь вокругъ солнца въ 365 дней 5 часовъ и 48 минутъ, вокругъ своей оси обращается въ 23 часа и 56 минутъ. Спутникъ землѣ есть *Луна*, которая не особая планета, какъ думали древніе, а только спутникъ земли.

4. *Марсъ*, кружится вокругъ солнца въ 321 день и 22 часа, а вокругъ своей оси въ 24 часа и 39 минутъ.

5. *Юпитеръ*, планета ясная и очень большая, обращается вокругъ солнца въ каждыя 11 лѣтъ и 315 дней; а кругомъ своей оси въ 9 часовъ и 36 минутъ. Планета Юпитеръ имѣетъ четырехъ спутниковъ, такого же самаго свойства, какъ и луна земная.

6. *Сатурнъ*, обходитъ солнце въ 29 лѣтъ и 160 дней, а обращеніе его вокругъ себя самаго неизвѣстно. Въ атмосферѣ Сатурна кружится 5 спутниковъ, такихъ же, какъ и луна земная, эту планету окружаетъ блестящее кольцо.

Всѣ планеты и спутники ихъ не имѣютъ своего свѣта, но свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ отъ солнца.

Вотъ какимъ простымъ, великимъ, поэтическимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наиболѣе точнымъ образомъ объяснялъ Коперникъ премудрое твореніе Божіе — составъ мірозданія. Сколько радости чувствовалъ онъ въ каждую минуту, когда математическими исчисленіями ему удавалось оправдать свою великую гипотезу!... А сколько бы онъ чувствовалъ радости, еслибы дожилъ до нашихъ дней, и видѣлъ, какъ теперь при болѣе усовершенствованныхъ орудіяхъ и вычисленіяхъ ежедневно повѣряютъ и удивляются справедливости его вдохновенной мысли.

Разъ допустивши движеніе земли, Коперникъ тѣмъ подорвалъ всю астрономію древнихъ, начерталъ новый планъ міра, и объяснилъ движеніе небесныхъ тѣлъ. Сколько здѣсь необходимо было наблюденія и вычисленій! Въ 1509 и 1511 годахъ онъ наблюдалъ затмѣніе луны, въ 1512 г. указалъ положеніе Марса, два года спустя очерталъ положеніе Сатурна и т. д. При помощи долгихъ и упорныхъ наблюденій, пользуясь конечно содѣйствіемъ своихъ Краковскихъ друзей, послѣ 23-лѣтнихъ усилій, въ 1530 г. окончилъ онъ наконецъ свое великое произведеніе *о движеніи міровъ небесныхъ* (De orbium celestium revolucionibus), но недовѣряя собственнымъ силамъ, отложилъ его напечатаніе до временъ позднѣйшихъ, потому что онъ лучше желалъ справиться съ мнѣніями современныхъ мудрецовъ, нежели выставлять себя на посмѣяніе толпы.

Но вѣсть о великихъ открытіяхъ Коперника разошлась по Европѣ. Въ Римѣ его просили составить таблицу долготы года, необходимую для исправленія Календаря, Эразмъ Рейнгольдъ, кардиналъ Николай Шомбергъ, Георгій Реціусъ, Тидеманъ Гизіусъ и всѣ знаменитѣйшіе ученые Европы умѣли оцѣнить великую мысль нашего соотечественника. Но мнѣнія современниковъ, грубыя понятія народа и дикія предразсудки фанатизма ставили преграду, которой Коперникъ не смѣлъ переступить.

Однимъ словомъ, мысль о движеніи земли была для однихъ предметомъ остроумныхъ шутокъ; другіе съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами удивлялись какъ можно возставать противъ авторитета Птоломея и древнихъ, потому что тогда было время слѣпой вѣры въ Аристотеля; иные, наконецъ, испуганные реформою Лютера не колебались объявить трудъ Коперника богохульнымъ изобрѣтеніемъ сатаны, имѣющимъ цѣль подорвать священное писаніе; потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ нашли они стихъ, который казалось подтверждалъ теорію неподвижности земли и обращенія солнца. Выпишемъ это мѣсто изъ Библіи. «Тогда глагола Іисусъ ко «Господу, въ онь же день предаде Господь Богъ Аморея въ «руки сыновъ Израилевыхъ.... и рече Іисусъ: да станетъ «солнце противъ Гаваона и луна противъ дебри Элонъ.

«И ста солнце и луна въ стоянiи дондеже отисти Богъ «врагомъ ихъ».

Не смотря на эти разногласныя мнѣнія о трудахъ Коперника, мудрецъ продолжалъ трудиться. Наконецъ, уступая просьбамъ своихъ друзей, Коперникъ строго занялся своею рукописью, помѣстилъ во главѣ ея посвященіе папѣ Павлу III и переслалъ свое сочиненіе Георгію Ретикусу съ просьбою, чтобы онъ занялся его напечатаніемъ. Не упуская изъ виду расположенія умовъ, издатель, этотъ плодъ вѣрнаго

исчисленія, въ которое онъ самъ вѣровалъ, какъ въ святыню, называетъ только предположеніемъ, въ началѣ помѣщаетъ письма кардинала Шомберга, и посвященіе папѣ, а все это для того, чтобы удалить отъ себя упрекъ въ неправовѣріи. Приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ письма Коперника къ папѣ.

«Сочиненіе мое, говоритъ онъ, я посвящаю Вашему Свя«тѣйшеству, для того, чтобы знали всѣ простые и ученые, «что я не скрываюсь отъ суда и критики. Изслѣдуя, далѣе «говоритъ онъ, движеніе планетъ въ сравненіи съ обраще«ніемъ земли, мы видимъ не только совершенное согласіе «въ частяхъ, но порядокъ и гармонію во всецѣломъ составѣ «міра. Я увѣренъ, что ученый и глубокій математикъ отдастъ «справедливость моимъ изслѣдованіямъ, и основательно «разберетъ приводимыя мною доказательства. Если же нѣ«сколько пошлыхъ или темныхъ умовъ, захотятъ употре«бить противъ меня, выраженія священнаго писанія, смыслъ «котораго они искажаютъ, то я презираю ихъ легкомы«сленныя нападенія. А развѣ Лактанцій, писатель зна«менитый, но слабый математикъ, не смѣялся надъ уче«ніемъ тѣхъ, которые доказывали, что земля наша шаро«видна? Нѣтъ по этому ничего удивительнаго, если подоб«ная участь ожидаетъ и меня. Объ истинахъ математиче«скихъ, могутъ судить одни только математики. Если я не «сошибаюсь, то мое сочиненіе не будетъ во все безполез«нымъ и для церкви».

И однакоже фанатизмъ возсталъ противъ этого великаго произведенія, а Римъ хотя пользовался трудами Коперника, при всемъ томъ при папѣ Павлѣ V, 5 марта 1616 года изрекъ противъ него слѣдующій приговоръ, подписанный епископомъ Альбою и братомъ Франциска Капиферреуса.

«Такъ какъ дошло до свѣдѣнія общества, установленнаго «противъ запрещенныхъ книгъ, что ложное и противное «священному писанію ученіе пиѳагорейское о движеніи «земли и неподвижности солнца, которое развилъ Николай «Коперникъ въ своемъ сочиненіи *De revolutionibus or-*«*bium celestium;* и *доказывалъ* (а poriera) Дыдокъ Асту-«нина въ комментаріѣ на книги Паціента, такъ какъ, повто-«ряемъ ученіе это начинаетъ распространяться, поэтому, «предупреждая, чтобы оно нераспространялось далѣе во «вреду католической истины, общество постановляетъ, со-«чиненіе запретить, до той поры, пока оно не будетъ попра-«влено».

Наступила исправленіе въ 1667 г. Не многое было измѣнено, только великія и неопровержимыя истины математическія приказано было назвать гипотезою, мечтою, предположеніемъ. Такова участь людей высокаго ума и ихъ вѣковыхъ трудовъ. Къ счастію Коперникъ не дожилъ до этой эпохи, Богу не угодно было, чтобы къ столь многимъ горестямъ его жизни прибавилось еще мученіе быть непонимаему, гониму за истину, чтобы его священная мысль, со всѣмъ убѣжденіемъ правовѣрія, была названа неосновательнымъ мечтаніемъ. Коперникъ скончался въ 1543 году, въ то самое время, когда его сочиненіе, по старанію Ретика, было напечатано въ Нюренбергѣ (Norymberoze).

Ученый міръ оцѣнилъ Коперника, и преклонилъ предъ нимъ колѣна. Мы не въ состояніи исчерпать предметъ, не будемъ поэтому говорить о томъ, сколько благоговѣнія вызвало это сочиненіе, равно какъ преслѣдованій и насмѣшекъ, сколько разрознило мнѣній, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не было принято всѣми.

Не нужно также теперь доказывать и того, что Коперникъ былъ Полякъ. Это дѣло уже рѣшеное. Одно только

больно, что у насъ хотѣли отнять честь считать его однимъ изъ польскихъ гражданъ.

Мы привели слова Коперника, въ которыхъ онъ говоритъ, что труды его могутъ быть полезны Церкви въ дѣлѣ исправленія Календаря. Потребность эта была крайняя. Мы упоминали уже о гадательныхъ календаряхъ Краковской Академіи, они начались съ 1495 г. и подъ заглавіемъ *Iudicium* выходили на латинскомъ языкѣ. Въ 1531 году изданъ былъ въ тип. Унглера стѣнной польскій Календарь, всѣ эти календари были наполнены баснями и нелѣпыми предсказаніями, указывали, когда хорошо подавать прошенія, приниматься за изученіе философіи, отправляться въ путь и т. д. Между тѣмъ существенную часть календаря, длину года, предѣлы подвижныхъ праздниковъ, измѣненія луны передавали ошибочно. Такъ какъ по дѣлу о календарѣ выступалъ еще одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ *Янъ Латось*, скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ. Вслѣдствіе астрономическихъ заблужденій, какіе вкрались въ исчисленіи года, Календарь Юліанскій, которому мы до сихъ поръ слѣдуемъ, не исправленный со времени Никейскаго Собора, дошелъ до того, что въ началѣ XV вѣка во времена папы Льва X, нашлось десять дней, которыя никто не зналъ къ какому причислить мѣсяцу. Умный Левъ X разослалъ воззванія во всѣ европейскія Академіи, чтобы занялись исчисленіемъ долготы года и рѣшительнымъ обозначеніемъ времени Пасхи. Но Левъ X скончался, а его преемники упустили изъ виду это дѣло, до тѣхъ поръ, пока Григорій XIII снова принялся за элементарное сочиненіе Лудовика Лиліо, основанное на таблицахъ Короля Альфонса, и разослалъ его въ различныя Академіи, въ томъ числѣ и въ Краковъ, для полученія ученой критики.

Еще при Львѣ X. по призыву апостольскаго престола трудился у насъ надъ календаремъ астрономъ Мартинъ изъ Олькуша, но трудъ его въ стѣнахъ Библіотеки остался необнародованнымъ и безъизвѣстнымъ. Краковская Академія находя Календарь Лиліо во всемъ согласнымъ съ календаремъ Мартина изъ Олькуша, не смѣя при томъ противорѣчить папѣ, почти единогласно одобрила присланный трудъ. Съ возраженіями выступилъ одинъ только академикъ *Янъ Латосъ*, и доказывалъ путями ученымъ и религіознымъ, что непозволительно преступать тѣхъ основныхъ правилъ, которыя приняты Никейскимъ Соборомъ при составленіи календаря. Но обнародованный Календарь Лиліо, сдѣлался обязательнымъ въ Церкви, а Латось преслѣдуемый, вызываемый на диспуты и непріятныя личныя распри съ Сченснымъ Жебровскимъ, едва нашелъ себѣ убѣжище при дворѣ князя Острогскаго.

Заключеніе эпохи Ягеллоновъ.

И такъ мы сказали все, что можно было сказать о литературѣ въ эпоху Ягеллоновъ, при быстромъ на нее взглядѣ, мы обозрѣли два вѣка Польши въ умственномъ ея отношеніи. Посмотримъ же на то, что имѣло особенное вліяніе на успѣхи просвѣщенія и литературы въ теченіе этихъ двухъ столѣтій.

При Пястахъ Польша ограничивалась своими приходскими школами, а для высшаго образованія должна была ѣздить за границу. Въ эту эпоху она пріобрѣла двѣ Академіи и множество благоустроенныхъ училищъ.

Языкъ латинскій былъ въ Польшѣ варварско-средневѣковымъ, а теперь сдѣлался истинно-римскимъ, языкъ польскій бывшій не письменнымъ и грубымъ, достигъ высокаго совершенства.

Поэзія, состоявшая при Пястахъ изъ нѣсколькихъ обломковъ, въ эпоху Ягеллоновъ обогатилась истинно-художественными произведеніями въ лирическомъ родѣ; не столь была счастлива въ повѣствовательномъ, и въ драматическомъ родѣ нисколько почти не возвысилась надъ первыми разговорами временъ Пястовъ.

Проза въ эпоху Пястовъ вся почти заключавшаяся въ церковной литературѣ, теперь произвела множество сочиненій нравственныхъ, нравоописательныхъ, проливающихъ свѣтъ на каждую отрасль знанія.

Исторія при Пястахъ, стѣсненная рукою деспотизма, была блѣднымъ пристрастнымъ лѣтописаніемъ безъ всякой критики; а въ эпоху Ягеллоновъ заняла приличное ей мѣсто судьи дѣлъ человѣческихъ.

Законодательство, сбивчивое, состояло изъ противорѣчившихъ другъ другу указовъ и рѣдко когда руководствовалось правомъ народныхъ обычаевъ. Теперь опредѣлены отношенія власти къ народу, народу данъ свой органъ, ослаблено вельможество; но слишкомъ поспѣшно принявъ магнатовъ въ шляхетскій классъ народа, дозволили имъ подъ предлогомъ шляхетской свободы усилиться съизнова.

Польша при Пястахъ была правовѣрною и чуждою вѣротерпимости; теперь выучилась менѣе слѣпо вѣрить, образовала начало свободы совѣсти; но съ другой стороны истратила прекрасные отечественные таланты въ религіозныхъ спорахъ, и ссорами религіозными бросила сѣмена несогласія между соотечественниками. Для поддержанія православія вызвала универсальный орденъ іезуитовъ, который мало по малу, разсчитанно сталъ разслаблять духъ, портить вкусъ, и искажать понятія. Поистинѣ лучше было бы намъ держаться старой католической вѣры, хотя съ другой стороны религіозные споры имѣли вліяніе на усовершенствованіе слова.

Изъ этого безпристрастнаго обозрѣнія нашей эпохи видимъ, что не довольно осмотрительное очертаніе шляхетской свободы, во имя которой вторично возвысилось вельможество, а потомъ религіозные споры и призваніе іезуитовъ— таковы были ошибки эпохи Ягеллоновъ, но общій ея результатъ прекраснъ, похваленъ и ознаменованъ успѣхами.

Польша имѣла чѣмъ гордиться въ эпоху Ягеллоновъ; въ законодательствѣ, напримѣръ, гдѣ лучше были опредѣлены отношенія между народомъ и властію, какъ въ Польшѣ? Или на поприщѣ ученомъ, какая страна могла бы гордиться такимъ числомъ великихъ писателей? богатства ли, то гдѣ блистательнѣе горѣли дорогіе камни и золото, если не въ одеждѣ Поляковъ? Или на поприщѣ военномъ, гдѣ можно найти битвы столь блистательные какъ въ походахъ Ягелло, Витольда, Острогскаго, Тарновскаго и короля Стефана? Верхъ благополучія, на которомъ находилась Польша при Ягеллонахъ подобенъ былъ утесистой горѣ, съ вершины которой она долженствовала сойти внизъ. Непримѣтно, но покатымъ путемъ шла Польша къ своему паденію въ эпоху Вазовъ; какія были причины упадка? гдѣ въ наши учрежденія (Instituсji) вкрались органическіе недостатки? Гдѣ мы во зло употребили права святой свободы? Какая реакція разслабила нашъ духъ. Кто испортилъ вкусъ, исказилъ языкъ, литературу? Все это мы постараемся изслѣдовать въ эпоху Вазовъ.

Грустный трудъ! но еще и въ эпохѣ Вазовъ найдемъ не одну утѣшительную и отрадную для сердца минуту, которая позволитъ намъ забыть, что мы изображаемъ переходъ отъ благополучія къ упадку.

I. Общій взглядъ на эпоху Вазовъ.

Состояніе умовъ въ началѣ эпохи. — Характеръ Сигизмунда III.—Недостатки и похвальныя качества Поляковъ. —Народъ сознаетъ свои заблужденія. — Литовскій статутъ.—Законодательство въ другихъ провинціяхъ Польши.—Инквизиціонный сеймъ.—Рокошъ.—Войны.—Іезуиты.—Ихъ споры о воспитаніи съ Краковскою академіею, и иновѣрцами въ Великой Польшѣ, Малой Польшѣ и Литвѣ. — Смерть Сигизмунда III.—Владиславъ IV. — Войны съ казаками.—Піары. — Времена Яна Казиміра. — Политическое и умственное состояніе Польши въ минуту его отреченія.

Мужъ великаго ума, съ благими намѣреніями и желѣзною волею, Стефанъ Баторій оставилъ Польшу въ цвѣтущемъ состояніи. Въ ней процвѣтали науки, свобода и богатства; внутренній порядокъ и уваженіе которымъ она пользовалась во мнѣніи чужеземцевъ, дѣлали ее страною счастливою, какихъ мало было въ то время. Прекрасенъ былъ духъ и точка исхода польскихъ установленій и законодательства, но составныя части общественнаго тѣла, не довольно соединенныя между собою, въ борьбѣ съ партіями исторгая свои преимущества, выработали крѣпость своихъ силъ и тогда началось состояніе разъединенія. Магнатъ безнаказанный въ своихъ своевольныхъ поступкахъ, шляхтичъ необузданный въ свободѣ слова и печати, католикъ руководимый іезуитами, заботящійся болѣе о догматахъ, нежели о

чистотѣ церковнаго ученія, иновѣрецъ то гонимый, то гонитель, насмѣшливый и холодный раціоналистъ, добрые шляхтичи, доблестные воины, неубогіе умомъ и деньгами, старающіеся о сохраненіи своей общественной свободы,—вотъ каковы были Поляки при Баторіѣ. Въ храмѣ, на сеймахъ и сеймикахъ, сколько разъ разнородные интересы лицъ, кастъ и исповѣданій сталкивались между собою враждебно, и каждый утверждалъ, что имѣетъ свое особое право, или обращалъ въ шутку это право. Стефанъ Баторій по мѣрѣ силъ своихъ обуздывалъ эти шумныя и бурныя элементы; ходили даже слухи, что онъ намѣренъ преобразовать правленіе въ Польшѣ, но въ то время, онъ скончался на Гродненскомъ сеймѣ 1586 года. Въ особенности нужно сожалѣть о потерѣ великаго мужа, потому что обращая вниманіе на благія его намѣренія и на нашу общественность, можно было оставаться въ покоѣ на счетъ того, что онъ не захотѣлъ бы, да и не былъ бы въ силахъ рѣшительно переработить польскую свободу. Что же касается реформъ неизбѣжныхъ и необходимыхъ въ Польшѣ, то искусной рукѣ и закаленному сердцу легче было бы соединить въ одно горнило общаго блага, тѣ разсѣянные, односторонніе виды, и могучія силы, которыя уже начинали принимать недоброе направленіе. Но Стефанъ Баторій скончался, а избранный его преемникъ не имѣлъ силы и вліянія, которые бы соотвѣтствовали такой трудной, небезопасной и щекотливой работѣ.

Сигизмундъ шведскій королевичъ, большинствомъ призванный на престолъ Ягеллоновъ, въ самомъ образѣ своего избранія долженъ былъ узнать надъ какимъ народомъ, и среди какихъ обстоятельствъ приходится ему царствовать. Зборовскіе и Замойскіе во всемъ вооруженіи приходятъ на поле избранія, какъ будто на битву, среди священ-

наго́ акта избранія монарха, войска двухъ магнатовъ бросаются другъ на друга, образуются два избирательные круга, убитъ свящ. Бржезиньскій и поле обагрено кровію. Изъ уваженія къ потребностямъ отечества, королемъ единодушно избираютъ Сигизмунда, но потомъ единственно на перекоръ Замойскому меньшинство держитъ сторону другаго кандидата; въ кругу противоконвокаціонномъ (созывательномъ) примасъ именуетъ Сигизмунда, а въ конвокаціонномъ кіевскій епископъ провозглашаетъ королемъ Максимиліана. Нѣмецкій эрцгерцогъ съ войскомъ вторгается въ Польшу, и предъявляетъ мнимыя права свои на корону, а Замойскій съ избирательнаго поля, прямо идетъ на поле битвы и побѣдою подъ Бучиномъ (25 января 1588 г.) утверждаетъ корону на главѣ Сигизмунда.

Изобразимъ характеръ монарха и того народа, надъ которымъ пришлось ему царствовать.

Рожденный въ темницѣ отъ отца, шведскаго короля Яна и матери Екатерины Ягелло 1566 г. и не смотря на сопротивленіе отца воспитанный въ вѣрѣ католической, Сигизмундъ отъ матери бралъ примѣръ благочестія и покорности іезуитамъ, а примѣръ отца и дяди образовывалъ въ немъ характеръ жесткій, упорный, деспотическій. Нишковскій, Высоцкій, Голинскій и іезуиты были его наставниками и руководителями совѣсти; душу его и безъ того не твердую обременили религіозными сомнѣніями, умъ недовольно быстрый расположили къ размышленіямъ, и такимъ образомъ выработали въ немъ ту вѣчную борьбу и колебаніе, какіе онъ обнаруживалъ въ теченіе всей своей жизни, и отъ которыхъ онъ получилъ названія *откладчика до завтра* (dojutrka). Съ одной стороны мать и іезуиты, въ надеждѣ видѣть когда нибудь на главѣ его корону Ягеллоновъ, выучили его католической вѣрѣ и польскому языку, а съ другой стороны

нѣмецкіе обычаи господствовавшіе во всей Европѣ и принятые при шведскомъ дворѣ, родили въ немъ любовь къ нарядамъ и увеселеніямъ, столь мало согласную съ тѣмъ высокимъ назначеніемъ, которое ожидало избраннаго въ монархи народу сильному, воинственному. Набожность и нетерпимость, недостатокъ воли и упорство, польскій языкъ и нѣмецкіе обычаи, довольно гражданской, но мало нравственной отваги, таковъ былъ результатъ его воспитанія при дворѣ отцовскомъ, таковъ былъ въ его недовольно сильномъ умѣ плодъ борьбы началъ іезуитизма съ понятіями протестантскаго, монархическаго, бурнаго шведскаго двора, который былъ колыбелью Сигизмунда.

Съ такимъ характеромъ двадцати двухъ-лѣтній юноша занялъ престолъ Ягеллоновъ. Чистота нравовъ при его дворѣ была образцемъ для всего государства, но образъ его жизни и нравы, чуждые жизни Поляковъ, не могли снискать ему популярности и привлечь сердца подданныхъ. Онъ, какъ говорятъ современники, во всемъ хотѣлъ казаться Нѣмцемъ, между тѣмъ какъ въ природномъ славяно-польскомъ характерѣ было непреодолимое отвращеніе къ Нѣмцамъ. Вмѣсто охоты, конскихъ скачекъ, ристаній и другихъ рыцарскихъ упражненій, король предпочиталъ читать молитвы, играть на клавикордахъ, слушать придворный оркестръ, играть въ мячь, заниматься золотошвейною работою, или запершись съ Николаемъ Вольскимъ Кржепицкимъ старостою, производить пустые алхимическіе опыты. Поляки любили свою свободу, а король мечталъ объ *absolutum dominium*, среди котораго онъ воспитался; Поляки любили роскошь, и упрекали короля въ скупости; Поляки были искренны, открыты, болтливы, король полонъ величія и важности, «скупъ былъ въ словахъ, не скоръ на вопросы, коротокъ въ отвѣтахъ.» Суровую но популярную фигуру

Баторія Поляки сравнивали съ новымъ королемъ, и это сравненіе не могло быть въ пользу Сигизмунда.

Кромѣ этихъ поверхностныхъ, народъ имѣлъ еще и другія болѣе дѣйствительныя побужденія къ нерасположенію. Сигизмундъ III, удовлетворяя союзу крови или влеченію сердца, въ политикѣ внѣшней болѣе слѣдовалъ внушеніямъ Нѣмцевъ и Шведовъ, нежели потребностямъ собственнаго государства; въ управленіи внутреннемъ, вооруженный заимствованнымъ отъ іезуитовъ духомъ не вѣротерпимости, стѣснялъ огражденную конституціей свободу совѣсти и допустилъ ко двору низкія интриги. Совѣтниками, даже судьями королевскихъ поступковъ были іезуиты и ихъ орудіе, любимецъ королевскій Андрей Боболя, коронный подкоморій.

«Такимъ образомъ, говоритъ Пясецкій, Боболя такъ овладѣлъ королемъ, что тотъ ничего не дѣлалъ безъ его совѣта, «равно какъ и Боболя ничего безъ іезуитовъ; даже въ дѣлахъ общественныхъ первый былъ совѣтъ Боболя и іезуитовъ всегда обращавшійся ко вреду Рѣчи Посполитой... «потому что они не изучали ее состоянія и интересовъ. «Іезуиты были свѣдущи въ дѣлахъ школьныхъ и своего «ордена, Боболя, жилъ одними интригами, и однако же они «давали свои совѣты о дѣлахъ польскихъ, московскихъ и «шведскихъ, и осужденіе ихъ мнѣнія считалось святотатствомъ.» Сигизмундъ, слѣдуя безпорядочнымъ движеніямъ своего характера, то принимается за оружіе, то праздным отлагательствомъ теряетъ дѣло, то питаетъ ненависть и преслѣдуетъ местію, то великодушно прощаетъ, то становится надменнымъ, то является смиреннымъ; то упорствуетъ, то слушаетъ чужихъ совѣтовъ, имѣетъ гордые виды и приготовляетъ средства, но у него недостаетъ крѣпости, и геніальности для ихъ исполненія.

Таковъ былъ характеръ, таково начало правленія Сигизмунда III.

А Польша, избалованная богатствами, успѣхами, оружіемъ, ученостію, свободою и религіозными спорами, требовала болѣе искусной руки для того, чтобы придать что нибудь, отнять, уровнять въ ней или исправить, и изъ прекрасныхъ, но безпорядочныхъ элементовъ создать цвѣтущее прочное цѣлое. Изъ современныхъ свидѣтельствъ составимъ очеркъ характера и нравовъ Польши въ нашу эпоху. При этомъ для насъ особенно полезны вѣрныя картины, взятыя изъ сеймовыхъ и воинскихъ проповѣдей Петра Скарги. «Смотрите до какого богатства и изобилія довело «васъ отечество, какъ оно васъ обогатило и одарило: денегъ «у васъ достатокъ, достатокъ въ припасахъ, одежды столь «драгоцѣнныя, такое множество слугъ, коней, колясокъ, «такіе издержки, денежные доходы вездѣ умножены. Одна «только мать имѣетъ мало. Прежде рѣдко кто дома имѣлъ у «себя пиво, а теперь погреба наши благоухаютъ виномъ, «прежде домашнія издѣлія одѣвали наши члены, а теперь «шелкъ и бархатъ; прежде употреблялись простые рыдваны «и то рѣдко, часто сѣдло заступало мѣсто подушекъ, а те«перь золотые сѣдла и кареты; прежде простыя кушанья, а «теперь птицы и каплуны. Прежде одна миска служила для «всѣхъ, а теперь по нѣскольку блюдъ. О любезная мать! «дѣти твои уже роскошествуютъ.... «Тоже отечество облекло «васъ воинскою славою, которая наиболѣе возвысилась въ «эти времена. Эта мать раждаетъ вамъ мужественныхъ, «мудрыхъ и счастливыхъ гетмановъ, крѣпкое и безстрашное «рыцарство и такой народъ, на который засматриваются сами «враги.» «Эта же милая мать даровала вамъ золотую свобо«ду, но вы сами себѣ тираны, если неисполняете законовъ «и полагаете преграду правосудію ложною свободою или

«лучше сказать своеволіемъ.» «Прошу васъ не дѣлитесь «этими тремя наслѣдіями: религіею, королемъ и отече- «ствомъ, потому что какъ скоро начнете дѣлиться, все ваше «погибнетъ. Не хорошо раздѣленіе вѣры—потому что вѣра «только одна, двѣ или три быть не могутъ, какъ же скоро «вы ее раздѣлили, вы уже убили ее и утратили, а безъ од- «ной общей вѣры и религіи, какое можетъ быть единеніе? «Дѣлиться королями? но можетъ произойти вредное несогласіе «и погибель Рѣчи Посполитой отъ того, если бы было много «королей; отечество также намъ мать единородная и не тер- «питъ раздѣленій, всѣ мы сыны ея, рожденные въ ея нѣ- «драхъ, не можемъ имѣть другой.» «Мы пишемъ законы, и «много такихъ, которые не исполняются; мараемъ только «листы, а живемъ по старому въ нерадѣніи, и тѣмъ не «приносимъ пользы королевству. Говорить, писать, дѣлать «выводы мы умѣемъ; а для исполненія нѣтъ у насъ тща- «тельныхъ, строгихъ, порядочныхъ и неумолимыхъ чиновъ- «никовъ; каждая мелочь отклоняетъ и отстраняетъ его отъ «исполненія, отъ этого должности у насъ безсильны, суде- «бныя мѣста въ опущеніи и разстройствѣ, только одни мѣ- «шаетъ другимъ. Права только въ сводахъ, въ обычаяхъ же «людскихъ злоба и своеволіе.» «Коснуться бы намъ и того «злостнаго закона, по которому поселяне и вольные люди, «Поляки и вѣрные христіане, убогіе подданные, дѣлаются «рабами, и другіе дѣлаютъ съ ними все что хотятъ; для «имѣнія, здоровья и жизни имъ нѣтъ никакой защиты и «никакого суда, и такимъ образомъ мы утверждаемъ то «*supremum dominium*, при одной мысли о которомъ сами «содрогаемся... Почему бы намъ нѣ пользоваться ими какъ «наемниками, а не какъ рабами? Онъ сидитъ на твоей землѣ, «и распоряжается ею дурно, прогони его съ твоей земли, а «врожденной, христіанской свободы не отнимай у него, и

«не дѣлай себя неограниченнымъ господиномъ его жизни и «здоровья безъ судьи... Хотя я знаю, что это у насъ не ино- «гіе дѣлаютъ, но по какому-то злому и дикому праву дѣлать «могутъ.» «О какое страшное воровство и обманъ бываетъ «въ Государствѣ, когда собираются поборы на воина! по «уѣздамъ они берутся на откупъ однимъ предъ другимъ; «откупщикъ покупаетъ должность и уступаетъ ее другому, «или отдаетъ въ аренду; арандаторъи аходитъ себѣ другаго «арендатора, всѣ крадутъ, и совершаютъ грѣхъ особенный, «великій, который зовутъ *peculatus*. Говорятъ, что едва «половина поборовъ приходитъ на нужды военныя, а другая «половина остается ворамъ.» «Если же у него нѣтъ денегъ, «солдатъ насилуетъ и грабитъ своихъ сосѣдей, что происхо- «дитъ съ великимъ безчеловѣчіемъ... Другіе берутъ и гра- «бятъ все что хотятъ, кто имъ противится того убиваютъ, «а награбленное продаютъ и богатѣютъ... Нѣкоторые выучи- «лись одинъ у другаго дѣлать съѣзды для срамнаго чревоу- «годія и сваръ, и расточивши все изъ анбара, изъ стойла и «изъ гумна отъ одного ѣдутъ къ другому, и тамъ также все «истребивши возвращаются въ свои дома, гдѣ ожида- «етъ ихъ нужда и убожество. У многихъ шляхтичей не «найдешь оружія, добраго коня и того что необходимо на «ежедневныя нужды... Ѣздятъ они въ возахъ; всадники, ко- «торые были вѣнцемъ нашего воинства, наиболѣе славны «и страшны непріятелямъ, лучшихъ лошадей своихъ запря- «гаютъ въ телѣги, и ни себя ни лошадей не пріучаютъ «къ битвамъ. Конницу обратили теперь для перевозки «лей пуховиковъ и кроватей. Прежде имѣли 50 всадниковъ, «и одну телѣгу для небольшаго багажа, теперь забыли вер- «ховую ѣзду, сдѣлались изнѣженны и женоподобны и ввели «въ употребленіе кареты.»

Къ этимъ картинамъ изъ сочиненія Скарги прибавимъ еще нѣсколько другихъ свидѣтельствъ того времени объ испорченности нравовъ въ Польшѣ. «Подобно безсмысленной черни, «говоритъ Старовольскій, мы не умѣемъ окончить ни одного «дѣла, ни одного разговора или бесѣды съ пріятелемъ.» «А «развѣ мы, говоритъ Решка, не видѣли пьяныхъ сеймовъ, «пьяныхъ трибуналовъ, по причинѣ которыхъ и всѣ дѣла «публичныя были неисполнены.» «Стыдно мнѣ, пишетъ Пе«пловскій, или лучше больно, разсказать множество убійствъ «въ прошедшіе и нынѣшніе годы, исчислить множество «разрушенныхъ деревень, мѣстечекъ, завоеванныхъ замковъ, «потому что каждый вѣритъ, что оружіемъ и насиліемъ легче «ему будетъ отыскать свое право и найти удовлетвореніе «за обиду.» «Изгнанныя изъ отечества, говоритъ Гурницкій; «живетъ себѣ дома или у человѣка ему обязаннаго, и нис«колько не безпокоитъ его то, что онъ изгнанникъ. Что за «важность? говоритъ, вотъ я свободенъ, никто не зоветъ «меня предъ судъ, потому что тамъ нѣтъ для меня мѣста; «чтобы я ни сдѣлалъ, все мнѣ позволительно, какъ чело«вѣку такому, надъ которымъ никакой судъ не имѣетъ «права.»

Эти картины дерзкаго и безнаказаннаго своеволія, можно принаровить къ сословію рыцарскому, или среднему, шляхетскому. Что же дѣлали аристократы? вотъ здѣсь укажемъ на громкое дѣло о Слуцкой княжнѣ, дѣло, которое было ведено въ первые годы правленія Сигизмунда, на самомъ разсвѣтѣ XVII вѣка. Это дѣло даетъ намъ полное понятіе о необузданности и силѣ нашихъ вельможъ.

Скончался Георгій Олельковичъ князь Слуцкій и Копыльскій, а сирота дочь его, наслѣдница обширныхъ владѣній въ Литвѣ, княжна Софія перешла подъ опеку своихъ родственниковъ Георгія и Іеронима Ходкѣвичей. Христофоръ Радзи-

вилъ Виленскій воевода, родственникъ Ходкѣвича, просилъ руки княжны, бывшей еще младенцемъ для сына своего Януша. Ходкѣвичъ принялъ предложеніе, и даже торжественнымъ актомъ обязался, какъ опекунъ, коль скоро Софія достигнетъ совершеннолѣтія, и добровольно приметъ руку Януша, отдастъ ему ее въ супруги 6 февраля 1600 г. Между тѣмъ вслѣдствіе ли того, что кто-нибудь изъ молодыхъ племянниковъ Ходкѣвича искалъ руки и состоянія Софіи, или вслѣдствіе другихъ неудовольствій съ Радзивиломъ, но Янушу былъ запрещенъ входъ въ домъ Ходкѣвичей, и угрозы послѣднихъ предсказывали что-то недоброе насчетъ исполненія обѣщанія. Приближался срокъ брака, назначенный въ договорѣ, и по силѣ его прибыли въ Вильно польскіе магнаты, повидимому для того, чтобы удовлетворить торжественнымъ и законнымъ обязательствамъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы вооруженною рукою уничтожить сдѣлку, унизить надменную гордость и съ тѣмъ вмѣстѣ доказать и престолу и недругамъ дерзкое свое могущество. Это было торжественное поруганіе надъ существовавшими законами. Острогскій, Абрамовичъ, Замойскій и Радзивилы дали свои надворныя войска Радзивилу, отправлявшемуся въ Вильно. Ходкѣвичи съ равными силами, на подобіе замка вооружали свой каменный домъ въ центрѣ Литовской столицы. Еще мгновеніе, и среди внутренняго мира, въ стѣнахъ града Ягеллоновъ загремятъ пушки разсорившихся магнатовъ, и кровь братняя прольется въ ихъ дѣлѣ. Гдѣ правительство для обузданія своевольныхъ? Король смиренно посылаетъ отъ себя четырехъ сенаторовъ въ посредники спора. Сенаторы съ униженіемъ своего достоинства ходятъ отъ одной стороны къ другой, но ихъ никто не слушаетъ и ни одна изъ сторонъ не хочетъ положить оружія. Вечеромъ, въ день назначенный Радзиви-

лами и Ходкѣвичами вмѣстѣ, священникъ ожидаетъ жениха и невѣсту, но эта пустая формальность, на улицахъ разставлены засады, въ окнахъ дворца Ходкѣвичей торчатъ пушки, и обѣ стороны очень хорошо знаютъ, что бракъ не состоится. Пробилъ послѣдній часъ дня 6 февраля и обѣ стороны торжественно объявили, что не по ихъ винѣ не исполнено обязательство. Трибуналъ литовскій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ успѣлъ помирить вельможъ, бракъ состоялся, и исторія записала неслыханный фактъ гордости польскихъ аристократовъ и ихъ пренебреженія къ отечественнымъ установленіямъ.

Горестно изображать намъ картину разстройства, которое развилось вслѣдствіе дурнаго управленія буйныхъ силъ народа. Народъ во всѣхъ отношеніяхъ сильный и своевольный, на тронѣ король слабый и нелюбимый, кругомъ завистливые сосѣды—вотъ положеніе Польши при Сигизмундѣ III. Состояніе грозное, въ будущемъ одна только вѣра, хотя уже охлажденная религіозными спорами, только любовь къ отечеству, хотя уже искаженная личными видами, только Провидѣніе, хотя уже разгнѣванное, могли спасти нашъ корабль среди бури. Но еще до окончанія эпохи Вазовъ, Польша начала уже терпѣть наказаніе за свои преступленія: за дерзкіе порывы въ знаніи, мы были наказаны іезуитскимъ мракомъ, за ссоры и домашнія несогласія, внѣшними менѣе счастливыми войнами.

Какъ бы то ни было, но еще въ началѣ нашей эпохи нравственное начало любви къ вѣрѣ и отечеству, стоя на стражѣ сердецъ и границъ польскихъ, ручалось за существованіе, было охранительною силою нашего общества. Рядомъ съ картиною недостатковъ и отступленій, исторія съ радостію указываетъ намъ нѣсколько образцевъ высокой добродѣтели Поляковъ въ правленіе Сигизмунда III. Не говоря

уже о частомъ основаніи монастырей, церквей и госпиталей, гдѣ Богъ находилъ славу, а нищій убѣжище, сколько мы имѣли посланниковъ, которые на свой счетъ содержали блестящія посольства, сколько было гетмановъ, которые въ горестныя времена государственнаго разстройства, изъ собственнаго кармана платили жалованье храброму, но своевольному воинству, сколько было патріотовъ, которые многочисленные войска рыцарства вооружали на пользу отечества. Одни подобно Георгію Зборовскому жгли собственныя вотчины, чтобы Туркамъ неподать повода къ нарушенію трактатовъ съ отечествомъ; другіе, подобно скупцу Андрею Липскому, дарили села и капиталы для выкупа татарскихъ плѣнниковъ; иныя надобно Георгію Воловичу, Яну Гжымальчику и Замойскому, закладывали собственное имущество и приносили въ руки короля деньги на военныя потребности; иные, подобно Новодворскому, жертвовали суммы для напечатанія общеполезныхъ книгъ.

Вокругъ трона стояли великіе геніи войны; Ходкѣвичъ, Жолкѣвскій, Конецпольскій, и мужи государственные Замойскій, Левъ Сапѣга и многіе другіе.

Эти добродѣтели и таланты краснорѣчиво говорили, что въ духѣ народа, который обладаетъ ими, сокрыты великія сокровища, что слабости свои онъ готовъ въ каждую минуту замѣнить великими дѣяніями, что нужно только дать направленіе, а эти великія сердца, эти сильные умы, эта могучая грудь можетъ сдѣлать чудеса, но не было того, кто бы могъ вести ихъ къ тому.

Поляки имѣли свои недостатки, но сознавали ихъ, и это было ручательствомъ ихъ исправленія. Въ инструкціяхъ посланниковъ, на каѳедрѣ церковной, въ совѣщаніяхъ сеймовъ, въ стихахъ и листкахъ сатирическихъ родичи смѣло упрекали своихъ родичей, выставляя имъ на видъ ихъ рос-

кошь, несогласія, непослушаніе и порабощеніе подданныхъ. Народъ сознавался въ грѣхѣ, но не было никого, кто бы умѣлъ привести его на путь исправленія.

Законодательство требовало реформы, множество постановленій устарѣлыхъ, несправедливыхъ, неисполненныхъ или неисполняемыхъ требовали пересмотра. Дороживший народъ, своей свободой, чувствовалъ однако потребность исправленія, и усиленія бдительности за исполненіемъ закона. Въ эпоху Ягеллоновъ мы сказали, что Польша не имѣла у себя общаго свода, обязательнаго для всѣхъ ея странъ, но каждая провинція списывала свои обычныя (consvetudines) законы и позднѣйшія постановленія. Это было источникомъ противорѣчій между уставами двухъ провинцій, даже между узаконеніями одного и того же сборника.

Мы говорили уже объ оффиціальныхъ и частныхъ сборникахъ правъ Прусскаго, Мазовецкаго, Литовскаго, которые будучи постоянно измѣняемы постановленіями сеймовъ, переменою нравовъ и обычаевъ, или просто непримѣняемые и неисполняемые требовали сравненій, дополненій и перемѣнъ.

Въ самомъ началѣ правленія Сигизмунда III, когда всѣ польскія провинціи сознавали потребность сборника и исправленія своихъ законовъ, когда громко вызывали коррекцію, Литва первая приступаетъ къ дѣлу и въ 1564 году окончательно исправивши и пополнивши свой Гастольдовъ Статутъ, примѣнительно къ духу современныхъ потребностей, поднесла его на утвержденіе королю на сеймѣ коронаціи Сигизмунда (1588). Граждане сердились на нихъ за то, выставляя имъ незаконность такого акта, а Іоахимъ Бѣльскій, описывая современныя событія такъ говоритъ объ этомъ статутѣ: «такъ какъ это было уже послѣ «коронаціоннаго сейма, не знаю его будущей важности, пото-

«му что они безъ насъ его составили, тогда какъ мы безъ «нихъ не дѣлаемъ и самомалѣйшаго постановленія на сей «махъ.» Но новоизбранный король, слабый еще на своемъ тронѣ, зная, сколь многое зависитъ для него отъ Литовцевъ, подтвердилъ и скрѣпилъ клятвою законодательный для Литвы кодексъ, который сохранилъ для нея свою обязательную силу до послѣднихъ минутъ существованія Польши и даже до настоящаго времени. Съ этою цѣлію депутаты, избранные на уѣздныхъ сеймикахъ разбирали отдѣльные артикулы, потомъ на избирательномъ сеймѣ разсмотрѣли цѣлость кодекса, а Левъ Сапѣга знаменитый канцлеръ окончательно приложилъ къ нему руку, и трудился надъ его изданіемъ. Такъ какъ для насъ Литовцевъ этотъ памятникъ нашего законодательства составляетъ святыню, бросимъ поэтому болѣе внимательный взглядъ на *Статуты Великаго Княжества Литовскаго.*

Этотъ кодексъ дѣлится на 14 главъ. Первыя четыре говорятъ: о преимуществахъ и обязанностяхъ королевской власти, о защитѣ государства, объ полицейскихъ учрежденіяхъ, о шляхетской свободѣ, и судахъ; шесть слѣдующихъ главъ обнимаютъ гражданское судопроизводство, а четыре послѣднихъ заключаютъ право уголовное. Исчислимъ эти законы, которые носятъ на себѣ ясную печать своей эпохи и страны.

Оскорбленіе величества и измѣна отечеству наказывались смертію (gardtem); каждый гражданинъ Польши лично долженъ явиться на зовъ военный, даже священники и вдовы должны были посылать кого нибудь на свое мѣсто. Когда сеймъ объявитъ *обыкновенное ополченіе*, то хорунжій [1] по своему уѣзду разсылаетъ посланія, назначая рыцар-

[1] (Знаменосецъ.)

ству пункты для сбора, «а таковыя посланія должны быть «обнародуемы вездѣ въ городахъ, на торжищахъ, при цер«квахъ и вездѣ копіи съ нихъ должны быть прибиты. Хо«рунжій ведетъ рыцарство къ кастеллану, разсказывая ему «кого нѣтъ, а кто есть, потомъ рыцарство является къ во«еводѣ, который отводитъ его къ гетману, гдѣ и будетъ объ «этомъ разсказано.» Шляхта, идущая на войну кромѣ подножнаго корма ничего болѣе брать у жителей не можетъ. Свобода исповѣданія религіи обезпечена; во времена назначенныя королевскими письмами, каждый уѣздъ собирается на сеймики, и отсюда посылаетъ отъ себя двухъ депутатовъ на генеральный сеймъ «уполномочивая ихъ вершить «тѣ дѣла, которыя имъ на сеймикахъ поручены, и которыя «будутъ указаны въ инструкціи за печатями гражданъ.» Сеймикъ продолжается четыре дня. Всѣ Литовскіе послы и сенаторы передъ сеймомъ собирались въ городъ Слонимъ и тамъ «приносили въ свое собраніе инструкціи всѣхъ зе«мель и уѣздовъ, приводя ихъ къ одному правильному по«ниманію и взгляду на вещи, чтобы затѣмъ на избиратель«номъ уже сеймѣ съ большимъ порядкомъ и успѣхомъ могли «быть рѣшаемы и отправляемы дѣла Государства.» Послѣ сейма послы давали тѣмъ, отъ которыхъ были уполномочены (moco-dawcom) отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Иностранцы не могли владѣть имуществами въ Литвѣ, или занимать государственныя должности, также какъ и люди не шляхетные. Шляхтичъ теряетъ свое достоинство «если живетъ какимъ-нибудь ремесломъ, держитъ шинокъ, или мѣряетъ аршиномъ.» Кто вывозитъ желѣзо и оружіе въ землю непріятельскую наказывается смертію. Для суда дѣлъ гражданскихъ, учрежденіе называемое земскимъ, состоитъ изъ чиновъ, избранныхъ изъ среды гражданъ, а для дѣлъ уголовныхъ, судъ, называемый городскимъ имѣетъ своихъ чи-

новниковъ по назначенію воеводъ и судныхъ старостъ. Земскіе суды собираются три раза въ годъ, и продолжаютъ свои засѣданія шесть недѣль, эти сроки (kadencye) назывались *Roki*. Городскіе суды или *Roczki* начинались въ первый день каждаго мѣсяца и продолжались двѣ недѣли. Стороны, судящіеся, для судебнаго разбирательства дѣла, вмѣсто себя могутъ уполномочить прокураторовъ или дѣлопроизводителей (rzeczników), вдовы и сироты допускаются къ суду; обвиненнымъ въ оскорбленіи величества, защитниковъ назначаетъ самъ монархъ (Гл. IV. Арт. 57). За дичь убитую въ чужихъ лѣсахъ владѣтель имѣетъ право взыскивать: за зубра 12 *серебряныхъ грошей*, половину этой платы за лося и оленя, за гнѣздо сокола, платится 3 сер. гроша, за медвѣдя, рыся, пчельный улей, за поврежденіе хмѣльника или фруктоваго сада, за уничтоженіе лебединаго гнѣзда и т. д. Смертію наказывались вооруженныя наѣзды, убійства, прелюбодѣянія, поджигательство и т. д. Шляхтичъ, который убьетъ не шляхтича, если не былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія платитъ только поголовное (głowszczyznę), воровство наказывается смертію, а кто бы по горячимъ слѣдамъ пойманъ былъ при истребленіи чужихъ пчелъ, при ловлѣ рыбъ въ чужихъ прудахъ и т. д. наказывается какъ воръ. Шляхтичъ за воровство превышающее 2 копы грошей, не шляхтичъ за воровство, стоющее 4 копы грошей наказывается смертію; за увѣчье и раны шляхтича, нанесенные шляхтичемъ платится пеня (nawiązki), не шляхтичъ, который побилъ бы шляхтича теряетъ руку. Убійца своихъ родителей «наказывается такъ: его обвозятъ по «рынку, разрывая тѣло клещами, потомъ сажаютъ въ ко«жаный мѣшокъ съ собакою, курицею, змѣею и кошкою, «и зашивши опускаютъ въ воду въ самомъ глубокомъ мѣ«стѣ.»

Таковы наиболѣе характеристическія права Литовскаго Статута.

Въ слѣдъ за Литвою и Прусскія земли, подчиненныя польскому скипетру, получили исправленіе своихъ законовъ, На сеймѣ 1588 Пруссы просили о поправленіи такъ называемыхъ Хелминскихъ Уставовъ, а сеймъ, склоняясь на ихъ просьбу, призвалъ для этого дѣла историка Рейнгольда Гейденштейна и Николая Невѣсцинскаго. Въ слѣдующемъ году Пруссы были приняты въ вѣдѣніе короннаго трибунала, а въ 1598 году Гейденштейнъ и Невѣсцинскій окончили свой трудъ, который въ томъ же году былъ утвержденъ государственными чинами и напечатанъ подъ заглавіемъ: *Ius terrestre nobilitatis Prussiae correctum* A. D. 1598 г. (Исправленное земское право прусскаго дворянства). Онъ состоитъ изъ семи главъ, а именно: о наслѣдствахъ, дарственныхъ записяхъ, завѣщаніяхъ, опекахъ, о должностяхъ и судахъ, о процессѣ и дѣлахъ гражданскихъ, о границахъ.

Воеводствамъ: Волынскому, Кіевскому, Брославскому, дано позволеніе учредить свой трибуналъ и русскимъ языкомъ списать свои не письменные законы для внесенія ихъ въ систему общаго исправленія отечественныхъ законовъ, о которомъ мы сказать не замедлимъ. Обычаи земли Мазовецкой еще прежде были внесены въ сеймовыя конституціи.

Въ эпоху Ягеллоновъ мы говорили о статутѣ, составленномъ Гербуртомъ, который хотя не былъ утвержденъ опредѣленіемъ сейма, но при недостаткѣ оффиціальнаго кодекса, имѣлъ судебное значеніе, какъ руководство для судей и практическихъ юристовъ. Отсюда мы видимъ какая крайняя и важная необходимость побудила къ составленію однаго обязательнаго кодекса, сравненію между собою правъ и привилегій земель отдѣльныхъ, исключенію противорѣчій, по-

полненію недостающаго, объясненію запутаннаго; словомъ къ поправленію законовъ, для того чтобы потомъ можно было точнѣе наблюдать за ихъ исполненіемъ. Статуты отдѣльныхъ земель, были уже какъ мы это сказали болѣе или менѣе обработаны; сборникъ сеймовыхъ постановленій заключалъ въ себѣ позднѣйшія распространенія или измѣненія различныхъ законовъ, и такъ всѣ матеріалы были подъ рукою и трудъ довольно легокъ. Для исполненія этого важнаго дѣла сеймъ 1588 года именовалъ 30 лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, какъ изъ круга сенаторскаго, такъ и изъ шляхты, и искусныхъ юристовъ для разсмотрѣнія и составленія статута. Предсѣдателемъ этой коллегіи былъ Ваврживецъ Гослицкій, авторъ книги *de Optimo senatore* (выше поименованной) и составитель договорныхъ условій для Сигизмунда III. Сеймъ назначилъ плату комиссарамъ (по 2 гроша съ лана) и неоднократно возобновлялъ это установленіе. Но по нерадѣнію ли комиссаровъ, или въ слѣдствіе разнородныхъ страстей препятствовавшихъ обузданію своеволія, только дѣло общаго исправленія не было доведено до окончанія.

Янъ Замойскій болѣе счастливый или болѣе усердный, составилъ порядочное собраніе отечественныхъ привилегій, публичныхъ актовъ, трактатовъ и т. д. Это собраніе, названное *Коронною Метрикою* бывшее до сихъ поръ въ безпорядкѣ и разстройствѣ, съ тѣхъ поръ было содержимо всѣми канцлерами въ должномъ порядкѣ.

Не въ состояніи будучи дождаться общаго собранія законовъ, народъ отдѣльными конституціями обуздывалъ злоупотребленія и увеличивалъ отвѣтственность за не исполненіе права. Въ правленіе Сигизмунда III издано много карательныхъ постановленій, противъ нарушителей общественнаго спокойствія, носившихъ въ городахъ огнестрѣль-

ное оружіе, противъ наѣздовъ и вооруженныхъ пировъ, противъ поединковъ и т. д. Назначена цѣна всѣмъ предметамъ жизни и одежды, запрещено нищенство и бродяжничество, обращено вниманіе на очищеніе судоходныхъ, рѣкъ на улучшеніе дорогъ и мостовъ, наконецъ издано нѣсколько постановленій, пресѣкавшихъ злоупотребленія судебнаго дѣлопроизводства.

Повторимъ: польскій народъ имѣлъ свои недостатки, но сознавалъ ихъ и силился отъ нихъ освободиться, онъ требовалъ реформы въ правахъ и обычаяхъ, но увы! Сигизмундъ III не былъ созданъ для реформъ.

Кто принимаетъ на себя возрожденіе общества, долженъ непремѣнно соединять въ себѣ непреклонную волю и безукоризненную добродѣтель. Уваженіе и довѣренность—вотъ условія при которыхъ общество можетъ согласиться преклонить главу предъ чуждою ей волею. Только нравственная высота и добродѣтель реформатора и могутъ ручаться за исполненіе его плановъ. Сигизмундъ III не обладалъ твердостію души, а его дѣянія, какъ монарха не были совершенно безупречны; народъ ему не довѣрялъ и видѣлъ его слабость. Что же удивительнаго, если онъ, вмѣсто того, чтобы видѣть въ своемъ монархѣ верховнаго судью, самъ призвалъ его, какъ обвиненнаго, предъ свой сеймовой трибуналъ, и требовалъ у него отчета въ исполненіи возложенныхъ на него королевскихъ обязанностей. Мы говоримъ здѣсь *о сеймѣ инквизиціонномъ* (въ сентябр. 1592 г.) на которомъ шляхта собралась во всемъ вооруженіи, а земскіе послы и Сенатъ въ полномъ собраніи подъ предсѣдательствомъ гетмана и канцлера Замойскаго громко упрекали короля въ томъ, что онъ незаконно безъ вѣдома сейма, женившись на австріанкѣ, ведетъ договоры съ домомъ Ракусскимъ, что хочетъ Австрійцамъ уступить польскую корону

и удалиться въ Швецію, что съ отцемъ своимъ королемъ шведскимъ ведетъ какія-то тайныя интриги насчетъ нашихъ при-балтійскихъ провинцій, что онъ посягаетъ на свободу отечества. Іеронимъ Розражевскій, кардиналъ Георгій Радзивилъ и другіе обвинены были какъ посредники королевскихъ интригъ съ домомъ австрійскимъ, что Радзивилъ, будучи Литовцемъ не по праву занимаетъ Краковское епископство и т. д. Требовали, чтобы «каждый говорилъ то, что «знаетъ насчетъ другаго, но если не докажетъ, чтобы неподвергался за то никакой ответственности.» Въ свидѣтели королевскихъ заговоровъ хотѣли даже позвать иностранцевъ, слугъ королевскихъ. Грустно смотрѣть на эти ссоры подданныхъ съ престоломъ, но поистинѣ, Сигизмундъ не былъ похожъ на жертву невинно гонимую; то въ чемъ упрекали его имѣло свои основанія. Въ присутствіи своихъ инквизиторовъ, король явился не съ тою увѣренностію въ самомъ себѣ, какого облекаетъ человѣка невинность и правда. Говорятъ (но это кажется сказка), что король взялся за оружіе, но Замойскій остановилъ его. Какъ бы то ни было стѣсненный Сигизмундъ далъ письменное увѣреніе, что не станетъ питать не расположенія къ своимъ гонителямъ, что въ Швецію никогда не поѣдетъ, пока живъ отецъ его король Янъ, что тамошнія дѣла свои будетъ вести чрезъ пословъ, назначаемыхъ государственными чинами, «и наконецъ, говоритъ Бѣльскій, совѣтовалъ послать посольство «къ святѣйшему отцу, чтобы онъ предупредилъ сосѣднихъ «государей, оставить въ мирѣ и не тревожить этого коро«левства.»

Но десница Поляковъ не ослабѣла еще до того, чтобы искать посредничества папы для спасенія отъ враговъ. Еще Жолкѣвскій подъ Лубномъ (1596 г.) побороль и взялъ въ плѣнъ мятежнаго Наливайку, Замойскій подъ Тельчиномъ

(1600 г.) поразилъ Турокъ и Валаховъ; когда же вѣроломный Карлъ Судермансвій, по смерти короля Іоанна, занялъ шведскій престолъ принадлежавшій нашему королю Сигизмунду, Янъ Карлъ Ходкѣвичъ подъ Кокенгаузеномъ и Кирхольмомъ (1601) одержалъ надъ Шведами блестящія, почти чудесныя побѣды; въ первой битвѣ онъ взялъ въ плѣнъ вождей шведскихъ Карольсона и Делагарди, во второй самъ Карлъ Судермансвій едва успѣлъ избѣжать плѣна. Но мы пишемъ не политическую исторію, а исторію литературы; поэтому не наше дѣло изображать блестящія, но чуждыя добрыхъ послѣдствій войны, которыя ведены были Поляками въ правленіе Сигизмунда III. Для историка литературы войны этого рода составляютъ только фактъ въ томъ отношеніи, что они служили зловѣщимъ предсказаніемъ упадка наукъ, что сладкій голосъ лиры поэта глохнетъ заглушаемый дикимъ крикомъ военной трубы, что краснорѣчіе слабо дѣйствуетъ на убѣжденія тамъ, гдѣ право сильнаго служитъ единственнымъ правомъ справедливости, что война приноситъ съ собою военную дикость нравовъ и обычаевъ, столь мало согласную съ успѣхами образованія. Въ царствованіе Сигизмунда III, кромѣ другихъ причинъ, на которыя мы будемъ указывать, его войны имѣли не малое вліяніе на не успѣхъ просвѣщенія. Возвратимся теперь къ событіямъ внутреннимъ и состоянію умовъ въ Польшѣ.

Слабость, какую явилъ король во время инквизиціоннаго сейма ободрили народъ, а въ особенности аристократовъ эту гордую, всесильную, ничѣмъ не обуздываемую касту народа. Аристократія пользуясь удобною минутою возвышаетъ свою голову надъ королемъ, надъ шляхетскимъ равенствомъ, надъ отечественными законами и предлагаетъ королю на утвержденіе уставы, наиболѣе противорѣчащіе основнымъ законамъ Польши. Недавно, въ послѣдніе минуты жи-

зни Стефана Баторія, Радзивилы исходатайствовали себѣ у государственныхъ чиновъ подтвержденія Олыцкой, Нѣсвижской и Гродно-Давидовской ординацій, которыя имѣли цѣлью поддержать блескъ его дома и его огромныя имущества «и по мимо собственныхъ дочерей», младшихъ братьевъ сдѣлать старшими представителями рода. Сигизмундъ III подтвердилъ это фамильное распоряженіе Радзивиловъ, и вдругъ Замойскій является съ подобнымъ же требованіемъ и пишетъ ординацію для своихъ вотчинъ Замостья, Замха и Кржешова, словомъ для 12 городовъ и 230 деревень; за нимъ Мышковскій для Пинчова, а Янушъ Острогскій для большихъ имѣній Острога также пишутъ свои ординаціи. Польская шляхта украшается титулами князей и графовъ Римской Имперіи, маркграфовъ и кавалеровъ Золотаго Руна. Но еще хуже всякаго рода титуловъ и ординацій то, что магнаты присвоили себѣ множество коронныхъ имуществъ. Когда же, такъ сказать, все государство было раздѣлено между нѣсколькими владѣтельными домами, король, желая привлечь ихъ на свою сторону и по крайней мѣрѣ смягчить ихъ, чтобы они съ такою гордостію не ставили ему роговъ, раздавалъ имъ еще богатые имѣнія, увеличивалъ ихъ исполинскія вотчины, на счетъ истинныхъ заслугъ отечеству, шляхетскаго равенства, собственнаго спокойствія и безопасности. Сярчинскій (въ картинѣ правленія Сигизмунда III) въ одномъ домѣ Радзивиловъ насчитываетъ 45 городовъ вотчинныхъ и 16 старостинскихъ, деревень: 738 вотчинныхъ и 583 старостинскихъ. Прибавимъ еще, что староства дѣлались почти собственностію вельможъ, потому что отъ отца переходили къ сыну чрезъ нѣсколько поколѣній. Изъ домовъ сильныхъ болѣе по обычаю, чѣмъ по праву, избирали сенаторовъ; изъ этихъ жедомовъ были епископы, воеводы, гетманы; убогая шляхта равная на-

гнатамъ по своему рожденію, и чрезвычайно старательная въ сохраненіи имени и хотя одного призрака равенства, мечтая о своей свободѣ сдѣлалась орудіемъ личныхъ цѣлей вельможъ. Припомнимъ еще то, что Сигизмундъ III; полный фанатизма, готовъ былъ тѣснить свободу религіозную, въ оборонѣ которой являются сильнѣйшіе роды, и вотъ въ рукахъ польскихъ аристократовъ еще одно средство къ вліянію на народъ, еще одно оружіе противъ монарха.

Неудивительно если при такихъ обстоятельствахъ, гордость вельможъ возрасла до невѣроятныхъ размѣровъ, если *балдахинъ*, который по волѣ Сигизмунда снятъ съ головы гордаго Бернадка Мацеіовскаго, краковскаго епископа и сѣверскаго князя; если *дворецъ*, который на минуту занятъ былъ королемъ у Николая Зебржыдовскаго, краковскаго воеводы; если *старостве*, въ которомъ король отказалъ Янушу Радзивилу были поводомъ къ вооруженному возстанію подданныхъ противъ своего монарха. Бунтъ этотъ былъ предупрежденъ Рокошемъ или тремя съѣздами: Стенжицкимъ, Люблинскимъ и Сандомірскимъ, состоявшими изъ гражданъ, непріязненныхъ королю.

Для читателей менѣе знакомыхъ съ конституціонными обыкновеніями нашихъ предковъ, мы должны объяснить выраженія рокошъ и бунтъ, которые теперь почти равносильны, но въ правленіе Сигизмунда III имѣли совсѣмъ различное значеніе. *Рокошъ* (слово взятое изъ венгерскаго языка) былъ протестаціею и увѣщаніемъ правительства или гражданъ, и онъ неоднократно служилъ подпорою престола. Предусмотрѣнный и дозволенный конституціею, рокошъ служилъ законнымъ органомъ народа въ его отношеніяхъ съ престоломъ, потому что въ границахъ конституціонной свободы, гражданамъ позволено было составлять политическіе съѣзды, совѣщаться о потребностяхъ своей земли, и

даже призывать къ своему суду незаконную и обременительную власть—это было выраженіе народной воли. Польскій рокошъ имѣлъ сходство съ нынѣшними политическими клубами въ конституціонныхъ государствахъ, только съ большею силою, съ болѣе выразительною физіономіею, и былъ болѣе доступенъ злоупотребленіямъ, потому что требованія онъ имѣлъ право поддерживать вооруженною рукою, и въ послѣднемъ случаѣ становился бунтомъ, дѣйствіемъ незаконнымъ и неконституціоннымъ. Кажется, что Зебржыдовскій сдѣлалъ ненавистнымъ слово рокошъ, придавъ ему значеніе бунта, потому что съ тѣхъ поръ, «собранія шляхты для защиты свободы», стали называться конфедераціею.

Въ эпоху междоусобной войны, которую вызвали Зебржыдовскій и Янушъ Радзивилъ, были законные съѣзды въ Стенжицѣ, Люблинѣ и Сандомірѣ (1606), хотя этотъ послѣдній уже носитъ на себѣ печать дерзости и слишкомъ съ высока смотритъ на управленіе государства. Тамъ упрекали короля въ томъ, что своимъ непостоянствомъ, насиліемъ, и интригами онъ нарушаетъ гражданскую свободу, что сеймы не только не созидаютъ ничего отраднаго, но напротивъ сдѣлались ядомъ, что народъ напрасно ожидая въ теченіи 18 лѣтъ исполненія того, въ чемъ король клятвенно обязался въ договорахъ при его избраніи, рѣшается наконецъ составить рокошъ, на который призываетъ короля вмѣстѣ съ сенатомъ. Рокошане окружною грамотою (uniwersałem) созывали всѣхъ гражданъ государства, чтобы они оставивъ домашнія забавы и препятствія, прибыли на этотъ рокошъ для спасенія отечества. Призваны были также и трибуналы коронный и литовскій, чтобы они прекратили свои засѣданія, предупреждая, «что если какое-нибудь присутственное мѣсто не захочетъ принять въ свои акты этого умиротворенія, и не будетъ выдавать его изъ своихъ актовъ, то таковое ослушаніе будетъ судимо на томъ же рокошѣ.»

Быть можетъ Зебржыдовскій былъ человѣкъ безпокойнаго характера, а Янушъ Радзивилъ аристократъ неслыханнаго высокомѣрія, положимъ что шляхта, которая толпами собиралась по данному имъ знаку, была только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ вельможъ, но во всякомъ случаѣ королю трудно было отвѣчать на справедливые упреки, что онъ не имѣетъ возлѣ себя назначеннаго числа сенаторовъ, что собственною властію рѣшалъ дѣла, что налагаетъ чрезвычайные налоги, не раздаетъ должностей въ назначенное время, что финансы вмѣсто подскарбія (казначей) повѣряетъ людямъ чужимъ и подозрительнымъ, что государство увлекъ въ шведскую войну, чеканилъ дурную монету, измѣнялъ приговоры трибуналовъ, высылалъ пословъ въ иноземныя королевства безъ вѣдома государственныхъ чиновъ и т. п. Не забыли и іезуитовъ, этихъ сокровенныхъ, но сильныхъ дѣятелей въ кабинетной политикѣ Сигизмунда III. Рокошанское посольство громко въ присутствіи короля упрекало ихъ въ томъ, что они мѣшаются въ свѣтскія дѣла при дворѣ королевскомъ, проповѣдями приготовляютъ умы къ абсолютному деспотизму, порицая гражданскую свободу, дѣлаютъ насильственныя нападенія на дома и храмы иновѣрцевъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ партія Зебржыдовскаго требовала, удаленія іезуитовъ отъ двора, отнятія у нихъ главнѣйшихъ коллегій, высылки за границу иноземныхъ членовъ ихъ ордена, отнятія у нихъ записи на имущества (fundacye) и обращенія послѣднихъ въ пользу краковской академіи и военнаго госпиталя. И здѣсь мы замѣчаемъ дальновидность и гражданскую добродѣтель рокошанъ, хотя упреки эти происходили большею частію отъ бунтовщиковъ и не католиковъ; видимъ здѣсь начало личности и духа партій, который портилъ всѣ благодѣтельныя преобразованія въ нашу эпоху. Еслибы

Зебржыдовскій и Радзивилъ, не по личнымъ побужденіямъ, но по одной чистой любви къ общему благу выступили съ этими упреками законно и смѣло въ присутствіи сейма, а не во главѣ дерзкой вооруженной толпы, то имена ихъ могли бы занять прекрасныя страницы въ нашей исторіи, но соблазнительный примѣръ бунта и междоусобной войны позоромъ покрылъ ихъ память.

Все государство раздѣлилось на приверженцевъ короля и партизановъ Зебржыдовскаго. Сенаторы, собранные вокругъ короля, призвали полеваго гетмана Станислава Жолкѣвскаго, чтобы онъ съ своимъ войскомъ охранялъ безопасность короля и сената. Начались совѣщанія, король объяснялся и оправдывался; съ обоихъ сторонъ собраны были военныя силы, подъ Яновцемъ дѣло должно было рѣшиться оружіемъ, но Зебржыдовскій, не довѣряя своимъ силамъ, извинился предъ королемъ, «свидѣтельствуясь Богомъ, что все «то, что онъ дѣлалъ, дѣлалъ единственно изъ желанія общаго блага». Вслѣдъ за тѣмъ письменно объявилъ, что онъ распускаетъ свои вооруженныя силы, и впредь «никакихъ «съѣздовъ ни собраній своихъ братьевъ посредствомъ уни«версаловъ, дѣлать не будетъ».

Но этотъ позорный шагъ служилъ ему единственно для того, чтобы выиграть время и умножить силы мятежниковъ, потому что въ слѣдующемъ (1607), рокошанскій съѣздъ подъ управленіемъ Зебржыдовскаго, Радзивилла и Гербурта непризнаетъ Варшавскаго сейма, издаетъ приговоръ о низложеніи короля и съ четырьмя тысячами войска идетъ на Варшаву. Силы Рокоша увеличились до 10,000. Король тоже вызвалъ Яна Карла Ходкѣвича изъ Лифляндіи, и имѣя на своей сторонѣ доблестныхъ военачальниковъ Жолкѣвскаго, Яна и Якова Потоцкихъ собралъ 7,000 войска, рѣшившись силою оружія усмирить бун-

товщиковъ. Мѣстечко Гузовъ близъ Радома было свидѣтелемъ плачевной битвы между единоземцами. Воинскія таланты Ходкѣвича и Жолкѣвскаго пріобрѣли побѣду слабѣйшей числомъ сторонѣ королевской. 1200 рокошанъ пали въ битвѣ, у нихъ отняты были пушки, знамена и переписка Радзивила съ Гавріиломъ Баторымъ, старавшимся получить польскую корону. Въ слѣдствіе своего пораженія рокошане смирились; а король всѣмъ гражданамъ объявилъ всеобщую амнистію.

Когда такимъ образомъ Поляки во имя своихъ политическихъ убѣжденій, или личной непріязни, боролись другъ съ другомъ, отечеству угрожалъ другой врагъ. Не къ исторіи литературы относятся разсказы о безпрерывныхъ и безполезныхъ войнахъ Польши съ Швеціею, Россіею и Турціею; о томъ какъ Мнишекъ воевода Сандомірскій велъ Отрепьева на престолъ Московскій, какъ Жолкѣвскій погибъ въ войнѣ съ Турками, какъ въ войнѣ шведской мы потеряли Ригу и Лифляндію, какъ королевичъ Владиславъ, избранный царемъ Московскимъ, потерялъ тронъ по оплошности своего отца, какъ наслѣдственная шведская корона отнята былау Сигизмунда и его сыновей; всѣ эти событія относятся къ политической исторіи государства. Характеристика этихъ воинъ однообразна: даровитые гетманы, воинство немногочисленное, не получающее жалованья, строптивое, но храброе; почти каждая отдѣльная битва была побѣдою для Поляковъ, но общій ходъ каждой почти кампаніи скорѣе можно назвать неудачнымъ. Сеймы дурные и безплодные, разстройство въ казнѣ, дома своеволіе, роскошь, упадокъ наукъ и развращеніе вкуса, вотъ плоды правленія Сигизмунда III. Пора уже намъ обратить вниманіе на состояніе общественнаго воспитанія въ нашу эпоху. Припомнимъ то, что мы сказали объ этомъ въ эпоху Ягеллоновъ.

«Въ годину смерти Стефана Баторія, мы видимъ три пар-«тіи, три ученые стана, готовые вступить въ междусоб-«ную войну за обладаніе мнѣніями своихъ соотечествен-«никовъ.

«1. *Краковская Академія* съ своими колоніями. Ея вли-«янію подчинены и каѳедеральныя школы.

«2 *Іезуиты* съ своими школами, подкрѣпленные назва-«ніемъ защитниковъ православія, сильные богатствомъ и вліяніемъ.

«3 *Протестанты* различныхъ исповѣданій, привлека-«тельные новизною, именемъ чистыхъ евангелистовъ, осво-бодителей духа.

Намѣреваясь теперь разсказать ходъ этой борьбы въ различныхъ мѣстахъ Польши, и кто какимъ образомъ ос-тался побѣдителемъ, раздѣлимъ всю Польшу на извѣстныя провинціи: Великую Польшу, Малую Польшу и Литву, и поочередно пересмотримъ ряды соперниковъ въ разныхъ положеніяхъ боеваго порядка, и такъ:

1. *Въ Великой Польшѣ*, проявились первыя присвоенія іезуитовъ, первые враждебные поступки ихъ, имѣющія цѣ-лію стѣснить Академію и школы ей подчиненныя. Іезуиты имѣли свои коллегіи: въ Познани, Калишѣ, Варшавѣ, Плоцкѣ, Торунѣ, Гданскѣ; Краковская же академія имѣла въ Познани свою колонію или школу Любранскаго, меньшія школы въ Плоцкѣ, Пултускѣ, отъ нея же зависѣли многочисленныя приходскія училища высшія и низшія. Мы уже говорили о методѣ преподанія іезуитовъ, по которому изъ трехъ частей латинской грамматики Эммануила Альвара сдѣланы были три школьные курса, которые рѣшительно заняли все вре-мя, посвященное воспитанію; тамъ читали древнихъ писате-лей единственно для того, чтобы изъ сочиненій полныхъ чувства и огня почерпнуть *способы какъ составляются*

риторическія фигуры, слогъ долженъ былъ быть безошибочнымъ, на заданную тему писать безъ восторга но холодно, неприлично было увлекаться страстью и творить, не смотря на то, что приказано было подражать великимъ, страстнымъ, творческимъ ораторамъ и поэтамъ древности, и крохами ихъ прекраснаго слова украшать незначительность обыкновенныхъ сочиненій; гдѣ прекрасное велѣно было понимать умомъ, гдѣ умствованіе было стѣснено до чрезвычайности, до тѣхъ предметовъ, о которыхъ позволено было разсуждать. Призванные для борьбы съ гордостію протестантскаго ума, іезуиты рѣшились не менѣе высокомѣрно привести всю Польшу къ своимъ ногамъ, а средства избранные ими, какъ-то пришлись къ болѣзненному состоянію нашего общества. При домашней роскоши, и личныхъ политическихъ раздорахъ начали изсыхать сердца и мельчать сильные умы Поляковъ; и вотъ являются іезуиты съ своимъ мистицизмомъ, который нравится, какъ новость, съ ласкательствомъ которое льститъ шляхетской суетности, съ невѣротерпимостію, которая освятила взаимныя несогласія родичей, придавая имъ видъ ревности къ вѣрѣ. Нигдѣ быть можетъ іезуитизмъ не пустилъ такъ глубоко своихъ корней, какъ въ Польшѣ. Шляхта любила роскошь и великолѣпіе, а что могло быть блистательнѣе іезуитскихъ процессій, бесѣдъ, канонизацій и диспутовъ? Шляхта любила свои гербы, а іезуиты любили риторическія фигуры; кому же поэтому было возставать противъ испорченности вкуса, когда въ поэзіи шляхетскую гербовную Литву сравнивали съ луною и звѣздами, называя ихъ *благодѣтельными свѣтилами отечественнаго міра*, колонны *съ столпами отечества*, крестъ на гербѣ называли *символомъ мира*, стрѣлы признакомъ *высокаго полета* и т. д. Шляхта повѣрила, что владѣтели гербовъ

дѣйствительно обладаютъ высотою и добродѣтелями, которые изображены на ихъ щитахъ, какъ же послѣ того имъ было сердиться на тотъ орденъ, который научалъ въ блескѣ шляхетскомъ, читать похвалу рода и добродѣтели? на орденъ, который каждаго порутчика или его товарища называлъ Марсомъ, плохаго риемача Аполлономъ, каждаго аристократа Юпитеромъ? который для дѣтей высокаго происхожденія, назначалъ особыя школьныя скамьи. Какъ же святымъ защитникамъ вѣры и не требующимъ возмездія воспитателямъ, не служить своими имѣніями и протекціею? Самолюбіе каждаго изъ Поляковъ помогало ему запутываться въ іезуитскія сѣти. Какъ съ подобнымъ орденомъ могла соперничать Краковская Академія, до педантизма преданная наукѣ, въ который богатство или происхожденіе не имѣло вліянія на классные успѣхи, гдѣ латинской литературѣ учили не для того, чтобы выступать съ похвальнымъ панегрикомъ. Академія, убогая средствами, гордая своею ученостію, не преклоняя головы предъ сильными міра, имѣла на своей сторонѣ однѣ полусгнившія привилегіи, а іезуиты гораздо вѣрнѣе разсчитывая на живое значеніе благопріятствующаго имъ короля и большей части народа, быстро разсчитавъ свои силы, рѣшились унизить Академію въ глазахъ Поляковъ и въ свои исключительно руки забрать кормило народнаго воспитанія. Познань первая была свидѣтелемъ ихъ борьбы съ Академіею.

Тамъ рядомъ съ академическою Любранскою школою, нѣкогда знаменитою, но въ началѣ царствованія Сигизмунда III пришедшею въ упадокъ, воздвигались стѣны новой іезуитской коллегіи. Обѣ школы стояли не слишкомъ высоко, но школа академическая держась своего престарѣлаго метода, была немногочисленною, убогою, а іезуитская, привлекала новостію, была многочисленна и богата сред-

ствами своего ордена. Легко было іезуитамъ исходатайствовать у Сигизмунда III возвышеніе іезуитской-Познаньской школы на степень Академіи; привилегіею 19 января 1612 г. имъ позволено было преподавать религію, метафизику, физику, математику и логику, раздавать ученыя степени баккалавровъ, магистровъ и докторовъ подобно другимъ академіямъ. Краковская академія жаловалась на нарушеніе своихъ привилегій, умоляла народъ, своего канцлера, и апостольскую столицу о защитѣ отъ чуждыхъ присвоеній. Къ счастію для Академіи народъ и цѣлый сеймъ Варшавскій (1613) торжественно протестовалъ противъ этого, а папа Павелъ V, находя, что «нововведенія О. О. «іезуитовъ въ церкви Божіей производятъ болѣе соблазна, «чѣмъ назиданія», отдалъ справедливость Краковской академіи. Такъ неудалась іезуитамъ первая ихъ попытка. Пораженные въ Познани они направили ударъ противъ Кракова. Уцѣлѣли академическія привилегіи, но неуцѣлѣла чистая искра святой науки, потому что Акад. Познаньская школа, видя что именно доставляетъ пользу іезуитамъ, считая ихъ стремленія духомъ вѣка, ввела у себя іезуитскую методу воспитанія, начала изучать риторику, писать панегирики, словомъ льстить старому, и развращать вкусъ молодаго поколѣнія Поляковъ. Прекрасное было бы зрѣлище, еслибы Alma-Mater, мать наукъ, выступила для защиты отечественнаго языка, чистою, неискаженною латинизмомъ, имѣющею здравый вкусъ! А академія, зная недостатки іезуитскаго воспитанія, вмѣсто того, чтобы спасать отечество отъ его послѣдствій, ввела его и у себя.

Великопольскіе протестанты имѣли нѣсколько высшихъ училищъ, гдѣ болѣе здравыя понятія о наукахъ казалось болѣе обѣщали принести пользы отечественному образованію, но увы! задачею протестантскихъ школъ была борьба

съ католиками, а не духъ гражданства, и самое существованіе некатолическихъ исповѣданій въ Польшѣ столь слабое и ненародное, не много обѣщало пользы нашей общественности. При Сигизмундѣ III протестантизмъ сталъ упадать, поэтому науки въ ихъ школахъ хотя и при лучшемъ преподаваніи, но не могли однако противодѣйствовать пагубному вліянію іезуитскихъ школъ. Перейдемъ рядъ Великопольскихъ школъ, которые были въ рукахъ кальвинистовъ, лютеранъ и послѣдователей Социна.

Школы кальвинскіе или *Богемскихъ братьевъ* въ Козьминкѣ и Лешкѣ были предметомъ нашего вниманія еще въ эпоху Ягеллоновъ. Первая въ началѣ семнадцатаго вѣка уже клонилась къ своему упадку, вторая процвѣтала какъ высшее учебное заведеніе въ ту именно эпоху, когда Рафалъ Лещинскій, Белзскій воевода, богато одарилъ ее, начерталъ ей обширную программу наукъ и занялъ ея каѳедры поистинѣ знаменитыми людьми, какъ Андрей Венгерскій, Янъ Рыбинскій, Янъ Амосъ Коменій, авторъ столь важныхъ руководствъ въ дѣлѣ изученія языковъ, историкъ Янъ Іонстонъ и т. д. Тамъ не слѣдовали методѣ іезуитской или академической, мудрые преподаватели составили собственный вѣрный методъ изученія наукъ. Нужно сожалѣть о томъ, что религіозный мистицизмъ развилъ въ этой школѣ сектическую сторону и тѣмъ самимъ отнялъ у нея возможность сдѣлаться популярною. *Исповѣданіе Лютера* въ Великой Польшѣ первоначальныя свои школы высшія и почти чисто нѣмецкія, имѣло: во Вшовѣ, Равичѣ, Лешнѣ, Здунахъ, Мѣдзыржечѣ, Мѣдзыходзѣ Шлехтынговѣ и т. д., но исторія ихъ не принадлежитъ къ исторіи просвѣщенія Польши. Болѣе народна лютеранская гимназія, основанная въ Торунѣ, о заложеніи которой мы упоминали въ эпоху Ягеллоновъ, и которая стараніямъ Генриха Стробанда, своего начальника

(protoscholareńy), обязана была еще болѣе блистательнымъ состояніемъ отъ 1596 года. Сюда для приготовленія къ университетскому курсу пріѣзжали: Поляки, Нѣмцы, Богемцы, Венгры; направленіе этой школы было филологическое; «не «имѣющее цѣлью говорить Лукашевичъ, дѣлать изъ юно«шей риторовъ или поэтовъ, но ознакомляющая ихъ съ про«изведеніями Грековъ и Римлянъ, съ исторіею міра, съ на«уками точными и естественными». Языкъ Польскій былъ здѣсь изучаемъ несравненно лучше, чѣмъ въ самой Польшѣ, потому что образцами для упражненія служили сочиненія знаменитѣйшихъ писателей—Кохановскаго, Гурницкаго, и пр. Подобныя, хотя низшія учебныя заведенія Лютеранъ были въ Эльблонгѣ и въ Гданскѣ; это послѣднее имѣло прекрасную библіотеку и кабинетъ естественной исторіи, было колыбелью Гданскаго товарищества *изслѣдователей природы* (Naturforschende gesellschaft), и воспитало много знаменитыхъ ученыхъ, которыхъ имена принадлежатъ къ исторіи нѣмецкой литературы.

Аріане или приверженцы Социна имѣли свое гнѣздо въ Малой Польшѣ и Литвѣ; въ Малой Польшѣ была у нихъ школа въ Смиглѣ знаменитая болѣе своимъ основателемъ, чѣмъ науками. Ее одарилъ знаменитый Андрей Дудзичъ нѣкогда католическій пятицерковный епископъ (pęciokościelski) и посолъ императора Фердинанда въ Польшу, а въ слѣдъ за тѣмъ послѣдователь и распространитель Аріанизма въ Польшѣ. Смигельская школа закрыта въ 1637 году. О другихъ школахъ аріанскихъ мы сейчасъ же скажемъ, потому что поочереди вниманіе наше займутъ теперь споры іезуитовъ о воспитаніи въ провинціяхъ *Малопольскихъ и Русскихъ*.

Іезуиты, которымъ неудалось основать свою Академію въ Познани, развили свои планы въ Краковѣ, который хотя съ

* *
*

1596 г. перестать быть первою столицею Польши, но не перестать однакоже считаться сердцемъ Польской земли. Задача ихъ состояла въ томъ, чтобы ослабить силу Ягеллоновыхъ привиллегій, поколебать ея славу въ отечествѣ, занять первое мѣсто, и такимъ образомъ вполнѣ овладѣть воспитаніемъ всей Польши. Мы сказали, что Кр. Акад. цѣня ихъ призваніе радушно приняла (1582) новыхъ поборниковъ католицизма, и даже уступила имъ свои храмы, какъ то церковь св. Варвары и св. Степана. Новые пришельцы своимъ усердіемъ къ Божественной службѣ сразу овладѣли сердцемъ народа. «Когда начинаетъ только разсвѣ«тать, пишетъ одинъ современникъ, они на читанной (тай«ной) литургіи говорятъ проповѣди, храмъ всегда наполнѣнъ народомъ, потому что они ровно съ разсвѣтомъ отправляютъ богослуженіе». Это было чрезвычайно удобно для трудолюбивыхъ и благочестивыхъ жителей Кракова, и вмѣстѣ съ тѣмъ служило мѣрою усердія и ревности новаго ордена. Пользуясь первыми благопріятными для себя обстоятельствами, іезуиты при своей церкви заложили братство Пресвятой Богородицы съ цѣлію привлечь къ себѣ академическое юношество, но не желая еще вступать въ явный разрывъ съ академическимъ начальствомъ; профессоровъ они избирали изъ сановниковъ братства. Честные, добродушные краковскіе мудрецы, неподозрѣвая обмана, не только сами приходили молиться къ іезуитамъ, но даже дали имъ позволеніе открыть свое училище въ Краковѣ, съ тѣмъ только условіемъ, что учащееся въ немъ юношество будетъ зависѣть отъ ректора академіи, и кажется іезуиты частные свои разговоры съ академиками Гурскимъ, Мартиномъ изъ Пильзна и Яномъ изъ Куржелѣва отдали записать нотаріусу въ формѣ дѣловаго акта. Вооруженные этимъ правомъ, мало заботясь о верховномъ надзорѣ ректора, ко-

торий для нихъ, какъ для монаховъ не могъ быть обязательнымъ, они ожидали только благопріятной минуты для открытія своей школы. Сильные покровительствомъ короля и знаменитыхъ вельможъ, имѣя уже великолѣпный храмъ св. Петра для нихъ отстроенный, іезуиты сбросили маску въ 1622 г., открыли свою школу у церкви св. Петра съ рѣшительнымъ нарушеніемъ всѣхъ академическихъ привилегій. Испуганные академики, видя, что юношество бѣжитъ отъ нихъ къ іезуитамъ въ школу и къ богослуженію, подали оффиціальный протестъ, и въ присяжной листъ воспитанниковъ включили слѣдующія слова: «доколѣ буду жить «въ Краковѣ, не пойду къ другимъ наставникамъ кромѣ «тѣхъ, которые находятся въ подчиненіи ректору», наконецъ начали дѣло въ Римѣ противъ насильнаго присвоенія и подали жалобу своимъ землякамъ на сеймикѣ Краковской области. Престолъ апостольскій призналъ за іезуитами право учить въ Краковѣ, гдѣ ученость и благочестіе вовсе не на высокой степени, гдѣ берутъ плату отъ учениковъ; шляхта же, какъ мы говорили, всѣмъ сердцемъ была предана отцамъ іезуитамъ. Не много помогла Академіи справедливость ея дѣла, сочувствіе нѣсколькихъ лицъ и прекрасный поступокъ ея ректора Наймановича, который принесъ предъ тронъ Сигизмунда III всѣ привилегіи Академіи, и сравнивая науку съ тѣмъ ребенкомъ, который былъ принесенъ къ суду Соломона, подобно истинной матери просилъ королевское величество, отнять лучше ихъ привилегіи, чѣмъ раздѣлять науку между двумя соперниками и тѣмъ наносить ей смертельный ударъ. Растроганный Сигизмундъ воротилъ ректору привилегіи, къ гербу Академіи приложилъ еще одинъ скипетръ, но школы іезуитской не закрылъ. Только при Владиславѣ IV, благодаря заступничеству Георгія Оссолинскаго, папа Урбанъ VIII приказалъ закрыть іезуитскую школу въ Краковѣ (1639 г.).

Въ продолженіе этого длиннаго, соблазнительнаго дѣла, когда общественное мнѣніе принимало то сторону іезуитовъ, то Академіи, съ обѣихъ сторонъ появлялись летучіе листки, изъ которыхъ вспомнимъ *Репротестацію* іезуита Вал. Рошковскаго противъ протеста Академіи (1622), *отвѣтъ* на это сочиненіе; *Разсужденіе* (Rosprawę) Станислава Закржевскаго о необходимости умножить число училищъ, *Опроверженіе* (zbijanie) вышеупомянутаго разсужденія; *Оборону* (Obronę) іезуитовъ, Матвея Бемба (1626) *Уничтоженіе Обороны* (zniesienia Obrony) Найминовича. Здѣсь надлежитъ вспомнить еще сочиненія, осуждавшія іезуитовъ, Янидловскаго и братьевъ Найминовичей, и сочиненія, осуждавшія Академію, изданныя Кошуцкимъ, и Дружбицкимъ, и преимущественно знаменитое *Gratis* или *Разговоръ земледѣльца съ приходскимъ священникомъ* (Discurs Ziemianina z Plebanem 1626) сочиненіе знаменитаго математика *Брожка* (Broscius). Приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этой любопытной брошюры, тѣмъ болѣе, что въ ней Бросціушъ передаетъ намъ нѣкоторыя черты іезуитскаго воспитанія.

Въ первой части онъ говоритъ о безплатномъ воспитаніи у іезуитовъ. «Сначала они стали заводить училища, и тѣмъ «скорѣе привлекли всѣхъ къ себѣ, что они учили даромъ, «что каждому не глубоко вникающему въ дѣло, казалось «лучшимъ, потому что и шести грошей въ треть не брали «за мальчика.... но если углубиться въ ихъ намѣренія, съ «которыми они заводятъ училища, и потомъ какую пользу «извлекаютъ они изъ этого ученія, то каждый умный че«ловѣкъ долженъ сознаться, что они учатъ не даромъ, но «очень дорого. Прежде всего, основывая свои школы, они «заботятся о томъ, чтобы не открывать ихъ до тѣхъ поръ, «пока не будутъ имѣть столько доходовъ, чтобы на нихъ

«могли содержаться всѣ, сколько ихъ жить тамъ будетъ, «включая въ это содержаніе одежду, пропитаніе и всѣ до«статки, относящіеся къ безбѣдному содержанію. Имѣя все «это они открываютъ свои школы. Я слышалъ это отъ од«наго епископа, который у нихъ спрашивалъ, почему въ «Луцкѣ не преподаютъ они богословіе? а тѣ отвѣчали, что «не имѣемъ еще столько средствъ для того, чтобы читать «Богословіе. А если они учатъ даромъ, то зачѣмъ средства? «Но самыя ихъ правила не велятъ имъ дѣлать иначе. Даже «если бы у нихъ и ни въ чемъ не было недостатка, они нахо«дятъ ихъ, говоря на пр. что не имѣютъ своего сада для про«гулокъ....» Поэтому родители не талеръ, или червонецъ, ко«торый пришлось бы имъ въ треть дать простому бакалавру, но «даютъ вмѣстѣ съ кошелькомъ значительную сумму, или жер«твуютъ на чашу, на сутану или на исподницу (antepedium), «на колоколъ, или нѣсколько быковъ или боченокъ рыбы, а «если они изъ Подоліи, то меду прѣснаго, или безчисленное «множество хлѣба; а если они живутъ въ городѣ и принад«лежатъ къ купеческому сословію, то кувшинъ деревяннаго «масла, мѣшокъ пряностей, изюму, бѣлыя покрывала, ма«терій, полотна для отцовъ, сукно и во всемъ о чемъ толь«ко будетъ намекъ, родители никакъ отказать неиогутъ...» «Одну только грамматику на сколько частей они растя«нули: здѣсь Infima, здѣсь грамматика меньшая, тамъ «синтаксисъ, тамъ Humanitas etc. для простыхъ и не«дальновидныхъ родителей очень пріятно (plausibile) слы«шать, что сынъ ихъ въ первомъ, второмъ, третьемъ, чет«вертомъ, пятомъ классѣ, что онъ сдѣланъ императоромъ «греческимъ *Graecorum*) или римскимъ (*Romanorum*), или «преторомъ) Praetor), или получилъ премію, икону, или что«нибудь подобное, а не видятъ того, что его учатъ одной только грамматикѣ.... На радостяхъ пріѣзжаетъ отецъ къ

«своему сыну туда, гдѣ онъ учится, или дядя, родствен-
«никъ, тетушка, и ребенокъ прекрасно привѣтствуетъ ихъ
«рѣчью, или успѣшно разыгрываетъ комедію, или въ по-
«ночкѣ и стихарчикѣ увивается вокругъ алтаря: тушитъ
«свѣчи длиннымъ деревцомъ, звонитъ въ колокольчикъ,
«прекрасно кланяется, еженедѣльно бываетъ у исповѣди....
«Іезуиты обучая дѣтей, надъ грамматикою Альвара, которая
«очень трудна для пониманія и изученія, убиваютъ много
«времени по многимъ причинамъ. Первая та, что чѣмъ да-
«лѣе будутъ оставаться ученики въ школахъ, тѣмъ далѣе
«они будутъ пользоваться тѣми выгодами, о которыхъ мы
«выше упоминали; вторая, чтобы узнавать имъ настроеніе
«дѣтей при долгомъ ихъ пребываніи въ школахъ; въ треть-
«ихъ, чтобы молодаго волченка передѣлать на свой ладъ и
«управлять его молодостію; четвертая, на случай. чтобы
«имѣть имъ отговорку, если бы захотѣли взять у нихъ ди-
«тя: пусть по крайней мѣрѣ изучитъ онъ грамматику, кото-
«рая есть основаніе всего, а потомъ можно будетъ его взять;
«пятая, чтобы молодость свою *до мужскаго возраста* онъ
«провелъ въ школахъ, и такимъ образомъ когда достигнетъ
«совершеннолѣтія, если у него есть хорошія *способности*
«(dowcip), если онъ порядоченъ, если *ожидаетъ наслѣд-*
«*ства*, или *помощи* отъ родныхъ, если *есть надежда ко-*
«*рысти для отцовъ*, то чтобы удержать его у себя и не
«выпускать. А если же ума обыкновеннаго, и родители
«хотятъ взять, или онъ самъ не хочетъ учиться, или оста-
«ваться у нихъ, такихъ выпускаютъ на волю. Что же онъ
«станетъ дѣлать теперь взрослый дѣтина съ усами? пойти
«въ услуженіе; или взяться за плугъ. Нужно бы еще учить-
«ся, но уже время прошло; идти въ ремесло—стыдно. Что жъ
«тутъ дѣлать? долженъ просить ихъ, чтобы они дали ему
«*средства* къ жизни, и они дѣлаютъ его или инспекторомъ,

«или опродѣлять писарем къ своему благодѣтелю, или ка-«пелланом, или приходским священником, чтобы впо-слѣдствіи пользоваться имъ какъ орудіем въ своих дѣ-«лахъ.... О богатыхъ ученикахъ оставляющихъ школу, Бро-«сціушъ говоритъ: стараются, чтобы *они помнили по-«лученныя благодѣянія*, помнилъ, *что Богу, родителямъ «и воспитателямъ никогда нельзя отблагодарить достой-«но* чтобы онъ не забывалъ своихъ благодѣтелей и наставни-«ковъ, при всякомъ случаѣ покровительствовалъ имъ, посѣ-«щалъ ихъ, часто бывалъ на исповѣди, чтобы живя *въ мірѣ* «благопріятствовалъ ихъ ордену, чтобы въ собранія самъ «ходилъ и своихъ приводилъ и множество другихъ условій, «которыми такъ опутываютъ умъ молодаго человѣка, что «трудно ему бываетъ возвратить себѣ свободу его.»

Во второй части своего Gratys'a Бросціушъ исчисляетъ привилегіи Академіи, въ третьей описываетъ хитрости, при помощи которыхъ іезуитамъ удалось открыть свои школы въ Краковѣ.

Смѣло, открыто срывая съ Іезуитовъ маску, Бросціушъ справедливо боявшійся гоненія, издалъ свое сочиненіе безъ подписи, безъ числа и указанія типографіи; но подробности эти были открыты и оскорбленное величіе іезуитовъ (Majestat Iesuicki) излило свою месть на сочиненіе издателя; книга по приказанію короля была сожжена на рынкѣ въ Краковѣ, а типографъ, Андрей Петрковчикъ, названъ іезуитами еретикомъ, недостойнымъ и подобія имени великаго и почтеннаго типографа его королев. величества и публично былъ высѣченъ розгами за изданіе *Gratysa*. Вотъ до чего дошла гражданская свобода при королѣ іезуитѣ, среди народа столь раздражительнаго при одной только тѣни нарушенія этой свободы!! Для большаго еще поруганія іезуитъ Фридрихъ Шембекъ, на брошюру Бросціуша, (1627 года)

подъ псевдонимомъ Іосифа Пѣнкнорженскаго (Краснорѣчиваго) издалъ свой отвѣтъ подъ заглавіемъ: *Gratis священническій*, употребляемый безплатно въ краковскихъ іезуитскихъ школахъ (*gratis plebański, gratis bezpłatnie wyćwiczony w Jezuickich szkołach Krakowskich*) дѣлая примѣненіе къ тому наказанію (wyćwiczenia) которое получилъ Петровчикъ. Поэтъ Себастіанъ Клёновичъ навлекъ гоненія на всю свою жизнь за то что издалъ противъ нихъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Egnitis Poloni in Jesuitas Actio prima*, «гдѣ онъ называетъ ихъ заразою, которая окроется не прежде, какъ обниметъ все тѣло Польши.»

Іезуиты и академики недовольствуясь борьбою словесною и письменною, пользовались еще матеріальными силами и уличными драками посредствомъ школьной молодежи. Подчиненіе въ польскихъ школахъ никогда не было строгимъ. Профессоры, исключительно занятые наукою не думали о томъ, чтобы слѣдить за нравственностію своихъ воспитанниковъ; внѣ предѣловъ школы дѣти простонародныя, называемыя *paupertusami* (бѣдняками) или *mendykami* (нищими) о потребностяхъ которыхъ никто незаботился, и которымъ позволено было, собирать подаяніе на свое содержаніе и одежду, обходили дома мѣщанъ въ Рождество, съ поздравленіями или пѣніемъ священныхъ пѣсней; малые вмѣстѣ со взрослыми, невинные съ развратными, крикомъ наполняли улицы Кракова, бросались на жидовъ, требуя отъ нихъ платы *kożubalca* (выкупъ) и *judaiki* освященныхъ обычаемъ. Школьное начальство не имѣло довольно силы для обузданія этихъ злоупотребленій; чтобы прекратить ихъ и уничтожить нужно было имѣть дѣятельную школьную полицію, а какъ можно было требовать ея для дѣтей, если и взрослое населеніе городовъ польскихъ дѣлало все что хотѣло, передъ судомъ старостъ и маршал-

ковъ, отъ которыхъ уволены были воспитанники школъ вслѣдствіе данныхъ имъ привиллегій. Впрочемъ чтобы обуздать шалости школьныхъ мальчиковъ, напередъ нужно было обезпечить имъ средства для жизни, но профессора академіи сами терпѣли нужду, а іезуитамъ ботатства были нужны для другихъ цѣлей. Наймановичъ ректоръ Академіи въ одномъ изъ своихъ сочиненій такъ защищалъ шалости школьной молодежи. «Не знаю, кто изъ «тѣхъ господъ, которые съ такою строгостію угрожаютъ «этому возрасту, и самъ не былъ молодъ? Кто изъ нихъ не «шалилъ хоть разъ, кому Богъ далъ то преимущество «жизни святыхъ, которыхъ ни кровь, ни недостатокъ вѣр«наго суда о вещахъ, не могли преклонить къ злу. А если «они забыли то, чѣмъ были прежде, то пусть взглянутъ на «себя людей уже зрѣлыхъ, которые отличаются высокимъ «умомъ, нѣтъ ли между ними того, на что бы правосудіе, «законъ и его исполненіе по справедливости изощряло свой «мечь. И должно быть замѣтятъ, что это правда; малые дѣ«ти, съ ними мало заботъ и грѣхи ихъ малы; ученики бьют«ся, а законодатели убиваютъ другъ друга. Они отнимаютъ «другъ у друга книги, а тѣ деревни и имущество. Мальчикъ «порѣзвится не много и только, а тотъ едва не обернетъ «цѣлаго міра. Студентъ потанцуетъ выпивъ пива на пол«гроша, а тамъ ни во что ставятъ значеніе тѣхъ предметовъ, «о которыхъ грѣшно и упоминать.» При такой снисходительности ученики не знали предѣловъ своеволію: подучали чернь, нападали на жилища жидовъ, изъ мести за свои обиды дѣйствительныя или только мнимыя, къ которымъ сами они безъ сомнѣнія подали поводъ, поучали жидовъ на улицахъ, а тѣхъ, которые не хотѣли вѣровать въ Сына Божія, бросали въ Вислу. Грѣшно было школьному начальству терпѣть подобныя своеволія, но поджигать ихъ съ цѣлію

унизить своихъ враговъ, было едва ли не преступленіемъ, и однако наша эпоха дала нѣсколько тому примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, который приведенъ Шембекомъ въ *Gratisie*: «Господа академики представили жалобу въ Римъ на «іезуитовъ за ихъ краковскія школы, и тамъ законно съ «ними судились; воспитанники же ихъ не ожидая утвер«жденія апостольскаго престола, сами стали искать се«бѣ управы съ іезуитами, и іезуитскихъ студентовъ, рас«ходившихся изъ школы по домамъ неоднократно остана«вливали на большой дорогѣ, нанося имъ разнаго рода не«пріятности: били ихъ, отнимали книги, срывали фуражки, «желая этимъ разогнать іезуитскихъ воспитанниковъ, а «іезуитовъ принудить отступиться отъ своего плана, но «когда это неудалось имъ, то они толпою, съ оружіемъ и «каменьями остановили ихъ на городской улицѣ, и не обра«щая вниманія на священническій санъ двухъ профессоровъ «іезуитовъ, которые шли между воспитанниками, для защи«щенія ихъ отъ нападеній шалуновъ, *вооруженною рукою* «на нихъ напали и поднявши тревогу нарушили обществен«ное спокойствіе, такъ что начали ломать двери домовъ и «мастерскихъ, куда спрятались было іезуиты и ихъ воспи«танники, а одного шляхтича, *воспитанника* іезуитовъ, ра«нили въ плечо: инымъ досталось палками, другимъ камня«ми»... Ректоръ Академіи очень холодно принималъ подобныя происшествія. Но іезуиты, которые упрекали студентовъ Академіи въ подобныхъ безчинствахъ съ своей стороны подавали не менѣе хорошій примѣръ соблазна. Тамъ рядомъ съ убожествомъ, побуждавшимъ къ нищенству, рядомъ съ грабежемъ на улицахъ и при снисхожденіи къ нему, освященнымъ обычаемъ, тамъ религіозный фанатизмъ, принимаемый воспитателями съ улыбкою, какъ доказательство ревности къ католицизму, вооружалъ мальчишекъ къ нападе-

ніямъ на дома и лица протестантовъ и евреевъ. А развѣ ученики ихъ не врывались въ школу кальвинистовъ въ Белжицахъ и не издѣвались надъ ректоромъ ея Светликомъ (1633)? или не разрушали ихъ же Збору въ Вильнѣ (1862), ломая стѣны и разоряя гробы? А развѣ городское начальство не приказывало евреямъ на время пасхальныхъ праздниковъ запирать свои ворота для того, чтобы распаленные ученики іезуитовъ не угрожали ихъ безопасности? Приведемъ свидѣтельство Китовича о необузданности іезуитскихъ воспитанниковъ: «они дошли до такой дерзости, что не от«вѣчали ни предъ однимъ судилищемъ, исключая школьнаго, «за нанесенныя ими кому-нибудь непріятности, за причи«ненныя имъ обиды, иногда выдуманныя ихъ студентскою «гордостію и разгоряченными умами. Они силою искали себѣ «удовлетворенія, врываясь въ дома, и нападая на лица, къ «которымъ они имѣли небывалыя притязанія, и которыхъ «влекли, а не вели въ школу, осыпая ихъ ударами плети; »и кромѣ того принуждая ихъ къ унизительнымъ извине«ніямъ у ногъ своихъ же истязателей и палачей. И кто бы «тамъ ни былъ, чиновникъ какого угодно сана, шляхтичъ, «офицеръ, воинъ, но если онъ вольно или невольно тронулъ «студента, обидѣлъ словомъ, толкнулъ или ударилъ, и за«благовременно не ушелъ изъ города, или не запрятался гдѣ «нибудь въ тѣсный уголокъ, то ему неизбѣжать уже суро«ваго, школьнаго наказанія».... Не болѣе было порядка и въ протестантскихъ школахъ; въ Раковѣ дѣти социніанъ изрубили крестъ при дорогѣ, въ Торунѣ студентъ пронзилъ шпагою одного подмастерья портнаго за то, что тотъ превосходилъ его въ танцахъ. Недальновидное школьное начальство, зараженное духомъ партій допускало насилія этого рода, а молодежъ въ школѣ привыкала къ партизанству и безнаказанному своеволію, которыя потомъ пагубно отразились въ жизни народа.

Не путемъ тяжбъ, сатиръ, или уличныхъ насилій слѣдовало бы Академіи возвратить себѣ вліяніе, которое было поколеблено іезуитами. Прекрасно было ея призваніе: открывши недостатки іезуитскаго воспитанія, преобразовать планъ своей инструкціи, стать на стражѣ чистаго просвѣщенія, и спасая отечество отъ грозившаго ей мрака, съ тѣмъ вмѣстѣ спасти и свою популярность. Намъ кажется, что трудъ этотъ не превышалъ ея силъ, не смотря на тотъ фанатизмъ, который обуялъ умы, не смотря на королевскую благосклонность къ іезуитамъ; было еще время воззвать къ здравому смыслу и чувству народъ, усилить подвластныя себѣ школы, и рука объ руку со вновь открытою *Академіею Замойскаго* добрымъ примѣромъ, образованіемъ, пересилить вліяніе іезуитовъ, и разогнать мракъ, который былъ выбранъ послѣдними какъ надежнѣйшее орудіе. Скажемъ здѣсь о появленіи Академіи Замойскаго, которая по мысли своего основателя имѣла именно такое назначеніе.

Знаменитый государственный человѣкъ, мудрый Янъ Замойскій, «сильно, какъ самъ онъ сознается въ основномъ «актѣ (fundacyi), былъ убѣжденъ въ томъ, что только об«щественное воспитаніе можетъ приготовить отечеству спо«собныхъ и честныхъ гражданъ», «предупреждая, говоритъ «Соллыковичъ, чтобы дурной обычай заводить іезуитскія «школы не распространился и въ воеводствахъ русскихъ», въ «1595 году основалъ новую академію въ Замосьцѣ, гдѣ по «преимуществу должны быть изучаемы языки и литерату«ры: польская, латинская, греческая, законовѣденіе, нравст«венность, философія, науки математическія и медицинскія». Хорошо знакомый съ способомъ преподаванія наукъ въ заграничныхъ университетахъ (потому что онъ въ молодости самъ былъ ректоромъ въ Падуѣ), Замойскій хотѣлъ устроить

Академію по италіанскому образцу. Безъ труда получивъ отъ Папы Климента VIII (1594) г. утвержденіе своей Академіи, онъ вызывалъ тогдашнія европейскія знаменитости Марка Антонія Мурета, Юста Липсціуса, Доминика Конвалега и другихъ, для занятія профессорскихъ каѳедръ въ Замосьцѣ; получивши отъ нихъ отказъ, основатель вызвалъ ученѣйшихъ мужей изъ Краковской Академіи: Бурскаго, Брожка, Урсина, Дрезнера, Бирковскаго. Но Сигизмундъ III, во всемъ послушный внушеніямъ іезуитовъ и нерасположенный къ Замойскому, отказался утвердить существованіе новой Академіи, и такъ какъ основатель ея вскорѣ скончался, то его школа, поддерживаемая еще наставниками Краковской Академіи, и сдѣлавшись, такъ сказать, ея полиціею, не могла процвѣтать среди іезуитскихъ интригъ, бѣдно надѣленная средствами, и не популярная; она хотя существовала и имѣла свои колоніи, какъ, напримѣръ, въ Олыцѣ, хотя давала ученые степени, проливала нѣсколько свѣта на русскія земли, но народъ забылъ о ней до того, что число ея воспитанниковъ рѣдко доходило до ста. Стремленія вѣка требовали реформы въ планѣ воспитанія, но Академія Замойская, заимствуя свое направленіе отъ Краковской, съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣляла ея отвращеніе къ нововведеніямъ всякаго рода.

Напрасно канцлеръ Академіи, епископъ Тылицкій, вооруженный грамотою папы, хотѣлъ произвесть въ ней извѣстнаго рода перемѣны, Академія не согласилась принять ихъ, утверждая, что малѣйшее измѣненіе будетъ для нея гибельно, что нужно уважать старыя ея уставы, и старыхъ наставниковъ, и въ доказательство своего совершенства выставляла свою глубокую преданность католицизму. Она засыпала на своихъ привилегіяхъ, между тѣмъ какъ неусыпны были ко вреду ея труды іезуитовъ, утвердившихся въ

Краковѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Ярославлѣ, Сандомірѣ, словомъ во всей Малой Польшѣ и Руси. И вотъ іезуиты силятся основать свою Академію въ Львовѣ, спрашиваютъ, по какому праву существуетъ Замойская школа безъ подтвержденія королевскаго, захватываютъ приходскія и каѳедральныя училища, разгоняютъ школы протестантовъ, и на каждомъ шагу начинаютъ спорить съ Академіею. Родичи признаютъ справедливость правъ Академіи, но дѣтей своихъ охотнѣе отдаютъ на воспитаніе іезуитамъ. Въ Малой Польшѣ были еще школы протестантскіе съ чистыми понятіями о наукѣ, но протестанты, равно какъ и іезуиты проникнуты были своего рода фанатизмомъ, лишенные значенія единоземцевъ, потому что на престолѣ возсѣдалъ король-іезуитъ, и потому что магнаты, ихъ единовѣрцы, классъ слишкомъ осторожный для того, чтобы изъ за религіозныхъ споровъ терять ему значеніе политическое, толпами возвращались въ нѣдра католицизма; даже тѣ, которые оставались вѣрными реформѣ охотно отдавали своихъ дѣтей въ іезуитскія школы, потому что это была мода вѣка, которая открывала болѣе обширное поприщѣ въ службѣ отечественной.

Малопольскіе кальвинисты имѣли свои меньшія школы въ Дубецкѣ, Краковѣ, Сециминѣ, Туробинѣ, Окшѣ, Быховѣ и т. д. и наиболѣе славную, состоявшую изъ четырехъ классовъ въ Белжицѣ; но состояніе этихъ школъ и школокъ далеко несотвѣтствовало ученымъ потребностямъ своихъ единовѣрцевъ. Съ малыми средствами, чуждые покровительства, занятые борьбою съ іезуитами, школы швейцарскаго исповѣданія оказали очень мало вліянія на оживленіе умовъ въ Польшѣ. Главнѣйшія школы *Аріанъ* были въ Левартовѣ, Пинчовѣ и Раковѣ, въ нихъ учили языкамъ еврейскому, греческому, латинскому, изучали римское право, древнюю философію и литературу; но школа въ Пин-

човѣ пала еще прежде эпохи Вазовъ; Левартовская, основанная около 1586 г. Николаемъ Казимерскимъ существовала только десять лѣтъ, то есть до обращенія своего основателя къ католицизму, а Раковская (основанная Яковомъ Сѣнинскимъ 1602 г.) и называемая польскими Аѳинами, пала жертвою своеволія своихъ учениковъ, которые изрубили крестъ поставленный ей наперекоръ сосѣдомъ католикомъ. Приговоръ сейма (1638 г.) уничтожилъ Раковскую школу и преслѣдовалъ ея наставниковъ, которые укрылись въ Киселинъ на Волыни. Болѣе счастливою была Аріано-Луславицкая школа, дожившая послѣдней минуты изгнанія Аріанъ изъ Польши.

Когда *Брестская Унія*, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, раздѣлила польскихъ подданныхъ *Восточной Церкви* на уніатовъ и неуніатовъ, тѣ и другіе стали у себя заботиться о воспитаніи юношества, по крайней мѣрѣ того, которое должно было посвятить себя духовному званію. Первые имѣли нѣсколько школъ Базиліанскихъ въ Львовѣ и Вильнѣ, устроенныхъ совсѣмъ на манеръ іезуитскій, и наконецъ получили открытый доступъ въ школы іезуитскія и заграничныя. Неуніаты учились въ низшихъ училищахъ: въ Острогѣ, Львовѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ, Слуцкѣ, и въ высшей братской школѣ въ Кіевѣ, которая привилегіею Владислава IV вознесенная на степень Академіи, поддерживаемая мѣстными магнатами: Острогскими, Могилевыми, Киселевыми, и изъ Сѣчи Запорожской Конашевичемъ и Тетерою преподавала своимъ воспитанникамъ науки богословскія, философскія, языки церковно-славянскій, греческій и латинскій. Кіевская школа до послѣдней минуты пребыванія этого города въ рукахъ Поляковъ была въ довольно цвѣтущемъ состояніи.

Вліяніе Краковской Академіи уже распространялось на Литву, гдѣ іезуиты имѣли свою Академію въ Вильнѣ и школы ей подчиненныя въ Минскѣ, Новогрудкѣ, Нѣсвижѣ, Крожахъ, Ковнѣ, Витебскѣ и т. д. въ которыхъ они по своему преподавали языкъ латинскій, богословіе и философію, мало заботясь о наукахъ математическихъ и естественныхъ. Здѣсь они боролись только съ послѣдователями кальвинизма, довольно уже не многочисленными. Знаменитѣйшія школы кальвинистовъ въ Вильнѣ и Слуцкѣ, и многочисленные еще соборы этого вѣроисповѣданія, постоянно тѣснимые іезуитами, отъ времени до времени едва лишь обнаруживали признаки жизни.

Мы осмотрѣли поле битвы въ дѣлѣ воспитанія, и видимъ что іезуиты съ своимъ альваромъ (alwarem), нанигириками, процессіями и насильственными нападеніями на еретиковъ—удержали за собою побѣду. Правда, Краковская и Замойская Академія и нѣсколько школъ протестантскихъ и русскихъ остались внѣ ихъ вліянія, но прикасаясь къ нимъ, іезуитизмъ положилъ на нихъ свою печать, дыханіемъ фанатизма оледѣнилъ науки и далъ имъ направленіе обратное.

Мы не хотимъ приводить доводовъ, что вредъ, какой былъ нанесенъ тогдашней Польшѣ іезуитами, сдѣланъ ими сознательно. Зло, причиненное ими было слѣдствіемъ того ложнаго положенія, какое они заняли въ Польшѣ. Монашескій орденъ, призванный для богословскихъ разсужденій, долженъ былъ и остаться въ этой сферѣ, небравшись, за воспитаніе юношества,—или занявшись ученіемъ, нужно было въ сторонѣ оставить религіозные споры и политику. Въ томъ или другомъ случаѣ ихъ назначеніе оказало бы дѣйствительную услугу отечеству, но при тогдашнемъ ихъ положеніи, они могли причинить развѣ одинъ только вредъ. Осто-

рожность, чтобы подъ предлогомъ движенія впередъ не вкралась какая-нибудь религіозная новость, приказывала имъ держаться старыхъ обычаевъ, стѣснять кругъ понятій, освящать авторитетъ всякого рода — или религіозный папы, или политическій короля и вельможъ, или литературный, извѣстныхъ писателей, признанныхъ образцовыми. Опасаясь духа, который по слову писанія *дышетъ идѣже хощетъ*, они должны были привязаться къ буквѣ, какъ въ церкви, такъ и въ школѣ, не допуская пытливыхъ изслѣдованій, боясь чтобы изъ нихъ не выросла какая-нибудь ересь. Изъ этого преувеличеннаго правовѣрія проистекло одностороннее направленіе мыслей, монастырскій взглядъ на вещи, въ сердцахъ мѣсто живой вѣры и поэзіи, замѣнило педанство, охлажденіе духа, забвеніе прекраснаго. Краснорѣчіе и поэзія, эти проявленія народной жизни, эти дѣти души, какъ скоро сердце завяло и перенеслось въ голову, при недостаткѣ животворнаго огня, должны были прибѣгать къ искусственному блеску и риторическимъ фигурамъ для того, чтобы хотя ими прикрыть свой хладный трупъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы удержать мысль въ извѣстныхъ придѣлахъ, іезуиты совсѣмъ остановили ея теченіе; прекрасную польскую мысль, и пламенныхъ защитниковъ гражданской свободы заковали въ цѣпи умственнаго рабства. Для личныхъ цѣлей, изъ лести магнатамъ, они возбуждали ихъ неслыханную гордость; вступая въ рукопашный бой съ академіею и еретиками, пріучали шляхетское юношество къ партизанству въ политическомъ и домашнемъ ихъ быту. Столпы католическаго государства слишкомъ мало любили Польшу, чтобы для блага ея пожертвовать личными видами своего ордена, уничтожали права Академіи, сѣяли несогласія между католиками и разновѣрцами, предъ королемъ поддерживали только сторону своихъ благодѣтелей, словомъ здравыя

понятія человѣчества и патріотизма, были проведены на болѣзненное, преувеличенное правовѣріе. Вотъ плоды, какіе принесли намъ іезуиты на поприщѣ политическомъ и ученомъ, вотъ способъ, при помощи котораго въ правленіе Сигизмунда III, паукъ мрака распростеръ надъ Польшею свою густую сѣть, потому что къ несчастію, правленіе этого монарха было слишкомъ длинно, такъ что болѣзненное состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Польшу превратилось въ болѣзнь трудную для излеченія.

Сердце сжимается отъ горести, когда мы перенесемся мысленно въ покои Варшавскаго замка, гдѣ Сигизмундъ III въ 1632 году умираетъ послѣ 45 лѣтняго царствованія, оставляя отечество разстроенное имъ и обезсиленное, и многочисленное семейство безъ всякихъ видовъ на будущность. Вельможи толпятся у одра умирающаго и не заботясь о спокойствіи монарха требуютъ отъ него подписанія льготъ на различныя должности; іезуиты взываютъ его къ покаянію въ грѣхахъ; тутъ же совершается пустой обрядъ коронованія Владислава, наслѣдника шведскаго престола; Сигизмундъ, лишившійся языка, чужими устами слезно умоляетъ Поляковъ, чтобы они помнили объ его семействѣ, у котораго отнялъ онъ корону шведскую и русскую, а въ Польшѣ приготовилъ терновый вѣнецъ.

Владиславъ IV, сынъ Сигизмунда, избранный королемъ польскимъ, не смотря на бурную молодость, не смотря на болѣзни, которые угнетали его въ пору зрѣлаго возраста, при другихъ обстоятельствахъ не былъ бы однимъ изъ обыкновенныхъ монарховъ. Полный воинственнаго жара, и благихъ намѣреній въ пользу отечества, онъ хотѣлъ успокоить его внутри, извнѣ облечь его древнимъ блескомъ и славою,—но желаніе его встрѣтило одни только неудачи, которыхъ онъ не могъ одолѣть. Аристократія и іезуитизмъ

чудовищно усилившіяся ко вреду народной свободы и просвѣщенія, постоянно вызывали: то бурный сеймъ, то стѣсненіе свободы иновѣрцевъ, то грозное со стороны послѣднихъ противодѣйствіе, то плачевныя возстанія козачества.

Вотъ рядъ политическихъ неудачъ Владислава IV. Рѣшительно потерялъ онъ царство Русское, но возвратилъ надежду получить шведскій престолъ. Построеніемъ крѣпости Кудака, при помощи которой онъ хотѣлъ держать козачество въ послушаніи, только раздражилъ его и вызвалъ зловѣщее возстаніе; предполагая воевать съ Турками, возбудилъ противъ себя народъ, который начиналъ уже любить нѣгу гнуснаго бездѣйствія, установляя Орденъ Безсѣменнаго Зачатія, подалъ поводъ думать, что хочетъ уничтожить этимъ польское равенство. Владиславъ IV послѣдній удачно велъ войну съ Россіею, предъ нимъ въ послѣдній разъ преклонялъ колѣна князь Прусскій.

Польшѣ онъ оставилъ нѣсколько памятниковъ, которые доказываютъ заботливость короля о хорошемъ устройствѣ государства: завелъ въ Варшавѣ богатый арсеналъ, желая развить наши морскія силы построилъ небольшую флотилію подъ Пуцкомъ, и двѣ крѣпости для ея защиты; созывалъ въ Торунъ иновѣрцевъ для дружеской бесѣды и соглашенія главныхъ членовъ ихъ вѣры; установилъ посты, и зная вѣроятно зло происходящее отъ іезуитскаго воспитанія, вызвалъ Піаровъ, другой духовно-монашескій орденъ, съ цѣлію имъ ввѣрить завѣдываніе школами. Это послѣднее распоряженіе достойно того, чтобы обратить на него свое вниманіе. Хотя въ ту пору, о которой мы говоримъ, Піары не могли не только думать о борьбѣ съ исполинскимъ іезуитизмомъ, но даже проникнутые духомъ своего вѣка сами должны были идти по слѣдамъ іезуитизма, но мы съ гордостію

смотримъ на братій благочестивыхъ школъ (Scholarum Piarum), потому что въ ихъ нѣдрахъ тлѣетъ свѣтлая искра, которая въ концѣ эпохи избирательнаго образа правленія, озарила своимъ свѣтомъ умы Поляковъ.

Орденъ Піаровъ основанный Іосифомъ Калясантымъ въ началѣ XVII, предположилъ себѣ цѣлію распространять просвѣщеніе между народомъ бѣднымъ, у котораго недоставало средствъ образовать себя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или пользоваться плодами *безплатнаго іезуитскаго* преподаванія. «Выучить дѣтей хорошо считать, писать, ариѳметикѣ и языку латинскому, а преимущественно благочестію и вѣрѣ христіанской — такова была «скромная, но великая цѣль для достиженія которой св. Іосифъ *a Matre Dei* (Калясантый) посвятилъ силы свои и своего ордена. Владиславъ IV, который имѣлъ слишкомъ справедливыя побужденія не любить іезуитовъ, рѣшившись оказать Польшѣ услугу призваніемъ въ отечество ордена столь знаменитаго своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ за границею, началъ переговоры съ ихъ святымъ патріархомъ. Съ благодарностію приняли Піары призваніе Владислава, но такъ какъ они довольно медленно собирались къ выѣзду въ Польшу, то буря тридцатилѣтней войны въ Германіи и Моравіи, ускорила ихъ прибытіе къ намъ. Піары въ 1641 году изгнанные изъ Оломуньца укрылись подъ защиту короля Польскаго, который основалъ для нихъ особенную коллегію въ Варшавѣ. Слѣдуя примѣру монарха, магнаты, соскучившіеся уже интригами іезуитовъ, стали принимать къ себѣ подъ кровъ Піаровъ, такъ что въ скоромъ времени до 30 школъ и коллегій Піарскихъ зацвѣло въ различныхъ мѣстахъ Польши и Литвы. Іезуиты, послѣ побѣды надъ протестантскими и академическими школами, считавшіе уже себя обладателями браннаго поля воспитанія, съ гордостію и тайнымъ безпо-

койствомъ обратили свой взоръ на своихъ сотрудниковъ; но тѣ скромно отвѣчали, что они приходятъ учить одинъ только бѣдный народъ, который не входитъ въ планъ іезуитскаго воспитанія, и то въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ нѣтъ школъ іезуитскаго братства. Какимъ образомъ Піары сдѣлались наконецъ небезопасными соперниками, какъ іезуиты стали клеветать и гнали ихъ, какъ гнали нѣкогда Краковскую Академію—все это разскажемъ мы въ эпоху избирательнаго образа правленія; здѣсь скажемъ только то, что когда въ правленіе Владислава IV вкусъ и понятіе цѣлей науки были уже исправлены, школы Піарскіе отличались не болѣе здравымъ просвѣщеніемъ чѣмъ іезуитскія. Латинизмъ для одного же латинизма, діалоги, казуистическое богословіе, панегирики вельможамъ таковы были занятія піарскихъ школъ въ эпоху Вазовъ.

Возвратимся къ политическому состоянію Польши, и повторимъ то, что уже сказано, что лицо Владислава IV менѣе блистательно, чѣмъ оно заслуживало, отражалось на днѣ своей бурной эпохи. Въ другое время исторія назвала бы однимъ изъ необыкновенныхъ того короля, котораго теперь помѣщаетъ на одной изъ вершинъ отечественнаго упадка. Для спасенія Польши отъ враговъ, для уврачеванія болѣзней собственнаго ея организма нуженъ былъ геній, а Владиславъ IV обладалъ только талантами.

Раскроемъ политическую карту Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оставилъ ее Баторій. На сѣверъ она обнимаетъ Курляндію и Лифляндію, примыкаетъ къ Эстляндіи, на востокѣ границы ея съ Россіею касаются Пскова, Ревеля, Смоленска, на югѣ она владѣетъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, цѣлымъ козачествомъ, Днѣстромъ граничитъ съ Валахіею и Молдавіею — на югѣ и западѣ Карпатскія горы и рѣка Одеръ служатъ ея границами; цѣлая Пруссія,

Лифляндія, цѣлая Украйна—все это принадлежитъ къ ней. Въ этихъ предѣлахъ она была сильною, а внѣ ихъ славною и почтенною. Но Вазы не умѣли или немогли поддержать государство въ его величіи. Сигизмундъ III за то, что Шведы отняли у него престолъ по праву принадлежавшій ему послѣ отца, уступилъ имъ Лифляндію и часть Пруссіи, своими интригами въ Россіи унизилъ тамъ память побѣдъ Баторія, гдѣ не было нужды тамъ поработилъ, гдѣ нужно было стѣснить, тамъ освободилъ умы, вотще терялъ не мало военныхъ силъ, не мало польскихъ денегъ, словомъ политически и морально ослабилъ Польшу, а Владиславъ IV утратилъ вліяніе на остальную часть Пруссіи, права на Москву и вызвалъ кровавый мятежъ козаковъ, слѣдствіемъ котораго было отпаденіе козачества отъ Польши.

Въ 1648 году, Владиславъ IV уже умиралъ когда мятежное и своевольное козачество, раздосадованное построеніемъ крѣпости Кудака, угнетеніемъ украинскихъ вельможъ и фанатизмомъ іезуитовъ, соединилось съ Татарами, и подняло знамя бунта подъ главнымъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго. Злая судьба, слабость или безсиліе Польши, благопріятствовали бунтовщикамъ: они овладѣли Кудакомъ, нанесли жестокое пораженіе Полякамъ подъ Пилявцами, и взявъ въ плѣнъ гетмановъ Потоцкаго и Калиновскаго, въ грозномъ видѣ представили свои жалобы престолу. Владислава уже не было въ живыхъ.

Внезапный страхъ овладѣлъ осиротѣлою Польшею — рѣшено выступить въ походъ противъ козаковъ, но магнаты вмѣсто того, чтобы совокупными силами спасать отечество, стали спорить между собою кому по праву принадлежитъ команда надъ войскомъ, князю ли Доминику Заславскому, или Іереміи Вишневецкому. Послѣдній правда былъ знатокъ своего дѣла, но рѣшительный перевѣсъ на его сторону еще не

лебался; время проходило въ однихъ спорахъ и примиреніяхъ, а Хмѣльницкій радовался все новымъ и новымъ успѣхамъ.

Государственные чины, собранные въ Варшавѣ для избранія короля, ссорятся за то, отдать ли Кіевское подкоморство Аріанину Нѣмеричу; а между тѣмъ козаки грабятъ подъ Львовомъ, осаждаютъ крѣпости, жгутъ города и села. Избранный королемъ въ Краковѣ, Янъ Казиміръ, братъ Владислава, блистательно празднуетъ свою коронацію, а Хмѣльницкій съ тріумфомъ въѣзжаетъ въ Кіевъ; король, стѣсненный обстоятельствами, посылаетъ ему бунчукъ и знамя съ властію гетмана, какъ бы въ награду за его преступную крамолу.

Но это униженіе не принесло своихъ плодовъ, потому что бунтовщики, ободренные успѣхами, предложили такія условія мира, которыхъ принять рѣшительно было невозможно. Война сдѣлалась необходимою. У насъ недостаетъ силъ изображать весь ея ходъ; сердце горестно сжимается при частомъ воспоминаніи мѣстъ Зборова, Збаража, Батова и Жвайца. Послѣ долгихъ и несчастныхъ битвъ, козаки кое-какъ были усмирены, но когда часть ихъ перешла въ русское подданство, война съ козаками, переродилась въ войну съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ эту минуту выступили войною Шведы, вдали является Ракоцый, и все истребляющее пламя съ четырехъ сторонъ обняло Польшу.

И мы опять раскроемъ ея географическую карту.

Съ востока и юга идутъ Русскіе съ козаками; однимъ крыломъ занимаютъ Смоленскъ и Литву до самой Вильны, другимъ Русь Галицкую до Львова; съ сѣвера и запада презрѣнный измѣнникъ Іеронимъ Радзеіовскій ведетъ Карла короля Шведскаго вмѣстѣ съ Бранденбургскимъ кур-

фирстомъ, — и приготовляя путь врагамъ собственнаго отечества склоняетъ на ихъ сторону Великую Польшу, Радзивилъ въ Литвѣ собираетъ ему приверженцевъ. Король шведскій господствуетъ въ обоихъ Польскихъ столицахъ; вынуждаетъ клятву у отчаяннаго народа, хвастаетъ передъ Европою своею побѣдою надъ Яномъ Казиміромъ, и тѣмъ, что подчинилъ своей власти прусскія и польскія его области. Протестанты единствомъ вѣры, магнаты лестными надеждами, а остальная часть народа, объятая страхомъ переходитъ на сторону Шведовъ. Отъ горъ Карпатскихъ подаетъ имъ руку на гибель Польши, князь Седмиградскій Ракоцый, который идетъ съ 30 тысячами Венгровъ, Итальянцевъ и козаковъ, занимаетъ сосѣдніе провинціи, овладѣваетъ городами Стрыемъ, Пржеворскимъ, Перемышлемъ, Брестомъ, и какъ бы въ насмѣшку объявляетъ, что онъ пришелъ устроить въ Польшѣ порядокъ, унять смятенія и возвратить ей миръ. Легко было издѣваться надъ землею Пястовъ и Ягеллоновъ: король, отрѣзанный отъ своихъ, не можетъ вернуться въ отечество, гетманы и сами не знаютъ куда имъ обратиться съ малыми ихъ силами для потушенія всесторонняго пожара, люди злонамѣренные пристаютъ къ непріятелю а общество, объятое страхомъ, не имѣетъ собственной воли. Скоро наѣздники поняли другъ друга: Шведъ, Бранденбургецъ и Седмиградецъ, бросили жребій судьбы, назначили на картѣ раздѣлъ между собою польскихъ провинцій, и принялись уже дѣлить ее какъ тѣло бездыханное.

Но Польша не была еще трупомъ: религія и патріотизмъ, скрытые въ груди, чуждые быть можетъ магнатамъ и политикамъ, дышали еще въ крови народа. Сильные опустили руки, но слабые почувствовали силу Божію и чудотворныя началы вѣры, надежды и любви. Нео-

бразованный мѣщанинъ изъ Львова издѣвается надъ угрозами Ракоцаго, раздѣленная съ мужемъ королева Марія Людовика отпрягаетъ отъ коляски лошадей подъ пушки, заплѣснѣвшій надъ книгами профессоръ Краковской Академіе гордо отказывается присягнуть Шведу, а старый монахъ Августинъ Кордецкій, держа въ одной рукѣ молитвенникъ, а въ другой фитиль, стрѣляетъ картечью и поражаетъ Шведовъ подъ Ченстоховомъ.

Духъ Божій возбудилъ наконецъ сердца Поляковъ. Образовалась въ Трышовцахъ народная конфедерація (1655), во главѣ ея стали Стефанъ Чарнецкій, Станиславъ Потоцкій, Станиславъ Ланцкороньскій, Христофоръ Тышкевичъ, и Яцекъ Шембекъ, народъ воззвали къ послушанію королю, вызвали короля и обдумали средства для отпора врагамъ, въ которыхъ для дѣла священнаго у народа никогда не бываетъ недостатка. Любовь къ отечеству вдохнула вѣру въ возможность его спасенія, а рыцарскіе мечи Чарнецкаго, Любомирскаго и Гопсѣвскаго довершили остальное. Польша подобно больному послѣ перелома страшной болѣзни, начала чувствовать все болѣе и болѣе ясные признаки жизни. Король возвращается, заключаются трактаты съ Австріею, Даніею, съ курфирстомъ Бранденбургскимъ и перемиріе съ Россіею; Татары приняли сторону Польши, Ракоцый обращается въ позорное бѣгство, Шведъ долженъ удалиться за море, и Чарнецкій преслѣдуетъ его въ самой Даніи. Дорого стоила намъ помощь сосѣдей. Алексѣй Михайловичъ царь Россійскій за перемиріе и разрывъ съ Шведами хотѣлъ получить польскую корону по смерти Яна Казиміра; курфирстъ Бранденбергскій выговорилъ полную независимость Пруссіи; Австрія за малую и обременительную помощь, взяла себѣ подъ залогъ сокровищницу Польши, соляныя копи; но хотя цѣною столькихъ пожертвованій, при-

* *
*

шло однако спасеніе совершенно погибающаго отечества. Въ слѣдъ за тѣмъ возобновилась война съ Россіею; но пора уже намъ отвратить взоръ отъ браннаго поля, и взглянуть на край, потрясенный такими грозными бурями. Лицо его омрачено унынiемъ, на немъ черты преждевременной старости, развалины великихъ мыслей и дѣйствій, въ жилахъ его слабо струится кровь, лихорадочно, безладно, въ головѣ холодъ, въ сердцѣ сомнѣніе. То, что разстроилось въ его здоровьи, вслѣдствіе ли дурныхъ вліяній или собственного своеволія, одно мало по малу приходитъ въ порядокъ, въ другомъ развивается новый зародышъ погибели. Есть еще жизнь, но раньшѣ или позже, а она должна переродиться или пасть жертвою. Съ любопытствомъ смотримъ мы на лицо и характеръ Яна Казиміра, и съ горестію замѣчаемъ, что этотъ монархъ не въ силахъ исполнить своего назначенія — спасти отечество. «Янъ Казиміръ (повторимъ «то, что кѣмъ-то о немъ сказано) имѣлъ сердце великое, но «непостоянный умъ.» Не самъ себѣ приготовилъ онъ ту чашу горести, которую долженъ былъ испить, но самъ по неосторожности прибавилъ въ него каплю яду. Рядомъ съ несчастными войнами, исторія его времени помѣстила на свои страницы нѣсколько домашнихъ соблазновъ. Въ 1651 г. Сыцинскій, Упитскій, депутатъ подалъ плачевный примѣръ уничтоженія сеймовъ; въ 1659 году войско прислало на сеймъ своихъ уполномоченныхъ съ дерзкими словами «что тотъ, кто держитъ орудіе, долженъ получить все», въ 1665 году Любомирскій открыто съ оружіемъ въ рукахъ вступилъ въ споръ съ монархомъ. Трудно хвалить эти проступки, но увы! ихъ оправданіе лежитъ въ проступкахъ Яна Казиміра, который то самовольно налагалъ подати, то раздавая староства своимъ льстецамъ, забывалъ о жалованіи войску, то желая нане-

сти ударъ народной свободѣ прижизненнымъ наименованіемъ себѣ наслѣдника, слушая сплетни, и женскія интриги, возбудилъ противъ себя протестацію. Привязанность къ правамъ и свободѣ отечества сильно привилась къ сердцу Поляковъ, а возставать противъ нихъ нельзя было ненаказанно. Виновенъ рокошанинъ, но неменѣе виновенъ и тотъ, кто вызвалъ рокошъ.

Слишкомъ много терній было въ Польской коронѣ, тяжелъ былъ крестъ царствованія. Янъ Казиміръ, неодаренный великими нравственными силами, потерявъ супругу, которая была для него опорою въ правленіи, почувствовалъ необходимость сбросить съ себя мученическое иго величія, и потому на сеймѣ 1669 года, изъявивъ рѣшительное желаніе, и предсказывая паденіе Польши, — сложилъ вѣнецъ и сошелъ съ трона, который онъ занималъ въ продолженіе столь злосчастныхъ двадцати лѣтъ.

Итакъ мы прошли уже эпоху Вазовъ. Грустную эпоху перехода къ паденію. Сравнимъ состояніе Польши въ правленіе Баторія съ тѣмъ, въ какомъ оставляетъ ее Янъ Казиміръ; спросимъ куда дѣвалась Лифляндія, Пруссія, Заднѣпровская Украйна, куда дѣвалась честь передъ сосѣдями, любовь къ отечеству, просвѣщеніе и слава въ наукахъ, которыми славились Поляки предъ лицемъ Европы? Короли неискусно желая преобразовать Польшу, и присвоить себѣ власть самодержавную, утратили свое значеніе, магнаты укрѣпились, шляхта вмѣсто любви къ отечеству, цѣнитъ только гербы, народъ порабощенъ, онъ почти лишенъ всѣхъ правъ человѣческихъ, сеймъ также необходимый какъ дыханіе, какъ пульсъ для конституціонной жизни народа, ежеминутно грозитъ быть прекращенъ первымъ интриганомъ, фанатикомъ или безумцемъ. Села обезлюдили, сожеженыя вражескою рукою, поля не воздѣланы—слѣдовательно

безплодны, города лишены своихъ богатствъ вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и прекращенія сношеній съ иноземцами, ослабшая торговля переходитъ въ руки жидовъ, тридцатилѣтніе школьники, съ грамматикой въ рукахъ безчинствуютъ на улицахъ, а смиренные іезуиты, пишутъ панегирики въ похвалу шляхетскихъ гербовъ.

Вотъ плоды сѣмянъ, брошенныхъ рукою Сигизмунда III на плодоносную, но своенравную польскую почву. Но, переходя по порядку исторію польской литературы, мы будемъ утѣшены искрой таланта, заревомъ духа, усиліями прекрасныхъ благородныхъ стремленій. Проявленія мысли тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ лучезарнѣе сіяютъ на мрачномъ фонѣ своей эпохи.

Поэзія польская и латинская.

Характеръ поэзіи въ эпоху Вазовъ.—Знаменитѣйшіе поэты и переводчики.—Театръ.

Свобода и своеволіе, стремленіе къ порабощенію и реакціи, борьба, вооруженная съ врагами отечества, и письменная, съ политическими или религіозными противниками — словомъ всѣ стороны народной жизни въ эпоху Вазовъ въ полной мѣрѣ отразились въ тогдашней поэзіи. Поэзія, яснѣе чѣмъ всѣ другія отрасли нашей литературы, совокупила въ себѣ всѣ черты физіономіи духа Поляковъ, если мы только захочемъ считать поэзіею ту стихотворную форму, въ которую Поляки нашей эпохи любили наряжать и исторію нашего края, и свою молитву къ Богу, и похвалы свои сильнымъ, и насмѣшки надъ своими противниками. Стихотворная форма была въ ежедневномъ почти употребленіи, какъ въ домашней, такъ и въ публичной жизни; легко поэтому угадать, что при такомъ положеніи вещей, ей недоставало той возвышенности, которая трогаетъ сердце, силы и энергіи, словомъ условій составляющихъ поэзію. Прекрасныя, даже по исполненію, тогдашнія произведенія Клёновичей, Шимоновичей, Мясновскихъ, Граховскихъ, не отличались почти совершенствомъ, а что и говорить уже о риѳмотворцахъ второстепенныхъ, или о воспитанникахъ іезуитской эстетики, которыя *ремесло* пѣвца отправляли холодно, по понятіямъ школы, по правиламъ, заимствованнымъ изъ древ-

неримскихъ произведеній. Вотъ главныя черты поэзіи въ эпоху Вазовъ: предметомъ *лиризма* была религія, рѣдко политическій бытъ народа; *эпосъ* слабо питался дѣяніями отечественными, жизнь народная и сельская вдохнула нѣсколько прекрасныхъ идилій, но сильнѣе другихъ вознесся холодный *дидактизмъ* и ядовитая *сатира*. Эта послѣдняя служитъ выраженіемъ настроенія духа Поляковъ въ правленіе Сигизмунда III, и его сыновей: въ ней свободно развивался народный юморъ, находя себѣ основаніе въ домашнихъ странностяхъ и недостаткахъ, будучи иногда оружіемъ партій, орудіемъ необузданныхъ порывовъ своеволія и иногда органомъ гонимыхъ и страждущихъ. Перевѣсъ на сторонѣ сатирическаго начала въ литературѣ извѣстнаго времени и края, доказываетъ пресыщеніе, холодность сердца и ослабленіе нравовъ. Когда граждане въ глаза поражаютъ другъ друга сарказмами и насмѣшками, это служитъ доказательствомъ, что между ними есть недостатки, достойные порицанія, доказательствомъ, что тѣ, которые принялись за исправленіе другихъ, не вѣрятъ уже въ дѣйствительность братской любви и только ядовитымъ колкостямъ приписываютъ какую-то нравственную силу. Но въ очахъ изслѣдователя и насмѣшникъ и осмѣиваемые являются въ свѣтѣ, неслишкомъ для нихъ выгодномъ.

Это о формѣ и духѣ; скажемъ еще нѣсколько словъ о понятіяхъ эстетическихъ, о выполненіи поэтическихъ произведеній. Въ эпоху Ягеллоновъ мы видѣли полные очарованія поэтическіе труды Кохановскаго, Клёновича, Рея, латинскіе Яницкаго, Дантышка и другихъ. Благодаря первымъ, образовался, украсился опоэтизировался нашъ языкъ, послѣдніе образовали нашъ вкусъ и поддержали наше равенство съ Европою. Но шумъ политической жизни, звуки военныхъ трубъ Баторія, богословскіе диспуты, и

холодная, безчувственная школа іезуитовъ—вотъ причины, которыя вскорѣ охладили, оледѣнили формы, онѣ изсушили источники вдохновенія. Одушевленіе стало замѣняться напыщенностью, искусство искусственностью, польскій языкъ свою чистоту, а латинскій подъ перомъ Поляковъ стали терять свою привлекательную простоту, божества языческія, образцы греческіе и римскіе, остатки эпохъ, неимѣющихъ ничего съ нами общаго, сдѣлались образцами поэтовъ, искривлявшихъ чувствованія своей души, или понятія своей страны, по формамъ условленнымъ, которыя нанесли убійственный ударъ духу. Жизнь изъ произведеній поэзіи мало по малу стала улетать до того, что проходя немалый рядъ нашихъ пѣвцовъ, эпохи Вазовъ, мы съ горестію въ нихъ замѣчаемъ постепенный упадокъ. Поэтому читатели простятъ намъ, если мы, проходя этотъ рядъ, остановимся только на знаменитѣйшихъ, а остальныхъ коснемся слегка.

Въ эпоху Ягеллоновъ мы изобразили начальное поприще *Себастіана Клёновича* (Acerna), приводили отрывки изъ его прекрасныхъ народныхъ поэмъ *Матроса* (Flisa) и *Роксолантіи*, теперь намъ остается обозрѣть другую эпоху его жизни, когда онъ уже не какъ поэтъ, пламенно любящій свое отечество, но какъ колкій раздраженный сатирикъ, поражаетъ недостатки своихъ соотечественниковъ. Клёновичъ одинъ служитъ для насъ прекраснымъ выраженіемъ той перемѣны мыслей, какая совершилась въ эпоху Вазовъ. Вотъ характеристическое произведеніе Кленовича *Ковчежецъ Іуды* (Worek Judaszów. Краковъ въ тип. Стернацкаго 1600 г.) борьба, на которую онъ вызываетъ мошенниковъ различныхъ родовъ и состояній.

Избравши девизомъ слова св. Іоанна о Іудѣ, «что онъ былъ воръ и носилъ ковчежецъ, въ который дѣлали вклады», поэтъ

шьетъ этотъ мѣшокъ изъ кожи волчей, лисей, рысей и львиной, и примѣнительно къ характеру этихъ животныхъ исчисляетъ различные роды вороьъ-мошенниковъ. Здѣсь открывается обширное поле для его сарказмовъ.

«Nie po sierci my znamy te Iskaryoty,
«Poznać po towarzystwie kto jest tamtéj roty,
«Najdziesz go, a on z Moskiem u Lewkiem przestawa,
«A Chrystusa za srebro Anaszom przedawa,
«Bliźniego oszukawszy rzkomo go żałuje».

Этотъ мѣшокъ дѣлится на четыре части. Въ первой (изъ волчьей кожи) поэтъ описываетъ простыхъ карманныхъ воровъ, которые тайно присвояютъ чужую собственность, изслѣдуетъ происхожденіе цыганъ, изображаетъ ябедниковъ, которые похищаютъ чужія земли, запахиваютъ межу, закапываютъ границы (narożniki kopią), прудами заливаютъ поля, святотатцевъ грабящихъ церкви, тѣхъ, которые неправыми путями доискиваются должностей, а особенно тѣхъ, которые обкрадываютъ общественную кассу, наконецъ воровъ, похищающихъ коней, скотъ и торгующихъ людьми. Во всѣхъ этихъ описаніяхъ мы встрѣчаемъ множество характеристическихъ подробностей, въ послѣднемъ описаніи видимъ Marthauzów, преступниковъ, которыхъ занятіе прекратилось вмѣстѣ съ перемѣною обстоятельствъ, и остались одни только слѣды въ мѣшкѣ Іуды. Эти отвратительные промышленники проходили страну, завербовывая къ себѣ людей подъ разными предлогами, потомъ уводили ихъ въ Туречину и тамъ продавали, какъ военноплѣнныхъ.

«Не по шерсти узнаемъ мы этихъ Искаріотовъ, по обществу можно узнать, кто изъ ихъ числа обращается съ Москомъ и Левкомъ, и Христа за деньги продаетъ жидамъ и обманувъ ближняго, притворно о немъ сожалѣетъ».

«Wywiedzie go na rynek i z nim po sławiańsku,
«Insze mówi, a insze z tym po Saraceńsku;
«Tam zmyją między sobą Gaura ubogiego,
«Aliści on w niewoli u Turka srogiego,
«Takci Judasz Chrystusem handlował w Ogrojcu». [1]

Далѣе говоритъ о тѣхъ, которые тѣло Христово продаютъ жидамъ, ворами называетъ и Татаръ. Въ прибавленіяхъ къ этой части, подъ заглавіемъ *Причины всякаго зла*, говоритъ о праздности и роскоши, изображаетъ праздполюбцевъ, городскихъ уличниковъ, которыя отъ праздности дѣлаются преступниками. Во второй части *Іудина ковчежца, о кожѣ и природѣ лисьей*, направляетъ ударъ противъ лицемѣровъ, пустосвятовъ и мошенниковъ, которые подъ видомъ набожности крадутъ себѣ чужую собственность.

[2] «Wlóczy sie, po kiermaszach z Judaszowym trzosem,
«Nosi puszkę żelazną dzwonek mosiądzowy,
«Prosi rzkomo na szpital i na kościoł nowy,
«Prosi chytry nieborak na jakiego świątka,
«Chociaż z tamtej jalmużny nieda mu i szczątka,
«Czasem zmyśli na błoniu i w borze zjawienie:
«I ślubuje prostakom zapewne zbawienie.
«Widzjałem, przy pod lasem miłą matkę Bożą:

---

[1] «Выведетъ его на рынокъ, и говоритъ съ нимъ то по-славянски, то по-сарацински, и обманувши бѣднаго Гаура продаетъ его суровому Турку, какъ Іуда продавалъ Христа въ вертоградѣ».

[2] «Бродитъ по ярмаркахъ съ іудинымъ мѣшкомъ, носитъ желѣзную кружку, колокольчикъ мѣдный, проситъ будто бы на госпиталь, на построеніе церкви, на какого-нибудь святаго, хотя изъ собраннаго подаянія не даетъ ему и полушки, иногда выдумаетъ какое-нибудь явленіе на лугу или въ рощѣ и обѣщаетъ простякамъ вѣрное спасеніе.

«(A baby się słuchając onych baśni tworzą)
«Wielka świątłos'ć wynikła w choinowym borku
«Na pieńku nowociętym, na cudnym pagórku,
«Więc on niezbędny oszust twierdzi rzeczywiśtą,
«Że widział własnem okiem Dziewicę przeczystą;
«Która mu rozkazała chwałę Bożą, mnożyć,
«I tam na oném miejscu kościołek założyć».

Но здѣсь поэтъ одумывается, чтобы не приняли его за еретика.

[1] «Ale żebym się niedał być jednym z tej roty,
«Co za lada przyczynką z Kościołem drą koty,
«Wolę tu nieobrażać animuszów chorych».

Потомъ направляетъ упрекъ противъ помѣщиковъ, которые хотя большею частію и католики, рады однако прибытку, и позволяютъ въ земляхъ своихъ набожные обманы. Прекрасны два слѣдующіе стиха, которые онъ влагаетъ въ уста еретика помѣщика.

[1] «Niech kto wierzy jako chce; idz z włodarzem wójcie
«Choć ta jałówka błędna, przecię ją wydójcie».

Видѣлъ и на краю лѣса Божію-Матерь (а бабы наслушавшись ихъ придумываютъ новыя сказки), большой свѣтъ явился въ хвойной рощѣ, на пнѣ новосрубленномъ на чудномъ холмѣ. Онъ утверждаетъ, что видѣлъ собственными глазами Дѣву Пречистую, которая велѣла ему распространять Славу Божію и на томъ мѣстѣ основать церковь».

[1] «Но чтобы не показаться однимъ изъ числа тѣхъ, которые изъ-за всякой причины отдѣляются отъ церкви, лучше пнѣ не оскорблять здѣсь больныхъ умовъ».

[1] «Пускай воинъ вѣруетъ, какъ хочетъ; воинъ идя съ приказчикомъ, и хотя тѣлка заблудшая, но не мѣшаетъ однако подоить ее».

Но поэтъ не удержался, и духовенству онъ не можетъ простить его грѣховъ, и немилосердо къ іудиному мѣшку причисляетъ и тѣхъ, «которые завѣдуютъ госпиталями».

[2] «Choć w rewerendach chodzą jak jacy prorocy,
«Choć zdaje się nabożni i na twarzy srodzy
«Przecię od nich bezprawie odnoszą ubodzy».

Въ слѣдъ за тѣмъ ложные нищіе, бабы, которые подъ предлогомъ собиранія милостыни предаются мерзкому ремеслу—прельщаютъ женъ и дѣвушекъ, странники къ престолу апостольскому, ложные друзья, придворные соблазнители чужихъ женъ, всѣ они неумолимо подведены подъ категорію воровъ, іудина мѣшка который сшитъ изъ лисьей кожи.

Въ Рысяхъ (часть III) причисляетъ изворотливыхъ юристовъ, извращающихъ дѣла, разсказываетъ анекдотъ объ одномъ монахѣ, который ловко хотѣлъ вынудить запись у бездѣтнаго умирающаго старца, но тутъ же опомнился и прибавилъ «и авторъ также проситъ,»

[1] «Niech za to od kapłanów gniewu nieodnosi,
«Pisze się specyfia o jednej osobie,
«Nie o wszystkich,—kazali, łatwo to wyskrobię».

Къ той же категоріи принадлежатъ игроки обманщики, упорные и лукавые должники, лихоимцы, жиды, ябедники,

---

[2] «Хотя они ходятъ въ ризахъ, подобно пророкамъ, хотя повидимому набожны и лицемъ суровы, однако нищіе терпятъ отъ нихъ неправды».

[1] «Пускай духовные не сердятся за это, здѣсь пишется про одно только лицо, а не про всѣхъ,—а прикажутъ, я безъ труда уничтожу это.

которые дѣлаютъ ложное контракты и описи, и какъ бы не ловко принятый для контракта, но вѣрно изображенный типъ земледѣльца.

«Bo kmiotaszek ubogi ustawnie do dwora:
«Robi sobą i bydłem aże do wieczora.
«Karmi się ustawiczną biedą i kłopotem:
«Zimnem i upalcniem, łzami, dymem, potem
«Cierpi kuny, bispkupy, korbacze, gąsiory,
«Osoczniki, pochlebce, podatni, pobory.
«I pany furyaty, opiłe tyrany,
«Pyszne, chciwe, wszeteczne: gorsze niż pogany.
«Ach biednaź jego lichwa! dobrze to zapienia,
«Co mu Bóg da z wiecznego swego opatrzenia.
«Nie szemrźe, nie swarzy się i z ziemią i z Bogiem.
«Żywi się nieboraczek bardzo nizkim brogiem,
«Więc musi czekać lata słusznego żniwa,
«Bo ziemie niebędzie żął; zamarzła mu niwa
«Z tejźe też lichwy daje xiędzu dziesięcinę,
«Snopki, meszne i pobor, czyńsze, pańską winę,
«Ztądźe suknię, konika kupie, krówke wotku:
«Ztąd jałmużne dziadowi, obuwie pachołku».

«Бѣдный поселянинъ вѣчно ходитъ ко двору, работаетъ самъ и его скотъ до поздняго вечера. Находится всегда въ бѣдности и хлопотахъ, терпитъ холодъ и жаръ, сидитъ въ дыму, переноситъ заключенія, удары плети, клеветы, подати, поборы, гнѣвъ безумцевъ, пьяныхъ тирановъ, гордыхъ, жадныхъ, развратныхъ, хуже язычниковъ. Ахъ тяжела его жизнь и онъ то покрываетъ слезами, что Богъ даетъ ему по вѣчному своему Провидѣнію. Не ропщетъ онъ, не ссорится съ Богомъ и землею, питается бѣднякъ очень плохою пищею. И долженъ ждать лѣта и правильной жатвы, потому что земля жать не станетъ, занесла его нива. Изъ этой же прибыли онъ и священнику платитъ десятину, снопы, поборы съ литургіи, оброкъ и вину барскую, за это же купить ему нужно платье, коня, быка и корову, дать милостыню нищему, и обувь слугѣ».

Когда же ему пришлось изображать львовъ, то есть воровъ богатыхъ и сильныхъ, поэтъ примѣтно струсилъ.

«Strach o tej skórze pisać: bo ta groźbą strachem
«Narabia, iż tak mówić mam prostym odmachem
«Więc mam—li oniej pisać? namyślę się natym:
«Bym się zaś nieuprzykrzył Judaszem zębatym.
«A na ten czas odchodzę: wróce się do srogich.
«Czoło zmarszczywszy, nauk, do swych zabaw drogich.
«A wy, na skarb Judaszów kupcie dla pielgrzymów
«Rolę jaką: a z tym tu czynię koniec rymów».

Поэма оканчивается прекраснымъ обращеніемъ ко Христу подъ заглавіемъ Акельдема (поле крови) высокая мысль скрывается здѣсь въ слѣдующихъ двухъ стихахъ:

«Jak się fenix przez ogień, przez popioł odmładza
«Tak się człowiek przez ziemię przez próchno odradza».

Сварливый, безобразный, чуждый поэзіи, грубый но характеристическій *Ковчежецъ Іудинъ*, общею цѣлію котораго было поражать пороки, былъ писанъ на языкѣ польскомъ. Въ другомъ своемъ произведеніи *побѣда Боговъ* (Victoria deorum) которое въ одно время вышло изъ типографіи

«Страшно писать объ этой кожѣ: потому что она сильна внушеннымъ ею страхомъ, и такъ писать ли мнѣ о ней? думаю, какъ бы не наскучить мнѣ имъ Іудою зубатымъ. Теперь оставлю: наморщивъ чело возвращусь къ суровымъ наукамъ, милымъ своимъ забавамъ. А вы на деньги Іуды купите для странниковъ какое-нибудь село: тѣмъ я оканчиваю свои рѣчи».

«Какъ фениксъ посредствомъ огня и праха молодѣетъ, такъ и человѣкъ возраждается чрезъ смерть и пепелъ».

Стернацкаго, Клёновичъ рѣшился излить свою желчь противъ шляхты, которой покорялись тронъ, право и народъ, и которая въ своемъ ослѣпленіи смирялась только передъ авторитетомъ силы и богатства магнатовъ. Поэма эта также нескладна, но полна желчи и энергіи; Клёновичъ быть можетъ изъ вѣжливости написалъ ее полатыни, чтобы въ глазахъ народа бросить покровъ на истины, высказанныя слишкомъ остро предъ лицемъ всесильнаго класса Польской шляхты. М. Вишневскій въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно обрисовалъ все содержаніе *Побѣды Бонвя*, «тотъ «только благороденъ, кто ведетъ добрую жизнь, а кто ведетъ «добрую жизнь, тотъ мирно отходитъ изъ сей жизни; что «шляхтство одинъ только предразсудокъ, что благороднымъ «въ мірѣ можетъ назваться одна только добродѣтель и трудъ». Очень хороши и отдѣльные отрывки этой поэмы.

То онъ поражаетъ украшенныхъ гербами властелиновъ народа за ихъ безчеловѣчное обращеніе съ крѣпостными:

(переводъ).

«Starszyzno! którą naród za swych panów baczy,
«Której sprawy na barkach dzwiga gmin wieśniaczy,
«Której z woli niebiosów, szy z dawnej umowy,
«Poddanstwo święci pracę i pieniądz czyńszowy,
«A wy pomimo prawo i obyczaj stary,
«Mnożycie nowe jęki i nowe ciężary!
«Wasi dzicy służalcy pastwią się nad zgrają,

Переводъ. «Старѣйшины, которыхъ народъ почитаетъ своими господами, дѣла которыхъ несетъ на своихъ плечахъ, которымъ по волѣ небесъ или по давнему уговору народъ посвящаетъ свой трудъ и деньги оброчныя, вы не смотря на право и древній обычай, умножаете свои расходы и налагаете на нихъ новые тяжести! Ваши

«I okrótniéj niż piawka jej krew wysysają
«A ze krwią pije życie nieużyta tłuszcza,
«We wnętrzności ubogich swe szpony zapuszca;
«Jak nad bydłem zgłodniała gromada zwierzęca,
«Jak się lew Afrykański nad barankiem znęca,
«Tak podeptawszy zakon i naturę rzeczy
«Człek zwierzęco wysysa szpik z kości człowieczej
«Niezmiękczysz jego serca choćby krwawym płaczem,
«Darłby nieludzko skórę na ciele wieśniaczém,
«Jak osioł pod ciężarem, jako szkapa prosta,
«Co niewdzięczny za prace powoziciel chłosta,
«Tak wy musicie cierpieć o kmiotkowie podli!
«Nie żal na gorzką dolę nic łza niewymodli,
Bo na płacz niezważają poganiacze dzicy,
«Jak na szelest fal morskich jak na gwar z ulicy,
«Niezmękczy twego pana i jego włodarzy,
«Obraz nędzy i głodu na wybladłej twarzy,
«Choć ci zawiędła skóra ledwie kość powleka,
«Choć wyglądasz jak szkielet, jako trup człowieka,
Chociarz w twojej niedoli z oka spłakanego,

дикая прислуга издѣвается надъ толпою, и ужасные піявицъ сосетъ изъ нея кровь, и съ кровію въ жизнь бѣдныхъ запускаетъ свои когти; голодную толпу терзаютъ какъ левъ Африканскій терзаетъ агненка. Такъ поправъ законы и природу — человѣкъ звѣрски высасываетъ мозгъ изъ костей людскихъ, не смягчишь его сердца даже кровавыми слезами, онъ безчеловѣчно дралъ бы кожу съ тѣла поселянина; какъ оселъ подъ тяжестію, какъ лошадь простая, которую за ея трудъ бьетъ неблагодарный возница, такъ и вы терпите униженные поселяне! Не жалуйся на горькую участь, слеза ничего не вымолитъ, потому что дикіе погонщики на плачь обращаютъ столько же вниманія, какъ на сиятеніе волнъ моря, какъ на уличный шумъ; не смягчитъ твоего господина и его прикащиковъ, голодъ и нужды которые ты терпишь, на твое исхудалое лице, хотя твои кости едва покрыты кожею, хотя похожъ ты на скелетъ, на трупъ человѣка, хотя въ тво-

«Łzy gorące a gorzkie po obliczach biegą,
«Chociaż serce strapione żałościwie wzdycha,
«Lekce waży twą boleść zaślepiona pycha.»

То поражаетъ шляхетскую гордость польскаго духовенства.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Pocoć i ciebie xięże to szlachetstwo nęci?
«Rżniesz dziwaczne zwierzęta w herbownej pieczęci,
«Zielska, dziadowskie herby, i jakież potwory,
«Wyciskiwasz na wosku malujecz w kolory,
«I mniemasz, że niegodzien biskupiej tyary,
«Kto nieozdobien w klejnot i pargamin stary.
«Czyż sługi Chrystusowe we złocie być mogą
«Kiedy Pan chodził boso, kiedy żył ubogo?
«Gwoli zbawienia świata, bez herbownych znaków
«Kiedyście następcami ubogich rybaków,
«Czemaż raczej pobożność uwas niezakwita
«Niż w herbach pozłacanych pycha rodowita?»

емъ несчастіи изъ очей горючія слезы текутъ по лапитахъ, хотя сердце огорченное жалобно вдыхаетъ, но ослѣпленная гордость пренебрегаетъ твоими страданіями».

Переводъ «Зачѣмъ и тебя священникъ привлекаетъ это шляхетство? Вырѣзываешь чудовищныхъ звѣрей на гербовой печати, травы, гербы дѣдовъ, и какія-то чудовища, выдѣлываешь изъ воску, рисуешь ихъ красками, и думаешь что тотъ недостоинъ епископской тіары, кто неукрашенъ драгоцѣнными камнями и старинъ пергаментомъ. Неужели слуги Христовы могутъ ходить въ золотѣ, когда Господь ходилъ босымъ, жилъ въ бѣдности и спасъ міръ не имѣя гербовыхъ знаковъ. Если вы преемники бѣдныхъ рыбарей, почему бы лучше не цѣлю у васъ благочестіе, вмѣсто родовой гордости и гербовъ разволоченныхъ?»

То изображаетъ благословенную жизнь сельскаго обывателя и представляетъ картину, которая и въ наши еще времена найдетъ своихъ почтенныхъ оригиналовъ.

(переводъ).

«A on oszczędny próżniak jak to na wsi bywa, [1]
«Rzadko spójrzy w Niebiosa, rzadko mysl leniwa,
«Podniesie się choć trochę od ziemskich krawędzi;
«Jeno w służbie żołądka cały wiek swój spędzi,
«Pracuje dla żołądka i jeno w to mierzy,
«Jako głód swój nasyci pragnienie usmierzy,
«Waży lekce świat cały i z pogardą mija,
«Co się jadła nietyczy, brzuchowi niesprzyja,
«I mniema że kto zbiera i uprawia zboże
«Ten tylko być cnotliwym i szczęsliwym może.»

Жидовъ, мѣщанъ, шляхту различныхъ степеней, словомъ всѣ классы народной общественности—поэтъ преслѣдуетъ неумолимо за ихъ вины, поэтому что же удивительнаго, что онъ вызвалъ столько преслѣдованій на свою голову, и умеръ въ нуждѣ. Поэму *Побѣда* Боговъ, перевелъ было нѣкогда Яцекъ Пржыбыльскій, но хотя переводъ этотъ потерялся, мы не теряемъ однако надежды оказать когда

[1] *Переводъ.* «А онъ бережливый празднолюбецъ, какъ это часто бываетъ на деревнѣ, рѣдко взглянетъ на небо, рѣдко мысль лѣнивая, хоть не много возвысится надъ земными дѣлами; только въ служеніи желудку проводитъ весь свой вѣкъ; трудится для желудка, и о томъ только думаетъ какъ бы насытить голодъ, утолить жажду, пренебрегаетъ всѣмъ міромъ и съ презрѣніемъ проходитъ все то, что не кажется ѣды, не принадлежитъ чревоугодію, думаетъ, что тотъ только кто собираетъ и воздѣлываетъ пашню, можетъ быть добродѣтельнымъ и счастливымъ.»

нибудь услугу Польской публикѣ, переводомъ того же произведенія Клёновича.

Въ *Пламени Турецкой войны и увѣщаніи къ его погашенію* (W Pożarce wojny Tureckiej, upominaniu do gaszenia) въ стихахъ полныхъ красоты и силы поэтъ взываетъ о необходимости ударить на Турокъ, и сокрушить тѣ цѣпи, которые надѣты послѣдними на шею стольких народовъ. Это прекрасное воззваніе, также какъ и множество позднѣйшихъ, осталось безъ послѣдствій, потому что внѣшняя политика и внутреннее состояніе какъ Польши, такъ и сосѣднихъ ей странъ не дозволяли состояться этому святому, поэтическому крестовому походу. Римъ предлагалъ его, возбуждалъ къ нему охоту и подавалъ сигналъ, но уже прошло время религіознаго восторга, поэты и духовныя взывали о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя Турки наносятъ Европѣ, но политики видѣли полезную сторону ихъ господства въ Европѣ; какъ бы то ни было выпишемъ нѣсколько стиховъ Кленовича изъ *Пламени*.

«Wstawajcież bracia na tę wojnę swiętą, [1]
«Wypędzcię z granic tę hydrę przeklętą
«Kata swych bracia, już swe wojsko sprawcie
«A wierne Pańskie z niewoli wybawcie.
«Szanujcie Pana, szanujcie swej głowy,
«Oto w swych członkach Pan cierpi okowy.
«Jego to krzywda, on też walczyć będzie

[1] *Переводъ*. Возстаньте братія на эту брань священную, изгоните изъ своихъ предѣловъ эту проклятую гидру, палачасвоихъ братьевъ, выставьте свое войско, и вѣрную страну Господню избавьте отъ рабства. Почтите господа, почтите свою голову, самъ Господь въ оковахъ въ лицѣ своихъ членовъ. Это его обида, онъ будетъ бороться. Пускай Агарь

«Niechaj tam Agar z swym synem usiędzie
«Gdzie go pieściła tam w Chaldejskiej stronie.
«Niech go tam wodą napawa na łonie.
«Niechaj tu nieburzy w Europie, gdzie swoje
«Kościoł Christusów ma wdzięczne pokoje.
«Wy tedy których od Azyi łączy,
«Maeotis i Pont i Don bardzo rączy;
«Od Afryki zaś który oddzieliło
«I środoziemne morze odstrzeliło.
«O królewska krwi, Europianie prawi,
«Niech się tu więcej Izmael niebawi.
«Ukażcie mu tam na stare pustynie,
«Niechaj tam imie jego i sam zginie,
«Niech siej napiją trzescią z rzek ojczystych.
«Lub z matczynnego Buktaka wod czystych.»

Мы нарочно къ концу нашего разсказа о Кленовичѣ оставили его *Надгробный Плачь, о высокоблагородномъ и очень ученомъ мужемъ г. Яномъ Кохановскимъ* (Żale nagrobne, na szlachetnie urodzonego i znacznie uczonego męża, Pana Jana Kochanowskiego. Краковъ 1586 г.). Великій нашъ поэтъ въ предъидущемъ году пріѣхалъ умереть въ Люблинъ, какъ будто бы этимъ онъ хотѣлъ пе-

---

танъ съ сыномъ своимъ сядетъ, гдѣ она воспитывала его, въ странѣ халдейской. Пускай тамъ водой напоитъ его на своемъ лонѣ. Пускай онъ непричинялетъ сметеній здѣсь въ Европѣ, гдѣ церковь Христова имѣетъ свое прекрасное жилище. Вы, которыхъ съ Азіею соединяетъ Меотисъ и Понтъ и Донъ очень быстрый, которыхъ отъ Африки отдѣлило и отбросило Средиземное море и королевства крови, правые Европейцы, пускай Исмаилъ не пребудетъ здѣсь долѣе. Укажите ему древнія пустыни, пусть въ нихъ онъ самъ и его имя погибнетъ, пускай напьется изъ рѣкъ отечественныхъ или изъ роднаго Буктака».

редать свою лиру въ руки тамошняго талантливаго гражданина Себастіана Клёновича. Какъ бы то ни было, но Клёновичъ думалъ, что ему, какъ Люблинскому пѣвцу нужно оплакать смерть своего достойнаго товарища.

(Плачь VII).

Na mię płacz gościnnem prawem przyczedł, bo tu jasnie [1]
«Zacny Poeta gaśnie.
«Bogiem natchnionych poetów woniący kwiat mdleje
«Smiertelny nań wiatr wieje.»

И братнею рукою «по образцу Идиллій Θеократа, которыя носятъ заглавіе Epitaphios Bionos» написалъ тринадцать элегій. Произведеніе это слишкомъ научно и искусственно для того, чтобы назваться прекрасной элегіей, но при всемъ томъ оно дѣйствительно трогательно; какъ, напр. (элегія III.)

«Gospodarne pszczołeczki do ulów nieniosą [2]
«Brzemienją ktore spadło z Jowiszową kosą.
«Bo nad miód pieśni twoich nie trzeba inszego,
«Podbierać w plenich barciach, miodu wdzięczniejszego
«Zrzuca swój nieźrzały płód drzewo, dobrowolne,
«Sobie czyni sieroctwo, kwiatki więdną polne.

---

[1] *Переводъ.* По праву гостепріимства мнѣ пришлось плакать, потому что здѣсь угасаетъ поэтъ.

«Богомъ вдохновленный цвѣтъ поэтовъ увядаетъ, дуетъ на него вѣтеръ смерти.»

[2] *Переводъ.* «Трудолюбивыя пчелки не несутъ въ ульи бремени, которое нало подъ косою Юпитера; кромѣ меда твоихъ пѣсней, не нужно другаго собирать изъ полныхъ бортовъ; дерево сбрасываетъ свой плодъ не зрѣлый, и добровольно обрекаетъ себя на сиротство, увяда-

«I pola otworzyste po te wszystkie czasy
«Płaczą, i trawne łąki, płaczą chłodne lasy.

(Плачь XI).

«Bluszczu przebujny, tu przy tej mogile [1]
«Cicho wyrastaj, popinaj się mile,
«Rozkładaj piękne liscie, lubuj sobie
«Przy tym tu grobie
«Powijaj sobą miejsce na wsze strony,
«Na którym leży mąż nienaganiony,
«Uwij tu proszę chłodnik samorosły,
«W zgorę wyniosły
«A gdy dorosciesz, gdy będziesz na dobie,
«Niestój jałowo, zawieszaj po sobie
«Wdzięczne bluszczówki a niechaj gron wszędzie
«Obfitość będzie.
«Niech że dziewięć siostr, córek Jowiszowych
«Przyjdą tu w wieńcach, porządnych bobkowych,
«Niech codzień kwielą od rana do mroku
«Około stoku:
«A niechaj kwieląc żałobliwym krzykiem,
«Dadzą się słyszeć Słowieńskim językiem,

ють полевые цвѣтки. И поля открытые во все это время плачутъ, плачутъ травныя луга, и прохладныя рощи.»

[1] *Переводъ.* Плющь раскидистый, здѣсь при этомъ гробѣ, мирно расти, мило подымайся, раскладывай листъ свой прекрасный, здѣсь при этомъ гробѣ.

Окружай собою на всѣ стороны мѣсто, гдѣ лежитъ мужъ безукоризненный, свой здѣсь, прошу я, тѣнь сенокосную, свей высоко ее.

А когда выростешь и поры дождешься, не стой безжизненно, обвѣшивайся прекрасными кистями, пускай вездѣ будутъ грозды и изобиліе.

Пускай девять сестеръ, дочерей Юпитера придутъ сюда въ вѣнцахъ лавровыхъ, пусть ежедневно плачутъ, съ утра до мрака вокругъ стока.

«Niechaj te słowa płaczą powtarzając
«Łez upijając.
«Tu ziemie ten kęs i ta licha trunа
«Kochanowskiego zamknęła nam Jana
«Ciało, lecz wszystek Lachów narod złoty
«Niezamknie cnoty.»

«Кто будетъ столь смѣлымъ, съ человомъ такимъ дерзкимъ, что бы осмѣлится покуситься на твои струны?» спрашиваетъ Клёновичъ въ V Плачѣ. Этотъ вопросъ и смерть Кохановскаго въ Люблинѣ, гдѣ Клёновичъ своею пѣснію отдалъ ему послѣдній братній долгъ раждаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ Клёновичъ достоинъ былъ принять лиру Яна? Сравнимъ таланты и характеръ обоихъ этихъ нашихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе, что тоже сдѣлалъ В. А. Мацеіовскій въ первомъ томѣ своей *Польской Литературы*, но мы осмѣливаемся не вполнѣ согласиться съ его положеніями. Оба они равно святы добродѣтелью своей жизни, высшимъ на нее взглядомъ, одинъ подъ своею липою въ Черноліѣсьи, другой на судейской скамьѣ, возбуждаютъ въ насъ уваженіе; Кохановскій въ своей идиллической, достаточной жизни болѣе для насъ привлекателенъ; Клёновичъ же бѣдный, гонимый панами, жидами, преслѣдуемый собственною женою и іезуитами, возбуждаетъ къ себѣ болѣе сочувствія. Клёновичъ мастеръ въ поэзіи описательной, Кохановскій цѣлою головою выше его въ лиризмѣ. У Клёновича болѣе красокъ того времени, болѣе типовъ того вѣка, которые

Пускай плачутъ жалобно, и будутъ слышны народу славянскому, пускай эти слова они повторяютъ, слезами заливаясь.

Здѣсь эта глыба земли и эта могила отняла у насъ тѣло Кохановскаго Яна, но Ляховъ народъ золотой не забудетъ его добродѣтели.

теперь столь для насъ драгоцѣнны, но Кохановскій гораздо удачнѣе его, и въ болѣе благородной сферѣ общества избираетъ себѣ образцовъ. Краски Клёновича болѣе ярки и выразительны, колоритъ Кохановскаго болѣе пріятенъ для глазъ. Кохановскій какъ *поэтъ* перешелъ къ потомству и будетъ въ немъ жить вѣчно, и дѣйствовать на сердца позднаго потомства точно также, какъ дѣйствовалъ онъ на своихъ современниковъ. Клёновичъ, какъ *правоописатель* читается, одними только изслѣдователями древности, и вообще нравиться онъ не можетъ. Кохановскій былъ польскимъ поэтомъ, органомъ своего народа съ его достоинствами и недостатками, Клёновичъ сатирикомъ, изображавшимъ одну мрачную его сторону. Кохановскій вмѣстѣ съ талантомъ обладалъ ученостію и образованіемъ, и въ немъ ясно то, что онъ былъ на дружественной ногѣ со всѣми знаменитостями края. Взглядъ на вещи у Клёновича обыкновененъ и просто народенъ, также какъ и то мѣщанское общество среди котораго онъ жилъ. Кохановскій иногда бываетъ тривіаленъ (въ бездѣлицахъ), грѣшитъ противъ вкуса и нравственности, но заблужденіе свое искупаетъ какою-то граціею, которою онъ умѣетъ облечь самые слабые свои помыслы; Кленовичу къ лицу пришлась бы его гомерическая суровость, но онъ не искупаетъ ея высотою мысли подобно Гомеру, Шекспиру, или какому-нибудь простому, но геніальному составителю простонародной пѣсни. И степень таланта, и сферы общественныя среди которыхъ жили оба эти поэта, и эпохи, среди которыхъ писали они, были различны. Оба они въ свое время и въ своемъ кругу были необыкновенными, оба хотя въ различныхъ отношеніяхъ драгоцѣнны для насъ—ихъ дальнихъ потомковъ,—честь имъ обоимъ!

Современникомъ Клёновича съ тою же вѣрностію, хотя быть можетъ болѣе поэтически изображавшимъ нравы сво-

его общества, былъ *Петръ* изъ *Збылитовицъ Збылитовскій*, авторъ стихотворныхъ брошюръ: 1) *Поруганіе женскихъ нарядовъ* (Przygana strojom białogłowskim 1600); 2) *Разговоръ шляхтича съ иностранцемъ* (Rozmowa szlachcica z cudzoziemiem) и 3) *Земская сходка* (Schadzka ziemiańska 1605 г.). Въ юности странникъ по Италіи и Африкѣ, участвовавшій въ походахъ противъ казаковъ, потомъ домашній управитель у Чарнковскихъ и Гурковъ, наконецъ сельскій хозяинъ, Збылитовскій не былъ литераторомъ по призванію и въ промежуткахъ только брался за перо. Поэтому тотъ приговоръ, который бы можно было произнесть о рѣдкихъ въ настоящее время его трудахъ, долженъ быть умѣряемъ этимъ замѣчаніемъ. Сочиненія Петра хотя повидимому носятъ на себѣ печать сатиры, но, какъ замѣчаетъ Мацеіовскій, справедливѣе служатъ «картиною домашняго быта составленнаго юмористически.» Въ образецъ слога Петра Збылитовскаго, выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ *Сходки*, гдѣ онъ изображаетъ гостепріимство деревенской шляхты.

«Ale gdzie jest gromadka ludzi mnie znajomych, [1]
«A w skromnych obyczajach dobrze wycwiczonych,
«Tam ja nieędzy me jadę, tam moja biesiada:
«Z takiemi ja rad bywam, niebędzie tam zwada.
«Niebędzie tam opilstwo zbytnie bez przestanku,
«Do wieczora począwszy z samego poranku
«Ale będą zabawy, rozmowy ucieszne,

---

[1] *Переводъ*. «Но гдѣ есть много людей мнѣ знакомыхъ, хорошо знающихъ скромные обычаи, туда я ѣду, тамъ моя пирушка, съ ними я веселюсь, не будетъ тамъ ссоры. Не будетъ тамъ излишняго пьянства безъ устали до вечера отъ самого утра; но будутъ забавы, веселые

«To otym, to o owym, czasem żarty śmieszne.
«Tam smaczno nagotują jeść a przecię w miare,
«Przyniosą wystałego piwa gościom w czare.
«Przyniosą dla uciechy wina roskosznego,
«To ucieszna drużyna jeden do drugiego
«Powoli się napiła: ale niedla zbytku,
«Dla wesołego serca, zdrowego pożytku.
«To tam oni roskosznie rzeczy powiadają
«Czasem się sami z siebie dworskie nażartują.»

Родственникъ или только однофамилецъ Петра *Андрей Збылитовскій*, стольникъ и царедворецъ Сигизмунда III и товарищъ его похода въ Швецію былъ болѣе плодовитымъ поэтомъ. Его рѣдкія произведенія, польскія по заглавію и содержанію, дѣйствительно запечатлѣны подражаніемъ древнимъ классикамъ, а по преимуществу Виргилію, который былъ идоломъ нашего поэта. Въ идиллiяхъ, Георгики, въ повѣствовательномъ родѣ—Энеида, доставляли нашему поэту матеріалъ для отдѣльныхъ эпизодовъ, которые довольно забавно отражаются отъ чисто Сарматскаго грунта. — Вотъ перечень его произведеній.

1) *Эпиграммы* латинскія на смерть короля Стефана (1588); 2) *О побѣдѣ подъ Бучиномъ* (De Victoria repoc tata Anno 1588), также латинское стихотвореніе; 3) *Привѣтствіе новому королю Сигизмунду III* (1587); 4) *Описаніе Сатировъ Литовскихъ лѣсовъ* для Анны королевы Шведской, о *Бѣловѣжской охотѣ* (1588 г.); 5) *Путешествіе*

разговоры то о томъ, то о другомъ, иногда шутки смѣшныя, такъ вкусную приготовляютъ пищу, и принесутъ для гостей чашу хорошаго пива. Принесутъ стараго вина, и веселыя друзья пьютъ: но не для пьянства, а для веселія сердца и здравой пользы. Такъ же съ пріятностію говорятъ различныя вещи, а иногда слегка пошутятъ другъ надъ другомъ.»

* *
*

въ Швецію Сигизмунда III (Краковъ 1597 г.) поэма важная въ отношеніи къ историческимъ подробностямъ пребыванія Сигизмунда въ Швеціи, сохранившая названія польскихъ кораблей, которые сопровождали его въ Швецію и т. д. 6) *Брачное стихотвореніе* (Epithalamium) на бракосочетаніе Яна Дульскаго съ Анною Гербуртъ; 7) *Плачъ* на погребеніе Анны Лигензіанки изъ Бобрка, жены воев. Краковскаго (1593). Другія его произведенія суть: 8) *Исторія* св. Геновефы (1599), 9) *Поселянинъ* (1600), 10) поэма *Актеонъ*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Андрея Збылитовскаго превозмогаетъ правописательное направленіе, такъ, *напр.*, въ Актеонѣ разсказавъ или лучше переведя изъ метаморфозъ Овидія, какъ Актеонъ за свое нескромное любопытство Діаною былъ превращенъ въ оленя—онъ прибавляетъ:

«A nietylko snadź pana (tak to psi żarłoczni), [1]
«Brogi, z gumna urodzaj pożrzą wszystek roczny...
«Nie to dzis za legawca dać i sto czerwonych;
«Za charta i pięć brogów dobrze nałożonych:
«Za wyżła koń Turecki: tucznych kilka wołów
«Za krogulca: wozniki za parę sokolów.
«Droższy dziś ogar, jastrząb zaróg unoszony,
«Niźli człowiek tak drogim skarbem odkupiony.
«Bo za człeka (dziwna rzecz) dziesięć grzywien było
«Pierwiej dać, teraz się wżdy trochę poprawiło.»

---

[1] *Переводъ* «И не только господина (такъ ненасытны собаки) они съѣдятъ скирды, и весь годовой урожай изъ гумна .. Ничего теперь незначитъ дать за лягавую собаку сто червонныхъ, за борзую пять скирдовъ, плотно наложенныхъ: за лягавую (wyżła) турецкаго коня, нѣсколько тучныхъ быковъ за кречета, лошадей (wozniki) за пару соколовъ. Теперь гончая собака, воронъ, дороже человѣка, купленнаго такимъ сокровищемъ; потому что (странно) за человѣка давали 10 гривенъ; теперь это нѣсколько лучше.

Въ эпоху Клёновича, Збылитовскихъ, Рыбинскихъ замѣчателенъ поэтическій талантъ Подолянина *Адама Чехровскаго*, воинскаго рекрута, какъ самъ онъ себя называетъ, панцырнаго поэта, какъ назвалъ его Войцицкій. Изъ нѣсколькихъ отрывковъ, какіе онъ приводитъ въ 1 томѣ *Исторіи Литературы*, видно, что пѣвецъ *Элегій* (Познань 1597 г.) и *Разныхъ вещей* (Львовъ 1599 г.) въ таборахъ Венгерскихъ и Хорватскихъ, гдѣ онъ служилъ честно, видно, мы говоримъ, что хотя въ продолженіе его жизни не было ему когда забавляться нѣжною лирою при звукахъ военной трубы, но онъ достоинъ однакоже назваться поэтомъ; вотъ военная идилія, — она представляетъ картину истинно польскую, по своей воинственности, чувству и религіозности:

«Powiedz wdzięczna kobzo moja [1]
«Umie-li co duma twoja?
«Cóż może być piękniejszego
«Nad człowieka rycerskiego!
«Cóż nad pograniczne kraje
«Kędy skoro lód rozstaje,
«Ujrzysz pola nieprzejrzane
«Młodą trawą przyodziane:
«Ujrzysz dąbrowy rozwite,
«Ujrzysz ptastwo rozmaite,
«Zwierza stada niezliczone,
«I ryb roje niezłowione:

---

[1] *Переводъ* «Скажи мнѣ моя благозвучная кобза, знаешь ли что твоя гордость? что можетъ быть прекраснѣе воина! Что лучше странъ пограничныхъ, гдѣ коль скоро ледъ растаетъ узришь поля необозримыя, одѣтыя молодою травою, увидишь дубравы развитыя, узришь птицъ различныхъ, стада звѣрей безчисленныя и множество рыбъ не изловимыхъ,

«Gdzie czasem wieśniak ochoczy,
«Lowiąc sieci swoje toczy.
«Tu przez nieminione progi
«Dnieprowy Kozak ubogi
«Czołnem płynie nie bez strachu!
«Ussarz zasię w mocnej zbroi:
«Warownym obozem stoi,
«Który po szczupłym obiedzie
«Straż za razem swą zawiedzie.
«Wtem probuje w kole koni,
«Lub kopiją pierscień goni,
«A kiedy zaś trwoga przijdzie,
«Z brzaskiem z obozu wynijdzie
«Pod swietnemi chorągwiami,
«Głosny trąbą i bębnami.
«Bierzy pochylony lasem
«Dla sławy, dla zysku czasem!
«Tam młódż harce swoje zwodzi,
«A zaś we krwi często brodzi
«Pałasz kładzie w pochwę krwawy,
«Cedząc zaś krew za rękawy
«Drugiego tez bystra strzała,
«W sercu skrwawionem ostała:

гдѣ иногда бодрый поселянинъ закидываетъ сѣть свою для ловли. Здѣсь чрезъ неминуемые пороги бѣдный казакъ Днѣпровскій ѣдетъ въ челнокѣ не безъ страха; гусаръ въ сильномъ вооруженіи стоитъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, и послѣ скуднаго обѣда обводитъ караулъ, или въ кругу пробуетъ коней, или въ кольцо попадаетъ копьемъ, а когда придетъ тревога онъ съ разсвѣтомъ выходитъ подъ хоругвями блестящими, съ громкой трубой и барабанами бѣжитъ по опушкѣ лѣса, для славы, иногда для добычи! Такъ молодежь производитъ свои стычки, и часто бродитъ въ крови. Окровавленную саблю влагаетъ въ ножны, и кровь проходитъ за рукава — иному быстрая стрѣла вонзилась въ окровавленное сердце, третій истоптанный ло-

«Trzeci końmi podeptany.
«Polega czasem bez rany.
«Zatem jedna przełomiona
«Nazad ustępuje strona:
«A zwycięzca niezbłagany,
«W tył srogie zadaje rany!
«A w tem do łupu zebrane
«Rycerstwo zas spracowane,
«Obraca się z trudu swego
«Dając chwałe Bogu z tego,
«Dziękując czasem z wygrania
«A podczas tez więc z przegrania.
«Na jakąż więc stronę stanie,
«Bądz zawsze pochwalon Panie!
«Boże! który masz w swej pieczy
«Ludu rycerskiego rzeczy
«Chudy żołnierz prosi Ciebie
«Odpłać mu te nędzę w niebie.»

Вотъ элегія о непостоянствѣ людей, которую по ошибкѣ иногда очень легко можно принять за пѣснь Кохановскаго.

«Gdy szczęscie służy dobrze, [1]
«Wtęczas przyjaciół szczodrze,

шадьми падаетъ иногда безъ всякой раны. Потомъ одна сторона будучи сломленною подается назадъ, и неумолимый побѣдитель сзади наноситъ ей жестокія раны! А тамъ собралось для добычи рыцарство, возвращается отъ трудовъ своихъ и воздаетъ честь Богу за это, иногда благодаритъ его за побѣду, а иногда и за пораженіе. На какой сторонѣ ни станешь ты, буди вѣчно препрославленъ Господи, Боже! который управляешь дѣлами рыцарскаго народа; бѣдный воинъ уноляетъ Тебя, вознагради его въ небесахъ за всѣ его страданія».

[1] *Переводъ.* «Когда благопріятствуетъ намъ счастье, тогда друзей у

«Jak piasku na morzu, jako i pszczół w roju,
«I jako w oceanie wielkim pełno zdroju.
«Lecz gdy nieszczęscie oczy,
Wnet się każdy odskoczy!
«Gdzie się dom pięknie swieci,
«Tam każdy ptak leci.
«Ale kiedy odarty a szkaradny będzie
«I domowy gołąbek nierad na nim siędzie
«Na szczęscie ci patrzają
«Co z tobą przestawają:
«Lecz gdyby koło ciebie nieszczęscie zagrzmiało
«Żadnegoby na tonczas z tobą niezostało.»

Удивляясь таланту и увлекаясь выразительною воинскою физіономіею Максимиліанова партизана Чахровскаго, въ старомъ продыравленномъ панцырѣ, съ длинными до плечъ окровавленными волосами, мы сердечно сожалѣемъ о томъ, что не имѣя подъ рукою полнаго изданія стихотвореній Чахровскаго, не можемъ дѣлать дальнѣйшихъ наблюденій надъ этимъ интереснымъ поэтомъ.

«Кто въ стихотвореніяхъ привыкъ искать пользы, тотъ читай сочиненія Рыбинскаго». (Tu quicunque soles de carmine querere fructum, lege scripta Ribini); такое Гличнеръ положилъ мнѣніе о поэтическихъ произведеніяхъ Яна Рыбинскаго, увѣнчаннаго поэта, учителя Гданской гимназіи, и королевскаго секретаря въ Торнѣ. Латинскія

насъ много, какъ песку въ морѣ, какъ пчелъ въ роѣ, какъ капель воды въ безмѣрномъ океанѣ. Но когда ты несчастливъ каждый оставитъ тебя! Гдѣ домъ блескомъ сіяетъ, летитъ туда каждая птица. Но если онъ будетъ грязнымъ и оборваннымъ, не охотно сядетъ на немъ и голубь домашній. На счастіе обращаютъ вниманіе, тѣ, которые съ тобой обращаются: но еслибы вокругъ тебя загремѣло несчастіе, никого бы въ ту пору не осталось съ тобою».

его стихотворенія, а между прочими лучшее изъ нихъ *Гимнъ Аполлона и Музъ* (Hymnus Apollonis et Musarum) на возвращеніе изъ путешествія Яна Остророга (Вращлавъ 1583 г.) пріобрѣли ему поэтическій вѣнокъ; Польскія какъ: 1) *Разноструннихъ гуслей* книга 1 (Торнъ 1593 г.), 2) *Въ честь Льва Сапѣги* канцлера В. К. Литов. (Вильно 1607), 3) *Весна* (Торнъ 1609) и 4 *Привѣтствіе* (тамъ же) поставили его по суду современниковъ рядомъ съ Яномъ Кохановскимъ. Но нерадѣніе послѣдующихъ временъ сдѣлало то, что намъ не извѣстны теперь ни обстоятельства жизни, ни подробности поэтическаго вѣнчанія Рыбинскаго. Польскія его произведенія сдѣлались чрезвычайно рѣдки, а латинскія можно сказать совсѣмъ потеряны. Вотъ два образчика стихотвореній Рыбинскаго изъ *Разноструннихъ Гуслей*.

«Promem po zbożopławnej sztyrując Wisłe, [1]
«A k'dąbrowie powoźne kierując dyszle,
«Gdy Tytan wśród nieba stał właśnie w tej dobie,
«Ptaszym głosem ruszony, rzekłem sam w sobie!
«O pławjaczko Sarmacna, Polskich rzek głowo,
«K'rzeczy k'niemym rzeczom przemówić słowo
«Dawnoiby Persa na twarz padł wielobogi,
«I Saracen uzłocił brzegów twych rogi.
«Ty żyta różnoziarne w morski brzeg toczysz,
«A z wszystkokupnym kruszcem nazad k'swym kroczysz

[1] *Переводъ.* «Плавая на пороме по хлѣбоплавной Вислѣ и направляя къ дубравѣ руль когда Титанъ среди неба сталъ тронутый пѣніемъ птицъ, я сказалъ самъ къ себѣ: о, плаваніе Сарматовъ, глава польскихъ рѣкъ (къ дѣлу сказать нѣсколько словъ и къ нѣмымъ предметамъ), давно Персъ многобожный палъ бы ницъ, и Сарацинъ позлатилъ бы рога твоихъ береговъ. Ты разнозерныя хлѣба несешь къ берегу морскому, и назадъ возвращаешься къ своимъ съ металломъ все покупаю-

«Ty szkutę, lichatn, batę, i nawy różne,
«Trafty, komięgi dzwigasz nidgy nie próżne.»

Другой отрывокъ.

«Co za głupstwo sprośne zgoła, [1]
«Mieczem chcący krwawić czoła,
«Drzeć się do cnych Królów koła.
«Nie wiecie zamkochwytowie
«Kto król prawy w mądrych głowie?
«Nie stworzą cię panem skarby,
«Ni drogie szkarlatne farby,
«Ni świetna w czubie korona,
«Ni w posowach złote grona.
«To pan, w kim słuchu ni zdrady
«Nieznasz, a serce bez wady,
«Kto nietle zgubną żądnością,
«Pospólstwu ufa z bacznością
«To król, kto pan w miernym chlebie
«Pompy kładzie niżej siebie,
«Kto nieszczęściu w czas zabiega,
«Smierci ztrach go niedolega.
«Dosć tam państwa gdzie mysl stała,

щикъ, ты барку, плашкотъ, боты, и разныя гребныя судна, плоты и конюги двигаешь никогда не порожніи.»

[1] *Переводъ.* «Какая глупость предосудительная, нечемъ окровавливать чело и стараться стать въ ряду почтенныхъ королей. Вы побѣдители замковъ вовсе не знаете кто король во главѣ мудрыхъ? Не сдѣлаютъ тебя господиномъ сокровища, ни драгоцѣнные багряные цвѣта, ни блестящая на головѣ корона, ни золотые кружки на полу. Тотъ государь, въ комъ измѣны нѣтъ, въ комъ сердце безъ недостатковъ, кто не горитъ пагубною жадностію, и осторожно довѣряетъ простонародью. Тотъ король, кто умѣетъ умѣрять себя и пышность ставитъ ниже себя, кто въ пору предупреждаетъ несчастіе, кѣмъ не обладаетъ страхъ смерти. Довольно господства и тамъ гдѣ мысль неизмѣнна, а сердце не на-

«A serce trwogą nieprała.
«Będzieli to w tobie bracie?
«Jestes pan choć w kmieciej szacie!»

Однофамилецъ Яна, Матвей Рыбинскій, образцовый переводчикъ стихами Псалтиря Давида для употребленія его въ протестантскихъ сборахъ, найдетъ у насъ для себя мѣсто въ ряду переводчиковъ.

Выше обыкновенной посредственности въ латинскихъ своихъ произведеніяхъ поднялся *Шимонъ Пекальскій* (Pekalides) Краковскій академикъ авторъ поэмы *О побѣдѣ Острожскихъ надъ Низовцами подъ Піоктковомъ* (De bello Ostrogiano ad Piantkos cum Nissoviis Crac. 1600) и потерянныхъ, а можетъ быть и непечатавшихся никогда посвященій Тарновскому, о которыхъ онъ упоминаетъ въ предыдущемъ своемъ сочиненіи. Поэма *О побѣдѣ Острожскихъ*, при необыкновенныхъ достоинствахъ поэтическихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ сохранила для насъ любопытныя подробности бунта казаковъ, ихъ нападенія на Волынь, пораженія, договора съ гетманомъ Косиньскимъ, наконецъ смерти послѣдняго. Приведемъ изъ Юшинскаго тотъ отрывокъ изъ *побѣды*, гдѣ авторъ изображаетъ помощь, какую Острогскіе оказывали училищамъ:

(ПЕРЕВОДЪ).

«О славный Острогъ, потому что дали тебѣ это названіе князья, которыми гордится Русь широкая. О достойныя дѣвы съ «береговъ водъ Сицилійскихъ и Либетрійскихъ! Вотъ вижу я «здѣсь лавры, которые геликонъ раждаетъ и воспитываетъ: «башни Острога приготовляютъ достойный престолъ Палладѣ.

ходится въ безпокойствѣ. Если у тебя все это есть братъ, ты будешь господиномъ даже въ крестьянской одеждѣ».

«Цвѣтетъ библіотека собранная съ немалыми трудами, Свя-
«тая Библія распространяется посредствомъ печати, являет-
«ся великое обиліе книгъ. Ликуетъ Апполонъ Гринейскій,
«уходитъ изъ своего острова Тенедоса, оставляетъ Делосъ,
«столь имъ любимый, лиру и колчанъ стрѣлоносный и по
«желанію музъ переноситъ свой храмъ въ Острогъ, котора-
«го не истребятъ вѣчныя времена».

Сынъ и издатель хроники Мартина, *Іоахимъ Бѣльскій*, въ мирномъ убѣжищѣ своемъ въ Бялой занимался поэзіей. Родившись около 1540 г. получивъ воспитаніе въ Краковской Академіи, соединенный дружбою со всѣми тогдашними литературными знаменитостями, по примѣру Кохановскихъ, Тржецѣскаго, Клёновича полюбилъ онъ пѣвчую лиру, а по примѣру своего отца Мартина Бѣльскаго, воспламененный любовію къ списыванію исторіи, передѣлалъ, умножилъ труды сего послѣдняго, и издалъ подъ его именемъ, называя себя только скромнымъ продолжателемъ его трудовъ. Воинъ подъ руководствомъ Баторія, королевскій комиссаръ въ Эльблонгѣ 1577 г., трудившійся въ слѣдъ за тѣмъ въ канцлерскомъ кабинетѣ Петра Дунина Вольскаго, депутатъ въ трибуналѣ и наконецъ хозяинъ въ своемъ родовомъ имѣніи (сконч. 1599) Бѣльскій, въ рѣдкихъ теперь и неимѣвшихъ полнаго изданія своихъ произведеніяхъ польскихъ и латинскихъ, увѣковѣчилъ каждую эпоху своей жизни. Вотъ заглавія его латинскихъ стихотвореній:

1) *Лирическихъ стихотвореній книга одна* (Carminum J. Bielscii liber 1. Крак. 1588 г.), 2) *Стихотвореніе на бракосочетаніе Стефана Баторія съ Анною Ягелло* (Instulae convivium 1576 г.), 3) *Сатира на одного изъ жителей Данцига* (Satyra in quendam Dantiscanus 1577) — отвѣтъ на пасквиль обидный для Поляковъ. 4) *Поздравительное стихотвореніе Петру Дунину Вол-*

скому съ Плоцкимъ епископствомъ (Carmen gratulatorium in ingressum Plocensem etc. 1578), 5) *Стихотвореніе на избраніе Сигизмунда III* (Carmen in Inaugurationem Srmi Sigis III 1589), 6) *Погребальное стихотвореніе на смерть Стефана Баторія* (Naeniae funebris) тоже стихотвореніе къ его племяннику кардиналу Андрею, къ Яну Замойскому, Валтассару Баторію и княжнѣ Гризельдѣ, 7) *Брачное стихотвореніе Сигизмунду III* (Epithatomion 1592 г.).

По польски онъ писалъ: 1) *Меркурія на погребеніе блаженной памяти непобѣдимаго Стефана, короля Польскаго* (Краковъ 1588), 2) На память Якову Струсю старостѣ Хмѣльницкому (1589). «Въ этомъ стихотвореніи (гово-«ритъ М. Собѣщанскій въ предисловіи къ продолженію хро-«ники Бѣльскаго, Варшава 1851 г.), открытіемъ котораго «мы обязаны г. В. А. Мацеіовскому, Бѣльскій описываетъ «кончину Якова Струся, доблестнаго воина, прославившагося «во многихъ стычкахъ съ Татарами, который въ 1520 году, «сдѣлавъ побѣдоносную вылазку противъ Татаръ на Подоліи «и увлекшись побѣднымъ жаромъ въ слѣдъ за бѣгущимъ не-«пріятелемъ, былъ окруженъ имъ и убитъ подъ Воронo-«вомъ. Прекрасно говорятъ это стихотвореніе, особенно же «начало его, которое я выписалъ изъ замѣтокъ, мнѣ сооб-«щенныхъ».

«Slicnza Eruta wezmij cytrę złotą, [1]
«A ja przy cytrze zaspiewam z ochotą,
«O sławnym mężu co oto na czele;
«Dał gardło smiele.

[1] *Переводъ.* Прелестная Эрута, возьми цитру златую, а я при цитрѣ заною охотно, о славномъ мужѣ, который во главѣ другихъ сложилъ свою голову.

«Безъ сомнѣнія кто писалъ столь прекрасные стихи, до-«женъ былъ писать ихъ больше», далѣе говоритъ Собѣщанскій и Яноцкій въ своемъ сочиненіи: *Specimen Catalogi codicum manuscriptorum biblioth. Zaluscianae* свидѣтельствуетъ, что не изданные польскіе стихотворенія Іоахима Бѣльскаго и другихъ поэтовъ, списанные изъ библіотеки свящ. Паулиновъ Ченстоховскихъ, находились въ собраніи книгъ Залусскихъ. Какъ бы то ни было, оплакивая потерю польскихъ стихотвореній І. Бѣльскаго, здѣсь мы приводимъ два образца изъ латинскихъ его произведеній, не отличаются они ни живостію воображенія, ни возвышенностію мысли, или живымъ блескомъ цвѣтущаго слова, но при всемъ томъ дышатъ сладостію, нѣжностію и необыкновенною легкостію.

(ПЕРЕВОДЪ).

КЪ СТАНИСТАВУ КАРСНИЦКОМУ.

«Snadz mój Karsnicki jam winien u ciebie: [1]
«Ty poswięcony ojczystej potrzebie,
«Gdzie zdradnez gzliszce, gdzie ogien w popiele
«Tam stąpasz smiele
«I miłe lasy i Dryady hoże
«Nie cię w zapale zatrzymac nie może,
«Jako gorejesz k'pospolitej—rzeczy
«Któż ci zaprzeczy?

---

[1] *Переводъ.* Мой Карсницкій видно я виновенъ предъ тобой: ты посвятилъ себя отечеству и смѣло идешь на тлѣющій подъ золою огонь.

И милыя рощи и рѣзвыя друиды—ничто не можетъ удержать тебя когда ты занятъ дѣлами общественными. И кто же удержитъ тебя?

«A ja w te czasyz buz i niepogody
«W mym Bielskim domku nad strumieniem wody,
«W błogosławionych gaikach mej niwy
«Siedzę leniwy.
«I wemnie grało rycerstwo Marsowę
«Już hełm z piórami włożyłem na głowe,
«Miecz przypasałem zwarłem piersi moje.
«W blaszanę zbroję.
«Ale mię dziewa Helikonskiej strony
«Wstrzymała mówiąc:» gdzie idziesz szalony?
«Czy miłość piosnki, czy już nic nie znaczy,
«Twój dar spiewaczy:
«Straszny rycerzu! niechaj ci się nieśni
«Byś łamał wiarę Febowi i pieśni,
«Niesmiej przenosić zwycięstwa nietrwałe
«Nad wiezsczów chawłę.
«Czy większa Troja co w popiołach tleje,
«Czy większy Homer co spiewał jej dzieje,
«Łabędz Sarmacki już świeci w tej porze
«Pomiędzy zorze.
«Apollo, rzekłem, niegardzi oręża,
«Gra na cytarae i łuk svoj natężą,

Я въ эту пору бурь и непогодъ, въ моемъ Бѣльскомъ домикѣ надъ ручьемъ, въ благословенныхъ рощахъ сижу лѣниво.

И во мнѣ игралъ бранный духъ Марса, уже шлемъ съ перьями я надѣлъ на голову, мечемъ препоясался, грудь заключилъ свою въ желѣзную броню.

Но дѣва изъ страны Геликонской меня удержала, говоря: «куда идешь безумецъ?» А любовь къ пѣсни, или уже ничего не значитъ талантъ твой, пѣвца?

Рыцарь ужасный! пускай тебѣ не грезится сломить Феба и его пѣсни. Не смѣй предпочитать непостоянныя побѣды славѣ поэтовъ.

Больше ли Троя, которая лежитъ въ развалинахъ, или Гомеръ, который пѣлъ ея исторію; лебедь Сарматскій уже сіяетъ въ эту пору между звѣздами.

Аполлонъ, сказалъ я, не презираетъ оружіе, играетъ на цитрѣ и

«A nawet słodka uczona Pallada
«Zbroić się rada!
«Muza co w krwawym niesmakuje trudzie,
«Pierzchła ode mnie, lecz my biedni ludzie,
«Co jeno myslim, juz zaraz się poda —
«Jakaś przeszkoda.
«Zaledwie zbrojno próg domu przechodzę,
«Moja mi Anna stanęła na drodze:
«Jak gałęź pluszczu wije się jak może,
«Na swej podporze.
«Tak na mej szyi zawisła w tej chwili,
«Z nią niemówlęta synaczkowie mili,
«Na rękach Stefan, a mały Jaś bieży
«Przy jej odzieży.
«O zorzo moja... porzucasz mię zgoła!»
«Tak płacząc biedna niewiasta zawoła.
«Jam okamieniał bo miękkie niestety,
«Serce poety!
«Cyrce, kalipso, czarodziejka czuła,
«Do scian domowych rycerza przykuła.
«I jak Syrena w niewoli mię trzyma,
«Swemi oczyma.

лукъ свой натягиваетъ, даже ученая Паллада любитъ вооружаться.

Муза, которая не любитъ трудовъ кровавыхъ, отъ меня ушла, но ни бѣдные люди, о чемъ ни подумаемъ, сейчасъ предстáвится тому какое нибудь препятствіе.

Едва я въ оружіи порогъ преступаю, моя Анна на дворѣ предстала какъ вѣточка плюща вьющаяся около дуба.

Такъ на моей шеѣ повисла она, а съ ней младенцы, милые дѣти, на рукахъ Стефанъ, а Яшъ бѣжитъ держась за ея платье.

«О, свѣтъ мой... меня ты совсѣмъ оставляешь!» Такъ съ плачемъ взываетъ бѣдная дѣва. Я окаменѣлъ, потому что увы! мягкосердце имѣю.

Цирцея, Калипсо, нѣжная волшебница къ домашнимъ стѣнамъ приковала рыцаря, и какъ сирена держитъ меня въ неволѣ своими очами.

Къ графу Станиславу изъ Гурки.

Oto na ziomków bcrócił Sarmata, [1]
Graf co miał razić gnębicelów świata,
Brat zbrojny czyha na braterskie zdrowie,
Na własnych dziadów srożą się wnukowie.
Nie tak się wasni dzikich lwów gromada,
Nie tak się wściekle wilk z wilkiem ujada
Jako Sarmaci—Sroga nasza wina!
Kiedy Bóg wojną domową przeklina.
Krew bratnia płynie jako bystra rzeka,
Bezbożny Turczyn cieszy się zdaleka.
Rzym niegdyś szczęsny zginął pod tą plamą,
I sławne Teby runęły tak samo.
Czyż można patrzeć ze zrzenicą suchą,
O zacny Hrabio! o nasza otucho!
Kiedy winnica najlepszej nadzieje
Ścięta żelazem bez plonu zmarnieje,
Tak płaczem patrząc na wojen żarzewie
O krwi szlachetna! hamuj się w twym gniewie.
Zacóż ta klęska i cierpień gromada
Na głowę ludu niewinnego spada?
Za grzechy wielkich i możnych współbraci,

---

[1] *Переводъ.* Вотъ на земляковъ своихъ поднялъ руку Сарматъ, графъ, который долженъ поражать порабощителей міра; братъ вооружился на братьевъ, внуки возстаютъ противъ собственныхъ дѣдовъ. Не такъ мечется толпа дикихъ львовъ, не съ такимъ остервенѣніемъ волкъ нападаетъ на волка, какъ мы Сарматы — ужасна вина наша! Когда Богъ проклинаетъ насъ наказываетъ войной междоусобной, кровь братняя течетъ рѣкою, безбожный Туркъ радуется со стороны. Римъ нѣкогда счастливый погибъ подъ этимъ пятномъ, и славные Ѳивы разрушились также. Можно ли смотрѣть на это съ сухими глазами, о графъ почтенный! надежда наша! Это подобно виноградинку, который будучи срѣзанъ, пропадетъ безплодно. Такъ смотри со слезами на зарево брани, кровь благородная! обуздывай свой гнѣвъ. За что это бѣдствіе и громада страданій упадетъ на главу невиннаго народа? За грѣхи великихъ сильныхъ со-

Gmin łzy wylewa albo życiem płaci,
Za smierc Patroblo Achill rozgniewany,
Tak się morderczo pastwił nad Trojany.
Zaklinam ciebie na ojczyste Bogi
Rzućcie mysl straszną, rzućcie gniew złowrogi,
Zastaw nad nami swą pawęż ochrónczą,
Niech Polskie miecze krwi Polskiej nie sączą.»

Теперь мы готовимъ къ печати полный переводъ стихотвореній Бѣльскаго, тамъ и въ этой книгѣ, когда далѣе будемъ говорить объ историкахъ, мы остановим-ся на Іоахимѣ Бѣльскомъ.

По порядку нашего разсказа приступая теперь къ знаменитѣйшему изъ польскихъ поэтовъ временъ Сигизмунда III, *Станиславу Гроховскому*, соберемъ въ одно цѣлое все, что о немъ сказано: у Юшинскаго, Вишневскаго, Крашевскаго, а особенно у В. А. Мацеіовскаго; отъ себя же мы ничего не можемъ прибавить къ этимъ просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіямъ о Гроховскомъ. Повторимъ, что годъ рожденія его неизвѣстенъ, что въ 1588 г. онъ первый разъ выступилъ на литературномъ поприщѣ, что онъ былъ Крусьвицкимъ настоятелемъ, что проживая въ своихъ *Пѣукахъ*, селѣ, принадлежавшемъ къ Бреславской эпархіи, прославился тамъ весьма хорошими *славянскими* стихами, что духовные и свѣтскіе магнаты Дзіалынскій, Тылицкій, Шишковскій, Мацеіовскій и іезуиты платили ему родъ жалованья, что онъ

братій народъ проливаетъ слезы или платитъ жизнію, за смерть Патрокла разгнѣванный Ахиллъ такъ же убійственно мстилъ Троянцамъ. Я заклинаю тебя Богами отечества, брось страшную мысль, брось гнѣвъ зловѣщій, оставь надъ нами свой щитъ охранительный, пускай мечи Польскіе не проливаютъ польской крови.

былъ другомъ и сподвижникомъ послѣднихъ, что за стихотвореніе *Бабій кругъ* (Babie koło), въ которомъ онъ критикуетъ польскихъ епископовъ, его преслѣдовалъ Плоцкій епископъ Барановскій; что свящ. Гроховскій въ 1608 году былъ уже старикомъ, что онъ по догадкамъ нѣкоторыхъ скончался въ 1612 г. и т. д. Не станемъ останавливаться надъ этими подробностями, извѣстными уже изъ другихъ источниковъ, потому что біографическія описанія входятъ въ предѣлы нашего сочиненія на столько, на сколько проливаютъ онѣ свѣта на направленіе, стремленіе и талантъ писателя.

Гроховскаго можно упрекнуть въ томъ, что онъ не имѣлъ воображенія, развитаго въ высокой степени, что онъ заимствовалъ многое у писателей классическихъ, что вдохновеніе у него часто замѣняли поэтическіе *заказы*, какіе онъ получалъ отъ іезуитовъ, что излишне острою сатирою не разъ быть можетъ преступалъ правила приличія, но нельзя отвергать того, что нѣжностью, гладкостію и ясностію выраженій онъ оказалъ не малыя услуги языку содѣйствуя его обработкѣ, что онъ принадлежитъ къ числу любимѣйшихъ поэтовъ польскихъ, и поистинѣ достоинъ того, чтобы церковныя пѣсни въ его переводѣ и теперь еще пѣлись въ польскихъ святыняхъ. Вотъ перечень многочисленныхъ поэтическихъ произведеній Гроховскаго съ извлеченіемъ изъ нихъ отрывковъ. Стихотворенія эти частію составляютъ собраніе подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Священника Станислава Гроховскаго и другія избранныя сочиненія* (Księdza Stanisława Grochowśkiego wierze i inne pisma coprzebrańsze. Краковъ 1604), частію были издаваемы отдѣльно. Сюда прежде всего принадлежитъ множество духовныхъ стихотвореній; какъ то: 1) *Гимнъ или пѣснь составленная двумя великими учителями, св. Амвросіемъ*

и Августиномъ (Hymn albo pieśń od dwóch wielkich doctorow Ambrożego i Augustyna S. złożona Te Deum laudamus). 2) *Церковныя пѣсни по образцу псалмов* (Pieśni kościelne na wzór psalmow 1608). 3. *Церковныя пѣсни изъ Римскихъ служебниковъ* (Hymny kościelne z brewiarzow Rzymskich 1598 г.). 4) *Церковная проза, гимнъ св. Казимира королевича Польскаю* (Prozy kościelne, hymn Kazimierza s. królewica Polskiego—Omnidie die Mariae). *Пятьдесятъ пунктовъ размышленія о страданіяхъ Христовыхъ* (Pięćdziesiąt punktow rozmyslania męki Jezusowej 1611). 6) *Іерусалимская процессія* (1607). 7) *Жизнь св. покровителя Польши Станислава* (Życie Patrona s. Stanislawa 1604). 8) *Св. Цецилія* (1599). 9) *Ежедневныя упражненія христіанской души* (Codzienne cwiczenie chrescianskiej dusze 1615). 10) *Способъ размышленія о страданіяхъ Спасителя* (1608). 11) *Подраженіе І. Христу* изъ Ѳомы Кемпійскаго стихами и т. д. Отличительною чертою этихъ произведеній служитъ благочестіе, стихъ гладокъ, риѳма большею частію изыскана, правильность и пѣвучесть равна древней простотѣ. Еще и теперь въ нашихъ молитвенникахъ есть пѣсни переведенныя Гроховскимъ, которые не смотря на свою древность могутъ еще выдержать сравненіе съ позднѣйшими переводами. Укажемъ здѣсь только на стихотвореніе извѣстное всему христіанскому міру «*Dzień on dzień gniewu Pańskiego*» (День гнѣва Господня) дышащее простымъ, не протекающимъ до глубины души чувствомъ, стихотвореніе, по преданію написанное однимъ преступникомъ, осужденнымъ на смерть, и буквально переведенное нашимъ Гроховскимъ съ величайшею легкостію и сохраненіемъ красокъ оригинала. Еще сочиненія Гроховскаго: 12) *Вертоградъ или цвѣты духовныхъ пѣсней* о

ождествѣ I. Христа, съ латинскаю (1607). Здѣсь мы риводимъ нѣсколько образцовъ гладкости и нѣжности ольскаго языка, читая которыя не хочется вѣрить, чтобы *Чертоградъ* былъ писанъ въ XVII вѣкѣ.

«Zbywszy próżnych mysli z głowy [1]
«Szedłem w gaj blizki lipowy,
«Gdy tam rymy tworzę sobie
«O twej matce i o tobie:
«Ten szczygieł do mnie przyleciał
«Więc gdy mi na ramię wzleciał:
«Pocznie śpiewać: w. tem do niego
«Tak rzeknę śpiewającego.
«Czego chcesz ptaszku pisany
«Płaszczykiem pstrych pior odziany?
«On tak powie, proszę Panie,
«Niech to mam zawsze śpiewanie:
«Weź mię a zanieś do swego.
«Jezusa i matki jego,
«Zanieść małego szczyglika,
«A oddaj mię za muzyka.
«Niechaj słucha obu naju,
«Lepiej nam tam niż tu w gaju.
«Sam do Jezusowej ręki,

[1] *Переводъ.* Освободившись отъ пустыхъ мыслей, я шелъ въ близкую липовую рощу, и тамъ составлялъ рѣчи о твоей матери и о тебѣ: ко мнѣ прилетѣлъ чижикъ, и когда онъ сѣлъ у меня на плечѣ, и сталъ пѣть, я такъ сказалъ ему поющему: чего ты хочешь писанная птичка, одѣтая плащемъ пестрыхъ перьевъ? Онъ такъ отвѣчалъ: господинъ, предоставь мнѣ всегда пѣть эту пѣсню; возьми меня, снеси къ твоему Христу и его Матери, меня малаго щегленка, отдай меня имъ въ пѣвцы. Пусть оба насъ слушаютъ, имъ тамъ лучше, тѣмъ здѣсь въ рощѣ. Самъ къ рукѣ Христовой летать стану, и изъ благодарности

«Będę latał i przez dzięki:
«Pod stołoczkiem tej dziecinki
«Będę zbierał odrobinki,
«I pić z kieliszeczka jego,
«Będę się ważył u niego.
«A niechcę służyć inszemu
«Do mej smierci tylko jemu.
«Choć by też czem urażony,
«Kazał mi lecieć w swe strony,
«Wolę go raczej przeprosić,
«Niżli się indziej wynosić
«A tak Jezu ptaszka tego
«Dajęć dziwnie powolnego,
«Gdy chcesz miéj za muzyka
«Gdy chcesz miej za służebnika.

Иной отрывокъ.

«O wdzięczne wód szeptanie,
«Wdzięczne zdrojów gadanie:
«Smaczno brzmiące strumyczki,
«Gdy o drobne kamyczki
«Płynąc się, odtrącacie,
«Zkąd słodki wdzięk działacie.
«O przyjemny wiatreczku,

подъ столикомъ этого ребенка буду подбирать крошки, и пить изъ его чашки. И нехочу служить другому до моей смерти, только ему одному. Хотя бы чѣмъ-нибудь оскорбленный велѣлъ онъ летѣть мнѣ на свою сторону, я лучше хочу передъ нимъ извиниться, чѣмъ улетѣть отъ него куда-нибудь. Эту дивно послушную птичку я даю тебѣ Іисусъ, пользуйся имъ какъ музыкантомъ, или какъ служителемъ.

О милый шопотъ водъ, милый говоръ источниковъ: Сладко звучите ручейки, когда мелкіе камни плывя отталкиваютъ другъ друга и тѣмъ вызываютъ сладкій звукъ. О пріятный вѣчерокъ, который въ темной

«Co więc w ciemnym gajeczku
«Głoseczkiem się odżywasz,
«Gdy listeczki przewiewasz:
«O szemranie łagodne —
«Dzwoneczkowi podobne,
«Którym się odzywacie
«Gdy wdzięczny miód zbieracie
«Sen rodzące, pszczołeczki,
«Przez cieniuchne głoseczki!
«Przez was trudów człek zbywa,
«Gdy w drodze odpoczywa:
«Bo w to trafić umiecie,
«Iż go łacno uspicie:
«Trudy pracę w nim gładząc,
«Dosnu wdzięcznego radząc.»

13. Славянская Каллiопа Сигизмунду III (Краковъ 1608 г.). Въ этомъ стихотвореніи изображая политическое состояніе Польши, поэтъ высказываетъ поздравленія и добрыя предзнаменованія Сигизмунду III. О прекращеніи дома Ягеллоновъ онъ говоритъ такъ:

«Poległo drzewo i rozkrzewiony. [1]
«Pień z gruntu usechł: i nieprzepłacony.
«Kwiat się z gałązki obumarłej zjawił
«A smutnę wdowę pociechy nabawił.»

рощицѣ голосомъ отзываешься, когда развѣваешь листочки: о шопотъ кроткій, подобный колокольчику, которымъ вы отзываетесь, когда сладкій медъ собираете, сонъ наводящія пчелки, своими тоненькими голосками! чрезъ васъ человѣкъ освобождается отъ трудовъ, когда отдыхаетъ на пути: потому что вы умѣете сдѣлать то, что его легко усыпляете: усыпляя въ немъ труды и утомленіе и располагая къ пріятному сну.»

[1] *Переводъ* «Упало дерево, и развѣтвленный пень изсохъ до основанія и неоцѣненный въ омертвелой вѣтви явился, и радостію исполнилъ грустную вдову.»

В. Алекс. Мацеіовскій въ С. Петербургской Императорской Библіотекѣ нашелъ стихотвореніе съ музыкою подъ заглавіемъ (14) *Пѣснь Славянской Каллiопы*, прекрасный стихъ и поставленныя на немъ буквы С. Г. заставили его догадываться, что оно принадлежитъ Гроховскому. Онъ приводилъ начало V пѣсни:

«Głosnem zwycięztwem głosná Kalliope moja, [1]
«Czas isć do hetmanskich drzwi sławnego podwoja,
«Bądz on tam gdzie głodny zwierz, z kniejów swych wychodzi,
«Na jaki obłów nowy, ojczyznie swej godzi,
«Bądz on na powierzonej hetmańskiej strażnicy,
«Wyniesione ku górze proporce swych liczy:
«A ręku w nieprzyjaciel wstydem ogarniony,
«Od siebie zgotowanem sidłem potargniony.
«Bądz go różanousta Gryzella zabawja
«Gdy o smutno—przeszłych dniach przed mężem rozprawja.»

Въ стихотвореніи *Голубекъ или дѣянія и его-бсзсмертная смерть* (Holubek albo dzieła i smierć nieśmiertelna jego). Гроховскій такъ воспѣваетъ дѣянія и богатырскую смерть Гавріила Голубка подъ Бучиномъ 1588.

«Hołubku niewysłowiony, [2]
«Pod Byczyną postrzelony!
«Miej ten dank między mężnemi,
«Dla ojczyzny poległemi:

[1] *Переводъ.* Громкой побѣды громкая моя Калліопа, пора уже идти къ гетману въ дверь славной палаты, будь онъ хоть тамъ, гдѣ звѣрь голодный выходитъ изъ своей чащи, или побѣду своему отечеству готовитъ, будь онъ на ввѣренной ему гетманской башнѣ, и считая высоко поднятыя знамена своихъ рукою указываетъ на врага, объятаго стыдомъ и разбитаго. Или багряноустая Гризельда его забавляетъ, когда разсказываетъ о грустно-печальныхъ дняхъ прошедшаго.

[2] *Переводъ.* Голубекъ несказанный, убитый подъ Бучиномъ! Прими эту благодарность вмѣстѣ съ твоими товарищами, падшими за отечество.

«Zabiteś, lecz niezabita
«Sława twoja się rozkwita,
«Która, poki swiata, nigdy.
«Od czasu, nieuzna krzywdy
«Odleciałeś towarzystwa
«I rycerskiego myśliwstwa,
«Krew ojczyźnie ofiarując
«Gardłem wolność zastępując.
«Ale, i smiertelne skrzydła,
«Był czas, gdy nieznali siła,
«A gdzieś pioro ranił z siebie,
«Tam w net było po *potrzebie*.
«Pióra, były strzały one,
«I kule nieuchronione,
«*Paznogty* ani *gryffowie*.
«Tak ostre szable gotowe.
«Twe *półhaki*, twe *rusznice*
«By ogromne łyskawice,
«Strach przed sobą prowadziły
«A z Niemców trupy czyniły.
«Same u *Rabsztyna* skały,
«Zdumjawszy się, oglądały
«Dzielnych Kozaków twych rotę,
«I krwawą rąk ich robotę.
«Tam łup nieoszacowany,

тебя убили, но не убитая слава твоя расцвѣла, и пока стоитъ свѣтъ, никогда не будетъ обижена временемъ. Ты улетѣлъ отъ насъ, жертвуя кровью за отечество, головою защищая свободу. Но было время, когда и смертныя крылья не знали себѣ силы, и гдѣ терялъ изъ себя перо, тамъ вдругъ перья эти превращались въ стрѣлы и пули отъ которыхъ неуберечься. Какъ когти не грифовъ были остры всегда готовыя сабли, твои ружья и пищали, какъ молніи распространяли предъ собою страхъ и Нѣмцевъ дѣлали трупами. Самые скалы у *Рабштыка* съ изумленіемъ осматривали роту твоихъ доблестныхъ козаковъ и кровавое дѣло ихъ рукъ. Тамъ несоцѣненная добыча, добыта рыцарскимъ

«Rycerskiem dziełem dostany.
«Jako órzeł między ptaki,
«Miotałeś między junaki:
«Widząc nieprzyjaciel twoję,
«I silną i mocną zbroję,
«Przewabiał się z gołębińca
«Roty potężnej *Hodyńca*:
«Lecześ odmawjał w te słowa:
«Próżno to Niemcy namowa,
«Darmo tu zdradzić patrzacie,
«Już wszystkich u siebie macie
«Tak mówił mąż zawołany
«Miłością cnoty pijany,
«Drugi Słowianski Scewola,
«*Kozak* sarmackiego pola.
«A potem w sławnej potrzebie,
«Na czoło stawił sam siebie;
«Tamże pięknej sławy syty,
«Upadł s *półhaku* zabity.
«Nie tak traci swej ozdoby
«Ciało zemglone z choroby,
«Jako w tęczas siły zbyła
«Rotą, gdy wodza straciła
«Tak się rozprasza nierado
«Kiedy wodza zbędzie, stado,

подвигомъ, какъ орелъ между птицъ ты кидался межъ воиновъ: непріятель видя твое сильное и крѣпкое оружіе заналивалъ къ себѣ сильную роту *Одынца:* но ты отвѣчалъ такими словами: напрасно Нѣмци ваши уговоры, напрасно здѣсь ищете измѣны; такъ говорилъ мужъ, проникнутый любовію къ добродѣтели, второй славянскій Сцевола козакъ изъ сарматскаго поля. И потомъ въ славной битвѣ, во главѣ ты являлся самъ; такъ же насыщенный славою, упалъ убитый пулею. Не такъ теряетъ свое украшеніе тѣло истощенное болѣзнію, какъ на ту пору потеряла силы рота, когда лишилась вожда. Такъ не радостно рас-

«Idzie powiesiwszy rogi
«Różnym torem w błędne drogi.

«Hołubku! sławny rycerzu,
«Póki żywioły w przymierzu,
«I dokąd słońca na niebie,
«Nieprzepomną w Polsce ciebie!
«Tej dzielności, w on wiek złoty.
«Zarzuciwszy swej pieszczoty
«Pilnowali ludzie młodzi,
«Za takiem dziełem cześć chodzi:
«Taką pracowitą cnotą,
«Polska młodź kiedyś z ochotą,
«Brzegi swę przez mężne boje,
«Wiodła pod morza oboje.»

Въ 16—*Жалобѣ ночнаго сна* (1598) поэтъ жалуется Сигизмунду III на то, что въ шумномъ Краковѣ мирному человѣку заснуть нельзя, благодаритъ за утвержденіе безопасности и т. д. 17. Въ *Плянкляхъ* (1609) оплакиваетъ кончину королевы Анны Австрійской, въ 18. *Тѣни королевича* раздѣляетъ отеческую скорбь Сигизмунда III о потерѣ новорожденнаго сына; въ стихотвореніи 19. *Пробужденный Августъ Ягелло* (1603 г.), желая опровергнуть нѣкоторыя упреки Варшевицкаго этому монарху, выводитъ Сигизмунда Августа явившимся Сигизмунду III и разсказывающимъ событія своего царствованія.

падается стадо когда теряетъ вождя, и повѣсивъ головы различными путями пускается по невѣримъ дорогамъ.

Голубекъ! рыцарь знаменитый, пока стихіи покойны, и солнце на небѣ,—не забудутъ тебя въ Польшѣ! Такой доблести, въ тотъ вѣкъ золотой, отбросивъ изнѣженность, держались молодые люди; таковы были подвиги достойныя славы, такою трудолюбивою добродѣтелью, и славными битвами польская молодежь нѣкогда расширила свои предѣлы до обоихъ морей.

* *
*

20. *Надгробная память Анне Фальковичъ* (1604) и 21. *Слезы горести по кончине вѣчной памяти достойнаго канцлера Яна Замойскаго* ставятъ Гроховскаго на ряду съ знаменитѣйшими элегическими писателями. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этого послѣдняго произведенія.

«Przeniknąłes obłoki orle górno—lotny, [1]
«Pod którego skrzydłami szedł żołnierz ochotny
«Pewien swego obławu, bo gdzie jedno leciał,
«Bez sławy, bez korzysci nigdys nie przyleciał.
«Płaczcie go i uczeńi, płacz rzewliwie i ty
«Symonie Symonida pismem znakomity:
«Twoj z serca pochodzacy żal i smutne pienie,
«Wierzę, wzruszy opoki i twarde kamienie.»

Это воззваніе къ Сигизмунду напоминаетъ намъ имя Симона Шимоновича Бендонскаго, литературное поприще котораго намъ слѣдуетъ теперь пройти по порядку.

Родившись въ 1558 г. въ скромномъ мѣщанскомъ посадѣ въ Львовѣ, отъ отца не шляхтича и кажется Армянина Симона, Ратмана изъ Бржезань, подъ руководствомъ Якова Гурскаго въ Краковской Академіи, а потомъ кажется за границею, Шимоновичъ взлелѣялъ въ груди своей любовь къ поэзіи и посвятилъ себя исключительно званію литератора, къ чему давало ему возможность скромное, но достаточное состояніе его отца. Если Кохановскій былъ образцомъ польскаго шляхтича, то Шимоновичъ представляетъ намо привлека-

---

[1] *Переводъ.* Ты проникнулъ въ облака орелъ высоколетный подъ крыльями котораго шелъ охотно воинъ увѣренный въ своей силѣ, потому что куда летѣлъ, никогда не прилеталъ ты безъ корысти, безъ пользы. Плачьте о немъ ученые, плачь горько и ты Симонъ Симонида знаменитый писатель, твоя сердечная скорбь и грустная пѣснь, и увѣренъ, тронетъ скалы и твердые камни.»

тельный, почти идеальный типъ состоятельнаго мѣщанина того времени, избравшаго музу единственною цѣлію своей жизни. Посмотримъ на эту мирную усадьбу, окруженную сливами и яблонями на Галицкомъ предмѣстіи Львова; ее украшаютъ не гербы, но достатокъ и уваженіе людей. Добрый отецъ, убѣленный сѣдинами, скупой старикъ Симонъ Ратманъ Бржезанскій, сынъ, поэтъ возвышенный и вмѣстѣ сладкозвучный, славный и почтенный въ мірѣ, Симонъ Симонидесъ, который для книгъ и пера отрекся, подобно монаху, отъ брачныхъ узъ, дочь — видно дѣвица рѣдкой красоты и ума, если на ней женился одинъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ той эпохи Адамъ Варскій, профессоръ сначала Краковской, а потомъ Замойской Академіи—вотъ патріархальное семейство, въ которомъ мы слѣдимъ за нашимъ поэтомъ, не съ меньшею занимательностію, какъ мы слѣдили за Яномъ Кохановскимъ, подъ его историческою липою въ Чернолѣсьи. Въ этомъ домикѣ Симонъ Шимоновичъ еще отрокъ составляетъ уже не лишенныхъ достоинствъ латинскіе стихи, подобныя *Станиславу убитому* (Stanislaus Caesas), которые въ лѣтахъ уже преклонныхъ онъ подарилъ на память Гурскому, или подобныя тѣмъ *Naenia funebris de morte Jacobi Gorscii* (Надгробный плачъ по смерти Якова Гурскаго 1586), въ которыхъ осемнадцатилѣтній юноша, обращая рѣчь свою къ Станиславу Соликовскому, знаменитому королевскому проповѣднику и богослову, утѣшаетъ его въ потерѣ ученаго друга словами, которыя вмѣстѣ открываютъ и душу и прекрасный въ будущемъ талантъ поэта. Библія, сочиненія Грековъ и Римлянъ, изъ которыхъ идилліи Мосхуса и Виргилія наиболѣе гармонируютъ съ юнымъ сердцемъ поэта—вотъ любимое занятіе Симона, вотъ образцы, по которымъ онъ совершалъ дѣло своего образованія. Мы не мо-

жемъ ручаться за то, чтобы сердце, которое онъ посвятилъ только Богу и музамъ не влекло его въ водоворотъ слабостныхъ прелестей міра, чтобы горячая кровь не выступала на борьбу съ умомъ и чистою душею Симона? Напротивъ слѣды подобной борьбы мы кажется открываемъ въ латинскомъ его произведеніи *Castus Joseph* (Непорочный Іосифъ—содержаніе взято изъ библіи, въ тип. Лазаря 1587 г.). Это произведеніе юношескаго еще пера, но въ немъ видна рука мастера, которая изображала эти лица, видно, что углублялся въ чувства тотъ, кто рисовалъ ихъ душу. Въ образецъ приведемъ два отрывка изъ него, вотъ сонъ Іосифа.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Straszna noc ciemna, straszny sen młodzienczy, [1]
«Straczna bezsęnność co w nocy mię dręczy!
«Bòg mię nie kocha, zgubionym zostanę,
«Widma okropne nigdy niewidziane
«Widziałem we snie na samym rozswicie.
«Śniłem żem ptaszek skrzydłaty i biały,
«Śnieżnemi pióry po jasnym błękicie,
«Latałem wesoł. W tem z urwistej skały
«Zerwał się jastrząb i niespostrzeżony
«Nawskróś mię przebódł drapieżnemi szpony,
«Uniósł i rzucił gdzieś w podziemne morze.
«Straszne i brzydkie gdziem jęczał boleśnie.

---

[1] *Переводъ.* Страшна темная ночь, страшенъ сонъ юноши, страшна безсонница, которая мучитъ меня ночью! Богъ не любитъ меня, я погибъ, привидѣнія ужасныя, никогда невиданныя я видѣлъ во снѣ и самомъ разсвѣтѣ. Мнѣ снилось, что я былъ птицей крылатой и бѣлой, на снѣжныхъ крыльяхъ леталъ веселый по ясной лазури. Вдругъ со скалы обрывистой поднялся ястребъ и наскозь пронзилъ меня хищными когтями, унесъ и бросилъ куда-то въ подземное море—страшное и дурное, гдѣ я сильно стоналъ. Чувствую, что не спалъ я, потомъ

«Czuję żem niespał, bo nigdy człek weśnie
«Całemi pierśmi tak boleć niemoże—
«Pot mię opływa jakby lodem chłodnie
«A pierś zaparta niedycha swobodnie,
«Rwę sią z poscieli—i w rzewnej podzięce.
«Wznoszę ku Bogu błagające ręce,
«By ulżył myślom co dręczone śrogo,
«Czarnym przeczuciom odjąć się nie mogą.»

А вотъ другой отрывокъ изъ той же поэмы, который даетъ понятіе о Шимоновичѣ, какъ о поэтѣ лирическомъ.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Wznoszę się myślą od ziemi, [1]
«Gdzie gwiazdzisty przybytek, gdzie rąk Bożych praca,
«Jak tam kręgi mierzonemi,
«Wszystko idzie i powraca.
«Gasi słońce noc bezbrzeżna,
«Spędza ciemie jutrznia wschodu,
«Ciepło kruszy pęta lodu,
«Pierzcha przed niem zima snieżna.
«I przy słodkiej piesni głosie
«Widzisz z kwieciem wiosnę młodą,

что во снѣ никогда человѣкъ не можетъ страдать такъ цѣлою грудію. Я обливался потомъ холоднымъ какъ ледъ, а грудь стѣсненная не дышитъ свободно, вырываюсь изъ постели и съ чувствомъ благодарности воздѣваю къ Богу умоляющія руки, чтобъ онъ мысль облегчилъ, которая въ суровомъ стѣсненіи не можетъ не предаваться черными предчувствіями.

[1] *Переводъ.* «Возношусь мыслію отъ земли туда, гдѣ звѣздное жилище, гдѣ труды рукъ Божіихъ, гдѣ кругами измѣренными все идетъ и назадъ возвращается. Тушитъ солнце ночь безпредѣльная, тѣнь прогоняетъ денница востока, теплота сокрушаетъ узы льда, бѣжитъ отъ нея снѣжная зима. И при сладкихъ звукахъ пѣсни видишь въ цвѣтѣ юную весну, лѣто украшенное колосьями, осень съ ягодами и плодами. За ней идетъ бѣ-

«Lato strojne w piękne kłosie,
«Jesień z jabłkiem i jagodą.
«Za nią idzie biała zima
«Aż ją słońce rozegrzeje,
«Tym się kształtem wszystko trzyma
«I pilnuje swej koleje.
«Jest Opatrzność widzę Bozka
«Nad rzeczami znikomemi,
«Nad przyrodą Pan się troska
«Więc bezpieczno mi na ziemi.
«Sprawy świata badam zblizka,
«Badam ludzi i losów ustawiczną wojnę,
«I na fortuny igrzyska
«Zwracam oko niespokojne.
«Występni broją bezkarnie,
«Cierpią cnotliwi i czyści,
«Zły człowiek do siebie garnie
«Wszystkie skarby i korzysci
«Na łup przemocy, obłudzie,
«Cnotliwych a słabych kładną;
«Strach mię ogarnia—bo ludzie
«Świat zburzą i sami padną.

Эти образцы, открывавшіе блестящую сторону таланта Шимоновича, имѣвшаго едва 29 лѣтъ въ эпоху изданія *Іосифа*, обратили на него вниманіе великаго Яна Замойска-

---

лая зима, пока солнце ея не отогрѣетъ. Такого порядка держится все, и все идетъ своимъ чередомъ. Есть, вижу я, Божественное Провидѣніе о дѣлахъ проходящихъ; о природѣ Господь промышляетъ, такъ я безопасенъ на землѣ. Вблизи вникаю въ дѣла міра, изучаю безпрерывную борьбу людей и судьбы, и на игру счастія обращаю взоръ безпокойный. Преступники шумятъ безнаказанно, страдаютъ добродѣтельные и чистые, злой человѣкъ себѣ забираетъ всѣ богатства и добычи. Добычею насилія и обмана служатъ добродѣтельныя и слабыя, мною страхъ овладѣваетъ, потому что люди разрушатъ міръ и сами погибнутъ.

го, который, какъ владѣтель Замойской ординаціи и гражданинъ Русскаго, воеводства часто гостилъ въ Львовѣ. Тотъ, который подавалъ руку ученымъ и поэтамъ, который нѣкогда открывалъ свою душу Яну Кохановскому, отыскалъ теперь Шимоновича въ его домикѣ въ Галицкомъ предмѣстіи и предложилъ ему свое дружеское покровительство. Первымъ доказательствомъ ихъ взаимныхъ сношеній было собраніе латинскихъ лирическихъ стихотвореній *Flagellum livoris* (Богъ зависти Крак. 1588) въ которыхъ убогій мѣщанинъ поэтъ является защитникомъ великаго коронnаго гетмана и канцлера. За два года предъ этимъ скончался Стефанъ Баторій, а Замойскій его родственникъ другъ и министръ государственный не пользовался тою благосклонностію Сигизмунда III, къ которой онъ привыкъ, и на которую имѣлъ полное право. Зависть и нерасположеніе къ великому мужу, скрывавшіяся при предъидущемъ царствованіи, теперь смѣло возвысили чело, извергая клевету, на все великое политическое поприще Замойскаго. Шимоновичъ выступаетъ съ оружіемъ противъ клеветниковъ въ девятнадцати одахъ, въ которыхъ воспроизводитъ различные лирическіе размѣры, бывшіе въ употребленіи у Горація, описываетъ полную біографію канцлера, восхваляетъ всѣ его добродѣтели, опровергаетъ возводимые на него упреки. Приведемъ здѣсь образчикъ изъ извѣстныхъ намъ отрывковъ этого собранія; клеветниковъ онъ такъ изображаетъ:

(переводъ).

«Polwarcy! gdy zaryczy wasz gardziel chrapliwy, [1]
«Świat szeroki struchleje na niebyłe dziwy,

[1] *Переводъ.* «Клеветники! какъ скоро зареветъ ваше хриплое горло, изумится міръ широкій на дивомъ не бывалое; такія идутъ отъ васъ

«Takie z was idą głosy i dwóznaczne wieści,
«Tak bliźnich dobra sława przez was się bezcześci.
«Mysl zawistną zły język i ręka próżniacza,
«Pracy, cnoty zasługi innynim eprzegacza.

О бурныхъ и несогласныхъ совѣщаніяхъ польской шляхты говоритъ такъ:

«Gdyby mi przyszło z biedy lub z nudy [1]
«We sprawy swiata wdawać się szczerzę
«Gladyatorem zostałbym wprzódy
«Walczyć ze lwami między szermierze
«Niżli ze słowem zbawiennej rady
«Uzbrojonmocą wymowy swiętej,
«Iść w zbiegowisko gnuśnej gromady,
«Kędy się swarzy motłoch zawziętej.»

Съ этой поры мы видимъ Шимоновича, пользующагося дружбою и уваженіемъ Замойскаго, и громкою европейскою славою, которую снискали ему латинскія его произведенія. Сигизмундъ III хотя и былъ нерасположенъ къ Замойскому, но слишкомъ боялся и уважалъ сильнаго нѣкогда министра Баторія и идола шляхты, для того, чтобы отказать его ходатайству предъ тономъ. Этому посредничеству Шимоновичъ былъ обязанъ своимъ шляхетствомъ 1590 г. и фамиліею *Бендонскаго*, которую онъ съ тѣхъ поръ соединялъ

голоса и двусмысленныя вѣсти, что добрая слава ближнихъ безчестится вами. Мысль завистливая, злой языкъ и лѣность, непрощаетъ другимъ труда, заслугъ и добродѣтели».

[1] *Переводъ.* «Еслибы съ горя или съ тоски мнѣ пришлось заняться дѣлами міра, я бы лучше сдѣлался гладіаторомъ и боролся со львами въ рядахъ бойцовъ, нежели со словомъ спасительного совѣта, вооруженный силою святаго краснорѣчія пошелъ въ лѣнивую толпу, гдѣ межъ собой бранится упорная черни.»

съ своимъ именемъ, гербомъ *Совы* на щитѣ и дипломомъ Сигизмунда III отъ 28 января 1590 г., въ которомъ онъ именованъ королевскимъ поэтомъ. Кажется въ тоже время онъ получилъ отъ папы Климента VIII лавровый вѣнокъ поэта.

Въ благодарность Замойскому за его покровительство и дружбу, Шимоновичъ съ живостію занялся его дѣлами, особенно же замѣщеніемъ каѳедръ во вновь открывавшейся Замойской Академіи. Письма его съ 1593 г. къ Замойскому, къ своему шурину Адаму Бурскому, Бирковскому, Дрезнеру и другимъ пріятелямъ своимъ въ Краковской Академіи, ясно доказываютъ намъ, сколь сильно желалъ Шимоновичъ помочь Замойскому въ дѣлѣ его Академіи. Его стараніямъ школа Замойская обязана была лучшими своими наставниками, онъ былъ можно сказать опекуномъ школы, ея оракуломъ, особенно съ той поры, какъ Замойскій поручилъ ему воспитаніе своего сына Ѳомы. Въ эту столь важную эпоху его жизни Шимоновичъ создалъ прекрасный латинскій парафразъ изъ Библіи подъ заглавіемъ *Іоиль пророкъ* (Cracov. apud Iazar. 1593) посвящая его папѣ Клименту VIII. Быть можетъ вслѣдствіе этого посвященія папа увѣнчалъ его какъ поэта. Это произведеніе Шимоновича, Іосифъ Епифаній Минасовичъ перевелъ на польскій языкъ бѣлыми стихами подъ заглавіемъ: *Іоиль ветхозавѣтный пророкъ* (Варшава 1772 г.). Къ этой же эпохи принадлежитъ польское стихотвореніе Шимоновича, о которомъ упоминаетъ Мацеіовскій, подъ заглавіемъ: *Обѣтъ*, (Slub) описанный Симономъ Симонидесомъ на празднествѣ Іеронима Сѣнявскаго. (Львовъ въ тип. Матѳ. Бернарда 1593 г.).

Другъ Шимоновича, священникъ Станиславъ Ржешка, бывшій въ Италіи, именемъ Греціи, музъ и сиренъ, заклиналъ

своего друга посѣтить Италію. Сердечное, прекрасным слогомъ писанное письмо этого рода изъ Неаполя 1594 г. приводитъ Вишневскій въ VI т. своей исторіи литературы Тамъ Ржешка взываетъ къ Шимоновичу, чтобы онъ прервалъ на время свои труды, старается увлечь его описаніемъ памятниковъ древняго Рима, удовольствіями путешествія, пробуждаетъ въ немъ христіанскія чувствованія, изображаетъ Италію, призываетъ странника къ самимъ богамъ, обѣщаетъ ему показать тѣнь Плинія, который научитъ его различнымъ хозяйственнымъ секретамъ, необходимымъ въ Львовѣ, почему напр. Равенская сосна приноситъ плоды, а Андреевская одни только шишки, какъ рожь перераждается въ пшеницу—гдѣ есть хрѣнъ вѣсомъ въ 40 фунтовъ. Призываетъ его въ общество древнеримскихъ поэтовъ Горація и Виргилія, и утомленному трудомъ и наукою, обѣщаетъ отдохновеніе въ мирной Капреѣ, памятной пребываніемъ Тиверія, котораго теперь хотятъ допрашивать, есть ли еще въ его библіотекѣ разговоры Аселія, Сабина, стихотвореніе собственнаго сочиненія на смерть Цезаря.

Но заманчивое воззваніе къ Италіи достигло Шимоновича въ ту пору, когда нѣжный сельскій поэтъ, утомленный шумомъ Львова и книгами, мечталъ не о Римскомъ Тускуланумъ, но о русской деревнѣ, которую онъ могъ бы мирно воспѣвать. Отецъ обѣщалъ ему дать тысячу злотыхъ (150 руб. сер.) для перваго начала, но видно старикъ самъ любилъ деньги, потому что подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья сына отъ литературныхъ трудовъ, несогласныхъ съ званіемъ хозяина, нашелъ средства не сдержать своего слова. Но Замойскій, узнавъ потребности своего поэта, поспѣшилъ осуществить его скромныя мечты, и далъ ему село Черненцину, въ которомъ мы видимъ Шимоновича до самой его смерти, ведущимъ мирную жизнь литератора съ

иеромъ въ рукѣ, въ связи съ знаменитѣйшими людьми, или въ богатой библіотекѣ, окруженнаго молодыми людьми, которыхъ онъ училъ, а бѣднѣйшимъ давалъ свой хлѣбъ и защиту. Здѣсь онъ воспитывалъ Ѳому Замойскаго, сына канцлера, Якова Собѣскаго, знаменитаго въ послѣдствіи Краковскаго кастеллана, отца короля и героя подъ Вѣною, ходатайствовалъ передъ Замойскимъ о молодомъ Ѳомѣ Дрезнерѣ, предуготовлялъ ученые успѣхи Яна Урсина, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Урсинъ, посвящая престарѣлому отцу поэта Шимону изъ Бржезань, изданную имъ грамматику.

Въ мирномъ уединеніи поэтъ, благодарный канцлеру за скромные Черненцины, въ 1594 году воспѣлъ его великолѣпный Замосьце въ стихотвореніи *Imagines diactae Zamoscianae*, которое издано Андреемъ Сжедзинскимъ спустя 12 лѣтъ послѣ его написанія. Поводомъ къ этому стихотворенію былъ третій бракъ Замойскаго съ Варварою Тарновскою, который, ожидая прибытія супруги и ея родителей, одну изъ комнатъ замка приказалъ украсить портретами Константина Острожскаго, Яна Тарновскаго, Стефана Баторія и папы Сикста V. Поэтъ отдаетъ честь этимъ великимъ историческимъ лицамъ, намѣкаетъ на обстоятельство ему извѣстное, какъ другу Замойскаго, на переговоры Стефана съ папою о войнѣ съ Турками. И это именно обстоятельство было причиною того, что Шимоновичъ ранѣе необнародовалъ своего произведенія, потому что эти переговоры были тайною для Поляковъ, которые боялись войны съ Турками. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы перевели это произведеніе, (Атеней 1847 годъ тетрадь 1) приведемъ теперь нѣсколько отрывковъ изъ этого перевода. Вотъ образъ Сикста V.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Czyjżeto obraz?—to jakiś mąż stary, [1]
«Toga z purpury ramiona powleka,
«Bije mu z czoła blask świętej tyary
«Czytać na licu, że to człek z daleka,
«To Arcykapłam Najwyższego Pana,
«Z niego ma chlubę Rzym świata podbojca,
«Nakłońcie głowy, uchylcie kolana,
«I ucałujcie płaszcz swiętego ojca!
«To Syxtus piąty-chlubny z tego miana,
«To mąż olbrzymiej mądrości i woli,
«Odważny umysł, stałość niezachwjana
«Stolicy jego chwiać się nie pozwoli.
«Niezwykł lekkością zatrudniać się marnie,
«Ni drobrym sprawom dać myslinie może,
«Potężną myslą cały swiat ogarnie,
«A swiat-to jego stolicy podnoże.
«Jak zerwać sieci, które wróg wysnuwa,
«Jak trwalić pokój gdzie cześć Chrystusowa,
«Na takich pracach nieustannie czuwa,
«W gorącem sercu takie żądze chowa.
«Dziki Turczynie, którego potęga

---

[1] *Переводъ.* Чей это образъ?—это какой-то старый мужъ, пурпурная тога плеча покрываетъ, на челѣ блеститъ святая тіара, по лицу видно, что это человѣкъ издалека; это первосвященникъ Всевышняго Господа, гордится имъ Римъ побѣдитель міра, преклоните главы, склоните колѣна, и облобызайте плащь святаго отца! это Сикстъ пятый, славный этимъ именемъ, это мужъ исполинской мудрости и сильный волею, умъ сильный, непоколебимое постоянство не позволитъ поколебаться его столицѣ. Непривыкъ онъ быть легкомысленнымъ, не можетъ обратить въ серьезный пустой предметъ, могучею мыслію цѣлый міръ обнметъ, а міръ—это подножіе его престола. Какъ разорвать сѣти, которыя врагъ разставляетъ, какъ поддержать міръ и славу Христову—вотъ какими трудами постоянно занимается, и въ своемъ сердцѣ такія питаетъ желанья. Дикій Турокъ, котораго сила столь же возмеслась, какъ

«Tyle się wzniosła ile jego władza,
«Na twoje głowę, silne wojska sprzęga,
«I pracowicie bogactwa zgromadza.
«A choć mądrości i środków ma wiele,
«Czujny by skarbów lekce nierozstrelił,
«Tylko na zacne upotrzebia cele
«Złoto i władzę comu świat udzielił.
«Bo k'czemuż służy skarbnica bogata
«Kiedy z niej ręka nieopatrznie miota?
«Mąż dzielny każdą okruszyne złota
«Umie obrócić na pożytek świata.

«Oto zobaczył Stefana jak świetnie,
«Jak w całej krasie rycerskiego człeka,
«Piastował berło pobożnie, szlachetnie,
«A swiat mu czoła uchylał zdaleka.
«Stefan naówczas to z Ruskiemi syny,
«To się z Liwony buntownemi łamie,
«I w zmarzłą ziemię północnej krainy,
«Wbija potężne tryumfalne znamię.
«I dusza Syxta radoscią miotana,
«Że jeszcze w swiecie duch rycerstwa tleje —

и его власть, на твою голову онъ собираетъ сильныя войска, и богатства. А хотя много есть у него средствъ и мудрости, онъ заботится о томъ, чтобы попусту не расточить сокровищъ и только для благородныхъ цѣлей употребляетъ золото и власть, которыя далъ ему міръ.

Да и къ чему служитъ богатая сокровищница, если ее неблагоразумно расточаютъ? Мужъ умный каждую частицу золота умѣетъ обратить на пользу міра.

Вотъ онъ увидѣлъ Стефана и съ какимъ блескомъ во всей красѣ воинственнаго человѣка онъ держалъ скипетръ благочестиво, благородно, а міръ издали склонялъ предъ нимъ чело. Стефанъ въ то время то съ сынами Руси, то съ мятежниками Ливонцами ведетъ борьбу и въ замерзшую почву полночной страны сильно вбиваетъ тріумфальное знамя. И душа Сикста волнуемая радостію, что живетъ еще духъ

«Smjało złożyła w cnych rękach Stefana
«Swe najświetniejsze ządze i nadzieje.»

Вотъ въ какихъ словахъ, онъ обращается къ Замойскому, который, лишившись большей части своего политическаго вліянія, при Сигизмундѣ III уже почти сошелъ съ своего политическаго поприща.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Co z wami żądzą i myslą żył w spólną [1]
«Zamojski dla was najwięcej ma cześci—
«Bo gdy mu żywych widzieć was niewolno,
«Obrazy wasze ubóstwia i pieści
«A moc waszego oblicza, imienia,
«W pierś Zamojskiego iskrą bije zdala,
«On patrząc nawas duszę rozpłomienia,
«I sławną żądzą znowu się zapala,—
«Niby ów Rumak co na wojnie dumny,
«Zbratał swe ucko z ostrej trąby zgrzytem,
«I przywykł lecieç w przeciwne kolumny,
«Rwać w koło zębem i tłoczyć kopytem—
«A potem w stajni w ciżbie towarzyszy,
«Stojąc bezczynnie, bez siodła, czapraku,

рыцарства въ мірѣ — смѣло передала Стефану свои блестящія желанія и надежды.»

[1] *Переводъ.* «Тотъ, который съ вами жилъ общимъ желаніемъ и мыслію, Замойскій, къ вамъ питаетъ уваженія и если не возможно ему видѣть васъ живыми, ваши картины онъ обожаетъ и чтитъ. Сила вашего лица и имени, издали бросаетъ искры въ сердце Замойскаго, онъ глядя на васъ свою душу разъясняетъ и вновь воспламеняется желаніемъ славы, — такъ какъ тотъ конь, гордый на войнѣ, который сроднилъ свое ухо съ острымъ звукомъ трубы, и привыкъ уноситься въ чужія колонны, вокругъ себя рвать зубами, топтать копытомъ, а потомъ, стоя въ конюшнѣ въ толпѣ товарищей, не дѣятельно, безъ черпрака и сѣдла вдругъ неожиданно за стѣной услышитъ звукъ себѣ зна-

«Niespodziewani za ścianą posłyszy
«Starą znajomość—trąbkę do attaku—
«Drognie całym sobą i ucho natęża—
«Bije podkową potwardej podłodze—
«Rży, i z uwięzi wyrywasie srodze,
«I chce już lecieć gdzie brzęki oręża.
«O! zerwie trzęsę,—przeskoczy zaporę,
«I wśrodek pyłu walczących pobierzy!
«Lecz gdziez jesteśmy? czyż w godową porę
«Marsowe rzeczy spiewać przynależy?
«Już stół nakryty—napotem te pieśnie—
«Złoci się wino, radość sprzyja licom,
«I młódz sid ciśnie by tam zasiąść wcześnie,
«Zkąd się najsnadniej przypatrzać dziewicom,» i t. d.

Къ произведеніямъ, которыя въ эту эпоху вышли изъ подъ пера Шимоновича мы причисляемъ его *Aelinopacan*,— описаніе нападенія Турокъ и Татаръ на Польшу (1595 г.), которые заслышавъ о приближеніи войска, предводимаго Замойскимъ, обратились въ бѣгство. Выпишемъ картину этого бѣгства.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Jako z wyziewów gór i otchłani [1]
«W gęstych się kłębach obłok tumani,

привычной — зовъ для атаки — задрожитъ всѣмъ тѣломъ, слухъ напрягаетъ, стучитъ подковою по твердому полу, ржетъ и съ силою срывается съ привязи, и хочетъ мчаться ужь туда, гдѣ звуки оружія. О разорветъ онъ удила, перескочитъ преграду и побѣжитъ въ средину сраженія! Но гдѣ мы? Ужели въ годину брака прилично воспѣвать намъ дѣянія Марса? И столъ уже накрытъ, оставимъ пѣснь эту, вино золотится, радость на лицахъ; молодежь тѣснится, чтобы сѣсть во время такъ, откуда имъ лучше смотрѣть на дѣвицъ.»

[1] *Переводъ.* «Какъ отъ испареній горъ и бездны, туманится облако въ густыхъ клубахъ, ежатся тучи какъ обрывы скалъ, текутъ изъ нихъ

«Jeżą się chmury jak skał urwiska,
«Płyną. z nich deszcze i piorun tryska.
«Łoskot przebiega po drżącej niwie,
«Wioskowy oracz struchlał lękliwie,
«Pasterz ze trzodą ucieka z paszy,
«Nawet sie morski żeglarz przestraszy.
«A baszty miejskie aż drgnęły strachem,
«I każdy bieży skryć się pod dachem.
«Tym czasem wiatry tchnące pogodą,
«Uderzą w chmurę, pierś jej przebogą,
«Zgaszą pioruny co w piersiach grały,
«I wstecz się cofnie obłok zuchwały.—
«Aż się rozproszy wichrami parta.
«Chmura bezbronna w szmaty podarta,
«Jeno w błękitnej powietrza ciszy,
«Gdzie niegdzie szczątek mgły się kolyszy.—
«Tak idąc z gromem strzaskać nam łono,
«Miotał zły Turszyn groźbę szaloną.
«Lecz gdy posłyszał, że k'niemu leci
«Chrobra drużyna Sarmackich dzieci,
«Niewierną głowę chroniąc z daleka
«Pierzcha w rozsypkę, i w stecz ucieka.»

дожди и молніи сверкаетъ, шумъ пробѣгаетъ по нивѣ дрожащей, и сельскій пахарь оробѣлъ съ испуга, пастухъ со стадомъ бѣжитъ съ выгона и даже мореплаватель испугается. Такъ башни города дрогнули страшно, и каждый спѣшитъ спрятаться подъ крышу, между тѣмъ вѣтеръ, предвѣстникъ погоды ударитъ въ тучу и разломавшися грудь, могутшитъ молнію, которая въ ней горѣла, и назадъ попятится дерзкое облако. Покаѣсть, гонимая вихрями, неразойдется беззащитная туча, истерзанная въ куски, и только въ голубой тиши воздуха, кое-гдѣ колеблется малый мглы остатокъ. Такъ неся громы, чтобы разбить наше лоно, злой Турокъ бросалъ безумную грозу. Но чуть заслышалъ, что летитъ къ нему храбрая дружина дѣтей Сарматскихъ, издали охраняя невѣрную голову, разсыпается и назадъ уходитъ.»

Стихи: *ad Nicolaum Firleum* къ Николаю Фирлею (1599 г.) и *Filanen area* (Алтари Филеновъ 1660) отличаются также поэтическимъ исполненіемъ и историческимъ интересомъ. Въ первомъ, поэтъ прославляетъ домъ Фирлея, во второмъ, обращая рѣчь къ Іерониму Сѣнявскому, говоритъ о необходимости бдительнаго надзора надъ Валахіею, какъ надъ стѣною, которая раздѣляетъ Польшу отъ Турціи. Въ образецъ приводитъ карѳагенскихъ Филеновъ, которые служатъ заглавіемъ всему стихотворенію.

Въ слѣдъ за тѣмъ изъ-подъ пера Шимоновича вышло латинское стихотвореніе подъ заглавіемъ *Геркулесъ* (1602). Это извлеченіе изъ Ксенофонта о борьбѣ роскоши съ добродѣтелью, какую выдержалъ Геркулесъ при своемъ вступленіи въ міръ, когда онъ колебался идти ли ему тернистымъ путемъ долга или роскошнымъ путемъ удовольствія. Это сочиненіе Шимоновича было предназначено для его питомца Ѳомы Замойскаго, но такъ какъ скромный поэтъ не спѣшилъ обнародовать своего *Геркулеса*, напротивъ даже скрывалъ его какъ и всѣ свои сочиненія, то Петръ Цѣлинскій, получивъ его отъ автора, отдалъ въ печать. Божество роскоши такъ говоритъ Геркулесу.

(ПЕРЕВОДЪ).

«I wszystkie przyjemności, co je roskosz dawa [1]
«Wszystkie ci będą służyć—nieżal sięgnąć po nie;
«I co oko nakarmia, i co słuch napawa,
«I co zieje dokoła pieszczotliwe wonie.—
«I wszystkiemi zmysłami upojenia krocie
«Czerpniesz jak duszy miło—bo zdrój jego wielki,

[1] *Переводъ.* И всѣ удовольствія, какія даетъ роскошь всѣ будутъ служить тебѣ, не жаль искать ихъ; все, что ты видишь и слышишь и что вокругъ издаетъ роскошныя благоуханія, — все въ упоеніи ты почерпнешь, сколько будетъ душѣ угодно, потому что ихъ

«Jako pszczółka lub motyl w swawolnym polocie
«Ssać z najświeższego kwiecia najsłodsze kropelki.
«Jeśli uscisk żądze ci podmuchną,
«Pozyskasz go niełożąc usiłowań wielic—
«Jesli wolisz w spokoju zasypiać leciuchno,
«Sama ci lekkim puchem wezgłowie uściele,
«Bez najmniejszego trudu, wedle własnej chęci
«Opanujesz obszerne posiadania pole.
«Chciwość zbiorów twojego czoła nie zasmęci,
«Zazdrość ducha nieskazi, oczu niewykole—
«Bojazń cię ani razu w serce nieubodzie,
«Niepójdziesz sączyć potu wzorem innych ludzi,
«Zbijać siły drąc ziemię, lub płynąc po wodzie,
«Nigdy ciało—duch nigdy w tobie się niestrudzi.
«Lecz co inni zebrali w usilnym zapędzie,
«Ty próżen wszelkiej troski osypiesz się złotem,
«A twój kruszec daleko szlachetniejszym będzie
«Nad skarbce innych ludzi nabyte z kłopotem.
«Co jeno korzystnego nadzieja nastręczy,
«Chwytaj skwapliwą dłonią gdy trafia się dobą
«Mojem hasłem prawidło:—że duszy młodzienczej
«Wszystko się łacno godzi cokolwiek spodoba.»

бездна; ты какъ пчела или мотылекъ на рѣзвомъ лету, будешь сосать изъ свѣжихъ цвѣтовъ, самыя сладкія капли. Если захочешь ты страстныхъ объятій, найдешь ихъ безъ большихъ усилій, если захочешь мирно заснуть, сама легкимъ пухомъ изголовья набью я, безъ всякихъ трудовъ, по желанію, займешь ты обширное поле обладанья. Жадность къ стяжаніямъ не опрачитъ твоего чела, зависть души не запятнаетъ, глазъ невыколетъ, боязнь ни разу не прикоснется къ твоему сердцу, не пойдешь обливаться потомъ по примѣру другихъ людей, терять силы, пахая землю или плавая по водамъ, никогда тѣло, и духъ твой неутрудится. То что другіе собрали усильнымъ трудомъ, ты же получишь безъ всякихъ заботъ; осыплешься златомъ, и твой металлъ будетъ гораздо благороднѣе сокровищъ другихъ людей, съ трудомъ пріобрѣтенныхъ. Что только подастъ тебѣ надежду, бери жадной рукой, когда есть къ тому случай. Девизъ мой: душѣ юноши все возможно, что ему нравится.

Совершенно противуположна рѣчь добродѣтели тоже манящей къ себѣ юношу.

(ПЕРЕВОДЪ).

«Bez twej ciernistej pracy nic ci niepostąpię, [1]
«Wszystkiego masz się ręką dobijać mozolną,
«Gdy się wyczerpie siła, pot oczy wykąpie,
«Wtedy ci po nagrodę zakołatać wolno.
«Czy to żądza wziętości twą duszę podrażni,
«Będziesz pierwiej pobożnie czescić głowę siwą;
«Czy zażądasz odpoczać na łonie przyjaźni,
«Twardych ci ofiar trzeba na przyjaźń prawdziwą;
«Chcesz by ludy i miasta stały natwej radzie?—
«Oddaj całego slebie nausługi cudze;
«Chcesz w sławié się szeroko pocałej Helladzie;
«Czerpaj rady od mędrców, bij czołem zasłudze:
«Pragniesz trzód na pastwisku, czy owoców lata,
«Musisz darć (drzeć skibę ziemi, troskać się obora;
«Czy ci żądzą wojenną serce zakołata—
«Musisz być strachem wrogów, a swoich podporą.
«O! w Marsowym zawodzie nie łatwodo sławy,
«Potrzebna tam i ciala i duszy odwaga,

[1] *Переводъ.* «Безъ твоихъ трудовъ ничего неуступлю я, всего ты долженъ добиваться не легкимъ трудомъ, но когда истощится сила, глава потомъ зальются, тогда тебѣ можно получить награду. Желаніе ли славы духъ твой потревожитъ, прежде ты будешь свято чтить голову сѣдую; пожелаешь ли отдохнуть ты на лонѣ дружбы, многія жертвы нужны отъ тебя для искренней дружбы; хочешь ли, что бы города и народы принимали твои совѣты? — предай всего себя людямъ на услуги; хочешь ли прославиться по цѣлой Элладѣ? Ищи совѣта у мудрецовъ, преклоняй чело предъ заслугами; хочешь стадъ на пастбищѣ, или лѣтнихъ плодовъ, ты долженъ обработывать землю, и ходить за стадомъ; или твое сердце забьется военною страстію, ты долженъ быть ужасомъ враговъ, подпорою своихъ. О! на поприщѣ Марса не легко дойти до славы, тамъ нужна отвага и души и тѣла, надо трудиться, пріобрѣтать навыкъ который введетъ тебя въ небеса узкимъ путемъ великаго безсмертія,

«Potrzeba się mozolić i nabywać sprawy,
«Która idzie od sztuki i sztukę wspomaga.
«Siła krzepiona trudem olbrzymio wyroście,
«Kiedy hartu niezmiękczy odpoczynek w czesny
«Snadno przeniesie skwarów i mrozów przykroscie
«Kto ulubił bieg szybki i mozol cieleśny.

Стихотвореніе оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ Ѳомѣ Замойскому.

(ПЕРЕВОДЪ).

«О Tomaszu! mych pieni tarczo i ozdobo! [1]
«Miłe dziecię przedmiocie trosk ojcowskiej głowy,
«Niech kiedyś dzieje świata zachwycą się tobą,
«Ty mi będziesz jak Alcyd, jak syn Jowiszowy,
«Już na twem kraśnem licu mech młodzieńczej brody
«Wysypywać zaczyna—dojrzałości cecha,
«Otworzą się przed tobą dwójga dróg zawody,
«Lecz k'tobie jeno cnota niechaj się usmiecha.
«Niewolno ci wybierać znikomości świata—
«Bo potrzeba koniecznie, być do Nieba wwiodła
«Wielkiej nieśmiertelności droga chrapowata—
«Niezna jej serce zimne, ani dusza podła
«Przystało ci celować w gronie innej młodzi,

и который приходитъ отъ искусства и поддерживаетъ искусство. Сила, укрѣпляемая трудомъ возрастетъ исполински, если закала не смягчитъ преждевременное тодохновеніе, легко снесетъ тяжесть жаровъ и холода тотъ, кто полюбилъ быструю ходьбу и трудъ тѣлесный.

[1] *Переводъ.* «Ѳома! щитъ и украшеніе моихъ пѣсней! милое дитя, предметъ заботливости отцовской, пускай нѣкогда исторія міра будетъ тобой восхищаться, ты для меня будешь Альцидомъ, сыномъ Юпитера, уже на лицѣ твоемъ прекрасномъ начинается пробиваться мохъ на юношеской бородѣ — печать зрѣлости. Откроются предъ тобою дороги, но для тебя пускай улыбается одна только добродѣтель. Нельзя искать тебѣ перемѣнчивости міра, тебѣ прилично быть первымъ въ кругу молодежи; если судьба благосклонная вознесла тебя

«Gdy cię przyjaźne losy wyniosły nad wielu,
«Wielkich tryumfów ojca spodziewać się godzi.
«Kiedy drogą ojcowską iść będzie do celu.
«Często przebóg! ach często lekce ważąc zdrowie
«A nie pomniąc że starość siły mu odjęła,
«Lubo i głód dokucza, mróz ściska surowie—
«Czynił w krajach północnych bohaterskie dzieła.
«Zbrojno oblega baszty i okopy bierze,
«Mury gromem armatnim łamie w zawierusze—
«Ustali silni męże i młodzi rycerze,
«Lecz bogaterski starzec umocnia ich dusze.
«O względni na zasługę! o wielcy bogowie
«Co zwykliście za trudy nieskąpić z nagrodą,
«Zachowajcie nam mężą folgujcie tej głowie
«Bo nas w otchłań niewoli bez niego zawiodą.
«Synu! czynów i zasług masz przykład wysoki,
«Za nic idzie ród zacny, kto ciemnym umiera,
«Zrównaj cnotę z twym rodem, umocnij twe krowi,
«Dowiedzześ być dostojen synem bohatera.
«Teraz młodzieńcza dusza chce lecieć naboje
«Lecz gdy pokój nastanie, a młodość przeminie
«Zechcesz wytchnąć z muzami—skłoń że ucho twoje

тебя надъ многими, тебѣ прилично ожидать великихъ тріумфовъ отца, если путемъ отца будешь идти ты къ цѣли. Часто увы! часто, пренебрегая здоровьемъ, не помня того, что страсть отняла у него силы, хотя и голодъ наскучаетъ, холодъ сжимаетъ сурово — дѣлалъ онъ въ странахъ сѣвера дѣла доблести. Осаждаетъ войскомъ башни, беретъ окопы, громомъ пушекъ ломаетъ стѣны въ бурную пору, устали мужи сильные и юные рыцари, но богатырскій старецъ ихъ духъ укрѣпляетъ.

«О внимательные къ заслугамъ, великіе боги, которые привыкли за труды не щадить награды, сохраните намъ мужа, щадите эту голову, потому что безъ него увидутъ насъ въ бездну рабства. Сынъ! вотъ примѣръ высокій заслугъ и дѣяній, ни за что идетъ родъ знаменитый для того, кто умираетъ въ неизвѣстности; сравни добродѣтель твоимъ родомъ, укрѣпи твои шаги, докажи, что ты достойный сынъ героя. Теперь юная душа летитъ къ битвамъ, но когда миръ

«Do owych pięknych nauk coć tłómaczą ninie.
«I tutaj pójdziesz ojca śladami i dolą
«I tutaj jego przykład nieraz się usłyszy,
«Często niegdyś młodzienca podziwiał Apollo,
«I pragnął go policzyć do swych towarzyszy,
«Rój Pieryd go pieścił, a swiat mu zazdrościł
«Gdy w stróny Kalliopy uczenie kołata —
«Zwiedzał przybytki nauk, i u mędrców gościł,
«I nabył imie wielkie a głośne u świata.»
«I w tej chwili na swięte mądrości ołtarze.
«Pamięta choć we służbie rycerskiej Gradywa,
«Miłe dziecię, czyń pilno co ci ojciec każe—
«Słowa takiego ojca, toć swiętość prawdziwa;
«On cię kocha nad wszystko z ojcowskiego prawa
«Chce widzieć rod swój chlubnym na ojczystej niwie,
«Wszystko co mu się wielkiem, co szlachetném zdawa,
«Coć każe—dobre dziecię! wypełniaj chętliwie.
«Nauka niech ci służy na wojnie i doma,
«W nauce niesmiertelność a reszta znikoma.»

Еще болѣе тѣсныя узы соединили доброе сердце Шимоновича съ ѳомою Замойскимъ съ той поры, когда великій

утвердится, а молодость пройдетъ, захочешь отдохнуть съ музами, преклони твое ухо къ тѣмъ прекраснымъ наукамъ, которыя преподаются нынѣ. И здѣсь пойдешь ты по слѣдамъ отца, и здѣсь не разъ послышится тебѣ его примѣръ, часто ему, юношѣ, Аполлонъ удивлялся и желалъ причислить его къ числу своихъ товарищей, рой Перидъ ласкалъ его, міръ ему завидовалъ, когда онъ ударялъ въ струны Каліопы, посѣщалъ храмы наукъ, гостилъ у мудрецовъ, и пріобрѣлъ имя великое, громкое въ мірѣ И теперь помнитъ о святыхъ алтаряхъ мудрости, хотя проходитъ военную службу. Милое дитя, усердно выполняй то, что тебѣ отецъ велитъ: слова такого отца — это истинная святыня; онъ любитъ тебя болѣе всего, по праву отцовскому, онъ хочетъ родъ свой видѣть славнымъ въ отечествѣ; все, что ему кажется великимъ, благороднымъ, что онъ велитъ тебѣ — доброе дитя исполняй охотно. Пускай наука служитъ тебѣ на войнѣ и дома, въ наукѣ безсмертіе, а прочее все скоро преходяще.»

Янъ Замойскій умирая съ 1605 года поручилъ ему опеку надъ своимъ сыномъ. Намъ осталось нѣсколько одъ Шимоновича къ Ѳомѣ Замойскому, которые есть у насъ подъ рукою (Thomae Zamoscia Ode. Замостье 1612). Скажемъ о нихъ словами Юшинскаго: «можетъ ли какой-нибудь наставникъ прекраснѣе и важнѣе говорить съ своимъ ученикомъ, чѣмъ говоритъ Шимоновичъ». Мы желали бы дать читателямъ образцы этихъ одъ, въ слѣдъ за тѣмъ выписать стихотвореніе Шимоновича на бракосочетаніе Сигизмунда III съ Анною Австрійскою (Epithalamium Serenissimi Sigismundi III. Polon. Regis et Annae Caroli Archiducis Austriae f. Krakow 1592) и подобное же бракосочетаніе *Симона Боровскаго съ Анною Моджарскою* (In nuptias etc. Zamośi 1614 г.), но мы спѣшимъ изучать Шимоновича, какъ поэта народнаго, потому что теперь наступаютъ *Идиліи Симона Симонидеса* (Замостье въ тип. Ленскаго 1614 г.), которые славное уже въ Европѣ имя нашего поэта, сдѣлали любимымъ въ Польшѣ и памятнымъ до настоящаго дня.

Припомнимъ себѣ, какія были эстетическія требованія того вѣка, въ которомъ писалъ Шимоновичъ, вѣка ученаго, раціональнаго, мало склоннаго къ поэзіи, начинавшаго уже совершенно охлаждаться вліяніемъ іезуитской школы. Благодаря отечественной природѣ, мы какъ то инстинктивно понимали чувствованія собственнаго сердца, но съ другой стороны были народомъ черезъ-чуръ воинственнымъ, хозяйственнымъ и ученымъ книжною мудростію для того, чтобы кто-нибудь рѣшился принять на себя трудъ вникнуть въ нашу домашнюю природу, въ обыкновенія окружавшаго его сельскаго народа, съ которымъ шляхто — не имѣла братнихъ связей, или же прислушаться къ біенію собственнаго сердца. Нужно было изображать природу и чувство,

но ученымъ образомъ, погречески или римски, по образцамъ тѣхъ классическихъ странъ, гдѣ климатъ былъ иной, чѣмъ въ Польшѣ, и солнце лучезарнѣе, и въ жилахъ текла кровь иная, болѣе пламенная, въ груди развивались иныя вѣрованія. Это было принято не только въ Польшѣ, но и во всей Европѣ, нечего поэтому удивляться, что идиліи Шимоновича вмѣсто того, чтобы быть чисто божественными, суть или переводы, или подражанія то Ѳеокриту, то Моску, то Виргилію; что поэтъ нашъ болѣе всматривался въ образцы греческіе и римскіе, чѣмъ въ польскую природу и обычаи. Знатоки греческаго языка на каждой страницѣ Шимоновича находятъ стихи, мысли, картины и даже фразы заимствованные у древнихъ; у ученаго Николая Малиновскаго мы видѣли экземпляръ Шимоновича съ музыкою Льва Боровскаго, въ которомъ нашъ знаменитый профессоръ на каждомъ почти стихѣ поймалъ поэта, присвоившаго себѣ греческія или латинскія красоты. Изъ 20 идилій Шимоновича едва три чисто народныя, впрочемъ, не смотря на самое искусное ихъ примѣненіе къ польскому, въ нихъ все-таки проглядываетъ какое-то чуждое дуновеніе Поэту рѣдко удавалось изобразить сцену изъ польскаго быта своимъ греческимъ манеромъ; то, что въ произведеніяхъ его изображаетъ Польшу, вкралось туда (смѣло можно сказать) мимо его воли, и безъ сомнѣнія подверглось бы измѣненіямъ сообразно духу вѣка, еслибы поэтъ могъ осмотрѣться.

Таковы были жертвы, которыя талантъ Шимоновича долженъ былъ принесть требованіямъ своего вѣка, но свои заблужденія онъ искупаетъ тысячами поэтическихъ красотъ первѣйшаго разряда. Образцы, которымъ онъ слѣдовалъ, такъ слились съ его душою, что когда онъ составляетъ цѣлость изъ чуждыхъ частицъ, никто бы не могъ замѣтить,

что эти мысли, картины и выраженія не принадлежатъ ему собственно. Когда взоромъ стараго Грека онъ смотритъ на польскую природу, кто бы не поклялся, что это его собственный взглядъ? Шимоновичь имѣлъ даръ на собственной груди разогрѣвать то, что замерло уже отъ многихъ вѣковъ, и съ дивнымъ дарованіемъ передѣлывать классическіе произведенія на изящный польскій языкъ, польскій слогъ и польскую манеру. Среди нашего народа, напр., мы не имѣли нѣжныхъ любовниковъ, воздыхавшихъ о невѣрности возлюбленной; но если-бы нашъ пастырь жилъ при тѣхъ же условіяхъ благословеннаго климата какъ Аркадецъ, при томъ обиліи предметовъ для удовлетворенія первѣйшихъ потребностей, пользовался свободой домашней и гражданской, если-бы, говоримъ, пылскій поселянинъ жилъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ герой Ѳеокритовой идиліи, могъ ли бы онъ плакать надъ своимъ сердцемъ, израненнымъ невзаимною любовью иначе, какъ плакалъ Дафнисъ Шимоновича. (Идилія I.)

«Kozy, ucieszne kozy, ma trzoda jedyna, [1]
«Tu kępy, tu zarosła pozioma leszczyna,
«Tu gryźcie liść zielony, gryzcie chrościk młody,
«Ja tymczasem przy Arugu tej ciekącej wody
«Przylegę, i frasunku lubo snem swobodnym,
«Lubo będe zabywał śpiewaniem łagodném,
«Ponieważ mię tak moja Filis wyprawiła.
«Żemnie nawieki wolnych mysli pozbawiła

[1] *Переводъ* «Козы, мое утѣшеніе, мое единственное стадо, здѣсь глушь, здѣсь мелкій орѣшникъ, общипайте листъ зеленѣющій, грызите молодой хворостъ, а между тѣмъ при Аругѣ, этой текущей водѣ прилягу, и скорбь или сномъ, или кроткою пѣснію буду разгонять, потому что моя Филида такъ со мной поступила, что навѣкъ лишила меня мыслей свободныхъ. Что жь дѣлать? Какое счастіе искушаетъ человѣка, и легко

* *
*

«Coż czynić? jakie szczęscie o człeka się kusi,
«Tak sercu bywa błogo i tem się paść musi.
«Okrutna Fili, tobie ani zdrowie moje,
«Ani starganych mysli ciężkie niepokoje,
«Ani serce związane, ani zbytnie chęci,
«Ani słowo oddane zostawa w pamięci.
«Chociaż tobie i sady moję zaradzały,
«Chociaż koszary mleka i słodkie nabiały,
«I co piękniejsze jagnię, i kozlęta małe,
«I za tobą szły barcie i pasieki całe.
«A nadewszystko ja sam; i pies—niami memi
«Rozsławiłaś się między pasterzmi wszystkiémi,
«Dzis i płeć i postawa u ciebie nadobna
«I uroda do jedlin wysokich podobna,
«Dziś cię co żywo chwali; a to uczyniły
«Piesni moje, krure cię wszędy rozgłosiły....
«Tu lasy, tu po lesiech ptaszkowie śpiewają,
«Tu łąki a połąkach piękne stada grają,
«Tu byśmy z sobą wienu miłego zażyli,
«Tu byśmy w swiętych związkach lata przetrawili.
«Byś się tylko pasterską budą, niebrzydziła
«Byś tylko umysł ku mnie czuły przykłoniła
«Tu jamy mchem odzianę tu dorze, tu cienie,

бываетъ сердцу, но черезъ того онъ и пасть долженъ. Жестокая Филида у тебя ни мое здоровье, ни тяжелое безпокойство, мыслей моихъ ни сердце связанное, ни излишнія желанія, ни данное слово не остается въ памяти. Хотя тебѣ и сады мои служили, и молока корзины и сладкіе припасы, и самый лучшій ягненокъ, и маленькіе козлики. для тебя были мои барты и цѣлые пчельники, а главное я самъ; моими пѣснями прославилъ тебя я между всѣми пастырями. Цвѣтъ лица и осанка у тебя прекрасны, ростомъ похожа ты на ели высокіе, теперь хвалитъ тебя все что живетъ, а это сдѣлали пѣсни мои, которые вездѣ о тебѣ гласили... Здѣсь лѣса, а въ лѣсахъ птицы поютъ, здѣсь луга, а на лугахъ прекрасныя стада играютъ, здѣсь бы мы мило свой вѣкъ провели, здѣсь бы мы въ узахъ священныхъ лѣта

«Tu strugi uciekają szemrząc przez kamienie:
«Tu wyniosłe topole, lipy rozłożyste,
«Tu jawory, tu dęby stoją wiekuiste.
«Ale bez ciebie żadne rzeki, żadnegaje,
«Bez ciebie żadne miejsce sercu nieprzystaje.»

Вотъ картина представляющая любовника, приходящаго съ любовнымъ объясненіемъ, картина болѣе уже полская хотя еще не народная. Идилія XII.

«Sroczka krzekce na płocie będą goście nowi, [1]
«Sroczka czasem omyli, czasem prawdę powié,
«Gdzie gościom w domu rado sroczce zawsze wierzą,
«I niekażą się kwapić kucharzom z wieczerzą.
«Sroczko, umiesz ty mówić, powiedz gdzieś latała,
«Z któryjeś strony goście jadące widzjała?
«Sroczka krzeka na płocie pannie się raduje
«Serduszko: bo miłego przyjaciela czuje.
«Jedzie z swoją drużyną panicz urodziwy,
«Panicz z dalekiej strony pod nim koń chodziwy.
«Koń łysy, bjałonogi, rząd nanim ze złota.
«Panno gotuj się witać już wjeżdża we wrota:
«Już z koni pozsiadali; wszystko się podworze.

проводили, лишь бы ты непрезирала только пастушескаго крова, здѣсь овраги мохомъ покрытые, здѣсь такъ хорошо, здѣсь тѣнь, здѣсь ручьи струятся журча по каменямъ: здѣсь тополь возвышенный, вѣтвистыя липы, здѣсь яворы, дубы стоятъ долговѣчные. Но безъ тебя никакія рѣки и рощи, никакое мѣсто не нравится сердцу.

[1] *Переводъ.* «Сорока трещитъ на заборѣ, будутъ гости говорить, сорока иногда ошибается, иногда правду скажетъ. Гдѣ рады гостямъ сорокѣ всегда вѣрятъ и поварамъ не велятъ торопиться ужиномъ. Сорока, умѣешь ты говорить, скажи, гдѣ ты летала, съ которой стороны видала ты гостей ѣдущихъ? Сорока трещитъ на заборѣ, ликуетъ сердце дѣвушки: потому что она чувствуетъ милаго друга. Ѣдетъ съ своею дружиной панычъ собой видный, панычъ изъ страны далекой, подъ нимъ конь быстрый. Конь лысый, бѣлоногій, на немъ сбруя изъ золота. Дѣвушка готова привѣтствовать; ужь онъ въ ворота въѣзжа-

«Rozsmiało, jako niebo od wesołej zorze.
«Witami cię paniczu dawno pożądany,
«Czeka cię upominek tobie obiecany,
«Obiecany od Boga i od domu tego,
«Po obietnice trzeba wsiadać na rączego.
«Moj paniczu drogi
«Niedarmo cię tu przyniosł twój koń bjałonogi:
«Pryskał we wrota wchodząc, snać śćmy tu radzi,
«Radziśmy wszyscy tobie i twojej czeladzi.
«Iuż i matka i panna witać cię wychodzi.
«Poprzedź ich rękę: tobie poprzedzić się godzi,
«I czołem nizko uderz; jest dla czeło czołem
«Uderzyć, a niechciej sieść za gościnnym stołem
«Aż otrzymasz co pragniesz; wszystko z czasem płynie,
«Coma być jutro, niechaj będzie w tej godzinie.
«I ty matko niezwłaczaj, czyń coś umysliła,
«Żadna się rzecz niekończy gdzie rozmysłów siła.»

Вотъ наконецъ вѣрный сельскій образъ Польши, доказывающій что Шимоновичъ умѣлъ прислушаться къ біенію народнаго сердца и съудивительнаго вѣрностію могъ выражать голосъ его скорбной жалобы: Идилія XVIII. *(Жнецы)*.

етъ: уже съ коней сошли; весь дворъ разсмѣялся какъ небо отъ зари веселой: привѣтствуемъ тебя господинъ давно ожидаемый, ждетъ тебя даръ тебѣ обѣщанный, обѣщанный богомъ и этимъ домомъ.

«Мой дорогой господинъ, не даромъ принесъ тебя сюда твой конь бѣлоногій: фыркалъ входа въ ворота, видно мы тебѣ рады, рады всѣ мы тебѣ и твоей челяди. Уже мать и дѣвушка выходятъ встрѣчать тебя, тебѣ слѣдуетъ упредить ихъ, и челомъ поклонись низко, есть для чего челомъ тебѣ бить, и не садись за столъ гостепріимный, пока того не получишь, чего желаешь, все уходитъ со временемъ, чему бывать завтра, пускай оно въ этотъ часъ совершится. И ты мать не откладывай, дѣлай то, что задумала, ни одна вещь такъ неокончится, гдѣ вѣчно будутъ отклады.»

«Już południe przychodzi, a my jeszcse żniemy: [1]
«Czy tego chce urzędnik że tu pomdlejemy
«Głodnemu, jako żywo, syty nie wygodzi,
«On nad nami z maczugą pokrząkając chodzi:
«A niewie jako ciężko z sierpem po zagonie
«Ciągnąc się; oraczowi insza, insza wronie:
«Chociaż i oracz chodzi za pługiem i wrona:
«Insza sierpo w ręce, insza maczuga toczona.
«Niegadaj głosem, aby nieusłyszał tego:
«Albo nie widzisz bicza za pasem u niego?
«Prędko nas nim namaca; zły frymark za słowa
«Bicz na grzbiecie, a jam nań niebardzo gotowa.
«Lepiej złego niedrażnić; ja go albo chwalę,
«Albo mu pochlebuję i tak grzbiet mam w cale.
«I teraz mu zaspiewam: acz mi niewesało:
«Niesmaczno idą pieśni gdy się poci czoło.
«Słoneczko, śliczne oko, dnia oko pięknego!
«Niejesteś ty zwyczajów starosty naszego;
«Ty wstajesz kiedy twój czas; jemu się zda mało,
«Chciałby on żebyś ty od północy wstawało.
«Ty bieżysz do południa zawcze twoim torem,
«A on by chciał ożenić południe z wieczorem.»

[1] *Переводъ.* «Уже полдень насталъ, мы все еще жнемъ, или того хочетъ приставникъ, чтобы безъ силъ мы попадали; сытый не можетъ понять голоднаго, онъ съ тростію ходитъ надъ нами покашливая: а онъ не знаетъ какъ тяжело съ серпомъ въ рукѣ влачиться по грядамъ; иное дѣло пахарь, иное ворона: хотя и пахарь ходитъ за плугомъ и ворона: иное дѣло серпъ держать въ рукѣ, иное точеную палку. Не говори громко, пусть онъ не послышитъ, развѣ не видно кнута у него на поясѣ?» Скоро его онъ ощупаетъ; плохая за слова награда, кнутъ на хребтѣ, я сносить это не въ состояніи. Лучше не раздражать злаго; я или хвалю его, или льщу ему, и такъ спину свою сберегаю. И теперь стану пѣть ему, хотя мнѣ невесело: не идутъ пѣсни, когда чело въ потѣ: солнце, прекрасное, оно ясное дня! Ты не знаешь обычаевъ нашего старосты; встаешь ты, когда время тебѣ; ему кажется мало, онъ хотѣлъ бы, чтобы ты съ полночи вставало. Ты идешь до полудня, всегда своимъ путемъ, а онъ хотѣлъ бы полдень сочетать съ вечеромъ.»

Но не вездѣ такъ удачны картины Шимоновича; онъ иногда бросалъ взглядъ на сельское народонаселеніе, но не всегда умѣлъ возвысить его на степень прекраснаго идеала иначе, какъ только при помощи аркадскихъ идиллій. Тамъ, гдѣ изображаетъ онъ польскаго поселянина, не смотря на художественную сторону, насъ поражаетъ иногда грубость рѣчи, дурное пониманіе нравовъ, словомъ, не умѣя схватить торжественную минуту въ жизни того, что онъ изображаетъ, Шимоновичъ представляетъ намъ копію вседневной, деревенской жизни, которой трудно сочувствовать. Въ мѣстахъ наиболѣе поэтическихъ, нѣсколькими словами, однимъ неудачнымъ періодомъ поэтъ разрушаетъ то очарованіе, которое сейчасъ было вызвано, осушаетъ слезу, которая уже дрожала въ очахъ читателя. Прекрасно выразился о немъ В. А. Мацеіовскій въ своей *Литературѣ*, что онъ «изображая село, не подмѣтилъ истиннаго его выраженія, «или не соблюлъ средины въ изображеніи своей картины, «но срисовалъ ее или очень уже красиво или безобразно, и «во внѣшности только отражалъ духъ польской народности, «*показывая намъ только лице, а не сердце польскихъ по*«*селянъ*». Эти отчетливыя слова раждаютъ у насъ вопросъ: кто же изъ нашихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ эпохи Ягеллоновъ и Вазовъ глубже проникалъ въ сердца, и кто изображалъ только физіономію своихъ собственниковъ.

По нашему мнѣнію Рей изъ Нагловицъ, Клёповичъ, частію Шимоновичъ, не смотря на колоритъ мѣста и времени, который носятъ на себѣ ихъ сочиненія, и который намъ столько нравится—суть только физіономисты; а Кохановскій, Міясковскій, частію Шимоновичъ и даже Зиморовичъ въ своихъ произведеніяхъ отразили сердце нашего народа. Въ нихъ есть и то, что составляетъ сущность поэта, есть и то, что въ поэтѣ мы предпочитаемъ колориту нравовъ

мѣста и времени, есть и то, почему Кохановскаго поставили выше Рея, Клёновича, итеперь ставимъ его выше Шимоновича.

Неужели мы хотимъ отнять названіе поэта у послѣдняго? о нѣтъ, никогда! во многихъ уже мѣстахъ мы узнали высоко-прекрасное въ его произведеніяхъ, чудно возвышенный лиризмъ, художественное изученіе и усвоеніе себѣ красотъ классическихъ, способность владѣть польскою риѳмою съ истиннымъ изяществомъ, легкостію и гладкостію, — но говоря о Шимоновичѣ, какъ о поэтѣ идиллическомъ, а въ слѣдствіе этого (какъ мы того желали) народномъ, мы не можемъ довольствоваться или слишкомъ возвышеннымъ и заимствованнымъ, или излишне грубымъ и непоэтическимъ колоритомъ его сельскихъ картинъ. Отъ такого пѣвца, какъ Шимоновичъ, мы вправѣ бы ожидать полнаго очарованія, и самая эта взыскательность наша доказываетъ, что мы считаемъ его способнымъ къ разрѣшенію самыхъ высшихъ задачъ искусства, что мы считаемъ его поэтомъ. Да, Шимоновичъ былъ поэтомъ знаменитымъ, но не пророкомъ (wieszczem), онъ былъ живописцемъ, но не бардомъ своей земли.

Къ идилліямъ его принадлежатъ такъ называемыя *Эпитафіи;* это басни въ родѣ Федра и Эзопа, въ родѣ *эпитафій* различнымъ животнымъ. Къ польскимъ его произведеніямъ этой эпохи принадлежитъ *Элегія на погребеніе Софіи Сѣнявской* (1617), о которой упоминаетъ Вишневскій; а къ латинскимъ драма *Пантезилея* (1618), эпизодъ изъ Троянской войны, не чуждый достоинствъ, но въ немъ мало дѣйствія и драматическаго движенія, а много подражательныхъ классическихъ умствованій. Это произведеніе Шимоновича было переведено въ свящ. Ксаверомъ Зубовскимъ; этотъ переводъ изданъ былъ въ Варшавѣ въ ис-

ходѣ прошедшаго вѣка (1778). Пантезилею, Шимоновичъ посвятилъ своему прежнему питомцу Ѳомѣ Замойскому, который въ то время былъ Кіевскимъ воеводою; въ посвященіи, съ тою короткостію, на которую имѣлъ полное право прежній наставникъ, Шимоновичъ называетъ его по прежнему *несравненнымъ юношею* (juvenis incomparabilis). Два года спустя, по случаю брака того же Ѳомы Замойскаго съ Екатериною Острожскою, онъ написалъ ему прекрасную латинскую оду. (Замостье 1620 г).

Мы сказали, что латинскія стихотворенія Шимоновича пріобрѣли ему европейскую славу; приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ того сочувствія и уваженія, какое питали къ нему знаменитѣйшіе заграничные ученые. Іоахимъ Морсій въ 1619 г. въ *Лейденѣ* издалъ стихотворенія Шимоновича подъ названіемъ *Златыхъ* (poemata aurea); Юстъ Липсій, оракулъ современныхъ ученыхъ Европы, писалъ къ нашему Шимоновичу: «Твое стихотворе«ніе *Картины залы въ Замостьѣ*, ей ей, достойны возбу«дить зависть лучшихъ поэтовъ древности; такъ оно пре«красно, такъ вѣетъ отъ него сладостію Катулла, такъ «чудно видѣнъ въ немъ духъ и форма древности. Поистинѣ «между поэтами Европы, которыхъ число столь велико, «какъ рои пчелъ, по моему мнѣнію, мало, очень мало та«кихъ, которые бы писали такъ прекрасно какъ ты». Петръ Бель, Французъ, авторъ историко-критическаго словаря, осыпаетъ Шимоновича громкими похвалами; Георгій Дуза, сынъ извѣстнаго французскаго гуманиста и поэта, описывая отцу свое путешествіе въ Константинополь доноситъ ему, что въ Львовѣ онъ познакомился и сдружился съ Шимоновичемъ,—отецъ отвѣчалъ ему такъ: «Ты неповѣришь сынъ «мой, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я ту часть твоего «письма, гдѣ ты хвалишься не только расположеніемъ къ

«тебѣ, но и дружбою несравненнаго мужа Шимона Шимоно-«вича.... До болѣе благопріятнаго времени, я откладываю «обязанность отъ себя написать къ Шимоновичу, котораго «я почтилъ уже и которому удивлялся въ его сочиненіяхъ, «а особенно въ Aelinopaean'ѣ и въ пиндарическихъ одахъ, «въ парафразѣ Толля, и другихъ его сочиненіяхъ, которыя «теперь такъ славны». Въ послѣдующее время Аніолъ Марія Дурини, Анкиранскій архіепископъ и папскій нунцій при польскомъ дворѣ, былъ столь пламеннымъ чтителемъ латинской музы Шимоновича, что въ 1771 г., издавая его *Геркулеса* и *Картины* на ряду съ стихотвореніями іезуита Раймунда Цуниха, въ честь его написалъ нѣсколько одъ и эпиграммъ, прося Нарушевича и Минасовича содѣйствіи въ дѣлѣ прославленія своего геніальнаго соотечественника. Дурини неудовольствовался этимъ: въ 1772 году, онъ издалъ полное собраніе латинскихъ стихотвореній Шимоновича, съ описаніемъ его жизни, свидѣтельствами знаменитыхъ мужей и множествомъ стихотворныхъ похвалъ. Эта прекрасная дань Дурини нашему отечеству и литературѣ носитъ заглавіе: *Вѣнца стихотвореній вѣчной памяти Симона Шимоновича Бендонскаго* (Wianka wierszów wiekuistej pamięci и т. д.) и служитъ единственнымъ польскимъ собраніемъ латинскихъ стихотвореній Шимоновича, которые при жизни его выходили отдѣльно.

Что касается польскихъ его сочиненій, то они вначалѣ издаваемы были особо, а потомъ, какъ мы выше сказали, въ 1614 году вышли полнымъ собраніемъ въ Замостьѣ въ тип. Мартина Ленскаго, вслѣдъ за тѣмъ имѣли еще семь изданій, какъ отдѣльно, такъ и въ собраніи другихъ польскихъ идилій. Г. В. А. Мацеёвскій намѣренъ обнародовать въ примѣчаніяхъ къ своей *Литературѣ* не изданное до

сихъ поръ стихотвореніе Шимоновича подъ заглавіемъ *Лира рокошанская.* (Lutnia rokoszanka).

Шимоновичъ скончался въ 1629 г. Латинская эпитафія, какую сочинилъ ему его родственникъ Касперъ Сольскій, записана у Старовольскаго, а Красицкій и другіе приводятъ ее полатынѣ. Изъ нея мы узнаемъ о многосторонніхъ познаніяхъ Шимоновича въ другихъ наукахъ, кромѣ поэзіи. Здѣсь мы приводимъ переводъ этой эпитафіи прозою, придерживаясь текста гг. Балинскаго и Липинскаго въ ихъ *Древней Польшѣ* (т. II, стр. 798—9).

«Здѣсь лежитъ Шимонъ Шимоновичъ, на котораго «музы излили всю свою сладость; пѣснію своею съ горъ «сводилъ онъ дикіе ясены, и сладкая рѣчь текла изъ его «устъ. Не тайною для него было все то, чему учитъ Боже«ственное писаніе, что воспѣваетъ хартія священнаго пра«восудія; онъ разумѣлъ теченіе звѣздъ, плавающихъ въ «воздухѣ, понималъ то, чему учитъ мудрый Гиппократъ. «Любимый и уважаемый мужами знаменитѣйшими, онъ по«могалъ имъ своею мыслію и здравымъ совѣтомъ. Янъ За«мойскій! онъ нѣкогда былъ тебѣ прекрасною отрадою, и «предметомъ твоей любви. На лоно его ты положилъ всю «твою довѣренность, онъ твоему сыну Ѳомѣ далъ вкусить «сладость наукъ. Достойные мужи, вы нѣкогда оба жили «въ этихъ мѣстахъ, и теперь послѣ блаженной кончины по«коитесь въ одномъ домѣ. О сердца смертныхъ! не возды«хайте къ величію, слава—ничто, ничто всѣ ваши богатства».

Изнѣженные сладостной риемой Шимоновича, мы не охотно обращаемся къ другимъ современнымъ поэтамъ, которые не могутъ равняться съ нимъ ни воображеніемъ, ни благозвучіемъ стиха, ни чистотою и изяществомъ слога. Однако въ числѣ этихъ второстепенныхъ поэтовъ болѣе

внимательнаго разсмотрѣнія заслуживаетъ лице *Станислава Тарло Витковскаго* Мазовшанина, таможеннаго сборщика податей въ Ломжѣ, искуснаго политика, знатока языковъ латинскаго, греческаго и французскаго, который незаконнымъ таможеннымъ сборамъ, противъ которыхъ онъ написалъ хорошую книгу *о чрезвычайныхъ сборахъ*—предпочиталъ добровольное убожество, въ которомъ жилъ и умеръ. Его поэтическія произведенія не славятся художественною отдѣлкою, напротивъ предзнаменуютъ эпоху близкую къ упадку вкуса; но представляютъ вѣрную картину нравовъ, и могутъ служить матеріаломъ для изображенія прошедшаго. Исчислимъ эти сочиненія приводя изъ нихъ нѣкоторыя отрывки.

Къ слабѣйшимъ произведеніямъ Витковскаго причислить можно: *Духовный сонъ въ день Рождества Христова* (Краковъ 1609) характеризующій тогдашнюю эстетику іезуитскихъ школъ, которыя при своемъ христіанскомъ правовѣріи, стараясь возвратить умы къ древнимъ мертвымъ источникамъ, въ поэзіи воздавали почти фанатическое почитаніе древнимъ богамъ Олимпа. Это религіозное и мнимо древнее направленіе поэзіи, въ произведеніяхъ іезуитовъ и ихъ питомцевъ часто подавало поводъ къ совокупленію предметовъ и лицъ, которые никогда бы недолженствовали между собою встрѣтиться. Здѣсь *напр.* у Витковскаго Геликонскіе музы лично приходятъ отдавать честь Христу, новорожденному младенцу. Не выше по своимъ достоинствамъ стоитъ произведеніе Витковскаго *Златая вольность коронная, служащая сеймамъ и съѣздамъ на вѣчныя времена* (Краковъ 1609), писанное по поводу рокоша Зебржидовскихъ, изъ котораго видно, что поэтъ держался стороны королевской; въ образецъ его слога приведемъ картину польскихъ нарядовъ.

«Niebywało u przodków waszych takich strojów, [1]
«Takich łbów wygolonych, tak wymyslnych krojów,
«Szaty w nich bywały niezbytne karwatki,
«Kamizele, sajany nie długie kabatki.
«Trzymali się ochopniów, żupic, kopieniaków
«Telejów i kaftanów i szarych giermakow
«Ale czasy dzisiejsze zbytek zagęściły
«I was wielu strojami prawie zniewieściły.
«Już dziś nie znać Polaka, Włoszy, Francuzowie,
«Wszędzie w dworach książęcych zginąć Polskiej mowie,
«Zginąć i zwykłym strojem, bo dzis *stradyoty*.
«*Rubany*, także kapy z złotemi farboty,
«*Saltebrety*, *kolety* i insze wymysły,
«Owo zgoła do Polski cudze stroje przyszły,
«Więc na szyję łańcuchow, na ręce pierścieni,
«Z dyamenty, z szafiry w zaponach kamieni,
«Drogich tak wiele nakładł że się od nich świeci,
«Zkąd tem więcej zła pycha, tu się w Polsce nieci.
«Nuż owe Hybercuchy, pończoszki jedwabne,
«Naktóre ludzie młode widzim dzis tak wabne,

---

[1] *Переводъ* «У вашихъ предковъ небывало такихъ нарядовъ, такихъ галуновъ, такихъ изысканныхъ покроевъ, одеждою у нихъ были не дорогія karwatki, камзолы, sajany (древнее воинское одѣяніе) не длинныя фуфайки, они охотнѣй носили жупаны, плащи, телеи, каѳтаны и сѣрыя германы, но времена настоящія умножили роскошь, и множествомъ нарядовъ васъ уподобили женамъ. Теперь уже не узнать Поляка, Италіянца, Француза, вездѣ при дворахъ княжескихъ выходитъ изъ употребленія польское слово, уничтожены старыя одежды, ихъ заменяетъ теперь *страдіоты* (stradyoty), *рубаны* (Rubany), епанчи съ золотыми бахранами, *салтебреты*, (saltebrety), *колеты* (kolety) и другія выдумки; такъ въ Польшу проникли со всѣмъ чужіе наряды, и на шею надѣваютъ цѣпи, на руки кольца съ алмазами и сапфирами, въ запястьяхъ много камней дорогихъ, онъ въ нихъ сіяетъ, и это еще болѣе усиливаетъ въ Польшѣ глупую гордость. И вотъ эти иберцухи, шелковые чулки, на которые такъ падки теперь молодые люди, что болѣе женщинъ нестрятся и наряжаются, безъ всякаго стыда; знать и

«Ze się niż bjałogłowy więcej prtrzą i stroją,
«Bez wszego w stydu, znać się i Boga niebojąᵹ.
«Niechaj Pan dzis przystrzyże włosów choć na palec,
«Patrzajże, alić jutro nasz buczny zuchwalec,
«Ledwo dziesiątek włósow dał na łbie zostawić.
«Chlubiąc się stąd, aby miał co dobrego sprawić;
«Da sobie pan ukroić szatę za kolana,
«A nuż do samej ziemi, już celuje pana, —
«Pan nosi u szaty swej kołnierz napółłokcia,
«Z dwu łokiet jeszcze mały na naszego nokcia.»

Витковскій, какъ мы уже сказали, приверженецъ и чтитель Сигизмунда III, воспѣвалъ его воинскія дѣянія въ стихотвореніяхъ: *Славянская Сафо о громолаской Смоленской побѣдѣ* и *Ванда о благополучномъ возвращеніи Его К. Величества* (оба въ Крак. 1611). Живо принималъ къ сердцу событія тогдашней политики, чему доказательствомъ служитъ: *Коронное предостереженіе настоящимъ плачевнымъ временамъ* (1613), *Стихотвореніе о пораженіи подъ Цецоромъ* и *Побужденіе людей воинственныхъ*, писанное подъ впечатлѣніемъ страха Турокъ, какимъ объята была вся Европа и Польша предъ Хотинскимъ пораженіемъ. Здѣсь онъ громитъ внутренніе безпорядки Полыни.

«Akteonów mysliwych dziś w Polsce nie mało, [1]
«Psy karmiąc, nędznych ludzi siła zumierało,

Бога они не боятся. Пускай вельможа обрѣжетъ у себя волосы хотя на одинъ дюймъ, смотри завтра самый пустѣйшій хвастунъ едва десятокъ волосъ у себя на лбу оставитъ, гордясь этимъ какъ чѣмъ-нибудь хорошимъ; господинъ прикажетъ себѣ сдѣлать платье ниже колѣнъ, а онъ до самой земли, чтобы превзойти господина, — панъ при своей одеждѣ носитъ воротникъ въ полълоктя, а для нашего подражателя малъ и изъ двухъ локтей.»

[1] *Переводъ.* «Актеоновъ, охотниковъ много теперь въ Польшѣ, они кормятъ собакъ, а людей бѣдныхъ умерло не мало, вездѣ этихъ догончиковъ, борзыхъ, своръ довольно, также и летучихъ: ястребовъ

«Wszędzie onych doskoczów, chartów i ogarów,
«Dosyć także latawców, pieszczochów, pożarów,
«Onych wyżłów, jastrzębów, rarogów, sokołów,
«Krogulców i drzemlików, także białozorów
«Chowają z mielkim kosztem więcej niż potrzeba,
«Gumny psy wytrawiwszy pożyczają chleba.
«Więcej ptaków po kojcach, więcej psów na dworze,
«Niźli kur, a niż gęsi, niż bydła w oborze.
«A co większa zła roskosz zbytek ustroiła.
«W piciu, w Polsce niektórym kufel przyprawiła
«Do gęby....»

Въ стихотвореніи *Скитающееся согласіе* (Крак. 1605), которое переведено или лучше составлено по образцамъ греческимъ, онъ такъ изображаетъ роскошь въ нарядахъ.

«Już dziś falendysz u dworów niewzięty,
«Chudy pacholik, chce zrównać z panięty,
«Chodzi w atłasie, część świetnym Telecie.
«Pustki w kalecie
«Złotogłowową nić to sprawić szatę,
«Niepomni chudziec na próżną utratę,
«Niepomni jako przodek jego chodził
«Dóbr swych nieszkodził.

балабановъ, соколовъ, вороновъ, щеглевковъ, большихъ соколовъ, всѣхъ ихъ содержатъ съ великими издержками, гумна пустѣютъ отъ собакъ, они одни съѣдаютъ весь хлѣбъ; болѣе птицъ въ клѣткахъ, болѣе собакъ на дворѣ, чѣмъ куръ, гусей и скота въ стойлѣ. А что еще больше, злая роскошь родила излишество въ питьѣ, которое для нѣкоторыхъ въ Польшѣ сдѣлалось необходимымъ.»

[1] *Переводъ.* »Теперь уже равендузъ при дворахъ не въ модѣ, бѣдный дѣтина хочетъ равняться съ господами, ходитъ въ атласѣ, часто въ драгоцѣнномъ телетѣ, а въ карманѣ пусто.

Сшить парчевую одежду ничего не значитъ, не понимаетъ бѣднякъ напрасной потери, не понимаетъ, какъ ходилъ его предокъ и истратилъ по пусту свое имѣніе.»

«Który karwatkę choć z sukna prostego,
«Nosił nasobie jak co kosztownego,
«Ochraniając jej albo łosią szkórę —
«Niepiął się w gorę.
«Już to pan zacny onych czasów bywał,
«Który Morawski z sroką giermek miewał». и т. д.

Другія поэтическія произведенія Витковскаго имѣютъ содержаніе нравственное или религіозное, какъ то: *Апофемата, или замысловатые разсказы изъ книгъ Плутарха* (1615); *Знамя христіанскаго воина* (Варш. 1626); *Стихотвореніе о картинѣ Агнца Божія* (Яросл. 1626 г.) и т. д.

Современникъ Витковскаго *Петръ Горчинъ* если не превзошелъ его поэтическимъ талантомъ, то, по крайней мѣрѣ, важностію тѣхъ лицъ, въ честь которыхъ онъ писалъ; и выборомъ предметовъ общественнаго интереса, которые занимали всю Польшу. Его *Роеап, то есть благородное пѣніе Сарматскихъ Каменъ* (Kamoen) *о счастливомъ возвращеніи князя І. О. Самуила на Корцъ* (1618), не былъ лестною жертвою магнату, столь обыкновенною въ эпоху, о которой мы теперь говоримъ, но дѣйствительнымъ органомъ радости цѣлаго народа о возвращеніи отъ Турокъ, мученика турецкой жестокости, былъ эхомъ всеобщаго сочувствія къ его страданіямъ. Не пошлая лесть вдохнула поэту слѣдующее, *напр.*, обращеніе къ Корецкому.

«Witaj panie znamienity! [1]
«Zwycięzco niepospolity,

Который верхнее платье носилъ изъ простаго сукна, сберегая ее какъ что-нибудь драгоцѣнное, носилъ лосевую кожу — и не старался казаться не тѣмъ, что онъ былъ.

Тотъ въ то время бывалъ важнымъ уже барономъ, кто имѣлъ моравскій германъ съ кожею и т. д.».

[1] *Переводъ.* «Здравствуй панъ знаменитый, побѣдитель необыкновенный, господствуй долго въ этой странѣ, а Турокъ пусть сгинетъ чрезъ тебя.

«Panuj długo tej krainie
«A Turczyn niech przez cię ginie.
«Niech Woloszyn swej hardości
«Ustąpi, i polskich włości.
«Niech Tatarzyn nieplondruje,
«Ni sprośny Turczyn wojuje.
«Woła cię smutne *Podole*
«Woła i w *Pokuciu* pole.
«Wszystko pusto: miń podwoje
«Polskie; a szerz imie twoje.
«Jakoś czynił w czasy one,
«Gdyś chodził pod morze słone.
«Kiedy staniesz na granicy
«Zadrżą wszyscy przeciwnicy!
«I na sercu swem zemgleją,
«Co się dziś karmją nadzieją.»

Другое стихотвореніе Горчина подъ заглавіемъ: *Ревнитель польской короны противъ испорченныхъ нравовъ* (1618) при патріотизмѣ своего содержанія имѣетъ мѣста необыкновеныя по красотѣ поэтическаго исполненія. Татаринъ ежегодно нападаетъ на Польшу проливая и распространяя зарево пожаровъ, поселянинъ стонетъ въ угнетеніи, а паны роскошествуютъ, содержатъ толпы праздныхъ служителей, ссорятся съ сосѣдями; вотъ содержаніе: *Ревнителя* (Zelusa) поэтъ обращается къ Богу, въ которомъ одномъ только надежда.

Пускай Валахъ оставитъ свою гордость и польскія области. Пускай татаринъ не грабитъ, и святотатственный Турокъ не воюетъ. Зоветъ тебя печальная *Подолія,* зоветъ въ *Покуцѣ* поле. Вездѣ пусто. Оставь польскіе предѣлы; и распространяй славу твоего имени, какъ ты это дѣлалъ въ то время, когда ходилъ къ соленому морю. Когда станешь на границѣ задрожать всѣ противники! И ослабѣютъ сердцемъ тѣ, которые теперь питаются надеждою.»

«O Prawodawco! świętobliwy Panie, [1]
«Wejrzyj swem okiem w nasze utrapienie,
«A z nas złożywszy te cieżkie kłopoty
«Wróć nam wiek złoty.»

Другое произведеніе Горчина, написаное въ формѣ разговора, подъ заглавіемъ: *Скорбная разлука* и т. д. на смерть супруги Самуила Корецкаго, Екатерины, дочери Іереміи Могилы, кажется намъ менѣе поэтическимъ, чѣмъ другія его стихотворенія. Впрочемъ, Горчинъ, не слишкомъ добросовѣстно цѣня чужую литературную собственность, любилъ иногда передѣлывать по своему болѣе хорошія стихотворенія другихъ поэтовъ, а особенно Яна Кохановскаго. Докажемъ то, что мы сказали: Кохановскій въ своей *Сатирѣ* говоритъ о роскоши:

«Kto da pięćdziesiąt potraw, on da tyle troje, [2]
«Ty go upoisz, a on i woźnice twoje,
«Ty w rysiu, on w sobolu...»

Горчинъ въ *Завистникѣ*

«Sto dasz połmisków, on da tyle twoje, [3]
«Ty go napoisz, on woźniece twoje,
«Ty dasz pachołkom kuny, on da rysie.»

Кохановскій (Книга II Пѣснь V) говоритъ о польскихъ дѣвахъ, уведенныхъ въ татарскую неволю.

---

[1] *Переводъ.* «О законодатель! Святый Господи, возри твоимъ окомъ на наши бѣды и снявъ съ насъ эти тяжкія заботы, возврати намъ вѣкъ золотой.»

[2] *Переводъ.* «Кто-нибудь даетъ пятьдесятъ блюдъ, а онъ втрое, ты его напоишь, а онъ и твоего возницу, ты въ рысьей шубѣ, а онъ въ собольей...»

[3] *Переводъ* «Ты дашь сто блюдъ, а онъ втрое, ты его напоишь, а онъ и твоихъ возницъ, ты слугамъ дашь куньи, а онъ рысьи мѣха».

«Córy szlacheckie (żal się Panie Boże), [1]
«Psom Bissurmańskim brzydkie sciela, łoże.»

Горчинъ въ *Завистникѣ*

«Drugie w dalekie zaprzedane kraje, [2]
«Opłakiwając nasze złe zwyczaje
«Psom bisurmańskim ścielą brzydkie łoże,
«Pożal się Boże!»

Кохановскій въ XIII элегіи взываетъ къ умершей дочери:

«Moja wdzięczna Urszulo, bogdaj ty mnie była [3]
«Albo nieumierała lub się nierodziła.»

Горчинъ въ *Разговорѣ* на смерть Корецкой, въ уста сиротки (элегія III) влагаетъ слѣдующія выраженія.

«O moja wdzięczna matko! bogdaj ty mnie była [4]
«Albo nieumierała lub mię nierodziła.»

Мы могли бы привести болѣе подобныхъ цитатъ, но и то, что уже сказано нами достаточно доказываетъ литературное присвоеніе Горчина.

По порядку нужно обратить наше вниманіе на латинскія стихотворенія ученаго мужа, Варминьскаго канонинка, *Ѳомы Третера;* онъ писалъ стихами: *Картины Папъ* (Pontificum Romanorum Effigies, Римъ 1580); *О жизни и чудесахъ св. Бенедикта, Картины Римскихъ Императоровъ*

---

[1] *Переводъ.* «Дочери шляхетскія (Господи сжалься надъ нами) псамъ бусурманскимъ стелютъ скверное ложе.»

[2] *Переводъ.* «Другіе проданные въ далекія страны, оплакивая наши злые обычаи, псамъ бусурманскимъ стелютъ скверное ложе, (Господи сжалься надъ нами).

[3] *Переводъ.* «Прекрасная моя Урсула, пускай бы ты лучше или не умерла, или не родилась.»

[4] *Переводъ* «О! моя мать прекрасная! лучше бы ты или не умерла, или меня не родила.»

Romanorum Imperatorum Effigies, Римъ 1583); *Представленіе добродѣтелей кардинала Гозія* (Theatrum virtutum Cardin: *Hosii*, Римъ 1588); *Оды* и т. д. Онъ зналъ равировальное искусство и свои произведенія украшалъ равюрами на мѣди.

Станиславъ Серафимъ Ягодынскій, принадлежитъ къ разряду остроумнѣйшихъ стихотворцевъ того времени. Какъ придворный Сигизмунда III и Владислава IV, онъ переводилъ съ италіанскаго для придворнаго театра драматическую нелѣпость подъ заглавіемъ: *Спасеніе Руджіера съ острова Альцины* (Крак. 1628), о которомъ мы скажемъ когда будемъ говорить о театрѣ; но что наиболѣе характеризуютъ сторону таланта Ягодынскаго, это его легкія стихотворенія, какъ *Грошъ подъ защитою и украшенный крыльями орла сіятельныхъ князей Радзивиллов* и т. д. Grosz pod zastoną i ozdobą skrzydeł krola ptakow orła I. O. Książąt Radziwiłłów, Краковъ 1620) Сатира на алчность, эгоизмъ и лихоимство, эпиграммы подъ заглавіемъ: *Мясопустные маски и пепельная колода изъ Парнаса* (Maszkary mięsopustne, przytem kłoda popielcowa z Parnasu), и такъ называемые *Dworzanki*, подражаніе польскимъ и латинскимъ мелкимъ стихотвореніямъ Кохановскаго. Въ образецъ приведемъ одну изъ эпиграммъ.

«Wszyscy dzisia w maszkarach, żaden w swoim stanie, [1]
«Żaden w swojej personie kontent nie zostanie.
«Maszkarami bawią się grody i narody,
«Aby błędy pokryli jak trądy i wrzody.—
«Hiszpani swe łakomtwo wiary pomnożeniem,
«Cieleśność pokrywają, Włoszy przyrodzeniem —

[1] *Переводъ*, «Всѣ теперь въ маскахъ, никто своимъ состояніемъ и своей личностію не остается доволенъ. Маскарадами забавляются города и народы, чтобы покрыть свои недостатки, какъ проказу и вередъ: Испанцы прикрываютъ свое сластолюбіе умноженіемъ вѣры, Италіанцы

«Pijaństwo Niemcy męztwem, Polacy ludzkością,
«Węgry zowią defekty w ubiorach skromnością.
«Owo i pospolitych i w sprawach każdego,
«Wszystko dzisia maszkary niemasz nic szczerego.»

Ягодынскому приписываютъ переводъ *Торжества Любви* изъ Петрарки, стихотворенія, которое и до сихъ поръ находится въ рукописи (см. *Различныя сочиненія издаваемыя Т. Д. въ Вильнѣ стр. 116)*; переводъ этотъ не принадлежитъ къ роду тѣхъ, которые составляютъ эпоху въ литературѣ, но заслуживаетъ однакоже вниманія по гладкости стиха и чистотѣ языка. Приведемъ здѣсь сонетъ, посвященный переводчикомъ королю Владиславу IV.

«Tryumf miłości w Polski *kopieniak* ubrany, [1]
«Za twojem rozkazaniem o gwiazdo zimnego
«Trionu, tu przywiodłem, do progu twojego,
«Zewleczony z Tuskańskiej ślicznej Palandrany.
«Wprawdzie prostem przejmowan piórem, niezrównany.
«Ow Apollo odemnie Parnassu Włoskiego;
«Tyś mi sam ducha dodał żem się ważył tego,
«Aby był teraz do nóg twych ofiarowany.
«Masz konie, wóz, oręże, postrzały i konie,
«Masz brańce, masz i pętą łańcuchy, okowy,
«Forteln i przebiegi, uchody i kraje;

чувственность природою, —Нѣмцы пьянство мужествомъ, Поляки гостепріимствомъ, Венгры недостатокъ въ уборахъ называютъ скромностію; какъ въ дѣлахъ общественныхъ, такъ и въ частныхъ все стало наскарадомъ, ничего нѣтъ искренняго.»

[1] *Переводъ*. По твоему повелѣнію, звѣзда холоднаго тріона, покинувъ даже прелести тосканской Паландры, и привелъ сюда, къ твоему порогу, торжество любви, одѣтое въ польскую епанчу.

Поистинѣ у меня не достаетъ силъ даже подражать Аполлону италіанскаго парнасса; но ты самъ меня ободрилъ настолько, что я осмѣлился предстать жертвою передъ тобою.

Есть у тебя кони, колесница, оружіе, стрѣлы и копи, есть путы, цѣпи и оковы, хитрости, происки и убѣжище.

«I wszystko czem Miłości słynie Król surowy,
«I boski i tez ludski rodzaj zhołdowany.
«Szczęsliwa Lauro! przez cię taki Tryumf wstaje.»

Ахацый Кмита, хотя и необладалъ высокимъ поэтическимъ талантомъ, но заслуживаетъ однако вниманія, хотя по плодовитости своей музы, и по нѣкоторымъ нравоописательнымъ подробностямъ, которыя можно найти въ его сочиненіяхъ. Отличительную сторону Кмиты составляетъ его ненависть къ Евреямъ, съ которыми авторъ, по должности чиновника соляныхъ копей Бохніи, долженъ былъ имѣть частыя сношенія, и за ихъ обманы мстилъ имъ страннымъ способомъ — стихами. Стоитъ вспомнить слѣдующія его сочиненія въ этомъ родѣ: *Процессъ Бохенскаго дѣла о Таинствѣ*; *Ein sendt Brief или письмо польскихъ Евреевъ къ Мессіи*; *Новый Іерихонъ*; *Воронъ въ золотой клѣткѣ*; *Плачь жидовъ, изгнанныхъ изъ Бохніи* и т. д. Другія его произведенія суть: *Спитамеономахія*, забавная поэма о войнѣ карловъ съ журавлями (Крак. 1595); *Пенелопа* (Крак. 1610), *Феникса*, *Зерцало Польской короны*, *Мороцозмея Бабинская*, стихи брачные, надгробные и т. д. болѣе счастливъ онъ въ своихъ переводахъ: *Троеборство Гораціевъ съ Куріаціями* (Крак. 1594); *Переводъ XIII книги Энеиды* и т. д. Въ образецъ того, какъ Кмита стряпалъ стихи, приведемъ начало изъ стихотворенія *Мороцозмея*, содержаніе котораго разсказано нами выше (т. I. стр. 367), вотъ происхожденія названія *Бабинская*:

«Więc i ja o Babińskiej wspomnę znamienitej [1]
«Kongregacyi, albo Rzeczypospolitej,

И все, чѣмъ обладаетъ Богъ любви суровый, и родъ боговъ и людей тебѣ покоренъ. Счастливая Лаура! тебѣ принадлежитъ это торжество.»

[1] *Переводъ*. «Ну такъ и я вспомню о знаменитой Бабинской конгрегаціи или Республикѣ, которую отъ давнихъ лѣтъ уже основали, для

«Którą tam oddawnych lat kiedyś fundowano,
«Na co prawa porządne od tej braciej dano.
«*Babin* od baby rzeczon która więc siadała
«Przy drodze, i pstre gościom żarty przedawała.
«Jaka jest w Moskwie kędyś co ją złotą zową,
«Którą, dziś Moskwa chwali i biją jej głową,
«Była też taka w Czechach, co Czechom wrożyła,
«Gdy na wojnę do Polski zwada icch wabiła:
«Chcąli mieć szczęcie żeby osła wprzód zabili,
«A z niego jej ofiary w polu uczynili;
«I tak Czechowie osła na jej słowo zjedli:
«Szlązacy łeb z uszyma, Polski nieosiedli.
«Otoz macie Babią rzecz którzy im wierzycie,
«Co komu baba powie ługiem pozłocicie.»

Юшинскій изъ рукописей Бржозовскаго приводитъ забавный анекдотъ о Евреѣ, котораго кто-то пугалъ сочиненіями Кмиты, небезопасными для Евреевъ въ Польшѣ, жидъ отвѣчалъ: «Милостивый государь! Еслибы жиды имѣли такой «же кредитъ въ Польшѣ, какъ сочиненія Кмита, то ихъ давно бы уже не стало.

Откладывая имя Петра Кохановскаго до того мѣста, гдѣ мы будемъ говорить о переводчикахъ, мы охотно готовы заняться простыми изслѣдованіями о *КаспрѣМясковскомъ*, чтобы отдохнуть послѣ многотруднаго исчисленія именъ мало

которой даны прекрасные законы этою братіею. Бабинъ, названъ такъ отъ Бабы, которая садилась при дорогѣ и ворожила гостямъ. Такая есть въ Москвѣ, гдѣ зовутъ ее золотою, и которую Москва хвалитъ и бьетъ ей челомъ; была такая же и въ Богеміи, которая гадала Чехамъ, когда споры влекли ихъ на войну съ Польшею: хотятъ ли они имѣть удачу, пусть убьютъ осла, и въ полѣ совершатъ изъ него жертвоприношеніе ей; но Чехи съѣли осла по ея приказанію, Силезцы голову съ ушами, а Польшей не овладѣли. Вотъ Бабье дѣло: озолотите ихъ, вы, которые вѣрите предсказаніямъ.»

заслуживающихъ вниманія, и чтенія стиховъ непріятныхъ для слуха, холодныхъ для сердца. Нѣжный и сладкій поэтъ, Касперъ Мясковскій, поэтъ, которому потомство до сихъ поръ не отдало еще должной справедливости, примиритъ насъ на время съ трудностію нашего долга.

Въ правѣ ли былъ Гербуртъ, посвящая трудъ свой Мясковскому, поставить его выше Кохановскаго, Рея, выше Виргилія и Горація? безъ сомнѣнія есть и преувеличеніе въ этихъ похвалахъ, но что Мясковскій при извѣстныхъ условіяхъ могъ выдержать сравненіе съ этими великими именами, что онъ былъ поэтомъ въ истинномъ значеніи этого великаго слова—это неподлежитъ сомнѣнію. Мы сказали, при извѣстныхъ условіяхъ: а подъ этими условіями нужно понимать эстетическія требованія вѣка, въ которомъ онъ писалъ и то направленіе поэтическихъ и религіозныхъ мнѣній, которое имѣлъ поэтъ. Лиризмъ составлялъ главную сторону Мясковскаго; настраивалъ ли онъ лиру свою на возвышенный тонъ религіознаго гимна, или пѣлъ болѣе простую пѣснь идилическую, — всѣ его произведенія могутъ соперничать съ лучшими пѣснями Яна. Правда, иногда онъ и утомляетъ насъ длинными припѣвами, но въ каждой строфѣ даритъ за то новою поэтическою красотою, иногда не равняется съ Кохановскимъ нѣжностію и чувствительностію, но бываетъ такъ, что и превосходитъ его возвышенностію полета,—Янъ имѣетъ больше значенія, онъ дитя вѣка болѣе свободнаго, кругъ его понятій обширнѣе, шире его горизонтъ. Касперъ, запертый въ тѣсномъ кругу іезуитской религіозности, умѣетъ и тамъ создать для тебя высокую сферу истинной поэзіи. Эти нѣсколько словъ сравненія двухъ нѣжныхъ поэтовъ вытекаютъ изъ того, что условія ихъ поэтической дѣятельности были нѣсколько похожи. Мы представляли уже нашимъ читателямъ поэтовъ изъ раз-

личныхъ слоевъ общества: паредворецъ въ епископскомъ одѣяніи Дантышекъ, веселый гуляка Рей, идеалъ сельскаго шляхтича Кохановскій, разсерженный на весь міръ, бѣдный судья еврейскихъ дѣлъ — Клёновичъ, рыцарь обагренный кровію — Чахровскій, достаточный мѣщанинъ — Шимоновичъ, таможенный приставъ — Витковскій, — должны были непремѣнно кромѣ своей индивидуальности, оставить въ своихъ сочиненіяхъ и клеймо своего званія, потому что взглядъ на вещи, понятія, и даже языкъ различны по различію классовъ общества. Въ Мясковскомъ восхищаетъ насъ то, что мы такъ полюбили въ Кохановскомъ; живая и сердечная вѣра, поэтическая любовь къ тишинѣ сельскаго уединенія и неравнодушіе къ политическимъ событіямъ отечества, непремѣнная въ добромъ гражданинѣ при той формѣ правленія, какая въ то время была въ Польшѣ. Въ Мясковскомъ мы видимъ какъ будто бы повтореніе Кохановскаго, только въ иныя времена, при перемѣнѣ условій политическихъ и религіозныхъ понятій.

Мясковскій жилъ и умеръ сельскимъ жителемъ, ненужно поэтому въ жизни его искать разнообразія путей, свойственныхъ тѣмъ, которыхъ буря судьбы переноситъ съ одного мѣста на другое, съ однаго поприща на другое, отъ приключенія къ приключенію. Родился онъ въ 1549 г. воздѣлывалъ землю въ лѣсистомъ Влощановѣ, потомъ пахалъ «горную пашню» въ селѣ Смогоржевѣ на Силезской границѣ, скончался въ 1622, а тѣло его покоится въ костелѣ села Великій-Стрѣлецъ; вотъ и вся біографія Мясковскаго. Онъ былъ поэтомъ, землепашцемъ, шляхтичемъ и католикомъ, за тѣмъ, изучая его сочиненія, будемъ слѣдить за авторомъ въ трехъ его положеніяхъ: подъ домашнимъ кровомъ, — какъ пѣвца села и природы, въ отношеніи религіозномъ, — какъ творца истинно религіозныхъ пѣсней

и гимновъ Богу, наконецъ по убѣжденіямъ политическимъ, какъ поэта гражданина.

Лучше нельзя изобразить Мясковскаго въ его домашней жизни, какъ онъ самъ изобразилъ себя въ стихотвореніи *Влощаповское Прощаніе*, когда онъ, разставаясь съ своимъ роднымъ уголкомъ, представилъ его со всею искренностію и любовію. Юшинскій, Войцицкій, Вишневскій въ своихъ исторіяхъ литературы не могли не помѣстить вышеупомянутаго стихотворенія въ цѣломъ его объемѣ или только въ частяхъ, такъ оно прекрасно и живописно. Что же касается насъ, то неприводя его слово въ слово, но заимствуя краски у самого же Мясковскаго, изобразимъ въ кратцѣ его уединеніе.

Усадьба въ низменности, значитъ болотистая; скромный домикъ вмѣсто болѣе пышной кровли изъ драницъ или черепицы, покрытъ соломою. На порогѣ предъ низкою дверью виднѣется прекрасная надпись стихами, что домъ радъ людямъ ученымъ и тѣмъ, «которые срываютъ благовонные «цвѣтки на Геликонѣ», «что тутъ радушно принимаютъ людей искреннихъ и добрыхъ, мирныхъ, которыхъ сердце не «пропитано ядомъ, и тѣхъ, которые не выносятъ пустыхъ «вѣстей». Усадьба очевидно лежитъ въ низменности, надъ которою господствуютъ окружающіе ее холмы. Изъ-за дома виднѣется зелень фруктовыхъ садовъ, лѣтомъ краснѣющая вишнями; передъ домомъ подобно ковру разстилается цвѣтникъ, свидѣтель вдохновеній, и соучастникъ мечтаній хозяина, неподалеку село, съ жителями котораго помѣщикъ долженъ былъ обходиться по совѣсти и заповѣди Божіей, «не будучи тяжелымъ быкомъ ихъ плуга», если онъ столь искренно съ ними прощался — могила на близкомъ холмѣ, гдѣ почивало его умершее дитя. А человѣческая любовь кругомъ окружала поэта, всѣ умѣли цѣнить доброе

* *
*

сердце Мясковскаго. Связи сосѣдской дружбы соединяли его съ Станиславомъ Рыбскимъ, который часто приглашалъ г. Каспера или на дружескую вечеринку или на домашній праздникъ, такъ какъ онъ былъ крестнымъ отцомъ его дѣтей. Молился Мясковскій въ храмѣ Гомбиньскомъ, гдѣ не смотря на крикливый органъ умѣлъ вознесть свой духъ при жертвѣ *дрожащей*, гдѣ свящ. Маркъ, не изъ-за десятины земли преданный божественной службѣ, указывалъ ему путь въ небеса, и омывалъ пламенную душу поэта отъ нечистоты грѣховной; съ цѣлымъ Гомбиномъ, и съ окружной шляхтой, онъ былъ въ тѣсной дружбѣ, уѣзжая со всѣми сердечно прощался, съ духовенствомъ и шляхтою, съ мужчинами и женщинами, со всѣми, кто только ему сочувствовалъ и благословлялъ ихъ миромъ, взаимнымъ согласіемъ, желалъ даровъ неба и милой свободы—желаніе достойное гражданина отечества и набожнаго католика, какимъ былъ Мясковскій. Вотъ какъ онъ срисовалъ себя въ своемъ домашнемъ быту.

Село, природа, уединеніе болѣе чѣмъ городъ располагаетъ къ важнымъ, сердечнымъ размышленіямъ. Село воспитало въ душѣ Мясковскаго не одну пѣснь, которою по праву гордится наша литература. Пѣсни эти не равняются чувствомъ и свободою съ пѣснями Яна, потому что достойна удивленія та невинная свобода духа, которая даже въ минуту грусти не отступаетъ отъ Кохановскаго; мысль Каспера болѣе важна, учена и философска, болѣе говоритъ уму, чѣмъ всѣ суровые религіозные и политическія размышленія поэта. Свободный Кохановскій проникается селомъ, въ объятіяхъ природы умѣетъ онъ забыть тяжкія горести, задумчивому Касперу каждый образъ природы приводилъ на мысль подобный же образъ изъ нравственнаго міра. Вотъ *напр.*, буря сопровождаемая проливнымъ дождемъ,

видѣнная изъ оконъ мирнаго домика, Кохановскому вдохнула бы только мольбу о помиловании, тогда какъ уму Мясковскаго она внушаетъ другія мысли (*Въ непогоду*).

«Różany nam wschód skrzydła skrył pogodne, [1]
«I zachod spławił zefiry podwodne.
«A mokry Auster wywarł górne zdroje
«Za łońskie znoje.
«Biegając żartkié ognie chmury krają,
«W straszliwym gromie kiedy winikają,
«Ponawja piorun Tytanów mogiły,
«Ze wszystkiej siły.
«I jużbym wierzył, zaś iż znowu tonie,
«Po nie zmyslionym świat Dewkalionie:
«By niepozorna, gdzie deszcz niebo murzy
«Proga na burzy.
«Jeśli nierządu i mysli wysoki,
«Że my niechcemy, płaczą, zaś obłoki,
«Jeśli hamując domowe turnieje,
«Bóg rzeki leje.
«Niezgadnie ani komu bystre oko
«Zliczyło gwiazdy po niebie szeroko,
«Bo minął Arktur i z nim barwy blady,
«Dawno Hyady.

[1] *Переводъ.* Багровый востокъ сокрылъ отъ насъ ясныя крылья, и западъ выпустилъ зефировъ подводныхъ, и мокрый Auster пролилъ горные ручьи, за жары прошлогодніе.

Быстрые огни на бѣгу разрываютъ тучи когда являются съ громомъ ужаснымъ, сильная молнія освѣщаетъ могилы титановъ.

Я бы вѣрилъ, что миръ снова тонетъ, послѣ потопа Девкаліонова, еслибы не было видимаго признака окончанія бурямъ, тамъ гдѣ дождь небо опрачетъ.

Если о безпорядкѣ и о томъ, что у насъ нѣтъ возвышенныхъ мыслей, плачутъ облака, если удерживая наши домашнія ссоры Богъ льетъ рѣки.

Не угадаетъ ни даже тотъ, быстрый глазъ котораго сосчиталъ звѣзды по небу широкому, потому прошелъ Актуръ, а съ нимъ блѣдный цвѣтъ Гіады.

«Kto wie że niźli jako płomień słomę,
«Polską umiecie mieczem Bóg Sodomę:
«Chcąc ująć pierwiej przed plagą obroku
«Zadżdżył w tym roku?
«Że rzadki oracz w dziedzinnym ugorze,
«Do białych śniegów włoki swej doorze,
«Rzadkie i ostrym skryją zębem brony
«Ziarno w zagony.»

Но не смотря на серіозное настроеніе пѣсней Мясковскаго изъ нихъ изливается что-то такое, что вливаетъ въ сердце сладостную отраду, или снимаетъ съ груди тяжелое бремя. Вотъ въ доказательство два образца изъ стихотворенія подъ заглавіемъ: *Утѣшеніе въ скорби.*

«Ponure serce, skąd mysl niewesoła, [2]
«Skrytych frasunków do gromady woła,
«Czemu w tak zbytniej adawnej żałobie
«Niewytchniesz sobie?
«Czas oczy łzami zalane ociera,
«Czas drzwi do gmachów pociechy otwiera:
«A czego w ludzkim nienajdzie rozumie
«Długi czas umie.....
«Ktoby rozsądził smutek i wesele,
«Rzecze, lamentów więcej żywot ściele:

Какъ огонь поѣдаетъ солому, не хочетъ ли такъ Богъ нечемъ истребить польскій Содомъ, и желая уменьшить наказанія, посылаетъ дождь въ этомъ году.

Такъ что рѣдкій пахарь на нашихъ отцовской, до бѣлыхъ снѣговъ, поля свои вспашетъ, рѣдкіе бороны острымъ зубомъ скроютъ зерно въ загоны.

[2] *Переводъ.* Угрюмое сердце, откуда мысль не веселая взываетъ къ множеству скрытыхъ заботъ, почему ты послѣ столь долгаго, напрасного траура не отдохнешь?

Время отираетъ глаза слезами залитыя, время отпираетъ дверь въ храмъ утѣшенія, и чего понайдетъ онъ въ умѣ человѣческомъ, долгое время все знаетъ.

«Acz roskosz podczas jako krzaczek woście,
«Roży wyroście.
«Bo który język dziwnych przygod tonie
«Wypowie? albo kiedy skore konie
«Nieszczęście puści na kogo: wnet mienie.
«Z wiatrem precz żenie.
«Milczę co potwarz na niewinność kładzie,
«Obłudny jako przyjaciel na zdradzie:
«Co pełne jadu kły, zazdrości moga
«Z paszczęką srogą.
«Niepierwsza tedy moje serce ciebie
«Raniła strzała, a k'temu Bóg w niebie
«Jeśliż sradz winne, maścią twej pokory
«Bon zgoi chory.
«Nie ten ci żeglarz co płynie powodzie
«Nieporuszonej nie wiatrem w pogodzie;
«Ale kto wały, gdy biją najcięższej
«Wiosłem zwycięży.»

Если дѣла обыкновенной жизни могли на такую ноту настроить лиру Мясковскаго, то сколь торжественны были его *религіозныя* произведенія, составлявшія другую характеристическую черту его таланта. Такъ, его

Кто бы разсудилъ грусть и веселіе, тотъ бы сказалъ что скорбей больше въ нашей жизни, хотя удовольствіе иногда бываетъ подобно пусту розъ въ репейникѣ.

Какой языкъ разскажетъ пути дивныхъ случайностей; какъ напр. если несчастіе пуститъ на кого быстрыхъ коней, его имѣнье вдругъ исчезаетъ какъ вѣтеръ.

Уналчиваютъ о томъ, что клевета взводитъ на невинность, какъ другъ притворный готовъ на измѣну.

Не моя первая стрѣла ранила сердце твое другъ, на небѣ есть Богъ, который за твое смиреніе излечитъ тебя

Не тотъ пересмѣватель, кто плаваетъ по водѣ, недвижимый вѣтромъ въ ясную погоду, но кто волны, когда бьютъ они всего сильнѣе, весломъ побѣдитъ.

вздохи къ небесамъ—это не звучныя псалмы Кохановскаго, воспѣтыя подъ ноту Давида, это не легкій гимнъ Гроховскаго, это не одно изъ произведеній *привычнаго* благочестія, которыхъ такъ много появлялось въ эпоху іезуитизма, но глубокая молитва поэта-католика, поэта-гражданина, который душею чувствовалъ небо, достигалъ его вѣщимъ взоромъ, преклонялся предъ Богомъ, не такъ какъ рабъ Востока предъ своимъ султаномъ, но такъ какъ довѣрчивое почтительное дитя преклоняется предъ отцемъ; открывая предъ Богомъ свои грѣхи и грѣхи своего общества, молился за себя и за своихъ братьевъ. Вотъ въ *Покаянной Элегіи* парафразъ псалма 50.

«Com ja jest? jedno Kaimowe plemię, [1]
«Co naprzód skrwawił bratem własnym ziemię.
Com ja jest? jedno z liczby jeden onych,
«Którzy nieweszli w korab potonionych.
«Jam ulic swiadom i rynku *Sodomy*,
«Jam wszystkie zwiedził i w *Gomorze* domy,
«Jam głównia piekła, jam wieczny grób śmierci
«W którym ma robak loch, co duszę wierci.
«Od pieluch wiek mój strawiony w nierządzie,
«Księgi spraw moich pokażą na sądzie.
«Kędyż się skryję przed gniewem twym Panie?
«Gdzie mię kaźń sroga twoja niezastanie
«Do li ja przed on wieczny tron poniosę
«Gdy mię ztąd z żenie śmierć jako wiatr rosę?

[1] *Переводъ* «Что я? одинъ изъ племя Каина, который впервыѣ обагрилъ землю братнею кровію. Что я? одинъ изъ числа тѣхъ, которые не вошли въ ковчегъ не тонувшихъ. Я знаю улицы и рынокъ Содома, я и въ Гоморрѣ обошелъ всѣ дома, я головня ада, я вѣчный гробъ смерти, въ которомъ живетъ червь, точащій душу. Съ пеленокъ моя жизнь проведенную въ безпечности обличатъ книги дѣлъ моихъ на судѣ. Куда я укроюсь отъ твоего гнѣва Господи? гдѣ не застигнетъ меня твоя казнь жестокая, что понесу я къ тому вѣчному трону, когда смерть отсѣкъ меня про-

«Daj mi o Panie teraz serce nowe,
«A wznowisz mysli na twój głos gotowe.
«Mając Twe oko po mych tropach wszędzie,
«A Duch Twój święty sam mi wodzem będzie.
«Wróć, wróć mi znowu wesołe sumienie,
«I wrzuć na grzbiet mój białe zaś odzienie.
«Zaczem bezpieczny między złemi siędę,
«Gdy je nawracać cnym przykładem będę.
«Wyrwij mię ze krwie, o mój wybaw Boże,
«A język spiewać sądów Twych pomoże.
«Otwórz mi nieme wargi wieczny Panie,
«Żemi na chwałę Twoją słów dostanie.
«I palić będę jeśli chcesz ofiary,
«Ale o takie niedbasz Ty wiem dary.
«Nad perły i skarb okrągłego świata,
«Żal gorzki Tobie najdroższa oblata.»

Скажемъ еще разъ, религіозная пѣснь Мясковскаго, какъ небо отъ земли разнится отъ современныхъ ему мнимо набожныхъ произведеній, въ которыхъ нельзя замѣчать не только таланта, но даже здравой мысли, и которые неоднократно своею излишнею набожностію нарушали святыню вѣры. За то Мясковскій не избѣжалъ другаго недостатка своего времени, и даже въ христіански религіозныхъ своихъ произведеніяхъ не могъ отдѣлиться отъ классической

гонитъ, какъ гонитъ вѣтеръ росу? Дай мнѣ о Господи теперь сердце новое, и обнови мысли на твой гласъ готовыя. Имѣя всегда взоръ твой на моихъ стезяхъ, духъ Твой святой, самъ вождемъ мнѣ будетъ. Возврати, возврати опять мнѣ совѣсть веселую, и снова одѣнь меня бѣлою одеждою, послѣ чего я въ безопасности сяду среди злыхъ, и буду наставлять ихъ честнымъ примѣромъ. Исторгни меня изъ крови, избавь меня Боже, языкъ мой суды твои пѣть мнѣ поможетъ. Отопри мнѣня уста мои вѣчный Боже, чтобы словъ мнѣ достало для прославленія тебя. И буду жечь я, если захочешь ты жертвы, но тебѣ я знаю, не нужны такіе дары, всѣхъ перловъ и сокровищъ міра, горькое познаніе, есть лучшее для тебя приношеніе.

миѳологіи. Такъ, *напр.* въ стихотвореніи *Годовщина Рождества Христова* (Rotuły narodzenia Pańskiego), геликонскіе музы поютъ пѣснь у священныхъ яслей Виѳлеема; впрочемъ въ этомъ произведеніи поэтъ очень хорошо передѣлалъ четвертую пророчественную идиллію Виргилія, *Pollio*. Вотъ то возвышенное мѣсто, въ которомъ латинскій поэтъ взываетъ къ таинственному младенцу: *At tibi prima puer*, etc. Мясковскій переложилъ это такъ:

«Ziemia w tym dziecię odda dary swoję; [1]
«I krętym bluszczem obwodząc podwoje,
«Potrząśnie progi twe różnemi ziołki,
«Z rumianą różą mieszając fiołki,
«Sameć, patrz, stada wesołe z pól hojnych,
«Mleko poniosą od owieczek dojnych;
«Ani te wilków ani się lwów bojąc,
«Acz im kły z paszczęk pokazują stojąc.
«W koło kolebki wznijdą samorodne
«Pozorne kwjatki i twej woni godne,
«A jadowite skryje ziemia ziele,
«I zgubi żądło wąż w pręgatem ciele.
«A skoro dójdziesz bohaterów chwały,
«I wezmiesz z łukiem ojca twego strzały;
«Powoli biały role kłos odzieje,
«Jagody ciernie, miodem dąb spotnieje.»

---

[1] *Переводъ*. «Земля этому младенцу отдастъ свои дары, плющемъ завилистымъ обвивая двери, усмлетъ порогъ твой разными травами, смѣшивая фіалки съ розою багряной. Смотри, веселыя стада принесутъ тебѣ млеко отъ овецъ дойныхъ не боясь ни львовъ, ни волковъ, хотя они и показываютъ имъ свои клыки изъ пастей. Вокругъ твоей колыбели взойдутъ самородные цвѣтки, достойные твоего обоняніе, а ядовитыя травы земля сокроетъ, и змѣй потеряетъ жало. А какъ скоро достигнешь чести героевъ, и съ лукомъ возьмешь стрѣлы твоего отца—колосъ бѣлый поля одѣнетъ, терніе произраститъ ягоды, дубъ медомъ покроется.

Въ другомъ собраніи подъ заглавіемъ: ***Цвѣтки на качаніе яслей,*** Мясковскій то перефразируетъ, какъ, напр., знаменитое ***Rorate Coeli*** Исаіи:

«Skropcie już pola perłową rosą, [1]
«Was upragnione zagony proszą.
«O! górne zdroje: aż on brzemienny,
«Swiętym dzdżem obłok strumieniem plenny
«Wyleje na świat i zgrzeje ziemię,
«A ona spłodzi zbawienne plemię.»

То самъ пишетъ возвышеннымъ слогомъ. Вотъ образецъ.

«Co radość święta i wesele zgodne, [2]
«Słów i rzeczy udzieli,
«Żebyśmy co umieli:
«Spiewajmy Panu, bo niebo pogodne
«Wypuściło na ziemie
«Wielkiego Boga plemię».

Пѣснь пѣтая Мясковскимъ, у колыбели Спасителя міра сопровождала его до самой Голгоѳы. Вотъ духовная пѣснь носящая скромное названіи: ***Исторіи раздѣленной на церковные часы*** въ которой мы видимъ прекрасную поэму о страданіяхъ Христовыхъ, которая хотя и не равняется вѣковой Мессіадѣ Клопштока, но тѣмъ не менѣе являетъ въ немъ сердце истинно сочувствовавши Христу, и артиста необыкновеннаго въ своемъ искусствѣ. При соблюденіи простоты, при благоговѣніи ко всѣмъ евангельскимъ выраженіямъ, во сколько ***Исторія*** эта выше множества часовъ, часиковъ, стацій и безчисленнаго множества стихотворныхъ

[1] *Переводъ.* «Окропите поля жемчужной росою, васъ молятъ загоны жаждущіе ручья. Когда облако дождемъ святымъ и обильнымъ изліется на міръ и согрѣетъ землю, она родитъ спасительное плена.»

[2] *Переводъ.* «Сколько радость священная и мирное веселіе словъ даетъ намъ предметовъ, чтобъ знали мы что-нибудь: будемъ пѣть Господу, потому что ясное небо, высылая на землю, племя Бога Великаго.»

произведеній простаго благочестія! Какой возвышенный взглядъ на страданія Божественнаго Страдальца! Какое сочувствіе! Приведемъ послѣднее кровавое шествіе Христа со крестомъ.

«Pastwi się ono okrutnych ludzi, [1]
«Gdy kat sromotnie przez miasto trudzi,
«Pod ciężkim Pana na góre, drzewem,
«Nagląc mu jeszeze ogromnym gniewem
«Sam tylko poczet białej płci za nim
«Żal swój oświadcza bolesnem łkaniem
«Choć Pan hamuje z swojej płacz strony,
«I ten słyszały smętny głos żony:
«Obróccie raczej lament takowy,
«Na swe i synów nieszczęsne głowy,
«Przyjdą dni kiedy łoża niepłodne,
«I piersi będą szczęśliwsze głodne:
«A wtenczas będą wołać nagory,
«Niech nas przytłoczy pagórek który;
«Bo jeśli tak szczep więdnie zielony,
«Czego doczeka karcz wywalony?»

Поэтически изображенъ контрастъ Христа въ славѣ и Христа среди страданій и поруганія.

«O jako różny widok *Golgoty*, [2]
«Od góry Tabor, gdzie promień złoty,

[1] *Переводъ.* «Надѣвается око людей жестокихъ, когда палачь ведетъ чрезъ городъ полъ тяжкимъ древомъ Господа на гору, угрожая ему. Сопровождаетъ его только полъ прекрасный, и скорбь свою изъявляетъ жалобами, хотя Господь удерживаетъ плачъ и жены слышатъ этотъ гласъ печальный: обратите лучше этотъ плачъ на головы свои и сыновъ своихъ, придутъ дни когда ложе будетъ неплодное, и грудь счастливая будетъ голодная: тогда станутъ взывать къ горамъ, пускай убьетъ насъ каменъ, потому что если такъ увядаетъ отрасль зеленая, чего дождется кустъ вырванный съ корнемъ.

[2] *Переводъ.* «О какъ различно зрѣлище Голгоѳы отъ горы Ѳавора, гдѣ лучь золотой окружилъ Господа съ двумя пророками и въ небѣ загре-

«Otoczył z dwiema Pana Proroki,
«I zadrzmiał w niebie on głos wysoki:
«Toć to jest plemie jedyne moje,
«Z którego płyną wszech pociech zdroje;
«Tego słuchajcie.»—a tu nań głową
«Bluźnierca trzęsie i szczypię mową.
«Tam twarz pochodnią gasi słoneczną,
«A tu słuczoną pięścią bezcenną:
«Tam w szacie nad śnieg, nad mleko białej,
«A tu go sinie rzeki polały.»

Другія религіозныя произведенія Мясковскаго, запечатлѣнныя глубокимъ благочестіемъ и высокимъ талантомъ, суть: *Странникъ Пасхальный* и *Покаянная Элегія къ Пресвятой Богородицѣ*. Къ нравственнымъ его сочиненіямъ мы причисляемъ поэму подъ заглавіемъ: *Нетерпѣливый Геркулесъ*, который во второмъ изданіи получилъ титулъ *Славянскаго Геркулеса*. Поводомъ къ написанію этого произведенія было стихотвореніе Феликса Гербурта изъ Добромиля, подъ заглавіемъ *Геркулесъ*, въ которомъ послѣдній изобразилъ все теченіе своей жизни домашней и общественной, заключеніе и тѣ гоненія, какія онъ перенесъ во имя добродѣтели, и назвалъ себя Геркулесомъ, дѣлая примѣненіе къ той борьбѣ, какую Альцидъ выдержалъ между добродѣтелью и удовольствіемъ. О *Геркулесѣ* Гербурта мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, *Геркулесъ* Мясковскаго — это какъ бы отвѣтъ, какъ бы дальнѣйшее продолженіе стихотворенія Гербурта, въ которомъ дружественная рука нашего поэта отдаетъ справедливость уму и сердцу друга,

---

мѣлъ этотъ голосъ высокій: вотъ сынъ мой единородный, изъ котораго потекаютъ ручьи всякаго счастія, его послушайте! а здѣсь говорятъ ему слова хульника издѣваются надъ нимъ. Тамъ лице затмѣваетъ свѣтило солнца, а здѣсь грудь разбита, поругана: тамъ въ ризахъ, бѣлѣе снѣга и молока, а здѣсь полились по немъ синія рѣки.»

не смотря на различіе политическихъ убѣжденій, какъ и это скажемъ говоря о Гербуртѣ. Это не есть личный панегирикъ другу, потому что здѣсь дѣло идетъ не о Гербуртѣ, но о добродѣтели. Мясковскій олицетворяя въ Гербуртѣ величіе добродѣтельной души, готовой на всѣ пожертвованія, выставляетъ это лицо своимъ землякамъ для подражанія; съ этой точки зрѣнія Геркулесъ Мясковскаго имѣетъ чисто нравственное значеніе. Не найти намъ здѣсь приторныхъ похвалъ или сухихъ умствованій, потому что истины, проповѣдуемыя Мясковскимъ, всегда оживлялись огнемъ добродѣтельной, пламенной, исполненной убѣжденія души поэта. Вотъ онъ изображаетъ свободу, какою даритъ добродѣтель не смотря на всѣ удары судьбы:

«Powiedź! a wielki Apollo mi będziesz, [1]
«I wyżej w radzie Jowiszowej siędziesz.
«Co wadzą ludziom poczciwym okowy,
Gdy umysł wolny, wspaniały i zdrowy?
«Co pęto twarde, choć golenie zgnoi,
«Miłość ojczyzny gdy przy więzniu stoi?
«Która pogrzebia wielkiej ludzie ceny,
«Kiedy się wściekły przeciw nim Ateny.
«Ledwie jednemu Maraton oliwą
«Otoczył skronie i głowę sędziwą;
«Tegoż wnet ściany bez słońca zawarły.
«Tak długo, aż mu i żywot wydarły.
«Ten więzień kogo łakomstwo uwiąże:
«A kto cnotliwy ten i w stryczkach książe.»

[1] *Переводъ.* «Скажи слово и ты будешь для меня Аполлономъ великимъ, и сядешь выше въ совѣтѣ Юпитера. Могутъ ли людямъ честнымъ мѣшать оковы, когда умъ свободенъ, великодушенъ и здравъ? Что твердая цѣпь, хотя она и разгноитъ голень, если любовь къ отечеству неразлучна съ узникомъ? Что погубитъ людей неоцѣненныхъ, когда противъ нихъ возстаютъ Аѳины. Едва одному изъ нихъ Марафонъ масличной обвилъ голову сѣдую, какъ вдругъ его заключили въ темницу и такъ на долго, что тамъ и жизнь его кончилась. Тотъ узникъ кто сластолюбивъ, а кто добродѣтеленъ, тотъ князь и въ узахъ.»

Вотъ въ какихъ словахъ предсказываетъ онъ славу каждому, кто пожертвуетъ собою для общаго блага:

«Ostra droga do sławy, a kto o nię stoi, [1]
«Ani oków, ani on i śmierci się boi.
«Przyjdzieć umrzeć każdemu, ale kto żelazem
«Legł w posłudze koronnej ten kwitnie zarazem.
«Tego rydl i motyka z pamięcią niegrzebie,
«Kto ręki nieszanuje i zdrowia w potrzebie.»

Теперь намъ остается только представить Мясковскаго, какъ поэта-гражданина, хотя и то, что мы уже привели достаточно объясняетъ эту сторону нашего поэта. Истинный сынъ католической церкви, привыкшій во всемъ уважать духовную власть, неудивительно, если и въ дѣлахъ политическихъ, онъ подчинился направленію іезуитскому. Вспомнимъ какъ сильно іезуитизмъ поддерживалъ тронъ Сигизмунда III, вспомнимъ, что разновѣріе охотно принимало на себя личину политическаго движенія впередъ, чтобы перенося гоненія ревностныхъ прозелитовъ господствующей религіи, самому получить видъ страданія за свободу отечества. Подъ этою фирмою выступало на сцену религіозно политическое соперничество магнатовъ съ тономъ, во имя той же свободы загремѣлъ рокошь Зебржидовскихъ. Увы! не было сердечной вѣры ни въ одной, ни въ другой партіи. Іезуиты не столько интересовались Сигизмундомъ III, который по ихъ убѣжденіямъ долженъ былъ спасти Польшу отъ гидры своеволія и неустройства, сколько утвержденіемъ собственнаго господства въ умахъ современниковъ. Магнаты въ свою очередь не столько заботились о протестан-

Переводъ. «Трудна дорога къ славѣ, но кто стоитъ на ней, ни оковъ, ни смерти не боится. Придется умереть каждому, но кто умеръ служа отечеству, тотъ вѣкъ цвѣтетъ. Памяти того не загребетъ и забудетъ, кто въ нуждѣ не дорожитъ рукой и здоровьемъ.»

тской вѣрѣ, а тѣмъ менѣе о свободѣ отечества, сколько объ увеличеніи собственнаго могущества и противодѣйствіи королю — вѣра и успѣхъ заняли здѣсь мѣсто второстепенное. Какъ бы то ни было, въ царствованіе Сигизмунда III, умы (говоря по настоящему) воспламененые *успѣхами* (postępowe), держались протестантскаго вѣроисповѣданія — Радзивилловъ и Зебржидовскихъ, а консерваторы держались партіи іезуитовъ и престола. Такъ свобода перерождалась въ своеволіе, кругъ религіозныхъ сомнѣній стѣснялся все болѣе и болѣе по разсчетамъ сыновъ Лойолы и трона. Мясковскій, какъ набожный католикъ платилъ дань тому политическому направленію, какое приняло православіе въ Польшѣ, и былъ приверженцемъ короля и іезуитовъ. Видѣлъ онъ, что роскошь и своеволіе влекутъ отечество къ погибели, видѣлъ спасеніе отечества въ формѣ правовѣрія и послушанія королю, поэтому охотно отдалъ въ распоряженіе ихъ обоихъ и свое пламенное сердце, и свою вдохновенную пѣсню. То, что мы сказали, кажется намъ необходимымъ потому, что настоящее поколѣніе привыкло слишкомъ строго и безусловно судить писателей прошедшаго времени. Маіоркевичъ *напр.* (*Исторія, литература и критика*) упрекаетъ Мясковскаго въ томъ, «что въ немъ не «видно той свободы, той независимости и обширности по«нятій, которыя выражаются у Кохановскаго рядомъ съ «живѣйшимъ проявленіемъ религіознаго чувства». Что касается свободы, то уже выше мы указали то различіе, какое лежало въ глубинѣ духа этихъ двухъ поэтовъ, мы показали, что Касперъ искупаетъ этотъ недостатокъ красотами своего рода; что же касается недостатка независимости, обширности понятій, то отвѣтъ на этотъ упрекъ лежитъ въ духѣ эпохи Мясковскаго, въ духѣ той религіозно-политической пар-

тін, сторону которой приняла добросовѣстная душа поэта. Но обратимъ наконецъ вниманіе на тѣ поэтическія произведенія Мясковскаго, въ которыхъ онъ высказываетъ себя какъ гражданинъ.

Онъ воспѣвалъ побѣды Яна Карла Ходкѣвича надъ Шведами подъ Кирхольмомъ (*Торжествомъ Лифляндскихъ побѣдъ Карла Ходкѣвича* 1601), оплакивалъ горькую для края потерю Замойскаго 1605 (*Элегія на смерть Я. Замойскаго*), а въ слѣдующемъ году всѣми силами взывалъ противъ рокошанъ, которые подняли оружіе на Сигизмунда III; неблагопріятствовалъ разновѣрцамъ, писалъ громкія стихотворенія къ сеймамъ противъ различныхъ рокошанскихъ съѣздовъ и т. д., вездѣ выступая въ защитѣ алтаря и престола. Въ стихотвореніи, которые мы привели выше, *въ Непогодѣ* онъ такъ говоритъ польскому рыцарству.

«Zatrąb na trwogę ale nie domową, [1]
«Bo nieprzystoi członkom walczyć z głową:
«Raczej niech słyszą krzykliwy głos miedzi,
«Dalsi sąsiedzi.
«Którzy krew naszą puścili strumieniem,
«Pod owczym, wilka taiwszy odziemiem
«Bezecni zdradą i własnym zmazani
«Panem poddani.»

Въ стихотвореніи *Аполлонія пасквиля на I. K. M. написанномъ слишкомъ остро и соблазнительно*, склоняя своихъ соотечественниковъ къ братскому согласію,

[1] *Переводъ.* «Затруби тревогу, но не домашнюю, потому что не прилично членамъ съ головой бороться, лучше пускай послышатъ крикливый голосъ нѣди, далекія сосѣди.

Которые кровь нашу пролили струями, скрывая волка подъ овечьею кожею, безчестные измѣной подданные, замятнанные кровью своего повелителя.

такъ говоритъ рокошанамъ о невозможности отнять скипетръ у Сигизмунда III.

«. . . . . Kto mu wydrze te ziemie, [1]
«Gdzie Jagełłowe wszczepione plemię:
«Gdzie i latorosl jako pręt złoty,
«Pradziadów niesie imie i cnoty?
«Tego zasłoni orzeł sam biały.»

Въ другомъ стихотворніи *Элегія о домашнихъ безпорядкахъ* онъ такъ изображаетъ бѣдствія междоусобной войны.

«My do niesfornych snadz podobni braci, [2]
«Co domy niszczy i królewstwa traci,
«Składamy na się między swemi płoty
Domowe groty.
«Z małych początków w zgodzie miasta wstają,
«I możne państwa drugim prawa dają.
«Ale zaś różne gdzie kiedy zamysły
«Na dobre wyszły?
«Lud co zhołdował wielki świat szeroko,
«I obwiódł siedm gór murem swym wysoka;
«Skoro sam na się dobył miecza, ali
«On się Rzym wali.
«Ale i sąsiad pobrześny w Europie,
«Z tejże przyczyny w niewoli karcz kopie.

[1] *Переводъ.* «....Кто похититъ у него ту землю, гдѣ привилось племя Ягелло, гдѣ и отрасль его какъ вѣтвь золотая носитъ имя и добродѣтели своихъ праотцевъ? Его защититъ самъ бѣлый орелъ.»

[2] *Переводъ.* «Мы похожи на братьевъ несогласныхъ, которые дома истощаютъ и теряютъ царства; на себя складываемъ заборы и домашніе гроты.»

«Изъ малыхъ началъ въ мірѣ встаютъ города, и малыя царства другимъ даютъ уставы. Но гдѣ и когда принесли что-нибудь доброе, разные замыслы?

«Народъ, который покорилъ міръ великій и семь горъ окружилъ стѣнами высокими, скоро и самъ на себя мечь обнажилъ, и вотъ Римъ разрушился.

«Płaczą dziś Greckie i Węgierskie grody
«Swojej niezgody.»

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ возставая на рокошанъ, онъ бросался было на нихъ и съ сатирою, но видно желчь не привилась къ этой возвышенной душѣ, потому что произведенія его въ этомъ родѣ какъ *Разговоръ о съѣздѣ Андреевскомъ*, *Польская Маслянница*, *Попелецъ*, *Pugna Antabatorum* и т. д. слабѣе его лирическихъ произведеній.

Собраніе своихъ стихотвореній Мясковскій издалъ въ Краковѣ 1612 года подъ заглавіемъ: *Собраніе стихотвореній Каспера Мясковскаго* (Zbior rytmów Kaspra Miaskowskiego), въ слѣдующемъ году Гербуртъ вмѣстѣ съ своимъ, издалъ и его Геркулеса въ своей Добромильской типографіи, а въ 1622 г. Познаньскій типографъ Янъ Россовскій издалъ другое пополненное и исправленное изданіе Касперовыхъ стихотвореній. Въ томъ же году, какъ мы уже сказали Мясковскій умеръ, а надъ могилой его въ костелѣ Великомъ Стрѣльцѣ, поставили памятникъ съ надписью, которою поэтъ составилъ вѣроятно еще при жизни.

«Kasper Miaskowski, co miał śmiertelnego [1]
«W tym zawarł grobie, aż do dnia onego.
«Gdy głuche ciała trąba głosić będzie,
«A ogniem z nieba spłonie ziemia wszędzie.
«Ale co dowcip dał mu był niepodły,
«Słowiańskim bluszczem muzy to obwiodły.»

«Но и сосѣдъ нашъ близкій въ Европѣ по той же причинѣ въ рабствѣ копаетъ землю; нынѣ плачутъ греческіе и венгерскіе народы о своемъ несогласіи.»

[1] *Переводъ.* «Касперъ Мясковскій все, что имѣлъ смертнаго заключилъ въ этомъ гробѣ до того дня, когда глухія тѣла труба будетъ пробуждать, и огнемъ съ небесъ вся земля сгоритъ. Но все то что дало ему дарованіе, музы обвили плющемъ славянскимъ.»

Съ именемъ Мясковскаго неразлучно связано имя его издателя, почитателя и друга, (не смотря на различіе религіозныхъ убѣжденій) *Яна Szczęsnego Гербурта*, автора *Геркулеса*, о которомъ мы сказали выше. Гербуртъ, потомокъ знаменитаго рода, блистательно окончилъ свое образованіе въ отечествѣ, вслѣдъ за тѣмъ учился и путешествовалъ за границею, былъ посломъ въ Турціи въ 1595, и хотя былъ уважаемъ Сигизмундомъ III, но не смотря на это держался партіи оппозиціонной трону и іезуитамъ, и во время рокоша принадлежалъ къ партіи Зебржидовскихъ. Въ слѣдствіе этого, взятый подъ Гузовомъ, онъ поплатился неволею за свои политическія убѣденія. Послѣ бурной жизни онъ поселился наконецъ въ своемъ владѣніи Добромѣ и занялся тамъ устроеніемъ типографіи, призвавъ для этаго Краковскаго типографа Яна Шелигу. Плодомъ этихъ прекрасныхъ усилій Гербурта было изданіе хроники Кадлубка, Оржеховскаго, отчасти Длугоша, и *Славянскаго Геркулеса* Мясковскаго, къ которому Гербуртъ присоединилъ *борьбу съ добродѣтелью своею Геркулеса*. Сдѣлаемъ краткій очеркъ этого послѣдняго произведенія.

Геркулесъ въ заключеніи (подъ этимъ лицемъ Гербуртъ представляетъ самъ себя). Ночь; все уже спитъ, не дремлетъ одинъ лишь узникъ, занятый грустными думами, какъ вдругъ является предъ нимъ богиня *Счастія* (Fortuna), изображенная фантастически, чисто во вкусѣ Гофмана. Ея глаза то блистаютъ, то закрываются, она шатается, не въ состояніи будучи устоять на шаровидномъ кругѣ, который служитъ ей подножіемъ. Кисть одной руки желѣзная съ золотыми пальцами, другая наоборотъ, одежда ея сложенная изъ четырехъ различныхъ кусковъ парчи и лохмотьевъ, сіяетъ надписями: „*смѣхъ*, *плачь*, *богатство*, *нужда*, *побѣда*, *смерть*“. Узникъ узнаетъ въ ней богиню и при-

вѣтствуетъ ее стихами, Фортуна шутитъ надъ его римами, и упрекаетъ его въ томъ, что онъ до сихъ поръ служилъ одной только добродѣтели, не смотря на то, что она (Фортуна) бодрствовала надъ нимъ съ самой колыбели; она снискала отцу его управленіе, и дала ему «ягоду» изъ его плодовъ, она вѣрно служила ему во все дальнѣйшее теченіе его жизни, она при посредствѣ *крайчаго* (Krajczego) (?) вывела его изъ недостатка, она поддерживала его во время его путешествія въ Нидерланды, она придавала ему бодрости въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни, доставляла пользу и удовольствія а неблагодарный Геркулесъ всегда, во время войны и міра, перомъ и лирою, на свободѣ и въ оковахъ неизмѣнно служилъ добродѣтели. Фортуна говоритъ прозою, а отвѣты Гербурта писаны стихами. Въ прозѣ сохранилось множество старопольскихъ поговорокъ, пѣсней, оборотовъ, сравненій историческихъ, не всегда теперь понятныхъ; стихъ доказываетъ талантъ Гербурта въ связной рѣчи. Цѣль этого произведенія состояла въ томъ, чтобы изобразить жизнь Гербурта, а нравственная мысль его та, что добродѣтель никогда не идетъ рука объ руку со счастіемъ. Другое извѣстное стихотвореніе Гербуртъ *Практика Рокошанская* доказываетъ, что хотя Гербуртъ былъ другомъ Мясковскаго, но не раздѣлялъ однако его политическихъ и кажется религіозныхъ, убѣжденій, вотъ какъ остро отзывается онъ о кабинетѣ Сигизмунда:

«Rozdawania wakacyi, są to chytre wniki, [1]
«W które lecą za żerem przyszłe niewolniki.
«Biorą chleb zasłużonych polewczaste sługi;

[1] *Переводъ.* «Раздача вакансій, это хитрая ловушка куда летятъ за пищею будущіе рабы. Берутъ хлѣбъ заслуженныхъ льстивые слуги; а честнаго человѣка заслуги считаются ничтожными... Королевскіе ко-

«A poczciwego dzisiaj próżne są zasługi....
«Komornicy królewscy, sprosne faworyty,
«Szafują urzędami, rozdają zaszczyty.
«Jezuita dziś radzi, Jezuita sądzi,
«Wszystkiem przez naprawione zwolenniki rządzi.
«Ale zawsze ostróżny, umysłu chytrego,
«Udaje iż się nigdy niemiesza do złego.
«O Polskim Jezuicie już dziś każdy mówi:
«Że Rakuszanom przysiągł, tak jak Papierzowi.»

Къ лучшимъ поэтамъ временъ Сигизмунда III принадлежатъ еще *Андрей Липскій*, пѣвецъ недавно открытой войны Хотинской, въ которой рядомъ съ холодными реляціями встрѣчаются и мѣста истинно поэтическія; *Шимонъ Старовольскій*, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, и который въ числѣ другихъ произведеній написалъ сносное стихотвореніе: *Обытъ объ исправленіи Республики*, это проекты, имѣющіе въ виду администрацію и полицію государства; Іеронимъ и Станиславъ *Морштыны* извѣстны, первый, какъ авторъ громкой въ свое время повѣсти въ стихахъ *Banialuka* иначе *Супружескіе антипасты*, второй, какъ переводчикъ трагедій Сенеки, Корнеля, Расина, о немъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ; *Янъ Дзвоновскій*, который въ сочиненіи: *Статутъ, то есть статьи закона, какъ судить явныхъ преступниковъ и обманщиковъ*, и *Генеральный домашній сеймъ*, если не выказалъ вкуса и таланта поэтическаго, и не далъ своему произведенію форму приличную сатирѣ, то, по крайней мѣрѣ заслуживаетъ, чтобы о немъ вспомнить, тою

норянки, низкіе любимцы, распоряжаются должностями, раздаютъ повести. Теперь іезуитъ совѣтуетъ, іезуитъ судитъ, всѣмъ управляетъ черезъ своихъ приверженцевъ. Но всегда осторожный, хитро притворяется, что онъ не мѣшается ни во что дурное. О польскомъ іезуитѣ всякъ теперь говоритъ, что онъ далъ клятву рокошанамъ, также какъ и папѣ.

чистосердечною грубостью, которая такъ хорошо характеризуетъ польскую шляхту; *Генрихъ Хелховскій*, авторъ нѣсколькихъ стихотвореній, какъ то: *Утѣшеніе парнасскихъ богинь, Лѣсной шумъ, Богъ вочеловѣчившійся* и т. д., которые стоятъ выше современныхъ ему произведеній; и наконецъ *Янъ Александръ Корейва*, котораго *Треноdія* (1632) на смерть Сигизмунда III и его жены Констанціи, и *На коронацію Владислава IV*, поставили бы автора въ ряду необыкновенныхъ поэтовъ того времени, если бы можно было назвать поэтомъ наборщика холодныхъ стиховъ, сложенныхъ по классическимъ образцамъ. Нельзя напр. не признать гладкости въ слѣдующемъ стихотвореніи Корейвы.

«Jo! wesoła młodzi spiewaj! już rumiany [1]
«Febus, złotem ukazał warkocz przeplatany,
«A po wielkim Olimpie świetne tocząc koła,
«Jo! i słodkobrzmiący hejnał głośno woła.
«Któremu złotogrzywe konie i pieszczona
«Febe, srebrnym poświadcza rąbkiem zasłoniona.
«Porzuć niemiłe pieśni, skargi obciążliwe,
«Załośne trenodye, łzy niepryjaźliwe:
«Niezawżdy noc ogromna, albo niezgonione
«Austry hucząc, powietrze mieszają przestronne,
«Niezawsze jaśne nieba sieją gromowłade
«Pioruny.»

Переводъ. «Эхъ! пой веселая молодежь! уже Фебъ румяный показалъ косу золотомъ переплетаемую, вертятся его блестящія колеса на Олимпѣ великомъ, взываетъ сладкозвучный Гейналъ, котораго златогривые кони и нѣжная Феба, закрытая серебряной пайной привѣтствуютъ. Оставь пѣсни не милыя, тягостныя жалобы, скорбные вопли, слезы непріязненныя, невсегда ночь велика или австры быстрые шумъ разливаются въ воздухѣ пространномъ, невсегда ясное небо свѣтъ громоносные молніи.»

Но естьли въ этомъ наборѣ миѳологическихъ сравненій, хоть тѣнь чувства?

Напрасно мы будемъ искать его въ произведеніяхъ, писанныхъ подъ вліяніемъ іезуитской эстетики, гдѣ не прилично было имѣть чувство, и нужно было измѣрять его по ученому вѣсу и мѣрѣ, по образцамъ классическимъ, гдѣ первымъ условіемъ мудрости было засушить сердце, гдѣ, послѣ разрыва съ сердечною простотою, трудно уже было остановиться на пути изысканныхъ нелѣпостей. Множество было правилъ и теорій искусства, но возможно ли божественное искусство заключить въ правила, при омертвеніи сердца, которое одно только бодрствуетъ надъ вкусомъ, указываетъ намъ гдѣ скрывается прекрасное, и гдѣ одно только его подобіе и маска. Что голова безъ сердца ничто, что возвышенный разумъ болѣе въ сердцѣ, чѣмъ въ мозгѣ имѣетъ свое жилище, доказательствомъ тому именно служитъ то безвкусіе, какимъ отличается литература въ эпоху іезуитовъ и ихъ воспитанниковъ, которые безъ сомнѣнія были учены, и даже слишкомъ умны спекуляціоннымъ умомъ міра, но оледѣнивъ свое сердце, на пути искусства могли творить лишь одни чудовищные уроды. Говоря о краснорѣчіи духовномъ и свѣтскомъ и о литературѣ богословской, мы должны будемъ представить множество доводовъ плачевной испорченности вкуса, а здѣсь для доказательства приведемъ хотя два тому примѣра. Что *напр.* думать о томъ вѣкѣ, въ которомъ поэтизировали разговоръ Лота съ соляннымъ столпомъ (Ситаньскій)? объ авторѣ и читателяхъ огромной поэмы *Марсъ Московскій*, каждый стихъ которой начинался одною буквою титула Димитрія Самозванца, и такимъ образомъ цѣлое произведеніе было исполинскимъ акростихомъ саженной номенклатуры собственныхъ именъ (Забчицъ)? чего можно было ожидать для языка тамъ, гдѣ напр. уже не въ

забаву, какъ дѣлалъ Кохановскій, но серіозно писали слѣдующіе польско-латинскіе стихи (Злотовскій)?

«Heroas magnos *Bogaterosque* feroces
«*Powietrznos* dicam *Wojnas* tristemque *Rokoszum*,
«Nec te terribilem in armis Sigismunde silebo
«Rex, et bellatum *surowo* Marte Polonum
«Vladislae tuas tollam super aethera laudes.»

Увы! нельзя уже было ожидать прекрасныхъ проявленій литературы въ такую эпоху; пѣснь польская умолкла, не смотря на неслыханный шумъ бездарныхъ стихотворцевъ,—невозможно было ожидать появленія поэта, развѣ подъ вліяніемъ заграничнаго воспитанія, развѣ на языкѣ латинскомъ, котораго при всѣхъ своихъ усиліяхъ іезуитамъ неудалось еще переродить, кромѣ какъ для предметовъ религіозныхъ и позволительно поэтическихъ, или для какого нибудь предмета, который при своемъ некатолическомъ стремленіи, былъ случайно возвышеннымъ и могъ сдѣлаться поэтическимъ подъ перомъ генія.

Въ эту пору, когда говоря по совѣсти мы не имѣли и не могли имѣть у себя ни одного истиннаго поэта, изъ Рима загремѣлъ по Европѣ голосъ латинской пѣсни Поляка и іезуита Сарбѣвскаго. Сарбѣвскій это одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которые раждаются вѣками, которые умѣютъ торжествовать надъ препятствіями, которыя противопоставляетъ имъ духъ вѣка, которымъ судьба благопріятствуетъ для того, чтобы они явились въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Родившись въ Мазовіи, еще почти въ отрочествѣ облеченный въ одежду сыновъ Лойолы, одаренный пламеннымъ сердцемъ и понятливымъ умомъ, Сарбѣвскій изучая римскую литературу не остановился на одной убійственной буквѣ, но умѣлъ проникнуться животворнымъ духомъ Горація и Виргилія. Первые образцы его пѣсней, далеко

возвышающіеся надъ обыкновенною посредственностію, носятъ однакоже печать польскаго іезуитизма — это похвалы, описанія гербовъ, брачныя стихотворенія, эпиграммы притворные и натянутые. Но къ счастію молодаго поэта, его выслали въ Римъ въ то время когда на папскомъ престолѣ сидѣлъ человѣкъ ученый, съ изящнымъ вкусомъ, Маттео Берберини (Урбанъ VIII) думавшій о живомъ вопросѣ тогдашней политики, объ изгнаніи изъ Европы Турокъ, къ счастію онъ обратилъ свой взоръ на геніальнаго Поляка и далъ его лирѣ высокое направленіе. Окончивъ недавно переводъ Сарбѣвскаго не будемъ здѣсь повторять одного и того же. Отсылая нашихъ читателей къ III и IV тому нашихъ *Переводовъ польско латинскихъ поэтовъ*, здѣсь вообще обратимъ исключительно вниманіе читателей на направленіе поэтическаго таланта Сарбѣвскаго. Разительную безъ сомнѣнія сторону его таланта составляютъ его оды на освобожденіе греческихъ провинцій отъ ига. Предметъ великій, но какъ мастерски поэтъ совладѣлъ съ нимъ! тамъ онъ воспоминаетъ историческую славу древней Эллады, тамъ пробуждаетъ чувство христіанской Европы, тамъ старается возбудить доблесть Поляковъ, прогнать лѣнивый сонъ съ глазъ монарховъ Европы, даже онъ умѣетъ разшевелить жадность простыхъ солдатъ. Прошелъ уже вѣкъ крестовыхъ походовъ, въ кабинетахъ Европы родилась мысль о равновѣсіи политическомъ, никто не ударилъ на Турокъ, одни только Поляки прогнали грозу подъ Хотиномъ, но стихотворенія Сарбѣвскаго остались вѣчнымъ памятникомъ его таланта и благодѣтельныхъ для Греціи усилій Урбана VIII. Въ другихъ сочиненіяхъ Сарбѣвскаго господствуетъ таже сила, тотъ же энергическій, рыцарскій духъ— наряду съ возвышеннымъ благочестіемъ. Выпишемъ здѣсь переводъ I Оды IV книги лирическихъ произведеній Сарбѣвскаго, которой нѣтъ въ

выше упомянутыхъ нами переводахъ. Это взглядъ поэта на его родину при возвращеніи изъ Италіи.

«Aeterna magnis carmina Carpati [1]
«Inscribo saxis.

«Na skale Karpackiéj rznę słowa,
«Niechaj je czytają potomni,
«Dziewica niech w pieśniach je wspomni,
«A dziecię w pamięci zachowa.

«Polacy, nic z naszych mozołów,
«Że zamki murujem tak szczytnie,
«Gdy Boża świątynia mchem kwitnie,
«I zielsko na dachu kościołów.

«Napróżno armatnie mozdzierze,
«Wydają swój łoskot tak dzielny,
«Gdy dzwonek oniemiał kościelny,
«I znikły pobożne pacierze.

«Gdy służby rozdzielne są Boze,
«Gdy serce nie w jedno kołata,
«Gdy naród się w wierze niezbrata,
«Niewiele mu wszystko pomoże

«Niezgodna modlitwa, złe serce,
«To wstrętna ofiara Jehowie,

[1] *Переводъ.* «На скалѣ Карпатской я вырѣзываю слова, пускай ихъ читаетъ потомство, дѣва пусть въ пѣсняхъ о нихъ вспомнитъ, а дитя сохранитъ въ памяти.

Полаки, не нужны наши труды, если мы воздвигаемъ столь высокіе замки, если Божья святыня поросла мохомъ и на крышѣ церквей выросла трава.

Напрасно чугунные пушки издаютъ выстрѣлъ столь громкій, если церковный колоколъ онѣмѣлъ и умолкли благочестивые молитвы.

Когда служеніе Богу различно, когда сердце бьется не одинаково, когда народъ несогласенъ въ вѣрѣ, немного все это ему поможетъ.

Злое сердце, не согласная молитва, это непріятная жертва Іеговѣ, не такъ ли несогласные грехи погибли среди сварливаго раздора?

* *
*

«Czyż dawno niezgodni Grekowie
«Zginęli w kłótliwej rozterce?

«Dymią się u Czechów ołtarze,
«A ziemia Węgierska tak blizka
«Patrząc na swoje zwaliska
«Łzy leje—bo Pan Bóg ją karze.

«Patrz z Tatrów Polaku, jak bystrze
«Ta ziemia farbuje się krwawo—
«Co trzody nad Sawą i Drawą,
«Co ziemi bogatej przy Istrze.

«Niełacno, niełacno te strony,
«Tureccy zdobyliby mężę, —
«Lecz gdzież tu święcone oreżę?
«Gdzie umysł ku Bogu wzniesiony?

«Czuł Węgrzyn niedole nad krajem,
«Nieszczędził na mury zachodów,
«I szańce i baszty swych grodów
«Otoczył usłużnym Dunajem.

«Do czego te mury, do czego?
«Gdy pomsta niebieska ogarnie,
«Nieujdzie, nieujdzie bezkarnie
«Kto szydzi z Zakonu Bożego.

Дымятся у Чеховъ алтари, а земля Венгровъ предвидя свои развалины, льетъ слезы, потому что Господь ее наказываетъ.

Смотри на Татаръ, Полякъ, какъ быстро земля эта заливается кровію, сколько стадъ надъ Савой и Дравой, сколько земли богатой при Истрѣ (Дунаѣ).

Не легко эти страны завоевали Турки? Но гдѣ тутъ священное оружіе, гдѣ умъ вознесенный къ Богу?

Венгръ владѣлъ недолго своимъ отечествомъ, нещадныхъ трудовъ для построенія стѣнъ, укрѣпленія и башни своихъ городовъ окружилъ Дунаемъ.

Зачѣмъ эти стѣны, зачѣмъ? когда мщеніе небесное обниметъ, не уйдетъ наказанія тотъ, кто насмѣхается надъ Божіимъ закономъ.

«Głos Rzymu ogłaszam Lechicie.—
«Dziewica nad wami ma skrzydło,
«Jej palcie Sabejskie kadzidło,
«Jej modły błagalne poszlijcie.

«Dziewico! kraj Lachów do Ciebie,
«Na klęczkach modli się w pokorze,
«W poranku i ciemnym wieczorze,
«Czy słońce południa na niebie.

«My dla cię w doswitki grudniowe.
«Po siedem kagańców zapalim,
«I czystą cię piesnią wychwalim,
«I damyć koroną na głowe.

«Niechaj Bóg na zgube nas nieda
«Dniepr, Wisła niech naszą krainą,
«Spokojnie do morza popłyną
«Niebojąc się Turka ni Szweda.

«Lecz cóż to złudzenie w mem oku?
«Czy w uchu?—gdyż oto w tej dobie,
«Głos wielki słyszałem przy sobie,
«I jasność zadrgała w obłoku.»

Голосъ Рима я возвѣщаю Лохитанъ. — Дѣва васъ держитъ подъ своимъ крыломъ, ей вы курите сабейскія благовонія, ей возносите умилостивительныя молитвы.

Дѣва! Страна Лаховъ тебѣ на колѣнахъ молится смиренно, и утромъ, и темнымъ вечеромъ, и когда солнце полудня на небѣ.

А мы для тебя въ утро декабрское, зажженъ по сени лампадъ и чистою пѣснію тебя прославимъ, и дадимъ вѣнецъ тебѣ на главу.

«Пускай Богъ не предастъ насъ на погибель; Днѣпръ, Висла, по нашей странѣ пускай спокойно плывутъ къ морю, не боясь ни Турка, ни Шведа.

«Но что это, призракъ у меня въ глазахъ, или въ ушахъ? потому что вотъ въ эту минуту, я слышалъ вокругъ себя голосъ великій, и свѣтъ блеснулъ въ облакахъ?

Иногда онъ бываетъ холоднымъ, слишкомъ ученымъ, но трудно и требовать, чтобы духъ вѣка и вліяніе касты не имѣло никакого вліянія на геній, даже первостепеннаго поэта. Но вслушавшись въ энергическіе звуки струнъ Сарбѣвскаго, ты сказалъ бы, что этотъ человѣкъ присланъ для того, чтобы воззвать къ жизни поэзію въ Польшѣ, чтобы воскресить замершіе звуки Кохановскаго, Шимоновичей, Мясковскихъ. Нѣтъ! вдохновенная пѣснь не откликнулась въ сердцахъ холодныхъ, а послѣдователи Сарбѣвскаго вмѣсто того, чтобы мужественно воспрянуть, ребячески стали подражать ему въ размѣрѣ стиха, латинскихъ выраженіяхъ, и тѣхъ предметахъ, на которые онъ писалъ.

Къ болѣе счастливымъ подражателямъ Сарбѣвскаго нужно причислять Николая Смокрлецкаго и Войтеха Инеза,—оба они были іезуитами. Оды перваго къ Сигизмунду III, переведены нами въ V тетради нашихъ Переводовъ, о второмъ скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Юшинскій приводитъ латинскую поэму Инеза подъ заглавіемъ *Lechias*, которую строго критиковалъ Браунъ, и собраніе его эпиграммъ *Acroaemata*. Мы не знаемъ этихъ произведеній, но судя по заглавію, намъ кажется, что они носятъ печать іезуитской школы, и должны быть дѣтьми своей эпохи. У насъ есть не упоминаемое библіографами собраніе лирическихъ стихотвореній Инеза *Liricorum centuria* (Dantici sump. G. Forsteri 1655). Они не смотря на слѣпое и упорное подражаніе Сарбѣвскому, имѣютъ и свои собственныя и рѣдкія достоинства. Это собраніе посвящено Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, какъ Царицѣ Польши; въ предисловіи авторъ объясняетъ, что онъ рѣшился подражать, а не грабить Сарбѣвскаго, Горація и другихъ классическихъ поэтовъ, почему онъ и не раздѣлилъ своего труда на четыре книги лирическихъ и пятую Эподонъ (какъ у Сарбѣвскаго),

но назвалъ свое собраніе *Сотнею* (Centuria) для того чтобы быть свободнымъ отъ упрека въ подражаніи, потомъ прибавляетъ: «Въ ту пору, когда это собраніе поступаетъ «въ печать, все королевство занято войною; справедливо «по этому выпустить этотъ трудъ подъ воинскимъ названі«емъ Сотни».

Здѣсь также какъ у Сарбѣвскаго мы найдемъ парафразы Пѣсни Пѣсней Соломона, пѣсни къ Пресвятой Дѣвѣ, краткія философскія оды, оды къ Польскому Рыцарству, похвалы Королю—словомъ все, такъ какъ у Сарбѣвскаго, даже оды на освобожденіе Греческой Имперіи, даже описаніе садовъ королей польскихъ подъ Краковомъ, потому что Сарбѣвскій подобнымъ же образомъ воспѣвалъ загородныя Римскія виллы Берберини и князей Бракціана. Есть здѣсь и мудрыя іезуитскія наставленія, какъ, *напр. Secretum politicum ad Balduinum Plancum*, о томъ чтобы никогда не возставать противъ силы сильнѣйшаго и другія, чтобы неосмотрительно и безъ пользы для себя самого, никому не раздавать даровъ и т. д. Все же Инезъ высказываетъ иногда собственные, часто не совсѣмъ обыкновенные мы сли, и употребляетъ новые и неожиданные обороты рѣчи. Охотно воспѣваетъ онъ предметы родные, обращается къ Польскому Рыцарству, королю Владиславу IV и его супругѣ Цециліи Ренатѣ, къ королевичу Сигизмунду Казимиру, но въ похвалахъ кажется умѣреннѣе Сарбѣвскаго. Словомъ, латинскія стихотворенія Инеза, особенно если принять во вниманіе вѣкъ, въ которомъ онъ писалъ, и ту касту къ которой принадлежалъ поэтъ, совсѣмъ необыкновенны. Для примѣра переведемъ одну изъ его лирическихъ пѣсней.

„На кичливыхъ юношей того времени“.

«Inter calentis pocula Caecubi...
«Odi disertos.

«W pośród puharów pienistej cekuby [1]
«Niecierpię szumnej samochwalstwa mowy,
«Gawiedź Marsową szukającą chluby,
«Pędźcie od szklannej armaty Bachowej!
«Jeśli tak tęskno piersiom za pogonią,
«Jeśli miecz ręce przypada do miary,
«Kiedyśmi zdolni umierać pod bronią,
«Idźmy ne Turki, idźmy na Tatary.—
«Wielki jest zawód przed rycerstwem naczém,
«Trzeba się pomscić nad Biśtońską, zgrają,
«Księżyć dwórogi rozkroić pałaszem,
«Z łamać pociski co na nas miotają.
«Lecz nacóż zda się rozlewając wino
«Słyszane boje powtarzać i naczej?
«I zamjast walki mieć chlubę jedyną.
«Grzmiącemi słowy strzelać do słuchaczy?
«Zionąć pogrózkę chełpliwemi usty
«Któż z nieprzyjaciół tryumfy odbierze?
«Gdy ręka słaba ,gdy zapał twoj pusty,
«Poco się jerzysz straszny bohaterze?
«Obfity mówca, juz złamał na szczęty
«Ostremi słowy nieprzyjaciół noże,
«Ale na pole gdzie szyk rozwinięty

---

[1] *Переводъ* «Среди бокаловъ пѣнистой цекубы, не люблю я шумныхъ рѣчей самохвальства, воинскую челядь, ищущую славы, прочь гоните отъ стеклянной баттареи Вакха! Если грудь тоскуетъ по знамени, если мечъ въ мѣру приходится къ рукѣ, если мы способны умирать съ оружіемъ, пойдемъ на Турокъ, пойдемъ на Татаръ. — Великое поприще предъ воинствомъ нашимъ, нужно отомстить Бистонской толпѣ, двурогую луну разсѣчь мечемъ, отразить удары, которыми насъ поражаютъ. Иначе къ чему, разливая вино, повторять извѣстныя уже битвы, и вмѣсто борьбы имѣть одну лишь славу, звучными словами стрѣлять въ слушателей? Зачѣмъ изрѣкать угрозы хвастливыми устами, кто изъ враговъ торжество получитъ? Если рука твоя слаба, и жаръ твой пустъ, зачѣмъ же хвастаешся страшный богатырь? Краснорѣчивый ораторъ изломалъ въ куски острыми словами вражескіе ножи, но на поле, гдѣ строй раз-

«Snadź ów bohater i spójrzeć niemoże.
«Zdala od niwy gdie bije armata!
«Zdala od mieczów, pocisków i grotów!
«Nawet blask słońca co po ostrzach lata
«Swemi promieńmi zaranić nas gotów!
«O kiedy brzmiennie śmiertelnym nabojem
«Zamruczy działo, i ziemię i nieba
«Wstrząśnie łoskotem, kiedy echem swojem
«Da znak że w pole wystąpić potrzeba,
«W tedy to mówco dowiedziesz mi szczerze
«Że dusza twoja do bitew ognistą—
«Wtęczas cię uznam wielki bogaterze
«Gdy szczękną włócznie, gdy ołów zaswista.
«Gdy zamiast słuchać twego męztwa dziwy
«Rzymianie dzieła twej ręki postrzegą,
«Uznam rycerzu że miecz twój straszliwy,
«Że nosisz w piersiach Marsa bojowego.
«Przestańmyż miotać wyrazy strzeliste,
«Niech rozprawiają do czynu niegodni,
«To u mnie rycerz wymówny zaiste.
«Kto swoje słowa mieczem udowodni.«

ставленъ, богатырь этотъ и взглянуть не можетъ. Дальше отъ мѣста, гдѣ гремитъ пушка! Дальше отъ мечей, выстрѣловъ и дротиковъ! Даже лучь солнца, который мелькаетъ на остріяхъ, своимъ блескомъ готовъ насъ изранить! О! когда съ смертоноснымъ зарядомъ загремитъ пушка и землю и небо потрясетъ своимъ громомъ, когда своимъ эхомъ подастъ сигналъ, что въ поле выдти нужно, тогда-то ораторъ ты докажешь мнѣ, что душа твоя пламенна къ битвамъ, тогда узнаю тебя богатырь великій, когда заблещутъ копья, и свинецъ засвиститъ. Когда вмѣсто того, чтобы слушать чудеса твоей храбрости, Римляне замѣтятъ дѣла твоихъ рукъ, тогда, рыцарь, скажу я, что страшенъ твой мечъ, что носишь въ груди воинственнаго Марса! Перестанемъ бросать слова огнестрѣльныя, пускай разсуждаютъ къ дѣламъ неспособные. Тотъ у меня рыцарь истинно краснорѣчивый, кто свои слова подтвердитъ мечемъ.»

Нѣсколько другихъ одъ Инеза мы переведемъ въ слѣдующей тетради нашихъ переводовъ.

Современникъ Сарбѣвскаго польскій поэтъ *Адріанъ изъ Вѣщицъ Вѣщицкій*, авторъ *Идиллій или пѣсней* (Краковъ 1634 г.) заслуживаетъ того, чтобы ближе познакомиться съ его произведеніями. Вишневскій, который читалъ эти идилліи, указывая въ нихъ на общій недостатокъ того вѣка—излишество миѳологической учености—отдаетъ справедливость пріятности стихотвореній Вѣшницкаго. Грустно намъ что стихотворенія этого рода рѣдки, потому что изучая поэзію той эпохи, читатель, утомленный холоднымъ іезуитскимъ лиризмомъ, радъ бы подышать свѣжимъ домашнимъ воздухомъ, который дуетъ изъ этихъ сельскихъ, а потому мимо вольно народныхъ произведеній. Для этой цѣли мы долѣе другихъ остановимся на польскихъ идилліяхъ Іосифа Вареоломея и Симона Зиморовичовыхъ. Станемъ прежде говорить о первомъ.

Іосифъ Варѳоломей Зиморовичъ землякъ и сосѣдъ Шимоновича, подобно ему мѣщанинъ города Львова и сельскій поэтъ, родился въ 1597 г., и въ теченіе всей своей жизни не оставляя роднаго Львова, любилъ городъ, былъ его бурмистромъ, описалъ его исторію, ходилъ въ Ченстохово молиться о его спасеніи, защищалъ отъ нападеній вражескихъ — здѣсь женился — здѣсь въ преклонной старости окончилъ свою жизнь. Его идилліи, изданныя подъ именемъ его брата Симона, совершенно отличны отъ другихъ его произведеній.

Варѳоломей Зиморовичъ, хотя ученый и начитанный, не былъ однако до того пропитанъ классическою литературою, чтобы черезъ нея лишать свои произведенія народнаго колорита. Онъ не имѣлъ тѣхъ познаній, какими обладалъ Шимоновичъ, но онъ сердечнѣе послѣдняго, и потому мы его

больше любимъ за то, что онъ представляетъ намъ народъ безъ Ѳеокритовыхъ масокъ, и о бѣдствіяхъ своего народа, разсуждаетъ его собственнымъ образомъ, говоритъ его простымъ, поэтическимъ языкомъ. Подъ именемъ *Милоша*, сельскаго пѣвца, поэтъ изображаетъ свое званіе поэта такъ, какъ вдохнула ему любовь (*Труженикъ*).

«U jednego dziewczęcia lichego, na czele [1]
«Wyczytały do wierszów, służące fortele,
«Wargi jej Hypokrenem nieprzebranej wody,
«Parnasem zdały sie być rozkwitłe jagody.
«I tak gdy jej pilnuję swych niestrzegę oczu,
«Zostałem Rymodziejem zgoła po warkoczu.»

Изображаетъ ли кровавое своеволіе козаковъ, нападенія Татаръ, жалкіе плоды войнъ, или отрадное чувство любви— вездѣ онъ вѣрно изображаетъ и сердце и лице народа Русскаго. Картины его — это дѣйствительность, это вседневность, поднятая до идеала, и согрѣтая теплотою собственной груди. Впрочемъ у Варѳоломея Зиморовича нѣтъ недостатка въ красотахъ перваго рода, только (по нашему мнѣнію) картины и описанія его чрезъчуръ растянуты, а потому красота ихъ отдѣляется, разбросанная въ различныхъ мѣстахъ. Но трудно неудивляться сердечной простотѣ, звучности и легкости стиха и той любви, которая, согрѣваетъ *Идилліи* Варѳоломея, и ставитъ его въ рядъ первыхъ народныхъ пѣвцовъ. Приведемъ здѣсь картину казачества, описанную имъ въ идиллiи того же имени.

---

[1] *Переводъ*. «У одной бѣдовой дѣвушки на челѣ прочитали невинныя хитрости, служащія для сложенія стиховъ. Уста ея казались Иппокреномъ воды неисчерпаемой, парнасомъ казались ея цвѣтущія ланиты. Я стерегу ее, не спуская съ нея своихъ очей и коса ея сдѣлала меня рифмачемъ.»

Остафій.

«O Doroszu, Doroszu na jakieśmy czasy [1]
«Przyszli! o których starsi niesłychali nasi,
«Czegośmy nieszczęśliwi ludzie doczekali!
«Słudzy nam, hej niestetyż! słudzy panowali,
«Nasi własni najmici, smrodliwi gnojkowie,
«Nam panom swym dziedzicznym usiedli na głowie:
«Ono chłopstwo nikczemne, bezecni hultaje,
«Szczęśliwe niegdy Ruskie splondrowali kraje,
«Które mlekiem i miodem przed tem opływaly,
«Dzis się łzami gorzkiemi i krwią swą zalały.

Дороѳкій.

«Kto się kiedy spodziewał, żeby wypaść miały, [2]
«Z tak maluchnej iskierki, tak wielkie zapały,
«Których ani obfite łzy ugasić mogą,
«Ani krew wytoczona powodzią tak srogą:
«Nieumiano tej iskry zalać wody kropią,
«Teraz pozog jej wielkie rzeki niezatopią.»

Скончавшійся въ цвѣтѣ лѣтъ, братъ Варѳоломея, Симонъ Зиморовичъ (род. 1604 — 1629) поэмою *Роксоланки, то есть русскія дѣвушки на свадьбѣ (Варѳоломея Зиморовича съ Екатериною Дуктынищкою)* достоинъ занять пре-

[1] *Переводъ.* «О Дороша, Дороша, до какихъ временъ мы дожили! о чемъ старики не слыхали наши, чего мы несчастные люди дождались! Слуги наши, охъ, увы! слуги стали господами, наши собственные наемники, сиродные гноевозы, намъ, своимъ господамъ владѣтельнымъ сѣли на голову: это ничтожное мужичество, подлые лѣнтяи, ограбили нѣкогда счастливыя русскія земли, которыя прежде обиловали медомъ и млекомъ, а теперь обливаются кровію и горькими слезами.

[2] *Переводъ* «Кто могъ когда ожидать, чтобы отъ малой искры произошли столь великіе пожары, которыхъ ни слезами обильными угасить не могутъ, ни кровь проливаемая такъ жестоко; неумѣли этой искры залить каплею воды, теперь ея пожаровъ не затопятъ обширныя рѣки.»

красное мѣсто въ числѣ нашихъ идиллистовъ. Роксоланки, о которыхъ мы говоримъ, это не есть только брачное стихотвореніе, какъ можно судить объ этомъ по его заглавію, но вѣрнѣе собраніе различныхъ пробныхъ стиховъ молодаго поэта. Собраніе это начинается длиннымъ тринадцати стопнымъ стихотвореніемъ подъ заглавіемъ *Свать*, въ которомъ гименей (Богъ брака) описываетъ силу любви и оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ къ новобрачной четѣ:

«Tymczasem wdzięcznie proszę, przyjmijcie tych gości, [1]
«Których dowas prowadzę z Roxołańskich włości:
«Dwa chory panien, trzeci z młodzieńców zebrany,
«Idą spieszno z muzyką, z tańcami, z Padewany,
«Ale dawno dziewiczy pierwszy poczet teśni,
«Że jeszcze niezaczyna różnogłośnych pieśni.
«Więc że im puszczę plac dla lepszej krotochwilej,
«Wy uznawajcie która zaspiewa z nich miléj.»

Здѣсь выступаютъ съ своими пѣснями *русскія дѣвы*, которыхъ поэтъ назвалъ странными полуклассическими именами: Элеонора, Люцидина, Коронелла, Ленерула и. т. п. Выберемъ одну изъ лучшихъ пѣсней. Вотъ какъ поетъ Посцилля:

«Pszczółko niemiłosierna, czemuś uraniła [2]
«Mój paluszek? dla czegoś żądło weń wpuściła?»

---

[1] *Переводъ.* «Между тѣмъ, покорно прошу васъ примите этихъ гостей, которыхъ я веду къ вамъ изъ русскихъ странъ: два хора дѣвъ, третій составленный изъ юношей спѣшно идутъ съ музыкой и съ танцами и пѣснями любовными, но первый рядъ дѣвъ давно уже груститъ о томъ, что до сихъ поръ не начинаетъ разногласныхъ пѣсней, и такъ я имъ открою поле для удовольствія, а вы узнавайте, которая изъ нихъ пріятнѣе поетъ.»

[2] *Переводъ.* «Пчелка безжалостная, за что ты ранила мой пальчикъ? зачѣмъ въ него жало ты впустила? «Зато тебя я ужалила, что ты ута-

«—Dla tegom cię ujadła,
«Żeś z ula miód wykradła,
«Któregom miała pożywać w późnej jesieni.»
«—Patrzaj jako od razu skóra się rozpadła,
«A od bolu srogiego twarz moja pobladła.»
«Pewnie zdrowabyś była
«Gdybyś nie poruszyła.
«Cudzego i niesięgała do skrytej dzieni.»
«—Któż to wiedział żeś natenczas w dzieni siedziała,
«Kiedym ja niszczęsliwa miod z niej wybierała.»
«—Tak swiat roskoszy słodzi,
«Tuż przy nich gorzkość płodzi,
«Między trochę miodu żółci przydając wiele.»
«—Niedbam żes mnie boleści pszczółko nabawiła,
«Poniewasz dla tegoś miod z żądłem utraciła.»
«—Wszystkoś mi odebrała
«Com najlepszego miała;
«Masz miód, masz żądło, jestes pszczółka w ludzkiem ciele.»

Достоинства *Роксоланокъ* Зиморовича не вездѣ одинаковы; одни изъ нихъ носятъ на себѣ слѣды пера еще юнаго, недовольно опытнаго, другіе языкомъ и мыслію указываютъ талантъ уже зрѣлый. Мы не сомнѣваемся, что Роксоланки, которымъ при всѣхъ ихъ достоинствахъ, недостаетъ такту высшаго общества, какъ любовныя пѣсни, должны

щила недъ изъ улья, которымъ намѣрена я была питаться позднею осенью. — Смотри какъ вдругъ кожа разсѣлась, а отъ жестокой боли все лицо побледнѣло.» А вѣрно была бы ты здорова, еслибы не тронула чужаго и не прикасалась къ скрытой нашей работѣ. Кто же то видѣлъ, что на ту пору сидѣла ты за работой, когда я несчастная недъ выбирала. Такъ міръ услаждается роскошью, и тутъ же при ней горечь раждается, къ врохѣ меду прибавляя много желчи. Вздоръ то страданіе, которое ты пчелка мнѣ причинила, потому что ты съ жаломъ вмѣстѣ и недъ потеряла. Все у меня ты отняла что было лучшаго; есть у тебя недъ есть, и жало, ты пчела въ человѣческомъ тѣлѣ.»

ыли повторяться въ устахъ любовниковъ извѣстнаго слоя бщества XVII вѣка, — такое сходство въ мыслях и раз-рѣрѣ стиха замѣчается между ними и дошедшими до насъ юбовными пѣснями окрестной польской шляхты, что же асается высшаго класса, то онъ свои чувствованія выра-калъ инымъ, классически ученымъ образомъ, точно такъ, какъ объясняется гименей въ началѣ Роксоланокъ.

Третьимъ латинскимъ поэтомъ того времени былъ *Янъ изъ Вѣлѣмовицъ Гавиньскій*, который не можетъ равняться съ Шимоновичемъ и Варѳоломеемъ Зиморовичемъ, но безъ сомнѣнія выше Симона Зиморовича. Стихотворенія его издавались отдѣльно въ разное время при его жизни и послѣ смерти, и наконецъ соединенныя въ одно собраніе вышли въ наши уже времена вмѣстѣ съ разными сочиненіями сомнительнаго достоинства. Онъ писалъ *Идилліи*, *Dworzanki* (Бездѣлицы) *Элегіи* на смерть Станислава Ксѣнзкаго, *Эпитафіи* и т. п. Приведемъ отрывокъ изъ его идиллій: *Жизнь сельская и придворная:*

«We wsi domek poziomy z niewyniosłym szczytem, [1]
«I mieszkaniem wesołem, i szczęsliwym bytem
«Pana swego obdarza: pokoiczek mały
«Za gmach wielki mu stanie i za zamek cały.
«Miasto drogich *szpalerów*, po ścianach natkniony
«Z wonnemi kwjateczkami wisi maj zielony
«Po stole i po ziemi świeci się rozsuta,
«Róża, goździk, barwinek i zielona ruta,

[1] *Переводъ.* «На селѣ стоитъ низенькій домикъ съ невысокой крышей; веселымъ жилищемъ и счастливымъ бытомъ даритъ своего господина: уютная горница вознаграждаетъ его за палаты и цѣлые замки. Вмѣсто дорогихъ обоевъ, заткнутая въ стѣнѣ, вьется свѣжая зелень съ благовонными цвѣтками. Разсыпанная по столу и землѣ сіяетъ роза, гвоздика, барвинокъ и зеленая рута, въ саду его привлекаетъ прохлада подъ разцвѣтшими вѣтвями, гдѣ пробывъ нѣкоторое время, подъ тѣми же

«Albo w sadzie z gałązek rozkwitłych chłodniki,
«Tam go pod cień wzywają i lotne pośniki,
«Gdzie trawiąc czas łagodny, pod temiż gibieli,
«Na zielonej traw bujnych kładzie się pościeli:
«Alboli gdy domowe nasycą go wczasy.
«Z miłą chęcią ukwapia w swe pobliższe lasy:
«Tam pod liściem klonowen, jak pod szczerozłotem,
«Lub bukowym spoczywa papużym namiotem,
«Więc mu i sen na tęczas słodki się udaje,
«Na który go zachęca szum co z wody wstaje,
«Lub gdy zefir na drzewie listeczkami dzwonie,
«Do spokojnej, sen mu się smaczniej tuli skroni.
«Czeladka robót pilna to jego dworzani,
«Taż za wiernych przyjaciół w każdy mu czas stanie.
«Pracowity wół i koń to część dworu jego,
«I podpora niemylna do mienia dobrago.»

Переходя отъ этихъ очаровательныхъ картинъ честной жизни деревенской шляхты, какъ ихъ изображаетъ Гавиньскій, грустно принимаясь за другаго писателя, видѣть съ другой стороны лице той же шляхты, омраченное такимъ множествомъ недостатковъ и несовершенствъ, грустно сознаться, что въ идиллiи изображался только идеалъ, а сатира представляла вѣрную, дѣйствительную сторону нашихъ нравовъ. Но такъ дѣйствительно было въ

---

gibieli, онъ ложится на зеленой постелѣ изъ травъ. Или, когда у него есть досугъ, онъ съ удовольствіемъ спѣшитъ въ сосѣднія рощи: такъ подъ тѣнью кленовъ какъ подъ золотымъ шатромъ, онъ отдыхаетъ и сонъ ему кажется сладкимъ; его располагаетъ ко сну шумъ, происходящій отъ воды или когда зефиръ по дереву шелеститъ листочками, сонъ сладостнѣе проникаетъ на его спокойныя вѣжди. Трудолюбивая челядь, то его придворные, въ каждую пору занѣнитъ ему вѣрныхъ друзей; конь и быкъ трудолюбивый, вотъ часть его двора, и вѣрная опора въ хозяйствѣ.»

польскомъ обществѣ. Въ началѣ эпохи Вазовъ мы указывали сатиры на домашнія и общественныя его недостатки, но еще въ этихъ недостаткахъ проглядывало что-то богатырское, чтото доказывающее могучую нравственную силу народа; но подъ конецъ этой эпохи, когда вѣра превратилась въ религіозную борьбу и благодаря іезуитамъ и ихъ противникамъ сдѣлалась только буквой догмата, когда, благодаря Сигизмунду III, престолъ потерялъ свою энергію и довѣренность подданныхъ, когда, благодаря магнатамъ, перевѣсъ матеріальной силы сталъ заступать мѣсто законности и правосудія, тогда возросли недостатки, дѣйствительно унизительные для Польши. Примѣромъ для нихъ служили высшіе и они подобно заразѣ распространялись въ низшихъ слояхъ общества. Гражданская заботливость о соблюденіи законовъ и ихъ знаніи, которою такъ дорожилъ народъ конституціонный, переродилась теперь въ гнусное ябедничество. Духъ пожертвованій политическихъ и религіозныхъ находилъ рѣдкіе себѣ примѣры, чувство эгоизма возрастало въ сердцахъ Поляковъ, не задолго еще столь возвышенныхъ. Пьянство, продажность, угнетеніе слабыхъ, расточительность—вотъ недостатки распадавшагося уже общества, недостатки, которые подъ конецъ этой эпохи были изображаемы сатириками *Андреемъ Рысинскимъ* и *Петромъ Опалинскимъ*. Первый (котораго кажется несправедливо смѣшиваетъ Войцицкій съ другимъ, Соломономъ Рысинскимъ, лютеранскимъ пасторомъ въ Гданскѣ, мужемъ заслуженнымъ въ нашей литературѣ собраніемъ пословицъ, ходившихъ между простымъ народомъ), сочиненіемъ *Сатира на дворъ* (Satyr na twarz dworską) и другимъ *Сатира на Республику* (Satyr na twarz Rzeczypospolitej 1640 г.) поражалъ народные недостатки съ достоинствомъ, хотя безъ особеннаго таланта. Какъ бы то

ни было, но въ обоихъ сатирахъ Рысинскаго мы находимъ вѣрную картину тогдашнихъ недостатковъ, которыхъ нехочемъ принимать за образъ тогдашнихъ нравовъ Польши, потому что думаемъ что сатирикъ изображая мрачную сторону общества опустилъ свѣтлыя его черты. Вотъ образъ продажности судей въ трибуналахъ.

«Gdy więc panowie sprawy swoje mają,
«Na kilka do Lublina niedziel przyjeżdżają,
«Przed czasem i terminem w której różnodobie
«Deputatów Fawory zjednywają sobie,
«Prosząc wprzód ich na bankiet z paniami pospolu.
«Gdzie przy winie gorącem, u strojnego stołu,
«W znajomości zachodzą i braterstwa nowe.
«Spore nato kielichy pełniąc kryształowe.
«Tamże słuszność spraw swoich za każdą podana,
«Rozwodzą, okazują; ani nieustaną,
«Aż wszystkich nie naswoich nogach rozprowadzą,
«Choć czasem i drugiego na *tureczka* wsadzą,
«Co nigdy cię niewroci. Drugiego polano,
«Że polewką umyslnće, aż za to posłano
«Rysią mu ferezyję. Drugim, księży zwłaszcza,
«Nie żaden wstyd po trzezwu upomnićsię płaszcza.
«Drugim poślą to wódek, to *Piotrkowskich* krupek,

[1] *Переводъ*. «Итакъ, когда господа имѣютъ свои дѣла, за нѣсколько недѣль они пріѣзжаютъ въ Люблинъ, до заблаговременно термина, въ этомъ промежуткѣ снискиваютъ себѣ благосклонность депутатовъ. Вначалѣ приглашая ихъ на пиръ вмѣстѣ съ женами, тамъ съ чашей вина за убраннымъ столомъ заводятъ новыя знакомства и новыя братства, наполняя для этого богатыя чаши хрустальныя. Тамъ правоту своихъ дѣлъ за каждой подачей они показываютъ, и не перестанутъ до тѣхъ поръ, пока всѣхъ не разведутъ на своихъ ногахъ. Иногда другаго всадятъ на турецкаго (коня), который никогда уже не вернется. Иного нарочно обольютъ соусомъ, и зато пошлютъ ему рысью ферязь. Другимъ, особенно священникамъ, не стыдно и въ трезвомъ состояніи попросить плаща. Инымъ пошлютъ то винъ, то *Пётрковскихъ* круп на

«Na złocistych miednicach: choć się tych skorupek,
«Nieupomnią na wieki. Drugim podrzucaja,
«Konwie srebrne i czary, a choć się gniewają,
«I chcą w rzeczy wyrzucać: przecię pod oknami
«Rzadko gdzie ich znajdują».

Но не смотря на непривлекательную поверхностность взгляда, нерифмованне стихи, необработку слога и грубость выраженій, мы предпочитаемъ Рысиньскому, *Сатиру или совѣты для исправленія правительства и нравовъ Польши* (Satyry albo przestrogi do poprawy rządu i obyczajow w Polsce 1652 г.) *Христофора Опалинскаго* Познаньскаго Воеводы. Это сочиненіе во второй разъ было издано подъ заглавіемъ *Juvenolis redividus*, а въ третій разъ *Icon amicorum*. Въ Сатирахъ Опалинскаго мы находимъ болѣе обширный взглядъ, добрыя желанія, мудрые совѣты, довольно движенія и жизни, полноту сатиры и наивность, которая при его грубости не можетъ не нравиться. Опалинскій порицаетъ роскошь и изнѣженность въ воспитаніи дѣтей, нападаетъ на пустосвятовъ, изображаетъ недостатки домашней и придворной жизни Поляковъ и т. д. Въ образецъ приведемъ отрывокъ изъ сатиры. *На обремененіе и утѣсненіе крестьянъ въ Польшѣ:*

«Rozumiem że Bóg Polski za nic niekarze [1]
«Więcej, jak za poddanych sroga opressyą,
«I gorzej niż niewolę. Jakoby chłop niebył
«Bliźnim nie tylko twoim, ale i człowiekiem.
«Serce się oraz lęka, skóra drży wspomniawszy

позолоченныхъ подносахъ, хотя этихъ скорлупъ они и во вѣкъ назадъ не потребуютъ. Другимъ подбрасываютъ серебряные сосуды и чарки, и хотя тѣ сердятся, и хотятъ силою выбросить, однако рѣдко кто находилъ ихъ подъ окнами.»

[1] *Переводъ.* «Я знаю, что Богъ ни за что больше не наказываетъ Польши, какъ за жестокое угнетеніе подданныхъ, худшее рабства. Какъ

«Na tę niewolę, która cięższa niż pogańska,
«A dla Boga, polacy, czyście oszaleli!
«Wszystko dobre, dostatek, żywność, wszystkie zbiory
«Z waszych macie poddanych. Ich ręce was karmią,
«Przecię się tak okrutnie z niemi obchodzicie.
«Wielbląd tak powiadają nąd siły nienosi,
«I kiedy go najuczą, że przeładawanym
«Być się poczuje, zaraz tamże się położy,
«I wstać niechce. Opak tu: bo nadprzyrodzone
«I Boskie prawa, chłopek wytrzymać to musi
«Co mu pan na ramiona włoży, by miał zdyszeć.
«Łają i kaznodzieje, łają spowiednicy,
«Piekłem grożą nic na ten, sami to biskupi
«Przez swoich ekonomów czynią i prałatów,
«A bodaj i niewięcej. Ma szlachcic ubogi
«Zasłonę kiedy widzi że przedniejsi grzeszą.
«Naprzód jakie ciężary w samych robociznach.
«Gdzie bywało dwadzieścia kmieci, albo więcej,
«Tam ich osm, albo dziesięc, a przecię to zrobić
«Każą dziesięciom co ich dwadzieścia robiła.
«Gdzie przed tem wychodziło ludzi po jednemu

будто бы холопъ не былъ твоимъ ближнимъ и даже человѣкомъ. Сердце пугается, кожа дрожитъ при мысли о томъ рабствѣ, которое хуже языческого. О! ради Бога, Поляки, съ ума ль вы сошли! Все свое добро, остатокъ, продовольствіе, всѣ сборы, доставляютъ вамъ подданные. ихъ руки васъ питаютъ, и при всемъ томъ вы такъ жестоко съ ними обращаетесь. Верблюдъ, какъ говорятъ, не беретъ чрезъ силы, когда его обучатъ, и если онъ почувствуетъ себя полнымъ обремененнымъ, ляжетъ и встать не захочетъ. А здѣсь напротивъ: вопреки правамъ природы и Божественнымъ, холопъ то долженъ нести, что панъ наложитъ ему на плечи, хотя бы онъ умеръ. Ругаютъ его и проповѣдники, ругаютъ духовники, грозятъ адомъ; пустое, сами же епископы, чрезъ своихъ приставниковъ и прелатовъ дѣлаютъ тоже, если не больше. А бѣдный шляхтичъ имѣетъ отговорку когда видитъ, что и высшіе дѣлаютъ тоже. Какое обремененіе въ самыхъ работахъ. Гдѣ прежде бывало 20 человѣкъ, теперь такъ 8 или 10 и однако приказываютъ сдѣлать 10-ти то, что ихъ дѣлало 20. Прежде выходили изъ дому по од-

«Z domy, potem po dwu, po trzech i po czterech.
«Gdzie dwa dni, albo i trzy robili w tygodniu,
«Teraz niemają, czasem wolnego żadnego.
«Gdzie wolny szynk piw bywał, zwłaszcza w księżych dobrach,
«Teraz i to odjęto i pić każą piwo
«Którymby same trzeba djabły truć w piekle».

Назвать ли намъ поэтомъ *Самуила изъ Скржипна Твардовскаго?* поставить ли его въ ряду первостепенныхъ, или только причислить къ разряду простыхъ рифмотворцевъ? Отвѣтъ трудный. Твардовскій писалъ много, легко, иногда возвышенно, истинно поэтически; жилъ во время живыхъ событій историческихъ, любилъ воспѣвать ихъ въ своихъ поэмахъ, какъ то: *Счастливый Московскій походъ короля Владислава* IV (1654), *Память смерти Его Величества Александра Карла, Польскаго королевича* (1634 г.), *Дворецъ Лещинскихъ* (1645 г.) или *Междоусобная война съ козаками и Татарами* и т. д. (1660) или *Чрезвычайно важное посольство Христофора Зборовскаго въ Турцію* (1621 г.). Онъ увѣковѣчилъ множество событій, не безъ таланта изображалъ своихъ героевъ, — и однако, читая его произведенія, намъ приходится сожалѣть о томъ, почему онъ не писалъ ихъ прозою въ видѣ исторіи или мемуаровъ. Нѣтъ у Твардовскаго недостатка поэзіи въ слогѣ, но недостатокъ торжественнаго взгляда на свой предметъ, а поэтому не смотря на весь ослѣпительный блескъ, произведенія его не имѣютъ ни дѣйствительнаго блеска, ни животворной теплоты. Лучи истинной поэзіи (возьмемъ древнее сравненіе) у него сіяютъ

ному человѣку, потомъ по два, по три, по четыре. Гдѣ два или 3 дня работали въ недѣлю, теперь иногда не имѣютъ и дня свободнаго. Гдѣ бывалъ вольный шинокъ пива, особенно въ священническихъ имуществахъ, теперь и то отнято, и велятъ пить пиво, которымъ надо отравлять однихъ только адскихъ демоновъ.

такъ, какъ блестки золота въ массѣ болотистой руды, образы вмѣсто того, чтобы соединяться, чрезвычайно растянуты, мысли вмѣсто того, чтобы блистать, омрачены какъ будто бы нарочно, подробности бываютъ торжественны, но цѣлость обыкновенна. Впрочемъ такъ какъ упрекъ этотъ можно сдѣлать не одному Твардовскому, но очень можно примѣнить его къ Хотинской Войнѣ Липскаго, Идилліямъ В. Зиморовича, Лирическимъ произведеніямъ Мясковскаго и Коховскаго, словомъ ко всѣмъ произведеніямъ тогдашней школы—то раждается теперь вопросъ, приписать ли эти недостатки самимъ поэтамъ или понятіямъ тогдашней эстетики? а въ этомъ послѣднемъ случаѣ, что было причиною такой ложной теоріи искусства? Размышляя объ отвѣтѣ на эти вопросы мы доходимъ къ источнику порчи вкуса еще въ іезуитской школѣ, гдѣ наставники составляя панегирики сильнымъ, внушили питомцамъ своимъ ложное правило: *что каждое лицо, каждое событіе можетъ быть предметомъ поэзіи*, и еще другое: *что засмотрѣвшись на образцы совершенства въ классической древне-римской поэзіи, вѣрною копировкою этихъ образцевъ можно замѣнить въ себѣ недостатокъ чувства и вдохновенія*. Піитика, которую преподавали въ школѣ, какъ науку нравственную, непремѣнно должна была родить поэтовъ холодныхъ, искусственныхъ, заученныхъ, сравнять геній и посредственность у перваго отнять крылья, другую поддерживать при помощи готовыхъ уже формъ и правилъ. Жертвою *школьной піитики* пали, дѣйствительно призванные природою поэты, Липскій, Зиморовичъ, Твардовскій. Возвращаясь къ послѣднему, подтвердимъ доводами то, что мы о немъ сказали, и выпишемъ приготовленія Яна Казимира къ Зборовской битвѣ (изъ поэмы *Междоусобная война*).

«A tak wojsko którego mogło już być więcéj [1]
«Na dwadzieścia, wyboru samego tysięcy,
«W pięknej sprawie prowadzi sam mu kredensując,
«Sam porządki i straże wszystkie upatrując
«Jako stanąć? i z konia umieć się ułożyć;
«Podskoczyć na skinienie; *drzewo* kształtnie złożyć?
«Trzymać się swych szeregów i razem pilnować
«Ich obrótow, po drugim jeden następować;
«Zajeżdzać, posilkować, ucząc niecwiczonych,
«Z podziwieniem w tym dziele mężów dowiadczonych.
«A czego nie przeniknie i przez się niesprawi,
«Kanclerza generałem wielkiego, przystawi,
«W rządach Ossolińskiego: Sarmackiej wymowy
«Przed tem wodza, z którego wychodziły głowy
«Rady wszystkie. O jak szczero teraz gniewy
«Wspłoną *Gradywowymi* jemu oraz lewy,
«Bóg poruczy *Kijowski*, *Bełzki i Podolski*,
«Spół z nim Wojewodowie i wodz Wielopolski
«Z Litewskim Podkanelerżem i Zamojski boku
«Blizko tego pilnują; a w swoim obłoku
«Ruszenia pospolite, i które ich były
«Za wody nieskończone okrywały tyły.

---

[1] *Переводъ*. «А такимъ войскомъ, изъ котораго отборныхъ могло быть болѣе двадцати тысячъ, онъ самъ предводительствовалъ въ удачной кампаніи: заботясь объ ихъ продовольствіи, наблюдая за порядкомъ и осматривая пикетъ. Какъ нужно стоять, и на конѣ умѣть прицѣлиться, явиться по первому призыву, *дерево* ловко сложить? Держаться своихъ рядовъ и смотрѣть на ихъ повороты, послѣдовательно шествовать, заѣзжать, подавать помощь, обучая незнающихъ, заставляя удивляться мужей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. А чего самъ не постигнетъ и самъ не сдѣлаетъ, назначитъ генераломъ великаго канцлера въ ряды Осолинскаго: верховнаго витію Сарматовъ, общаго всѣхъ совѣтника. Какъ непритворно возгорится теперь гнѣвъ его, постепенно, подобно приливу. Богу себя онъ поручитъ и съ нимъ вмѣстѣ воеводы Кіевскій, Белзскій и Подольскій; вождь великой Польши съ Литовскимъ подканцлеромъ и Замойскій стерегутъ ту сторону; а съ вершины наблюдаетъ

«Aż zato pod Zborowem w pięciu ledwo milach
«Będzie już od Zbaraża, gdzie po przeszłych chwilach
«Niebieskich uprzykrzonych i z natury swojej
«Ziemia lipka, ze strony potniejąc ć bojej
«Od *Jezieryszcz* przyległych (ktore *Strypa* swymi,
«Rozlawszy się po łęgach nurty leniwemi
«W żaby czyni obfitą), droge mu zabawi,
«I niźli ją tym czasem zbity gmin naprawi
«Że wsi bliższych, przyszło się z te tu miasta stronę
«Z obozami zatrzyniać przez sobotę onę,
«Która dzień uprzedzała nadewzystkię święty
«W niebo *Bogarodzice* od aniołów wziętej:
«Więć żeby tej pociechy niebył i on próżny
«Duchow tryumfujących. Posiłek podróżny
«Z chleba wziął zbawiennego: do tegoż wzbudziwszy
«Wszystkich swoim przykladem; a tak uzbroiwszy
«Na przypadki wszelakie i ślizkość fortuny,
«Zda się sobie że choćby ostre nań pioruny
«Z wierzchu biły, i samo słyszał gór zleganie
«Z razów *Tusseuszowych*, nie się mu niestanie
«Zaczem co kosztownego tego dnia zbywalo,
«Przywoławszy senatu i inszych niemało,

онъ за общимъ движеніемъ и безконечными разводами, которые ихъ тыл прикрываютъ. За то уже подъ Зборовомъ въ пяти только миляхъ отъ Збаража, гдѣ послѣ непріятныхъ перемѣнъ воздушныхъ да и по природѣ земля вязка, проникаясь влагою отъ близкихъ озеръ, которые *Strypa*, разлившись по лугамъ лѣнивыми потоками, дѣлаетъ обильною лягушками, замедлитъ путь, и пока его починитъ народъ собранный изъ сосѣднихъ деревень, нужно будетъ простоять съ обозомъ въ городѣ субботу, предшествующую дню успенія Пресвятой Богородицы. Но чтобы не быть лишену утѣшенія торжествующихъ духовъ, онъ принялъ подкрѣпленіе изъ спасительнаго хлѣба и къ этому побудилъ всѣхъ своимъ примѣромъ; а такимъ образомъ вооружившись противъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ и непостоянства счастія, онъ кажется остался бы твердымъ противъ всесокрушающихъ громовъ и паденія горъ низверженныхъ ударомъ. Затѣмъ остатокъ этого драгоцѣннаго дня упо-

«Wodzów i weteranow, z nimi o sposobie,
«Dalszym kommunikuje.»

Языкъ чистъ и исправенъ, рифмы звучны, а однакоже нѣтъ того, что трогаетъ сердце. Такъ какъ поэтъ не подмѣтилъ торжественной минуты того, что онъ изображаетъ, то его прозведенію при всѣхъ его притязаніяхъ далеко не равняться съ древнею пѣснію о побѣдѣ Ягеллы подъ Грюнвальдомъ, при чтеніи которой сердце невольно должно забиться и глаза наполниться слезами. Впрочемъ растянутость, недостатокъ огня, не столько поражаютъ насъ въ эпосѣ, сколько въ лиризмѣ, гдѣ для большей силы должна быть выражена высшая степень восторга и чувства. Вотъ отрывокъ изъ безконечно длинной оды Твардовскаго на смерть королевича *Александра Карла*

«Co ztąd za żal i rozruch po wszystkiej koronie [1]
«Jako znaczna ruina i w Królewskim tronie?
«Upadł piąty Baldekin zatrzęsły się mary,
«Złote jako podcięta krwawe jędza sznury.

«Ty! coś świeżo ukrócił Wschód nieusmierzony,
«I harde Dunajowe poskromił Trytony:
«O! jako w pół tryumfów i swojej ozdoby,
«Jakoś przyjął nowine tąg nagłej załoby?

«Padnie z ręku Reiment, serce urażone,
«Niepożyte inaczej, ani zwyciężone:

требилъ на разсужденіе о способѣ веденія войны, въ присутствіи сената, вождей и ветерановъ.

[1] *Переводъ.* Какая скорбь и смятеніе во всемъ царствѣ, отъ этой значительной потери на королевскомъ тронѣ? Палъ пятый Балдекинъ, заштатились стѣны, потому что фурія подрѣзала кровавыя нити.

Ты, который недавно укротилъ мятежный Востокъ, и усмирилъ гордые Дунайскіе тритоны: О! какъ на пути тріумфовъ и своихъ украшеній принялъ ты новость о внезапномъ траурѣ?

«I które swą wdzięcznością świat uweselają,
«Po kwitnacych jagodach z oczu łzy pierzchają.

«Na Pana wszyscy patrząc pozwieszają głowy,
«Zrucą forgi z szyszaków: i już nie surowy
«Mars im w oczach. Jako więc, gdy gwałt przyrodzeniu,
«Światła insze pogasną w slonecznem zacmieniu.

«Działa milczą i bębny, na ich miejsce wyje
«Głucha w dzwony Nemezys okropne Nenije;
«A Bellona promienie zelżywszy okrutne
«Po obozie rozrzuca Amaranty smutne.

«W tej Majestat żałobie, i wszystka korona,
«Tedy ludzkie kochanie i ozdoba ona
«Mogla zmierzchnąć tak prędko? Ledwie sie ochynął,
«Ledwie z morza *Lucifer*, aż w momencie zginal.

«Placz nieszczęsna młodości! jeśli ztąd rej wodzisz.
«Że inne wieki ludzkie ozdobą przechodzisz
«Też Nardy i Kupressy ukochane sobie,
«Które głowy koroną, pozwieszasz na grobie.

«Ufasz-li w swej czerstwości i darach natury?
«Niewidzisz, ano starzec nad tobą ponury,

Падаетъ изъ рукъ скипетръ и сердце изранено прежде ничѣмъ неоскорбленное и непобѣдимое: и тѣ, которые увеселяютъ міръ своею благодарностію, свои лица орошаютъ слезами.

Смотря на васъ всѣ опускаютъ головы, снимаютъ форги ихъ шишаковъ и уже не смотрятъ Марсомъ. Такъ какъ во время солнечнаго затмѣнія и всѣ свѣтила померкнутъ.

Молчатъ орудія и барабаны, вмѣсто ихъ воетъ въ колоколахъ глухая Немезида ужасная Ненія; а Беллона ослабивши страшные лучи, раскидываетъ траурные амаранты въ станѣ. Весь домъ въ этомъ трауръ и все государство, когда любовь всѣхъ людей и это украшеніе такъ внезапно померкло? Едва появился, едва блеснулъ и вдругъ исчезъ.

Плачь несчастная молодость! если тѣмъ гордишься, что преимуществуешь надъ другими вѣками, тѣ же нарды и кипарисы для тебя милые повѣсишь надъ гробомъ въ видѣ вѣнца.

«Utopiwszy skąpy wzrok w tablicy kamiennej,
«Kresli termin twym latom, termin nieodmienny.»

О жизни Твардовскаго знаемъ только то, что онъ родился въ 1600 г., что 24-го онъ былъ въ Константинополѣ въ свитѣ Зборовскаго, котораго посольство имъ описано, что живя въ селѣ Зарубенцахъ долженъ былъ бѣжать предъ грознымъ гайдаматствомъ Хмѣльницкаго, что своею поэмою подъ заглавіемъ *Владиславъ IV*, до того вооружилъ Россію, что въ числѣ причинъ разрыва съ Польшею послы царя Алексѣя Михайловича въ 1650 г. приводили эту поэму, какъ оскорбительную для ихъ народа, что наконецъ Твардовскій умеръ въ 1669 г. а лирикъ Коховскій, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, въ эпитафіи ему, назвалъ его Польскимъ Виргиліемъ. Въ то время уже щедро стали награждать подобными титулами.

Къ нашей эпохѣ можно бы еще причислить одного изъ необыкновенныхъ поэтовъ, Веспасіана Коховскаго, о которомъ мы сейчасъ говорили, тѣмъ болѣе, что въ этой же эпохѣ мы будемъ заниматься имъ, какъ историкомъ, но потому, что первое собраніе лирическихъ стихотвореній Коховскаго вышло уже въ 1674 г., знач. пять лѣтъ спустя послѣ отреченія Яна Казиміра, которымъ оканчивается эпоха Вазовъ,—то мы оставляемъ его въ эпохѣ *дальнѣйшихъ королей избирательныхъ*, столь бѣдной въ первые свои годы истинными поэтическими талантами.

Тѣмъ и оканчивается отдѣлъ объ оригинальныхъ поэтахъ эпохи Вазовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе права на это почетное имя. Намѣреваясь въ слѣдъ за тѣмъ вспомнить нѣсколько переводчиковъ стихами, переводившихъ, какъ

Полагаешся ли на свою свѣжесть и дары природы? Ты не видишь, а старецъ угрюмый вперивъ свой взоръ въ каменную доску чертитъ срокъ твоимъ лѣтамъ, срокъ непремѣнный.

* *
*

изъ древней классической литературы, такъ и съ новѣйшихъ европейскихъ языковъ, не будемъ скрывать того интереса, какой мы придаемъ къ переводамъ нашей эпохи, потому что при одичалости домашней литературы, въ переводахъ только скрывались образцы хорошаго вкуса, въ переводахъ лежали сѣмена той такъ называемой *реформы вкуса*, которая совершилась въ царствованіе Станислава Августа. Мы не принадлежимъ къ партіи приверженцевъ этой реформы, мы лучше желали бы видѣть возрожденіе литературы въ формѣ и духѣ мѣстномъ, лучше желали бы приписать ее могучему вліянію какого-нибудь отечественнаго пера, а не школѣ французско-классической; но что уже случилось, то иначе не могло случиться, а такъ какъ мы чрезчуръ одичали у себя дома, то намъ необходимы и полезны были эти переводы, какъ возвращеніе къ чистому источнику римскаго классицизма, какъ образецъ того, какъ высоко стоятъ литературы другихъ странъ. Но мы предупреждаемъ событія; отступимъ лучше къ самимъ предѣламъ эпохи Ягеллоновъ, и пройдемъ чрезъ всю эпоху Вазовъ, собирая имена болѣе удачныхъ переводчиковъ.

Отдѣльные псалмы Давида, для употребленія ихъ въ католическихъ костелахъ и реформатскихъ Зборахъ въ нашу эпоху были переводимы: Станиславомъ Судровскимъ, Матвеемъ Рыбиньскимъ, съ французскаго перевода Марота и Безы, Тарновскимъ, Соломономъ Рысиньскимъ, Яковомъ Гембицкимъ и другими протестантами въ нач. XVII в.; изъ католиковъ Янъ Бялобоцкій и Станиславъ Гроховскій тоже не мало трудились надъ переводомъ множества церковныхъ пѣсней и гимновъ. Этими намеками о первыхъ годахъ нашей эпохи мы ограничиваемся здѣсь вполнѣ, потому что у насъ недостаетъ ни смѣлости, ни матеріаловъ для того заниматься позднѣйшими псалмами и пѣснями работы іезу-

итской, Доминиканской или Базиліанской, писанныхъ стихами *Ченстоховскими*, часто смѣшанныхъ пополамъ съ латинскимъ, всегда приторныхъ, иногда при своемъ духѣ восторженнаго благочестія, оскорбительныхъ для тѣхъ священныхъ предметовъ, которые въ нихъ воспѣваются. Займемся предметами свѣтскими.

Первымъ, по времени, переводомъ въ эпоху Вазовъ была *Энеида*, переведенная Андреемъ Кохановскимъ, братомъ Яна (Краковъ въ тип. Лазаря 1594 г.) Не смотря на то, что этотъ переводъ признанъ неискуснымъ и слабымъ, онъ имѣлъ три изданія. Быть можетъ, еслибы поэтъ не назывался Кохановскимъ, съ именемъ котораго избалованная польская публика привыкла соединять мысль о поэтическомъ совершенствѣ, переводъ Энеиды, о которомъ мы говоримъ, имѣлъ бы большой успѣхъ. Продолженіе Виргилія, или такъ называемую XIII книгу Энеиды, написанную полатинѣ въ XV вѣкѣ Матеомъ Векіусомъ, переводили въ нашу эпоху *Ахацый Кмита* (1591 г.) и *Мартинъ Блажовскій*, переводчикъ исторіи Кромера (1606). Георгики Виргилія перевелъ *Валеріанъ Отвиновскій*, Сендомирскій подчашій (1614) стихомъ гладкимъ и вѣрнымъ—приведемъ здѣсь образчикъ изъ первой книги.

«Co sprawuje wesołe zboże, i pod jakim [1]
«Ziemię pługiem przewracać trzeba wielorakim,
«O Mecenas! wina latorosl godnego
«Kiedy słuszna do tycza wiązać ilmowego.
«Co za dozoru woły chcą, i jakigj wszystek,
«Pilności potrzebuje drobniejszy dobytek,

[1] *Переводъ* Что производитъ роскошная жита, и подъ какимъ плугомъ сколько разъ нужно перепахивать землю, о меценатъ! когда будетъ пора привязать вѣточку достойнаго вина къ ильмовому шесту. Какого надзора воли требуютъ, и какой заботливости меньшій домашній

«I jaka w skąpych pszczołach biegłość z doświaczenia.
«Z tęd i ten niech początek będzie mego pienia.»

Тотъ же Отвиновскій перевелъ *Метаморфозы* Овидія (1638). Но по чистотѣ языка, этотъ переводъ не можетъ равняться съ другимъ, современнымъ ему, переводомъ тѣхъ же метаморфозъ *Якова Жебровскаго* (1636). Вотъ образецъ этого перевода (книга I).

«Wiek złoty rej pierwszy wiodł: ten z szczerej ochoty, [1]
«Bez kary, bez zakonu, strzegł wiary i cnoty.
«Kaźń, bojazń nie służyły, praw nie rysowano
«Groźnych w przytknionej miedzi, na twarz nie niedano
«Sędzinę: za pokojem było bez sędziego.
«Jeszcze z swych gór zepchniona na zwiady obcego
«Swiata, sośnia po wodach nie stroiła biegów:
«Inszych, imo swych właśnych, nie znał żaden brzegów.
«Miast okopy głębokie nie obstępowały.
«Proste trąby, kornety krzywe nie brzęczały.
«Miecz, szyszak niemiał głosu: bezpieczne narody,
«Lub *żołdata* nie znano, wyżywały gody.
«Sama swobodna, radłem ni krojem rzezana
«Wszystkiego dostarczała ziemia nie orana.
«Na stworzonej bez musu strawie przestawano;

скотъ, и какая бережливость и опытность видна въ пчелиныхъ ульяхъ пусть служитъ началомъ моихъ стиховъ.

[1] *Переводъ.* Вѣкъ золотой былъ началомъ всѣхъ вѣковъ: онъ охотно охранялъ вѣрованія и добродѣтель безъ наказаній и закона. Казни и страха не было, грозныхъ законовъ не вырѣзывали на прибитой (къ стѣнѣ) мѣди, судей не выбирали, потому что по причинѣ мира не было нужды въ нихъ. Еще сосна столкнутая съ горъ для обозрѣнія чуждаго ей міра не растилалась на водахъ: еще никто не зналъ чужихъ береговъ кромѣ своихъ. Глубокіе окопы не окружали городовъ. Прямая труба и кривые цинки не звучали.

Мечъ и шишакъ не имѣли цѣны: беззаботные народы проводили веселую жизнь, хотя не знали солдатъ. Неоздѣланная земля, ни боромой, ни сохою не вспахиваемая все доставляла. Довольствовались пи-

«Owoc drzewny, a górne poziomki, zbierano,
«Tarki, morwy po temu wostrym krzewie zrosłe,
«Żer nawet jaki dęby spuszczały wyniosłe.
«Wiosna wieczna trzymała zefiry łagodne,
«Dmą letnią posiłały kwiatki samorodne.
«Niwa niesprawna z plonem wczas się oddawała,
«Kłosem ciężkim ugórna rola nie siwiała:
«Rzeki to nektarowe, to mleczne płynęły,
«Miody żółte z zielonych dębów się sączyły.»

Но вѣнцомъ поэтическихъ переводовъ той эпохи считается *Готфридъ или Освобожденный Іерусалимъ* (1618) безсмертная поэма Торквато Тассо, въ переводѣ *Петра Кохановскаго*. Былъ ли этотъ Петръ братомъ, или только однофамильцемъ знаменитаго Яна? былъ ли онъ Мальтійскимъ рыцаремъ, или только королевскимъ секретаремъ? когда родился? когда умеръ? всѣ эти вопросы раждаютъ споръ между польскими учеными, до сихъ поръ еще не рѣшенный и кажется неразрѣшимый. Принимая во вниманіе бѣдность польскаго языка въ то время, когда Кохановскій переводилъ *Іерусалимъ*, повидимому невозможно было ожидать отъ него и тѣни красотъ Тасса; а между тѣмъ переводъ Кохановскаго превышаетъ наши надежды вѣрностію, легкостію польскихъ оборотовъ и истиннымъ обогащеніемъ языка многими удачными возраженіями. Излишнюю иногда легкость риѳмы, пошлость выраженій, или мелкія отступ-

---

щею приготовленною безъ вымысла; собирали плоды деревъ и земляннику растущую на горахъ, терновыя ягоды, плоды тутоваго дерева, выросшіе въ колючихъ кустарникахъ, даже пищу, какую доставляли высокіе дубы. Вѣчная весна сохраняла кроткіе зефиры, которые питали лѣтнимъ дуновеніемъ самородные цвѣты. Нива неаккуратная въ возвращеніе плодовъ своевременно созрѣвала, черное поле тяжкимъ колосомъ не сѣдѣло: рѣки текли наполненные то нектаромъ, то медомъ, желтые мёды просасывались изъ зеленыхъ дубовъ.

ленія отъ вѣрности, онъ искупаетъ прекрасными достоинствами перевода до того, что переводъ Тасса сдѣланный въ прошедшемъ столѣтіи Міэромъ, и въ настоящемъ вѣкѣ Каменскимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ едва можетъ равняться съ старымъ, некрасивымъ на взглядъ переводомъ Кохановского. Приведемъ образецъ изъ того перевода, въ которомъ въ точности соблюденъ размѣръ оригинала. Вотъ рѣчь князя ада.

«Zacne książęta, godniejsi na niebie [1]
«Mieszkać, nad słońcem, zkąd rod prowadzicie,
«Których niesłusznie Bóg wypchnął od siebie,
«Z państw, do których z nim równo należycie:
«Bał się nas pewnie, widział nas w potrzebie,
«I miał nas z *kaszel*, co dobrze pomnicie;
«Teraz on nieby i gwiazdami rządzi,
«A nas za swoje przeciwniki sądzi.

«I miasti światła i dnia pogodnego,
«Zamknął nas w *klusie* i w wiecznej ciemności,
«Zajrząc nam nieba i słońca jasnego,
«I onej pierwszej naszej szczęśliwości.
«A co mię gryzie, co mi do dawnego
«Bolu, przydaje męki i żałości:
«Woła do nieba człowieka lichego,
«Z błota i z podłej gliny zlepionego.

[1] *Переводъ.* Почтенные князья, болѣе достойные жить въ небѣ, надъ солнцемъ, откуда вы родомъ, которыхъ Богъ несправедливо прогналъ отъ себя, изъ владѣній къ которымъ равно вмѣстѣ съ нимъ принадлежите: вѣроятно онъ насъ боялся, нуждался въ насъ, и имѣлъ насъ въ *kaszel*, что вы хорошо помните; теперь онъ правитъ звѣздами и небесами, а насъ считаетъ своими врагами.

И вмѣсто свѣта и яснаго дня, заперъ насъ въ заключеніи и въ вѣчной темнотѣ, отнимая у насъ небо и ясное солнце и наше первобытное блаженство, а что меня мучитъ, и что мнѣ еще болѣе придаетъ муки и печали: призываетъ къ небу ничтожнаго человѣка, составленнаго изъ земли и подлой глины.

«Mało miał natem: Syna na śmierć srogą,
«Nam na złe, skazał i na świat wyprawił:
«Który, pomnicie, z taką naszą trwogą
«Piekielne brami wyparł i wystawił.
«Wydarł nam gwałtem korzyść naszą drogą,
«Dusze z dobyte z więzienia wybawił.
«Na żal nasz wytknął chorągwie rozwite,
«I tryumfuje, że piekło dobyte.

«Ale puśćmy precz krzywdy starodawne,
«I szkody, które nam wyrządzał wieku:
«Te były zawsze i teraz są sławne,
«Jako przeciw nam pomagał człowieku.
«Lecz tylko swieże weźmy i niedawne,
«Jak nas chce wniwecz obrócić od wieku,
«Cóż? niewidzicie, na co teraz godzi?
«Wszystkie nam ludzie do siebie odwodzi

«A my co nato? czy tylko przez szpary.
«Poglądać mamy? a on tak naciera:
«Widzicie jako ten lud jego wiary
«Tak się w Azyi bardzo rozpościera.
«Nam weźmie wszystkę chwałę i ofiary,
«Już w Palestynie kościoły otwiera.

Мало того: Сына своего, намъ на зло, обрекъ на тяжкую смерть, и послалъ въ міръ, который помните, такъ поразилъ насъ растворивши адскіе ворота. Вырвалъ у насъ насильно дорогую добычу, освободилъ изъ темницы души пріобрѣтенныя нами. На поруганіе наше выставилъ распущенныя хоругви, и торжествуетъ, что адъ взятъ.

Но оставимъ всѣ старыя обиды, и убытки, которые онъ намъ причинялъ искони; они были славны всегда и теперь, потому что противъ насъ помогалъ человѣку. Возьмемъ только свѣжіе и недавніе, какъ онъ насъ старается уничтожить изъ древле, что жъ? не видите ли къ чему теперь мѣтитъ? Всѣхъ людей приводитъ къ себѣ.

А мы что? развѣ только сквозь пальцы будемъ смотрѣть? какъ онъ наступаетъ: видите какъ народъ его религіи распространяется по Азіи. Возметъ у насъ хвалу и жертвоприношенія, уже въ Палестинѣ

«W językach jego ujrzycie wnet nowych,
«W miedzi, i w słupach imie marmurowych.

«A nasze będą bożnice próżnować,
«Nasze bałwany pewnej dojdą zguby?
«Jemu samemu będą ofiarować
«Złoto i mirrę, jemu wieszać śluby!
«Do swych nam nie da kościołów wstępować!
«A z czegośmy swe dotąd mieli chluby,
«Już z dusz nie będą poddanych grzechowi
«Trybutu więcej płacić Plutonowi!

«Oj nie będzieć to: będziem o się dbali,
«Jeszcze w nas dawne niewygasło męztwo
«Kiedyśmy ognie na niebo ciskali,
«I mieczem siekli na niebieskie księztwo:
«Myśmy tam przedsię sławę otrzymali,
«Z śmiałego serca, a oni zwycięztwo,
«Trudno tego przec, że oni wygrali:
«Ale nam przedsię dzielność przyznawali.

«Idzcież, a wzajem siły swoje znoście
«Na ich zginienie, o rycerze mężni!
«Dokąd w Azyey nieznajonu goście
«Nie będą mocni, i bardziej potężni.

отворяетъ церкви. Сейчасъ вы увидите его имя у новыхъ народовъ на мѣди и столбахъ мраморныхъ.

А наши капища останутся пустыми, наши кумиры вѣроятно погибнутъ? Ему будутъ жертвовать золотомъ и смирною, ему давать обѣты! Намъ не позволитъ вступать въ свои храмы. А чѣмъ мы до сихъ поръ хвастались, уже не будутъ платить дани Плутону, съ ихъ душъ подверженныхъ грѣху!

Не быть тому: мы позаботимся объ себѣ. Еще у насъ не угасло древнее мужество, когда мы огнемъ бросали въ небо и мечъ поднимали на небесное царство: мы же тамъ при себѣ удержали славу отваги, а они побѣду. Трудно прекословить тому, что они выиграли: но не празновали нашу доблесть.

Ступайте жь, и вмѣстѣ совокупляйте всѣ свои силы на ихъ погибель, мужественные рыцари до тѣхъ поръ пока въ Азіи незнако-

«Gdzie jeden słaby, drudzy mu pomożcie,
«Naprowadzcie mi co najwięcej więźni.
«Lub mocą, albo dowcipem i radą,
«Szkodźcie im wszędzie i bądźcie zawadą.

«Ten niech po świecie błądzi obłąkany,
«Ci niech w roskoszach jako wieprze tyją,
«Ten zaś w miłośei sprośnej upętany
«Niechaj gnusnieje, tego niech zabiją,
«Niech się buntują na swoje hetmany,
«Niechaj się sami między sobą biją:
«Niech wojsko zginię, niech mu się to stanie,
«Że go pamiątka żadną nie zostanie.»

Еслибы въ глазахъ слишкомъ строгихъ критиковъ *Освобожденный Іерусалимъ*, могъ казаться не вполнѣ соотвѣтствующимъ италіанскому оригиналу, то разсматриваемый въ отдѣльности отъ него, подобно тому какъ псалтирь Яна Кохановского, онъ можетъ назваться знаменитымъ и первостепеннымъ произведеніемъ польской литературы.

Впрочемъ вмѣсто того, чтобы дѣлать дальнѣйшія изслѣдованія объ этомъ произведеніи, мы отсылаемъ читателя къ седьмому изданію Іерусалима Кохановскаго (Вильно у Заводскаго Т. 2), въ которомъ во вступленіи, ученое и прекрасное предисловіе достаточно познакомитъ его и съ

мые гости не будутъ сильны или лучше могущественны. Гдѣ одинъ будетъ слабъ, помогайте ему другіе, приведите мнѣ узниковъ какъ можно больше. Силою или остроуміемъ и совѣтомъ вредите имъ вездѣ и будьте препятствіемъ.

Тотъ пусть бродитъ по міру какъ сумасшедшій, тѣ пусть утопаютъ въ роскоши какъ бабаны, тотъ пусть остается въ любви порочной, того пусть убьютъ, пусть вооружаются противъ своихъ гетмановъ, пусть дерутся между собою: пусть войско пропадетъ, пусть и память о немъ исчезнетъ.

личностію Тасса, и съ важнымъ значеніемъ, въ польской литературѣ, перевода Петра Кохановскаго. Прибавимъ, что тотъ же Кохановскій переводилъ еще и другую италіанскую поэму *Неистовый Орландъ*, но этотъ переводъ и неоконченъ, и не имѣетъ тѣхъ достоинствъ что *Іерусалимъ*.

Горацій, этотъ пріятный и легкій лирикъ Римскій, въ эпоху Вазовъ имѣлъ у насъ двухъ переводчиковъ — Себастіана Петриція, придворнаго врача Димитрія Самозванца (*Горацій Флаккъ, переведенный московскимъ заключеникомъ* 1609),—и Яна Либицкаго, секретаря королей Владислава IV и Яна Казиміра (*Горацій Флаккъ, въ переводѣ Яна Либицкаго* 1647 г.), который перевелъ одни только лирическія пѣсни. Оба эти перевода славятся одною лишь старосвѣтскою простотою, но не отражаютъ въ себѣ всѣхъ красотъ пѣсней Горація. Частію мелочная вѣрность, частію совѣстливость въ опущеніи нескромныхъ мѣстъ, иногда излишняя свобода въ воспроизведеніи подлинника, стихъ тяжелый — таковы общіе недостатки обоихъ этихъ переводовъ. Нарушевичъ въ своемъ изданіи новаго перевода Горація, исчисляетъ всѣ отступленія обоихъ старыхъ переводчиковъ; но есть ли у насъ въ настоящее время переводъ Горація, въ которомъ бы вѣрность соединялась со свойственными ему красотами? развѣ Горація можно перевесть удовлетворительнымъ образомъ?

Морштыновы: *Станиславъ* воевода Мазовецкій и *Андрей* Подскарбій коронный, оказали услугу польской литературѣ, избранными въ свое время переводами драматическихъ произведеній польскихъ и латинскихъ. Хотя труды Морштыновъ принадлежатъ частію этой, а частію слѣдующей эпохѣ, но мы скажемъ о нихъ здѣсь окончательно. Такъ Цида, лучшую изъ трагедій Петра Корнеля очень хорошо

перевелъ Андрей Морштынъ, извѣстный переводчикъ Психеи Луціана, а трагедіи Андромаха Расина и Ипполитъ Сенеки были переведены Станиславомъ. Собраніе этихъ переводовъ вышло изъ печати 1689. Приведемъ образчикъ перевода изъ Ипполита:

Ипполитъ.

«Idzcież w las, niech każdy bieży, [1]
«Gdzie Cekropska góra leży.
«Gęsty grzbiet, gdzie rodzi cienie
«Parnas odziany w kamienie,
«Więc i tam gdzie przy dolinie,
«Bystrym prądem potok plynie,
«I tam się niech kto ośmieli,
«Gdzie się wierzch skał śniegiem bieli;
«Tam drudzy niechaj nie miną
«Gdzie smug zarosły olszyną,
«Gdzie się trawa kwieciem śmieje,
«Kiedy ją zefir zagrzeje!
«Przybądz, święta, ku pomocy
«Boginі! co świecisz w nocy,
«Której z pod miernej cięciwy,
«Nie ujdzie żaden źwierz żywy:
«Padnie gdy zechcesz żubr srogi,
«Rozłożyste roniąc rogi.

---

[1] *Переводъ.* Ступайте въ лѣсъ, пусть всякій бѣжитъ туда гдѣ лежитъ Кекропская гора. Густой хребетъ, гдѣ Парнасъ одѣтый камнями производитъ тѣнь, и тамъ гдѣ орошаетъ долину быстрый потокъ ручья, и тамъ пусть осмѣлится пройти кто-нибудь, гдѣ вершина скалъ сребрится снѣгомъ

Пусть другіе не проходятъ тамъ, гдѣ лугъ поросшій ольхами, гдѣ трава улыбается цвѣтами, когда ее согрѣютъ зефиры! пріиди на помощь святая богиня! которая свѣтишь ночью, изъ-подъ меткой стрѣлы которой не уйдетъ ни одинъ звѣрь живымъ: когда ты захочешь, падетъ рогатый зубръ, теряя свои могучіе рога. Сами идутъ подъ твои

«Same idą pod twe strzały,
«Do swojej się śpiesząc chwały;
«Jeżeli kto idąc k'knieje,
«W tobie swoją kładł nadzieję,
«Każdy zwierz, co tył poszczwany,
«Został w sieci umotany;
«Ani wracając z przesmyków,
«Zastawionych uszedł wników.
«Myśliwi swe prace liczą,
«Wozy ładują zdobyczą,
«Dobrzeć coś jużci bez mała
«Bogini nas wysłuchała.
«Psi krzykliwi dali znaki,
«Na źwierzęce wpadłszy krzaki,
«Za mną w las, za mną kto chyży,
«Tą drogą, która najbliżej.

Къ достойнымъ примѣчанія польскимъ переводамъ въ эпоху Вазовъ, принадлежитъ *Юдифь*, библейская поэма Француза du Bartas, переведенная *Рафаломъ Лещинскимъ* (въ Барановѣ въ тип. Пѣтрковчика 1629 г.). Переводчикъ былъ человѣкъ знаменитый во многихъ отношеніяхъ: славился ученостію, знаніемъ языковъ, исполнялъ много должностей, отличился на дипломатическомъ поприщѣ заключеніемъ трактата съ Швеціею и скончался Белзскимъ воеводою. Сыномъ Рафала Лещинскаго былъ Андрей, внукомъ Рафалъ, а правнукомъ Станиславъ знаменитый правотою своего сердца и приключеніями, король польскій и герцогъ

выстрѣлы, спѣша къ твоей хвалѣ. Если кто идя въ чащу возлагалъ на тебя свою надежду, тотъ поймаетъ всякаго звѣря котораго травили собаками и который идя изъ ущелій не ушелъ отъ силковъ. Охотники считаютъ свой трудъ, возы нагружаютъ добычею, хорошо что хотя въ немногомъ насъ услышала богиня. Лающія собаки подали знакъ нападая въ кустахъ на животное. За мной въ лѣсъ, за мной кто хочетъ пройдти самымъ коротнимъ путемъ.

(książ) Лотарингскій. Возвращаясь къ переводу Юдиѳи, Рафала Лещинскаго приведемъ образецъ изъ него.

«Tak równie Izraelski potomek ubogi, [1]
«Niezmiernie przerażony strachem śmierci srogiej,
«Ucieka w gęste lasy i w odziane knieje,
«Trwogi surowéj pełen, a próżen nadzieje.
«Już i czuły odbiegłszy pasterz trzody swojej,
«O zwykły swego bydła pożytek nie stoi.
«Już rzemieslnik roboczy porzuca warsztaty,
«Już i kupiec swych handlów odbiega bogaty;
«I bezpieczniej w jaskiniach mieszkają mierzionych,
«Niźli w miastach wysokim murem obtoczonych.
«Woli bógacz pieszczony ogarniony strachem,
«Wilczą jamę, niźli dom z pozłocistym dachem.
«Strach starcom niedołężnym przyprawuję pióra,
«Że im i las niegęsty i nieprzykra góra:
«Strach żałosnym dodawa matkom takiej mocy,
«Że na słabe ramiona biorą bez pomocy
«Niezwyczajne ciężary; strach i dzieci małe
«Czyni rączemi, chodzić przed tem nieumiałe.
«Zewsząd krzyk, zewsząd rzewne słychać narzekanie.

---

[1] *Переводъ.* Такъ точно бѣдный потомокъ Израиля, пораженный ужасомъ жестокой смерти, уходитъ въ густые лѣса и въ заросшія чащи, исполненный жестокой тревоги и тщетныхъ надеждъ Уже и бдительный пастухъ оставивъ свои стада, не заботится объ обыкновенномъ кормѣ своего скота.

Уже трудолюбивый ремесленникъ оставляетъ свои станки, уже богатый купецъ покидаетъ торговлю и безпечнѣе живетъ въ грязныхъ пещерахъ, чѣмъ въ городахъ окруженныхъ высокими стѣнами. Избалованный богачъ, пораженный страхомъ предпочитаетъ волчій ровъ палатамъ съ позолоченой крышей. Страхъ подкрѣпляя силы изнуренныхъ старцевъ указываетъ имъ путь чрезъ густые лѣса и утесистыя горы: страхъ придаетъ силу чувствительнымъ матерямъ переносить чрезвычайныя тяжести на слабыхъ плечахъ, страхъ и дѣтей малыхъ неумѣющихъ ходить, дѣлаетъ скорыми. Вездѣ слышится крикъ, вездѣ жалост-

«O Boże Izraelski! o nasz święty Paniel
«Izali tak nawieki będąc rozgniewany
«Wytracić aż do szczętu chcesz lud twój wybrany?
«Izali własność Twoję i dziedzictwo święte,
«Znowu brzydkim poganom dasz w ręce przeklęte,
«I chcesz aby się chwasty plugawe rodziły
«Tak jako przed tem, kędy nasze domy były?
«A kościoł Imieniowi Twemu wystawiony
«Żeby znowu od ognia upadł obalony.
«Tak oni: lecz ten który w Rzeczypospolitej —
«I Wodza i Kaplana miału rząd sowity,
«Joakim, jako biegły marynarz nawodzię
«Gdy o następującej czuje niepogodzie—
«Strachu nie pokazuje po sobie, i łodzi
«W moc wiatrom i gwałtownej niedawa powodzi;
«Ale tam gdzie największe biją nawalności,
«I siły dokazuje i umiejętności.»

Мартинъ Слонковичъ, профессоръ Краковской Академіи, своимъ переводомъ сатиръ древняго латинскаго поэта Персея подъ заглавіемъ: *Aulus Persius Flaccus остроумный поэтъ римскій, переведенный на польскіе стихи* (Крак. 1651 г.) доказалъ свой необыкновенный талантъ. Персей полонъ мысли, многознаменателенъ въ словахъ, а потому слогъ его иногда выходитъ запутанъ и неясенъ; польскій пе-

ное сѣтованіе. О Боже Израилевъ! Господи Святый! Неужели ты, навсегда прогнѣванный хочешь въ конецъ истребить избранный твой народъ? Неужели принадлежность твою и твое святое наслѣдіе передашь въ постыдную власть скверныхъ язычниковъ, и хочешь чтобы опять скверные волчцы тамъ произростали также, какъ прежде нашего поселенія? И чтобы храмъ воздвигнутый Твоему имени опять былъ истребленъ огнемъ. Тотъ кто исполнялъ двойную должность и вождя и первосвященника, Іоакимъ, какъ искусный корчій, когда предвидитъ приближеніе непогоды необнаруживаетъ страха, и не оставляетъ судна на произволъ вѣтровъ и будущихъ волнъ, но показываетъ силу и знаніе дѣла тамъ, гдѣ наибольшая угрожаетъ опасность.

реводчикъ такъ блистательно умѣлъ преодолѣть эти трудности, что его переводъ, хотя для насъ кажется уже устарѣлымъ, тѣмъ не менѣе служитъ образцемъ хорошаго слога, чистоты языка и гладкости стиховъ. Докажемъ справедливость нашихъ словъ и выпишемъ отрывокъ изъ первой сатиры Персея въ переводѣ Слонковича.

«O troski! o próżności ludzkie oczewiste! [1]
«Ktoż to przeczyta? Donmie mówisz? nikt zaiste,
«Może dwóch, albo żaden. Wstyd i bieda czemu?
«Nie zrównam Labeonom i Polidantemu,
«Jeśli Rzym co poniża. Fraszki jeśli z błędem,
«Nie dbaj i nie unoś się czczej wziętości względem:
«Nic nie czyń, miara niechaj z granic niewychodzi,
«Bo ktoś w Rzymie, by się rzec godziło, lecz godzi:
«Gdym się starym przypatrzył i młodych postawie,
«Któż czego wart? wybaczcie, ale żaden prawie.»

Самуилъ Твардовскій перевелъ нѣсколько латинскихъ стихотвореній Сарбѣвскаго, вѣрно и хорошо; укажемъ здѣсь на переводъ V оды изъ книги Эподонъ.

«Kochajmy; czyli serca wszystkich razem, [2]
«Okrzepły nam twardym głazem?
«Kochajmy: a to z Macierzyńskiej ręki
«Rwie się k'nam z usty przez dzięki!

---

[1] *Переводъ.* Заботы! суета людей! Кто жъ это будетъ читать? никто конечно, можетъ быть два или ни одинъ. Зачѣмъ стыдъ и непріятность. Я не сравняюсь ни съ Лабеономъ ни съ Полидантомъ если Римъ унижаетъ что нибудь. Пустяки, хотя и ошибочно, не обращай вниманія и не привязывайся къ пустой славѣ; ничего не дѣлай, умѣренность пусть не переходитъ своихъ границъ. Потому что кто же въ Римѣ, когда всмотришься въ личность молодыхъ и стариковъ — кто за дѣломъ стоитъ? извините, но почти ни одинъ.

[2] *Переводъ.* Будемъ любить; неужели сердца всѣхъ останутся для насъ твердымъ каменемъ? Будемъ любить: это изъ материнскихъ устъ стремится къ намъ посредствомъ благодарности!

«Jakowa zmiękczyć mogłaby dziecina
«I dzikiego Tatarzyna.
«A to ust rubin, perłom rowne lice,
«Gwiazdy szczere dwie zrzenice.
«Na szyjkę białą kędziorki spuszczone,
«Złotem słońca powleczone.
«Nad kość słoniową bielsze sciąda ręce,
«Wydrzeć się każe matełce.
«Z płaczem być pragnie gościem twego łona,
«I więzniem twego ramiona.
«Kochajmy; albo jeśli serce ze stali
«Niech nas w sobie głaz przywali.»

Сарбѣвскій перевелъ на латинскій языкъ двѣ пѣсни Кохановскаго и древнюю пѣснь *Богородица*. *Янъ Бялобоцкій* достоинъ вниманія какъ оригинальный поэтъ втораго разряда, онъ переводилъ *гимны* и *прозу* церковную (1648). *Мартинъ Пашковскій*, плодовитый стихотворецъ во времена войны съ Россіею при Димитріѣ, въ своемъ стихотвореніи *Богинь Славянскихъ*, перефразировалъ и переводилъ отрывки изъ метаморфозъ Овидія.

Вотъ все, что удалось сказать о поэтахъ оригинальныхъ и переводчикахъ эпохи Вазовъ: перейдемъ къ тогдашнему состоянію драматическаго искусства въ Польшѣ.

То, что мы сказали въ эпоху Ягеллоновъ, именно, что театръ не согласовался съ характеромъ Поляковъ, предпочитавшихъ живое дѣйствіе представленію на сценѣ, было причиною, что у насъ не было знаменитыхъ драматическихъ

Такое дитя могло бы смягчить и дикаго Татарина, уста какъ рубины, лице какъ жемчугъ, глаза какъ звѣзды. На бѣлую шею падаютъ локоны позолоченные. лучами солнца. Руки бѣлѣе слоновой кости кажется хотятъ вырваться отъ матери. Хочетъ припасть къ твоей груди, лежать въ твоихъ объятіяхъ. Будемъ любить; но если сердце ихъ оттолкнетъ насъ, пусть насъ завалитъ камень.

писателей, потому что лиризмъ составлялъ преимущественную сторону польскихъ талантовъ; мы не понимали высшаго значенія сцены, смотря на нее, какъ на простую забаву въ минуты отдохновенія, которыхъ среди жизни дѣятельной было такъ не много. Всѣ эти, говоримъ, причины оставались въ своей силѣ такъ, что и въ эпоху Вазовъ драматическая литература не отличилась ничѣмъ почти замѣчательнымъ. Театръ не возрасталъ на польскомъ грунтѣ, знаменитѣйшіе писатели отечества не увеличивали его области, но нужно сознаться, что въ эпоху Вазовъ онъ сдѣлался довольно популярнымъ, въ значеніи чистой *забавы*. При дворѣ Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казиміра, польскіе королевы, дѣти чуждыхъ намъ странъ, покровительствовали драмѣ, держали пѣвцовъ, платили поэтамъ и театральнымъ декораторамъ; но это были вещи чуждыя, забавы королевскія, на которыя Полякъ смотрѣлъ съ насмѣшливою улыбкою, какъ на все изнѣженное, нѣмецкое. Въ храмахъ и коллегіальныхъ столовыхъ, каждый праздникъ давались сценическія представленія, но чѣмъ они могли быть, какъ не представленіемъ предметовъ священныхъ, какъ плодомъ монастырскаго воображенія, средствомъ, при помощи котораго іезуиты стремились овладѣть умами? Чѣмъ могли быть эти духовные діалоги (dyalogi) подъ перомъ молодыхъ питомцевъ, незнавшихъ міра, или или подъ перомъ важныхъ священниковъ, которымъ не позволено было знать міръ? Далѣе, въ собраніяхъ, на ярмаркахъ, странствующіе актеры, въ шалашахъ давали продставленія уже болѣе популярныя, народныя; представляли лица и событія мѣстныя, народъ толпами собирался на рыночную комедію, которая могла быть сюжетомъ болѣе порядочной драмы, но самое уличное ея значеніе сдѣлалось тому препятствіемъ. Кто былъ у насъ изъ писателей драматическихъ? а еслибы изъ

среды нашей писавшей шляхты и явился какой-нибудь Шекспиръ, Корнель или Кальдеронъ, развѣ бы онъ осмѣлился писать для ярмарочнаго шалаша? а еслибы и писалъ, то удовлетворяя вкусу необразованной и полупьяной уличной толпы, онъ могъ бы, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ издать лишь какой-нибудь геніальный фарсъ, и ничего болѣе. Прибавимъ еще, что іезуитскій вкусъ положилъ уже свою печать на всѣ произведенія тогдашней поэзіи, приказалъ дѣйствовать на зрѣніе и разумъ, отказаться отъ сердца, а въ замѣнъ чувства, какъ самого могучаго двигателя драматическаго искусства, одѣться блестками латинской эрудиціи и призвать на помощь всѣ греческіе божества.

Поляки хотя равнодушные къ театру, не имѣли однакоже противъ него тѣхъ предубѣжденій, которыя мы встрѣчаемъ у древнихъ и впослѣдствіи у Французовъ. Въ нашу эпоху у насъ почти не было артистовъ драматическихъ, но представленія священныя, придворныя или мясопустныя чаще всего давались молодежью, рѣдко людьми зрѣлыми и почтенными въ другихъ отношеніяхъ, потому что Полякъ любилъ блескъ и пышность въ нарядахъ, и при политическихъ условіяхъ народопредставительнаго образа правленія, привыкъ являться публично. Нѣкогда Лаберій, римскій гражданинъ, принужденный по настоянію императора, выдти въ одной изъ ролей собственной комедіи, публично жаловался на сдѣланную ему обиду: «Шестьдесятъ лѣтъ я «прожилъ безъ порока, изъ дому вышелъ всадникомъ, а «теперь возвращаюсь публичнымъ шутомъ. Однимъ днемъ «я жилъ болѣе, чѣмъ мнѣ слѣдовало жить». Такое унизительное понятіе въ древнемъ Римѣ соединяли съ призваніемъ драматическаго артиста, тогда какъ въ Польшѣ и мужи знаменитѣйшіе нисколько не колебались выставлять себя на зрѣлище народа. Изъ множества примѣровъ приве-

демъ два наиболѣе замѣчательные. Папроцкій, описывая бракосочетаніе Замойскаго съ Гризельдою Баторій, записалъ тамъ имена всѣхъ, которые выступали на сцену въ аллегорическихъ представленіяхъ, которые были своего рода драматическими представленія для народа. Славный Станиславъ Жолкѣвскій, тогда уже юноша съ блистательными надеждами скакалъ на конѣ въ одеждѣ Діаны, князья Олельковичи и Слуцкіе вели тріумфальный караванъ, представлявшій побѣды Стефана Баторія, Іоахимъ Опѣскій представлялъ купидона, а Мышковскіе, племянники Краковскаго епископа, представляли богиню Венеру и ея свиту. То было въ 1582 году. Нѣсколько лѣтъ спустя на бракосочетаніи Сигизмунда III съ Анною Австрійскою дано было подобное же представленіе; выпишемъ цѣлое его описаніе изъ Гейденштейна. «Въ субботу вечеромъ 6 апрѣля 1609 г. «на дворцовомъ плацѣ давались различныя комедіи, выпол«ненныя съ великимъ искусствомъ и издержками. Въ началѣ «представлено было изображеніе короля, окруженное фигу«рами четырехъ добродѣтелей: Благоразумія, Умѣренности, «Справедливости и Силы. Въ слѣдъ за тѣмъ туманный об«разъ Николая Вольскаго, мечника короннаго и истуканъ «Сигизмунда Мышковскаго, Пѣтрковскаго старосты. Въ «слѣдъ за тѣмъ Станиславъ Стадницкій, Даниловичъ, Кра«сицкій, и Ѳеодоръ Ласкій представляли Актеона, котораго «растерзали его собственныя собаки, а Христофоръ Доростай«скій Монвидовичъ, стольникъ Литовскій, и коронный край«чій Опалинскій представили образъ Нептуна, везомаго «дельфинами; Станиславъ Минскій, Ленчицкій воевода игралъ «роль Орфея, который въ скорби о потерѣ жены сошелъ въ «адъ, и освободилъ ее оттуда звуками своей игры. Минскій «долженъ былъ хорошо сыграть свою роль, потому что въ «то именно время онъ оплакивалъ потерю собственной

«жены. Далѣе шла аллегорическая фигура рѣки Вислы въ «сонмѣ водныхъ Нимфъ, которую представлялъ Петръ Мышковскій, Хенцинскій воевода. Зрѣлище окончилось комедіею «Нѣмоевскаго *Лабиринтъ*. На другой день въ воскресенье «на рынкѣ были военныя игры, гдѣ также даны были нѣкоторыя искусственныя представленія. Петровскій и Бекешъ «палили изъ пушекъ, крайчій коронный представлялъ гидру, «стольникъ тріумфъ Персѣя, Станиславъ Стадницкій представлялъ жителя Литвы, а Петръ Мышковскій, староста «Хенцинскій, представлялъ гору, извергающую пламя и влекомую крокодилами. Въ слѣдъ затѣмъ въ одеждѣ персидской явились: Язловецкій, староста Снятынскій, вмѣстѣ «съ Сѣнявскимъ, стольникомъ Литовскимъ, за ними шли «Негры въ блестящихъ одеждахъ; потомъ выступили для «борьбы на копьяхъ восемь рыцарей: Невядовскій боролся «съ Завишею, Корыцинскій съ Миравскимъ, Гурскій съ «Забоклицкимъ, Карковскій съ Туровскимъ».

Сравнить ли эти игры съ нынѣшнимъ маскарадомъ, или назвать ихъ извѣстнымъ родомъ сценическихъ представленій, все же нужно сознаться, что они при всемъ своемъ блескѣ, имѣли дурное вліяніе на обработку истиннаго драматическаго искусства. Здѣсь гдѣ все дѣло ограничивалось только блестящими нарядами, гдѣ роли не были писаны, но импровизировались актерами въ минуту самого представленія, народъ удивлялся, рукоплескалъ, смѣялся зрѣлищу, но нисколько не образовывалъ своихъ попятій объ искусствѣ; забавлялся, но изъ этой забавы не уносилъ съ собою никакихъ впечатлѣній, выходилъ всегда съ пустымъ сердцемъ.

Въ подобномъ же родѣ были и священныя представленія, которые сперва разыгрывались въ костелахъ а потомъ по волѣ просвѣщеннаго краковскаго епископа Бернарда Мацеіовскаго, были перенесены въ 1603 г. за церковную ограду

или на улицу. Сперва будемъ говорить здѣсь о представленіяхъ импровизированныхъ, совершавшихся на подобіе процессій, которые разыгрывались іезуитскимъ юношествомъ и носили характеръ священный съ примѣсью предметовъ и лицъ современныхъ, мірскихъ, аллегорическихъ и т. д. въ угожденіе вкусу уличной толпы. Объемъ нашей книги не дозволяетъ намъ перечислить всѣ эти представленія, поэтому обратимъ наше вниманіе только на болѣе характеристическія.

Такое зрѣлище дано было іезуитами въ Вильнѣ 1626 г., гдѣ по улицамъ въ тріумфальныхъ колесницахъ, ѣхали лица Навуходоносора, Славы, Провидѣнія, Императора Оттона и Апокалепсиса (Apokalipsy) Св. Іоанна; на подобномъ же зрѣлищѣ 1633 г., по улицамъ Вильны разъѣзжали верхомъ ангелы въ сопровожденіи польской конницы и нѣмецкихъ курфирстовъ. Къ такому чудачеству доходитъ холодный раціонализмъ, не согрѣтый чувствомъ! вотъ доказательство, чѣмъ можетъ сдѣлаться тотъ прославленный здравый разумъ, если онъ не озаренъ чувствомъ прекраснаго, которое въ сердцѣ имѣетъ свое жилище! потому что профессорамъ іезуитскихъ коллегій нельзя отказать ни въ здравомъ умѣ, ни въ учености; нельзя предполагать однакожь, чтобы подобными чудачествами сознательно хотѣли они оглупить народъ, или попрать предметы священные. Подобнымъ же образомъ іезуиты привѣтствовали своего протектора и бѣльца (tercyarza) Сигизмунда III, хотя зрѣлища эти были играны, *съ писаннаю* въ монастырскихъ столовыхъ; такъ въ 1633 г. въ Калишѣ дано было въ честь его драматическое представленіе изъ исторіи Сигизмунда I. Не нужно искать здѣсь историческихъ лицъ Острожскаго, Тарновскаго, Мацеіовскаго или Боны; но за то есть Аполлонъ въ собственномъ своемъ видѣ, есть

божества и добродѣтели миѳологическіе, есть предшественники Сигизмунда, польскіе короли, вызванные изъ своихъ гробницъ волшебнымъ перомъ автора. Въ другомъ подобномъ же произведеніи (*Изображеніе защиты польскаго королевства, блаженнымъ Станиславомъ Косткомъ 1632*), олицетворяются Богъ Отецъ, Ангелъ хранитель Турціи, есть тамъ ябедники, убійцы, есть св. Архангелъ Михаилъ, недавно канонизованный гетманомъ Польши;—въ иномъ представленіи данномъ іезуитами во время съѣзда шляхты къ Петрковскому трибуналу 1638 г. выходятъ на сцену: Польша, Европа, Африка, Болеславъ Смѣлый, св. Станиславъ, неразлучный съ Петрковичемъ, русскіе князья, и наконецъ греческій философъ Платонъ, умершій за полторы тысячи лѣтъ до временъ Болеслава Храбраго, съ которымъ, къ изумленію шляхты, онъ прохаживается по сценѣ. Въ иной еще комедіи выступаютъ вмѣстѣ: Генрихъ императоръ нѣмецкій, св. Іоаннъ Креститель въ сонмѣ другихъ святыхъ, вмѣстѣ съ Аполлономъ, Музами и купидономъ. Что мы можемъ еще прибавить къ этому ряду лицъ изображающій понятіе объ искусствѣ въ эпоху Вазовъ.

Перейдемъ къ писаннымъ *Діалогамъ* чисто религіознаго содержанія; тамъ если неудаченъ выборъ предмета, если и въ нихъ проявляется тоже совершенное незнаніе сценическаго искусства, если встрѣчаемъ фразы грубыя и неблагопристойныя, то по крайней мѣрѣ святость предмета защищала ихъ отъ варварскаго смѣшенія лицъ и эпохъ. И такъ:

Діалогъ *О воскресеніи Господнемъ*, который у Юшинскаго названъ *Ченстоховскимъ*, и о которомъ извѣстный сочинитель въ заглавіи говоритъ, что онъ семь разъ былъ разыгранъ и всегда доставлялъ удовольствіе зрителямъ, не отличается отъ современныхъ ему ни большею причуд-

ливостію сценъ, ни худшимъ или лучшимъ слогомъ, но заключая въ себѣ наставленія для авторовъ, наглядно представляетъ намъ тогдашній театръ и его требованія. Прежде всего авторъ предостерегаетъ, что для успокоенія народа нужно начать представленіе святою пѣснію о Воскресеніи, это показываетъ, что уже въ то время, здравый разумъ народа начиналъ уже смотрѣть на религіозные діалоги, какъ на родъ святотатства и нужно было успокоивать робкіе умы. Далѣе мы имѣемъ картину не изысканныхъ декорацій, одеждъ и другихъ театральныхъ принадлежностей; авторъ говоритъ, что балаганъ, въ которомъ будетъ дано представленіе, если это происходитъ на улицѣ или въ церковной оградѣ, отъ дождя нужно покрыть зеленью (majem), что на селѣ, вм. нарочно для того дѣланныхъ и дорогихъ одеждъ, для лицъ числомъ пятидесяти, *можно склеить одежды изъ женскихъ платьевъ*, парики и бороды могутъ быть приготовлены *изъ пеньки, только бы осторожно обходиться съ огнемъ ради замѣшательства*, а вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ пѣнязей, на которыя Св. Дѣвы покупаютъ миро для намазыванія тѣла Христова, можно употребить гладко вырѣзанные кружки изъ моркови и рѣпы, *только бы медленно вынимать ихъ изъ мѣшка, чтобы не возбудить смѣха.*

Безъ сомнѣнія съ большею пышностію, но не съ большимъ вкусомъ давались въ іезуитскихъ столовыхъ представленія священныхъ діалоговъ. Таковъ былъ діалогъ *о Раѣ и паденіи прародителей*, написанный въ Пултускѣ іезуитами, но онъ по крайней мѣрѣ отличается гладкостію пера;— современная ему польская комедія *о св. Алексѣѣ* и латинская о свят. *Іоаннѣ Дамаскинѣ*, въ которыхъ содержаніе, заимствованное изъ жизни святыхъ, драматизировано довольно наивно, два діалога о *Святѣйшей Евхаристіи*, написан-

ные Пултускими іезуитами около 1602 г., первый изъ нихъ представляетъ эпизодъ изъ жизни царя Давида, гдѣ авторъ между нимъ и Христомъ замѣчаетъ какое-то символическое сходство; второй, представляетъ дѣйствіе въ Константинополѣ, гдѣ отрокъ еврейскій случайно принявъ хлѣбъ жизни, почувствовалъ въ себѣ жажду къ принятію святой вѣры, и брошенный отцемъ въ горящую печь, уцѣлѣлъ безъ поврежденія. Когда узналъ объ этомъ императоръ Константинъ, подъ опасеніемъ смерти повелѣваетъ онъ отцу отрока принять христіанство (апостольство въ духѣ іезуитскомъ), но упорный еврей предпочитаетъ свою вѣру и принимаетъ мученичество.

Вспомнимъ еще нѣкоторые діалоги, содержаніе которыхъ взято изъ библіи, и такъ: *Осада Самаріи* представляетъ довольно искусное перенесеніе на сцену событій изъ жизни пророка Елисея и осаду города Банадомъ, царемъ Сирійскимъ; предметъ дѣйствительно поэтическій, возвышенно и сильно изображенный въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ Царствъ; *о перенесеніи Ковчега*, предметъ основанъ на слѣдующихъ выраженіяхъ книги Царствъ: «И всталъ Давидъ, и весь на«родъ который былъ съ нимъ отъ мужей Іудиныхъ, чтобы «привести Кивотъ Божій, надъ которымъ взывали Имя Гос«пода Силъ», цѣль его — доказать, что Кивотъ Завѣта есть прообразъ Святѣйшаго Таинства Евхаристіи. *Mefibozet* (драма около 1622 г.) есть такъ же отрывокъ изъ жизни Давида, и имѣетъ такое же таинственное значеніе; наконецъ иная еще драма *о Ковчегѣ Завѣта*, носящая тотъ же отпечатокъ дополняетъ собою то, что мы уже знаемъ о религіозныхъ діалогахъ эпохи Вазовъ.

Всѣ эти діалоги, какъ будто предчувствуя, что они не могутъ жить долѣе одного года, одного представленія, не были печатаемы. По большей части намъ не извѣстны имена ихъ со-

чинителей; Отцы іезуиты, Янъ Рутковичъ, Игнатій Бродовскій, Мартинъ Ласкій извѣстны, какъ составители болѣе удачныхъ діалоговъ. Открытіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ литература обязана знаменитому дѣлателю на ея поприщѣ свящ. Іерониму Юшинскому, а большей ихъ части свящ. Заленскому, который въ Пултускѣ отыскалъ цѣлый рукописный фоліантъ подобныхъ діалоговъ. Не сомнѣваемся, что много еще произведеній этого рода можно найти въ другихъ библіотекахъ, оставшихся послѣ іезуитовъ, но могутъ ли подобныя событія быть важными въ отношеніи литературномъ, нравоописательномъ, или по отношенію къ языку? сомнительно. Есть у насъ довольно памятниковъ грустной эпохи іезуитизма, даже слишкомъ для того, чтобы заплакать надъ тѣмъ, до чего въ ихъ время дошло наше слово и здравая мысль польскаго ума.

Свѣтская драма. въ нашу эпоху стала выше іезуитскихъ діалоговъ и торжественныхъ ходовъ. Много, очень много въ чемъ можно было бы упрекнуть ее по отношенію къ искусству, но она имѣетъ нравоописательное достоинство, изображая лица отечественныя, поражая недостатки сограждан. Рѣдко здѣсь можно встрѣтить высшій, благородный комизмъ: положенія лицъ всегда обыкновенны, шутки ихъ грубы, интриги просты, лица простонародны; но во всякомъ случаѣ для насъ сноснѣе эти простыя нравоописательныя картины, чѣмъ тѣ преумныя и безвкусныя аллегоріи, о которыхъ мы говорили выше. Прибавимъ, что знаніе комедій древне римскаго театра, удерживали нѣсколько нашу комедію въ предѣлахъ лучшаго вкуса.

Здѣсь прежде всего попадается намъ *Тройной*, комедія *Плавта*, примѣненная къ польскимъ нравамъ *Петромъ Цыкклинскимъ* (Замостье въ Акад. типогр. 1597.) Произведеніе это, написанное тридцати стопными стихами, носитъ

на себѣ отпечатокъ хорошаго вкуса и вѣрнаго примѣненія къ отечественнымъ правамъ. Изъ Аѳинъ и Рима Цѣклинскій перенесъ дѣйствіе въ Львовъ, ополячилъ названія лицъ (Сендзиславскій, Злотогродзскій, Панграчъ, Войтовичъ, Скарбекъ и т. д.), и вѣрно сатиризуя польскую роскошь, произведеніе чуждое польской литературы сдѣлалъ вполнѣ народнымъ. Тономъ растянутой сатиры, онъ какъ бы напоминаетъ намъ сатиры Опалинскаго (быть можетъ бѣлые его стихи производятъ этотъ обманъ), но онъ несравненно благороднѣе въ своихъ сарказмахъ. Въ похвалу *Тройнаю* писали: Шимоновичъ, Гербуртъ, Остророгъ и Средзинскій. Это важное и очень рѣдкое теперь сочиненіе заслуживаетъ того, чтобы его вновь напечатать въ какомъ нибудь сборникѣ древнихъ писателей.

Затѣмъ по порядку вспомнимъ *два іезуитскіе Антракта* (Intermedia), которые разыгрывались въ промежуткѣ между двумя важными діалогами для увеселенія зрителей. Первый подъ заглавіемъ: *Разговоръ двухъ сатировъ*, содержитъ въ себѣ критику на лакомство, роскошь и бабьи сплетни, на пьянство и т. д. Нѣтъ здѣсь порядка и мысли, одна только сухая мораль, переплетаемая сатирическими замѣчаніями. Второй, подъ заглавіемъ *Ludi*, составляетъ отдаленное воспоминаніе о борьбѣ и колебаніи Геркулеса въ выборѣ между удовольствіемъ и добродѣтелью, здѣсь юноша вооружается противъ забавъ. Увы! отвѣтъ какой даетъ ему *Ludus* (богъ забавъ), удачнѣе самихъ возраженій, не смотря на то, что благочестивый авторъ безъ сомнѣнія хотѣлъ видѣть противное.

Довольно странна по своей мысли, но много знаменательна, такъ называемая *Трагедія о польскомъ Сцылурусѣ* 1604, написанная Юрковскимъ. Въ ней подъ образомъ Геркулеса, Париса и Діогена, олицетворяются Мужество,

Сластолюбіе, Мудрость. Не смотря на классическія названія лицъ, дѣйствіе происходитъ въ Польшѣ, а дѣйствующія лица удерживаютъ свой древній характеръ, примѣненный къ польскимъ обычаямъ. Геркулесъ разыгрываетъ сцену съ удовольствіемъ и добродѣтелію, такъ какъ въ извѣстной повѣсти Ксенофонта; ходитъ въ польско-гусарской одеждѣ, говоритъ о своихъ подвигахъ съ Турками и Татарами, Парисъ, Троянецъ въ италіянской или нѣмецкой одеждѣ, пропитанъ мнѣніями Лютера. Получивъ яблоко отъ Меркурія, даритъ его богинѣ Венерѣ, *какъ самой прекрасной*, и обрадованный обѣщаніемъ богини благопріятствовать ему въ любви, призываетъ музыкантовъ, и начинаетъ танцовать, какъ вдругъ діаволъ увлекаетъ его въ адъ. Діогенъ, тотъ самый греческій Діогенъ, который лежалъ въ бочкѣ и пренебрегалъ Александромъ Великимъ, здѣсь какъ польскій философъ, одѣтъ по духовному, съ книгами подъ мышкою, онъ жалуется на испорченность міра, встрѣчается съ Александромъ Македонскимъ, проситъ его не закрывать ему солнца, хочетъ удалиться въ пустыню, но Слава утѣшаетъ его пріятною пѣснію. Все это происходитъ въ Польшѣ, и не смотря на причудливую мысль автора, комедія носитъ отпечатокъ не дурнаго комизма, вѣрной характеристики лицъ и высшихъ понятій о нравственности.

Хотя въ Польшѣ, на нарядномъ ли мѣстѣ придворнаго театра или въ простомъ балаганѣ странствующаго городскаго комедіанта, комедіи не придавали значенія выше простой, обыкновенной забавы, однако мы инстинктивно понимали значеніе театра въ отношеніи нравственномъ и нравописательнымъ. Вовсе не думая объ этомъ, тогдашніе писатели въ своихъ драмахъ и комедіяхъ, оставили намъ прекрасные народныя изображенія и типы изъ класса мѣщанъ, шляхты и народа. Ихъ разговоръ вѣрно изображающій эпоху,

ея недостатки, достоинства, потребности, и теперь еще для писателя талантливаго можетъ доставить нить и колоритъ для вѣрнаго изображенія прошедшаго. Польскіе діалоги хотя въ другихъ отношеніяхъ и не могли бы удовлетворить требованіямъ образованныхъ зрителей настоящаго вѣка, на все же по своей неоцѣненной, грубой, дышащей правдою простотѣ, по своей оригинальной фантазіи, достойны глубокаго изученія. Таковъ напр. діалогъ подъ заглавіемъ *Забавный придворный Сватъ*, гдѣ на сцену выходятъ молодой мотъ Памфилъ, двое чертей, Углинъ и Смолка, Смерть въ собственномъ своемъ видѣ, два доктора ея союзники, аллегорическая фигура Вѣры; не много тутъ безъ сомнѣнія дѣйствія, нѣтъ гладкости въ стихахъ, но въ основаніи произведенія лежитъ нравственная мысль, есть нѣсколько свойскихъ лицъ, есть фантастичность — словомъ есть все, что могло дѣйствовать на зрѣніе и сердце невзыскательныхъ зрителей. Въ діалогѣ подъ названіемъ Komedya Rybałtowska, выводятся на сцену хижина угнетеннаго поселянина у котораго не чѣмъ одарить сельскаго учителя и кантора, которые собираютъ милостыню, ни двухъ характеристическихъ нищихъ и вдобавокъ ему нужно бороться съ конфедератами; здѣсь очень естественно представленъ цѣлый бытъ народа! есть здѣсь и заботы поселянина, и латинизмъ звонаря, и нищенское вымаливаніе милостыни, и своеволіе войска, которое должно быть не такъ вело себя при Стефанѣ, но при Сигизмундѣ III его вольность достигла крайняго предѣла. Авторъ грубаго діалога представилъ намъ ту же картину на сценѣ площаднаго балагана, за которую Скарга упрекалъ рыцарство съ Краковской каѳедры: «Здѣсь «было бы о чемъ плакать, о томъ, напримѣръ, какъ нѣко«торые изъ нашей шляхты, прикрываясь военною слу«бою, всю свою силу употребляютъ одни на убійства и

«домашніе разбои... другіе берутъ и отнимаютъ все, что «хотятъ, а кто сопротивляется имъ, того убиваютъ, убогимъ «наносятъ раны и истязанія, а награбленное продаютъ и «богатѣютъ; бѣдный изъ-за нихъ погибаетъ съ голоду. И «есть у нихъ воровскіе ключи отъ сундуковъ и подваловъ, «и деньги, и то что есть въдомѣ, все они забираютъ». Поистинѣ! тяжкая вина лежитъ на безнаказанныхъ воинахъ, но она оправдывается ихъ положеніемъ. Солдатъ, вовсе продолженіе Сигизмундова царствованія, служилъ безплатно, или принужденъ былъ самъ себѣ собирать жалованье по деревнямъ; волею или не волею великіе гетманы должны были быть снисходительными къ своеволію воиновъ, а набожный Сигизмундъ III, исповѣдуясь еженедѣльно, и неподумалъ о томъ, что слезы народа, угнетаемаго войскомъ, всею своею тяжестію должны пасть на его совѣсть. Возвратимся къ театру въ Польшѣ.

По порядку слѣдуетъ въ 1623 г. діалогъ подъ заглавіемъ *Summa actiey Collegium Poznanskiego S. J. na przyjazd Królewstwa Ich mość do Poznania* (Собраніе дѣйствій познаньской іезуиской коллегіи во время прибытія ихъ королевскаго величества въ Познань), писанный іезуитами и достоиный вниманія по личностямъ историческихъ особъ, которые въ немъ выводятся; здѣсь въ безобразной драмѣ выступаютъ на сцену мятежные казаки: Наливайко, Михайло; гетманы: Замойскій, Жолкѣвскій и Ходкѣвичъ; Татары, Русскіе, геній Польши, типъ воина и типъ богослова, наконецъ музыка и пѣсни разнообразятъ зрѣлище и уподобляютъ его настоящей оперѣ.

Еще болѣе замѣтно это сходство въ драмѣ написанный двумя годами позднѣе подъ заглавіемъ: *Избавленіе Руджера съ острова Альцины* (1625 г.) Это блестящій переводъ италіянской драмы Саралиціи, составленный Станиславомъ Ягодынскимъ,

который, по повелѣнію эрцгерцогини Ракузской, былъ разыгранъ для Владислава IV, тогда еще принца, путешествовавшаго по Европѣ, въ окрестностяхъ Флоренціи, въ виллѣ *Imperiale*. Ягодынскій, бывшій въ свитѣ королевича, видѣвшій представленіе италіянской драмы, рѣшился перевесть ее и исполнилъ свой трудъ чрезвычайно счастливо. Вмѣстѣ съ музыкою и балетомъ, содержаніе драмы слѣдующее.

Ругіеръ, женихъ добродѣтельной Брадаманты, попадаетъ въ сѣти прекрасной колдуньи королевы острова Альцины; забывая свой долгъ, онъ проводитъ здѣсь дни въ очарованіяхъ любви; его окружаетъ хоръ женщинъ, пастыри любящіе, и вдохновляемые любовію, привлекательные сирены, все тамъ дышитъ нѣгой, все ему поетъ:

«Do miłości! do miłości! [1]
«Kto w kwitnącej chce młodości.
«Zażyć świata i lubosci.»

Разговоръ поется въ стихахъ, а стихъ Ягодынскаго безподобенъ. Вотъ, напр. хоръ дѣвъ въ честь Ругіера и Альцины.

«Nieba obrótne, [2]
«Ptaszeczki lotne.
«Pięknych Nimf chóry,
«Wody i gory,
«Z waszej pomocy
«Niech tu jaśniejsze dni będą i nocy.
«Lochy chłodzące,

---

[1] *Переводъ*. Пусть любитъ тотъ, кто хочетъ въ цвѣтущей молодости узнать свѣтъ и удовольствія.

[2] *Переводъ*. Вращающіеся небеса, быстрые птички, хоры прелестныхъ нимфъ, воды и горы, съ вашей помощью пусть будутъ здѣсь дни и ночи ясные. Прохладныя пещеры, согрѣвающее солнце, поросшіе луга,

«Słońce grzejące,
«Łonki zarosłe,
«Kwiatki wyniosłe,
«Z waszej pomocy,
«Niech tu jaśniejsze dni będą i nocy.
«Żarty kochania,
«Gry uśmiechania,
«Niech z raju płyną,
«A w sercu słyną,
«Z waszej pomocy,
«Niech tu jaśniejsze dni będą i nocy.»

Такимъ образомъ Ругіеръ въ упоеніи любви изнѣжился бы и погибъ совершенно, еслибы не колдунья Мелиса, покровительница его невѣсты; чтобы исторгнуть юношу изъ сѣтей чародѣйки, она принимаетъ на себя образъ Атласа, ея наставника, внушеніями мужскихъ обязанностей и богатырской чести трогаетъ благородное сердце Ругіера, такъ что онъ рѣшается оставить островъ Альцины. Прекрасная обманщица имъ оставленная, старается удержать его при себѣ силою своихъ чаръ. Заклинаетъ пути, по которымъ долженъ идти юноша, волны морскія перемѣняетъ въ пламя, деревьямъ повелѣваетъ пѣть пѣсни, которые бы его растрогали, но твердость его остается неизмѣнною, и Мелиса обращаетъ въ ничто всѣ сверхъестественные чары Альцины, Ругіеръ удаляется, возвращается къ своему долгу и зрѣлище оканчивается пѣснями и танцами.

Представленіе этой драмы или оперы во Флоренціи было истинно очаровательно. Съ совершенною почти вѣрностію

высокіе цвѣты съ вашей помощью пусть будутъ здѣсь дни и ночи еще яснѣе. Шутки любви, игры, улыбки пусть изъ рая плывутъ и въ сердцѣ живутъ. Съ вашей помощью пусть будутъ здѣсь дни и ночи еще яснѣе.

били морскія волны, по нимъ ходили корабли, деревья плакали и ломались подъ тактъ музыки и пѣсней, вода превращалась въ пламя; музыка и танецъ придавали зрѣлищу очаровательность. Но дождался ли переводъ Ягодынскаго хоть одного менѣе блистательнаго представленія въ Варшавѣ? очень быть можетъ, потому что Владиславъ IV и братъ его Янъ Казиміръ, любили драматическія представленія; Марія Лудовика, которая принесла въ Польшу первый зародышъ любви ко всему французскому, дала толчекъ и нашему театру. Жаль, что эта государыня была француженкою; подъ ея вдохновеніемъ и покровительствомъ, ожила бы у насъ отечественная сцена и процвѣла придворѣ, при которомъ, изъ описаній Яржемскаго, мы видимъ уже постоянную музыку, хорошее устройство сцены и хоры италіянскихъ пѣвцовъ и танцоровъ. Діалогъ о св. Цециліи былъ представленъ съ такимъ неслыханнымъ великолѣпіемъ, что иностранные послы, бывшіе при дворѣ Владислава IV, сознавались, что они и у себя нигдѣ не видѣли представленія подобно блестящаго; въ другой разъ въ Гданскѣ, сценическія представленія данныя въ честь прибытія короля и его супруги Маріи Лудовики стоили до 100,000 тысячъ талеровъ. Италіянцы Августинъ Лоджи и Варѳоломей Бользони, королевскіе архитекторы, истощали свое остроуміе для выдумки новыхъ неискусственныхъ перемѣнъ декорацій. Но эти дорогія издержки ни мало ни содѣйствовали къ развитію драматическаго искусства въ нашемъ отечествѣ; пѣніе и танцы были здѣсь на первомъ мѣстѣ, піесы для театра писалъ Итальянецъ Виргилій Пузителли, а паши свѣтскіе и священные діалоги, по прежнему разыгрывались въ іезуитскихъ столовыхъ, въ шляхетскихъ усадьбахъ, или въ балаганахъ, на скоро выстроенныхъ на городской площади. А эти произведенія домашней музы поистинѣ достой-

ны были лучшей участи! не имѣя великаго значенія сами по себѣ и по отношенію къ искусству, во всякомъ случаѣ однакожь они были началомъ народной комедіи. Ссылаясь на то, что уже сказано нами выше, сдѣлаемъ здѣсь изслѣдованія надъ комедіею Петра Барыки подъ заглавіемъ: *Изъ мужика король* (Краковъ въ тип. Матѳея Андржеёвчика 1637 г.). Мысль комедіи проста и едва годна для фарса, но отдѣлка частей, поистинѣ достойна вниманія. Мужикъ подхмѣлившись въ гостинницѣ, уснулъ сномъ праведныхъ — тамъ нашло его рыцарство, которое послѣ шведскаго похода, позволяло себѣ различныя своеволія. Солдаты, вся добрая Сѣрадзская шляхта, восхваляя свою провинцію, начинаетъ пить за здравіе короля, государства и воеводства Сѣрадзскаго, за здравіе гетмана и польскихъ знаменъ, за пана полковника, за пана ротмистра, за гусаровъ и Запорожцевъ; такимъ образомъ за чашею вина, когда всѣ настроены были къ веселію, увидѣли они спящаго крестьянина; въ головѣ ихъ мелькнула мысль: переодѣть его за короля и увѣрить его, что онъ дѣйствительно король. Сказано, сдѣлано. Крестьянинъ, одѣтый въ богатые одежды пробуждается отъ сна, онъ не довѣряетъ самому себѣ, колеблется, кто онъ и гдѣ находится, но когда наконецъ убѣдился, что онъ дѣйствительно король, велитъ подавать себѣ явства и напитки, принимаетъ посольство отъ войскъ казацкихъ, которые въ видѣ подданнической дани, приносятъ ему колбасу, медъ, водку, муку на пироги, вм. съ сѣдломъ, деревевымъ лукомъ, татарскою нагайкою и дубовымъ посохомъ. Довольный подарками, король-мужикъ напивается русской водки, снова засыпаетъ, и пробуждается въ своей крестьянской одеждѣ. Солдаты ругаются надъ нимъ и смѣются, а бѣдный крестьянинъ со стыдомъ возвращается въ свою избу, проклиная солдатское обще-

ство. Эта піеса хочетъ выставить на видъ своеволіе солдатъ и картину войска, которую въ антрактѣ изображаетъ обозный слуга, попеременно представляя намъ то гусаръ, то козаковъ, то ихъ грубыя увеселенія послѣ бранныхъ трудовъ, то притѣсненія, насилія и обманы, какіе они себѣ позволяютъ въ обращеніи съ крестьянами, жидами и обозною прислугой, во зло употребляя правами сильнаго. Таково было войско въ Польшѣ въ эпоху Вазовъ; рыцари Кирхольма и Хотина, храбрые какъ львы, но избалованные правительствомъ и избытками воинской и шляхетской свободы, непослушные, безплатные, готовы были составлять конфедераціи и съѣзды и торговаться съ своимъ начальствомъ о послушаніи и наградѣ.

Подъ общимъ названіемъ *Вакханалія или діалоги съ Антрактами* въ 1640 г. вышелъ сборникъ нѣсколькихъ драматическихъ произведеній, разыгрываемыхъ школьнымъ юношествомъ. Достоинства и недостатки этихъ трудовъ, тѣ же, что и другихъ чисто народныхъ комедій; остроты пошлы, мысль обыновенна, вѣрна характеристика народныхъ классовъ и отдѣльныхъ частныхъ типовъ. Въ этомъ сборникѣ, именно въ піэсѣ *Кудесники*, авторъ осмѣиваетъ деревенскихъ бабъ, которыя своими чарами и волхованіями морочатъ народъ деревенскій; староста служитъ здѣсь олицетвореніемъ власти, а бакалавръ — выраженіемъ здраваго ума, и книжной премудрости, возстающей противъ чародѣяній. Въ другой піэсѣ того же сборника, выходитъ на сцену *Альбертусъ*, типъ воина-труса, самохвала, пьяницы, грабителя, который соединялъ въ себѣ только недостатки нашего войска, вовсе не имѣя его гражданскихъ и рыцарскихъ добродѣтелей. Тамъ же *Пилигрим* и *Странница*, надъ которымъ онъ насмѣхается, тотъ изчезнувшій теперь классъ набожныхъ бродягъ, которые про-

давая освященные камни, іерусалимскія пальмы, восковыя фигурки, и другія подобныя мимо священныя предметы, или разсказывая чудесныя легенды,—свои сны и откровенія, или небывалыя приключенія о своихъ путешествіяхъ, употребляли во зло легковѣрное благочестіе народа, возбуждая въ немъ небреженіе къ истинной вѣрѣ. Такимъ образомъ польскій театръ насмѣхался надъ всѣми недостатками народа, и надѣемся, что хотя малое, но все же имѣлъ вліяніе на его исправленіе. Только грѣхи сильныхъ не входили въ область сатиры, нельзя было еще осмѣять на театрѣ гордость магната, продажность трибуналовъ, двуличности іезуитской политики, и изступленную свободу шляхты — словомъ, недостатки высшаго общества; неудивительно поэтому что не было у насъ комедіи высшей и благороднѣйшей, а такая только, содержаніемъ которой служилъ простой народъ, который приходилъ смотрѣть на нее, комедію примѣненную по вкусу и образованію зрителей этого рода, которые часто вмѣшивались въ сценическіе разговоры, представляя собою на зрѣлищѣ зрѣлище другаго рода, часто болѣе забавное и драматическое, тѣмъ самая піеса. Въ доказательство того, что мы говоримъ, приведемъ изъ записокъ Паска, примѣръ того, какъ общество въ нашу эпоху вело себя на зрѣлищахъ.

«Французамъ, въ публичномъ Варшавскомъ театрѣ позволено праздновать одержанную ими надъ Австріею побѣду. Когда на театрѣ выведены были лица, началась музыка и торжественные огни, собралась туда куча народу, даже на коняхъ пріѣзжали смотрѣть на это чудное зрѣлище. Одни уѣзжаютъ изъ Варшавы, другіе пріѣзжаютъ: кто присмотрѣлся, кто остался на зрѣлищѣ, хотя ему былъ недосугъ. И я тамъ былъ, потому что выѣзжалъ изъ Варшавы, и тронувшись изъ гостинницы, остановил-

«ся рядомъ съ прислугою, которая была верхомъ, чтобы «поглядѣть на эти дивы. И такъ вокругъ этого зрѣлища «стояли люди различныхъ сословій и мнѣній. Когда уже «приготовительныя дѣйствія были кончены, то есть: какъ «сражались, какъ смята была пѣхота, какъ одна сто«рона другой уступала поле битвы, какъ брали нѣмец«кихъ плѣнниковъ, *отрѣзывали имъ головы*, какъ штур«мовали и брали крѣпости, и все это производимо было съ «большимъ великолѣпіемъ и издержками тогда, какъ будто «бы послѣ пораженія войска непріятельскаго на мѣстѣ, «начинаютъ вести императора въ цѣпяхъ, въ император«ской одеждѣ, съ короною уже не на головѣ, но въ ру«кахъ, которую онъ отдаетъ въ руки французскаго короля; «всѣ знали, что этимъ лицемъ былъ знатный Французъ, ко«торый представлялъ особу императора, въ оковахъ и умѣлъ «лицо и губы кривить такъ, какъ кривилъ императоръ; «тогда одинъ изъ конныхъ Поляковъ сталъ кричать Францу«замъ: *Убейте его, если онъ въ вашихъ рукахъ, не оставляй«те его въ живыхъ, потому что какъ скоро освободите «его, онъ станетъ мстить вамъ, будетъ умножать войны, «проливать кровь человѣческую, а такимъ образомъ, «міръ никогда не будетъ знать покоя. А если убьете его, «то король французскій получитъ имперію. будетъ им«ператоромъ, дастъ Богъ, и нашимъ. Наконецъ если «вы его не убьете, то я его убью.*» Взялъ лукъ, и положивъ «стрѣлу, поразилъ императора въ бокъ, такъ, что желѣзо «прошло на сквозь и убилъ его. Другіе Поляки въ свою «очередь взялись за оружіе и стали стрѣлять въ ту толпу, «искололи много Французовъ и даже того, который сидѣлъ «на тронѣ въ особѣ короля, пропзили наконецъ въ голову, «такъ что онъ съ престола свалился на сцену и ушелъ «вмѣстѣ съ другими Французами.»

Подобныя сцены, хотя менѣе кровавыя, возобновлялись часто. Неосновательно было раздражать слишкомъ обидчивую шляхту, а при этой раздражительности нечему дивиться если театръ не могъ статься у насъ школою нравовъ, соотвѣтственно своему назначенію, или что онъ не могъ забавить тѣхъ, которые привыкли къ болѣе шумнымъ забавамъ.

Наконецъ вспомнимъ еще піэсу *Мужикъ изъ Клеха* 1646 г. и указанные уже нами переводы Морштыновъ изъ Сенеки, Корнеля и Расина. Цидъ Корнеля, въ переводѣ Морштына, былъ игранъ на Варшавскомъ театрѣ 1661 г. во время сейма послѣ освобожденія прусскихъ и литовскихъ городовъ отъ Шведовъ. Въ прологѣ рѣка Висла поетъ слѣдующую пѣсню, намекающую на занятіе Шведами Варшавы:

«Ja co blizką równinę [1]
«Nurtem biegu rączego
«Przedzieram, i co płynę
«Pod tego królewskiego
«Pałacu świetne mury,
«I co towary z góry.
«Prowadzę wasze, aż do ujścia w morze,
«Stara, Wandalska, dawnopomna Wisła,
«Tum do was przyszła! —
«Chciały mnie były mrozy
«Powiązać w swe powrozy,
«I przeszkodzić mi drogę,
«W której ucieszyć starość moję mogę.» i. t. d.

[1] *Переводъ.* Я, которая быстрымъ потокомъ прорѣзываю близкую равнину, и теку подъ святыми стѣнами королевскихъ палатъ, и которыя товары ваши — изъ горы веду въ море, старая, Вандальская долговѣчная Висла, здѣсь къ вамъ пришла! Морозы хотѣли было заковать меня въ свои латы и загородить дорогу, которою я могу потѣшить свою старость.

Самый переводъ Морштына прекрасенъ, такъ что новѣйшій переводъ Осиньскаго, не смотря на свою гладкость и свѣжесть слога, едва можетъ выдержать сравненіе съ нимъ.

Въ эпоху Ягеллоновъ, заключая обзоръ поэзіи въ Польшѣ, мы сказали, что подъ конецъ этой эпохи она стала терять свою красоту, что улетѣло изъ нея чувство и лиризмъ, а взяло верхъ умствованіе и сатирическая брюзгливость. Въ эпоху Вазовъ, совершился можно сказать окончательный упадокъ нашей поэзіи, вмѣстѣ съ искаженіемъ чистаго языка временъ Сигизмундовыхъ, вмѣстѣ съ заключеніемъ въ холодныя формы всеоживляющаго, и свободнаго духа. Іезуитизмъ на произведеніяхъ нашей эпохи ясно положилъ свой отпечатокъ; мертвое подражаніе литературѣ классической, начало панегирическое, религіозное чувство запертое въ форму богословскаго правовѣрія—все это лишило теплоты и жизни даже произведенія первѣйшихъ художниковъ, каковы были: Шимоновичъ, Мясковскій, Твардовскій, Сарбѣвскій, что уже говорить о холодныхъ ихъ подражателяхъ? Съ другой стороны шляхта съ сильнымъ зародышемъ испорченности, съ духомъ отрицанія, (negacyi) то стѣсняемая вельможами, іезуитами, вооруженными врагами отечества, то тѣснящая слабыхъ своихъ сосѣдей, противниковъ политическихъ или сельскій народъ, представляетъ картину безпорядка, который отражается и въ поэзіи. Вмѣсто чистой любви къ отечеству, во имя которой въ добрыя времена Ягеллонскія, забывались всѣ личныя оскорбленія, когда что-нибудь грозило общей цѣлости отечества, въ Польшѣ, при Вазахъ, благодаря соперничеству политическому и религіозному, возросъ духъ партій до того, что безъ него почти уже непонятно было значеніе гражданина-патріота. Поэтому поэзія,

какъ орудіе этихъ двухъ партій по необходимости должна была отпечатлѣть на себѣ ясное пятно двухъ противоположныхъ элементовъ: *похвалы* для своихъ, и острой *сатиры* или *пасквиля* на политическихъ или религіозныхъ своихъ противниковъ. Такъ дѣйствительно и было. Подъ конецъ эпохи Вазовъ сатира и насмѣшка стали умолкать, потому что трудно было смѣяться Польшѣ при Янѣ Казимірѣ, потому что мракъ скрывалъ отъ глазъ недостатки и простунки своихъ согражданъ, которые сдѣлались нравственнымъ состояніемъ большинства, потому что наконецъ пѣснотворная муза, съ сельской нивы, съ поля битвы и сеймовой палаты, совершенно переселилась въ стѣны іезуитскихъ коллегій, природныхъ поклонниковъ всякой власти. Въ эпоху избирательныхъ королей, мы будемъ приводить много панегирическихъ похвалъ этой школы, которыя составляютъ отличительную черту тогдашней поэзіи. Читая ихъ, кто нибудь готовъ бы подумать, что это эпоха боговъ и богатырей, между тѣмъ, какъ это было время мрака и упадка. Языкъ обработанный великими писателями временъ Сигизмундовъ, теперь причудливо испещренный ученымъ латинизмомъ, сдѣлался почти неспособнымъ къ выраженію истинно вдохновенныхъ мыслей. Латинизмъ, вторично привитой къ польской почвѣ, не представляетъ уже цвѣтовъ, благоуханіемъ которыхъ дышатъ сочиненія Яницкихъ, Оржеховскихъ, Модржевскихъ, но однѣ сухія былинки, вооруженные мертвыми иглами научности — словомъ вездѣ состояніе омертвѣнія, застоя.

Покамѣстъ еще наступитъ необходимость наслѣдовать тѣ времена, возвратимся еще къ первымъ годамъ царствованія Сигизмунда III и пройдемъ тогдашнія легкія сочиненія — въ нихъ наиболѣе характеристически выражается бурная пора тогдашняго времени.

III. ПРОЗА.

ЛИСТКИ САТИРИЧЕСКІЯ.—НАЧАЛО ГАЗЕТЪ И ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—ДНЕВНИКИ (DYARYUSZE) И ЗАПИСКИ (PAMIĘTNIKI).—РОМАНЪ И ПОВѢСТЬ.

Партіи, нерасположеніе, недовѣріе охотно прибѣгаютъ ко всѣмъ родамъ нападенія и обороны; но въ дѣлѣ минутномъ, оружіемъ болѣе страшнымъ и вѣрнымъ, чѣмъ желѣзо или холодное доказательство, служитъ насмѣшка сатиры. Польша при Вазахъ жила въ элементѣ партій. Католикъ и протестантъ, приверженецъ Зборовскаго и единомышленникъ Замойскаго, рокошанинъ и сторонникъ двора, послѣдователь свободы, кліентъ магнатовъ, консерваторъ или приверженецъ нововведеній, все это кипѣло въ Польшѣ, рвалось къ оружію другъ противъ друга, все взаимно поражало себя клеветами, взаимно обвиняло себя въ измѣнѣ. Въ сердцахъ желчь, на устахъ пѣна и насмѣшка. Въ такомъ положеніи дѣлъ при свободѣ книгопечатанія, еще не стѣсненной іезуитами, написано множество колкихъ, пристрастныхъ листковъ, которые большею частію погибли, но и оставшаяся ихъ часть бросаетъ ясный свѣтъ, если не на духъ цѣлой эпохи, то, по крайней мѣрѣ, на образъ мыслей извѣстныхъ партій. Форма этихъ мелкихъ произведеній самая разнообразная: трактатъ, пародія, письмо, апокрифъ, стишки; языкъ польскій или латинскій, сообразно природѣ предмета или природѣ остроты, мысль всегда полная, ост-

роуміе иногда тонкое, иногда пошлое и грубое. Вотъ характеристика произведеній этого рода, которыхъ мы приведемъ нѣсколько, не для исчерпанія предмета, потому что это невозможно, но для того только, чтобы дать понятіе объ этомъ странномъ родѣ литературы. Будемъ приводить листки безъ всякаго различія, польскіе они или латинскіе, безъ различенія въ нихъ мнѣній или партій, такъ какъ они идутъ въ хронологическомъ порядкѣ. А такъ какъ нѣкоторые, при своей стихотворной формѣ, не получили мѣста въ отдѣлѣ о поэзіи, то всего приличнѣе будетъ помѣстить ихъ здѣсь.

Бурное, двойное избраніе Сигизмунда III и эрцгерцога Максимиліана должно было вызвать множество этихъ летучихъ листковъ, которыми метали другъ противъ друга ненавистныя одна другой партіи-Зборовскихъ и Максимиліанистовъ, приверженцы Замойскаго и Шведа. Приведемъ здѣсь описанную у Вишневскаго брошюру подъ заглавіемъ: *Состояній королевства Польскаго и нѣкоторыхъ польскихъ чиновниковъ во время избранія Сигизмунда III королемъ Польскимъ*; *Посольства, Письма и Отвѣты различнымъ князьямъ христіанскимъ*. Въ ней ревностный приверженецъ партій Зборовскихъ бросаетъ ядовитыя клеветы на Замойскаго, на память покойнаго короля и на сенаторовъ-приверженцевъ обоихъ сторонъ. Замойскаго называетъ Пашею, издѣвается надъ титуломъ *отца отечества*, который поднесенъ Стефану благородными соотечественниками, старается выставить всѣ дѣянія покойнаго короля героя въ свѣтѣ для него невыгодномъ, бросаетъ тѣнь на его переговоры съ Турками, на сношенія съ Венграми, на гласное дѣло Зборовскихъ, и приготовляя умы къ избранію, чтобы родить въ нихъ нерасположеніе къ дому Баторія и къ каждому кандидату, котораго можетъ предложить Замойскій, говоритъ: «Покамѣсть можете, берегитесь

«наиболѣе бѣднаго государя изъ убогаго дома; пускай бы «имѣлъ онъ самую лучшую красную шапку, но вѣдь за «нее дорого уплачено изъ казны государства; берегитесь и «другихъ, которые бы были чьими-нибудь подданными или «данниками. Не говорите: скоро обогатимъ мы государя, «это бы могло быть, но не скоро обогатитъ онъ своихъ «бѣдныхъ друзей. Изъ Польши вдругъ сдѣлаетъ госпиталь, «одинъ будетъ ему способствовать быть владыкой, а другой «набирать нищихъ».

Бартошъ Папроцкій въ язвительномъ стихотвореніи подъ заглавіемъ: *Память о безпорядкѣ въ Польшѣ, причиненномъ двумя партіями* (1587 г.) открыто поддерживая избраніе Максимиліана, нападаетъ на Замойскаго, называетъ его Сѣрымъ Яномъ, Szaruszkiem, Падуанскимъ ректоромъ, и о Сигизмундѣ III, на сторону котораго Замойскій, какъ извѣстно, преклонилъ вѣсы избранія, говоритъ:

«Wielką niewolę cierpi ludzi silna kupa, [1]
«A czwarta się królowa do nich przymieszała,
«Która państwo przodków swych w nieprzespieczność wdała,
«A cóż tym swym uporem najlepszego sprawi,
«Polskiego nieotrzyma, Szwedzkiego pozbawi.»

Письменно задѣваетъ онъ при этомъ Мартина Леснѣвольскаго, Подлясскаго кастеляна, нападаетъ на канцлера Замойскаго, на в. коронаго маршала Андрея Опалинскаго, и Примаса Станислава Карнковскаго. Вообще эта брошюра, какъ и всѣ подобныя сочиненія Папроцкого, болѣе заключаетъ въ себѣ яда, чѣмъ остроумія.

---

[1] *Переводъ.* «Толпа людей терпитъ сильное принужденіе, къ нимъ примѣшалась еще королева, которая подвергла опасности государство своихъ предковъ. Чѣмъ же кончится ея упорство? Тѣмъ, что она не получитъ Польшу и потеряетъ Швецію.

По порядку вспомнимъ простую юмористическую картину изъ иной сферы, подъ заглавіемъ: *Священническое предпріятіе или разговоръ приходскаго священника, Альбертуса, Ветошкина и Коновода* (Краковъ въ тип. Лазаря 1590 г.). Альбертусъ былъ типомъ дурной стороны тогдашняго солдата, или лучшаго обознаго погонщика, хвастуна, труса, всегда готоваго производить по деревнямъ грабежъ; его славный походъ на войну и возвращеніе оттуда нѣсколько уже разъ описывали и прозой и стихами. Альбертусъ хотя былъ вымышленнымъ лицемъ, но пріобрѣлъ, такъ сказать историческую физіономію, благодаря единомыслію тѣхъ, которые описывали дѣянія этого польскаго въ своемъ родѣ Донъ-Кихота. Онъ былъ слугою приходскаго священника, вслѣдствіе гетманскаго призыва преобразовавшійся въ воина, съ важнымъ видомъ, въ вооруженіи, взятомъ изъ костела отъ гроба Христова, съ копьемъ св. Михаила, верхомъ на тощемъ конѣ, навьюченномъ связкою и сѣна и узелками дорожныхъ припасовъ; на рынкахъ и въ гостинницахъ, повсюду онъ разсказываетъ свои богатырскіе подвиги, съ набожнымъ настроеніемъ духа, какъ и прилично слугѣ священника, но военное общество испортило его до того, что онъ пренебрегаетъ вѣрою, ея обрядами, постами и молитвами. Къ этой личности мы еще разъ возвратимся, по поводу другой брошюры.

Среди множества голосовъ, возвышавшихся противъ іезуитовъ въ первые годы правленія Сигизмунда III, замѣчательнѣе прочихъ латинское произведеніе поэта Кленовича подъ заглавіемъ: *Equitis Poloni in Jesuitas actio prima* (1590), за которое честный и благонамѣренный пѣвецъ *Матроса*, заплатилъ страданіями всей своей жизни. Въ немъ онъ доказываетъ, что общество іезуитовъ подкопало уже основанія не одного государства, что оно старается

объ искаженіи чистыхъ началъ католицизма, и раздуваетъ пламя рокошей, что по ихъ винѣ опустѣла Краковская Академія въ Польшѣ, и многимъ людямъ закрылся путь къ славѣ и отличіямъ. Упрекаетъ іезуитовъ въ томъ, что въ отношеніи къ наукѣ они не могутъ равняться съ академіею, что въ трудахъ на поприщѣ литературномъ лучше бы имъ заняться одними только діалогами, чѣмъ сочиненіями религіозными и научными, потому что въ первыхъ они вредятъ только дѣлу Церкви, а въ послѣднихъ распространяютъ систему ученія, гибельную для цѣлаго края. Сочиненіе Клёновича, въ высшей степени интересное, имѣло великій успѣхъ; два раза было оно перепечатано на языкѣ латинскомъ и переведено на польскій языкъ подъ заглавіемъ *Сравненіе іезуитовъ*; но за то вызвало бурю на голову автора, и цѣлый рядъ сочиненій, опровергающихъ *Всадника*. Противъ Клёновича выступили Станиславъ Решка въ книгѣ Spongia, Мартинъ Шишковскій, Мартинъ Лашчь, Янъ Лянсъ, и цѣлый рядъ писателей іезуитскихъ и ихъ приверженцевъ. На сторонѣ іезуитовъ былъ перевѣсъ матеріальной силы, легко имъ было опровергать, приказывать, жечь книги, преслѣдовать автора или издателя; но гораздо труднѣе было побороть мнѣніе общественное, съ которымъ они ежеминутно должны были бороться. Еще нѣсколько разъ мы будемъ имѣть случай говорить то о нападеніяхъ на іезуитовъ, то объ ихъ оборонѣ.

Къ любопытнымъ листкамъ сатирическимъ нужно причислить стихотвореніе Гроховскаго, о которомъ мы уже говорили, подъ заглавіемъ *Бабій кругъ*, до сихъ поръ извѣстное по нѣсколькимъ начальнымъ стихамъ, а теперь вновь перепечатанное *въ Польской литературѣ* ученаго В. А. Мацеіовскаго. По смерти краковскаго епископа, князя

Радзивилла 1600 г., когда множество польскихъ епископовъ искали занять опустѣвшую послѣ него каѳедру, Гроховскій выводитъ на сцену постельныхъ бабъ, которыя по своему разбираютъ достоинства и недостатки кандидатовъ. Любопытна здѣсь характеристика тогдашнихъ польскихъ епископовъ; изъ нея мы видимъ, что Петръ Тулицкій не искалъ этого мѣста, потому что ему уже обѣщано было Варминьское княжество, что Янъ Тарновскій, былъ человѣкъ скупой, который копилъ деньгу только для себя и для своихъ родственниковъ, что Фирлей, какъ человѣкъ молодой и проворный, могъ быть полезнымъ двору, что Іеронимъ Розражевскій, епископъ Куявскій, не могъ быть полезенъ, потому, что былъ старъ, что Перемышльскій Вавржинецъ Гослицкій, былъ пастырь благоразумный и общительный, но не пользовался большими милостями при дворѣ; что Кіевскій Христоферъ Казимерскій, человѣкъ «съ умною головою», что Гомолинскій Хелмскій епископъ, по кротости своего нрава даже и не думаетъ о высокомъ достоинствѣ, что наконецъ Луцкій Бернардъ Мацеіовскій давно уже воздыхаетъ къ Кракову, что онъ кажется уже сложилъ что-то для двора въ родѣ задатка, и хотя благочестивыя, сестры милосердія приходятъ въ негодованіе отъ одной мысли о святокупствѣ, однако послѣ долгихъ между собою споровъ, при вмѣшательствѣ Пенковскаго, стараго нищаго, изъявили свое согласіе на избраніе Мацеіовскаго.

«Wszystkie za tem [1]
«Swym Biernatem
«Niawzgarozajmy;
«Temu dajmy

[1] *Переводъ.* «Всѣ за нимъ, своего Берната презирать не надо, ему вручилъ Богъ краковскую паству для управленія. Онъ заслужилъ это своими добродѣтелями.

Trzodę Boską—
«W rząd Krakowską
«Dla cnot jego,
«Godzien tego.»

Не прошла поэту даромъ эта остроумная выходка, потому что Плоцкій епископъ, Войцехъ Барановскій, оскорбленный намекомъ, будто бы онъ еще Стефану Баторію внесъ сумму денегъ за краковское епископство, посадилъ поэта въ заключеніе, и взялъ у него обѣщаніе не писать съ тѣхъ поръ ничего, кромѣ вещей набожныхъ.

Католики на разновѣрцевъ, а разновѣрцы въ свою очередь на католиковъ писали разнаго рода сатирическія статьи, которыхъ невозможно причислить къ религіозной полемикѣ, потому что они единственно служатъ только выраженіемъ непристойнаго яда ненависти. Къ числу ихъ принадлежитъ брошюра на лютеранъ подъ заглавіемъ: *Посольство изъ дикихъ полей отъ Совизжала къ малодобродѣтельной дружинѣ Правдзица Нидрвеля* (1606 г.). Здѣсь выходятъ на сцену: Совизжалъ (Вертопрахъ) — воплощенный типъ человѣка, одураченнаго религіозными новостями и Мархольтъ выраженіе простаго, здраваго ума, который на все новое смотритъ окомъ серіознымъ и суровымъ. Мархольтъ, подобно тому, какъ и Альбертусъ, въ сатирическихъ листкахъ сдѣлался лицомъ историческимъ. Первый разъ онъ явился въ *разговорахъ Соломона съ Мархольтомъ*, о которыхъ мы говорили въ эпоху Ягеллоновъ, и съ тѣхъ поръ нравится сердцу читателей польскихъ его деревенская, полугрубая, необразованная, но полная здравой истины рѣчь и фигура.

Рокошъ Зебржидовскихъ увѣковѣченъ во многихъ листкахъ сатирическихъ, такъ равно какъ и на поляхъ Гузова; рокошане и приверженцы двора съ равнымъ остервенѣніемъ

боролись между собою какъ письменно, такъ и мечемъ. Злостны и грубы, но по большей части остроумны, сочиненія писанныя рокошанами. Нѣсколько такъ называемыхъ *Рокошовыхъ пѣсней* недавно обнародовалъ Мацеіовскій въ своей *Литературѣ*. Одна изъ нихъ подъ заглавіемъ *Votum Philopotea*, *Правдолюбца*, писанная приверженцемъ Стадницкихъ, жестоко колетъ Сигизмунда, и громко говоритъ о томъ, что его нужно выгнать изъ Польши; другая по просту совѣтуетъ королю бѣжать изъ Польши, вмѣстѣ съ преданными себѣ сенаторами, изъ нѣна которыхъ уже открыта шляхтою, или же отправиться на покаяніе въ Лоретъ и Ченстохово. Другая подъ названіемъ *Pasquillus*, объявляя, что король уѣзжаетъ въ Швецію на *сельди*, угрожаетъ королевскимъ любимцамъ: Сигизмунду Гонзагѣ Мышковскому, Іерониму Гостомскому, Николаю Вольскому и Андрею Боболю; иной наконецъ листокъ направленъ противъ приверженца королевскаго Лежайскаго старосты Опалинскаго, въ видѣ надписи на верстовомъ столбѣ; онъ оканчивается такъ:

«Złosci swej skryte ziarno ziemia ożywiła [1]
«A mnie jako kłos rządny na wierzch wysadziła,
«Żebym przemijającym tak swiadczyło tobie:
«Cnota Opalinskiego ta w tym legła grobie;
«Sam żyje, lecz jesli mu ztąd mieć swe dochody
«Trzy drzewna tu z powrozem stoja dla ugody.»

Отъ того же рокоша остался намъ латинскій діалогъ, помѣщенный въ древней рукописи у І. І. Крашевскаго, въ

[1] *Переводъ*. «Земля оживила открытое зерно своей злобы, а меня голосъ правительственный помѣстилъ на вершинѣ для того, чтобы всѣмъ проходящимъ я такъ говорилъ о тебѣ: добродѣтель Опалинскаго здѣсь сокрыта въ этомъ гробѣ; самъ онъ въ живыхъ, но если имѣть ему отъ этого пользу, то вотъ для него здѣсь три столба съ веревкою.»

формѣ *Литургіи* (Dyalogus per modum Missae); самою формою онъ оскорбляетъ святость вѣры, но съ другой стороны полонъ безподобнаго остроумія и юмора. Въ немъ дѣйствуютъ: король, канцлеръ Матвей Пстроконьскій, польская шляхта, рокошане, приверженцы королевскіе, или какъ авторъ ихъ называетъ льстецы королевскіе (adulatores regni) и іезуиты; литургійныя молитвы каждаго изъ нихъ послужили къ искусному примѣненію словъ литургіи, къ характеру лицъ и партій. Такимъ образомъ авторъ насмѣхается, надъ предпріятіями Сигизмунда противъ Москвы, представляетъ тѣ насилія, какія терпитъ шляхта отъ конфедератовъ, наконецъ въ полумракѣ выставляетъ скромныя, но многозначительныя лица іезуитовъ. По причинѣ формы, которая, какъ мы сказали, оскорбительна для святости вѣры, не въ состояніи будучи привести изъ нея больше отрывковъ, переведемъ для примѣра парафразъ послѣдняго Евангелія.

«Въ началѣ было единовластительство у Ляховъ, и Ляхъ «былъ единовластителемъ, таково было начало Польши; «далъ корону императоръ Оттонъ и назвалъ королемъ «Болеслава Храбраго; законы и права далъ Казиміръ В., рас«ширилъ границы земли, и созидалъ твердыни, и обогащалъ «народъ. Ягелло вмѣстѣ съ свободою подарилъ и Литовское «княжество. Сигизмундъ I лучше желалъ отдавать подъ за«логъ замки, чѣмъ драться народа деньги, и увеличивать свои «владѣнія. Что сдѣлано добраго, то сдѣлано королями любимы«ми отечествомъ. По немногомъ же времени былъ человѣкъ «посланъ отъ Бога, которому было имя Сигизмундъ, тотъ при«шелъ въ Польшу изъ Швеціи, чтобы вѣнчали его королемъ «польскимъ и что же случилось. Плавалъ онъ въ Швецію, «и свои его не приняли, далъ имъ право жить при себѣ, и «назначилъ мѣсячное жалованье въ Данцигскомъ портѣ, «для тѣхъ которые родились отъ шведской крови. Чрезъ

«него война началась съ Москвою, и жилъ онъ тамъ, какъ «бы два мѣсяца. И мы видѣли славу его возвращенія оттуда, «какъ славу Александра В., торжествующаго и радующагося «о покоренін міра.»

Въ томъ же родѣ и равнымъ же остроуміемъ запечатлѣны и другіе два листка, которые теперь у насъ подъ рукою, одинъ подъ заглавіемъ: *Псаломъ конфедератовъ*, другой съ надписью: *Объ истязаніи господина нашего Сигизмунда III* (Passio Domini nostri Sigismundi III) составленный изъ примѣненія Евангелія св. Іоанна о страданіяхъ Господнихъ.

Тѣмъ же рокошанскимъ духомъ запечатлѣно рокошанское произведеніе подъ заглавіемъ: *Зерцало правленія или безпорядокъ во время сейма 1606, представленное Ефремомъ Правдзицкимъ*, которое въ рукописи было у Юшинскаго. Авторъ, сокрытый подъ псевдонимомъ, бросаетъ острыя стрѣлы на короля, на коронаго подскарбія (казначея) на Опалинскаго, Жегоцкаго, Гниньскаго, Паца, свящ. Пѣкарскаго, придворнаго проповѣдника, а наиболѣе ядовитыя на Матвея Пстроконьскаго, коронаго канцлера. Выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ этого листка:

«Zamknął Kanclerz drzwi panskie zatarasił progi [1]
«Niewnijdzie tam skrzywdzony, nietrafi ubogi
«Lecz idzie wolną drogą głos pomsty do Nieba
«Że Pan wojnę wymyślił, a narod bez chleba.
«Swoim pismem obciążą Elertowe prassy
«Chrzcząc obroną Ojczyzny niniejsze hałasy.»

[1] *Переводъ.* Заникулъ канцлеръ дверь государеву, завалилъ пороги, невзойдетъ туда униженный, не попадетъ въ нее убогій, но голосъ о нищенін недленно возносится къ небу, что государь выдумалъ войну, а народъ безъ хлѣба, сочиненіями своими завалилъ онъ станки Элерта, называя нынѣшнія волненія, защитою отечества.»

Неукрылся отъ сатиры и примасъ Войцехъ Барановскій (занявшій это мѣсто послѣ Бернарда Мацеіовскаго въ 1608). Безыменный авторъ въ своемъ латинскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Дружеское письмо къ сенаторамъ королевства, любителямъ отечественной свободы* (Epistola familiaris ad proceres regni, amicos patriae libertatis) безъ обиняковъ выставилъ всѣ публичные и частные грѣшки примаса, нещадитъ іезуитовъ, и открываетъ много подробностей изъ жизни давно уже умершаго примаса Якова Уханьскаго.

Къ памятникамъ рокоша принадлежитъ еще сочиненіе Блажовскаго подъ заглавіемъ: *Переводчикъ Рокошовый*, оправдывающее Сигизмунда III,—потому что послѣ пораженія рокошанъ подъ Гузовомъ, голосъ приверженцевъ королевскихъ смѣлѣе сталъ высказываться въ тогдашнихъ сочиненіяхъ. Стоитъ еще привести здѣсь такъ называемую *Пѣснь послѣ Рокоша*, которую приводитъ Мацеіовскій. Выпишемъ изъ нея отрывокъ изображающій своеволія рокошанъ.

«Więc pod tej płaszczem swobody [1]
«Pa trzy łotrowstwo pogody
«Najeżdża, bierze, plondruję
«A żołnierzem się mianuje.

«Stadnicki djabeł wcielony,
«Puścił głosy na wsze strony,
«Że Pana z krolewstwa zrzuci—
«Krążąc, ryczy, bołamuci.

---

[1] *Переводъ.* И такъ подъ предлогомъ свободы, буйство ждетъ погоды: наѣзжаетъ, беретъ, грабитъ и еще зоветъ себя солдатомъ.

Стадницкій, дьяволъ воплощенный, распустилъ голоса на всѣ стороны, что онъ короля свергнетъ съ престола, кружась на всѣ стороны, рычитъ, дурачитъ.

«Drudzy mu też pomagali
«Panu w kaszę narzucali;
«I braci skupili wiele,—
«Gniew, nienawiść broi smiele.

«Wołaj, woźny Jenerale,
«Rokosz huczny został w male,
«A ci, co króla sławili
«Po gębie się uderzyli.

«Jadem chcieli być królowi
«Senatorom wtoż dworowi,
«I na kościoł się rzucili,
«Lecz szyki bardzo zmylili.

Другой кто-то, важнымъ историческимъ образомъ написалъ оборону Сигизмунда III подъ заглавіемъ: *Человѣкъ по своей добродѣтели, доброжелательству и правдѣ.* (Ziemianin cnotą, życzliwoscią, prawdą.) Авторъ вѣрнымъ взглядомъ, отыскивая начало зла, источникъ его видитъ не у престола, но у магнатовъ, обманывающихъ шляхту мнимыми титулами равенства и братства (и то тогда только, когда хотятъ чего-нибудь чрезъ нихъ достигнуть) и которые обремененные долгами, единственное средство къ спасенію видятъ въ смутахъ республики. О другихъ магнатахъ, ревнующихъ будто бы о народной свободѣ, авторъ утверждаетъ, что усердіе ихъ происходитъ изъ безпокойнаго желанія предводительствовать своими братьями и потому все дѣло рокоша, по его мнѣнію, есть слѣдствіе личныхъ видовъ, прикрытыхъ желаніемъ общественнаго блага. Можно былобы

А другіе ему помогали, государя въ лицо упрекали, и собрали много братьевъ; гнѣвъ и ненависть смѣло шумятъ.

Лукуй, главный генералъ, громкій рокошъ разсѣянъ, а тѣ, которые славили короля, сомкнули свои рты.

Ядомъ хотѣли они быть для короля, тѣмъ же для сенаторовъ и двора, бросались и на церковь, но оружіе имъ измѣнило.

кое-что и возразить противъ главной мысли автора, но вѣрность его отдѣльныхъ выводовъ волею или неволею мы должны признать.

Дѣла царства Сигизмунда III въ эту эпоху тѣсно были связаны съ дѣломъ іезуитовъ. Съѣзды Люблинскій и Сендомірскій требовали удаленія ихъ изъ Польши, или по крайней мѣрѣ лишенія ихъ огромной силы и богатства. На положенія Сендомірскаго съѣзда отвѣчалъ почтенный іезуитъ Петръ Скарга; но его сочиненіе подъ заглавіемъ: *Процессъ съ конфедераціею* и *Испытаніе Ордена Societatis Jesu* (какъ мы уже выше сказали) доказываетъ только то, что защитникъ человѣкъ добродушный, не подозрѣвалъ вреда, приносимаго обществомъ отечеству. Кромѣ Скарги въ защиту іезуитовъ, писали: Касперъ Савицкій, Касперъ Цихоцкій и Георгій Тышкевичъ, а нападали на нихъ Станиславъ Щигельскій, Симонъ Стеніушъ и Николай Зѣменцкій. Та и другая сторона издала нѣсколько брошюръ; то была борьба на жизнь и смерть, потому что дѣло шло о существованіи іезуитовъ въ Польшѣ, или объ ихъ удаленіи. Рѣшительный ударъ іезуитамъ должно было нанести сочиненіе подъ заглавіемъ: *Частныя увѣщанія обществу іезуитовъ* (Monita privata Societatis Jesu 1614 г.). Оно написано Вольшскимъ шляхтичемъ Іеронимомъ Заборовскимъ или, какъ нѣкоторые догадываются, княземъ Георгіемъ Збараскимъ. Авторъ знакомый съ духомъ іезуитскихъ установленій, представилъ ихъ въ формѣ предписаній и правилъ ордена, чтобы этимъ путемъ сдѣлать ихъ болѣе разительными для взоровъ своихъ соотечественниковъ. Въ этомъ сочиненіи, высказывающемъ много правды, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень натянутомъ и преувеличенномъ, есть однако нѣкоторыя правила заслуживающія нашего вниманія; и такъ:

Уставъ предписываетъ ордену прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы снискать любовь и приверженность гражданъ: охотное исполненіе своихъ обязанностей, скромность и милосердіе распологаютъ вообще народъ въ пользу ордена. Что же касается монарховъ и вельможъ, то уставъ велитъ окружать ихъ тонкою сѣтью вниманія, оказывать вліяніе на ихъ домъ, женъ и дѣтей, а въ особенности на женщинъ; на крѣпкой нити держать ихъ совѣсть, льстить ихъ суетности, привѣтствовать ихъ стихами, и давать въ честь ихъ празднества всякой разъ, когда вельможа вступитъ въ стѣны ордена. Стараться о замѣщеніи должностей духовниковъ іезуитами, а въ сношеніяхъ съ протестантами принимать на себя видъ преслѣдуемой жертвы за дѣло католичества; ясно давать чувствовать, что орденъ іезуитовъ приноситъ отечеству болѣе пользы, чѣмъ всѣ другіе монашескіе ордена; вездѣ закрывать другія школы, кромѣ іезуитскихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что при существованіи разныхъ школъ въ одномъ городѣ, по городамъ невозможно избѣжать замѣшательства. О снисканіи расположенія ордена богатыхъ вдовъ, уставъ предлагаетъ нѣсколько параграфовъ: совѣтуетъ часто посѣщать ихъ, стараться помѣстить при нихъ іезуита въ качествѣ духовника, который овладѣвъ совѣстію богатой вдовы, возбудитъ въ ней отвращеніе къ міру и его удовольствіямъ, а управленіе имуществами и доходами присвоитъ себѣ. Дѣтей, если они есть, располагать къ принятію орденскихъ одеждъ, а въ случаѣ сопротивленія стараться отнимать у нихъ имущество. Юношество и священниковъ, которые были бы нерасположены къ ордену, удалять изъ него и потомъ гнать всѣми силами, чтобы каждый изъ нихъ сознавъ то, что спокойствія и счастія нѣтъ внѣ круга ордена. Весь этотъ уставъ могъ быть сообщаемъ только старѣйшинамъ и іезуитамъ уже ис-

пытаннымъ въ слѣпой ихъ привязанности къ ордену. А еслибы эти наставленія случайно попались въ руки чужихъ, нужно отказываться отъ нихъ, опровергая ихъ, и ссылаясь на свидѣтельства тѣхъ іезуитовъ, которые дѣйствительно о нихъ не знаютъ.

Эти *наставленія*, такъ хорошо соотвѣтствуютъ духу іезуитизма, что можно сомнѣваться въ ихъ поддѣльности. То несомнѣнно, что орденъ руководствовался подобными началами, которые быть можетъ не были записаны, или не попались въ руки непосвященныхъ. Цѣлая ватага іезуитовъ и ихъ приверженцевъ стала въ защиту своего ордена, оскорбленнаго этими *наставленіями*. Какъ сочиненія защитительныя, вниманія нашего заслуживаютъ: *Письмо* Познанскаго воеводы Яна Остророга къ своимъ дѣтямъ (1615); *Опроверженіе наставленій* іезуита Якова Гретсера (1618); *Спасительные совѣты* (Monita salutaria) *данныя безвременному сочинителю* іезуитомъ Ѳомою Бембою (1615), и наконецъ пораженіе кальвинистовъ, въ той же формѣ въ какой оно было нанесено іезуитамъ, въ латинскомъ сочиненіи подъ заглавіемъ: *Monita Calvinistarum* etc. (Правила кальвинистовъ общественныя и частныя, общія и подробныя, собранныя изъ ихъ книгъ и поступковъ и объясненныя въ порядкѣ 1616).

Еще разъ мы должны воротиться къ указанному уже нами лицу Альбертуса по поводу брошюры въ стихахъ подъ заглавіемъ: *Альбертусъ возвращающійся съ войны*, изданной въ первый разъ 1596 г., а перепечатанной 1613 г. Это побѣдное возвращеніе богатыря Альбертуса подъ кровъ священническій изъ-подъ котораго онъ выѣхалъ съ такою пышностію. Онъ возвращается въ рыцарской одеждѣ, грубо привѣтствуетъ священника слѣдующими мірскими словами: «Moja służba Waszmości» (вашъ слуга милостивый государь); священникъ не

понимаетъ ихъ и соблазняется тѣмъ, что въ его привѣтствіи онъ не упоминаетъ о Богѣ. Еще болѣе соблазняется честный приходскій священникъ тѣмъ, что Альбертусъ, развращенный военною жизнію хочетъ колокольню превратить въ конюшню для своего коня, хвалится своимъ грабежемъ и добычею, и какъ *spolia opima* своихъ богатырскихъ подвиговъ татарскій кистень хочетъ повѣсить въ костелѣ. Наконецъ дарить священнику богатый колчанъ, который находитъ себѣ мѣсто во храмѣ и предназначается для храненія кропилъ. Впрочемъ Альбертусъ все сильнѣе опечаливаетъ священника своими разсказами о грабительствѣ, какъ о дѣлѣ обыкновенномъ между солдатами, о томъ, какъ солдаты, видно изъ страха Божія, никогда не бываютъ въ костелѣ, и не одинъ изъ нихъ готовъ былъ бы ограбить всѣ принадлежности и богатства дома Божія; рѣдко услышишь псаломъ въ войскѣ, чаще всего пѣснь о Кипридѣ, или о росписанномъ кувшинѣ; и тотъ неминуемо подвергся бы насмѣшкамъ, кто бы по старопольскому обычаю запѣлъ пѣснь *Богородица*. Альбертусъ, читаемый обыкновенно подъ низкою кровлею рыцарской шляхты, имѣлъ цѣлію дѣйствовать на исправленіе нравовъ войска; кажется, впрочемъ, что съ этою именно цѣлію въ немъ нарочно преувеличивались недостатки войска, потому что нельзя вѣрить, чтобы рыцарство наше временъ Сигизмунда III дошло до такой крайней испорченности.

Характеристическимъ классомъ, можно сказать, язвою этой эпохи, было нищенство, выродившееся не изъ общественной нужды, которой у насъ не было, но изъ ослабленія общественнаго подчиненія, которое проникло во всѣ сословія. Безъименный авторъ, подъ псевдонимомъ Януарія Совиздралія (Januarius Sovizdralius) въ своемъ стихотвореніи подъ заглавіемъ: *Странствованіе нищихъ*, описывая ихъ разговоры, представляетъ намъ этотъ классъ

со всѣми его оттѣнками. Ложь, знаніе людскихъ слабостей, искусство въ мистическомъ чародѣйствѣ и гадательствѣ, наконецъ знакомство съ обычаями разныхъ странъ, составляли главный предметъ знаній нищенства; знаніе главныхъ праздниковъ въ каждомъ селѣ и мѣстечкѣ играетъ здѣсь также не послѣднюю роль. Здѣсь хорошо изображена характеристика нищихъ и физіономія различныхъ областей государства, потому что иной народъ, иныя вѣрованія, иныя ярмарки и торжества, иной поэтому видъ обмана людей въ Гнѣзнѣ въ день св. Войцеха, иной въ Ярославлѣ въ день Успенія, иной въ Валахіи, иной въ Кіевскихъ пещерахъ, а иной въ Луславицахъ при аріанскомъ Зборѣ. Не имѣя въ виду мысли болѣе возвышенной, *Странствованіе нищихъ*, изображаетъ намъ этотъ классъ и народъ, изъ нѣдръ котораго онъ выраждается при недостаткѣ домашнихъ полицейскихъ установленій, обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на этотъ грязный классъ, который подъ видомъ изуродованія и нужды, которые даютъ ему право на состраданіе, во зло употребляетъ ихъ довѣренность. Изображая мрачную сторону нашей общественности, авторъ съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ и мысль утѣшительную, что у насъ болѣе нужно было ограничивать добродѣтель милосердія, чѣмъ побуждать къ вспомоществованію ближнихъ.

Тамъ, гдѣ устныя диспуты и письменныя разсужденія богословскія не помогали іезуитамъ въ дѣлѣ убѣжденія иновѣрцевъ, тамъ они дѣйствовали противъ нихъ вооруженною рукою не только подученной ими городской черни, но и рукою собственныхъ воспитанниковъ; не рѣдко вызывали кровавыя и соблазнительныя сцены, изъ которыхъ въ правленіе Сигизмунда III мы укажемъ только на сожженіе храмовъ Моравскихъ братьевъ и лютеранскаго въ Познани 1614 и на разрушеніе лютеранской молельни въ Торнѣ;

эти событія вызвали нѣсколько летучихъ брошюръ, со стороны какъ іезуитовъ, такъ и лютеранъ. Іезуиты вдругъ послѣ своего насильственнаго поступка въ Познани издали два сочиненія: 1) *Краткое разсужденіе о еретическомъ Зборѣ въ Познани*: 2) *Новости изъ Познани о насильственномъ разореніи евангелическихъ Зборовъ* (1614). Протестанты въ свою очередь отвѣчали имъ двумя сочиненіями: однимъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Вдвойнѣ новая газета* (Zweierlei neue Zeitung (1614) и другимъ на языкѣ польскомъ: *Отвѣтъ на тридцать причинъ, по которымъ іезуиты силятся воспретить въ Познани построеніе протестантскихъ Соборовъ, или лучше сказать истребить евангелистовъ и поколебать состояніе шляхетское* (Respons na trzydziesci przyczyn, któremi Jezuici budowania zborow w Poznaniu bronic, albo raczej Ewangeliki wyniszczyc i stan szlachecki podbić usiłują 1615). Не пропустили случая іезуиты окончательно оправдывать свой поступокъ, чему доказательство мы имѣемъ въ безъименномъ сочиненіи: *Защищеніе причины о недопущеніи построенія еретическаго Собора въ Познани* (Obrona Rozsądku o niedopuzsczaniu budowania heretyckiego zboru w Poznaniu 1616 г.) и въ другомъ сочиненіи подъ названіемъ: *Отвѣтъ на новости изъ Познани, которыя одинъ искусный служитель разсѣялъ въ Пруссіи* (Replika na nowiny z Poznania, które minister jeden trefny rozsiał po Prusiech) авторъ котораго былъ іезуитъ Касперъ Савицкій, неустрашимый поборникъ своего дѣла и авторъ другихъ статей, каковы: *Триплика на дуплику свящ. Тенебріона Нетопыря, министра Зборовской дружины.* Tryplika na duplikę xiędza Tenebriona Nietoperza ministra zborowej drużyny 1625). *Наружное согласіе или лучше дѣйствительная распря между тѣми, ко-*

торые невинно называютъ себя евангелистами нашихъ временъ (Foremna zgoda, albo raczej istna wrzawa między temi, którzy się tych naszych czasow Ewangelikami niewinnie nazywają 1616). Торуняне съ своей стороны, послѣ разоренія у нихъ храма, подали жалобу на сеймы шляхетства въ Сродзкѣ и Прошовицахъ и издали по-латынѣ и понѣмецки: *Защиту праеды* (Schutz-Rede der Warheit—Patrocionium veritatis) *или Письмо жителей Торна на сеймы Сродзкіе и Прошовицкіе къ сенаторамъ и польскому рыцарству противъ несправедливой, чудовищной рѣчи одного безыменнаго іезуита;* этимъ іезуитомъ былъ Войцехъ Росцишевскій, который вмѣстѣ съ Георгіемъ Тышкевичемъ выпустилъ множество различныхъ сочиненій на языкахъ польскомъ и латинскомъ, каковы, напримѣръ: *Новости изъ Торна о насильственномъ запрещеніи еретиками католическаго богослуженія и процессій* (1614); *Отвѣтъ на клеветы одного защитника Торунянъ противъ іезуитовъ* (Responsio ad calumnia qui patrociniam Torunensium contra Jesuitas susceperat 1615 г.). *Отвѣтъ на сочиненіе одного безыменнаго Торунца* (Responsio ad libellum famosum etc 1615 г.); *Защита іезуитскаго ученія противъ Торунскаго анонима* (Vindiciae doctrinae societatis Jesu, a calumnii patroni Torunensium anonimi, 1616 г.). Наконецъ еще одно: *Рѣчь къ Сенату и польскому рыцарству, въ которой опровергаются жалобы, поданные Торунянами на сеймы Сродзкіе и Прошовицкіе противъ іезуитовъ* (Oratio ad senatum Equitesque Polonos in qua refuntuntur ea quae in conventu Prossoviensi ac Sredensi Torunenses Jesuitis obiecerunt).

Отъ этихъ соблазнительныхъ сценъ и разсужденій снова воротимся къ листкамъ политическаго содержанія, въ кото-

рыхъ шляхта, законодательница Польши, чаще всего виновница общественныхъ безпорядковъ и неустройствъ, и всегда первая ихъ жертва, протестовала противъ недостатковъ своего правительства, попросту въ порывахъ неправильно понятой свободы передавала бумагѣ свои фантастическія, правительственные и административные помыслы, поражала клеветою все то, что въ отечественномъ управленіи противорѣчило личнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ или партій. Любовь къ общественному благу всегда служитъ отличительною чертою этихъ сочиненій, но на духъ этой любви, непремѣнно нужно смотрѣть относительно личнаго или политическаго положенія автора. Не въ состояніи будучи обнять все множество этихъ разнородныхъ листковъ, видѣнныхъ и описанныхъ уже прежде, или тѣхъ, которые вновь описалъ Мацеіовскій въ своей *Литературѣ*, листковъ, которыхъ, можно ручаться, и половины мы еще не знаемъ — ограничимся исчисленіемъ только болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ.

Итакъ: изъ эпохи хотинскаго похода, когда Ходкѣвичъ съ такими напряженными усиліями совершалъ исполинское дѣло пораженія Турокъ, а король въ Львовѣ ссорился съ шляхтою за замедленіе народнаго ополченія, Янъ Дзвоновскій издалъ діалогъ въ стихахъ подъ заглавіемъ: *Необыкновенное движеніе или война гусей* (Niepospolite ruszenie, albo gęsia wojna 1621 г.), дѣлая примѣненіе къ такъ называемой *войнѣ Кокоша*, свидѣтелемъ которой былъ тотъ же Львовъ съ его окрестностями въ эпоху правленія Сигизмунда I. Грубый стиль и пошлые шутки этого произведенія носятъ на себѣ однако отпечатокъ безпристрастной истины, которую можно было говорить въ одной только Польшѣ. Другая брошюра той же эпохи, носящая заглавіе: *Наставленіе о Львовской конфедераціи, бывшей въ 1622 г.*

(O konfederacii Lwowskiej w roku 1622 uczynionej nauka) была органомъ правительства. Авторъ довольно впрочемъ удачно, изобразивъ своеволіе рыцарства и необузданность гражданской шляхты, открываетъ тайныя мысли Сигизмунда III, утверждая: «что корень зла скрывает-«ся въ излишней свободѣ, черезъ которую, пока сами они «не ограничатъ на сеймѣ, сколько ихъ неучаствовало бы «въ правленіи, имъ никогда не дойти до уничтоженія зла «и до лучшаго быта въ будущемъ.» То были слова разительныя въ то время, и неудивительно поэтому, что народъ не питалъ сочувствія къ Сигизмунду III, что онъ съ недовѣрчивостію смотрѣлъ на его политику. Сочиненіе подъ заглавіемъ: *Взгляд на расходы государства и вкл его, при этомъ разныя средства, какъ предупредить это* (Okulary na rozchody w Koronie i z Korony, przy tem środki różne jako temu zabieżeć, Варшава 1623 г.) отличается нѣсколькими вѣрными замѣчаніями по части тогдашней политической экономіи, и служитъ важнымъ источникомъ для исторіи финансовъ, промысловъ и торговли Польши, но вопреки своимъ положеніямъ о томъ, что упадокъ денежнаго курса происходитъ отъ торговой монополіи мѣщанъ, Нѣмцевъ и жидовъ, какъ истинный польскій шляхтичъ той эпохи, онъ вооружается противъ шляхты, которая принимается за торговлю. Безыменная брошюра подъ заглавіемъ. *о Стацыи война съ богословом* (o Stacyi Żołnierz z Teologiem) есть не что иное какъ варіація на очень обыкновенную въ то время тему, жалобы на притѣсненія, какія терпитъ народъ отъ воиновъ; въ ней, въ защиту правъ народа и церкви, выступаетъ приходскій священникъ, который своевольнаго солдата напрасно старается обратить на путь религіи и гражданской умѣренности; грустная картина того, чѣмъ была польская шляхта, сѣвши на коня подъ ви-

домъ рыцарства, и краснорѣчивое свидѣтельство о томъ, что благочестивый Сигизмундъ III не умѣлъ вдохнуть того же духа благочестія въ сердца своихъ подданныхъ, не смотря на самое усердное содѣйствіе іезуитовъ. Къ этому же времени относится подробно разсмотрѣнный нами *Gratis священническій*, изданный ученымъ академикомъ Яномъ Бросціемъ, въ борьбѣ Академіи съ іезуитами за Краковскія школы (1625 г.) и отвѣтъ на это сочиненіе іезуита Шембека подъ заглавіемъ: *Gratis наказанный* (по славянски) *въ школахъ іезуитскихъ*, намекъ на то наказаніе, которому по старанію іезуитовъ, на площади Краковѣ подвергся типографъ Янъ Петрковчикъ за изданіе *Gratis'a* Бросція. Своеволіе войска, отправлявшагося въ Венгрію по дѣлу императора, противъ Бетлеама Габора, Седмиградскаго воеводы, которому Венгры поручили управленіе своего государства, и обиды, какія причиняло шляхтѣ войско, высланное Сигизмундомъ III, подали поводъ къ съѣзду той же шляхты въ Краковѣ, гдѣ въ храмѣ св. Франциска совѣтовались о средствахъ для обузданія своеволія. Это шумное совѣщаніе шляхты не правилось двору, по мысли котораго, нѣкто написалъ двѣ брошюры подъ заглавіемъ: *Придворный Пасквилистъ* (Paskwiliusz dworny), которыя обнародованы были П. Крашевскимъ въ Атенеѣ (Вильно 1846 г.). Въ первой изъ нихъ авторъ грозно возстаетъ противъ съѣздовъ шляхетскихъ, угрожая тѣмъ, что императоръ торжествуетъ надъ Венграми, и какъ бы стараясь внушить этимъ мысль, что Сигизмундъ III довольно силенъ для того, чтобы положить рѣшительный конецъ рокошамъ несогласной шляхты. Желая говорить подобнымъ образомъ, надо имѣть на своей сторонѣ дѣйствительную правду и силу, Сигизмундъ III не имѣлъ ни того, ни другаго; не удивительно поэтому, что онъ только раздражалъ умы, вмѣсто

того, чтобы ихъ успокоить. Другой *Пасквилистъ* въ духѣ болѣе покойномъ, дерзко однако жалуется на шляхту, и по въ высшей степени недипломатическому разсчету, выказываетъ силы и приверженцевъ короля, какъ бы для того только чтобы одни уменьшить, а къ другимъ родить отвращеніе, упрекаетъ шляхту въ слабости и робости, какъ бы для того единственно, чтобы вызвать со стороны ея энергическія доказательства мужества, что еще не трудно было польской шляхтѣ. Оба эти пасквиля служатъ краснорѣчивомъ доказательствомъ политической неспособности Сигизмунда III, и его совершеннаго незнанія человѣческаго сердца. Въ отвѣтъ на эти два сочиненія, выставили ропотъ польскаго общества на неблагодарность къ нему Сигизмунда. «Больно мнѣ, говоритъ оно терпѣть это отъ тѣхъ, кото-«рые черезъ меня вышли изъ праха, и помѣстились между «князьями моего народа. Но неудивительно: ничто не ста-рѣетъ такъ скоро, какъ память благодѣяній.» Въ слѣдъ за тѣмъ упрекаетъ Сигизмунда въ открытыхъ стремленіяхъ къ самовластію, по имени называетъ всѣхъ приверженцовъ двора, гордится нѣсколькими мужами, любящими Республику, а королю и его партіи нещадитъ горькихъ упрековъ. «По ког-«тямъ, говоритъ, можно узнать льва, по разговору человѣка, «а по шалостямъ дурака... Угрожаете праздностію? При-«соединитесь еще сами къ этому, и будетъ больше. Опа-«саетесь яда? Ненуженъ ядъ тому, кто послѣднимъ сво-«имъ счастіемъ считаетъ любовь подданныхъ, и чванится «тѣмъ, что онъ безопасно можетъ лечь на лонѣ каждаго изъ «своихъ подданныхъ.» Въ томъ же саркастическомъ тонѣ написанъ и листокъ подъ заглавіемъ: *Коленопреклоненіе предъ государемъ Сигизмундомъ III обыкновеннаго человѣка, притесняемаго за орты* * (Suplikacya do Naj-

* Четверть талера.

jasniejszego Zygmunta III od pospolitego człowieka dla ortów ucisnionego), который заключаетъ въ себѣ горькія жалобы на тогдашнюю плохую монету. Мы могли бы указать еще на нѣсколько полемико-религіозныхъ листовъ, которые по своему насмѣшливому тону сюда должны быть отнесены; но и то, что уже сказано нами, дастъ достаточное понятіе о брошюрной литературѣ въ правленіе Сигизмунда III.

Замѣчательно, что эта странная литература, столь богатая въ правленіе Сигизмунда III при Владиславѣ IV не представляетъ намъ почти ничего достойнаго вниманія, или народъ до того уже свыкся съ недостатками своими и своего правленія, что не хотѣлъ уже и возставать противъ нихъ, или власть іезуитовъ заповѣдала молчаніе стоустному голосу общественнаго мнѣнія, или что всего вѣроятнѣе, правленіе Владислава было болѣе въ духѣ народа, нежели правленіе его предшественника и его несчастнаго преемника. Кромѣ нѣсколькихъ религіозныхъ, не важныхъ листковъ, изъ политическихъ мы можемъ указать едва двѣ брошюры, недавно описанныя г. Мацеёвскимъ. Одна изъ нихъ подъ заглавіемъ: *Какую пользу извлекла Польша изъ Прусской войны съ Густавомъ* (Co za pożytki odniosła Polska z Pruskiej wojny z Gustawem 1634 г.) оправдываетъ эту войну, и доказываетъ, что польское рыцарство выучилось въ ней воинскому искусству; другая *Защита сподручниковъ его к. величества* (Obrona obersztеrow J. Kr. Mości 1635 г.) защищаетъ войско отъ тѣхъ упрековъ, которые дѣлала ему шляхта; иная: *Разговоръ одного любителя отечества* (Dyscurs jednego miłosnika ojczyzny 1648) бѣдствія отечества приписываетъ наказанію небесъ за своеволіе того же воинства; еще одна подъ заглавіемъ: *Воинскій станъ* 1638 г. (Stacye żołnierskie) гремитъ противъ рыцарства за то же своеволіе. Но сколь ни далеки мы отъ

того, чтобы оправдывать своеволіе польскихъ солдатъ, однако въ этихъ двухъ брошюрахъ мы не можемъ не замѣтить пристрастнаго голоса духовныхъ, которымъ, хотя они и владѣли огромными имуществами, не хотѣлось однакоже наравнѣ съ другими гражданами Польши нести бремя его правленія. Предъ лицемъ неотвратимыхъ потребностей отечества, когда каждый изъ его гражданъ готовъ былъ приносить все свое имущество на его алтарь, непріятно намъ читать декламаціи духовенства, направленныя противъ квартированія войска въ его помѣстьяхъ, цитаты изъ священнаго писанія и уставовъ нѣмецкихъ императоровъ о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Одна только извѣстная намъ брошюра временъ Владислава IV достойна нашего вниманія, она описана г. Мацеіовскимъ: *Доказательство явнаго вреда, который терпитъ польское королевство отъ наплыва иностранной монеты особенно же Силезской* (Dowód jasnej szkody, którą ponosi królewstwo Polskie z cudzoziemskich pieniędzy, osobliwie z Szląskiej monety 1645). Въ ней авторъ жалуется на то, что столь обширное и торговое королевство, какъ Польша, собственно говоря, еще до сихъ поръ не имѣетъ своей монетной пробы; сравниваетъ вѣсъ польской монеты съ иностранною, и находя, что вѣсъ иностранный меньше, показываетъ тѣ потери, какія несетъ отечество, принимая чужую монету въ мнимомъ, а не дѣйствительномъ ея достоинствѣ. «Талеры, онъ пишетъ, которые у насъ чеканятся не въ «большомъ количествѣ, едва выходятъ за порогъ монетнаго «двора, скупаются жидами и отправляются за море или въ «верхнюю Германію. Иностранные, незнакомые деньги при«шли у насъ въ такой безпорядокъ, что изъ мелкой моне«ты мы имѣемъ одни только крейцеры, грешли, пятаки, «тулачи, трояки, геллеры и проч., а изъ болѣе крупной одни

«только 15-ти копѣечные и голландскіе (lewkowe) талеры, «монета государствъ и различныхъ монарховъ, у насъ по«чти неслыханныхъ. Что каждая изъ нихъ вѣситъ, не зна«емъ; чья она, незнаемъ, такъ какъ будто бы мы во имя Бо«жіе мы беремъ все, что даютъ намъ.»

Въ царствованіе Яна Казиміра снова пробуждается этотъ безобразный шумъ брошюрной литературы. Вотъ напримѣръ стихи подъ заглавіемъ: *Пробужденный Ляхъ и его жалобные вопли* (Lech wzbudzony i lament jego żałosny 1649 г.) представляютъ намъ сатиру полную правды и желчи противъ упадка тѣхъ добродѣтелей, которыми цвѣло государство.

«Swawola się rozrusła, krzywda ząb zostrzyła,
«Plac szczerosci prawdziwej potwarz zastąpiła,
«Wstyd swe oczy utracił, niewola w wolnosci,
«Prawu ręce obcięły niesprawiedliwosci,
«Pożytek sam jest w wadze, uczciwe szło w smieci
«Cnota kąty podpiera łotr wysoko leci.
«Bogactwa zbyły uszu, niema swych nog rada,
«Siła cenę straciła wszędzie rządzi zdrada;
«Złość sis w szatę, ubrała niewinnej dobroci,
«Zazdrość pyskiem jaszczurczym sprawy mądrym szpoci.
«Sławie skrzydła zgorzały w ich gorącym winie,
«Szczęscie ich potępiło blaskiem złotej skrzynie.
«Rozrodził się swiat w złosciach: nad dziadow ojcowe
«Gorsi się coraz rodzą z was stokroć synowie!»

[1] *Переводъ.* Своеволіе увеличилось, обида остается безъ наказанія, мѣсто простодушной искренности заступила клевета, стыдъ потерянъ, рабство уничтожено, неправосудіе отняло руки у закона, вѣсятъ одну только пользу, честность пошла въ навозъ, добродѣтель прячется въ углахъ, мошенникъ стоитъ высоко. Богатство стало глухо, совѣтъ лишился ногъ, сила потеряла значеніе, вездѣ правитъ измѣна; зависть змѣинымъ жаломъ портатъ дѣла мудрыхъ, крылья ихъ славы сгорѣли въ горячемъ винѣ, счастіе ихъ погубило блескъ золотыхъ сундуковъ. Разрослась злоба міра: отцы хуже дѣдовъ! а отъ васъ раждаются сыновья во сто разъ хуже васъ самихъ!

Другое забавно составленое стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Кое что новое* (Cós nowego) съ рифмованнымъ даже заглавіемъ и страннымъ эпиграфомъ: «Кто-то говорилъ съ кѣмъ-то о чемъ-то» — изображаетъ недостатки отечества и его грѣхи политическіе, представляетъ печальную картину Пилявицкаго сраженія, черными красками рисуетъ лице Радзеіовскаго, разсказываетъ исторію и слѣдствіе рокоша, не умалчиваетъ о нравахъ духовенства, углубляется въ тайны придворныя и не щадитъ іезуитовъ. Этотъ насмѣшливый и въ высшей степени справедливый листокъ оканчивается такъ:

«Mowcie co chcecie
«Temu przeczyć nie możecie,
«Że siła błaznow na swiecie.» Risi.

(Говорите что хотите, отвергать вы не можете, что въ мірѣ сильны одни шуты).

Подобна предыдущей по заглавію, но гораздо ниже ея по достоинствамъ своего содержанія, слѣдующая брошюра: *Новости или дворъ заключающій въ себѣ различные лица и мозги* (Co nowego albo dwor mający w sobie osoby i mozgi rozmaite) изданная неизвѣстнымъ авторомъ, сокрытымъ подъ псевдонимомъ *Maurycego Trzyprzlyckiego Radopatrzku Gladkotwardskiego;* это собраніе анекдотовъ и разсказовъ, повидимому служащихъ для подражанія, а на самомъ дѣлѣ запечатлѣнныхъ ироніею. Въ подобномъ же ироническомъ духѣ капиталъ *Colloquium charitativum, или дружеская бесѣда Поляка реформата съ Мазуромъ, древнимъ католикомъ, о предметахъ вѣры* (rozmowa braterska Polaka Reformata z Mazurem, starym Katolikiem o rzeczach wiaru 1652 г.). Довольно заглянуть на страницы исторіи, чтобы видѣть до какой степени дружественны были тогдашнія религіозныя бесѣды.

Той же или очень близкой эпохѣ принадлежало не печатное, ходившее въ рукописи по рукамъ, исполненное горькой правды, письмо Кирiака Комоненька къ Смоленскому воеводѣ Филиппу Обуховичу. Неоцѣненный своей простотой Комоненько, чтитель и подражатель Мѣлешки, знаменитаго оратора временъ Сигизмунда III, дѣйствительно напоминаетъ намъ былыя времена Сигизмундовъ, когда шляхтичъ съ горькою истиною дерзалъ выступать передъ лицемъ сильныхъ. Это письмо дивно отражающееся отъ льстивыхъ произведеній эпохи iезуитизма, открываетъ въ авторѣ высшія познанія отечественныхъ интересовъ, которыя нарочно облечены имъ въ одежду простоты. Въ защиту Георгія Любомірскаго, знаменитаго противника и врага Яна Казиміра, выступилъ кто-то съ стихотвореніемъ подъ заглавіемъ: *Свидѣтельства о невинности великаго польскаго сенатора* (Kamień swiadectwa wielkiego w Koronie Polskiej senatora niewinnosci). Тогда какъ и теперь, лучше взглядѣвшись въ личность Любомірскаго, историки находятъ его менѣе виновнымъ, чѣмъ это казалось съ перваго взгляда; авторъ обращая свою рѣчь къ тогдашней предубѣжденной публикѣ, не довольно смѣло защищаетъ сторону своего героя; онъ называетъ его жертвою несчастія, но не осмѣливается коснуться высшихъ политическихъ побужденій, какія могли руководить дѣйствіями Любомірскаго.

Очеркъ брошюрной литературы въ эпоху Вазовъ мы окончимъ сочиненьемъ подъ заглавіемъ: *Закаленная броня древняго воина, выполированная золотыми буквами* (Kiryś hartowny starożytnego żołnierza złotemi wypolerowany słowy). Странная по своей формѣ, какъ и всѣ тогдашнія произведенія, брошюра эта поетъ слишкомъ обыкновенную уже пѣсню о своеволіи воиновъ, и въ этихъ

эпиграммахъ даетъ войску различныя странныя латинскія названія; приведемъ нѣсколько изъ нихъ: «*воины своевольные* (żołnierze swawolni), *господа цѣлаю королевства* (panowie całego królewstwa), *главные ревизоры церковныхъ имуществъ* (lustratorowie jeneralni dobr kościelnych), *новые монахи, живущіе на счетъ бѣдныхъ* (nowi zakonnicy, żyjący wspólnym kosztem biednych)—*нѣкогда называвшіеся конными, а теперь валовые и телячіи, насильные обдиралы* (niegdyś zwani konni, teraz wolowi i cielęcy, żołdowi łupieżcy), *червь выродившійся изъ дерева и пожирающій тоже дерево* (robactwo urodzone z drzewa i pożerające toż drzewo) и т. д.

Вотъ и все о сатирическихъ листкахъ въ эпоху Вазовъ. Поочереди пройдемъ рядъ другихъ, цѣлію которыхъ было извѣщать публику о современныхъ событіяхъ политическихъ, въ родѣ нынѣшнихъ газетъ. Эти листки назывались общимъ именемъ *Новостей*; но при недостаточномъ сообщеніи государства, не имѣя возможности выходить періодически, они появлялись только по мѣрѣ накопленія важнѣйшихъ событій. О Янѣ Замойскомъ мы знаемъ, что онъ читалъ римскія газеты, которые получалъ по почтѣ, содержимой Монтелюпихомъ изъ Кракова чрезъ Сединградское княжество въ Италію. Знаемъ, что во Франціи 1605 г. стала выходить первая газета подъ заглавіемъ: *Mercure Français*, но у насъ трудно было появиться какому-нибудь постоянному періодическому сочиненію, въ духѣ чисто политическомъ, хотя бы потому, что наша шляхта, раздѣленная на тысячи партій, никакъ не позволила бы долго устоять какому-нибудь органу одной партіи. Редакторъ ежеминутно вызываемый для борьбы письменной, а часто и вооруженной съ политическими противниками, не былъ

бы въ состояніи мирно выполнять свое назначеніе. Итакъ будемъ говорить объ отдѣльныхъ новостяхъ такъ, какъ они появлялись. Въ эпоху Ягеллоновъ мы упоминали объ обозной типографіи Лапчинскаго, которая обнародывала эдикты и военные бюллетени короля Стефана изъ Полоцка, Великихъ Лукъ и Пскова. Въ Богеміи и Германіи писали реляціи о военныхъ событіяхъ Польши; подъ Гданскомъ равномѣрно шла борьба письменная и ружейная, и множество брошюръ о войнахъ Стефана служатъ доказательствомъ съ какою заботливостію слѣдили сосѣди за дѣлами Польши. Въ эпоху Вазовъ первыя новости о событіяхъ польскихъ были также на языкѣ нѣмецкомъ: къ эпохѣ избранія Сигизмунда III относятъ такую газету подъ заглавіемъ: *Zeitung von der Wahl und Krönnung des Königs Sigismund III* и другую подъ заглавіемъ: Новая польская газета (Neue Zeitung aus Pohlen). Въ годину несчастныхъ споровъ Сигизмунда съ народомъ, кромѣ сатирическихъ появлялись и газетныя реляціи о событіяхъ; къ числу послѣднихъ библіографы относятъ *Краткое описаніе Кольскаго съѣзда Яна Издбинскаго изъ Рушча* (Krótkie opisanie zjazdu Kolskiego Jana Izdbinskego z Ruszcza 1590) когда примасъ Карнковскій собралъ въ Великой Польшѣ подъ городомъ Коломъ сенаторовъ и шляхту, оппозиціонную королю. Янушъ Отвиновскій обнародывалъ реляціи о походѣ на Молдавію подъ заглавіемъ: *Участь небезопасная, но счастливая войска е. к. в.* (Powodzenie niebezpiecznego ale szczęśliwego wojska I. Kr. M. 1600). Изъ Ливляндіи, гдѣ Карлъ Ходкѣвичъ побѣдоносно велъ борьбу съ Судерманомъ, новости выходили полатынѣ: *Novaex Livoniae* (1602 г.). Не менѣе того похожа на газету брошюра: *Посолъ на Краковскій сеймъ* (Poseł na sejm Krakowski 1603 г.), въ которой Станиславъ

Витовскій, бывшій на немъ, отдаетъ отчетъ о событіяхъ сейма. Изъ той же эпохи есть у насъ *Новости турецкія французскія, польскія, іданскія* на языкѣ латинскомъ (Nova Turcica, Gallica, Polonica, Dantiscana); эта брошюра состоящая изъ 14 страницъ въ 4 долю листа уже по своей формѣ болѣе похожа на нынѣшнія газеты. Другія *Новости изъ Лифляндіи о счастливомъ пораженіи нанесеномъ Карлу князю Судерманскому, высокороднымъ Яномъ Карломъ Ходкѣвичемъ, великимъ гетманомъ Великаго княжества Литовскаго* (Nowiny z Inflant o szczęsliwej porażce, która się stała nad Karoluszem Xiężiem Sudermanskim przez Wielmożnego Jana Karola Chodkiewicza, Wielkiego Hetmana Wielkiego Xięztwa Litewskiego 1605) были читаны въ церквахъ по распоряженію Сигизмунда III. Дѣло Димитрія, Мнишка и вообще войны Сигизмунда III съ Москвою заняли перья нашихъ вѣстовщиковъ: здѣсь намъ остается указать на *Новости изъ Москвы о въѣздѣ царя Димитрія на царство* (Nowiny z Moskwy o wjezdzie Cara Dymitra na Panstwo 1608 г.) стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Посолъ изъ Москвы, котораго въ Литвѣ встрѣтилъ шляхтичъ польскій и распрашивалъ у него о новостяхъ* (Poseł z Moskwy, który przez Litwę idąc potkał go szlachcic Polski i pytał o nowiny 1608); подобныя же *Новости изъ Москвы* (1609) писаны вѣрнѣе сказать для приготовленія умовъ къ принятію въ цари Сигизмунда III, чѣмъ для сообщенія извѣстія о событіяхъ. Тѣмъ же газетнымъ духомъ запечатлѣна брошюра: *Военное предпріятіе его величества короля въ Москву, Богъ дастъ будетъ счастливо.* (Wyprawa wojenna króla Jego Mości do Moskwy da Pan Bóg szczęsliwa 1609 г.). Изъ лагеря подъ Смоленскомъ вышла реляція о переговорахъ Поляковъ съ Русскими подъ заглавіемъ: *Посольство*

къ гетману, господамъ сенаторамъ и ко всему рыцарству, бывшему подъ Смоленскомъ отъ славнаго рыцарства изъ войска Димитрія. (Posolstwo do Hetmana, do Panow Senatorow i do wszystkiego w obec Rycerstwa pod Smolenskiem będącego od sławnego Rycerstwa z wojska Dymitra и т. д. О штурмѣ и взятіи Смоленска писали Валтассаръ Озьминскій и Ваврживецъ Хлѣбовскій, соч. перваго такъ называемый *Забавный штурмъ* представляетъ сухую реляцію, другаго *Описаніе взятія Смоленска*, походитъ на болѣе поэтическое исчисленіе, и по мѣстамъ переплетено стихами. *Новости о счастливомъ вступленіи на престолъ Московскій свѣтлѣйшаго Владислава, королевича Польскаго* (Nowiny o szczęśliwem postępowaniu na carstwo Mozkiewskie Najjasn. Władysława Królewica Polskiego 1617), въ которыхъ описывается взятіе Дорогобужа; они заслуживаютъ вниманія по поводу заглавной гравюры, которую тщательно описалъ г. Мацеіовскій; въ томъ же 1617 г. вышли три реляціи въ стихахъ, а именно: *Выѣздъ изъ Варшавы Владислава Польскаго королевича* (Wyjazd z Warszawy Władysława Królewica Polskiego), *Плачевная потеря Подольская* (szkoda Podolska opłakana) и *Значекъ Татарскій* (Poszlak Tatarski). Въ ту пору когда грозное могущество Турціи угрожало Польшѣ, а испуганное войско медленно собиралось къ Хотину, чтобы вдохнуть мужество и разогнать паническій страхъ предъ грозною силою Османа, вышло сочиненіе подъ заглавіемъ: *Польскій шпіонъ изъ Турціи, который обозрѣвъ многіе предметы извѣщаетъ своихъ въ видѣ предостереженія имъ.* (Szpieg Polski z Turek, który wiele rzeczy przejrzawszy, swoim na przestrogę oznajmuje). Авторъ этой брошюры комически изображаетъ грозное повидимому могущество Турокъ: доноситъ о пигмеяхъ, иду-

щихъ на Польшу, «которые бьются только съ журавлями, но вотъ ихъ послали на Польшу»; пугаетъ въ насмѣшку что за войскомъ ихъ слѣдуетъ 12 паръ слоновъ, 8 паръ грифовъ, 14 паръ львовъ и 18 паръ чудовищъ (smoków) «изрыгающихъ ядовитый дымъ.» Нужно отдать справедливость мысли автора, при помощи которой онъ обратилъ въ шутку грозное могущество враговъ; хотинская война доказала, что не число побѣждаетъ, а опытность и мужество. О блестящихъ послѣдствіяхъ хотинской войны отдаетъ отчетъ брошюра подъ заглавіемъ: *Посолъ Валахъ изъ Польскаго стана* (Poseł Woloch z obozu Polskiego). Покушеніе Михаила Пѣкарскаго на жизнь Сигизмунда III вызвало брошюру подъ заглавіемъ: *Истинное и краткое описаніе, какъ Господь Богъ чудесно сохранилъ здравіе и жизнь Сигизмунда III* (Prawdziwe a krótkie opisanie jako Pan Bóg Zygmunta III cudownie przy zdrowiu i żywocie zachował); она содержитъ въ себѣ описаніе замысла Пѣкарскаго, удара сѣкирою, нанесенный королю при выходѣ изъ костела св. Яна въ Варшавѣ, допросъ убійцы, и приговоръ, обрекающій его на смерть.

Походъ Запорожскихъ казаковъ высланныхъ королемъ въ Богемію и ихъ военныя дѣйствія описаны въ листкѣ подъ заглавіемъ: *Пораженіе Чеховъ и кальвинистовъ Лисовчиками* (Pogrom i porażka Czechow: Kalwinistow przez Lisowczyki), къ которому присоединена торжественная пѣснь въ честь предводителя казаковъ Лисовскаго. По поводу битвы гетмана Конепольскаго съ войскомъ Густава Судермана подъ Амертиномъ вышли двѣ реляціи: одна на языкѣ польскомъ подъ заглавіемъ: *Дѣло* (Rozprawa), другая на языкѣ латинскомъ: *Brevis relatio*. Описывали также торжественный въѣздъ въ Римъ Георгія Оссолинскаго, и цѣлый почти ходъ компаній Владислава IV въ Москву

(1633—1634) разсказанъ въ двухъ листкахъ *Новостей*, вышедшихъ почти въ одно время. Немногое можно прибавить къ разряду отечественныхъ новостей въ эпоху Вазовъ: вельможи бывшіе на войнахъ, сеймахъ и съѣздахъ, имѣли обыкновеніе или сами для себя записывать дневники, или приказывали ихъ списывать другимъ. Такъ, напр. о Яковѣ Собѣскомъ мы знаемъ, что онъ въ Москвѣ писалъ дневникъ текущихъ событій, который навлекъ на него не милость королевича Владислава; онъ же велъ свой дневникъ подъ Хотиномъ, который впослѣдствіи послужилъ ему матеріаломъ для прекраснаго латинскаго комментарія этой войны. Плоцкій епископъ Любекскій просилъ поэта Сарбѣвскаго, чтобы онъ присылалъ ему сеймовые дневники. Но всѣ эти мимолетныя замѣчанія, потерялись вмѣстѣ съ упадкомъ минутнаго интереса того событія, которое въ нихъ описано, или вошли въ составъ болѣе важныхъ памятниковъ и исторіи, или наконецъ неизданные до сихъ поръ появятся впослѣдствіи.

Такимъ то образомъ предки наши удовлетворяли потребности знать то, что непосредственно касалось ихъ отечества; съ другой стороны, слишкомъ уже тѣсно соединенныя съ жизнію Европы, они не могли не интересоватся новостями заграничными. По порядку исчислимъ здѣсь *новости*, *реляціи* и тому подобныя легкія сочиненія, которые извѣщали о современныхъ событіяхъ заграничныхъ. Въ этомъ родѣ мы можемъ указать на: *Дѣйствительное (вѣс) описаніе смерти Генриха III Валуа, короля французскаго* (Skuteczne opisanie smierci Henryka III Walezusza króla Francuzskiego Краковъ 1595 г.), которое отдавая отчетъ Полякамъ въ обстоятельствахъ трагической кончины этого монарха, было тѣмъ любопытнѣе въ этой странѣ, что Генрихъ, лично знакомый Полякамъ, оставилъ здѣсь не мало

пріятныхъ и непріятныхъ воспоминаній; справедливо тогда говорили послѣ его смерти, что если бы блестящей западной коронѣ онъ предпочелъ мирное царствованіе надъ Поляками. извѣстными необузданностію своей свободы то не имѣлъ бы такого конца. Въ то же время: *Новости изъ Франціи о спасеніи города Парижа отъ осады короля Наварскаго* (Nowiny ze Francyey o wybawieniu miasta Paryża od obleżenia Króla Nawarskiego Крак. 1590), изображая бѣдствія Франціи, указываютъ на вредныя послѣдствія религіозныхъ войскъ. И въ этомъ Польша могла гордиться своимъ превосходствомъ, потому что при всей невѣротерпимости Сигизмунда III, при всемъ фанатизмѣ іезуитовъ, въ ней не пролито ни капли крови по чисто-религіознымъ побужденіямъ; вопросы вѣры подъ Гузовомъ играли только второстепенную роль. Брошюрка подъ заглавіемъ: *Возобновленное прощаніе короля Наварскаго, которое далъ ему святой отецъ* (Pożegnanie odnowione Króla Nawarskiego które mu dał Ojciec Swięty 1595 г.) разсказываетъ о возвращеніи Генриха IV на лоно римско-католической церкви, которое утвердило на главѣ его вѣнецъ французскій. Часто печатали у насъ частныя письма, получаемыя изъ-за границы, какъ, напр. письмо Венгерскаго ротмистра Георгія Буркамица къ Павлу Кошуцкому о взятіи Агры (1596). Печатали также рапорты іезуитскихъ миссій изъ другихъ частей свѣта къ ихъ европейскому начальству; въ этомъ родѣ вышло сочиненіе: *О распространеніи христіанской вѣры въ Америкѣ* (Краковъ 1603 г.). Это письмо изъ Филиппинскихъ острововъ отъ іезуита Франциска Ваэсъ къ генералу ордена, Клавдію Аквавива. Польскіе іезуиты, переводя это сочиненіе съ итальянскаго прибавили еще къ нему другое письмо о трудахъ іезуитскихъ миссіонеровъ въ Перу. Въ томъ же родѣ: *Извѣстныя ново-*

сти особенно съ новаго міра изъ Японіи (Nowiny pewne mianowicie z nowego swiata z Japonii 1608 г.) о мученичествѣ шести японскихъ дворянъ за исповѣданіе христіанской вѣры; это письмо Лудовика Цертіера въ Римъ, переведенное на языки польскій и латинскій іезуитомъ Симономъ Высоцкимъ. Тотъ же Высоцкій переводилъ другое письмо іезуитовъ Яна Родриго и Матвея Рицци, японскихъ миссіонеровъ, къ генералу ордена, подъ заглавіемъ: *Новости или двухлѣтняя исторія Японіи и Китая, языческихъ странъ новаго міра* (Nowiny albo dzieja dwóletnie z Japonu i Chiny krajów poganskich nowego swiata 1612 г.). Къ тогдашнимъ газетамъ принадлежитъ еще письмо подъ заглавіемъ: *Церемоніи и порядокъ коронованія Маріи Медичи королевы французской* (Ceremonie i porządek w koronowaniu Maryi de Medicis królowej Francuzskiej), къ которому еще было приложено *Извѣстіе о смерти Генриха IV* (Вильно 1610) и *Реляція о сраженіи и побѣдѣ императора надъ Чехами* (Relacya bitwy i zwycięzstwa Cesara nad Czechami (1620 г.), *Печальное низложеніе короля Фридриха съ Богемскаго престола* (Secess żałosny Króla Frydryka ze stolicy zacnej korony Czeskiej 1621) и много другихъ, исчислить которыя было бы невозможно. Всѣ они, запечатлѣнныя личностію пишущихъ и убѣжденіями ихъ политической партіи, выходятъ изъ круга нынѣшнихъ газетъ, не доходя высоты значенія историческаго, и рѣдко заслуживаютъ вѣроятія по недостатку у пишущихъ средствъ, подробно знать весь ходъ дѣла.

Большею вѣроятностію, добросовѣстностію и высшимъ взглядомъ на вещи отличаются реляціи пословъ возвращающихся изъ заграничныхъ посольствъ и ихъ рѣчи, которыя часто были обнародываемы въ печати: потому что въ странѣ,

гдѣ власть управленія была въ рукахъ всей шляхты, посланникъ предъ всемъ шляхетскимъ сословіемъ долженъ былъ отдавать отчетъ въ томъ, какъ онъ исполнилъ данныя ему порученія. Въ этомъ родѣ есть у насъ Лѣснёвольскаго *Описаніе посольства въ Швецію посль Сигизмунда III* (Opisanie poselstwa do Szwecyi po Zygmunda III Краковъ 1588 г.) Луцкаго епископа Бернарда Мацеіовскаго *Рѣчь* къ папѣ Григорію XIV—*Акты* его же посольства отъ Павла V къ Сигизмунду III—и то и другое на языкѣ латинскомъ (1591 и 1605); есть у насъ отчетъ Павла Дзялынскаго о совершенномъ имъ посольствѣ въ Бельгію и Англію подъ заглавіемъ: *Меркурій Сарматскій* (Mercurius Sarmaticus) Г. Владиславъ Трембицкій нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ дневникъ посольства Иліи Пѣльгржимовскаго къ в. к. Московскому, Борису Ѳеодоровичу, отъ Сигизмунда III. Есть отчеты другихъ посланниковъ въ Россію, какъ то: Николая Олесницкаго, и Александра Гонсѣвскаго и т. д. Изъ турецкихъ посольствъ извѣстна реляція Войцеха Пасечинскаго и громкое, потому что нѣсколько разъ описанное и воспѣтое Самуиломъ Твардовскимъ, посольство Христофора Збаравскаго. Не менѣе славное посольство Георгія Оссолинскаго къ папѣ Урбану VIII, было описано Петромъ Даниловичемъ старостою Парчевскимъ (1633 г.). Хелмскій епископъ, Янъ Линскій, въ печатномъ латинскомъ сочиненіи отдавалъ отчетъ въ своемъ посольствѣ къ Фердинанду III, когда онъ отправлялся за Цециліею Ренатою. Войцехъ Мясковскій, Львовскій подкоморій описывалъ свою дѣятельность при дворѣ турецкихъ султановъ Амурата и Ибрагима, при которыхъ онъ былъ посломъ въ Турціи въ 1640 и 1641 годахъ и т. д. Реляціи этого рода чрезвычайно занимали Поляковъ: потому что если король и государственные мужи, искали въ нихъ свѣдѣній о политическомъ состояніи

описанныхъ государствъ и о расположеніи заграничныхъ дворовъ къ Польшѣ, то мелкая шляхта, узнавала изъ нихъ о иностранныхъ государствахъ, и всегда раздражительная въ дѣлѣ проявленія своего величія, такъ сказать контролировала своихъ пословъ, не оскорбили ль они чѣмъ-нибудь своего достоинства? не пропустили ль какой-нибудь мелочной формальности, на которой по понятіямъ того времени основывалась честь одного государства въ отношеніи къ другому. Если кабинетъ требовалъ отъ пословъ дипломатическаго искусства, шляхта требовала непремѣнно, чтобы они окружали себя роскошью, и не теряли, какъ говорили, фантазіи; изъ этого вытекали огромныя издержки, которыя не разъ охотно несли сами послы для блага отечества; изъ этого выходило множество предварительныхъ споровъ о формальностяхъ пріема, споровъ, которые не разъ запутывали успѣхъ самаго посольства.

Наконецъ намъ остается сказать еще о нѣсколькихъ автобіографіяхъ и запискахъ лицъ высшаго круга, которые занимали мѣсто, то въ избѣ сенаторовъ, то въ средѣ рыцарства, словомъ лицъ болѣе историческихъ. Нѣсколько остатковъ въ этомъ родѣ, какіе здѣсь будутъ разобраны нами, безъ сомнѣнія принадлежатъ къ драгоцѣннѣйшему наслѣдству нашему отъ временъ прошедшаго; потому что они проливаютъ свѣтъ то на политическія дѣла древнихъ эпохъ, то наконецъ на картину внутреннихъ дѣлъ и обычаевъ. Первымъ по времени памятникомъ этого рода, служитъ изданная К. П. Войцицкимъ *Этика или Изображеніе жизни Христофора Пѣнѣжка* (въ Библіотекѣ древнихъ польскихъ писателей) ротмистра и царедворца королей Стефана и Сигизмунда III, памятникъ, написанный имъ же самимъ въ старости, рукою утружденною дѣлами общественными. Отличительною чертою и можно сказать недостаткомъ этого

прекраснаго памятника служитъ обыкновенная слабость старца, страсть читать нравоученія, для удовлетворенія которой Пѣнѣжекъ охотно увлоняется отъ предмета своего занимательнаго разсказа; хотя съ другой стороны опять, насъ чрезвычайно плѣняютъ эти нравственныя правила жизни, почерпнутыя изъ собственнаго опыта и та прекрасная исповѣдь, которую мирно совершаетъ старикъ у предѣла своего поприща. Пѣнѣжекъ свою автобіографію раздѣляетъ на три эпохи: на *вѣкъ отроческій* (молодость), *вѣкъ зрѣлый* (юношество) и наконецъ на третью эпоху подъ названіемъ: *супружество*, гдѣ онъ какъ человѣкъ уже пожилой, воспоминая прошедшее, и обозначая путемъ труда и добродѣтели настоящія минуты, приготовляется къ святому будущему. Пройдемъ вмѣстѣ съ Пѣнѣжкомъ теченіе его жизни.

Смѣло, съ тѣмъ убѣжденіемъ совѣсти, какое даетъ человѣку увѣренность, что минуты жизни не пропали даромъ, Пѣнѣжекъ представляетъ свое прошедшее очамъ своихъ родичей, «и не скрываясь какъ обыкновенно дѣлаетъ скотъ «въ кустарникахъ ища себѣ пищи, но объясняя на каждомъ «пунктѣ свои дѣла, подобно тому, какъ на театрѣ, для поль«зы своей и блага людей» онъ разсказываетъ о первоначальномъ своемъ воспитаніи въ іезуитскихъ школахъ: здѣсь изъ устъ благодарнаго воспитанника мы съ удовольствіемъ слышимъ о доброй сторонѣ плана іезуитской инструкціи. И дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи Пѣнѣжекъ былъ правъ, что перораціи и диспутаціи у іезуитовъ могли поощрять охоту къ ученію, что въ комедіи какъ въ зеркалѣ юноша заблаговременно могъ видѣть пути человѣческой жизни, что книги и картины, которыя давали мальчикамъ въ подарокъ могли поощрять ихъ, а соревнованіе, которое возбуждали іезуиты между своими воспитанниками, возносить

не только быстрые, но и слабѣйшіе умы. Жаль, что остальныя черты воспитанія іезуитовъ выставлены не въ такомъ свѣтѣ; и хорошо впрочемъ, что Пѣнѣжекъ не рисовалъ своей картины въ болѣе обширныхъ размѣрахъ; еслибы онъ взялся оправдывать іезуитовъ, то это пришлось бы ему не легко; а въ такомъ видѣ его краткія выраженія плѣняютъ насъ своимъ благородствомъ. «При такихъ забавахъ быстро «проходило въ школахъ время: недѣля казалась часомъ, и «однако всякой разъ для мысли было что-то новое, а этимъ «долженъ былъ изощряться умъ. Въ праздники, если удава«лось одни пѣли, другіе занимались гимнастическими упражненіями, иные ѣздили верхомъ, а другіе для славы Божі«ей, принимали участіе въ Богослуженіи.» По происшествіи нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія у іезуитовъ, Пенѣжекъ возвратился подъ домашнюю кровлю, его призвали къ благословенію матери. Потомъ взятъ былъ къ нему въ домъ какой-то духовный наставникъ, но онъ получивъ два прихода «лучше желалъ быть хозяиномъ, чѣмъ заниматься «службою.» По удаленіи перваго, найденъ былъ ему другой наставникъ Николай Витовскій, человѣкъ умный и краснорѣчивый, но неимѣющій такта. Безъ надзора Пенѣжекъ гулялъ у себя дома. «Родители, прислуга, лошади, охота и «проч. вотъ что его занимало.» Въ Польшѣ, по удаленіи Генриха Валуа, продолжалось междуцарствіе; молодой Христофоръ, сопровождаемый своимъ наставниковъ Витовскимъ, отправился въ Краковъ на службу подъ знамена своего брата, Краковскаго подчашаго. Разгульную жизнь велъ Христофоръ въ Краковѣ! Витовскій окружилъ юношу веселыми собесѣдниками, утверждая, что это необходимо ему «для «пріобрѣтенія общительности.» Кухню снабдили всѣми припасами, погребъ самыми драгоцѣнными напитками. Послѣ обѣда веселая дружина забавлялась игрою въ карты, шашки

и кости «на нѣсколькихъ столахъ», какъ выражается Пѣнѣжекъ; иногда скакали верхомъ или горячо принимались за сабли и тесаки «такъ что иной лишался уха, руки, ноги, а иногда и головы.» Быстро истощалось отцовское состояніе. Витовскій обладалъ искусствомъ запасаться деньгами при помощи закладовъ и росписокъ. Любопытна здѣсь картина тогдашнихъ шулеровъ, какъ они играли, «выпрямляя карты, «складывая ихъ, заламывая, накладывая, подтасовывая и «подобными уловками кто какъ могъ идти наиболѣе дѣйстви«тельно. Если же въ шашки или кости, то ихъ лощили во«скомъ, напускали ртутью кости, или ихъ сравнивали.» Такъ протекла жизнь Пѣнѣжка до 24 лѣтъ. Веселый наставникъ, опасаясь чтобы на него не сложили вину разоренія отцовскаго состоянія, оставилъ его, поднося ему огромный счетъ на бумагѣ. «Я говорилъ, что писать не умѣю, но «тамъ есть черты расходовъ, а каждая черточка означаетъ «грошъ, каждый крестикъ 10 грошей, а каждый кружокъ— «злотый; считайте, вы умѣете писать, я писать не умѣю, и «въ бухгалтеры къ молокососамъ, вовсе не гожусь.» Расплатившись по этимъ безконечнымъ счетамъ, и не желая долѣе быть жертвою обмана, Пѣнѣжекъ окончилъ свое военное поприще и первую эпоху жизни, а другую эпоху: *юношество*, началъ при дворѣ короля Стефана. Подъ начальствомъ короля-героя, паредворецъ сдѣлался истиннымъ рыцаремъ и первое свое поприще началъ подъ Гданскомъ «исправностію, трезвостію и прилежаніемъ.» Немало нужно было усердія при дворѣ указанномъ выше: «каждый почти день, кромѣ воскресенья «надо было ѣздить на прогулки; то съ соба«ками, то съ соколами, то верхомъ, то пѣшкомъ, разли«ваться лавою для того, чтобы выгнать на плацъ звѣря.» Трудолюбивая жизнь была однако весела, не было зависти и злости при дворѣ Стефана, потому что «относительно

«была и награда», а заслуги государь цѣнилъ внимательнымъ взоромъ. Въ походѣ отъ Невеля къ Полоцку, Пѣнѣжекъ потерялъ свой драгоцѣнный багажъ и коней, за что король вознаградилъ его. Подъ Великими Луками онъ сдѣланъ поручикомъ, отличился подъ Темрукою, и далъ возможность отличиться своимъ товарищамъ. Изъ-подъ Великихъ Лукъ его послали на Волынь и Подолію. Пѣнѣжекъ сталъ лагеремъ въ Торчинѣ, а подъ Заславлемъ и въ Заторцахъ нанесъ Татарамъ жестокое пораженіе. Послѣ этого онъ ожидалъ щедрыхъ милостей Стефана Баторія, но въ это время король скончался. Былъ онъ потомъ на избраніи, какъ приверженецъ Сигизмунда III. Онъ первый принесъ вѣсть Аннѣ Ягелло о его избраніи, съ письмомъ къ королю отправился въ Швецію, и нашедши его въ Кольмарѣ, первый извѣстилъ его о пріятной новости. Вслѣдъ за тѣмъ получилъ чинъ придворнаго конюшаго, два староства, и сдѣлался ревностнымъ слугою королевскимъ. На коронацію онъ велъ военную свиту; но тутъ ему не повезло: на него напали приверженцы Максимиліана, отняли весь багажъ коней и прислугу; а когда пришлось ему вступить во владѣніе староствами, то оказалось, что сильные заговорщики уже подѣлились хлѣбомъ заслуженныхъ. Когда Пѣнѣжекъ явился съ жалобою, ему сказали: «Ты велъ государя, у него ищи и награды.» Не много обиженный Христофоръ цѣлыхъ нѣсколько страницъ своихъ записокъ посвящаетъ доказательству той мысли, что неудачная раздача староствъ, была первою причиною безпорядковъ. Между тѣмъ состояніе разстроенное военнымъ разгуломъ его юности, и потомъ обремененное долгами на издержки войны и придворной жизни, значительно уменьшилось; долги Христофора возросли. Должно быть кутилъ онъ порядкомъ, если дошло до того, что для уплаты долговъ, онъ продалъ

13 деревень; остальную часть, огромнаго видно состоянія, отнялъ у него судебнымъ коварствомъ какой то его другъ, «сладкій, какъ хрѣнъ», дошло почти до того, что на землѣ своихъ предковъ не было ему мѣста, гдѣ разсѣдлать своего коня. Пѣнѣжекъ хотѣлъ отправиться на островъ Мальту, гдѣ его братъ, будучи кавалеромъ ордена, имѣлъ вліяніе, но невинно замѣшанный въ дѣло о убійствѣ какого-то Кенпановскаго, онъ долженъ былъ остаться въ отечествѣ, и поселился въ маломъ остаткѣ изъ отцовскаго достоянія, женившись на Урсулѣ Лежинской. Эту послѣднюю часть своей жизни, какъ и прилично было польскому гражданину, провелъ онъ дома, въ мелкихъ услугахъ гражданскихъ и въ занятіи хозяйствомъ. Съ любовію онъ изображаетъ эти занятія. Умѣренный и постоянный «съ любо«вію къ человѣчеству, съ снисходительностію къ своимъ «подданнымъ и съ приличнымъ обращеніемъ съ ними, въ «трудѣ проводилъ онъ свою жизнь, какъ то: пахая и удо«бряя землю, искапывая пруды, разводя стада рогатаго ско«та и овецъ, какъ можно болѣе (на этомъ основывается «процвѣтаніе помѣстій); также исправляя хмѣльники, и «разводя пчельники.» И Богъ благословилъ его потомствомъ. Утомленный жизнію, на селѣ онъ находитъ цѣлительное отдохновеніе для души и тѣла. Отъ полноты сердца онъ восклицаетъ въ сельскомъ уединеніи: «Здѣсь уже не мучитъ «меня придворная пышность, страсти, и высокіе разсчеты «увеличить благосостояніе, уже не безпокоятъ меня ново«сти, получаемыя изъ другихъ государствъ, сонъ не пре«рывается жадною придворною завистію, ни замыслами для «униженія своего ближняго, а жизнь хозяйственная успо«коиваетъ всѣ эти людскіе недостатки, и гонитъ прочь всѣ «расчитанныя оскорбленія менѣе необходимыя для человѣка.» Такъ Пѣнѣжекъ приготовляясь къ смерти, въ селѣ Лясохо-

вѣ 1608 года написалъ свою автобіографію, посвящая ее милостивымъ государямъ рыцарскаго сословія (т. е. шляхтѣ). И это посвященіе вѣрно; потому что самъ онъ былъ лучшимъ представителемъ польскаго шляхтича того времени; въ немъ проявляются недостатки, и достоинства этого класса. По этой причинѣ мы съ большею подробностію разсмотрѣли здѣсь автобіографію Пѣнѣнжка, любопытную, но еще мало извѣстную, по причинѣ недавняго ея напечатанія.

Въ этомъ отдѣлѣ автобіографій и записокъ мы помѣщаемъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ сильнѣе выражается личность автора, а дѣла историческія стоятъ у насъ на второмъ планѣ. При такомъ устройствѣ общественности, какое имѣла прежняя Польша, трудно найти записки совсѣмъ отдѣленныя отъ историческаго интереса: потому что каждая самая незначительная личность принимала живое участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Записки, въ тѣсномъ смыслѣ историческія, мы разсмотримъ ниже, говоря о источникахъ вспомогательныхъ для исторіи, а здѣсь мы даемъ мѣсто предметамъ болѣе личнымъ. Итакъ слѣдуя теченію времени, мы относимъ къ слѣдующему отдѣлу вновь обнародованный мемуаръ Жолкѣвскаго, потому что всѣ слова и дѣянія великаго гетмана имѣютъ историческое значеніе. Болѣе прилично, хотя и то не совсѣмъ, дать здѣсь мѣсто *Дневнику Яныша Тышкевича* (Dyaryusz Janusza Tyszkiewicza), уполномоченнаго на сеймѣ 1625 г. для переговоровъ со Шведами. Этотъ дневникъ, обнародованный по рукописи Альбертранда Войцицкимъ *въ Библіотекѣ древнихъ писемъ Польши*, прямо относится къ памятникамъ частнымъ, составленнымъ изъ документовъ и писемъ. Авторъ начинаетъ его открытіемъ сейма, и тутъ же приводитъ окружное посланіе Сигизмунда III къ сословіямъ государства. Въ

слѣдъ за тѣмъ выписываетъ нѣкоторыя мѣста изъ конституціи, далѣе протестъ земскихъ пословъ Приступая наконецъ къ своимъ переговорамъ съ Шведами, опять приводитъ свои письма къ королю, къ Литовскому подканцлеру Санѣгѣ, къ Любенскому, коронному подканцлеру, и отвѣты этихъ лицъ. И опять письма и опять отвѣты, лишь только мѣстами описаніе тѣхъ побужденій, которыя вызвали эти письма. Естественно, что этотъ способъ веденія дневника самый подробный; но гдѣ дѣло не касается важныхъ интересовъ историческихъ, тамъ подобная переписка, утруждаетъ читателя, и предметъ теряется въ безконечномъ многословіи.

Въ другой формѣ, и потому болѣе занимательно, *Описаніе* тѣхъ же переговоровъ съ Шведами, составленное другимъ уполномоченнымъ, *Хелмскимъ епископомъ*, *Яковомъ Задзикомъ*; здѣсь видѣнъ добросовѣстный человѣкъ и вмѣстѣ искусный дипломатъ. Искусно и жарко отстаивалъ Задзикъ дѣло Сигизмунда III, смѣло срывалъ маску съ хитрыхъ поступковъ Карла Судерманскаго — логически заключая, что тѣ ущербы, которые король и государство понесли со стороны Шведовъ, требуютъ вознагражденія и удаленія шведскихъ войскъ изъ Польши. Попеременно приводя возраженія и отвѣты съ обоихъ сторонъ, Задзикъ до конца исчерпываетъ предметъ; жаль, что событіе, описанное съ такою подробностію, не имѣетъ большаго значенія въ исторіи, потому что переговоры эти, какъ извѣстно, кончились ни чѣмъ. Сигизмундъ удержалъ свои права, а потомокъ Карла Судерманскаго удержалъ за собою шведскій престолъ.

Прямѣе относится къ предмету настоящаго отдѣла, дневникъ Брестскаго воеводы Христофора Зѣновича о славныхъ спорахъ за Слуцкую княжну, которые происходили въ Вильнѣ между домами Радзивилловъ и Ходкѣвичей подъ заглавіемъ:

Трагедія или начало замѣтнаго упадка въ Литовскомъ княжествѣ (Tragedya albo początek upadku znacznego w Xięztwie Litewskiém). Зѣновичъ, одинъ изъ комиссаровъ присланныхъ королемъ для прекращенія этого соблазнительнаго дѣла, соединенный кровными узами съ Ходкѣвичами, и связанный единствомъ вѣры съ Радзивилломъ, показалъ свое искусство, какъ миротворецъ и какъ историкъ этого дѣла. Въ простомъ незатѣйливомъ описаніи умѣлъ онъ схватить характеристическія черты и гордости Радзивилловъ и постоянства Ходкѣвичей, въ нѣкоторыхъ даже чертахъ физіономію цѣлой Литвы, и отношенія другъ къ другу различныхъ вельможъ той или другой стороны. Одинъ изъ современныхъ писателей повѣстей, изъ содержанія трагедіи Зѣновича успѣлъ составить цѣлый историческій романъ, и нужно сознаться, что въ немъ лучше всего обрисованы тѣ характеры, которые начертаны по просту рукою Брестскаго воеводы.

Извѣстный Альбрехтъ Радзивиллъ, князь Олыцкій, канцлеръ Литовскаго княжества на латинскомъ языкѣ оставилъ намъ два чрезвычайно драгоцѣнные *Дневника* изъ эпохи царствованія троихъ государей изъ дома Вазовъ. Одинъ изъ нихъ, найденный въ Нѣсвижскомъ архивѣ, и переведенный на польскій языкъ г. Эдуардомъ Котлубаемъ, носитъ заглавіе: *Сокращеніе* (Epitome), очевидно болѣе обширнаго историческаго труда, который не дошелъ до насъ; онъ обнимаетъ собою царствованіе Сигизмунда III, съ которымъ Радзивиллъ жилъ въ тѣсной дружбѣ. Не имѣя физіономіи чисто исторической, онъ составляетъ прекрасный матеріалъ для исторіи. Хорошо, хотя и пристрастно изображаетъ онъ рокошъ и дѣйствующія въ немъ лица: Зебржидовскаго, Бернарда Мацеіовскаго и Януша Радзивилла. Война съ Россіею, а особенно пораженіе подъ Цекорою и Хотинская по-

бѣда описаны перомъ искуснымъ, хотя все-таки не много пристрастнымъ. Подробно описываетъ онъ покушеніе Пѣкарскаго на жизнь короля, чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Картину тогдашней Германіи, Франціи и Рима читатель въ этомъ дневникѣ найдетъ изображенною вѣрнѣе, чѣмъ въ подобномъ же сочиненіи изъ той же эпохи Якова Собѣскаго. Далѣе занимаясь шведскою войною, въ которой онъ вмѣстѣ съ королемъ принималъ личное участіе, и гдѣ для полученія извѣстнаго рода военныхъ выгодъ, неоднократно приказывалъ жечь свои собственныя села,—Радзивиллъ едва намѣкаетъ о позднѣйшихъ событіяхъ, нѣсколько страницъ посвящаетъ описанію смерти Сигизмунда III, при которой самъ находился. И здѣсь мы встрѣчаемъ множество подробностей, повидимому мелочныхъ, но вѣрно характеризующихъ лица и дѣйствія.

Какъ продолженіе предыдущаго, важенъ другой *Дневникъ* Радзивилла, изданный Эдуардомъ Рачинскимъ. Тамъ опять мы находимъ описаніе послѣднихъ минутъ Сигизмунда III, личность Урсулы Мейеринъ, Владислава IV, Цециліи Ренаты, смерть Владислава IV въ Меречѣ, лицо Яна Казиміра, краткое описаніе театровъ при дворѣ королевскомъ, забавное соперничество въ любви стараго канцлера съ его молодымъ племянникомъ Янушемъ Радзивилломъ, и множество другихъ не важныхъ но любопытныхъ обстоятельствъ. Царедворецъ, вовсе о томъ не думая, часто однако въ Дневникахъ своихъ пополнялъ то, на что едва намекали важные историки.

Злополучныя времена Яна Казиміра въ дневникахъ отразились лучше, чѣмъ въ тогдашней исторіи. Обзоръ ихъ начнемъ дневникомъ Стефана *Выджи*, Гнѣзненскаго архіепископа, который носитъ заглавіемъ: *Описаніе многихъ важныхъ событій, которыя происходили во время шведской войны*

ской войны въ Польскомъ королевствѣ отъ 1655 до 1660 г. (Opisanie wielu poważniejszych rzeczy, które się działy podczas wojny Szwedskiej w Królewstwie Polskiem od roku Panskiego 1655 do 1660) вновь изданныхъ К. В. Войцицкимъ. Авторъ занимающій важное политическое мѣсто и не чуждый таланта историческаго, предоставляя «лучше очиненному перу» историческое описаніе шведской войны, предполагаетъ себѣ изобразить дѣянія польской королевы Маріи Лудовики, дѣйствительно достойныя своего историка. Здѣсь мы видимъ Марію Лудовику въ Краковѣ, какъ она при первой вѣсти о вторженіи шведовъ, какъ прилично было христіанской героинѣ, возноситъ первую мысль свою къ небу, посѣщаетъ монастыри, раздаетъ милостыню бѣднымъ, молится, заботится о укрѣпленіи города, снабженіи его припасами, окружаетъ себя сенаторами. Послѣ пораженія подъ Опочномъ, будучи принуждена удалиться въ Силезію, полная мужества и вѣры въ Провидѣніе, она продаетъ, закладываетъ свои бриллианты, щедрою рукою сыплетъ деньги войску, шлетъ подарки Хану татарскому. Высокую черту въ характерѣ королевы открываетъ авторъ въ то мгновеніе, когда присланный отъ сената воевода Познанскій, Янъ Лещинскій, вѣжливо, окольными путями донесъ ей, что единственнымъ средствомъ къ спасенію отечества, можетъ быть только отреченіе Яна Казиміра отъ польской короны. «Король всѣми оставленъ, выгнанъ изъ польскихъ предѣ«ловъ, войска поступили въ службу чужимъ, воеводства въ «рукахъ непріятеля, сердца и умы сыновъ коронныхъ раз«рознены, помощь отовсюду и нескора и невѣрна и едва ли «возможна. Разсказавъ это обширно и важно (Лещинскій) «не могъ дѣлать выводовъ, потому что скорбь и стыдъ ему «этого не дозволили; ему нужно было покраснѣть при выво«дѣ столь непріятнаго слѣдствія, которое могло бы возму-

«тить, разсердить иной умъ и душу. Но королева приготовивъ свое сердце ко всѣмъ ударамъ судьбы, показывала «видъ веселый, благосклонный, довѣрчивый, склонный къ «предложеніямъ всякаго рода, дала знакъ, ему чтобы онъ «окончилъ, и показала, что ничто не можетъ ни оскорбить ни испугать ея.» Выслушавъ роковое извѣстіе она сказала: что король не побоится никакой жертвы въ пользу отечества, но прибавила, что *нѣтъ ничего подъ солнцемъ столь трудна́го до чего бы не могли дойти согласіе и отвага.*

И она рѣшилась вводить согласіе и слабая женщина— дать собою образецъ мужества доблестному рыцарству. Ея вліянію авторъ приписываетъ возвращеніе большей части войскъ подъ знамена законнаго монарха, и скорое возвращеніе Яна Казиміра, которое оживило унылыя сердца.—«По «просту, говоритъ Выджга, это прибытіе было какимъ-то ду«хомъ, который оживилъ войска, потому что соединилъ и «лица, и сердца и совѣты.» А королева усердно дѣйствуетъ въ Силезіи: то она укрѣпляетъ бѣглую шляхту, то переговаривается съ шведскими военачальниками и возвращаетъ нѣсколько занятыхъ ими городовъ, то посылаетъ дары въ Ченстохово, и окончательно преклоняетъ Крымскихъ Татаръ на сторону Польши. Возвращается въ отечество, на пути подъ Хойницами получаетъ вѣсть о томъ, что Шведы уже не далеко; Чарнецкій, сопуствовавшій ей, спѣшитъ ее успокоить, но неустрашимая женщина говоритъ: «Вы поѣз«жайте съ Божіимъ благословеніемъ, и будьте увѣрены, что «мы не легко сдадимся, я буду васъ ждать.»

Выджга беретъ сторону королевы, что она лучше трактатами желала обязать Ракоцаго къ удаленію изъ Польши, чѣмъ видѣть его изгнаннымъ силою оружія, потомъ, какъ на примѣръ ея любви къ отечеству, указываетъ на добровольное согласіе отдать въ залогъ Австріи соляныя ко-

пи, съ которыхъ доходы шли на содержаніе королевскаго стола; наконецъ въ доказательство ея политической дальновидности приводитъ то обстоятельство, что она не хотѣла согласиться на удаленіе изъ Варшавы французскаго посла, хотя Франція, помогая Шведамъ, явно обнаруживала свою непріязнь къ Польшѣ. Поистинѣ! потомство отдавая справедливость женской доблести королевы Маріи Лудовики, не можетъ признать вѣрными и безпристрастными ея дипломатическія виды. Переговоры о мирѣ съ Шведами и императоромъ и новыя похвалы королевѣ оканчиваютъ Дневникъ Выджги.

Еще лучше, чѣмъ въ этомъ памятникѣ, необыкновенный характеръ супруги Яна Казиміра изображается въ ея *Письмахъ къ госпожѣ de Choisy*, которые отысканы г. Granier de la Marinière, а Ал. гр. Пржездѣцкимъ переведены съ французскаго на польскій языкъ. Это одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, оставшихся отъ временъ покоренія Варшавы Шведами 1656 г., написанный съ достовѣрностію однимъ изъ героевъ этого достопамятнаго событія (Варшавская Библіотека 1851 г.). Разсмотримъ эти письма, обращая вниманіе на историческую личность сочинительницы.

Отъ 22 марта, писавши изъ Глогова въ Силезіи, Марія Лудовика своею женскою проницательностію угадываетъ, что Ракоцый станетъ дѣйствовать за одно со Шведами, инстинктивно боится Хмѣльницкаго, съ дипломатическою опытностію описываетъ состояніе воюющихъ державъ, исчисляетъ войска и ихъ положенія съ вѣрностію военачальника, и при этихъ важныхъ предметахъ, находитъ еще время вспомнить о томъ какъ танцовалъ Замойскій въ королевскихъ палатахъ Парижа, доносить о его любви къ малюткѣ d'Arguien (будущей польской королевѣ Маріи Казимірѣ), ходатайствовать о какомъ-то поручикѣ французской коро-

левской гвардіи. Хладнокровно, естественно, какъ будто о какомъ-нибудь пиршествѣ разсказываетъ она объ осадѣ Варшавы, какъ смотрѣла она на пушечные выстрѣлы, какъ пушка наведенная ею не мало причиняла вреда въ рядахъ непріятельскихъ; разсказываетъ цѣлый планъ битвы безъ преувеличеннаго геройства, безъ страха, съ однимъ только гнѣвомъ, потому что думала она, что война сейчасъ кончится, такъ она *начала уже наскучать ей*. Какая возвышенность въ характерѣ, степенность въ поступкахъ и вмѣстѣ сколько пустоты! Сознавая цѣну всего того, что сдѣлала она для Польши, Марія дорожитъ своею популярностію, съ гордостію доноситъ о всѣхъ признакахъ того сочувствія, съ какими ее встрѣчаютъ, прекрасно изображаетъ воинственный характеръ Поляковъ и даже пускается въ стратегическія тонкости, что дивно идетъ къ лицу этой единственной женщины.

Разсмотримъ теперь записки другаго героя этого грустнаго, но вмѣстѣ великаго времени. Противопоставимъ личности доблестной женщины личность героя монаха, съ молитвою на устахъ, съ вѣрою въ сердцѣ, съ огнемъ въ глазахъ, держащаго въ рукѣ зажженный фитиль. Разсмотримъ дивныя записки священника Августина Кордецкаго подъ заглавіемъ: *Новая война гигантовъ противъ св. иконы Пречистой Дѣвы, писанной св. Лукою и помѣщенной на Ченстоховской горѣ* (Nova gigantomachia contra Sacram Imaginem Deiparae Virginis a S. Luca depietam et in Monte—Claro Czenstochoviensi... collocatam etc. Краковъ 1655 г.). Авторъ, проникнутый духомъ Божіимъ, разсказывая о чудесномъ отраженіи десяти тысячъ Шведовъ отъ слабо защищаемыхъ стѣнъ Ченстохова горстію монаховъ и испуганной шляхты—не выставляетъ себя на первомъ планѣ описанія, хотя это мѣсто собственно ему принадлежало. Въ тѣни, которой по скромности онъ закры-

вается, мы замѣчаемъ его однако, и съ удивленіемъ спрашиваемъ, какъ далась этому человѣку посѣдѣвшему въ сѣнахъ монастырскихъ, такая опытность воинская? это искуство въ переговорахъ со Шведами? эта вѣра въ спасеніе священнаго мѣста, невозможное по всѣмъ человѣческимъ разсчетамъ? Простотою и вѣрою дышитъ Гигантомахія Кордецкаго, тою именно, которою отличались всѣ его дѣйствія въ Ченстоховѣ, какъ укрѣплялъ онъ духъ монаховъ и шляхты, когда съ полною самоувѣренностію договаривался со Шведами, когда на молитвѣ воздѣвалъ къ небу дрожащія руки. Съ простотою и хладнокровіемъ руководилъ онъ великимъ дѣломъ, просто и хладнокровно изображаетъ онъ въ своихъ запискахъ день за днемъ, событіе за событіемъ, подобно древнему лѣтописцу, который разсказываетъ о вещахъ давноминувшихъ, о дѣяніяхъ, которыя повидимому извѣстны ему только по преданію, а не по личному удостовѣренію. Каждая страница этихъ записокъ, какъ будто запечатлѣна стихомъ Псалмопѣвца: «Не намъ, не намъ Господи дай славу, но имени твоему.»

Нужно ли намъ разсказывать содержаніе Гигантомахіи? Кому не знакома прекрасная повѣсть Крашевскаго подъ заглавіемъ *Кордецкій*, и разборъ Гигантомахіи, составленный тѣмъ же авторомъ (Athenaeum 1847 г. Т. I.).

Оставимъ войны и великія историческія лица, и бросимъ взглядъ на мирную шляхту, на грубое лицо шляхтича того времени, разсмотримъ небольшія польскія записки, извѣстныя подъ заглавіемъ: *Лѣтописецъ или хроника различныхъ дѣлъ, событій давнихъ, и современныхъ моей жизни въ этой юдоли плача, Іоахима Ерлича* (Latopisiec, albo kroniczka rożnych spraw i dziejow dawnych i teraz niejszych z wieku i życia mego na tym padole płaczu) отъ 1620 до 1673 г., которыя въ новѣйшее время изда-

ны К. В. Войцицкимъ (С.-Петербургъ 1853 г.). Эти записки содержатъ въ себѣ реляцію о родѣ автора, о немъ самомъ и о современныхъ ему событіяхъ въ Польшѣ или лучше на Украйнѣ, въ его отечествѣ. Военную службу началъ онъ на 17 г. жизни, подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго, во время несчастнаго перемирія, которое послѣдній заключилъ съ Турками подъ Бушею, потомъ Ерличъ переписывалъ русскія дипломы въ Канцеляріи меньшей печати, подъ руководствомъ подканцлера Андрея Липскаго, въ слѣдъ за тѣмъ снова вступаетъ въ военную службу; подъ Хотиномъ раненный въ ногу, послѣ краткаго путешествія, поселяется наконецъ въ Ходорковѣ на Руси, женится, два раза теряетъ все свое состояніе отъ грабежа, еще разъ пробуетъ воинскаго счастія подъ знаменемъ Чарнецкаго, присутствуетъ при его кончинѣ, въ слѣдъ за тѣмъ переживъ двѣ жены и нѣсколько дѣтей, отправляется въ Кіевопечерскую лавру на богомолье, и тамъ пишетъ свои записки. Не много передаетъ онъ свѣдѣній о Хотинской войнѣ, болѣе за то свѣта проливаетъ на царствованіе Владислава IV, и на его намѣренія ударить на Турокъ для освобожденія Греціи—любимая мысль тогдашней дипломатіи, чему доказательствомъ служатъ оды Сарбѣвскаго. Но наиболѣе подробно говоритъ онъ о войнахъ съ казачествомъ, и неудивительно, потому что лучше другихъ зналъ ихъ, самъ былъ ихъ жертвою, и связанный съ Украйною греческимъ исповѣданіемъ, польскій шляхтичъ родомъ, онъ наилучше могъ понимать духъ обоихъ народностей, ихъ понятій и потребностей. Впрочемъ въ запискахъ Ерлича, мы находимъ нѣсколько чертъ характеризующихъ историческія лица Конецпольскаго, Чарнецкаго, Хмѣльницкаго, Радзѣіовскаго и Яна Казиміра, къ которому онъ очевидно неблаговолитъ, называя его *Kazipokoj* (нарушителемъ спокойствія). Въ нихъ замѣчены также годы

мора, голода, сарапчи и кончины знаменитѣйшихъ мужей отечества и т. д.; также стишки и пасквили, которые ходили по рукамъ, какъ напримѣръ русскую пѣсню о Николаѣ Потоцкомъ, *Отче нашъ* къ Яну Казиміру, стихотвореніе на смерть Гонсѣвскаго и т. д. Словомъ, дѣписатель послѣдняго изъ дома Вазовъ найдетъ у Ерлича не одну любопытную подробность; его записки, какъ ни сухо они написаны, достойны однакоже вниманія отечественнаго историка, какъ выраженіе взглядовъ и мнѣній тогдашней Украинской шляхты, типомъ которой можно назвать Ерлича.

Вѣнцомъ записокъ не только въ эпохѣ Вазовъ, но и во всей нашей Литературѣ служатъ *Записки Паска*. Авторъ ихъ подобно Ерличу былъ простой шляхтичъ, жилъ въ одно время съ Ерличемъ, также какъ послѣдній попросту записывалъ тѣ предметы, которые видѣлъ, въ которыхъ принималъ участіе, и записки Паска подобно запискамъ Ерлича, принадлежатъ въ половину эпохѣ Вазовъ и эпохѣ королей избирательныхъ. Онъ былъ простымъ рыцаремъ Польши, жизнь его легко представить въ немногихъ чертахъ: подъ предводительствомъ Чарнецкаго сражался онъ противъ Ракоцаго и Шведовъ, неразлучно почти отъ своего полководца, дѣлилъ съ нимъ счастіе и несчастіе. Былъ въ Даніи. Подъ конецъ правленія Яна Казиміра жилъ въ деревнѣ Равскаго воеводства, исполняя должность уѣзднаго коморника, ѣздилъ на сеймы, два раза былъ предводителемъ дворянства на Равскихъ сеймахъ, пользовался любовію и уваженіемъ Яна Казиміра и Яна III—вотъ и все содержаніе его жизни. Но когда онъ самъ станетъ разсказывать о себѣ, мы испытываемъ дивное очарованіе; потому что воинъ, царедворецъ, человѣкъ бывалый и полный фантазіи, какъ самъ онъ о себѣ говоритъ, человѣкъ обходительный, умѣющій разсказывать свои приключенія. Нѣтъ у него притязанія на

ученость и нравоученія, какъ у Прокопа Пѣнѣжка, нѣтъ сухихъ описаній, какъ у Ерлича, видно только, что у него, хотя не искусное перо управляло языкомъ, разсказъ его простъ, живъ, нагляденъ, чудно передаетъ колоритъ своего вѣка и состоянія. Описываетъ ли онъ Данію и свои въ ней приключенія, или обозные пирушки, онъ въ нѣсколькихъ словахъ обрисовываетъ характеръ какого-нибудь воина, своего сослуживца, или картину какой-нибудь битвы, осады, или свои любовныя похожденія, или разговоръ съ королемъ, все это у него такъ естественно, такъ правдоподобно, какъ будто бы самъ видишь, не только все то, что онъ разсказываетъ, но и самый ходъ событія. Записки Паска полны жизни, дѣйствуютъ на воображеніе, переносятъ насъ въ тѣ времена, въ кругъ тогдашнихъ шляхтичей, мужественныхъ, шумныхъ, своевольныхъ, благочестивыхъ, любящихъ пирушки, душею преданныхъ отечеству. Этотъ несравненный тонъ разсказа былъ поводомъ къ тому, что долго послѣ изданія записокъ Паска, ихъ считали искусственнымъ подложнымъ изображеніемъ временъ Яна Казиміра; даже М. Вишневскій, необыкновенный знатокъ характера древней нашей литературы раздѣлялъ это мнѣніе, но теперь истинность ихъ неподлежитъ болѣе сомнѣнію. Одинъ ихъ списокъ найденъ былъ въ Познани, а другой въ С.-Петербургѣ, и публика могла убѣдиться, что они появились не въ наше время, но составляютъ дѣйствительный памятникъ временъ прошедшихъ. Поистинѣ, тотъ, кто бы теперь могъ написать что-нибудь подобное, долженъ былъ бы гордиться своимъ трудомъ, а не скрывать его. Къ чему мистифировать современниковъ? Мы признали бы несомнѣнность записокъ Паска, еслибы даже нѣкоторый отъ нихъ духъ древности не говорилъ въ ихъ пользу. [1]

[1] Теперь сдѣлано новое изданіе этой книги съ картинами гравированными тѣмъ же издателемъ.

Вотъ и все о запискахъ. Къ роду легкой литературы принадлежатъ еще *Романы и Повѣсти;* въ эпоху Ягеллоновъ мы указали нѣсколько произведеній, которые при обманѣ нѣкотораго рода могутъ носить это имя. Въ настоящую эпоху мы должны ограничиться краткимъ перечисленіемъ нѣсколькихъ произведеній этого рода: *Исторія о Магеллонѣ и Фортунатѣ*, написанная стихами или переведенная Андреемъ Дембовскимъ (Краковъ 1586 г.), была сигналомъ къ перенесенію на нашу почву западнаго рыцарскаго романа. Трудъ этотъ не имѣлъ большаго успѣха и не вызвалъ себѣ множества подражателей. Тотъ же Дембовскій перевелъ два другіе романа, какъ-то: *Исторію о греческомъ королѣ*, и *Измунду*. По наслышкѣ знаемъ объ *Исторіи о безобразной вдовѣ*, и о другой исторіи подъ заглавіемъ: *Бересоля*. Произведенія того же рода чисто вымышленныя (какъ напр. *Исторія о разрушеніи Трои*, изд. до 1589 г.) или религіозныя, какъ *Исторія о Юдиѳи, вдовѣ добродѣтельной* 1641 г., всегда однако запечатлѣны нравственною мыслію, хотя не имѣли еще и понятія объ изображеніи характеровъ въ повѣстяхъ. Къ романамъ мы причисляемъ еще (по недостатку другаго для нихъ мѣста) два страшно-фантастическія произведенія. Переводъ нѣмецкой книги *Eulenspiegel* (Зеркало совы) извѣстной подъ заглавіемъ: *Забавнаго и смѣшнаго пострѣла* (Sowizrzał krotofilny i smieszny), въ немъ описаны различные продѣлки и фарсы героя. *Странствованіе Мацька изъ Ходавки, сына Курпета, брата Навлока, которое описалъ Копера на лошадиномъ пергаментѣ.* (Peregrynacya Mackowa z Chodawki Kurpetowego syna, a Nawlokowego brata, którą opisał Kopera na kobylim pargaminie); здѣсь богатырь обходитъ дивныя страны, гдѣ мосты построены изъ паутины, ворота изъ голеней комарей, подъемные мосты изъ творога,